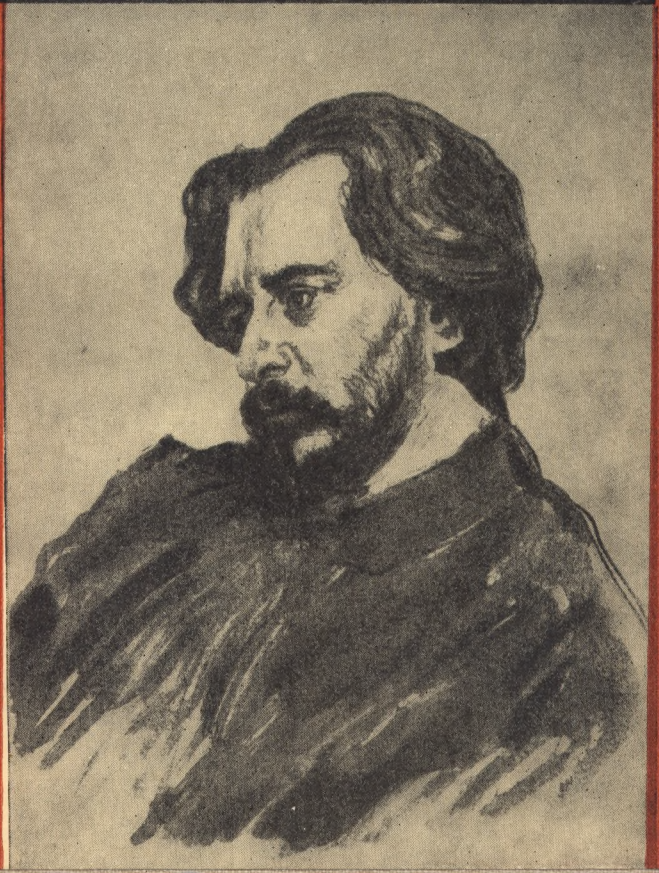
Литературное наследство

ГОРЬКИЙ и ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА



«ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ. НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА»

Первую половину настоящего тома составляет неизданная и содержащая более 180 писем переписка Горького и Леонида Андреева. По своей яркости и содержательности эта переписка занимает важное место в эпистолярном наследии каждого. Она раскрывает историю многолетних отношений писателей, сначала бывших литературными соратниками, а затем оказавшихся в разных лагерях, и помогает понять почему эта дружба закончилась разрывом.

Переписка, в которой обсуждаются важные общественные и эстетические вопросы, дает ключ к раскрытию сложных процессов, происходивших в русской литературе начала века, вводит читателя в напряженную атмосферу предреволюционных лет.

Вторую половину тома составляют разделы: «Горький об Андрееве», «Андреев о Горьком» и «Воспоминания о Горьком и Андрееве». Здесь собраны, в частности, все существенные упоминания писателей друг о друге в письмах к третьим лицам. В эти разделы входят также замечательные воспоминания Горького об Андрееве, предисловие Горького к роману Андреева «Сашка Жегулев» (текст его был опубликован на английском языке, а подлинный горьковский текст оставался неизвестным), а также затерянные в периодической печати статьи Андреева о Горьком.

Публикуемые тексты сопровождаются обстоятельными комментариями.

Переписка Горького и Андреева — волнующий человеческий документ, раскрывающий полную драматизма историю дружбы двух выдающихся литераторов начала XX столетия.

В книге 150 иллюстраций и вклейка (значительная их часть воспроизводит не публиковавшиеся ранее иконографические и документальные материалы).

Книгу можно приобрести в магазинах: Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5. Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

Цена книги 3 руб.

ГОРЬКИЙ
И
ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

РЕДАКЦИЯ
И. И. АНИСИМОВ (ГЛАВ. РЕД.), Д. Д. БЛАГОЙ,
А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ,
Н. А. ТРИФОНОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 5

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 5

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГОРЬКИЙ И АНДРЕЕВ
Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г.
Музей Горького, Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Через три года весь мир, все цивилизованное человечество будет отмечать столетие со дня рождения Алексея Максимовича Горького.

В связи с этим предстоит, в частности, немалый труд по выявлению еще неразысканных рукописей произведений и писем великого писателя, а также по публикации материалов уже найденных, но еще не появлявшихся в печати.

Редакция «Литературного наследства» считает одной из своих задач на ближайшие годы активное участие в этом деле. Выпущенный два года назад 70-й том нашего издания, носящий название «Горький и советские писатели. Неизданная переписка», тепло встреченный литературной общественностью и получивший высокую оценку в печати, вместе с настоящим 72-м томом — «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка» — мы рассматриваем как начало нашей углубленной работы по разысканию и публикации новонайденных материалов из эпистолярного наследия Горького. На примере этих томов «Литературного наследства» ясно видно, как много первоклассных неизданных материалов по Горькому еще имеется, как много еще можно найти. Так, в 70-м томе напечатано 262 письма самого Горького и 291 письмо, адресованное ему, а в настоящем томе — 106 писем Горького и 75 ответных, то есть свыше 730 писем Горького и к Горькому, из которых лишь единичные печатались ранее.

Первую половину данного тома занимают все письма Горького и Андреева друг к другу, обнаруженные в настоящее время из числа тех, которыми они обменивались с 1899 по 1916 г. Разыскать эти письма было нелегко, так как они оказались распыленными по ряду мест хранения, причем искать их пришлось не только в архивных фондах и частных собраниях нашей страны, но и за рубежом — в США и Швейцарии.

По своей яркости, содержательности и большому историко-литературному значению переписка Горького и Леонида Андреева занимает одно из первых мест в эпистолярном наследии каждого из них. К тому же следует помнить, что Горький никогда не переставал считать Андреева «человеком редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественным в своих поисках истины» и утверждал: «... в истории русской литературы за ним навсегда останется место одного из оригинальнейших художников». Андреев же не раз заявлял в печати, что Горький был «единственным» из числа «больших наших писателей», оказавшим «сильное влияние» на него как писателя. И далее Андреев говорил: «Ему я обязан бесконечно в смысле прояснения моего писательского мировоззрения. Никогда до бесед с ним я не смотрел так серьезно на свой труд и свой дар. Он первый заговорил о такой для меня сомнительной вещи, как мой талант, о моей ответственности перед этим талантом и т. д. Он первый научил меня уважать высоту писательства». Отмечая в своей автобиографии, что Горький «*первый* обратил серьезное внимание» на его беллетристику и «в течение многих лет оказывал» ему «неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом», Андреев продолжал: «В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем». Наконец, в полной мере понимал Андреев и великую роль Горького, как наставника, вдохновителя и руководителя передовых литературных сил России. Недаром в одном из позднейших писем, адресованных Горькому, Андреев утверждал: «Другого человека, писателя, который мог бы привести молодую литературу к революционному единству — кроме тебя, я не вижу» (см. ниже, стр. 315).

Ценность публикуемой переписки Горького и Леонида Андреева в том, что она раскрывает историю многолетних отношений писателей, сначала бывших литературными соратниками, а затем оказавшихся в разных лагерях, и помогает понять, почему

эта дружба закончилась разрывом. Переписка Горького и Андреева — волнующий человеческий документ, без которого невозможно было бы представить полную драматизма историю их отношений. К тому же в этой переписке затронуты важные общественные и эстетические вопросы, она дает ключ к раскрытию сложных процессов, происходивших в русской литературе начала века, вводит читателя в напряженную атмосферу предреволюционных лет. История отношений Горького и Андреева заключает в себе глубокий поучительный смысл, показывая, какую силу придают таланту писателя передовое мировоззрение и верность реализму и в какой трагический тупик заводят его стремление быть «абсолютно свободным», «независимым» от всех идейных течений и политических лагерей и попытка примирить в своем творчестве непримиримое — реализм и модернизм.

После смерти Андреева в 1919 г. в Финляндии огромным архивом писателя владела его вторая жена — Анна Ильинична. Здесь и находились все сохраненные Андреевым письма Горького к нему. Сколько их было всего — мы сейчас не знаем. Но часть — по-видимому, наиболее значительную — этих писем Анна Ильинична передала своему сыну Валентину Леонидовичу, жившему во Франции. Возможно, что некоторые письма находятся в той части бумаг Андреева, которая перешла к Савве Леонидовичу, другому сыну Анны Ильиничны, поселившемуся в Аргентине. (Анна Ильинична скончалась в 1948 г. в США.) Девяносто три письма Горького к Андрееву, из числа хранившихся у Валентина Леонидовича, приобрел Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Кроме того, десять писем Горького Валентин Леонидович передал своему старшему брату по отцу — Вадиму Леонидовичу, живущему в Швейцарии. Эти сто три письма Горького к Андрееву, фотографии которых И. С. Зильберштейн получил от нынешних владельцев автографов, легли в основу печатающейся здесь переписки (находящиеся у Вадима Леонидовича десять писем — № 4, 16, 36, 45, 60, 70, 80, 86, 116 и 147 нашей публикации). Два письма Горького к Андрееву (№ 137 и 180) оказались в Архиве А. М. Горького. А неизвестная в подлиннике телеграмма Горького к Андрееву (№ 15) извлечена из статьи Лоренцо «Леонид Андреев» в газете «Утро России», 1913, № 79, 5 апреля.

В печатаемой переписке имеются прямые свидетельства о том, что существовало еще не менее десяти писем Горького к Андрееву. Но их было безусловно больше. Где они хранятся сейчас — пока неизвестно. Но, повторяем, весьма возможно, что некоторые из недостающих писем Горького находятся в Аргентине — у Саввы Леонидовича.

Намного печальнее судьба писем Андреева к Горькому. Имеющиеся в настоящее время семьдесят пять номеров — это едва ли две трети писем Андреева. В Архив А. М. Горького, куда, по постановлению Советского правительства, были переданы разрозненные части бумаг писателя, оказавшихся в различных государственных хранилищах, всего в общей сложности поступило шестьдесят семь писем Андреева к Горькому. Сам Алексей Максимович некоторое количество адресованных ему писем Андреева раздарил исследователям, журналистам и, по-видимому, собирателям автографов. Так, еще в 1931 г. И. С. Зильберштейн обнаружил в коллекции ленинградского журналиста Н. Н. Пенчковского большую связку писем видных литераторов к Горькому, полученную собирателем в подарок от Алексея Максимовича, и в их числе оказались два содержательнейших письма Андреева. Они были опубликованы в 1932 г. во втором томе «Литературного наследства» со вступительной статьей А. В. Луначарского. Нынешнее местонахождение автографов этих двух писем Андреева к Горькому неизвестно, так как Н. Н. Пенчковский скончался в годы блокады Ленинграда, а его коллекция, видимо, погибла. В настоящий том включены эти письма (№ 155 и 157). Три письма Андреева Горький подарил И. А. Груздеву, которому так и не привелось их напечатать. Они включены в публикуемую переписку (№ 135,141 и 143). Наконец, ознакомиться с содержанием трех писем Андреева к Горькому, не дошедших в автографах, мы имеем возможность потому, что они подверглись перлюстрации в Департаменте полиции; по перлюстрированным копиям, сохранившимся в делах Московского охранного отделения, мы и приводим тексты этих писем (№ 21, 23 и 46).

А вот сведения об утраченных письмах Андреева к тому же корреспонденту. Несколько из них Горький сжег. В конце 1913 г., поделившись с Горьким впечат-

лением от «прелюбопытного» письма Андреева, А. В. Амфитеатров получил такой ответ Алексея Максимовича: «...Андреев — человек прежде всего чрезвычайно талантливый и потому очень легко может написать „искреннее" и „экспансивное" письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонида — да не запутается в противоречиях непримиримых оный биограф». Часть писем Андреева к Горькому безусловно затерялась. Из печатаемой переписки можно извлечь сведения о полученных Горьким двадцати с лишним письмах Андреева, ныне неизвестных, но не все они, конечно, попали в число сожженных. С сожалением приходится констатировать, что еще в 1920 г., когда Горький работал в Петрограде над воспоминаниями о покойном писателе, он держал в руках и цитировал письма Андреева, сейчас остающиеся неведомыми (см., например, ниже на стр. 387).

Переписка Горького и Андреева, собранная в этом томе, за немногими исключениями, публикуется впервые. Всего лишь пять писем Алексея Максимовича к Андрееву по неполным черновикам, сохранившимся в бумагах Горького, напечатал в неисправном виде В. А. Десницкий — в изд.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. I. Л., 1934. Отрывки из неизданных писем Горького к Андрееву приведены: в кн. И. С. Зильберштейна «Репин и Горький». М., 1944; в его же публикации в «Литературной газете», 1957, № 73, 18 июня; в кн. А. И. Овчаренко «Публицистика М. Горького». М., 1961, стр. 144, 145, 147. Изданные письма Андреева к Горькому исчерпываются (кроме указанных двух в «Литературном наследстве», т. 2) десятью письмами, весьма неточно приведенными В. А. Десницким.

Вторую половину настоящего тома составляют разделы: «Горький об Андрееве», «Андреев о Горьком» и «Воспоминания о Горьком и Андрееве». Для этих разделов было просмотрено множество — в том числе весьма редких — печатных изданий, и впервые выявлены и использованы интереснейшие неизданные материалы. Их поиски производились во многих архивохранилищах нашей страны.

Наиболее существенные из этих материалов были предоставлены Архивом А. М. Горького при Институте мировой литературы АН СССР (неизданные письма Горького с упоминаниями об Андрееве и неизданные письма Андреева с упоминаниями о Горьком). К значительным результатам наши поиски привели после того, как в Москве были обследованы: Центральный государственный архив Октябрьской революции (фонды б. Русского заграничного исторического архива, ранее находившегося в Праге, Департамента полиции, Охранного отделения), Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архив и Музей А. М. Горького при Институте мировой литературы АН СССР (в состав Музея входит личная библиотека писателя), Отдел рукописей того же Института, Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, архивы Музея МХАТа, Всероссийского театрального общества, Государственного театрального музея имени А. А. Бахрушина, Музея революции СССР, Московский областной архив, Государственный литературный музей. В Ленинграде поиски велись в следующих архивохранилищах: Институт русской литературы АН СССР, Центральный государственный исторический архив, Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Театральная библиотека, Отдел рукописей Государственного Русского музея. Наконец, в том включены документы и иллюстрации, которые предоставили для «Литературного наследства» Вадим Леонидович Андреев, Валентин Леонидович Андреев, Т. К. Груздева, И. С. Зильберштейн, Е. П. Пешкова и К. П. Пушешникова. Благодаря всему здесь перечисленному мы получили возможность обогатить том многими никогда не появлявшимися в печати ценными документальными и иллюстративными материалами. Тем самым его выход явится, в частности, важной вехой в изучении творческого пути и биографии Леонида Андреева,— а ведь это изучение, по существу, еще только начинается.

Раздел «Горький об Андрееве» состоит из трех частей. Это прежде всего его замечательные воспоминания об Андрееве — яркое произведение зрелых лет творческой деятельности Горького, которое расценивается как одна из самых высоких вершин русского мемуарного искусства. Этим своим творением Алексей Максимович особенно дорожил, но оно оказалось невключенным в 30-томное собрание сочинений писателя.

Отсутствует там и его предисловие к американскому изданию романа Андреева «Сашка Жегулев», впервые публикуемое в настоящем томе на русском языке по автографу. Весьма содержательна третья часть этого раздела — подборка «Из писем и статей Горького». Здесь читатель найдет его высказывания об Андрееве, содержащиеся не только в изданных, но и в неопубликованных письмах Горького с 1898 по 1935 г. Всего таких высказываний удалось обнаружить около ста пятидесяти (некоторые приводятся в комментариях), значительная часть их извлечена из неизданных писем Горького к А. Н. Алексину, А. В. Амфитеатрову, А. И. Андреевой-Денисевич, М. Ф. Андреевой, А. З. Безвестному, М. Д. Беляеву, С. П. Боголюбову, М. К. Иорданской, Н. С. Каржанскому, А. В. Луначарскому, Е. К. Малиновской, Е. П. Пешковой, Н. А. Румянцеву, Е. А. Соловьеву (Андреевичу), и из напечатанных за границей писем Горького к Вильгельму Фельдману и В. М. Ходасевичу.

Следующий раздел, озаглавленный «Андреев о Горьком», объединяет две части: «Из статей Андреева» и «Из писем, автобиографий и интервью Андреева». В первой части приводятся шесть затерянных в периодической печати и ни разу не переиздававшихся статей Андреева. Пять из них были написаны в 1900—1902 гг., в период самых дружеских отношений писателей. Наиболее интересна рецензия о постановке «Мещан» в Московском Художественном театре, напечатанная в 1902 г. в газете «Курьер» со значительными цензурными изъятиями; она впервые публикуется по цензурным гранкам, разысканным в фонде Главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел (ЦГИА в Ленинграде). Последняя статья Андреева относится к тому периоду, когда дружба с Горьким оказалась «разрушенной». Во второй части этого раздела приводится свыше ста тридцати высказываний о Горьком, извлеченных из автобиографий, интервью и писем Андреева за период с 1899 по 1916 г., в том числе из его неизданных писем к А. В. Амфитеатрову, А. Н. Андрееву, Ф. Д. Батюшкову, И. А. Белоусову, И. А. Бунину, А. А. Измайлову, В. В. Каллашу, А. А. Кипену, В. В. Муйжелю, Вл. И. Немировичу-Данченко, К. П. Пятницкому, З. Н. Сибилевой, А. А. Смирнову, Ф. К. Сологубу, Л. В. Средину, Е. Н. Чирикову, Г. И. Чулкову, И. С. Шмелеву.

Последний раздел тома знакомит с наиболее интересными воспоминаниями современников, которые видели Горького и Андреева вместе, имели возможность общаться с ними одновременно. Свои воспоминания по этому поводу написала по просьбе редакции «Литературного наследства» Екатерина Павловна Пешкова. Впервые публикуются воспоминания журналиста А. П. Алексеевского, мужа сестры Андреева, писателей И. А. Белоусова, А. А. Кипена, А. С. Серафимовича, революционерки В. Н. Кольберг и др. Всего в этом разделе печатаются воспоминания шестнадцати мемуаристов.

В целом материалы трех разделов второй половины тома являются ценными дополнениями к публикуемой переписке Горького и Андреева. В такой же степени многое в ней поясняют обстоятельные комментарии и библиографические справки, в значительной степени основанные на неизданных источниках. Комментарии к переписке Горького и Андреева, а также к статьям Андреева о Горьком выполнил В. Н. Чуваков, к остальным публикациям — А. И. Наумова.

Работа по созданию этого тома проходила в тесном контакте с Архивом А. М. Горького, который предоставил нам ценные материалы.

Выражаем благодарность всем вышеперечисленным советским архивохранилищам, оказавшим самое дружеское содействие в предпринятых нами документальных разысканиях для настоящего тома. Благодарим также директора библиотек Колумбийского университета доктора Ричарда Х. Логсдона и доктора Филиппа Е. Мозли за присылку фотографий писем Горького к Андрееву, оригиналы которых хранятся в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Выражаем признательность Вадиму Леонидовичу Андрееву (Женева) за фотографии принадлежащих ему писем Горького

В редакционной работе над томом принимала участие К. П. Богаевская. Иллюстрации подбирали В. Н. Чуваков и Н. Д. Эфрос.

Редактор тома — И. С. Зильберштейн.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

Статья К. Д. Муратовой

Переписка Горького и Андреева воссоздает историю сложнейшей писательской дружбы[1].

Письма хранят отзвук горячих споров, возникавших при встречах. Судьбы русской литературы, позиция художника в общественной борьбе, отношение к человеку и завоеваниям его разума — об этих вопросах Горький и Андреев не могли говорить равнодушно. Речь о личных взаимоотношениях переплеталась с обсуждением художественной практики обоих, восторженные отзывы сочетались с резкими порицаниями. Каждый пытался, заглянув в творческую лабораторию друга, не только вынести положительный или отрицательный приговор данному произведению, но и выявить нечто типическое для всей литературной деятельности автора.

В период подготовки революции 1905 года оба писателя, несмотря на значительные различия в своем мировоззрении, были союзниками. У них был общий враг, и сражались они под общим литературным знаменем. Черты анархического своеволия и пессимизма уже заявили о себе в творчестве Андреева, но не приняли еще достаточно отчетливых очертаний. 1906—1907 гг. положили начало отчуждению. Андреев, угнетенный поражением революции, занимает враждебную для Горького позицию в оценке человека как существа, недостойного воспевания. Горькому был чужд пессимизм Андреева и его влечение к изображению ужаса смерти и «черных тайн» человеческой психики[2]. Различие мировоззрений теперь резко определилось, сражаться под одним знаменем было уже невозможно. Оба писателя продолжали любить и ценить друг друга, но не могли уже идти рядом. В письме к Андрееву в марте 1906 г. Горький так определил создавшееся положение: «Если в лесу стоят два дерева выше других — как бы далеко они ни стояли друг от друга — все равно они будут кивать одно другому головами в бурю, они будут видеть друг друга и в тихую погоду. И днем, и ночью» (№ 139).

В последующие годы дружба писателей приобрела черты дружбы-вражды, насыщенной драматическими эпизодами. «Меня всегда раздражал пессимизм Андреева, его—то, что он считал моим оптимизмом, и то, что сам я называю историзмом»,— писал Горький[3]. Субъективно Андреев все еще с Горьким, он сохраняет сознание общественного долга перед народом, но объективная сущность многих его новых произведений с несомненностью свидетельствовала о разрыве с горьковским лагерем литературы. Друзья оказались в различных литературных станах. Теперь уже и Андреев сознает это. «Мне всегда казалось,— пишет он Горькому 12 августа 1911 г.,—что наша вражда или дружба не есть только наше личное дело» (№ 159).

Смысл этого признания блестяще вскрыт в горьковских воспоминаниях «Леонид Андреев». С необычайной рельефностью здесь воссоздан образ богато одаренного художника, который потерпел поражение, отказавшись от решения задач, выдвинутых перед прогрессивной литературой бурным революционным временем.

Раскрывая личные взаимоотношения Горького и Андреева, их переписка представляет вместе с тем и огромный историко-литературный интерес. В ней дается ключ к раскрытию сложных процессов в литературе начала XX века, с которыми были связаны судьбы ее крупнейших представителей.

1

В начале апреля 1898 г. Горький прочел в газете «Курьер» пасхальный рассказ Андреева «Баргамот и Гараська». От этого рассказа, по словам Горького, «повеяло крепким дуновением таланта».

Сам Горький вошел в «большую» литературу недавно. Его творчество привлекло пристальное внимание редакций толстых журналов лишь в 1897 г. Этому признанию предшествовала напряженная работа в поволжской прессе. Начинающий писатель печатал на страницах газет рассказы и очерки, фельетоны и публицистические статьи. Изнурительность газетной поденщины была еще хорошо памятна, приходилось писать почти ежедневно и по самым разнообразным поводам. Горький опубликовал уже десятки художественных произведений, но найти издателя первой книги молодого автора было нелегко. Два тома «Очерков и рассказов», которые принесли Горькому невиданный успех, вышли в свет только в канун заочного знакомства писателя с Леонидом Андреевым [4].

Следует ли другому талантливому художнику идти тем же тяжким путем? На этот вопрос Горький мог дать только отрицательный ответ.

Вскоре при активном содействии Горького Андреев становится сотрудником двух демократических органов, пользующихся большой популярностью,— «Журнала для всех» [5] и «Жизни». Горький организовал также издание первой книги Андреева (Рассказы. СПб., «Знание», 1901).

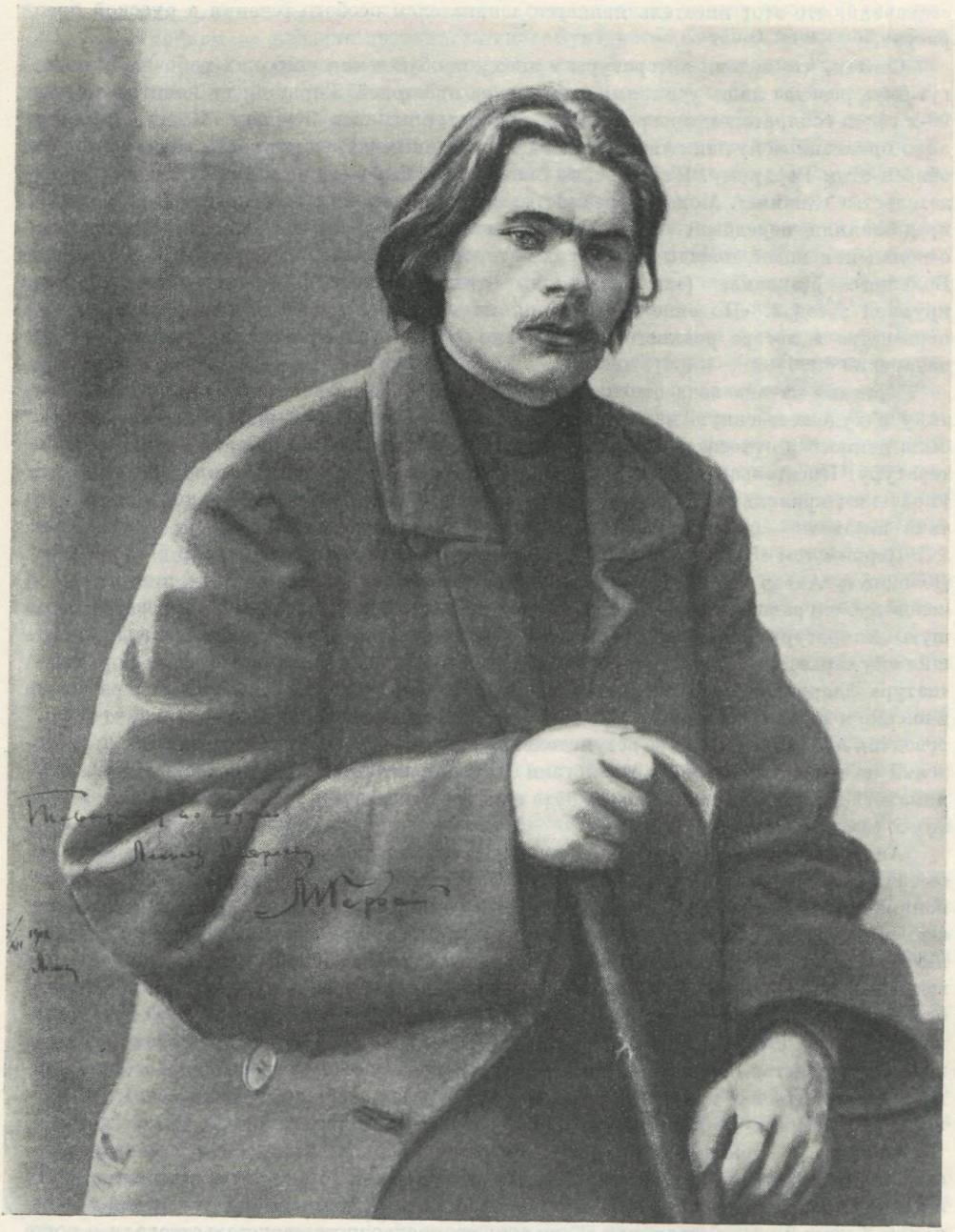
Талант, опекаемый Горьким, нашел быстрое признание. Незаурядная одаренность молодого автора была вскоре отмечена взыскательными мастерами слова — Толстым и Чеховым. О первом андреевском сборнике заговорили все крупнейшие критики. Высокая оценка, данная «Рассказам» Н. К. Михайловским [6], утвердила имя начинающего литератора в ряду имен наиболее известных писателей.

Встреча двух талантов привела к большой и глубокой дружбе, длившейся почти целое десятилетие; ни Горький, ни Андреев до этой встречи не имели в литературной среде друзей-сверстников. Друзья не были похожи друг на друга; их споры походили на споры-поединки, позволяющие более широко раскрывать и утверждать свои общественно-литературные взгляды.

В годы становления дружбы оба писателя страстно спорили о задачах литературы, о том, какие стороны жизни — наиболее светлые или же темные — должна осветить она в первую очередь, на какого читателя должна ориентироваться. «...разговора с вами я жду с отчаянным нетерпением. И накипело и наболело. Все те же вопросы, которые вы затронули в „Читателе“. А сверх того — и еще кое-что от лукавого»,— писал Андреев 18 декабря 1900 г. (№ 13).

Как известно, на поставленные вопросы Горький и Андреев дали различные ответы. Первый выступил как певец человека и его разума, как провозвестник революции, второй стал проповедником скепсиса и певцом обреченности человеческих надежд. Но эти расхождения определились не сразу.

Оба писателя встретились в пору расцвета своих дарований. Талант Горького поражал современников многообразием своего творческого проявления. Повесть «Фома Гордеев» дала принципиально-новое освещение темы капитализма, которая занимала значительное место в литературе конца 1880-х — начала 1890-х годов. Эту тему интенсивно разрабатывали П. Д. Боборыкин, Вас. Немирович-Данченко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Чехов, но Горький был первым талантливым создателем ярчайших образов капиталистов новой формации. «Песня о Буревестнике» с ее призывом «Пусть сильнее грянет буря!» была сразу же признана высоким образцом пламенной художественной прокламации. Слова этой «Песни» стали крылатыми. Пьесы «Мещане» и «На дне» открывали новую страницу в истории русской драматургии и театра. Писатель-революционер ставил перед собой задачу пробудить у читателя стремление быть творцом иной действительности. Начиналась ожесточенная борьба за читателя-гражданина, который не только скорбит о судьбах родины, но и претворяет свою гражданскую скорбь в активные действия. Новые темы и герои, новый подход к освещению жизни — все это ярко говорило о новаторской сущности горьковских произведений. Современники



ГОРЬКИЙ

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1901—1902 годы, с дарственной надписью Андрееву: «Товарищу по оружию Леониду Андрееву. М. Горький. 5/XII 1902. Москва»

Музей Горького, Москва

сознавали, что этот писатель является зачинателем особого течения в русской литературе.

Считая, что задачи литературы в эпоху пробуждения широких рабочих масс могут быть решены лишь усилиями коллектива писателей, Горький становится с конца 90-х годов собирателем прогрессивных литературных сил. Журнал «Жизнь», справедливо признанный лучшим литературно-общественным журналом конца века, во многом обязан этим Горькому. Но особенно значительна была его роль как руководителя издательства «Знание». Молодые реалисты, объединившиеся вокруг этого издательства, представляли передовой отряд демократической литературы. Критика заговорила о появлении новой плеяды даровитых авторов, возглавляемой Горьким. В «Созвездии Большого Максима» (так называли этих писателей) Леонид Андреев был крупной звездой. «По силе воздействия на массового читателя оспаривать пальму первенства в лагере реалистов мог только Леонид Андреев»,— свидетельствовал Луначарский [7].

Критика начала века отмечала порою творческое воздействие Горького на тематику и художественную манеру андреевских рассказов. Но подобных произведений было немного и относятся они главным образом к началу вступления Андреева в литературу. Писательская манера Горького в целом была чужда автору «Баргамота и Гараськи»; правильнее было говорить о другом — о воздействии Горького как нового типа писателя — литератора и революционера одновременно.

Первый том «Рассказов» Андреева вышел с посвящением «Алексею Максимовичу Пешкову». Автор хотел подчеркнуть, что посвящает свою книгу не литератору, а человеку, сыгравшему огромную роль в его жизни: он не только ввел Андреева в «большую» литературу, значительно сократив «испытание» литературного новичка, но и внушил ему серьезное отношение к своему таланту. В представлении Андреева Горький— «натура здоровая и дух могучий» [8]. Суть этого утверждения ярко раскрывалась в письме к К. П. Пятницкому (12 мая 1902 г.). Андреев выражал пожелание, чтобы переводчик А. Шольц сказал во вступительной заметке к переводам андреевских произведений на немецкий язык о воздействии Горького на автора. Это воздействие воспринималось им как влияние *«рыцаря духа* на колеблющегося и нерешительного любителя этого самого духа».

Андреев понимал, что революционное звучание горьковского творчества не неизбежная дань времени, как у многих других авторов, а органическое выражение миропонимания писателя. Горьковский «Человек» вызвал знаменательный отклик Андреева, обратившего внимание на созвучие пафоса этого произведения обычному настроению своего друга. Лозунг «вперед! и — выше!», пронизавший эту поэму, пронизывал ведь и горьковские письма к Андрееву, которые предваряли появление поэмы. Это был основной лейтмотив всей творческой деятельности Горького. Андреев с его метаниями из стороны в сторону и в личной и в литературно-общественной жизни особенно ценил это качество Горького — писателя и человека. С ним он связывал и вторую привлекавшую его черту — органическое умение Горького «жить интересно». Об этом позднее вспомнит Горький, об этом скажет и сам Андреев в одном из своих писем.

Общение с Горьким содействовало усилению бодрого настроения у молодого писателя. После встреч с автором «Мещан» у него нередко вырывалось признание: «Как я люблю жизнь и людей!». Публицистические и критические выступления под псевдонимом Джемс Линч на страницах «Курьера» неопровержимо свидетельствовали о росте гражданского самосознания Андреева [9], о том же говорили и его художественные произведения. Не считая Горького своим литературным учителем, Андреев, однако, утверждал, что он и Горький — писатели одного корня, хотя и по-разному воспринимают отдельные события и пользуются различными художественными средствами для выражения своего мировосприятия. В первые годы их дружбы много общего с Андреевым находил и Горький.

В начале 900-х годов писателей сближали литературно-эстетические взгляды, любовь к человеку, общественная борьба. Характер этой борьбы не был, конечно, однороден. Горький принимал активнейшее участие в революционном движении и все более овладевал социалистическим мышлением. Для него были ясны цели освободительной

борьбы народа. Андреев был полон ненависти к современному укладу жизни, но его протесты не выходили за пределы интеллигентского бунтарства. Свобода, к которой он так страстно стремился, не обладала в его представлении достаточно четкими очертаниями. В то время как Горький, подобно трибуну, сзывал под знамена своих идей верных соратников, Андреев делал только первые шаги на пути осознания, во имя чего борется человек. Горький предпринял немало усилий, чтобы ускорить рост этого общественного сознания. В лице Андреева он находил главным образом союзника по борьбе с философскими и этическими устоями господствующих классов.

Творческое воображение Андреева рождало множество ярких замыслов, которые он не успевал претворять в жизнь. В январе 1902 г. он пишет: «Каждый почти что день выдумываю рассказы — и хороню их». Это же он повторит и в июне: «Недавно подсчитал: одиннадцать продуманных, начатых и неконченных рассказов!» [10] Среди этих замыслов был и замысел «Саввы», реализованный лишь через несколько лет. В начале 900-х годов Горький увлеченно говорит об исключительной одаренности молодого писателя («талантлив, как сатана» [11]) и быстром росте его оригинального таланта.

Призывая Андреева вложить «в дело писательства всего себя, всю свою личность» и без стеснения говорить о своих думах и чувствах, Горький вместе с тем хотел раздвинуть рамки жизненного опыта писателя и тем самым углубить эти думы и чувства. В 1901 г. Горький писал о творчестве Бунина: «...нет в нем приятного мне возмущения жизнью, нет сегодняшнего дня, чем по преимуществу я живу» [12]. С целью повысить боевой дух литературы Горький стремился усилить внимание товарищей по перу к общественной тематике. Андреев принадлежал к числу тех, кто наиболее успешно мог сделать это. Горький горячо приветствовал появление рассказа «В темную даль»: «...если вы можете,— писал он Андрееву, — отправлять человека „в темную даль“,— стало быть можете провидеть в ней и свет, буде дадите труд себе всмотреться в нее повнимательнее» (№ 16).

В литературе тех лет не был еще ощутимо выявлен образ нового героя русской истории. Его присутствие, его скрытая сила ощущались уже многими чуткими художниками, но выражено это было лишь в беглых зарисовках, в изображении отдельных черт нового характера, нового отношения к жизни, в создании впечатления тревоги, ненадежности изображаемой жизни. Но читатели высоко ценили эти беглые штрихи, они помогали им уяснять новые жизненные явления.

В «Бабьем царстве» Чехова, опубликованном в 1894 г., вдумчивые читатели нашли не только изображение представителей буржуазного мира, но уловили также напоминание о мире придавленной силы, которая еще вдали, «как бы не является на сцену, но все время чувствуется» [13]. «Молох» Куприна показал, что эта придавленная сила начинает заявлять о себе. «Трое» Горького и «Конец Андрея Ивановича» Вересаева наметили уже путь будущих преобразователей жизни: Павел Грачев находит правду в учении социал-демократов, а рабочий Барсуков принимает участие в борьбе за осуществление этой правды.

Интерес к проявлению нового был присущ в той или иной мере большинству писателей, группировавшихся вокруг М. Горького. Это-то и привлекло к ним внимание: одни негодовали, другие выражали горячую признательность.

Высокая эмоциональная настроенность рассказов Андреева отразила общий подъем общественного протеста 900-х годов. Позднее критика обвиняла автора рассказа «В темную даль» в неопределенности его героя: Куда он уходит? Зачем? Для читателя-современника этой неопределенности не существовало, он понимал с полуслова. Ему было ясно, что юный герой, которого Горький назвал орленком, отказался от обеспеченного покоя буржуазной семьи ради борьбы за социальную перестройку жизни. Новое произведение отвечало горьковскому пожеланию создавать «беспокойные книги».

В письме по поводу рассказа «В темную даль» Горький развивал свое понимание насущных задач литературы. Необходимо, писал он, «с одной стороны, организовать здоровый, трудящийся народ — демократию; с другой ⟨...⟩ дезорганизовать усталых, сытых, хмурых буржуев. Бодрому человеку только намекни — он поймет и улыбнется и увеличит бодрость свою, больного скукой мещанина — ткни пальцем — и он начнет медленно разрушаться» (№ 16).

Выступления против мещанства как общественно-политической силы были одной из характернейших особенностей Горького—художника и публициста. Немалую толику внес в эту борьбу и Андреев. Антимещанские тенденции его творчества явны любому непредубежденному читателю. Многие рассказы, в которых уже нашли отражение основные черты художественного восприятия жизни Андреевым, были положительно встречены Горьким, призывавшим содействовать разрушению «философского и этического базиса, на коем основано благополучие мещанства» (№ 34).

При оценке ранних произведений Андреева исследователи нередко применяют критерии наших дней, не желая считаться ни с общим состоянием литературы, ни с общественной психологией читателя 900-х годов. Некоторые рассказы Андреева, которые сейчас кажутся лишенными социального звучания, в ту пору воспринимались как своеобразные иносказания, отражающие до известной степени общественные настроения. Так, рассказ «Набат», который современный читатель рассматривает только как дань декадентству и выражение «страха и безнадежности» [14], был высоко оценен не только Горьким.

Критики почти единодушно отмечали, что рассказы Андреева вызывают чувство острого беспокойства и недовольства жизнью.

Рассказы «Иностранец» и «В темную даль» укрепили уверенность Горького в социальной значимости андреевского творчества. Чеховская «Невеста» говорила о радостном приобщении героини к большой, широкой и полной тайн жизни; более ранний андреевский рассказ ясно намекал на то, что скрывается за этими тайнами. Но Горькому, который вел борьбу за волевого человека-творца, подобные намеки казались уже недостаточными. Он ждал от Андреева большего. Ему хотелось, чтобы «в темной дали» воплощалась не только ненависть к сытой и уютной мещанской жизни, но и радость сопротивления, его героика. Призывая Андреева писать в духе этого рассказа, Горький утверждал, что современной молодежи «потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру)» (№ 34). Горький был уверен, что Андреев в конце концов и сам почувствует необходимость расширить границы своего познания жизни и усилить социальную окраску своего творчества. После появления «Набата» Горький писал Чирикову: «Вот, брат, талант! Большущий талант,—увидишь! Даже теперь, когда его начинка — одно голое настроение, он уже звучит колоколом, а как его прихватит огоньком общественности — он покажет публике коку с соком!» (декабрь 1901 г.).

Протестующий тон прогрессивной литературы рос по мере усиления революционного подъема в стране. Он усиливался и в творчестве Андреева. Однако «огонек общественности», засверкавший в его произведениях, не смог разгореться в яркое пламя.

2

Раннее творчество вскрыло сильные стороны дарования Андреева-реалиста. По поводу рассказа «Жили-были», за который Толстой поставил автору 5, Н. К. Михайловский писал: «У него ⟨Андреева.— *К. М.*⟩ есть рассказы истинно превосходные, в которых ни прибавить, ни убавить, ни передвинуть ничего нельзя» [15]. Однако сам автор не раз пренебрежительно говорил об этом произведении [16].

Горький выдвигал всё новые и новые темы и неустанно вскрывал еще не изведанные пласты жизненного материала. Все шире раскрывалась в его творениях социальная жизнь России.

Андреев не был столь щедр. Он рано начал ощущать ограниченность диапазона своего творчества, которая сказывалась в повторяемости тематических мотивов (так, Андреев сам отмечал свое пристрастие к изображению страха и ужаса смерти) и однородных героев (влечение к изображению сумасшедших или же людей, стоящих на грани безумия). Взыскательный автор нередко бросал работу над начатыми рассказами, так как в них, по его признанию, не было ничего нового.

Творческие замыслы писателя, а они были обширны, нередко вступали в столкновение с узостью его жизненного опыта и философских познаний Андрееву явно не хватало жизненных наблюдений, но по складу своего характера он не тяготел к значи-

тельному пополнению их, хотя и восхищался широтой жизненных познаний Горького. Андреев считал, что интуиция художника, а она у него была необычайно остра, может избавить его от необходимости глубоко постигать типические обстоятельства, формирующие жизнь, мысли и чувства людей. Реалистическая манера письма все более не удовлетворяет писателя, он ищет новые формы, которые могли бы наиболее ярко раскрыть своеобразие его художественного мышления.

Это своеобразие проявилось уже в первой книге Андреева. Персонажи рассказа «Большой шлем»,— направленного против обывательского существования, чуждого соприкосновения с большой жизнью страны,— по существу оказались лишенными конкретных индивидуальных черт. Лейтмотивом рассказа служила фраза «Так играли они лето и зиму, весну и осень». И это безликое «они» более характеризовало обывателей-игроков, похожих на тени людей, чем их собственные имена и немногие бытовые детали.

В первой же книге критики обнаружили, хотя и в незначительной еще дозе, «червоточину декадентства». Н. К. Михайловский писал по поводу рассказа «Ложь»: «Этот странный рассказ представляется мне маленьким темным облаком на светлом будущем Л. Андреева как художника. Вопрос в том,— разрастется ли это облачко в мрачную тучу, которая весь горизонт закроет, или, набежав на мгновение, рассеется в пространстве» [17].

В дальнейшем Андреева все сильнее тянуло к произведениям, подобным «Стене», «Набату», «Лжи» и «Мысли», в которых столь остро проявилось тяготение к созданию символических образов и картин, а также к анализу «глубин» человеческой психики.

Горький стремился показать социальные характеры, рожденные новой действительностью, Андреев же, избегающий изображения конкретных примет времени, прибегал к усилению символического звучания своих рассказов и их эмоциональной окрашенности. Жизненный материал стал все чаще подчиняться умозрительным построениям самого автора.

Отзвук художественных исканий Андреева слышится в письме к Горькому от 17 декабря 1901 г.: «Скоро напишу „Бунт на корабле“ — зарождение, развитие, ужас и *радость* бунта. Без слов, ибо я не знаю языка бунтующих: одни зрительные да звуковые ощущения» (№ 35) [18].

В первые годы вхождения в литературу Андреев несколько сомневался в художественной убедительности новой манеры письма, но успех «Жизни Василия Фивейского», как бы подводившей итог его раннему творчеству, окрылил писателя.

Первый «Сборник товарищества „Знание“», в котором были опубликованы этот рассказ и поэма Горького «Человек», вызвал горячие отклики. Человек Горького, воспевающий силу разума, призывал идти «вперед! — и выше!», отвергая лживые ценности современной жизни. Скромный сельский священник утерявший веру в божий промысел, разумность и высшую оправданность человеческих страданий, также свидетельствовал о неприятии столь плохо организованного мира. Оба произведения определяли общую целенаправленность сборников. Вспоминая о литературе начала века, С. С. Юшкевич писал Горькому: «Когда появились вы и Андреев — позже,— то взяла не тема (новая), а дух, лицо самого писателя» [19]. Большинство критиков, несмотря на несогласие с идейной концепцией и художественными приемами Андреева, признало рассказ большой удачей писателя. Короленко писал в «Русском богатстве» (1904, № 8): «Самым выдающимся произведением обоих сборников бесспорно является рассказ Леонида Андреева „Жизнь Василия Фивейского“. В этом произведении обычная, уже обозначившаяся (например, в „Мысли“) манера этого писателя достигает наибольшего напряжения и силы, быть может, потому, что и мотив, взятый темой для данного рассказа, значительно общée и глубже предыдущих. Это вечный вопрос человеческого духа в его искании своей связи с бесконечностью вообще и с бесконечной справедливостью в частности» [20].

Андреев пристально следил за откликами критиков. Его внимание особенно привлекла статья М. Неведомского «О современном художестве». Для молодых писателей конца 90-х — начала 900-х годов были показательны поиски не только новых тем и

героев, но и новых художественных средств. Среди этих искателей Неведомский сразу же выделил Леонида Андреева.

«Жизнь Василия Фивейского» обнаружила быстрый рост молодого литератора. «Андреев молчал два года, а вырос за это время чуть не на десять лет: так возмужал, настолько углубился, окреп и сосредоточился его талант», — писал критик [21]. Для нового произведения были характерны уже не отдельные символические образы и картины, а целостная «символическая концепция». Подчеркнув тяготение Андреева к изображению человека вне его классовых и профессиональных свойств, Неведомский усомнился в реальном существовании мятежных попов, восставших, подобно Фивейскому, против законов земли и неба. Реалистические детали, вроде «гнилых, черных зубов» Фивейского, не придали этому образу бóльшую жизненную убедительность; критик рассматривал их как дань еще непреодоленным реалистическим традициям раннего творчества. Но упрекая писателя в чрезмерной гиперболизации и отсутствии чувства меры,— сколько бед было взвалено на плечи героя,— Неведомский вместе с тем высоко оценил произведение в целом. Исповеди крестьянина Мосягина и сцене отпевания в церкви была дана следующая оценка: «Подобной силы местá мы можем указать только у таких перворазрядных писателей наших, как Л. Толстой да Достоевский» [22]. Эта исповедь, по словам критика, многое разъясняла в психологии забитого мужика.

Андреев воспринял отзыв Неведомского как признание успешного раскрытия новых сторон жизни при помощи условного реализма. Он писал критику: «Вопрос о том, как мог я сказать „новое слово“ о мужике которого я знаю только по книге и по виду, является для меня почти неразрешимым, а в то же время и страшно важным; ведь это правда, что вы писали в прошлом году: я очень мало знаю жизнь, верите, почти совсем ее не знаю. Самих попов-то, к которым я так часто обращаюсь, я вижу только на свадьбе, на крестинах, да еще когда отбывал церковное покаяние за попытку самоубийства.

Моя отдаленность от жизни, постоянные крушения в попытках писать реалистически, неспособность придвинуться к жизни вплотную — всегда пугали меня. А то, что вы говорите о Фивейском — дает мне некоторую уверенность, что *так* можно писать, и окрыляет меня на новые ирреальные подвиги» [23].

«Жизнь Василия Фивейского» — над этим произведением автор долго и упорно работал — предопределила дальнейшую эволюцию его творчества.

Горький, увлеченный талантом Андреева, не сразу обратил внимание на отношение писателя к конкретному жизненному материалу. В эти годы он и сам все еще обращался к формам иносказания, аллегории. Но к началу 1904 г. стало ясно, что задачи обновления реализма каждый из них понимал по-своему.

В эпоху назревания революции Андреев, как и в начале своего литературного пути, не без основания продолжал считать себя бойцом горьковского отряда. Это утверждение не было пустой фразой. Читатели различных лагерей воспринимали их как союзников. Горький не мог не признать, что произведения Андреева — хорошая и своевременная «затрещина» мещанству в широком понимании слова. Было несомненно, что Андреев стремится укрепить общественный пафос своих произведений. Он отказался, например, напечатать рассказ «Тенор»,— эта публикация осуществлена только в наши дни,— так как «побочная мысль» в нем «о необходимости цельной, многосторонней и живой жизни», включающей и общественную деятельность, была «развита слабо» (№ 64).

Характерен также отзыв писателя о первом «Сборнике товарищества „Знание“». Андреев недоволен его общим тоном: «Слишком черно, мрачно, торжественно и однотонно. Хоть бы улыбнулся кто. Скверное в этом смысле начало положил я. Это навело меня на мысль: не выпускать второго тома ⟨своих произведений.— *К. М.*⟩, прежде чем не напишу двух истинно жизнерадостных рассказов. Я их напишу!» [24] Но это желание не осуществилось.

Интенсивная переписка с Горьким в 1904 г. позволяет воссоздать тревожные мысли Андреева; оценка современных событий переплетается у него с углубленными раздумьями о собственном творческом пути. К этому времени основные тенденции раз-

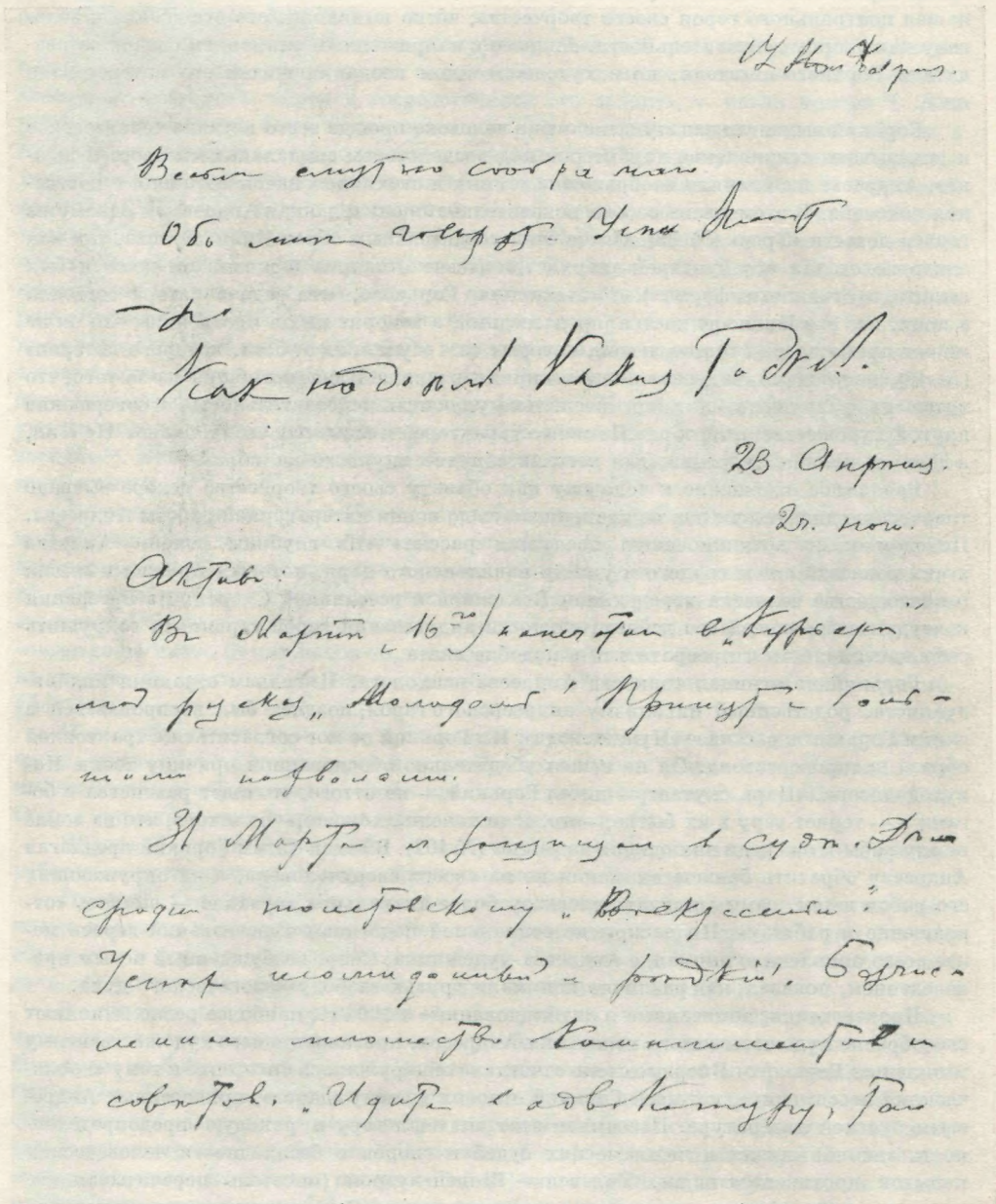
вития горьковского таланта уже ясно определились. «Мещане» показали, что Горький нашел центрального героя своего творчества; четко выявилось его отношение к человеку как творцу действительности. Андреев с напряженным вниманием следил за развитием Горького-писателя, но в художественном познании жизни его интересовало иное.

Горький выдвигал задачу выявлять в человеке прежде всего истинно человеческое и показывать искривление характеров под воздействием социальных «мерзостей жизни», Андреева же пленяло изображение темных и стихийных начал сознания и поведения человека. В этом плане весьма показательна оценка, данная Андреевым одному из героев повести «Трое» (№ 38). Он не счел убедительным образ Ильи Лунева, так как автор не сделал его бунтарем-анархистом («свое отчаяние о жизни он должен был вылить в отчаянные формы»). Разъяснения Горького, что задача автора состояла в ином, что его Илья «не кается пред людьми, а говорит им от презрения», что он не может принять суда «ни от людей, которых сам осудил, ни от бога, которого потерял» (№ 40), не убедило Андреева. В его восприятии жил не Илья, погибший из-за того, что хотел не разрушить, а лишь несколько улучшить действительность, а совершенно другой художественный образ. Не менее характерен и отзыв о пьесе «Мещане». Не Нил, а Тетерев пленил Андреева, для него он «орудие крупного калибра».

Различное отношение к человеку как объекту своего творчества вскоре вызвало творческую дискуссию; она не прекращалась до конца литературной работы Андреева. Поводом к ее возникновению послужил рассказ «Из глубины веков». Андреев хотел показать в нем гордого и умного вавилонского царя, который пришел к мысли о ничтожестве человека перед лицом Вселенной и всесильной Смерти. Из презрения к неудовлетворяющей его действительности андреевский герой стремился сокрушить себя как личность и превратиться в подобие скота.

Горький не отрицал тонкости Андреева-психолога. Нигилизм отчаяния индивидуалиста, родственный нигилизму андреевского героя, позднее был воспроизведен в самим Горьким в рассказе «Чужие люди». Но Горький не мог согласиться с трактовкой образа ниспровергателя. Он не нашел убедительно обоснованной причину тоски Навуходоносора. «Царь скучает,— писал Горький,— не оттого, что ищет равенства с богами и — теряет веру в их бытие,—это, если хочешь, хорошо,—но оттого, что на земле всюду рабы и он среди них одинок на земле» (№ 102). В связи с этим Горький предлагал Андрееву обратить больше внимания не на своего сверхчеловека, а на окружающих его рабов и тем самым придать рассказу более актуальное звучание — вызвать «отвращение к рабству». Но раскрытие социальной подосновы чувствований героев менее всего привлекало внимание Андреева-художника. Спор, возбужденный новым произведением, показал, как различно понимали друзья свободу человеческого духа.

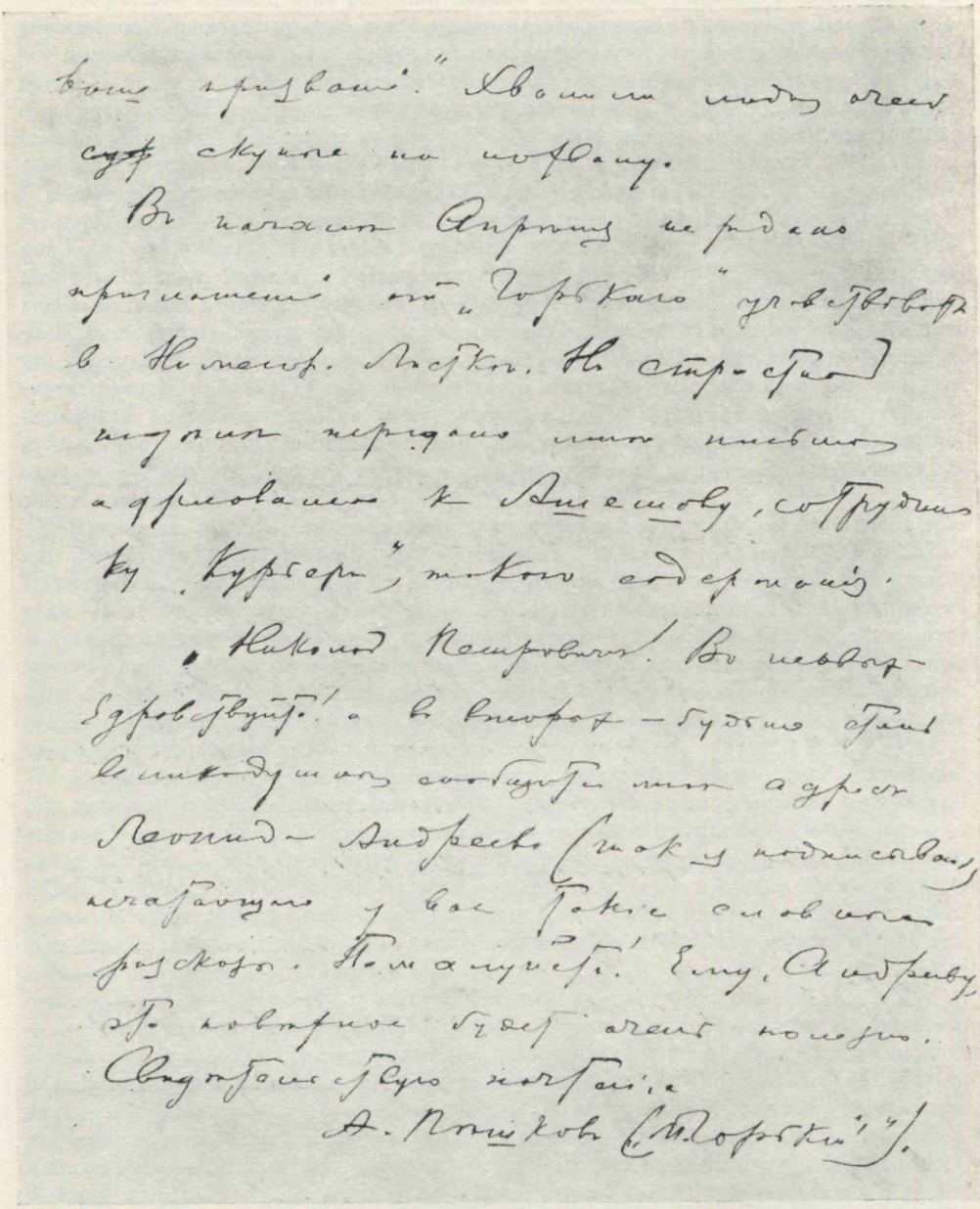
Произведения, написанные и опубликованные в 1904 г., наиболее резко выявляют своеобразие художественного мышления Андреева, противостоящего художественному мышлению Горького. Впервые столь отчетливо обнаружилось тяготение к тому «космическому пессимизму», который Горький относил к числу «даров», принесенных Андреевым русской литературе. Пессимизм этот включал веру в роковую предопределенность законов жизни и человеческих судеб и скорбь о бесплодности человеческих попыток противостоять им. Увлечение Шопенгауэром (писатель перечитывал его книги в это время) усилило мрачное восприятие жизни. Оно не уничтожало стремления Андреева к протесту против моральных и общественных догм, сковывавших людей, но искажало его. «Космический пессимизм» мешал писателю понять процесс развития современной жизни и в то же время как бы служил оправданием его отдаленности от активных, революционных форм борьбы. Бунтарство принимало все более отвлеченный и разрушительный характер. Понижение внимания к «социальному пессимизму» (Горький связывал с этим понятием повышенный интерес к реальному социальному злу и борьбу с ним), проявившееся и в «Жизни Василия Фивейского» и в рассказе о царе Вавилона, встретило теперь протест со стороны Горького. Развернутая оценка нового произведения еще раз показала, как высоко ставил он мужественное сопротивление человека темным силам и его неистребимое стремление к творческой деятельности.



ЗАПИСЬ АНДРЕЕВА В ДНЕВНИКЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1899 г. О ПОЛУЧЕННОМ ПРИГЛАШЕНИИ ГОРЬКОГО УЧАСТВОВАТЬ В «НИЖЕГОРОДСКОМ ЛИСТКЕ»

Автограф

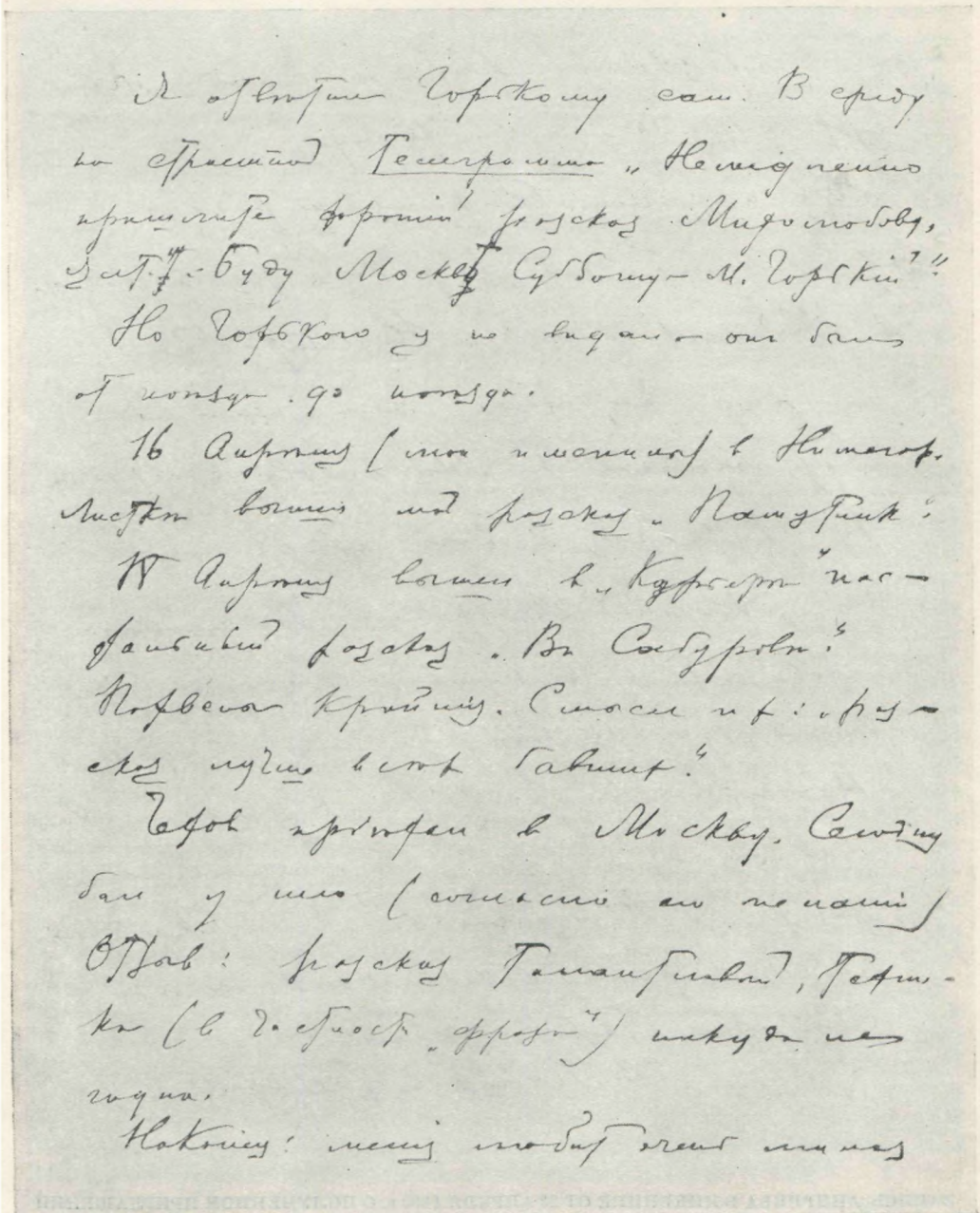
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва



ЗАПИСЬ АНДРЕЕВА В ДНЕВНИКЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1899 г. О ПОЛУЧЕННОМ ПРИГЛАШЕНИИ ГОРЬКОГО УЧАСТВОВАТЬ В «НИЖЕГОРОДСКОМ ЛИСТКЕ»

Автограф

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва



ЗАПИСЬ АНДРЕЕВА В ДНЕВНИКЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1899 г. О ПОЛУЧЕННОМ ПРИГЛАШЕНИИ ГОРЬКОГО УЧАСТВОВАТЬ В «НИЖЕГОРОДСКОМ ЛИСТКЕ»

Автограф

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Творческое начало, а не разрушительные тенденции — вот что должно было, по убеждению Горького, прежде всего привлекать внимание художников. Отсюда и совет Андрееву не забывать о том, что человек, отлично сознающий и свою неизбежную смерть и далекую, но возможную гибель земли, все же продолжает упорно работать и творить во имя своего человеческого достоинства: «Да, я погибну, я погибну бесследно, но прежде я построю храмы и создам великие творения. Да, я знаю, и они погибнут бесследно, но я создам их все-таки и да — я так и хочу!» (№ 105).

Горький как-то шутливо уговаривал друга быть злым, но не быть пессимистом. В апреле 1904 г. Андреев писал, что его «злость к миру» становится все более беспокойной и ядовитой. Однако эта «злость» не воплотилась в ту форму социального протеста, которую ожидал Горький. Весьма характерен его отзыв об авторе «Из глубины веков» в связи с чтением рукописи Е. Соловьева (Андреевича) «Опыт философии русской литературы» (здесь давалась оценка творчества обоих писателей). Отметив, что Андреев наиболее интересен своим родством «с идеей освобождения человека от гнета разной кабалы», Горький спрашивал критика: «Не кажется ли вам, что передовые борцы демократии, вступающей в бой с буржуазной философией, моралью,— со всем духовным хозяйством буржуазии,—порою, заскакивая вперед, попадают в плен мещанского страха жизни, тоже одного из предметов духовного хозяйства мещан?» [25]

Признавая тему нового произведения неслучайной и важной для Андреева, Горький не раз предлагал опубликовать «Из глубины веков», но Андреев уклонился от этого. Рассказ признан был им неудавшимся, однако спор в целом не разубедил писателя. «Космический пессимизм» с его «страхом жизни» и всеотрицанием не исчез из андреевского творчества, а лишь несколько отступил в сторону. В дальнейшем этот «космический пессимизм» все далее уводил писателя от актуальных социальных тем. Они все более начинают вытесняться постановкой абстрактно-философских проблем, реализм уступает место символике. По позднейшему признанию Горького, чрезмерное андреевское увлечение ею отдалило их друг от друга [26].

Русско-японская война произвела огромное впечатление на Андреева. Размышления писателя о возможных общественных последствиях войны и задачах литературы в связи с этим нашли отчетливое выражение в письме к Пятницкому. «Одно верно,— писал Андреев,— мне, Скитальцу, Вересаеву и многим другим придется делать свою литературную „карьеру“ почти сызнова — глубоко уйдет в прошлое то, что было до войны. И читатель будет новый, и требования у него будут новые, и песни ему нужно петь новые, и благо тому, у кого есть слух и голос. Очень для многих из нас еще во цвете лет сущих — начинается уже *история* ⟨...⟩. И тем, кто от жизни — будет сладко, а тем, кто от смерти и разрушения, как я — придется солоно» [27].

«Красный смех» был откликом на военные события, которые потрясли писателя. Называя свою работу над этим рассказом «„дерзостной попыткой“, сидя в Грузинах, дать психологию настоящей войны» [28], автор не пытался воссоздать реалистические картины; задача состояла в изображении смятенной человеческой психики, пораженной и убитой войной. 4 ноября 1904 г. Андреев сообщил Пятницкому: «Состряпал в семь вечеров рассказ „Война“ для чеховского сборника. Тяжелый был для работы рассказ, бьющий по нервам» [29]. И ему же 12 ноября о чтении рассказа на заседании «Среды»: «Публика одобрила и в один голос заявила, что нужно напечатать как можно скорее. В то же время нашла рассказ мало цензурным. Вот это плохо! Есть только одна важная зацепка: полное отсутствие в рассказе политического и частью обличительного. Если цензура заупрямится или потребует важных урезок, я выпущу рассказ „бесцензурно“. Наплевать мне на этих чертей» [30].

Вересаев говорит в своих воспоминаниях, что «Красный смех» был воспринят участниками войны как нечто неправдоподобное, искажающее действительные факты и действительное восприятие их на войне [31]. Но в тылу успех этого произведения был огромен. В нем не искали точного правдоподобия, оно поражало страстностью своего протеста против преступной бойни, своим возмущением против возможности подобного истребления людей. Эта страстность невольно заражала читателя, заставляя присоединяться к авторскому гневу.

Узнав, что Вересаев стал военным врачом, Андреев написал ему в июне 1904 г.: «И вы приедете, я это знаю, и вы напишете что-нибудь большое о русских людях на войне» [32]. О том же он писал М. П. Неведомскому [33]. Эта надежда оправдалась. В 1906—1908 гг. в печати появились записки «На войне» и цикл «Рассказов на войне». Вересаев показывал произвол, господствующий в царской армии, мужество и героизм русских солдат, нарастание недовольства среди солдат и офицеров. В этих произведениях звучала глубокая вера в силы народа, который начал понимать, что его истинный враг находится не вне, а внутри России. Читатели высоко оценили эти произведения, но данная оценка не перечеркнула значения «Красного смеха». Книги Вересаева приводили к большим социальным обобщениям, рассказ Андреева был рассчитан на эмоциональное воздействие,— и этого автору удалось достигнуть.

Гневный гуманистический протест Андреева бесспорно говорил о высоком гражданском понимании задач литературы. «Красный смех» был *первым* художественным произведением, противостоящим волне ура-патриотических выступлений буржуазных корреспондентов и писателей. Сборник «Знание», в котором рассказ был опубликован, разошелся в огромном для тех лет тираже — 60 000 экземпляров.

В то же время «Красный смех» с огромной силой выявил одну из наиболее характерных особенностей Андреева, его стремление воссоздавать не типические характеры или типические обстоятельства, а обобщенные образы, символизирующие определенную мысль или идею. В рассказе отсутствовало обличение конкретной, русско-японской войны, «Красный смех» олицетворял ужас и безумие войны как таковой. Вопросы о том, «кто виновник ее?» и каковы могут быть последствия этой войны, в рассказе не затрагивались.

Некоторые исследователи, говоря о взаимоотношениях Горького и «знаньевцев», до сих пор изображают Горького как поучающего молодежь наставника, которому заранее известны все тайны искусства слова и на каждый случай припасен совет, обязательный для ученика. Тема дружеских споров, схождений и расхождений, то есть то, что дает возможность постигать развитие литературы во всей ее сложности, при такой постановке вопроса бесследно исчезает. Так, например, останавливаясь на отношении Горького к «Красному смеху», Н. В. Гамалий в статье «Редакторская деятельность А. М. Горького в издательстве „Знание“ (1900—1906 годы)» пишет: «Горький хотел, чтобы Андреев *с предельной ясностью обнаружил социальные причины войны* и перевел „Красный смех“ из патологического в реалистический план» [34]. Однако Горький как редактор не считал возможным навязывать писателю несвойственные ему творческие решения.

Вопрос об отношении к человеку и его деянию был поставлен Горьким перед всеми «знаньевцами». Спор, вызванный рассказом «Из глубины веков», показал, что расхождения с Андреевым в этом плане были наиболее острыми. Новое произведение послужило поводом к не менее горячему спору о ценности и методах использования жизненного материала. Горький не согласился с произвольным подчинением реальных фактов авторскому замыслу. Признавая «Красный смех» произведением своевременным и производящим сильное впечатление, Горький вместе с тем убеждал Андреева уделить больше внимания действительным фактам, говоря: они «страшнее и значительнее твоего отношения к ним» (№ 126). Подобное отношение к материалу не было единичным явлением в творчестве Андреева. В рецензии на «Жизнь Василия Фивейского» Короленко отметил, что «для своей мистической, сухой и мрачной, формулы автор приносит значительные жертвы реальной правдой изображения» [35]. Андреев не согласился с замечаниями Горького [36]. Фактическая реальность безусловно разрушила бы авторский замысел, переводя рассказ в план протеста против конкретной войны. Она неизбежно ослабила бы символику рассказа, снизив центральный символический образ «Красного смеха», которому автор придавал большое значение. «Оздоровить — значит уничтожить рассказ, его основную идею»,— писал Андреев (№ 127).

Вновь обнаружились принципиальные различия писателей в отборе и изображении жизненного материала. Горького интересовала социальная действительность и реакция героев на нее, Андреева же привлекала внутренняя жизнь человека вне ее связи с конкретными социальными условиями. Горький напоминал об объективной

значимости фактов, которые должен был учитывать писатель-реалист, Андреев же выступал в защиту субъективного отношения художника к фактам, то есть в защиту своевольного проявления авторского «я». В дальнейшем это также станет одной из отличительных черт андреевского творчества.

Андреев отдавал себе отчет в изменении своего отношения к жизни, обусловившем отказ от ранней реалистической манеры письма. То, что вначале казалось маленьким облачком, стало действительно сгущаться в тучу. Посылая рукопись «Красного смеха» Толстому, Андреев сам попытался связать свой отход от реализма с ломкой своих воззрений: «Так, в новом освещении встают передо мной вопросы: о силе, о разуме, о способах нового строительства жизни. Пока это чувствуется еще неясно, но уж есть основание думать, что со старого пути я сворачиваю куда-то в сторону» [37].

Это сворачивание «в сторону» вызвало усиление идейно-творческих разногласий друзей.

3

Горький был первым писателем, который столь обнаженно показал классовые противоречия своего времени. Уже в начале XX в. он воспринимался как художественный выразитель идеологии пролетариата не только в России, но и за рубежом [38].

Писатель-революционер быстро понял, кто стал главенствующим героем исторического процесса, и провозгласил, что «Россия будет самой яркой демократией земли». В дни революции и в дни поражения ее Горького не покидало чувство уверенности в том, что русский народ не остановится на полпути. «Мать» появилась в России, когда многие считали революцию проигранной, истекающей кровью, когда многим казалось, что народ не скоро возобновит свою попытку добиться свободы. Горький-художник сказал: это неправда. Ряды революционеров поредели, но их ненависть и любовь не могли оказаться бесплодными. Голос Ниловны, ставшей пропагандисткой революционных идей, звучал громко и уверенно.

Творчество Горького было художественной летописью новой эпохи. «Мать», «Враги», «Лето», а затем солнечные «Сказки об Италии» говорили о неиссякаемых источниках веры народа в победу социальной справедливости и его готовности активно сражаться за нее. Борьба буржуазной критики, в том числе и символистской, с М. Горьким в годы реакции шла под знаком ожесточенной борьбы с идеями социализма.

То, что Горький вступил в новый период своего развития, было ясно для многих. Критик «Русского богатства» писал, что первоначальная песня, «Песня о Буревестнике», уже спета, начинается новый Горький, который «будет неизбежно иной» [39].

Отрицать большой талант Горького было абсурдно, его творчество стало уже неотъемлемым достоянием мировой литературы. На защиту Горького, заключенного в 1905 г. в Петропавловскую крепость, поднялись передовые люди Германии, Франции, Англии, Италии. Но можно было предпринять попытку опорочить этот талант, исказить его сущность. Это и делали в первую очередь критики символистского лагеря. Они заявляли о своем приятии раннего творчества Горького, изображаемого бунтарем-анархистом, но, признавая некоторую ценность раннего горьковского вызова обществу, тотчас же подвергали озлобленным нападкам последующие произведения писателя.

Враждебная демократии критика быстро уловила основное в новой направленности горьковского творчества и решила сокрушить это новое, доказать его несостоятельность с эстетической точки зрения. Если ранее, в борьбе со «знаньевцами», противопоставляемыми символистам, эта критика говорила главным образом об изжитости, «устарелости» реалистического метода литературы, то теперь ею был избран новый объект нападения — общественная позиция художника.

Вспоминая о «походе» буржуазной критики против автора «Врагов», обычно называют нашумевшую в те годы статью Д. В. Философова «Конец Горького» [40]. Эта статья имела знаменательную предысторию. Напомним о ней.

Большевистская газета «Новая жизнь» была широко известна в литературных кругах. Эту известность ей принесли «Заметки о мещанстве» Горького, вызвавшие

гнев многих литераторов, и статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», в которой затрагивался вопрос о развитии современной литературы. Статья призывала к отказу от распространенного представления о свободе творчества в буржуазном обществе и к преодолению буржуазно-анархического индивидуализма, свойственного многим деятелям искусства. Революция ускоряла возможность противопоставить «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией» литературе литературу «действительно свободную, *открыто* связанную с пролетариатом».

Предвидя обвинение в стремлении регламентировать литературу, Ленин пояснял ошибочность восприятия принципа партийности как сужения творческих возможностей писателя. В литературном деле,— писал он,— «безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». Принцип партийности социалистической литературы заключался в ее идеологической направленности, в новом восприятии и освещении жизненных явлений. В статье говорилось: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды». Эта литература создавалась для миллионов и десятков миллионов трудящихся, «которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» [41].

Статья Ленина получила большой резонанс. Публицисты-кадеты и близкие к ним писатели-символисты выступили с резкой критикой ее [42]. Их встревожила и статья Ленина и литературные события, подтверждающие правоту ленинских утверждений.

Героизм восставших масс увлек немало писателей, далеких ранее от политики. Революция пробудила у них интерес к общественной тематике и расширила круг наблюдений. Это тотчас же сказалось на гражданском пафосе произведений 1905—1906 гг.

Литература была лишена единства, но она как бы сдвинулась с места и стала искать новые возможности изображения по-новому воспринимаемой действительности. Многие авторы начинают теперь пересматривать свои идейные и эстетические взгляды. Отношение к первой русской революции предопределяет дальнейшее развитие творчества писателей. Одни остались верны демократии (Серафимович, Вересаев), другие быстро изжили стихийную революционность и отреклись от своих «революционных» порывов (Бальмонт, Минский), было немало переметнувшихся, подобно Арцыбашеву, в лагерь реакции.

Приобщение писателей к революционным событиям, как бы кратковременно оно ни было для большинства из них, сильно встревожило апологетов буржуазной культуры. Они выступают с резкими выпадами против писателей, затронувших в той или иной мере революционную тематику (вспомним их нападки на Бальмонта и «знаньевцев»), и выдвигают настойчивое требование отказаться от увлечения политикой, от освещения острых тем современности. З. Гиппиус и Д. Философов — наиболее яркие и «крайние» выразители этой точки зрения. Гиппиус заявляла, что революция не нуждается в певцах и что обращение к революционным темам губит таланты художников, необходимо освещать уже устоявшееся, общечеловеческое. Буржуазные критики и писатели, как реалисты, так и символисты, были едины в стремлении доказать нецлодотворность приобщения художника к революционным идеям. Они добивались признания антиэстетичности произведений, воспроизводящих революционные события или пробуждение сознания людей.

В процессе значительно обострившейся литературно-общественной борьбы каждая из писательских и критических группировок вынуждена была дать в прямой или косвенной форме ответ на вопрос о своем отношении к революции. Весьма показательны в этом плане отклики писателей на призыв К. Чуковского выступить на страницах газеты «Свобода и жизнь» с высказываниями на тему «Литература и революция».

Вместо письма в редакцию Куприн прислал художественную зарисовку, как бы предварявшую ответ прогрессивных писателей на злобные нападки критики последующих лет [43].

Миниатюра Куприна не оставляла сомнения в том, что он приветствует деятелей искусства, вставших на сторону революции. Близок к этому и отклик Чирикова. Но

другие авторы столь же неприкрыто осудили вмешательство литераторов в социальную борьбу. Ю. Балтрушайтис писал: «Революция — дело человеческое, творчество — дело божье. Стало быть: кесарево — кесарю, а божие — богу» [44]. Ан. Каменский утверждал в свою очередь, что художник должен быть выше революции [45].

Ряд ответов показывал, что статья Ленина, говорившая не только о публицистах, но и о литераторах, которым предстояло создать партийные произведения, то есть произведения, отражающие идеологию пролетариата, была широко известна в литературных кругах. Так, плодовитый беллетрист В. Светлов, отчетливо выразивший отрицательное отношение к революционной литературе, писал, что для партийной борьбы должен существовать парламент, а «на парнасе искусства должна культивироваться красота и бесполезность, на языке политиков и „товарищей“ ⟨...⟩ Каждому свое» [46].

Вопрос — может ли в настоящих условиях возникнуть литература, отражающая взгляд пролетариата на мир, или же в роли ее создателей должны выступить сами рабочие — привлекал и волновал многих писателей демократического лагеря. Один из горячих споров по этому поводу возник в ноябре 1906 г. на редакционном заседании большевистского журнала «Вестник жизни» между Н. Г. Гариным-Михайловским [47] и А. В. Луначарским, выступившим с разъяснением своего понимания задач социал-демократического художественного творчества [48]. Это была развернутая трактовка того, что следует подразумевать под партийностью литературы. Луначарский отстаивал возможность создания пролетарской литературы писателями-интеллигентами, овладевшими социал-демократическим миросозерцанием и мироощущением.

Опираясь на опыт Горького («Враги»), который взялся «за чисто социалистическую тему и чисто социалистически» ее обработал, критик попытался выявить отличительные черты пролетарской литературы и тем самым определить характер нового творческого метода.

Партийность писателя, по словам Луначарского, должна была проявиться, с одной стороны, в показе роста классового сознания пролетариата («боевой стороны пролетарской жизни»), а с другой, в соединении бичующего реализма с изображением светлых сторон жизни, напоминающих о неизбежной победе нового мира. «Дух творчества, надежды — вот что вдохнет новую жизнь в реализм, когда реализм этот станет пролетарским»,— писал Луначарский [49].

Творчество Горького не оставляло сомнений в своевременности задач, выдвинутых перед литературой Лениным. То, что Горький выступил в роли зачинателя какой-то особой литературы, по-новому трактующей взаимоотношения героев и общества, было сразу же замечено и друзьями и врагами демократического искусства. Марксистская критика получила возможность еще раз сказать о Горьком как художественном выразителе пролетарской идеологии. В то же время буржуазная критика различных оттенков стала настойчиво связывать свои нападки на Горького с идейной направленностью его произведений и с его партийной работой [50].

Упомянутая выше статья Философова содержала призыв ниспровергнуть Горького и его единомышленников. Он был подхвачен. Началась яростная атака на литературу, отражающую новые положительные явления действительности. О такого рода выступлениях газета «Путь правды» писала в 1914 г. (№ 5): «...русские декаденты склонны рассматривать реализм в связи с марксизмом. Вот почему они страстно, порою даже злобно критикуют реалистов, ибо в них они видят отголосок нового движения» [51].

В своих выступлениях буржуазная критика пыталась доказать, что социалистические идеи, глашатаем которых стал Горький, погубили его дарование. «И чем больше рос в нем гражданин, тем более умалялся художник, вся сила которого была в протесте против всякой гражданственности»,— писал Философов, вспоминая о раннем Горьком [52]. Ему вторила З. Гиппиус: «Даже не революция, а русская социал-демократическая партия сжевала Горького без остатка. Я еще помню времена Великого Максима, „властителя дум“, и бесчисленных „подмаксимков“ ⟨...⟩ Был же в нем писатель» [53]

Итак, на вопрос о партийности литературы Горький ответил своим творчеством, оно положило начало искусству социалистического реализма.

А каков был ответ Андреева?

По свидетельству Горького и других лиц, хорошо знавших Андреева, последний обладал мужеством, позволяющим искать правду и смотреть ей в глаза. В суждениях о себе как человеке и писателе Андреев нередко бывал суров и требователен. На вопрос «с кем он?» следовал неизменный ответ — с демократией. Но в послереволюционный период такой ответ уже не удовлетворял. В лагере демократии произошло сильное расслоение. Необходимо было более четко ответить, на чьей стороне симпатии писателя, каково его отношение к демократии социалистической. Но, страшась умаления личной свободы литератора, писатель-индивидуалист стал активно выступать в защиту права художника выражать в своем творчестве любые, порою весьма противоречивые взгляды. Сам Андреев то поет хвалу человеку-борцу, то выражает полное неверие в его победу.

В годы бурного нарастания революционного пробуждения масс Горький приветствовал бунтарский дух творчества Андреева, произведения его буйно отражали настроение зреющего общественного протеста.

Но после поражения революции 1905 г. читателя уже не могло удовлетворить подобное стихийное бунтарство. Необходимо было выяснить, во имя чего совершается бунт, к чему призывает писатель, под чьим знаменем он сражается. Вот этой-то определенности и не было в творчестве Андреева. Оно говорило о неприятии буржуазного мира, но в нем нельзя было найти положительных идеалов автора. В отличие от Горького, открыто ставшего на защиту пролетариата, Андреев пытался сохранить мнимую идеологическую независимость своих выступлений. Он писал Г. Чулкову в 1906 г.: «...я не принимаю жизни, какая она есть, и никогда не приму — но я не хочу выкидывать никакого знамени бунта. Пусть бунт будет позади меня, а не впереди на палке» [54]. Но бунт писателя, лишенный ясной цели, превращался в бесплодное анархическое бунтарство. Творчество Андреева начало все более утрачивать живую связь с современностью.

4

Андреев был увлечен кипучей деятельностью Горького—литератора и общественного деятеля; таким и должен быть, по его представлению, писатель нового времени. Андрееву нравилось идти рядом со своим дерзновенным другом. В то же время он понимал, как далеки они по складу своего характера и мировоззрения. Андреев сопоставлял себя с Горьким, и эти сопоставления придавали тревожный характер возникшей дружбе.

Андреев боится потерять друга, ибо не видит в литературной среде никого, кто бы мог хотя отчасти заменить ему автора «Песни о Буревестнике». В 1905 г. Куприн писал, что все «смелое и буйное» в повести «Поединок» связано с Горьким [55]. С Горьким связывал усиление своих оппозиционных настроений и Андреев. Утрата друга страшила его крушением того миросозерцания, к которому он начал приходить (24—25 сентября 1903 г., № 82). В воспоминаниях об Андрееве Горький упомянул о нетерпимости писателя к критике. Однако переписка и творчество Андреева убедительно говорят о том, как дорожил он отзывами Горького: «...пока ты не высказался, у меня остается недоверие к вещи»,— скажет Андреев в ноябрьском письме 1904 г. (№ 122), а спустя два года он отметит в письме к Серафимовичу, что только Горький по-настоящему понял «Савву». Под воздействием горьковских замечаний Андреев переработал ряд своих произведений или же отказался от их публикации.

Андреев высоко ценил Горького—писателя и человека. Но его беспрестанно беспокоила мысль: представляет ли он сам для Горького большой интерес как личность? Не увлечен ли друг только его талантом?

Как рано, еще в 1902 г., когда для тревог, казалось бы, не было еще никаких оснований, прозвучал трагический для Андреева вопрос: «Друг ли ты мне?» Прозвучал, чтобы уже не исчезнуть. Дружба с Горьким порождала у Андреева бодрость и повышенный интерес к общественной жизни, он боялся утратить это. Споры 1904—1905 гг. резко подчеркнули идейно-творческую несхожесть писателей. Стремление к трактовке социальных проблем не исчезало у Андреева до конца его жизни (это была одна из

характернейших черт его творчества), но освещение этих проблем было далеко от передового мировоззрения эпохи. Это не могло не наложить отпечатка на личные отношения. В январе 1906 г. Андреев написал Горькому, что их недавние встречи носили странный характер.

Непосредственный повод, вызвавший холодность этих встреч, неизвестен. Не дошло до нас и письмо Андреева к Горькому, в котором он пытался пояснить

АНДРЕЕВ

Фотография В. Чеховского, Москва, 1902—1904 годы. С дарственной надписью Горькому: «Энергичному собственнику самой смелой, самой красивой души, какую я знал — Алексею Максимовичу Пешкову верный друг Леонид Андреев»

Музей Горького, Москва

происшедшее. Однако андреевские письма к другим лицам и мемуары современников позволяют вскрыть причины этого отдаления.

Напомним кратко об отношении Андреева к событиям 1905 г. Еще в конце 1904 г. он писал Пятницкому: «...для российского государственного корабля начинается жестокая качка, боковая и килевая» [56].

9 января 1905 г. и арест Горького заставили Андреева еще более напряженно следить за развитием событий. Он ждет революционного взрыва и верит в него. 1 февраля Андреев пишет Пятницкому: «...нынешняя весна много даст красных цветов.

Люди уже потеряли власть над событиями, начали действовать стихии, и что даст революция, умноженная на войну, на холеру, на голод, — невозможно решить. А в итоге будет хорошо — это несомненно» [57].

Оптимизм Андреева поддерживался общением с членами социал-демократической партии. Это нашло отражение в письме к Вересаеву от 6 февраля: «В России будет республика — это голос многих, отдающих себе отчет в положении дел ⟨...⟩ Вы поверите: ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции» [58].

9 февраля Андреев, предоставивший свою квартиру для проведения заседания Центрального Комитета РСДРП, был арестован [59]. Но пребывание в Таганской тюрьме не вызвало у писателя подавленного настроения, чего так боялся Горький. «Это хорошо, когда тебя сожмут,— хочешь всесторонне расшириться!» — говорил Андреев [60].

Но уже вскоре оптимизм начинает чередоваться с неверием в революционные силы [61]. Писатель говорит то о великом значении революции, то о боязни укрепления антиреволюционных тенденций. Смена столь же противоречивых общественных настроений была характерна для него и в 1906 году [62].

Горький приводит в своих воспоминаниях следующее высказывание большевика Л. Б. Красина, обращенное к Андрееву, отрицавшему в тот день благодетельное воздействие революции на массы: «Если вы утверждаете, что мыться не стоит,— зачем же мыло варить? А ведь вы написали „Василия Фивейского", „Красный смех" и еще немало вещей, революционное значение которых — вне спора» (XVII, 56).

Андреев, рьяно отстаивающий в эти годы свою позицию независимого художника, начинает настороженно относиться к Горькому как писателю, связавшему свою судьбу с революционной партией рабочего класса. «К суждениям Максимыча относись с осторожностью: он стал очень прямолинеен и в некотором отношении фанатичен»,— пишет Андреев Серафимовичу 8 августа 1905 г.

Неясность и противоречивость социальных идеалов Андреева, пессимизм в оценке современных событий, защита мнимой свободы писателя в буржуазном обществе — все это, видимо, привнесло в дружеские встречи тот холодок, о котором Андреев вскоре написал Горькому. Этому в некоторой мере содействовала и личная работа писателей над пьесами о взаимоотношении интеллигенции и народа. Замысел пьесы об астрономе, возникший у Андреева в 1903 г., увлек Горького. Он попросил уступить ему тему; затем оба решили одновременно использовать этот замысел в своих драмах. «Дети солнца» были написаны Горьким в Петропавловской крепости, в октябре 1905 г. пьеса уже шла в театрах. В октябре же Андреев прочел в кругу друзей драму «К звездам», в основу которой лег замысел, шутливо изложенный Горьким в письме к Пятницкому: «Леонид вдохновился Клейном и хочет изображать человека, живущего жизнью всей вселенной, среди нищенски серой обыденщины. За это его треснут в 4-м акте телескопом по башке» [63]. Пьеса не удовлетворила слушателей. Горький посоветовал коренным образом переработать драму, приблизив ее к современности [64]. Оба драматурга расстались холодно.

В воспоминаниях о Леониде Андрееве Горький говорит, что этот холод возник в связи со спором по поводу «Саввы». Однако письма Андреева и его жены, а также письма Горького к И. П. Ладыжникову (март 1906 г.) свидетельствуют о другом. Запомнившееся Горькому событие правильнее связать с близким по времени обсуждением пьесы «К звездам». В начале ноября 1905 г. Андреев во многом переработал свою драму, вернее, написал ее заново, введя новые персонажи и изменив основной конфликт. Пьеса приобрела революционное звучание. Однако не следует преувеличивать роль Горького в этой переработке. Андреев писал Пятницкому: «Дело в том, что я уже написал пьесу, но поразмыслил — и перечеркнул ее всю. А теперь пишу заново, совсем в иной концепции, и тороплюсь, чтобы начерно окончить до отъезда»[65]. Первая редакция пьесы показывала конфликт (хотя и недостаточно социально проясненный) между «детьми Солнца» и «детьми Земли»; в новом варианте звучала скрытая полемика с Горьким. Андреев не согласен с горьковской трактовкой «вины» Протасова. В новой редакции утверждалась социальная ценность и революционных и научных подвигов. Подозрительному отношению суховатых революционеров к научной работе талантли-

вого профессора, расцениваемой ими как непростительный отрыв от общественной борьбы, Андреев противопоставлял отношение рабочего Трейча и крупного революционера (сына астронома). Им понятна научная одержимость Терновского, его стремление проникнуть в тайны космоса. И ученые и революционеры вносят свой вклад в борьбу за прекрасное будущее человечества, путь к звездам окрашен кровью и тех и других — такова основная мысль новой редакции драмы.

Бдительная цензура тотчас же усмотрела в ней идеализацию «революции и ее деятелей». Цензор Ламкерт писал: «Драма заканчивается настоящим гимном в честь погибшего сына-революционера» [66]. Пьеса «К звездам» была весьма ярким и сильным откликом писателя на события 1905 г. Но одновременно с этим гимном Андреев создал рассказ «Так было», выражающий сомнение в победе революции. По справедливому замечанию Луначарского, в этом произведении нашла отражение индивидуалистическая позиция автора, взглянувшего на мир «в щелочку индивидуальной души» [67].

Горький не мог разделять пессимизма Андреева; вновь резко выявились различные точки зрения [68]. Разъясняя в ответном письме к Андрееву (№ 139) причины возникшего «конфликта», Горький не преминул подчеркнуть, что он и Андреев — сторонники различных мировоззрений, различных восприятий действительности. Именно это, а не личные столкновения, заставили Горького отодвинуть сложившиеся ранее дружеские отношения «в глубь души».

«Я социал-демократ,— писал Горький,— потому что я — революционер, а социал-демократическое учение — суть наиболее революционное 〈...〉

Анархизм — нечто очень уж примитивное 〈...〉 В конце концов — анархизм мертвая точка, а человеческое „я“ суть начало активное — даже в самом отрицании таково и иным быть не может...»

Для Горького революция 1905 г.— революция надолго, поражение заставило народ лишь временно отступить, но не сдаться. «Теперь мы, русские, потащим мир вперед»,— пишет Горький в июле—августе 1906 г. (№ 142). Как непохоже это на метание Андреева в попытках выяснить роль революции для русских людей.

Горьковское выявление сути возникших разногласий было воспринято как совершенно справедливое и Андреевым. В письме к Амфитеатрову от 20 марта 1906 г. им дана следующая характеристика своей позиции: «Горький сам — Красное знамя, а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности— я революционер,—но это не то революционерство, которое требуется моментом».

Но несмотря на идеологические разногласия, каждый из писателей продолжал напряженно следить за жизнью и творчеством другого; при этом Горький стремится все резче подчеркнуть в своих оценках анархические тенденции андреевского творчества, а Андреев делает попытки понять опыт Горького как писателя-социалиста. То, что многими критиками было воспринято как нечто новое в горьковских произведениях революционных лет, для Андреева было естественным завершением давно начавшегося процесса. О рассказе «Тюрьма», который только в наше время привлек внимание критики, Андреев писал восторженно: «С каким наслаждением прочел я вчера „Тюрьму“. Как это хорошо, как это приятно, как это особенно — *по-горьковски* 〈...〉 И у твоих писаний совсем особенный, очаровательный вкус, благородный, сильный, единственный. И прежде всего: *вкус свободы*, чего-то вольного, широкого, смелого» (10—11 марта 1905 г., № 136). Это вольное и смелое было подчеркнуто также в отзыве о повести «Мать». Андреев говорил в нем о Горьком как выразителе чаяний народа: «Точно сам народ заговорил о революции большими, тяжелыми, жестоко выстраданными словами» [69]. О том же он писал и самому автору (13 августа 1907 г., № 151). Сведения об этой высокой оценке, противостоящей оценкам критиков, которые видели в «Матери» художественное поражение Горького, проникли также в печать [70]. Приветственно встретил Андреев и зарубежные памфлеты Горького; «Проклятие зверя» носит следы их влияния.

Но, приветствуя Горького как создателя новаторского произведения «Мать» (такое понимание повести было свойственно в ту пору немногим), Андреев вместе с тем

выражал явное недовольство отчетливостью партийной позиции автора. Ему кажется, что Горький начинает сужать познавательную силу своего огромного опыта, что он не использует теперь в полной мере своего дарования.

5

Наиболее резко расхождения Горького и Андреева в понимании демократизма и задач современной литературы проявились в 1907 году.

Реорганизация «Сборников товарищества „Знание“», предпринятая Андреевым по предложению Пятницкого, не была одобрена Горьким. Автор «Матери» хотел объединить вокруг издательства писателей, верящих в творческие силы народа и желающих писать для него, Андреев же, ратовавший в канун революции за объединение в «Знании» определенных сил («Теперь особенно на чеку должно быть „Знание“») [71], не считал уже возможным привлекать к сотрудничеству только сторонников определенной общественно-литературной программы. Сборники, по его мнению, должны были стать пристанищем талантливых авторов, отражающих в своих произведениях пытливые искания человеческой мысли. Область и направление этих исканий его как редактора не интересовали. Андреев писал Бунину: «Программа простая и выполнимая: давать только наилучшее ⟨...⟩. „Тенденцию“ свести к minimum'у, а то и совсем на нет» [72]. В сборниках предполагалось участие Блока, Сологуба и других писателей, далеких «знаньевцам».

Андреев соглашался с утверждением Горького, что писатели эти не демократичны. Себя Андреев также не причислял к числу художников, близких народу. Он писал Горькому, что не пригласил бы в народный журнал «и Андреева Леонида — ибо как он ни демократичен по существу своему,— по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они», символисты (13 августа 1907 г., № 151). Новые произведения Андреева все более увеличивали эту отдаленность.

Творчество Горького, Вересаева, Бунина, Куприна и Серафимовича неизменно рассматривалось критиками как творчество писателей-реалистов, имя же Андреева заносилось то в списки «трезвых реалистов», то в списки писателей-символистов.

Символизм был связан при своем возникновении с именами поэтов. Буржуазная критика, усматривающая «отступление» реализма перед новыми художественными исканиями, все же видела в этом, как бы одностороннем развитии нового литературного направления, некоторую ущербность. В связи с этим она с огромным интересом следила за развитием творчества Андреева, на котором сказывалось воздействие символизма. Появление прозаика в новом литературном лагере казалось ей весьма знаменательным. «В лице Андреева символизм может, наконец, открыто быть признан новой формой художественных произведений, пришедшей на смену устаревшему реализму», — писал С. Столяров [73]. Особенно много внимания критика, пропагандирующая творчество символистов, уделяла Андрееву-драматургу.

Советские исследователи, опираясь на послеоктябрьские свидетельства некоторых мемуаристов, порою пишут, что не только симпатизирующая символистам критика, но и «поэты декаденты и символисты — тоже весьма охотно зачисляли Л. Андреева в свой лагерь» [74]. Это не соответствовало действительности.

Для зачисления в ряды сторонников того или иного литературного течения необходимо, помимо близости некоторых тем и художественных приемов, усвоение основных взглядов на мир и искусство, характерных для этого течения. Отвечало ли такому требованию творчество Андреева? Сами символисты не склонны были присоединять его к числу своих соратников. Никто из них не отрицал талантливости писателя, они даже нарочито подчеркивали его даровитость и индивидуальное своеобразие художественного почерка. Вяч. Иванов считал Андреева великим талантом [75], для А. Белого он «художник огромный» [76], В. Брюсов, несколько снижая эти суждения, все же называл Андреева значительным талантом [77]. Но талант этот в своей основе был чужд им.

Символисты никогда не забывали, с одной стороны, что Андреев все еще остается «полуреалистом», «полудекадентом», что автора «Жизни человека» все еще, даже в наиболее символистских произведениях, тянет в сторону «быта», а с другой, они не прощали ему смыкания в области идеологии с ненавистным им лагерем «знаньевцев».

Толки о кризисе и несостоятельности реализма в новую эпоху возникли прежде всего в лагере символистов и сочувствующих им критиков. Творчество Горького, Куприна, Вересаева и других «знаньевцев» опровергало эти утверждения. Это заставляло символистов усилить борьбу с писателями данного объединения. Редкий номер «Весов» обходился без резкого выпада в адрес того или иного «знаньевца» или всего содружества в целом.

В то время как передовая критика справедливо упрекала Андреева в неясности миросозерцания, проявляющейся в колебании общественных настроений писателя и в его отходе от революционной литературы, символисты находили общественную направленность андреевского творчества слишком сильной и снижающей своею ощутимостью символистическое звучание произведений. Общественные колебания Андреева тревожили их по-иному. Хотя в годы реакции писатель порвал со «Знанием» и стал основным сотрудником «Литературно-художественных альманахов издательства „Шиповник“», символисты не были уверены в том, что он снова не вернется в ряды литераторов, возглавляемых Горьким. Тяготение Андреева к постановке злободневных «проклятых» вопросов настораживало сотрудников «Весов» и «Русской мысли» и вызывало порою отповедь, переходящую границы корректной критики.

Правое крыло символизма — Гиппиус, Мережковский, Философов — открыто выражало негодование по поводу обращения Андреева к социальным проблемам. Как уже отмечалось выше, отклики прогрессивных литераторов на события революции 1905 г. неизменно вызывали раздраженные нападки А. Крайнего (З. Гиппиус), утверждавшего, что «повестям, рассказам, поэмам и трагедиям наступает время, когда проходят времена прокламаций. Что-нибудь одно из двух» [78]. В воинственной антидемократической статье «Братская могила» А. Крайний выступал не только против автора повести «Мать», но и против автора пьесы «К звездам». Отрицательно оценивая «Елеазара» и «Жизнь человека», критик писал: «...но самой слабой, уже не слабой, а прямо позорной, пошло-грубой до скверности, надо назвать драму этого писателя „К звездам“...»[79].

Символисты хотели во что бы то ни стало оторгнуть Андреева от Горького. В статье «Весенний ветер» Философов, возмущаясь материализмом и романтикой оптимистического творчества Горького, приветствовал отказ Андреева от «общеармейского сознания» писателей, примыкающих к «трезвому» реалисту Горькому. Критик стремился внушить Андрееву мысль, что, став певцом иррационального начала в человеке, он сделал свое творчество более высоким и значимым [80]. Но художественная практика Андреева не оправдывала ожиданий символистов. Вот почему резкие выступления против Горького нередко переплетались со столь же резкими выпадами против Андреева.В статье «В обезьяньих лапах»,вызвавшей возмущение Горького, Мережковский делал попытку не только развенчать Андреева, но и указать ему «истинный» путь художника, который усматривался в отказе от общественности, свойственной русской интеллигенции. «Некогда Горький,— писал Мережковский,— казался великим художником — и перестал казаться; Андреев кажется — и перестанет казаться», если не изменит своего понимания задач литературы [81].

Помимо общественной направленности творчества символисты ставили в вину Андрееву отсутствие «ритмического» перехода от реального к потустороннему.

«Русский символизм,— писал Минский,— провидел в предметах и людях внешние покровы божественных сущностей и таким образом жизненно слил культ красоты с любовью к человеку и религиозной настроенностью» [82].

Андреев был далек от религиозно-философских увлечений символистов. Об его атеизме свидетельствовало не только творчество, но и отрицательное отношение к попыткам символистов заняться обновлением религиозного сознания. В 1904 г. Андреев оказался среди писателей, не пожелавших сотрудничать в «Журнале для всех» в связи с публикацией на его страницах статьи критика Волжского «Литературные отголоски.

(По поводу книги Булгакова)». Защита религиозного идеализма сочеталась в этом выступлении с выпадами против марксизма. В протесте, посланном группой писателей редактору журнала В. С. Миролюбову, говорилось, что статья «с проповедью бога и злорадною отходною над направлением, имеющим глубокие жизненные корни в современной русской жизни, глубоко возмутила всех нас» [83]. В феврале 1904 г. Волжский предпринял безуспешную попытку уладить разногласия между сотрудниками и редактором; в письме к последнему критик сообщил, что Вересаева прежде всего возмутило выступление «Журнала для всех» против марксизма, а Андреева — защита религии.

Сближение с символистами, которые хотели превратить популярный орган в свою трибуну, грозило сделать «Журнал для всех» «Журналом для немногих». В июле 1904 г. Андреев писал Миролюбову по поводу религиозно-философских воззрений символистов: «...ядро культурных россиян совершенно чуждо всей этой схоластически-мистической свистопляске и якобы религиозным исканиям — этой эластичной замазке, которою они замазывают все щели в окнах, чтобы с улицы не дуло» [84].

Причины конфликта, который закончился отказом Миролюбова предоставлять страницы своего журнала подобной проповеди, символистам были хорошо известны. Они не возлагали надежд на изменение автором «Христиан» и «Жизни Василия Фивейского» своего отрицательного отношения к неохристианству.

Пессимизм Андреева связывался символистами с богоборческими тенденциями писателя, которые, по их утверждению, мешали ему приблизиться к пониманию потустороннего высшего бытия. Вяч. Иванов писал: «Если для символиста „все преходящее есть только подобие“, а для атеиста „непреходящего“ вовсе нет, то соединение символизма с атеизмом обрекает личность на вынужденное уединение среди бесконечно зияющих вокруг нее провалов в ужас небытия» [85]. Присоединяясь к мнению Вяч. Иванова, Философов также заявлял, что атеизм помешал Андрееву признать правду символического метода и сделал писателя пессимистом. В статье Философова говорилось: «Символический метод в соединении с атеизмом приводит к последнему отчаянию, к кошмару „черных масок“» [86].

Противники реализма упрекали Андреева в полном непонимании истинного духа символизма. Это выражалось, по их единодушному признанию, в отсутствии попыток воспринять символизм в единстве мировоззрения и стиля, в неумении усвоить сущность этого метода. Это дало им повод говорить об Андрееве как об одном «из самых смелых по замыслам и самых безвкусных» своих эпигонов [87].

В статье, посвященной «Анатэме», А. Белый так определил искания Андреева: «он желает быть символистом и вместо этого становится „*сентенционистом*“: облекать сентенции в сюртуки, изображать „*сущности*“ в виде кавалеров в плащах еще не есть символизм...» [88]. Философов называл символизм Андреева «картонным» [89], Гиппиус утверждала, что мистика у Андреева «какая-то не мистическая» [90]. Близкую оценку найдем и у Брюсова, писавшего в связи с появлением «Жизни Василия Фивейского»: «При внешнем таланте изображать события и душевные состояния, Л. Андреев лишен мистического чувства, лишен прозрения за кору вещества. Грубо-материалистическое мировоззрение давит дарование Л. Андреева, лишает его творчество истинного полета» [91].

В представлении Брюсова и его единомышленников Андреев — писатель, лишенный понимания высших запросов культурного человека. Они выносили Андрееву единодушный приговор: писатель талантливый, но не культурный. Наиболее ясно данное заключение было выражено в статье Брюсова, написанной в связи с постановкой «Жизни человека» в Московском Художественном театре. Брюсов писал: «Л. Андреев как художник не связан с высшей духовной жизнью своего времени. Он художник не верхов своего века, а его средины. Я бы выразил это еще иначе. Л. Андреев — талантливый писатель, но не умный и не образованный человек» [92].

Казалось, нельзя было не согласиться с тем, что Андреев не владеет передовым мировоззрением своего времени, что круг его интересов узок, а знания ограничены. Но Брюсов в понятие «верхов» века так же, как и в понятие «культурности» вкладывал, подобно другим символистам, особое содержание.

Высшая духовная жизнь определялась для них запросами и исканиями рафинированной интеллигенции, связавшей свою судьбу с судьбой буржуазии. Именно она, эта небольшая группа людей, находившаяся в плену идеалистической философии и европеизированного эстетизма, представляла для символистов «верхи» общества, ее высшую культуру.

Андреев отдал большую дань увлечению идеалистической философией, но ему была чужда утонченная и извращенная культура, привлекавшая символистов и декадентов. О том, кого они зачисляли в ряды крупнейших культурных деятелей, ярко свидетельствует примечание редакции «Весов» к статье Гиппиус «Братская могила».

ГОРЬКИЙ И АНДРЕЕВ В ЛИТЕРАТУРНОМ КРУЖКЕ «СРЕДА»

Фотография К. Фишера, Москва, декабрь 1902 г.
Сидят (слева направо): Горький, Андреев, И. А. Бунин, Н. Д. Телешов; стоят: С. Г. Скиталец, Ф. И. Шаляпин, Е. Н. Чириков

Музей Горького, Москва

Пояснив, что «Весы» полностью разделяют понимание культуры, данное Гиппиус, редакция выступила в защиту «культурнейшего писателя»—декадента М. А. Кузмина.

Андреев пристально следил за отзывами символистов, но они, по-видимому, мало трогали его. Писатель справедливо был убежден в несоответствии своего творчества основным философским и эстетическим доктринам символизма. Широко используя художественные приемы символистов, Андреев тем не менее не разделял их воззрений на искусство и его роль в обществе. Эстетизм, свойственный представителям нового литературного течения, вызывал у писателя насмешливое отношение.

Андреев никогда не отрицал великих достижений русского реализма. «Если вообще искусство международно, то русское — междупланетно»,— писал он В. И. Немировичу-Данченко [93]. Андреев испытывал чувство восхищения перед гением Толстого и был потрясен творчеством Достоевского. В числе своих учителей им были названы имена Гаршина и Чехова. Однако реализм молодых литераторов, не обновленный дальнейшими художественными исканиями, уже не удовлетворял Андреева. Бытописатели, хотя бы и незаурядного таланта, казались ему скучноватыми. В то же

время творчество символистов воспринималось Андреевым как слишком подчиненное давлению художественной формы. Писатель, поощряемый шумом, который вызывали в печати его произведения, ставил перед собою дерзновенную задачу расширить границы литературы, обновив её содержание и форму. Почти вся современная критика, в том числе и символистская, отметила оригинальность тем, введенных им в литературу, и своеобразие его художественного зрения. Но вместе с тем критику смущало почти одновременное появление в печати реалистических и символических произведений: «Рассказ о семи повешенных» и «Черные маски» — 1908; «Анатэма» и «Gaudeamus» — 1910; «Океан» и «Сашка Жегулев» — 1911, и др. В символических пьесах находили место и сугубо-реалистические сцены («Жизнь человека»). Введение этих сцен нарушало символический план, как бы низводя отвлеченную символику на землю и тем самым приобщая ее к обыденности. Автор явно стремился к синтезу двух литературных течений. Это наряду с идейными колебаниями писателя вызывало в критике самые противоречивые истолкования. Для символистов Андреев неприемлем как общественный бунтарь, посвятивший свое творчество переоценке ценностей, для писателей-демократов как литератор, изменивший мятежному духу своего раннего творчества и отдавший дань декадентству. Андреев сам не отрицал двойственности своей позиции. «Кто я?— писал он Горькому.— Для благороднорожденных декадентов — презренный реалист; для наследственных реалистов — подозрительный символист» (23—26 декабря 1912 г., № 173)[94].

В годы реакции Андреева, как и ранее, тянуло к Горькому, хотя он отлично понимал, как различны их «мироощущения» и «мирочувствования», как несхожи теперь их литературные судьбы. «Жить нужно или так, как ты живешь, или так, как я хочу жить,— пишет Андреев Горькому 11 февраля 1908 г.,— или стоять в самой кипени жизни, творить ее, или отойти от нее на расстояние и пытаться осмыслить ее. К последнему тяготею я всем складом души моей» (№ 155). Андреев продолжает видеть в лице Горького нового Человека, смелого преобразователя русской литературы, писателя, сохраняющего верность избранному пути. И это его пленяет. Нельзя заподозрить Андреева в недооценке себя как новатора, но это не мешало ему трезво судить о литературе своего времени. Он понимал, что идейно-художественные искания Горького более значимы для читателя-демократа и развития новой русской литературы, чем его собственные поиски. В этом была трагедия Андреева-художника.

Андреева угнетало чувство одиночества, особо остро проявившееся в связи со смертью жены. От этого одиночества писатель бежал в творчество, лишь оно приносило некоторое успокоение. В ноябре 1906 г. он пишет Вересаеву: «Только и живешь, пока работаешь»[95]. То же скажет Андреев и в годы первой мировой войны и в последний год своей жизни. Но, давая забвение этого одиночества, творчество художника само проникалось мотивами одиночества и пессимизма.

Разрыв дружеских отношений с Горьким был вызван, как казалось Андрееву, не эволюцией его собственного творчества (он все тот же!), а тем, что Горький сильно изменился и стал нетерпим. Доказательством служило изменение Горьким некоторых суждений о ранних произведениях Андреева. Горький ценил друга за мятежность творчества, за призыв к разрушению буржуазного общества, за яркие выступления против лагеря мещан, за неустанность поисков ответа на вопрос о смысле жизни.

Вспоминая об отношении к Андрееву в начале 900-х годов, Луначарский писал: «Так как эпоха эта сама во многих своих представителях была 〈...〉 жизнерадостной и идущей вперед, то многие воспринимали картины Андреева не как абсолютное осуждение жизни, а только как мрачное, но в сущности правдивое изображение того болота старой России, из которого нужно было вырваться как можно скорее»[96]. Но многое из того, что прежде казалось отражением социального бунта, на самом деле было началом «ложного рода» в области общественной тематики. Зерна анархизма (в письмах Горького той поры не раз мелькали высказывания об Андрееве как «милом анархисте») дали в дальнейшем обильные плоды. Это и послужило поводом переоценки некоторых ранних вещей Андреева.

«Человек» Горького был своеобразной программой творческого объединения в «Сборниках товарищества „Знание“». Никто из сотрудников не возражал против основных положений этого художественного манифеста демократии. Но Горький вскоре сделал огромный шаг вперед, заявив, что для него Человек с большой буквы воплощен в образе пролетария, который идет, «чтобы создать храм истины, свободы, справедливости». До этого понимания «знаньевцы», в том числе и Андреев, утверждавшие в своем творчестве общедемократические тенденции, не поднялись.

Горький с тревогой наблюдал за ростом чуждых устремлений в творчестве недавних соратников. Они покинули много сделавшее для них «Знание» не для того, чтобы в другом месте проявить свои гражданские чувства. Конфликт издательства с сотрудниками осложнил и без того напряженные отношения с Андреевым. В одной из статей К. И. Чуковский писал: «Третий том Куприна — вышел в издании „Мира божьего“. Это большая духовная потеря для фирмы „Знания“. Стоит этой фирме потерять еще и Андреева, и что останется от сборников под синей обложкой?»[97]

Как известно, Горький не пошел на идеологические уступки ради сохранения сотрудничества крупных писателей, изменивших общему направлению этих сборников. Он явно уклонялся от печатания новых произведений Андреева, однако, не желая ускорять разрыв, который не казался еще неизбежным, не сообщал мотивов этого уклонения автору. Андреев был прав в утверждении, что «Знание» ничего не сделало для того, чтобы сохранить с ним издательские или литературные связи[98]. Между тем выяснение вопроса, останется ли он сотрудником этой книжной фирмы, имело для писателя большое значение. Не получив ответа на свои запросы ни от Пятницкого, ни от Горького, Андреев продал «Жизнь человека» и «Царь-Голод» в «Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповник“» и фактически стал их редактором. В этих альманахах сотрудничали и реалисты и символисты.

Оба писателя болезненно переживали разрыв. Андреев сознает двойственность своего положения: он не желает покинуть демократический лагерь литературы и в то же время сближается с писателями, объявившими войну этому лагерю. Попытки уверить себя, что сближение это до известной степени вынужденное и временное, были малоутешительными.

Уход Андреева со всей очевидностью подтвердил свершившееся. «Созвездие Большого Максима» распалось, Горькому вновь предстояло заняться собиранием литературных сил[99].

Желание Андреева стать редактором нового альманаха Горький воспринял как возмужание писателя. В письме к С. П. Боголюбову говорилось: «он настолько вырос, что пора ему играть самостоятельную роль» (17 октября 1907 г.).

Гвоздем первого альманаха «Шиповник» стала пьеса «Жизнь человека». Андреев не был восхищен «Детьми солнца», но и собственная пьеса «К звездам», которая вскоре вызвала положительную реакцию прогрессивной критики и была с успехом поставлена за рубежом[100], не удовлетворила автора. 10 января 1906 г. он писал Пятницкому: «Между прочим „К звездам“ мне очень не нравится, жидкая пьеса»[101]. Драма «Савва» была признана Андреевым «вещью хорошей — серьезной и сильной. С „К звездам“ и сравнивать, конечно, нельзя»[102]. Но и эту пьесу он не считал новаторским произведением в области драматургии. Им стала «Жизнь человека». 10 февраля 1906 г. Андреев писал Пятницкому: «Придумал некоторую новую драматическую форму, такую, что декаденты рот разинут». И ему же 5 сентября 1906 г.: «Вот пьеса, которая очень и очень меня занимает: либо большой провал, либо большой успех и новая форма для драмы»[103]. Закончив работу, Андреев послал «Жизнь человека» для чтения кружку «Среда» и сторонникам мистического анархизма. Ему хотелось услышать мнение и тех и других.

Пьеса имела большой успех. Одни причисляли драматурга к безнадежным пессимистам, другие увидели в пьесе восхищение человеком. Последние слова умирающего героя не были словами примирения с жизнью.

Новая пьеса не только подводила итог давним мучительным размышлениям автора о смысле жизни, но и завершала длительные поиски им художественного выражения своего миропонимания. В конце октября 1906 г. он писал Немировичу-

Данченко: «уверен в художественной целесообразности взятой мною формы, настолько уверен, что задумал уже целый цикл пьес в таком же роде»[104], а в ноябре так характеризовал в письме к Вересаеву изменение своего художественного восприятия: «Вопрос об отдельных индивидуальностях как-то исчерпан, отошел; хочется все эти разношерстные индивидуальности так или иначе, войною или миром, связать с общим, с человеческим»[105].

Герой «Жизни человека» был показан вне связи с конкретной эпохой, социальная среда была обозначена скупыми реалистическими деталями. Персонажи не имели личных имен, автор нарочито подчеркивал «собирательность» своих образов, каждый из них награждался немногими, резко выделенными, но не индивидуальными чертами (Враги, Друзья, Гости).

В начале 900-х годов Горький и Андреев высказали близкие на первый взгляд суждения об изображении человека. Горький писал Андрееву: «...изображайте прежде всего людей, а не нитшеньянцев, не чиновников, не радикалов, не несчастных. Все это — только внешность, главное же человек. А он интересен и хорош помимо своего костюма — наряжен ли он в радикала или в консерватора» (2—4 апреля 1900 г., № 4). Андреев же сообщал Чуковскому: «Мне не важно, кто „он“ — герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина. Мне важно только одно — что он человек и как таковой несет одни и те же тяготы жизни»[106]. Оба высказывания чрезвычайно характерны для каждого из писателей, они близки только внешне. Горький призывает к изображению человеческих характеров в их жизненном разнообразии и противоречивости, он предостерегает от тенденциозной классификации героев. Андреев же стремится к абстрагированию как человеческих характеров, так и тягот жизни[107]. Для горьковских героев последние не могли быть одинаковыми. Умышленное «уклонение» от индивидуализации характеров было доведено в «Жизни человека» до предела.

Андреева тянуло к постановке больших мировых тем, которым он стремился придать трагический характер. Критика справедливо признавала его мастером преувеличенно-заостренных положений и контрастных художественных приемов.

Горький дал высокую оценку «Жизни человека» как крупного шага «вперед в области формы и содержания». В письме было тонко отмечено оригинальное использование Андреевым мистерии и лубка. Не возражая по существу против новой формы философской драмы, Горький не согласился, однако, с принципами абстрактной типизации образа основного героя. Раскрывая эти принципы в письмах к Немировичу-Данченко, Андреев говорил, что хочет остаться в своих новых пьесах «ирреалистом, врагом быта — факта — текущего. Проблема бытия — вот чему безвозвратно отдана мысль моя, и ничто не заставит ее свернуть в сторону»[108]. Но, оголив человека, «отдалив его от действительности», Андреев тем самым лишил его, по словам Горького, «трагизма, плоти, крови». В силу этого человек оказался «ниже и слабее, чем он есть в действительности, менее интересен» (№ 145).

Пьеса встревожила Горького равнодушием Андреева к героической судьбе человека, а ведь в 1905 г. он видел немало героев. «Орленку» из рассказа «В темную даль» нора было превратиться в орла. В пьесе «К звездам» Андреев не решился изобразить настоящего героя, но многие персонажи этой пьесы говорили о таком возмужавшем орленке. Тяготея к вневременному художественному обобщению, Андреев исключил из «Жизни человека» активный протест, борьбу. И это-то прежде всего и было подмечено Горьким.

В годы реакции многие литераторы сосредоточили свое внимание на измельчании человека. Заявления Горького в статьях 1908—1912 гг. о необходимости идеализировать человека были вызваны полемикой с литературой, которая умаляла людей, показывая бесплодность их борьбы. Андреев внес в это принижение свой вклад.

Горький — художник, публицист и организатор литературы — отдал немало сил противодействию литературной реакции. Большинство же его недавних соратников «знаньевцев» заняло иную позицию; писатели стали сотрудниками изданий, лишенных прогрессивного общественного направления. Горький не мог примириться с союзом, который Андреев заключил с предводителем Смертяшкиных Сологубом. Горького трево-

жила не только личная судьба Андреева, в талант которого он продолжал верить, но и использование творчества писателя в качестве знамени антидемократической литературной группы.

Новое положение — Леонид Андреев в его противостоянии М. Горькому — не могло остаться незамеченным. Рецензии на первые книги нового альманаха, которые были признаны одним из наиболее интересных явлений современной литературы, нередко отмечали их полемическую направленность. Так, в рецензии «Русского богатства» говорилось: «...как прежде созвездие „Знания" вращалось вокруг центрального имени г. Горького, так в настоящее время крупные, средние и малые беллетристы „Шиповника" примыкают к центральному светилу, Леониду Андрееву, и нам даже кажется, что выйди подряд 2—3 №№ „Шиповника" без рассказа или драмы этого крупного художника — внимание и сочувствие публики сразу отхлынуло бы от популярной издательской фирмы». Андреев назывался в этой рецензии камнем, «на котором зиждется новая литературная церковь»[109].

И вполне понятно, что деятельность Андреева не только как участника, но и организатора этой «литературной церкви» усилила отрицательное отношение Горького к недавнему другу, продолжавшему испытывать в эти годы резкие колебания своих настроений [110].

Появление «Тьмы», этой «мазницы дегтя», по образному выражению Горького, уничтожило неясность во взаимоотношениях друзей. Отказавшись от изображения активного отношения к жизни, Андреев пошел в ногу с литераторами, презираемыми Горьким. И хотя это не было неожиданностью (предшествующие выступления писателя уже вызывали большую тревогу), Горький тяжело переживал «измену» своего недавнего литературного соратника. Для него было несомненно — сотрудничество в чуждых изданиях погубит крупный талант, а этот талант был ему дорог.

Марксистская критика, пристально следившая за творческим развитием Андреева, не могла не выступить с резкой оценкой «Тьмы». В статье «В ночь после битвы» В. Воровский писал: «Идея господства на земле тьмы, в борьбе с которой неминуемо гибнет все сильное, смелое и прекрасное — звучит, как похоронный звон, во всем творчестве Андреева. Но совершенно новую постановку, или, вернее, новое разрешение находит эта идея в рассказе „Тьма", помещенном в третьей книжке „Шиповника". И не только новое, но и весьма странное, ибо здесь эта идея поступает на службу мародерству»[111]. Эмиссаром смерти, гробокопателем, провозвестником господства тьмы был назван Андреев и в статье Луначарского «Тьма», опубликованной в сборнике с примечательным заглавием «Литературный распад». «На мой взгляд,— писал критик,— „страшная правда" Андреева с точки зрения теоретической этики не стоит выеденного яйца, а с практической точки зрения есть одетая в люмпенпролетарское тряпье консервативно-мещанская реакция на революцию»[112]. Столь же отрицательно была встречена и пьеса «Царь-Голод». Назвав Андреева идеологом мещанства, Луначарский пояснял: «Это революция, отраженная в голове мещанина, пусть художника, но безнадежного мещанина ⟨...⟩ Мысль Андреева всегда будет слаба в своих титанических потугах, ибо он мещанин. Он дошел до нигилизма, до всеотрицания. Боже мой, пустое и всеобщее отрицание есть только утверждение, ибо во тьме, в которую Андреев хочет погрузить мир, все кошки становятся серы. Чтобы тьма была тьмой, надо противопоставить ей свет. Андреев боится его»[113].

Этот приговор глубоко ранил Андреева. Он готов был признать, что новые произведения не удались ему, но не мог примириться с мыслью, что его причисляют к выразителям идеологии, против которой он еще недавно выступал с таким ожесточением. Горшей обиды быть не могло.

Как уже отмечалось выше, борьбу с мещанской идеологией, содействующей устойчивости ненавистного социального строя, Андреев считал родственной борьбе Горького за переустройство жизни. Но в то время как Горький боролся против социальной философии и общественной практики мещанства, Андреев уделял основное внимание борьбе с моралью мещан. Раздумывая над различными формами данного протеста, Андреев, не без влияния Горького, приходил к справедливому выводу, что они обусловлены различием общественно-художественного сознания авторов.

Совершается бунт человека во имя высокого идеала завоевания счастья человечеству или же в основе его лежит желание обрести благоустроенный покой? Революционный мятежный дух владеет людьми или это только завуалированное высокой фразой стремление к сытости?— вот вопросы, неустанно тревожащие Андреева. Он много размышлял над творчеством Горького, желая понять, что делает его таким сильным, и приходил к выводу, что сила эта заключается в ясной и неколебимой целеустремленности горьковской деятельности. Одна и та же целенаправленность была характерна для Горького как художника, так и человека. Андреева всегда поражала щедрость, с которой крупнейший талант эпохи тратил свои силы, отдавая их не только своему творчеству, но и кипучей общественной работе, объединению литераторов вскруг издательства «Знание», литературной товарищеской помощи (Горький с огромным вниманием читал десятки чужих рукописей). Восхищенно следя за уверенной поступью Горького, Андреев с горечью признавал, что сам он не обладает ею.

В 1902 г. Андреев задумывает рассказ о том, как человек губит свой талант: «Талант большой, а человек маленький. Талант тянет к свободе жизни, к шири, к мученичеству — человек пищит и просится на мещанскую кухню» (№ 67)[114]. Отражение подобных раздумий мы найдем и в письме к Е. Л. Бернштейну (сентябрь 1905 г.), в котором писатель уже в прямой форме противопоставляет себя Горькому, отрицающему «обывательщину не только мыслью, но и жизнью своею».

Кто я — мятежник или мещанин? — этот личный и одновременно социальный вопрос Андреев ставил неоднократно. Признавая, что в основе его миропонимания не лежит твердая вера в тот или иной идеал, писатель полушутливо писал в 1904 г., что ему невольно «остается бунтовать — пока бунтуется, да пить чай с абрикосовым вареньем»[115].

Однако, давая столь нелестные оценки двойственности своей натуры, Андреев все же был глубоко убежден в антимещанской сущности своего творчества. И этому вдруг был нанесен такой удар. Необходимо было выяснить, и как можно скорее, разделяет ли мнение Луначарского Горький, ведь не так давно, в мае 1902 г., он писал Андрееву, что не верит в возможность превращения его в мещанина. На Капри летит одно письмо за другим.

Андреев был удручен отзывами, идущими из революционного лагеря, но, не соглашаясь с ними в оценке собственного творчества, признавал вместе с тем большое общественное значение выступлений против реакционной литературы. Мартовское письмо 1908 г. (№ 157) явно отражает взволнованность статьей Воровского «В ночь после битвы». В нем говорится о литературных мародерах — Мережковском, Гиппиус и других, которые «явились на поле сражения и обирают убитых». Андреев не хочет идти в ногу с этими литераторами его тревожит мысль, что он сопоставлен с ними. Несмотря на горечь обиды в связи со статьей Луначарского в «Литературном распаде», в конце письма к Горькому несколько неожиданно сказано: «А в общем все-таки ваш сборник хороший и своевременный»[116].

Оценка последних произведений Андреева явно выходила за рамки личных отношений. На этот раз Горький ответил другу в печати. В статье «Разрушение личности» создатель «Тьмы» был поставлен рядом с авторами, преследующими цель «затемнить и запачкать» революционера. Подобная задача не входила в субъективные намерения Андреева, но объективный смысл его произведения был таков.

Общение с Капри было прервано. Разрыв продолжался долгое время. В декабре 1910 г. Андреев был в Италии, но не посетил Горького.

6

«Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповник“» нашли в годы реакции своего читателя; отдельные выпуски этого альманаха имели более высокие тиражи, чем «Сборники товарищества „Знание“». И тем не менее, Андреев трезво оценивал свое литературное окружение и не хотел надолго связывать с ним свою творческую деятельность. У Андреева не было близких друзей ни в литературе,

ТРЕТИЙ СБОРНИК «ЗНАНИЕ» (СПб., 1905). ЗДЕСЬ НАПЕЧАТАНЫ ПЬЕСА ГОРЬКОГО «ДАЧНИКИ» И РАССКАЗ АНДРЕЕВА «КРАСНЫЙ СМЕХ»

Книга посвящена памяти А. П. Чехова

Титульный лист

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

III.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1904 ГОДЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:
Скиталецъ. Памяти Чехова.
А. Купринъ. Памяти Чехова.
М. Горькій. Дачники.
И. Бунинъ. Памяти Чехова.
Л. Андреевъ. Красный смѣхъ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

ни в личной жизни. Дом писателя был полон посетителей, все это были приятели, давние и новые знакомцы, но не друзья.

Признание в письме к Горькому: «И во все эти годы молчания ты занимал в моей жизни не меньше живого места, чем рядом живущий, самый близкий и живой человек» (№ 159) — значило многое. Шумная слава не покидала писателя, было много творческих замыслов, еще легко работалось. И все же он испытывал большую неудовлетворенность, ему недоставало доверия Горького.

Будучи любителем парадоксов, Андреев оставил немало выразительных высказываний в защиту свободы творчества, они, однако, не согласовались с истинной позицией писателя. Таково, например, часто цитируемое в работах об Андрееве заявление о праве художника сегодня быть мистико-анархистом, а послезавтра идти «к Иверской с молебном, а оттуда на пирог к частному приставу»[117]. Выступления и письма Андреева содержат немало гневных слов в адрес подобных «свободолюбцев». Отстаивая независимость художника от политики, Андреев все же никогда не забывал об общественном долге писателя. Об этом, помимо художественных и публицистических произведений («Красный смех», «Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Рассказ о семи повешенных», «Памяти Владимира Мазурина» и др.), говорит общественная деятельность писателя. Она не имела размаха, свойственного Горькому, и в годы реакции была весьма ограничена, но все же нельзя не считаться с нею.

И в начале 900-х годов и в годы реакции Андреев определял свои задачи как революционные. Беда была в том, что он плохо разбирался в природе этой революционности. Она продолжала носить ярко выраженный анархический характер («Царь-Голод», «Океан» и др.).

Несмотря на разрыв с Горьким, Андреев все еще был убежден, что он и писатель-социал-демократ близки в истоках своего творчества, что они могут идти рядом. В феврале 1910 г. заведующий конторой «Знания» С. П. Боголюбов сообщил Горькому о разговоре с Андреевым, который заявил: сойдись он вновь с Горьким в «Знании» — всем альманахам конец. Никто уже не сможет серьезно противостоять их единству.

Горьковская критика последних лет была сурова и резка по тону, но Андреев продолжал чувствовать любовь писателя к своему таланту. Они были разные, но хорошо понимали друг друга. Андрееву недоставало ожесточенных схваток с Горьким по вопросам литературы, политики, личного творчества,— он все еще не мог забыть дней и ночей, проведенных в жарких спорах и беседах. Общение с Горьким расширяло представление о кипении новой жизни, о новых задачах русского общества, о новых дерзаниях человеческой мысли.

В письме, прервавшем трехлетнее молчание, Андреев вновь возвратился к излюбленному утверждению: «по существу же чувств и мыслей моих и всей моей жизни я уверенно считаю себя твоим неизменным и верным союзником» (12 августа 1911 г., № 159).

Чутко улавливая новый подъем общественного настроения, Андреев писал, что кончается пора уныния и необходимо «привести молодую литературу к революционному единству». Это мог сделать только Горький. Андреев выражал готовность вновь сражаться под знаменем своего друга. Сама действительность убедила писателя в том, что «отход» от Горького нарушал перспективу в осмыслении им «груды накопленного».

В пору возникновения дружбы Андреев был взволнован мыслью: человека или же только литератора любит в нем Горький. Возможность подобного разъединения возмущала его. Теперь Андреев готов признать: личная дружба поколеблена. Однако он не хотел, не мог согласиться с тем, что они как писатели чужды друг другу.

Горький ответил большим письмом. Разъясняя причину разрыва дружеских отношений, оно показывало вместе с тем обусловленность этого разрыва различным пониманием задач литературы в эпоху реакции. «Ты сократил расстояние,— писал Горький,— между тобой и „обозной сволочью“ и тем понизил значение литературы — я знаю, не один ты, конечно, а и Куприн и многие-многие. Но многие, может быть, по твоему примеру: если сам Андреев, то и мы можем» (№ 160).

Письмо говорило о более серьезных причинах разрыва, чем это казалось Андрееву. И все же, невзирая на различное восприятие жизни, революционной борьбы и ее героев, Андреев верил в возможность полного примирения.

В 1903 г., не получая ответа от Горького на свои покаянные письма после пьяного дебоша в Нижнем-Новгороде, Андреев решил послать ему только что законченную «Жизнь Василия Фивейского». Этот рассказ должен был решить судьбу их дружбы, показать Горькому, ошибся ли он в талантливости и социальной значимости творчества Андреева. «Савва», прочитанный в Глионе, помог забыть о конфликте конца 1905 г. Андреев надеялся, что новое удавшееся произведение и на этот раз сблизит его с Горьким.

Современники, в том числе и В. Е. Беклемишева[118], вспоминают о творческом подъеме, охватившем писателя в период работы над «Сашкой Жегулевым». О том же свидетельствовал и сам автор. Это был отклик на недавние, хорошо памятные события, отклик, достойный, по мысли Андреева, положительного признания читателя-демократа. В одной из бесед о современной литературе и своей работе над романом Андреев сказал: «Что касается содержания, то его можно определить одним словом: „Россия“. Мне уже давно хотелось написать о России... Я взял один из любопытнейших моментов русской истории: эпоху развала революции. Это была полоса, когда, с одной стороны, пробуждалась „черноземная Россия“, шевельнулся народ, а с другой стороны — интеллигенция пребывала уже в полной деморализации. Расцвели всевозможные „лиги любви“, бурной волной пронеслись экспроприации. И тут, и там деятельное участие принимали подростки — гимназисты, которые бросали школу и шли в лес, чтобы организовать шайки экспроприаторов»[119]. Работа над «Сашкой

Жегулевым» связывалась Андреевым с общим поворотом современных писателей «к коренной теме русской литературы — к проблеме совести».

Успех «Жизни Василия Фивейского», как уже отмечалось, вызвал у Андреева уверенность в художественной целесообразности избранной манеры изображения. Его интересовала не «диалектика души», а крайние проявления чувствований и размышлений человека, не воссоздание реальной действительности, а лишь выявление некоторых примет ее.

В письме к М. Неведомскому 1904 г. писатель сообщил об одном из своих замыслов: «Мне хочется, например, написать о террористах-семидесятниках, дать душу этого движения, этих людей, о которых я знаю только по книге, и я думаю теперь, что это может мне удаться» [120].

Замысел этот не был реализован, но отзвук его несомненно слышится в «Сашке Жегулеве». Андреев не ставил перед собой задачу воссоздать реальную картину стихийной борьбы в 1906—1907 гг., его интересует прежде всего «душа этого движения», привлекающая молодежь, жаждущую борьбы и подвига. Юный и чистый Саша становится грозным мстителем во имя попранной социальной справедливости: «Вдруг стало стыдно читать газеты, в которых говорилось о казнях, расстрелах, а из каждой строки глядела безумно-печальными глазами окровавленная, дымящаяся, горящая, истерзанная Россия» [121].

Тема, избранная Андреевым для романа, была обойдена писателями-современниками, а между тем она была жизненна и свидетельствовала о явном стремлении автора сделать новый шаг в сторону демократической литературы. В статье «Партизанская война» Ленин неоднократно возвращался к вопросу о «партизанской войне», возникшей после декабрьских событий. Этот вопрос стоял на IV (объединительном) съезде партии. Ленин говорил о поддержке большевиками партизанских выступлений населения, «здесь *ясна* связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое назревает вновь» [122]. Это был ответ на карательные меры правительства и черносотенные погромы. Во главе этих партизанских выступлений стоял уже не старого типа интеллигент-заговорщик, а «рабочий боевик или просто безработный рабочий» [123]. Но наряду с организованными действиями и экспроприацией возникал стихийный протест масс, носящий анархический характер. Ленин писал: «Как преимущественную и даже *исключительную* форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы» [124].

В романе «Сашка Жегулев» была показана именно стихийная форма социального протеста, причем в пору утерянности ею какой бы то ни было связи с революционностью [125]. Герой романа, обрекавший себя на «жертву» во имя любви к народу, не мог внести разумное начало в действия своих приспешников; он сам был таким же стихийным протестантом.

Роман вызывал у читателя чувство тревоги, ощущение социальной неустроенности жизни, но он не давал ясного представления об авторской оценке сил, выдвинувших Жегулева в качестве атамана «лесных братьев», и преследуемых ими целей. Образы Петруши, матроса и Колесникова не обладали четкостью. Признание неизбежной обреченности стихийных анархических протестов затемнялось усиленно подчеркиваемой роковой предопределенностью судьбы Саши Погодина.

Не была создана также впечатляющая картина растревоженной Руси. Социальная психология, как и в более ранних произведениях («Губернатор», «Так было» и др.), оказалась подмененной философско-мистическими мотивами.

В лирических отступлениях автор говорил о бесплодности народной ярости, лишенной надежды и смысла. Однако авторское утверждение, что «уже других путей ищет народная совесть, для которой все эти ужасы были только „мгновением“» [126], оказалось неразвернутым.

Стихия лиризма, пронизавшая роман, содействовала возбуждению симпатии и сострадания к юному герою, который не услышал истинных, революционных «зовов» времени, но она же углубляла впечатление неясности основной идеи произведения.

В романе делалась попытка воскресить психологию интеллигенции, сделавшей мерилом своей эстетики и этики самопожертвование ради блага людей[127]. Обрекая своего героя на бесплодную гибель, Андреев в то же время любуется его «подвигом» самоотречения. По поводу подобного любования В. Воровский писал: «психология интеллигенции, которая так высоко ставила эстетику героического самопожертвования, складывалась и господствовала в эпоху, когда это самопожертвование было главным и наиболее ценным фактом в общественной борьбе 〈...〉 Быть в эпоху массового героизма эстетом индивидуальных героических усилий самопожертвования — значит разойтись с действительностью на целое поколение»[128].

Андреевское истолкование проблемы совести, перекликающееся с народнической трактовкой этой проблемы, явно не соответствовало новым историческим условиям[129].

Желая как можно быстрее узнать мнение Горького — оно как и ранее было так дорого,— Андреев послал в Италию корректуру «Сашки Жегулева». Это был как бы ответ на письмо Горького, упрекавшего Андреева в связи с «Моими записками» в проповеди пассивного отношения к жизни, «неожиданной для меня и тебе несвойственной» (№ 160). Но ожидания автора не оправдались, Горький не признал в нем своего союзника. Роман, который писался с таким волнением, окончательно разъединил их.

В конце 1910 г. Горький иронически говорил о «Дне гнева» как неудачной попытке Андреева поднять свою общественную репутацию. Рассказ был типичен для Андреева-индивидуалиста. Столь же безуспешную попытку Горький увидел в «Сашке Жегулеве». Он не был удовлетворен как выбором жизненного материала, так и его освещением.

По поводу основного героя в письме к Андрееву говорилось: «А сам Сашка — деревянная болванка, знакомая издавна; это все тот же изжеванный русской литературою „агнец“,— то есть баран,—приносящий себя в жертву за „грехи мира“, возлагающий на себя бремя неудоботносимое и охающий разноголосно, но — всегда одинаково и в 80-х, и 10-х годах,— под игом своим, якобы добровольно взятым на рамена. А — совсем не добровольно и всегда — не по силам; никогда не для себя, но —обязательно во имя чье-то» (№ 164).

Горьковская оценка героя и новых художественных исканий в «Сашке Жегулеве» сильно задела Андреева. Роман был отрицательно встречен большинством критиков, в основном упрекавших писателя в психологической неубедительности характера Саши Погодина, схематичности и неясности образа Колесникова, а также в злоупотреблении символикой[130]. Выступления критиков были огорчительны, но к их резким и часто недоброжелательным отзывам Андреев уже привык. Трудно было примириться с критикой, идущей из лагеря, на который повесть была рассчитана[131].

В отзыве Горького осуждались не отдельные художественные просчеты, а авторское отношение к жизни в целом, нежелание показать новые пути, по которым пошел народ. Это было продолжение страстного спора об изображении человека и его истинного героизма. Приведенный выше отзыв Воровского был направлен в адрес Куприна, автор повести «Лето» обвинял в подобном же отставании от жизни Андреева.

Горьковский оптимизм, основанный на понимании исторического хода событий, был чужд Андрееву. Героизм пролетарских борцов за свободу и истоки этого героизма оставались за пределами художественного познания писателя. Он более живо воспринимал душевные мятежи и гибель человека, чем его победы.

Протест Андреева в «Рассказе о семи повешенных» (1908), направленный против разгула террора в эпоху реакции, сыграл столь же большую роль, как и гневная статья Короленко «Бытовое явление». Новое произведение вновь обратило внимание на Андреева как художника, близкого демократии. В активе других «знаньевцев» не было столь исполненного горечи протеста. «Рассказ» был ценен возвращением Андреева гуманиста от туманных абстракций к злободневным темам действительности. Современники свидетельствовали об огромном впечатлении, произведенном выступлением Андреева, но Горький не был удовлетворен этим откликом на «волнения эпохи»[132]. Тема нового произведения требовала от писателя-демократа выяснения отношения к человеку-борцу, но Андреев уклонился от подобного ответа. В боевой статье «Разрушение личности» осуждалось снижение облика революционеров,

ведь ни один из них, идя на виселицу, не вспомнил о своем великом деле. В романе и в своей публицистике Андреев обращал главным образом внимание на равенство людей перед лицом смерти, а не на протест против сил старого мира, допускающих подобные казни.

7

«Сашка Жегулев» был отрицательно встречен Горьким, так как, по его мнению, автор и здесь не проявил мироощущения демократии, которое «мужественно и действенно»[133]. В пьесе «К звездам» были показаны представители революционной борьбы. Наиболее сильный из них, Николай, не появился на сцене, но о нем как подлинном герое-борце говорили почти все действующие лица. В романе никто не противостоял стихии анархизма, новые пути борьбы, найденные народом, в нем указаны не были.

В черновике письма к В. Л. Львову-Рогачевскому (конец 1911 г.) Горький приходил к выводу: «Вообще же Андреев, на мой взгляд, становится все более реакционным писателем». Горький не ставит под сомнение талантливость Андреева, но отмечает новые тенденции его развития в эпоху реакции. Если ранее Андреев причислялся им к писателям, наиболее ярко отражающим настроения передовых сил общества, то теперь, в том же черновом варианте письма, об Андрееве говорилось как о талантливом воплотителе отживающей общественной психологии: «Он имеет одно превосходное качество: прекрасно чувствуя старого русского человека, старую нашу психологию, он резко формулирует ее и тем самым показывает всю гниль, всю пагубность ее для нас». Андреев чутко уловил отношение Горького к «Сашке Жегулеву» как произведению, по существу, не отличающемуся от ранее осужденных вещей.

Горечь, вызванная отзывом, усугубилась появлением горьковской статьи «О современности», в которой осуждались литераторы, воспевшие Иуду. Автор «Иуды Искариота» принял этот упрек в свой адрес. Статья, опубликованная в марте, была датирована январем 1912 г.; она писалась под свежим впечатлением от чтения «Сашки Жегулева», и вполне естественно, что Андреев увидел в ней выпад против себя.

«Иуда Искариот» был написан на Капри. В марте 1907 г. Андреев известил Вересаева: «И рассказ кончил. „Иуда Искариот и другие“ — нечто по психологии, этике и практике предательства. Горький одобряет, но я сам недоволен»[134]

Горький, работавший в то время над повестью «Жизнь ненужного человека», которая разоблачала психологию провокаторства, действительно признал рассказ Андреева значительным произведением и опубликовал его в сборнике «Знание». Но вскоре оценка талантливо написанного произведения была пересмотрена; Горький увидел в нем отражение отрицательных тенденций литературы эпохи реакции. Неожиданная трактовка мотивов предательства приводила к оправданию его. Останавливаясь на этом рассказе, Луначарский писал в сборнике «Литературный распад», что Андреев создал «литературный шедевр», но его стремление «возбудить симпатию к Иуде и антипатию к человечеству» было на руку реакции. В ответном письме к Андрееву Горький сообщал, что в своей статье не имел в виду «Иуду Искариота»: «речь идет о писателях улицы, о том, как они опошляют большие идеи» (№ 166). Однако сопоставление статьи «О современности» с близкими по времени отзывами Горького об Андрееве вызывают и сейчас впечатление, что автор «Иуды Искариота» все же был причислен к числу тех, кто воспевал предательство. Горьковский ответ в данном случае напоминает по мотивам опровержения ответ того же года Сологубу, который прислал писателю протест против публикации «Сказки» о поэте Смертяшкине. В этом сатирическом образе Сологуб справедливо усмотрел свои черты. Однако Горький, типизирующий в своей сказке «сологубовщину», отрицал личный выпад против Сологуба. Он писал, что в Смертяшкине олицетворен не Сологуб, а те литераторы, что тащат на улицу, опрощают и пачкают его идеи и даже слова (XXIX, 289). Подобная типизация была произведена и в статье «О современности».

Вслед за нею в июле была опубликована статья «Издалека», посвященная ответам литераторов на анкету «Биржевых ведомостей» об эпидемии самоубийств. Здесь Горький говорил уже не об отдельных произведениях, а об общей направленности андреевского творчества последних лет. В статье высмеивался «доморощенный ниги-

лизм», который позволил Андрееву и Арцыбашеву вообразить себя «титанами, разрушающими зло и ложь мира, никем до них не замеченные и не понятые»[135]. Андреев не отделялся от проповедников пассивного отношения к жизни, признаваемой ими бессмысленной. Этому нигилизму Горький противопоставлял веру в силы демократии, призванной построить новый мир. «К жизни, к работе, а не к смерти надо звать!»— таково было заключение автора «Матери».

Итак, надежды, возлагаемые на «Сашку Жегулева», не оправдались, «каприец» не счел роман прогрессивным литературным явлением. Письма и статьи Горького продолжали говорить о резком различии мировоззрения и литературных устремлений недавних друзей. И хотя Андреев все еще писал о своем желании вновь сблизиться с Горьким и готов был признать «Сашку Жегулева» скучным, — именно этот роман вызвал у него новое отношение к Горькому.

Андреев не согласился с обвинением в том, что он смотрит на новые явления жизни с позиций отживающей психологии. Он не счел справедливой и отрицательную оценку пафоса своего произведения, она была истолкована им как выступление против романтики. Не могло также не задеть Андреева явно полемическое утверждение, что в его последних произведениях «все строго-правильно, все разлиновано и оттого—скучно все» (№ 164). Творчество Андреева страдало отвлеченностью и рационалистичностью, но вместе с тем оно обладало большой силой эмоционального воздействия, засвидетельствованной множеством современников.

Внутренний спор с Горьким нашел частичное отражение в письме Андреева к Короленко. В нем он как бы стал на защиту героя, отвергнутого Горьким.

Заявив о большом уважении к поколению народников, которое «всю литературу подняло на высоту строгого и неподкупного народослужения», Андреев писал, что вместе с недавно умершим Н. Ф. Анненским «навсегда уходит в могилу та настоящая великая русская революция, которая десятки лет творилась в тишине и молчании одинокими бойцами. Становится пусто и холодно. Будут и еще у нас люди, и даже герои будут, но той чистоты *всего дела*, какая была, уже не будет. Романтики не будет, а без романтики — простите за преувеличение — самая Голгофа становится делом коммерческим»[136].

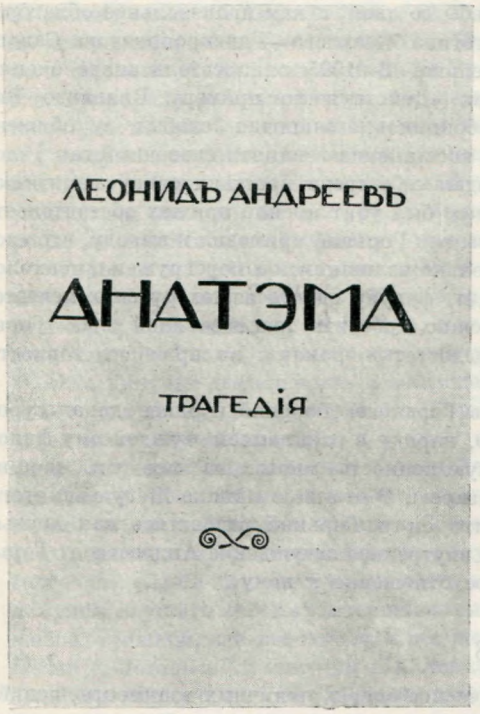
Был ли справедлив беспощадный, по сути дела, приговор Горького? Роман на «современную тему» не оправдал надежд, возлагаемых читателями на такого крупного художника, как Андреев. Он не дал глубокого раскрытия сущности изображаемого социального протеста и не показал правдиво силы «черноземной России», хотя это входило в его творческую задачу. Широкий замысел эпопеи оказался чрезвычайно суженным. Не был художественно-убедительным и процесс превращения потенциального героя в авантюриста. Из плана социального роман был перенесен в план излюбленной автором моральной трактовки вопроса об искоренении зла жизни.

Но при вынесении приговора «Сашке Жегулеву» Горький не учитывал обстоятельств, все же говоривших в пользу автора. Для Горького роман еще одно из доказательств неверного восприятия Андреевым современной социальной борьбы, превращение одного из ее драматических эпизодов в отвлеченную моральную категорию. В «Сашке Жегулеве» он не без основания увидел отражение идей Достоевского, взятых в те годы на вооружение реакцией.

Однако в художественном развитии Андреева «Сашка Жегулев» занимает особое место. Закончив работу, Андреев писал брату: «Весьма порадовал меня роман: прочтешь и увидишь, что я выпрыгнул за свои рамки, прикупил земли и погуливаю сызнова. И так приятно было работать в новом воздухе, дышать Россией, шататься по шоссе, плутать в лесу и жечь усадьбы. Два месяца жил я, как во сне, еле-еле взирал на реальность и отпихивался от нее, а явь был роман — пречудесно!»[137] В этом романе, несмотря на явную авторскую симпатию к основному герою, впервые говорится о бесплодности анархического бунтарства. Нельзя к тому же забывать, что роман писался в годы, когда часть писателей все еще продолжала выступать с изображением морального разложения революционной молодежи. «Сашка Жегулев», в котором делалась попытка вернуться к современной общественной теме, несомненно, свидетельствовал об изменении

Андреевым позиции, занимаемой в годы реакции. Увлеченный спором с буржуазными литераторами Горький не счел нужным отметить это.

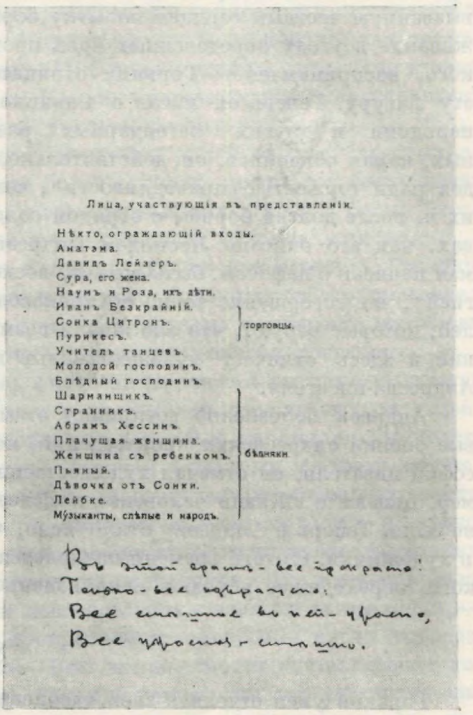
Позднее Горький включил «Сашку Жегулева» в число произведений, рекомендуемых вниманию зарубежных читателей. В предисловии к роману Горький дал яркую характеристику творчества одного из своеобразнейших русских писателей начала XX века.



ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

АНАТЭМА

ТРАГЕДІЯ



Лица, участвующія въ представленіи.

Нѣкто, ограждающій входы.
Анатэма.
Давидъ Лейзеръ.
Сура, его жена.
Наумъ и Роза, ихъ дѣти.
Иванъ Безкрайній.
Сонка Цитронъ.
Пуриксъ.
Учитель танцевъ.
Молодой господинъ.
Блѣдный господинъ.
Шарманщикъ.
Странникъ.
Абрамъ Хессинъ.
Плачущая женщина.
Женщина съ ребенкомъ.
Пьяный.
Дѣвочка отъ Сонки.
Лейбке.
Музыканты, слѣпые и народъ.

торговцы.

бѣдняки

Въ этой драме - все прекрасно!
Только - все извращено.
Все смешное в ней - ужасно,
Все ужасное - смешно.

НАДПИСЬ ГОРЬКОГО НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ ТРАГЕДИИ АНДРЕЕВА «АН АТЭМА» (СПб., «ШИПОВНИК», 1909):

«В этой драме—все прекрасно!
Только — все извращено.
Все смешное в ней — ужасно,
Все ужасное — смешно».

Горький перефразирует экспромт А. Н. Плещеева (?), сказанный об игре актера В. В. Чарского: «Все в игре его прекрасно...»

Титульный лист и страница книги

Личная библиотека Горького

Не соглашаясь с андреевским выбором темы и ее трактовкой, Горький-критик отрицал жизненную правдивость романа и его героя. В 1925 г. он подошел к оценке этого произведения уже как историк литературы. Отклик Андреева на малоосвещенные в литературе события русской жизни был признан им значительным. Вот что писал Горький по этому поводу: «Революция тех лет настроила романтически и героически сотни юношей, но революция была уже подавлена, а возбужденное ею в юных сердцах стремление к борьбе, к героическому подвигу осталось у многих неудовлетворенным, и случаи, когда искренний героизм вырождался в авантюризм и бандитизм, были очень часты».

В неприятии романа «Сашка Жегулев» немаловажную роль сыграл давний творческий спор о праве переосмысления реальных явлений жизни. Воспоминания «Леонид Андреев» широко раскрывают основы этого спора. Для Горького, убежденного в том, что художник не в праве произвольно искажать реальные перспективы развития

жизни и характеры людей, было неприемлемо своеобразное восприятие Андреевым прототипа пьесы «Савва» — Уфимцева; писатель неоднократно выступал также против искажения действительности в рассказе «Тьма».

В своих частых спорах с Андреевым Горький хотел привлечь внимание друга к светлым, хотя порою еще не слишком распространенным явлениям жизни и достойному освещению их в литературе. Первый и единственный роман Андреева был воспринят им не как стремление писателя доброжелательно осветить бесплодную, но вызванную честным сердцем попытку борьбы со злом, а как произвольное облагораживание в угоду определенных идей прототипа Жегулева — экспроприатора Савицкого, воспринимаемого Горьким отрицательно. В 1925 г. писатель иначе оценил эту фигуру. Теперь он писал о Савицком: «Действуя по примеру Ринальдо Ринальдини и других легендарных разбойников, защищая слабых и обиженных, карая обидчиков, он, действительно, восстановил в памяти сказочный тип „злодея ради торжества справедливости", создал себе среди крестьян славу защитника их и, после долгой борьбы с отрядом солдат, был убит именно при тех обстоятельствах, как это описано Леонидом Андреевым». Горький приходил к выводу, что «роман написан с пафосом, быть может, несколько излишним, он перегружен „психологией", но совершенно точно воспроизводит фигуру одного из тех русских мечтателей, которые веруют, что зло жизни возможно победить тою же силой зла». Горький и здесь отмечает художественные недостатки романа, но признает зоркость Андреева-писателя.

Андреев болезненно воспринял отзыв Горького. Горький и ранее давал суровые оценки андреевских произведений, но, наряду с отрицанием чуждой ему философии писателя, он отмечал художественную ценность многих из них (см., например, отзывы о «Жизни человека» и «Елеазаре»). В отзыве о «Сашке Жегулеве» этого не было. Теперь и Андрееву стало ясно, что он и Горький разошлись как друзья и художники. С этого времени начинается внутреннее отчуждение Андреева от Горького, переходящее порою в неприязненное отношение к нему.

8

Горький умел отделять свои идеологические споры от личных взаимоотношений. Протест против постановки «Бесов» Достоевского в Московском Художественном театре в 1913 г. («О „карамазовщине"», «Еще о „карамазовщине"») не помешал писателю доброжелательно относиться к руководителям театра — В. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому. Горький активно боролся с социальным пессимизмом Андреева, но продолжал с неослабевающим интересом следить за его творчеством. От этого автора он все еще ожидал больших волнующих произведений. «Разногласия умозрений не должны бы влиять на симпатии; я никогда не давал теориям и мнениям решающей роли в моих отношениях к людям»,— писал Горький («Леонид Андреев»). Разногласия не помешали ему дружески встретить Андреева после возвращения в Россию.

Андреев не обладал подобным качеством. Он держится настороженно, в дружеском общении ему чудится неискренность, ведь они с Горьким и сейчас противники.

Статьи Горького, направленные против проповеди идей Достоевского, понижающих социальную активность людей, были встречены бурей негодования. Андреев не присоединился к протестующим откликам писателей и критиков в печати, но газетчики тотчас же известили, что в беседах с ними он также осудил стремление Горького пресечь пропаганду идей Достоевского со сцены передового театра.

В письмах 1911—1912 гг. Андреев обвинял Горького в прямолинейности суждений о своем творчестве и жизни. Это было вызвано резким обострением личных отношений. Теперь Андреев обобщает свои упреки, приписывая Горькому стремление к «всесветному учительству» и догматизм суждений о современных литераторах. Во многих горьковских выступлениях против доказательств «бессмысленности человеческого бытия» и «неизлечимой порочности природы человека»[138] Андреев ищет намеков на свою творческую деятельность и, находя их, все более ожесточается.

Ему кажется, что Горький, живя на Капри, оторвался от русской действительности и не видит перемен, происшедших в ней после революции 1905 г.

Горькому-художнику действительно недоставало России, ему нужен был ее воздух, повседневное ощущение ее радостей и печалей. Замысел романа «Сын» не был осуществлен, по собственному признанию писателя, в силу оторванности от реальной обстановки 1906—1913 годов. Но понадобилось немного времени, чтобы Горький увидел то новое, что возникло в русской жизни. Спустя полгода после возвращения на родину он писал Амфитеатрову: «А что выросло за эти восемь лет и что неузнаваемо изменилось, так это — демократия. Вы и представить себе не можете, как интересны и серьезны стали простые люди на Руси!»[139] Горький знал об этом росте и ранее, о нем говорила рабочая печать, посетители Капри, многочисленные корреспонденты писателя, но все это художнику надо было увидеть самому.

Андреев, гордившийся своим знанием России, был далек от этих «простых людей». В эти годы круг его наблюдений еще более сузился, жизнь все более начала замыкаться рамками литературного быта, профессиональных встреч и бесед. Это не могло не сказаться на творчестве, оно все менее отражает дыхание времени.

Горький в России сразу же оказался в центре литературной жизни. Он становится во главе издательства «Парус», развернувшего большую работу по изданию русской и национальных литератур, ищет денег для издания газеты или же общественно-литературного журнала, проектирует организацию театра трагедии.

Эта кипучая деятельность и восхищает Андреева («большая фигура») и возмущает в то же время. Непримиримость Горького к пропаганде враждебных ему идей и успех выступлений писателя в защиту своих литературных принципов вызывает у Андреева недоброжелательное беспокойство. Порицая Горького, Андреев вместе с тем боится снова оказаться под его влиянием. Немногочисленные встречи вновь отдают его во власть личного обаяния Горького. Андреев противится этому; в горьковских попытках оздоровить литературу ему чудилось покушение на «свободу» писательского «я». «Любя литературу, как нечто отвлеченно-прекрасное и безгрешное, Горький не сумел внушить своей аудитории и своим последователям любви к литераторам,— к живой, грешной, как все живое, и все же прекрасной литературе,— писал Андреев в статье «„Летопись" и мемуары Шаляпина».—Всю жизнь, смотря одним глазом (хотя бы и попеременно, но никогда двумя сразу), Горький кончил тем, что установил одноглазие как догмат».

В 1907 г. Андреев приветствовал Горького как зачинателя новой литературы, сила которой в «новизне и гениальности» мироощущения и мирочувствования писателя. Теперь художественный метод Горького вызывает его раздражение. Он начинает призывать к противодействию «горьковщине». В это понятие включаются и социальный оптимизм творчества и борьба с пассивным отношением к жизни, и литературно-организаторская работа, связанная с этой борьбой. Андреева раздражает не только Горький, но и Вересаев, который теперь также кажется ему чужим человеком.

К участникам «Среды», не изменившим реализму, Андреев всегда относился снисходительно, называя их бытовиками. После неприятия «Сашки Жегулева» Горький причисляется Андреевым к защитникам «устаревшего» реализма, не умеющим объективно судить о литературных исканиях других авторов. В 1913 г. Андреев пишет Амфитеатрову, высказавшему нелестное мнение об «Анатэме»[140]: «Ваш догматический реализм, обязательный для всех времен, племен и народов, я считаю началом враждебным не только себе, но и самой вечно развивающейся, творящей форме, как и сути свободной жизни. И может быть, в этом ошибка ваша, Горького и других, что в момент *перевооружения* всех художественных и умственных сил вы во что бы то ни стало стремитесь сохранить старые ружья и добрый, старый, дымный порох, который когда-то был так хорош!»[141]

Автор «Сашки Жегулева», настойчиво подчеркивавший ранее свою «близость» к литературным задачам, выдвинутым писателем-революционером, начинает противопоставлять свое творчество горьковскому. В начале века Андреев одним из первых, и притом восторженно, заговорил о горьковских пьесах как новом типе социальной

драмы, теперь же «горьковско-вересаевский» оптимизм раздражает его. Социальной драме Горького («Поставил Горький указующий перст — держи к бодрости!!!») драматург противополагает свои последние пьесы («Анфиса», «Екатерина Ивановна») с указующим перстом «держи к психизму!», иными словами к изображению изломанной человеческой психики. 17 ноября 1913 г. Андреев предлагает Немировичу-Данченко избрать второй путь. 17 января 1915 г. он вновь пишет ему же, что «горьковщине уступать не надо».

В 1913 г., видимо, в связи с появлением циклов «Сказки об Италии» и «По Руси», Андреев писал Амфитеатрову что Горький принизил свой огромнейший талант ради романтического «псевдореализма»[142].

В годы войны Андреев ищет общения с более созвучными ему людьми. «Жду вас и А. Н. ⟨Чеботаревскую.—*К. М.*⟩ с нетерпением; за этот год вы стали самыми близкими людьми»,—признается Андреев в письме к Сологубу 1915 г.[143] Творчество этого писателя воспринимается им по-новому, принижение личности человека выдается за великое открытие. Непрекращающаяся на протяжении пятнадцатилетия дискуссия с Горьким об отношении к человеку (вспомним спор о рассказе «Из глубины веков») разрешается теперь отрицанием горьковских суждений по этому вопросу. Андреев пишет автору «Мелкого беса»: «Прочел недавно Передонова — с очарованием и страхом. И странно: в этот раз выделилось другое — его тоска. Какая тоска! И ведь он герой, он велик, он душа великого, запертая в теле скота, он один среди всего пейзажа — человек. Ардальон Борисыч — человек! А это так. И что „сон Макара", слезинка ребенка и прочее — вот с *этим* доказательством можно идти к богу без доклада и требовать немедленного суда и воскресения»[144].

Излюбленные Андреевым поиски парадоксальных решений поставленных вопросов находят отголосок и здесь: мира нельзя принять не потому, что он переполнен страданием невинных и чистых, о чем говорила предшествующая русская литература, а потому, что человек стал скотом.

Сложные взаимоотношения с Горьким усугублялись диаметрально противоположными политическими взглядами: Горький приложил немало усилий для разоблачения причин первой мировой войны и осуждения ее виновников[145], Андреев же, поддавшись шовинистическому угару, охватившему значительные круги русского общества, стал одним из бардов войны. Он считает необходимым прекратить на время во имя победы борьбу с царским правительством. Реакция олицетворена для него теперь в образе Германии, ее военный разгром мыслится как разгром «всей европейской реакции» и начало «цикла европейских революций»[146]. Андрееву кажется, что он занимает особую позицию в вопросе о войне, на самом же деле она смыкается с позицией других ее защитников. «Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники»,— метко скажет Горький[147]. Деятельность Горького возмущает Андреева, письма писателя пестрят выпадами против него. «Многие ничего не понимают, смешивают эту войну с японской. Максимыч крайне возмутителен»,— пишет Андреев брату[148]. Пораженческая позиция Горького связывается с позицией большевиков. «Вы читали в „Современном" о заграничных „пораженцах", Ленине и других?— спрашивает Андреев Сологуба и добавляет:— „Наш дорогой" тоже, по-видимому, пораженец, этим объясняется его бодрая психология»[149]. Вскоре Андреев выступит с призывом воспеть войну («Пусть не молчат поэты»)[150]. Горький начал борьбу с подобной литературой. Воинствующие выступления писателей, в том числе Андреева, Сологуба и Куприна, встретили отпор в его статье «Несвоевременное» (1914)[151].

Андреев осудил Горького и возглавляемый им журнал «Летопись», который, несмотря на пестроту взглядов, вносимую пестрым составом сотрудников, был единственным общественно-литературным ежемесячником, направленным против оправдания развязанной войны. Имя Горького продолжало служить знаменем демократической литературы, к словам писателя прислушивались многие. Антивоенная направленность «Летописи» была ясна и правительственным органам[152], и зарубежным журналистам, следившим за русской печатью[153], и широким кругам читателей. С. Шаумян писал, что «Летопись» «справедливо считается самым серьезным и последовательным демократическим журналом. Можно сказать, что единственно только она оста-

лась верна высшим принципам международной демократии»[154]. Буржуазная пресса подвергала «Летопись» систематической травле.

В первом номере «Летописи» (декабрь 1915 г.) появилась статья «Две души», в которой Горький дал несправедливую, резкую оценку русского народа. В статье ставился вопрос об активном и пассивном отношении к жизни, который освещался и в ранее опубликованных критических выступлениях писателя, но теперь он получил ошибочную трактовку. Русский человек, по утверждению Горького, весьма прихотливо сочетал оба отношения к жизни, «две души». Данное утверждение писателя, вступавшее в явное противоречие с предшествующими высокими оценками жизнедеятельности народа, совершившего революцию в 1905 г., и заявлением, что революционная Россия разбудит весь мир, было однако продиктовано желанием пробудить общественную активность читателя. Горький видел, что молодежь «хотят отравить и обессилить, привив ей идеи пассивного отношения к действительности»[155], и поэтому всемерно стремился содействовать укреплению веры молодой демократии в свои силы, в необходимость революционного преобразования страны.

Статья вызвала ожесточенные нападки на Горького многих писателей и публицистов, среди них был и Андреев. Он был раздражен не только статьей Горького. Первый номер журнала «Летопись» открывался стихотворением Бунина «Слово», в котором были строки:

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Это был ответ журнала на андреевский призыв «Пусть не молчат поэты».

В гневе Андреева, выступившего против безусловно ошибочных положений статьи «Две души», отразилась не столько любовь к русскому народу, сколько неприятие горьковского отношения к войне. В этом он оказался близок критикам, выступления которых в защиту русского человека, «оскорбленного» Горьким, совпадали в желании сокрушить прежде всего Горького-антимилитариста, редактора «Летописи».

Лишь немногие литераторы правильно поняли намерение Горького-публициста. Разъясняя, чем вызваны некоторые резкие оценки («не самооплевание это, а порыв скальпелем данного ему дара вскрыть нарыв любимой Родины»), В. Я. Шишков писал по поводу его критиков: «Похоже на то, что как будто Горького подкарауливали, а как прорвался — гурьбой набросились, словно на цыгана мужики»[156].

На собрании сочинений, подаренном Горькому в 1915 г., Андреев сделал надпись: «Начиная с курьерского „Баргамота“, здесь все писалось и прошло на твоих глазах, Алексей: во многом — это история наших отношений...» (см. репродукцию ниже, стр. 51). Эта история нашла отклик и в статье «О „Двух душах“ М. Горького».

Андреев не забыл выпада против себя в не увидевшей свет, но известной ему статье «Несвоевременное». В ней писатель обвинялся в презрении к целой нации, выраженном в «Письмах о войне». В статье «О „Двух душах“ М. Горького» Андреев возвращал этот упрек в выражениях, близких к горьковским. Не раз справедливо обвиняемый Горьким в пессимизме и нежелании отражать в своем творчестве положительные явления жизни, Андреев теперь выступает в роли обвинителя. Писатель, «карающий нашу пассивность и уныние», сам является пессимистом — таков итог андреевской статьи[157]. Не вступая в полемику по вопросам, затронутым в «Двух душах», Горький в «Письмах к читателю» все же осветил свою позицию. Напомнив о нелестных порою отзывах писателей XIX столетия о Руси, Горький писал: «Все эти возгласы тоски, гнева вызваны, несомненно, заботою о родине, любовью к ней»[158]. В своей статье Горький ответил и на упрек в пессимизме. Он писал: «Меня — скажу прямо — возмущает маниловский оптимизм неожиданных „патриотов“, которые еще вчера были яростными нигилистами

и, принося всякую дисциплину, всякую организацию в жертву произволу человека „из подполья", сеяли в мозгах русской молодежи болезненный „мистический анархизм", отвлекая ее от решения проблем общественного реального бытия»[159]. В годы войны Горький, несомненно, был подвержен воздействию мрачных наблюдений над жизнью, он сетовал на свое одиночество, единомышленников среди литераторов было немного. Однако уверенность в том, что «одолеет наше»[160], что надо во что бы то ни стало продолжать начатую борьбу во имя социального раскрепощения человека, никогда не покидала писателя. В противовес критиковавшим статью «Две души» Горький утверждал, что следует обратить основное внимание не на военных противников, а на внутренних врагов. «Каждый человек ответственен за те мерзости, которые творятся в его доме, его городе, его стране», — писал Горький, призывая «сделать некое усилие воли, дабы встать на ноги и дружно взяться за дело самозащиты от врагов, ближайших к нам»[161]. Это был призыв к усилению революционных настроений и действий, необходимость которых Андреев отвергал в данный момент. Судя по письмам 1916 г., революционные настроения, нарастающие в массах, были не чужды и ему, но как публицист и писатель он не захотел сделать соответствующих выводов из своих наблюдений.

В апреле 1912 г. Андреев писал Горькому: «...каждый из нас представляет собой известную общественную силу, ⟨...⟩ наша дружба или вражда выходит за пределы личного нашего удовольствия или огорчения» (№ 167). Горький в годы войны продолжал выступать как представитель демократической литературы, Андреев же связал свою судьбу с литературой буржуазной.

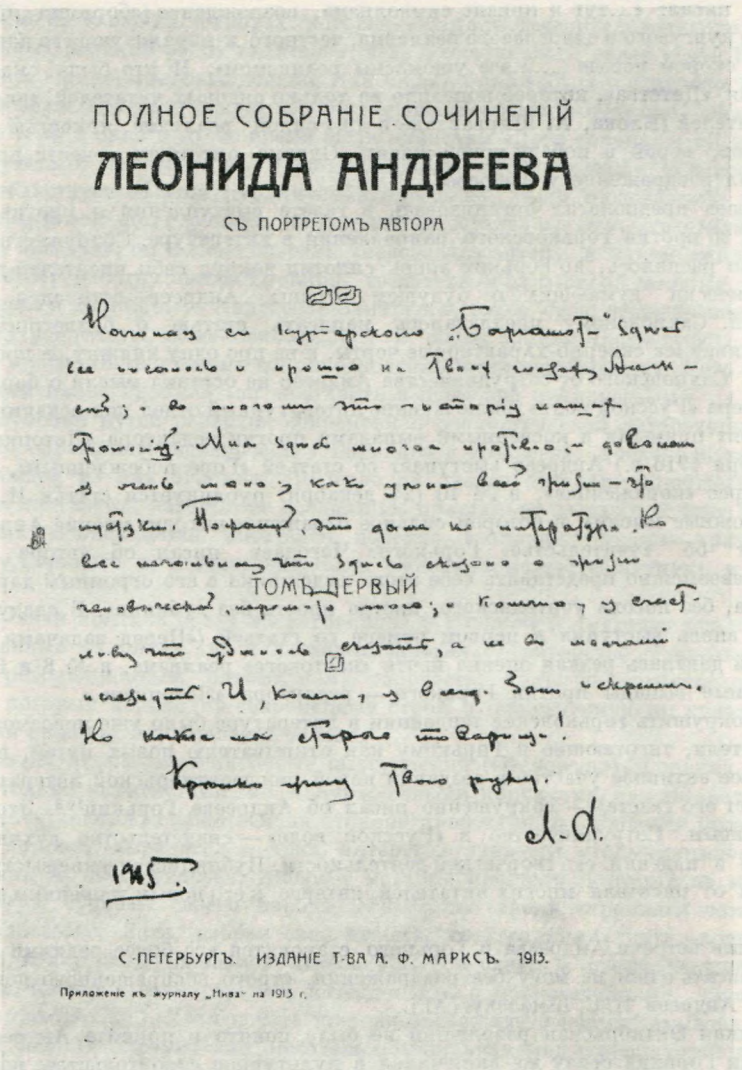
Эти годы стали для Андреева годами переоценки не только горьковского, но и своего творчества; пафос неприятия коснулся и его. Андреев все чаще говорит о том, что собственные выступления не удовлетворяют его, не кажутся отвечающими новым требованиям искусства, что гнев обличения в них приглушен. Горестно звучит его письмо к Немировичу-Данченко: «Но воздух? — в нем носятся частицы отрицания Андреева: вдыхая, вы каждый раз вдыхаете „не". Самые большие друзья мои, самые близкие люди не могут от этого уйти; я сам отравлен ⟨...⟩ Временами я с большой серьезностью думаю, что я просто — не нужен...»[162].

Не желая признать, что отрицание это обусловлено утерей связи с передовым лагерем литературы, Андреев пытается уверить себя, что дело в увлечении общества устаревшими формами реализма, в давлении горьковского авторитета.

В 1916 г. Андреев возглавил литературно-театральный отдел новой газеты «Русская воля», субсидируемой банками[163]. Толки о «нечистом» характере возникновения нового органа быстро проникли в печать. Одни писатели ответили на предложение Андреева сотрудничать в «Русской воле» отказом, другие, подобно А. Н. Толстому, давшему предварительное согласие, фактически уклонились от работы в газете. Более искушенные в политике писатели не советовали Андрееву связывать себя с газетой. Чириков писал ему: «...лучше не сяду я на этот американский корабль! Погляжу-ка я издали, как будет свершать рейсы свои этот Ноев ковчег, где семь пар чистых и семь пар нечистых. Думаю, что, помимо всяких сомнений, этого требует тактика моего поведения как не только беллетриста, а публициста с определенным лицом ⟨...⟩ А тебе, милый, все-таки тоже советую ⟨...⟩ Хотя билет у тебя куплен в 1-м классе, но носи ты всегда спасительный пояс, ступив на борт корабля!.. Столько мин плавает вокруг этого корабля...»[164]

Об общественном недоверии к газете свидетельствовал и отказ от сотрудничества В. Г. Сахновского, который не только согласился участвовать в газете, но и написал для нее две статьи. Изменить решение критика заставило резко отрицательное отношение прогрессивных кругов интеллигенции к «Русской воле». Он писал Андрееву 4 декабря 1916 г.: «... я не могу работать в „Русской воле". Сейчас не могу. Я так устал от той атмосферы, которая сгустилась у нас в Москве и особенно в профессорской Университета имени А. Л. Шанявского, на Высших женских курсах и в совете Городского университета в Нижнем-Новгороде вокруг этой газеты, что больше ничего не могу делать». Сахновский сообщал, что Андреев для него «тот писатель который открывает самое значительное и сокровенное в жизни. Быть с вами и писать

в одном органе было бы осуществлением моей мечты, но в „Русской воле" сейчас я писать не могу ⟨...⟩ все внутреннее мое голосит против моей работы в „Русской воле"» [165]. Андреев не внял этим советам и предостережениям. В его стремлении стать редактором отделов литературы, критики и театра в «Русской воле» большую, даже


ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
ТОМЪ ПЕРВЫЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ. 1913.
Приложеніе къ журналу „Нива" на 1913 г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНДРЕЕВА ГОРЬКОМУ НА ПЕРВОМ ТОМЕ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ» (СПб., 1913)

«Начиная с курьерского „Баргамота", здесь все писалось и прошло на твоих глазах, Алексей: во многом — это история наших отношений. Мне здесь многое противно, и доволен я очень мало, как пена всей жизни — это пустяки. Пожалуй, это даже не литература. Но все печальное, что здесь сказано о жизни человеческой, пережито мною, и, конечно, я счастлив, что удалось сказать, а не в молчании исчезнуть. И, конечно, я всегда был искренен. Но какие мы старые товарищи! Крепко жму твою руку. Л. А. 1915»

Личная библиотека Горького

решающую роль играло желание противопоставить свою общественно-литературную позицию позиции горьковской. Уйдя из лагеря революционной демократии, он стал воспринимать Горького в годы войны как литературно-враждебную силу.

Сплотить вокруг газеты, в связи с ее общественно-политической позицией, значительные писательские силы не удалось, мечты занять в современной литературе

ведущее положение в качестве ее идеолога («влияя на общее положение дела, я имею в газете как бы свой собственный журнал по вопросам, наиболее мне близким и важным»[166],— сообщал Андреев брату) не сбылись. Газета не приобрела влияния в литературных кругах. Не удалось и противостояние «горьковщине». Поясняя Сахновскому, какие темы следует осветить в критических статьях для «Русской воли», Андреев писал: «...тут и кризис символизма, возрождение (сборники „Слова“[167] и Горький) кургузого и одноглазого реализма, честного и морализующего как финн-кондуктор в скором поезде ⟨...⟩ все ущемлены реализмом». И это было сказано после появления «Детства», которое поразило не только рядовых читателей, но и искушенных писателей (Блока, А. Ширванзаде и др.) силой реализма, яркостью воссозданных типов, верой в победу новой жизни. Однако оптимизм повести прежде всего и вызывал раздражение у Андреева.

Андреев предполагал организовать в газете выступления и против Горького-писателя и против горьковского направления в литературе. Содружество «званьевцев» давно распалось, но Горький вновь сплотил вокруг себя писателей-демократов, оптимистически думающих о будущем страны. Андреев оставался писателем-одиночкой. Сахновскому предлагалось написать статью о беллетристах «Летописи», выявив «ее скверно-характерные черты, и не про одну книжку, а про тип». После отказа Сахновского от сотрудничества Андреев не оставил мысли о борьбе с Горьким. Номера «Русской воли», включающие литературный отдел под редакцией Андреева, пестрят прямыми и косвенными выпадами против редактора «Летописи». В № 1 (15 декабря 1916 г.) Андреев выступает со статьей «Горе побежденным», направленной в адрес «пораженцев», в № 10 (24 декабря) публикуется статья И. Чегодаева «Неосторожные мысли», в которой сильное отражение находит мнение Андреева военных лет об «учительстве» Горького. Чегодаев писал об авторе «Детства»: «Почти невозможно представить себе этого художника с его огромным дарованием — без жезла, без посоха учительского, иногда просто без дубинки». В следующем году Андреев вновь выступил в первом номере со статьей («Перед задачами времени»), в которой давалась резкая оценка почти «кастового» реализма, в № 8 и 15 делались уже прямые выпады против Горького — редактора «Летописи».

Но сокрушить горьковские тенденции в литературе было уже невозможно. Молодые писатели, тяготеющие к Горькому как открывателю новых путей, вскоре приняли самое активное участие в создании новой, послеоктябрьской литературы.

«Съест его газета»,— сокрушенно писал об Андрееве Горький[168]. Это оказалось справедливым. Сотрудничество в «Русской воле» — свидетельство духовного краха Андреева и падения его творческой деятельности. Публицистические выступления оттолкнули от писателя многих читателей, интерес к его новым творениям значительно слабеет.

Личные встречи Андреева и Горького становятся все более редкими и холодными. «И писать о нем не могу без раздражения, строго воспрещенного докторами»,— сообщал Андреев И. С. Шмелеву (АГ).

Великая Октябрьская революция не была понята и принята Андреевым. В то время как Горький сразу же включился в культурное строительство новой, социалистической России, Андреев устранился от участия в этом строительстве, что привело его к духовному тупику. Но и в это время Андреев с большой любовью и болью говорил о русском народе и литературе, которая показала его «ум, и талант, и совесть»[169], хотя революционные завоевания народа-творца для него остались чуждыми.

9

Леонид Андреев — до конца своих дней Горький не мог равнодушно произносить это имя. В своих воспоминаниях и беседах с советскими писателями он говорил о нем как единственном друге среди литераторов. Чем же вызвано это признание? Ведь сам Горький в воспоминаниях «Леонид Андреев» настойчиво подчеркивает различие их видения мира, несхожесть их творческих индивидуальностей.

Горький знал многих литераторов, его архив хранит множество волнующих писем, интерес писателя к многообразному выявлению художественного познания мира был поистине неиссякаем. Было немало интереснейших литературных связей, бесед и встреч, но они не изобиловали тем, чем была так богата дружба с Андреевым.

Как можно было забыть о спорах, которые помогали самоопределению литературно-общественных позиций обоих писателей, ведь в начале 900-х годов и для Горького и для Андреева еще многое было неясно. Как можно было забыть о человеке, общение с которым возбуждало творческую мысль, порождая новые творческие замыслы. На родственные темы в одно и то же время были написаны «Дети солнца» и «К звездам», «Жизнь ненужного человека» и «Иуда Искариот». «Дети солнца», как неопровержимо свидетельствует об этом публикуемая переписка, были «подсказаны» андреевским замыслом пьесы об астрономе, но Горький не остался в долгу. Отвергнув первую редакцию «К звездам», он в свою очередь «подсказал» автору, в каком направлении следует вести переработку пьесы. Горький, создатель «Фальшивой монеты» и «Старика», не прошел мимо опыта Андреева-драматурга, тот в свою очередь немало был обязан другу усилением общественных нот в своем раннем творчестве.

Радости и горести творческих соприкосновений были незабываемы. Кого из сверстников в этом плане Горький мог поставить в один ряд с Андреевым?

При выяснении путей развития современной реалистической литературы критика неизменно обращалась к творчеству Горького и Андреева. Дооктябрьская литература о каждом из них огромна. Не было ни одного литературно-общественного журнала или же газеты, которые не следили бы пристально за работой этих авторов; вокруг новых произведений писателей нередко возникали бурные критические схватки. И у Горького и у Андреева были свои неутомимые защитники и противники.

Марксистская критика сразу же заговорила о Горьком и Андрееве как крупнейших современных талантах, но талантах-антиподах. Творчество Горького было проникнуто революционным оптимизмом, творчество Андреева отражало отчаяние пессимиста, который ненавидит современный строй и порожденную им культуру, но в то же время не верит в обновление жизни.

Несмотря на отдельные ошибочные выступления («Исповедь»), Горький воспринимался не только марксистами, но и буржуазными критиками, как литератор, для которого писать значило сражаться на стороне пролетариата. Сложнее было дело с выяснением вопроса, выразителем чьих интересов является столь противоречивый художник, как Леонид Андреев. Идейные метания писателя, который не мог быть равнодушным к судьбам своего народа и в то же время стремился остаться в стороне от классовых битв, избрав свой особый, «нейтральный» путь, порою приближали его к лагерю буржуазной литературы. Рассказы и пьесы, несущие в себе «заряд бунта», начали в годы реакции соседствовать с произведениями, лишенными его («Мои записки» и др.). Хотя печать широко оповещала о новых замыслах Андреева (вопреки советам близких лиц, писатель обычно знакомил журналистов с содержанием своих будущих произведений), ни одна из критических группировок не могла сказать заранее, чьи идеологические позиции будет укреплять это произведение.

К концу 900-х годов в марксистской критике выявилось две точки зрения. Луначарский, останавливаясь на положительных и отрицательных сторонах творчества Андреева, приходил к выводу, что писатель является типичным выразителем идеологии мелкобуржуазной обывательской интеллигенции. Эту же точку зрения Луначарский развил и в статьях об Андрееве, написанных после Октября. Писатель рассматривается в них как бард мещанской интеллигенции, придавший ее мелким печалям и горестям грандиозные размеры. Так, в 1932 г. Луначарский писал: «Мало сказать, что Андреев был рупором мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия бывает разная. Андреев был рупором провинциальной обывательщины, бюрократической мелкоты и близких к ним прослоек»[170]. В свете подобных утверждений критик характеризовал в своих статьях и художественную манеру автора.

Данная оценка, однако, не убеждает. Мятежность, свойственная многим произведениям Андреева, плохо согласуется с психологией обывателя. В начале века этот обыватель безусловно претерпел сдвиги в своем мышлении, а в связи с событиями 1905 г. даже сделал попытку «приобщиться» к революции. Об этом «историческом» изменении обывателя хорошо сказано в статье Горького «По поводу московских событий», которую Ленин привлек в 1917 г. в числе источников при подготовке к докладу о революции 1905 года[171]. Однако эта «революционность» быстро пошла на убыль, обыватель не нуждался в напоминании о своем невольном бунтарстве. Как «Анатэма», так и «Любовь к ближнему» не соответствовали выражению его чувствований и дум.

Критические выступления Луначарского, несмотря на обилие тонких наблюдений, не раскрывают причин огромного успеха андреевского творчества у передовой интеллигенции. В воспоминаниях, посвященных взаимоотношениям Горького и Андреева, В. А. Десницкий писал, что в канун 1905 г. «в восприятии радикальной интеллигенции Л. Андреев был одним из самых ярких светил в плеяде „Знания", его имя ставили рядом с именем М. Горького; горячо спорили, кто из них талантливее, кто больше дает литературе нового»[172]. Это воспоминание перекликается со свидетельством Воровского, который писал в 1908 г., что общечеловеческое содержание творчества в соединении с ярким индивидуальным стилем позволяет Андрееву «так волновать сердца читателей,—так волновать, что, даже не соглашаясь с ним, борясь с ним, не можешь не жить его мыслями, его чувствами»[173]. Интерес к Андрееву в прогрессивных кругах не исчез и в дальнейшем. Об этом говорят высказывания Кирова, с большим вниманием следившего за произведениями, отображающими «мятежную душу»[174] писателя, и большевика Я. Э. Янсона[175], который дал очень высокую оценку таланта Андреева. Да и сам Луначарский, посвятивший Андрееву немало статей и отдельных высказываний[176], не отрицал исключительного интереса критиков-марксистов к этому писателю.

Исторически справедливую оценку общественной позиции Андреева дал Воровский, стремившийся выявить в своих статьях сложность развития современной литературы. Он причислял Андреева к художественным идеологам той части оппозиционной демократической интеллигенции, которая еще недавно (в 1890—1900-х годах) являлась в какой-то мере определяющей общественные настроения. Не пожелав открыто примкнуть ни к господствующему, ни к противостоящему ему классу, эта интеллигенция оказалась в эпоху первой русской революции и в годы реакции в трагическом положении. Прослеживая за эволюцией творчества Андреева, Воровский приходил к выводу, что «не только общие переходы его настроений, но и отдельные моменты, отдельные вопросы, затрагиваемые им, свидетельствуют о тесной внутренней связи этой разлагающейся интеллигенции и ее поэта»[177]. Социальный дальтонизм этой интеллигенции, все еще пытавшейся доказать свою внеклассовость, был присущ и Андрееву.

В предисловии к «Сашке Жегулеву» Горький отметил, что писатель, начавший с реалистических бытовых рассказов, «быстро обратился к замысловатым изображениям мятежей внутри человека», нередко награждая при этом своих героев философией немецких пессимистов. Горький напоминал о том, что «русская литература, являясь чрезвычайно точным зеркалом действительности, не отмечала среди своих героев людей, которые страдали бы этой философской болезнью».

Русская литература XIX века действительно не отметила этого явления. Но жизнь не стояла на месте, часть русской интеллигенции конца XIX — начала XX века несомненно оказалась плененной философией пессимизма. Замысловатые андреевские воспроизведения психологии героев отражали до некоторой степени «затейливую игру чувств и мыслей» этой интеллигенции.

В некоторых исследованиях последнего времени можно найти намеки на усиление критического отношения Горького к творчеству Андреева в 1930-е годы[178]. В романе «Жизнь Клима Самгина», показывающем развитие общественно-философской и эстетической мысли России за сорок лет, Андрееву действительно уделено большое внимание. Однако задача автора состояла не в воспроизведении творческого портрета

Андреева, а в раскрытии идейно-художественной эволюции части русских писателей (среди которых Андреев был наиболее яркой фигурой) после поражения революции 1905 года. Оценка, даваемая Андрееву в «Жизни Клима Самгина», в целом не вступает в противоречие с общей оценкой андреевского наследия в воспоминаниях «Леонид Андреев».

Клим Самгин, считавший, что Андрееву удалось отчетливо сформулировать мысли, возникавшие у самого Самгина, тем не менее относится к этому писателю настороженно. Его произведения вызывают у горьковского героя ощущение тревоги, испуга, он улавливает в них скрытую иронию. Отзывам Самгина, не видящего различия между ранним и поздним творчеством Андреева, в романе противостоят высказывания других персонажей. Марина Зотова, бывшая ученица большевика Кутузова, говорит об Андрееве как о небывалом по смелости художнике, который, чувствуя, что старый мир «надобно разрушить, начиная с его основ, традиций, догматов, норм» (XXI, 312), стремится сказать в каждом из своих новых произведений еще одно «нет» этому миру. Характерен и отзыв Тоси, вскоре ушедшей к сторонникам Кутузова. Признаваясь в своей нелюбви к андреевскому творчеству, она вместе с тем упоминает это имя наряду с именем Горького, который «тоже очень кричит». Таким образом, читательница-демократка также относит Андреева к числу писателей, стремящихся разрушить старый мир.

Разоблачая проповедников индивидуализма и пессимизма, Горький, как справедливо отметила критика [179], не отождествлял полностью сложный творческий образ Андреева с «андреевщиной», получившей широкое распространение в литературе 1907—1916 гг. Но вместе с тем не следует односторонне показывать освещение андреевского творчества в романе, остановив внимание лишь на отрицательных оценках. Приведенные выше примеры говорят об ином. Весьма характерен также следующий эпизод: вспоминая о современных воспевателях Иуды (А. Рославлев, Н. Голованов и др.), Самгин воскрешает в своей памяти также имя Андреева, но другой персонаж (Марина Зотова) как бы отъединяет писателя от названных выше литераторов. «Иуда Искариот» назван ею «шуточкой острой», которая содержит намек на современных предателей (XXI, 310).

Сцена, воспроизводящая вечер на квартире у Андреева в годы мировой войны, не оставляет сомнения в отходе писателя от демократических традиций русской литературы. Но и в этой сцене, несмотря на всю ее «язвительность», Горький считает необходимым напомнить о неугасшей ненависти Андреева к миру мещан. В ответ на выступление Самгина, обвинявшего литераторов, в том числе и Горького, в несправедливом, карикатурном изображении мелких собственников уездных городков (Самгин выступает в роли их защитника), Андреев «неожиданно и очень сердито» говорит. «Там живут Тюхи, дикие рожи, кошмарные подобия людей... Не уговаривайте меня идти на службу к ним — не пойду!» (XXII, 505).

Необходимо отметить также, что, реализуя в художественном плане многие из своих более ранних суждений об Андрееве, Горький не раз напоминает в «Жизни Клима Самгина» о большой одаренности писателя.

Сопоставление творчества Горького и Андреева ярко раскрывает противоречивость развития литературы начала XX столетия. Оба писателя начали свой путь в русле реализма. Горький, став марксистом, овладел новым художественным видением мира, которое позволило ему с огромной проникновенностью запечатлеть на страницах своих книг подлинного героя истории—пролетариат, показать формирование новых черт национального характера. Призывая к активной борьбе с социальным злом, творчество писателя неустанно напоминало об огромной исторической ответственности народа, разбуженного революцией. Андреев был бунтарем-анархистом. Это наложило резкий отпечаток на все его творчество. Горький выдвигал на первый план социальные проблемы и рисовал социально обусловленные характеры, Андреев же тяготел к постановке абстрагированных морально-философских проблем, причем сфера психологического рассматривалась им как нечто самодовлеющее.

Андреева интересовали не столько реальные жизненные факты, сколько собственное отношение к ним. Своеобразное, но вместе с тем художественно-огра-

ничемное восприятие действительности скоро увело Андреева из лагеря реалистов к модернистам, где он занял ведущее место [180].

В то время как творчество Горького широко знакомило с жизнью русского народа предоктябрьской поры, творчество Андреева,— обладавшего зоркостью писателя-реалиста (о чем свидетельствуют не только ранние произведения), но не пожелавшего углубить этот дар, — было лишь слабым эхом многообразных социальных и моральных битв эпохи.

Поэтому в значительной мере снизилась и сила эмоционального воздействия произведений Андреева, а она-то и была наиболее привлекательной стороной его таланта.

Андреев писал в одной из своих статей: «Жизнь, которой они ‹художники.— *К.М.*› пренебрегали, жестоко мстит за себя, выбрасывая их, как ненужный балласт, за борт общественного корабля»[181]. Жизнь отомстила и Андрееву. Его творческий опыт оказался на обочине широкого пути русской литературы.

Новые поколения мастеров слова пошли за писателем, который, принимая непосредственное участие в социальном переустройстве жизни, открыл новую страницу не только в истории русской, но и мировой литературы. С именем Горького связано рождение нового метода — социалистического реализма, ставшего знаменем многонациональной советской литературы.

Метод этот рождался в страстном борении с другими литературными течениями. История дружбы Горького и Андреева рисует один из наиболее драматических эпизодов этой борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы о Горьком и Андрееве, которые печатаются в настоящем томе, приводятся в статье без ссылок на источники. При цитатах из писем Андреева и Горького указываются номера писем.

[2] См. воспоминания Горького «Леонид Андреев» (стр. 338 настоящ. тома).

[3] Предисловие к «Сашке Жегулеву».

[4] Первый том появился в марте, второй — в апреле 1898 г.

[5] О значении для себя работы в этом журнале Андреев говорит в письмах к его редактору В. С. Миролюбову (ЛА, вып. 5, стр. 72—117).

[6] «Русское богатство», 1901, № 11, стр. 58—75.

[7] «Комсомольская правда», 1926, № 240, 17 октября.

[8] Письмо к Л. В. Средину от 3 ноября 1901 г.

[9] См. об этом в кн.: Л. А ф о н и н. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 77—99.

[10] Андреев писал об этом не только Горькому, но и А. А. Измайлову: «А задуманного и начатого — не перечесть, 16 рассказов! 16 рассказов задумано, продумано, начато и снится по ночам как ненаписанные письма» (30—31 августа 1902 г.— «Русская литература», 1962, № 3, стр. 198).

[11] Письмо к Е. П. Пешковой от 27 сентября 1903 г.

[12] «Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 19.

[13] Отзыв И. И. Горбунова-Посадова.— А. П. Ч е х о в. Собр. соч., т. VIII. М., 1947, стр. 563.

[14] См., например, рецензию Н. Жегалова на книгу Л. Афонина «Леонид Андреев» («Русская литература», 1961, № 2, стр. 259).

[15] «Русское богатство», 1901, № 11, стр. 61.

[16] В 1901 г. Андреев писал А. А. Измайлову о «Жили-были»: «Его хвалят и читатели и критики, а я этих похвал не понимаю, и мне рассказ кажется неважным» («Русская литература», 1962, № 3, стр. 195).

[17] «Русское богатство», 1901, № 11, стр. 73.

[18] Рассказ не был закончен автором. Горький находил его интересным.

[19] Письмо С. С. Юшкевича к Горькому от 19 октября 1922 г.— АГ.

[20] В. Г. К о р о л е н к о. О литературе. М., 1957, стр. 360.

[21] «Мир божий», 1904, № 10, стр. 119.

[22] Там же, стр. 121.

[23] «Искусство», 1925, № 2, стр. 266.

[24] Письмо к К. П. Пятницкому от 15 апреля 1904 г.— АГ.

[25] Письмо к Е. А. Соловьеву от 10 сентября 1904 г.

[26] Письмо к А. З. Безвестному. 9 июня 1931 г.

[27] Письмо от 21—25 марта 1904 г.— АГ.

[28] «Реквием», стр. 161.
[29] АГ.
[30] Там же.
[31] «Реквием», стр. 148.
[32] Там же, стр. 157.
[33] «Искусство», 1925, № 2, стр. 265.
[34] «Учен. зап. Московского областного пед. ин-та им. Н. К. Крупской», 1957, т. 54, стр. 152.— Подчеркнуто мною.— *К. М.*
[35] В. Г. Короленко. О литературе. М., 1957, стр. 371.
[36] О поправках, внесенных в рассказ в связи с замечаниями Горького,— см. в примечаниях к письму № 127.
[37] «Реквием», стр. 63—64.— Позднее Андреев писал А. В. Амфитеатрову: «Может быть, это просто недостаток силы — но я никогда не мог вполне выразить свое отношение к миру в плане реалистического письма. А вернее, это показатель того, что и внутренне, по существу моему писательски-человеческому — я не реалист» (там же, стр. 260).
[38] См., например, оценку горьковского творчества в органе болгарской социал-демократической партии «Работнически вестник», 1902, № 28, 21 марта.
[39] «Русское богатство», 1907, № 12, стр. 172.
[40] «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 122—141.—Статья, написанная в связи с публикацией циклов «В Америке» и «Мои интервью», привлекла к себе внимание общественности и вызвала появление родственных откликов на творчество Горького. Однако мысли, развиваемые Д. Философовым, уже высказывались в 1905 году журналом «Весы» (см., например, отклик И. Смирнова на рассказ «Тюрьма».—«Весы», 1905, № 4, стр. 48).
[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.
[42] См. об этом: Б. С. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв. 3-е изд. М., 1956, стр. 127—205.
[43] «Свобода и жизнь», 1906, № 12, 12 ноября; публикуется в сочинениях Куприна под заглавием «Искусство» (Собр. соч., т. VI. М., Гослитиздат, 1958, стр. 580).
[44] «Свобода и жизнь», 1906, № 12, 12 ноября.
[45] Там же, № 13, 19 ноября.
[46] Там же.
[47] Речь Гарина приведена в статье П. Румянцева «Памяти Н. Г. Михайловского-Гарина».— «Новая газета», 1906, № 14, 30 ноября.
[48] Статья на данную тему была затем опубликована в «Вестнике жизни», 1907, № 1.
[49] «Вестник жизни», 1907, № 1, стр. 133 (также: А. В. Луначарский. Критические этюды. (Русская литература). Л., 1925, стр. 14).
[50] Сведения о Горьком как члене социал-демократической партии быстро проникли в печать. Так, например, в «L'Humanité», 1905, № 587, 12(25) ноября было опубликовано интервью с М. Н. Лядовым, который, говоря о помощи писателя социал-демократической партии, заявил: «Великий романист является очень убежденным и образованным социалистом, идеи которого проникнуты учением Маркса. В течение многих лет он принадлежит к социал-демократической партии, и преданность его нашему делу безгранична» («Летопись», I, стр. 561).
[51] Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе. М., ГИХЛ, 1937, стр. 17.
[52] «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 127.
[53] «Весы», 1907, № 7, стр. 58.
[54] «Письма Леонида Андреева», стр. 18.
[55] Письмо к Горькому от 5 мая 1905 г.— А. И. Куприн. Собр. соч., т. III. М., Гослитиздат, 1957, стр. 570.
[56] Письмо от 4 декабря 1904 г.— АГ.
[57] Там же.
[58] «Реквием», стр. 160, 161.
[59] См. статью Ю. С. Пухова «Л. Андреев и Скиталец в революции 1905—1907 годов. (По документам Департамента полиции)».— В кн.: Революция 1905 года и русская литература. М.— Л., 1956, стр. 416—424.
[60] Воспоминания Горького «Леонид Андреев», стр. 387 настоящ. тома.
[61] См. письма к В. В. Вересаеву (сб. «Реквием»), а также отрывки недошедшего до нас письма Андреева, приведенного в воспоминаниях Горького «Леонид Андреев».
[62] Тяжелое настроение Андреева было вызвано подавлением Свеаборгского восстания.
[63] Письмо от 26 октября 1903 г.
[64] См. воспоминания В. П. Тройнова в настоящ. томе.
[65] Письмо от 3 ноября 1905 г.— АГ.— Этой датой Андреев обозначил окончание работы над пьесой. Часть рукописей хранится в ИРЛИ.
[66] А. Б. Рубцов. Из истории русской драматургии конца XIX — начала XX века. Минск, 1960, стр. 157.— Пьеса была запрещена к постановке.

[67] «Образование», 1906, № 6, стр. 40 (также: А. В. Луначарский. Критические этюды. Л., 1925, стр. 89).
[68] См. воспоминания Горького «Леонид Андреев», стр. 388 настоящ. тома.
[69] Письмо к Е. Н. Чирикову от 10 января 1907 г.
[70] «Л. Андреев о современных вопросах».— «Русь», 1908, № 57, 27 февраля.
[71] Письмо к Горькому от 12—14 ноября 1904 г. в связи с просьбой Миролюбова об издании произведений Арцыбашева в «Знании».
[72] А. Б. Рубцов. Из истории русской драматургии конца XIX — начала XX века, стр. 184.
[73] Ст.-Суханов ⟨Столяров-Суханов⟩. Символизм и Л. Андреев как его представитель. Киев, 1903, стр. 10.
[74] Л. Афонин. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 125.
[75] Вяч. Иванов. Новая повесть Л. Андреева.— «Весы», 1904, № 5, стр. 47.
[76] А. Белый. Л. Андреев. Рассказы, т. 2.— «Весы», 1906, № 5, стр. 65.
[77] Аврелий ⟨В. Я. Брюсов⟩. «Жизнь человека» в Художественном театре.— «Весы», 1908, № 1, стр. 143.
[78] «Весы», 1907, № 7, стр. 58.
[79] Там же.
[80] «Русская мысль», 1907, № 12, стр. 105—112.
[81] Д. Мережковский. В тихом омуте. СПб., 1908, стр. 4.
[82] Н. Минский. На общественные темы. СПб., 1909, стр. 62.
[83] «История русской литературы», т. X. Л., 1954, стр. 507.
[84] ЛА, вып. 5, стр. 109.
[85] В. Иванов. Андрей Белый. Пепел.— «Критическое обозрение», 1909, № 2, стр. 45.
[88] Д. Философов. Мертвецы и звери.— «Русская мысль», 1909, № 4, стр. 197.
[87] Эллис. Наши эпигоны. (О стиле, Л. Андрееве, Б. Зайцеве и многом другом).— «Весы», 1908, № 2, стр. 63.
[88] А. Белый. Анатэма.— «Весы», 1909, № 9, стр. 105.
[89] Д. Философов. Вокруг и около Андреева.— «Речь», 1908, № 79, 2 апреля.
[90] З. Гиппиус. Что пишут.— «Русская мысль», 1912, № 1, стр. 29.
[91] «Весы», 1904, № 9, стр. 49.
[92] «Весы», 1908, № 1, стр. 144.
[93] Письмо от 4 апреля 1906 г.— «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962, стр. 385.
[94] См. также: «Письма Леонида Андреева», стр. 20.
[95] «Реквием», стр. 166.
[96] «Комсомольская правда», 1926, № 246, 24 октября.
[97] «Свобода и жизнь», 1906, № 14, 27 ноября.
[98] Письмо к Пятницкому от 11 сентября 1908 г.— АГ.
[99] «Кризис», создавшийся в связи с уходом крупных писателей из «Знания», скоро был преодолен. «Сборники товарищества „Знание“» не отказались от ранее занятых позиций, по-прежнему оставаясь на переднем крае демократической литературы. Однако привлечение в сборники менее талантливых писателей не могло не отразиться на качестве публикуемого материала. Популярность сборников стала падать, «погоду» в них теперь делает только Горький. Вскоре сборники перестают его удовлетворять, он поднимает вопрос о реорганизации, а затем отказывается от редактирования их.
[100] В письме к Пятницкому осенью 1906 г. Андреев сообщал: «„К звездам“ в Вене имела огромный успех — даже удивительно. И приятно то, что ставилась она в социал-демократическом театре, и публика — рабочие — лазили на сцену и вообще впали в раж. И все газеты очень похвалили, даже буржуазные, и даже говорили так: „впервые искусство встретилось с народом“».— АГ (см. также письмо № 144). Об успехе пьесы в Вене сообщала и русская печать.
[101] АГ.
[102] Письмо от 10 февраля 1906 г.— Там же.
[103] Там же.
[104] «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962, стр. 389.
[105] «Реквием», стр. 166.
[106] К. И. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1958, стр. 258.
[107] На эту черту андреевского творчества особое внимание обратил С. М. Киров.— «Неделя», 1961, № 46, стр. 7.
[108] «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962, стр. 386.
[109] «Русское богатство», 1907, № 12, стр. 172.
[110] Об этом убедительно свидетельствуют письма Андреева, в искренности которых нет сомнений. Горькому Андреев сообщал в феврале 1908 г., что, «живя в лесу виселиц», чувствует «непоколебимую уверенность в победе жизни» (№ 155), а Сологубу писал 11 октября того же года: «Стремительно, спиною, точно на задней площадке последнего вагона, несемся мы к смерти — и нелепо спорим из-за мест и багажа, когда через минуту вся эта история кувыркнется к чёрту» (ИРЛИ).

[111] О веяниях времени. СПб., «Творчество», 1908, стр. 7 (также: В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 249).

[112] «Литературный распад. Критический сборник». СПб., «Зерно», 1908, стр. 174 (также: А. В. Луначарский. Критические этюды. Л., 1925, стр. 229).

[113] Там же, стр. 177—178.

[114] Письмо к Горькому, конец августа 1902 г.— Речь идет о рассказе «Тенор».

[115] Письмо к Вересаеву.— «Реквием», стр. 158.

[116] Позднее, в 1912 г., Андреев скажет то же о горьковской статье «О современности», в которой увидит выпад против себя.

[117] «Письма Леонида Андреева», стр. 17.

[118] «Реквием», стр. 231.

[119] М. Г. «Сашка Жегулев». (Из беседы с Л. Андреевым).— «Солнце России», 1911. № 50, стр. 11.

[120] «Искусство», 1925, № 2, стр. 266.

[121] ПССА, т. V, стр. 50.

[122] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 5.

[123] Там же, стр. 6.

[124] Там же, стр. 4—5.

[125] Действие романа приурочено к 1909 г. В январе 1904 г. (гл. IV) герою было 14 лет, к «лесным братьям» он уходит 19-летним (гл. VII—VIII).

[126] ПССА, т. V, стр. 152.

[127] Мотивы жертвенности ранее прозвучали в пьесе «К звездам» и в «Рассказе о семи повешенных».

[128] Из истории новейшей русской литературы. М., «Звено», 1910, стр. 34 (также: В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 289—290).

[129] Некоторые литературоведы, к сожалению, совершенно пренебрегают реальными фактами, нашедшими отражение в романе «Сашка Жегулев», рассматривая его вне русской действительности 1906—1909 гг. Так, например, Г. Пелисов пишет о романе: «Л. Андреев возвращается к теме революции, но опять-таки дает грубое искажение образов революционеров и характера народного движения» (Н. Бурлаков, Г. Пелисов, И. Уханов. Русская литература XX в. Дооктябрьский период. М., Учпедгиз, 1957, стр. 174). Между тем Андреев не ставил перед собой задачу изобразить настоящих революционеров и революционное движение. Л. Н. Афонин, всецело опираясь на отзыв Горького, в свою очередь пишет: «Бессмысленная гибель Жегулева понадобилась Л. Андрееву, чтобы опять доказывать бесплодность усилий изменить жизнь, внести в нее творческое, разумное начало. В угоду своим ложным построениям писатель снова попытался произвольно истолковать жизненный материал, насильно втиснуть его в придуманную схему» (Л. Афонин. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 202). Однако в конечном истолковании жизненного материала — бесплодности анархического протеста, Андреев был прав. Оба исследователя не раскрыли сущность спора Горького с Андреевым.

[130] См., например, отзывы: А. Редько — «Русское богатство», 1912, № 1, стр. 139—147; Н. Кадмин — «Новая жизнь», 1912, № 1, стр. 181—203; Ю. Соболев — «Путь», 1912, № 3, стр. 69—77 и др. Газета «Новое время» напечатала злобный фельетон В. П. Буренина «„Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник". Лубочнокрасный роман в 2 ч.» (1912, № 12887, 12894, 12907, 27 января, 3 и 17 февраля).

[131] Д. Бедный опубликовал в «Звезде» (1912, № 26, 5 апреля) басню «Диво», отражающую впечатление демократического читателя от нового произведения Андреева. Басня имела следующую концовку:

Писатель так иной — шумит, гремит, грозит:
Твореньем новым он полсвета поразит!
Ан смотришь, кончилась нахвалка делом плевым:
Примерно — «Сашкой Жегулевым».

[132] О том, что «Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных» достаточно «точно отражали волнения эпохи», Горький скажет позднее, в письме к И. Жиге от 15 августа 1929 г.

[133] М. Горький. Статьи 1905—1916. Изд. 2-е. Пг., «Парус», 1918, стр. 133

[134] «Реквием», стр. 169.— О том же писал он и Чирикову.

[135] М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 145.

[136] Письмо Горького к В. Г. Короленко от 4 сентября 1912 г.— ИРЛИ.

[137] «Русский современник», 1924, № 4, стр. 132.

[138] М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 94.

[139] «Летопись», II, стр. 447.

[140] А. В. Амфитеатров. Разговоры по душе. М., 1910, стр. 74—85.

[141] «Реквием», стр. 261.

[142] Там же, стр. 262.

[143] Письмо от 28 июля 1915 г.— ИРЛИ.

[144] Там же.

[145] См. статью А. И. Овчаренко. Публицистика М. Горького периода первой мировой войны.— «Вопросы литературы», 1959, № 3, стр. 28—54.

[146] Письмо к И. С. Шмелеву от сентября 1914 г. — АГ.

[147] Письмо к В. С. Войтинскому от ноября 1914 г.— АГ.

[148] Письмо от 16 октября 1914 г.— ИРЛИ.

[149] Письмо от 28 июля 1915 г.—ИРЛИ.

[150] «Биржевые ведомости», 1915, № 15155, 18 октября.

[151] Статья была запрещена цензурой, но содержание ее было известно в литературных кругах.

[152] «Летопись» преследовалась суровой военной цензурой, неустанно следил за ней и Департамент полиции («Летопись», 1917, № 2-4, стр. 425—427; «Революционный путь Горького». М.— Л., 1933, стр. 119—126).

[153] Так, например, сотрудник итальянской газеты «Avanti» сообщал: «Крупнейшую роль играет журнал „Летопись", основанный М. Горьким. Журнал этот пользуется громадным успехом среди рабочих и социалистической интеллигенции, являясь одним из самых распространенных русских журналов» (К. Д. Муратова. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. Л., 1958, стр. 94).

[154] С. Шаумян. Литературно-критические статьи. М., 1955, стр. 81—82.

[155] М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 187.

[156] Письмо к Миролюбову от 28 февраля 1916 г.— ЛА, вып. 5, стр. 248.

[157] «Современный мир», 1916, № 1, стр. 108—112.

[158] М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 191.

[159] Там же, стр. 192.

[160] См. письмо к Е. П. Пешковой от марта 1916 г.— «Летопись», II, стр. 550.

[161] М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 195.

[162] Письмо от 1 июля 1915 г.— Архив Музея МХАТа.

[163] Ю. Г. Оксман. «Русская воля», банки и буржуазная литература.— «Лит. наследство», т. 2, 1932, стр. 165—186.

[164] Письмо от 8 октября 1916 г.— ИРЛИ.

[165] Там же.

[166] «Лит. наследство», т. 2, стр. 181.

[167] В этих сборниках в основном сотрудничали участники кружка «Среда».

[168] Письмо к Короленко от 21—22 октября 1916 г.

[169] Письмо к Л. А. Алексеевскому от марта 1918 г. (В. Десницкий. А. М. Горький. М., Гослитиздат, 1959,стр. 239). Тогда же Андреев писал А.А. Измайлову о приближающемся новом периоде, который «будет временем собирания и стройки, работы положительной и созидательной» (ИРЛИ).

[170] «Лит. наследство», т. 2, стр. 101.

[171] «Ленинский сборник», т. 26. М., 1934, стр. 153.

[172] В. А. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, стр. 218.

[173] В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 273.

[174] См. отзыв в газете «Терек», 1910, № 3703, 16 апреля, и письма к жене.— «Неделя», 1961, № 46, стр. 6—7.

[175] «Известия АН Латвийской ССР», 1956, № 1.

[176] В одной из своих статей Луначарский в пылу полемики с З. Н. Гиппиус назвал Андреева «великаном» современной русской литературы.— «Заграничная газета», 1908, № 3, 30 марта.

[177] Из истории новейшей русской литературы. М., «Звено», 1910, стр. 44 (также: В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 230—231).

[178] См., например, статью Н. Н. Жегалова «Горький в борьбе с философскими и эстетическими идеями декаданса. (Роман „Жизнь Клима Самгина")».— «Горьковские чтения. 1958—1959», стр. 288—323, и статью Л. П. Жак «Портрет-полемика» в ее книге «От замысла к воплощению». М., 1963, стр. 161.

[179] См. указ. статью Н. Н. Жегалова.

[180] См. специальную работу на эту тему: К. В. Дрягин. Экспрессионизм в России. (Драматургия Леонида Андреева). Вятка, 1928 (Труды Вятского пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. III, вып. 4).

[181] «Курьер», 1901, № 96, 8 апреля.

ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО И АНДРЕЕВА

1899

1. ГОРЬКИЙ — Н. П. АШЕШОВУ

〈Ялта. Начало апреля 1899 г.〉

Николай Петрович! [1]

Во-первых — здравствуйте! а, во-вторых, будьте столь великодушны сообщить мне адрес Леонида Андреева, печатающего у вас такие славные рассказы [2]. Пожалуйста! Ему, Андрееву, это, наверное, будет очень полезно.

Свидетельствую почтение.

А. Пешков

Пишите поскорее: Ялта, Виноградная, дача Витмер.

Датируется по содержанию. Горький приехал из Нижнего-Новгорода в Ялту 19 марта и прожил там на даче Витмер до 14 апреля 1899 г. («Летопись», I, стр. 231—234).

[1] Это письмо — фактическое начало отношений Горького и Андреева. Горький не знал адреса Андреева, поэтому он обратился к Николаю Петровичу *Ашешову* (1866—1923) — публицисту и литературному критику, с которым был хорошо знаком по «Самарской газете» и «Нижегородскому листку». С 1898 г. Ашешов начал работать в московской газете «Курьер», в которой печатался Андреев.

Автограф этого письма Горького к Ашешову Андреев хранил до конца жизни вместе с письмами Горького, адресованными ему.

В дневнике Андреева в 2 часа ночи 23 апреля 1899 г. сделана запись:

«...В начале апреля передано приглашение от „Горького" участвовать в „Нижегородском листке". На Страстной неделе передано мне письмо, адресованное к Ашешову, сотруднику „Курьера", такого содержания: 〈следует текст публикуемого письма〉.

Я ответил Горькому сам. В среду на Страстной *телеграмма*: „Немедленно пришлите хороший рассказ Миролюбову, Ялта — Буду Москве суббота — М. Горький".

Но Горького я не видал — он был от поезда до поезда.

16 апреля (мои именины) в „Нижегородском листке" вышел мой рассказ „Памятник".

18 апреля вышел в „Курьере" пасхальный рассказ „В Сабурове". Похвалы крайние. Смысл их: „рассказ лучше всех бывших".

Чехов приехал в Москву. Сегодня был у него (согласно его желанию). Отзыв: „рассказ талантливый, техника (в частности „фраза") никуда не годна"».

В том же дневнике 7 мая запись: «К активу нужно прибавить и письмо Горького (второе), но — ослабел весьма» (неизд. Автограф. Собрание И. С. Зильберштейна. Москва).

Ответ Андреева не сохранился. О содержании его см. в воспоминаниях Горького об Андрееве, стр. 365 настоящ. тома.

[2] Андреев работал в «Курьере» (см. прим. 6 к письму 77) со дня выхода первого номера газеты (6 ноября 1897 г.) в качестве судебного репортера. Его отчеты «Из зала суда», печатавшиеся без подписи, нравились читателям, и секретарь редакции И. Д. Новик предложил Андрееву написать несколько очерков, назвав их «Праздник и будни в суде». Опыты Андреева в новом для него жанре оказались неудачны и были отвергнуты редакцией (И. Новик. Л. Н. Андреев. Первые шаги его литературной деятельности.— «Вестник литературы», 1919, № 12, стр. 4—6). В «пасхальном» номере «Курьера» (№ 94) 5 апреля 1898 г. впервые за полной подписью Андреева появился рассказ «Баргамот и Гараська», которым сам писатель впоследствии датировал начало своей профессиональной литературной деятельности. С 9 февраля по 9 мая 1898 г. в связи со временной приостановкой «Нижегородского листка» Горькому, как и другим

подписчикам этой газеты, взамен высылались номера «Курьера». Прочитав рассказ и почувствовав незаурядный художественный талант Андреева, Горький сразу же рекомендовал неизвестного ему автора издателю «Журнала для всех» В. С. Миролюбову (XXVIII, 22). За новыми рассказами Андреева, печатавшимися в «Курьере», Горький внимательно следил. До апреля 1899 г. в газете были напечатаны: «Алешадурачок» (№ 268 и 269, 29 и 30 сентября 1898 г.), «Защита. История одного дня» (№ 308, 8 ноября 1898 г.), «Из жизни штабс-капитана Каблукова» (№ 355, 25 декабря 1898 г.), «Случай» (№ 14 и 15, 14 и 15 января 1899 г.), «Молодежь» (№ 74 и 76, 16 и 18 марта 1899 г.).

2. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

〈Ялта. 14 апреля 1899 г.〉

Пошлите немедленно хороший рассказ Ялту дачу Яхненко Миролюбову [1] я буду субботу Москве [2].

Горький

〈*Адрес*:〉 Москва. Курьер. Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке.

[1] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издатель, близкий знакомый Горького. В студенческие годы за политическую неблагонадежность был выслан в Самару, где установил связи с кругами демократически настроенной интеллигенции. В 1892 г. переехал в Москву и до 1897 г. (под фамилией Миров) пел в Большом театре. С конца 1897 г. Миролюбов всецело отдается издательской деятельности, возглавляя «Журнал для всех» (1898—1906). В 1910 г. он был приглашен Горьким редактировать литературные сборники издательства «Знание» (см. письмо Горького к В. И. Анучину от 1910 г.— XXIX, 152). В 1911 г. вместе с А. В. Амфитеатровым и В. М. Черновым редактировал «Современник»; в 1912—1913 гг. заведовал литературным отделом журнала «Заветы»; в 1914—1917 гг.— издатель «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни»; в 1917 г. сотрудничал в петроградской правоэсеровской газете «Воля народа»; после Октябрьской революции работал редактором в Издательстве Академии наук. Горький высоко ценил работу Миролюбова-редактора и в статье «О пользе грамотности» (1928) упомянул его как отличного воспитателя молодежи в одном ряду с Салтыковым-Щедриным, Короленко, А. Г. Горнфельдом, В. П. Острогорским и А. И. Богдановичем (XXIV, 326). См. о нем также прим. 1 к письму 110. В письме к Миролюбову от 30 июля 1899 г. Андреев благодарил за переданное через Горького приглашение сотрудничать в «Журнале для всех». Вместе с письмом он выслал Миролюбову рассказ «Петька на даче», опубликованный в «Журнале для всех», 1899, № 9 (ЛА, вып. 5, стр. 72—73).

[2] Горький приехал в Москву вечером 17 апреля и вечером следующего дня выехал в Нижний-Новгород («Летопись», I, стр. 234).

3. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

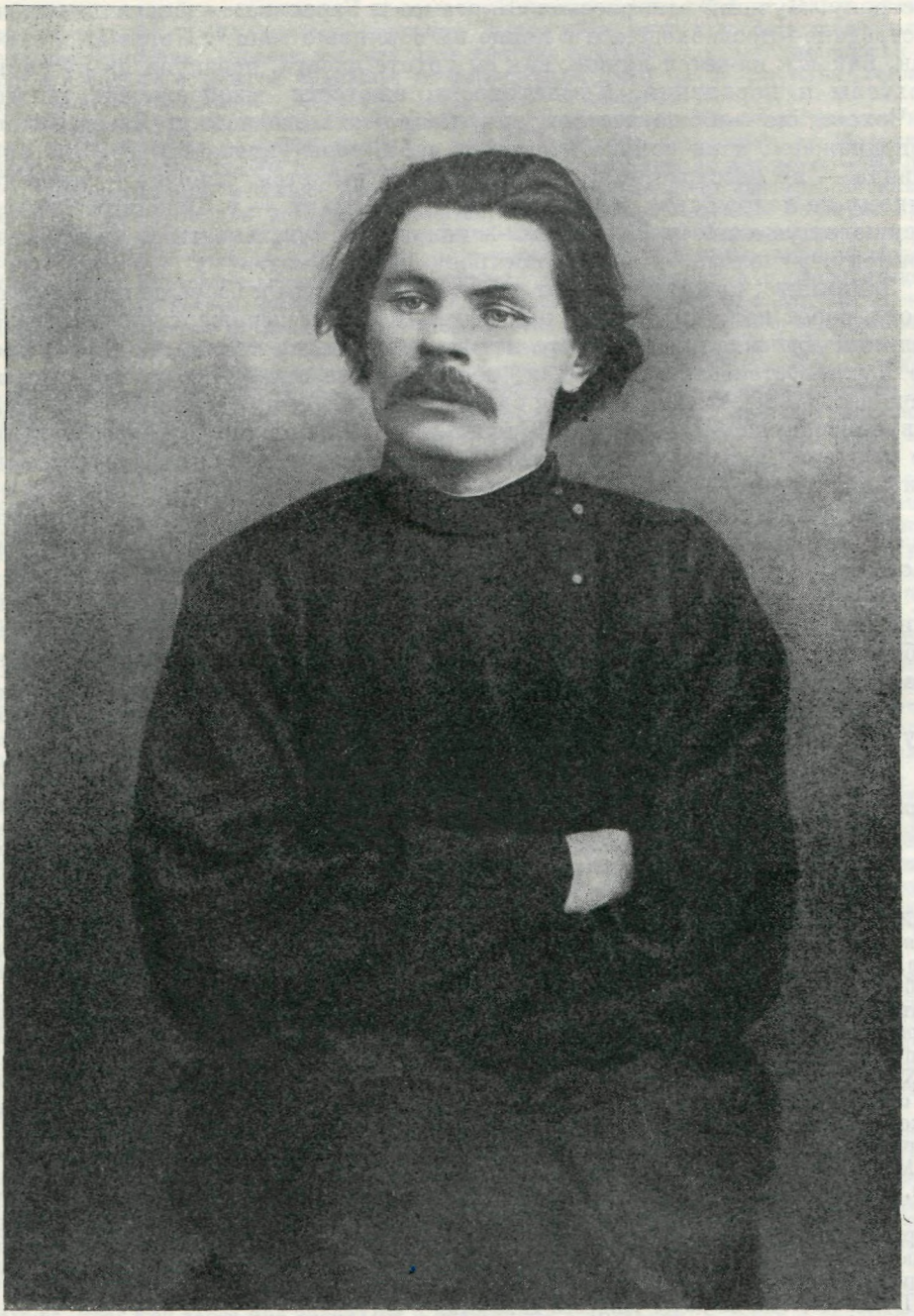
〈Нижний-Новгород. 20 ... 25 апреля 1899 г〉

Без лишних слов говорить лучше. Если у вас, Леонид Николаевич, есть что-либо готовое, то, пожалуйста, посылайте ко мне,— я постараюсь, буде окажется возможным, пристроить ваши вещи в «Журнал для всех» [1] и в «Жизнь» [2]. Могу также в «Мир божий» [3].

Я телеграфировал вам из Ялты, чтоб вы послали рассказ Миролюбову — это редактор «Журнала для всех» — вы послали? Относительно гонорара, рекомендую с этим журналом не стесняться — он хотя и рубль стоит, но доходы имеет большие.

Вы пишете год, я — семь [4]. По праву старшинства моего, позвольте дать и вам несколько советов:

Рассказы ваши страдают длиннотами — этого надо избегать. Язык у вас небрежен — обратите на это внимание, теперь публика стала весьма эстетична — это к ней идет, как роза к свинье — и всякое лыко ставит



ГОРЬКИЙ
Фотография. Ялта, 1901—1902 годы
Архив Горького, Москва

в строку. Лучший ваш рассказ «Баргамот и Гараська» — сначала длинен, в середине—превосходен, а в конце вы сбились с тона [5]. Пишите, однако, так, как *вам* кажется лучше, как *вы* хотите писать, невзирая ни на какие похвалы и порицания. Компактности, сжатости изображения учитесь у Чехова, но — боже вас сохрани, подражать его языку! Язык Чехова неподражаем, и вы только испортите себя, если увлечетесь им. Это красавица — но бесстрастная, она никому не отдается. Вообще — никогда, никому не подражайте, а учитесь лишь у великих — у Шекспира изображению ощущений, у Тургенева — искусству чувствовать и изображать природу, у Чехова — грации построения рассказа.

Запомните, пожалуйста, вот что: самым строгим и беспощадным судьей своих работ должны быть — вы сами. Писатель выражает дух человека, великий Дух жизни, и для него нет ни публики, ни идолов, ничего — кроме Духа. Остерегайтесь похвал, не обращайте внимания на порицания, паче всего бойтесь понравиться самому себе. Со дня, в который вы почувствуете себя удовлетворенным, бросьте писать, ибо дальше ничего путного не выйдет. Самодовольный человек никогда не создаст ничего нужного жизни и людям — ничего ценного.

Влагайте в дело писательства всего себя, всю свою личность и всегда не стесняйтесь говорить именно то, что думаете и чувствуете, именно теми словами, которые найдете самыми лучшими. Будьте всегда искренни [6].

Простите за советы. Я молод для того, чтоб учить. Но меня никто не учил, и я потерпел от этого много горя, сделал много ошибок, я насиловал себя — а это так гнусно, так больно. Если б этими словами я хоть немного помог вам выйти на дорогу, определить себя — был бы счастлив.

У вас есть сердце, это очень хорошо, вам нужно немножко пострадать, и у вас будет талант бóльший, чем есть. До свидания.

А. Пешков

Нижний. Полевая, 20.

Датируется по содержанию. Ответ на несохранившееся письмо Андреева. См. прим. 1 к письму 1.

[1] «Журнал для всех» (Пб., 1895—1906) — иллюстрированный и научно-популярный ежемесячник. Основан врачом Д. А. Геника как издание «для семейного чтения». В сентябре 1898 г. соиздателем «Журнала для всех» становится В. С. Миролюбов, а с февраля 1899 г. издание полностью переходит в его руки. Намерение Миролюбова преобразовать «Журнал для всех» в общедоступное, «рублевое» издание, рассчитанное на массового демократического читателя, встретило поддержку Горького. «Прекрасное дело — ваш журнал,— писал он Миролюбову до 15 апреля 1898 г.— Я постараюсь всячески быть вам полезным и желаю вам от души веры в успех дела» (XXVIII, 21—22). Горький поместил в конце 1898 г. в «Нижегородском листке» (№ 287, 19 октября) «Библиографическую заметку», пропагандирующую «почтенные» и «глубоко симпатичные» цели «Журнала для всех» (XXIII, 285—286). Кроме Горького, в журнале стали печатать новые произведения А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. М. Станюкович, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, А. И. Куприн, Скиталец, С. С. Юшкевич, Е. Н. Чириков, Н. Д. Телешов, Н. И. Тимковский, С. И. Гусев-Оренбургский, К. Д. Бальмонт, И. А. Белоусов, К. М. Фофанов, С. Д. Дрожжин и др. Помощь журналу Миролюбова оказывал Короленко, популяризируя новое демократическое издание среди писателей. В 1901 г. Короленко переслал Миролюбову несколько рукописей из портфеля редакции «Русского богатства».

После «Петьки на даче» Андреев напечатал в «Журнале для всех» рассказы: «Мать» 〈«Валя»〉 (1900, № 2), «На реке» (1900, № 5), «Молчание» (1900, № 12), «Кусака» (1901, № 9), «Случай» (1901, № 10), «В тумане» (1902, № 12), «Христиане» (1906, № 1). В рецензии на январский номер «Журнала для всех» 1901 г. Андреев писал: «Как это ни странно, а при нашей общей дороговизне книг и журналов, есть в то же время возможность за один рубль давать обильное, интересное и ценное по своим свойствам чтение. Объяснить же этот факт я могу только предположительно: энергичным, живым и бескорыстным отношением к делу как со стороны преимущественно самой редакции „Журнала“, так и со стороны 〈...〉 писателей, стремящихся путем совместной работы к созданию крайне необходимого в России дешевого журнала, в котором популярность и вместе с тем высокая научная и литературная ценность статей шли бы рука об руку. Несомненно, что как и появление „Журнала для всех“, так и его вполь-

не определившийся в настоящее время успех представляют собой не только узко литературное, но и общественное явление». Желая «Журналу для всех» «наибольшего распространения», Андреев рекомендовал критике «спуститься с ее олимпийских высот и побольше обращать внимания на интересный, хотя бы и *рублевый* журнал» (Л. —е в. Впечатления.— «Курьер», 1901, № 5, 5 января).

Вскоре «Журнал для всех» стал самым распространенным в демократических кругах интеллигенции ежемесячником. Его тираж неуклонно возрастает: от 44 тысяч в 1900 г. до 90 тысяч в 1904 г. (Годовые отчеты конторы «Журнала для всех».— ИРЛИ).

Опубликование рассказа Андреева «В тумане» всполошило цензуру. 23 января 1904 г. Петербургский цензурный комитет вынес особое заключение по журналу, в котором подчеркивалось, что после передачи издания Миролюбову «некоторые отделы программы окончательно упразднились, и журнал стал принимать вполне общелитературную окраску и даже стала замечаться тенденциозность в подборе предназначенного для печати материала» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 30, ед. хр. 58, лл. 41—42). Главное управление по делам печати в своем ответе от 1 марта 1904 г. подчеркивало, что «цензуре необходимо вообще возможно строже и осмотрительнее относиться к представляемому этим изданием на просмотр материалу» (там же, л. 48 об.). Осенью 1906 г. «Журнал для всех» был приостановлен за публикацию статей о революционном движении в стране. Попытки Миролюбова возобновить журнал под другими заглавиями успеха не имели («Народная весть», 1906; «Трудовой путь», 1907—1908; «Наш журнал»). Миролюбову удалось выпустить один номер «Нашего журнала» (издателем числился А. П. Чапыгин); в нем был напечатан рассказ Андреева «Иван Иванович» о баррикадных боях в 1905 г. в Москве. По докладу цензора, усмотревшего в помещенных в «Нашем журнале» материалах «признаки возбуждения к изменническим и бунтовщическим деяниям», журнал был конфискован и уничтожен, а редактор М. С. Пушаровский заключен в тюрьму на два месяца (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 1342, л. 7). В 1908 г. Миролюбов, против которого было возбуждено уголовное дело, был вынужден уехать за границу. О «Журнале для всех» см. также прим. к письмам 110 и 111.

[2] «Жизнь» (Пб., 1897—1901) — литературный, научный и политический журнал. С 1898 г. фактическим редактором стал В. А. Поссе. С 1899 г. «Жизнь» делается одним из органов, близких марксизму. В беллетристическом отделе «Жизни» выступали Горький, Чехов, Андреев, Бунин, Вересаев, Скиталец, Гарин-Михайловский, Серафимович, Тимковский, Баранцевич, Гусев-Оренбургский, Чириков; публиковались в переводах произведения С. Жеромского, Э. Ожешко, М. Конопницкой, И. Франко, А. Доде, Э. де-Амичиса. В отделе литературной критики сотрудничали Е. А. Соловьев-Андреевич (современная русская литература), И. Гурвич (новости иностранной литературы), Д. Н. Овсянико-Куликовский, Леся Украинка и др. (см. А. З. Дун. Художественная литература и критика журнала «Жизнь». Автореферат. Л., 1961). За «весьма тенденциозный характер» публикуемых в журнале произведений и в частности за помещение в апрельской книжке 1901 г. «Песни о Буревестнике» 8 июня 1901 г. «Жизнь» была закрыта. В 1902 г. В. А. Поссе сделал попытку возобновить «Жизнь» за границей (в Лондоне и Женеве вышло шесть номеров. См. С. В. Смирнов. М. Горький и журналистика конца XIX — начала XX в. Л., 1959).

[3] «Мир божий» (Пб., 1892—1906) — литературный и научно-популярный ежемесячный журнал. Основан педагогом и писателем В. П. Острогорским как журнал для юношества и самообразования. После смерти Острогорского, с мая 1902 г. редактировался Ф. Д. Батюшковым (издательница А. А. Давыдова). Большую роль в издании играл критик А. И. Богданович. В литературном отделе «Мира божьего» преобладали произведения писателей-реалистов (Горького, Вересаева, Мамина-Сибиряка Бунина, Куприна и др.).

[4] Горькому были неизвестны ранние литературные опыты Андреева в журнале «Звезда» (1892, № 16, 19 апреля) — «В холоде и золоте» (подписано: Л. П. См. Л. Иезуитова. Первый рассказ Леонида Андреева.— «Русская литература», 1963, № 2, стр. 183—187) и в «Орловском вестнике» (подписанные инициалами): «Он, она и водка» (1895, № 240, 9 сентября), «Загадка» (1895, № 312, 315, 316, 21, 24 и 25 ноября), «Чудак» (1896, № 169, 29 июня). Первый рассказ Горького «Макар Чудра» напечатан в тифлисской газете «Кавказ», 1892, № 242, 12 сентября.

[5] Подразумевается заключительный эпизод рассказа — «пасхальное братание» бродяги и городового. В письме от 1 декабря 1901 г. Горький, в связи с задуманным Телешовым дешевым литературно-художественным сборником для народа, советовал ему включить в этот сборник «Баргамота и Гараську», но «при условии, если Леонид согласится сделать этот рассказ менее сладким» (XXVIII, 204). Под влиянием критики Горького Андреев отбросил при переиздании сентиментальную концовку рассказа. В новой редакции это произведение было напечатано в «Книге рассказов и стихотворений» (М., изд. С. Курнина и К°, 1902) и в журнале «Народное благо», 1902, № 15-16. В том же году в «Библиотеке „Народного блага“» вышли два отдельных издания «Баргамота и Гараськи».

[6] Мысль об искренности писателя часто встречается в ранних письмах и фельетонах Андреева. Первый свой фельетон «Впечатления» в «Курьере» (1900, № 27, 27 января) Андреев посвятил трагической судьбе Глеба Успенского: «Я видел великого

художника, подавленного злом и неправдою жизни; я переживал вместе с ним ту великую и страшную трагедию раздвоенной души, когда художник борется с человеком и когда оба побежденные, оба измученные, они сливают свои голоса в дисгармонично, но трогательно искренном и мучительном вопле. И нежность и любовь чувствовал я к этому родному русскому страдальцу, жившему одной жизнью с его бедной родиной, впитавшему в себя всю ее безмолвную боль и страдания и за право говорить о них заплатившему безумно дорогой ценой — своим разумом». Приведенный отрывок был запрещен цензурой и впервые публикуется нами по копии, обнаруженной в бумагах Главного управления по делам печати (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 772, л. 164). В письме к журналисту Е. Л. Бернштейну 23 апреля 1901 г. Андреев писал: «Я еще не знаю своей дороги. И одно только утешает меня: никогда не перестану я быть искренним и всегда буду *искать правды*, которой так мало в жизни и которая так нужна ей» («Утро», сб. 1. М.—Л., 1927, стр. 242). Ср. письмо Андреева к Л. Н. Толстому от 15 декабря 1901 г. («Лит. наследство», т. 69, кн. 1, 1961, стр. 121) и его фельетон «О писателе» (ПССА, т. VI, стр. 280—285).

1900

4. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Ялта. 2 ... 4 апреля 1900 г.〉

Внимательно прочитав ваши рассказы, я с радостью могу сказать вам, что вы — даровитый человек и к вам можно предъявлять очень строгие требования в уверенности, что вы и в силе и можете удовлетворить их. Это отнюдь не только мое личное мнение — я очень многим лицам, понимающим толк в литературе, читал ваши вещи, и они всем нравятся.

Лучший ваш рассказ — «Большой шлем» [1] и затем «Ангелочек» [2]. Хороши «Баргамот и Гараська» и «Из записной книжки капитана» [3], но оба они испорчены вашим желанием писать остроумно и юмористически. Выходит же у вас не остроумно, а фельетонно и вычурно. Бросьте эту манеру и, пожалуйста, пишите проще. «Большой шлем» написан просто, и — вот почему он лучше других рассказов. Я уверен в вашей способности писать хорошо и большие вещи. С нетерпением жду присыла той вещи, о которой вы говорили мне на платформе в Москве [4].

Если вы дорожите собою, если вы желаете видеть себя настоящим, большим писателем, к чему у вас, говорю, есть данные,— бросьте писать фельетоны в «Курьере». Пишите рассказы. И не слушайте, ради бога, ничьих советов, не обращайте внимания ни на чью критику. Особенно не слушайте Гольцева [5], если вы с ним знакомы,—это ужасно тупой и бездарный человек — что, при желании, вы можете сказать ему прямо в глаза от моего имени. Не слушайте Ашешова, Фейгина [6] и вообще — никого, включая сюда и вашего покорного слугу.

Пишите, повинуясь лишь своему вкусу и впечатлению, своей душевной боли, своей мысли. Читайте хорошие книги — старые книги: Библию, Шекспира, Сервантеса, Гейне и т. д. Старайтесь держаться дальше от профессиональных литераторов — это дурные люди, изъязвленные самолюбием. Они ничего не могут дать вам. Идите сами — куда вас влечет. Тогда и ошибки ваши покажутся вам более легкими, и все будет лучше. Не надейтесь ни на кого, кроме себя. Ей-богу, вы талантливый парень!

Присылайте ваш рассказ о нитшеньянце [7]. Но — вот еще совет — изображайте прежде всего людей, а не нитшеньянцев, не чиновников, не радикалов, не несчастных. Все это — только внешность, главное же— человек. А он интересен и хорош помимо своего костюма — наряжен ли он в радикала или в консерватора. Он сам по себе — интересен. Крепко жму руку. Пишите — Ялта, мне.

А. Пешков

Датируется по дневнику Андреева, запись 6 апреля 1900 г. После переписанного в дневнике письма Горького восклицание: «Милый Максимушка! И если бы я был уверен, что доживу до завтра!» (Автограф).

[1] С подзаголовком «Идиллия» рассказ напечатан в «Курьере», 1899, № 345, 14 декабря. «По прочтении „Большого шлема“,— вспоминала А. Д. Гриневицкая,— Алексей Максимович явился к нам со словами:

— Нарождается талант... Рассказ написан очень хорошо. Особенно одна деталь выявляет способности автора: ему нужно было сопоставить жизнь и смерть —

Андреев сделал это очень тонко, одним штрихом» (А. Д. Гриневицкая. Восходящий Горький. 1895—1904. Машинопись.— АГ).

[2] Рассказ впервые опубликован в «Курьере», 1899, № 356, 25 декабря.

[3] Рассказ «Из жизни штабс-капитана Каблукова». См. прим. 2 к письму 1.

[4] Речь идет о первой личной встрече писателей. 12 марта 1900 г. Горький, уезжая вместе с Поссе и Миролюбовым из Москвы в Ялту, назначил Андрееву свидание на Курском вокзале. В беседе с Горьким Андреев поделился замыслом своего нового рассказа «о нитшеньянце» («Рассказ о Сергее Петровиче»). Рукопись была отослана автором в Крым (см. А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 249). Видимо тогда же, на вокзале, Андреев передал Горькому альбом с вырезками своих рассказов из «Курьера». Этот альбом видел у Горького в Мануйловке Скиталец (Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 302. См.также письмо 6).

[5] Виктор Александрович *Гольцев* (1850—1906) — либеральный публицист и общественный деятель. В первые годы существования «Курьера» играл крупную роль в газете как член редакции, вел отдел «Литературные отголоски» и выступал с полемическими заметками на злобу дня «Мысли вслух». См. также прим. 3 к письму 21.

[6] Яков Александрович *Фейгин* (1859—1915) — издатель и переводчик, кандидат прав, служащий страхового общества «Якорь». С 1897 по 13 июля 1902 г.— официальный издатель «Курьера». Известны его переводы Бьёрнстьерне Бьёрнсона, А. Шницлера, О. Мирбо и др. За подписью «Я. А. Ф—ин» выступал в «Курьере» с рецензиями на спектакли московских театров, выпустил книгу «Генрик Ибсен. Критические этюды» (М., 1900). Андреев написал некролог Фейгина («Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, № 15292, 28 декабря). См. также Ник. Ашешов. Памяти Я. А. Фейгина («День», 1915, № 349, 19 декабря). В Государственном музее И. С. Тургенева (в Орле) хранится 16 писем Фейгина к Андрееву, частично опубликованных в статье Л. Н. Афонина «Получено от зарубежных друзей».— «Орловская правда», 1961, № 272, 18 ноября.

[7] «Рассказ о Сергее Петровиче». См. о нем прим. 2 к письму 5.

5. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мануйловка Полтавской губернии.
12 ... 15 августа 1900 г.〉

Я очень виноват пред вами, простите пожалуйста! [1] Ваш «Рассказ о Сергее Петровиче» мне понравился, хотя вы *можете и должны* писать лучше, образнее, ярче. Я уверен, что не ошибаюсь, считая вас человеком очень талантливым.

Рукопись послана мною в редакцию «Жизни», и я думаю, что она будет напечатана. Хотя вы могли бы ее еще несколько причесать и погладить. Если захотите — пишите в редакцию «Жизни»—Знаменская, 20, Евгению Андреевичу Соловьеву [2] или Владимиру Александровичу Поссе [3] — лучше последнему — чтоб вам прислали рукопись или корректуру для поправок.

Напишите, куда мне выслать вам рассказы. Я потерял ваш адрес и забыл отчество. Еще раз извиняюсь и желаю всего доброго. Мой адрес: Хорошки, Полтавской губернии, Кобелякского уезда, в Мануйловку, Пешкову [4].

Жду ответа. Ваш А. Пешков

Датируется по письму Андреева к Миролюбову от 17 августа 1900 г. (ЛА, вып. 5, стр. 76).

[1] Андреев приезжал в Крым в начале июня 1900 г., чтобы узнать о судьбе своего рассказа. Однако с Горьким он не встретился, так как 28 мая Горький с Чеховым, В. М. Васнецовым, А. Н. Алексиным и Л. В. Срединым отправился из Ялты путешествовать по Военно-Грузинской дороге и затем, вернувшись в Ялту 11 июня, через несколько дней выехал в Мануйловку («Летопись», I, стр. 272, 273).

[2] Евгений Андреевич *Соловьев* (псевдоним Е. Андреевич; 1866—1905) — историк литературы и критик. В «Жизни» печатал «Очерки текущей литературы» и выступал со статьями. «Рассказ о Сергее Петровиче» появился в «Жизни», 1900, № 10. Сам Андреев считал этот рассказ наиболее значительным из ранних своих сочинений (см. его письмо к А. А. Измайлову от апреля 1901 г.— «Русская литература», 1962, № 3, стр. 195). «Рассказ о Сергее Петровиче» предвосхищал некоторыми своими сторонами проблематику и художественные приемы позднего творчества Андреева. В основании

Воскресенье, 5 апрѣля 1898 года.

Воскресенье, 5 апрѣля 1898 года

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

КУРЬЕРЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

№ 94

Главная контора и редакція газеты помѣщаются на Петровскомъ бульварѣ, въ домѣ Катуаръ. Телефонъ № 2262.

№ 94

БАРГАМОТЪ и ГАРАСЬКА

Быто бы неправственныхъ сказать, что природа обдѣлила Ивана Акиндиныча Баргамотова, въ своей официальной части инспекціонно-„дорожной бляхи № 20", а въ неофиціальной „по-просту „Барга мотовъ". Опытъ-ли одинъ изъ сорокъ губернскаго города О... ея своихъ отцовъ, по отношенію къ мѣсту дѣятельности взимающаго пуганарки (отъ названія Шлюкарной таможни, а съ тупой стороны характеризовавшіеся прозвищемъ „пушкаря - противъ ныя голоса", данная Ивану Акиндиновичу это имя, быть можетъ, ее имѣли въ виду свойства, присущія этому яйцевому и млекопитающему классу, какъ-то: близорукость. По своей наблюдательности „Баргамотъ" своихъ напоминалъ мастодонта, или вообще одно изъ тѣхъ мало-ли, не вымершихъ ископаемой, которыя, за неимѣніемъ помѣщенія, давно уже покинуты зоологическаго музея-паноптикума. Высокій, толстый, сильный, пропорціональный, Баргамотъ составлялъ на площадкахъ городскихъ улицъ фигуру, и давно бы, конечно, достигъ извѣстныхъ степеней, если бы тутъ его, спокойной толстяка обстоятельствами, зависѣвшими не отъ него, а отъ богатырской силы. Видя пьяненькихъ, проходя къ лужѣ Баргамота держатъ его маленькіе заплывшіе глазки, до дорогой терпѣнія своя потерять и силу, и доходили до мѣста назначенія лишь въ видѣ слабыхъ отголосковъ и отблесковъ. Человѣкъ съ вышеприведенными тренировками сидѣть бы ему на ко мѣстѣ вѣкъ, довольствуясь на [illegible] редкими его дубо[illegible]

[illegible] часть толсто[illegible], подлецы отбирали.

[illegible] сознательной, для купцовъ не[illegible] наиболѣе заинтересованныхъ [illegible] которой [illegible] сить свои [illegible] полицію, [illegible] серьезныхъ и солидныхъ [illegible] достойнаго жалованія [illegible] и уважена. Та, что знать Баргамотъ, онъ знать такую. Шесть [illegible] было отъ него настрадать [illegible] разовыхъ, когда то съ выдержкою [illegible] трехдневнаго [illegible] увлеченія [illegible], начавъ эта выстрѣлъ [illegible] мысль въ его непокорномъ [illegible] могу, что выстрѣлъ [illegible] отъ него нельзя было даже [illegible] ждой. Но можно [illegible] [illegible] можно [illegible] [illegible] [illegible]

рассказа лежало действительное событие: самоубийство товарища Андреева по университету студента-естественника орловца Григория Петровича Третьякова (1872—1896). Под фамилией Новиков в рассказе выведен другой товарищ Андреева, впоследствии академик Владимир Александрович Плотников (1873—1947).

[3] Владимир Александрович *Поссе* (1864—1940) — публицист и общественный деятель. Начал печататься в либерально-народнической газете «Неделя». Один из организаторов журнала «легальных марксистов» — «Новое слово», в котором в 1897 г. (под инициалами В. П.) вел иностранное политическое обозрение. В 1898—1901 гг. (под псевдонимом Вильде) публиковал статьи на внешнеполитические темы в «Журнале для всех». С 1898 г.— фактический редактор «Жизни». В 1898—1902 гг., будучи членом книгоиздательского товарищества «Знание», редактировал книги по истории и социологии. В 1906—1907 гг. отстаивал идею создания в России рабочих кооперативных организаций, независимых от социал-демократической партии. Издавал и редактировал журналы «Библиотека рабочего» (1906—1907) и «Жизнь для всех» (1909—1917). После Октябрьской революции занимался литературной деятельностью. В 1929 г. вышли его воспоминания «Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917 гг.)».

[4] В Мануйловке Горький прожил с 19 июня по 30 августа 1900 г. («Летопись», I, стр. 274, 278).

6. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мануйловка. 16 ... 18 августа 1900 г.〉

Дорогой Леонид Николаевич!

Посылаю ваши рассказы. Потом вы возвратите мне «Бегемота» и «Сабурово», озаглавив последний рассказ как-либо иначе [1]. Я ужасно рад предложению Поссе и вашему согласию работать в «Жизни». Голубчик! Отнеситесь к этому серьезно, со всей силой и красотой вашей души. Как хорошо было бы, если бы вы могли уйти из «Курьера» и работать свободно, когда хочется!

Желаю вам от всего сердца успеха на новом, хорошем пути. Валяйте во всю мочь и вперед и выше, выше! [2]

Искренно полюбивший вас

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] См. прим. 4 к письму 4. Речь идет о рассказах Андреева «Баргамот и Гараська» и «В Сабурове». Позже, 13 января 1902 г., в письме к Пятницкому Горький называет второй рассказ «Курносый» («Архив Горького», т. IV, стр. 69).

[2] Выражение «вперед и выше» было использовано затем Горьким в 1903 г. в поэме «Человек».

7. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мануйловка. 21 ... 25 августа 1900 г.〉

Одно дело — писать, другое — быть литератором, Леонид Николаевич. Я еще — не литератор, да и вы тоже, как я чувствую. Посему верю, что мы сойдемся ближе, и приму для этого свои меры. Скоро буду в Москве, непременно зайду к вам, посидим, поговорим [1].

Грустное письмо вы написали [2]. Все, что вы переживаете, я тоже переживал, только мне писать об этом некому было. Обидно и горько мне, что вы посылаете свой рассказ на конкурс «Биржевых ведомостей» [3]. Очень обидно! Нельзя ли как обойтись вам без сих терний? Соловьев писал мне о вашем рассказе, что он написан не столько талантливо, сколько — «тонко и умно» [4]. Пожалуй он прав, Соловьев-то. Эх, вы можете чудесно писать, крупно, ярко! Ваши рассказы я читал самой разнообразной публике и всех приводил в восхищение. Вот что,— а впрочем об этом при свидании поговорим. «Бегемота» и «Деньщика» надо выпустить отдельным изданием. «В Сабурове» — тоже [5]. Вы позвольте мне устроить это, пожалуй-

ста, не давайте никому, кроме меня. Рассказы ваши я вам привезу. В Москве буду через неделю или что-нибудь в этом роде. До свидания, пока. Крепко жму вам руку.

Ваш А. П е ш к о в

Датируется по содержанию.

[1] В Москву по пути из Мануйловки в Нижний-Новгород Горький приехал 1 сентября и оставался там до 6 сентября 1900 г. («Летопись», I, стр. 278, 279).

[2] Письмо Андреева не сохранилось.

[3] «Биржевые ведомости» (Пб., 1880—1917) — газета, основанная разбогатевшим биржевым маклером С. М. Проппером (1855—1931); снискала репутацию беспринципного органа печати. Литературный конкурс «Биржевых ведомостей» по случаю двадцатилетнего юбилея газеты был объявлен 15 июня 1900 г. Сообщалось, что рукописи должны направляться в редакцию под девизами; авторам, не получившим премии, гарантировалась «совершенная тайна их имени». В члены жюри под председательством Д. Л. Мордовцева вошли: А. А. Измайлов, А. А. Коринфский, Вас. И. Немирович-Данченко, Е. А. Салиас, К. К. Случевский, И. И. Ясинский, С. М. Проппер и др. Андреев думал послать на конкурс рассказ «Молчание», законченный им между 1 и 5 мая 1900 г. 17 августа он известил Миролюбова о своем намерении: «...уж очень захотелось деньгу заработать, да и гордость обуяла» (ЛА, вып. 5, стр. 76). Письма Миролюбова и Горького заставили Андреева переменить решение (см. письмо его к Миролюбову от 30 августа 1900 г.— там же, стр. 77—78).

[4] «Рассказ о Сергее Петровиче». Письмо Соловьева к Горькому не известно. О Соловьеве — см. прим. 2 к письму 5.

[5] Рассказы «Баргамот и Гараська» и «В Сабурове» были выпущены в 1903 г. издательством «Донская речь» (Ростов н/Д). Рассказ «Из жизни штабс-капитана Каблукова» отдельно не издавался.

8. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Москва. 4 сентября 1900 г.⟩

Добрый Леонид Николаевич,

Мне и Поссе очень нужно повидать вас. От 4-х до 5-ти сегодня. Большая Московская, 84.

А. П е ш к о в

Датируется по связи с письмом И. А. Бунина к Н. Д. Телешову от 5 сентября 1900 г. (ИМЛИ). См. также прим. 1 к письму 7.

9. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Москва. 4 сентября 1900 г.⟩
«Курьер»

Добрый Леонид Николаевич,

Поссе и я нуждаемся видеть вас от 4-х до 5. Большая Московская, 84, сегодня.

А. П е ш к о в

«Рассказ о Сергее Петровиче» идет в октябре ⟨в⟩ «Жизни».

Датируется так же, как письмо 8. Очевидно Горький послал две аналогичные записки по разным адресам: в редакцию «Курьера» и на квартиру Андреева.

10. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 16 ... 18 ноября 1900 г.⟩
«Курьер»

Спасибо, Леонид Николаевич, спасибо, голубчик! Вы очень хорошо написали о моем столкновении с публикой — вы относитесь к ней, как настоящий писатель. Уважать ее — не за что, ненавидеть — за всё[1].

Пэк [2] — исказил мои слова. Я не говорил «глазеете», «вытаращили глаза», не говорил «стыдно» — и — А. П. Чехова при сем не было, а чаю я в ту пору — не пил. Но это — пустяки. Это — выяснится. Желаю всего доброго. Жму руку. Пишите! Работаете ли для «Жизни»?

А. Пешков

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

[1] 28 октября 1900 г. Горький вместе с Чеховым был в Московском Художественном театре на спектакле «Чайка». В антракте публика устроила Горькому овацию. Возмущенный этой бестактностью Горький заявил: «Как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками» (XXVIII, 140). Слова Горького в искаженном виде были воспроизведены в тенденциозном фельетоне Пэка «Кстати» («Новости дня», 1900, № 6268, 1 ноября) и затем обошли газеты. Буржуазная пресса всячески раздувала «инцидент» в Художественном театре, используя его для озлобленных нападок на Горького (см., например, Т. А. «Г. Горький и Агафья Тихоновна». — «Новое время», 1900, № 8876, 11 ноября).

Андреев в фельетоне «Впечатления» («Курьер», 1900, № 317, 15 ноября; см. настоящ. том, стр. 472—474) выступил в защиту Горького. Однако, не будучи очевидцем «инцидента», он основывался главным образом на сведениях, которые мог почерпнуть из фельетона Пэка. Письмом в редакцию петербургской газеты «Северный курьер» (1900, № 313, 18 ноября) Горький протестовал против искажения его слов фельетонистом «Новостей дня» (XXVIII, 140).

[2] Пэк — псевдоним фельетониста и театрального рецензента Владимира Александровича *Ашкинази* (р. 1873), сотрудника многих периодических изданий («Русские ведомости», «Новости дня», «Речь», «Сатирикон» и др.), впоследствии эмигранта. Опубликовал воспоминания «Отрывки об Андрееве» в «Вестнике литературы», 1920, № 9, стр. 5—6 (под псевдонимом: В. Азов).

11. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 1 ... 5 декабря 1900 г.〉

Меня очень удручает ваша болезнь, а главное — ваше настроение. Я не знаю вас и не знаю за что вы не любите себя, за что злитесь на себя? Я не «лекарь душ», но, думаю, что недостаток уважения к самому себе, заметный в вас, истекает из повышенных требований к самому себе, и, если это так — то это хорошо.

Кабы вы, дядинька, не на себя, а на других разозлились! Вот и был бы у вас неиссякаемый источник вдохновения и не относились бы вы к себе по-инквизиторски. Вы себя не мучайте, вас люди измучают. Тот же Гольцев [1] и К° зададут вам феферу, облив душу вам всякой глупостью и пошлостью.

Грустно, что вы не пишете, ей-богу, грустно! Я прошу вас — кончите хоть один из четырех начатых рассказов! Голубчик, кроме работы, в жизни сей очень мало столь же ценных удовольствий. И не понимаю я — почему стыдно писать рассказы? Что есть рассказ? Содержание души некоего человека,— взгляды, мнения, радость, горе, любовь и ненависть некоей части мира, ибо человек часть мира, а может — весь мир. Всегда полезно людям знать, чем болеет и чему радуется, за что любит их и ненавидит за что данный описатель жизни их. Вы — боже избави! — не подумайте, что я вас поучаю! Не позволю себе этого. А есть что-то, что очень нравится мне в вас — вот и причина, почему я к вам привязываюсь.

Эх вы! Видел я вас тогда, у театра, с женщиной, которую назвали вы «лучшим другом своим» [2]. Взглянул на вас, на нее — позавидовал вам. Оба — красивые, оба — молодые. Я не знаю ваших с ней отношений и не догадываюсь ни о чем, не хочу, а мне просто приятно было видеть вас с ней, ее с вами. Красиво, дядинька! Встряхнитесь! К чёрту болезнь, и лень, и недоверие к себе — это тоже болезни. А за дерзкое письмо

простите меня. Я очень неуклюжий человек, но я человек искренний. Следует еще прибавить, что искренностью моей я иногда действую как обухом топора. Сейчас, я думаю, не произошло эдакого казуса?

Крепко жму руку и желаю бодрости духа.

АНДРЕЕВ — ПОМОЩНИК ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО И РЕПОРТЕР СУДЕБНОЙ ХРОНИКИ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР»

Фотография Бродовского, Москва, 1898—1899 гг.

Литературный музей, Москва

А что вы из «Курьера» уйдете, то «Курьер» от этого сильно потеряет, вы же — нет.

До свидания, до Рождества. Очень жду вас. Женину рожу пришлю [3].

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] См. прим. 5 к письму 4.

[2] Речь идет о А. М. Велигорской, будущей жене Андреева (см. о ней также прим. 1 к письму 148). Горький с момента их первого знакомства сохранил к ней навсегда самое душевное отношение.

[3] Андреев просил Горького прислать фотографию Е. П. Пешковой, он хотел нарисовать ее портрет. Фотография была послана, и в один из своих приездов в Нижний-Новгород Андреев привез сделанный углем черновой набросок портрета. После

нескольких сеансов Андреев отказался от первоначального намерения выполнить портрет углем и решил писать его масляными красками. С незавершенной работой он вернулся в Москву, но впоследствии так и не окончил ее (сообщено Е. П. Пешковой).

Интерес к рисованию пробудился у Андреева очень рано. В автобиографии Андреев писал: «Рисовал много (первой учительницей была мать, которая держала карандаш в моих руках); но так как в Орле ни школ, ни настоящих учителей не было, то все дело ограничивалось бесплодным дилетантизмом» («Русская литература XX века. 1890—1910». Под ред. С. А. Венгерова. М., «Мир», 〈1915〉, ч. II, стр. 243). Со смертью отца, землемера Николая Ивановича Андреева (1847—1889), когда заботы о большой семье легли на плечи Леонида как старшего сына, писание портретов на заказ давало ему скромный заработок, совсем не лишний для пополнения скудных средств семьи. Увлечение живописью Андреев сохранил до конца жизни, разделяя его с любовью к входившей тогда в моду цветной фотографией.

В 1910 г., решив на время отказаться от литературной деятельности, Андреев думал целиком отдаться рисованию (см. его беседу с корреспондентом газеты «Утро России», 1910, № 123, 6 марта). Андреев предлагал «Ниве» в 1913 г. опубликовать свои иллюстрации к собственным произведениям (в качестве приложения к журналу на 1913 г. было дано издание полного собрания сочинений Андреева), выдвигая непременное условие, чтобы репродукции были в красках (письмо к А. Е. Розинеру от 6 ноября 1912 г.— ЛБ, ф. 360, кар. 1, ед. хр. 3, л. 2). Когда выяснилось, что издательство не может выполнить это условие, Андреев 21 ноября писал Розинеру: «Относительно рисунков дело не выходит. Важен *колорит*, а черные и „Ниве“ мало доставят удовольствия и мне» (там же, л. 3). В 1913 г. Андреев показал несколько своих работ на «Выставке независимых» в Петербурге (портрет Л. Н. Толстого и портрет крестьянина-финна — прототипа Янсона из «Рассказа о семи повешенных»). Репродукции с картин Андреева — см.: «Солнце России», 1912, № 1, стр. 3; 1913, № 13, стр. 8 и 9; «Лит. наследство», т. 1, 1931, стр. 93. Некоторые из произведений Андреева-художника (портреты, пейзажи, иллюстрации к его сочинениям, шаржи) ныне находятся в ИРЛИ, в Гос. Литературном музее (в Москве), в Гос. музее И. С. Тургенева (в Орле), а также в частных собраниях. Одну из работ Андреева — портрет Нансена Горький вместе с другими картинами подарил Нижегородскому художественному музею («Нижегородский листок», 1910, № 88, 1 апреля).

12. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 14 ... 16 декабря 1900 г.〉

Леонид Николаевич, государь мой!

Образовалось здесь «О-во защиты женщин». Средств нет. Издает сборник. Понимаете? [1]

Пишите нам, голубчик, небольшой рассказ, а то — большой рассказ пишите. У вас есть начатые — прекрасно! Нет ли про женщину? Проститутку? Вроде «Памятника Пушкину»? [2] Пожалуйста, сударь мой, не отказывайтесь — убью!

Нет, серьезно, когда поедете сюда на праздниках — привезите с собою рассказик. Я вас жду. И без рассказа жду, чёрт с вами! Скиталец [3] заочно любит вас и ждет, сладостно мечтая о совместной выпивке.

Дорогой мой — напишите же рассказ все-таки. И не укажете ли человека, который бы мог написать статью о проституции? Не напишет ли чего-либо Тихон Полнер? [4] Если да, сообщите его адрес, я буду его просить, молить как вас. Ну, до свидания скорого!

Крепко жму руку.
А. Пешков

Датируется на основании письма Горького к Н. Д. Телешову от 14 или 15 декабря 1900 г. (XXVIII, 144—145).

[1] Речь идет об основанном в 1900 г. в Нижнем-Новгороде при активной поддержке Горького «Обществе помощи нуждающимся женщинам» в целях борьбы с проституцией (см. «Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября). Горький был членом Общества. Издание этого сборника не состоялось.

[2] Рассказ Андреева «Памятник» (см. прим. 1 к письму 1) с подзаголовком «Эскиз» был напечатан в «Нижегородском листке», 1899, № 102 и 104, 15 и 17 апреля. В собрания сочинений Андреева не включался.

[3] Скиталец — псевдоним поэта и прозаика Степана Гавриловича *Петрова* (1868—1941). С Горьким познакомился в Нижнем-Новгороде, по-видимому, в конце июня 1898 г. Летом 1900 г. Скиталец, живя в Мануйловке, работал над одним из лучших своих рассказов «Октава» (опубликован в «Жизни», 1900, № 11). Печатался также в «Журнале для всех», «Мире божьем», «Курьере» и др. (сотрудничество в «Журнале для всех» Скиталец начал стихотворением «Спит море предо мной...» — 1899, № 5, напечатанным без подписи, а в годовом указателе содержания ошибочно приписанным П. П. Гайдебурову). Был привлечен Горьким к участию в сборниках «Знание». В 1902—1910 гг. в «Знании» вышло первое собрание сочинений Скитальца в трех томах. Встречам с Горьким в 1898—1901 гг. посвящена автобиографическая повесть «Метеор» («Русское богатство», 1913, № 1—2; вошла в Полн. собр. соч. Скитальца, т. VI, изд. «Освобождение», 1914). В апреле 1901 г. Скиталец был арестован вместе с Горьким в Нижнем-Новгороде (см. прим. 4 к письму 23). 3 декабря 1905 г. на петербургской квартире Скитальца состоялось с участием Горького совещание редакции тогда запрещенной газеты «Новая жизнь». Близкие отношения Горького со Скитальцем продолжались вплоть до отъезда Горького в 1906 г. за границу. После поражения первой русской революции Скиталец, переживая состояние растерянности и разочарования, покидает «Знание». В письме к Скитальцу от ноября—декабря 1908 г. Горький решительно осуждает его повесть «Этапы», проникнутую упадочническими настроениями («Архив Горького», т. VII, стр. 70), а в телеграмме к Пятницкому от 24 декабря протестует против опубликования этой повести в 25-м сборнике «Знание» (см. «Архив Горького», т. IV, стр. 269). С 1913 по 1921 г. Скиталец жил в Симбирске. В 1921 г. вместе с группой литераторов был командирован наркомом просвещения А. В. Луначарским для организации советской газеты во Владивостоке. С 1922 г. жил в Харбине, не порывая связи с советскими издательствами и журналом «Красная новь». В 1934 г. вернулся на родину и в июне встретился в Москве с Горьким, который помог ему включиться в жизнь советской литературы. По предложению Горького, Скиталец представил президиуму I съезда писателей доклад об эмигрантской литературе и присутствовал на съезде в качестве делегата от Московской организации. Воспоминания о Горьком см. в кн.: Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 285—352.

[4] Тихон Иванович *Полнер* (1864—1935) — публицист и статистик. Печатался с 1890 г., с 1896 г.— постоянный сотрудник «Русских ведомостей» и в 1900 г.— «Курьера». В 1905 г. участник и секретарь земских съездов, член московского комитета кадетской партии. После Октябрьской революции — эмигрант.

13. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 18 декабря 〈1900 г.〉

Получил, Алексей Максимович, и карточку Екатерины Павловны [1] и ваше письмо. Письмо, по обыкновению, коротко, но хорошо; карточка велика, но плоха. Фотограф прибавил Екатерине Павловне несколько лет, обострил черты и лишил глаза их выражения и лучистости. Постараемся с братом — у меня есть брат [2], который рисует,— исправить в рисунке эти недостатки, но на Рождество во всяком разе привезти портрет не удастся. Времени сейчас нет — этим объясняется отчасти и мое молчание. Чёрт меня дернул к тому же пуститься в «светскую» жизнь; шатаюсь сам по разным бездельникам, которых в Москве легионы, и бездельники приходят ко мне — в итоге ни им не весело, ни мне, а дорогое время, время уходит. И никак не выпутаешься из этой чепухи — люди обижаются, когда говоришь им, что занят. Рассказов у меня нет, и хотя для этого печального отсутствия существуют некоторые солидные причины внутреннего свойства — о них речь будет впоследствии, но все же вы хорошо сделаете, если побьете меня. Я замечал, что всегда после битья становлюсь лучше — и почем знать, не стал ли бы я теперь блаженствующим «Ермишкой» [3], если бы в одной схватке не был жестоко избит городовыми. Тогда я злился — ваши же побои приму с благодарностью, ибо в конце концов хороша только та дружеская рука, которая вовремя умеет схватить за шиворот. «Мой лучший друг» [4], который вам понравился и который нравится мне больше, чем бы следовало,— все время держит меня за шиворот и бьет очень жестоко и притом без надобности. Это уже крайность, от ко-

торой я с радостью бы избавился, но... но, одним словом, печальная это и малосмысленная история.

Рассказ для сборника напишу обязательно; это тем более будет для меня легко, что у меня есть уже начатый и как раз о проститутке. По поводу статейки я уже говорил с двумя курьерскими сотрудниками, из которых один, провинциальный обозреватель, особенно интересуется вопросом о проституции и прилежно собирает факты этой категории. Фамилия его Алексеевский Аркадий Павлович [5]. Второй давно уже, но пока безрезультатно — никак кончить не может — занят очень интересным трудом: *проследить и обобщить отношение русских крупнейших писателей к проститутке и проституции*. Задача важная, и исполнить ее он может недурно, если только не утонет в общих местах. Кауфман Михаил Семенович[6].

Я говорил с обоими, и принципиально они выражают согласие; вопрос в размере статьи, *непосредственной* цели ее и времени.

Сейчас у меня маленькая заминка в деньгах, но наверно к Рождеству раздобудусь и после Нового года прикачу. Кстати: вы прочли очень хороший фельетон Дорошевича [7] по поводу Назарьевой? [8] Жалко этого человека, пропал ни за понюх табаку.

Скитальцу пожмите от меня руку — симпатия у нас обоюдная.

Но разговора с вами я жду с отчаянным нетерпением. И накипело и наболело. Все те же вопросы, которые вы затронули в «Читателе» [9]. А сверх того — и еще кое-что от лукавого.

Крепко жму руку.

Леонид Андреев

[1] См. прим. 3 к письму 11.

[2] Павел Николаевич *Андреев* (1878—1923). В 1903 г. окончил со званием ученого рисовальщика Строгановское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1905 г. привозил Толстому в Ясную Поляну письмо Андреева и его рассказ «Красный смех». В 1907 г. работал в редакции «Утра России». Под псевдонимом «Н. Рогожин» поместил в газете 2 октября 1907 г. (№ 14) свой первый рассказ «Шторм», просмотренный и отредактированный старшим братом (см. письмо Л. Андреева к П. Андрееву от 14 сентября 1907 г.— ИРЛИ). Писал также киносценарии по пьесам Л. Андреева («Дни нашей жизни» и др.). С 1910 по 1923 г. преподавал рисование в бывш. гимназии Л. Д. Лентовской в

РИСУНОК АНДРЕЕВА, 1897 г.
Автошарж
Внизу, в левом углу, рукой Андреева: «26 августа 1897 г.»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

РИСУНОК АНДРЕЕВА, 1897 г.
Автошарж
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Москве. Оставил воспоминания преимущественно о раннем, «орловском», периоде жизни и начале творческого пути Л. Андреева (альманах «Литературная мысль», III. Л., 1925, стр. 140—207).

[3] Имеется в виду сотрудник «Курьера», публицист и педагог Владимир Евграфович *Ермилов* (1859—1918). Непродолжительное время издавал еженедельный журнал «Народное благо». В 1911 г. редактировал газету «Утро России».

[4] Александра Михайловна Велигорская — невеста и с 1902 г. жена Андреева.

[5] Об Аркадии Павловиче *Алексеевском* — см. в настоящ. томе, стр. 560. Алексеевский в октябре 1901 г. вместе с Андреевым приезжал к Горькому в Нижний-Новгород, чтобы договориться об издании литературного альманаха. Предполагалось, что задуманный альманах с периодичностью 4—6 выпусков в год станет основой для нового журнала, продолжающего программу закрытой правительством «Жизни». Несмотря на сочувственное отношение Горького к проекту Андреева и Алексеевского, реализовать его не удалось.

[6] Михаил Семенович *Кауфман* (1865 — ?) — журналист, сотрудник «Южного обозрения» (Одесса); в 1905—1908 гг. выступал в юмористических журналах. В 1907 г. издавал в Петербурге журналы «Идеальная жизнь» и «Момент». В «Курьере» печатался под псевдонимом: М. Остожин. См. о нем также прим. 7 к письму 31.

[7] Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1922) — очеркист и фельетонист. В 1899—1902 гг. вместе с А. В. Амфитеатровым занимал влиятельное положение в либеральной петербургской газете «Россия», а после закрытия ее (за фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы») был приглашен фактическим редактором в сытинское «Русское слово». В письме к Короленко (до 18 марта 1895 г.) Горький осуждал «пошло-зубоскальский тон» публицистики Дорошевича (XXVIII, 9). В комментируемом письме речь идет о фельетоне Дорошевича, написанном по поводу смерти К. В. Назарьевой («Россия», 1900, № 592, 16 декабря). В сокращении фельетон перепечатан «Курьером», 1900, № 350, 18 декабря (см. В. М. Дорошевич. Избранные рассказы и очерки. М., «Московский рабочий», 1962).

[8] Капитолина Васильевна *Назарьева* (1847—1900) — писательница, сотрудница ряда периодических изданий. Наиболее известный псевдоним ее: Н. Левин. Сочувственно писала о Горьком (см. «Литературные вечера „Нового мира“», 1900, № 3, 5). Основной темой романов («В когтях нищеты», «Скорбный путь», «Дорогой ценой» и пр.) и нескольких пьес Назарьевой («Тревожное счастье», «Воронье гнездо», «Сокровище») было зависимое положение женщины в буржуазном обществе, борьба за женское равноправие. Назарьева переписывалась с Достоевским и Чеховым. Умерла в Петербурге 14 декабря 1900 г. в глубокой нищете.

[9] Впервые с подзаголовком «Беседа» рассказ «Читатель» был напечатан в журнале «Cosmopolis», 1898, № 11, стр. 77—92. В ответ на вопросы Репина Горький подтвердил, что в рассказе дано развернутое изложение его литературно-эстетических взглядов. «„Читателя“,— сообщал Горький Репину 23 ноября 1899 г.,— я написал года четыре тому назад. „Читатель“ — это я, человек, в беседе с самим собою, литератором» (И. С. Зильберштейн. Репин и Горький. М.—Л., 1944, стр. 24).

14. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 20 ... 22 декабря 1900 г.〉

Расхороший мой, беспутный человече!

За обещание написать рассказ для сборника — спасибо! Значит — дело решенное? Ну, славно.

Кауфмана, Алексеевского — тащите, просите, убеждайте. Такую завинтим книгу — смерть мухам и — больше никаких чертей!

Прелестный рассказ дает Чириков [1]. 〈...〉

Жду вас — во всю мочь. Приезжайте ко мне, хотя у меня и холодно, как на Шпицбергене, где я не был, кстати сказать. Скиталец жаждет вас и даже водку пить перестал от напряжения. Я — тоже не пью. Жду.

Покажу вам, дядя, мою елку на 1000 ребят [2]. Хорошая будет елка, чёрт вас съешь!

Приезжайте скорее [3]. Тащите и вашего лучшего друга [4]. Будем ходить на вечерки, будем разговаривать, вообще — «будем пить, будем баб любить, будем по миру ходить! Эх — с миру по нитке — бедному петля! А от этой петли избавишься — на своих жилах удавишься!»[5]

Руку жму. А. Пешков

Датируется по содержанию — ответ на письмо 13.

[1] Евгений Николаевич *Чириков* (1864—1932) — писатель и публицист. Исключенный в 1887 г. во время студенческих волнений из Казанского университета, рано начал жизнь политически неблагонадежного. В 1887 и 1892 гг. был арестован по

РИСУНОК АНДРЕЕВА, 1897 г.

Автошарж

На листе, рукой Андреева, сверху: «Дон-Леонид»
Под рисунком: «—Татарин! Послушай! Ты дорого просишь за... это?
— Полтинник.
— Двугривенный хочешь?»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

РИСУНОК АНДРЕЕВА. 1897 г.

Автошарж

Под рисунком рукой Андреева: «Он же, считающий гонорар»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

обвинению в сочинении сатирической «Оды Александру III» и в связях с подпольными революционными кружками; в 1905 г.— снова арестован за связь с «Крестьянским союзом». Печатался с 1885 г. в провинциальных газетах («Волжский вестник» и пр.). С 1894 г. сотрудничал в «Русском богатстве» и других влиятельных изданиях. Разочаровавшись в народничестве, проделал идейную эволюцию к «легальному марксизму» (повесть «Инвалиды» в «Новом слове» 1897 г.). В «Жизни» вел отдел «Провинциальные картинки» (в 1911 г. аналогичный отдел вел в «Современнике»). Член литературного кружка «Среда». В период подъема освободительного движения сблизился с Горьким, с которым впервые встретился в Царицыне еще в 1888 г. В 1904—1908 гг. печатался в сборниках «Знание». Собрание сочинений Чирикова в восьми томах издано «Знанием» в 1901—1909 гг. В 1905 г. фельетоны Чирикова публиковала «Наша жизнь». В последующие годы отошел от передовой литературы. В период Первой мировой войны выступал против Горького. После Октябрьской революции — эмигрант (см. Е. Н. Чириков. Повести и рассказы. М., Гослитиздат, 1961).

[2] Первая бесплатная елка для детей бедноты была устроена по инициативе Горького в помещении Нижегородской городской думы 4 января 1900 г. («Летопись», I, стр. 260). Организация таких елок вошла в традицию вплоть до 1904 г. (В. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, стр. 29—34).

[3] Андреев приехал в Нижний-Новгород в середине января и пробыл там четыре дня (см. письмо Горького к Л. В. Средину от 31 января 1901 г.— АГ).

[4] А. М. Велигорская.

[5] С незначительными изменениями эти строки вошли в повесть Горького «Трое» (V, 87—88).

1901

15. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Нижний-Новгород. 26 ... 31 января 1901 г.⟩

Не заключайте договора, вашу книгу берет «Знание», высылаю авансом 500 рублей.

Оригинал телеграммы не известен. Впервые опубликована в статье Лоренцо «Леонид Андреев. (К 15-летию литературной работы)».— «Утро России», 1913, № 79, 5 апреля. Вторично — в монографическом очерке В. Л. Львова-Рогачевского «Две правды. Книга о Леониде Андрееве». СПб., 1914, стр. 43. Печатается по тексту «Утра России».

Ответ на несохранившееся письмо Андреева.

По-видимому еще в 1900 г. Андреев, по рекомендации Я. А. Фейгина, начал вести переговоры с И. Д. Сытиным об издании сборника рассказов. Из уважения к рекомендующим Сытин согласился выпустить книгу неизвестного ему автора тиражом в 3000 экземпляров, но не торопился с изданием (Телешов, стр. 121). В январе 1901 г. у Горького в Нижнем-Новгороде Андреев рассказал о своих планах. Горький нашел, что Андрееву выходить с первой книгой еще рано (см. воспоминания Скитальца «Леонид Андреев» в его кн.: Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 379). Однако перед поступлением в клинику Московского университета на излечение от нервного переутомления Андреев, испытывавший острую нужду в деньгах, был вынужден принять предложенный Сытиным ничтожный аванс за книгу (см. следующее письмо).

16. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 26 ... 31 января 1901 г.⟩

Жулик и сукин сын этот ваш издатель[1], ибо он вас обобрал бессовестно, безжалостно. Так действуют лишь мои приятели ночами, в глухих улицах, но они действуют так потому, что жрать хотят, а ваш издатель — сыт, стало быть он по природе своей грабитель, да!

Не пожелаете ли вы продать рассказы ваши мне, я даю вам всю прибыль с них и сейчас же — 500 р.? Дикий вы чёрт, вот что! Буде вы на мои условия согласны и никаких бумаг с издателем не подписывали — телеграфируйте немедля. Сейчас же дам вам денег, если надо. Издание выйдет в Питере у «Знания». Ответьте скорее. В половине февраля я буду в Москве [2] и у вас, сговор имея о подробностях, и я возьму рассказы.

Чучело вы огородное! Как это можно — позволять разным жирным клопам питаться кровью вашего сердца? Давить их надо!

«В темную даль» — хорошо! [3] Очень хорошо. Эх, как вы можете писать и как надо бы вздуть вас! Чтоб вы водку не лакали неумеренно, коли это вредно вам, чтоб вы к себе относились серьезнее, чтобы кислоту из души выпаривали, сударь мой, хорошей работой мозга, чтоб смотрели вы в жизнь глубже. Все это вам подобает, ибо — если вы можете отправлять человека «в темную даль»,— стало быть можете провидеть в ней и свет, буде дадите труд себе всмотреться в нее повнимательнее, бардадын вы жирный!

Бабеночек можно отодвинуть в сторону, коли они любить не хотят, от этого ущерба не будет, а лишь с бо́льшим сердцем писать будете — вот что!

Напишите-ка вот про старого станового, который в добро не верит, но любит вышивку и в пьяном виде — добр, как дитя, и смешон, как дитя. Напишите-ка о пустенькой девочке, коя кокетничает с неким писателем, искренно возлюбившим ее. И так напишите, чтобы девочка-то была — публика, понимаете? Ибо — это ведь старая история! Публика — пустенькая девочка, сытая баба, интересующаяся писателем от скуки и втайне презирающая его. Она ведь ненавидит его, да! Ей лестно, что хороший человек по-хорошему с нею говорит, лестно, но скучно и даже, иногда, беспокойно. Ну те-ка напишите!

Голубчик! Неужто вы не умеете сердиться? Рассердитесь! И — пишите! Ругайте вдребезги мещан, хозяев жизни, тревожьте их, беспокойте!

Дело жизни по нынешним дням все в том, чтоб, с одной стороны, организовать здоровый, трудящийся народ — демократию; с другой — чтоб дезорганизовать усталых, сытых, хмурых буржуев. Бодрому человеку только намекни — он поймет и улыбнется, и увеличит бодрость свою, больного скукой мещанина — ткни пальцем — и он начнет медленно разрушаться.

Хорош этот Николай, ушедший в темную даль! Он, действительно, орленок, хотя и пощипанный! Пускай пощипанный — это еще лучше — умеет наносить удары, ибо — был бит.

Милый вы человек! Идите-ка в темную даль от сияния лысины Гольцева и сумерек курьерных. В темной дали этой есть нечто чрезвычайно определенное и крепкое — в ней разрастается чувство человеческого достоинства, здоровое, упругое чувство! Вырастает человек новый — личность ясно — хотя может быть и узко — сознающая свое право творить жизнь новую, жизнь яркую, жизнь свободную, и уже теперь эта личность умеет ненавидеть всей силою души жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь скучную, жизнь уютно-мещанскую.

Леонид Николаевич!

Пишите! Вы — талантливый парень, вам надо взять себя в зубы. Неужто вы этого не понимаете?

Крепко жму вам руку, ибо устал, а уже четыре часа утра.

Всего доброго!
Ваш А. Пешков

Датируется по связи с телеграммой (№ 15).

[1] Иван Дмитриевич *Сытин* (1851 — 1934) — крупнейший книгоиздатель. В начале 1900-х годов Горький осуждал буржуазный, предпринимательский характер его издательства, недооценивая большой роли Сытина как культурного деятеля (ср. письма Горького к Поссе до 14 октября, Чирикову после 24 октября, Телешову от 2 декабря 1901 г.— «Архив Горького», т. VII, стр. 24, 26 и 33, и к Пятницкому от 17—21 октября 1901 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 44).

Позднее Горький стремился заинтересовать Сытина организацией ряда изданий. 9—12 (22—25) марта 1911 г. и 30 мая — 1 июня (12—14 июня) 1913 г. Сытин был у Горького на Капри. В первый его приезд обсуждалась возможность реорганизации «Знания» с участием Сытина и издание сочинений Горького у Сытина (план не осуществился). В марте — апреле 1911 г. после отъезда Сытина Горький писал ему, что занят подбором участников для «Истории русского народа», и просил помочь ему в создании специального журнала по изучению России. Позже, в письме к В. И. Анучину от 26 октября (8 ноября) 1912 г., Горький советовал возобновить переговоры с Сытиным о выпуске сибирской энциклопедии («Летопись», II, стр. 309). В начале 1913 г. Горький принял предложение Сытина о сотрудничестве в «Русском слове». В 1914 г., по возвращении в Россию, писатель некоторое время жил в имении Сытина Берсеневка под Москвой (там же, стр. 404). В 1915 г. Горький приветствовал Сытина по случаю пятидесятилетия его деятельности (см. «Полвека для книги». М., 1915). Письма его к Сытину опубликованы в изд.: <И. Д. Сытин.>. Жизнь для книги. М., 1962, стр. 209—212. «Проработать полстолетия в таком честном и важном деле, каково издание книг

для страны, духовно голодной, для нашей несчастной страны,— это огромная культурная заслуга. Вам есть чем гордиться, есть за что уважать себя 〈...〉 Вы — исключительный человек по энергии, обнаруженной вами, и я очень люблю вас за это»,— писал Горький Сытину (там же, стр. 211—212).

В свою очередь изменилось и отношение Андреева к Сытину. В 1908 г. Андреев вел с ним переговоры об издании полного собрания своих сочинений (не осуществилось) и сотрудничестве в «Русском слове». Приняв предложенные Андреевым условия, Сытин требовал неукоснительного выполнения им всех пунктов соглашения и прежде всего своевременного представления рукописей. В «Русском слове» были опубликованы рассказы Андреева «Покой» (1911, № 122, 29 мая), «Ипатов» (1911, № 226, 2 октября), «Правила добра» (1912, № 1—3, 1, 2, 4 января). Отказ Сытина печатать в газете пьесу Андреева «Прекрасные сабинянки», которая могла быть воспринята как реклама гастролировавшего в Москве театра «Кривое зеркало», повлек за собой привлечение Андреевым редактора «Русского слова» Ф. И. Благова к третейскому суду. Обязанности судей со стороны Андреева согласились взять на себя Короленко и П. Н. Милюков. Суд не состоялся. Переписку Андреева с Сытиным и Благовым см. в кн.: А. М. Л и н и н. Леонид Андреев и «Русское слово». Орджоникидзе, 1934 (оттиск «Известий 1 и 2-го Северокавказских педагогических институтов», т. 2 (11), стр. 183—198). Неприязнь к Сытину-«капиталисту» не помешала Андрееву высоко оценить деятельность Сытина-книгоиздателя. «Не ищите идеи в его изданиях — он сам, вот этот И. Д. Сытин, есть *идея*,— писал Андреев в 1917 г. по поводу юбилея Сытина,— 〈...〉 и прекраснейшая идея! Ибо этой идеей заражен весь народ, откуда он выскочил,—босой, голодный духом и о духе, жадный к свету до слепоты, полуосвобожденный, вольноотпущенник, но еще не гражданин» (Л. А н д р е е в. Знаменательный юбилей.— «Русская воля», 1917, № 48, 19 февраля).

[2] 16 февраля 1901 г. Горький выехал из Нижнего-Новгорода в Петербург, где он должен был присутствовать на заседании Союза взаимопомощи русских писателей, посвященном 40-летней годовщине освобождения крестьян. Горького сопровождал Скиталец. В Петербург Горький приехал 19 февраля. В Москве был проездом («Летопись», I, стр. 300).

[3] Рассказ Андреева «В темную даль» был напечатан в «Курьере», 1900, № 357, 25 декабря. Отдельно издан 20 мая 1906 г. «Знанием» в «Дешевой библиотеке» (№ 60).

17. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 1 ... 3 февраля 1901 г.〉

Ну, вот — вы паинька.

Сообщите, куда перевести вам деньги и прочее такое. Чем валяться даром, пишите-ка хороший рассказ для «Жизни», а от «Курьера» — отдохните [1].

Не известен ли вам адрес Н. И. Тимковского? [2] Хочу просить у него рассказ для сборника.

Пока — до свидания!

Долго лежать-то будете?

Когда получу рассказы?

По поводу последнего пункта изложите подробно ваши желания. Addio!

А. П е ш к о в

Датируется по письму Горького к Пятницкому от 1—2 февраля 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 19).

Ответ на несохранившуюся телеграмму Андреева с извещением о согласии расторгнуть договор с Сытиным и передать рассказы «Знанию».

[1] 25 января 1901 г. Андреев поступил в клинику. Здесь между 5 и 16 февраля он написал рассказ «Жили-были» (ЛА, вып. 5, стр. 87). Рукопись рассказа Андреев послал в редакцию «Жизни», где с ней познакомился Горький (В. А. П о с с е. Мой жизненный путь. Дореволюционный период. 1864—1917 гг. М.—Л., 1929, стр. 163). Рассказ впервые напечатан в «Жизни», 1901, № 3, стр. 233—251.

[2] Николай Иванович *Тимковский* (1863—1922) — писатель. Горький познакомился с Тимковским в 1899 г. В письме к Е.П. Пешковой (из Ялты, посланном до 8 апреля 1899 г.) Горький тепло отозвался о драме Тимковского «Сильные и слабые», прочитанной им в рукописи («Архив Горького», т. V, стр. 61). Пьеса опубликована в «Мире божьем», 1900, № 2 и 3 (отд. изд.: М., 1903). 23 апреля 1899 г. Горький писал Чехову из Нижнего-

Новгорода о Тимковском и о его драме уже более сдержанно (XXVIII, 74). Возвращаясь из Крыма в Нижний-Новгород, Горький останавливался в Москве у Тимковского. Окончательно свое отношение к Тимковскому Горький определил после летних встреч в Васильсурске. 5 января 1900 г. он характеризовал Тимковского в письме к Средину: «У Н. И. самолюбие переросло его талант», «он пессимист, а я таковых не люблю» (XXVIII, 111). Андреев знал Тимковского по «Курьеру» и участию в собраниях «Среды». В июле 1902 г. Андреев вместе с Тимковским совершил поездку на Балтийское побережье. В письме к А. М. Велигорской от 7 июля ⟨1902 г.⟩ он говорит о Тимковском: «Невероятная сухость в соединении с убийственной систематичностью и чувством собственной непогрешимости» (Гос. музей Тургенева; см. также раздел «Андреев о Горьком»). В ИРЛИ хранятся два письма Андреева к Тимковскому 1902 г.

18. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 5 ... 10 февраля 1901 г.⟩

Не пейте, дядя, у всех русских людей скверные сердца.
Лучше сообщите-ка, получили вы 500 р.? Пора бы [1].
Выздоравливайте скорее.
И всё.

Ваш А. Пешков

Рассказы я возьму у вас по приезде, чуете?

Датируется по содержанию.

[1] В первых числах февраля 1901 г. Горький обратился с письмом к Пятницкому: «Прошу, Константин Петрович, выслать 500 р. по адресу: *Москва. Клиника* профессора *Черинова*. Леониду Николаевичу *Андрееву*. Если возможно, то сделайте это поскорее, ибо он очень нуждается». На письме помета адресата: «Перевод послан заказным письмом 6 февраля 1901 г.» («Архив Горького», т. IV, стр. 19 и 286).

19. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Петербург. 1 марта 1901 г.⟩

Пришлите рассказы. Готов отец дьякон? [1]

Пешков

⟨*Адрес:*⟩ Москва. Девичье поле. Клиника Черинова[2].
Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке.

[1] Имеется в виду рассказ Андреева «Жили-были». См. прим. 1 к письму 17.
[2] Михаил Петрович *Черинов* (1833—1905) — врач-терапевт.

20. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 5 ... 7 марта 1901 г.⟩

Драгоценный Леонидушка!

Посылаю при сем маленький скандал, здесь цензурой не одобренный [1]. Если Фейгин хочет, то может сие напечатать в «Курьере», и хорошо бы в воскресенье на Фоминой. Н-да!

А «Жили-были» — прекрасно! [2] Вы, моя пышечка, совсем паинька. У вас поднимается настроение. Желаю вам не жениться ни на ком. Ваш друг и доброжелатель

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Подразумевается подписанный 43 петербургскими писателями и общественными деятелями, в том числе Горьким, Михайловским, Маминым-Сибиряком, Поссе, Гариным-Михайловским и др., протест против жестокого избиения и разгона войсками студенческой демонстрации у Казанского собора в Петербурге 4 марта 1901 г. (опубликован в кн.: «Революционный путь Горького». М.—Л., 1933, стр. 43—44). 5 марта Горький писал Е. П. Пешковой из Петербурга: «Страшное возбуждение в обществе. По поводу события 4-го числа 43 литератора составили удивительно хорошее письмо, пришлю копию» («Архив Горького», т. V, стр. 79). Власти приняли все меры, чтобы протест не попал в печать, но он получил широкое распространение в списках и гектографированных оттисках. См. его воспроизведение на стр. 491 настоящ. тома.

[2] См. прим. 1 к письму 17.

21. ИЗ ПИСЬМА АНДРЕЕВА — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 25 марта 1901 г.〉

...Целую неделю волновался по поводу вас и беспокоился: здесь упорно твердили, что вы арестованы[1]. По-видимому, самые слухи об аресте возникли на почве вашей популярности среди молодежи: вас очень любят. Кстати: в одном прескверном журнале «Русское обозрение» один прескверный человек — Филиппов написал статью о вас, еще не напечатанную [2]. Мне кое-что передавали о содержании статьи, кажется, она в вашу пользу (новый повод облаять вас для Гольцева [3]). Но важно то, что этот прескверный человек нашел слово, которое так метко и удачно определяет вас в литературно-общественном отношении, что поистине должно стать крылатым. Он назвал вас «буревестником». А еще бы вернее назвать «буреглашатаем» [4]. Недостаток определения, как и всякой схемы, в которую втискивают человека,— неполнота. Вы не только сообщаете о грядущей буре: вы бурю зовете за собой...

[1] Слухи об аресте Горького были ложными.

[2] «Русское обозрение» (Москва, 1890—1898) — ежемесячный литературно-политический и научный журнал реакционного направления. Существовал на правительственные субсидии. «Русское обозрение» перекупил публицист «Московских ведомостей» Алексей Фролович Филиппов (род. 1868), который решил для успеха журнала заручиться сотрудничеством либерально настроенных литераторов. «Я хочу создать,— писал он Е. П. Гославскому 22 июля 1900 г.,— политический орган печати в чисто национальном духе, далекий от безразличия либерального 〈...〉 и совершенно отколотый от консервативного убожества, представляемого хотя бы современными „Московскими ведомостями“» (ЦГАЛИ, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 68). Первый номер «Русского обозрения» под редакцией Филиппова вышел в июне 1901 г. Особые надежды Филиппов возлагал на статью о Горьком — «Буревестник», подписанную псевдонимом Н. А. Осокин. Статья была набрана в марте 1901 г., и Филиппов, рекламируя направление своего журнала, знакомил с нею всех желающих еще до выхода номера. Статья носила двойственный характер. Признавая огромную популярность Горького, Осокин каждое из своих «либеральных» суждений торопился обставить благонамеренными оговорками. Материальными затруднениями Филиппова, усиленно искавшего лицо, которое могло бы внести за «Русское обозрение» обязательный залог в 2500 рублей, решили воспользоваться Андреев и другие участники «Среды». Внеся залог, они намеревались повлиять на направление «Русского обозрения», устранить Филиппова и постепенно преобразовать журнал в демократическое издание. 29 ноября в газете «Северо-западное слово» (Вильна, № 1791) появилось сообщение: «В Москве кружок молодых писателей с Леонидом Андреевым во главе берет в свои руки возобновляемый с нового года журнал „Русское обозрение“». Как видно из письма Андреева к Миролюбову (от ноября 1903 г.), предполагалось, что издателем «Русского обозрения» станет А. П. Алексеевский (ЛА, вып. 5, стр. 103). Залог за журнал должен был быть внесен от имени жены Андреева — А. М. Велигорской. «Комбинация», на которую Алексеевский возлагал «все свои надежды», не удалась (см. письмо Андреева к М. П. Неведомскому, без даты.—«Искусство», 1925, № 2, стр. 270, и письмо Велигорской к Пятницкому от лета 1903 г.— АГ). Последний номер «Русского обозрения», датированный 1903 г., вышел в 1904 г. Тощая книжка открывалась обращением «От редакции», в котором содержался призыв отрешиться от партийной и кружковой борьбы и объединиться на пользу отечества и «мудрому служению государственным интересам».

[3] Андреев имеет в виду статью Гольцева «Со стороны. (Письма из деревни)» в «Русской мысли» (1900, № 12, стр. 227—230; за подписью: «Веталис») и его же обзор

«Русская литература в 1900 г.» («Курьер», 1901, № 1, 1 января). В «Русской мысли» Гольцев полемизировал со статьей Горького о Бальмонте и Брюсове («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября), а в «Курьере», развивая свою мысль, по поводу повести «Трое», писал: «Замечается, на мой взгляд, и некоторое уклонение автора *вправо*. Критические статьи г-на Горького 〈...〉 как будто подтверждают мое предположение. По всей вероятности это неблагоприятно отразится на творчестве талантливого писателя, от которого многие ждут *нового слова*».

[4] Отзыв Андреева о Горьком как «буреглашатае» революции стал известен охранке, перлюстрировавшей их переписку, и упоминается в официальных документах о революционной деятельности Горького. «Означенное стихотворение» — доносил цензор по поводу «Песни о Буревестнике»,— произвело сильное впечатление в литературных кругах известного направления, причем самого Горького стали называть не только „буревестником", но и „буреглашатаем", так как он не только возвещает о грядущей буре, но *зовет бурю за собою*» («Революционный путь Горького». М.—Л., 1933, стр. 50—51).

ДОМ НА КАНАТНОЙ УЛИЦЕ В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ. ЗДЕСЬ В 1900—1901 ГОДАХ ЖИЛ ГОРЬКИЙ

Фотография М. П. Дмитриева, 1900-е годы

Музей Горького, Москва

22. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. Начало апреля 1901 г.〉

Я — цел, а в сердце у меня горят зори весенние и дышу я во всю грудь [1]. Мог бы даже влюбиться, да сюжета нет, а будь сюжет — ах! Я влюбился бы! То есть — прямо до пепла! Ни меня, ни ее, а немножко костей, крошечный 〈?〉 клок кожи и две кучки пепла.

А все остальное — душа, ум, сила на любовь пошло.

Чёрт бы драл Филиппова! Я как раз о буревестнике писал недавно и написал и напечатаю [2], и тогда все гольцевы скажут, что я Филиппову подражаю [3].

Ну, вы приезжайте-ка сюда!

Здесь 8-го будет демонстрация, ей-богу! [4]

Я на 2-й, 3-й день Пасхи буду в Москве, может быть и у вас. Хотя я, собственно, к Толстому поеду [5]. Писали вам что-нибудь из «Знания»

о книге? [6] Нет? Так вы спросите меня о ней, я тоже ничего не знаю по этому поводу. Но я узнаю, чёрт вас побери!

Пишите, голубчик, что-нибудь в духе «В темную даль». Христом богом прошу! Пишите, ибо такие рассказы теперь нужны как хлеб, как воздух, как вино и женщина.

Обнимаю вас. Могу обнять и солнце, если понадобится.

Весь тут А. Пешков

Хорошо жить на земле!

Именно на земле хорошо жить, дорогой вы мой товарищ, милый человек.

Вот что — мне хочется подарить вам что-нибудь: теперь однако <?> у меня ни пятачка <?>.

Так вы купите себе книжку Лихтенберже «Философия Нитцше», издание Поповой [7], и вообразите, что это я вам подарил ее.

А я подарю что-нибудь после. Ладно?

Датируется по содержанию.

[1] По возвращении 12 марта 1901 г. в Нижний-Новгород («Летопись», I, стр. 306) Горький вел революционную пропаганду среди учащихся и сормовских рабочих. Заведующий Особым отделом Департамента полиции Ратаев 14 апреля 1901 г. докладывал директору Департамента С. Э. Зволянскому: «Революционная жизнь в Нижнем, с приездом Горького, совершенно затихшая после выставки, ныне опять бьет ключом, и все, что есть только революционного в Нижнем, дышит и живет только Горьким» («Революционный путь Горького». М.— Л., 1933, стр. 48).

[2] Фантазия «Весенние мелодии» (в которую входила «Песнь о Буревестнике») была закончена Горьким в марте 1901 г. Черновой экземпляр фантазии был передан им для размножения кружку высланных в Нижний-Новгород студентов (письмо Горького в Нижегородское архивное управление от 15 июля 1931 г.— XXX, 219—220). Рукопись «Весенних мелодий» Горький отослал в «Курьер». Найденный в бумагах Андреева черновой автограф с правкой Горького (АГ), вероятно, и был тем экземпляром, по которому делался набор для «Курьера». В делах Московского цензурного комитета нам удалось обнаружить две из четырех гранок «Весенних мелодий», перечеркнутые цензором А. И. Генцем (ГИАМО, ф. 31, оп. 2, св. 42, ед. хр. 467. См. воспроизведение на стр. 95 настоящ. тома). На первой чернилами написано: «Запрещено в заседании 11 апреля 1901 года по докладу и. д. цензора А. И. Генца». В журнале заседаний Московского цензурного комитета 11 апреля 1901 г. приведено в кратком изложении сообщение цензора: «Для газеты „Курьер" представлена фантазия „Весенние мелодии". В этой фантазии под формой щебетания между птицами характеризуются различные настроения в русском обществе в настоящую минуту, вызванные последними студенческими волнениями и следовавшим за ними высочайшим рескриптом генералу Ванновскому.

Беседа птиц представляет, во всяком случае, пример несоответствия между серьезностью предмета и формой изложения: песня же о буревестнике есть прямое подстрекательство продолжать борьбу с будто бы начинающим заметно уставать правительством. Я полагаю „Весенние мелодии" к печати не дозволять» (там же, оп. 3, св. 463, ед. хр. 2192, л. 62—62 об.). Согласившись с Генцем, цензурный комитет «ввиду тех превратных толков, которые может вызвать появление названной фантазии в печати», запретил опубликование «Весенних мелодий» в «Курьере» и постановил оставить гранки в делах комитета, а также потребовать от издателя газеты Фейгина официального подтверждения авторства Горького (там же, лл. 62 об.— 63. См. также: Н. Морачевский. «„Весенние мелодии" (К истории текста)» и публикацию черновика «фантазии» — МИ, т. I, стр. 439—457). 12 апреля 1901 г. к Горькому с письмом обратился издатель «Русской мысли» В. М. Лавров: «Страницы „Русской мысли" всегда открыты для вас, и в нашем доме вы всегда будете дорогим гостем. Теперь представляется удобный случай. Ваш рассказ, посланный в „Курьер", цензурой не пропущен. Не отдадите ли вы его нам? Думаю,что у нас он бы прошел. Я говорил с Фейгиным, и он ничего не имеет против этого» (АГ). К просьбе Лаврова присоединился Гольцев, добавивший несколько строк от себя. В недатированном письме к Гольцеву (апрель 1901 г.) Горький ответил, что «Весенние мелодии» были посланы им в «Жизнь» «тотчас же, как только стало известно, что „Курьер" не печатает» (АГ). По оплошности цензуры в «Жизни» (1901, № 4) появилась завершающая фантазию «Песня о Буревестнике». Полный текст «Весенних мелодий» впервые был опубликован за границей в издававшемся в Женеве органе русских «экономистов» «Рабочее дело» (1901, № 9, май). С 1902 г. фантазия печаталась в Берлине издательствами Гуго Штейница и Иоанна Рэде. В Рос-

сии «Весенние мелодии» получили широкое распространение в гектографированном виде и рукописных копиях. Неоднократно делались попытки опубликовать горьковскую «фантазию» в легальной печати.Так, социал-демократическая газета «Самарканд», 1904, 30 октября, № 143, не упоминая имени Горького, поместила первую часть «Весенних мелодий» без «Песни о Буревестнике» (М. Константинова. «Самарканд» в борьбе за М. Горького.— «Заря Востока», Ташкент, 1961, № 6). Полный текст «фантазии» группе политических ссыльных удалось напечатать 2 сентября 1905 г. в газете «Верхнеудинский листок», № 99 (А. Белоусов. «Весенние мелодии» в Верхнеудинске.— «Литература и жизнь», 1961, № 72, 18 июня). В 1905 г. «Весенние мелодии» были опубликованы в петербургском сборнике «Песни свободы» (два издания).

[3] Подразумевается упрек Гольцева в отходе Горького от демократических позиций (см. прим. 3 к письму 21). Редакция «Русского обозрения» сделала к статье Осокина «Буревестник» примечание, в котором, между прочим, говорилось: «Обстоятельства вынудили нас откладывать со дня на день печатание представленного в наше распоряжение материала, и в конце концов оказалось, что сам Горький напечатал „Песнь Буревестнику", произведение, правда, слабейшее, нежели его „Песнь Сокола", но пользующееся громадным успехом среди молодежи. Тем не менее может показаться заимствованным и само сравнение, и характеристика современного настроения. Однако случайное сходство в определениях разных лиц, не имеющих между собой никакой связи, с нашей точки зрения, подтверждает только то, что проходило и проходит незамеченным или, по крайней мере, не отмеченным в летописях нашей печати».

[4] 8 апреля в годовщину трагической гибели в тюрьме студента Московского университета, нижегородца Г. Э. Ливена в Нижнем-Новгороде предполагалось организовать студенческую демонстрацию. По мнению Горького, политическая антиправительственная демонстрация могла быть успешной только в том случае, если бы к ней присоединились широкие слои населения и прежде всего интеллигенция. В то время таких условий не было. 8 апреля должно было состояться традиционное перенесение «чудотворной» иконы Оранской божьей матери из Крестовоздвиженского монастыря в городской собор. Горький опасался столкновения студенческой демонстрации с участвовавшими в религиозном шествии черносотенцами. 4 апреля, чтобы лучше познакомиться с настроениями молодежи, он присутствовал на студенческом вечере в нижегородском Коммерческом клубе, где должен был обсуждаться вопрос о предполагаемой демонстрации («Летопись», I, стр. 311). Накануне демонстрации, 7 апреля, Горький (под псевдонимом Unicus) выступил на совещании молодежи с «отцами» — представителями нижегородского общества. После короткой речи Горького против демонстрации студенты единогласно приняли резолюцию демонстрацию отменить (Вл. Боцяновский. Unicus. (По архивным документам).— Лит.-худ. сб. «Красной панорамы», 1928, октябрь, стр. 43—48; В. А. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, стр. 34—44). К 8 апреля 1901 г. относится запись в дневнике сосланного в Нижний-Новгород студента «Виктора Петровича»: «...мы, все высланные студенты и курсистки, снимались с Горьким и Скитальцем» (ЦГАОР, ф. 1167, оп. 3, ч. 4, ед. хр. 7452, л. 5 об.). Эта фотография хранится в фондах Музея Горького (в Москве) и воспроизводится в настоящем томе (стр. 91).

[5] Поездка Горького к Толстому не состоялась.

[6] 6 апреля, получив письмо Горького, Андреев просил Пятницкого дать «более точные и определенные сведения» о предполагаемом издании его «Рассказов» в «Знании» (АГ).

[7] Анри *Лихтенберже* (1864—1940) — французский историк литературы. Первое издание «La philosophie de Nietzche» вышло в 1898 г. В переводе с французского под редакцией и со вступительной статьей М. Неведомского книга издана О. Н. Поповой (СПб., 1900).

23. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Царицыно. 21 мая 1901 г.⟩

Дорогой мой и милый и любимый Алексей Максимович! Вам, может, это сентиментально покажется, а я по чести вам говорю — с самого 17 апреля я почувствовал себя *осиротевшим* [1]. Осиротевшим, иного слова подобрать нельзя, да и неверно будет всякое иное слово. Ведь вот и виделись мы с вами редко и переписывались не часто, а когда вы временно исчезли — для меня в жизни исчезло так много, что было даже удивительно. В вас я нашел и имею такого друга, какого у меня не было со времени отрочества, когда любилось и верилось бессознательно и стихийно,— нашел человека, которого я мог единовременно любить и уважать. Знаю, что при личном разговоре ложная стыдливость помешает сказать все это

так прямо, как это здесь, и потому продолжаю с радостью за возможность высказаться в этом направлении. Я вас люблю, Алексей Максимович, как единственного друга, как брата и больше, чем брата: з а с а д и э т и м е р з а в ц ы м о е г о н а с т о я щ е г о б р а т а, м н е н е б ы л о б ы т а к б о л ь н о и ж а л к о и о б и д н о, к а к з а в а с [2].

Именно больно и именно жалко тою мучительною жалостью, какою встречаешь страдания любимого, единодушного человека. И работать без вас стало противно, и смеяться, и пусто кругом. Я человек жизни внутренней, душевной, но не человек *действия*, и в тех случаях, когда нужно бороться не только словами, но и делом, я бессилен, не находчив и постыдно бесполезен и, страдая за вас, я страдаю еще более от скверного сознания, что ничего сделать ни для вас, ни для Екатерины Павловны я не могу и не умею. *Не умею* — вот самая гадость. Хорошо не все оказались такие, как я [3].

Еще раз повторяю, люблю я вас крепко и счастлив за все, светлый вы мой человек. И буду счастлив совсем, когда выпустят Скитальца [4]. Как все это противно и глупо и до отчаяния нелепо.

Заезжал ко мне Александр Александрович [5] и передал подробности происшествия. Пятницкого [6] я не видал, а Скирмунт [7], с которым после того я виделся, передал, что Пятницкий был недолго и не имел время для того, чтобы разыскать меня на даче [8], для этого понадобился бы день. Летковой [9] сам не видел. Также в «Курьере» я бываю редко, и записку она оставила, не достаточно вразумительно. По поводу своего издания я ничего определенного не знаю.

Как предполагается у вас лето? Мне очень хочется повидать вас; до конца мая я связан в «Курьере» работой, в начале июня путем авансов приобретаю свободу, и как только будет для вас удобно, прикачу на несколько деньков в Нижний. На июнь и июль Тимковский зовет меня с собой на Рижский залив [10]. Вчера он был у меня и просил передать вам свой «горячий» привет. Ужасно хочется повидать вас.

Крепко жму руку. Л. А н д р е е в

А у меня тут все последнее время больные: здорово захворала сестра [11], сам на днях кувыркнулся с велосипеда и расшибся, если от письма будет припахивать иодоформом, то не толкуйте в дурную сторону.

Письмо написано в Царицыне и опущено в Москве. Датировано жандармами по почтовому штемпелю. Оригинал неизвестен. Письмо подверглось перлюстрации и публикуется по копии, направленной 27 мая 1901 г. начальником Нижегородского жандармского управления московскому обер-полицеймейстеру (Управление московского обер-полицеймейстера. Дело № 80 отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при управлении московского обер-полицеймейстера «О мещанине Алексее Максимове Пешкове (псевдоним М. Горький) (1895—1915)».— АГ). Впервые по сокращенной копии Департамента полиции напечатано в «Красной газете», веч. вып., 1928, № 89, 31 марта.

[1] В ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. Горький был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму. Распоряжение об аресте было отдано шифрованной телеграммой из Петербурга. Горький обвинялся в связях с революционной социал-демократией, в приобретении мимеографа для нижегородской социал-демократической организации и в сочинении и печатании противоправительственных воззваний («Летопись», I, стр. 315).

[2] Строки, выделенные нами разрядкой и подчеркнутые в копии карандашом, процитированы в справке Московского охранного отделения об Андрееве для Департамента полиции (см. настоящ. том, стр. 207).

[3] Об освобождении Горького из тюрьмы хлопотали Л. Толстой, Пятницкий, Е. П. Пешкова (см. письма Толстого от 6 мая 1901 г. к П. Д. Святополк-Мирскому и принцу П. А. Ольденбургскому.— Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч. (Юбилейное), т. 73. М., 1954, стр. 69—71; письмо Горького к Толстому от 22 мая 1901 г.— XXVIII, 163—164, а также: К. П. П я т н и ц к и й. Освобождение Горького из Нижегородской тюрьмы в 1901 г.— В кн.: М. Горький на родине. Сборник воспоминаний. Горький, 1937).

[4] Скиталец, арестованный вместе с Горьким, находился в заключении с 17 апреля по 14 июля 1901 г. Выпущенный затем под особый надзор полиции, жил в Самаре. За самовольный отъезд в сентябре 1901 г. из Самары в Нижний-Новгород, «ввиду уклонения от полицейского надзора», был вновь взят под стражу. Освобожден 7 ноября 1901 г. (АГ, Ж. Д., 4-26, л. 91 об.).

[5] Александр Александрович *Смирнов* (псевдонимы: Треплев, Аргунин; 1864—1943) — писатель, журналист и литературный критик; нотариус, гласный Самарской городской думы. Горький познакомился со Смирновым в период работы в «Самарской газете». 5 апреля 1898 г. и 29 августа 1899 г. Горький послал Миролюбову несколько стихотворений Смирнова (XXVIII, 94). Одно из них — «Хочется нежно любить...» — под псевдонимом «Аргунин» напечатано в «Журнале для всех», 1899, № 12. Под

ГОРЬКИЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ И КУРСИСТОК, ВЫСЛАННЫХ В НИЖНИЙ-НОВГОРОД

Фотография, 8 апреля 1901 г.

Горький — в центре, за ним А. В. Яровицкий, слева, в кресле, С. Г. Скиталец

Музей Горького, Москва

псевдонимом «А. Треплев» Смирнов помещал в «Курьере» статьи о текущей художественной литературе. Здесь появилась его статья «Современная литература. Факт и возможность. (М. Горький. „На дне")».—«Курьер», 1903, № 53, 60 и 67, 21, 28 апреля и 5 мая (отд. изд.: М., 1904). Смирнов находился при аресте Горького. См. заявление Горького на имя министра юстиции от 16 июля 1902 г. («Русская литература», 1961, № 3, стр. 166). Воспоминания Смирнова о Горьком — см. в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 95—107.

Смирнов в целом сочувственно относился к раннему творчеству Андреева, посвятил ему большую статью «Разоренная жизнь. Рассказы Л. Андреева с точки зрения жизненной эволюции» («Русская мысль», 1905, № 4—6, 9, 11). Познакомился Андреев со Смирновым у Горького в Нижнем-Новгороде осенью 1901 г. (S. Как Максим Горький начал свою карьеру.— «Руль», 1913, № 424, 9 сентября). 23 апреля 1902 г. Андреев подарил Смирнову второе издание своих «Рассказов» с надписью: «Тому, кто любит вечное, Александру Александровичу Смирнову, от того, кто ищет. Леонид Андреев» (хранится у М. А. Николаевской. Москва). Известны четыре письма Андреева к Смирнову (АГ и Куйбышевский музей).

[6] Константин Петрович *Пятницкий* (1864—1938) — издатель, педагог, популяризатор естественных наук, переводчик. В 1887 г. в период усилившейся политической реакции, был исключен из Петербургского университета и сослан в деревню под надзор полиции с запрещением жить в университетских городах. В сентябре 1887 г.

был принят в Казанский университет, который окончил со степенью кандидата естественных наук. Решив посвятить себя делу народного образования, Пятницкий отклонил предложение остаться при университете и переехал в Петербург. В 1893—1896 гг. руководил отделом научных приложений к журналу «Мир божий». С 1898 г.— основатель и директор-распорядитель книгоиздательского товарищества «Знание». Познакомился с Горьким в 1899 г. у Поссе. Редактировал книги по естествознанию, переводную литературу, совместно с Горьким издавал литературно-художественные сборники «Знание» и беллетристику. В годы реакции цензура конфисковала ряд изданий «Знания» и против Пятницкого было возбуждено свыше двадцати «дел». Почти весь 1907 г. (до ноября) Пятницкий провел у Горького на Капри, обсуждая планы деятельности издательства. Цензурные гонения подорвали материальную базу «Знания». Заботясь о пополнении кассы и опасаясь новых конфискаций, Пятницкий впоследствии невнимательно прислушивался к советам Горького. Несмотря на энергичные протесты Горького, он стал печатать в сборниках «Знание» произведения художественно неполноценные или проникнутые упадочническими настроениями (рассказ Куприна «Ученик», повесть Скитальца «Этапы», пьеса Андреева «Дни нашей жизни»). Пятницкий не поддержал инициативы Горького приступить к выпуску в «Знании» литературно-публицистических сборников. В письме к Ладыжникову от начала января 1909 г. Горький сообщал: «Мои отношения со „Знанием" принимают характер все более и более нелепый, участие мое в этом издательстве становится все менее возможным» («Архив Горького», т. VII, стр. 185). В августе 1909 г. Пятницкий был вынужден эмигрировать из России, возложив дела по издательству на секретаря «Знания» С. П. Боголюбова, что, в свою очередь, создало новые затруднения. К концу 1912 г. между Горьким и Пятницким происходит окончательный разрыв. В Россию Пятницкий вернулся лишь после объявления политической амнистии в сентябре 1913 г. Начатая, по предложению Горького, в 1913 и завершенная в 1919 г. проверка его личного счета и доходов от издания его сочинений в «Знании» подтвердила правильность расчетов Пятницкого. Издательство «Знание» официально просуществовало до 1922 г., когда Пятницкий добровольно передал его склады советским культурным организациям. В 1927—1928 гг. в «Ленинградской правде» и вечернем издании «Красной газеты» он публиковал воспоминания о Горьком и о своей издательской деятельности. 9 апреля 1936 г. Горький писал Пятницкому: «Я глубоко ценил вашу дружбу. И — продолжаю ценить. Вы, наверное, тоже знаете, как усердно расшатывали ее „третьи лица". Но мы не станем слагать на них нашу вину друг перед другом — виноваты же мы в том, что не нашли возможным поговорить о „наших разногласиях" открыто, искренно, до конца...» («Летопись», IV, стр. 584). В «Архиве Горького» (т. IV) опубликовано 455 писем и телеграмм Горького к Пятницкому. Часть бумаг Пятницкого хранится в АГ, в их числе его дневники за разные годы, автобиографии, рукописи воспоминаний о Горьком, материалы о педагогической и издательской деятельности. Кроме того в АГ находится 149 писем Пятницкого к Горькому 1899—1936 гг., а также многочисленные письма к нему разных лиц.

[7] Сергей Аполлонович *Скирмунт* (1863—1932) основал в 1896 г. собственное книгоиздательство и совместно с В. А. Крандиевским вступил в пайщики книжного магазина «Труд» в Москве. Оказывал помощь РСДРП, печатал прокламации и распространял социал-демократическую литературу. На квартире Скирмунта ночевали революционеры, находившиеся на нелегальном положении. В 1902 г. был арестован. несколько месяцев провел в Таганской тюрьме, в августе 1903 г. приговорен к ссылке на пять лет в Олонецкую губ. С декабря 1903 г. жил в Лодейном Поле. Осенью 1904 г. вернулся в Москву по амнистии. Книжные магазины Скирмунта в Москве и Петербурге служили складом нелегальной литературы, оружия и передаточным пунктом для конспиративной переписки. Вместе с И. И. Скворцовым-Степановым, М. Н. Покровским, В. Л. Шанцлером и др. принимал участие в организации в Москве легальной большевистской газеты «Борьба». Как официальный редактор газеты в ноябре—декабре 1905 г. был кооптирован в МК РСДРП. 9 ноября 1906 г. особое присутствие Московской судебной палаты, инкриминировав Скирмунту появление в «Борьбе» «ряда статей, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния и к ниспровержению существующего строя», приговорило его к трехгодичному заключению в крепость. В 1908 г. выпущенный на поруки, при содействии Скворцова-Степанова, эмигрировал. В 1926 г. вернулся в Советский Союз. Некролог Скирмунта см.— «Известия», 1932, № 276, 5 октября.

[8] С 2 мая 1901 г. Андреев снимал дачу в Царицыне по Московско-Курской ж. д.

[9] Екатерина Павловна *Леткова* (в замужестве Султанова; 1856—1937) — писательница, переводчица. Первую повесть «Ржавчина» напечатала в «Русской мысли» в 1881 г. Собрание ее сочинений в трех томах вышло в 1900 г. Какие переговоры с Летковой имеет в виду Андреев, установить не удалось. Возможно, речь идет об ее участии в литературном сборнике «Курьера». В копии это место из письма Андреева явно искажено.

[10] Путевые впечатления Андреева о поездке на Балтийское побережье печатались в «Курьере», 1901, № 207, 29 июля; № 214, 5 августа; № 221, 12 августа (Джемс Л и н ч.

Москва. Мелочи жизни). Под заглавием «Путевые впечатления.— Рига.— Балтийское море» вошли в ПССА, т. VI, стр. 235—249.

[11] Зинаида Николаевна *Андреева* (в замужестве Тройнова; 1884—1905) — вторая сестра Андреева (см. о ней письмо Горького к Пятницкому от 20—21 сентября 1905 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 188).

24. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 5 ... 10 сентября 1901 г.〉

Письмо дошло и принесло мне много удовольствия. Рассказец-то почитать бы мне? [1] А печатать его,— если сейчас,— в «Русском богатстве» [2], а если пожелаете занять у меня под рассказ этот рублей 200, то мы его, до поры, до времени, спрячем. Напечатаем же либо в альманахе [3], либо в нашем журнале, который — должен быть [4]...

Дорогой друг, соберите-ка вы мне по Москве две справочки: во-первых— кто, когда и зачем собирается издавать журнал «Правда»?..[5], а, во-вторых — кто есть Владимир Саблин и зачем он думает издавать «литературно-художественный и театральный журнал»? [6]

Царица небесная! Скоро на каждого писателя будет по два издателя!

Живу на старой квартире [7]. Пишите на жену [8]. «Рассказов» жду на днях [9]. Писать некогда. Шаляпин мне понравился — свыше всякой меры [10].

Ваш А. Пешков

А жена говорит: «чтó он не пришлет моего портрета, посмотрела бы. Напиши ему». Написал [11].

И подписал: А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Письмо Андреева не сохранилось. Неясно, о каком рассказе его идет речь. В сентябре Андреев написал рассказ «Стена»; опубликован в «Курьере», 1901, № 244, 4 сентября.

[2] «Русское богатство» (Пб., 1876—1918) — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, с начала 1890-х годов — центральный орган либерального народничества.

Андреев получил приглашение сотрудничать в «Русском богатстве» от Н. К. Михайловского после выхода первого издания «Рассказов» в октябре 1901 г., на которое критик отозвался сочувственной рецензией. Андрееву, далекому от споров марксистов с народниками, только вступающему в «большую литературу», предложение писать для такого солидного журнала было дорого. «Как к высокой чести, отношусь я к участию в „Русском богатстве“»,—ответил он Михайловскому 31 октября 1901 г. (ЛА, вып. 5, стр. 51). В декабрьском номере «Русского богатства» 1902 г. опубликован рассказ Андреева «Иностранец». Дальнейшее сотрудничество Андреева в «Русском богатстве» не могло продолжаться, так как и для редакции журнала и для Андреева все более очевидным становилась чуждость их идейных позиций. Горький при содействии Короленко напечатал в «Русском богатстве» (1895, № 6) рассказ «Челкаш» (см. «Горьковские чтения», I. М.—Л., 1940, стр. 79—112).

[3] См. прим. 3 к письму 25.

[4] В связи с закрытием «Жизни» предполагалось издание нового литературно-художественного журнала. Горький хотел к нему привлечь в качестве главных сотрудников Андреева, Поссе и Чирикова, но сам быть главным редактором не собирался. Издание журнала не состоялось.

[5] 27 мая 1901 г. редактор-издатель журнала «Судебные драмы» Леонтий Федорович *Снегирев* (1840—1918) обратился в Главное управление по делам печати с прошением о разрешении издавать ему в Москве ежемесячный литературно-общественный журнал «Правда». Программа нового журнала была утверждена Министерством внутренних дел 4 сентября 1901 г. До 1903 г. Снегирев не выпустил ни одного номера «Правды», и 9 сентября того же года Главное управление по делам печати известило его, что разрешение на издание «Правды» отменено как неиспользованное (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1470). С 1904 г. под таким заглавием стал выходить журнал В. А. Кожевникова (см. прим. 2 к письму 101).

[6] Владимир Михайлович *Саблин* (1872—1916) — врач, издатель, переводчик, сотрудник «Русских ведомостей», «Курьера», «Новостей дня». В ноябре—декабре 1905 г. Саблин купил «Курьер» и начал вместо него издавать газету «Жизнь», орган

левых кадетов. В издательстве Саблина печатались в переводах на русский язык собрания сочинений современных западноевропейских писателей. Перевод Саблиным драмы Гауптмана «Михаил Крамер» был принят к постановке Московским Художественным театром. Прошение Саблина об издании в Москве без предварительной цензуры ежемесячного «Журнала литературы, науки и общественной жизни» — «Маяк» Главное управление по делам печати оставило без внимания (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1684, л. 6).

[7] С 3 сентября 1900 г. Горький поселился с семьей в Нижнем-Новгороде в д. Лемке на Канатной ул. (А. В. Сигорский. По горьковским местам. Изд. 2-е, испр. и доп. Горький, 1953, стр. 165; ср.: «Летопись», I, стр. 279).

[8] Горький просил писать ему на имя Е. П. Пешковой, так как предполагал, что его могут выслать из Нижнего-Новгорода. 13 сентября его неофициально известили об этом («Летопись», I, стр. 332).

[9] «Рассказы» Андреева вышли в издательстве «Знание» 17 сентября 1901 г.

[10] 4 сентября 1901 г. в помещении Нижегородского театра состоялся концерт Шаляпина в пользу строительства Народного дома. В своих письмах к Пятницкому и Поссе Горький дал восторженную оценку исполнительскому мастерству Шаляпина (XXVIII, 172, 184—185).

[11] См. прим. 3 к письму 11.

25. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 20 ... 24 сентября 1901 г.〉

Милый Леонидушка!

Не говори вздора [1].

Поздравляю с выходом в свет книги [2]. Рассказ можно послать и Брусянину [3], потребовав с него аванс, и в «Русское богатство», сказав, что это я посоветовал, т. е. посоветовал послать. Аванса «Р. Б.»— Р. Б. совсем не значит рыба, а «Русское богатство» — не даст. Я денег тоже не дам, ибо нет у меня денег! Это странно, но это факт. Ощутимый, осязаемый печальный факт. Кстати,— как небытие может быть осязаемым фактом?

Вы, сударь, получите прибыль с книги вашей 1200 рублей, но в этой ли сумме 500 аванса или вне ее — не знаю. Брусянин — славный парень. Я вас никуда не тащу. Доказательство — прилагаемое письмо [4].

Нельзя ли вам из дружбы ко мне сломать одно-два ребра тому милостивому государю, который написал в «Курьере», что здоровье мое не оставляет желать ничего лучшего? [5] Человека ссылают в Арзамас, человек подал министру прошение, что-де не в Арзамас, а в Ялту мне надо ехать по болезни моей и — вдруг! Зачем говорить всегда правду? Скучно, опасно и вообще — не гоже.

Подкузьмили вы меня, о курьеры!

Ежели вы хотите приехать ко мне, то это очень хорошо с вашей стороны.

Да сохранит вас Д. С.* и помилует [6].

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] В несохранившемся письме Андреев, видимо, благодарил Горького за поддержку и помощь в издании его книги.

[2] На сборнике рассказов Андреева стояло: «Посвящаю эту книгу Алексею Максимовичу Пешкову. Л. Андреев». Экземпляр с дарственной надписью Горькому Андреев отправил из Москвы в Олеиз 20 декабря 1901 г. (см. воспроизведение ниже, стр. 125).

Содержание сборника составили произведения: «Большой шлем», «Ангелочек», «Молчание», «Валя», «Рассказ о Сергее Петровиче», «На реке», «Ложь», «У окна», «Жили-были», «В темную даль». В сентябре 1901 г. Пятницкий извещал Горького: «Андреев напечатан и сброшюрован. Славная вышла книжка. Ваше детище. Ждем окончания цензурного срока. Завтра отправлю вам 10 экз. Цену назначил в 80 к. Напечатано 4000 экз. 13 листов» (АГ). В том же месяце «Рассказы» поступили

* Д. С.— по-русски — дикая свинья. Полный титул Д. С.— Его высокопревосходительство и управляющий тайным обществом под фирмою Министерство внутренних дел.— *Прим. Горького.*

Запрещено за собрания 11 Апреля 1901 года по докладу и.о. цензора А.М. Гецца
За Секретаря Т. Крашенинникова
Курьеръ

Весеннія мелодіи.

(Фантазія).

Въ саду, за окномъ моей комнаты, по голымъ вѣтвямъ акаціи, прыгаютъ воробьи и оживленно разговариваютъ, а на конькѣ крыши сосѣдняго дома сидитъ почтенная ворона и, слушая говоръ сѣрыхъ птичекъ, важно покачиваетъ головой. Теплый воздухъ, пропитанный солнечнымъ свѣтомъ, приноситъ мнѣ въ комнату каждый звукъ—я слышу торопливый и негромкій голосъ ручья, слышу тихій шорохъ мѣтвей, понимаю, о чемъ воркуютъ голуби на карнизѣ моего окна и вмѣстѣ съ воздухомъ мнѣ въ душу льется музыка весны.

— Чикъ чиринъ!—говоритъ старый воробей, обращаясь къ товарищамъ.—Вотъ и снова мы дождались весны... не правда-ли? Чирикъ-чиринъ!

— Фа-акъ, фа-акъ!—граціозно вытягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ. Будучи отъ природы глупой, она еще и пуганая, какъ большинство воронъ. Но она занимаетъ въ обществѣ прекрасное положеніе и пользуется [illegible] уваженіемъ [illegible] благонравное [illegible] [illegible] [illegible]

в продажу. 18 сентября Пятницкий дополнительно выслал Горькому десять экземпляров книги.

[3] Василий Васильевич *Брусянин* (1867—1919) — писатель, публицист, литературный критик, в последние годы жизни был секретарем Андреева. Автор книг: «Леонид Андреев. Жизнь и творчество». М., 1912; «Доктора и пациенты. Литературно-общественные параллели». СПб., 1914; «Дети и писатели. Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова)». М., 1915, и др. В 1897 г. сотрудничал в «Новом слове» и в «Жизни». В 1908 г. приговоренный к двухгодичному заключению в крепости за организацию в 1905 г. социал-демократической «Московской газеты», эмигрировал за границу. До амнистии 1913 г. жил в Финляндии. В 1911 г. печатался в большевистской «Звезде», в 1913 — в «Правде». Сборник рассказов Брусянина «В рабочих кварталах» вышел в 1925 г. (ГИЗ). В комментируемом письме Горького идет речь о задуманном Брусяниным и поэтом А. А. Лукьяновым сборнике «Литературное дело», средства от продажи которого предполагалось использовать для основания в Петербурге издательства молодых писателей. Обращаясь за поддержкой к Поссе, Брусянин писал ему 11 августа 1901 г., что проектируемый сборник будет «без политики» (ИМЛИ). Сборник был отпечатан в 1902 г., в него вошли стихотворения Скитальца, А. М. Вербова, Лукьянова, повесть Тана-Богораза «На Красном камне», рассказ Вересаева «На эстраде», пьеса Чирикова «На дворе во флигеле», а также статьи Е. В. Тарле, В. Я. Богучарского и С. Н. Булгакова. Горький и Андреев в «Литературном деле» участия не приняли.

[4] О каком письме идет речь — неизвестно.

[5] 19 сентября в № 259 «Курьера» в отделе «Маленькая хроника», по-видимому, Андреев сообщал (за подписью: XXX): «Здоровье писателя не оставляет желать ничего лучшего. Он много работает и торопится окончить скорее свою драму. В Нижнем, где писателя осаждали посетители,— у него оставалось мало свободного времени. С переездом в глухой Арзамас — условия работы несколько улучшатся». Получив письмо Горького, Андреев поторопился исправить допущенную оплошность и 26 сентября в № 266 «Курьера» появилось сообщение: «В дополнение к заметке о состоянии здоровья Максима Горького нам сообщают, что здоровье в последние дни изменилось к худшему. Писателю, по-видимому, потребуется переехать на юг, так как климат Нижегородской губ. и в частности г. Арзамаса не может быть причислен к числу годных для легочных больных».

[6] Намек на министра внутренних дел Д. С. Сипягина (см. о нем прим. 9 к письму 51). 26 сентября 1901 г. Горький писал Пятницкому: «Сегодня подал министру прошение о допущении меня до Ялты в целях лечения и в течение всей зимы,— даже до 15-го апреля» («Архив Горького», т. IV, стр. 36).

26. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 25 ... 27 сентября 1901 г.〉

Книжка — вкусная. Это — настоящая литература [1].

Вы же — молодец. Прочитал я всю книжку и — выпил одну бутылку вина ценою в три целковых за ваше здоровье. Потом приятели пришли, почитали и — выпили еще несколько за русскую литературу.

Эх, Леонидушка! Мила-ай! Хорошее это дельце — писателем быть, особенно хорошо быть писателем в русской земле, и потому, браток, это хорошо, что уж очень скверно. И вообще — жить на земле большое удовольствие, и ничего приятнее такого занятия я не могу себе представить.

Драму? Великолепно! [2] Удивительно хорошо и именно на эту тему! Надо писать! Надо хотеть написать и вы напишете. Вы — талантливое животное, вы напишете! Я чувствую это. Но — остерегайтесь быть умным. Достаточно быть талантливым для того, чтоб писать хорошо, и нужно чувствовать чем пахнет человеческая кровь, слеза, пот. Нужно ненавидеть несчастие и — не мирволить несчастным. Вы всё это понимаете. «Рассказ о Сергее Петровиче» — хорошая, умная и тонкая вещь,— представьте! Раньше это не нравилось мне [3], а теперь вот прочитал и сказал — ого! И «На реке» [4]. «На реке» очень хорошо. Да, сударь мой! Мне ужасно приятно и весело, ибо — вы славная фигура! Вы напишете драму и еще много значительных, хороших вещей. Это — факт. Вы — любите солнце. И это—великолепно, эта любовь—источник истинного искусства, настоящей, той самой поэзии, которая оживляет жизнь.

Вот я — я стал умнее, и с той поры мой талант тупеет. Но это — ничего. Вы, дядя, прекрасно задумали — валяйте драму.

Был Саблин [5]. Увалень. Но — попробуем, посмотрим что он устроит. Я сказал ему, что у вас есть рассказ и что вам нужно денег. Он понял, кажется. Ну, написал я драму. Нехорошо. Крикливо, суетливо — и пусто [6]. Ничего! Напишу другую.

Очень хотел бы видеть вас.

Был Безобразов [7]. Приглашал. Я отказался. Редко встречаются столь глупые люди, как он, и никогда не видал я более невежественного профессора. Журнал, им затеянный, будет гробом для него, позорищем. Ну, бог с ним! Я люблю, когда человек делает что-нибудь смешное — серьезно и с любовью.

Крепко жму руку. А. Пешков

Сказал начальству, что в Арзамас могу отправиться только по этапу, а по предписанию — не поеду. Постесняется отправить с конвоем — я выиграю. Не постесняется — тоже я выиграю [8].

Вот она, штука-то какая!

Датируется по письмам Горького к Чехову от 25 или 26 сентября и к Пятницкому от 26 или 27 сентября 1901 г. (XXVIII, 178—179; «Архив Горького», т. IV, стр. 36—37).

[1] См. прим. 2 к письму 25.

[2] Андреев намеревался переделать в пьесу рассказ «В темную даль».

[3] См. письма 4 и 5.

[4] Рассказ «На реке», написанный Андреевым между 21 и 24 февраля 1900 г., был опубликован в «Журнале для всех», 1900, № 5, стб. 525—540.

[5] О приезде Саблина (см. прим. 6 к письму 24) в Нижний-Новгород Горький писал Пятницкому между 26 и 28 октября 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 48—49). По-видимому, речь идет о другом приезде Саблина для продолжения переговоров об участии Горького в проектируемом им журнале. Саблин просил для журнала пьесу «Мещане». В письме к Пятницкому от 23—24 октября Горький называет журнал Саблина «Маяк», а о помещении в нем своей пьесы говорит как о вопросе решенном.

[6] Имеются в виду «Мещане». Работу над пьесой Горький окончил 25 сентября 1901 г. (письмо Горького к Пятницкому от 26—27 сентября 1901 г.— «Архив Горького», IV, стр. 36). Авторская оценка пьесы в комментируемом письме почти буквально повторяет отзыв о «Мещанах» в упоминаемых выше письмах Горького к Чехову и Пятницкому.

[7] Павел Владимирович *Безобразов* (1859—1918) — профессор, автор трудов по истории Византии. В конце 1900 г. прислал Горькому в Нижний-Новгород свою книгу «О современном разврате» (М., 1900). Горький напечатал на нее рецензию в «Нижегородском листке», 1901, № 33, 3 февраля. В письме от 15 декабря 1900 г. Горький просил Телешова сообщить ему адрес Безобразова, намереваясь привлечь последнего вместе с Чириковым, Андреевым, Буниным, Поссе, Соловьевым-Андреевичем и др. к участию в литературном сборнике нижегородского «Общества защиты женщин» («Архив Горького», т. VII, стр. 18). В сентябре 1901 г. Безобразов приезжал к Горькому для переговоров о сотрудничестве в организуемом в Москве журнале «Правда» (см. также прим. 13 к письму 33).

[8] О высылке из Нижнего-Новгорода в Арзамас под гласный надзор полиции Горькому было объявлено 21 сентября 1901 г. («Летопись», I, стр. 333).

27. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 1 ... 2 октября 1901 г.〉

Леничка!

Новость! Будучи у меня, Вл. Ив. Немирович-Данченко сообщил мне, что он, по дороге из Москвы в Нижний, открыл нового и очень талантливого беллетриста, некоего Л. Андреева [1]. Я сказал ему на это, что Леонид —

фигура! И что он — Леонид — хочет писать пьесу. Разумеется — оба начали ликовать.

Теперь нужно вам, голубь мой, познакомиться с этим самым Владимиром Ивановичем. Нужно, я это знаю, он — тоже. Он — человек умный, искренний, со вкусом и знает театральное дело, как я — булочное. Нет, лучше, чем я булочное. Вы познакомьтесь. Надо. Немирович-Данченко может быть очень полезен.

О «Стене» мне говорил Саблер [2], не очень ясно. А я ее не видал, не получал и не читал. Жду.

Сдал предварительное испытание на чин драматурга. Что-то скажет государственный экзамен? [3]

А. Пешков

Здорово я фамилию подписываю? [4]

Датируется по связи с письмом Горького к Пятницкому от 1—2 октября 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 37—38).

[1] 6 марта 1900 г. в связи с начинающимися 10 апреля гастролями Художественного театра в Севастополе Чехов приглашал Горького в Крым: «Вам надо поближе подойти к этому театру и присмотреться, чтобы написать пьесу» (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. XVIII. М., 1949, стр. 347). Горький приехал в Ялту 16 марта («Летопись», I, стр. 269), здесь он познакомился и сблизился с Вл. И. Немировичем-Данченко (1858—1943), который настойчиво советовал ему написать пьесу для Художественного театра (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, стр. 187—188, 190). Летом того же года в Мануйловке Горький, ободряемый Чеховым, приступил к работе над своей первой пьесой «Мещане». Эта работа осталась не законченной, доведя пьесу до третьего акта, не удовлетворенный ею, Горький, видимо уничтожил рукопись (письмо Горького к Чехову между 15 и 31 августа 1900 г.— XXVIII, 126—127). Новая встреча с Немировичем-Данченко произошла в сентябре в Москве. «Я рассказал ему мою пьесу, и он сразу, двумя-тремя замечаниями, меткими, верными, привел мою пьесу в себя. Все исправил, переставил, и я удивился сам, как все вышло ловко и стройно. Вот молодчина!» (из письма к Чехову между 1 и 7 октября 1900 г.— XXVIII, 133). После этого между Немировичем-Данченко и Горьким завязалась переписка. 28 сентября 1901 г., когда «Мещане» были закончены, Немирович-Данченко приехал в Нижний-Новгород. «Я—ваш Алешка,— сообщал Горький 1—2 октября Пятницкому,— с честью выдержал предварительное испытание на чин драматурга! 〈...〉 Вл. Немирович-Данченко клятвенно уверял меня, что пьеса — удалась и что сим делом заниматься я способен. Я ему верю. Он — прямой, искренний человек, не очень талантливый, но весьма и весьма умный и — со вкусом 〈...〉 Вы знаете — три дня я его ждал и чувствовал себя мальчишкой, волновался, боялся и вообще дурацки вел себя. А когда начал читать пьесу, то делал огромные усилия для того, чтоб скрыть от Немировича-Данченко то смешное обстоятельство, что у меня дрожал голос и тряслись руки. Но — сошло!» («Архив Горького», т. IV, стр. 38). Немирович-Данченко взял на себя хлопоты о разрешении постановки пьесы в цензуре и увез рукопись в Москву, выслав взамен автору машинописную копию. Пьеса вышла отдельным изданием в «Знании» в начале 1902 г.

Позднее взаимоотношения Горького и Немировича-Данченко приняли весьма сложный характер (см. отрывки из их переписки 1904 г. в «Историческом архиве», 1962, № 2, стр. 53 — 54). Новые осложнения были внесены постановкой Немировичем-Данченко инсценировки «Бесов» Достоевского (1913). См. раздел «Горький об Андрееве», а также статью Г. Зориной «Горький и Немирович-Данченко».— «Ежегодник Института истории искусств. 1959. Театр». М., 1959, стр. 140—181.

Андреев познакомился с Немировичем-Данченко в 1902 г. Переписка между ними началась в 1903 г. и продолжалась до 1917 г. (письма Андреева и копии писем к нему Немировича-Данченко ныне хранятся в Музее МХАТа); несколько писем опубликовано В. И. Беззубовым в «Учен. зап. Гос. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962. Из четырех пьес Андреева, шедших в Художественном театре, три — «Анатэма» (1909), «Екатерина Ивановна» (1912) и «Мысль» (1913) — поставлены Немировичем-Данченко.

[2] Речь идет о В. М. Саблине. См. прим. 6 к письму 24.

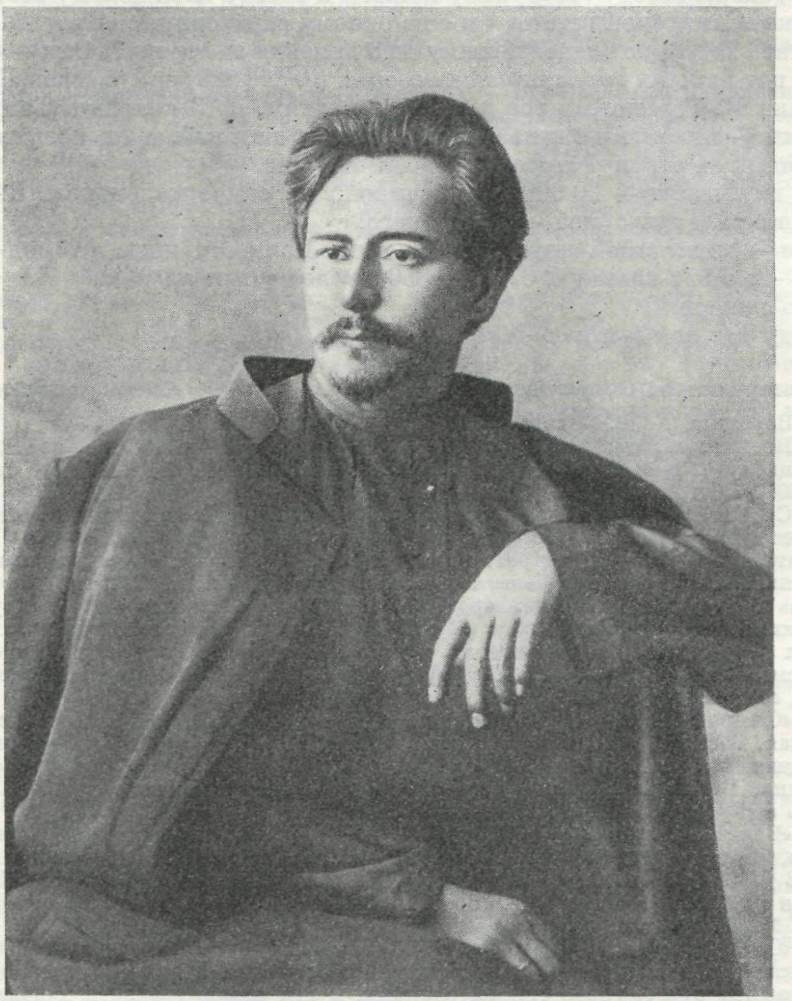
[3] Подразумевается предстоящая постановка «Мещан» в Московском Художественном театре.

[4] В отличие от обычной своей подписи Горький здесь расписался с росчерком.

28. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 5 ... 10 октября 1901 г.〉

Приезжайте сюда, дядя, а то письма писать неудобно и расходисто, на марки больно много деньжищ выходит. Приезжайте по железной дороге и привозите ваш новый рассказ.



АНДРЕЕВ
Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1901 г.
Собрание В. Л. Андреева, Женева

Поговорим и — увидим. А «отчаянно предприимчивый человек» [1] — не может приехать? И его бы.

Ну, что ж драма? Надо драму. Я вот скоро вторую начну, ибо с полной очевидностью убедился, что первая — никуда не годится.

Вообще я так настроен на драму, что теперь у меня — берегись, Вильям Шекспир! трепещи, Нестор Кукольник! и — больше никаких!

Можете напечатать в «Курьере», что Горький затеял новую драму из эпохи перехода евреев через Чермное море. Основная идея та — что

пьяному — море действительно по колено, а не выше, как утверждают благоразумные люди [2].

Но — и море, и евреи — пустяки по сравнению с одной затеей.

А она — вот какая. Вы — беллетрист, Я — «Нижегородский листок» [3]. Мне хочется — хорошей беллетристики. Но я,— при моих средствах,— дороже 3 копеек платить за нее не могу. Ну-с?

Я говорю соседу «Северному краю» [4] и соседу «Волжскому вестнику» [5], соседке «Самарской газете» [6] и еще одному саратовцу [7]: «Братцы! давайте печатать хорошую беллетристику по 3 копейки за строку?» Они — «а как?».

А вот как: *мы все напечатаем* в один *и тот же день* рассказ Л. Андреева или М. Горького и все дадим им, чертям, по 3 копейки. Таким образом мы — имеем Андреева за три копейки каждый, а он получает с нас 15 копеек за строку! Просто, ясно и недурно.

У пяти газет — 20 000 подписчиков, это самое маленькое. Выступать пред такой аудиторией — это ничего!

Но — милый мой друг! — молчание! Если эту идею кто-нибудь стащит — я с вас возьму 2 393 862 356 рублей убытка. Факт!

До свидания!

Жду вас во всем вашем составе.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Вероятно, А. М. Велигорская.

[2] Неосуществленный замысел Горького — пьеса «Жид». См. письма Горького к Пятницкому от 1—2 октября («Архив Горького», т. IV, стр. 38) и к Поссе от 14 октября 1901 г. («Архив Горького», т. VII, стр. 24).

[3] С 1 октября 1901 г. Горький вступил в число пайщиков «Нижегородского листка». Между 13 и 17 октября Андреев приезжал в Нижний-Новгород (Л.—е в ⟨Андреев⟩. «Впечатления».— «Курьер», 1901, № 328, 27 ноября), где вместе с Буниным и Алексеевским выяснял вопрос о более тесном сотрудничестве в газете участников кружка «Среда» и о заключении «Нижегородским листком» соглашения с пятью другими поволжскими изданиями, а также с «Курьером» об одновременном печатании художественных произведений. К соглашению присоединилась одесская газета «Южное обозрение» (см. письмо Горького к Чехову от января 1902 г.— «М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания». М., Гослитиздат, 1951, стр. 102).

[4] «Северный край» (Ярославль, 1898—1905) — ежедневная либеральная политическая, общественная и литературная газета. В 1903—1905 гг. в «Северном крае» сотрудничали большевики — Ем. Ярославский и В. Менжинский, бывший секретарем редакции. После запрещения за «крайнюю оппозиционность направления» возобновлялась под разными названиями до 11 мая 1909 г.

[5] «Волжский вестник» (Казань, 1883—1906) — ежедневная литературная, политическая, общественная и коммерческая газета либерально-народнического направления. В 1893—1894 гг. Горький был сотрудником «Волжского вестника» (Е. Г. Бушканец. А. М. Горький и «Волжский вестник».— «Горьковские чтения. 1949—1952». М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 406—413).

[6] «Самарская газета» (1884—1906) — ежедневная либеральная литературно-политическая и экономическая газета. Горький был ближайшим сотрудником «Самарской газеты» в 1895—1896 гг., опубликовал в ней свыше тридцати художественных произведений («Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Мой спутник» и др.) и более трехсот статей и фельетонов. Подробнее об этом см. в статьях: И. А. Груздев «М. Горький в Самаре» и А. И. Овчаренко «Публицистика М. Горького самарского периода».— «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 333—418.

[7] В Саратове в это время выходили две газеты, в которых печаталась беллетристика: «Саратовский дневник» (1877 — 1907) и «Саратовский листок» (1880—1917).

29. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 25 октября 1901 г.⟩

Получил разрешение ехать в Ялту, еду около 10-го ноября [1]. Хлопочу о возможности остановиться на несколько дней в Москве, но ни слова об этом в газетах.

Сегодня — 25-го в «Нижегородском листке» статья Яровицкого-Корнева «О рассказах Л. Андреева». Недурно. Корнев — автор рассказа «Муж долга» [2].

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] «Ввиду действительно болезненного состояния» Горького ему было разрешено 2 октября временно жить в Нижнем-Новгороде («Летопись», I, стр. 336). 16 октября Департамент полиции разрешил Горькому переехать до 15 апреля будущего 1902 г. на южный берег Крыма, кроме Ялты («Летопись», I, стр. 337). Из Нижнего-Новгорода Горький выехал 7 ноября (см. письмо 30).

[2] Алексей Васильевич *Яровицкий* (1876—1903) — писатель и революционный деятель. В апреле 1899 г. возглавлял Исполнительный студенческий комитет, подготовлявший созыв общероссийского союза студентов. После ареста 30 мая был сослан под гласный надзор полиции в Нижний-Новгород. Входил в большевистский Нижегородский комитет РСДРП. В июне 1899 г. познакомился с Горьким («Летопись», I, стр. 237). Весной 1901 г. Яровицкий передал Горькому задание Комитета приобрести в Петербурге мимеограф для нужд местной социал-демократической организации. 7 ноября 1901 г. в день отъезда из Нижнего-Новгорода в Крым Горький подарил Яровицкому свою фотографию с надписью: «Без сомнения, с полной уверенностью пишу: будущему крупному писателю Алексею Васильевичу Яровицкому. М. Горький с уважением и любовью» (АГ. Воспроизведение см. на стр. 107 настоящ. тома). Под псевдонимом «А. Корнев» Яровицкий печатался в «Нижегородском листке». Рецензия «О рассказах Л. Андреева» (подписана А. Я — ий) опубликована в «Нижегородском листке», 1901, № 292, 25 октября. Позже Яровицкий выступил со статьей о рассказе Андреева «Мысль» (черновой набросок хранится в АГ; напечатана в «Самарской газете», 1902, № 229, 26 октября). Очерк Яровицкого «Муж долга» напечатан в «Курьере» под псевдонимом «А. Корнев» (1902, № 238, 29 августа). Следующее и последнее выступление Яровицкого в «Курьере» — рассказ «Тоска» (1902, № 353, 22 декабря). См. о нем кн.: Л. Фарбер. А. В. Яровицкий. Волго-Вятское кн. изд-во, 1964, а также письмо 37.

30. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 27 ... 29 октября 1901 г.〉

Голубчик Леонид Николаевич!

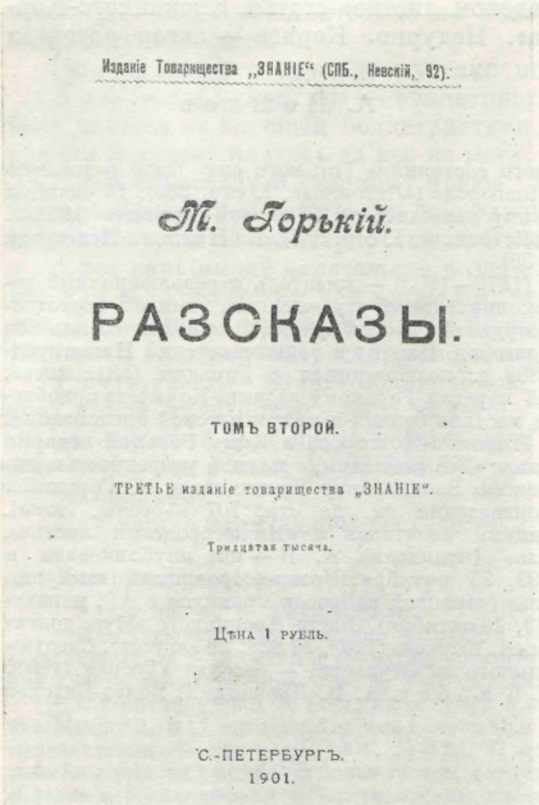
Скажите Якову Абрамовичу? — Фейгину [1] следующее: на днях Станислав Иванович Гриневицкий, редактор «Нижегородского листка», пришлет ему рукопись моего рассказа. Будет — фельетона два, три [2].

Мои условия: рассказ должен быть начат печатанием в «Курьере» в один и тот же день с «Листком», не ранее. Только при этом условии — и при строгом соблюдении его — я буду печататься в «Курьере». То обстоятельство, что один и тот же рассказ одновременно печатается в двух изданиях, разумеется, понижает гонорар за него, и потому пусть «Курьер» заплатит мне по пятаку или — сколько он вообще платит за беллетристику оригинальную беллетристам не оригинальным?

Вот. День назначает Гриневицкий, рассказы получаются от него.

О драме, альманахе [3] и прочих язвах сердца моего я не буду теперь говорить. Саблин был. Драму я ему обещал. Был еще один любитель драм [4]. Я и ему чуть-чуть не обещал. Вам тоже обещал. Я — помню. Поясню: нельзя не обещать человекам драму, раз их желание иметь ее ставит автора в драматическое положение: дать всем по одному акту или же всех перестрелять и самому — удавиться. Я начинаю думать, что я только тогда никого не обижу, если никому ничего не дам.

Я, милый мой дружище, устал, полуболен и раздражен, как нервная баба. У меня болит голова, а по ночам действует сердце. Сначала — очень прытко действует, а потом устанет и, якобы, уж и совсем не действует. И в такой момент я думаю — а что как сдохну я, Пешков? Это,



Изданіе Товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

М. Горькій.

РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ТРЕТЬЕ изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“.

Тридцатая тысяча.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

М. ГОРЬКИЙ. «РАССКАЗЫ» (СПб., 1901, т. II). КНИГА БЫЛА ПОДАРЕНА УЕЗЖАВШЕМУ В КРЫМ ГОРЬКОМУ АНДРЕЕВЫМ И ДРУГИМИ ДРУЗЬЯМИ 8 НОЯБРЯ 1901 г. В ПОДОЛЬСКЕ

Титульный лист

Архив Горького, Москва

разумеется, глупости, я знаю, что еще долго не сдохну, но вы же знаете, что такое перебои и как они влияют на фантазию.

А впрочем — до свидания!

Выезжаю в Ялту 7-го числа.

А. П е ш к о в, который не скоро еще издохнет, да!

Датируется по содержанию (см. письмо 31).

[1] Об Я. А. Фейгине см. прим. 6 к письму 4. В АГ хранится единственное письмо Фейгина к Горькому от 11 июня 1901 г. с просьбой передать «Курьеру» для опубликования окончание повести «Трое», печатавшейся в «Жизни» (см. прим. 3 к письму 35). Фейгин обещал безвозмездно разослать номера своей газеты с окончанием повести всем подписчикам закрытой «Жизни». В «Курьере» повесть не печаталась. Письма Горького к Фейгину не известны.

[2] Станислав Иванович *Гриневицкий* (ум. 1926), член редакции «Нижегородского листка», выслал Фейгину рассказ Горького «История одного преступления». Начало рассказа напечатано 13 ноября 1901 г. в «Нижегородском листке» (№ 311) и в «Курьере» (№ 314). Продолжение печаталось в «Нижегородском листке», № 313, 316, 318, 15, 18, 20 ноября; в «Курьере» — № 316, 318, 321, 15, 17, 20 ноября. В собрания сочинений рассказ включался под заглавием «Злодеи».

[3] Андреев взял на себя редактирование беллетристического отдела задуманного им с Алексеевским альманаха (см. прим. 5 к письму 13). Для успеха дела в первом выпуске предполагалось опубликовать с иллюстрациями пьесу Горького «Мещане», его предисловие или какую-нибудь статью (см. письмо Алексеевского к Поссе от октября 1901 г. — АГ). Между 26 и 28 октября 1901 г. Горький сообщал Пятницкому: «... я напишу Андрееву письмо, в котором откажусь от участия в альманахе, и такое же письмо напишу Брусянину-Лукьянову, в котором тоже откажусь от участия в альманахе, и напишу еще кучу писем и во всех ото всего откажусь. Ей-богу — нет сил! Я — нездоров. Всегда, когда я собираюсь ехать в Крым, я чувствую себя нездоровым» («Архив Горького», т. IV, стр. 49).

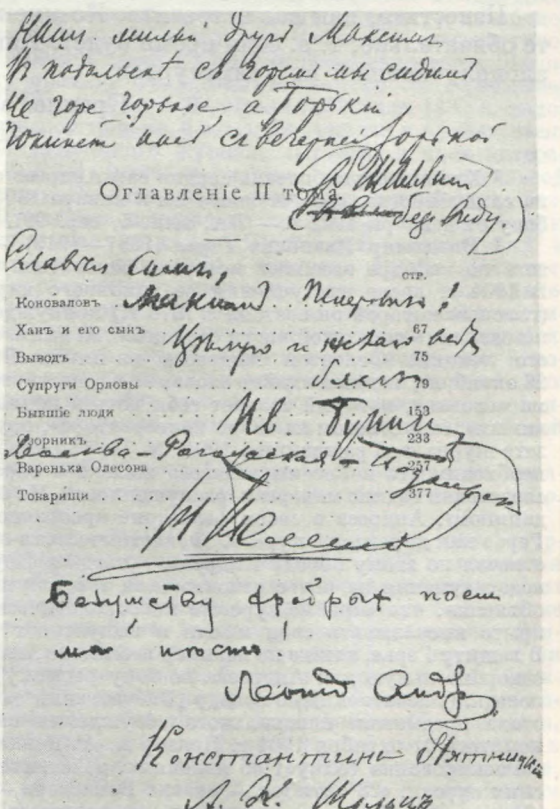
[4] Подразумевается театральный критик Александр Рафаилович *Кугель* (1864—1928), псевдоним: Homo Novus (см. письмо Горького к Пятницкому от 23—24 октября 1901 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 48). С 1897 по 1918 г. Кугель издавал журнал «Театр и искусство»; организовал при журнале печатание на стеклографе пьес современных драматургов для театров. В 1909 г. основал в Петербурге театр пародий «Кривое зеркало», на сцене которого шли сатирические миниатюры Андреева «Любовь к ближнему» (1911), «Прекрасные сабинянки» (1912), «Монумент» (1916). О Горьком и Андрееве говорится в книге Кугеля «Листья с дерева. Воспоминания». Л., 1926. Письма Андреева к Кугелю — см. в журнале «Рабочий и театр», 1934, № 27, стр. 18, и в книге Кугеля «Русские драматурги. Очерки театрального критика». М., 1933, стр. 178—179.

31. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 31 октября 〈1901 г.〉

Коли вы пишете о болезни, стало быть болезнь настоящая. И это ужасно жалко, друг вы мой хороший. Знаю я это очень хорошо, как сердце «сперва действует, потом совсем бездействует»,— а в мозгу жуткая мысль: умру я, Андреев. Если в моих писаниях отразился страх смерти, одна из причин — перебои [1]. При некоторой художественной фантазии эта штука возмутительная. Человек находится под дулом пистолета, не зная ни момента выстрела, ни того, заряжен ли пистолет. Жди и догадывайся.

Жалко вас, а приходится сказать несколько слов о драме. Вы, сударь, ошибочно сопричисляете меня к лику тех, кто оной драмы добивается. К чёрту такое сопричисление! Я хочу быть просто вашим приятелем и избави бог от всего, что такие отношения может замутить. Это раз. А два —


Оглавленіе II тома.

стр.

Коноваловъ 1

Ханъ и его сынъ 67

Выводъ 75

Супруги Орловы 79

Бывшіе люди 153

Горникъ 233

Варенька Олесова 257

Товарищи 377

ПАМЯТНЫЕ НАДПИСИ АНДРЕЕВА И ДРУГИХ ДРУЗЕЙ НА КНИГЕ, ПОДАРЕННОЙ ГОРЬКОМУ 8 НОЯБРЯ 1901 г. В ПОДОЛЬСКЕ:

Наш милый друг Максим,
В Подольске с горем мы сидим
Не горе горькое, а Горький
Покинет нас с вечерней зорькой
Ф. Шаляпин (без виду)

Славься сим, Максим Петрович!
Целую и жслаю всех благ
Ив. Бунин

Москва-Рогожская — Подольск
Н. Телешов

Безумству храбрых поем мы песню!
Леонид Андреев
Константин Пятницкий
А. К. Шольц

Архив Горького, Москва

вот что. Идея альманаха и самое дело — *ваши*. Хотите вы его или не хотите — опять-таки дело прежде всего ваше. Мы, *исполнители*, пришли к выводу, что без драмы и дела начинать не стоит — а там как вы хотите. Посему о драме ничего вам больше говорить не стану.

Дела мои шваховаты. Цензор черкает. По поводу Герье написал из-за дьявола цензора аллегорию, оказалась неудачной, понята неверно — и я попал в инсинуаторы и клеветники [2]. Добродетельные газеты и добродетельные люди травят. Чёрт с ними.

Приступил слегка к драме, но не «В темную даль», а другую. Тоже с героями, да еще с целыми тремя, а то четырьмя [3]. Важно!

Была обо мне статья в «Орловском вестнике» — выставлен самым мрачным в мире писателем [4]. Шулятиков собирается на днях доказывать вашу *мрачность* [5].

Н. К. Михайловский прислал одобрительное письмо. Особенно нравится «Жили-были». Предлагает работать в «Русском богатстве» [6].

Ваши «Афоризмы» расходятся с удивительной и для издателя приятной быстротой. Требования поступают отовсюду, и из Сибири, и из-за границы [7].

Где вы в Москве остановитесь? Штука в том, что от одного здешнего *полицейского* врача вы можете получить свидетельство о любой болезни, до летаргического сна включительно [8]. Но для этого вам необходимо остановиться в определенном районе.

Посылаю вам карикатуру, рисованную мною на себя и характеризующую мою деятельность как помощника присяжного поверенного [9]. У меня их было много, да растерял. И эта попалась случайно [10].

Известите, как вас встретить. Ко мне и Екатерина Павловна заезжайте обязательно, т. е. если время будет. Иначе огорчусь и возненавижу вас, злополучнейший из драматургов.

Крепко вас любящий
Леонид Андреев

[1] Хроническую болезнь сердца сам Андреев объяснял как последствие покушения на самоубийство, совершенного им в январе 1894 г. (см. письмо Андреева к Миролюбову от декабря 1902 г.— ЛА, вып. 5, стр. 99).

[2] Владимир Иванович *Герье* (1837—1919) — профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории, основатель Высших женских курсов в Москве. В 1904 г. после выступления реакционного характера в Московской городской думе (гласным которой он состоял с 1876 г.) принужден был оставить университет, так как негодование передовой части студенчества вылилось в демонстрацию и бойкотирование его лекций. Фельетон Андреева из цикла «Впечатления» («Курьер», 1901, № 298, 28 октября), начинающийся словами: «Существует совсем особый род цинизма—цинизма человека, который сознает себя хоть и подлым, но почему-либо сильным и неуязвимым», был ответом на «Речи консерватора», опубликованные за подписью «Икс» в газете-журнале «Гражданин», 1901, № 78, 11 октября. Орган В. П. Мещерского отрицал необходимость в России высшего женского образования как якобы имеющего своим следствием гадкие манеры и распущенность. Не вступая в открытую полемику с «Гражданином», Андреев в своем фельетоне прозрачно намекал на непристойное поведение Герье как директора курсов. Фельетон вызвал обвинения в клевете. «Ужасно жаль,— отвечал по этому поводу Андреев,— когда между журналистом и читателем возникают недоразумения на почве непонимания той или иной статьи». Намекая на цензуру, он объяснял, что «крайне суровые метеорологические условия» мешают публицисту открыто высказывать свои мысли и вынуждают его прибегать к иносказательности. В защиту Герье, также не называя его имени, выступило «Русское слово», поместившее оскорбительную для Андреева по тону реплику Д —ова (Д. Егорова) «Непонятная исповедь. (Впечатления по поводу „Впечатлений“)» (№ 299, 30 октября). Реплика Егорова стала предметом специального обсуждения на заседании Московского цензурного комитета 31 октября 1901 г. Цензор А. А. Венкстерн признал, что фельетон Андреева замаскированно толкует об явлениях, действительно имевших место на Высших женских курсах. «28 октября,— сказал Венкстерн,— когда появилась цитируемая статья „Курьера“, событие на курсах еще не получило огласки, и угадать, кого имел в виду автор „Впечатлений“, не представлялось возможным. Но в настоящее время, когда названный инцидент составляет злобу дня и предмет оживленных толков всей Москвы,

и главным образом, учащейся молодежи, когда уже не может быть ни малейшего сомнения в том, что предметом неприличных нападок является профессор Московского университета и директор Высших женских курсов В. И. Герье, рассматриваемая статья не может быть, по моему мнению, оставлена без внимания 〈...〉 А потому я полагал бы о статье „Непонятная исповедь" довести до сведения Главного управления по делам печати» (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, св. 463, ед. хр. 2192, «Журнал заседаний Московского цензурного комитета», л. 310—310 об.). Ответом Андреева на выступление Егорова была «Заметка» («Курьер», 1901, № 312, 11 ноября), протестующая против недопустимых приемов газетной полемики.

[3] Подразумевается драма в пяти действиях «Брат и сестра». Пьеса была начата Андреевым 1 ноября 1901 г. и доведена только до начала четвертого акта. В 1961 г. рукопись пьесы (автограф, 45 листов) вместе с другими материалами личного архива Андреева была передана в ЦГАЛИ младшим сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым. В 1902 г. Андреев переделал пьесу «Брат и сестра» в четырехактную драму «Закон и люди». См. прим. 5 к письму 79.

[4] Речь идет о литературном обзоре Николая Васильева «Отклики. Из области литературы», содержащем отзыв о «Рассказах» Андреева. «Русская литература,— писал Васильев,— обогатилась новым незаурядным дарованием 〈...〉 Герои г. Андреева, подобно чеховским героям, в большинстве случаев люди и людишки нашей сумеречной и тоскливой действительности. Про всех их, за малым исключением, можно сказать,— как озаглавлен один из рассказов г. Андреева,— „жили-были" и не более...» («Орловский вестник», 1901, № 284, 27 октября).

Николай Иванович *Васильев* (1862—1917) — писатель, либеральный журналист и критик. Литературную деятельность начал в конце 1879 г. в петербургской газете «Новости» корреспонденциями из Нижнего-Новгорода. С 1885 г. выступал в провинциальной прессе. В 1890-е годы сотрудник «Самарского вестника». Горький — фельетонист «Самарской газеты» вел с ним полемику (М. Горький. Между прочим. Фельетоны 1895—1896 гг. Куйбышев, 1941). Васильев работал в столичной и провинциальной прессе. В 1909—1910 гг.— соиздатель петербургской газеты «Голос промышленности». Наиболее известный псевдоним его — Смарагд Горностаев.

[5] Владимир Михайлович *Шулятиков* (1872—1912)— литературный критик; в 1901—1903 гг. — сотрудник «Курьера», печатал в газете «Критические этюды» (под инициалами: В. Ш.), выступал также с рецензиями на текущую литературу. Библиографию статей Шулятикова в «Курьере» — см. в его кн.: Избранные литературно-критические статьи. М.— Л., 1929. Живя в Самаре, Горький полемизировал с Шулятиковым (М. Горький. Между прочим. Фельетоны 1895—1896 гг. Куйбышев, 1941). За принадлежность к РСДРП Шулятиков с 25 апреля по 20 мая 1902 г. находился в заключении в Тверской губернской тюрьме, а затем был выслан в Архангельск. В 1905 г. — сотрудник социал-демократического журнала «Правда» и член литературно-лекторской группы при МК РСДРП. В 1908 г. входил в редакцию нелегальной большевистской газеты «Рабочее знамя». Рассматривая литературу как «продукт разных форм классового сознания», Шулятиков нападал на либерально-народническую критику (А. М. Скабичевский), показывал ее неспособность дать объективный и подлинно научный анализ литературного движения, выступал против декадентства (см. его статью «Неаристократический аристократизм» — в сб. «Литературный распад», кн. 2. СПб., 1909). Практические результаты этой борьбы в значительной мере обесценивались допущенными Шулятиковым грубейшими методологическими ошибками, в основе которых лежало непонимание природы искусства, непосредственное примитивное выведение идеологии из экономических отношений. Эти ошибки привели Шулятикова на позиции плоского вульгарного социологизма, что наиболее полно выразилось в его книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха» (М., 1909).

Ленин охарактеризовал эту работу как «пример безмерного опошления материализма» и «карикатуру на материализм в *истории*» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 474).

[6] Николай Константинович *Михайловский* (1842—1904) — публицист, литературный критик, крупнейший идеолог либерального народничества. С 1892 г. печатался в «Русском богатстве», а с 1894 г. возглавил журнал. Михайловскому принадлежит обстоятельный разбор «Рассказов» Андреева, опубликованный в ноябрьской книжке «Русского богатства» 1901 г. Считая «Жили-были» лучшим рассказом Андреева, Михайловский относил его к тем истинно превосходным произведениям, «в которых ни прибавить, ни убавить, ни передвинуть ничего нельзя». Еще до этой статьи Михайловский, по свидетельству Телешова, прислал начинающему автору «большое, очень хорошее письмо», в котором предсказывал ему «блестящую будущность» (Телешов, стр. 123). С благодарностью принимая приглашение Михайловского сотрудничать в «Русском богатстве», Андреев 31 октября 1901 г. писал ему: «Как и все поколение, к которому я принадлежу, я учился мыслить „по Михайловскому", и с этим именем у меня связывается так много хорошего, светлого и честного 〈...〉 Вы были одним из самых дорогих моих учителей, указывавших мне настоящую дорогу, и ваше одобрение бесконечно дорого мне» (ЛА, вып. 5, стр. 51). В конце мая 1902 г. Михайловский

приезжал к Андрееву на дачу в Царицыно (см. письма Андреева к И. А. Белоусову без даты — ЦГАЛИ, и к Пятницкому от 4 июня 〈1902 г.〉 — АГ). В дальнейшем творчество Андреева разочаровало Михайловского. Он не опубликовал в журнале рассказ «Буяниха» (написан 15—27 ноября 1901 г.), отказался напечатать и «Мысль» Андреева. В письме к автору он заявлял, что не понимает идейного смысла этого произведения. Письмо Михайловского не известно; содержание его Андреев пересказал критику А. А. Измайлову: «Если же это просто клиническая картина душевного распада человека, то он 〈Михайловский〉 недостаточно компетентен, чтобы судить, насколько точно я рисую психологию больного. Тут можно судить психиатру» (А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 250).

На подаренном Андрееву томе своих сочинений Михайловский написал: «Л. Н. Андрееву от любящего, несмотря на „Ложь“ и „Стену“, автора» (там же; дата надписи неизвестна).

[7] Подразумевается книжка «Афоризмы, парадоксы и избранные мысли русских писателей», вып. 1. Максим Горький. Собрал М. К〈ауфман〉. М., 1901. Первое рекламное объявление о выходе издания было напечатано в «Курьере», 1901, № 285, 15 октября. «Когда я их прочитал,— писал Горький Пятницкому,— то почувствовал, что мне под кожу штук сто заноз вогнали» («Архив Горького», т. IV, стр. 44). Реакционная критика, воспользовавшись тем, что составитель приписал Горькому некоторые афоризмы его героев-босяков, изощрялась в клеветнических выпадах против писателя.

Открытым письмом в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» (1901, № 321, 22 ноября) Горький снимал с себя ответственность за книгу, напечатанную без его ведома и возбудившую «вполне справедливое негодование» (XXVIII, 191). В 1903 г. в Москве вышел 5-й выпуск «Афоризмов, парадоксов и избранных мыслей русских писателей», составленный М. К〈ауфманом〉 и посвященный Андрееву.

[8] Речь идет о Сергее Сергеевиче *Голоушеве* (1855—1920)— публицисте, критике и художнике, враче по образованию. Писал под псевдонимом: Сергей Глаголь. Постоянный участник литературного кружка «Среда» и сотрудник «Курьера», где выступал с театральными рецензиями и статьями по вопросам изобразительного искусства. Был в дружеских отношениях с Андреевым. В 1902 г. совместно с Андреевым выпустил сборник фельетонов: Джемс Линч и Сергей Глаголь. Под впечатлением Художественного театра. Голоушеву Андреев посвятил пьесу «Тот, кто получает пощечины». Письма Андреева к Голоушеву 1911—1917 гг. частично опубликованы («Реквием», стр. 89—136).

[9] В 1897 г. Андреев окончил юридический факультет Московского университета и записался в помощники присяжного поверенного. В письме к Миролюбову от декабря 1902 г. он признавался: «Практики юридической мне, за недосугом, приобрести не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях, и несколько уголовных бесплатных защит» (ЛА, вып. 5, стр. 100). Последний раз Андреев выступил в суде в качестве защитника в 1900 г.

[10] Об Андрееве как художнике — см. прим. 3 к письму 11. В молодости Андреев, обладавший большим чувством юмора, рисовал много карикатур, главным образом, на себя. Часть их воспроизведена в настоящем томе (см. стр. 78—81, а также 582—583). Какую именно карикатуру имеет в виду Андреев, установить не удалось.

32. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 20 ... 21 ноября 1901 г.〉

Дружище Леонид!

Пожалуйста вышли мне «Курьер» по адресу — Кореиз, Таврической губернии, Олеиз, дача Токмакова [1], А. М. Пешкову.

Здесь — море мокрое, небо мокрое, земля мокрая. Много пьется вина. Приезжай, ибо скучно. Квартира большая, жить есть где. Что случилось с тем Толстым, которого хотели поднести мне? Говорят, его отобрали, студентов побили — верно? [2] Если верно — обидно.

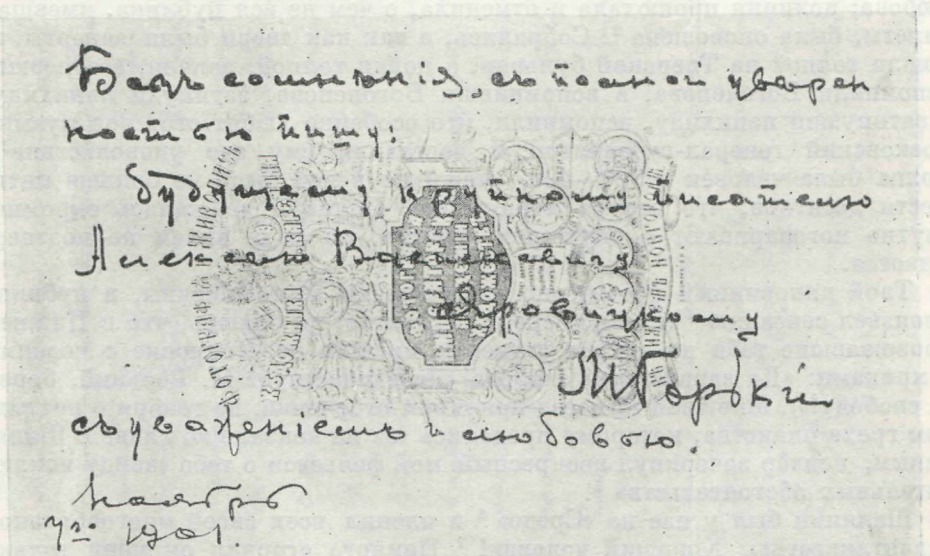
Ну, душечка, до свидания!

Будет очень человеколюбиво, если разные людие будут изредка сообщать мне, что творится в России.

А. Пешков

Датируется временем приезда Горького в Олеиз (19 ноября 1901 г. — «Летопись», I, стр. 351).

[1] Иван Федорович *Токмаков* (1838—1908) — владелец имения Олеиз в Крыму. В молодые годы жил на Дальнем Востоке, служил торговым агентом в чайной фирме.



ГОРЬКИЙ

Фотография А. Карелина, Нижний-Новгород, 1901 г., с автографической подписью Горького и его дарственной надписью (на обороте) А. В. Яровицкому:
«Без сомнения, с полной уверенностью пишу: будущему крупному писателю Алексею Васильевичу Яровицкому. М. Горький с уважением и любовью. Ноябрь 7-го 1901»

Музей Горького, Москва

В 1882—1884 гг. переехал с семьей в Крым. Его жена *Варвара Ивановна* (рожд. Теплова; 1849—1936) сочувствовала освободительному движению. Дочь Токмакова — Мария Ивановна *Водовозова* (1869—1954)— известная общественная деятельница, издательница марксистской литературы. Поселиться в зиму 1901/1902 г. на сдававшейся Токмаковым в наем даче «Нюра» Горькому посоветовал живший в Крыму художник Г. Ф. Ярцев (сообщено Е. П. Пешковой и М. В. Лекаревой-Хорошко).

[2] Горький выехал из Нижнего-Новгорода в Крым 7 ноября 1901 г. через Москву. Проводы писателя превратились в яркую политическую демонстрацию (см. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 5, стр. 370). Скопление народа ожидало его и на московском вокзале. Опасаясь новых манифестаций, жандармы задержали Горького на товарной станции Москва-Рогожская и «нарочито составленным поездом» доставили в Подольск, откуда Горький, минуя Москву, должен был продолжать поездку на юг по Курской железной дороге. Губернаторы городов по пути следования поезда получили специальные предписания препятствовать возможным демонстрациям. Для встречи с Горьким в Подольск выехали из Москвы Андреев, Бунин, Пятницкий, Телешов, Шаляпин и переводчик Горького на немецкий язык А. К. Шольц (см. Телешов, стр. 103—107).

В Москве на вокзале группа студентов, ожидая проезда Горького, держала портрет Льва Толстого и собирала подписи под приветственным адресом. Для того чтобы передать портрет и адрес Горькому, на станцию Обираловка выехали студент И. П. Корпачев и еще один представитель от молодежи. Но, заподозрив слежку, делегаты вернулись в Москву («Революционный путь Горького». М.— Л., 1933, стр. 64). В письме к Поссе (после 14 ноября 1901 г.) Горький писал об этом («Архив Горького», т. VII, стр. 28).

33. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

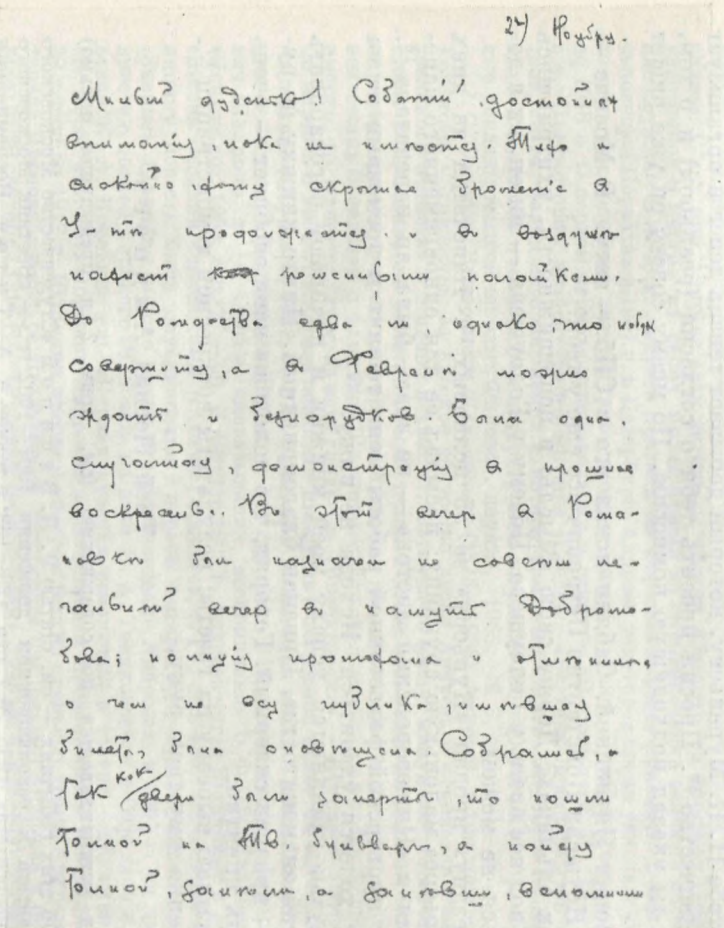
〈Москва.〉 24 ноября 〈1901 г.〉

Милый дяденька! Событий, достойных внимания, пока не имеется. Тихо и спокойно, хотя скрытое брожение в Университете продолжается, и в воздухе пахнет ременными нагайками [1]. До Рождества едва ли, однако, что-нибудь совершится, а в феврале можно ждать и беспорядков. Была одна, случайная, демонстрация в прошлое воскресенье. В этот вечер в Романовке был назначен не совсем легальный вечер в память Добролюбова; полиция пронюхала и отменила, о чем не вся публика, имевшая билеты, была оповещена [2]. Собрались, а так как двери были заперты, то пошли толпой на Тверской бульвар, а пойдя толпой, запели, а запевши, вспомнили Боголепова, а вспомнивши Боголепова, затянули панихиду, а затянувши панихиду, вспомнили, что особенно любит этот род музыки московский генерал-губернатор, и доставили ему это удовольствие [3]. Толпа была человек в 300—400, учащихся в ней было не больше пятишести десятков, что весьма характерно. Полиция держалась скромно; смутно поговаривают о двух-трех арестах, но слух ничем не подтверждается.

Твой диковинный проезд «по касательной» мимо Москвы, в публике произвел сенсацию [4] (главное среди студентов; ты знаешь, что в Нижнем провожавшие тебя на вокзал студенты прошли по Покровке с песнями и криками: «Да здравствует свобода! Да здравствует М. Горький, борец за свободу!»). Мне твой мимоезд причинил огорчение: не говоря о постыдном грехе пианства, которому предались мы на вокзале во главе с Шаляпиным, цензор зачеркнул воскресный мой фельетон о тебе «ввиду исключительных обстоятельств» [5].

Шаляпин был у нас на «Среде» [6] и пленил всех своей многообразной талантливостью. Хороший человек! [7] Немного огорчил он меня только своей наклонностью к анекдотам; наши литераторы начали состязаться с ним, и получилась такая беспросветная похабщина, от которой на улице фонари тухли.

Вообще я люблю Шаляпина, но люблю только до той поры, пока не вспомню тебя. А когда вспомню твое худое лицо, щетину, многое другое —



24 Ноября.

Милый друг Сергей! Достойная внимания, пока не известно. Мне и сейчас хочется сказать Брюсову в Ч-ти профессиональную, а в воздухе носится решительно какой-то. До Рождества едва ли, однако, это будет совершенно, а в Феврале можно ждать и результатов. Вам одна, спутница, фантастическая и прошлое воскресенье. Вы этот вечер в Романовке Вам казался не совсем неудавшимся вечер в Нашутке Вересаева; конечно пропорция и отношение о чем не буду судить, не видал Вам виднее, Вам оно осталось. Собрались, а так/как/ уехали Вам захочется, что нельзя только на Рив. Бульваре, а конечно только, близкие, а близкие, вспомнили

24 Ноября.

разойтись нашим пошлостям - вернулись и на цыпочках хочется удивительно. Надо и вверх.

Другое удивительное участие мне Книпер и напоминает поговоривший о „другой фантастике". Признак благополучия: никто Книппер не пугает - признак аккуратный. Говорят, что театр наш одобрен - очень - очень приятно.

Поклонюсь сегодня и надеюсь результаты воскресной фантастики.

Крепко жму твою руку

Твой Леонид Андр.

АВТОГРАФ ПИСЬМА АНДРЕЕВА К ГОРЬКОМУ ОТ 24 НОЯБРЯ 1901 г.
Листы первый и последний
Архив Горького, Москва

становится как-то нелепо обидно, что Шаляпин такой полный. Ну да это ерунда — метафизика и сантименты, как писал мне один читатель по поводу фельетона о «Дикой утке» [8].

На этом месте своего письма получил твое письмо и был им дьявольски обрадован [9]. Буду, друже, сообщать тебе аккуратно обо всяких происшествиях, а за это ты пиши о том диковинном происшествии, которое называется М. Горьким.

Что, чёртушка, привык к толкучке, а теперь без многолюдия скучно? А по-моему хорошо — если скука не так велика, чтобы отшибать охоту к работе. Да ничего — вникнешь. Сейчас я молюсь Сатане, чтобы он помог мне жениться в феврале. Коли его Святейшество поможет, приеду в Ялту к тебе с женой — ей-богу, она хорошая! т. е. жена, конечно, а не Ялта, хотя и Ялта ничего.

Получил как-то письмо от Поссе — рассказывает о твоей популярности в Германии и доказывает необходимость нам любить тебя, ибо искренне, говорит он, тебя любят немногие. Неправда это. Тебя любят многие и совершенно искренне, хотя столь же многие ненавидят. Я совсем не знаю Поссе, но по письму он очень симпатичен, и я рад, что он так хорошо ко мне относится. Везет мне [10].

Теперь дела. Телешов просит, чтобы «Историю одного преступления» ты дал для народного сборника (200 стр.— 10 копеек, без всяких прибылей, издательских и писательских) [11].

Саблин все еще не утверждается редактором и очень волнуется. Говорил он тебе (по секрету), что Толстой дает ему вещь в $5^1/_2$ печатных листов? [12]

Снегирев, отказавшись от Безобразова, предложил «Правду» известному тебе Н. К. Муравьеву, который добывает теперь денег и организует сотрудничество [13]. Просил просить тебя о согласии (реальном) и о том, чтобы ты указал подходящую комиссию. По моему совету он уже пишет Поссе.

Пропал Пятницкий. Саблин искал его в СПб.— нету. В Москве — нету. Неужели Константин Петрович все еще у тебя? [14]

Как альманах? Держу свою «Мысль» в неподвижности, ухитрившись взять под нее аванс у Голоушева. Почему у Голоушева — ни он, ни я догадаться не можем.

«Бездну» продал «Курьеру» за 55 целковых [15]. Напечатал на днях в «Курьере» маленькую ерундицу; посылал ее для одновременного напечатания в «Нижегородский листок» — не знаю, была ли напечатана [16].

От курьерской фельетонной работы меня тошнит и временами не на шутку хочется удавиться. Исхода не вижу.

Друзья удивляются успеху моей книжки и начинают поговаривать о «дутой знаменитости». Признак благоприятный. Никто книжку не ругает — признак скверный. Говорят, что молодежь меня одобряет — очень и очень приятно.

Посылаю вырезку из газеты: результаты воскресной демонстрации [17].

Крепко жму твою руку.

Твой Леонид Андреев

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 2 и предыдущее письмо)

[1] Об этих событиях — см. статью Э. Л. Васиной «Студенчество Московского университета в революционном движении 1901—1902 гг.»— «Вестник Московского гос. университета», 1955, № 1, стр. 125—139; а также: А. А. Титов. Воспоминания о студенческом движении 1901 г. М., 1906 ⟨на обл.: 1907⟩.

[2] 18 ноября 1901 г. в Москве в театральном зале Романова предполагалось устроить вечер памяти Н. А. Добролюбова по случаю сорокалетия со дня его смерти.

[3] Николай Павлович *Боголепов* (1847 —1901)— реакционный государственный деятель, ярый монархист, с 1898 г.—министр народного просвещения, сторонник крайних мер против студенческих волнений (отдача в солдаты 183-х студентов Киевского уни-

верситета в 1900 г.). Смертельно ранен 14 февраля 1901 г. студентом П. В. Карповичем. «Представитель самодержавной власти в Москве,— писал В. И. Ленин о Боголепове в связи с запрещением вечера памяти Добролюбова и демонстрацией протеста перед домом генерал-губернатора,— был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против „внутренних турок"— против самодержавного правительства. Исполнительный комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 370).

Московский генерал-губернатор — в. к. *Сергей Александрович* (1857—1905), сын Александра II. Убит 4 февраля 1905 г. эсером П. И. Каляевым в Кремле.

[4] См. предыдущее письмо и прим. 2 к нему.

[5] Сведений об этом запрещенном фельетоне не имеется.

[6] «Среда» — литературно-художественный кружок, возникший в 1899 г. в Москве по инициативе Н. Д. Телешова и объединявший преимущественно писателей реалистического направления. На собраниях «Среды» обсуждались произведения ее участников. Членами кружка были: И. А. Бунин, Скиталец, А. С. Серафимович, А. И. Куприн, Е. Н. Чириков, С. А. Найденов, С. И. Гусев-Оренбургский, С. С. Юшкевич, С. Я. Елпатьевский, Н. И. Тимковский, В. В. Вересаев, И. А. Белоусов, С. С. Голоушев и др. Собрания «Среды» посещали Чехов, Мамин-Сибиряк, Златовратский, Короленко, Боборыкин. Почетными гостями кружка были Шаляпин и Рахманинов; большое значение для «Среды» имело вступление в ее члены Горького, вносившего в литературные споры политическую остроту и революционный дух. Белоусов впоследствии вспоминал, какое впечатление на «Среду» производили «горячие беседы М. Горького, когда он рассказывал о движении среди рабочих» (И. А. Б е л о у с о в. Литературная «Среда». М., 1928, стр. 117). В 1901 г. по предложению Горького «Среда» выступила в защиту студенческих волнений. В период назревания первой русской революции на собраниях «Среды» читались доклады, составлялись протесты, петиции. В 1905 г. все вырученные деньги за выпущенную «Средой» в 1902 г. «Книгу рассказов и стихотворений» были переданы комитету бастовавших почтово-телеграфных работников. Весной 1900 г. Горький привел на собрание кружка Андреева и прочитал его рассказ «Молчание». С тех пор Андреев стал активным членом «Среды»; он дорожил советами ее участников и многие из своих произведений до опубликования выносил на обсуждение кружка». В 1906 г. Андреев прислал из Берлина «Среде» рукопись драмы «Жизнь человека». Переехав в 1907 г. в Петербург, Андреев некоторое время увлекался мыслью создать там подобный литературно-художественный кружок. Просуществовала «Среда» до 1918 г. О первом периоде существования «Среды» — см. статьи: М. И. Ш е м е л о в а. Предыстория литературного кружка «Среда».—«Вестник Ленинградского ун-та», 1959, № 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 58—70, и И. И. В л а д ы к и н. Новое о московском литературном «парнасе» (80—90-е гг. XIX в.).— «Научные доклады высшей школы. Филолог. науки», 1963, № 3, стр. 201—207.

[7] С Федором Ива́новичем *Шаля́пиным* (1873—1938) Андреев познакомился через Горького. С гордостью за русское искусство писал Андреев о феноменальном успехе «великого артиста» в Милане в 1901 г.: «Откуда-то снизу, минуя все эстетические заставы и застенки, не оплатив своего таланта даже восьмидесятикопеечной гербовой маркой, прорезая короткий и прямой путь, как подымающийся вверх орел — появился неизвестный человек с фамилией Шаляпин, сразу стал известным и сразу поднялся так высоко, что шапка валится, на него глядючи» («Впечатления».— «Курьер», 1901, № 78, 20 марта). В 1902 г. Андреев посвятил Шаляпину очередной фельетон «Москва. Мелочи жизни» («Курьер», 1902, № 278, 8 октября), в котором писал о необходимости создания «книги о Ф. Шаляпине» (ПССА, т. VI, стр. 341—346; также в изд.: «Федор Иванович Шаляпин, т. II. Статьи, высказывания, воспоминания о Ф. И. Шаляпине». М., «Искусство», 1958, стр. 27—33). В августе 1903 г. Андреев читал Шаляпину в рукописи «Жизнь Василия Фивейского» («Архив Горького», т. IV, стр. 130). С посвящением Шаляпину повесть была опубликована в первом литературно-художественном сборнике «Знание». Шаляпин высоко ценил это произведение Андреева; в 1904 г. он читал его вместе с поэмой Горького «Человек» на даче В. А. Теляковского в Отрадном в присутствии К. А. Коровина (см. «Первая русская революция и театр».— сб. «Искусство». М., 1956, стр. 65). Общение Андреева с Шаляпиным продолжалось и в дальнейшем. 29 сентября 1917 г. Шаляпин вместе с автором был на премьере драмы Андреева «Екатерина Ивановна» в театре Незлобина в Петрограде (см. письмо Андреева к брату Андрею от 30 сентября 1917 г.— «Русский современник», 1924, № 4, стр. 154). Известны два письма Андреева Шаляпину. Первое, предположительно датируемое «не ранее 1903 г.», написано в шутливом тоне и содержит приглашение посетить собрание «Среды», которое должно состояться у Андреева («Федор Иванович Шаляпин», т. I, 1957, стр. 729—730). 15 октября 1909 г. Андреев послал Шаляпину из Ваммельсуу рассказ «Сын человеческий» и в большом письме, с горечью говоря о своем одиночестве и «измене» Горького, писал: «Я люблю твой талант (без тебя я говорю: гений), твое

проникновение в глубину душ человеческих, твое лицо и голос твой, на которых почиет отсвет божества. И так как все это есть ты, Федор, то я люблю тебя, Федора, люблю крепко, нежно и неизменно...» (АГ).

[8] Андреев присутствовал на втором спектакле драмы Г. Ибсена «Дикая утка» в Художественном театре 20 сентября («Впечатления».— «Курьер», 1901, № 261, 21 сентября).

[9] См. письмо 32.

[10] Поссе с восхищением следил за первыми шагами Андреева в «большой литературе». Особый восторг его вызвал рассказ «Жили-были», который Поссе еще в гранках читал на литературных журфиксах и в редакциях: «Вот, я вам скажу талант-то! Почище Горького!..» (Вас. Брусянин. На заре. 10 лет литературной деятельности Андреева.— «Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10443, 8 апреля). В последующие годы отношение Поссе к Андрееву изменилось. Он подверг критике «Рассказ о семи повешенных» за искажение автором образов революционеров Вернера и Муси, осудил пристрастие Андреева к изображению ужасов и кошмаров (В. Поссе. Очерки современной литературы. 1. Выдумка Леонида Андреева.— «Слово», 1908, № 472, 1 июня; вошло под заглавием «Психологическая выдумка» в сб. Поссе «На темы жизни». СПб., 1909, стр. 14—18). Отрицательно отнесся Поссе и к «Моим запискам» Андреева. В ИМЛИ хранится единственное известное письмо Андреева к Поссе (без даты) с приглашением приехать в Ваммельсуу для выяснения отношений; оно является ответом на письмо Поссе от 3 декабря 1908 г. (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 180). Эта встреча состоялась, но ни к каким положительным результатам не привела. В дальнейшем встречи Андреева с Поссе носили случайный характер и свидетельствовали об их полной отчужденности. Письмо Поссе, о котором Андреев сообщает Горькому, нам неизвестно.

[11] Николай Дмитриевич *Телешов* (1867—1957) — писатель и общественный деятель. В 1886 г. возглавлял вместе с С. Д. Махаловым-Разумовским литературный кружок писателей из народа «Парнас» (И. А. Белоусов, А. И. Слюсарев, В. С. Лысак и др.). В 1887 г. познакомился с Чеховым и по его совету летом 1894 г. предпринял поездку в Сибирь. Ранние сборники рассказов Телешова «На тройках» (1895), «Повести и рассказы» (1896), «За Урал» (1897) правдиво рисуют тяжелое положение русского крестьянства 90-х годов, которого обезземеливание, неурожаи, нищета заставляют покидать насиженные места и искать счастья на «вольных землях» Сибири. С Горьким Телешов познакомился в Нижнем-Новгороде 13 декабря 1899 г. С этого времени между ними установились близкие отношения и завязалась переписка. По поводу инцидента Горького в Художественном театре Телешов напечатал «Письмо в редакцию» («Курьер», 1900, № 319, 17 ноября) с изложением подробностей и протестом против извращения фактов бульварной прессой. Горький ценил Телешова как организатора литературного кружка «Среда». Для Телешова, печатавшегося в «Журнале для всех» и других прогрессивных изданиях, был закономерен переход в «Знание». В 1903 г. в «Знании» вышел первый том его «Рассказов», отобранных и отредактированных Горьким. В сборниках «Знание» появились произведения Телешова о революции 1905 г.— «Надзиратель» (сб. 9, 1906) и «Крамола» (сб. 15, 1907). С конца 1911 г. Телешов — один из членов-вкладчиков «Книгоиздательства писателей в Москве», сотрудник выпускавшихся этим издательством с 1913 г. литературно-художественных сборников «Слово». Был основателем и первым директором музея Художественного театра. Дружеские отношения с Андреевым у Телешова установились с 1900 г. и сохранились до конца жизни Андреева. В 1915 г. Андреев прислал отрывок своей новой пьесы «Младость» для редактировавшегося Телешовым совместно с Буниным и Вересаевым сборника в помощь жертвам войны «День печати. Клич», а в 1916 г.— рассказ «Человек и смех» для подготовленного Телешовым и Н. В. Давыдовым литературного сборника «В помощь пленным русским воинам». Воспоминания Телешова о встречах с Андреевым впервые опубликованы в «Книге о Л. Андрееве», стр. 93—104, а затем в виде самостоятельной главы вошли в книгу воспоминаний Телешова «Записки писателя». Письма Андреева к Телешову частично опубликованы в воспоминаниях Телешова и в сб. «Реквием», стр. 53—62. Оригиналы писем ныне хранятся в ИМЛИ.

[12] Сведений об этом не имеется.

[13] О Л. Ф. *Снегиреве* — см. прим. 5 к письму 24. Пропагандируя новый журнал, Снегирев заявлял, что он объявляет войну «рутине», причем под этой войной им подразумевалось привлечение к сотрудничеству в журнале поэтов-символистов—Бальмонта, Брюсова и Сологуба. Касаясь организации нового журнала, Белоусов сообщал 30 августа 1902 г. Телешову: «Он ⟨Снегирев⟩ совершенно отрицает присутствие Безобразова в этом журнале. У Снегирева есть 10 000 р., но он еще хочет сделать на 40—50 тыс. паев по 500 р. пай. Паи могут брать участники (литературные), и, взявши пай, они составят как бы „ядро" журнала и уж сами определяют размер гонорара для тех, кто не пожелает быть пайщиком, а захочет работать за наличный расчет» (ИМЛИ). О Безобразове — см. прим. 7 к письму 26. Издание журнала не состоялось.

Николай Константинович *Муравьев* (1870—1936) — московский адвокат и общественный деятель, защитник на политических процессах. 4 декабря 1901 г. Горький

писал Чирикову из Олеиза: «Извещаю, что журнал „Правда", затеянный Снегиревым и Павлом Безобразовым, перешел в руки Николая Константиновича Муравьева — того присяжного поверенного, что всё по рабочим делам ходит. Парень — ясный. Имей в виду. Журнал должен быть хорошим — а ля „Начало", но думаю, что в Москве его закроют после двух-трех книг» («Архив Горького», т. VII, стр. 34).

В середине августа 1912 г. Муравьев приезжал на Капри для беседы по поводу задуманного Горьким общественно-литературного журнала «Новая Россия», целью которого должно было быть «объединение всей разноплеменной демократии на почве социализма». Горький привлек Муравьева к созданию за границей Музея истории борьбы за политическое освобождение России (см. прим. 12 к письму 172). После отъезда Муравьева Горький отказался от первоначального плана, так как получил к тому времени приглашение П. И. Певина и Е. А. Ляцкого принять участие в реорганизации журнала «Современник» в качестве соредактора Ляцкого по беллетристическому отделу. В письме к Муравьеву от 9(22) сентября 1912 г. (АГ) Горький советовал ему взять на себя в «Современнике» отделы политики и общественной жизни. Однако соглашение Муравьева с Певиным и Ляцким не состоялось (см. письмо Горького к Ладыжникову от 29 ноября 1912 г.—«Архив Горького», т. VII, стр. 211—212).

[14] Пятницкий сопровождал Горького в Крым (см. «Архив Горького», т. IV стр. 53).

[15] Рассказ Андреева «Бездна» напечатан в «Курьере», 1902, № 10, 10 января.

[16] Речь идет о рассказе «Набат». См. прим. 3 к письму 28.

[17] Вырезка не сохранилась.

34. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 2 ... 4 декабря 1901 г.〉

Славный мой дружище!

Если говорят о «дутой знаменитости» — стало быть начали завидовать: ergo,— как баяли латиняне,— скоро будут ненавидеть. А ненависть для хорошего писателя — суть перец, горчица и прочая необходимая приправа к перевариванию впечатлений бытия.

Мне бы очень хотелось, чтоб тебя ненавидели, да еще и очень, ибо, видишь ли, всякий раз, как только нос души моей чует запах ненависти — я становлюсь от этого и умнее, и талантливее, что необходимо и для тебя. И для тебя — даже больше, чем для меня. Ибо — славы я нанюхался — кисло пахнет слава в России! — а ты — еще нет. Бойся похвал паче всего, о, Леониде! Всякий раз когда похвалу слышу, кажется мне, что она из уст сукина сына исходит, и потому сей сын меня хвалит, что боится он, несчастный, как бы я правду про него не сказал. Подозрительна похвала русского обывателя, привыкшего всем — от будочника до бога — взятки давать.

Сей совет да не обидит тебя, друг и товарищ. Еще скажу: молодежь любит тебя пока что — авансом, ибо кроме «Темной дали» вы, сударь, пока ничего ей не дали [1]. По нынешним дням ей потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру). И — говорю серьезно — надо что-нибудь писать в таком тоне. Ибо — как никак,— а в России совершается революция,— не та, при которой на улицах дерутся и королям головы отрубают,— а другая, более серьезная. Происходит развал того философского и этического базиса, на коем основано благополучие мещанства. Враги теперь не столько Грингмуты [2], Мещерские [3] и К°, сколько штукатуры, замазывающие трещины старого сарая нашей жизни, сиречь гг. Меньшиковы [4], Розановы [5], Мережковские [6], Русские из «Русского слова» [7] и другие сего благочестивого духа люди, коих проще назвать — сволочь Христа ради. Не настоящего Христа, а того церковно-полицейского, который рекомендовал воздавать богу и царю — поровну. Хотя я и настоящего Христа не одобряю, ибо поспешил он явиться. Его время — лет через тысячу от нас, а пока мы не рассчитаемся друг с другом, не возненавидим друг друга, не подеремся и — не устанем. А вот когда устанем —

тогда уж и начнем любить друг друга, потому что — ты знаешь — этим делом всего удобнее заниматься лежа. Так-то. Бей, значит, проповедника любви Меньшикова, ибо он того ради, прохвост, любовь проповедует, чтобы его жизнь не беспокоила трагизмом своих противоречий. Бей мещанина! Ибо он любит везде воздвигать ограды. А впрочем я, должно быть, скучен и надоел тебе.

Телешову написал [8]. Штука славная. Пошли свою книжку Евгению Николаевичу Чирикову [9]. Ярославль и больше ничего. Если нужно денег — спроси — нет ли у Пятницкого твоих, а твоих нет — моих спроси [10]. Напиши ему — женюсь мол! — он те задаст. Женимшись — приезжай. Я запру тебя здесь в одно уютное место и ты — пиши, а жена пойдет гулять. Я не знаю ее, но у нее славное лицо и глаза. Мне хотелось бы, чтоб у нее был характер и чтоб она взяла тебя в руки.

«Набат» — великолепно! [11] Очень великолепно. Но если Бенвенутто Челлини станет делать одни лишь броши для дам, да булавки кавалерам в галстухи,— надо бить Бенвенутто палкой по голове. Ты меня, брат, прости! Надо тебе шире развертываться, выше подпрыгивать. «Набат», говорю,— удивительно! — но «Стена», при всей ее туманности, внушает нечто большее.

Нашел «Мысль» [12], все «Русское богатство», ей-богу! Говорят, Н. К. Михайловский *сам* написал о тебе. Это, товарищ, не со всяким случается. И хотя со мной случилось, но — не особенно благоприятно для меня [13]. Голос Николая Константиновича — как это ни смешно и ни нелепо, не естественно, плохо слышен теперь, но он сам человек заслуживающий и т. д. Пошли ему.

Для Муравьева хорошая компания: Андреев, Чириков, Шестов, автор книги «Добро в учении Толстого и Нитче» [14], Неведомский, автор предисловия к Лихтенберже [15] и статей в «Начале» [16], Василий Яковлевич Богучарский [17], беллетрист Серафимович, разумеется Поссе и — кто еще? Не вспомню сейчас. Поссе — говорю для тебя — прекрасный парень. Это — умница, организатор, горячее сердце, способное увлечь всякого человека. Я твердо уверен, что коли ты встретишься с ним, вы будете любить друг друга искренно и крепко.

Ну, теперь вот что, душа моя. Возьми у Фейгина денег и купи мне «Записки Волконского», декабриста [18], а купив — пришли. Пожалуйста, поскорее. Возьми еще денег и отдай переплести твою книжку и тоже пришли мне. Это мне нужно. Ты, чёрт, переплети на мои, я с тебя сдеру потом... Невесте — кланяйся. Невеста или не невеста? Не помню. Так приедешь? Жду.

А. Пешков

Бах! Телеграмма из Киева — отравился и умер друг мой старый Ник. Васильев, старший лаборант Политехникума [19]. Жена едет в Киев. Это мне — удар здоровый. Умер редкий человек, редкий.

Датируется по содержанию и по связи с письмами 33 и 35.

[1] См. прим. 3 к письму 16.

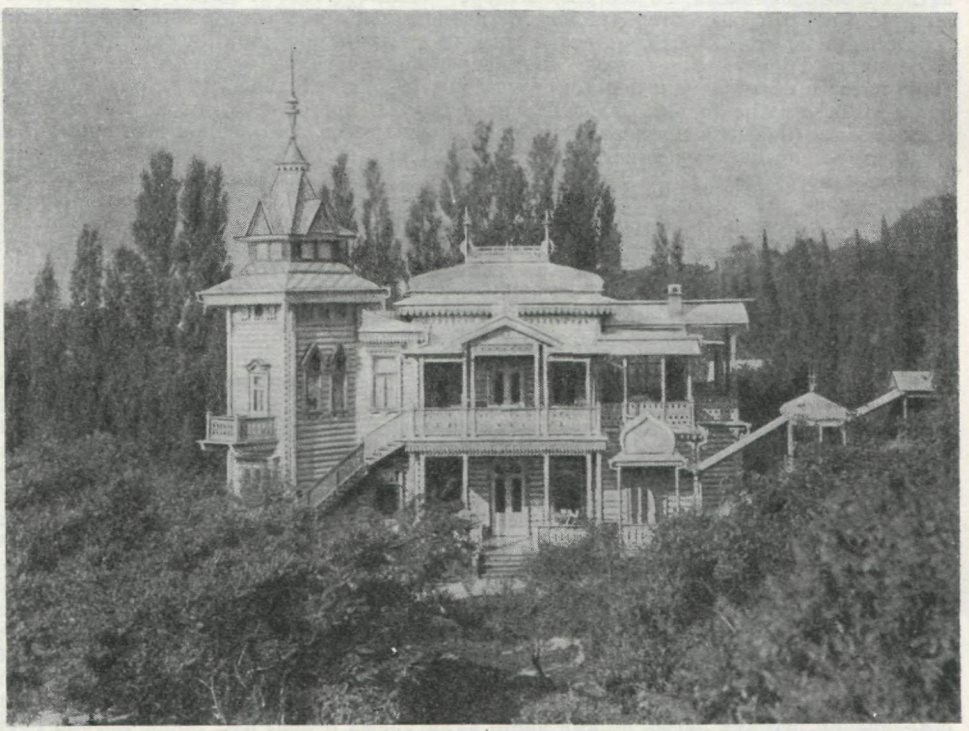
[2] Владимир Андреевич *Гringмут* (1851—1907) — черносотенный публицист и педагог; с 1897 г.— редактор «Московских ведомостей».

[3] Владимир Петрович кн. *Мещерский* (1839—1914) — реакционный писатель и публицист, ярый монархист. С 1872 по 1914 г.—бессменный редактор-издатель основанной им газеты-журнала «Гражданин». Издавал и редактировал также в Петербурге журналы «Добро» (1881) и «Дружеские речи» (1903—1905).

[4] Михаил Осипович *Меньшиков* (1859—1919)— реакционный публицист. В 1880—1890-х годах печатался в органе либерального народничества — газете «Неделя». Все более эволюционируя вправо, стал с начала 1900-х годов постоянным сотрудником «Нового времени», где вел воскресный фельетон «Письма к ближним» и выступал со статьями по общественным вопросам. Охарактеризован Лениным как «верный сторожевой пес

царской черной сотни» и «наемный писака черносотенного царского правительства» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 142, 178).

[5] Василий Васильевич *Розанов* (1856—1919) — реакционный философ, публицист и литературный критик. Подвизаясь, по выражению Горького, «на поприще цинизма» (XXIV, 154), печатался в периодических изданиях разных направлений от либеральных газет «Слово» и «Утро России» до черносотенных «Колокола», «Земщины», «Гражданина», «Московских ведомостей». Ближайший сотрудник «Нового времени» (литературные обзоры), Розанов (под псевдонимами Орион и В. Варварин) публиковал противоположные по характеру статьи в либеральном «Русском слове». Сочинения Розанова охотно



ДАЧА «НЮРА» В ОЛЕИЗЕ. ЗДЕСЬ в 1901—1902 ГОДАХ ЖИЛ ГОРЬКИЙ
Фотография 1900-х годов
Музей Горького, Москва

помещали журналы декадентов «Новый путь», «Золотое руно», альманахи «Северные цветы» (выпускавшиеся символистским книгоиздательством «Скорпион»), а также враждебно относившиеся к декадентам «Миссионерское обозрение» и «Богословский вестник». Как непримиримый противник материализма, Розанов нападал на наследие революционно-демократической критики 60-х годов, вопросы науки и философии трактовал с мистико-идеалистической точки зрения, утверждал в области познания первенствующее значение интуиции и религиозного чувства. Розанов — один из основателей в Петербурге в ноябре 1901 г. «Религиозно-философских собраний». Письмо Горького к Розанову от 4 ноября 1905 г.— см. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.», стр. 55—57. Письма Розанова к Горькому напечатаны в журналах «Беседа» (Берлин), 1923, № 2, стр. 402—416, и «Вестник литературы», 1929, № 8, стр. 14.

[6] Дмитрий Сергеевич *Мережковский* (1865—1941) — писатель, публицист. В 1903—1904 гг.— фактический редактор журнала «Новый путь». Книга Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной литературы» (СПб., 1893) была своеобразным манифестом русского символизма. Ленин относил Мережковского к представителям контрреволюционного либерализма типа Струве, Бердяева, Изгоева (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 338—339). В 1905 г. Мережковский напечатал в журнале «Полярная звезда» — органе правых кадетов — печально известную статью «Грядущий хам», проникнутую ненавистью к пролетариату и социалистическому строю. После Октябрьской революции — эмигрант, один из озлобленных вра-

гов Советской власти. В 1892—1896 гг. Горький подарил А. А. Смирнову книгу Мережковского «Символы (Песни и поэмы)». СПб., 1892, с пометами неодобрительного характера и ироническими отзывами в стихах о включенных Мережковским в книгу поэмах «Вера» (1890) и «Смерть» (1891) (В. Скобелев. Неизвестная рукопись А. М. Горького.— Альманах «Волга», Куйбышев, № 15, 1957, стр. 234—238). Горький, по его словам, был «глубоко заинтересован идеей» романа Мережковского «Отверженный» (см. недатированное письмо Горького к А. Л. Флексеру от сентября? 1901 г.— АГ). Роман печатался в 1895 г. в «Северном вестнике», в 1896 г. в значительно переработанном автором виде вышел отдельным изданием (со второго издания — СПб., 1902— выходил под заглавием «Смерть богов (Юлиан Отступник)»). Продолжая присматриваться к богоискателям, Горький в сентябре — октябре 1899 г. вместе с Поссе посетил Мережковского на его петербургской квартире и вел с ним спор о философии Ницше («Летопись», I, стр. 246). Еще до этой встречи в «Нижегородском листке» (1896, № 47, 28 февраля) Горький в рецензии на первую книгу стихов Федора Сологуба (СПб., 1896) писал о пессимизме и полном безучастии к действительности как определяющей черте творчества не только Сологуба, но и других поэтов-декадентов. Подтверждая свою мысль, Горький цитировал впервые появившееся в «Северном вестнике», 1892, № 10, стихотворение Мережковского «Парки» (XXIII, 121—122). Второе стихотворение Мережковского «Дети ночи» Горький вспоминает в «Беглых заметках» («Нижегородский листок», 1896, № 250, 10 сентября), отвергая лишенные «всякого социологического значения» нервозно-болезненные стихи символистов Бальмонта, Гиппиус и Мережковского (XXIII, 182—183). В дальнейшем Горький также отрицательно отзывался о Мережковском — писателе и критике. В докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934г. Горький отнес Мережковского к типичным представителям литературной реакции наряду с Розановым (XXVII, 316).

[7] Русский — псевдоним Григория Спиридоновича *Петрова* (1868—1925) — священника, члена Второй государственной думы, кадета, публициста «Русского слова», в 1906 г.— редактора-издателя в Москве газеты «Правда божия», автора многократно переиздававшегося «Евангелия как основы жизни» (1898). По определению Ленина, Петров — «христианский демократ, весьма популярный демагог» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 16). После Октябрьской революции — эмигрант. Петрову принадлежит переделка романа английского писателя Шелдона «По стопам Христа» (чч. I—II. СПб., 1902—1903). В этой связи примечательно письмо Андреева к Пятницкому от 29 августа 1903 г.: «Последнее время читаю священника Петрова. Что за великий прохвост о господе! Разменял Христа на пятаки и торгует благодатью распивочно и на вынос. Его „По стопам Христа“ — вершина мещанского христианства. Великолепный фокус: как сделать в цилиндре яичницу и не испортить ни яиц, ни цилиндра. И как Дорошевич — сатирик и публицист улицы, так этот Иуда — ее пророк и моралист: расходится что-то двадцатью изданиями» (АГ). Под псевдонимом «Русский» Петров выступил на страницах «Русского слова» (1901, № 267 и 274, 28 сентября и 5 октября) со статьей «Русское дело», в которой приветствовал основанное в марте 1901 г. в Петербурге реакционно-монархическое «Русское собрание» — «как первый почин объединения русских людей во имя чисто культурных целей» (см. также письмо Горького к Поссе после 14 ноября 1901 г.— «Архив Горького», т. VII, стр. 29—30). В январе 1908 г. указом Синода Петров за свою общественную деятельность был лишен священнического сана с запрещением в продолжение семи лет жить в Москве и Петербурге и лишением права сроком на двадцать лет поступать на государственную службу или быть избранным в Государственную думу.

[8] См. об этом прим. 11 к письму 33.— 2 декабря 1901 г. Горький письмом известил Телешова о согласии передать свой рассказ «История одного преступления» (новое заглавие — «Преступники») в народный сборник и высказал несколько соображений как о составе сборника, так и о месте его издания («Архив Горького», т. VII, стр. 33).

[9] В письме от начала декабря 1901 г. Горький спрашивал Чирикова: «Прислал тебе Леонид Андреев книгу? не прислал—ругни его по адресу „Курьера“,— пришлет» (там же, стр. 34).

[10] Эту фразу цитирует Андреев в письме к Пятницкому от 19 декабря 1901 г. (АГ).

[11] Отдельным изданием «Набат» вышел в «Знании» 20 мая 1906 г. («Дешевая библиотека „Знания“», № 51).

[12] Подразумевается журнал «Русская мысль».

[13] См. прим. 6 к письму 31. Обстоятельному разбору творчества Горького в связи с выходом в свет двухтомника его «Очерков и рассказов» (СПб., 1898) Михайловский посвятил статью, напечатанную в сентябрьской книжке «Русского богатства» 1898 г. в цикле «Литература и жизнь». В следующей, октябрьской книжке опубликована вторая статья Михайловского «Еще о г. Максиме Горьком и его героях», содержащая анализ женских образов в произведениях писателя. Михайловский высоко оценил художественный талант Горького, «потрясающую правду» его рассказов («Коновалов», «Скуки ради» и др.), превосходные пейзажи; сцена пения в «Тоске» (1896), по мысли критика, ставит этот рассказ рядом с тургеневскими «Певцами»; за мягкий светлый

юмор Михайловский выделил очерк «Ярмарка в Голтве» (1897). Но идейное содержание творчества Горького вызывало у Михайловского настороженное отношение. В частности, народника Михайловского смущала враждебность многих горьковских героев к деревенской жизни («Челкаш», 1895; «Мальва», 1897; «Бывшие люди», 1897). Он признавал, что «задача г. Горького лежит где-то в стороне от грубого противопоставления деревни и города», и предостерегал читателей от торопливых выводов в пользу «той или другой излюбленной теории», тем более что герои Горького, «будучи отверженцами из отверженцев и сами сознавая свою порочность, считают себя вправе свысока относиться ко всему окружающему» (Н. К. Михайловский. Отклики, т. II. СПб., 1904, стр. 338—394). О встречах с Михайловским Горький вспоминает в очерке «О Михайловском» («Архив Горького», т. III, стр. 157—160).

[14] Лев Исаакович *Шварцман* (1866—1938) — философ-идеалист и критик, писал под псевдонимом: Лев Шестов; автор книг: «Шекспир и его критик Брандес». СПб., 1898; «Добро в учении Толстого и Ницше». СПб., 1900; «Достоевский и Ницше». СПб., 1903; «Апофеоз беспочвенности». СПб., 1905; «Начала и концы». СПб., 1908; «Великие кануны». СПб., 1912, и др. Впоследствии— эмигрант.

[15] М. Неведомский — псевдоним литературного критика и публициста Михаила Петровича *Миклашевского* (1866—1943). Печатался с 1889 г. в «Новом слове», «Начале», «Мире божьем», «Правде» (1904), «Нашей жизни», «Образовании», «Современном мире» и др. (см. его книгу: «Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до наших дней». Пг., 1919). Типичный представитель меньшевизма в литературоведении. Ленин подверг решительной критике статью М. Неведомского «Смерть Льва Толстого», опубликованную в журнале меньшевиков-ликвидаторов «Наша заря» (1910, № 10), в которой Неведомский, отказавшись от марксистского анализа противоречий творчества Толстого, напыщенно провозглашал его «законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 93—94). Не менее резко выступил Ленин и против «пересмотра» Неведомским «идей Добролюбова задом наперед, *от* демократизма *к* либерализму» (там же, т. 21, стр. 250). О Лихтенберже — см. прим. 7 к письму 22.

[16] «Начало» — ежемесячный журнал литературы, науки и политики. Издавался в Петербурге в 1899 г. под редакцией П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и др. Один из органов «легального марксизма». Неведомский выступал в «Начале» со статьями по вопросам изобразительного искусства. Журнал преследовался цензурой и 22 июня 1899 г. был закрыт.

[17] Богучарский — псевдоним Василия Яковлевича *Яковлева* (1861—1915) — либерального политического деятеля. В 1884 г. был арестован по делу народовольческих военных кружков и сослан в Сибирь, где провел шесть лет. В конце 1890-х годов примкнул к «легальному марксизму», член образовавшегося в 1902 г. «Союза освобождения». В 1905 г. издавал совместно с Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем полукадетский-полуменьшевистский журнал «Без заглавия» и газету «Товарищ», а в 1906—1907 гг. с П. Е. Щеголевым при участии В. Л. Бурцева — журнал «Былое». С 1909 по 1913 г. жил за границей. В 1914—1915 гг.— ученый секретарь Вольного экономического общества. Историк народнического движения. В 1906 г. под редакцией Богучарского вышло три тома официальных материалов «Государственные преступления в России в XIX веке» с тремя выпусками приложений: «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», «Революционная журналистика семидесятых годов» и «Литература партии „Народной воли“». В журнале «Начало», 1899, № 1-2 опубликовано «Провинциальное обозрение» Богучарского.

[18] «Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста)». СПб., изд. кн. М. С. Волконского, 1901.

[19] Николай Захарович *Васильев* (1868—1901) — ближайший «друг и учитель» (XXV, 321) молодого Горького, изображенный им впоследствии в очерке «О вреде философии» (XV, 52—63). См. письмо Горького к Пятницкому не позднее 1 декабря 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 54—55).

35 АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 10 и 17 декабря 1901 г.〉

10 декабря

Спасибо тебе, друг, за письмо. Совру, если скажу, что оно пришло не вовремя. От многих похвал хоть и не закружилась моя голова и не испытал я большой и идиотской радости — но случилось нечто худшее. Я стал трусить и мысленно приноровляться к тем, кто хвалит, чтобы не обмануть их надежд. Мне очень приятна известность и все то, что теперь со мной происходит, но никогда до сих пор я не писал для известности —

а тут я мысленно стал творить именно для нее. И выходило не творчество, а паскудство. Меня приласкали, погладили по головке и, скажу правду, на некоторое время купили мою свободу. Я садился за бумагу и чувствовал, что я уже не тот, что я не о правде своих слов думаю, а о том, понравится ли написанное тому-то и тому-то, и какими он глазами посмотрит, и не скажет ли: «похвалил я его, мерзавца, а он, гляди, что пишет». Я забыл, что хвалят меня как раз те самые, которые когда-то, вольно и невольно душили меня — а ведь и тогда я был я, человек с правом на жизнь и счастье. Разве я лучше стал, что меня хвалят? Я хуже стал; я потерял свежесть сердца, чистоту мысли, много веры потерял, силы, здоровья — а они хвалят. Они — те, кто отнял, они, кто не сумел дать. Столько лет на дне души копилась ненависть к жизни и ее творцам, а когда меня приласкали, дали немножко денег и успеха, ненависть растаяла и сделался я домашним писателем, как бывают домашние животные.

17 декабря

Пишу после долгого перерыва и наскоро, ибо занят анафемски.

Коротко: затмение прошло, на хвалы наплевал и обозлился. А тебе спасибо, ты говоришь верно, и я тебя люблю, Максимыч. Очень люблю — вплоть до сентиментального желания поцеловать твою небритую щеку. Ты рассердишься, а это правда, что лучшего человека, чем ты, я не видал, да и не увижу.

Волконского спрашивал в тот же день, как получил письмо — нет: все издание разошлось [1]. Мои рассказы пошлю завтра, послезавтра, как только будут готовы [2].

«Трое» — замечательно хорошо! [3] Когда читаю, верчусь в постели и не завидую — тебе завидовать нельзя,— а думаю: «и этот самый Максимыч мне друг. Важно!» Первый раз при чтении мне меньше нравилось — благодаря отрывочности, что ли.

Чирикову послал. Получил хороший ответ [4].

Пятницкий пишет о втором издании. 3000 разошлось [5].

Студенты решили бунтовать после Рождества [6]. Трудно в такое время писать рассказы. «Набат» — отражение мною переживаемого. Скоро напишу «Бунт на корабле» — зарождение, развитие, ужас и *радость* бунта [7]. Без слов, ибо я не знаю языка бунтующих: одни зрительные да звуковые ощущения.

Как только кончу «Мысль», пришлю тебе на просмотр.

«Мир божий» предлагает 150 рублей за лист.

Невеста очень тебе кланяется. Одно из ее достоинств — она любит тебя не меньше, чем я.

На днях ⟨на⟩пишу осмысленно.

Жму твою хорошую лапу.

Твой Леонид Андреев

Можно украсть у тебя для маленького рассказика:

«Эх! ты судьба ли моя черная,
Ты как ноша мне чугунная»? [8]

[1] См. прим. 18 к письму 34.

[2] Речь идет о заказанном Андреевым переплете для «Рассказов».

[3] Повесть Горького «Трое» печаталась в «Жизни» (1900, № 11 и 12; 1901, № 1—4). Запрещение журнала помешало опубликовать в нем конец повести. Полностью она вышла в «Знании» (т.V «Рассказов» Горького. СПб., 1901).

[4] Письмо Чирикова к Андрееву неизвестно.

[5] В тот же день Пятницкий сообщал Горькому о «Рассказах» Андреева: «Из 4000 экз. продано 3000. Пора готовить новое издание» (АГ).

[6] Подразумеваются студенческие волнения в Московском университете. См. прим. 1 к письму 33.

Ушкуйник мой!

Пятницкий писал мне о необходимости второго издания. Он предлагает: добавить к первому 5-6 листов, назначить цену книжки 1 р. и поставить на ней цифру первый. Это умно и нужно, так что ты к-тройворить, а давай во второе издание „Набаль" Максим „Бездну" „Старого студента" и что еще есть у тебя? „Степу" не печатай. Об этом я тебя прошу. Почему? Я только потому, что для настоящего, сочного уменья писать - которого ты еще не знаешь сам, не видишь в себе - „Степь" пока не ясна. Для будущего, что я сам ты во скорости времени будешь ее довольно. Поверь ее, поверь! Это слишком важная вещь для того, чтобы торопиться выступать с нею.

Посылаю тебе очерк Скитальца „Рыцарь" и его стихотворение. Передай Орейгину, пусть напечатает в „Курьере". Это не хорошо, но это - верно и „как хотелось!" - это трогательно. Если Орейг. откажется печатать - будь добрый пошли рукопись Скитальца в „Знание" Пятницкому. Очень прошу - не забудь. Скоро выйдет книжка Скитальца; хорошая будет книжка, оригинальная! Ты найдешь в ней много своеобразного, умного, бодрящую душу, свежего

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1901 г.
Первый лист
Собрание В. Л. Андреева, Женева

это не показано. Вообще - эта книга, как вообще вся моя крупная работа - не удалась мне. Напечатайте ее еще раз. Вам и мне тоже - ценно будет, захочется иметь ее в первопечатном виде, и будет грустно с ней расстаться. Прощайте. Я родителей - в Полтаву.

Ничего ли драматического нет?

Бросьте, ответьте - приедете ли? Ничто больше. Мы мелко работаем. И тебя надо еще много работать. Говорили о тебе с Вересаевым - нехорошая вещь уже. Сегодня они уезжают и сядут за весь разговор. Очень хвалили "Христа-Бога" "Царство" "Мечту" "Окно" "О С. Н." Вы тоже время "сказать: есть анекдоты о монахах, которые так рассказывались сказку товарищу своему: было ли много - боишься? Вы сами - боитесь? Вдруг за спиной - боитесь? Вам и Андрееву так-же! Пишете и все как бы оглядываетесь - боитесь? - боитесь? А я - не боюсь! Что взять?" Много говорили похвального о чистоте языка и силе изображения. Великолепный старик! Приезжай, пока он не умер, - под похоронный.

Бери у меня "судьбу" и все, что тебе нужно. Книжку не высылаю, очень. Скажи, что я прошу ее прочитать и подарить ее мне.

Твой товарищ А. Пешков

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1901 г.

Последний лист

Собрание В. Л. Андреева, Женева

[7] Рассказ «Бунт на корабле» Андреевым закончен не был и в печати не появился. Рукопись (девять страниц) незавершенного отрывка хранится ныне у сына писателя Вадима Леонидовича. «По характеру своему,— рассказывает В. Л. Андреев,— этот рассказ ближе всего к „Лжи" и особенно „Стене". В нем рассказывается о человеке, попавшем на огромный железный корабль, которым управляют „господа" — „высокие, стройные и красивые, такие красивые, каких я не видел в нашей бедной стране". Были на корабле и „другие люди"— „с красными шершавыми руками, крепким, тяжелым телом и загорелыми мужественными лицами". Господа презирали других людей, которые отвечали им скрытой ненавистью. Попавший на корабль человек чувствует себя совершенно одиноким — никто не понимает его — на корабле говорят на неизвестном языке. Неожиданно среди „других людей", на нижней палубе, он вдруг ощущает на плече руку неведомого друга. К сожалению, рассказ обрывается до того, как начинается восстание на корабле; отец, как я помню, именно этому моменту придавал особое значение». В одной из бесед с сыном в 1918—1919 гг. Андреев так передавал замысел «Бунта на корабле»: «В молодости я задумал рассказ. Это был рассказ об огромном дредноуте, закованном в броню, в который проникает бунтарская мысль. Я себе представил, как эта бунтарская мысль рвет броню дредноута. Рассказ у меня не вышел, а через три года произошел бунт на „Потемкине"» (сообщено В. Л. Андрееву). Примечательно, что в письмах Андреева встречается сравнение самодержавия с кораблем. Так, в начале декабря 1904 г. он писал Пятницкому: «... у событий есть своя логика, и для российского государственного корабля начинается жестокая качка, боковая и килевая» (АГ).

[8] Из повести «Трое» (V, 86). Эти две строки песни вошли в рассказ Андреева «Книга», предназначавшийся к печати в «Журнале для всех» (письмо Андреева к Миролюбову от 8 февраля 1902 г.— ЛА, вып. 5, стр. 93). Впервые рассказ опубликован во втором издании сборника «Помощь». СПб., 1903.

36. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

‹Олеиз. 23 декабря 1901 г.›

Умница моя!

Пятницкий писал мне о необходимости второго издания. Он предлагает: добавить к первому 5—6 листов, назначить цену книжки — 1 рубль и поставить на ней — том первый. Это — умно и нужно, так что ты не противоречь, а давай во второе издание «Набат», «Мысль», «Бездну», «Старого студента» и — что еще есть у тебя? «Стену» — не печатай. Об этом я тебя прошу. Почему? А только потому, что для настоящего, самого ценного читателя — которого ты еще не знаешь, не видел наверное — «Стена» — пока — не ясна. Да я думаю, что и сам ты в скором времени будешь недоволен ею. Подержи ее, подержи! Это слишком важная вещь для того, чтоб торопиться выступать с нею.

Посылаю тебе очерк Скитальца «Рыцарь» и его стихотворение. Передай Фейгину для напечатания в «Курьер» [1]. Это наворочено грубо, но это — верно и — как хочешь! — это талантливо. Если Фейгин откажется печатать — будь добр, пошли рукопись Скитальца в «Знание» Пятницкому. Очень прошу — не забудь. Скоро выйдет книжка Скитальца,— хорошая будет книжка, оригинальная! [2] Ты найдешь в ней много любопытного, целую большую душу, лишь дай себе труд внимательно прочитать ее всю сразу и не очень обращай внимание на сучки.

Константин Петрович сообщает, что от первого издания ты получишь порядочную прибыль. Я очень рад этому — как раз к свадьбе, верно? Вот что, милый Леонид, ты сделал бы превосходно, если б из церкви — сел в вагон и катнул сюда, ко мне. Помимо прибыли с первого издания, ты можешь взять еще рублей 500—700 авансом под второе, хотя я тебе не советую делать это. Женатому — ужасно много денег надо, ты это попомни! Ну, ладно, теперь пофилософствуем.

Даже и дружеской похвале не верь, т. е. — верь — если хочешь и можешь,— но не считайся с ней. Ибо — кроме тебя — нет судьи для тебя. Ты пишешь, что «похвалы на время купили твою свободу» — это дело мне

знакомо, я ведь тоже не раз, незаметно для себя, продавался. А особенно — критике не внимай! Ни той, коя хвалит, ни той, коя хает.

Был я в Ялте третьего дня. Стою у пристаней и вижу — воз, нагруженный серым солдатским сукном, из которого осенью облака делают. Подошел к возу старый нищий, весь в лохмотьях, пощупал сукно пальцами и говорит извозчику: «А сукнецо-то дрянное!» — «Не тебе носить...» — сказал извозчик.— «Дрянное сукнецо!» — уверенно повторил нищий.— «Да тебе какое дело? — говорит извозчик,— не для тебя сукно».— «Знаю,— сказал старик, улыбаясь,— знаю, что не мне... дак я его хоть обругаю...» Я думаю, Леонид, что старик этот — во дни своей юности был литературным критиком, а может быть он и теперь пишет критические статьи в каком-нибудь литературном приюте нищих духом. Лучшим критиком, на мой взгляд, всегда является беллетрист. Я, например, серьезно уверен, что никто не может написать лучше меня статьи о М. Горьком, и что если я напишу таковую,— очень немного останется в М. Горьком для поклонения публики. Дело в том, что можно относиться к самому себе вполне искренно, не уродуя своей души, не разжевывая себя, как гриб. «Трое» тебе нравятся? Зря. Скверно, душечка, написано это произведение — будем говорить по совести — скверненько. Вещица — однобокая. Видишь ли что: вся жизнь — все, что вокруг нас вертится и ревет,— все это сводится к одному: к борьбе раба за свободу, господина — за власть и свободу власти. В «Троих» это не показано. В течение жизни моей я стучал кулаками по многим истинам, чтобы узнать, что у них внутри, и все они * звучали под ударами моими, как пустые горшки. Только вера — вот истина, дающая при ударе по ней звук живой и полный. В «Троих» это не показано. Вообще — эта книжка — как вообще все мои крупные задачи — не удалась мне. Наплевать. Я еще попробую. Вот и ты тоже — женишься, захочешь иметь детей и — непременно! — мальчика, и будешь ждать его с уверенностью, жадно. А родится — девочка.

Пишешь ты драму или нет?

Будь добр, ответь — приедешь ли? Пиши больше. Ты легко работаешь, и тебе надо много работать. Говорил о тебе с Толстым — не первый раз уже. Сегодня он у меня был и сам завел разговор. Очень хвалил «Жили-были», «Большой шлем», «У окна», «О Сергее Петровиче». В то же время сказал: «Есть анекдот о мальчике, который так рассказывал сказку товарищу своему: „Была темная ночь — боишься? В лесу выл волк — боишься? Вдруг за окошком — боишься?“ Вот и Андреев так же: пишет и все как бы спрашивает меня: „Боишься? боишься?“ А я — не боюсь! Что, взял?» Много говорил похвального о чистоте языка и силе изображения. Великолепный старик! Приезжай, пока он не умер,— познакомишься [3].

Бери у меня «судьбу» и все, что тебе угодно. Кланяйся невесте, очень. Скажи, что я прошу ее уговорить тебя ехать ко мне.

Твой товарищ А. П е ш к о в

Датируется по содержанию. Толстой посетил Горького в Олеизе 23 декабря 1901 г. («Летопись», I, стр. 359).

[1] 23 декабря 1901 г. Горький писал Пятницкому, что выслал для «Курьера» «очень ценный — очерк „Рыцарь“, и хорошее стихотворение Скитальца» («Архив Горького», т. IV, стр. 61). Под заглавием «Дон-Кихот» очерк появился в «Курьере», 1901, № 356, 25 декабря. Стихотворение «Там, где море в скалы било...» — в № 360, 30 декабря.

[2] Первый том «Рассказов и песен» Скитальца, под редакцией Горького, выпущен в «Знании» 2 марта 1902 г. В книгу вошли рассказы и двадцать два стихотворения. В январе 1902 г. Андреев, не называя автора, на память процитировал в рассказе «Безд-

* *В автографе описка:* одни.— *Ред.*

на» понравившиеся ему строки из стихотворения Скитальца «Ночи» («Ночи мои, ночи!.. Как вы молчаливы!..»), включенного в первый том его «Рассказов и песен» (ПССА, т. IV, стр. 118).

[3] А. Б. Гольденвейзер вспоминает беседу с Толстым об Андрееве, бывшую 25 июля 1902 г.: «С отвращением отозвался Л. Н. о „Бездне" Л. Андреева и сказал:— По поводу Леонида Андреева я всегда вспоминаю один из рассказов Гинцбурга, как картавый мальчик рассказывает другому: „я шой гуйять и вдъюг вижю бежит войк... испугайся?.. испугайся?.."—Так и Андреев все спрашивает меня „испугайся?". А я нисколько не испугался» (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., Гослитиздат, 1959, стр. 114).

Лев Толстой с большим интересом следил за творчеством Андреева и в дальнейшем.

37. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 26 ... 28 декабря 1901 г.〉

Милый друг!

Попрошу тебя — прочитай прилагаемую штуку и скажи — как нравится? Автор ее — молодой, хороший человек,— послал гебе три свои вещи и ныне справляется у меня о их судьбе. Напиши ему или мне. Зовут его Алексей Васильевич Яровицкий, адрес «Нижегородский листок». Я считаю его очень талантливым, у него есть весьма славные штуки [1].

Получил твою книжку,— нелепо было переплетчику закатить эдакие крупные слова на корешке. За надпись — благодарю и — отклоняю [2]. Знаешь: у Шопенгауэра есть славненький афоризмик «скромность — это достоинство того, у кого нет других достоинств». Цени себя выше, что тебе не помешает расти и шириться, а приятелям даст счастливую возможность и большее удовольствие излаять тебя на все корки.

И — прости! — чёрт знает отчего — но мне все хочется писать тебе советы! Должно быть я становлюсь стар.

Не пиши так торопливо, как написал «В подвале» [3]. Перечисляя рассказы для второго издания, я забыл две славные вещи: «Кусаку» и «Случай».

Прочитай в «Петербургских ведомостях» очерк Ганейзера «Волшебный фонарь» — и — если поймешь, в чем тут дело и чего ради это писано — сообщи мне [4]. Меня очень неприятно поразила фамильярность Ганейзера — какой я ему Алексей Максимович? Я его знаю, вернее — видел, но могу сказать о нем только одно — он муж писательницы Юлии Безродной [5]. Что будет с русской литературой, если писатели станут начинать свои рассказы так: «Избив свою жену, цеховой Пешков, известный в литературе под именем Максима Горького, устало опустился на стул и сказал, [тяжко] вздохнув с облегчением: „Однако я [устал] взопрел! Но — ничего! Господь труды любит"». Или «„Джемс Линч", он же Леонид Андреев, шел, пьяный, в редакцию „Курьера" и рыгая кричал на всю улицу: „Ей вы, Ганейзеры! Выходи все на одну руку!"».

Пикантно. Но — чёрт возьми! Есть тут что-то нехорошее, а что — не могу уловить!

Ну, пока до свидания!

Очень жду тебя.

Твой А. Пешков

Если ты скажешь Фейгину, чтобы он пригласил Корнева сотрудничать в «Курьере» — это будет недурно. Корнева надо выводить в «люди», помоги в этом мне. Он, я уверен, будет хорошо писать. Скажи, кстати, Фейгину, чтоб он выслал мне деньги и что я, по скорости, пришлю некую аллегорию [6].

Кореиз, Таврической губернии, Олеиз и т. д.

Датируется по содержанию (см. прим. 3).

[1] О Яровицком-Корневе — см. прим. 2 к письму 29. Какие произведения Яровицкого Горький послал Андрееву, установить не удалось. После смерти Яровицкого (от тифа) 22 ноября 1903 г. Горький считал своим долгом позаботиться о судьбе его сочинений. Задумав издать рассказы Яровицкого, Горький в 1903—1904 гг. собирал его рукописи, вырезки из газет с его произведениями. По просьбе Горького, Е. П. Пешкова переписала некоторые рассказы Яровицкого, публиковавшиеся в «Нижегородском листке», в тетрадь, которая вместе с другими материалами хранится ныне в АГ. Еще в 1903 г. Горький сообщил общественной деятельнице Е. К. Малиновской в Нижний-Новгород, что согласен написать предисловие к будущей книге Яровицкого, но требовал, чтобы сестра его В. В. Кавалерова согласилась отдать доходы от издания на общественные нужды (АГ). 1 февраля 1904 г. Кавалерова в письме к Горькому подтвердила свое согласие передать права на издание рассказов покойного брата Горькому и П. С. Захарову. По неизвестным причинам это издание не состоялось. Посмертно был опубликован лишь рассказ Яровицкого «О двух писателях» в «Нижегородском сборнике» (СПб., 1905). Мысль о переиздании сочинений Яровицкого Горький не оставил и в советское время. По воспоминаниям Е. П. Пешковой, Горький в 1928 г. говорил в Горках В. А. Десницкому о своем желании видеть опубликованными произведения Яровицкого.

[2] Надпись воспроизведена в настоящ. томе, стр. 125.

[3] Рассказ впервые опубликован в «Курьере», 1901, № 356, 25 декабря.

[4] В «С.-Петербургских ведомостях», 1901, № 354, 25 декабря был помещен фельетон Ганейзера «Волшебный фонарь. (Святочная фантазия)», содержание которого составляет вымышленная беседа Горького с Чеховым. В беседе высмеивались литературные взгляды писателей. Фельетон произвел на Горького неприятное впечатление. Он опасался, что «глупая выходка» Ганейзера сможет взволновать больного Чехова (см. письмо Горького к Пятницкому от 30—31 декабря 1901 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 62). Между 28 и 31 декабря Горький писал самому Чехову: «Удивительно нелепо и пошло, никогда, за всю жизнь не читывал подобной ерунды. Чувствую в ней что-то нехорошее — но не могу понять — что?» (XXVIII, 210).

Евгений Адольфович *Ганейзер* (1861—1938) — прозаик, драматург, публицист, сотрудничал в «Вестнике Европы», «Северном вестнике», «Русском богатстве». Приезжал к Горькому на Капри в 1910 г. После Октябрьской революции работал в советской печати. Под псевдонимом «Е. Гирин» сотрудничал в 1930 г. в журнале «Наши достижения».

[5] Юлия Безродная — псевдоним детской писательницы Юлии Ивановны *Яковлевой* (1859—1910). Печаталась в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Мире божьем» и др. Отдельно изданы ее «Офорты, повести, этюды, сказки» (СПб., 1892).

[6] О каком произведении идет речь, не установлено.

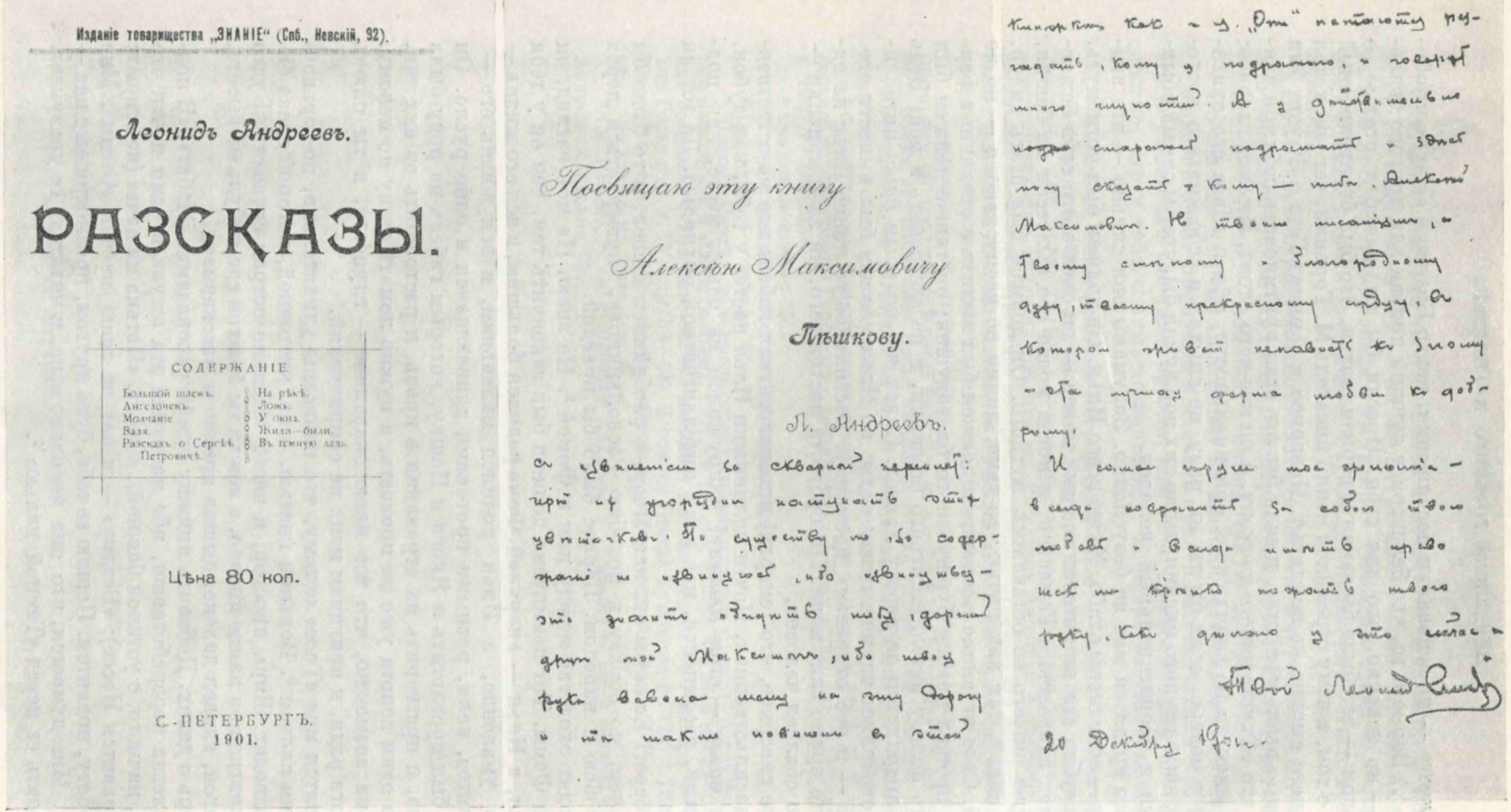
38. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 30 декабря 1901 г.

Раз-умница моя!

Читать твои письма — это чистое наслаждение, немногим меньше того, чем видеть тебя лично, ибо встаешь ты в своих письмах, как живой. В разговорах, в письмах, в рассказах — всюду ты один, самому себе равен, и есть именно ты, а не кто другой. Меня, который говорит по-одному, письма пишет по-другому, фельетоны строчит по-третьему, а рассказы валяет по-четвертому — это удивляет и наводит на некоторые, глупо-печальные размышления. Существуют писатели органические, которые могут быть только писателями (и пьяницами), и существуют писатели, которые могут ими и не быть, а быть докторами, адвокатами, пьяницами, а *также* и писателями. Все равно, как цари-помазанники и президенты; был он пивоваром, стал президентом, а потом опять сделается пивоваром и будет пиво варить еще лучше, чем прежде. Ты первый, а я второй. И оттого я так часто трушу и одиноко вою; чтобы тебя столкнуть, нужна революция, а чтобы меня возвратить в первобытное состояние, достаточно одному избирателю поумнеть, а дюжине слегка поглупеть. И кончено.

Насчет критиков верно — или старички нищие духом, или еще хуже — тупые и самодовольные нахалы. (Кстати: один меня уличил в подражании



Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Леонидъ Андреевъ.

РАЗСКАЗЫ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Большой шлемъ.
Ангелочекъ.
Молчаніе
Валя.
Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ.
На рѣкѣ.
Ложь.
У окна.
Жили—были.
Въ темную ладь.

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Посвящаю эту книгу

Алексѣю Максимовичу

Пѣшкову.

Л. Андреевъ.

С извинением за скверный переплет: чёрт их угораздил натыкать этих цветочков. По существу же за содержание не извиняюсь, ибо извиняться — это значит обидеть тебя, дорогой друг мой Максимыч, ибо твоя рука вывела меня на эту дорогу и ты также повинен в этой книжке как и я. „Они“ пытаются разгадать, кому я подражаю, и говорят много глупостей. А я действительно стараюсь подражать и здесь могу сказать — кому — тебе, Алексей Максимович. Не твоим писаниям, а твоему смелому и благородному духу, твоему прекрасному сердцу, в котором живет ненависть к злому — эта лучшая форма любви к доброму. И самое горячее мое желание — всегда сохранить за собою твою любовь — всегда иметь право так же крепко пожать твою руку, как делаю я это сейчас. Твой Леонид Андреев. 20 декабря 1901 г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНДРЕЕВА ГОРЬКОМУ НА СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ» (СПб., 1901), ЕМУ ПОСВЯЩЕННОМ

«С извинением за скверный переплет: чёрт их угораздил натыкать этих цветочков. По существу же за содержание не извиняюсь, ибо извиняться — это значит обидеть тебя, дорогой друг мой Максимыч, ибо твоя рука вывела меня на эту дорогу и ты также повинен в этой книжке как и я. „Они“ пытаются разгадать, кому я подражаю, и говорят много глупостей. А я действительно стараюсь подражать и здесь могу сказать — кому — тебе, Алексей Максимович. Не твоим писаниям, а твоему смелому и благородному духу, твоему прекрасному сердцу, в котором живет ненависть к злому — эта лучшая форма любви к доброму. И самое горячее мое желание — всегда сохранить за собою твою любовь — всегда иметь право так же крепко пожать твою руку, как делаю я это сейчас. Твой Леонид Андреев. 20 декабря 1901 г.»

Архив Горького, Москва

М. Горькому — на основании посвящения, некто Битнер в «Научном обозрении» [1].) Верно и то, что беллетрист лучший критик для другого беллетриста — но неверно, что для себя. И если бы ты написал статью о М. Горьком — это была бы самая неверная статья. Это был бы прекрасный рассказ о том, к чему стремился некий писатель М. Горький, чего он хотел и что у него вышло, но не статья. Наверное и замысел Гете о Фаусте был неизмеримо выше «Фауста», и если бы тот стал критиковать себя, он заявил бы, что «Фауст» ничего не стоит. А он кое-чего стоит. И самое главное: человек никогда не видит своей оригинальности, ибо и глаза его оригинальны, и поверь, если бы ты ни разу не слыхал о себе ничьего постороннего, даже глупого мнения, ты до сих пор думал бы, что ты самый обыкновенный и неоригинальный человек.

«Трое» нравятся мне не безусловно. Задуманы они сильно — это видно сразу — исполнены слабо. Хуже всего Илья. Он должен был погибнуть, но ты погубил его на интеллигентный манер — он съел всего себя без остатка, как заправский Гамлетик, и когда мозги его вылетели из башки, в них уже ничего не оставалось путного. Он должен был стать силой, *темной* силой, так как ночью, во тьме, лилии не распускаются — но не тряпкой. Свое отчаяние о жизни он должен был вылить в отчаянные формы. Он прошел полосу буржуазного благодушия; он также должен был миновать полосу интеллигентного бессилия, а не застревать в ней. Ведь от него анархистом за версту пахнет. Силен яд, которым *наша* интеллигенция отравляет идущие снизу силы, но Илья должен был вынести его. Вынести — и всё отправить насмарку. Бессильное топтание Ильи на одном месте прямо злит меня. Ни протеста настоящего, ни злой критики — а просто обалдел человек.

Самое скверное, что [смерть] интеллигентная гибель его не естественная, а насильственная. Почти полкнижки Илья растет у тебя, как дубок, и вдруг сразу — стоп машина! Закружился на одном месте, как подстреленный, рассыпался, как воз с интеллигентной рухлядью. Да тот ли это Илья?

Зло берет! Если бы он, как Моор, в разбойники пошел, и то было бы лучше, чем, по образу и подобию Раскольникова, кувыркаться перед самим собою и народом. Первое было бы правдой.

Находят сходство между ним и Фомой [2]. Не знаю. На мой взгляд, он антитеза Фомы. Тот неминуемо должен был закончить тем, чем он у тебя закончил, а Илья — анархией. Фома родился большим, и вся его жизнь — роковое умаление, а Илья родился маленьким, и вся жизнь его — рост, синтез, воля, разными протоками сливающаяся в одно русло. Он должен был проглотить и Якова и Пашку, которым гибель на роду была написана, и претворить их страдания в кровь, и растолстеть от них так, что ни в одни ворота уже не пролезть, а нужно ломать стену по целому.

Весьма возможно, что все мною сказанное — глупости, и ты плюнь и уж, бога ради, к критикам меня не сопричисляй.

Нравятся мне «Трое» потому, что написаны удивительно, по-горьковски одним словом [3]. Вольной кистью, а не кисточкой, которой глаза барыни подводят. Ширь, простор, и чисто весенняя острая свежесть. Будто не в комнатке при лампе писано, а лежал ты брюхом где-нибудь на высоте, над Волгой, глядел далеко, дышал крепко и рассказывал.

Теперь о делах. Добавить книжку думаю рассказами: «Набат», «В подвале» (слегка переработавши, ибо написана эта штука в один почти что присест, начисто, с усталой башкой), «Смех», «Петька на даче» (из старых; очень нравится Поссе); «Бездну» — и вот не знаю насчет «Стены». Мне она, ей-богу, нравится. Пошлю ее тебе, будь другом, просмотри еще раз — и реши. Мне думается, что она довольно ясна, и читатель ее уразумеет. А поставить ее перед «Темной далью» [4].

Скитальца рассказ ты уже видел в печати — искаженным лапою цензора. Но и при всем том — на многих воздействовал. Прислал он его мне на мою просьбу участвовать в «Курьере» (теперь я заведую беллетристикой). Стихи напечатаны нынче [5]. Вообще будет печататься все, что он пришлет.

Про «Сквозь строй» можно сказать то же, что Тургенев, кажется, сказал про добролюбовские стихи: не беллетристика, но нечто лучшее, чем беллетристика [6]. Душа — дай бог всякому такую душу!

Но счастья на роду Скитальцу не писано. Чувствуешь, почему?

Толстой очень премудро и ядовито привел рассказ о мальчике [7]. Башка! Но неужели это так-таки правда; как тебе, Алексей, кажется? Очень радостно, что у тебя с ним, по-видимому, хорошие отношения; при всей...*

[1] Вильгельм Вильгельмович *Битнер* (1865—1921) — педагог, популяризатор, автор двухтомного обзора научных и культурных достижений XIX века «На рубеже столетий». СПб., 1902. С 1903 г. — редактор-издатель журнала для самообразования «Вестник знания». Рецензия Битнера на «Рассказы» Андреева напечатана в журнале легальных марксистов «Научное обозрение». Битнер отмечал, что некоторыми чертами своего творчества Андреев сближается с декадентами. В рассказах Андреева, по словам критика, «настроение преобладает над содержанием».

«Несомненно,— заключает Битнер,— г. Андреев, стараясь подражать Горькому (которому он посвящает и свою книгу)— не в отношении содержания, но формы, или, быть может, случайно имея с ним кое-какие общие черты,— не обладает достаточною чуткостью, которая удержала бы его от рискованных эффектов 〈...〉 Побольше естественности — вот что должен помнить г. Андреев...» (1901, № 12, стр. 322).

[2] Фома Гордеев. Повесть впервые опубликована в «Жизни», 1899, № 2—4, 6—9. Отдельное издание «Фомы Гордеева» с посвящением Чехову вышло в «Библиотеке „Жизни“» в 1900 г. (№ 3).

[3] См. также письмо 35.

[4] Подразумевается рассказ «В темную даль».

[5] См. прим. 1 к письму 36.

[6] Повесть Скитальца «Сквозь строй» с подзаголовком «Повесть одной жизни» впервые напечатана в «Мире божьем», 1901, № 12, стр. 24—84. Об этом произведении Горький беседовал с Толстым (см. его письмо к Пятницкому от 6—7 января 1902 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 63—64). В романе «Новь» Тургенева (ч. II, гл. 28) Марианна говорит о стихах Добролюбова «Пускай умру — печали мало...»: «...это не поэзия... но что-то не хуже ее».

[7] См. письмо 36. Об отношении Андреева к Толстому — см. в разделе «Горький об Андрееве», письмо 99.

---

* *Конец письма не сохранился. — Ред*

1902

39. ИЗ ПИСЬМА АНДРЕЕВА — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 4 января 1902 г.

...Московские курсистки тайно от Герье [1] устраивают концерт в пользу своей кассы. Официально концерт в пользу артиста Харламова [2]. Не можешь ли ты черкнуть два слова Шаляпину, чтобы он участвовал — тебя он послушается. Нужно поскорее.

Разреши мне задачу, сам я бессилен.

Меня просят дать беллетристическую вещь в нелегальный, резко революционный журнал [3]. По всем видимостям, дело поставлено совсем не конспиративно, много болтают и скоро все вляпаются.

Я согласился, а теперь колеблюсь. По натуре я не революционер; не люблю шума, драки, толпы и теряюсь в них; не люблю тайны и болтлив, вообще в действии не гожусь ни к чему. С другой стороны, люблю в тишине думать, и в области мысли моей задачи мои, как они мне представляются, революционные. Мне еще очень много хочется сказать — о жизни и о боге, которого я ищу.

Как быть, не знаю. Слушаться совести — но она говорит десятью голосами. То говорит — иди, так лучше. То — сиди, так лучше.

Не знаю. Посоветуй. Поступлю, как скажешь.

Л. Андреев

[1] См. прим. 2 к письму 31.

[2] Андрей Петрович *Харламов* (1876—1934) — с 1898 по 1903 г. актер Художественного театра. Исполнитель в 1902 г. ролей Петра («Мещане») и Васьки Пепла («На дне»). После ухода из Художественного театра выступал на провинциальной сцене. В 1915 г. с большим успехом играл в Одесском драматическом театре в пьесе Андреева «Дни нашей жизни» («Театр и кино», Одесса, 1915, № 5, 5 декабря, стр. 6), а в 1922 г.— в «Савве» («Зритель», Одесса, 1922, № 9, стр. 9).

[3] О каком журнале идет речь, не установлено. Возможно, подразумевается одно из начинаний нелегального социал-демократического кружка на Высших женских курсах, руководимого курсисткой-нижегородкой Марией Александровной Олигер (р. 1878). Вокально-музыкальный вечер в пользу слушательниц Высших женских курсов «при участии друзей Максима Горького» состоялся в зале Благородного собрания только 2 декабря 1902 г. Накануне вечера распространились отпечатанные кружком Олигер прокламации «От Высших женских курсов». Но еще в ночь на 28 ноября Олигер была арестована по делу МК РСДРП, а остальные участники кружка подвергнуты негласному надзору (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 28).

40. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 7 ... 9 января 1902 г.〉

Не давай! Зря обещал. Уже одно то, что ты думаешь: писать или не писать? — явно указывает — писать для *этого* журнала тебе не о чем и хорошо для него ты не напишешь. А для таких изданий необходимо — против принятого обыкновения — писать как можно лучше. Советую: с этим делом погоди до поры пока сам не захочешь, пока в душе не нарвет.

Про «Трех» ты написал хорошо, хотя и не критик. Но Илью — понял не так, как я его понимаю.

Илья не кается пред людьми, а говорит им от презрения. Суда над собой он не может принять ни от людей, которых сам осудил, ни от бога, которого потерял.

Бога — нет, Леонидушка. Есть — мечта о нем, есть вечное, не удовлетворимое стремление так или иначе объяснить себе себя и жизнь. Бог — удобное объяснение всего происходящего вокруг и — только. Толстой якобы верующий в бога — в сущности проповедует необходимость некоей пантеистической гипотезы. Пока что бога и не требуется, ибо если его дать — мещане сейчас же спрячутся за него от жизни. Ныне — бог ускользает от мещан, и они, сукины дети, остаются без прикрышки. Так и надо! Пускай их попрыгают по жизни голенькие с пустыми душонками да позвенят как разбитые бубенцы. А когда они от холода и голода внутреннего издохнут — мы для себя создадим бога великого, прекрасного, радостного, все и всех любящего покровителя жизни! Так-то! [1]

А мещанам бога не давать, если б и был он.

Женись скорее и приезжай. Не тоскуй, а работай! Скучно — не ходи к людям, не развеселят, а садись и пиши, пиши, пиши; все равно что, лишь бы искренно выходило. Ей-богу! Очень жду тебя.

Из Фейгина возьми денег и, купив на них книг у *Миролюбова о Сахалине* [2], пришли мне поскорее. Очень нужно. А к Виктору Миролюбову в «Журнал» — не ходи. Не ходи — верно говорю! Писать — пиши, а не ходи [3]. До свидания.

Ал. Пешков

Датируется по содержанию и связи с письмом № 41.

[1] Рассуждения Горького о боге являются продолжением его полемики с интеллигентами-богоискателями (см. письма Горького к Миролюбову от декабря 1901 г. и января 1902 г. и комментарии к ним — XXVIII, 212—214, 223 и 507). Вместе с тем в призыве Горького «создать» бога достаточно ясно проступали его будущие ошибочные богостроительские взгляды (см. письмо Ленина к Горькому от 1/14 ноября 1913 г.— В. И. Ленин. Собр. соч., т. 35, стр. 89—91).

[2] И. П. Миролюбов — псевдоним народовольца Ивана Павловича *Ювачева* (1850—1936). Речь идет о его книге «Восемь лет на Сахалине. С 70 иллюстрациями». СПб., 1901.

[3] Об отношении Горького к «Журналу для всех» — см. письма 110 и 111.

41. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 7 января 1902

Славный мой друг! Совсем я развалился, дошел до предела, начал лечиться водой и прочим — и на неделю получил от «Курьера» разрешение не работать [1]. Пишу тебе от радости.

Есть на виду у меня славное дельце — немного сродни тому, по поводу коего совета я у тебя просил; когда буду у тебя, поговорю [2]. А насчет совета — плюнь. Сам, кажется, сообразил, как надо поступать. Во всяком случае не думай, что я на тебя остроумно взваливаю ответственность. По правде говоря — это было глупо: просить совета. Но чего не наговоришь с такой головой, как моя.

Не рассердил я тебя своими дикими суждениями о «Троих»? Плюнь. Я не критик. И потом ты всегда имеешь возможность меня побить — это по уверению доктора будет даже полезно для меня, ибо опять у меня брюхо растет,— опять!

«Временные правила» кажется воздействовали [3].

12 января

Пятницкий передал мне о твоем плане насчет издания: дать «Мысль», «Старого студента», «Бунт на корабле», «Бездну» и «Набат». Но штука

в том, что «Бунт» и «Старый студент» совсем еще не написаны, а «Мысль» только вчерне.

Приходится давать или старые рассказы или — оставить книжку в прежнем виде. И знаешь ли что, друже,— последняя комбинация представляется мне наиболее удобной, точнее — наименее неудобной.

Неудобства первого плана:

1) Книжка, как нечто живое, уже имеет свою физиономию, подчеркнутую и разобранную критикой.

2) Если дополнить книжку 5—6 хорошими рассказами, то все же *новой* она не станет, а читатель будет поставлен в необходимость *вторично* приобретать из-за нескольких новых десяток старых рассказов.

Правда, цена 80 копеек неудобная, но лучше уже оставить ее так — тем скорее выйдет вторая книжка, которую можно пустить по рублю. А потом, если будут новые издания, можно первую книжку привести к целковому, дополнив ее несколькими старыми рассказами.

Единственные, стало быть, изменения сравнительно с первым изданием — это надпись на обложке: «издание второе, книга первая».

Как думаешь?

Ответь, голубчик, поскорее. Каков окончательный план издания — так и поступим. Ежели дополнять, то, по моему мнению, такими рассказами: «Смех», «Бездна», «Стена», «Набат», «В подвале». Книжка, кажется, вся разошлась, а требования есть [4].

«Бездна» напечатана и яростно ругается—главным образом буржуями и добродетельными. Негодуют на автора. Есть и защитники — немного [5].

Получил сегодня твое письмо. У какого Миролюбова книгу о Сахалине купить — не понял [6]. Спрашивал, есть ли в Москве такой книжный магазин — не знают. Завтра опять спрошу.

Милый! Я скучаю-то оттого, что нет времени и сил писать: курьерская работа вытягивает все соки. Голова мутится, удавиться хочется. Не чаю, как пройдет этот месяц, ибо в перспективе его: жена, свидание с тобой и отдых. Ай, батюшки, скорей бы!

Каждый почти что день выдумываю рассказы — и хороню их. Вот еще один, имеющий касательство к твоим словам о боге.

Монастырь с чудотворной иконой, а при монастыре городок, а в городке, в поповской семье, высланный студент. Атеист, молодой и воинствующий. Знает всю потайную сторону монастырской жизни: разврат, пьянство, обирательство. Монахи жирные, животы трясутся, глаз нет. Видит и обираемых богомольцев и ненавидит их так же, как и их грабителей и обманщиков. И вот решает: «Ты, бог, устоял против тысяч; устоишь ли ты против хорошей порции динамиту?»

Завтра праздник — торжество темноликой иконы и жирных грабителей. День-два за своим окном он слышит шаги: стучат каблуки, шлепают босые ноги, шуршат лапти. Идут, идут... Он распаляется. Сговаривается с пьяненьким штрафованным послушником и после всенощной (описание ее) кладет к подножию патрон, «*адскую*» машинку. Колебания, страх, проснулась вера сотен поколений — но он побеждает.

Ночь и борьба неба с адом. Небу помогают монахи. Извещенные послушником и сообразившие выгоду, прячут временно икону, а после взрыва (описание оного) ставят ее на место.

На сотни верст кричит земля: Чудо! Чудо! Он идет в монастырь: толпа, охваченная экстазом, бьется в рыданиях у подножия, славословит и молитствует. Видя это чудо, он верит, что и в ее темной, мужицкой, рабочей, голодной, издырявленной жизни может совершиться чудо — она увидела руку бога. И вот три группы — он, одинокий и сомневающийся.

Монахи с трясущимися животами — знают про обман и все же *плачут*.

И — верующая толпа.

Послушник рассказывает ему, как произошло, и говорит плача: «Бог совершил чудо моими недостойными руками. Пути его неисповедимы — и быть может я, пьянчужка, только для того и родился, чтобы через мое посредство он проявил свое могущество».

Так что и расскажи атеист про обман, все равно — *чудо совершилось*.

И тут вопрос: да и нужно ли? Не лучше ли оставить бога — для этих труждающихся и обремененных?

Вот рассказ. Когда напишу и напишу ли — не знаю [7].

АНДРЕЕВ, Л. А. СУЛЕРЖИЦКИЙ, ГОРЬКИЙ
Фотография, Олеиз, март 1902 г.
Музей Горького, Москва

Получил от Скитальца письмо [8]. Температура градусов сорок. Приятный он малый и здорово шагает. Чёрт, неужели тебя не радует, что у тебя двое таких детей,как я и Скиталец? И оба сломаем головы: я по причине того, что много «работаю», а Скиталец — что мало *работает*. В этом — самая страшная для него опасность.

О журнале — потолкуем [9]. Тебе хотели писать, но, кажется, раздумали. Характер его остро-злободневный.

Пока до свидания. Огорчает меня, что мало ты пишешь о себе.

Твой Леонид Андреев

Поклонись от меня, если увидишь, Толстому. Получил от него коротенькое, но любезное письмецо [10].

Кстати (или некстати): в «Прибалтийском крае» был обзор рождественских номеров московских газет. Вот выдержки. «В „Русских ведомостях“ все на своем месте, чисто и приглажено. Если они и снисходят до рассказов, то с тем, чтобы в них не было ничего выдающегося»... «В „Курьере“, в противуположность „Русским ведомостям“ — буйство сил, школа Горького, герои — босяки, место действия — подвалы и трущобы, речи —

проклятия имущим. Л. Андреева фельетонисты прозвали „Полугорьким"; это несправедливо, у него есть своеобразность в творчестве» [11].

Эх, хочется мне сделать в «Курьере» хорошую беллетристику. Теперь зову Серафимовича [12].

Твоего рассказа жду, как манны [13]. Деньги получил?

Крепко жму руку.

Твойший Л е о н и д

Письмо Андреева подверглось перлюстрации. Выдержка из него: «Получил от Скитальца ∞ любезное письмецо» процитирована в справке о благонадежности Андреева (ЦГАОР, ф. ДП, д. 1530, 1903 г., л. 2).

[1] 7 января 1902 г. Андреев писал Пятницкому: «Я сильно разнедужился — обострилась нейрастения на почве переутомления — и на неделю взял в „Курьере" отпуск» (АГ).

[2] Речь идет о предполагавшейся реорганизации журнала «Русское обозрение». См. прим. 2 к письму 21.

[3] «Временные правила 29 июля 1899 года об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаленными из сих заведений за учинение скопом беспорядков». Первым применением «временных правил» была отдача в солдаты 183-х студентов Киевского университета в январе 1902 г.

[4] О составе второго издания «Рассказов» Андреев писал Пятницкому 19 и 27 декабря 1901 г. и 7 и 13 января 1902 г. (АГ). Вероятно, Пятницкий разделял сомнения Андреева. Второе издание «Рассказов» Андреева вышло в «Знании» 12 марта. По сравнению с первым оно было дополнено рассказами: «Набат», «Смех», «Стена», «Бездна», «В подвале», «Петька на даче». Для тех читателей, которые приобрели первое издание, дополнение было выпущено 21 марта 1902 г. отдельной книжкой под заглавием «Новые рассказы». Сохранился экземпляр второго издания рассказов с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову. 11 июня 1902 г. Арзамас. Леонид А н д р е е в» (Музей Горького. Москва).

[5] См. прим. 3 к письму 44.

[6] См. прим. 1 к письму 40.

[7] Основой для рассказа Андреева послужил эпизод из биографии изобретателя-самоучки А. Г. Уфимцева (см. о нем прим. 33 к воспоминаниям Горького «Леонид Андреев»). Интересно сопоставить характеристику, данную Андреевым герою задуманного рассказа о юноше-богоборце, с истолкованием им образа Ильи Лунева из повести Горького «Трое» (см. письмо 38). Начал ли Андреев работу над рассказом — неизвестно, но к этой теме он вернулся в начале 1906 г. в пьесе «Савва» (см. о ней далее письмо 139).

[8] Письмо Скитальца к Андрееву не дошло до нас.

[9] См. прим. 3 к письму 39.

[10] Андреев послал свой сборник рассказов Толстому с надписью: «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Толстому. Л. А н д р е е в. 9 декабря 1901 г.». Книга сохранилась в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

Когда «Рассказы» Андреева были получены в Гаспре, Толстой был нездоров и ответ Андрееву подготовил П. А. Буланже. «Он,— писал секретарь Толстого,— просил меня передать его благодарность и сообщить, что прочел некоторые из ваших рассказов с удовольствием» (Архив Л. Н. Толстого, Москва). Письмо Буланже осталось неотправленным, так как 30 декабря 1901 г. Толстой написал Андрееву сам (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч. Юбилейное, т. 73. М., 1954, стр. 174). Пометы Толстого на книге опубликованы в изд.: «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне», ч. I. М., 1958, стр. 17—23.

[11] «Прибалтийский край» (Рига, 1900—1915) — ежедневная общественно-политическая и литературная газета. В литературном отделе перепечатывались произведения Горького, Чехова, Андреева и др. Речь идет о статье за подписью «Гармодий»: «Москва. 1. (Рождественские рассказы в газетах)».— «Прибалтийский край», 1902, № 8, 10 января.

[12] Серафимович — литературный псевдоним Александра Серафимовича *Попова* (1863—1949). Андреев обратился к Серафимовичу с предложением о постоянном сотрудничестве в «Курьере» 13 января 1902 г. (письмо Андреева впервые опубликовано в кн.: В. В е ш н е в. А. Серафимович как художник слова. М., 1924, стр. 89). Приняв приглашение, Серафимович начал работу в «Курьере» еще до своего переезда в Москву летом 1902 г. Для пасхального номера он прислал рассказ «О том, как Епишка встречал светлое Христово воскресение» (№ 103, 14 апреля). В «Курьере», вплоть до июля 1903 г., Серафимович вел два цикла очерков «Заметки» и «Обо всем», заменившие собой фельетоны Андреева. Первый фельетон Серафимовича «На конке» напечатан 15 августа (№ 224); на следующий день — первый очерк из цикла «Заметки» (№ 225). Переехав в Москву, Серафимович стал членом кружка «Среда». Первая встреча с Андреевым летом 1902 г. на даче в Царицыне переросла в дружбу. Переписка писателей продолжалась около пятнадцати лет. Письма Андреева частично опубликованы Н. Н. Фа-

товым в «Московском альманахе», I. М.— Л., 1926. Четыре письма Серафимовича — в Собр. соч. А. С. Серафимовича, т. VII. М., 1960, стр. 390—392, 433, 499—500, 513—515. Андреев, подсказавший Серафимовичу тему рассказа «Заяц», редактировал и читал его в отсутствие автора 13 октября 1904 г. на «Среде». Одобренный Горьким рассказ был напечатан в 1905 г. в сборнике «Знание», кн. 5. Андреев предлагал в 1907 г. Серафимовичу совместно работать над пьесой о студентах (будущая пьеса Андреева «Дни нашей жизни»). План этот остался неосуществленным (подробнее об этом — в кн.: А. Рубцов. Из истории русской драматургии конца XIX — начала XX века. Минск, 1960, стр. 304—309). Приезжая в Москву, а позже в Петербург, Серафимович обычно останавливался у Андреева. Высоко ценя Андреева, Серафимович посвятил ему свое крупнейшее произведение дореволюционных лет — повесть «Город в степи» («Современный мир», 1912, № 1—5; отд. изд.: 1913). В 1908 г. в одном из интервью Серафимович отметил особенность большого таланта Андреева — стремление к философским обобщениям. Он считал неправильным категорическое противопоставление творчества Андреева реалистическому направлению в художественной литературе. Имея в виду «Жизнь человека», Серафимович заметил: «Вы читаете ⟨...⟩ и перед вами вырастает черная страшная действительность ⟨...⟩ Но, если многим кажется, что Андреев отрывается от действительности, что у него все таинственно и странно, так это потому, что не усвоили еще, не совсем поняли те новые формы, в которые Андреев вкладывает наши мысли и ощущения, наши обыкновенные чувства и рассуждения по отношению к действительности» (С. Грузинский. У А. Серафимовича.— «Донская жизнь», Ростов н/Д, 1908, № 229, 5 октября). Однако в дальнейшем Серафимович все более настойчиво сознавал нечто враждебное для себя в художественной манере Андреева и решительно отстаивал свою точку зрения, когда убеждался, что советы Андреева-художника противоречат его, Серафимовича, идейным принципам. В письме к А. Кипену от 2 мая 1913 г. Серафимович писал об Андрееве: «Для меня все его указания драгоценны, и тем более серьезно я их взвешиваю и принимаю с разбором (само собою, разумеется, не в споре)» (Собр. соч. А. С. Серафимовича, т. VII, стр. 472). В августе 1916 г. Серафимович отклонил предложение Андреева сотрудничать в организуемой в Петрограде газете «Заря» (будущая «Русская воля») и «горячо просил» самого Андреева уйти из этого реакционного издания (там же, стр. 514, 517, 520). После Октябрьской революции Серафимович во многом пересмотрел свое отношение к Андрееву, хотя продолжал считать его одним из талантливейших русских писателей начала XX в. В написанной в 1940-х годах для повести «Писатель» главе «Курмаяров читает лекцию» Серафимович отмечал, что «огромный талант» Андреева «вместо того, чтобы расширяться и углубляться, вместо того, чтобы своим блеском, своей яркостью осветить жизнь, постепенно стал тускнеть, покрываться пеплом незнания жизни, незнакомства с жизнью ⟨...⟩ Он искренне симпатизировал рабочему и в то же время был далек от него, не встречался с ним, не знал быта, культуры, социальных идей, охватывающих пролетариат» («А. С. Серафимович. Сборник неопубликованных произведений и материалов». М., Гослитиздат, 1958, стр. 408). См. также воспоминания Серафимовича в настоящ. томе.

[13] О каком рассказе идет речь — неясно.

42. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Олеиз. 13 ... 15 января 1902 г.⟩

Получил письмо от Пятницкого. Ты прислал ему «Набат», «Смех», «В подвале» [1]. В них $1^1/_2$ листа. Нужно — 5 листов для того, чтоб поставить на книжке цену 1 рубль. Я послал еще «Бездну», вчера с наслаждением прочитанную мной в компании. Производит чудовищное впечатление. Ты — молодец.

Пошли еще Пятницкому «Петьку». А «Студент» — готов? А «Мысль»? А «Бунт на корабле»? Голубчик, необходимо набрать еще листа три. А то публика — обругает. Она двугривенный ценит выше литературы, помни сие.

Твой А. Пешков

Торопись, книжка печатается.

Ты — нездоров? Да приезжай сюда, чудак! Здесь солнце, море и миндали цветут. Не все ли равно где жениться? Важно — как?

Приезжай скорее! Славно помещу тебя с женой. Шампанское здесь есть, попы — тоже.

Датируется по письмам Горького к Пятницкому от 13 и 14—15 января 1902 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 70—71).

[1] О получении рассказов «Набат», «Смех» и «В подвале» Пятницкий известил Горького 9 января 1902 г. (АГ). 18 января Андреев писал Пятницкому: «„Стена" — четвертый рассказ — на просмотре у Алексея Максимовича, и как он решит — не знаю» (АГ). 13 января Горький выслал Пятницкому «чудовищно хороший» рассказ Андреева «Стена» («Архив Горького», т. IV, стр. 70).

43. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 16 ... 18 января 1902 г.〉

Я положительно за то, чтобы, дополнив книжку,— назначить ей цену 1 рубль. Для тебя — это выгодно, поверь мне. «Набат», «Бездна», «Смех», «Стена», «Петька», «Кусака» — этого, быть может, хватит до рубля. А насчет покупателя,— пускай покупает вторично! Чёрт с ним, в конце концов. Спроси скорее Пятницкого — хватит ли шесть рассказов? Забыл «В подвале». Будет!

Ты «органический пессимист»? Интересное открытие, я очень доволен г. Шкляром [1].

Твой рассказ об иконе — великолепно задуман, удивительно правдив по фабуле, тяжел в конце — как в действительности и — нецензурен [2]. Сим последним одначе — не смущайся — но — вали во всю! Напиши и — спрячь. Когда мы с тобой уничтожим цензуру — напечатаем. Оказывается рассказов-то семь! Ну, этого, я думаю, достаточно! Действуй скорее, не задерживай!

Никакого Миролюбова не ищи, не надо. Чёртов ты кум! Миролюбов — не магазин, а автор книги «Сахалин», и я его уже прочитал, чего тебе не желаю [3].

А. Пешков

Датируется по содержанию и соседним письмам.

[1] Вероятно, речь идет о Николае Григорьевиче *Шкляре* (1878—1953) — прозаике и драматурге. В начале 1900-х годов бывал на «Средах» Телешова. Впоследствии печатался в горьковской «Летописи». Статья Шкляра об Андрееве не найдена.

[2] См. прим. 7 к письму 41.

[3] См. прим. 1 к письму 40.

44. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 Января 19 〈1902 г.〉

Алексей! Божий человече! Прежде всего целую тебя, потом опять целую, и еще и еще. Очень я люблю тебя.

Нынче получил твое письмо и очень огорчился, увидев из него, что мое, прошлое, весьма пространное письмо, до тебя не дошло [1]. Не люблю я, когда письма не доходят. В нем, между прочим, я писал об издании — в том смысле, что его нужно повторить без перемен и дополнений. Все это ни к чему, ибо, как пишет Пятницкий, издание печатается уже по-новому и поворачивать не приходится. Писал я и о том, что рассказы «Бунт» и «Старый студент» у меня еще только в голове, а «Мысль» будет готова не ближе марта.

Таким манером пяти листов мы не наберем даже при условии помещения «Бездны» (о чем речь впереди) — да, по-моему, этого и не нужно при той комбинации, какую предлагает Пятницкий и о какой он вероятно писал тебе (дополнительные рассказы отдельной брошюркой для тех, кто уже купил книжку в первом издании).

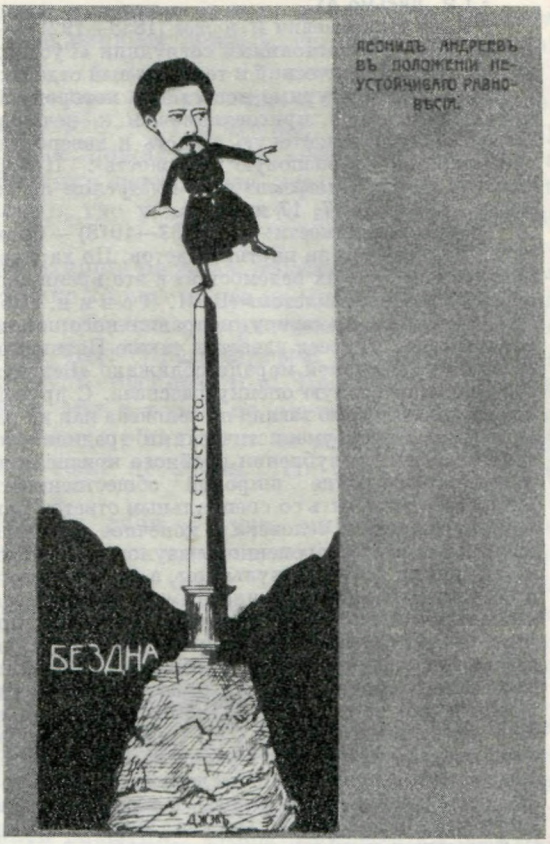
А насчет «Бездны» — хорошо-то оно хорошо... Читают взасос, номер из рук в руки передают, но ругают!! Ах, как ругают. В печати пока еще молчат, но из прилагаемой вырезки («Русские ведомости» — Игнатов [2]) видно, какова будет речь.

«ЛЕОНИД АНДРЕЕВ
ВЪ ПОЛОЖЕНІИ
НЕУСТОЙЧИВОГО РАВНОВЕСІЯ»

Карикатура неизвестного художника. Отклик на дискуссию в печати по поводу рассказа Андреева «Бездна». 1902—1903 годы

Почтовая открытка

Музей Горького, Москва



И я думал было так: пустить «Бездну» во второй книжке вместе с «*Анти*-бездной», которую я хочу написать в целях всестороннего и беспристрастного освещения подлецки-благородной человеческой природы [3]. Но если ты думаешь, что можно пустить ее и так — нехай идет! Кстати: говорят, что «Русские ведомости» первый раз за десять лет так крупно обругались — и честь этого пробуждения принадлежит мне!

«Петьку на даче» всажу. Но как ты решил со «Стеной»? По крайней мере, получил ли ты ее — я послал ее тебе для просмотра. Ее бы мне хотелось. На всякий случай, если ты не получал, пошлю 2-й экземпляр «Стены» Пятницкому, ибо время действительно дорого. В Москве нет уже ни одной книжки, а требовать продолжают.

Ну и успех! Разрази меня на месте, если я чего-нибудь подобного ожидал! А денег-то сколько! И как раз к свадьбе! И я себе новые штаны купил! И еще куплю — ежели захочу! Да не одни, а пар пять, и все розовые! А захочу — так и желтые!

В Петербурге говорят, что я из босяков. «Как же, вместе с Горьким калачи пекли!»

В Москве сообщают, что я «наследственный алкоголик». «Оттого и рассказы такие пишет».

По поводу «Бездны» получаю письма. Есть жалобные: «ох, зачем?», есть и здорово одобрительные. «Жмем руку»,— пишут какие-то высланные студенты.

Теперь до скорого свидания. Напишу еще.

Твой Леонид Андреев

[1] См. письмо 41.

[2] Илья Николаевич *Игнатов* (1858—1921) — писатель, историк литературы и критик. С 1893 г.— постоянный сотрудник «Русских ведомостей», в которых с 1894 г. вел литературно-критический и театральный отделы; с 1914 г.— редактор газеты. Речь идет о статье «Литературные новости», в которой Игнатов, не называя Андреева, писал о «молодом авторе, присоединившем к печальным выводам французского писателя ‹Мопассана› декадентскую страсть к невероятному и создавшем в погоне за оригинальностью образцовую гнусность». Прозрачно намекая на «Бездну», критик называл рассказ декадентским выстрелом по человеческой природе («Русские ведомости», 1902, № 17, 17 января).

«Русские ведомости» (М., 1863—1918) — буржуазно-либеральная газета; с 1905 г.— орган правого крыла партии кадетов. По характеристике Ленина, в политическом направлении «Русских ведомостей» в это время своеобразно сочетались «*правый* кадетизм с народническим налетом» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 193).

[3] О намерении «ввиду неправильного понимания и толкования „Бездны“ написать послесловие» Андреев известил также Пятницкого 12 мая 1902 г. (АГ). Обличение лицемерия буржуазной морали сближало «Бездну» с ранними вещами Андреева и вызывало положительную оценку рассказа. С другой стороны, впервые высказанный с такой откровенностью взгляд на человека как на раба низменных инстинктов означал разрыв Андреева с гуманистическими традициями русской литературы. Рассказ свидетельствовал об углублении идейного кризиса писателя, его переходе на позиции декаданса. Возмущение широкой общественности, вызванное рассказом, заставило Андреева выступить со специальным ответом критикам и читателям. «Можно быть идеалистом, верить в человека и конечное торжество добра— и с полным отрицанием относиться к тому современному двуногому существу без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось животным», в «наивном самодовольстве культурных людей, в их незнании границ собственного я (а точнее, по ницшеанской терминологии, своего „сам“) — я вижу опасность и препятствия к дальнейшему развитию и очеловечению их незавершенной природы. Человек собой довольный — человек конченный, и если у вас тонкое обоняние, в его присутствии вы услышите запах разлагающегося трупа. Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда нужно вам идти ‹...› Пусть ваша любовь будет так же чиста,как и ваши речи о ней, перестаньте травить человека и немилосердно травите зверя. Путь впереди намечен людьми-героями. По их следам, орошенным их мученической кровью, их слезами, их пóтом, должны идти люди — и тогда не страшен будет зверь. Ведь все звери боятся света» (Джемс Л и н ч. Москва. Мелочи жизни.— «Курьер», 1902, № 27, 27 января). Обсуждение в печати вызвало повышенный интерес к рассказу. «Номера „Курьера“,— сообщал Андреев Пятницкому 30 января 1902 г.,—продолжают покупаться, из провинции выписывают десятками» (АГ). 12 марта 1902 г. вышло второе издание «Рассказов» и «Новые рассказы» Андреева. В оба издания «Бездна» была включена. Отдельно рассказ выпущен в 1903 г. в Берлине на русском языке издательством Иоганна Рэде. Книга была дополнена статьей Л. Толстого о Мопассане и так называемыми «письмами» героев «Бездны». Первое из писем (якобы от имени героя рассказа Немовецкого) было написано самим Андреевым и опубликовано как «Письмо в редакцию» в «Курьере», 1903, № 8, 6 марта. Подражанием ему явились «„Письмо в редакцию“ Зинаиды Немовецкой» ‹В. Жаботинский› «„Бездна“ ли?» в «Одесских новостях», 1903, № 5918, 17 марта и письмо «босяков» «Бритого», «Рыжего» и «Высокого» (в фельетоне: О м е г а. Обо всем.— «Волынь», 1903, № 65, 10 марта).

45. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

‹Олеиз. 23 ... 27 января 1902 г.›

Душечка!

На каждое твое черномазое писание я аккуратно, как аптекарь, отвечаю, а ежели письма мои до тебя не доезжают,— вини стихии, бога, почтарей, но отнюдь не думай плохо о начальстве! [1] Хотя ты о нем ни слова мне не написал, хотя оно и почитывает тайно письма, хотя иногда оные и поворовывает,— но сие из высоких соображений,— ради наблюдения за правильностью порчи русского языка обывателями, а может и ради других каких целей, нам с тобою неведомых, но — скажем! — почтенных с точки зрения сыскной полиции. А как русское государство управляет сыскной полицией именно, то ты ее, сволочь, не ругай и на нее, стерву, не дуйся, а то она тебе задаст, ибо, между нами говоря, она, паскуда, пре-

дерзостная, а за последнее время и совсем разнуздалась. Что, впрочем, отнюдь не мешает мне считать ее первостепенным учреждением государства нашего.

Но сие пустяки, написанные мною для шутки и от веселия души моей. Разумеется, за «Бездну» будут ругать — ну и что же? Мало ли еще будут ругать тебя! С книжкой — решай, пожалуйста, скорее. Заработал ты на ней — хорошо, а на втором издании еще лучше заработаешь. Встретив Сытина — плюнь ему куда-нибудь, где у него место почище, осторожнее только, не испачкайся об него [2].

За «Бездну» ругают, ба! А ты напиши рассказ, в котором торжествовала бы добродетель, и чтобы так хорошо торжество ее на мещанского читателя подействовало — как, например, пощечина и рвотное действует. Пусть и добродетель торжествует, надо быть справедливым! Но — друг! — будь злым, будь мрачным, но — не будь пессимистом! Пессимизм — философия объевшихся, обожравшихся. Мы с тобой не очень много вкусненького накушались. Никогда в моем прошлом я не пил капли счастья, не сдобренной ядом, да и ныне тоже не очень [3]. Не будь пессимистом, клятвенно умоляю!

Почему? А прочитавши рассказ твой о чуде, мне почудилось, что конец его — не имеет того, что именуется верою в погибель мещанства. Оно не скоро сдохнет — я знаю! — лет через 1000, 2, а может быть 12 000 лет — ах, я знаю! — но — давай, товарищ, будем нарушать мир его жирной души, займемся этим по гроб жизни, как до сей поры занимались!

И — вот ты с этой точки зрения взгляни в «Бездну». Она — хорошая затрещина им, оттого они и не довольны.

Девизом нашим должно быть — не — вперед только, а — вперед и выше! [4] Мещанишко вперед ходить может, ибо это — выгодно, если не опасно, и приятно, если недорого. А выше — он не может, тяжел, сукин сын! Тяжел! Культурой он обожрался. И вот, дядя мой в розовых штанах, надо как-нибудь так изображать события, чтобы они возбуждали живого и здорового человека именно выше забираться в поступательном, естественном и необходимом помимо его воли шествии вперед.

Впрочем — ты сам имеешь нос и чутье, литературной собаке свойственное. Лучше женись скорее и приезжай. Живет у меня теперь один чёрт — великолепный экземпляр свободного человека! Объехал весь земной шар, поет тенором, гол, наг, бос, ловок, силён, умница — ох, я могу целый том написать похвал ему! [5]

До свидания.
А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Письма Горького и Андреева, по-видимому, задерживались охранкой. 15 февраля 1902 г. Андреев писал Пятницкому: «19-го поеду в Крым к Алексею Максимовичу, от которого, кстати сказать, давно не имею вестей. В Москве прошел слух, что он арестован, но, по всем данным, это чепуха. Боюсь, что письма его, ввиду моего поднадзорного положения, задерживаются» (АГ). Поводом для разговоров о новом аресте Горького послужил распространившийся по Москве слух, что Горький в связи с готовящейся Художественным театром постановкой пьесы «Мещане» тайно приехал в Москву и что 13 февраля его видели в театре на репетиции. 14 февраля 1902 г. начальник губернского жандармского управления в Симферополе генерал Трубников в ответ на запрос Московского охранного отделения телеграфировал, что Горький из окрестностей Ялтинского уезда никуда не выезжал («Дело № 80. О мещанине Алексее Максимове Пешкове».— АГ). См. также письмо 47.

[2] Об отношении Горького к Сытину — см. прим. 1 к письму 16.

[3]
Никогда в моем прошлом я не пил
Капли счастья, не сдобренной ядом —

строки, дописанные Горьким в стихотворении Скитальца «Вы сказались, бессонные ночи...». Исправленное стихотворение было 24—25 января 1902 г. отослано Горьким Пятницкому («Архив Горького», т. IV, стр. 71—72) и включено в книгу

Скитальца «Рассказы и песни», т. I. СПб., «Знание», 1902, стр. 144. См. также: Н. В. Гамалий. Редакторская деятельность А. М. Горького в издательстве «Знание» (1900—1906 годы).— «Уч. записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», 1957, т. LIV, вып. 1.

[4] См. прим. 2 к письму 6.

[5] Леопольд Антонович *Сулержицкий* (1872—1916) — театральный деятель и художник. В 1885—1888 гг. помогал В. М. Васнецову расписывать в Киеве Владимирский собор. В 1889 г. переехал в Москву и поступил в Строгановское художественное училище. Здесь через Т. Л. Толстую и организатора толстовских земледельческих колоний Е. И. Попова познакомился с учением Льва Толстого. В 1894 г. во время выпускных экзаменов исключен без диплома за революционную речь. В 1894—1895 и 1898 гг. плавал матросом, затем был рулевым. В 1895 г. за отказ принести присягу был помещен в психиатрическое отделение Московского военного госпиталя и через год сослан в Кушку. В 1898 г., по предложению Толстого, Сулержицкий сопровождал в Канаду две партии духоборов, преследуемых царским правительством. В 1900 г. познакомился в Крыму с Чеховым и Горьким. Выполняя поручение Горького, ездил в Швейцарию за шрифтом для подпольной типографии («Ежегодник МХАТа за 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 342). 9 мая 1902 г. был арестован в Москве как участник транспортирования в Россию «Искры» и по обвинению в принадлежности к социал-демократическому кружку. До окончания разбора дела выслан под гласный надзор полиции в Ново-Константинов Подольской губ. Приговором суда оправдан через полтора года. Горький оказывал сосланному Сулержицкому денежную помощь, поддерживал его замысел написать воспоминания о путешествии в Канаду. Получив от Сулержицкого рукопись, он в январе — марте 1903 г. правил ее. Под заглавием «В Америку с духоборами» очерк вышел отдельным изданием в «Посреднике» в 1905 г., а антимилитаристский очерк «Путь» — впечатления о поездке из Москвы до Харбина — опубликован Горьким в 1906 г. в сборнике «Знание», кн. 9. С 1905 г. Сулержицкий начинает работать в качестве режиссера Художественного театра; с 1912 г. становится руководителем Студии Художественного театра. Вскоре после смерти Сулержицкого, в конце декабря 1916 г. или в начале января 1917 г. Горьким были написаны воспоминания о нем, предназначавшиеся для «Летописи». Впервые опубликованы в кн.: М. Горький. Литературные портреты. М., Гослитиздат, 1959, стр. 92—101. Переписку Горького с Сулержицким — см. «Новый мир», 1961, № 6, стр. 171—194 (уже после этой публикации в Архив Горького поступило письмо Сулержицкого к Горькому 1902 г., посвященное премьере «На дне» в Московском Художественном театре).

С Андреевым Сулержицкий познакомился у Горького в Крыму на даче «Нюра» 10 марта 1902 г. (см. письмо Сулержицкого к О. И. Поль от 13 марта 1902 г.— АГ). В 1907 г. вместе со Станиславским Сулержицкий осуществил на сцене Художественного театра постановку драмы Андреева «Жизнь человека». Написанный Андреевым некролог Сулержицкого напечатан в «Русской воле», 1916, № 5, 19 декабря.

46. ИЗ ПИСЬМА АНДРЕЕВА — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 1 февраля 1902 г.〉

...Числа 20-го приеду к тебе. Третьего дня, ночью, был у меня обыск — одна полиция без жандармерии[1]. Искали весьма поверхностно. Курьез— пристав говорит: «А вы, как я слыхал, изволите писать в том же духе, что и М. Горький?» — Как вам сказать?..— «А хорошо пишет!» — Потом берет письма и смотрит подпись: Пешков. А!.. Мой однофамилец какой-то! С пренебрежением бросил, и ни одного письма за подписью «Пешков» не стал читать. Иллюстрация на тему о вреде просвещения. Обязали подпиской о невыезде — не знаю, пустят ли? [2] Были в ту ночь аресты...

Дата письма взята из дела Московского охранного отделения «О помощнике присяжного поверенного Леониде Николаеве Андрееве, Н. Д. Телешове и Степане Гаврилове Петрове» (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902).

Это письмо, по-видимому, не дошло до Горького (см. письмо 50).

[1] По предписанию московского обер-полицеймейстера обыск на квартире Андреева был произведен в ночь на 31 января 1902 г. Причиной обыска послужила связь Андреева с участниками нелегального собрания, состоявшегося у члена исполнительного студенческого комитета Московского университета А. И. Колмогорова. На сходке у Колмогорова 27 января исполнительный комитет разработал план проведения политической антиправительственной демонстрации, назначенной на 9 февраля, с уча-

стием рабочих. Протокол свидетельствует: «По тщательности обыска всех находящихся в квартире Андреева вещей ничего навлекающего какое-либо сомнение не обнаружено. Никаких переписок сомнительного свойства, а равно и фотографий не обнаружено» (там же, л. 6 об.).

[2] Датированная 31 января 1902 г. подписка Андреева о невыезде из Москвы хранится в том же деле (л. 7).

47. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 8 февраля 〈1902 г.〉

Милый Алексей! Побаиваюсь, что мне не дадут увидеть тебя — не выпустят из Москвы. Подал прошение, но результатов что-то нет [1]. Хотя какой им расчет удерживать в Москве неблагонадежную личность в такие неблагонадежные времена?

Время же действительно неблагонадежное — именно время. Что-то порвалось, что-то лопнуло, колесо соскочило с рельсы, песчинка попала в механизм — чёрт его знает, что там случилось, но все идет на развалку. Не удержишь. Скрипит, бурлит; нелепость там, нелепость здесь; люди не знают, что будет завтра, всего ждут — и все возможно. Мера вещей утеряна. Анархия в самом воздухе. Обыватель соскочил с полочки, удивлен, растерян и искренне позабыл, что́ дозволено и не дозволено, что́ можно и чего нельзя. А теперь уже и удивляться перестает — признак для порядка самый опасный.

Тюрьмы и части переполнены. Обыскивают, хватают, возят и перевозить не могут. Они думают, что сила в каких-то пресловутых вожаках. Пустое. Пока сила была в вожаках, они могли сидеть спокойно. Пусть-ка они вот что изловят: приходит к одному адвокату административно-высланный рабочий, проживающий без паспорта.— Вы бы уехали,— советует адвокат.— «Да погожу до девятого — может, наша возьмет. Тогда и уезжать незачем». — Так это просто: наша возьмет! А то еще: ходит по всем редакциям невзрачный сотрудничек невзрачной газетки и серьезно предлагает — всем газетам сговориться и 9-го, вместо передовой о том, откуда у мужика ноги растут, выпустить воззвание к народу. И редакторы — время! — вместо того, чтобы закричать караул, вежливо колеблются и виновато отказываются.

И все эти аресты создают только одно: страшное возбуждение. Масса положительно гипнотизируется. Создаются слухи, легенды — и все им верят. Любопытство возбуждено до крайней степени — а в психологии массовых движений оно страшная сила. Пойдет поглазеть, а уж как только попал в толпу — капут!

Что будет завтра — не знаю. Но не думаю, чтобы обошлось мирно. Разве только верны те слухи, по которым генеральная рабочая демонстрация и возложение венка на памятник Александру II назначены на 19-е. Тогда силы разобьются [2].

В университете, по рассказам, разладица. Временные правила — внесли несогласие и образовали партии. Большинство, кажется, хочет выделить студенческое движение из общенародного. Многие за то, чтобы подождать как скажутся правила практически. Начальство хочет допустить сходку, предложить актовый зал и уговаривать не выносить беспорядков на улицу.

Увидим, что будет!

Твои «Мещане» в Москве не пойдут. Повезут в Петербург [3] и там начнут — говорил мне Вишневский [4]. На генеральной репетиции будет Шаховской, чтобы почеркать в настроении [5]. Постараюсь побыть на репетиции, и если отпустят, привезти тебе свеженький отчет [6]. Работают над пиесой здорово и ждут успеха.

От Пятницкого что-то нет вестей [7]. Для второго издания самое время. Поверишь ли — книжка моя перепродается сейчас по 3 целковых!

Послезавтра, 10-го, женюсь, т. е., вероятно, женюсь. Ну и вовремя! А тут еще болен — жестокая инфлуэнца.

Крепко жму руку.

Твой Леонид Андреев

Думаю быть у тебя числа 22—23-го.

На письме помета Пятницкого: «1902».

[1] 5 февраля 1902 г. Андреев подал прошение московскому обер-полицеймейстеру о разрешении 15 февраля «по обстоятельствам семейного характера выезда из Москвы на один месяц» в г. Остер Черниговской губ. и Одессу. О разрешении выехать из Москвы Андрееву было сообщено телеграммой через пристава 12 февраля (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 16).

[2] Студенческий исполнительный комитет объединенных организаций и землячеств, принявший решение провести 9 февраля 1902 г. массовую политическую демонстрацию с участием рабочих, распространял прокламацию «К товарищам рабочим!» и вел переговоры о совместных действиях с представителями рабочих организаций. Серьезно обеспокоенные власти поторопились предпринять ряд энергичных мер, чтобы предотвратить манифестацию и помешать объединению студенческого движения с рабочими. В ночь с 30 на 31 января был арестован первый состав исполнительного комитета, 5—6 февраля та же участь постигла второй состав комитета и видных руководителей революционных кружков (всего был арестован 81 человек). 9 февраля с утра войска оцепили бастующие фабрики и здание университета. Полиция задержала участников студенческой сходки, собрала их в помещении манежа и «препроводила» в пересыльную тюрьму (около 218 человек). 19 февраля, в день годовщины отмены крепостного права, в Кремле произошла инспирированная зубатовцами церемония возложения «от рабочих» венка на памятник Александру II. Этот эпизод Горький изобразил в «Жизни Клима Самгина».

[3] Премьера «Мещан» состоялась 26 марта 1902 г. во время гастролей Художественного театра в Петербурге.

[4] Александр Леонидович *Вишневский* (1861—1943) — с 1898 г. артист Художественного театра, заслуженный деятель искусств. В постановке «Мещан» не участвовал. Первый исполнитель роли татарина в драме «На дне» (1902—1903). Впоследствии играл в пьесах Андреева — Некто в сером в «Жизни человека» (1907—1908) и Давида Лейзера в «Анатэме» (1909—1910).

[5] Николай Владимирович кн. *Шаховской* (1856—1906) с 1 января 1900 по 25 апреля 1902 г.— председатель Главного управления по делам печати. О постановке «Мещан» в Художественном театре — см. Собр. соч. К. С. Станиславского, т. I. М., 1954, стр. 251—254.

[6] 20 февраля 1902 г. Андреев писал Пятницкому: «Вчера был на генеральной репетиции „Мещан", пьеса прекрасная, исполняется превосходно со всем мастерством Художественного театра. Успех будет несомненный» (АГ). Статья Андреева о постановке напечатана с цензурными пропусками в «Курьере», 1902, № 89, 31 марта. Полный текст публикуется впервые в настоящем томе.

[7] 12 февраля Пятницкий выслал Андрееву вместе с письмом корректуру рассказов «В подвале» и «Петька на даче».

48. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 10 [illegible]я 〈1902 г.〉

Плохая, друже, свадьба. Вчера пропал без вести мой брат (художник); вероятно сидит в Бутырках [1]. Маменька моя воет.

Вчера ничего существенного не было. Университет постановил забастовку; против демонстрации большинство [2]. Была сходка — немногочисленная. К ней потом примкнула толпа — неорганизованная, больше из любопытства. Центр города занят войсками и казаками; улицы оцеплены, так что увеличиваться толпе было затруднительно. Хватали правого и виноватого и волокли в манеж. Набили его битком, а ночью переводили и перевозили в 〈тюрьму〉*. Встретил я несколько черных и длинных, как гроба, карет под сильным конвоем казаков — и заплакал. Тошно.

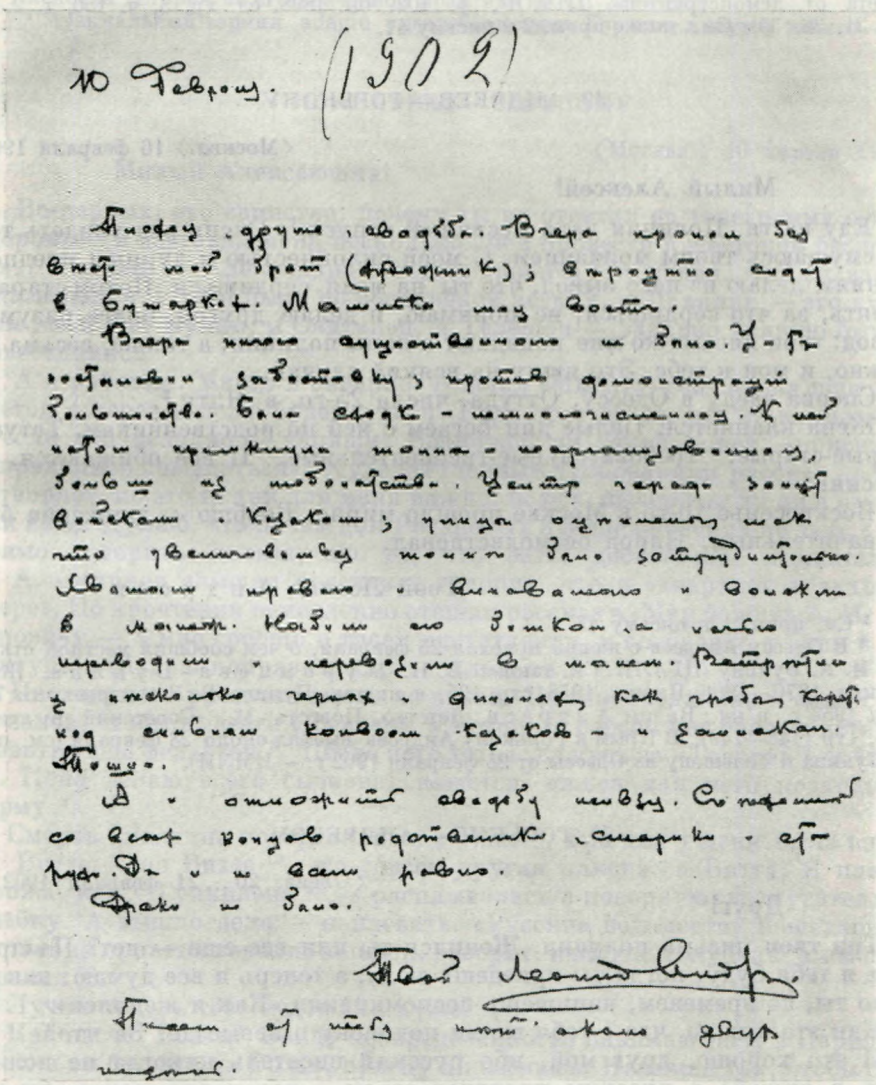
* *В автографе явная описка*: в манеж.—*Ред.*

А и отложить свадьбу нельзя. Съехались со всех концов родственники, старики и старухи. Да и не все ли равно.

Драки не было.

Твой Леонид Андреев

Писем от тебя нет около двух недель.



АВТОГРАФ ПИСЬМА АНДРЕЕВА К ГОРЬКОМУ ОТ 10 ФЕВРАЛЯ 1902 г.
Архив Горького, Москва

На письме помета Пятницкого: «1902».

[1] См. прим. 2 к письму 13. За участие в студенческих беспорядках Павел Андреев вместе с другими учениками Строгановского училища был задержан при полицейском участке на четырнадцать дней («Приказы по московской полиции». Из приказа на 14 февраля за № 45.—«Ведомости москов. городской полиции», 1902, № 43, 11 февраля).

[2] 12 февраля 1902 г. Андреев писал в Ялту Л. В. Средину: «Воскресенье 10-го в Москве прошло совершенно мирно, хотя было много арестов на улице: полиция хватала

всякого мало-мальски длинноволосого или останавливавшегося для своей надобности. Забирали и младенцев. Высшие женские курсы временно закрыты ввиду забастовки. О закрытии университета совещаются сегодня на экстренном собрании профессоров и деделей («Дон», 1962, № 3, стр. 188—189). По официальным данным, в Москве 10 февраля 1902 г. было арестовано на улицах 292 человека, в том числе 73 женщины. Министр внутренних дел передал московскому губернатору в. к. Сергею Александровичу благодарность Николая II «по поводу распорядительности московской администрации и полиции ‹...› и быстрых и решительных мер по очищению университета от демонстрантов» (ЦГАОР, ф. 102, оп. 1898, ед. хр. 3, ч. 150, т. 2, «А», лл. 21, 38, 39). См. также прим. 2 к письму 47.

49. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

‹Москва.› 16 февраля 1902 г.

Милый Алексей!

Еду на тя. Полиция дала месячный отпуск [1]. Очень рад увидеть тебя, но смущаюсь твоим молчанием. С моей склонностью к дурным предположениям делаю из него вывод, что ты на меня сердишься. Потом стараюсь понять, за что сердишься, не понимаю, и делаю другой, более разумный вывод: твои письма ко мне попадают в лапы полиции, а также, весьма возможно, и мои к тебе. Это пишу на всякий случай.

Сперва заеду в Одессу. Оттуда, числа 25-го, в Ялту [2].

Жена кланяется. Целые дни бегаем с ней по родственникам. Тетушки старые-старые, требовательные-требовательные. И всё обижаются. Комиссия!

Воскресенье 10-го в Москве прошло мирно. Вообще — движение было незначительным. Народ безмолвствовал.

Твой Леонид Андреев

[1] См. прим. 1 к письму 47.

[2] В Одессу Андреев с женой приехал 25 февраля, о чем сообщил местной открыткой И. А. Бунину (ЦГАЛИ. См. также: В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 135, и письмо Бунина В. Л. Андрееву от 7 января 1953 г. в кн.: Вадим Андреев. Детство. Повесть. М., «Советский писатель», 1963, стр. 148—149). В Крым к Горькому Андреев выехал около 28 февраля (см. письмо Бунина к Телешову из Одессы от 28 февраля 1902 г.— ИМЛИ).

50. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

‹Олеиз. 20 ... 21 февраля 1902 г.›

Друг!

Три твои письма получил. Женился ты или все еще — нет? Поздравлять я тебя буду, когда ты приедешь сюда, а теперь я все думаю: как хорошо ты, со временем, напишешь воспоминания «Как я женился».

Как это вышло, что с тебя взяли подписку о невыезде? За что?

И это хорошо, друг мой, ибо русский писатель никогда не должен жить в дружбе с русским правительством — все равно каково бы оно ни было: самодержавное, конституционное или — даже! — республиканское[1]...Ибо во всех трех формах оно будет у нас — по существу своему — одинаково дрянно. Потому — мещанское.

Ну, ладно, не будем говорить о политике, ибо за сие может нам быть сквернее, чем есть.—Вот что: числа 23—‹2›4, т. е. в тот же день, как и ты, едет в Ялту из «Флоренции» с Тверской доктор Александр Алексин, мой приятель [2]. Валяй вместе! Он интересный зверь.

Adagio! [3] А. Пешков

Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Имеется в виду буржуазно-республиканское правительство.

[2] Александр Николаевич *Алексин* (1863—1925)— старший врач земской больницы в Ялте. Познакомился с Горьким в Алупке в феврале 1897 г. во время пребывания писателя в пансионе В. И. Токмаковой («Летопись», I, стр. 192). Алексин лечил больного туберкулезом Горького и очень сблизился с ним. После смерти Алексина Горьким были написаны оставшиеся незавершенными воспоминания о нем (XIV, 317—322. См. также очерк Горького «Леонид Красин» — XVII, 56—57). В 1924 г. Горький закончил рассказ «Голубая жизнь», материалом для которого послужила услышанная от Алексина история из его врачебной практики (XVI, 227—282).

[3] Музыкальный термин adagio употреблен здесь Горьким в шутку вместо addio.

51. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 10 апреля 1902 г.

Милый Алексеюшка!

Во-первых, это свинство: почему ты не ответил на телеграмму о твоем здоровье [1] и заставил меня несколько дней провести в жестоком беспокойстве? Только от Александра Александровича [2] я узнал, что ты здоров. Оказывается, у тебя было не воспаление легких, а Шаляпин — это лучше. Там же и Ив. Бунин, и Скиталец, и Телешов — здорово должно быть вы повеселились [3].

А я работаю. Много и скверно. Кончил «Мысль»; сейчас она переписывается и через неделю будет у тебя. Будь другом, прочти ее внимательно и если что неладно — напиши. Возможен ли такой конец: «присяжные отправились совещаться»? Художественным требованиям рассказ не удовлетворяет, но это не так для меня важно: боюсь, выдержан ли он в отношении идеи. Думаю, что почвы для Розановых и Мережковских не даю; о боге прямо говорить нельзя, но то, что есть, достаточно отрицательно. А. А. Смирнов слышал рассказ и говорит, что я «анархист в духовной сфере». По прочтении немедленно отошли рассказ в «Мир божий» А. И. Богдановичу — а мне сообщи о твоем впечатлении, и сообразно с коим в корректуре я сделаю поправки или дополнения [4].

Пасхального рассказа моего не читай. Дрянь, сделанная в одни сутки на заказ, чтобы вывезти «Курьер», у которого совсем нет беллетристики [5]. А завтра еще фельетон [6]. После него тотчас сажусь за «Тенора» [7] и за попа. Попа делаю всего сызнова; кажется, нашел для него подходящую форму [8].

Смерть Сипягина повергла меня в ужас [9]. Три дня у меня была пляска св. Витта — не Витте [10], это совсем другая пляска, а Витта. Я плакал, а рожа, как у Гуинплена [11],— расплывалась в позорную, возмутительную улыбку. А вышло дело — наплевать. «Русские ведомости» шепотком, но явственно приветствовали: наплюй, говорят, наплюй, голубчик, а мы опять утремся [12].

Лучше теперь тебе будет или хуже?

Как насчет Волги? Ввиду неопределенности нанимаю дачу в Царицыне, но если ты будешь на Волге, приеду и поселюсь. Нанимай так, чтобы сдать мне две комнаты.

Крепко поцелуй от меня всех ближних. Не посылаю книжек — ей-богу, некогда надписать.

Жена крепко кланяется.

Твой Леонид Андреев

[1] Телеграмма не сохранилась.

[2] А. А. Смирнов. См. о нем прим. 5 к письму 23.

[3] О приезде в Олеиз Телешова и Бунина Горький известил Пятницкого 4 апреля («Архив Горького», т. IV, стр. 76). Несколько позже в гости к Горькому приехали Шаляпин и Скиталец («Летопись», I, стр. 380).

[4] Рассказ «Мысль» впервые опубликован в «Мире божьем», 1902, № 7, отд. I, стр. 122—159. Отзыв Горького о нем см. в письме 55.

[5] Речь идет о рассказе «Весной». С подзаголовком «Эскиз» напечатан в «Курьере», 1902, № 103, 14 апреля.

[6] 7 апреля 1902 г. в № 96 «Курьера» был опубликован большой фельетон Андреева (Джемса Линча) «Москва. Мелочи жизни», в котором он рассказывал о своей поездке на юг и встрече с Горьким в Олеизе («На юге» — ПССА, т. VI, стр. 249—253). По требованию цензора фамилия Горького, находившегося под гласным надзором, была в корректуре вычеркнута. Следующий фельетон Андреева из этого цикла напечатан в «Курьере» только 28 апреля (№ 110).

[7] Рассказ «Тенор» был закончен Андреевым в марте 1902 г. Отослать его в «Журнал для всех» он предполагал к 15 апреля. Однако работа затянулась. «Приехавши с Волги,— писал он Миролюбову,— уселся работать над предназначенным вам рассказом „Тенор", работал здорово, кончил третьего дня — и увидел, что вещь никуда не годится. Обидно за потраченный труд, а всего обиднее за неисполненное обещание. А рассказ большой — печатный лист» (ЛА, вып. 5, стр. 94). На решение Андреева не печатать «Тенора» повлиял отзыв Горького (см. письмо 66). Впоследствии Андреев использовал рассказ «Тенор» в работе над пьесой «Gaudeamus». Рассказ опубликован (не полностью) в «Неделе», 1962, № 50, 9—15 декабря, стр. 6—7 и 23.

[8] Подразумевается начальная редакция рассказа Андреева «Жизнь Василия Фивейского». Полностью работа над ним была завершена 19 ноября 1903 г. С посвящением Шаляпину рассказ был опубликован в сб. «Знание», кн. 1, 1904.

[9] Дмитрий Сергеевич *Сипягин* (1853—1902) — в 1891—1893 гг. московский губернатор; с октября 1899 г.— министр внутренних дел и шеф жандармов. Крайний реакционер, вел жестокую борьбу с освободительным движением в России. 2 апреля 1902 г. был убит студентом С. В. Балмашевым, членом «Боевой организации» эсеров.

[10] Сергей Юльевич *Витте* (1849—1915) — видный государственный деятель, убежденный сторонник самодержавия. С 1892 по 1903 г.— министр финансов; с октября 1905 по апрель 1906 г.— председатель Совета министров.

[11] Герой романа Виктора Гюго «Человек, который смеется».

[12] По-видимому, имеется в виду подобострастный по тону некролог Д. С. Сипягина в «Русских ведомостях», 1902, № 93, 4 апреля.

52. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 10 ... 15 апреля 1902 г.〉

Милая моя Леонида!

Спасибо, но — жаль.

Жаль и того, что «Писатель» распространился в этой редакции, когда имеется другая, почище [1].

Замечание о исходной точке — правильно, сам это знаю. Историю эту с театром связывать не надо [2].

Скиталец поет: «Я невесту сопро-о-о-вожда-а-аю!» Она у нас однажды была, а дважды не была [3].

Жму брюхо. А. Пешков

Датируется предположительно по времени пребывания Скитальца у Горького в Олеизе.

[1] Речь идет о написанном осенью 1900 г. и отпечатанном на гектографе в марте 1901 г. в Москве рассказе Горького «О писателе, который зазнался». 6 ноября 1901 г. Горький прочитал рассказ на прощальном банкете, устроенном в его честь нижегородской интеллигенцией по случаю отъезда писателя из Нижнего-Новгорода в Крым («Летопись», I, стр. 340—341). Отчет об этом банкете напечатан в «Искре», 1902, № 15, 15 января. Рассказ читался в революционных кружках молодежи, расходился в рукописных списках и с 1902 г. включался в заграничные сборники запрещенных произведений Горького (см., например: М. Горький. Запрещенное, Берлин, изд. Гуго Штейница, 1902, и др.). При перепечатках была допущена произвольная перестановка отдельных строк. Андреев, по-видимому, послал Горькому одно из таких изданий.

[2] Письмо (или сопроводительная записка) Андреева не сохранилось. Содержание рассказа иногда действительно связывалось с инцидентом в Художественном театре (см. прим. 1 к письму 10). Так, опубликовав рассказ «О писателе, который зазнался» по недосмотру цензуры, газета «Русский Туркестан» (Ташкент, 1901, № 211 и 215, 31 октября и 4 ноября) в редакционном примечании объясняла, что произведение это «является ответом Горького на ту массу газетных толков, которые вызваны были случаем с ним в одном из московских театров».

[3] Скиталец женился в 1903 г. на дочери симбирского купца и общественного деятеля — Александре Николаевне Ананьевой (ум. 1917).

53. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 14 апреля 〈1902 г.〉

Алексеюшка, милый — когда прочтешь «Мысль», немедленно пришли ее *мне*. Дело вот в чем. Был у меня Миролюбов и передал, что «Русское богатство» очень нуждается в беллетристике и Михайловский очень просит

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ (ВЕЛИГОРСКОЙ)
Фотография, Одесса, февраль 1902 г.
Музей Горького, Москва

меня дать что-нибудь. К этому Миролюбов присоединил рассуждение об относительных достоинствах «Мира божьего» и «Русского богатства», упомянул о корректности Короленко — ты знаешь, что он вышел из Академии? [1] — и сделал основательный вывод, что «Мысль» я должен дать не «Миру божьему», а «Русскому богатству». И я с ним вполне согласен, но:

1) Неизвестно, понравится ли Михайловскому рассказ в его основной идее [2].

2) Из «Мира божьего» я получил аванс — 200 рублей.

3) Богданович неоднократно просил меня о рассказе, и я обещал, упомянув, что он будет называться «Мысль» [3].

4) В конце апреля я хотел дать «Русскому богатству» рассказ о попе («встань и ходи») [4].

Посему дня через четыре я еду в СПб., прочту Михайловскому «Мысль», и если она ему *очень* понравится, отдам ему, а Богдановичу — попа. При этом совру что-нибудь.

Теперь скажи — одобряешь ли все сие или нет? Мне кажется, что ты на стороне «Русского богатства», почему я и намереваюсь действовать так решительно.

Рассказ пришли мне по адресу: Москва, Б. Грузинская, д. Перельман.

Пиши. Крепко жму руку.

Твой Леонид Андреев

[1] Имеется в виду демонстративный отказ Короленко и Чехова от звания почетных академиков в связи с отменой избрания Горького в Академию наук («Летопись», I, стр. 371; А. Б. Дерман. Академический инцидент. Симферополь, 1928; А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. XIX. М., 1950, стр. 325).

[2] «Мысль» была отклонена Михайловским (см. прим. 6 к письму 31), поэтому предполагаемая поездка Андреева в Петербург не состоялась (см. письмо 56).

[3] В письме к Ф. Д. Батюшкову от 19 июля 1902 г. Андреев просил погасить полученный им аванс 100 руб. из гонорара за опубликованный в июльском номере рассказ «Мысль». В том же письме он напоминал А. И. Богдановичу о высылке 25 оттисков рассказа и обещал свое новое произведение передать «Миру божьему» около сентября (ГПБ, архив Ф. Д. Батюшкова, ед. хр. 2). Однако «Мысль» — единственное произведение Андреева, опубликованное в этом журнале.

[4] «Жизнь Василия Фивейского». См. о нем прим. 8 к письму 51.

54. ГОРЬКИЙ И СКИТАЛЕЦ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Кореиз. 17 апреля 1902 г.⟩

Прочитали. Поздравляем. Хорошо [1].

Скиталец. Пешков

⟨*Адрес:*⟩ Москва. Петровские линии. Редакция газеты Курьера. Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке.

[1] Речь идет о рассказе Андреева «Мысль», прочитанном Горьким и Скитальцем в рукописи. См. письмо 55.

55. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Олеиз. 18 ... 20 апреля 1902 г.⟩

Рассказ хорош. Леонид Андреев свой человек в области неизвестного, и пропасти черных тайн посещаются им столь же легко и свободно, как Скитальцем — трактиры для простонародья. Ничего! «И в железные сердца — бей!» [1] «Вот смысл философии всей!» [2] Пускай мещанину будет страшно жить, сковывай его паскудную распущенность железными обручами отчаяния, лей в пустую душу ужас! Если он все это вынесет — так выздоровеет, а не вынесет, умрет, исчезнет — ура!

Но это все — потом. Рассказ послан, корректуру получишь. Просмотри внимательно 4-й лист, не найдешь ли там чего-либо лишнего. Что-то длинно, есть повторения, кажется. Затем: голубчик! — обязательно уничтожь или переделай конец. Это — необходимо. Пускай конец имеет несколько строк, в которых главное место займет страшное слово — «*н и ч е г о*». «Когда, на суде, председатель обратился к обвиняемому и т. д., доктор Керженцев посмотрел на него, на публику,— на всё — какими-

то слепыми, холодными глазами и спокойно,— спокойно!— холодным голосом сказал — *н и ч е г о*!»

Поверь мне, друг,— это слово должно быть последним словом рассказа, именно это слово! Присяжные, суд, публика, вопросы — все лишнее! Все это пустяки — ты подумай-ка! [3]

Писать более убедительно не могу, а более длинно — не буду. Крепко жму руку, очень крепко. Жене поклон.

А. П е ш к о в

Да, забыл! Третье издание печатается, второе разошлось. Третье вали в 10 000 [4]. Входи пайщиком в «Знание», право, это следует сделать! [5] Целее деньги будут и голос получишь в деле снабжения рынка книгами.

Датируется по соседним письмам.

[1] Цитата из стихотворения Скитальца «Кузнец» (С к и т а л е ц. Рассказы и песни, т. I. СПб., 1902, стр. 273).

[2] Цитата из стихотворения Генриха Гейне «Теория» («Doctrine», 1842). В России получило широкую известность в переводе А. Н. Плещеева («Возьми барабан и не бойся...»). Понравившуюся первую строфу стихотворения Горький на память воспроизвел в дарственной надписи Андрееву на экземпляре «Мещан» (см. настоящий том, стр. 479). В 1907 или 1908 г. в письме к А. Н. Тихонову с Капри Горький называет эту строфу «лозунгом литератора» (XXIX, 86).

[3] В первой публикации рассказ заканчивался следующим образом: « — Обвиняемый! Что вы имеете сказать в свое оправдание? Доктор Керженцев встал. Тусклыми, словно незрячими глазами он медленно обвел судей и взглянул на публику. И те, на кого упал этот тяжелый невидящий взгляд, испытали странное и мучительное чувство: будто из пустых орбит черепа на них взглянула сама равнодушная и немая смерть.

— Ничего.—Присяжные заседатели удалились в комнату совещаний» («Мир божий», 1902, № 7, отд. I, стр. 159). В последующих публикациях «Мысли» заключительная фраза была снята автором по совету Горького.

[4] Третье издание «Рассказов» Андреева вышло в «Знании» 5 августа 1902 г. тиражом в 8000 экз.

[5] Пайщиком «Знания» Андреев не стал.

56. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 26 ... 30 апреля 1902 г.〉

Жаль, что о своем проезде через Москву ты не известил меня раньше хотя бы телеграммой [1] — по крайне неприятной случайности в этот день я уехал в Царицыно нанимать дачу и вернулся только поздно ночью. Дачу нанял.

Поздравляю тебя с Нижним. Рад за тебя всей душою. Как насчет нашего совместного жития и совместного творчества? «Курьер» со свойственной ему выразительностью пишет, что ты намерен поселиться «на обоих берегах Волги» — возможно ли это?[2] По-моему, невозможно. Но если поселишься на каком-нибудь одном, запаси для меня и жены одну-две комнатки.

Относительно «Мысли», конца ее, ты всеконечно прав. *Ничего*. Так и напишем. Это ты очень хорошо заметил [3].

Поездка в СПб.— ни к чему. Михайловскому не понравилась «Мысль». Говорит: искусственно и непонятно, что собственно хочу я сказать. Решил, что «Попа» я отдам ему [4], а «Мысль» в «Мир божий».

Пятницкий очень хороший человек. Говорили с ним о том, чтобы я вошел в «Знание».

Целую тебя и жму руку Екатерине Павловне. Жена — поклон.

Твой Л е о н и д

Ответь, чтобы я знал, куда писать. С квартиры я уезжаю — пиши на «Курьер».

Датируется по содержанию. На письме помета Пятницкого: «1902».

[1] 25 апреля 1902 г., возвращаясь из Крыма в Нижний-Новгород, Горький провел день в Москве («Летопись», I, стр. 382).

[2] Официальный срок пребывания Горького в Крыму истек 15 апреля, но еще 14 апреля газета «Курьер» (№ 103, отдел «Внутренние известия») сообщила о переезде писателя из Ялты в Нижний-Новгород.

[3] См. прим. 3 к письму 55.

[4] В начале апреля 1902 г. Андреев писал Михайловскому: «Женился, съездил в Крым, только что вернулся и вплотную сел за работу. Рассказ, предназначенный для „Русского богатства" (называется „О. Василий"), написан, остается отделать. Пришлю его к 15—20 апреля, а может быть и раньше ⟨...⟩ как позволит газетная канитель» (ЛА, вып. 5, стр. 52). Андреев не сразу остановился на имени главного героя. По-видимому, на него большое впечатление произвела трагическая смерть от тяжелого заболевания мозга Василия Михайловича Фивейского (1873—1903), старшего санитарного врача в Нижнем-Новгороде. Его похороны совпали с приездом в Нижний-Новгород Андреева в феврале 1903 г. Одно время Андреев думал назвать героя рассказа Василием Чагиным (см. факсимиле первой страницы рукописи в кн.: Л. Н. Андреев. Жизнь Василия Фивейского. ⟨СПб.⟩, изд. журн. «Пробуждение», ⟨1908⟩), затем Василием Предтеченским (см. письмо к Пятницкому от 24 июня 1903 г.— АГ).

57. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Арзамас. 9 ... 10 мая 1902 г.⟩

Напиши мне письмо в Арзамас, а я тебе отвечу.

Хотел ты, чёрт, прислать мне книгу свою в хорошем переплете и — не прислал. Эх ты!

Дарю тебе за это Хеопсову пирамиду, носи ее вместо шляпы [1]. Не благодари, не стóит! Пишешь? Пиши! Я пишу [2]. Хотя — чернила скверные.

Напиши. Здесь, брат, хорошо.

А. Пешков

Датируется временем приезда Горького в Арзамас — 9 мая 1902 г. («Летопись», I, стр. 385).

[1] По-видимому, речь идет об изданной «Знанием» книге немецкого астронома и популяризатора Германа Клейна «Астрономические вечера» (СПб., 1900), которой Горький в это время увлекался (на третьей странице книги, в главе «Астрономия Востока», воспроизведено изображение древней египетской пирамиды). 8—9 мая 1902 г. Горький сообщал Пятницкому: «Читаю Клейна — прекрасная книга!» («Архив Горького», т. IV, стр. 79). См. также прим. 2 к письму 102.

[2] В Арзамасе Горький продолжал работать над пьесой «На дне», задуманной в 1900 г. и начатой в конце 1901 г.

58. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Арзамас. 12 ... 18 мая 1902 г.⟩

Леонид!

Ты пишешь?

Твой Алексей

Датируется предположительно.

59. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

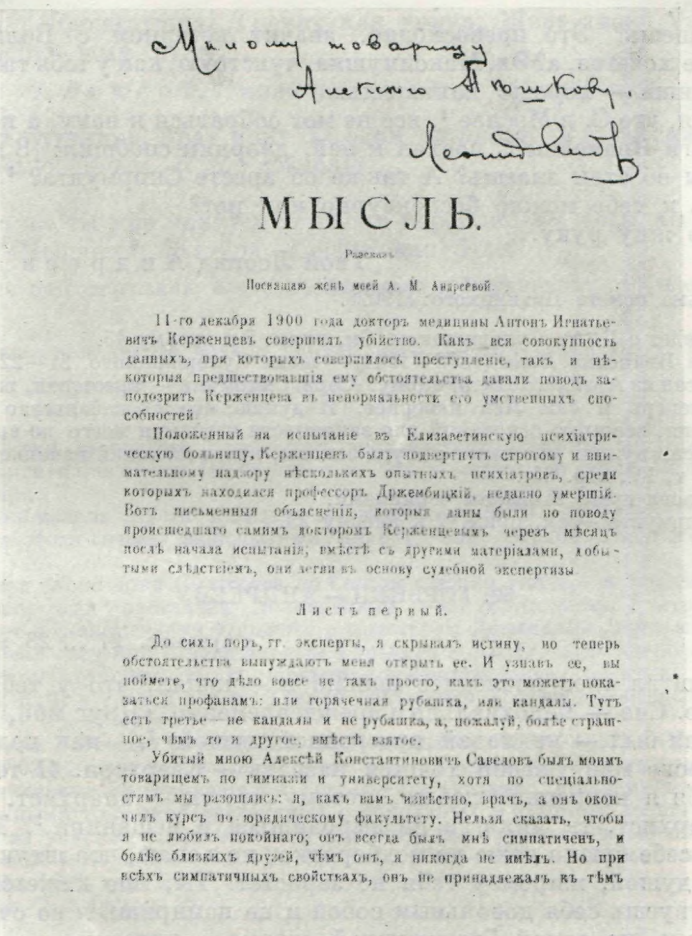
⟨Царицыно.⟩ 20 мая ⟨1902 г.⟩

Милый Алексеюшка! Много времени я отдаю решению вопроса, который тебе, быть может, покажется праздным: друг ты мне или не друг? Ты относишься ко мне хорошо; хвалишь мои рассказы, обнаруживаешь интерес к моей личной жизни; ты устроил мне финансовое благополучие и как твой друг я проскользнул в те широкие ворота, которые пробил ты в

равнодушии публики. Многие и до сих пор уважают меня только за то, что я близок к тебе.

Без тебя меня не было бы — это факт. Но было вопросом и особенно стало им: друг ты мне или нет?

Ты сам легко восстановишь все то множество *мелочей*, которые приводят меня — почти наверняка — к отрицательному ответу. Словно ты



Милому товарищу
Алексею Пешкову.
Леонид Андреев

МЫСЛЬ.

Разсказъ.

Посвящаю женѣ моей А. М. Андреевой.

11-го декабря 1900 года докторъ медицины Антонъ Игнатьевичъ Керженцевъ совершилъ убійство. Какъ вся совокупность данныхъ, при которыхъ совершилось преступленіе, такъ и нѣкоторыя предшествовавшія ему обстоятельства давали поводъ заподозрить Керженцева въ ненормальности его умственныхъ способностей.

Положенный на испытаніе въ Елизаветинскую психіатрическую больницу, Керженцевъ былъ подвергнутъ строгому и внимательному надзору нѣсколькихъ опытныхъ психіатровъ, среди которыхъ находился профессоръ Држембицкій, недавно умершій. Вотъ письменныя объясненія, которыя даны были по поводу происшедшаго самимъ докторомъ Керженцевымъ черезъ мѣсяцъ послѣ начала испытанія; вмѣстѣ съ другими матеріалами, добытыми слѣдствіемъ, они легли въ основу судебной экспертизы.

Листъ первый.

До сихъ поръ, гг. эксперты, я скрывалъ истину, но теперь обстоятельства вынуждаютъ меня открыть ее. И узнавъ ее, вы поймете, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться профанамъ: или горячечная рубашка, или кандалы. Тутъ есть третье — не кандалы и не рубашка, а, пожалуй, болѣе страшное, чѣмъ то и другое, вмѣстѣ взятое.

Убитый мною Алексѣй Константиновичъ Савеловъ былъ моимъ товарищемъ по гимназіи и университету, хотя по спеціальностямъ мы разошлись: я, какъ вамъ извѣстно, врачъ, а онъ окончилъ курсъ по юридическому факультету. Нельзя сказать, чтобы я не любилъ покойнаго; онъ всегда былъ мнѣ симпатиченъ, и болѣе близкихъ друзей, чѣмъ онъ, я никогда не имѣлъ. Но при всѣхъ симпатичныхъ свойствахъ, онъ не принадлежалъ къ тѣмъ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНДРЕЕВА ГОРЬКОМУ НА ОТТИСКЕ РАССКАЗА «МЫСЛЬ» («МИР БОЖИЙ», 1902, № 7):
«Милому товарищу Алексею Пешкову. Леонид Андреев»
Архив Горького, Москва

меня не совсем отделил от тех, кого ненавидишь, и временами я теряюсь для тебя в этой массе, и только упорством *сознания*, а не *органически* поддерживаешь ты со мной хорошие отношения. Если бы мы напились с тобой основательно, ты побил бы меня, принявши за кого-то другого. Мне очень важно знать, правда ли это.

Живу все так же — без событий. Проедаю второе издание — с изрядным аппетитом. В «Курьер» не пишу — но и вообще ничего не пишу. Смаковал недели две весну и обалдевал. Больна недели три жена, и было много беспокойства: явились опасения насчет туберкулеза, оказавшиеся,

по счастью, ложными. Все же пока еще плохо — не знаю, пустят ли в июне на Волгу.

Придумывал драму — да не клеится что-то. Придумал одну — не нравится: искусственно. Ищу чего-нибудь совсем простого и ясного. Идей много, еще больше настроений, но нет фабулы, которая, при всей простоте, в самой себе заключала бы и настроение и идею. В воздухе, носом чую эту фабулу, а поймать не могу. И всюду, как на стену, натыкаешься на цензуру.

Ты пишешь? Это превосходно, значит ветерком с Волги подуло. В Олеиз не хочется, а? Эх, Максимушка, чувствую, как у тебя там все кипит сейчас. Пиши — хорошо напишешь.

Узнал я, что С. в Москве [1], все не мог собраться к нему, а когда, узнав адрес Ольги Ивановны [2], поехал к ней, дворник сообщил: [8 мая арестован] [3]. Ты об этом знаешь? А также об аресте Скирмунта? [4]

Писать к тебе можно бесцензурно или нет?

Крепко жму руку.

Твой Леонид Андреев

На письме помета Пятницкого: «1902».

[1] Речь идет о Л. А. Сулержицком. См. прим. 5 к письму 45.

[2] Ольга Ивановна *Поль* (1878—1944) — жена Сулержицкого. 21—22 мая 1902 г. Горький писал из Арзамаса Пятницкому: «Серж Скирмунт — арестован, жена Сулера — тоже, да теперь и сам Лев наверное. Я думаю, что это начальство свирепствует все из-за меня, все ищет оснований для законности изгнания моего из академии, как будто в России нужны еще какие-нибудь законы, кроме желаний начальства!» («Архив Горького», т. IV, стр. 83).

[3] Эти слова густо замазаны чернилами.

[4] О Скирмунте — см. прим. 7 к письму 23.

60. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Арзамас. 27 ... 28 мая 1902 г.>

Я прочитал твое последнее письмо и — понял, что у тебя скверное настроение. Сие — непохвально и преждевременно. «Друг мой, брат мой!.. Кто б ты ни был — не падай презренной душой» [1],— как пел поэт Надсон, которого мне ужасно хочется назвать — Сверхсон. Я тебе вот что скажу: тебя я искренно люблю, потому что ты — анархист, ты талантливый анархист, ты никогда не выродишься в мещанина [2]. Ты можешь отрастить себе брюхо даже до подбородка, но я знаю, что штука, которую называют душой, жиром у тебя не зарастет. Ты, мне кажется, никогда не почувствуешь себя довольным собой и не помиришься со счастьем, цена которому, по самой благодушной оценке,— пятачок.

Вот, если ты хотел, чтобы я объяснялся в любви к тебе — на! Я — не вру ни на одну десятую градуса. Меня, брат, самого очень интересовало мое отношение к тебе и я в нем разбирался, как хирург в кишках больного, не беспокойся, мон анж. («Мон анж» — словечко французское и обозначает собой «мой ангел»,— как говорит жена,— чтоб ты знал.)

Ты — пиши, знай. Пощипли «Мысль» мещанскую, пощипли их Веру, Надежду, Любовь, Чудо, Правду, Ложь — ты все потрогай! И, когда ты увидишь, что все сии устои и быки, на коих строится жизнь теплая, жизнь сытая, жизнь уютная, жизнь мещанская, зашатаются, как зубы в челюсти старика,— благо ти будет и — долголетен будеши на земли. Ей-богу! Прости меня за поучение ко злодеяниям. Ах, друг! Господи — спаси нас! Спаси город Арзамас... Житье здесь — желтое. Полиция принимает меня за фальшивого монетчика, и когда я нищему гривенник дам, полицейский, стоящий под окном моим [3], гривенник-то этот зубом пробует. Вообще — доезжают! Пришел, намедни, пристав, сел на стул

вроде папы римского и говорит: «Во всякое время дня и ночи могу входить к вам и вызывать вас к себе! И о всяком приезжающем в дом ваш — имею право требовать от вас всяких сведений» [4]. Я — испугался. И как раз, на другой день мне пришлось дать сведения в полицию, что вот: имею счастье донести вашему благородию, что ко мне прибыли Малюта Скуратов, служащий по министерству внутренних дел, а с ним знаменитый пиротехник Равашоль, ищущий занятий по своей специальности [5]. Не поверили.

Туго живу, Леонидушка! Травят как волка. Жене твоей кланяюсь. Тебе— крепко жму руку.

А л е к с е й, нижегородский и арзамасский

Не говори пустяков, брат мой! Не один ты писатель в России! Оставь сие людям искушенным. А где «Мысль»?

Пиши.

Чёрт! Что же ты мне книгу в хорошем переплете не посылаешь? Я тебе посылаю «Мещан» [6]. Жадёра, анафемская! Ишь!

Датируется по содержанию и письму Андреева к Пятницкому от 4 июня 1902 г. (АГ).

[1] Видоизмененная цитата начала популярного стихотворения С. Я. Надсона:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.

Андреев ценил творчество Надсона и впоследствии посвятил ему специальную статью «Надсон и наше время. (К 30-летию со дня кончины)» в «Русской воле», 1917, № 18, 19 января.

[2] Несколько недель спустя, в письме к Пятницкому от 24—25 июля 1902 г. Горький назвал Андреева «очень любопытным анархистом» («Архив Горького», т. IV, стр. 95).

[3] 26—27 мая около дома Подсосова по Сальниковской улице, где поселился Горький в Арзамасе, был поставлен полицейский пост («Летопись», I, стр. 387).

[4] Речь идет о столкновении Горького с приставом Даниловым, который в грубой форме потребовал сведений о навестившем Горького в Арзамасе по дороге из Вятки в Москву писателе-рабочем Н. Н. Мельницком-Николаевиче («Архив Горького», т. IV, стр. 85; К. П я т н и ц к и й. Травля Горького в Арзамасе.—«Красная газета», 1928, № 68 и 86, 9 и 28 марта).

[5] Леон Леже *Равашоль* (Франц Август Кенигштейн; 1860—1892) — французский анархист. В 1892 г. организовал в Париже ряд взрывов. Особая подозрительность полиции в отношении приезжавших к Горькому в Арзамас, по-видимому, была вызвана полученными охранкой сведениями о собранных в Париже деньгах в пользу арестованной за участие в первомайской демонстрации группы сормовичей (см. Л. М. Ф а р б е р. Новые материалы об А. М. Горьком (1896—1903).— «Горьковские чтения. 1961—1963». М., 1964, стр. 294).

[6] См. прим. 2 к письму 55.

61. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Царицыно. 1 ...7 июня 1902 г.〉

Милый Алексеюшка! Твоим ответом ты доставил мне глубокую радость. Есть масса сложных причин, в силу которых ты занимаешь для меня среди всех людей совсем особое место: кроме тебя, я не знаю людей, уважение и дружба которых были бы мне так *необходимы* (о жене я не говорю). Все эти причины происхождения психического и заключаются — странно сказать — в удивительном, даже фатальном сходстве наших натур. Так посмотреть на нас, мы совсем не похожи, но корень у нас один. Ты видал, как к яблоне прививают иногда грушу? — ствол общий, а на одной ветке груши, на другой яблоки. И эти живущие одними соками яблоня и груша должны, мне кажется, с особенной яркостью чувствовать свое коренное родство. То же вероятно и у меня. Ты родишь яблоки, я — груши, а соки у нас одни: ненависть, презрение.

великая любовь и великое отчаяние. По нашим писаниям люди со стороны могут принять нас за врагов: ты храбрый, я трус; ты нападаешь на жизнь, я обороняюсь; ты свободный, я раб — но они не знают того, что твоя храбрость идет из того же источника, как и моя трусость: из бездонного колодца великого отчаяния и великой любви. Ты нападаешь открыто и смело, я наношу удары исподтишка, убегая, как раб, но морда, по которой мы бьем и с разрешения нашего высокочтимого начальства будем бить до конца,— одна и та же мещанская морда. Эпиграфом к своим книгам ты мог бы поставить надменно-предостерегающее: «иду на вас!», и мещанин сразу понял тебя и защищается. Ты его давишь, как клопа, а он как упомянутый клоп обдает тебя своею вонючею ненавистью и злобою. Я же почтительно стучу к мещанину в спальню и говорю: «пустите меня, я тоже мещанин», а в спальне вытаскиваю из-под кровати собственный урыльник мещанина и выливаю ему на его собственную голову. Пока мещанин не совсем еще спросонок разобрал, чем я его облил, и благодарит меня: «Ах, как хорошо, кисленько и тепло!» — но уже начинает кое-что соображать и постольку же злобиться. В одной газете («Волыни») было любопытное письмо в редакцию по поводу «Бездны»: это, говорит, пощечина публике; человек сотворен по образу и подобию божию (дословно!), а Андреев так его пакостит. «Большинство глубоко возмущено г. Андреевым» [1].

Удивительная наивность: всякая сволочь думает, что она сотворена по образу и подобию божию!

Я тебя люблю, Максимыч, очень люблю, и кроме тебя друзей и союзников в нашей литературе у меня нет. Но помимо этого я тебя люблю просто так — за красоту, мон пти кошон (что значит, по словам жены: моя маленькая свинка). Слушай: как нам быть не в дружбе, если даже немцы пишут: «Андреев одних лет с Горьким, дружен с ним — живет на юге» [2]. Ведь это неспроста.

За «Мещан» — грациас, синиоре, ех-аккадемико! Свою книжку для тебя и для Катерины Павловны привезу сам в Арзамас. Через неделю еду по Волге, а на обратном пути денька на три заеду погостить к тебе [3]. На днях к тебе собирается Немирович — кстати, от твоей новой драмы он в великом восторге [4]. Чехов тоже одновременно со мною едет по Волге и зовет с собою, но так как ему сопутствует Морозов, я хочу уклониться [5]. Буду чувствовать себя не в своей тарелке. Вот если бы с тобою прокатиться — эх, собака тебя замочи! Жена то же говорит — хоть и другими словами.

Здешние дворники в ажиотации. Высочайшая награда, выданная их петербургским коллегам, преисполнила их честолюбия и духа соревнования. На общем совете решено ходатайствовать о том, чтобы всех их в предвидении будущих заслуг сделали георгиевскими кавалерами.

По слогу твоего письма вижу, что ты работаешь и притом успешно. Очень этому рад. Я ничего не делаю — разварился. Больно уж кругом все хорошо: зелено, кудряво, весело. Народу много наезжает. Был недавно старик Михайловский, жду Бунина с братией [6]. Гольцев-то меня за «Бездну» облаял — читал? [7]

От безделья впадаю временами в меланхолию. Недавно подсчитал: одиннадцать продуманных, начатых и неконченных рассказов! Ужас!

Крепко жму руку и целую тебя.

Твой Леонид Андреев

Есть у меня такой план: надеть мещанину урыльник на голову и пустить его гулять по Кузнецкому. Это будет как бы шлем. А вместо панциря надеть на него стольчак, и выйдет настоящий рыцарь ассенизационного образа. В руки же ему вместо знамени пятьсот листов клозетной бу-

маги, коими он и будет оказывать услуги всем проходящим. А вместо сердца ему машинку для спуска воды — она же заменит и его интеллигентную совесть. И назвать всю эту штуку: стихотворение в прозе.

Датируется по содержанию. На письме помета Пятницкого: «1902».

[1] «Волынь» — ежедневная газета, издававшаяся в Житомире (Волынской губ.) с 1882 по 1917 г. (с перерывами). Речь идет о статье (за подписью «Голос из публики») «По поводу „открытого письма“ г. Полеха в № 98 „Волыни“. (Письмо в редакцию)»— «Волынь», 1902, № 100, 5 мая. Возражая обозревателю газеты Полеху (псевдоним

ДОМ В АРЗАМАСЕ, ГДЕ В 1902 г., НАХОДЯСЬ ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ, ЖИЛ ГОРЬКИЙ

Фотография. В окне виден Горький; под окном—городовой

Музей Горького, Москва

П. Е. Кошлакова, в 1905—1906 гг. редактора газеты), который оправдывал героя «Бездны» Немовецкого, автор «Письма в редакцию» восклицал: «Не всегда же человеком владеют животные инстинкты, и в жизни каждого человека бывают минуты, когда он чувствует себя высшим существом, созданным по образу и подобию божьему 〈···〉 Большинство глубоко возмущено г. Андреевым и в „Бездне“ никакой реальной правды не находит». См. также прим. 3 к письму 44.

[2] Источник цитаты не установлен.

[3] О предполагаемой поездке «через неделю» по Волге Андреев писал Пятницкому 4 июня 1902 г.: «На той неделе был у меня пять дней Н. К. Михайловский и благословил на всяческую работу. Завтра еду к Чехову — он в Москве» (АГ). Андреев собирался ехать по Волге с Чеховым, но эта совместная поездка не состоялась.

[4] Немирович-Данченко выехал в Арзамас для переговоров с Горьким о постановке пьесы «На дне» в Художественном театре лишь 9 августа. Машинописный экземпляр пьесы был ему выслан Пятницким по просьбе Горького.

[5] Чехов принял приглашение посетить имение Саввы Морозова в Усолье Пермской губ. для лечения кумысом. Он выехал из Москвы с Морозовым 17 июня 1902 г.

[6] 17 мая Андреева навестили в Царицыне Белоусов и Ю. А. Бунин (см. письмо Белоусова к Телешову от 18 мая 1902 г.— ИМЛИ). 8 июня Белоусов вновь писал Телешову: «Сейчас получил письмо от Л. Андреева — просит, чтобы я устроил поездку к нему в Царицыно в понедельник компанией. Просил пригласить вас» (там же).

[7] Имеется в виду статья «Со стороны. (Письма из деревни)», напечатанная в «Русской мысли», 1902, № 5, отд. II, стр. 179—184 (за подписью: Веталис).

62. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Арзамас. 24 ... 26 июля 1902 г.〉

Я послал тебе письмо Константина Петровича, который предлагает выпустить «Мысль» отдельным изданием [1]. К этому был приписан мой совет — Пятницкого не слушать. «Мысль» отдельно не издавать. Куда торопиться? И зачем давать мерзавцам возможность ехидничать?

Что ты мне, чёрт, не шлешь книг? Нехорошо! Поторопись, прошу. Кланяюсь жене твоей. Работай!

До свидания!

Сюда едет Скиталец [2].

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с письмом Горького к Пятницкому от 24—25 июля 1902 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 95).

[1] Письмо Пятницкого к Горькому с предложением выпустить «Мысль» отдельным изданием не найдено. В тетрадях Пятницкого, содержавших пометы об отправленной корреспонденции, это письмо датировано 11 июля 1902 г. 13 июля Пятницкий выслал Горькому для передачи Андрееву оттиск «Мысли», чтобы внести в текст исправления (АГ). Рассказ вошел во второй том произведений Андреева (1906).

[2] В том же письме к Пятницкому Горький сообщал, что ожидает приезда Скитальца 1 августа.

63. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Царицыно. 27 ... 29 июля 1902 г.〉

Так я Пятницкому и ответил — действительно отдельно издавать не к чему [1].

Насчет книжек, прости, Алексеюшка. Денег по приезде не было, а на днях вышлю. Не сердись на меня и за то, что я позволил себе в фельетоне распространиться о твоем здоровье. Письмо твое в «Курьере» нашлось [2]; есть в нем вопрос о рассказе моем «Буяниха» — так этот рассказ сложен мною на вечные времена в архив. Там и лежит [3]. О «Мысли» пишут много, но неверно [4]. Виноват я сам — не сумел написать просто.

Работаю. До отсылки в «Журнал для всех» пришлю рассказ тебе; буде найдешь погрешности, исправим. Рассказ — «Тенор» [5]. Свидание с тобою для меня, как живая вода. Убедился, что ты принадлежишь по своей химической сущности к алкалоидам; одни от тебя ошалевают и бесятся, другие оживают — как от хорошего крепкого вина.

Рад за Скитальца. В августе увижу его и тебя — только сообщи, когда для тебя будет удобен мой приезд [6]. Жена очень кланяется. Ты знаешь, что она помогает мне в работе? — это на улице не подымешь.

О «Петербургских ведомостях» — неверно. Кое-что внутри поизменилось, но в целом то же. Ашешов ушел (не по доброй воле) из постоянных сотрудников [7].

Наш «Курьер» вот-вот ухнет. Денег нет. Фейгина пайщики удалили, но денег им за это никто не дал. Будет редактором вероятно В. П. Потемкин («Еврейская помощь») [8]. Если бы сейчас умного человека, да «Курьер» ему в руки!

Крепко жму руку и кланяюсь всему твоему старому, ста-а-рому дому.

Твой Леонид Андреев

Цензор «курьерский» самый звук «Максим Горький» считает непозволительным и выкинул его из моего фельетона. В некотором роде выселил тебя из Арзамаса, ибо весь Арзамас оставил, а тебя в нем нет.

Попробую в «Петербургские ведомости» [9].

Датируется по содержанию. На письме помета Пятницкого: «1902. Лето».

[1] См. прим. 1 к письму 62.

[2] Это письмо неизвестно.

[3] По воспоминаниям Телешова, рассказ «Буяниха» был прочитан на «Среде» и встретил единодушную отрицательную оценку участников (Т е л е ш о в, стр. 43; см. также прим. 6 к письму 31). Впоследствии, когда Телешов собирал материалы для благотворительного литературного сборника и попросил Андреева дать для него «Буяниху», Андреев ответил ему 30 июля 1909 г.: «Рассказ я для тебя напишу — клянусь в этом потрохами того гуся, который спас Рим — но сделать это раньше конца октября не могу. „Буяниха" же, которую ты, к сожалению, не забыл, есть позорнейшее явление в литературе, стыд и срам и поношение человеку» (ИМЛИ; письмо датируется по почтовому штемпелю). Рукопись рассказа передана в 1961 г. сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым в ЦГАЛИ. В сокращенном виде рассказ напечатан в «Неделе», 1963, № 21, 19—25 мая, стр. 9—11. Свое обещание Телешову Андреев не выполнил (см. его письмо в редакцию газеты «Речь».— «Речь», 1909, № 299, 31 октября).

[4] См. об этом прим. 4 к письму 64.

[5] О «Теноре» — см. прим. 7 к письму 51.

[6] Встреча Андреева со Скитальцем произошла в Самаре в середине июня. В августе Скиталец жил у Горького в Арзамасе. Вторая поездка Андреева в Арзамас не состоялась (ЛА, вып. 5, стр. 94—95; «Архив Горького», т. IV, стр. 96).

[7] Какие перемены в составе редакции «С.-Петербургских ведомостей» имел в виду Горький в своем письме — не ясно. Об Ашешове — см. прим. 1 к письму 1.

[8] Владимир Петрович *Потемкин* (1878—1946) — видный советский партийный и государственный деятель, историк, дипломат, академик (с 1943 г.). С ноября 1902 по 26 февраля 1904 г.— редактор «Курьера». Потемкин был одним из инициаторов создания литературно-художественного сборника «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (СПб., 1901). Для этого сборника Горький дал рассказ «Погром» (V, 328—333)— картину еврейского погрома в слободе Кунавино около Нижнего-Новгорода в июне 1884 г., очевидцем которого он был. В АГ хранятся письма Потемкина к Горькому по поводу издания сборника. Известно одно недатированное письмо Андреева к Потемкину на бланке «Курьера», касающееся редактирования Андреевым литературного отдела газеты (ЦГАЛИ).

[9] Речь идет о фельетоне Андреева «Москва. Мелочи жизни».— «Курьер», 1902, № 206, 28 июля (за подписью: Джемс Линч), в котором он рассказывает о своем посещении Арзамаса. Приписка к комментируемому письму была сделана Андреевым после того, как этот фельетон был подвергнут цензурным изъятиям (см. фразу: «Не сердись на меня и за то, что я позволил себе в фельетоне распространиться о твоем здоровье»). Фельетон являлся завершением путевых очерков Андреева о плавании по Волге и Каме (начало — «Курьер», 1902, № 199, 21 июля; под заглавием «Волга и Кама» вошел в ПССА, т. VI, стр. 255—262). В «С.-Петербургских ведомостях» Андреев не сотрудничал.

64. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Царицыно. 1 ... 2 августа 1902 г.〉

Алексеюшка! Рассказ «Тенор», который я тебе посылаю и над которым я последнее время возился, я решил не печатать и сложить в архив как память о зря потраченном труде. Может, когда-нибудь и вытащу, но сейчас к чёрту его.

Причины.

1) В основной мысли он повторение «Большого шлема» и «Жили-были» и только повторение. Правда, я очень боюсь смерти, никак не могу примириться с фактом ее существования, но все время и притом *однообразно* кричать: ох, нехорошо умирать! — нелепо.

2) Побочная мысль о необходимости цельной, многосторонней и живой жизни развита слабо. Антитеза, герцог — хороший малый, но и только.

3) И, наконец, публика не поймет строгой правомерности данной смерти, а скажет «случай! Ничего не доказывает!» Известно, что герои рассказов совершенно лишены права умирать от простуды; геморрой и хронические болезни еще допускаются, но простуда — ни-ни. Ибо, как остроумно говорят они, всякий может простудиться, а ты мне докажи, что

герой не мог не умереть. Точно простуда приобретается по желанию. «Давай правило, а не случайность». А разве случайность — не есть правило?

Но публика все равно не поймет.

Но ты прочти — и скажи ты. Хоть и не буду печатать, а интересно знать — дает ли рассказ впечатление или он весь и во всех смыслах труха.

Послал тебе книги. Кидда еще не нашел [1]. Наполеона в трех магазинах только и нашел пять экземпляров [2]. Поищу еще и пришлю. Насчет «Искры» [3] и прочего — до переезда в Москву, когда можно будет пошататься по букинистам.

Не знаю, что начать работать — брожение мыслей. Но как хорошо иметь деньги — не понравился рассказ и можно не печатать. Важно!

Крепко жму лапу.

Твой Леонид Андреев

О «Мысли» продолжают чепушить. Обалдели и вместе с героем пресерьезно решают: сумасшедший или нет [4]. Только Скабичевский сразу решил: «червонный сверхнегодяй». Так и статью озаглавил. Вот — сверхпробка! [5]

Датируется по содержанию.

[1] Бенжамен Кидд. Социальная эволюция. С предисловием Н. К. Михайловского и проф. Вейсмана. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1897. В 1901 г. экземпляр этой книги Горький подарил Нижегородской общественной городской библиотеке (Д. А. Балика. Личная библиотека А. М. Горького нижегородских лет. Горький, 1948, стр. 22).

[2] По воспоминаниям Е. П. Пешковой, Горький занимался составлением небольших библиотечек для Арзамаса и окрестных деревень. Вероятнее всего речь идет о книге А. Трачевского «Наполеон». СПб., 1900 («Биографическая библиотека» Павленкова). В 1901 г. Горький подарил Нижегородской городской общественной библиотеке книгу А. Трачевского «Русская история», ч. 2, изд. 2-е. СПб., 1895 (см. Д. А. Балика. Указ. книга).

[3] «Искра» (СПб., 1859—1873) — еженедельный сатирический журнал с карикатурами революционно-демократического направления. Основан поэтом В. С. Курочкиным и художником-карикатуристом Н. А. Степановым. В библиотеке Горького бережно сохранялись номера «Искры» с 1859 по 1866 г.

[4] А. А. Измайлов, например, отнес «Мысль» к категории «патологических рассказов», назвав его самым сильным по впечатлению после «Красного цветка» Гаршина и «Черного монаха» Чехова. Об образе Керженцева он писал: «... перед вами не здоровый человек, как вам по началу казалось, но несомненнейший безумец, бесспорный кандидат на палату буйных больных и на „сумасшедшую рубаху“ ⟨...⟩ Такие реальные до жуткости „Записки сумасшедшего“ в личной форме — в русской литературе почти исключительны» («Биржевые ведомости», 1902, № 194, 19 августа). «Как душевнобольной он на месте в лечебнице и случайный гость на страницах художественного произведения»,— вторил Н. Скиф («Русский вестник», 1902, № 8, стр. 617). См. также: В. Г. Подарский в «Русском богатстве» (1902, № 9, стр. 137) и Observator во владикавказской газете «Терек» (1902, № 1392, 1393, 6 и 8 августа). Статьи Измайлова, Скифа и Observator, очевидно как наиболее примечательные, находятся в альбоме Андреева, составленном из газетных и журнальных отзывов об его произведениях (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 21). Даже те из критиков, которые не принимали узкой «психиатрической» оценки «Мысли», находили, что «тяжеловесный психиатрический аппарат» рассказа «затмил идею» (Ч. Ветринский. О «Мысли».— «Самарская газета», 1902, № 250, 21 ноября и др.).

[5] Александр Михайлович *Скабичевский* (1838—1910) — представитель народнической критики, историк литературы. Скабичевский приветствовал выход сборника «Рассказов» Андреева («Новый талант».— «Новости и Биржевая газета», 1902, № 29, 29 января), в то же время он находил в его творчестве натурализм и опасался, что Андреев «рискует увязнуть» в декадентстве.

В упоминаемой Андреевым статье «Червонный сверхнегодяй» («Новости и Биржевая газета», 1902, № 207, 30 июля) Скабичевский стремился показать, «что такое представляет собою доктор Керженцев с нравственно-общественной точки зрения» и указывал на характерные для героя «Мысли»—«полное отсутствие малейшей общественной жилки, стремления принести людям хотя бы ничтожную пользу». Скабичевскому принадлежат еще статьи об Андрееве: «Литературные волки» («Новости и Биржевая газета», 1902, № 298, 29 октября), «Молодые жертвы легкости наших нравов» (о рассказе «В тумане» — там же, 1903, № 48 и 62, 18 февраля и 4 марта) и рецензия на «Жизнь Василия Фивейского».— «Дегенераты в нашей современной беллетристике» («Русская мысль», 1904, № 9, отд. II, стр. 90—101).

65. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Арзамас. 3 ... 4 августа 1902 г.〉

Посылаю тебе две рукописи: «Ночь» и перевод с зырянского. По-моему — обе рукописи зырянские, но напечатать и можно, и следует, если я не ошибаюсь. «Ночь» в начале напоминает рассказ Андреева «Набат» — но — вещь модная. «Плач девушки» — ей-богу — хорош! [1]

ГОРЬКИЙ
Портрет маслом С. А. Сорина, Арзамас, 1902 г.
Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с фотографии
Музей Горького, Москва

Здесь — Скиталец. Чёрт тебя знает, чего ты наговорил мне о нем! [2] Уж я ему не скажу лучше. Во-первых,— он здоров, как вол; во-вторых,— не пьет и упорно работает. Ты скоро приедешь? Приезжай. «Тенора» я не получил еще, книг — тоже. Приезжай! Наверное — на днях тутечка Пятницкий будет [3].

Крепко жму лапу.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Обе упомянутые вещи, очевидно при содействии Андреева, были напечатаны в «Курьере» в 1902 г.: В. Канин. Ночь. (Рассказ)— № 245, 5 сентября, и Н. Мол-

д а в а н о в. Плач девушки перед замужеством (Вёрдан Кылиас). С зырянского — № 248, 8 сентября. В № 262, 22 сентября, дополнительно было опубликовано стихотворение Молдаванова «Осенняя песня», а в № 353, 22 декабря, рассказ Канина «Над старым прудом».

[2] Со слов Андреева, Горький писал Пятницкому 24—25 июля 1902 г.: «Первого августа сюда приедет Скиталец. Говорят, что сей муж отчаянно пьет и допился даже до трясения рук» («Архив Горького», т. IV, стр. 95).

[3] Поездка Пятницкого к Горькому в Арзамас не состоялась (см. письмо Горького к нему между 27 и 29 августа 1902 г.— Там же, стр. 97).

66. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Арзамас. 10 ... 15 августа 1902 г.〉

И я — вместе с публикой,— как это ни противно! — не понимаю строгой правомерности смерти Тенора. Не понимаю и даже не хочу понимать. Рассказище хорош, друг мой. Я прочитал его сейчас вслух при Скитальце, художнике [1], жене и других. Все они — хвалят, восторгаются и говорят — печатать! Я — тоже готов согласиться с ними, при том условии, если ты переменишь конец.

Вот что: пускай Тенор не умирает, а голос у него — пропадет. Это и естественнее и жесточе смерти. Пускай он живет, а в пустой душе его болтается одна сухая, едкая, жгучая мысль — мог бы! Мог бы петь, мог бы видеть людей коленопреклоненными предо мною и женщин, целующими руки мои. Ей-богу! Валяй так! И подрисуй еще немножко герцога, дабы он стал еще лучше.

А в таком виде — погоди печатать.

Теперь, после «Мысли» это неудобно для тебя. До свидания.

А. П е ш к о в

Пожалуйста, прочитай поскорее посланные мною рукописи. А. Бриллиантов, автор «Кладбища», далеко не гений, чёртов сын. Фальшиво написал [2].

[1] Речь идет об ученике Репина — Савелии Абрамовиче *Сорине* (1878—1953). В августе 1902 г. Сорин жил у Горького в Арзамасе и писал портреты его, Е. П. Пешковой и Скитальца (письмо Горького к Пятницкому от 13—14 августа 1902 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 96). Ныне этот портрет Горького находится за границей (фотокопия в Музее Горького, Москва). В том же 1902 г. Сорин выполнил иллюстрации к четырем рассказам Горького—«Старуха Изергиль», «Бывшие люди», «Проходимец» и «Дружки» (И. С. З и л ь б е р ш т е й н. Репин и Горький. М.— Л., 1944, стр. 36—38). После Октябрьской революции эмигрировал и получил за рубежом признание как выдающийся портретист.

[2] Алексей Георгиевич *Бриллиантов* (ок. 1856—1905) — чиновник особых поручений московской театральной конторы. Печатал рассказы в «Курьере», «Новостях дня». Рассказ Бриллиантова «Сельское кладбище» опубликован в «Курьере», 1902, № 215, 6 августа.

67. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Царицыно. 29—31 августа 1902 г.〉

Милый Алексеюшко! Не знаю, где ты, и наудачу пишу в Арзамас. Телеграфировал я о болезни жены [1], а вместо того сам заболел дурацкою штукою, что называется инфлуэнца. С одной стороны — жив и расхаживаю, а с другой — не пригоден ни для радости, ни для горя, ни для работы. И чихаю сто раз в минуту.

Ты знаешь: Пятницкий устроил великолепную вещь с немецким издателем. Буду драть с него гонорар как с русского [2]. Молодец Константин Петрович! Но вот условие: дать в рукописи для перевода два более значительных рассказа. Хорошо сказать: значительных — а я почем знаю, значительно или нет. Мне все кажется незначительным.

Отсюда прошу об услуге. В одну неделю, работая до судорог в пальцах, я накатал рассказ «В тумане» [3]. Кажется, ничего штука — хотя тип, как и все, что я пишу, противен. Посылаю рассказ в Арзамас. Прочти ее, друже, и если она годится для немца [4], пошли ее к Пятницкому, а в противном случае ко мне. Буду печатать ее в «Журнале для всех» — после выхода в Германии, т. е. в декабре.

«Тенора» всего насмарку. Буду писать новый. Мысль навела — несоответствие между человеком и талантом. Талант большой, а человек маленький. Талант тянет к свободе жизни, к шири, к мученичеству — человек пищит и просится на мещанскую кухню. И талант губит человека, а человек губит талант. Драма, братец ты мой.

Как немножко поздоровею, напишу. Низкий поклон Катерине Павловне и благодарность за внимание. Воображаю, как вы все там шаляпинствовали! [5]

Твой Л е о н и д

Адрес: «Курьер».
Жена кланяется.

31 а в г у с т а. Только сейчас узнал великую радость: ты свободен и будешь жить в Нижнем. Даже более того: приедешь в Москву. Правда ли это? [6]

Не знаю, куда посылать тебе рассказ. Напиши.

Я разболелся так, что чуть не подох.

Адрес мой в Москве после 5-го сентября: Средняя Пресня, дом Гвоздевой [7].

[1] Телеграмма Андреева не сохранилась.

[2] Подразумевается соглашение, заключенное 1(14) августа 1902 г. Андреевым, при содействии Пятницкого, с издательской фирмой Ю. Мархлевского и К° в Мюнхене. По этому соглашению фирме до 1 января 1910 г. предоставлялось исключительное право на издание и распространение в Германии и других странах сочинений Андреева, а также на ведение переговоров с переводчиками сочинений Андреева и зарубежными театрами по поводу постановок будущих пьес писателя. Фирма обязывалась защищать авторские права Андреева вне России при условии, что его произведения будут печататься на русском языке в Германии раньше, чем в России, а в переводах на немецкий — не позже, чем через два года после выхода русского издания («Соглашение между издательской фирмой Dr. Marchlewsky et C° в Мюнхене и писателем Л. Н. Андреевым». Машинопись за подписью Ю. Мархлевского.— АГ). После ликвидации фирмы «Мархлевский и К°» с 25 сентября (8 октября) 1905 г. единственным представителем и защитником авторских прав Андреева, Горького, Куприна и других «знаньевцев» становится созданное по указанию ЦК большевиков в Женеве социал-демократическое издательство «Демос» с И. П. Ладыжниковым во главе. В декабре 1905 г. издательство «Демос» было переведено в Берлин (см. В. Д. Б о н ч - Б р у е в и ч. Книгоиздательство «Демос», его возникновение, организация и деятельность. Воспоминания. Машинопись.— АГ).

[3] Рассказ «В тумане» напечатан в «Журнале для всех», 1902, № 12. 18 августа Андреев писал Пятницкому: «Завтра, послезавтра я окончу рассказ „В тумане“ размером $1^1/_4$ — $1^1/_3$ печатных листа, предназначенный для „Журнала для всех“. Миролюбов уже ждет его с нетерпением и гневом 〈...〉 Вопрос вот в чем: значителен ли этот рассказ? Сто́ит ли он всего этого шума и беспокойства? Этот вопрос я предоставляю решить вам и Максимычу, которому пошлю копию рассказа, ибо сам о рассказе *невысокого мнения*» (АГ). Сомневаясь, подойдет ли рассказ «В тумане» общедоступному «Журналу для всех», Андреев в сентябрьском письме к Михайловскому предлагал рассказ «Русскому богатству» в случае отказа Миролюбова (ЛА, вып. 5, стр. 55—57).

[4] Август *Шольц* (Томас Шефер; 1857—1923) — литератор и переводчик произведений Андреева на немецкий язык (см. прим. 2 к письму 134 и воспоминания его в настоящ. томе).

[5] Шаляпин в августе 1902 г. выступал в Нижнем-Новгороде. В конце августа — начале сентября Горький устраивал концерт с участием Шаляпина в пользу Народного театра (см. письмо Горького к Пятницкому того времени.— «Архив Горького», т. IV, стр. 97).

[6] В конце июля 1902 г. дознание по делу о противоправительственной пропаганде и подготовке демонстрации в отношении Горького было прекращено, а 10 августа 1902 г. прокурор Московской судебной палаты отдал распоряжение освободить писа-

теля от особого надзора полиции, о чем Горькому было объявлено 16 августа. С 18 по 27 августа Горький провел в Нижнем-Новгороде, затем вернулся в Арзамас, а с 10 сентября поселился с семьей в Нижнем-Новгороде («Летопись», I, стр. 395—397, 400). Андреев имеет в виду предстоящий приезд Горького в Москву в связи с репетицией «На дне» в Художественном театре.

[7] В доме М. Ф. Гвоздевой Андреев жил с сентября 1902 по май 1903 г.

68. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 2 сентября 〈1902 г.〉

Милый мой, всепрекраснейший Максимыч! Еще раз ура! Какие дивные перспективы: Нижний, Москва, Художественный театр! Фу ты, ну ты [1].

Ну ладно. А я все еще болен, болен, болен. И еще раз болен, болен [2]. Ты знаешь, что такое нервы? Ничто и всё. Какие-то нитки, что-то невидимое, чёрт его подери — а здоровый малый становится от них бабой, слюнтяем, гадостью, сволочью, негодяем, сукиным сыном. И минутами с отдаленным вопросом... Ну да к чёрту.

Посылаю тебе письмо Михайловского. Старику, видимо, очень хочется приютить твоих босяков, но обратиться к тебе не решается [3].

Посылаю две газетные вырезки [4]. Меня шлепают. Один мерзавец написал сплошную клеветническую штуку, а «Курьер» без моего ведома вступился. Не стоило. Когда человек одновременно беллетрист и Джемс Линч и обижает людей фельетонами — пощады от них не жди [5].

Другой казус хуже. Обругал меня хороший человек — Толстой [6]. И всё за «Бездну»! О Бездна, бездна!

Горю нетерпением послать тебе рассказ, но не знаю, куда [7]. Напиши, друже.

Твой Л е о н и д

На письме помета Пятницкого: «1902».

[1] См. прим. 6 к письму 67.

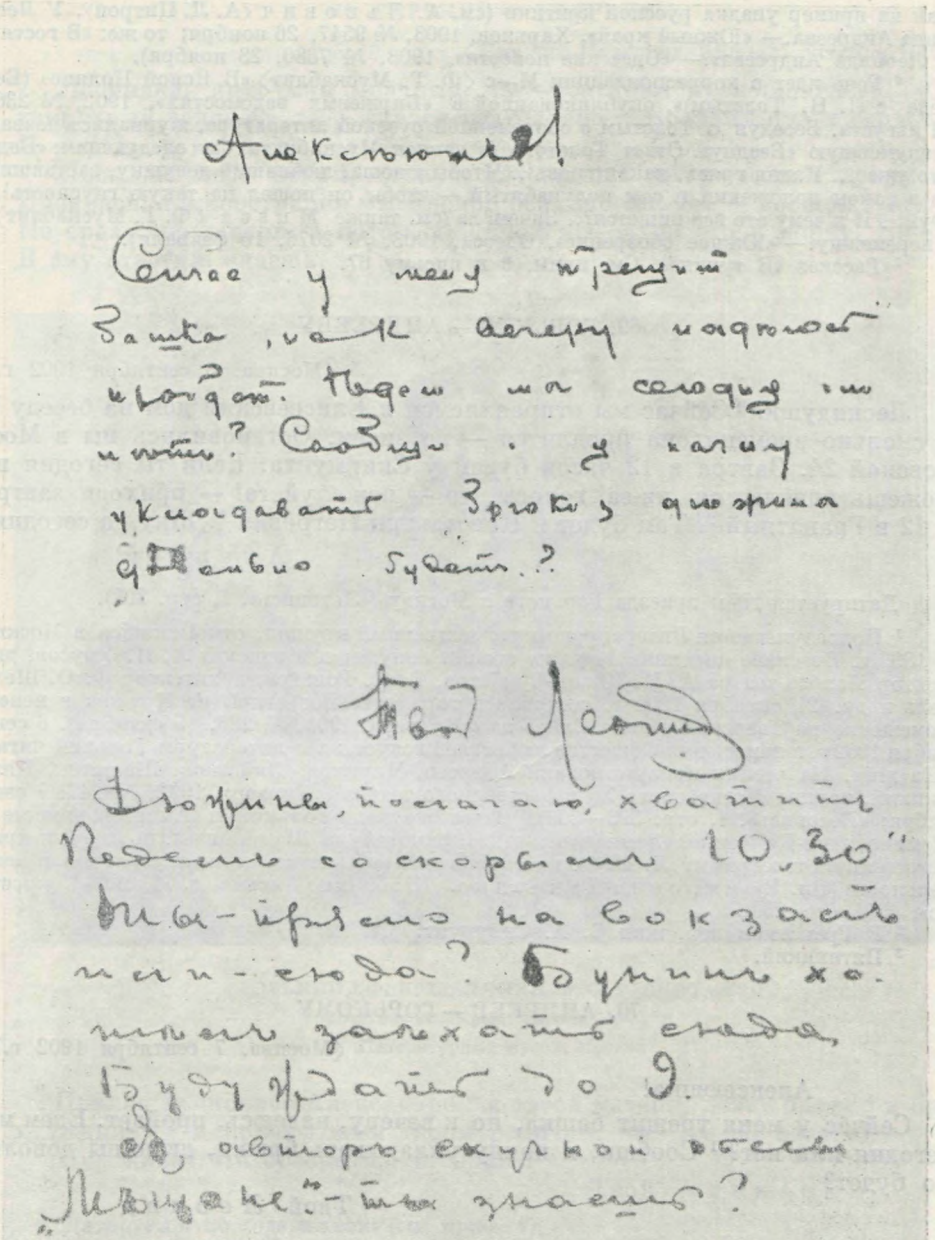
[2] В «Маленькой хронике» в «Курьере», 1902, № 304, 3 ноября, появилась заметка: «Сегодня нам сообщают, что снова заболел беллетрист Л. Н. Андреев, не далее как год тому назад пробывший около двух месяцев в клинике. Как и тогда, болезнь молодого писателя имеет своим источником сильное переутомление и общую нервозность его творчества. Пожелаем ему скорого выздоровления и возобновления работы в нашей газете».

[3] В упоминаемом письме Михайловский писал Андрееву 29 августа 1902 г.: «Спасибо за обещание, многоуважаемый Леонид Николаевич. Буду ждать. Как я интересуюсь вашими писаниями, вы не знаете. Да лечитесь вы как следует. О драме Горького я и с другой стороны слышу большие похвалы. И мне приходит в голову попросить ее для „Русского богатства". Но беда в том, что я уже к нему обращался, говорил с ним в Нижнем с год назад и другой сотрудник „Русского богатства", Анненский, и он обещал, но так ничего из этого обещания и не вышло (я и „Мещан" просил). Больше, то есть еще раз, обращаться как-то уже неловко...» (Автограф. АГ).

Под заглавием «На дне жизни» пьеса впервые была издана Мархлевским в Мюнхене в декабре 1902 г.; в России под заглавием «На дне» и с посвящением Пятницкому опубликована издательством «Знание» 31 января 1903 г. («Летопись», I, стр. 428).

[4] Вырезки не сохранились.

[5] В «Харьковском листке», 1902, № 835, 30 августа, было напечатано письмо А. П. Доброхотова «Талант Леонида Андреева». Отрицая какие-либо достоинства в произведениях Андреева и объясняя интерес к его сочинениям безудержной рекламой, Доброхотов предсказывал Андрееву участь литературного фигляра А. Н. Емельянова-Кохановского, который добился недолговечной популярности тем, что провозгласил себя «первым русским декадентом». «Курьер», откликнувшийся на «письмо» Доброхотова анонимной заметкой в отделе «О чем пишут», заявил, что письмо полно «некрасивых намеков и фактических передержек» (1902, № 241, 1 сентября). Андреев посвятил один из фельетонов «Впечатления» («Курьер», 1901, № 358, 6 декабря) критическому разбору книги Доброхотова «Рутина наших уголовных защитников. (Заметки начинающего адвоката)». М., 1901. Этот фельетон, видимо, и вызвал гнев критика. Впоследствии Андреев ссылался на развязную по тону брошюру Доброхотова «Карьера Леонида Андреева. Этюд о популярности, арлекинах и толпе» (М., 1908)



ЗАПИСКА АНДРЕЕВА ГОРЬКОМУ ОТ 7 СЕНТЯБРЯ 1902 г. И ОТВЕТ ГОРЬКОГО НА ТОМ ЖЕ ЛИСТЕ

Автографы

Собрание В. Л. Андреева, Женева

как на пример упадка русской критики (см. А. Л ь в о в и ч ‹А. Л. Цитрон›. У Леонида Андреева.— «Южный край», Харьков, 1908, № 9547, 26 ноября; то же: «В гостях у Леонида Андреева».— «Одесские новости», 1908, № 7680, 28 ноября).

[6] Речь идет о корреспонденции М—с ‹Ф. Г. Мускаблит› «В Ясной Поляне. (Беседа с Л. Н. Толстым)», опубликованной в «Биржевых ведомостях», 1902, № 236, 31 августа. Беседуя с Толстым о современной русской литературе, журналист назвал нашумевшую «Бездну». Ответ Толстого (в записи Мускаблита) был следующим: «Ведь это ужас!.. Какая грязь, какая грязь!.. Чтобы юноша, любивший девушку, заставший ее в таком положении и сам полуизбитый,— чтобы он пошел на такую гнусность!.. Фуй!.. И к чему это все пишется?.. Зачем?..» (см. также M u s c a ‹Ф. Г. Мускаблит›. Вперемежку.— «Южное обозрение», Одесса, 1903, № 2076, 16 февраля).

[7] Рассказ «В тумане». См. прим. 3 к письму 67.

69. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

‹Москва. 6 сентября 1902 г.›

Леонидушка! Сейчас мы отправляемся в Елисеевский дом на беседу [1], а сколько времени она продлится — не знаем. Остановились мы в Московской 24. Завтра в 12 часов будем у Скирмунта. Если ты сегодня не можешь повидаться из-за головы, то — пожалуйста! — приходи завтра к 12 в Гранатный [2]. Там будет и Константин Петрович [3]. Жду на сегодня.

А л е к с е й

Датируется днем приезда Горького в Москву («Летопись», I, стр. 398).

[1] Подразумевается Литературно-художественный кружок, открывшийся в Москве в 1899 г. Во главе дирекции Кружка стояли популярный адвокат А. И. Урусов, директор Малого театра А. И. Южин-Сумбатов, В. А. Гольцев, архитектор Ф. О. Шехтель и др. 21 октября 1901 г. состоялось торжественное открытие Кружка в новом помещении на Тверской в доме Елисеева («Курьер», 1901, № 285, 15 октября). 6 сентября 1902 г. в помещении Общества любителей искусства и литературы Горький читал «На дне». На чтении присутствовали Андреев, Чириков, Найденов, Шаляпин, Пятницкий, труппа Московского Художественного театра («Курьер», 1902, № 247, 7 сентября; «Летопись», I, стр. 398—399). В тот же день Горький и Андреев, вместе с Немировичем-Данченко, Станиславским, Чириковым и Шаляпиным, подписали приветственную телеграмму Л. Н. Толстому, в связи с 50-летием его литературной деятельности (Вл. Н е м и р о в и ч-Д а н ч е н к о. Избранные письма, т. II. М., «Искусство», 1954, стр. 230).

[2] В Гранатном пер. жил С. А. Скирмунт.

[3] Пятницкий.

70. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

‹Москва. 7 сентября 1902 г.?›

Алексеюшка!

Сейчас у меня трещит башка, но к вечеру, надеюсь, пройдет. Едем мы сегодня или нет? [1] Сообщи, я начну укладывать брюки, дюжины довольно будет?

Твой Л е о н и д

‹Г о р ь к и й — А н д р е е в у›

Дюжины, полагаю, хватит. Едем со скорым 10.30. Ты — прямо на вокзал или — сюда? Бунин хотел заехать сюда. Буду ждать до 9.

Я, автор скучной пьесы «Мещане»,— ты знаешь?[2]

Датируется предположительно по содержанию. На том же листке написан ответ Горького.

[1] Горький выехал из Москвы в Нижний-Новгород вечером 7 сентября 1902 г. в сопровождении Пятницкого («Летопись», I, стр. 399). О поездке Андреева в Нижний-Новгород сведений не имеется.

[2] Отрицательный отзыв Горького о пьесе см. в статье С. Соломина «М. Горький о „Мещанах“ М. Горького» («Биржевые ведомости», 1902, № 297, 31 октября).

71. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 25 ... 27 октября 1902 г.〉

Леонидка, друг мой мрачный, ты — сатирик препорядочный! «Оригинальный человек» тебе удался безусловно [1]. Болваны будут сердиться. Я — рад.

Посылаю тебе некий, весьма интересный человеческий документ [2]. Прекрасная иллюстрация мещанской психологии. Ты — воспользуйся им. Не сразу, не теперь, а потом. Обдумай и — ахни его в морду! Ей-богу! Я ему ответил, знаешь.

ГОРЬКИЙ, Ф. И. ШАЛЯПИН и С. Г. СКИТАЛЕЦ
Фотография, Крым, апрель 1902 г.
Литературный музей, Москва

Поклон дьяконисе Александре [3] и твоей матери, поэту брату [4] и брату художнику [5] и прочим всем твоим родичам, имя же им легион!

Ну, живи! Интересно жить, право!

Твой Алексей

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

[1] Рассказ «Оригинальный человек» был напечатан в «Курьере», 1902, № 294, 24 октября.

[2] Что Горький послал Андрееву — установить не удалось.

[3] Подразумевается А. М. Велигорская. Шутливая ассоциация с дьяконисой из пьесы Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899).

[4] Андрей Николаевич *Андреев* (1885—1920) — младший брат Л. Андреева, бывший предметом его неустанных забот. Л. Андреев всемерно стремился развить литературные способности брата и, возможно, содействовал напечатанию в журнале «Пробуждение», 1906, № 23, рассказа А. Андреева из гимназической жизни — «Милочка». В 1912 г. А. Андреев *написал киносценарий по пьесе* Л. Андреева *«Екатерина Ивановна»*. В мировую войну, осенью 1914 г., А. Андреев был призван в действующую армию, служил вольноопределяющимся унтер-офицером 9-го финляндского полка в Пруссии, а затем — в Галиции. В это время между братьями велась оживленная переписка. Письма Андрея с фронта были для Л. Андреева, захлестнутого волной «патриотического» шовинизма буржуазной прессы, одним из немногих источников конкретных сведений

о военных действиях. Л. Андреев печатал письма Андрея в редактировавшемся им журнале «Отечество» (1914, № 3, 5; 1915, № 1, 4; под заголовками: «С войны. Письма участников» и «Дневник в письмах»). Большая коллекция писем Л. Андреева к Андрею Андрееву (хранящаяся ныне в ИРЛИ) частично опубликована К. И. Чуковским в «Русском современнике», 1924, № 4 и Н. А. Любович в журнале «Залп», 1933, № 1 (см. также: Андрей Андреев. Из воспоминаний о Л. Андрееве.— «Красная новь», 1926, № 9, стр. 209—223).

[5] См. прим. 2 к письму 13.

72. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 1 или 4 ноября 1902 г.〉

Алексеюшка!

Не могу, голубчик, идти сегодня на «Мещан» — очень устал. Завтра приходи ко мне к часу.

Твой Леонид

Датируется пребыванием Горького в Москве в начале ноября 1902 г. В Художественном театре «Мещане» шли 1 и 4 ноября. На одном из этих представлений, очевидно, и был Горький. 5 ноября 1902 г. Брюсов писал П. П. Перцову: «Горький в Москве царствует на понедельниках Андреева, бранит своих „Мещан“ и прячется в занавешанных ложах» (ИМЛИ). 6 ноября Горький уехал в Петербург («Летопись», I, стр. 410).

73. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 15 ... 18 ноября 1902 г.〉

Дружище Леонид!

Попробуй ты — вкупе с Гаврилычем [1] — или коллективно — составить адрес Федору [2]. Пожалуйста! Дело в том, что мне — носа высморкать некогда.

Завтра, наверное, Константин Петрович вышлет тебе расчет. Ты свободно можешь получать рублей 100 и более — в месяц на протяжении 10 месяцев и даже — года. Хватит?

Константин Петрович объяснит эту бухгалтерию подробно [3].

Алексей

Датируется по содержанию (см. прим. 2 к письму 74).

[1] Скиталец.

[2] Имеется в виду чествование Шаляпина в его бенефис 3 декабря 1902 г. в Большом театре. Шаляпин с огромным успехом пел партию Мефистофеля в одноименной опере Бойто. На спектакле в писательской ложе находились специально приехавший из Нижнего-Новгорода Горький, а также Андреев и Скиталец. Среди выставленных для всеобщего обозрения подношений Шаляпину внимание публики привлекал большой ларец, сделанный в виде старинной книги. На вложенной в него визитной карточке С. А. Скирмунта рукой Горького было написано: «Адрес будет доставлен после спектакля. А. Пешков» («Курьер», 1902, № 235, 4 декабря; «Московские ведомости», № 334, того же числа). По окончании оперы на банкете в честь Шаляпина Горький выступил с приветственной речью («Летопись», I, стр. 415).

Приводим текст адреса, подписанный Горьким, Андреевым, Чириковым, Буниным, Скирмунтом, Пятницким, Алексиным, Скитальцем, Телешовым:

«Федор Иванович!

Могучими шагами великана ты поднялся на вершину жизни из темных глубин ее, где люди задыхаются в грязи и трудовом поту. Для тех, что слишком сыты, для хозяев жизни, чьи наслаждения оплачиваются ценою тяжелого труда и рабских унижений миллионов людей, ты принес в своей душе великий талант — свободный дар грабителям от ограбленных. Ты как бы говоришь людям: Смотрите! Вот я пришел оттуда, со дна жизни, из среды задавленной трудом массы народной, у которой все взято и ничего ей взамен не дано! И вот вам, отнимающим у нее и гроши, она, в моем лице, свободно дает неисчислимые богатства таланта моего! Наслаждайтесь и смотрите, сколько духовной силы, сколько ума и чувства скрыто там, в глубине жизни!

Наслаждайтесь и подумайте — что может быть с вами, если проснется в народе мощь его души, и он буйно ринется вверх к вам и потребует от вас признания за ним его человеческих прав и грозно скажет вам: хозяин жизни тот, кто трудится!

Федор Иванович!

Для тысяч тех пресыщенных людей, которые наслаждаются твоей игрой, ты — голос, артист, забава, ты для них — не больше; для нас — немногих — ты доказательство духовного богатства родной страны. Когда мы видим, слушаем тебя, в душе каждого из нас разгорается ярким огнем святая вера в мощь и силу русского человека. Нам больно видеть тебя слугой пресыщенных, но мы сами скованы цепью той же необходимости, которая заставляет тебя отдавать свой талант чужим тебе людям. Во все времена роковым несчастием художника была его отдаленность от народа, который поэтому именно до сей поры все еще не знает, что искусство так же нужно душе человека, как и хлеб его телу: всегда художники и артисты зависели от богатых, для которых искусство только пряность.

Но уже скоро это несчастие отойдет от нас в темные области прошлого, ибо масса народная, выросшая духовно, поднимается все выше и выше!

Мы смотрим на тебя как на глашатая о силе духа русского народа, как на человека, который, опередив сотни талантов будущего, пришел к нам укрепить нашу веру в душу нашего народа, полную творческих сил.

Иди же, богатырь, все вперед и выше!

Славное, могучее детище горячо любимой родины,— привет тебе!» (Центр. Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва. См. его на стр. 167 настоящ. тома).

[3] В связи с переутомлением Андреев, по совету врача, решил дать себе десятимесячный отдых от работы. «Момент для моей жизни наступил критический, или пан, или пропал,— писал он Пятницкому,— но необходимо выдержать это время. Вся надежда у меня на вас, то есть на „Знание". Если окажется необходимо, я согласен продать кому бы то ни было, хоть Марксу, книжку за 5 тысяч». Это письмо, датированное 2 ноября 1902 г., было начато до встречи Андреева с Горьким 1 ноября, который назвал проект Андреева относительно продажи его книг другому издательству «чепухой». В постскриптуме к цитируемому письму Андреев восклицает: «И верно: бросивши внезапно курить, я говорю много глупостей и даже гадостей» (АГ). Ответ Пятницкого совершенно успокоил Андреева. Как видно из лицевого счета Андреева, хранящегося в архиве «Знания», Пятницкий выслал Андрееву 8 ноября 1902 г. 200 рублей в счет прибыли со второго издания «Рассказов»; 30 ноября — 400 рублей в счет прибыли с «Новых рассказов»; 30 декабря им дополнительно было послано Андрееву 650 рублей. Всего в 1902 г. издательство «Знание» выплатило Андрееву 4801 рубль 89 копеек.

74. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 28 ноября 1902 г.

Милый Алексеюшка!

Толковали мы с Скирмунтом и Скитальцем и пришли к выводу, что единственный человек, могущий написать хороший адрес Шаляпину, это М. Горький [1]. У него, помимо соответствующего языка, есть нравственная авторитетность, которой лишены мы, вернее, не обладаем которой в достаточной степени. Чтобы погладить мачту по головке, нужно влезть по меньшей мере на колокольню.

Говорят, ты не совсем здоров. Правда это? А тут еще одним больным прибавилось: занемог очень странною болезнью Скиталец (или Шкиталец, как зовет его моя мать). Сам он называет болезнь свою «трактирным переутомлением». Главный ее симптом: при виде зелено-желтой вывески Скиталец испытывает зелено-желтое чувство и хотя бы ничего в тот день не пил — начинает пошатываться. Осажден с утра до ночи праздным народом и по сердечной мягкости не может избавиться от него.

Федора Иваныча недели две или три не видал. Остальных и вижу редко — но от народа, как и Скиталец, не избавлен.

Слегка работаю. Письмо Константина Петровича очень успокоило мою тревожную и нелепую мнительность — что-то я нелепо выразился, но достаточно красноречиво [2].

Альбом Шаляпину будет красивый. Крепко жму руку.

Твой Леонид Андреев

[1] См. прим. 2 к письму 73.

[2] Письмо Пятницкого от 19 ноября 1902 г., в котором сообщалось, что Андреев будет получать от «Знания» в течение года по 400—500 рублей ежемесячно (К. П я т н и ц к и й. Книга записей корреспонденции с 21 мая 1902 г. по 26 марта 1903 г.— АГ; см. также прим. 3 к письму 73).

75. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Москва. 3 декабря 1902 г.⟩

Приехал Константин Петрович, хотел ехать к тебе, но — нельзя, ибо должен придти Бунин [1] к нему и Серафимович ко мне [2]. Не появишься ли ты сюда?

Явись, о чёртов кум! [3] И принеси сочинение о Федоре [4].

А л.

Датируется временем приезда Пятницкого в Москву из Петербурга и бенефисом Шаляпина: 3 декабря 1902 г. Горький, по обыкновению, остановился у Скирмунта.

[1] Речь идет о переговорах между Буниным и Пятницким о втором издании перевода «Песни о Гайавате» (см. об этом в статье А. Нинова «Бунин в „Знании“». — «Русская литература», 1964, № 1, стр. 187—188).

[2] Первая личная встреча Серафимовича с Горьким состоялась осенью 1902 г. на квартире Андреева. В 1903 г. в «Знании» вышел том «Рассказов» Серафимовича (А. С. Серафимович. Собр. соч., т. X. М., 1948,стр. 421—428).

[3] Горький только собирался крестить первенца Андреева (см. письмо 78). Крестным отцом его Горький не был, но, по воспоминаниям Вадима, считал себя таковым (Вадим Андреев. Детство. М., 1963, стр. 113). Впоследствии он стал крестным отцом второго сына Андреева — Даниила (см. письмо 148).

[4] См. письма 73 и 74.

76. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 26 ... 27 декабря 1902 г.⟩

Милая моя Леонидушка! Христос рождается? [1] Сообщи. Как здоровье жены? В случае, если место не занято — я могу быть твоим кумом. Мне все равно: я всякие нации крещу в православной воде.

С. А. Скирмунт должен был послать тебе рукопись «Освобождайте жизнь» или «Мысль» и рассказ Якубова «В поезде». Прилагаю еще его рассказ: «На воде и на суше». По моему мнению, оба их следует напечатать рядом [2]. Ежели что не понравится — поправь. Этому Якубову — надо дать дорогу, право.

Ну, до свидания! И жене скажи — до свидания. И матери. И братьям. И — если язык твой выдержит, всем остальным легионам кровных твоих. Милай! Скоро у тебя, при всем этом — еще собственноручные дети явятся. Ну — ничего! Ты — терпи! Всяк по-своему жизнь терпит.

Прощай!
А. Пешков

Приехать хотел сюда — не забудь.

Датируется по содержанию.

[1] 23 декабря 1902 г. у Андреева родился сын Вадим, писатель, автор книги «Детство» (М., «Советский писатель», 1963). Во время Второй мировой войны — участник французского Сопротивления; ныне сотрудник издательского отдела ООН в Женеве.

[2] Михаил Семенович *Якубов* (сценический псевдоним — Нароков; 1879—1958) — народный артист РСФСР. Выступал на сцене Малого театра в Москве. С Горьким познакомился в Нижнем-Новгороде летом 1901 г. Горький рекомендовал рассказы Якубова «Нижегородскому листку»; в 1903—1904 гг. привлек Якубова в труппу Народного дома, созданного в Нижнем-Новгороде по инициативе демократической интеллигенции. 6 ноября 1901 г. Якубов был на банкете в честь Горького в связи с отъездом его из Нижнего-Новгорода в Крым. В сентябре 1902 г. в Москве на квартире Андреева присутствовал при чтении Горьким «На дне». Из двух рассказов Якубова, предложенных Горьким «Курьеру», напечатан «В воде и на суше» (1903, № 158, 5 августа). Воспоминания Якубова о Горьком — см. в кн.: М. Нароков. Биография моего поколения. Театральные мемуары. М., Изд-во ВТО, 1956, стр. 104—132.

Федоръ Ивановичъ.

Могучимъ шагомъ великана ты поднялся на вершины жизни изъ темныхъ глубинъ ея, гдѣ люди задыхаются въ гранитахъ труда и потъ. Для тѣхъ, что слишкомъ сыты для хозяевъ жизни чьи наслажденія оплачиваются цѣною тяжелаго труда и рабскихъ униженій милліоновъ людей ты принесъ въ своей душѣ великій талантъ — свободный даръ грабителямъ отъ ограбленныхъ. Ты какъ бы говоришь людямъ: смотрите! хочу я принести оттуда со дна жизни, изъ среды задавленной трудомъ массы народной, у которой все взято и ничего ей взамѣнъ не дано! И вотъ вамъ, отнимающимъ у нея и грошъ, она, въ щедрыхъ лицѣ, свободно даетъ неисчислимыя богатства таланта своего! Наслаждайтесь и смотрите сколько духовной силы, сколь ума и чувства скрыто тамъ, въ глубинѣ жизни!

Наслаждайтесь и подумайте — что можетъ быть съ вами, если проснется въ народѣ мощь его души, и она бурно хлынетъ ввысь къ вамъ, и потребуетъ отъ васъ признанія за нимъ его человѣческихъ правъ и гордо скажетъ вамъ: ходячимъ жизни тотъ кто трудится!

Федоръ Ивановичъ!

Сотни тысячъ такихъ пресыщенныхъ людей которые наслаждаются твоей игрой, твоимъ голосомъ, артистомъ, забавляй ты ихъ — не больше; для насъ — недвижимый ты — доказательство духовнаго богатства родной страны. Когда мы кланяемся тебѣ, въ душѣ каждаго изъ насъ разгорается любовь и вѣра въ дивную силу русскаго человѣка. Надъ больнымъ видятъ тебя слугой пресыщенныхъ, но мы сами скованы цѣпью той же необходимости, которая заставляетъ тебя отдавать свой талантъ чужимъ тебѣ людямъ. Во всѣ времена роковымъ несчастіемъ художника была его отдаленность отъ народа, который поэтому издревле до сей поры все еще не знаетъ что искусство такъ же нужно душѣ человѣка, какъ и хлѣбъ, его пѣли всѣ художники и артисты, завися отъ богатыхъ, для которыхъ искусство только пышность.

Но уже скоро это несчастіе отойдетъ отъ насъ въ темныя области прошлаго, ибо масса народная, вырастая духовно, поднимается все выше и выше!

Посмотримъ на тебя какъ на глашатая о силѣ духа русскаго народа, какъ на человѣка, который, опередивъ сотни талантовъ изъ нашего, пришелъ къ намъ укрѣпить нашу вѣру въ душу нашего народа, полную творческихъ силъ. Иди же, богатырь, все впередъ и выше!

Славное, могучее дѣтище горячо любитъ родина — привѣтитъ тебя!

Москва. 3 декабря 1902 г.

Евгений Чириков
Леонид Андреев
Иван Бунин
Горький
К. Бальмонтъ
А. Алексинъ
Скиталецъ
Н. Телешовъ
С. Сокуров

АДРЕС, ПОДНЕСЕННЫЙ Ф. И. ШАЛЯПИНУ ГРУППОЙ ПИСАТЕЛЕЙ И ДРУЗЕЙ В ДЕНЬ ЕГО БЕНЕФИСА 3 ДЕКАБРЯ 1902 г.

Среди подписавших адрес Горький и Андреев

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

77. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 26 ... 28 декабря 1902 г.〉

Я очень счастлив, милый Алексеюшка. Мальчишка уродился хороший, и я вокруг него фантазирую напропалую. «Человек — вот правда» даже и в том случае, если размеры его микроскопические. Я сам больше всего нравился себе тогда, когда нельзя еще было сказать, что из меня выйдет: Наполеон, Магомет или прохвост; а теперь, когда наверно известно, что я не буду прохвостом, но зато не буду и Наполеоном,— теперь я мало для себя интересен. Одна неделя, в которую он рожался и родился, открыла мне такое, чего я не мог узнать за всю жизнь.

Шура — 1) очень благодарит тебя и целует за добрую о ней память, 2) очень ухватилась за мысль, что ты будешь крестить мальчишку. Для этого тебе приезжать не потребуется, а тебя только запишут где-то в книгу, не то в участке. Кумой будет теща моя [2], в тебя влюбленная (но не в меня, конечно). И мне хочется, чтобы ты крестил.

Приеду в Нижний числа 12—13-го — жаль, что не могу на Рождество [3]. Да я и не знаю, впрочем, есть ли оно. Оно отчасти и хорошо.

Меня несколько смутил быстрый и широкий успех «На дне» [4], когда в славословиях слились Шебуевы [5] и Пеки и Гольцевы, но приглядевшись я увидел, что половина их не понимает того, что хвалит, а другая половина находится только у подошвы горы. Ни одна статья, ни один разговор не мог охватить драмы во всей ее ширине и глубине; всякий раз остается что-то неуловленное, какой-то остаток, в котором и заключается самая суть. Это, брат, *великая* штука «На дне»,— попомни мое слово.

Причина прикрытия «Курьера» — Скитальцев «Гусляр» [6]. Поехали в СПб. хлопотать. Якубовским рассказам придется подождать. Поклон Екатерине Павловне.

Крепко жму руку. Твой Л е о н и д

Датируется временем рождения Вадима Андреева.

[1] Шутливая реминисценция монолога Сатина в четвертом действии «На дне» (VI, 165 и 169—170).

[2] Ефросинья Варфоломеевна *Велигорская* (рожд. Шевченко; 1846—1913) — племянница Т. Г. Шевченко.

[3] Андреев приехал в Нижний-Новгород только в феврале 1903 г.

[4] Премьера «На дне» состоялась в Московском Художественном театре 18 декабря 1902 г. 25 декабря, вернувшись из Москвы в Нижний-Новгород, Горький в письме к Пятницкому делился впечатлениями о спектакле: «...ни публика, ни рецензята — пьесу не раскусили. Хвалить— хвалят, а понимать не хотят» («Архив Горького», т. IV, стр. 108—109). Так, В. А. Гольцев в «Мыслях вслух» («Курьер», 1902, № 355, 24 декабря) писал, что спектакль имел «огромный и вполне заслуженный успех». Называя «На дне» «поворотом» в художественной деятельности Горького, Гольцев с удовлетворением подчеркивал, что Сатин «говорит словами интеллигенции, Огюста Конта, Прудона, нашего Белинского». В отзывах на премьеру критики уделяли большое внимание образу Луки. Н. Шебуев вслед за фельетоном «Театральный разъезд после представления „На дне“» («Русское слово», 1902, № 350, 20 декабря) напечатал статью «Лука», посвященную характеристике этого персонажа пьесы (там же, № 351, 21 декабря).

[5] Николай Георгиевич *Шебуев* (1874—1937) — писатель, фельетонист и театральный критик. Сотрудничал в «Русском слове», «Театральных известиях», «Обозрении театров», «Солнце России», «Сатириконе». В 1905 г. выдвинулся как издатель-редактор сатирического журнала «Пулемет» (1905—1906), запрещенного на пятом номере. В 1906—1907 гг.— издатель-редактор «Газеты Шебуева», слившейся в 1908 г. с начавшим выходить в Петербурге (при фактическом редактировании Шебуевым) журналом «Весна». Этот «орган независимых писателей и художников» в годы реакции стал проводником пошлости и обывательщины. В апреле 1907 г. Шебуев приезжал на Капри и встречался там с Горьким и Андреевым (Н. Ш е б у е в. Негативы.— «Русь», 1907, № 119, 30 апреля).

[6] По распоряжению министра внутренних дел за напечатание стихотворения Скитальца «Гусляр» (№ 344, 13 декабря 1902 г.) «Курьер» был приостановлен на два месяца (до 26 февраля 1903 г.). Стихотворение это было прочитано Скитальцем на вечере в Благородном собрании 12 декабря 1902 г. в пользу Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве и переселенцев Челябинского пункта. «На вечере этом,— доносил секретный агент начальнику Московского охранного отделения Трепову,— было около 800 человек посетителей, преимущественно учащейся молодежи, здесь были и лица политически неблагонадежные, состоящие под негласным наблюдением Охранного отделения» (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 36). Чтение Скитальца было покрыто шумными аплодисментами. Скиталец уклонился от официально разрешенного текста «Гусляра», добавив строфу: «Земля у нас истощена...», и на бис прочитал свое стихотворение «Нет, я не с вами...». По требованию полицейского пристава концерт был прекращен (Т е л е ш о в, стр. 50—52). Одновременно с публикацией полного текста «Гусляра» газета поместила подробный отчет «На литературно-музыкальном вечере», который не был предварительно отправлен в цензуру. 16 декабря 1902 г. на заседании Московского цензурного комитета слушались объяснения цензора С. Соколова по этому поводу. Председатель Московского цензурного комитета писал в Главное управление по делам печати о Скитальце и неблагонадежности «Курьера»: «Так как этот господин давно уже сотрудничает в названной газете, то с большею вероятностью можно сказать, что редакции заранее было известно, что́ будет читать Скиталец и по разрешенной программе и вне ее» (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 2236/1902, лл. 130—131). «У нас разгром,— писал Андреев Пятницкому 28 декабря 1902 г.— „Курьер“— на 3 месяца. Беда сотрудникам крах газеты — ибо как раз во время подписки, сами знаете. Потом опять хоть сначала дело начинай. Все из-за Скитальцева „Гусляра“ и глупости людской» (АГ). Репрессивные меры, постигшие газету за стихотворение Скитальца, не были случайностью. В ежегодных отчетах Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати 1900—1902 гг. постоянно отмечалась политическая неблагонадежность «Курьера». В обзоре московской печати за 1901 г. обращалось внимание на связь газеты со студенческим демократическим движением и говорилось, что «здесь поведение „Курьера“ заслуживает самого сильного осуждения. Так, например, весной истекшего года, во время студенческих волнений „Курьер“ пытался напечатать известную песнь о „Буревестнике“ М. Горького, которая и появилась бы в первый раз, если бы не была запрещена <...> Одновременно под видом замечаний об англо-бурской войне пытались провести в „Курьере“ рассуждения о дозволительности всяких средств в борьбе слабых с сильными и т. д. Постоянно представляются в цензуру такого рода заметки, которые ясно свидетельствуют о существовании сношений между редакцией „Курьера“ и неблагомыслящими и неспокойными элементами студенчества». Далее Московский цензурный комитет заявлял, что «особенные затруднения» среди прочих материалов представляли для цензуры статьи Джемса Линча (Л. Андреева), который в своих воскресных фельетонах «постоянно раздумывал о том, как-де на Руси серо и душно, главным образом, от чрезмерной правительственной опеки» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 22, ед. хр. 1, лл. 114 об.— 115). «Курьер» часто упоминался на заседаниях Московского цензурного комитета и в 1902 г. Так, 6 февраля 1902 г. цензор А. Генц заявил в своем докладе, что «Курьер» вообще «старается постоянно изобразить наших рабочих всяких категорий в виде страдальцев, терпящих всевозможные угнетения» (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 2193/1902, л. 48). Столь же бдительному вниманию цензуры подвергался и литературно-художественный отдел, где появлялись произведения Андреева, Бунина, Скитальца, Мамина-Сибиряка, Гарина, Серафимовича, Чирикова и других известных писателей. Не менее резкое осуждение получила политическая линия «Курьера» и в 1903 г., т. е. после временной приостановки газеты. Московский цензурный комитет доносил Главному управлению по делам печати, что «Курьер» продолжает держаться «оппозиционного направления». В числе тенденциозных художественных произведений назывался рассказ Андреева «Нет прощения» («Курьер», 1904, №№ 1 и 2, 1 и 2 января), «в котором,— как конфиденциально сообщал московский обер-полицеймейстер Трепов 12 января 1904 г. председателю Московского цензурного комитета В. В. Назаревскому,— заключается крайне вредная тенденциозная характеристика розыскной деятельности агентов полиции, причем путем целого ряда возмутительных описаний понимание читателя злонамеренно направляется к выводу о неизбежности и похвальности насильственных действий против должностных лиц полиции, служебно-розыскной деятельности которых, по открытому заявлению автора, „нет прощения“» (ЦГИАЛ, ф. 776). 17 января 1904 г. начальник Главного управления по делам печати известил Назаревского о решении министра внутренних дел за опубликование рассказа Андреева лишить «Курьер» розничной продажи (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 2195, л. 30—30 об.). Запрет розничной продажи газеты оставался в силе до 20 марта. 4 июня 1904 г., на № 153 издание «Курьера» прекратилось.

1903

78. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 1 ... 3 января 1903 г.〉

Кум мой будущий!

Скиталец — где-то в Москве, ты уж сам поговори с ним на счет «Курьера» и прочего [1].

Сердит я на него несколько, а если он спросит — за что, отвечай — за Сорина. И даже не за Сорина, а за невесту Сорина. И даже не за невесту, а за глупость, обнаруженную Скитальцем в деле Сорина и К° [2].

Сердит я и на Аркадия Алексеевского — ибо хоть он и Аркадий, но мы не в Аркадии, а в России, и не аркадские пастушки, а все-таки литераторы.

Дело же обстоит так, что русский писателишко должен быть политическим деятелем ныне — больше, чем всегда.

А будучи таковым деятелем — невозможно и неприлично укладывать в одну поленницу Брюсова с Дорошевичем и Ашешова с Бенуа [3]. Бенуа! А что г. Алексеевский нелепую его книгу о русской живописи — читал? [4]

Просит он, Алексеевский, уговорить тебя дать им в сборник «Бунт на корабле». Дай, если хочешь сесть в галошу. Дай, дай! Рядом с тобой в этом сборнике проф. Новгородцев [5] такой идеализм пустит из себя, что — испортит навеки твое художественное обоняние. А Дорошевич напишет что-нибудь о каторге или о балете. И т. д.

Ты, милочка, ходи осторожно! Тебя всякий хочет поставить рядом с собой, это очень понятно, но — ты этого не позволяй. Ты сам захоти и поставь рядом с собой кого найдешь достойным этой чести. Честь — не малая. Особенно теперь, когда у публики, ранее тебя отрицавшей, после «Иностранца» даже на спинах и ниже спин — сияет ярким заревом весьма румяный стыд за свою тупость.

Береги, душечка, свое литературное целомудрие и в неприличные заведения — не ходи. И жену твою можешь оскорбить и твоего будущего кума.

Жена моя, впрочем, говорит, что если младенца уже зовут Вадим, так, стало быть, мы с тобой кумовьями быть до второго погодим.

Присовокупляю письмо племяннику твоему Аркадию Алексеевскому. Передай прочитав. Послал бы ему отдельно, да денег на марку нет. Друг мой, как много у меня нет денег.

Кланяйся жене. А младенец — пускай кричит. Смолоду они все такие. Вырастет — будет смирный, не беспокойся.

Очень я устал, чёрт меня возьми!

До свидания.

Жена пишет тебе что-то особливое [6].

А. Пешков

Датируется по связи с письмом 77.

19 02.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ЗАЛѢ

Россійскаго Благороднаго Собранія

въ Четвергъ, 12-го Декабря,

въ пользу Общества вспомоществованія учащимся женщинамъ въ Москвѣ и переселенцевъ Челябинскаго пункта,

ИМѢЕТЪ БЫТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ

ПРОГРАММА.

Отдѣленіе 1-е:

1. „Grossmütterchen“ . . . . . Лангеръ.
   Исп. на скрипкѣ г. Кржижановскій.
2. „Иностранецъ“, прочтетъ г. Л. Андреевъ.
3. Арія изъ оперы „Садко“ . . . . . Римскаго-Корсакова.
   Исп. г. Праздинъ.
4. Разсказъ „Ошибка“, прочтетъ г-жа А. Вербицкая.
5. Арія изъ оперы „Царица Савская“ . . . . Гуно.
   Исп. г-жа Канцель
6. Разсказъ „На край свѣта“, прочтетъ г. И. Буниновъ.
7. Арія Шакловитаго изъ оперы „Хованщина“ . Мусоргскаго.
   Исп. г. Горскій.

Антрактъ 20 минутъ.

Отдѣленіе 2-е:

1. Solo на віолончели.
   Исп. г. Прессъ.
2. Разсказъ „Съ Богомъ“, прочтетъ г. Н. Телешовъ.
3. Романсъ „День ли царитъ“ . . . . . Чайковскаго.
   Исп. г-жа Иванова.
4. „Сцены“, прочтетъ г. С. Найденовъ.
5. Романсы: „На ветхой скамьѣ“ . . . . . } Ипполитова-Иванова.
   „Не оставляй меня“ . . . . . }
   Исп. г. Вѣковъ.
6. Стихотвореніе: „Гусляръ“.
   „Долго я шелъ безъ дороги“.
   Прочтетъ г. Скиталецъ.

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 5 мая 1892 года мнѣнія Государственнаго Совѣта утвержд. 20 августа 1892 г. произъ взиманія сбора съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній, со всѣхъ билетовъ взимается сборъ, означаемый чарками, безъ коихъ билеты не дѣйствительны.

Печ. разр. 3 декабря 1902 г. Моск. Оберъ-Полиц. Генералъ-Майоръ ТРЕПОВЪ.

Отп. Императорскихъ Московскихъ Театровъ. Печатня Дирекціи Его Величества Т-ва Скоп. А. А. Левенсономъ.

ПРОГРАММА ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ВЕЧЕРА, СОСТОЯВШЕГОСЯ 12 ДЕКАБРЯ 1902 г. В МОСКВЕ, С УЧАСТИЕМ АНДРЕЕВА, С. Г. СКИТАЛЬЦА, Н. Д. ТЕЛЕШОВА И ДР.

За прочитанное Скитальцем на вечере стихотворение «Гусляр» Андреев, как организатор выступлений, был привлечен к судебной ответственности, а над Скитальцем нависла угроза высылки из Москвы

Доход от вечера поступил в пользу учащихся женщин и переселенцев

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

[1] 24 декабря 1902 г. Департамент полиции предложил московскому обер-полицеймейстеру вызвать Скитальца и предупредить его, «что в случае проявления им впредь подобной тенденциозной деятельности он будет подвергнут административной высылке из Москвы» (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 41). Одновременно против Андреева, как ответственного за проведение вечера 12 декабря 1902 г. (см. о нем прим. 6 к письму 77), было возбуждено судебное преследование по 1048 ст. уложения о наказании («Дело Л. Н. Андреева».— «Русское слово», 1903, № 242, 2 сентября). Приговором Московского окружного суда 9 сентября 1903 г. Андреев был оправдан («Русская жизнь в судебных процессах. Дело писателя Леонида Николаевича Андреева».— «Временник „Живописной России"», 1903, № 142, 21 сентября, стр. 299). Приговор, однако, опротестовал товарищ прокурора Муратов, и дело слушалось вторично в январе 1904 г. На этот раз Андреев был признан виновным и приговорен к денежному штрафу размером в 25 рублей или аресту на пять дней («Волжский вестник», 1904, № 12, 16 января).

[2] Речь идет о закончившемся разрывом объяснении между С. А. Сориным и его невестой — скрипачкой Яниной Осиповной Берсон (род. 1882), дочерью банкира. Берсон тайно бежала из родительского дома и в 1902—1903 гг. жила в Нижнем-Новгороде у Пешковых. Скиталец содействовал ее побегу. Непосредственным поводом для объяснений Сорина и Берсон был распространенный Скитальцем и частично подтвердившийся слух, что родственники Сорина ставили свое согласие на его брак в связь с получением от семьи Берсон определенной суммы денег. Тяжелое и неприятное впечатление на Горького произвела попытка Сорина покончить с собой после объяснения с Берсон (см. «Архив Горького», т. IV, стр. 111—113, 116).

[3] Об А. П. Алексеевском — см. прим. 5 к письму 13. Цензурное запрещение «Курьера» в разгар подписки серьезно подорвало материальное положение газеты. Чтобы возместить понесенные убытки, редакция решила издать литературный сборник (см. письмо Андреева к Чехову от 4 января 1903 г.— «Реквием», стр. 62—63). Горький пишет о предполагаемом составе сотрудников. Составленный в подавляющей своей части из случайных материалов сборник «Итоги» вышел в 1903 г. Брюсов, Дорошевич, Ашешов, Новгородцев и Бенуа в сборнике не сотрудничали. Андреев дал для «Итогов» рассказ «На станции». Кроме этого сборника, было опубликовано второе, дополненное издание сборника «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» («Помощь». СПб., 1903). В последнем сборнике вместо исключенного рассказа Гарина «Старый еврей» и стихотворения Надсона были напечатаны рассказы Андреева «Книга» и Куприна «В казарме». Произведения Брюсова, Дорошевича, Ашешова и Бенуа в «Помощи» не публиковались. В письмах Горького к Андрееву и Алексеевскому, возможно, смешаны оба сборника — «Итоги» и «Помощь»,— среди редакторов которых были сотрудники «Курьера».

[4] Александр Николаевич *Бенуа* (1870—1960) — художник, искусствовед, один из организаторов и создателей объединения «Мир искусства». Его «История русской живописи в XIX веке» была издана «Знанием» в 1902 г. в виде дополнительного четвертого тома к «Истории живописи от средних веков до XIX столетия» Р. Мутера (СПб., 1900—1902). Отрицательный отзыв о книге объясняется несогласием Горького с предложенной теоретиком «Мира искусства» характеристикой «передвижников» и оценками некоторых художников конца XIX—начала XX в., прежде всего Врубеля. В 1896 г. в «Нижегородском листке» (№ 202, 24 июля) Горький подверг резкой критике экспонированные С. И. Мамонтовым на Нижегородской промышленной выставке панно Врубеля «Принцесса Греза» и «Микула» (XXIII, 161—166). Этот фельетон Горького из цикла «Беглые заметки» вызвал полемику в печати (XXIII, 168—169, 175—183, 221—223). В противоположность Горькому Бенуа назвал панно Врубеля «в высшей степени» талантливыми, а их критику определил словами: «бесконечное глумление» (А. Бенуа. История русской живописи в XIX веке. СПб., 1902, стр. 266). На отрицательный отзыв Горького о работе Бенуа, вероятно, повлияла и статья Стасова «Верещагинские картины» («Новости и Биржевая газета», 1900, № 69, 10 марта; В. В. Стасов. Избранные сочинения, т. III. М., 1952, стр. 277—280). В дальнейшем Горький не раз сотрудничал вместе с Бенуа. В 1905 г. Бенуа вошел в число сотрудников сатирического журнала «Жупел» (З. М. Карасик. М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта».— М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг., стр. 357—362). В сентябре—ноябре 1916 г. Бенуа вместе с К. И. Чуковским, по предложению Горького, составил для издательства «Парус» план издания книг для детей, а в конце того же года участвовал в задуманном Горьким детском сборнике «Радуга» (вышел в конце января 1918 г. под заглавием «Елка».— «Летопись», II, стр. 575—576). В 1917 г. Горький привлек Бенуа к мероприятиям по охране памятников искусства и старины. 19 декабря 1919 г. в докладной записке об издании русской художественной литературы для школ Горький предлагал в изданиях «Пиковой дамы» и «Медного всадника» Пушкина повторить иллюстрации к ним Бенуа (XXIV, 192.— См. Сергей Эрнст. Александр Бенуа. Пг. 1919; ⟨И. С. Зильберштейн⟩. Памяти А. Н. Бенуа (1870—1960).— «Искусство», 1960, № 5, стр. 70—71).

[5] Павел Иванович *Новгородцев* (1866—1925) — профессор Московского университета по кафедре истории философии права (1896), преподаватель на Высших женских

курсах; член I Государственной думы, кадет. После Октябрьской революции — эмигрант. В 1903 г. под редакцией Новгородцева был выпущен сборник статей «Проблемы идеализма». В первом и втором изданиях сб. «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» помещена его статья «Реставрационный идеализм Гегеля в изображении Гайме».

[6] Письмо Е. П. Пешковой к Андрееву не дошло до нас.

79. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 6 ... 8 января 1903 г.〉

Милый Алексеюшка! Дела наши не важны: Шура уже четвертый день лежит в постели. Она слегка упала, потом в тот же день испугалась — у нас в детской случился ночью небольшой пожарчик — и началось кровотечение. Каждый день бывает доктор, а толку пока мало. Застопорилась у меня и работа: «Бунт на корабле» начат, но не подвигается. Но причина, главная, малой успешности работы не в этом. Есть нечто похуже.

Сие письмо пишу я тебе длинное и откровенное. Это значит — по логике — что прежде я не был откровенен. Отчасти это правда. Странно как-то слагаются у нас с тобой отношения. Было время, когда я пытался стать тебе другом, совершил в этом смысле несколько нападений на твою особу — и был с уроном отбит. В одной тряской корзинке не могут улежаться железный горшок с глиняным; ты железный, ты некоторых толчков и не заметил, а мне было больно, ибо я глиняный. Но это прошло, и я примирился с тем, что неизбежно: быть тебе только товарищем по оружию, служить честно *под твоим знаменем* и не обольщать себя надеждой на близкие личные отношения. Насчет знамени: это верно, что под твоим знаменем я работаю. Оно и просто: ты для меня дух свободы, а этому святому духу так или иначе хочу я служить. Не правде — ее я не знаю и никогда не узнаю; не людям — я не знаю, люблю я их или нет, а если и люблю, то слишком абстрактно. Свобода же — это единственное, что я непосредственно люблю, и знаю, и понимаю. Быть может оттого, что сам я жалчайший раб; с детства колодки натерли мне язвы на душе, и звон проклятых цепей в моей голове не дает мне забыть о свободе.

Итак, наши отношения приятельские — я то же для тебя, что и Бунин, Телешов, другие. Любишь ты меня за то, что́ считаешь моим талантом; ослабеет этот талант, умрет — умрет и твоя приязнь. Одним словом, я ценен для тебя как писатель. Я же как я, т. е. моя личность в целом, для тебя мало интересна и мало симпатична. Иногда же я бываю тебе просто противен. Так было в предпоследнее время. Ты что-то заметил во мне, какую-то неприятную черточку, не знаю что. Быть может, и до тебя дошел звон цепей. Ибо правда это: во мне ужасно много мещанского тяготения к благополучию, к погремушкам, к внешним знакам почета; трусоват я, люблю поговорить о себе, а когда у меня болит мозоль на две копейки, беспокойство я делаю на сто тысяч. Если именно эти черточки резнули твой глаз, я подаю тебе руку, ибо ни к кому в мире не испытывал я временами такого отвращения, как к себе.

Но видишь ли: у меня всегда было смутное подозрение, что этот противный господин в лаковых сапогах, который так часто говорит о своем *я*,— не есть я. И я долго и бесплодно искал свое настоящее *я*, и странно это: совсем неожиданно я нашел его в своих рассказах. Там нашло отражение мое глубокое, сокровенное, тайное, о чем я никогда не умел и не умею говорить. Там из-под кучи сора начал вырисовываться на свет тот самому мне неведомый новый человек, которого я, еще робко, осмеливаюсь иногда уважать. До тридцати лет жил я без чувства самоуважения — это, брат, не шутка, это почище проказы. Мало того: и другие меня не уважали — это тоже человека не улучшает. Говорю это я в таких смыслах:

нужно, чтобы и ты знал эту несчастную двойственность, чтобы и ты не смешивал моих лаковых сапог с моим настоящим *я*.

Вообще я не стал бы тебе всего этого говорить, но в последний приезд ты отнесся ко мне несколько лучше, а потом, самое главное, я подметил нечто такое, что необходимо выбросить. Это вот что: ты как будто считаешь себя обязанным поддерживать со мной приятельские отношения, идешь ко мне не потому, что хочется, а потому, что — чёрт подери, нужно, неловко, обидишь иначе. Вот эту ерунду нужно выбросить. Мне нужно только одно: чтобы ты мои рассказы любил, а это, надеюсь, и так будет. А если ты не прийдешь ко мне по той чрезвычайно простой причине, что тебе со мною скучно, так неужели же я буду таким идиотом, что обижусь или в чем-нибудь обвиню тебя!

Есть и еще причина, по которой заговорил я на эту неприятную тему. Было предположение, что лето мы проживем вместе, и вот боюсь я, что это сожительство окажется неприятным и скучным для тебя — и болезненным для меня. Я уверен, что если бы мы сошлись с тобой несколько ближе, чаще и дружественнее говорили— не на людях, не в фойе или на извозчике; если бы мне удалось стряхнуть с себя некоторую неловкость, которая сопровождает мои разговоры с тобой и делает меня фальшиво простым, фальшиво искренним и фальшиво умным,— то, может быть, при всей своей недоброкачественности я несколько выиграл бы в твоих глазах, по крайней мере, не был бы тебе скучен. Но может ли это быть? Вот в чем заковыка.

* * *

А вот еще штука: как посоветуешь. Проклятая «слава» не дает мне писать. Обо мне говорят, на меня смотрят, от меня ждут — и как почти всегда на людях я становлюсь фальшив. Пока я думаю о рассказе — я искренен до боли, и душа моя плачет, а как только я берусь за перо, все пропадает. Не о вещи думаю я, а о том, что скажут *они*. Просто нестерпимо. И так как нет у меня веры в себя, я впадаю в уныние, а впавши в уныние, совсем теряю почву под ногами. Мнителен я до идиотства, нуждой напуган до безумия. Тимковский ругает «Туман» [1] и говорит, что успех мой непрочен — я с идиотской живостью вижу картины одиночества, заброшенности, болезни; будто я в богадельне, на мне халат, и руки трясутся. Очень тяжела была моя прежняя жизнь, и стоит слегка обстругать меня как «модного» писателя — тотчас же покажется одинокий, отчаявшийся человек, боящийся людей и жизни.

Так вот, брат, какие подлые дела.

Посылаю тебе вырезку из «Северного края» [2]. Кстати: Миролюбов в очень дружеском письме сообщает между прочим, что цензор получил выговор и Плеве недоволен [3]. А здесь пущен упорный слух, будто «матери подали на меня жалобу на высочайшее имя». На сие тетка моя, женщина не лишенная остроумия, заметила: «Когда детей их нагайками драли, они не жаловались, а когда за детей их вступаются, они донос строчат». Только вот что, Алексеюшка: не стоит тебе, по-моему, писать статьи о «Тумане». Причины: ⟨Во⟩ 1-х) Это внесет еще дозу фальши в наши и без того достаточно плохие отношения. Ибо правда это: помимо законного желания найти сильного защитника своим *идеям*, во мне есть и тщеславная мысль— обо мне напишет М. Горький. Ты это поймешь, а поняви, плюнешь. ⟨Во⟩ 2-х) Ты сейчас недостаточно любишь меня, чтобы написать хорошо. ⟨В⟩ 3-х) Впрочем, остальное неважно. Лучше подождать: быть может, со временем у меня будет бóльшая нужда в твоей защите.

Для книги — если только «Туман» пропустят — я его переделаю (в художественном отношении) [4].

Как показалась тебе драма? Если как драма она не годится, я переделаю ее в повесть — с последней я скорее слажу. К моему замыслу драма относится как 1 : 10 [5].

Нахожусь в колебании: ехать мне с Шаляпиным в Каир или нет. Должно быть, не поеду [6].

Крепко жму лапу.

Твой В и д о п л я с о в [7]
(хочу заменить этим Леонид Андреев)

На письме помета Пятницкого: «1903. Начало».

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

[1] Рассказ Андреева «В тумане». Впервые опубликован в «Журнале для всех», 1902, № 12. Беспокоившие Андреева разговоры о непрочности его литературной популярности нашли отражение в печатавшихся в газетах обзорах литературы 1902 г

ГОРЬКИЙ С СЫНОМ МАКСИМОМ И АНДРЕЕВ
Фотография, Нижний-Новгород, 1902—1903 годы
Музей Горького, Москва

Отзыв Тимковского о рассказе в периодической печати отыскать не удалось,— быть может он был высказан в беседе с Андреевым.

[2] Андреев имеет в виду «Литературные заметки» К. Джанина («Северный край», 1903, № 5, 6 января). Сопоставляя рассказы Андреева «Предстояла кража» и «В тумане», рецензент отмечал присущую их героям внутреннюю раздвоенность, борьбу «в себе самом». При этом,— заключал он,— столкновение взаимно исключающих друг друга начал человеческой души завершилось в первом рассказе «спасением жизни», а во втором — «двойной смертью». К. Джанин — литературный псевдоним Николая Семеновича *Зезюлинского* (1878—1958) — профессионального революционера, неоднократно подвергавшегося арестам и ссылкам, члена КПСС с 1902 г. В 1907 г. Зезюлинский под партийной кличкой «Богдан» участвовал в работах V (Лондонского) съезда РСДРП в качестве делегата Московской окружной организации, стенографировал речи и был избран в протокольную комиссию (см. его очерк «В. И. Ленин на V съезде РСДРП».— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. I. М., 1956, стр. 401—419). В 1909—1914 гг.— политический эмигрант в Париже. С 1910 г. переписывался с Горьким. В 34-м сборнике «Знание» (1911 г.) опубликованы его очерки «Париж» (под псевдонимом: Н. Каржанский). В 1914 г. отошел от партийной работы. Был военным корреспондентом «Русских ведомостей» (Н. К а р ж а н с к и й. Записки военного корреспондента.— «Знамя», 1939, № 4-5). После Октябрьской революции руководил занятиями в драматической студии смоленского Пролеткульта.

[3] Главное управление по делам печати признало содержание рассказа «В тумане» противоречащим утвержденной программе «Журнала для всех» и 18 декабря 1902 г. потребовало от Петербургского цензурного комитета объяснений (см. прим. 1 к письму 3). Рассмотрев представленные материалы, Главное управление по делам печати уведомило 16 января 1903 г. Комитет, что приказом министра внутренних дел Плеве цензору «Журнала для всех» М. Вержбицкому за разрешение опубликовать «В тумане» объявлен выговор (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 30, ед. хр. 58, лл. 17 и 20).

Письмо Миролюбова к Андрееву об этом неизвестно.

Основной смысл рассказа не сразу был понят критикой, смущенной натуралистическими подробностями некоторых эпизодов. Тем не менее уже тогда делались попытки проникнуть в авторский замысел, дать ответ на затронутые Андреевым вопросы. Василий Щигров в «Критических этюдах» («Крымский курьер», 1903, № 31, 32, 34, 2, 4 и 6 февраля) писал об умении Андреева завладеть настроением читателя. Критик находил в рассказе правдивое изображение разлада между «отцами» и «детьми», историю гимназиста Павла Рыбакова называл обычным грустным явлением в жизни и возражал против характеристики героя рассказа как патологического субъекта. Еще более решительно высказался в пользу рассказа Ч. Ветринский в «Заметках о текущей литературе» («Самарская газета», 1903, № 7, 10 января). По его мнению, «с редким мастерством автору удается вместить в рамки уголовного случая ⟨...⟩ огромное содержание больного социального вопроса, в нашей литературе после „Крейцеровой сонаты", кажется, никем не затронутого» (см. также: А. Измайлов. Рассказ Л. Андреева «В тумане».— «Биржевые ведомости», 1903, № 10, 6 января; А. Б. ⟨А. И. Богданович⟩. Критические заметки.— «Мир божий», 1903, № 1, отд. II, стр. 1—14). Необычайно бурную полемику по поводу рассказа открыло «Письмо в редакцию» «Нового времени» С. А. Толстой (№ 9673, 7 февраля), в котором она согласилась с Бурениным, назвавшим «В тумане» порнографическим произведением (см. «Критические очерки».— «Новое время», 1903, № 9666, 31 января). Письмо Толстой было перепечатано в десятках провинциальных газет и получило огромный резонанс. Одним из первых откликов на него была статья И. Гофштеттера «Мораль и свобода творчества» («Слово», 1903, № 34, 9 февраля). В. В. Розанов («Новое время», 1903, № 9677, 11 февраля), явно дополняя Толстую, писал о «грубости» художественного чувства Андреева и его ориентации «на бессемейный люд». По мере развития полемики все яснее обнаруживалось размежевание критиков, тяготение их к двум взаимно исключающим друг друга полюсам. Либеральная пресса выступила с осуждением письма Толстой. При этом ей в вину вменялась прежде всего солидарность с нововременцем Бурениным. Неполную сводку полемических отзывов о рассказе — см. в кн.: Н. Денисюк. Смута общественной совести. По поводу произведений Леонида Андреева, полемики нашей печати и рассказа «Бездна». М., 1904. Л. Н. Толстой дал положительную оценку рассказу в беседе с Соловьевым-Андреевичем — см. раздел «Андреев о Горьком», № 41.

[4] «В тумане» вошел во второй том рассказов Андреева («Знание». СПб., 1906). Оставив без изменений фабулу рассказа, Андреев внес несколько штрихов, оттеняющих романтическую любовь Павла Рыбакова к Кате Реймер.

[5] См. прим. 3 к письму 31. «Выдумываю драму,— писал Андреев Пятницкому из Царицына 4 июня 1902 г.,— но от зелени и солнца одурел и ничего выдумать не могу» (АГ). Приехав из Арзамаса и находясь под впечатлением чтения «На дне», Андреев в августе 1902 г. сообщал Михайловскому: «А написана она ⟨пьеса⟩ хорошо, так хорошо, что я послушал, послушал— да и запустил к чёрту свою начатую драмищу. Почувствовал, как я еще молодо-зелено» (ЛА, вып. 5, стр. 55). 3 ноября 1902 г. Андреев вернулся к прерванной работе над драмой, получившей новое название «Закон и люди» и сокращенной до четырех актов. Конец работы датирован 8 декабря. Рукопись этой редакции (без начала, очевидно, уничтоженного Андреевым) вместе с двумя авторизованными копиями первого варианта (сделанными рукой А. М. Велигорской) передана в 1961 г. сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым в ЦГАЛИ. Для своей пьесы Андреев избрал мало знакомый ему быт купеческой среды. Тема пьесы — любовь брата и сестры, встретившихся после долгой разлуки. 15 февраля 1903 г. Горький сообщал Пятницкому из Нижнего-Новгорода: «Драму свою он ⟨Андреев⟩ написал не только неумело, но и — бездарно, что, впрочем, сам понимает. Мы ее забраковали — я и Алексин — он согласился с нами и уничтожил. Это хорошо» («Архив Горького», т. IV, стр. 120).

[6] В начале 1903 г. Шаляпин выехал из России за границу. Он посетил страны Малой Азии и Италию. Андреев с ним не ездил.

[7] Подразумевается Видоплясов из повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Пересылая Пятницкому письмо Андреева, Горький жаловался, имея в виду Андреева и Скитальца: «Хорошие у меня товарищи. То — женятся, то — стонут, вообще делают глупости, вместо того чтоб работать, и уснащают мою жизнь сотнями различных пустяков, с которыми мне, право, некогда разбираться. Чёрт бы их побрал, голубчиков ⟨...⟩ Когда почитаешь письма разных господ с нервиями не в порядке и послушаешь видоплясовских воплей — еще более оценишь ваше спокойствие, сдержанность и здоровье духа» («Архив Горького», т. IV, стр. 118—119).

80. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 9 ... 13 января 1903 г.〉

Письмо твое прочитал, разорвал и — постараюсь забыть о нем, а тебе рекомендую, дружище,— имей побольше уважения к себе и не пиши глупостей, поддаваясь настроениям, унижающим свободолюбивую душу твою.

Говорить подробно по поводу письма — не буду, это неудобно, ибо — длинно и, наверное, будет скучно. Подожду твоего приезда сюда — тогда мы с тобой уляжемся на диване — не хуже твоего, в моей комнате — получше твоей и — при свете электрическом — свободно и подробно поговорим.

Не думаю, что мы с тобой будем исповедываться, ибо полагаю, что сие ни тебе, ни мне — не требуется, а поговорить — поговорим.

Мои отношения к тебе изменились немного, это верно. Причины этому две: первая — не хочется мне мешать тебе жить жизнью новой, во вкус которой ты еще едва ли и вошел, вторая — моя усталость. Тебе так много людей мешают жить, что я в этом деле считаю себя лишним.

Ты — плохо живешь, очень много вокруг тебя пустых и незначительных людей, оттого мне кажется — и возникают у тебя настроения, подобные тому, которое побудило тебя написать несуразное твое письмище. Чудак ты.

Пока что — крепко жму твою лапу. Очень кланяюсь жене и матери твоей. Моя Катерина — все хворает. Разведусь с ней и женюсь на миллионше, которая предлагает себя в жены мне и даст один миллион, только один, стерва!

Ну, приезжай!

А. П е ш к о в

Датируется по связи с письмом 79.

81. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 25 февраля 〈1903 г.〉

Алексей! Я был сильно пьян и не могу дать себе вполне ясного и точного отчета о происшедшем[1]. Рвать при этих условиях отношения, рвать резко и навсегда, мне кажется невозможным и нелепым. Правда, что трезвый я один, а пьяный другой, правда и то, что я не отказываюсь нести последствия сделанного и сказанного в пьяном виде. Но мне нужно — и ты это поймешь — знать, что я сделал.

Ответь, если можешь. Если не хочешь отвечать, то молчание твое будет достаточным мне ответом, и я пойму.

Леонид А н д р е е в

[1] Андреев приехал к Горькому в Нижний-Новгород около 12 февраля 1903 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 119). О поведении Андреева, находившегося в состоянии тяжелого опьянения, см. письма Горького к Пятницкому (в разделе «Горький об Андрееве»).

82. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 24 ... 25 сентября 1903 г.〉

Алексей! Я хотел писать к тебе, когда буду посылать для прочтения свой новый рассказ — думалось, что из рассказа лучше, чем из моих объяснений ты поймешь, что *я*, настоящий *я* не в том пьяном дебоше, о котором стыдно вспоминать и говорить. Но дело затянулось, рассказ

приходится переделывать с начала, и когда он будет готов, не знаю; да и не могу я спокойно и хорошо работать, пока так или иначе не будет кончена эта история. Ты поверишь мне: за эти семь месяцев не было у меня дня, когда бы я о ней не думал и не разговаривал с тобою. И уже давно это стало невыносимо.

Невыносима мысль, что над нами, людьми разумными, может восторжествовать бессмыслица, что мы, люди хорошие, отдающие силы хорошей цели, можем разойтись из-за того, что один из нас, я, в течение нескольких часов, даже дней был сумасшедшим. Ведь если бы я заболел психически и совершил бы убийство или какую-нибудь гадость, ты не придал бы, конечно, никакого значения сумасшедшему поступку. А я, когда выпью, становлюсь настоящим сумасшедшим. Мною овладевают странные представления, в которых действительность искажается, как в кривом зеркале; я перехожу через ряд форменных маний, начиная обычно с мании величия, кончая манией преследования; последняя долго тянется и через похмельный период. Ломаю вещи, дерусь; меня часто били товарищи, приятели; били меня на улице, в участке; однажды, года четыре назад, чуть не выбили глаза. Я остаюсь на ногах, но совершенно теряю сознание и память. Если я выпью только две рюмки, я потом уже нехорошо помню свои и чужие слова; а когда напиваюсь, то как будто проваливаюсь в какую-то черную яму, из которой то выхожу благополучно, то разбитый, в кровоподтеках. И всегда для меня вопрос: что я вчера делал: или целовал, или оскорблял. Когда выпью две-три рюмки, то не могу уже не пить до конца. Прежде, давно, бывали счастливые периоды, когда я мог недели две-три пить, как и все; но кончалось всегда скандалом. Спроси у людей, которые знают меня давно, и они скажут: трезвый я никогда не сделал ничего дурного; пьяный я делал только дурное. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке — корявая пословица: даже в зародыше не бывает у меня тех мыслей и желаний, какие являются у пьяного. В полном смысле слова: два различных человека.

Все, что я рассказал, только увеличивало бы мою вину: человек знает, какой он пьяный, и пьет. Но в том-то и горе, что пьянство почти с начала было вне моей воли. И оттого оно было для меня непередаваемо страшно, как безумие, о котором человек знает, что оно каждую минуту может вернуться и захватить его. Так оно и бывало, и долго жизнь моя складывалась из страха перед водкой, пьянством со всем позором падения, снова страха и нестерпимого стыда. Если рассказать все об этом стыде, это было бы страшнее всех моих псевдострашных рассказов; но, к счастью или к несчастью, я не могу, не хватает силы даже думать. Ведь я всегда носил в себе человека, мечтал о благородстве слов и поступков, мыслей, даже о величии. Был маленьким Навуходоносором, которого периодически превращали в скота, ставили на четвереньки и заставляли есть траву и всенародно мочиться. Оттого так много горечи, страха и тоски на моей душе и так мало самоуважения, за отсутствие которого ты бранил меня. Когда я подумаю о своих предшественниках и одноучастных, обо всех этих Н. Успенских, Решетниковых, Эдгарах [1], Фофановых, Помяловских, мне становится и легче и страшнее — ты понимаешь.

И уже давно я борюсь с водкой, и долго борьба была безуспешна, так как водка поддерживалась бессмыслицей моей жизни. Только с начала моего писательства и знакомства с тобою борьба стала успешнее, и постепенно, шаг за шагом, водка стала вытесняться из моей жизни. Стали появляться промежутки трезвости, сперва короткие и только при помощи гипноза (я лечился у Токарского) [2], потом более продолжительные и самопроизвольные. С одной стороны, писательство, в котором я нашел смысл моей личной жизни, с другой, два влияния — твое и Шурино сделали то, что водка стала редкою, умирающею случайностью; начал про-

«ТИПЫ НАШИХ БЕЛЛЕТРИСТОВ»
Карикатура А. А. Лабуца («Овода»)
Рисунок для журнала «Стрекоза», 1903, № 18, от 4 мая

Вверху (слева направо): П. Д. Боборыкин, Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Потехин; внизу (слева направо): Горький, С. Г. Скиталец, Андреев

Музей Горького, Москва

ходить страх, явилась надежда и радость освобождения. Последнее пьянство началось еще до Нижнего и было, вероятно, вызвано тем огромным возбуждением, которое пережил я с родами Шуры; был я вообще в эту пору, даже трезвый, какой-то чрезвычайно нелепый, глухой и странный; какие-то форточки закрылись в голове. И нервы взвинтились. Ты помнишь, как я ревел на твоем «На дне» [3] или когда пел Шаляпин [4]. Когда я собирался ехать в Нижний, я уже бросил пить; началось с того, что в вагоне всю ночь не спал от зубов и раскис. А перед тобою мне не хотелось быть кислым, я и начал себя подбадривать. Понимаешь: хотел, чтобы ты лучше обо мне думал. И так кончилось.

Ты хорошо знаешь меня, я всегда был с тобою совершенно откровенен и не позировал, и если было во мне что-либо тебе дорогое и близкое, оно так и осталось. Ты любил меня как писателя и, если не ошибаюсь, и сейчас относишься хорошо — но ведь во мне неразделимы писатель и человек. Никогда не пишу я нарочно о том, чего сам не пережил и не перестрадал, и если тебе приятен тот, кто пишет эти рассказы,— это значит, что я тебе приятен. Бывают писатели, которые благородны и хороши только в силу своего огромного таланта; когда талант бездействует, они пошляки. У меня нет такого таланта, и если вещи мои нравятся, то потому, что они искренни — то есть правдиво выражают меня. Кстати: дошел до меня слух, что ты опасаешься или допускаешь возможность, что я влезу по уши в мистицизм и пойду по стопам Достоевского. Это неверно. Достоевского я люблю, но не всегда понимаю, и он мне чужой. Я много думаю о жизни и о смерти и чувствую в них глубокую тайну, но отношение мое к этой тайне как к опущенной занавеси: хочется приподнять ее, а никак не залезать по ту сторону, в темноту, и там чрево-

вещательствовать. Возьми то: в писательстве я чувствую органическую связь с тобою (почему ты и был таким сильным пробудителем во мне всего, что спало), и ты так близок мне, как никто, хотя по первому взгляду мы совсем разные: ты силен, я слаб, ты свободен, а я нем и только ищу свободы.

Говорю откровенно: мне кажется немыслимым, невозможным, чтобы мы разошлись навсегда. Голова моя не может этого вместить. Я не могу представить, что ты перестал быть для меня тем, чем был с начала знакомства, чтобы в жизни мы пошли разными путями. Если же это совершится, то для меня в известном смысле это конец — в смысле полного крушения того миросозерцания, к которому я начал приходить. Если это совершится, то я перестану понимать всё; тогда значит нет земли под ногами; нет правды, нет смысла в жизни, ничего нет. Ведь и теперь я только держусь верою, что все это временное, что это разъяснится и пройдет. Я просто не могу представить, что это будет, когда ты словами или молчанием скажешь: конец.

Я не прошу тебя вернуть прежнее твое теплое чувство, любовь, что ли. Быть может, все отвратительное, безобразное, что ты увидел тогда, так сильно перевернуло тебя, что ты уже не можешь, если б и захотел, хорошо и тепло отнестись ко мне. Я прошу тебя только о том, что в твоей воле: всмотрись, рассуди и реши: достоин ли я твоего неуважения или нет. Пойми, что это значит: твое неуважение. Из всех людей, кого я встречал, только твое мнение имеет для меня ценность. Мне бывает тяжело и неприятно, когда другие люди, хорошие, плохо думают обо мне, но с этим я легко могу бороться; их суждению, часто основанному на узенькой мерке мещанской морали или на глупости, я могу противупоставить более широкий и разумный взгляд, и я в конце концов могу осудить своих судей. Когда И. Бунин или Тимковский или Малянтович [5] так или иначе выражают мне свое неодобрение, я довольно-таки спокоен; я знаю, что если захочу, сам выражу им свое неодобрение, да, пожалуй, покрепче и поосновательнее, чем они. Даже при моем пьянстве и падении, я не знал человека, на которого в моральном отношении мог бы смотреть снизу вверх. Другое дело — ты. Нам обоим будет совестно, если я подробнее остановлюсь на этом и изображу тебя, каким ты мне представляешься. Буду поэтому возможно краток. Во-первых, та иррациональная близость, связь, которая между мужчиной и женщиной создает любовь, а между мужчинами — дружбу,— она делает твое мнение несравнимо ценным, особенным. Затем, мозговое, ясное сознание, что по твоей жизни, по широте твоих взглядов, по отсутствию в твоих оценках момента узко личного — ты стоишь выше меня. Чувство такое, как будто мы — дети одной матери и ты — мой старший брат. Быть может, после того, что я наделал, это самозванное родство покоробит тебя, но я, по времени, по крайней мере, имею право называть тебя «брат»: впервые, в письме я назвал тебя этим именем, когда ты сидел в Нижнем в тюрьме [6]. А с тех пор ничто во мне не изменилось.

Есть одна вещь, очень важная, о которой сейчас я не решаюсь говорить. Это по поводу Ю. Н.[7] Есть у меня перед нею большая вина, но не в том заключается она, будто я имел на нее дурные виды: сказать последнее все равно, что сказать, будто я таскаю из карманов носовые платки или состою на жаловании в III Отделении. Быть может, после тебя ни к кому из сторонних людей не отношусь я с таким уважением, как к ней,— и подумать... Нет, Алексей, когда я начну насиловать родных сестер, тогда можно поверить и этому. Писать подробнее мешает то, что вообще в письме говорить об этом неудобно, а потом — ты и так должен, Алексей, поверить в мою честность. И если поверишь, почувствуешь, что правда, не могу же я воровать платки — тогда с радостью я расскажу тебе все,

без утайки. И ты же — тогда — скажешь мне, должен ли я поговорить с ней или нет; при *той* моей вине, какая действительно есть, лучше, быть может, не говорить.

Теперь рассуди и реши. Это очень, очень важно, ничего в жизни не было у меня такого важного. Это письмо, если найдешь удобным, покажи Екатерине Павловне, хотя я уверен, она уже и так поняла и простила меня, как поняла и простила Шура.

Буду очень ждать ответа. Напиши, хотя бы даже «конец» потому, что молчание страшно. Адрес мой: Москва, Грузины, Средний Тишинский пер., д. Шустова.

Позволь пожать твою руку.

Твой Леонид Андреев

Не запечатывая своего письма, Андреев послал его Пятницкому для пересылки Горькому (см. раздел «Андреев о Горьком», № 48). Одновременно с письмом Андреев послал Пятницкому рукопись рассказа «Жизнь Василия Фивейского».

Датируется на основании письма Горького к Е. П. Пешковой от 27 сентября 1903 г.: «Л. Андреев прислал длинное письмо, очень хорошо написано. Нужно что-то делать для него, это очевидно. Я — рад. Он талантлив, как сатана. Но — должен будет извиниться перед Ал⟨ексеиным⟩ и Мал⟨ининым⟩» («Архив Горького», т. V, стр. 86; вторая фамилия раскрыта там неправильно: Малиновский).

[1] Андреев имеет в виду Эдгара *По* (1809—1849).

[2] Ардалион Ардалионович *Токарский* (1859—1901) — психиатр, приват-доцент Московского университета; лечил гипнозом от алкоголя.

[3] Премьера пьесы «На дне» в Художественном театре 18 декабря 1902 г.

[4] Речь идет о бенефисе Шаляпина в Большом театре 3 декабря 1902 г. (см. прим. 2 к письму 73).

[5] Павел Николаевич *Малянтович* (1870—1939) — известный адвокат, защитник в политических процессах (дело Скирмунта и др.); министр юстиции в последнем составе Временного правительства. Рекомендовал Андреева в число сотрудников «Курьера». 9 сентября 1903 г. выступал в Московском окружном суде в качестве защитника Андреева по делу о литературно-музыкальном вечере в зале Благородного собрания (см. прим. 1 к письму 78).

[6] См. письмо 23.

[7] Юлия Николаевна *Кольберг* (1872—1954) — близкий друг семьи Горького, его товарищ по революционной работе в Нижнем-Новгороде.

83. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 26 ... 28 сентября 1903 г.⟩

Дорогой мой Леонид,[1]

— мне тоже давно надоела вся эта тяжелая и грустная история и если б ты не написал мне, я на днях был бы у тебя все равно. Не думай же о том, что вот именно ты сделал «первый шаг». Предупреждаю — потому, что знаю я силу того шпионского чувствованьица, которое называется человечьим самолюбием.

Прежде всего,— передай твоей жене, что все это время я считал себя виновным перед нею, считаю и теперь. Она поймет в чем. Я прекрасно помню ее взгляд на мою рожу, когда мы — ты, она и я — встретились в Ялте, на набережной. Вообще, в этой истории тяжелее всего было не нам с тобой, а третьим лицам[1].

Милый ты мой друг — напрасно ты столь длинно объяснял то, что я понимаю и без твоей помощи до ужаса ясно. Ты, кажется, думаешь, что обидел меня? Этого не было. Но ты очень обидел Алексина, которого я люблю, и Малинина [2], который попал зря в эту кашу. За них мне больно и неловко по сие время. Это мы устроим, разберем.

О Юлии не беспокойся,— ей эта история — как удар камнем человеку, идущему на смерть [3]. Она очень чуткая, умная, она уже давно во всем разобралась.

Знаешь ты, что меня страшно мучило после этой истории и почему я не могу до сей поры видеть тебя? Это чувство жалости и отвращения. Если б я видел любимую мною женщину насилуемой развратником и мерзавцем — я бы чувствовал себя вот так же, наверное. Я тебя люблю, не только как литератора-товарища — это не важно,— я люблю мятежную душу твою, поверь. Ты — огромный талант, у тебя — великое будущее. И ты — во власти этой темной силы, ты, так легко и просто разрушающий множества сил, тех, что держат в тесном плену предрассудков свободный дух человека. Это, брат, ужасно. Вот — трагизм!

Ты зовешь меня старшим братом. Да, я старше тебя, у меня больше опыта, только поэтому старше. Но у тебя больше таланта и ума. Тем тяжелее мне видеть тебя в плену безволия.

От этой проклятой болезни в тебе родилась боязнь чего-то, некий, непонятный мне, страх. Я — ничего не боюсь и страстно хотел бы передать тебе мое мужество, оно есть у меня. Что сделать, как внушить тебе необходимость лечиться? Теряюсь. А вижу — это возможно.

На днях у меня был Андреевич — Е. Соловьев, помнишь, из «Жизни». Он — наследственный алкоголик. Но вот уже третий год он не пьет и не чувствует надобности в этом. Лечился гипнозом. Теперь есть такая специя, приводящая человека в гипнотический сон. Слушай, попробуй все яды, все кислоты, огонь — если нужно — но — освободи себя из унижения, из этой безвольщины!

Все это время я читал твою книгу [4], думал о тебе, расспрашивал. И мне было обидно, что ты мало пишешь.

Ну — ладно, скоро я увижу тебя. Кланяйся жене и матери. Крепко обнимаю.

Всего доброго тебе и — самоуважения прежде всего!

А л е к с е й

О мистицизме — сплетня. Ничего я не мог говорить о возможности для тебя утонуть в этом сером киселе.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Горький жил в Ялте с 6 марта до 19—20 апреля 1903 г. Остановился он у А. Н. Алексина, с которым вместе выехал из Нижнего-Новгорода («Летопись», I, стр. 433, 438). 7 или 8 апреля в Ялту вместе с женой и матерью приехал искавший встречи с Горьким Андреев («Ялтинский листок», 1903, № 97, 15 апреля). Однако примирение между ними не состоялось: Андреев отказывался извиниться перед Алексиным, неосновательно полагая, что последний препятствует его решительному объяснению с Горьким (сообщено Е. П. П е ш к о в о й).

[2] Михаил Дмитриевич *Малинин* (сценический псевдоним Буренин) — певец, артист Русской частной оперы. 14 февраля 1903 г. вместе с Андреевым и Алексиным принимал участие в Нижнем-Новгороде в музыкально-литературном вечере в пользу общежития для детей учителей («Нижегородский листок», 1903, № 42, 12 февраля).

[3] См. прим. 7 к письму 82.

[4] «Рассказы» Андреева.

84. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 29 сентября ... 1 октября 1903 г.〉

Душечка!

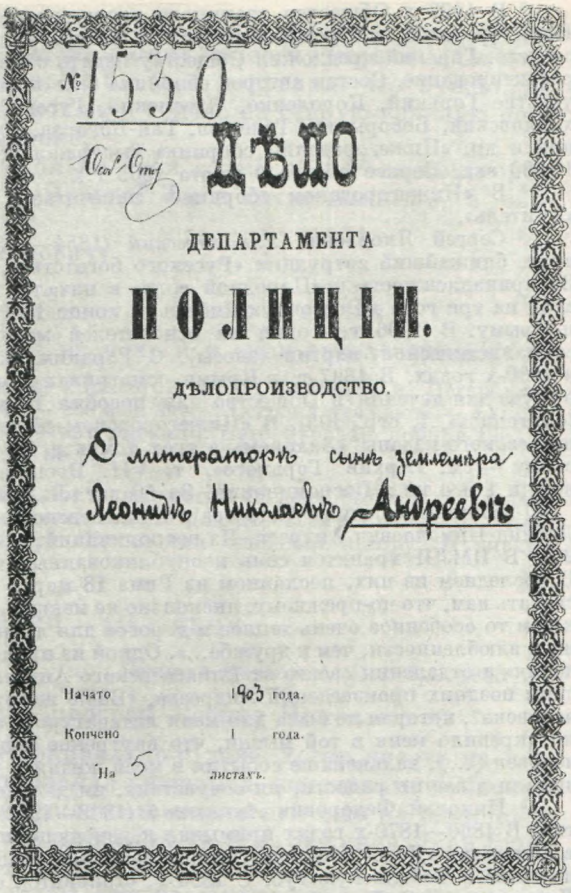
Относительно пребывания моего в Москве я уже уговорился со Скирмунтом и остановлюсь у него [1]. Для меня это очень удобно и для тебя тоже, поверь. А надоесть тебе я могу, хотя и не буду жить у тебя.

Засим: а. Так как ты женат на нижегородке и несколько раз бывал в Нижнем — это обязывает тебя принять участие в «Нижегородском сборнике» [2], издаваемом в пользу фонда для постройки общежития детям учителей народных школ. В сборнике этом принимают участие все ниже-

«ДЕЛО ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ» ОБ АНДРЕЕВЕ, 1903 г.

Обложка

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва


№ 1530

Дѣло

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

Литераторъ сынъ земледѣльца Леонидъ Николаевъ Андреевъ

Начато 1903 года.

Кончено 1 года.

На 5 листахъ.

городцы — Минин, Пожарский, Никон, Аввакум, Добролюбов, Кулибин, Сперанский, Пушкин, Боборыкин [3], я, Короленко, Елпатьевский [4], Анненский [5], Чириков, Шаталец [6] и другие.

б. Напиши одноактную пьесу для Художественного театра. Еще напишут: Чириков, Шаталец и я. Будет четыре акта [7].

в. Напиши хороший рассказ — без венерических болезней, если тебе нетрудно [8]. И Скиталец, и Чириков, и я, и Чехов — все мы сделаем то же. В январе выйдет литературный сборник «Знания» № 1 [9]. Понимаешь? Польза сего предприятия для нас и публики должна быть понята тобою без разъяснений. Впрочем — поговорим при встрече. Но — чур!— чтобы в газете «Курьер» не печатали «В скором времени имеет выйти...»

Где «Бунт»? Пишешь ты его? [10]

Я пишу письма. Противное занятие.

Жене твоей поклон. Моя — ⟨...⟩ занимается покупкой разных шкафов. Уже купила одиннадцать, пока—больше в городе нету. Если тебе придет когда-нибудь в голову сделать ей удовольствие, сообщи где продается большой подержанный шкаф. Очень большой. Чем больше — тем лучше.

Алексей

Датируется по содержанию.

[1] Горький приехал в Москву 3 октября 1903 г. В Нижний-Новгород вернулся 8 октября («Летопись», I, стр. 449).

[2] В 1902 г. Общество взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губ. решило выпустить литературный сборник для пополнения своих средств. Горький предложил Обществу издать сборник в «Знании» и взял на себя его редактирование. Состав авторов сборника был значительно расширен. В нем приняли участие Горький, Короленко, Елеонский, Гусев-Оренбургский, Андреев, Гарин-Михайловский, Боборыкин, Телешов, Тан-Богораз, Куприн, Белоусов, Щепкина-Куперник и др. «Нижегородский сборник» выдержал четыре издания (каждое тиражом в 10 500 экз. Первое вышло 9 марта 1905 г.).

[3] В «Нижегородском сборнике» напечатаны воспоминания П. Д. Боборыкина «Учитель».

[4] Сергей Яковлевич *Елпатьевский* (1854—1933) — писатель-народник, земский врач, ближайший сотрудник «Русского богатства», единомышленник Михайловского. За принадлежность к «Народной воле» в начале 1880-х годов был арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь. С конца 1880-х годов жил в Нижнем-Новгороде и Крыму. В 1906 г.— один из основателей мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии (энесы). С Горьким познакомился в Нижнем-Новгороде в 1890-х годах. В 1897 г. в Крыму осматривал Горького, обратившегося с просьбой о ссуде для лечения в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Летопись», I, стр. 193). В «Нижегородском сборнике» не участвовал. Рассказы Елпатьевского изданы «Знанием» в трех томах в 1904 г. Письма Горького к Елпатьевскому — см. «Архив Горького», т. VII. Воспоминания Елпатьевского о Горьком вошли в его кн.: Воспоминания. За 50 лет. Л., «Прибой», 1929.

О взаимоотношениях Андреева и Елпатьевского — см. С. Я. Елпатьевский. Леонид Николаевич Андреев. Из воспоминаний.— «Былое», № 27-28, 1924, стр. 275—281. В ИМЛИ хранятся семь неопубликованных писем Андреева к Елпатьевскому. В последнем из них, посланном из Рима 18 марта 1914 г., Андреев писал: «...я хочу сказать вам, что по-прежнему, нисколько не меньше, я люблю и уважаю вас, испытываю к вам то особенное очень теплое и дорогое для души чувство, которое стоит даже ближе к влюбленности, чем к дружбе...». Одной из причин последующего «внешнего отчуждения» и отдаления своего от Елпатьевского Андреев объяснял неприятием Елпатьевским поздних произведений Андреева. «Ваше же отрицательное отношение к „Жизни человека", которая не была для меня литературой, а мной самим, моей душою — только укрепило меня в той мысли, что внутренне я для вас далекий и малоинтересный человек ⟨...⟩, дальнейшие события в моей жизни и дальнейшая литература моя не вызывали в вас ни радости, ни сочувствия, ни даже особенного интереса».

[5] Николай Федорович *Анненский* (1843—1912) — публицист, экономист, статистик. В 1860—1870-х годах примыкал к революционному народничеству, сотрудничал в журналах «Дело» и «Отечественные записки». В 1880 г. подвергся административной высылке в Тобольскую губ. С 1894 г. становится сотрудником «Русского богатства». Председатель С.-Петербургского литературного общества, член комитета Литературного фонда. В 1901 г. принимал участие в демонстрации у Казанского собора. В 1903—1905 гг.— один из организаторов «Союза освобождения», а в 1906 г.— в числе основателей и руководителей Трудовой народно-социалистической партии. Горький познакомился с Анненским в Нижнем-Новгороде в конце 1880-х — начале 1890-х годов («Летопись», I, стр. 73). Задуманные в 1912 г. воспоминания Горького об Анненском впервые были опубликованы в кн.: Горький. Воспоминания. Рассказы. Заметки. 1927 (XVII, 92—96), а письма к Анненскому 1895—1897 гг.— XXVIII, 17—19.

В «Нижегородском сборнике» Анненский не участвовал.

[6] Произведения Чирикова и Скитальца в «Нижегородском сборнике» не печатались.

[7] Этот замысел не был осуществлен.

[8] Подразумевается рассказ Андреева «В тумане».

[9] Сборник товарищества «Знание» за 1903 г. (кн. 1. СПб., 1904) вышел в свет 16 марта 1904 г. Содержание его составили произведения: Андреева — «Жизнь Василия Фивейского», Бунина — стихотворения и рассказ «Чернозем», Вересаева —«Перед завесой», Гарина — «Деревенская драма», Горького — «Человек», Гусева-Оренбургского — «В приходе», Серафимовича — «В пути» и Телешова — «Между двух берегов».

[10] См. прим. 7 к письму 34.

85. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 20 ... 28 ноября 1903 г.⟩

Милый мой Алексеюшка! Димка не совсем здоров, и нам с Шурой больно уезжать. Поедем в СПб. в воскресенье или понедельник. А пока, чтобы не задерживать печатания и перевода, посылаю рассказ — но дело вот в чем: последние четыре страницы набирать и посылать не нужно, так как хочу я их сильно переделать. Именно: меньше слез и больше

бунта. Под самый конец Василий Фивейский распускает у меня нюни, а это не годится, и даже по отношению к этому человеку мерзко [1]. Он должен быть сломан, но не побежден. Я бы уже поправил, что нужно, да совсем сейчас не работает башка; похож я сейчас на старую грязную портянку, вымоченную в снятом молоке.

Хотелось бы мне сказать несколько слов о тебе и о моем некотором чувстве — но лучше не говорить. Правда? Ты и так понимаешь, а слова — они лгут.

Поклонись Константину Петровичу.

Крепко жму лапу.

Твой Л е о н и д

P. S. Голоушев прочел рассказ на ночь и в окно видел чертей.

Датируется по содержанию и письму Горького к Е. П. Пешковой из Петербурга от 3 или 4 декабря 1903 г. («Андреевы — всё еще здесь. Сегодня уезжают».— «Архив Горького», т. V, стр. 88). Горький из Москвы выехал в Петербург 19 ноября 1903 г. В этом году воскресенья приходились на 23 и 30 ноября.

[1] Речь идет о рассказе «Жизнь Василия Фивейского». 24 декабря 1903 г. Пятницкий выслал один экземпляр рукописи Мархлевскому для перевода на немецкий язык. Корректуру «знаниевского» экземпляра Пятницкий отправил автору 30 января 1904 г. (АГ).

86. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. Декабрь 1903 г.〉

Глубокоуважаемый собрат и порнограф Леонид Николаевич!

Пишу вам, м. г., совершенно официально и даже хотел писать на подлинном бланке О-ва вспомоществования учащимся женщинам в Москве, но сообразил, что слишком вы зазнаетесь, ежели вам еще на бланке, да к тому же они, бланки-то эти, не линованы, а я на нелинованной бумаге не умею писать — выходит криво.

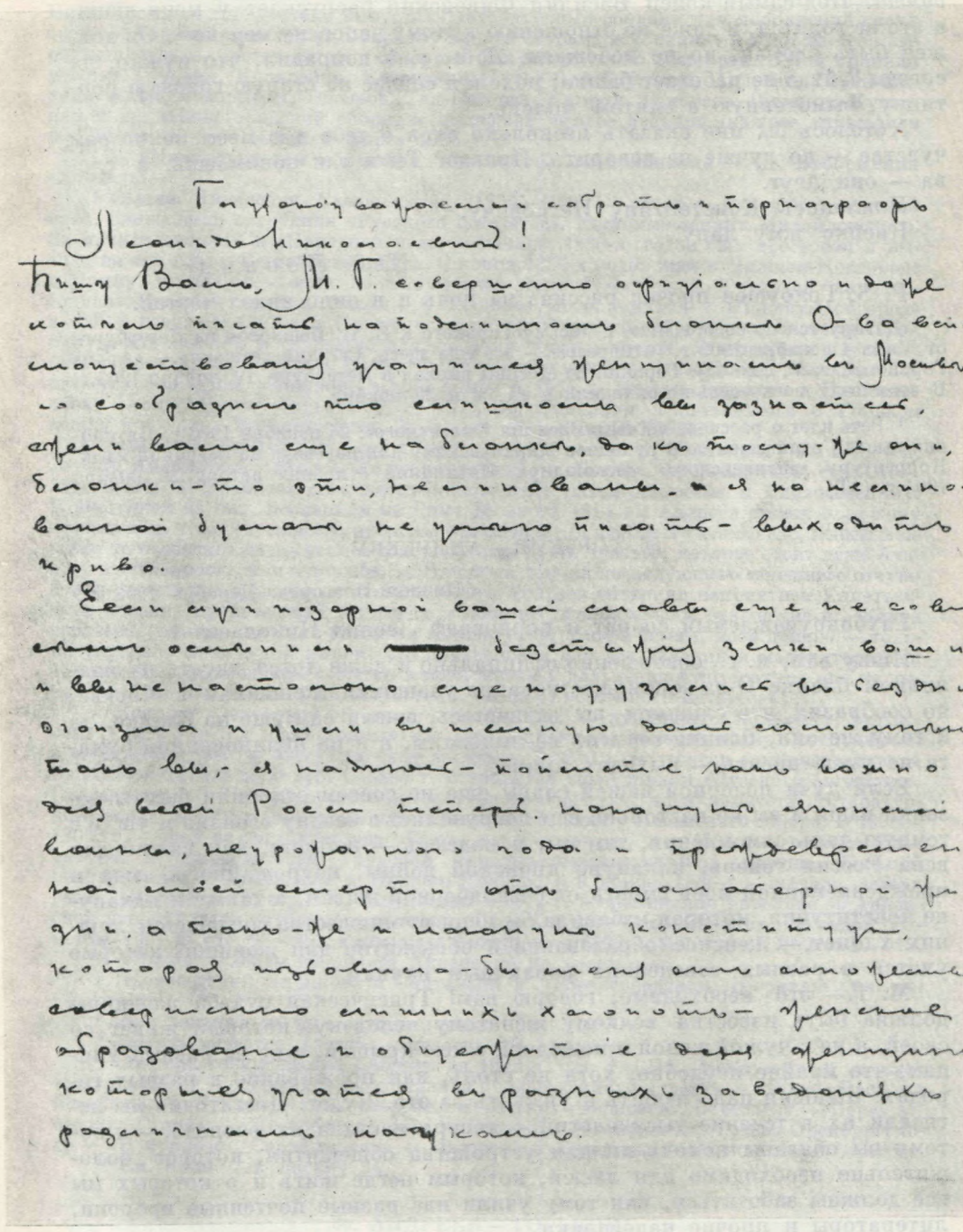
Если лучи позорной вашей славы еще не совсем ослепили бесстыжие зенки ваши и вы не настолько еще погрузились в бездну эгоизма и ушли в темную даль самомнения, так вы, я надеюсь,— поймете, как важно для всей России теперь, накануне японской войны, неурожайного года и преждевременной моей смерти от безалаберной жизни, а также и накануне конституции, которая избавила бы меня от множества совершенно лишних хлопот,— женское образование и общежитие для женщин, которые учатся в разных заведениях различным наукам.

М. г.— это необходимо, говорю вам! Трагическая судьба женщины должна быть известна всякому женатому человеку, который живет со своей, а не с чужой женой и под одной с нею крышей, а не на разных улицах, что крайне неудобно, хотя не столь, как проживание в разных городах. Женщин надо любить и уважать за это. Будет! Достаточно мы истязали их в течение тысячелетий,— теперь настала их очередь,— и потому вы обязаны помочь им для устройства общежития, которое положительно необходимо для людей, которым негде жить и о которых мы все должны заботиться, как тому учили нас разные почтенные пророки, литераторы и прочие надоедники.

Дорогой собрат! Вперед! И — да здравствует общежитие, в пользу которого я и пишу вам это убедительное письмо.

Ух! Жизнь шагает широкими шагами все вперед и выше — как хорошо, что она без панталон, ибо столь быстрого движения никакая материя не выдержит — непременно разорвется в паху.

Мы все должны поспевать, кто куда намерен — такова обязанность наша и ни черта, брат, не поделаешь, хоть иногда устаешь.



АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ ДЕКАБРЯ 1903 г.
Первый лист
Собрание В. Л. Андреева, Женева

черта, брат, не подписать, хотя иногда устаешь.

И только-что вышедшего, я послал тебе, зная точно ясно вижу в тебе нечто дело- и мало кто тебя достоин всё это понимать так, как я - действующий!

Выздоравливаю проводя самые скучные бессонные

Относительно писем прошу Васю раздобыть такие, какие я их написал.

Прощай!

Скучно!

Алексей

ОБЩЕСТВО
ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ
УЧАЩИМСЯ ЖЕНЩИНАМЪ
въ Москвѣ.

СОВѢТЪ —

Успокой Пешкова и Серафимовича дать раздобыть сборника! Не нужен я им теперь писать на бессонницу? О, Христос! уважай критиков и пиши для сборников! Они хорошие ребята.

Очень простой совет

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ ДЕКАБРЯ 1903 г.
Последний лист
Собрание В. Л. Андреева, Женева

Итак — из вышеизложенного, я полагаю, достаточно ясно видно, в чем именно дело,— и так как вы тоже должны всё это понимать, то и — действуйте!

В удостоверение правды слов моих приклеиваю бланк.

Остальные же письма прошу вас раздать тем, кому я их написал.

Прощай!

Скучища!

Алексей[1]

Умоляю Телешова и Серафимовича дать рассказы для сборника![2] Неужели я им должен писать на бланках? О, жизнь моя, уважай женщин и пиши для сборников в их пользу — хорошие рассказы.

Очень простой совет.

Внизу последнего листа наклеен бланк Совета Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве.

Датируется по содержанию. См. о том же письма Горького от декабря 1903 г. к Куприну, Гарину-Михайловскому («Архив Горького», т. VII, стр. 47) и Чехову (XXVIII, 298).

[1] Под этой подписью нарисован автошарж (см. оборот).

[2] Издание сборника не осуществилось.

1904

87. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний Новгород. 4 ... 6 января 1904 г.〉

Милый мой Леонидка — получил твое письмо и почувствовал себя несколько виноватым перед тобой.

В Москве я был, а у тебя — не был и это — нехорошо [1], ибо — за одним исключением — я тебя люблю в Москве больше всех — Василия Блаженного, Третьяковской галереи, Художественного театра, Румянцевского музея и т. д. Очень люблю! Это — факт. Буду я в Москве 10-го, но тебя — не увижу, ибо — некогда, и 11-го я уеду в Пензу [2], а приеду — 15-го и проживу с неделю, да. Тогда — увидимся, поговорим и прочее такое.

Когда узнаешь день бенефиса Федорова — пошли жене и Пятницкому телеграммы и зови их в ложу № 13-й [3]. Прошу!

Об «Орле» читал, хохотал, потом стало грустно [4]. А ты — прелесть!

Жене твоей Лександре — привет!

Мне некогда.

Твой А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Письмо Андреева не сохранилось. В Москву Горький приехал 29 декабря 1903 г. 31 декабря он был на новогоднем банкете в Художественном театре, а 3 января 1904 г. выехал в Нижний-Новгород («Летопись», I, стр. 458, 459, 463). О новом приезде в Москву Горький сообщал из Нижнего-Новгорода Пятницкому 7 января 1904 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 150. См. также телеграмму Горького № 88). Здесь же он писал: «Посылаю три письма Леонида,— спрячьте их, они имеют большое значение для его характеристики и, со временем, пригодятся...». Вероятно, речь идет о письмах № 81, 82, 85.

[2] Поездка в Пензу была предпринята Горьким по конспиративным делам. Через большевика Н. М. Флерова он установил связь с секретарем земской пензенской губернской управы И. Ф. Блиновым, который снабжал революционеров паспортами. Горький получил от Блинова чистую паспортную книжку и 16 января 1904 г. выехал обратно в Москву, вскоре он направил к Блинову за паспортами двух подпольщиков (см. А. В. Храбровицкий. Зачем Горький ездил в Пензу? — «Пензенская правда», 1958, № 61, 26 марта).

[3] Бенефис Шаляпина в Большом театре — 16 января в опере А. Г. Рубинштейна «Демон». О дне бенефиса Андреев телеграммами предупредил Пятницкого и Е. П. Пешкову. Горький и приехавшая из Нижнего-Новгорода Пешкова были на спектакле и чествовании Шаляпина («Летопись», I, стр. 465).

[4] Возможно, подразумеваются сообщения печати о строительстве эскадренного броненосца «Орел», заложенного в Петербурге 20 мая 1900 г. Близкая к правительственным кругам пресса рекламировала строительство броненосца как доказательство военной мощи самодержавия. Однако в процессе постройки корабля обнаружились существенные недостатки его конструкции. Впоследствии, 14 мая 1905 г., в сражении при Цусиме броненосец получил тяжелые повреждения и был захвачен японцами (В. П. Костенко. На «Орле» в Цусиме. Л., Судпромгиз, 1955).

88. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Нижний-Новгород. 7 января 1904 г.⟩

Около пятнадцатого буду Москве. Крепко обнимаю.

Алексей

⟨*Адрес:*⟩ Москва. Грузины. Средне-Тишинский пер., дом Шустова. Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке. См. также прим. 1 к письму 87.

89. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Сестрорецк. 4 февраля 1904 г.⟩

Здесь прекрасно [1], вот что я тебе скажу, милый Леонид. За сто в месяц я имею комнату емкостью с манеж, высота потолков — 10 сажень, электрическое освещение, каток, лыжи, ресторан, замерзшее море — пневматический ингаляторий, русские и римские бани, души, ванны, обливания, над входом надпись «in corpore sana — mens sana» * — и никаких людей!

Тишина. Сосны, осыпанные снегом. И море — ровная, гладкая пустыня, безмолвная и прекрасная.

Нужно оговориться — «ингаляторий» — я не знаю, что это такое, но очевидно что-то очень полезное — ингаляторий — не действует. Души, ванны, бани — тоже не действуют, они — только дважды в неделю могут «оказывать влияние» — как говорит заведующий блаженством. Но это ничего — я и без воды умею охлаждать себя. Роль душа Шарко с успехом может быть заменена небольшим приемом скептицизма.

Нет, серьезно — здесь очень хорошо. Знаешь — вроде острова Дьявола или Св. Елены[2]. Через каждые два часа из Питера приходит поезд и привозит новости. Я читаю телеграммы и отравляюсь «патриотизмом». Но — это неопасно, хотя возмущает [3].

В тревожное и спутанное время нужно оперировать с точными принципами или мнениями — из них же первое: воюют правительства, а не народы, и воюют для упрочения своей власти, а не в интересах страны. Ну, и пускай воюют. Бьют народ? А конечно! Его всегда били, бьют и будут бить, и это до поры, покуда он не научится уважать себя. А газетчиков я бы перевешал, разумеется, не на здешних соснах. Вот — сволочь! Как лгут, что говорят! И — пользуясь удобным случаем — все сводят счеты с нами. Так Н. Энгельгардт в сегодняшнем, 4-го, «Новом времени» между прочим дал тебе локтем в бок за рассказ «Оригинал» — помнишь — «А я люблю негритянок!»[4]

Вообще, Леонидушка,— «прошли наши веселые деньки — наступают слезовые времена» — травить нас будут усердно, так и знай. Но «знай край, а не падай!» Сочиняй себе и плюнь на всё. Я вот сижу и с удовольствием сочиняю [5]. Вещь будет тихая, жидкая, но это — ничего. Потом я поправляюсь. Так же и ты, мой друг, работай и — кончено! Война — жестокая глупость, а литература — воистину война человека супротив людей за свою свободу. Я философствую и плохо. Это — от ноги. Нога у меня, видишь ли, болит и так она, шельма, болит, что я ходить не могу. Замечательно болит! Как зубы, примерно.

Поклонись от меня Викентьичу и поклонись ему очень. Хорошая он душа и голова у него на месте [6].

Засим остаюсь на одной ноге.

Твой Алексей

---

* «в здоровом теле — здоровый дух» (лат.).

Александре Михайловне — поклон.

Может быть, ты сюда съездишь? Если — да, то не раньше второй недели поста, ибо — завтра, а то в пятницу я поеду дён на пять в Варшаву город [7]. А в конце первой — буду в Питере [8]. Поезда ходят сюда через каждые два часа, в часы нечетные и время езды — час 15 минут.

Обнимаю.

А.

Датируется по упоминанию статьи в «Новом времени» от 4 февраля 1904 г. (см. прим. 4).

[1] В Сестрорецк, в санаторий Горький приехал 1 февраля 1904 г. и пробыл до середины апреля, часто совершая поездки в Петербург («Летопись», I, стр. 468—474).

[2] Намек на места пребывания Дрейфуса и Наполеона.

[3] В ночь на 27 января 1904 г. японские миноносцы совершили внезапное нападение на русскую Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Начало войны ознаменовалось проведенными с одобрения властей «патриотическими» демонстрациями в Петербурге, Москве и других городах. Горький имеет в виду, в частности, статьи в петербургских газетах об организованной полицией 27 января 1904 г. «манифестации» черносотенцев и монархически настроенной части студенчества перед Зимним дворцом (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой от 4 февраля 1904 г.— «Архив Горького», т. V, стр. 96).

Русско-японская война в художественном творчестве Горького тех лет не получила отражения. Лишь в 1911 г. он напечатал посвященный войне первый рассказ из цикла «Жалобы» в «Современнике», № 1, и в газете «Руль», № 274 и 275, 31 января и 3 февраля (X, 210—226). В сборниках «Знание» он поместил «Путь» Л. Сулержицкого (кн. 9, 1906), «Отступление» Г. Эрастова (кн. 13, 1906), записки «На войне» Вересаева (кн. 17—20, 1907 — 1908) — правдивые свидетельства о русско-японской войне очевидцев, противостоящие писаниям буржуазных литераторов и журналистов (см. статью П. С. Выходцева «Русско-японская война и литература 1905—1907 годов». — Сб. «Революция 1905 года и русская литература». М.—Л., 1956, стр. 280—320).

[4] Николай Александрович *Энгельгардт* (1867—1942) — реакционный публицист и литературный критик; с конца 1890-х годов один из ведущих сотрудников «Нового времени», автор «Истории русской литературы XIX столетия», тт. I—II (СПб., изд. А. С. Суворина, 1902—1903). Горький имеет в виду рассказ Андреева «Оригинальный человек» (см. прим. 1 к письму 71) и статью Энгельгардта «Мысли кстати. Работа русского таланта» («Новое время», 1904, № 10029, 4 февраля), в которой тот с раздражением вспоминал о прошлом, когда «всякий пошлейший порнографический рассказик, вроде „Он любит негритянок", мгновенно перепечатывался во всех провинциальных газетах, причем обязательно ему предпосылалась передовая, в которой публике объясняется все значение этого „шедевра"».

[5] Речь идет о пьесе «Дачники». См. о ней прим. 4 к письму 98.

[6] Викентий Викентьевич *Вересаев* (1867—1945) — псевдоним Смидовича. Участник телешовских «Сред» и сборников «Знание». Письма Горького к Вересаеву за 1899—1925 гг.— см. «Архив Горького», т. VII. С Андреевым Вересаев познакомился в Ялте в мае 1903 г. Воспоминания Вересаева об Андрееве — см. Вересаев, т. V, стр. 395—421 (здесь приведены и письма Андреева).

[7] О предполагаемой поездке в Варшаву Горький писал Е. П. Пешковой 4 февраля 1904 г. Поездка не состоялась («Архив Горького», т. V, стр. 96, 98).

[8] В Петербург из Сестрорецка Горький приехал 27 февраля 1904 г. («Летопись», I, стр. 470).

90. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 6 ... 7 февраля 1904 г.〉

Время мне положительно не нравится. Приятно жить после Крымской кампании [1], но переживать ее как-то все-таки стыдно. И гадко. Удивляет количество дураков — я никак не думал, что их так много в России. И всякий дурак как-то неуловимо отливает в мерзавца, что-то вроде абрамцевской майолики, трудно распознать материал и краски. И вероятно в Крымскую кампанию было чище, приличнее, не так зазывательно и граммофонно. Видно, что года не прошли даром; в постановке массовых движений и звуков сказывается несомненное влияние Художественного театра, но, как всегда на казенной сцене, вышло немного сухо, от Брута

отдает городовым и «умереть за отечество» звучит как немедленное приглашение в участок [2]. Патриотические сцены были поставлены хоть и с претензиями, но из рук вон плохо; по моему глубокому убеждению, для патриотов трезвость особенно необходима в виду ответственности, на них возложенной. Иначе возможны недоразумения, в высшей степени неприличные. Качаются, это ничего, это даже красиво, так как дает образ «волнующегося моря», сбивают шапки с прохожих и даже бьют, это опять-таки допустимо и оправдывается обстоятельствами (Гречанинова, рассказывают, так хватили по голове, что он хочет писать нового Добрыню [3]),— но разве это хорошо, разве это прилично, разве это допустимо законами божескими и человеческими: сбить фуражку с пристава и поставить его на колени прямо в лужу? Или таскать серебро из трактиров и потом с натяжкой оправдываться, что означенное серебро расплавилось на огне патриотических чувств? [4] Если даже допустить такой необычайный факт по отношению к серебру, то все же остается невыясненной и загадочной участь многочисленных часов, среди которых были и стальные.

Равным образом нерациональным кажется мне и способ, посредством которого население столицы было возвращено к мирной и повседневной деятельности: его били палками и даже тесаками [5]. Это создало много в высшей степени трагических qui pro quo *: некоторые патриоты, по рассказам, кричали: «Что же это такое? Раньше по двугривенному платят, а теперь за это самое по шее бьют?» А им будто бы отвечали: «Молчать, сукины дети! Поорали и буде!» Это патриота-то! Защитника отечества! Творца мощных настроений, к которым с трепетом прислушивается потрясенная Европа. Кстати, в Японии, по газетам, совсем нет патриотизма, и это придает их действиям, на мой взгляд, отвратительный характер: простительно, когда дерутся люди возбужденные, но холодно, спокойно, безо всякого подъема чувства топить чужие хорошие броненосцы, прямо-таки гадко. И участие в бою трех королевских принцев свидетельствует только о некультурности страны: конечно, когда нет балета, поневоле полезешь драться, от одной скуки — но разве это достойно их высокого сана? Азиаты, сумевшие схватить только вершки европеизации, а до сути недошедшие, хамо-идолы, мерзавцы, подлые макаки!

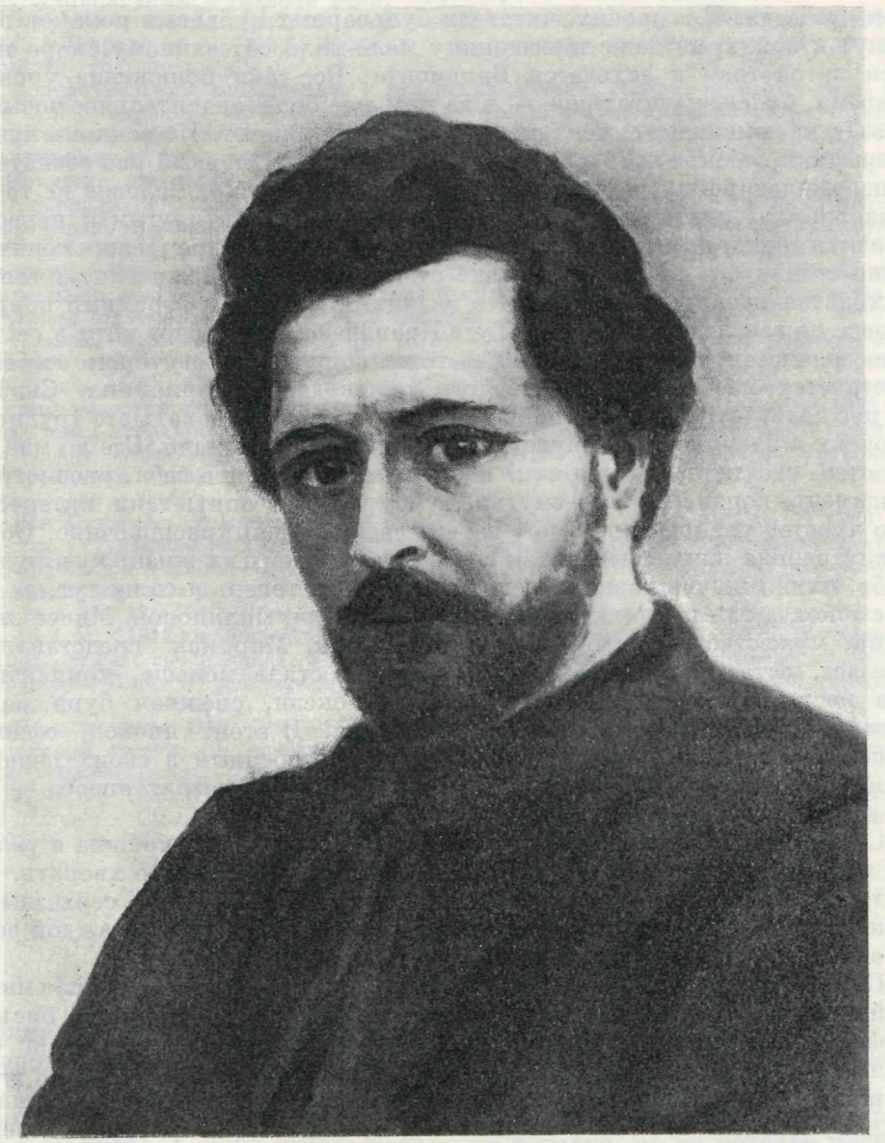
Журналистов бы я тоже перевешал. Удивительно, откуда сразу столько сволочи высыпало. Но встречаются и другого рода, особенно в провинциальных. В одной статье проводится параллель между Крымской кампанией и теперешней, довольно прямо ставится вопрос, что́ лучше для нас, победа или поражение, так как «времена предшествовали обеим войнам одинаково туманные» [6]. Там же патриоты деликатно усовещиваются не сбивать шляпок с дам. Литературный кружок московский оказался на высоте: сейчас получил повестку на общее чрезвычайное собрание— намереваются жертвовать [7]. Усиление флота при посредстве штрафов за карточную игру — веселенькая блинная комбинация. Бессмыслица жертвовать, когда денег, золота так много, что приходится печатать для размена бумажки. Последнее обстоятельство, между прочим, сильно приободрило «Курьер» — он не знал, куда девать старую бумагу, а теперь понял ее ценность и платит сотрудникам старыми номерами.

Скверно, позорно. Говорят, было много арестов. Арестован неизвестно за какие провинности рыжебородый Стааль [8], адвокат; арестован Никифоров [9] и уже выслан будто бы на пять лет в Восточную Сибирь.

К тебе едва ли приеду. Скоро, вероятно, тронусь в Крым, подальше от газет и от народу. Пишется плохо, хотя нужно бы парочку рассказиков для второго тома. Интересно все-таки, как война отразится на сборнике

---

* недоразумений (лат.).



АНДРЕЕВ
Портрет маслом Л. О. Пастернака, 1900-е годы
Музей Горького, Москва

и на книгах. Думаю, что интерес к войне, если не будет особенных осложнений, скоро ослабеет. Как-никак, а публика все же слишком культурна, чтобы долго отдаваться некультурным интересам. Конечно, публика «Новостей дня» [10] и прочих, читатели бульварных кровавых романов прилипнут к войне, но даже и мещанину мало-мало обтесанному скоро приестся патриотизм и захочется Бальмонта. Все-таки понижение уровня, на время, будет значительное — а за ним еще более значительное повышение. Люди помолодеют, поглупеют и оттого поумнеют. Во всяком случае, теперешняя собачья старость немножко отойдет. Я первый раз сознательно переживаю войну, и в сущности ужасно интересно. Человек не то обнажается, не то что-то привходит, но становится он другим и переоцениваются некоторые новые ценности и проясняются дремавшие понятия. Точно стояли без работы несколько станков и уже заржавели, а теперь приходится пускать их в ход. Что значит я русский? Огромный вопрос, и вовсе не так легко решается. Туся Крандиевская [11] хочет идти в сестры милосердия, спрашивает мнения — тоже вопрос, при котором особенно чувствуется необходимость твердого руководящего принципа. Сказать «не мое дело» (относительно войны) можно, но почувствовать это трудно — а почему я разумнее моих чувств? Их тоже понимать надо. Где во мне сидит отец, где дядя, и где я сам? Любопытно проверить себя, рассмотреть фундамент, корни. Все это смутно, сумбурно, но опять-таки интересно. И то чувство умаления, которое переживаешь, очень красноречиво. Обычно внутренняя жизнь бывает так сильна, что людей и их жизнь чувствуешь слабо, ихняя жизнь кажется неподвижной — а теперь я сижу тут, за тем же столом, а там широкое движение сотен тысяч, миллионов. Много страданий, мужества, огневой, стихийной жизни. Мир как представление исчезает, остается мир как воля. И земля стала меньше, компактнее. Мне постоянно представляется картина: океан, снежная буря, валы, мрак и прорезает их японская миноноска. И стоит японец, офицер, с японским лицом, умный, смелый и совсем особенный в своих переживаниях — немножко вроде марсианина. Стоит и смотрит вперед — что он видит?

Скоро еще напишу. У тебя нога (Шура от твоей ноги пришла в ужас), а у меня шея (к ней она привыкла). Просто смерть надоело хворать. Викентьичу с удовольствием поклонюсь — милый он человек, серьезный и даже несколько торжественный. Не живет, а маршрует и о каждой вещи спрашивает, сколько она стоит. Живет со значением.

Очень рад, Алексеюшка, что ты пишешь. Очень рад, что ты написал мне — твой почерк на конверте радует меня, как когда-то любовные письма. А рассказ о Василии Фивейском если не совсем дрянь, то все-таки «оставляет желать многого». А Шаляпин мне тоже не совсем нравится — он начинает относиться к себе с благоговением. Видел я его в постели, в три часа дня — и был он очень похож на римского императора — времен упадка. Крупный, красивый, сильный — и изнеженный.

Крепко жму руку и крепко целую тебя.

Твой Леонид

Датируется по содержанию (см. прим. 4 и 5).

[1] В связи с исполняющимся в 1904 г. пятидесятилетием обороны Севастополя в печати навязчиво проводились параллели между Крымской и русско-японской войнами, всячески подчеркивался их «патриотический» характер, мнимое единство правительства и народа в борьбе с внешними врагами.

[2] Андреев иронически сопоставляет «патриотические» манифестации в Москве 29, 30 января и 1 февраля по случаю начала войны с Японией с массовыми сценами спектакля «Юлий Цезарь» Шекспира (см. Вл. И. Немирович-Данченко. Режиссерский план постановки трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Московский Художественный театр. 1903. М., «Искусство», 1964).

[3] Александр Тихонович *Гречанинов* (1864—1956) — композитор, дирижер и педагог.

Премьера оперы «Добрыня Никитич» состоялась в Большом театре 14 октября 1903 г. с Шаляпиным в главной роли.

[4] О краже столового серебра в ресторане «Эрмитаж» писали «Новости дня», 1904, № 7421, 3 февраля; в № 7423, 5 февраля было сообщено, что это оказалось слухом, который не подтвердился.

[5] Подразумевается «обращение» к населению Москвы генерал-губернатора в. к. Сергея Александровича, опубликованное московскими газетами 3 февраля. Поблагодарив «манифестантов» за выражение «верноподданнических чувств», генерал-губернатор призывал их «возвратиться к спокойной, повседневной работе».

[6] Источник цитаты не установлен.

[7] 3 февраля 1904 г. на заседании дирекции Литературно-художественного кружка было решено предложить общему собранию членов пожертвовать из средств кружка 5000 рублей в распоряжение городской думы для помощи семьям раненых и убитых воинов. Общее чрезвычайное собрание кружка 11 февраля одобрило предложение дирекции и постановило дополнительно открыть подписку на нужды армии и флота («Русские ведомости», 1904, № 36, 5 февраля и № 42, 12 февраля).

[8] Алексей Федорович *Стааль* (р. 1873) — московский присяжный поверенный, защитник в политических процессах. Примыкал к «Союзу освобождения». 2 февраля 1904 г. был арестован в Москве по делу «Союза учителей социалистов-революционеров», но за недостаточностью улик выпущен на свободу 11 февраля. В ноябре 1905 г. был арестован вторично как участник учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза. Освобожденный под залог 26 марта 1906 г., эмигрировал во Францию. При Временном правительстве занимал пост прокурора Московской судебной палаты.

[9] Лев Павлович *Никифоров* (1848—1917) — народник, позже — эсер. В 1869 г. за участие в студенческих волнениях подвергся заключению в Петропавловскую крепость, находился в ссылке. С 1895 г. поселился в Москве. Переводил с французского. Автор компилятивных работ о Л.Н. Толстом: «Афоризмы и избранные мысли Л. Н. Толстого», изд. 2-е. М., 1912; «Кем был Л. Н. Толстой? (По лучшим отзывам русской печати)», сб. 1. М., 〈1912〉 и биографического очерка о Джоне Рёскине (М., 1896). В «Курьере» (1902, № 241, 246 и 263, 1, 6 и 23 сентября) опубликован биографический очерк Никифорова о Толстом, написанный им еще в 1891 г. для отдельного издания в пользу голодающих.

[10] «Новости дня» (М., 1883—1906) — ежедневная политическая, общественная и литературная газета умеренно-либерального направления. С конца 1896 г. фактический редактор газеты — журналист и театральный критик Н. Е. Эфрос.

[11] Наталья Васильевна *Крандиевская* (1889—1963)—поэтесса, впоследствии жена А. Н. Толстого. См. ее воспоминания о Горьком: «Гранатный переулок».—«Звезда», 1939, № 9, стр. 167—172.

91. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 11 ... 14 февраля 1904 г.〉

Милый Алексеюшка! По причине шеи, ног, рук и прочих частей моего благородного тела — сижу дома под фармакопическо-диетическим арестом. И скучаю. И злюсь, как теща. Сперва шею скривило в одну сторону — не мог писать: потом загнуло ее в другую — тоже неудобно; теперь задрало голову вверх — могу писать только на потолке, но на потолке можно писать только образа. Дело неподходящее. Не обижайся, если в этом письме я буду смотреть на тебя сверху вниз: не в надменности причина и не в верхоглядстве, а в испорченной физиологии. И то, что д-р философии г-жа Безобразова на днях прочтет лекцию в Историческом «О долгах Ницше и Л. Андреева», отнюдь не исполняет меня гордостью [1]. Я скромен. Я очень скромен и когда заговаривают о долгах, я удаляюсь.

Думаю, что я не очень поражу тебя, если к вышеизложенному добавлю, что у меня болит живот. Но в животе помещается настроение, и когда просят об изгнании духа уныния и празднословия, то обращаются именно к владыке живота. И у меня в животе настроение скверное — ничего не желаю, не хочу, бери меня за рубль за двадцать.

Было на «Среде» продолжение доклада [2]. Часть положительная. И было скучно. И многим даже захотелось умереть из малодушного и даже позорного нежелания дождаться этого счастливого времени. А время будет поистине счастливое: всяческая добродетель войдет в привычку, разные дисгармонии исчезнут, как дым, и люди станут столь доброжелательны, столь деликатны и осторожны, что ихние мозоли, доселе подвергавшиеся постоянной опасности от неделикатного обращения, впервые выйдут на свет и будут свободно развиваться в атмосфере любви, уважения и ласки. Насчет мозолей я впрочем от себя — а по точным выводам доклада, мозолей тоже не будет, они погибнут от стыда — и поверишь ли, друг мой, до чего я человек XIX века — мне до смерти жаль стало моих мозолей! Что за чертовщина, почему все мы так боимся счастья и гармонии? И почему мне кажется, что музыка будущего будет заключаться не в гармонии, а в роскошнейшей дисгармонии?

Говорил он о «проклятых вопросах» и был похож на человека, который очень дельно рассуждает о пьянстве, а сам никогда пьян не был. Быть пьяным — это выпить столько-то литров алкоголя, шататься, говорить ерунду, заложить часы и ночевать в участке. Чтобы не быть пьяным — нужно не выпивать столько-то литров алкоголя, и всё тут. Сейчас есть проклятые вопросы, а тогда их не будет — не потому, чтобы они были решены, а просто потому, что гармоничному существу они в голову не прийдут. Хороший способ решить задачу: выбросить за дверь задачник и лечь спать в трогательном убеждении, что других экземпляров задачника не существует.

Как бы хороши ни были все эти положительные построения «будущей жизни», они все же никуда не годятся, так как в том или другом виде преподносят одно: конец. Вот сейчас у меня болит живот, и будущее тошно, и ничего себе, жить можно,— а если бы мне сказали наверное, что живот больше болеть не будет и я в воскресенье сделаюсь Толстым,— наверное — я, вероятно, напился бы с отчаяния и разрушил бы все предначертания. Ибо нет предела моим желаниям и быть Толстым для меня *мало* и даже богом для меня быть мало — потому что, ставши богом, я начну завидовать чёрту и буду беспокоиться и хлопотать до тех пор, пока не вырастут у меня рога. У меня был давно когда-то репетитор студент, и у него была гитара, и он однажды сел на гитару — захотелось послушать, как она будет трещать. И скажу тебе по совести: живу я сейчас мило, благородно, трезвенно, сыто, почетно. «Леонид Андреев!» и мысли у меня благородные — всё о свободе и любви, и желания у меня чистые, и подштанники у меня чистые — а минутами до остервенения жаль бывает того времени, когда и одиночество, и голод, и вражда, и пустыня, и черные провалы пьянства, и сатанинская гордость под плевками, и гордые великолепные надежды на престоле отчаяния.

«Владыко живота моего! Дух смиренномудрия, целомудрия, терпения и любви даруй ми, рабу твоему!»

На «Среде» давали названия, знаешь, по московским переулкам. Хорошо назвали Серафимовича — «Кудрино». Принимая в расчет блестящее состояние его головы, название можно признать удачным. О войне говорят мало. Ты заметил, какой язык выработался у Суворина: прямо Иудушка Головлев. Скоро начнет выходить новая большая газета «Русская правда» — издатель Гаккебуш [3]. Консервативной делать ее не хочет— невыгодно; либеральной — боится; придумывает среднее направление. Предлагает редакторство Алексеевскому [4].

Дай о себе весточку, хотя бы коротенькую. Моя шея шлет сердечный привет твоей ноге, а равным образом жена. Она тебя любит, т. е. жена, конечно, а не шея, и говорит, что она, т. е. не жена, конечно, а твоя нога — требует забот, так как она — т. е. жена, конечно, а не нога,— достаточно

навозилась с ней, т. е. не с ногой, конечно, а с шеей,— и знает, что значит запущенный ревматизм.

Крепко жму руку и очень тебя люблю.

Твой Леонид Андреев

И жена сказала: напиши, мол, она ждет карточки, вот уже второй год с осени пошел. Твоей карточки?

Датируется по содержанию (см. прим. 1 и 2).

[1] Мария Владимировна *Безобразова* (р. 1857) — писательница, педагог, доктор философии Бернского университета (1891), один из инициаторов Философского общества при Петербургском университете (1897). Ее лекция «Ницше и Андреев» состоялась в аудитории Исторического музея в Москве 16 февраля 1904 г. Безобразова защищала рассказ Андреева «В тумане» от обвинений в порнографии. Отчеты о лекции — см.: «Курьер», 1904, № 48, 18 февраля; «Московские ведомости», 1904, № 50, 20 февраля и др.

[2] Подразумевается прочитанный В. А. Гольцевым на «Среде» доклад о философии Ницше. Чтение заняло два собрания кружка. С первой частью своего доклада Гольцев, по-видимому, выступил у Телешова в последнюю среду января, 28-го, и закончил свой доклад на следующей «Среде» — 4 февраля 1904 г.

[3] «Русская правда» (М., 1904—1906) — ежедневная общественно-политическая и литературная газета с весьма пестрым составом сотрудников. Первый номер «Русской правды» вышел 4 апреля 1904 г. Газета поддерживала авантюристическую политику самодержавия на Дальнем Востоке и одновременно из конъюнктурных соображений в обстановке общедемократического подъема заигрывала с кругами буржуазно-либеральной интеллигенции, осторожно высказывалась в пользу установления в России конституции. Направление газеты в период революции 1905 г. сделалось более левым. После третьего предупреждения в 1906 г. газета была закрыта в административном порядке.

Михаил Михайлович *Гаккебуш* (1874—1929) — журналист и делец, типичный представитель беспринципной «желтой» буржуазной прессы. В конце 1890-х годов был фактическим редактором «Русского листка» и «Московского листка». С апреля 1904 г. по январь 1905 г. редактировал «Русскую правду». За опубликование в газете резолюции московской городской думы от 30 ноября 1904 г. о желательности введения в России конституции «Русская правда» была временно приостановлена. В 1906—1916 гг.— неофициальный редактор «Биржевых ведомостей». В этой газете Гаккебуш обычно выступал с передовыми статьями по вопросам внешней политики. В период мировой войны переменил «немецкую» фамилию на русскую — Горелов. В 1916 г., используя свои связи с банками, участвовал в организации газеты «Русская воля» (см. его письмо к Андрееву от 16 июня 1916 г. — ЦГАЛИ). После Октябрьской революции — эмигрант. Сохранилось шесть писем Андреева к Гаккебушу, касающихся сотрудничества Андреева в «Биржевых ведомостях» (1914—1916 гг.— ЦГАЛИ, ГПБ и ИРЛИ).

[4] Принимал ли какое-либо участие в «Русской правде» Алексеевский — сведений не имеется.

92. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Сестрорецк. 12 ... 14 февраля 1904 г.〉

Леонид Андреев!

Дружба, сопряженная со скукой, побуждает меня ныне вновь писать тебе письмо. А о чем писать — не знаю, ибо в этом месте злачном ни скандалов, ни событий не бывает никогда. Приезжают петербуржцы, жрут блины, костят японцев и играют на рояле дикий танец кэк-уокк. По аллеям, между сосен, ходят три-четыре рожи, а зачем они тут ходят и сам чёрт не разберет.

Прошлый раз во сне я видел будто чудище большое на меня верхом уселось и орет мне: «Поезжай! я зовусь Ингаляторий Пневматический, ты знаешь? И люблю ужасно ездить на писателях верхом!» Я спросил его: вы, сударь, не издатель и не цензор?— «Я — из вымерших чудовищ, кои в книге Гётчинсона [1], но хоть грамоты не знаю — а быть цензором — могу!» Ну, всю ночь на мне и ездил по каким-то странным рощам — оказался патриотом — мы с ним шапки собирали, чтоб японцев закидать.

Снилось мне потом, что будто мы с тобою, Леонидка,— с разрешения цензуры — вдруг женились на японках и у нас через неделю было сорок штук ребят. Услыхав об этом факте и чудесном и полезном, сам японский император трое суток хохотал! А потом всех нас с семейством посадил в ингаляторий и взорвать его на воздух высочайше повелел.

Ну, и — взорвали, конечно, мы с тобою разорвались, а потом нас снова сшили и — ужасно неудобно! Мне пришили твою ногу, нос твой тоже мне пришили и два чьих-то лишних уха прикрепили на спине. Ну, да это наплевать бы,— здесь меня никто не видит, но проклятые портные мне чего-то... там пришили, где... сидеть я не могу!

А тебе на место носа прикрепили чей-то палец — если только это палец, а не что-нибудь иное.

Надо бы нам обменяться — ты пришли мне мою ногу, я тебе твой нос пришлю (чтоб дорогой не протухли дорогие наши члены, нужно в снег упаковать их и карболкою полить).

Так-то, милый Леонидик! Ты живешь себе спокойно, вдруг пришел ингаляторий и — все к чёрту полетело! Очень грустно... Но грустнее, если вдруг нога чужая заболит как бы своя.

Был я, брат, почетным членом санатории в Алупке — председателем которой состоит хирург Бобров [2]— но начальство предписало, чтоб меня изгнали вон. Изгоняют. Я не плачу. Я немного проиграю,— я останусь без почета, а хирург Бобров — без члена.

Так что бывший академик скоро станет бывшим членом,— все проходит в этом мире, лишь долги мои растут. Но — платить я их не стану,— это мне не по карману, это вовсе не забавно, да и — некогда к тому ж. Днем теперь я сочиняю пьесы, повести, рассказы, ночью блох ловлю в постеле, ну, когда ж платить долги?

Но, однако, понимаю, что давно уже я должен кончить это небольшое, но серьезное письмо. Ну, прощай! Живи разумно. Днем — не дрыхни. Будь здоров.

Остаюсь самим собою бывший член и академик [3], ныне только хулиган

А. Пешков

14 февраля

Был сегодня в Петербурге, получил там твои письма. Мне они весьма приятны. Но — писал бы ты сюда! Адрес мой и прост и ясен: Петербургская губернья. Сестрорецк курорт и — только.

Ты скажи своей жене,— я прислал бы ей портрет — это очень лестно мне,— но со мной портретов нет. Я сам себя вижу только в зеркале,— оно у меня единственное и скверное, но — если она хочет, я пришлю его ей, пусть она на меня любуется! Я буду очень доволен. Факт.

Прощай!

17-го марта я именинник.

Подари мне револьвер [4].

Слушай, милый! До именин — далеко, ты вот что сделай — выпиши на К. П. Пятницкого журнал «Весы» [5]. И я буду благодарен тебе до конца русско-японской распри из-за манчжурско-корейской авантюры. Сделай! А то — одними серьезными книжками — не проживешь. Чёрт! Что же вы чеховскую бумагу не присылаете? [6] Храпо-идолы!

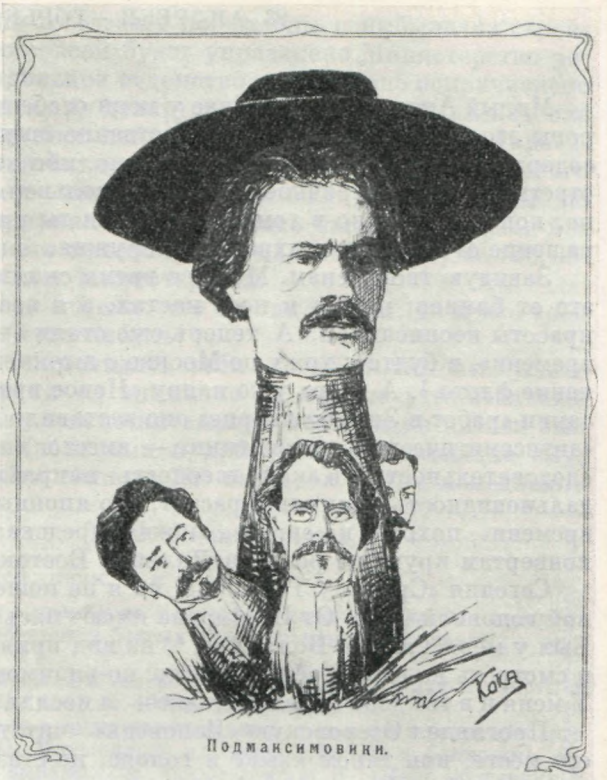
А Виктор Миров [7] — ругается. Такой длинный болван!

«ПОДМАКСИМОВИКИ»

Шарж Кока (Н. И. Фидели)

Изображены: Горький, Андреев, С. Г. Скиталец, И. А. Бунин

«Искры», 1903, № 5, от 2 февраля



Шутливое письмо Горького написано размером «Песни о Гайавате» Лонгфелло.

Датируется по письму Горького к Е. П. Пешковой от 14 февраля 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 98—99). Начало письма написано явно раньше (см. письмо Горького к Пятницкому от 6—7 февраля 1904 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 152).

[1] Генри Невилль *Гётчинсон* (1856—1927) — английский популяризатор естествознания, автор работ по археологии, палеонтологии и этнографии. Книга Гётчинсона «Вымершие чудовища. Общедоступные беседы по палеонтологии» вышла в Лондоне в 1893 г. В переводе с английского А. М. Никольского, под ред. Пятницкого выпущена «Знанием» в серии «Общедоступная научная библиотека», 1900 (№ 16).

[2] Александр Александрович *Бобров* (1850—1904) — доктор медицины (1880), профессор Московского университета, председатель Московского хирургического общества. С 1902 г. — почетный член Ялтинского отделения Русского общества охранения народного здравия, организовал в Крыму санаторий для больных туберкулезом детей.

[3] См. прим. 1 к письму 53.

[4] Револьвер системы «браунинг» был подарен Горькому Пятницким (см. письма Горького к Пятницкому от 12—13 марта 1904 г.— «Архив Горького», т. IV, стр 153 и к Е. П. Пешковой от 14 марта 1904 г.— «Архив Горького», т. V, стр. 105).

[5] «Весы» (М., 1904—1909) — ежемесячный журнал литературы и искусства. Ведущий орган символистов. Официальный издатель-редактор С. А. Поляков, фактический — В. Я. Брюсов. В «Весах» сотрудничали Брюсов, А. Белый, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вяч. Иванов, К. Д. Бальмонт, Н. М. Минский, В. В. Розанов, Г. И. Чулков и др. Журнал выступал против материализма в философии и реализма в литературе. Большое место в «Весах» отводилось пропаганде модернистских течений в западноевропейском буржуазном искусстве. По поводу просьбы Горького — см. письмо Андреева к Пятницкому от 21 ... 25 марта 1904 г. в настоящ. томе, стр. 511.

[6] Речь идет о коллективном письме-протесте писателей издателю А. Ф. Марксу, заключившему грабительский договор с Чеховым на издание его сочинений. По просьбе Чехова это письмо не было послано. Подлинник его хранится в АГ.

[7] См. прим. 1 к письму 110.

93. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 16 февраля 1904 г.⟩

Милый Алексеюшка! Сейчас у меня особенно болит голова; с одной стороны это приятно — я вполне явственно ощущаю, что в голове моей есть содержание, с другой,— огорчительно, ибо не дает возможности достойно ответить на твое мрачное письмо. Револьвер я тебе подарю, у меня есть, но, конечно, только в том случае, если ты предварительно добудешь разрешение от полиции на хранение оружия.

Завидую твоим снам. Мне все время снились патриоты, и я думал, что это от блинов; но вот и пост настал, а я все вижу патриотов — персон красоты неописанной. А теперь еще стали сниться фельетоны из «Нового времени», и будто я хожу по Москве с дырявой калошей и собираю на усиление флота [1]. А вчера уже наяву «Новое время» меня прослезило: в описании «работ в Зимнем дворце» оно заставило дам приготовлять для солдат «антисемитические конвертики» — вместо антисептических [2]. Какая последовательность! Какая твердость направления! Какая политическая дальновидность! Приняв в расчет, что японцы, по словам того же «Нового времени», похожи на евреев, можно предсказать этим антисемитическим конвертам крупную роль на Дальнем Востоке [3].

Сегодня «Среда» у Телешова, но я не пошел по причине вышеизложенной головной боли. От В. Мирова имею письмо, суждение о коем отложу. Был у меня Глинка-Волжский [4], на вид приятен, за бога готов на костер, и смотреть на него в общем жалко: по-видимому, туберкулез жесточайший. У меня и в тот день болела голова — я послал его — к Вересаеву.

Проглядел Озеровскую «Исповедь»—читать ее нет возможности: я бы на его месте, при таком языке и голове, не стал бы зря хандрить, а просто удавился бы. Что за язык! Он — дурак, компрометирует все XIX столетие: вдруг человек будущего прочтет эту исповедь, ну, скажет, и писали в конце века! И какую поэзию он запустил — в дамско-истерическом стиле, с подвизгиванием, многоточиями, охами. Чуть я не заплакал, что целковый на эту сволочь истратил [5].

А еще прочел я книжку «Историю одной любви» Гамсуна [6] — дьявольски хорошо. Минут 20 я чувствовал себя так, будто мне 20 лет и я влюблен в 20 девиц и во всех безнадежно, и это так приятно, как апрельские сумерки. И захотелось делать что-то бессмысленно-красиво-влюбленное: вызвать жену на свидание, ходить часа два под окнами (под своими, конечно), сшить лаковые сапоги, притом обязательно такие, чтобы жали ногу. Не знаю, почему — была ли это случайность или нечто роковое — но когда я бывал влюблен, мне всегда попадались узкие сапоги, а так как практика у меня была обширная и я выхаживал верст по 15, то вместе с сердцем у меня болели и мозоли. Однако сапог шить не стал, а пошел остригся и обрился — какова сила литературного воздействия!

Здорово, однако, ты скучаешь! Не знаю, верно я понимаю или нет — но почему-то очень ясна мне сейчас милая душа твоя, и очень она мне нравится и жаль, что я уже остригся и обрился — тянет почему-то еще раз сходить обриться. Но это выйдет уже похоже на сумасшедшего добрых старых времен, а я сумасшедший в новом стиле. А может быть все это чепуха, и твоя дружеская зевота скрывает за собою только широко отверстый рот, и стричься мне не надо.

Стааля (рыжебородого) выпустили [7]: кажется, какое-то недоразумение. Что-то творится в университете: околоточный надзиратель рассказывал брату: «дéла, знаете ли, много: всё в манеж студентов и курсисток загоняем. Как же! Вместо того, чтобы петь гимн, извините за выражение, они ходят и кричат: да здравствует Япония!» Как никак, а внутренняя война идет, по-видимому, с бóльшим успехом, чем внешняя: трех недель нет с начала

военных действий, а уже 7 не то 8 газет побеждены и выбыли из строя. Ходят здесь слухи, что будто совсем будет упразднено Министерство народного просвещения, как отдельное ведомство, а будет оно сопричислено к Министерству внутренних дел, по департаменту полиции. И назначение Зенгера[8] имело будто бы целью постепенную подготовку к полному упразднению Министерства, и действительно министра сейчас нет и никто этого не замечает. Не думаю, однако, чтобы слухи эти были основательны: по закону ни одна газета или журнал не могут быть закрыты совсем без участия Министерства народного просвещения, так что одно уже это обстоятельство требует сохранения Министерства.

Писал тебе не на Сестрорецк потому, что ты так сказал; да и кто тебя знает, там ли ты или выбыл куда-нибудь?

Жму лапу. Очень хотел бы повидать тебя — любопытно послушать тебя. Да, забыл совсем: обратил ты внимание на крайне утешительный факт, сообщенный газетами—в японско-китайскую войну один китаец был прострелен насквозь пятью японскими пулями, что не помешало ему, заткнув дыры пальцами, пройти пешком 700 верст, а потом немедленно выздороветь. Факт!

Твой Леонид Андреев

Датируется по содержанию (см. прим. 2 и 3).

[1] Речь идет о начатой «Новым временем» и другими газетами «патриотической» кампании сбора средств для приобретения боевых судов взамен поврежденных в русско-японскую войну.

[2] Эта выразительная опечатка была в статье В. Прокофьева «Склад и работы в Зимнем дворце».— «Новое время», 1904, № 10039, 15 февраля.

[3] Возможно, что Андреев имеет в виду напечатанный в том же номере «Нового времени» очередной фельетон М. О. Меньшикова из цикла «Письма к ближним», содержащий грубые антисемитские выпады. См. также статью И. «Наш противник с его нравственной стороны» («Новое время», 1904, № 10033, 9 февраля).

[4] Александр Сергеевич *Глинка* (псевдоним Волжский; 1878—1940) — литературный критик, близкий к кругам символистов. Автор ряда книг о Достоевском, Чехове и др. В 1903—1904 гг. по приглашению Миролюбова сотрудничал в «Журнале для всех» (см. прим. 1 к письму 110).

[5] Андреев имеет в виду книгу «Исповедь человека на рубеже XX века», вышедшую в Москве в 1904 г. под псевдонимом: З. Ихоров. Горький писал о ней Е. П. Пешковой 24—26 января 1904 г.: «Книга — плохая по своим мотивам, но интересная для нашего времени. Она стон и вопль человека, испуганного жизнью, человека, который хотел бы найти средину между путем направо и влево, найти и успокоиться» («Архив Горького», т. V, стр. 91). Автор книги — Иван Христофорович *Озеров* (1869—1942), экономист; читал лекции в Московском университете. В 1901—1902 гг. поддерживал «полицейский социализм» начальника Московского охранного отделения Зубатова. Опасаясь революционного движения, в своих работах убеждал правительство предоставить рабочим элементарные политические права. Выдвигал идею контролируемых властями профессиональных союзов, в которых рабочие и хозяева могли бы разрешать противоречия мирным путем. В 1909 г. избран от Академии наук и университетов членом Государственного совета. В 1914—1916 гг. редактировал «Вестник Центрального банка» (СПб.). После Октября от политической деятельности отошел.

[6] Кнут Гамсун. История одной любви (Виктория). Перевод с норвежского М. П. Благовещенской. СПб., 1904.

[7] См. прим. 8 к письму 90.

[8] Григорий Эдуардович *Зенгер* (1853—1919) — профессор римской словесности в Варшавском университете (1884—1901); с апреля 1902 г. по 23 января 1904 г. — министр народного просвещения. Следующий министр — В. Г. Глазов (см. о нем прим. 8 к письму 107) был назначен 10 апреля 1904 г. До этого времени пост министра оставался свободным.

94. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 4 марта 1904 г.⟩

Слышал вчера «Евреев» [1], и скажу вот что. Вопрос поставлен художественно, а разработан и решен публицистически. Отсюда огромное чувство тупой и на первый взгляд загадочной неудовлетворенности. Первый акт

написан почти безукоризненно: язык превосходный, сжатый, сильный, в развитии действия простота и благородство, разговоры настолько жизненны, что равняются делу; в туманных очертаниях безбрежности встает безобразное, мрачное, таинственное чудовище, именуемое еврейским вопросом. Узел завязан крепко, почти трагически.

Со второго акта — плоскость. Чудовище осталось где-то позади, и с каждым словом уходит все дальше. Разговоры продолжаются, приобретают характер томительной неподвижности, ослабляют впечатление ранее сказанного — он начинает доказывать и разъяснять то, что было бесспорно и ясно, и чем больше доказывает, кричит, надрывается, тем сомнительнее, жиже все становится. Вплетает совсем ненужную, мелодраматическую, топорную любовь Лии к христианину — хочет исчерпать океан штопаным чулком. Будто недостаточно, что одна дочь вышла за христианина — нужно туда же вторую. Делает в конце второго акта маленький, импровизированный и совершенно лишний погром, ослабляя впечатление погрома ожидаемого, грозного. Ведь погром должен быть то, о чем даже *думать* страшно, а он без нужды показывает кончик его хвоста. И особенно слаб четвертый акт.

Обстановка великолепна. Ставни закрыты, сидят, ждут, слышно далеко-далеко — как бесчинствует толпа. Здесь все должно быть поглощено погромом, ожиданием его. Ведь ожидание смерти хуже самой смерти. Пусть мечутся, плачут, говорят ерунду, молятся, проклинают и все время твердят: идут — идут — идут. Чтобы чувствовалось приближение смерти или *чего-то*, еще более ужасного. И разгрома самого показывать ни в каком случае не следует: ведь нельзя же на сцене вспарывать животы, отпиливать руки, насиловать — а без этого будет благонравное упражнение несколько безнравственных мальчиков во французской борьбе и псевдомужицко-хулиганском красноречии. Следовало бы так кончить. За дверями грохот толпы, двери трещат, падают, вваливается несколько зверей — и занавес.

А у него начало акта: долгий и ненужный спор отца с сыном о какой-то чепухе — ибо перед ужасом грядущего всё чепуха. А потом — балаганный и совсем нестрашный разгром и в высшей степени публицистическо-утешительный заключительный аккорд: вот идут на выручку рабочие-христиане. Возможно, конечно, что социализм убьет еврейский вопрос — со временем — но ведь тогда и *всякую* драму, трагедию можно заканчивать приходом рабочих.

Отдельные лица: Нахтман — великолепен, старик Лазарь — очень хорош. Сруль — прелесть, подмастерье — тоже, брат Лазаря — тоже; Борух — бесцветен, Лия — плоха, русский студент — взят с твоего Петра и хуже его сделан, Фурман — фельетон.

А в общем — очень хорошая пиеса, а недостатки ее с одной стороны являются достоинствами с другой. После «Ткачей» [2] ее можно поставить первою. И будущность у нее огромная, всесветная. Молодец Чирикьич. Нужен только хороший, очень хороший переводчик, чтобы передал язык. Встречаются такие бон-мо, что сам принц Оранский позавидовал бы.

Говорил он, что едет с Гариным [3] на Восток — тоже нельзя не одобрить. Если бы я мог ворочать шею, я тоже поехал бы, а то получится некоторая излишняя прямолинейность взгляда. Рассказывал, что у тебя очень хорошо — и я позавидовал. Я теперь всем завидую: воробью, что он весну чует и чирикает, Чирикову — что он написал хорошую пьесу, тебе — что ты есть ты, Телешову — что у него денег много, Бунину — что он такой худой и был в Италии, Крандиевской[4]— что она глухая, жене моей — что она меня любит, Трепову [5] — что он считает меня неблагонадежным и даже опасным, «Курьеру» — что он долгов не платит, Миролю-

бову — что он в бога верит, самому богу — что ему плевать на землю и на Миролюбова.

Как я люблю тебя, Алексеюшка! И не женщина ты, и не икона, и не балерина, и не утопленник [6] — а ужасно хочется мне поглядеть на тебя и поцеловать тебя в твою щетинистую щеку.

К тебе я буду прилетать.
Гостить я буду до денницы
И на шелкóвые ресницы
Сны золотые навевать!

Я царь познанья и свободы, я бич рабов моих земных — и видишь, я у ног твоих! [7] Меня графиня обругала [8], я сам не то что просто граф, а целый славный порно-граф — и видишь, как, однако, я тебя люблю, хотя в тебе ничего нет графского.

Жаль будет, если ты действительно приедешь в Москву только к 17-му, стало быть, до Крыма и, может, до осени я тебя не увижу.

Твой Л е о н и д

P. S. Шура была у Марьи Федоровны [9], *а она оказывается больна*, не принимает. Попробую проникнуть к ней, узнать, что это она так. Я еще вчера стороной слыхал, что она нездорова.

Датируется по чтению Чириковым пьесы «Евреи» на «Среде». В начале марта 1904 г. среда приходилась на 3-е число.

[1] Горький в августе 1903 г. писал Чирикову: «Думаю, что из намеченного тобою материала ты должен слепить крепкую, отчетливую вещь. Я, кажется, представляю себе содержание ее и не имею сомнения в том, что это будет и важно и интересно» (XXVIII, 284). Рукопись «Евреев» Чириков привез Горькому в Нижний-Новгород. 8 сентября Горький, извещая Пятницкого о предстоящем приезде с Чириковым в Петербург для переговоров об издании «Евреев», добавлял, что пьеса ему «все больше нравится» («Архив Горького», т. IV, стр. 134). Пьеса упоминается также в письмах Горького к Пешковой и к Пятницкому (там же, стр. 131, 133, 147; т. V, стр. 88, 93).

[2] Пьеса Г. Гауптмана.

[3] В конце апреля Н. Г. Гарин-Михайловский выехал в Манчжурию, где состоял в качестве инжелера в штабе командующего 1-й армией и был военным корреспондентом газеты «Новости дня». Первая его корреспонденция — «Дневник во время войны» напечатана в газете 3 мая 1904 г. (№ 7510).

Чириков собирался ехать на фронт как специальный корреспондент «Русского слова» (см. его письмо в редакцию «Русского слова» от 28 апреля 1904 г.— ЛБ, Р. С. 24.21). Он предполагал увидеться там со своим братом М. Н. Чириковым, штабс-капитаном 2-го Восточно-Сибирского полка. Смерть матери и гибель брата в боях летом 1904 г. заставили Чирикова отменить свою поездку.

[4] Анастасия Романовна *Крандиевская* (1865—1939)—писательница, переводчица. Сотрудничала в «Курьере», «Русских ведомостях», «Жизни». Автор сборника рассказов «То было раннею весной» (М., 1900).

[5] Дмитрий Федорович *Трепов* (1855—1906) — в 1896—1906 гг. московский обер-полицеймейстер, по определению Ленина, «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках развращения рабочих» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 238). 23 ноября 1902 г. в Киеве в зале купеческого собрания намечался вечер в пользу нуждающихся студентов университета св. Владимира, на котором Андреев должен был прочитать свой новый рассказ «Иностранец». Чтение не состоялось, так как на запрос киевского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова о благонадежности Андреева последовала 17 ноября 1902 г. телеграмма Трепова: «Андреев неблагонадежен» (ЦГАОР, ф. 63, 1902 г., д. 90, л. 12; см. ее воспроизведение на стр. 205 настоящ. тома). Внезапно «заболевшего» автора заменил на вечере актер Булатов.

[6] Андреев вспоминает «речь» Горького, обращенную к публике Московского Художественного театра. См. прим. 1 к письму 10.

[7] Неточная цитата из «Демона» Лермонтова (ч. I).

[8] См. прим. 3 к письму 79.

[9] Мария Федоровна *Андреева* (Желябужская) (1872—1953) — актриса и общественная деятельница, член РСДРП; вторая жена Горького. См. о ней: «Мария Федоровна Андреева. Переписка, воспоминания, статьи, документы, воспоминания о М. Ф. Андреевой». Сост., статья и комментарии А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. Изд. 2-е, доп. М., «Искусство», 1963.

95. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 10 ... 12 марта 1904 г.〉

Милый Алексеюшка! Что ты не отзовешься, чёрт? Тошно на душе становится, когда ты молчишь.

Вот что мне нужно. Я еду на днях в Крым и очень хотел бы повидаться до отъезда с тобою. Отъезд назначен нами на 15-е, но если ты действительно приедешь в Москву 16-го [1], я останусь до 17 или до 18-го. Пожалуйста, *телеграфируй*. К этому времени я кончу рассказ о Навуходоносоре и послушаю, что ты о нем скажешь[2]. Не хотелось бы пускать его в свет без твоего напутствия.

Пожалуйста, *телеграфируй*. Очень хочется видеть тебя и убедиться, что ты на меня ни за что не сердишься. Со свойственной мне гениальной проницательностью я решил, что ты меня за что-то ненавидишь. Ломаю голову, за что, но не придумаю.

Любящий тебя порнограф
Леонид Андреев

P. S. Решил летом написать гениальную пиесу и гениальный рассказ. Вообще, что-нибудь гениальное.

P. P. S. У меня страшное горе: потерял ручку, которой написал «Бездну». Теперь не знаю, чем писать порнографический рассказ.

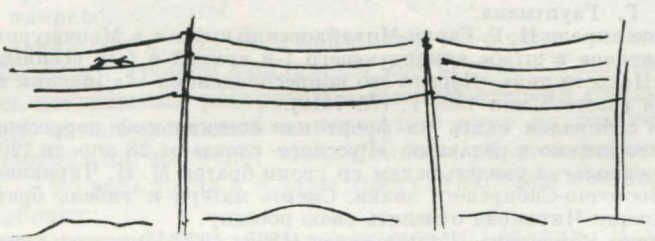
P. P. P. S. Советую прибегнуть к естественному методу.

P. P. P. P. S. Она такая с виду обыкновенная — удивительно, кто мог на нее польститься.

P. P. P. P. P. S. Не графиня ли? [3]

P. P. P. P. P. P. S. Не замешалась ли она среди других ручек? Как быть? Горе, горе, горе!

Телеграфируй.



Это телеграф, а не ноты. А бежит по ним не собака, а твоя телеграмма.

[1] Поездка Горького в Москву не состоялась (см. его телеграмму Андрееву, № 96).
[2] Рассказ «Из глубины веков» — см. о нем прим. 1 к письму 97.
[3] Имеется в виду С. А. Толстая (см. прим. 3 к письму 79).

96. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Сестрорецк. 11 ... 14 марта 1904 г.〉

Телеграмма

Обожаю тебя. Не еду в Москву. Именинник 〈в〉 среду. Цензурный срок сборнику [1]. Лето буду 〈на〉 балтийском побережье, половину апреля — мая 〈на〉 Волге [2]. Пиши на Константина [3]. Жму руку, обнимаю.

Алексей

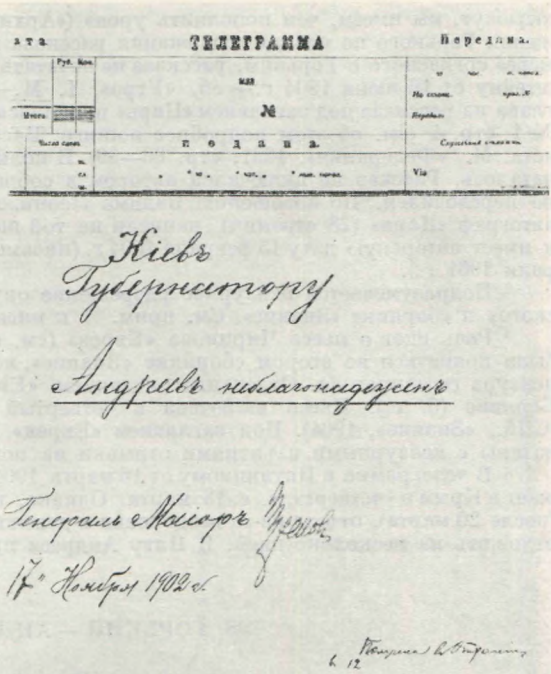
Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о первом сборнике «Знание». Сборник был передан Пятницким в цензуру 10 марта (см. письмо Пятницкого Горькому от 11 марта 1904 г.— АГ). О разрешении сборника Пятницкий известил Андреева телеграммой 17 марта («Книга записи корреспонденции» Пятницкого.— АГ).

ТЕЛЕГРАММА МОСКОВСКОГО ОБЕР - ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА Д. Ф. ТРЕПОВА КИЕВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ОТ 17 НОЯБРЯ 1902 г. О «НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ» АНДРЕЕВА

Расшифровка

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва



[2] В начале мая Горький приехал из Петербурга в Нижний-Новгород, где пробыл до 15 мая (день отъезда в Москву). С 6 июля по 14 августа Горький жил в Старой Руссе, совершая наезды в Москву и Петербург («Летопись», I, стр. 475, 477—482. См. также: В. В. Смирнов. М. Горький в Старой Руссе. Новгород, 1956).

[3] Пятницкий.

97. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 20 ... 21 марта 1904 г.〉

Милый мой Алексей! Посылаю тебе рассказ. Он уже отдан мною в «Правду», но, окончивши, я увидел необходимость некоторых переделок [1]. Как только прочтешь ты и прочтет Константин Петрович — пожалуйста, сейчас же пришли в Крым—Ялта, Елпатьевскому для меня. Нужно приготовить для майской книжки.

Если будет у тебя время, скажи поподробнее свое мнение. Если времени не будет, то хотя бы коротко, ибо это для меня необходимо. Кстати: стоит ли отдавать рассказ немцам для перевода?

Как здорово проскочил Фивейский! [2] Просто не верится. Посчастливилось ли так же «Евреям»? [3]

Сейчас еду на вокзал [4], все уложено, и Димка орет. Крепко обнимаю тебя и целую, мой хороший Алексеюшка.

Твой Леонид

Заглавие рассказа будет другое.

Датируется временем отъезда Андреева в Ялту (см. прим. 4).

[1] «Из глубины веков». Рассказ намечался для опубликования в первых номерах «Правды» на 1905 г. (под заглавием «Царь». См. «Правда», 1904, № 11, вклейка). Рукопись рассказа Андреев 17 марта 1904 г. отослал Горькому в Сестрорецк. Не позднее 12 апреля Горький сообщил в Нижний-Новгород Е. П. Пешковой: «Леонид написал недурную вещицу „Царь“ — так что, если „Евреев“ 〈Юшкевича〉 и Чирикова нам

вырежут, мы имеем, чем пополнить урон» («Архив Горького», т. V, стр. 110). Возражения Горького по поводу содержания рассказа побудили Андреева, «в значительной мере» согласного с Горьким, рассказа не печатать (см. письмо Андреева к Е. Л. Бернштейну от 16 июня 1904 г.— сб. «Утро», I. М.—Л., 1927, стр. 248). Позже первая глава из рассказа под заглавием «Царь» появилась в журнале Шебуева «Весна», ⟨1908⟩, № 1, стр. 4 (см. об этом подробнее в книге: Василий Каменский. Путь энтузиаста. М., «Федерация», 1931, стр. 96—99). В полном виде «Из глубины веков» не печаталось. Рассказ не включался автором в собрания сочинений и на немецкий язык не переводился. По сообщению Вадима Леонидовича Андреева, хранящийся у него автограф «Царя» (28 страниц) написан на той же бумаге, что и «Бунт на корабле», и имеет авторскую дату 15 февраля 1904 г. (письмо комментатору из Женевы от 14 февраля 1961 г.).

[2] Подразумевается цензурное разрешение опубликовать «Жизнь Василия Фивейского» в сборнике «Знание». См. прим. 1 к письму 96.

[3] Речь идет о пьесе Чирикова «Евреи» (см. прим. 1 к письму 94). Пьеса должна была появиться во втором сборнике «Знание», но, несмотря на хлопоты Пятницкого, цензура ее запретила. Отдельным изданием «Евреи» выпущены Ладыжниковым в Берлине (б. г.). Пьеса включена в четвертый том Собрания сочинений Чирикова (СПб., «Знание», 1904). Под заглавием «Евреи» во втором сборнике «Знание» напечатаны с цензурными изъятиями отрывки из повести Юшкевича.

[4] В телеграмме к Пятницкому от 16 марта 1904 г. (АГ) Андреев сообщал, что выезжает в Крым в «четверг», т. е. 18 марта. Однако, как видно из письма к Пятницкому (после 20 марта), отъезд из-за нездоровья и денежных затруднений писателя пришлось отложить на несколько дней. В Ялту Андреев приехал 22—23 марта.

98. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 30 марта ... 4 апреля 1904 г.⟩

Прочитав твои письма, наполненные перечислением всех существующих и разрушающих тебя болезней, стал с озлоблением ждать телеграммы твоей с извещением о смерти и подписью — «Новопреставленный Леонид».

Но оказалось, что ныне ты раздумал ехать в ад и едешь в Крым,— очевидно, ты думаешь, что лучше там, где — скучнее. Ну, что же? У всякого писателя своя безумная фантазия, те же писатели, кои фантазии не имеют,— не имеют успеха.

Друг мой болезный! Напиши ты, чёртов морж, рассказишко для «Нижегородского сборника»! [1]

Одолел меня Иорданский [2], житья мне нет от его просьб! В письме к Пятницкому ты извещаешь, что собираешься писать что-то — это хорошо! [3] Но не забудь о третьем сборнике «Знания», кой издается в пользу московских учащихся женщин. Два наши первые поехали в цензуру, через неделю решится их участь.

Как она решится — один цензурный комитет знает!

Ну, а живу я все так же. Пьесу кончил [4].

Вышло очень скучно и плоско. Вот уже три плохие пьесы написал я, а ты все еще ни одной. Товарищ, тоже! «Весы» мне не купил, анафема? Ну, чёрт с тобой. Напишешь рассказ — покажи, чай. И — прощай!

Хорошая, брат, страна Япония! Вторую книгу читаю о ней, — прекрасная страна!

Крепко жму руку, а жене кланяюсь.

А.

Датируется по содержанию (время окончания «Дачников».— «Летопись», I, стр. 474). Очевидно, одно из упомянутых писем Андреева к Горькому не дошло до нас.

[1] См. письмо 86.

[2] Николай Николаевич *Иорданский* (1863—1941) — педагог, член Общества взаимопомощи учителей и учительниц Нижегородской губ. В те же дни Горький писал Е. П. Пешковой: «Иорданскому скажи, что я лично не в состоянии понукать гг. литераторов к выполнению их обещаний, уж пускай он сам повторит им письма с напоминаниями. Мои рассказы я могу дать хоть сейчас же,— их пять, маленькие — но издавать сборник весной смысла нет, скажи ему. Книги теперь совсем не идут ⟨...⟩ Усовести его, пускай отложит до осени» («Архив Горького», т. V, стр. 99).

Секретно.

ОТДѢЛЕНІЕ
по Охраненію Общественной Безопасности
и порядка
въ Москвѣ.

СПРАВКА.

О Помощникѣ Присяжнаго Повѣреннаго Леонидѣ Николаевѣ АНДРЕЕВѣ въ дѣлахъ Московскаго Охраннаго Отдѣленія имѣются слѣдующія неблагопріятныя въ политическомъ отношеніи свѣдѣнія.-

Состоя студентомъ Московскаго Университета, онъ входилъ въ составъ Орловскаго землячества и на одномъ изъ собраній этой организаціи предлагалъ общими силами издать сборникъ въ пользу студенчества; ~~охраненагонадѣвая~~ дворяниномъ Павломъ Михайловымъ БѢЛИГОРСКИМЪ, которому за политическую благонадежность, Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ было воспрещено жительство въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ на два года, срокомъ по 10-е Марта 1899 года и находится въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ писателемъ Алексѣемъ Максимовымъ ПѢШКОВЫМЪ [Максимъ Горькій] въ письмѣ къ которому по поводу ареста Горькаго онъ, между прочимъ пишетъ: "засади эти мерзавцы моего настоящаго брата, мнѣ не было бы такъ больно и халко и обидно, какъ за васъ". Въ ночь на 31-е Января текущаго года Леонидъ Андреевъ былъ подвергнутъ обыску по дѣлу лицъ замышлявшихъ подготовить и устроить въ февралѣ сего года политическую демонстрацію при участіи рабочихъ.-.

Мать Леонида Андреева Анастасія Николаева Андреева въ 1895 году привлекалась при С. Петербургскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи, при чемъ дознаніе это о соглашеніи между Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи въ отношеніи Андреевой дальнѣйшимъ производствомъ было прекращено.-

"17" Ноября 1902 г.-

10-902 Дмтъ

СПРАВКА МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБ АНДРЕЕВЕ, 17 НОЯБРЯ 1902 г.
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

[3] О каком письме Андреева к Пятницкому идет речь — не установлено.

[4] «Дачники». Замысел пьесы относится к осени 1901 г. (см. письмо к Пятницкому между 13 и 17 октября 1901 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 42—43). 24 июня 1902 г. Горький сообщал Пятницкому: «Начал писать еще пьесу „Дачники". Думаю изображать современную „буржуазно-материалистическую интеллигенцию",— как выражается Бердяев». Готовя пьесу для сборника «Знание», Горький писал ему же 29—30 июля: «Сильно работаю, тороплюсь перестроить „Дачников"» (там же, стр. 158). 18 апреля 1904 г. Горький читал «Дачников» труппе Московского Художественного театра, а в конце августа познакомил с пьесой актеров театра В. Ф. Комиссаржевской.

99. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

Телеграмма

⟨Ялта. 11 апреля 1904 г.⟩

Если получил мой рассказ [1], пришли сюда Елпатьевскому. Если нет, телеграфируй, боюсь потерян. Обнимаю.

Леонид

⟨*Адрес:*⟩ Пбрг. Николаевск. 4. Пятницкому. Пешкову.

Дата на телеграфном бланке.

[1] Рукопись рассказа Андреева «Из глубины веков» («Царь»). См. прим. 1 к письму 97.

100. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Петербург. 12 апреля 1904 г.⟩

Хорошо. Сообщи срок. Заглавие лишнее. Кланяюсь жене. Обнимаю тебя.

Алексей

Телеграмма была послана Пятницким и датируется по его книге записей корреспонденции (АГ). Ответ на предыдущую телеграмму Андреева.

101. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ялта. 12 ... 13 и 22 апреля 1904 г.⟩

Милый Алексей! Сейчас получил твою телеграмму [1]; рад, что рассказ цел, огорчен, ибо вижу, что рассказ тебе не особенно понравился. И так как я человек самолюбивый, то сейчас же решил написать хороший рассказ. А тороплюсь я с этим Навуходоносором потому, что Кожевников [2], которому я его продал, торопит меня и пишет письма. И кроме того — нужно же работать, чёрт возьми!

Прочел я «Человека» [3], и вот что в нем поразило меня. Все мы пишем о «труде и о честности», ругаем сытое мещанство, гнушаемся подлыми мелочами жизни, и все это называется «литературой». Написавши вещь, мы снимаем актерский костюм, в котором декламировали, и становимся всем тем, что так горячо ругали. И в твоем «Человеке» не художественная его сторона поразила меня — у тебя есть вещи сильнее — а то, что он при всей своей возвышенности передает только *обычное* состояние твоей души. *Обычное* — это страшно сказать. То, что в других устах было бы громким словом, пожеланием, надеждою,— у тебя лишь точное и прямое выражение обычно существующего. И это делает тебя таким особенным, таким единственным и загадочным, а в частности для меня таким дорогим и незаменимым. Если б ты разлюбил меня, ушел бы от меня с своей душою, это было бы непоправимым изъяном для моей личной жизни — но только личной. Не любится, так и не любится — что же поделаешь. Но если бы ты изменился, перешел к нам, невольно или вольно изменил бы себе —

это разворотило бы всю мою голову и сердце и извлекло бы оттуда таких гадов отчаяния, после которых жить не сто́ит.

22 апреля

Продолжаю письмо после длительного промежутка.

О тебе продолжать не стану. Ты и не любишь, когда говоришь о тебе, да собственно я уже и сказал, что нужно. Я тебя люблю, как немногих, и уважаю, как никого. И мне просто приятно и дорого знать, что где-то там ты существуешь.

Относительно «Навуходоносора». Скиталец сказал мне, что вы с Константином Петровичем задумываете третий сборник или второй — в замену погибшему. И вот я подумал, не хочешь ли ты в этот новый сборник определить «Навуходоносора», если он тебе нравится. К сожалению, этого нельзя будет сделать. Я уже получил за рассказ деньги с Кожевникова — главное — просто будет неловко и нехорошо обмануть. Если действительно нужен будет мой новый рассказ, то лучше я его напишу. Пишу я быстро, тем много, и я скоро это сделаю. Только уведомь меня, и я немедленно примусь за работу. А этот рассказик, пожалуйста, пришли *с твоими замечаниями* — хочется поскорее сбыть его с плеч: либо переделать, либо совсем уничтожить.

Виделся и говорил с Миролюбовым. Пока результатов никаких, и боюсь, что придется с ним окончательно разойтись. Сейчас это уже есть фактически [4]. Видаю изредка Чехова [5] и Скитальца. Последний поселился возле нас. Хороший малый!

Нутро у меня бушует. С тех пор как я бросил пить, голова у меня стала чище, яснее и тверже, и это приятно. Море и крымская весна наполнили меня каким-то гулом: точно внутри меня ходят волны и время от времени выбрасывают неожиданные мысли. А минутами, когда я ложился спать и закрывал глаза, никаких мыслей не являлось, а зажигалось солнце и какой-то блеск, и какая-то игра, смех, шум, песни. Сейчас это прервано нездоровьем, которому я продолжаю платить аккуратнейшую дань — но надеюсь, вернется снова.

Говорил с Алексиным о «Василии Фивейском». Рассказ очень ему не нравится и кажется совершенно неудачным, так что скучно даже читать. Думаю, что мнение Алексина будет мнением очень многих, если не большинства, но не особенно огорчаюсь этим. А вернее, даже нисколько не огорчаюсь, и даже чуть ли не радуюсь. Отчего это: живу я относительно счастливо, а злость к миру не только не утихает — крепнет, становится ядовитее, беспокойнее. И порою тянет меня в какое-то беспредельное одиночество: чтобы никто меня не любил, не ласкал, не сочувствовал мне, а был бы я один с какими-то моими особенными чувствами, сокровенными, молчаливыми и глубокими, как вода, чувствами, которых я не умею, а часто не хочу назвать.

Крепко целую тебя. Твой Л е о н и д

[1] См. предыдущую телеграмму Горького.

[2] Валентин Алексеевич *Кожевников* (1867—1931) — инженер путей сообщения, издатель, член Русского общества драматических писателей. В 1904—1906 гг.— редактор-издатель журнала «Правда» (см. статью «Марксистская периодическая печать 1896—1906».— «Красный архив», 1926, № 5, стр. 186—187). В 1906 г. издавал в Москве газету «Книговедение» и при ней еженедельник «Зори», посвященный вопросам литературы и искусства. За помещение в декабрьском номере «Правды» 1905 г. статей «Ноябрьская политическая стачка в С.-Петербурге» и «Московское восстание» приговором Московского окружного суда 30 июня 1906 г. Кожевников был осужден к заключению в крепость (ЦГАОР, ф. 63, оп. 10, ед. хр. 308/1903; «Русские ведомости», 1906, № 168, 1 июля; «Русское слово», 1906, № 168, 1 июля); освобожден под залог и со второй половины 1906 по 1913 г. жил в Париже. По возвращении в Россию от издательской деятельности отошел.

[3] Поэма Горького «Человек» появилась в сборнике «Знание» за 1903 г., кн. 1 (СПб., 1904). Этот сборник был выслан Андрееву Пятницким 6 апреля 1904 г.

[4] См. письмо 110.

[5] Андреев с женой посетили Чехова в Ялте 24 марта 1904 г. (письмо Чехова к О. Л. Книппер от 25 марта 1904 г.— А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XX. М., 1951, стр. 256). О взаимоотношениях Чехова и Андреева — см. в статье В. И. Беззубова «А. Чехов и Леонид Андреев».— «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 139. Труды по русской и славянской филологии, VI, 1963, стр. 184—201.

102. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 20 ... 24 апреля 1904 г.〉

Дорогой мой Леонид,

твой рассказ мне не понравился. Написан он чересчур «нарочито», в нем куча лишних слов, они покрывают его налетом скуки, делают тяжелым и портят его внутреннюю красоту — красоту его смысла. Смысл же его — глубок и важен, гораздо более, чем ты, видимо, думаешь.

И его нужно сильно вычистить, сократить, отшлифовать, как бриллиант.

И — вот что: твой вавилонский сверхчеловек — не очень дерзок: в том, что он осмелился тепленького говнеца поесть — еще немного истинно-человеческого, тут только — «слишком человеческое» — как говорят иначе, свинское, зоологическое. Пробудить в себе зверя, скота, это всякий может, но вознести себя на крыльях гордости и отчаяния до богов, до небес и в лицо богам бросить несколько вопросов — вот это — хорошая выходка!

Ты как бы хочешь оправдать скота — ну, сто́ит ли? Ведь этим все занимаются, друг мой. Но проще: по моему мнению, темой рассказа ты должен был поставить *испытание царем глубины рабства людей* — это тебе не совсем удалось, Леонид. Ты слишком много обратил внимания на царя, но упустил из виду рабов. А ведь пока что мы, писатели русские, должны внушить нашему читателю не стремление быть царем — куда уж ему! а хотя бы отвращение к рабству.

И нужно, друг мой, рабами заняться больше, им больше места уделить. Царь скучает не оттого, что ищет равенства с богами и — теряет веру в их бытие,— это, если хочешь, хорошо,—но оттого, что на земле всюду рабы, и он среди них одинок на земле.

Ты поймешь меня? И, разумеется, не обидишься? Не обижайся.

После «Отца Василия» рассказ — в том виде, как он есть у меня,— слаб. И — говорю, в нем много «нарочного». Такую тему надо писать языком флоберовских легенд. Милый мой друг,— не торопись с этой вещью, умоляю! Раньше осени «Правде» не давай, а за лето — перестрой его.

Ну, а я написал пьесу [1]. Вышло — жидко, плоско, разговорно и злободневно — очень скверно! Но — духом не падаю! Начинаю вторую. А если ты уступишь мне тему «Астронома» [2] — напишу третью. Уступи? Очень хорошо складывается: астроном, учитель, ветеринарный врач. Жена астронома, сестра учителя, мать врача. Кузнец, который должен убить астронома, юродивый, веселый маляр-скептик, купец, желающий порядка и гармонии, и — *толпа*. Уступи?

Буду благодарен и прочее.

В конце месяца еду в Нижний, потом вниз по Волге и через Кавказ в Ялту. Застану ли тебя? Хотелось бы!

Кланяйся всем. А «Царя» — переделай, прошу тебя!

Обнимаю, ломаю ребра, целую и проч.

Да здравствует Япония!

Пиши на «Знание».

«Смерть мухам!»

Так назвал я свою комедию. А. Пешков

Рассказ твой — куда девать?

Датируется по содержанию.

«ГОРЬКИЙ И ЕГО ТЕНЬ»
Шарж Ре-ми (Н. В. Ремизова)
Тенью Горького изображен Андреев
«Стрекоза», 1905, № 41, от 9 октября

[1] Речь идет о «Дачниках». См. прим. 4 к письму 98.

[2] В 1900 г. издательство «Знание» выпустило книгу Клейна «Астрономические вечера» (см. о ней письмо 57). «С Андреевым ⟨...⟩ буду писать пьесу „Астроном". Леонид вдохновился Клейном и хочет изобразить человека, живущего жизнью всей вселенной, среди нищенски серой обыденщины. За это его треснут в 4-м акте телескопом по башке»,— писал Горький Пятницкому 26 октября 1903 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 143). Об отношении Андреева к предложению Горького — см. в письме 104. Подробнее об этом — см. Л. Андреев. Пьесы. М., «Искусство», 1959, стр. 558—560.

103 ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 25 ... 28 апреля 1904 г.⟩

Дружище — ты очень хвалишь меня, смотри — испортишь!

Насчет твоего рассказа я тебе писал, но кажется — плохо и едва ли — вразумительно.

Сейчас — у меня малярия, но скоро она исчезнет, тотчас же я поеду в Нижний, а числа 10-го буду в Ялте [1], о чем, кроме тебя и Алексина, никто не должен знать.

Мне бы хотелось поговорить с тобой о рассказе раньше, чем ты его отдашь «Правде», ведь — все равно! — летом они его не напечатают.

Задержи до меня, а? Видишь ли — я считаю эту тему очень важной и — что еще важнее — очень «твоей».

Ну?

Кланяюсь Скитальцу и Сашке Алексину и твоей жене и т. д.

А. Пешков

Датируется предположительно. Ср. письмо Горького к Е. П. Пешковой из Петербурга, посланное между 23 и 26 апреля 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 113).

[1] В Нижний-Новгород Горький приехал в начале мая 1904 г., в Ялту же попал только 7 сентября («Летопись», I, стр. 475, 484).

104. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

‹Ялта. 1 ... 10 мая 1904 г.›

Милый мой Алексей! Ты большой чудак. Разве могу я обидеться, когда ты бранишь мой рассказ? Не только не обижаюсь — самолюбивая обидчивость не в моем обычае — но даже не испытываю неприятного чувства. Плох рассказ, ну и плох — экая важность. Точно не могу я написать хорошего. Очень даже могу и нимало в этом не сомневаюсь. А плохой рассказ написать время от времени даже полезно: это как болезнь, вышедшая наружу,— видно, в чем она и как ее лечить. И спасибо тебе, что угадал, что пышного бутон-д-амура не принял за прекрасный цветок истинно-художественного творчества.

В Навуходоносоре помимо смысла, символа, есть много недурных частностей — есть настроение веков — и если писать рассказ *в этом тоне*, то, пожалуй, он сошел бы, с некоторыми поправками. Конечно. Не согласен я с тобой кое в чем по существу: превращение царя в скота и обратно это не вульгарное *оправдывание* скотства, а, точнее, его *оправдание*, т. е. признание за скотством некоторой весьма даже своеобразной красоты и смысла. Разные бывают скоты, разные и герои, и в конечном предумышленном скотстве, пожалуй, больше * гордости и свободы, чем в геройстве: герой может рассчитывать на сочувствие, если не современников, то потомства, а в случаях одинокого безвестного геройства его одобряют предки, которые сидят у него в душе и радуются. На что может рассчитывать «скот»?

Потом: ты говоришь, что я должен выдвинуть вперед рабов и меньше заниматься царем. На кой чёрт мне рабы? Мне царь нужен, мне нужен хоть и призрачный образ одинокого, свободного и смелого человека, который заглянул во все дыры мироздания, который отверг славу, могущество, мудрость во имя чего-то лучшего, имени чему я не знаю. Это не свобода, так как и свободу он, в сущности, отверг — по крайней мере, внешнюю. Быть может, это безграничный произвол наглости, высшее утверждение своего «я» на своих собственных развалинах.

Огромный недостаток рассказа — в его тоне. Не знаю, откуда это у меня явилось — но в последнее время сильно тянет меня к лирике и некоторому весьма приподнятому пафосу. Приподнятость тона сильно вредит «Василию Фивейскому», так как, по существу, ни к громогласной лирике, ни к пафосу я не способен. Хорошо я пишу лишь тогда, когда совершенно спокойно рассказываю о неспокойных вещах, и не лезу сам на стену, а заставляю стену лезть на читателя. «Большой шлем», «Жили-были» — вот мое настоящее. Нужно писать так, чтобы были только слова необходимые, а слова полезные, красивые и т. д. к чёрту. О смерти нужно писать «он умер», о любви нужно писать «он любит». В крайнем случае можно добавить: «скоропостижно» или «страстно». И я хочу вернуться к этому краткописанию, и мною уже задуман рассказ летописного свойства [2], каковой я и напишу, когда прекратится у меня крымское разжижение мозгов.

А Навуходоносора в таком виде — насмарку. Может, я его и напишу вновь, может, и совсем заброшу — пусть его поваляется. Кожевникову же (красивое звуковое сочетание) напишу что-нибудь в высшей степени позитивное. Кстати: когда меня спрашивают теперь, позитивист я или идеалист, у меня делаются колики в желудке и заворот кишок. И когда я слышу: позитивист, идеалист, мне хочется выть, ныть, царапаться в дверь, просить в долг, драться, стонать.

---

* *Здесь рукой Андреева между строк приписано:* Памфалон [1].— *Ред.*

Об астрономе я сам много думал и уступить ни даже за полтинник не уступлю. Вместе давай писать [3]. Понимаешь: эти болваны убивают астронома в момент затмения солнца, думают, что он солнце погасил — и вдруг солнце-то и вылезает! И спрашивает: вы, что же это, сукины дети, сделали? Занавес и крики: автора, автора! Автор выходит, ловко отмахивается от десятка тухлых яиц, утирает лицо, орошенное соком гнилых апельсинов, и кланяется, чтобы пропустить летящий сапог.

Я очень рад, что ты приедешь в Крым и мы поговорим [4]. Живу я около Ялты, возле Никитского сада, на даче «Монтедоро», и если ты ко мне приедешь, мы знатно погуляем. Главное, чтобы потолковать с тобою, что, в сущности, бывает редко и для меня лично бывает очень приятно. Дико у меня на даче, просто прелесть. На версту ни одного дачника и ближайший дачник — Скиталец с нелюдимкой женою [5]. Вероятно, проживу здесь лето.

Приехал брат и рассказал о твоей ссоре с Крандиевской, вернее о ссоре Крандиевской с тобою. Чем ты с нею не поладил? [6]

До свидания. Никогда не думай, что я могу обидеться — милый ты мой чудак, чреватый неожиданностями.

Крепко целую тебя. Хоть бы ты почаще писал, а то совсем забываешь меня.

Твой

порно-Граф Монтедоро

Япония-то?

Рассказ пришли. Жалко сборник.

Почта ко мне не ходит, так что адресуй на Елпатьевского.

Датируется по содержанию.

[1] Андреев подразумевает рассказ Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон» (1887), герой которого скоморох оказался «праведником».

[2] Вероятно, рассказ «Бен-Товит» (см. письмо 135).

[3] См. письмо 102. Сюжет «Астронома» Андреев использовал в пьесе «К звездам» (1905).

[4] См. письмо 103.

[5] О женитьбе Скитальца — см. прим. 3 к письму 52.

[6] Издательство «Знание» намеревалось выпустить книгу рассказов А. Р. Крандиевской. Но Крандиевская, недовольная редакционной правкой рассказов, послала в «Знание» резкое по тону письмо.

105. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Петербург. 20 мая 1904 г.>

Друг мой,

это так: скоты бывают разные: и бык — скот, и лев, и свинья — скотина, но в свинье я ни в телескоп, ни в микроскоп никак не мог бы усмотреть «своеобразной красоты и смысла». Ты же именно свинскому скотству апологию сочинил в письме твоем. Сие — не важно. И в поведении свиньи никогда не может быть «больше гордости и свободы, чем в геройстве» — это уж факт!

Гордость — красива, свобода — тоже, свобода может быть ужасно красива, но — свинья и свобода — не соединимы, равно как не соединимы гордость и свинья. А ты своего царя именно в свинью превратил. Это — некрасиво, хотя, может быть, правдиво, и это к теме твоего рассказа не относится — пойми!

«Утверждение своего „я“ на своих собственных развалинах» — ловко сказано, но опять же надо помнить вот о чем: это делалось и очень часто,

очень многими; это делалось тогда, когда человек побеждал в себе скота и на трупе его разгорался огонь духа свободы. Не забывай, что в человеке скота — больше, чем человека, и что сей факт очевиден, в апологии не нуждается. Не забывай также, что между скотом и зверем есть большая разница [1].

Тебе нужен образ одинокого, свободного и смелого человека, который отверг бы мудрость, могущество и славу во имя чего-то лучшего — надо это лучшее искать где-то в другом месте, а не в превращении в свинью. Просто — обидно слушать тебя!

Видишь ли: человек стоит между двух бездонных ям — рождение, смерть — он сообразил, как устроилась вселенная и знает, что земля в один прекрасный день сможет упасть на солнце и превратиться в пар, вместе с ним, библиотеками, музеями, младенцами, драгоценностями — со всей материализованной, многовековой работой его духа, со всем, что ему дорого, что он любит. Вот ты и посмотри с этой трагической стороны, как однажды пытался посмотреть Екклезиаст, а потом еще посмотри: тогда увидишь, что несмотря на знание будущей гибели — бесследной гибели всей работы мускулов и духа его — он все работает, все творит и не для того творит, чтобы отвратить эту гибель бесследную, а просто из какого-то гордого упрямства.

«Да, я погибну, я погибну бесследно, но прежде я построю храмы и создам великие творения. Да, я знаю и они погибнут бесследно, но я создам их все-таки и да — я так и хочу!»

Вот человеческий голос. И — поверь мне — настоящий человек, истинно свободный, человеческое свое достоинство всегда ценит и он всегда мужественно сознает конечность и свою и всего окружающего.

Все это скомкано, прости! Уж очень некогда! Рассказ посылаю при сем. Только сегодня приехал сюда из Нижнего, Екатерина Павловна будет здесь послезавтра проездом за границу.

Ну, хорошо, пиши астронома. Я тоже буду писать. Печатать, ставить — не буду, а писать буду. Потом прочитаю тебе.

Кланяюсь. В Ялту не попаду.

До свидания.

А. П.

Пиши на «Знание».

Голубчик — дай же рассказ для Нижегородского сборника! Умоляю! Одолели меня! Напиши что-нибудь крымско-морское или горное.

А Скитальцева жена пребывает невидима? Сие странно. Сам-то он видим ли?

Пиши.

Твой А.

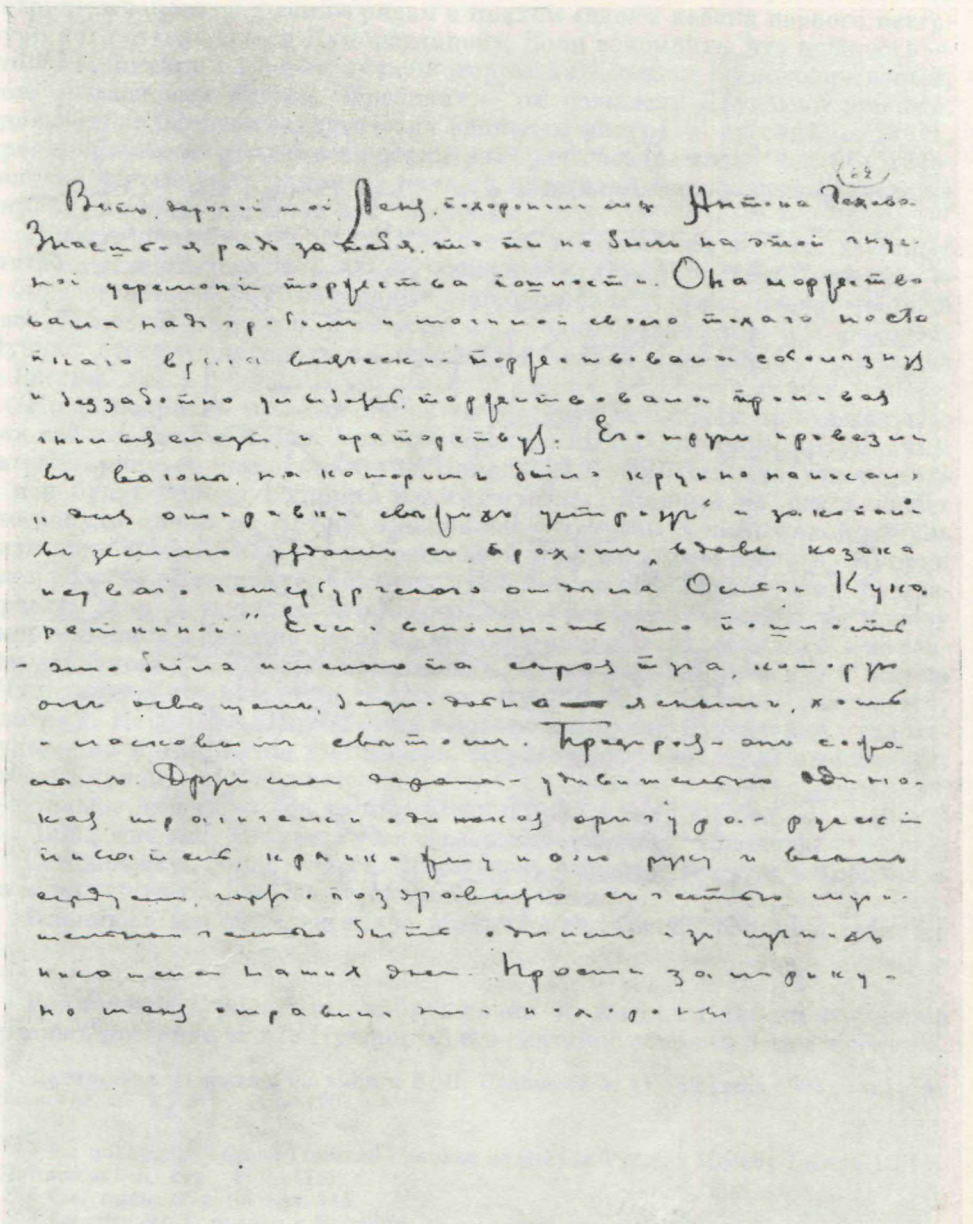
Датируется днем приезда Горького в Петербург из Москвы — 20 мая 1904 г. В тот же день он уехал в Куоккалу, где 23 мая встретился с Е. П. Пешковой («Летопись», I, стр. 476).

[1] Этой теме Андреев позже посвятил рассказ «Проклятие зверя» (см. прим. 1 к письму 155).

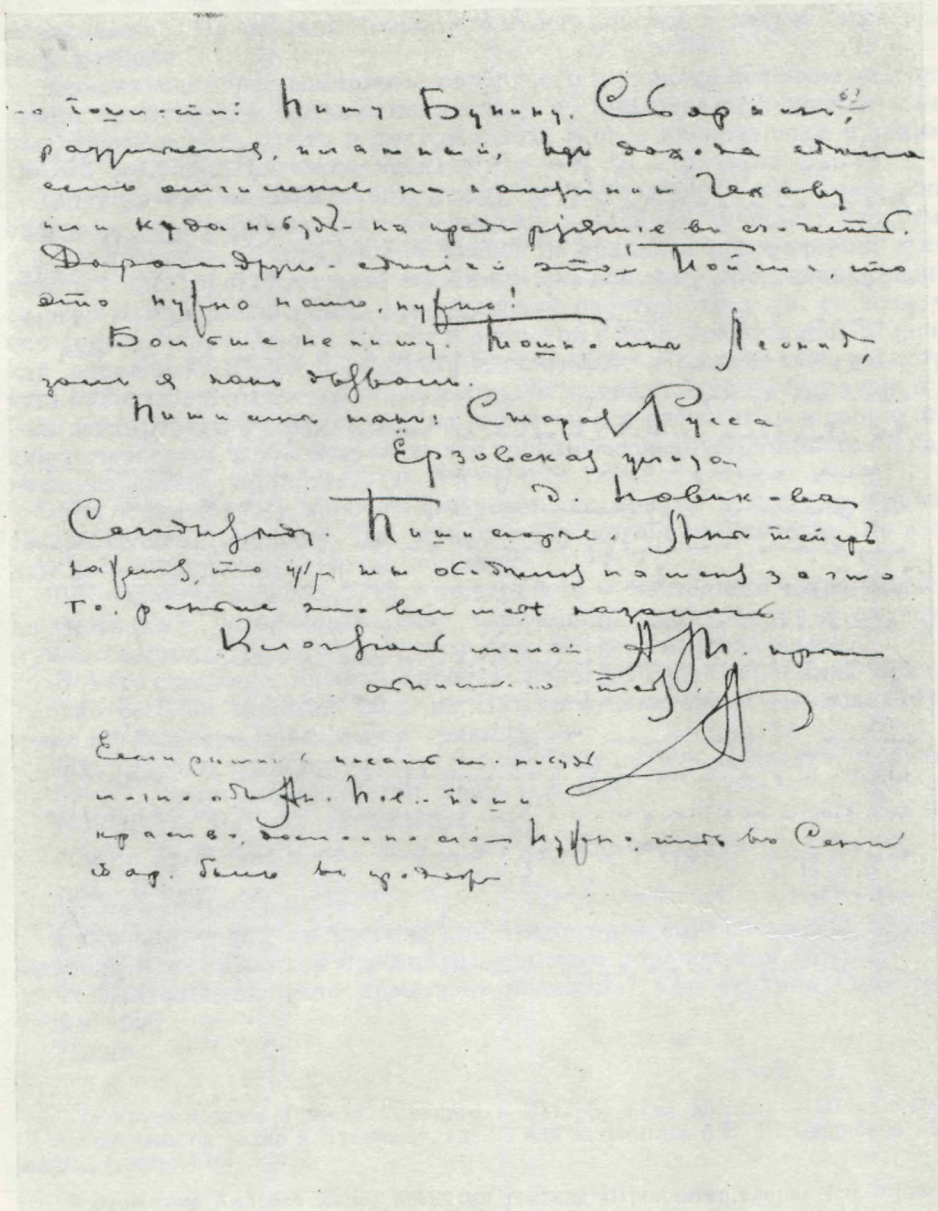
106. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 11 ... 12 июля 1904 г.⟩

Вот, дорогой мой Леня, похоронили мы Антона Чехова [1]. Знаешь — я рад за тебя, что ты не был на этой гнусной церемонии торжества пошлости. Она торжествовала над гробом и могилой своего тихого, но стойкого врага, всячески торжествовала, соболезнуя и беззаботно улыбаясь, торжествовала, проливая гнилые слезы и ораторствуя. Его труп привезли



АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ 11—12 ИЮЛЯ 1904 г.
Первый лист
Колумбийский университет, США



АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ 11—12 ИЮЛЯ 1904 г.
Последний лист
Колумбийский университет США

в вагоне, на котором было крупно написано: «для отправки свежих устриц», и закопали в землю рядом с прахом «вдовы казака первого петербургского отдела Ольги Кукореткиной». Если вспомнить, что пошлость — это была именно та серая туча, которую он освещал бесподобно ясным, хоть и ласковым светом. Презирая — он сожалел. Друг мой дорогой, удивительно одинокая, трагически одинокая фигура — русский писатель, крепко жму твою руку и всем сердцем, горячо поздравляю с честью, мучительной честью быть одним из лучших писателей наших дней. Прости за лирику, но меня отравили эти похороны.

Я весь обрызган серой грязью речей, надписей на венках, газетных статей, разных разговоров. И, невольно думая о своей смерти, — я представляю себе идеальные похороны в таком виде: ломовой извозчик везет мой гроб, а за ним идет один равнодушный городовой. Лучше этого, благороднее, приличнее нельзя похоронить писателя в России.

Но — подробно при свидании, ты же читаешь газеты и чувствуешь, как всё это было сделано. Вот что, Леонид: мы с Пятницким и Куприным затеяли книгу в память Антона Павловича [2]. Думаем, что участвовать в ней будут только Куприн, Бунин, я и ты. Каждый из нас напишет что-нибудь лично об Антоне Павловиче — встречи с ним, какой-нибудь разговор, впечатление от его рассказов и — даст еще рассказ. Куприн дает повесть «Поединок», большая вещь листов 8 [3]. Ты поступил бы прекрасно, если б написал что-нибудь подобное твоей заметке по поводу смерти Золя [4], и дал еще «Бунт на корабле» или «Царя», если ты его не совсем забраковал и думаешь перестроить. Я дам какой-то рассказ и статью «Чудовище» — о пошлости [5]. Пишу Бунину [6]. Сборник, разумеется, платный. Из дохода сделаем отчисление на памятник Чехову или куда-нибудь — на предприятие в его честь. Дорогой друг — сделай это! Пойми, что это нужно нам, нужно!

Больше не пишу. Тошно мне, Леонид, зол я, как дьявол.

Пиши мне так: Старая Русса Ерзовская улица, д. Новикова.

Сегодня еду. Пиши скорее. Мне теперь кажется, что уж ты обиделся на меня за что-то, раньше это все тебе казалось.

Кланяюсь милой Александре Михайловне, крепко обнимаю тебя.

А.

Если решишь писать что-нибудь лично об Антоне Павловиче — пиши красиво, достойно его [7]. Нужно, чтоб в сентябре сборник был в продаже.

Датируется по связи с письмом к Е. П. Пешковой от 11—12 июля 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 119—120).

[1] На похороны Чехова Горький приехал из Старой Руссы в Москву 7 июля 1904 г. («Летопись», I, стр. 477—478).

[2] См. прим. 1 к письму 114.

[3] См. письмо Горького к Куприну от середины июля 1904 г.— «Горьковская коммуна», 1946, № 151, 27 июля.

[4] Джемс Л и н ч. Мелочи жизни.— «Курьер», 1902, № 269, 29 сентября. В собрание сочинений Андреева фельетон вошел под заглавием «О писателе» (ПССА, т. VI, стр. 280—285).

[5] Статья «Чудовище» — неосуществленный замысел Горького.

[6] См. «Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 28—35.

[7] В 1910 г. в одном из газетных интервью Андреев сказал о Чехове: «Я мало знал его. У меня с ним было всего каких-нибудь четыре-пять встреч ⟨...⟩ Меня давно просили написать о нем, но я всегда отказывался: то, что я мог бы рассказать, носило бы страшно поверхностный характер. И хотя я видел его мало, для меня необыкновенно приятны минуты, проведенные в его обществе» (С. С п и р о. У Леонида Андреева.— «Русское слово», 1910, № 14, 19 января). См. также письмо Андреева к В. В. Каллашу от июля 1904 г. (стр. 509 настоящ. тома).

107. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ялта.〉 6 августа 〈1904 г.〉

Нужно бы о делах поговорить, а мне все хочется объясняться с тобою в любви. Даже то обстоятельство, что ты можешь зазнаться и послать меня к чёрту, не может удержать меня от этого рискованного объяснения. Итак — вот много вокруг меня хороших людей, и со всеми я приятель, и разговоры бывают хорошие — а нет друга, кроме друга, нет Максимыча, кроме Максимыча. И всё тут.

Сижу еще в Крыму. То Димка захворает, то еще что — выберусь в Москву только к 15-му. Планы у меня такие. Больших вещей («Астронома», «Еврея» [1], «Бунт на корабле», «Чудо» [2], «Брата и сестру» [3]) начинать не стану — лето прошло у меня дрянно, ничего обмозговать как следует не удалось. А напишу я ряд маленьких рассказов, четыре штучки, приблизительно по листу каждая. Обдумал я их полностью, нужно только написать. И поеду я на сентябрь месяц в Бутово, где жил прошлое лето, возьму пустую дачу, буду шататься и работать. Будут шуметь деревья, будет дождь стучать в стекло, будут кругом пустые и темные комнаты, много пустых и темных комнат, а у меня будет светло и буду я писать о войне, о сумасшедших, о смерти, о любви.

...Дрожит немного рука: сейчас загорелась в соседней комнате занавеска у окна, и я тушил. А нынче вечером возле нашей дачи взрывом ранило двух турок, одного, кажется, смертельно, вырвало глаз и пр. Эти турки все лето работают у нас, очень милые ребята, смелые, деликатные, держатся с достоинством. И эти двое забивали бурку, когда от искры произошел взрыв. И я видел, как несли одного из них, весь он, как тряпка, лицо — сплошная кровь, и он улыбался странной улыбкой, так как был он без памяти. Должно быть мускулы как-нибудь сократились и получилась эта скверная, красная улыбка [4].

С тобой мне необходимо переговорить о весьма важных делах (между прочим — о чеховском сборнике). Кстати: почему ты напираешь на Куприна? Души нет у Куприна, талант большой — но пустой. Всё только формы: формы людей, предметов, жизни, страстей — а в середине пусто. Не нравится он мне, совсем чужой.

Встретил как-то в Ялте Немировича. Рубашка у него зеленая, галстух из морской травы и голос у него такой, будто находится он в летаргическом сне или неделю назад утонул.

Читал ты «Мир как воля и представление»? Весь я сейчас под властью этой великолепнейшей книги — такой умной, такой красивой и стройной [5].

В ней нет ничего мистического, неясного, подмаргивающего, крепкая, сильная, смелая, человеческая мысль работает открыто и честно, как в лаборатории. И вовсе не пессимист Шопенгауэр: только трусливое мещанство, желающее быть обманутым, могло признать его таковым. Он отрицает возможность счастья, удовлетворения, покоя; основой жизни, по его исследованию, является вечно голодная, вечно стремящаяся *воля*. Все стремится, все желает расшириться, овладеть миром, властвовать — какая красота в этом стремительном потоке, где камень, растение, человек, все рвется вперед, разрушая, созидая и снова разрушая. Вперед!

Возможно, что я Шопенгауэра понял не совсем верно, скорее применительно к собственным желаниям — но он заставил много и хорошо поработать головой и многое сделал более ясным. Так попутно уяснилось мне кое-что в искусстве, и стало совсем понятно, почему твое «На дне» хорошо, а «Мещане» — плохо. И понял я — что недаром Толстой увлекался Шопенгауэром: его «Анна Каренина», достоинства которой столь очевидны и вместе с тем так трудно поддаются критическому анализу, есть художественное воплощение мира как воля и представление. Консисторская

моралишка «мне отмщение и — аз воздам» [6] с этой точки зрения приобретает новый, огромный смысл, отнюдь не теологический.

А как Шопенгауэр ненавидел дураков и как откровенно высказывал это! И так приятно видеть, что наконец-таки нашелся умный человек, который не извиняется перед дураками за свой ум. Отчего это, Алексеюшка: если я приду к людям и скажу: какой я, знаете, дурак! — меня накормят, напоят и спать положат; а если скажу: какой я умный! — меня побьют?

Пишу отрывочно — очень о многом хочется поговорить. Правда, что Россия не переживала еще такого любопытного, решительного момента? Логика вещей с величайшей деликатностью привела самодержавие в тупик, и как по логике ни рассуждай — нет выхода. Что просвещение народа с самодержавием несовместимо — с этим самодержавие давно и великодушно примирилось. Но что невежество и сила несовместимы — это полностью постигло оно только теперь, так что даже «Русский инвалид» успех японцев объясняет «развитием народных масс» [7]. Как же быть-то? На месте Глазова [8] поместил бы «Логику» в числе запрещенных книг.

Еще хочется говорить, но бумага кончилась.

Целую тебя.

Твой Леонид

На письме помета Пятницкого: «1904».

[1] Возможно, замысел неосуществленной пьесы Андреева «Агасфер», план которой сохранился в его бумагах (ЦГАЛИ). В 1907 г. он говорил, что «Агасфер», которым он занят, должен продолжить собой рассказ «Елеазар» («Биржевые ведомости», 1907, № 228, 5 октября).

[2] Рассказ о юноше, взорвавшем «чудотворную» икону. См. прим. 7 к письму 41.

[3] См. прим. 5 к письму 79.

[4] Этот случай повлиял на создание Андреевым рассказа «Красный смех» (С. Я. Елпатьевский. Леонид Николаевич Андреев.— «Былое», 1924, № 27-28, стр. 280).

[5] Речь идет об известной книге А. Шопенгауэра. Влияние пессимистической философии Шопенгауэра Андреев испытал еще в юности. В письме к В. Л. Львову-Рогачевскому 1908 г., вспоминая завершение своих юношеских исканий, Андреев сообщал: «Влияние книг кончилось, и из всего остался один Шопенгауэр, по-видимому, и сейчас, о чем только догадываюсь — живу под знаком „Welt als Will und Vorstellung“» (В. Л. Львов-Рогачевский. Две правды. Книга о Леониде Андрееве. СПб., 1914, стр. 24).

[6] Истолкование самим Толстым эпиграфа к «Анне Карениной» — см. в письме М. С. Сухотина к Вересаеву от 23 мая 1907 г. (Вересаев, стр. 433, а также: Толстой в последнее десятилетие своей жизни. По записям в дневнике М. С. Сухотина.— «Лит. наследство», т. 69, кн. 2, 1961, стр. 195—196).

[7] «Русский инвалид» (СПб., 1813—1917) — ежедневная газета; с 1868 г. — официоз военного министерства. В газете публиковалась обширная информация о ходе русско-японской войны. Материалы «Русского инвалида» использованы Андреевым в работе над «Красным смехом». См., например, информацию о гибели русских солдат от солнечных ударов (1904, № 160, 22 июля), корреспонденцию П. Н. Краснова «На войне. XIII. Как умирают на войне» (№ 165, 29 июля) и др. Цитата взята Андреевым из корреспонденции Краснова «На войне. XV. Снабжение армии» (№ 168, 1 августа).

[8] Владимир Гаврилович *Глазов* (1848—1916) — генерал от инфантерии. С 10 апреля 1904 по 17 октября 1905 г.— министр народного просвещения.

108. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 12 ... 15 сентября 1904 г.〉

Сердись, не сердись — а факт налицо: жестокая инфлуэнца. Приедешь ты из Крыма, и у тебя, бог даст, будет инфлуэнца, и тогда ты поймешь всю силу моего насморка.

Чихаю, но пишу рассказ [1]. Кашляю, но пишу. Ерунда выходит сверхъестественная, отвык, видимо, писать. Настоящих слов нет, а всё какие-то чужие, литературные, плоские. Начал рассказ так:

«Солнце заходило. Последние лучи заходящего светила печально золотили...»

Нужно долго выписываться, пока доберешься до настоящего.

Смущает меня Скиталец, и очень его жаль. Малый, видимо, заблудился — в трех соснах. Что-то мешает ему писать, и он приходит в отчаяние — в настоящее форменное отчаяние. Мрачен, подозрителен, убежден, что талант у него пропал, не хочет поддерживать отношений ни с тобою, ни с Шаляпиным, ни со мною: «на что я им нужен, я не литератор, нам вместе нечего делать».

Разговариваю его, но тщетно. Боюсь, что есть какая-то ошибочка в его семейном укладе. Точно заснул, и сон у него тяжелый, а проснуться никак не может. Нужно, чтобы прищемило его. Я даже советовал ему попьянствовать — не может пить, голова болит, не доставляет удовольствия. Жалко [2].

Новостей нет, кроме одной: будто Куропаткин [3] выслал Немировича за корреспонденции неодобрительного характера [4]. Возможно, что врут.

Твой приезд оставил во мне впечатление великолепнейшего праздника [5]. Такой ты — будто у тебя лет десять с плеч свалило. Так хорошо всё — и в тебе и вокруг тебя. Эх, брат Алексеюшка!

— Мокей, а Мокей! А что ежели я дам ему однажды? [6]

Хорошо! Только — уж не очень ли мы умны стали? Много глупости — вредно, а немножечко глупости — необходимо. И понимать всё — так же скверно, как не понимать ничего.

Мне кажется иногда, что ты сделан из радия.

Читаю сейчас историю Французской революции. Вот люди, вот красота! И сколько творческой, молодой глупости!

«Декретом Конвента объявляется, что все люди равны»... И сами верят — все верят — и, действительно, равны!

Какой адрес Марии Федоровны? [7]

Крепко целую тебя.

Твой Леонид Андреев

Датируется по содержанию (см. прим. 2). На письме помета Пятницкого: «1904».

[1] «Красный смех».

[2] Пересылая настоящее письмо Андреева Пятницкому 18—19 сентября 1904 г., Горький особое внимание обращал на строки о Скитальце («Архив Горького», т. IV, стр. 164).

В Крыму Скиталец работал над повестью «Огарки», дававшейся ему с большим трудом. В одном из писем к Пятницкому он с горечью утверждал, что сознает незначительность своего литературного таланта и подумывает о прекращении писательской деятельности (АГ).

[3] Алексей Николаевич *Куропаткин* (1848—1925) — генерал; с 1892 г. — военный министр. В русско-японскую войну (с 12 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г.) — главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке.

[4] Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1844—1936) — писатель и журналист. В конце февраля 1904 г. поехал на Дальний Восток в качестве военного корреспондента «Русского слова». В его корреспонденциях (из цикла «Слепая война») содержалась довольно умеренная критика неспособных руководить армией генералов и армейских порядков. Ответственность за военные неудачи России Немирович-Данченко возлагал на «бюрократический режим» («Русское слово», 1904, №№ 117 и 122, 1 и 7 мая). После статей Немировича-Данченко о поражении русских войск под Вафангоу Куропаткину предложили удалить его из армии. 25 декабря 1905 г. Немирович-Данченко «временно покидает театр войны с правом возвращения» («Русское слово», 1905, № 137, 23 мая).

[5] С 7 сентября по 4 октября 1904 г. Горький жил в Ялте («Летопись», 1, стр. 484 — 486).

[6] Андреев по памяти цитирует фельетон Термита (П. А. Россиева) «Московские отголоски. Уличные сценки». Темой фельетона были отклики обывателей на разрыв Японией дипломатических отношений с Россией накануне войны. Цитируемые слова принадлежат персонажу фельетона, фабричному, принявшему бухарца за японца («Русский листок», 1904, № 26, 27 января). Горький в то время был в Москве и, очевидно, между ним и Андреевым по поводу этого фельетона произошел запомнившийся Андрееву разговор.

[7] М. Ф. Андреева.

109. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Ялта. 16 ... 18 сентября 1904 г.〉

И ум, и глупость — в избытке все отвратительно, дружище, ты прав, как Адонай, считающий евреев лучшими из людей [1]. Избыток денег, славы, ума и глупости, всякий избыток, мой дряхлый чёрт, создает рабство, цепи, но у каждого барона своя фантазия — и пусть люди хвастаются избытком пошлости в них, нам с тобой, по расчету нашему, это только полезно.

Из вышеписанного ты увидишь, что Ялта уже действует на меня, мозги мои сокрушены и спутаны ветром, во внутренностях — рев волн морских — это не потому, что у меня желудок не в порядке, а от погоды — жестокая погода!

Приехал я сюда — неведомо зачем и сижу [2]. Пробовал писать о Чехове и — кажется — это не моя специальность — не умею я писать об усопших. А о литераторе Чехове надо писать долго, подробно, кропотливо,— времени на это нет [3].

Скитальца — жалко, а, может быть, и не жалко — просто — неприятно. Не люблю я нетвердого,— хотя зубы у меня и плохи стали — не люблю я ничего нестойкого. Ты бы, мой горный ангел, сходил бы к С. Морозову и посоветовал бы ему купить «Курьер» [4]. Я уже говорил с ним об этом, но — налету,—не основательно. Поговори ты. План стоющий. Редакция— Ашешов, Чириков, ты, я и еще какие-нибудь эдакие архангелы. Веселенькая могла бы получиться газетина, хотя и — недолговечная.

С Саввой — говорить можно просто, ясно, очень удобно.

Адрес Марии Федоровны: Рига, Русский театр. Ежели ты пошлешь ей фотофизию свою, она будет довольна, ибо тебя она зело уважает, и это такой же факт, как и то, что по лестнице идет ко мне Орленев [5].

Здравствуйте!.. А вы, м'сье, до свидания!

Пишите! Пишите хорошо. Пишите очень хорошо. И напишите — великолепно, так чтобы этот самый читатель сам себя за нос укусил от искреннего удивления пред вами, мой дорогой синьор!

Кланяюсь.

Целую тебя в твою роскошную бороду... она рыжая? или голубая? — забыл! Это естественно, ибо я видел ее простым глазом, а не в микроскоп, как следовало бы.

Ну, ладно.

«Привидения» сидят рядом со мной, и от них пахнет перегорелой водкой.

Датируется по содержанию (см. прим. 5).

[1] Адонай («господин мой») — одно из наименований бога (др.-еврейск.).

[2] Горький оставался в Ялте до 4 октября («Летопись», I, стр. 486).

[3] Воспоминания Горького о Чехове впервые напечатаны в «Нижегородском сборнике» (см. прим. 2 к письму 84). Дополнения к воспоминаниям опубликованы в журнале «Беседа» (Берлин), 1923, № 2, в цикле «Из дневника», вместе с воспоминаниями о Блоке и другими очерками.

[4] Савва Тимофеевич *Морозов* (1862—1905) — крупный фабрикант и меценат. О близком знакомстве с ним Горький рассказал в очерке «Савва Морозов», задуманном как вторая часть воспоминаний «Два купца» (Н. А. Бугров и С. Т. Морозов). Впервые очерк опубликован с некоторыми сокращениями в «Октябре», 1941, № 6; полностью: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.», стр. 12—35. Покупка «Курьера» Морозовым не осуществилась (см. прим. 4 к письму 112).

[5] Павел Николаевич *Орленев* (1869—1932) — народный артист РСФСР. С 1900 г., порвав связь с постоянными театрами, много гастролировал по России и за границей (см. «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим». М.—Л., 1961). 15 сентября 1904 г. Орленев играл в пьесе Ибсена «Привидения». Спектакль состоялся в Ялте в зале общественного собрания. 27 сентября в этом же зале был вечер в пользу нуждающихся больных, в котором приняли участие Горький, Гусев-Оренбургский, Орленев. Горький прочитал «Человека», а Гусев-Оренбургский — стихотворение «Сказка». «Авторов публика приветствовала грандиозными овациями»,— говорилось в газетном отчете («Крымский курьер», 1904, № 221, 29 сентября).

110. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 16 ... 18 сентября 1904 г.〉

Милый Алексей! Посылаю тебе письмо мое к Миролюбову [1] — прочти, пожалуйста, и выскажись, и пришли его обратно мне. Хочется мне уладить это дело.

Пишу. К твоему приезду будут готовы кое-какие пустячки.

Крепко целую тебя.

Твой Л е о н и д

Датируется по письму Горького к Пятницкому из Ялты от 21—22 сентября 1904 г. «Архив Горького», т. IV, стр. 165— 166).

[1] Письмо Андреева к Миролюбову (см. о нем прим. 1 к письму 2) было вызвано привлечением к участию в журнале критика идеалистического направления А. С. Глинки-Волжского (см. о нем прим. 4 к письму 93). Еще в декабре 1901 г. Горький предостерегал Миролюбова от сближения с Мережковским (см. о нем прим. 6 к письму 34) — одним из организаторов Религиозно-философских собраний в Петербурге, членом которых стал и Миролюбов (XXVIII, 211—212). В феврале 1903 г. Горький порвал отношения с Миролюбовым. Поводом для разрыва послужило помещение в «Журнале для всех», 1903, № 2 (без ведома Горького) фотографии, на которой Горький снят с сыном Максимом на коленях (XXVIII, 280).

Не разделяя религиозно-философских исканий Миролюбова, Андреев в то же время считал ошибкой Горького уход из журнала, имевшего 78 тысяч подписчиков. Отказ от предоставляемой «Журналом для всех» широкой трибуны казался Андрееву слишком большой платой за заблуждения его редактора. Ему удалось склонить Горького подписать письмо в редакцию с обещанием в будущем году участвовать в «Журнале для всех» и искупить свою «вину перед читателями». Письмо появилось в декабрьском номере журнала за 1903 г. В этом же номере была опубликована первая статья Волжского «Литературные отголоски. По поводу книги г. Булгакова („От марксизма к идеализму". СПб., 1904)», содержащая нападки на марксизм и проповедь религиозного идеализма. В письме к Горькому от 25 декабря 1903 г. А. А. Малиновский (Богданов), обращая внимание на несовместимость «письма в редакцию» Горького и Андреева и статьи Волжского, предложил Горькому публично заявить о своем несогласии с новым направлением «Журнала для всех» (АГ). В письме к Миролюбову от 27—31 декабря Горький взял обратно свое согласие печататься в журнале (МИ, т. III, стр. 50). Между тем, в январском номере 1904 г. началось печатание статьи Волжского «О некоторых мотивах творчества М. Горького», в которой не без основания увидели изложение новой программы журнала. Так, например, Ник. Ярков (Н. Е. Поярков) в «Журнальном обозрении», напечатанном в «Русской правде» (1904, № 61, 3 июня), приветствовал расширение тематики «Журнала для всех». Яркову особенно нравилось, что «в талантливо и сильно написанной статье г. Волжский доказывал относительную ценность таланта М. Горького, недавнего бога русской молодежи и большей части интеллигенции. Для журнала, печатающего произведения М. Горького, это было очень смело и, кроме того, хорошо, как признак беспристрастия».

Статья Волжского встретила резкий отпор со стороны части сотрудников «Журнала для всех». В январе 1904 г. Миролюбову был направлен написанный Вересаевым протест, в котором говорилось, что статья «г. Волжского с проповедью бога и злорадною отходною над направлением, имеющим глубокие жизненные корни в современной русской жизни, глубоко возмутила всех нас». Протест, кроме Вересаева, подписали Андреев, В. И. Дмитриева, Белоусов и Серафимович («История русской литературы», т. X. М.—Л., 1954, стр. 507). См. также письмо к Миролюбову Серафимовича от 25 января 1904 г. (А. С. С е р а ф и м о в и ч. Собр. соч., т. VII. М., 1960, стр. 387—389). Миролюбова серьезно обеспокоила угроза ухода из журнала ведущих сотрудников. В этом конфликте Андреев занимал нейтральную позицию, склоняя обе стороны к компромиссу (ЛА, вып. 5, стр. 106—110). В феврале 1904 г. в Москву для переговоров приехал Волжский. В письме к Миролюбову от 20 февраля 1904 г. Волжский сообщал: «Был, Виктор Сергеевич, я в Москве и надумал-таки зайти к Андрееву. Впечатление у меня получилось самое хорошее. Как я и предполагал, к марксизму он относится совсем-таки равнодушно и подписался под письмом из тех соображений, что ему враждебна проповедь христианства» (ИРЛИ). Встреча Волжского с Вересаевым показала, что разногласия носят более глубокий характер и что Вересаева прежде всего возмутило выступление против марксизма. Перемена направления «Журнала для всех» была с одобрением встречена в кругах символистов (Гиппиус, Мережковский) и в то же время отрицательно старыми подписчиками (см. ЛА. вып. 5, стр. 68—70).

В середине сентября 1904 г. Андреев обратился с большим письмом к Миролюбову (было послано на просмотр Горькому), в котором, осуждая новое направление журнала, выражал уверенность, «что наше общее дело не пропало и что мы столкуемся» (ЛА, вып. 5, стр. 110; опубликовано с неточной датой: «июль 1904»).

Дружный протест ведущих сотрудников заставил Миролюбова отказать Волжскому в дальнейшем участии в журнале.

111. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Ялта. 21 ... 22 сентября 1904 г.⟩

Мой друг —

смысл твоего письма, как я его понял, таков: «В. С.! держитесь старого пути, что и для вас выгоднее и для читателя полезнее».

Неубедительно. Я думаю, что Миролюбов вполне искренно мечется из стороны в сторону, мне кажется, что он верит в свою свободу от внешних влияний и полагает, что его желание подняться к небу, хотя бы только на высоту православной колокольни — вполне свободное желание. А при этом условии вопрос о выгоде и пользе не на месте.

Рассмотрим случай: некий скоропалительный человек, стремясь оправдать бессмысленный факт своего личного бытия и рассматривая хаос в своей дряблой, засоренной всякой дрянью душе, между прочим находит в ней небольшое желание — «послужить народу» — с этой целью он открывает кафедру — журнал и при помощи разных лиц проповедует в своем журнале освобождение человека от предрассудков, предубеждений, авторитетов, привычек. Он понимает — более или менее, что расшатать сии четыре столба, на коих разные умники строили якобы дворцы культуры и цивилизации, а выстроили чуланы и клетки для лучшего пленения свободного человека — он, более или менее,— понимает, что это почтенная и веселая задача.

Но, по прошествии малого времени, он чувствует, что эта задача не покрывает его *личных* недоумений, его *личного* страха пред жизнью и смертью, он не настолько силен и внутренно честен, чтобы уметь отделить свое *личное* от общего, всем людям в той или иной степени свойственного стремления освободиться от кабалы государства, общества, религии, инстинктов и прочих кабал,— он пугается своей ограниченности, своего недомыслия, одиночества и, распространяя свое *личное* жизнеощущение на всех, с испуга бросается в тот угол темного чулана, в котором мерцает лампада пред иконою божьей матери. Он визжит и орет: «Гармоническая жизнь не устрояется без признания внешней разумной силы, без идеи бога, бог же недоступен сознанию вне тех представлений о нем, кои установила церковь».

Это называется — эволюция, я называю это — сделать философию: дети—существа, плохо умеющие лгать, говорят в этом случае: хочу а-а! и — покряхтывают.

Мой друг, известно, что муза философии — смерть, и люди философствуют с испуга: предоставим им это право — нам ли стеснять людей? — но — предложим им, однако, делать философию прилично, не снимая при людях штанов и не обнажая источника философии,— мы должны требовать, чтобы человек делал все — красиво, по возможности, те же отправления его организма, которые никак не могут быть сделаны красиво,— пусть он творит наедине, невидимо для нас...

Русский писатель, ввиду общей дикости окружающих его людей, должен быть отчасти и санитаром, порою он принужден напоминать публике и о назначении ватерклозетов — что поделаешь? Моя аналогия — груба, да, я знаю; но — хуже русской действительности ничего не сочинишь — и моя аналогия — верна.

Вокруг нас, подобно комарам над болотом, кружится разная «обжорливая младость»[1], она жадно поглощает свежие и вкусные книжки, изготовляемые Западом, и, «нажрамшись» оных книг, портит себе желудок, и страдает, и блюет, и «делает философию» — я не могу этого одобрить, я люблю красивое, люблю смелое, люблю свободного человека, но — из уважения к нему и себе — я требую, чтобы он обязательно подчинялся требованию гигиены и санитарии и чтобы известная надпись «здесь останавливатца строго воспрещается» — имела для него значение внутреннего закона.

Вот моя точка зрения.

Твое отношение к Миролюбову — очень мило и гуманно, что же?— «блажен, иже и скоты милует», но для меня Миролюбов — человек, который ради личного желания завести порядок в своей душе, публично «эволюционирует», то есть развращает людей. Это делает не один он, и, разумеется, он был бы незаметен, будучи один, но в общей куче эволюционистов и он — фигура. Подлое время!

Кстати: предупреждаю — возможно, что вскоре к тебе придут идеалисты московские и киевские и будут приглашать тебя в «Новый путь». Как видишь — я был прав, когда предрекал, что все ручьи сольются в один поток [2].

Возможен и позитивный журнал, но пока ты об этом не говори ничего и никому.

До свидания. Кланяюсь.

Здесь вторую неделю дует ветер, чёрт его дери!

А. П.

Датируется по связи с письмом Горького к Пятницкому от 21—22 сентября 1904 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 165—166).

[1] Цитата из «Путешествия Онегина» Пушкина.

[2] Подразумевается соглашение, заключенное осенью 1904 г. редакцией «Нового пути» с участниками сборника статей по философии «Проблемы идеализма» (М., ⟨1902⟩) — С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым. На расширении программы журнала настаивал издатель его Д. В. Философов. После ухода из «Нового пути» П. П. Перцова и секретаря редакции Е. А. Егорова (он же секретарь Религиозно-философских собраний) Философов предложил должность секретаря вернувшемуся из ссылки Г. И. Чулкову, который, по поручению Философова, начал переговоры с Бердяевым и Булгаковым. С осени 1904 г. политическая часть журнала находилась в их руках (З. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951, стр. 143). В печати появилось письмо Философова, Булгакова и Бердяева об организации нового ежемесячного журнала «Вопросы жизни» с расширенной программой, предусматривающей помещение в журнале статей на религиозно-философские, экономические, политические и финансовые темы. Значительно расширялся литературный отдел. Определяя задачи журнала, Булгаков писал: «Можно мириться с умеренным натурализмом, к которому в сущности в большинстве принадлежит поколение молодых беллетристов, группирующихся около „Знания“. Но нет также никаких оснований огульно отрицать все то новейшее движение в искусстве, которое не особенно удачно окрестило себя декадентством» (С. Булгаков. Без плана.— «Вопросы жизни», 1905, № 2, стр. 354).

В 1905 г. вышло двенадцать номеров «Вопросов жизни» под редакцией Н. О. Лосского (историю журнала см.: В. Е. Евгеньев-Максимов и Д. Е. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930, стр. 162). Андреев в «Вопросах жизни» не участвовал.

112. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 27 — 28 сентября 1904 г.⟩

Милый мой Алексеюшка! Твое письмо так хорошо, что даже жалко прятать его в ящик от глаз человеческих. «Делать философию» — мало того что метко: оно в старом явлении отмечает и пропечатывает какую-то

«БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ»

Карикатура М. М. Чемоданова («Червя»), 1904 г.

Сатирический отклик на назначение министром народного просвещения генерала В. Г. Глазова

Под рисунком: «Министр народного протемнения генерал-лейтенант Глазов.— Если к осени забастовщики не умиротворятся, все студенты будут исключены и профессора выгнаны! Я человек военный: у меня главное — дисциплина, а науки — плевое дело! Во фрунт, канальи! Вот вам „свободная наука в свободном университете"!..»

Фотографическая открытка

Архив Горького, Москва

новизну. С испугу философствовали всегда, но «делать философию» начали только теперь; разница с древним а-а заключается в том, что древнее а-а было естественно и неудержимо, как всякий истинный понос, а для теперешнего а-а надобен клистир, а, стало быть, возможна, в случае чего, и пробка.

Но дело не в Миролюбове. Этот делатель философии важен постольку, поскольку он неизбежен при «Журнале для всех» [1]. Скажу по совести: я не верю, чтобы *сам* Миролюбов мог подняться: он одряхлел как-то очень быстро и решительно, он до того перепуган, что забыл самую таблицу умножения, ни в чем не может разобраться, городит несосветимую чепуху. Но журнал! журнал! Пусть пропадает Миролюбов, но неужели же дать погибнуть и журналу, такому важному, единственному в своем роде журналу?

Вот с этим я не могу помириться. Сознаюсь, что попытка моя урезонить Миролюбова едва ли к чему приведет — но отчего не попробовать? Откажется — ну и чёрт с ним; согласится — поставим такие условия, что свою философию он будет делать в ватере и только в ватере.

Об идеалистах, которые желают пригласить меня, я давно слышал. Слышал и о том, что «Новый путь» они хотят слить с предполагавшимися «Вопросами жизни» [2] — и будет это скоро. От прежних оставят Мережковского и еще кое-кого, Розанова упразднят. И ну их всех к дьяволу. Наивный Зайчик дал в «Новый путь» «Скопцов» [3], и наивная редакция напечатала — а эти самые «Скопцы» есть точнейшее изображение, не преднамеренное, но тем более ценное, всей этой почтенной компании. Религиозные онанисты дуют в кулак и уверяют, что от этого что-нибудь обязательно родится.

Был у Морозова. Он почти без разговоров вручил мне 2000 р. на покупку «Курьера», но даст ли денег на дальнейшее — обещал поговорить

на днях. Торги завтра, и продолжение беседы отлагать до завтра — легко могут перебить: есть у нас конкуренты [4].

Чтобы не забыть: осел Гиляровский [5] как-то угораздился сочинить великолепнейший экспромт, не уступающий любому пушкинскому:

У синего моря урядник стоит,
И синее море, волнуясь, шумит —
И злоба урядника гложет,
Что шума унять он не может!

Правда — хорошо?

«Курьер» перехватили. Левенсон [6] (Падебург и К°) дал 2100 — и газета осталась за ними. Но это еще не конец. Эти господа вовсе не думают издавать «Курьера» и охотно перепродадут его с небольшой надбавкой, а может и без нее, но только с условием — печататься в типографии Левенсона. Последнее и без того необходимо — только у Левенсона есть подходящая машина.

30-го у меня будет Морозов, и к этому времени я приготовлю приблизительную смету, которой он требует. Думаю, что мы сговоримся — действительно, он очень приятный человек. Если он согласится — я выпишу немедленно Ашешова, а вскорости приезжай и ты, нужно основательно обсудить организационную часть.

А тебя я очень люблю. И если хоть немного правда, что мы друзья...

Твой Леонид

⟨*Приписано позднее сверху текста:*⟩ Миролюбов приехал в Москву объясняться.

Датируется по дню торгов «Курьера» — см. прим. 4.

[1] См. прим. 1 к письму 110.

[2] См. прим. 2 к письму 111.

[3] Борис Константинович *Зайцев* (р. 1881) — прозаик и драматург. Выступил в 1901 г. в «Курьере» с рассказом «В дороге». Здесь же (1902, № 61, 3 марта) появился его рассказ «Волки», принесший Зайцеву известность и, благодаря покровительству Андреева, открывший молодому автору путь в «Среду». Как художник Зайцев тяготел к символистам, и его участие в «Новом пути» не было «наивностью», как полагает Андреев.

Зайцев печатался в «Вопросах жизни», «Перевале», «Золотом руне», «Русской мысли», альманахах «Шиповник» и «Земля». После Октябрьской революции — эмигрант. Рассказ Зайцева «Скощы» опубликован в «Новом пути», 1901, июль; в ноябрьском номере напечатан рассказ «Тихие зори», а в декабрьском — «Деревня». Воспоминания Зайцева об Андрееве — см. в «Книге о Л. Андрееве», стр. 75—90. В автобиографической повести Зайцева «Юность» изображен Андреев под именем Александрова (Париж, 1951).

[4] Покупка «Курьера» С. Т. Морозовым не состоялась. Преследуемая цензурой газета теряла подписчиков. Запрещение с 17 января по 20 марта 1904 г. розничной продажи ее за опубликование рассказа Андреева «Нет прощения» (см. прим. 6 к письму 77), в частности, серьезно подорвало финансовое положение газеты. 28 сентября 1904г. «Курьер» был куплен с публичных торгов за 2100 рублей Д. М. Роммом (подставное лицо Левенсона) и 23 февраля 1905 г. за 3000 рублей перепродан им В. М. Саблину.

С 27 ноября 1905 г. под редакцией Саблина вместо «Курьера» стала выходить новая газета «Жизнь», ставшая органом левых кадетов.

[5] Владимир Алексеевич *Гиляровский* (1853—1935) — писатель и журналист, сотрудник московских периодических изданий, знаток быта городской бедноты. Был близок со многими писателями и театральными деятелями. В период подготовки спектакля «На дне» знакомил артистов Московского Художественного театра с жизнью ночлежки.

Избранные произведения Гиляровского в трех томах выпущены в 1960 г. издательством «Московский рабочий».

[6] Александр Александрович *Левенсон* (ум. 1922) — московский капиталист, директор-распорядитель «Товарищества скоропечатни А. А. Левенсон».

113. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Ялта. 1 ... 2 октября 1904 г.〉

Как много нищих на Руси, Леонид!

Читая газеты, я слышу их скорбный рабий вой:

«Ваше высокопревосходительство! Пожертвуйте российской многострадальной прессе хоть маленький кусочек свободы слова [1], и она сохранит двойное имя [2] ваше в памяти потомства во веки веков!»

До свидания, друг! Это очень хорошо, что мы с тобой друзья — верно?

А.

Датируется предположительно по связи с письмом 112 («А тебя я очень люблю. И если хоть немного правда, что мы друзья...»).

[1] Подразумеваются отклики буржуазно-либеральной прессы на провозглашенную министром внутренних дел П. Д. Святополком-Мирским «эпоху доверия правительства обществу». Во многих статьях высказывалось пожелание об отмене правительством 140-й статьи Цензурного устава, дававшей министру внутренних дел право временно запрещать газетам обсуждать те или иные вопросы государственной важности и приостанавливать периодические издания на три месяца (см., например, статью Мережковского «О свободе слова».— «Новый путь», 1904, № 10). В середине октября 1904 г. в письме к Е. П. Пешковой Горький назвал превосходной статью А. П. Мертваго «Обзор печати», высмеивающую «рабий образ мыслей», холопство буржуазной печати перед властью («Архив Горького», т. V, стр. 128). Эта статья напечатана без подписи в редактировавшемся Мертваго еженедельном сельскохозяйственном и экономическом журнале «Хозяин», 1904, № 41, 14 октября.

[2] Петр Дмитриевич кн. *Святополк-Мирский* (1857—1914) — в 1900—1902 гг.— товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов; в 1902—1904 гг.— виленский, гродненский и ковенский генерал-губернатор. С августа 1904 по январь 1905 г.— министр внутренних дел. Незначительными уступками буржуазно-либеральной оппозиции, земству пытался задержать нарастание революционного кризиса.

114. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Одесса. 4 октября 1904 г.〉

Мой друг —

Ныне стало очевидно, что сборников будет два. В книжку памяти Чехова войдет очень милая статья Куприна, «Дачники», новая пьеса Найденова, стихи Степана, попросим стихов у Бунина, вероятно, он даст рассказец, и Константин Петрович говорит, что он, т. е. Бунин, написал воспоминания об Антоне Павловиче. Нужен твой рассказ.

Второй сборник — повесть Куприна, пьеса Чирикова, очень интересный рассказ Гусева и два — небольшие — дам я. Нужен твой рассказ [1].

Надеюсь на тебя, мой круторогий ангел. Пиши. Подробно изъясню тебе всё при свидании, ибо в Москву я все-таки попаду числа 20-го [2].

Затем — дай же ты какой-нибудь рассказ или два из напечатанных в «Курьере» — «Жандарма» [3], «Марсельезу», «Негритянок» [4] — для Нижегородского учительского сборника! Прошу, прошу, даже надоело!

Завтра я убираюсь в Ригу — великолепнейший город! Удивительно красивый, чистый, интересный. Пробуду там дня два-три, потом поеду, потом приеду, заеду и уеду. Это факт.

Мой рижский бальзам — Первая выгонная дамба, д. 2, квар. 5. Удивительно вкусно. Жму руку.

Алексей

Датируется днем отъезда Горького в Ригу (см. прим. 2).

[1] Памяти Чехова был посвящен сборник товарищества «Знание» за 1904 г., кн. 3 (СПб., 1905; вышел в свет 22 января). В сборнике были напечатаны: стихотворение Скитальца «Памяти Чехова» («Неумолимый рок унес его в могилу...»), «Дачники» Горького, «Красный смех. (Отрывки из найденной рукописи)» Андреева. Куприн и Бунин дали воспоминания о Чехове. Другие из названных Горьким произведений появились в сборниках в следующем порядке: пьеса Найденова «Авдотьина жизнь» и повесть Гусева-

Оренбургского «Страна отцов» — в сборнике за 1904 г., кн. 4 (вышел 7 марта 1905 г.); пьеса Чирикова «Иван Мироныч» — в сборнике за 1904 г., кн. 5 (вышел 10 марта 1905 г.); рассказ Горького «Тюрьма» — в кн. 4, «Рассказ Филиппа Васильевича» — в кн. 5. Упоминаемая в письме повесть Куприна «Поединок» опубликована в кн. 6 (вышла 3 мая 1905 г.). Для кн. 5-й Андреев дал рассказ «Вор» (см. прим. 1 к письму 130).

[2] Горький выехал в Ригу из Одессы 5 октября 1904 г. 11 или 12 октября приезжал из Риги в Петербург, 15 октября вернулся в Ригу, а 19 октября выехал в Москву («Летопись», I, стр. 486—488).

[3] Подразумевается рассказ Андреева «На станции» впервые напечатанный в сб. «Итоги» (изд. «Курьера»). М., 1903. В «Нижегородском сборнике» (см. прим. 2 к письму 84) напечатаны рассказы Андреева «Мельком», «Бен-Товит» и «Марсельеза». В «Курьере» «Марсельеза» не публиковалась и, по-видимому, напечатана в «Нижегородском сборнике» впервые, как и другие рассказы.

[4] «Оригинальный человек».

115. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 8 ... 12 октября 1904 г.〉

Милый Алексеюшка!

Я совершенно не понимаю оснований, почему чеховских сборников должно быть два. Если бы еще так: в первом статьи, а во втором рассказы, а то и в первом беллетристика и во втором то же. Если причина разделения та, что много материала, то чего ради я должен давать *два* рассказа?

И если, наконец, ты принял к участию в сборниках Чирикова, Найденова, Гусева, то почему ты отверг мое предложение привлечь «Среду», то есть Серафимовича, Телешова, Елпатьевского и т. д.? В том виде, в каком проектируются сборники сейчас, у них нет *лица*, и много совершенно случайного. И мне жаль того правильного сборника, о котором писал ты вначале: ты, я, Бунин, Скиталец.

Для сборника я напишу «Войну». Рассказ так труден, что я все не решаюсь взяться за него и тренируюсь на мелочах. К концу октября все-таки напишу.

Сообщи адрес «Нижегородского сборника», я пошлю туда пустячок.

Но что же «Курьер»? Морозов ждет тебя, а тебя нет. А время уходит настолько быстро, что можно все прозевать. В начале ноября уже следовало бы начать выпуск. Приезжай, пожалуйста, нужно как-нибудь вырешить. Время для газеты такое, лучше не придумаешь. Ну об этом и о многом другом потолкуем.

Марии Федоровне передай сердечный поклон. И скажи, что я не теряю надежды увидеться с нею в Риге или Питере и укрепить то, что для меня почувствовалось при последнем свидании. И скажи: я все время собирался написать ей, но — ужасно ленив писать письма, а потом с головой ушел в беллетристику. Написал между прочим превеселенький рассказик из быта сумасшедших[1]. Животики надорвешь!

Если приедешь в Москву, останавливайся у меня. Насколько это будет великолепно. Какого чёрта? Ей-богу! В твоем распоряжении будет целых три комнаты, чернила, бумага — сама дружба, наконец. Буду для тебя петь, если захочешь! Какого чёрта! И перья — какие перья!

Крепко жму руку.

Твой Леонид

Скиталец написал рассказ!!!

Датируется по содержанию. В середине октября 1904 г. Горький писал из Риги Пятницкому: «Посылаю письмо Леонида, из коего явствует, что он меня не понял, хотя я писал ему толково, как мог. Но — все-таки — дело в шляпе, рассказ о сумасшедших 〈„Призраки“〉 я отберу у него для одного сборника, а „Войну“ 〈„Красный смех“〉 для другого» («Архив Горького», т. IV, стр. 167—168).

[1] Рассказ «Призраки». См. о нем прим. 6 к письму 117.

116. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Москва. 23 октября 1904 г.⟩

Милый Леонидушка!

На «Среду» у Гольцева необходимо привести Богданова [1] и Ивана Павловича Ладыжникова, которого ты у меня видел [2].

На четверговое собрание либералов по вопросу о «Ней»[3] нужен Тесленко[4]. Сами либералы едва ли его пригласят — так ты возьми его лично, сам. Съезди к нему и скажи, что я убедительно прошу его пойти, ибо поведение либералов необходимо радикализировать.

Хорошо бы провести Тесленку и на гольцевскую «Среду». Ты, пожалуйста, займись этим!

А я уезжаю.

Отдай, пожалуйста, Ивану Алексеевичу Бунину 5 рублей. Забыл!

Пиши!

Поцелуй за меня ручку твоей жены, которую я с каждой встречей все больше люблю, ценю и уважаю, что, к слову, со мной редко бывает.

А.

Датируется днем отъезда Горького из Москвы в Петербург («Летопись», I, стр. 489).

[1] Речь идет об Александре Александровиче *Малиновском* (псевдоним Богданов. 1873—1928) — философе, социологе, экономисте, медике. С 1890-х годов участвовал в революционном движении. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам, на III, IV и V съездах избирался в члены Центрального Комитета партии. Был одним из редакторов большевистской газеты «Новая жизнь» и входил в состав редакций газет «Вперед» и «Пролетарий». В годы реакции возглавлял антипартийную группу «Вперед» и в июне 1909 г. на расширенном совещании в редакции «Пролетария» выведен из большевистских рядов. После 1917 г.— один из организаторов и руководителей «Пролеткульта».

[2] Иван Павлович *Ладыжников* (1874—1945) — участник революционного движения. В 1901 г. вошел в состав Нижегородского комитета РСДРП, тогда же познакомился с Горьким и по его рекомендации до ареста в начале 1903 г. заведовал в Нижнем-Новгороде книжным магазином («Книжный музей»), распространявшим издания «Знание». Состоя членом хозяйственной комиссии ЦК в 1905—1913 гг., выполнял за границей поручения партии большевиков по добыванию средств, транспорта и связи. В 1905 г. организовал в Женеве издательство для выпуска марксистской литературы, произведений Горького и других прогрессивных писателей. В 1914 г. вернулся в Россию. Работал в издательстве «Парус», принимал участие в организации издания журнала «Летопись». После Октябрьской революции был членом редколлегии «Всемирная литература», работал (с 1921 г.) в Берлине в книгоиздательском и торговом обществе «Книга». В 1936—1943 гг.— научный консультант Архива Горького. Редактировал «Описание рукописей А. М. Горького», I. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Как активный участник Нижегородской социал-демократической организации Ладыжников был арестован в конце 1902 г. и пробыл в заключении до октября 1904 г., когда был выпущен под залог с правом свободного выбора места жительства. О приезде Ладыжникова в Москву Горький писал Е. П. Пешковой в конце октября 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 132—133).

[3] О конституции (синоним тех лет).

[4] О собраниях либералов — см. прим. 2 к письму 121.— Николай Васильевич *Тесленко* (1870—1942 или 1943) — юрист-криминалист, занимался адвокатурой; с 1902 г. принимал участие в организации союза и съезда адвокатов, один из учредителей кадетской партии; кандидат в Первую и депутат Второй Государственной думы; после Октябрьской революции эмигрировал в Париж.

117. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 24 ... 25 октября 1904 г.⟩

Вот что друг мой —

Вместе с книгами для Константина Петровича необходимо послать переплетной портреты авторов [1]. А посему — собери и пришли мне сюда скорее портреты: твой, Телешова, Серафимовича, Чирикова, Бунина, Скитальца, Елпатия [2], Гарина — его жена в Москве живет [3], возьми у нее,

да и сам он, хотя теперь потерялся, но, вероятно, найдется же! Елпат тоже будет в Москве на днях. Белоусова [4] не надо? или — надо?

Сделай это скорее! Богдан должен был передать тебе мою записку [5]. Пиши! Скорее! Лучше! Больше!

А.

План? А сам даешь рассказы Кожедранкину! [6]

И — прочее такое.

Чувствую, что толку тут нет. Но — есть пафос!

Заклинаю тебя всеми дьяволами — торопи Скитальца, Бунина, Серафимовича, Телешова. И — устыдись, наконец! — упрекаешь: отчего изменился.

Отдай за меня 5 рублей Ивану Бунину и — когда позовут меня на страшный суд божий — обещаю тебе явиться в заседание во фраке и белом галстухе. Можно ли требовать от меня большего за 5 целковых?

По-видимому ответ на несохранившееся письмо Андреева. Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о книгах писателей-знаньевцев, предназначенных в подарок Пятницкому по случаю его 40-летия. Этим занималась ялтинская знакомая Горького — издательница «Ялтинского листка» и владелица переплетной мастерской Ф. К. Татаринова (1863—1923). В письме поверенного Татариновой К. А. Яковлева издательству «Знание» от 12 июня 1907 г. приведено письмо Горького к Татариновой из Москвы от 8 сентября 1904 г.:

«Уважаемая Фанни Карловна! Сейчас получил извещение конторы о том, что книги готовы, и счет на 201 рубль. Дорого, но — спасибо! Хотя книг еще не видел. Пожалуйста, добавьте к посланным мною вам книгам еще Куприна — велите купить в магазине. Затем — не позабудьте сказать, чтобы в *каждый первый том* был вклеен лист бристольского картона для наклейки на него фотографической карточки,— пожалуйста! Все эти книги — теперь их 21? — нужно послать по адресу: Москва. Грузины, Средне-Тишинский переулок. Леониду Николаевичу Андрееву. А счет — мне. Всего доброго! Если только можно — поторопите исполнение. А. П е ш к о в» (АГ).

[2] Елпатьевский.

[3] Вера Александровна *Садовская* (рожд. Дубровина; 1871—1920) — вторая жена Н. Г. Гарина. В 1904—1905 гг. принимала участие в работе большевиков в Москве. В квартире Гарина (Спиридоновка, д. Бойцова — теперь ул. А. Н. Толстого, 14) была создана большевистская явка и хранилась нелегальная революционная литература. Садовская печатала на машинке «вощанки» для мимеографа и под видом «невесты» навещала в тюрьме Н. Э. Баумана, жена которого вынуждена была скрываться (сообщено Е. П. П е ш к о в о й).

[4] Иван Алексеевич *Белоусов* (1863—1930) — писатель, издатель и переводчик. Постоянный участник телешовских «Сред». В «Знании» в переводе Белоусова вышел «Кобзарь» Шевченко. Письма Горького к Белоусову (1901—1927) — см. «Архив Горького», т. VII. Белоусов был в дружеских отношениях с Андреевым и переписывался с ним с 1902 по 1918 г. Письма Андреева к Белоусову — см. «Московский понедельник», 1922, № 15; «Всемирная иллюстрация», 1923, № 10; «Россия», 1923, № 7; «30 дней», 1928, № 8; «Реквием», стр. 67—78.

[5] *Богданов* (Малиновский) (см. прим. 1 к письму 116).

[6] Имеется в виду рассказ Андреева «Призраки», напечатанный в журнале «Правда», 1904 г. (см. прим. 1 к письму 119). К сотрудничеству в «Правде» Андреева привлек Вересаев. В письме к Неведомскому от октября 1904 г. Андреев признавался: «Не люблю я эту „Правду" до чрезвычайности, бранил ее на всех перекрестках, божился на образ, что участвовать не буду — а в ноябре пойдет мой рассказ. Думаю, что этим отношения наши и окончатся» («Искусство», 1925, № 2, стр. 265). Тем не менее в следующем году в журнале появилась повесть Андреева «Губернатор». Кожедранкиным Горький называл редактора «Правды» Кожевникова — см. прим. 2 к письму 101. Жалуясь на цензурные преследования, Кожевников задерживал выплату гонорара авторам.

118. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 26 ... 27 октября 1904 г.〉

Дорогой друг —

Я вошел в «Нашу жизнь» [1]. Между либералами произошла распря: правые — отцы отделились от левых — детей. У правых «Сын отечества»[2] и «куцая» конституция, у левых «Наша жизнь» и конституция демократи-

«НИЖЕГОРОДСКИЙ СБОРНИК» («ЗНАНИЕ», СПб., 1905). КНИГА ВЫШЛА ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГОРЬКОГО И С УЧАСТИЕМ АНДРЕЕВА

Титульный лист

Весь доход от продажи сборника поступил в распоряжение Общества взаимопомощи учителей Нижегородской губернии

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

НИЖЕГОРОДСКІЙ СБОРНИКЪ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

ческая. Правые, кажется, уже вошли в какое-то соглашение с правительством и, вероятно, что-нибудь продали. Что-нибудь или кого-нибудь, например — «внутреннего врага» [3].

Дружище — прошу тебя, входи в эту «Нашу жизнь». Джемсом Линчем или Андреевым — как хочешь [4]. Денег я достал, первый № должен выйти 4-го [5]. Передай мою убедительную просьбу о том же Евгению [6]. Я знаю — ему писали об этом — как и тебе — но сейчас дело выяснилось: газета должна быть смелой и честной, мы должны сделать ее яркой и талантливой. Если к 4-му ты, Евгений или Гаврилыч [7] могут что-нибудь дать — это было бы превосходно! Я — постараюсь. Писать подробно — некогда, сейчас еду ⟨в⟩ Ригу. Кланяюсь. 2-го числа буду ⟨в⟩ Питере [8].

Жму руку

Твой А л.

Датируется днем отъезда Горького в Ригу («Летопись», I, стр. 490).

[1] «Наша жизнь» (Пб., 1904—1906) — ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета без предварительной цензуры. Газета возникла в провозглашенную П. Д. Святополком-Мирским «эпоху доверия» правительства к обществу и отражала взгляды выдвигавшей конституционные требования либерально-буржуазной интеллигенции. Официальным редактором «Нашей жизни» был экономист, профессор финансового права Петербургского университета Л. В. Ходский. Среди сотрудников ее значились: Ашешов, Бердяев, Богданович, Богучарский, Булгаков, Гольцев, Н. И. Кареев, С. Л. Франк. В объявлении о подписке на 1905 г. редакция извещала, что в литературном отделе согласились участвовать Андреев, Горький, Гусев-Оренбургский, Тан (Богораз), Юшкевич и др. Видевший слабость оживившегося во второй половине 1904 г. конституционного движения среди либеральной буржуа-

зии, земцев, интеллигенции, Горький полагал, что, приняв предложение о сотрудничестве, сможет «радикализировать» направление будущей газеты. Вокруг нее объединялось левое крыло либерально-буржуазной оппозиции, а руководство литературно-критическим отделом взял на себя социал-демократ (меньшевик) Неведомский. Горький бывал на редакционных совещаниях, но на страницах газеты выступил только раз. Это было письмо в редакцию по поводу несостоявшейся постановки Художественным театром «Дачников» («Наша жизнь», 1904, № 9, 14 ноября). Постепенно Горький занимал все более отрицательную позицию по отношению к «Нашей жизни», которая, нападая на «бюрократию», одновременно отвергала «исключительную и потому ошибочную теорию классовой борьбы» (там же, № 28, 3 декабря). Неудовлетворенный составом редакции и сотрудников газеты, ставшей органом «Союза освобождения», Горький писал 17 декабря 1904 г. Е. П. Пешковой: «Как всюду, и здесь необходимо изменение образа правления — проще — нужно Ходскому дать в шею» («Архив Горького», т. V, стр. 144). В середине декабря 1904 г. Горький принялся за осуществление плана создания легальной социал-демократической большевистской газеты (см. его письмо к Е. П. Пешковой после 17 декабря — там же, стр. 145). На петербургской квартире Горького в это время состоялось партийное собрание, на котором присутствовали А. И. Ульянова-Елизарова, А. А. Богданов, С. И. Гусев, В. А. Десницкий, А. Ф. Войткевич. По воспоминаниям Войткевича, «обсуждался вопрос ряда изданий как легального, так и нелегального характера» («Летопись», I, стр. 496). План удалось осуществить позднее, в 1905 г., когда стала выходить газета «Новая жизнь».

[2] «Сын отечества» (Пб., 1904—1905) — либерально-буржуазная газета. Редактор-издатель С. П. Юрицын (род. 1873). В передовой статье первого номера говорилось: «Социальные противоречия общественной мысли должны быть на время забыты. Различные требования могут быть предъявляемы к *будущей* России ⟨...⟩ Важнейшая потребность настоящего момента может быть выражена двумя словами — Virilus unites!» (В единении сила! — лат.).

[3] Возможно, Горький имеет в виду обращение к обществу съезда земцев-конституционалистов по поводу русско-японской войны 23 февраля 1904 г. В этом обращении подчеркивалось, что долг граждан отстаивать Россию. «Избавиться от внутреннего врага в виде бесправия и произвола, царящих в стране, к этой задаче — можно перейти лишь после окончания войны» (И. П. Белоконский. Земское движение. Изд. 2-е. М., 1914, стр. 210).

[4] Андреев в «Нашей жизни» не печатался (см. письмо 123).

[5] Желая приурочить выпуск первого номера ко времени земского съезда (см. прим. 2 к письму 121), «Союз освобождения» через одного из своих членов сделал, при содействии Горького, заем у Саввы Морозова (см. письмо Ходского к неустановленному лицу от 17 октября 1904 г.— ЦГАЛИ, ф. 1348, оп. 4, ед. хр. 19; а также И. П. Белоконский. Земское движение, стр. 211). Первый номер «Нашей жизни» вышел 6 ноября 1904 г.

[6] Чириков.

[7] Скиталец.

[8] В Петербург из Риги Горький вернулся 3 ноября 1904 г. («Летопись», I, стр. 490).

119. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Рига. 30 октября ... 2 ноября 1904 г.⟩

Человек, который стучит в закрытые двери,— превосходно. Вполне самостоятельная тема. Ты ограбил себя, вводя эту тему. Призрака, усердно прошу, убери. Рассказ не проиграет. Очень прост, хорош — дружное мнение [1]. Пишу [2]. Благодарю.

Мария [3]. Алексей

Датируется по связи с последующими письмами.

[1] Речь идет о рукописи рассказа Андреева «Призраки», посланной автором для просмотра Горькому. Работа Андреева над рассказом была закончена 11 октября 1904 г. (авторская дата). Впервые «Призраки» напечатаны в журнале «Правда», 1904, № 11. Совет Горького Андреев выполнил. О «стучащихся» в дверь Андреев писал еще в 1902 г.— см. отзыв о «Мещанах», стр. 479 настоящ. тома.

[2] Это письмо Горького не известно.

[3] М. Ф. Андреева.

120. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 5 ... 6 ноября 1904 г.〉

Очень ты милый, Алексеюшка! Твоя и Марии Федоровны телеграмма обрадовала меня и содержанием своим и главное — фактом присыла [1]. Не ответил тебе тотчас, так как находился в неизвестности: не находишься ли ты уже в дороге между Ригой и СПб., а потом — работаю! Работаю, друг, и чтобы чёрт побрал войну!

Постараюсь кончить к среде 10-го [2], и если ты приедешь к тому времени [3], ты зело меня утешишь. Самое подлое — волнений от этого рассказа много, а толку мало, выходит слабо, тускло, бледно. Замысел на тысячу верст остался позади. Ну, да скоро сам увидишь.

Целую крепко. Твой Л е о н и д

Датируется по содержанию. «Среда 10-го» в 1904 г. приходилась на 10 марта и 10 ноября.

[1] См. телеграмму 119.

[2] Подразумевается завершение Андреевым работы над рассказом «Красный смех». Авторская дата «Красного смеха» — 8 ноября 1904 г.

[3] Этот приезд Горького в Москву не состоялся.

121. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 6 ноября 1904 г.〉

Дорогой мой юморист —

третий день живу здесь и занимаюсь наблюдениями над либералом, пытаясь уяснить себе — где, собственно, кончается либерал и откуда начинается в нем старший дворник? И почему, когда он часто произносит слово «конституция» — оно начинает у него звучать подобно «кутузке»?

И отчего, когда он говорит о предметах, опасных для здоровья и удобств,— он говорит «мы», а когда речь идет о предметах, не столь опасных, он говорит «я»? Все это и многое другое сильно занимает меня, спокойного и миролюбивого наблюдателя нравов человечьих.

А между прочим — проект наш о поднесении Константину Петровичу книг и портретов — нищенский проект и лишний. Книги у него есть в изобилии и портреты почти все есть. Надо придумать что-нибудь поэлегантнее и не столь оригинальное, как портреты. Портреты — даже солдатики отъезжающим на войну отцам-командирам подносят, и на днях я своими глазами видел группу батарейной прислуги, поднесенную одному командиру, а на этой группе один солдатик явно кукиш показывает, все же другие никак не могут спрятать радости своей по случаю разлуки, и она у них даже на пуговицах сияет.

Подумай, дорогой собрат по перу, как бы это сделать? А я думать — не могу. Ругаться могу очень много, а думать — нет! Ибо мне не охота быть похожим на либерала, который только и думает... как бы половчее предать родину свою лицам купить ее желающим? Если тебе обидно слово — предать, я могу заменить его * другим — продать. Я сговорчив и скромен.

Дальше. Будь добр, бескорыстный мой жрец антихриста, поторопи Шатальца [1], дабы он скорее стихи свои прислал и рассказ. То же самое прошу совершить с Телешовым, Серафимовичем и Леонидом Андреевым. Сего последнего особенно убеждай, ибо он — канительщик завзятый! И скажи ты Бунину — что же он? Эх, господа, молодые люди! Торопитесь жить, а то состареетесь...

---

* *В автографе описка:* ее.— *Ред.*

Сейчас пробило 2 часа — стало быть, теперь уже 6-е число. Через несколько часов благожелательные русские люди начнут делать историю или скандал. Я думаю, что история — и, вероятно, грязная — будет сделана под кровом, а скандал — на улице и, пожалуй, знаешь именно скандал-то и будет историей, а история — скандалом [2].

Александра Михайловна писала насчет Алексеевского. Говорил. Слушали — и без удовольствия. Ибо — у них на каждом отделе по два крокодила сидит и всё эдакие, знаешь, свирепые [3]. Говорят на неведомом языке, в котором хоть изредка и попадаются русские слова, но это не делает его доступным пониманию моему. Все они — серьезные, точно кирпичи. Обещали... Скажи Александре Михайловне — это безнадежный проект и скорее Алексеевский попадет столоначальником в рай, чем в «Нашу жизнь», которая, вероятно, скоро будет не нашей. Теперь всё делается скоро. Русская жизнь наших дней подобно лошади извозчика № 9027, коя, заступив оглоблю, поскакала, поскакала и сама собой, без понуждения, прискакала в участок. Я ее видел. И мне показалось — по глазам ее — что даже если б она совсем сломала оглобли и сбросила хомут, то и тогда прискакала бы в участок. Такое уж у нее воспитание деликатное и такая нежная наследственность. Ты думаешь, я пессимист? Совсем я не пессимист, а просто мне — спать не хочется.

Кстати об участках: любит русский мещанин — хороший мещанин, конечно,— участок! Вчера Найденов прислал мне гневное письмо и письмо Немировича к нему [4]. Ругается Найденов, Художественный театр ругает.

Письмо Немировича к Найденову начинается так: «Дорогой С. А.! Я придумал 4-й акт „Авдотьиной жизни“» [5]. Мило!? И ведь действительно придумал что-то кисло-сладкое, дряблое, импотентное. Найденов говорит: «Ведь это безобразие». Письмо Немировича — глупо и нагло. Этот господин воображает себя литературным околоточным надзирателем, не иначе. Каково? Mania grandiosa в полной парадной форме [6].

Милый Леонидка! У меня создался огромный план и — осуществимый [7].

Пиши пьесу. Пиши две пьесы. Пять пиши. При свидании объясню в чем дело, а пока молчи, как порядочный покойник.

О, друг мой! Как бы я желал видеть либералов покойниками! Это была бы самая приличная и спокойная партия,— прости за каламбур, есть вещи и тяжелее его. Например,— буфет, который купил Константин Петрович.

Ты получил мое вдохновенное письмо из Риги о человеке, который стучит во все закрытые двери? [8] Какой огромный человек, Леонид, какой дерзкий! Что же ты решил? И почему не телеграфировал?

Жму твои руки. Кланяюсь семейству.

А.

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

[1] Скиталец.

[2] Подразумевается Всероссийский съезд земских и городских деятелей, проходивший в Петербурге с 6 по 9 ноября 1904 г. Резолюция съезда говорила о необходимости установления в России представительного образа правления (И. П. Белоконский. Земское движение, стр. 221—222). «Совершенно ясно,— писал Ленин о резолюции съезда,— что перед вами представители имущих классов, добивающиеся только уступок от самодержавия и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 133). К концу 1904 г. правительство отказалось от недолгого заигрывания с либералами. В опубликованном 14 декабря указе Николая II Сенату, названном Лениным прямой пощечиной либералам (там же, стр. 129), недвусмысленно заявлялось, что выработкой изменений в существующем законодательстве должен заниматься комитет министров. Грубый окрик Николая II по адресу черниговского губернского земского собрания, просившего царя разрешить избранным представителям земства «самостоятельно начертать проект реформ», и пра-

вительственное сообщение о недопустимости пожеланий земства, вносящих смуту в общественную и государственную жизнь, привели к тому, что земское движение быстро пошло на убыль и к осени 1905 г. замерло.

[3] Об Алексеевском—см. ниже, стр. 557—562. Устроить Алексеевского сотрудником в газету «Наша жизнь» пытался и сам Андреев (письмо к Неведомскому в октябре 1904 г.— «Искусство», 1925, № 2, стр. 270).

[4] Оба упомянутых письма хранятся в АГ.

[5] 28 сентября 1904 г. Найденов познакомил со своей новой пьесой «Авдотьина жизнь» Станиславского, Немировича-Данченко и Бунина. Разногласия между Станиславским, с одной стороны, Немировичем-Данченко и Буниным— с другой, вызвал четвертый акт (письмо Найденова к жене от 28 сентября 1904 г.— ЦГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 23, лл. 49—50). Оставив «вопрос открытым», Найденов 30 сентября выехал из Москвы в Петербург, чтобы познакомить с пьесой В. Ф. Комиссаржевскую. 14 октября он читал «Авдотьину жизнь» Горькому: «Пьеса привела его в восторг, он плакал и целовал меня... Такого восторженного поклонника у „Авдотьи" еще не было ⟨...⟩ Пьеса будет напечатана в 3-м выпуске сборника „Знания". Это очень хорошо и в смысле материальном и в смысле повышения на литературной выставке» (письмо к жене от 14 октября 1904 г.— там же). Найденов отказался сделать предлагаемые Немировичем-Данченко изменения в «Авдотьиной жизни».

20 октября Горький читал «Авдотьину жизнь» в Москве на «Среде» (см. его письмо к Е. П. Пешковой — «Архив Горького», т. V, стр. 129). 15 декабря премьера «Авдотьиной жизни» с большим успехом прошла в Риге. Горький и Найденов были на представлении (см. письмо Найденова к жене от 16 декабря 1904 г.— ЦГАЛИ).

[6] Резкий отзыв Горького о Немировиче-Данченко, вызванный обострившимися личными отношениями, отражал вместе с тем острую неудовлетворенность писателя репертуаром Художественного театра, тем, что в 1904 г. театр начинал отступать от завоеванных позиций. Так, на сцене театра начинают ставиться символические пьесы Метерлинка («Слепые», «Непрошенная», «Там — внутри»). Неудачей Художественного театра оказался и спектакль «У монастыря» П. М. Ярцева (см. прим. 4 к письму 134).

[7] Горький задумал организовать новый театр (см. письмо к Е. П. Пешковой от 4 ноября 1904 г.). Этому замыслу Найденов (приехавший к Горькому в Ригу) посвятил следующие строки в письме к жене от 13 декабря 1904 г.: «О новом театре пока могу сказать следующее: театр — пайщиков. Главные пайщики — Морозов, 400 тысяч, на эту сумму будет выстроен новый театр в Петербурге к 1 октября 1905 г., Комиссаржевская — 30 тысяч, ⟨М. Ф.⟩ Андреева — 30 тысяч, Незлобин — 50 и Горький 3 тысячи, приблизительно в этой сумме будем пайщиками и я, Андреев и Чириков и другие литераторы. Театр Комиссаржевской присоединится к новому театру ⟨...⟩ Труппа составится из трупп Комиссаржевской, Незлобина и Московского Художественного театра. Между прочим — будет ставить некоторые спектакли Станиславский» (ЦГАЛИ). Организовать новый театр Горькому не удалось.

[8] Это письмо Горького неизвестно. По этому же поводу см. письмо 119.

122. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 12 ... 14 ноября 1904 г.⟩

Милый Алексеюшка!

Если газеты не врут и тебе нашикали, это очень хорошо, и я беру свои слова обратно: тебе действительно удалось раздражить кого следует [1]. Вообще «Дачники» оказываются, по-видимому, вещью необходимою: тут Бобо [2] интеллигенцию превознес превыше облака ходячего, да и сама интеллигенция уже начинает кое-что забывать и уверена, что это она убила Плеве [3] и создала всю сумятицу настоящих дней. Чувствую даже на расстоянии, что ты очень зол и ищешь кого бы заушить. Очень хочу видеть тебя, тянет, нужно о многом потолковать, о тех же доблестных либералах. Извозчичью лошадь № 6453, которая, разбив экипаж, сама прибежала в участок,— нужно в «Нашу жизнь». Хотя — «наша жизнь коротка»...[4] Во всяком разе большая честь и большое удовольствие — при политике трогательного доверия лишиться разницы.

Читал резолюцию съезда: [5] ничего себе, ожидал гораздо худшего.

Писать не могу, устал. В десять вечеров я накатал «Красный смех» и сейчас нахожусь в состоянии прострации и чернилоненавистничества.

Очень большая к тебе просьба, Алексеюшка. Знаю, что сам отчасти виноват в задержке сборника, а вместе с тем — нужно рассказ пустить

как можно скорее. Я читал его у себя на «Среде», и радикальные люди, как Тесленко, например, находят, что он важен именно для данной минуты. Тесленко говорит, что если напечатать теперь, так это будет все равно, что бомба. При чтении случайно присутствовал один военный корреспондент, только что вернувшийся оттуда,— нашел, что с подлинным верно. Жалко, что до окончательной отделки рассказа мне не удалось поговорить с тобой. Кстати: я стащил у тебя мужиков-рабов; если они тебе нужны, отрывок можно выкинуть [6], а нет — отдай их мне за пять рублей, которые я отдал Ивану [7]. Хотя пять — это дороговато, но уж чёрт с тобой, наживайся сиротскими деньгами.

Так вот: нужно поскорее. Как это устроить, не знаю, но взываю. Если сборник запоздает — только почему ему запаздывать: мой рассказ длинен, как Юшкевич [8], и в связи с остальным материалу более чем достаточно. Бунин свое послал; задержка за Скитальцем, но нужно сказать правду, он слишком прохлаждается: над полутора листами он сидит полтора месяца. Я пойду к нему и попугаю его, скажу, что неделя — крайний срок. На Серафимовича рассчитывать, кажется, не приходится, должно быть свой рассказ он уже отдал Миролюбову (деньги за него получил он давно и, вероятно, постеснялся).

Так вот. А если цензура не пропустит, то я решил печататься самостоятельно [9], без цензуры, совсем как бы в конституционном государстве — надоело, ⟨...⟩!

А помимо всего прочего — жалко мне, что ты не был первый, кому я прочел рассказ; пока ты не высказался, у меня остается недоверие к вещи. По совести, между нами: она бледна для тома. Некто посоветовал мне выбросить отрывок 15-й, говорит, рассудочно очень — посмотри, друже, может, и правда.

Не знаю, приедешь ли ты и когда приедешь. Может, нужно, чтобы я приехал в СПб.,— я готов.

Касательно папки и книг Константину Петровичу — ты не прав, мой непостоянный друг. В этой системе дерева, красок и бумаги портреты нечто третьестепенное, без чего можно даже обойтись совсем. А я уже заказал проект папки, и он уже готов — кажется, недурно. Так как же? Ведь в каждой книжке нашей ты напишешь Константину Петровичу что-нибудь поэтическое, это тоже нужно принять в расчет.

Миролюбов просит меня попросить «Знание» издать Арцыбашева [10]. Прошу, исполняя просьбу,— но сам сомневаюсь. Теперь особенно начеку должно быть «Знание».

Вот еще вопрос: каков должен быть характер ближайшего сборника «Знания»? Чисто художественный, или же треба подпустить злобы? Мне кажется — художественный, а злоба сама приложится. Батюшки, какая у меня есть тема для повести — года через два она станет совершенно современной — и ядовитой! Только не скоро напишу — устал и тянет в эмпиреи.

И уже больше, чёрт меня подери,— ни одного сумасшедшего! Нехай останутся они в самодержавном прошлом. Знаешь, что больше всего я сейчас люблю? Разум. Ему честь и хвала, ему все будущее и вся моя работа. Но как его еще мало в жизни, и как он слаб, и как сильна глупость! И как оскорбляет меня существование дураков. Когда я вижу глупую рожу, мне хочется вымазать ее горчицей. Мне хочется сесть на нее. На свете всегда были только две партии: умных и дураков. И чёрт вовсе не зол. Он просто глуп. Он «одушевлен желанием добра», но страшно глуп. Он либерален, склонен к реформам, но в строгой постепенности. Уже 10 000 лет в его канцелярии хранится проект об укорочении хвостов: признано основательным, но не своевременным. Главное возражение: если хвосты не нужны, они сами отпадут путем эволюции. Когда Галилей

сделал свое открытие, дьявол рыдал от горя и страха за землю, бегал по начальству и добился-таки отмены открытия. И он трус. Он убежден, что каждому хочется его ограбить и побить, и он учредил в аду правильную воинскую повинность и завел полицию и шпионов — из ангелов, так как на чертей не полагается. Но ангелов набрал самых глупых, и они постоянно ему врут. И он скуп от глупости: жалеет дрова на грешников, печи

АНДРЕЕВ И В. В. ВЕРЕСАЕВ
Фотография Шерера и Набгольца, Москва, 1903 г.
Музей Горького, Москва

заменил патентованными керосинками, и грешники устраивают демонстрации: ходят по аду гурьбой и дерутся с полицией. Он запретил в аду книгопечатание, но так как состоит сам негласным пайщиком в типографиях, то потихоньку печатает брошюрки с противуправительственным содержанием: «Долой чёрта!» Он любит добродетель и собственноручно оскопил чёрта, пойманного на месте преступления, но сам со второго класса лицея страдает хроническим триппером и тайно содержит дом терпимости, куда сын его ходит бесплатно, по визитной карточке. Глубоко религиозен. Сотрудничает потихоньку в «Миссионерском обозрении» и «Новом пути»[11] — пишет о святой плоти, намекая на свой триппер. Любит искусство и хочет

перестраивать ад под руководством Шехтеля [12], но сам же метит в подрядчики, и ад наверное завалится от дрянного цемента. Жалостлив. Состоит членом общества покровительства животным и открыл приют для беременных лягушек, но смотрителем, по протекции, поставил аиста. Склонен к классицизму и в подлиннике ест греческие орехи, за что избран в председатели Академии наук. Боится «чертовщины» и каждую ночь зажигает лампадку, но масло покупает дрянное, гадкое, и постоянно страдает от угара. Давно придумывает такую конституцию, при посредстве которой можно было ⟨бы⟩ обобрать всех догола, но по глупости не может и в отчаянии занимается карманным воровством.

Он просто глуп, и все, что он делает, не опишешь.

Крепко целую тебя и думаю, так или иначе, скоро увидеться. Напиши, голубчик, как покажется тебе рассказ.

Твой Леонид

Получил сейчас от Серафимовича письмо. Он анафемски хочет в «Сборник», клянет аванс и садится за новый рассказ [13]. Я ответил ему: торопись. Какой он хороший человек, если бы ты знал, Алексеюшка!

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

[1] Речь идет о премьере «Дачников» 10 ноября 1904 г. в Петербурге в театре В. Ф. Комиссаржевской. Сотрудники декадентского журнала «Мир искусства» пытались устроить во время представления пьесы скандал. К «шикающим» Мережковскому и С. П. Дягилеву присоединились Д. В. Философов, А. Ф. Даманская, З. А. Венгерова, А. Р. Крандиевская, театральный критик «Нового времени» Ю. Д. Беляев и др. Находившиеся в театре переодетые шпики для обострения инцидента поддержали представителей «Мира искусства». Поведение небольшой группы эстетов было встречено с негодованием подавляющей частью публики. Когда Горький вышел на сцену, его приветствовали бурной овацией. Мережковский, Дягилев и их единомышленники были вынуждены покинуть зрительный зал (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой от 12 или 13 ноября 1904 г.— «Архив Горького», т. V, стр. 138—139). Из московских газет отчет о премьере «Дачников» дало «Русское слово» (№ 316, 13 ноября — корреспонденция из Петербурга Арсения Мерич ⟨А. Ф. Даманской⟩), его, вероятно, и имеет в виду Андреев. Первое сообщение появилось там же, в № 314, 11 ноября. См. также следующее письмо Горького. Оценку Андреевым «Дачников» см. в настоящем томе, стр. 516.

[2] Ироническое прозвище Петра Дмитриевича *Боборыкина* (1836—1921), данное ему В. П. Бурениным. 5 ноября 1904 г. Боборыкин выступил в аудитории Политехнического музея с лекцией «Русская интеллигенция» («Новости дня», 1904, № 7697, 6 ноября; «Русское слово», 1904, № 309, 6 ноября — фельетон С. Яблоновского «Свет и тени. XXXVII. В путь-дорогу» и др.).

[3] Убийство Плеве 15 июля 1904 г. эсером Е. С. Сазоновым было воспринято Андреевым как начало революции.

[4] Намекая на ожидаемое запрещение властями «Нашей жизни», Андреев цитирует начало популярной студенческой песни «Наша жизнь коротка — все уносит с собой...»

[5] См. прим. 2 к письму 121. Резолюция съезда земских и городских деятелей была опубликована позднее в «Листке освобождения» (Париж), 1904, № 18, 20 ноября.

[6] В «Отрывке тринадцатом» повествуется о конвоировании солдатами по улицам города крестьян, походивших «на рабов древнего мира. Их вели на войну, и они шли, повинуясь штыкам, такие же невинные и тупые, как волы, ведомые на бойню» (ПССА, т. IV, стр. 128).

[7] Бунину. См. письмо 116.

[8] О Юшкевиче — см. прим. 5 к письму 136.

[9] Об отдельном издании «Красного смеха» Андреев писал Пятницкому (около 13 ноября): «Рассказ нужно напечатать как можно скорее, тем паче, что к весне, если война не кончится и если рассказ будет иметь успех, его нужно было бы выпустить отдельным изданием». В письме к Пятницкому около 10 декабря Андреев снова возвращался к этой теме: «Для меня совершенно выяснился план отдельного издания „Красного смеха“. Я видел альбом Гойи „Ужасы войны“, это до того удивительно хорошо, до того подходит к рассказу и в совокупности с ним создает нечто единственное — что я чуть не спятил. Восторг!» (АГ). План этот не был осуществлен. Отдельное издание «Красного смеха» под названием «Отрывки из найденной рукописи» выпущено Ладыжниковым в Берлине (без указания года). Андреев выслал Пятницкому в подарок из Германии приобретенный в Мюнхене у антиквара, изданный в Мадриде альбом Гойи «Ужасы войны» с надписью: «Константину Петровичу Пятницкому — сердечно любящий Леонид Андреев. 15 марта 1906 г.». (копия надписи в АГ).

[10] Михаил Петрович *Арцыбашев* (1878—1927) в начале 1900-х годов выступал с рассказами в либеральном духе. Произведения Арцыбашева «Знанием» не печатались. В конце 1906 г. Миролюбов привлек Арцыбашева к изданию «Народной вести», заменившей запрещенный «Журнал для всех». В годы реакции Арцыбашев стал одним из самых характерных представителей антиреволюционной литературы с ее проповедью аморализма и отрицанием общественных идеалов, а также возглавлял сборники «Земля», противостоящие направлению «Знания». После Октябрьской революции — эмигрант. В своих интервью Андреев давал резкую оценку его роману «Санин».

[11] «Миссионерское обозрение» — ежемесячный реакционный «противосектантский» журнал, издавался с 1896 г. в Киеве, а с 1899 по 1916 г.— в Петербурге В. М. Скворцовым. Журнал поставил своей целью защиту устоев официальной церкви и с большим вниманием следил за «религиозно-философскими собраниями». Не меньшее внимание уделялось «Миссионерским обозрением» и журналу «Новый путь», откуда перепечатывались отчеты о заседаниях этих «собраний». В феврале 1903 г. между «Новым путем» и «Миссионерским обозрением» завязалась полемика, которая в дальнейшем приобрела большую остроту (В. Е. Евгеньев-Максимов и Д. Е. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930, стр. 249—250).

[12] Франц Осипович *Шехтель* (1860—1926) — архитектор, преподаватель Московского Строгановского училища. По проектам Шехтеля в Москве в начале 1900-х годов было возведено несколько зданий и оформлено помещение Художественного театра.

[13] 14 октября 1904 г. Серафимович, у которого началось кровохаркание, вынужден был уехать из Москвы в Крым (письмо Белоусова к Телешову от 14 октября 1904 г.— ИМЛИ). 15 ноября он писал из Ялты Пятницкому: «Работаю. Написал одну вещь. Алексей Максимович говорил Леониду, чтоб в сборник ее, да очень уж мизерный рассказишко вышел, неловко с ним в сборнике и выступать: сижу теперь над другим» (АГ). Упоминаемое письмо Серафимовича к Андрееву — неизвестно.

123. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 13 ... 15 ноября 1904 г.〉

Мой густо красный Маркобруннер![1]

Письмо — получил, а рассказ — не получил. Получу? Я рад за тебя, заранее рад, ибо — уверен, что это — хорошо. Уже по тону письма твоего вижу — хорошо! и по отношению твоему к чёрту чувствую — хорошо! Торопи всех аггелов «Знания», торопи их, чертоломов! От Бунина еще ничего не поступило, и где он — я не знаю. Но сие — нас не задерживает. Как только ты пришлешь свой «Красный смех»,— сейчас же мы его в типографию отдадим, не волнуйся! И выходит очень гармонично: ты изображаешь войну, Куприн — военных — банзай! Воспоминания Куприна — напечатаны, «Дачники» — тоже скоро будут готовы, ты поспел как раз вовремя, а за тобой пойдет Бунин, Шаталец — и сборник готов![2] Материала у нас остается более чем на один сборник, и, возможно, что мы издадим еще два. Пиши! Пиши, дружище.

А я — совсем не зол, напротив — чувствую себя великолепно, всех ненавижу веселой, буйной ненавистью и — искренно говорю тебе! — день первого представления «Дачников» — лучший день моей невероятно длинной, интересной, моей хорошей жизни, которую я всю сам сделал. Милая моя душа,— как великолепно чувствовал я себя, когда после третьего акта подошел к самой рампе, встал и смотрел на публику, просто смотрел, не раскланиваясь с ней, и огромная, горячая радость горела во мне. Желал бы я, чтобы ты испытал это невыразимое, неописуемое наслаждение, эту гордость, человеческую эту силу — чёрт возьми! Хорошо! Банзай!

Банзай, Леонид! Они шикали, когда меня не было, и никто не смел шикнуть, когда я пришел — трусы и рабы они! Их зовут Мережковский, Философов, Дягилев и т. д., они считают себя свободными людьми — и у них нет силы встать нос к носу с тем, кого они ненавидят — это свобода? Разве свобода возможна без мужества? Без силы? К чёрту людей без силы и мужества.

Я очень рекомендую тебе статьи в «Петербургских ведомостях» и «Свете», интервью с Мережковским в «Петербургской газете»[3], и стихи «Либерал» в «Руси» — последние не имеют отношения к «Дачникам», они интересны сами по себе[4].

Присланный тобою фельетон в «Нашу жизнь» — опоздал года на два, и посоветовавшись с Неведомским — который тебя искренно любит,— мы решили не печатать его[5]. Здесь — хорошо. Погода отвратительная, у меня кровохарканье, Марья Федоровна лежит в больнице, ей делали операцию — но все это можно терпеть, даже не замечать, ибо не в этом дело, голубь мой. Мы все умрем, но мы с тобой не совсем умрем, вот в чем дело!

Во время «Дачников» публика, говорят, здорово ругалась. Потапенко будто обругал новопутейцев в глаза[6], кто-то кричал им «пошляки», вообще — анкраморская битва мещанам дана, и я — вздул их! Впервые вздул — пойми меня — впервые *почувствовал*, что вздул.

Нет, жизнь хороша, люблю жизнь! Люблю тебя, горячей любовью, глубоко, искренно,— люблю мою благородную Марусю, красивого друга-женщину, люблю Константина Пятницкого, построенного природой твердо и прочно, как рыцарский зáмок. В его сильном теле заключена красная душа, душа, горящая всегда спокойно и ровно, как одинокий костер в безлюдной степи, тихой летней ночью. Люблю и все остальное и даже тех, кто мне противен, тоже, кажется, немножко люблю, ибо — они дают мне почувствовать себя.

Как это важно, как это славно — почувствовать себя!

Разумеется, «Дачники» не поднялись в моих глазах после всей этой истории. «Дачники» — это не искусство, но — ясно, что это меткий выстрел, и я — рад, как чёрт, соблазнивший праведников, напиться до безобразия.

Ну, достаточно! 21-го я здесь буду читать с благотворительной целью[7]. Цель — хорошая. Приезжай? Приезжай завтра? Идет? Телеграфируй, если согласен. Остановишься у нас, Знаменская, 20. Обнимаю, целую, кланяюсь.

Пришел Миклашевский.

А.

Датируется по содержанию (см. прим. 3, 4 и 7).

[1] Горький шутливо отождествляет Андреева с воинственным, но терпящим поражение королем Маркобруном из лубочной повести «О Бове Королевиче».

[2] См. прим. 1 к письму 114.

[3] Горький имеет в виду фельетон Зигфрида ⟨Э. А. Старка⟩ «Эскизы» («Петербургские ведомости», 1904, № 311, 12 ноября); рецензию на постановку «Дачников» в газете «Свет» (1904, № 311, 12 ноября) и статью «По поводу выходки Горького. Из беседы с Д. С. Мережковским» («Петербургская газета», 1904, № 313, 12 ноября).

[4] Подразумеваются стихи некоего А. «Герой нашего времени» («Русь», 1904, № 332, 12 ноября), о которых Горький 12 или 13 ноября 1904 г. писал Е. П. Пешковой в Ялту: «Это голос обывателя, а не радикала» («Архив Горького», т. V, стр. 139).

[5] В недатированном письме к Неведомскому Андреев сообщал: «Сейчас нашел старый фельетон, написан он был в одну из обманчивых российских минут, и цензор как более дальновидный политик его не пропустил. И странно, он почти целиком подходит к данной минуте. Если согласитесь — печатайте. А то когда еще соберусь написать. Заглавие ставьте какое хотите, но постоянное» («Искусство», 1925, № 2, стр. 268). В АГ хранится автограф раннего фельетона Андреева для «Курьера», но является ли он тем, который Горький и Неведомский решили не печатать в «Нашей жизни», установить не удалось.

[6] Игнатий Николаевич *Потапенко* (1856—1929) — писатель. Его фельетон (за подписью: «Фингал») — «Смешение языков» («Русь», 1904, № 334, 14 ноября) получил одобрительную оценку Горького («Архив Горького», т. V, стр. 140).

[7] 21 ноября 1904 г. Горький читал свои воспоминания о Чехове и рассказ «Еще о чёрте» на литературно-музыкальном вечере в зале Тенишевского училища в Петербурге. Публика устроила ему бурную овацию («Новости и Биржевая газета», 1-е изд., 1904, № 342, 23 октября).

124. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 14 ... 16 ноября 1904 г.⟩

Дружище мой,— черновик у тебя остался? Немедленно дай напечатать его еще в двух экземплярах или же — привези сюда, здесь отдадим. Если ты этого не сделаешь,— придется нам отдать печатать с того, который ты выслал, и, значит, когда ты приедешь — рассказа не будет у нас. Нужно три экземпляра — один в типографию, другой — за границу, третий — иметь дома для проверки корректур. Непременно сделай это!

Затем — пожалуйста, торопи Бунина, во всю мочь торопи!

Что Серафимыч?— Слова другие — до личной встречи.

Алексей

Датируется по связи с соседними письмами.

Как видно по книге деловых записей Пятницкого (АГ), первая половина «Красного смеха» была послана в набор 1 декабря 1904 г., а вторая — 7 декабря. На следующий день Пятницкий послал Андрееву для просмотра 1-ю и 3-ю гранки набора. В ЦГАЛИ хранится машинописный экземпляр «Красного смеха» с подписью Андреева и с датой: 8 ноября 1904 г. См. также прим. к письму 126.

125. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 14 ... 16 ноября 1904 г.⟩

Милый Алексеюшка!

«Красный смех» плох, и я прискорбно чувствую это, и мне скучно. Но на это наплевать. А приеду я в СПб. с женой 20-го, и этому я очень рад[1]. Банзай! Ты же человек великолепный, и я горячо и «единственно» люблю тебя,— по-видимому, это ты снился мне, давно, во времена юности. В тебе есть радиативные свойства, и если я анархист, то это очень хорошо, и этим я мало-мало позаимствовался у тебя. Банзай!

А «Красный смех» 5-го декабря я буду читать в Обществе любителей словесности, в Университете[2]. Думаю, что по теперешним временам огласка не повредит цензурности вещи: она станет шилом, которое в мешке не утаишь.

В твоем веселье есть трагические нотки — и это хорошо, это человечно, это приобщает к вечности. Знаешь, как ты умрешь? Ты будешь лежать один, и наступит момент, когда жизнь твоя будет зависеть от глотка воды. Стакан же будет стоять так, что ты сам его не достанешь;— и ты посмотришь на стакан, посмотришь на дверь, за которою люди,— и умрешь. Но звать никого не станешь.

И, умирая, ты будешь знать, что это умирает Горький, и на одну чашку весов ты положишь Горького, со всем, что в нем есть, на другую— простой крик о помощи — и ты никого не попросишь о помощи.

Пожалуй, глупо это говорить,— но в том, что ты не пишешь художественных вещей и разбрасываешь себя всюду, много силы, много истинно человеческой расточительности. Обращаться с талантом, как с сапожной щеткой — с талантом, о котором люди мечтают, как о миллионе,— это здорово. Можно быть расточительным в деньгах и мещански жадным на свой талант — а ты и здесь не жаден, мой милый Алексеюшка. Глупо так говорить, мне хочется страшно, чтобы ты писал художественное,— но из песни слова не выкинешь*.

Итак, еду. Мы с Шурой прямо к Константину Петровичу — ладно? Места хватит?

---

* *В автографе описка:* из слова песни не выкинешь.— *Ред.*

Крепко целую тебя. Константина Петровича — тоже. Я очень люблю его, но — чёрт побери! — он, как статуя, холоден и молчалив, и я не знаю, платит ли он мне хоть маленькой взаимностью. И это смущает меня. Если бы я видел его чаще — а то в письмах ничего не узнаешь. И мне очень хочется подойти к нему поближе — но как? Молчит и улыбается и каждый месяц аккуратно шлет деньги, и знаю, готов сделать все, о чем попросишь,— и временами я готов кричать: караул!

Поклонись ему и посмотри на его лицо.

Твой Л е о н и д

Какую загвоздку ты загвоздил: «завтра получишь письмо». А в письме что? Чёртушка! Я уж и на пальцах гадал, и на свет телеграмму смотрел, и с женой советовался. Хорошо или плохо? Если хорошо, почему ни слова не сказал? Если плохо,— зачем телеграмма?[3]

Вот и жди завтрашнего дня. Тебе смешно, а я волнуюсь. Верно. Алексеюшка, то, что ты скажешь, для меня самое важное.

А сам я думаю про рассказ вот что: большой замысел, кургузая одеженка. Настроение исключительное, для массы непонятное. В этом смысле рассказ аристократичен. Разум, который не хочет, не может помириться с войною и гибнет, как часовой на своем посту,— разум будущего, а не настоящего; я ведь так вначале и хотел писать фантазию на тему о будущей войне и будущем человеке. А сейчас утилитарно-христианские рассуждения Толстого о вреде войны для хозяйств,—для семьи, для здоровья и доброй нравственности — гораздо понятнее и сильнее и общее[4]. Война — невзгода, это настоящее; война — безумие, это завтрашнее. И странно: к этому убеждению демократия нынешняя придет раньше, чем интеллигенция; демократия как-то обойдет ее с флангов и окажется впереди.

Одного я очень боюсь: если ты скажешь, что рассказ нужно переделать. Не могу. ⟨Во⟩ 1-х) потому, что не знаю, *как* можно сделать его лучше, хотя знаю, что такой способ и существует; ⟨во⟩ 2-х) очень противно ходить по жердочке над сумасшедшим домом.

Вообще к чёрту сумасшедших! Надоели они мне хуже горькой редьки. Да здравствует разум!

Твой Л е о н и д

Курьезная штука: жена моя в некотором роде предпочитает тебя мне; а я в некотором роде предпочитаю тебя моей жене — получается какая-то алгебра с геометрией. А в общем — хорошо. Банзай!

Датируется по связи с письмами 122—127.

[1] 19 ноября 1904 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Завтра приедет на банкет Леонид». Речь шла о банкете юристов 20 ноября (по случаю 40-летия судебных установлений). В следующем письме к ней же, от 21 ноября, Горький сообщил: «Здесь Андреев, живет у нас» («Архив Горького», т. V, стр. 141, 142).

[2] Чтение «Красного смеха» не состоялось. В письме к Пятницкому Андреев писал: «Произошел некоторый курьез. Любители российской словесности назначили сегодня в публичном заседании чтение „Красного смеха", а вчера на подготовительном заседании Федотов прочел этот самый „Красный смех" и привел господ членов в ужас. Кои чуть в обморок не упали, кои совсем ошалели — и решили: прочесть только половину. Это известие привез мне сегодня Гольцев (он за прочтение всего рассказа). Мотивы такие: 1) в многолюдном собрании „Красный смех" произведет слишком тяжелое впечатление; могут быть истерики и прочие замешательства; 2) студенты могут устроить демонстрацию и общество закроют». Письмо не датировано. Помета рукой Пятницкого: «получ. 13/XII 1904 г.» (АГ).

[3] Упоминаемая телеграмма Горького не сохранилась.

[4] Об отношении Андреева к Толстому — см. статью В. И. Беззубова «Лев Толстой и Леонид Андреев».— «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 104. 1961, стр. 130—172.

126. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Петербург. 16 ... 18 ноября 1904 г.>

На мой взгляд — ты прав, дружище, 15-й отрывок надо выбросить вон, он не усиливает впечатления, он разбавляет кровь мутной водой и даже написан не в тоне — это с литературной стороны.

А с общественной — он укрепляет позицию тех, которые будут ругать рассказ. Ведь они будут стоять на точке зрения психической ненормальности героя рассказа, это уж — непременно!— и я даже провижу в будущем статью, озаглавленную так: «Война в изображении сумасшедшего». Не нужно давать в руки «патриотов» и шовинистов такого оружия, ты понимаешь меня?

Следует также выкинуть и 7-й отрывок, ибо им обязательно воспользуются против японцев, на него будут опираться как на доказательство их зверства.

Мне кажется, что газетная вырезка, приклеенная мною сверху письма, могла бы резче и ярче подчеркнуть твою мысль, чем 15-й отрывок. Подумай — дети![1] Пожалуйста, Ленька, выбрось 7-й и 15-й! Право, от этого рассказ выиграет в силе.

В средине рассказа есть нечто психологически невозможное и недопустимое — который из братьев записал сцену купанья в ванне? Первый? Ты думаешь это возможно в такой форме? Необходимо, чтобы ясно был указан момент, до которого дневник писался со слов первого брата, этот момент наступает со времени возвращения первого брата домой, иначе я не понимаю, как мог второй брат *так* писать. Сделать это изменение — легко.

Конец мне не нравится. Не страшно. Когда началась общая бойня — хорошо, а после возвращения домой — нет, нехорошо! Земля, извергающая трупы из недр своих,— это не вышло. Иезекииль — изображает сие красивее и страшнее. Остановиться нужно где-то раньше.

В общем я считаю рассказ чрезвычайно важным, своевременным, сильным — все это так,— но для большего впечатления необходимо оздоровить его. Факты — страшнее и значительнее твоего отношения к ним в данном случае. Первая половина — очень хороша, очень,— но доктора, встающего вниз головой, надо выбросить, это смешит. Это глупая рожа на похоронах Чехова, это звук гармоники мастерового среди реквиема Бетховена. Это смешит и раздражает.

На 13-й стр. «ищущие», «вздрагивающие», «почесывающиеся», «старающиеся», «чужие» — столпились в одном периоде и заглушают его шипением.

«Много сумасшедших. Больше, чем раненых» — стр. 20-я — не резко ли в такой категорической форме? Мне кажется, надо заставить почувствовать, что их много, а не заявлять об этом словами.

На 53-й — «Ведь все же плачут от войны и они сами *плачут*, что же это *значит?*» Скверная рифма.

На 56-й — «Каждый из них молчал» — и тотчас же — «они кашляли и сморкались»...

На 82-й — «треугольные головы между шеей и подбородком» — не представляю, как это?[2]

Не сердись на меня, Леонид, мне так страстно хочется, чтобы рассказ твой произвел возможно более оглушительное впечатление, и так не хочется, чтобы к тебе привязывались из-за пустяков!

Крепко обнимаю, кланяюсь Александре Михайловне.

Твой А л е к с е й

С. Г. СКИТАЛЕЦ
Шарж В. В. Каррика
«Леший», 1906, № 1

Очень я устал здесь, но проторчу еще до 22-го[3].

Рассказ читал дважды — прочитал как получил и — сейчас. Действует он очень сильно,— это верно!

Датируется по связи с письмами 122—127.

[1] К письму приложена вырезка из газеты с сообщением, как дети, играя в войну, повесили своего товарища.

[2] Андреев под влиянием критики Горького переделал 7-й и 15-й «отрывки» «Красного смеха». На хранящейся в ЦГАЛИ авторской машинописи рассказа на нескольких листах поверх старого текста наклеен новый. Насколько можно судить по уцелевшим фрагментам ранней редакции «отрывка пятнадцатого» (собрание «умственной черни города», решающей уничтожить книги), у Андреева еще в 1904 г. зрел замысел будущей пьесы «Царь-Голод». Ср. также образ полусумасшедшего старика «Высокого» из первого действия ранней редакции драмы «К звездам» (ИРЛИ).

Из отдельных замечаний Горького Андреев принял только последнее.

[3] 22 ноября 1904 г. Горький выехал из Петербурга в Ригу («Летопись», I, стр. 493).

127. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 17 ... 18 ноября 1904 г.〉

Милый Алексеюшка! И на этот раз я с тобою совершенно и даже насквозь не согласен.

1. Оздоровить — значит уничтожить рассказ, его основную идею. Здоровая война — достояние прошлого; война сумасшедших с сумасшедшими — достояние отчасти настоящего, отчасти близкого будущего. Моя тема: *безумие* и *ужас*. «Факты важнее и значительнее твоего отношения» — совершенно не согласен. Обращение земли вокруг солнца всегда было фактом, и только различное отношение людей к нему создало историю. Факты войны всегда приблизительно одинаковы, и только отношение к ним меняется. Наконец, *мое отношение* — также факт, и весьма немаловажный.

2. Отрывок седьмой. Для меня нет ни русских, ни японцев; есть две стороны, и обе они совершают достаточно гадостей (письмо офицера, признание в грабеже). И это достаточно в рассказе выражено. И если какие-то идиоты воспользуются этим против японцев, то ведь идиоты и вообще могут нагородить достаточно идиотств. От них ничем не спасешься, и отказываться ради их тупоумия от того, что сам считаешь справедливым и важным,— нельзя.

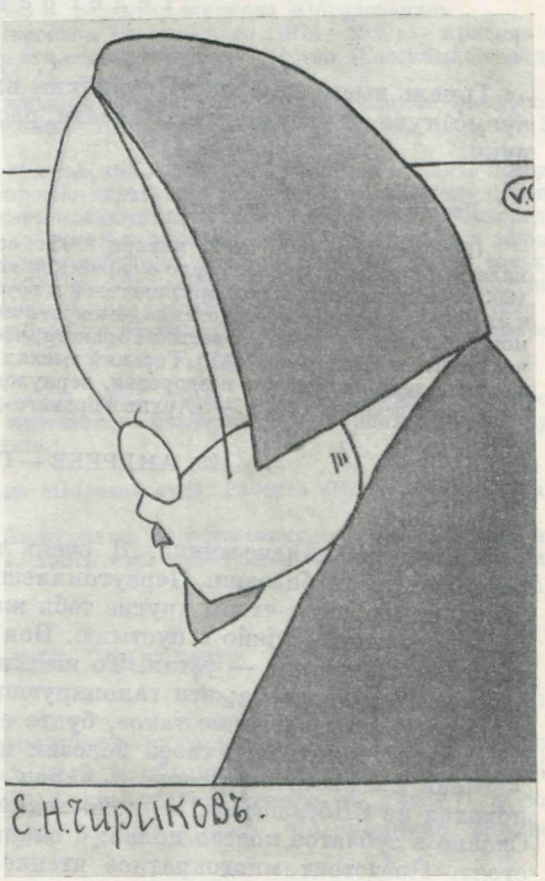
3. Сумасшедший доктор *мне* кажется лучшим местом рассказа — опять-таки в соответствии с моей идеей безумия войны.

3 ⟨!⟩. Отрывок 15-й. Я боялся его рассудочности, а если он «безумен»— он, стало быть, важен для темы. О детях (вырезка) я знал раньше, и у меня есть и другие аналогичные факты, но опять-таки для темы они не имеют существенного значения. И у меня было кое-что написано по этому поводу — но я выбросил.

4. Конец слаб. Это весьма даже возможно, но с этим ни чертá уже не поделаешь. А для темы существенно и даже необходимо.

5. Психологическая несообразность — кто пишет? Пишет *весь* рассказ второй брат, и в этом, правда, много натянутого, психологически неверного (например, как он мог описать последнюю ночь?) — но это неизбежность как условность, как монолог, например, или описание последних ощущений умирающего, которых никто не знает. Но это меня не смущает, так как на «Красный смех» я не смотрю как на художественную вещь.

И в итоге — нехай рассказ останется как он есть. Главное — его действие, а действие он производит желательное. Его читали средние люди,



Е. Н. ЧИРИКОВ

Шарж В. В. Каррика. Акварель, 1905—1906 годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

и впечатление большое и выводы такие: «стыдно в глаза смотреть, что делается на свете» и «если б я был царь, я бы после этого рассказа повесился». И вот еще что: несмотря на отсутствие в рассказе политического элемента, *все* убеждены в его нецензурности. Мне кажется, это свидетельствует только о силе впечатления.

Ты знаешь, друг, что человек я совсем не самоуверенный, но в данном случае я твердо верю, пожалуй, знаю, что нужно именно так. Мы с тобою хотим одного — чтобы рассказ был оглушительным, и поверь мне, Алексеюшка — переделки и урезки ослабят его. И мне не хочется «искусства» — пусть будет так, как вылилось непосредственно и в страдании. Ни один рассказ не писался так легко и не мучал меня так — так пусть же идет в свет, каким родился!

Мы еще поговорим. Я приеду в субботу, а если не достану билета, то в воскресенье. Может ты останешься в СПб. до 23-го? А то мало повидимся. Я тоже дьявольски устал. Цензура меня беспокоит. Вся надежда на Константина Петровича. В крайнем случае, сам пойду к Святополку[1].

Крепко жму лапу.

Твой Леонид

Датируется по связи с соседними письмами.

[1] О Святополке-Мирском — см. прим. 2 к письму 113.

128. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Рига. 28 ... 29 ноября 1904 г.⟩

Гомель выезжаю среду Пятницким или один. Не знаю какая ⟨дорога⟩ прямо туда. Гранд отель. Захвати рассказ. Телеграфируй ответ. Жму руку.

Алексей

Датируется по содержанию.

С 11 октября 1904 по 26 января 1905 г. особым присутствием Киевской судебной палаты в Гомеле слушалось дело о еврейском погроме в Гомеле 29 августа и 1 сентября 1903 г. Тенденциозный подбор свидетелей и грубый нажим председателя суда на истцов и их адвокатов вызвал негодование демократической общественности. Пятницкий письмом от 29 ноября 1904 г. известил Горького, что о его «поездке в Ригу или Гомель сейчас не может быть речи» (АГ). Горький выехал в Гомель из Риги 1 декабря, в среду, но в тот же день, вследствие нездоровья, вернулся обратно. См. его телеграмму Пятницкому (от 1 декабря 1904 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 170).

129. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 4 декабря 1904 г.⟩

Милый мой Алексеюшка! Я очень встревожился, прочтя сегодня в газетах о твоей болезни. Переутомляешься ты анафемски и не жалеешь себя и не любишь, чтобы другие тебя жалели,— милый мой человек, как все это грустно. Нужно в пустыню. Вон и Морозов говорит, что он хочет на месяц в пустыню — устал. То же слышал вчера от одного серьезного работающего человека; эти галопирующие дни очень утомляют. Сидишь в комнате, а впечатление такое, будто едешь в скором поезде.

Распространяться о твоей болезни не стану, боюсь, рассердишься.

Меня съедают инфлуэнца и народ, и народ хуже инфлуэнцы. Как приехал из СПб., насели на меня всякие хорошие человеки и тормошат. Словно в зубчатое колесо попал: с одним устроишь, ан — двое в очереди стоят. Предстоит многократное чтение «Красного смеха» — в собрании

бриллиантов и жемчугов. И еще раз и еще раз жалко, что мы живем в разных местах. Видаю Морозова, и он мне очень нравится. Между прочим, он лично разодолжил меня: устроил моего свойственника к себе на службу.

Однако, того, совсем даже не пишется.

Дурак Острогорский[1]: поместил ругательную против меня статью какого-то Львова[2]. Последовательность такая: хвалебная статья Ашешова[3], ссора с Острогорским — и эта ругань. Откровенно.

Какова наша Дума-то? Здорово. Интересно, что из московских газет только «Русская правда» напечатала резолюцию; «Русские ведомости» побоялись[4]. Вот мертвец — даже при всеобщем воскресении мертвых ухитряется остаться мертвым.

До голосования удрали трое гласных: поп[5], Найденов[6] и *Герье*[7]. Хорош гусь?

Я очень люблю тебя, Алексеюшка, и очень мне грустно, что ты захворал. Крепко целую тебя — и привет милой Марье Федоровне, хорошему человеку, о котором думать приятно. В моих глазах она точно поднимается по лестнице, и с тех пор, как я видел ее первый раз, она взлезла на 20-й этаж.

Твой Леонид

Скиталец написал новый рассказ — еще лучше «Кандалов»[8]. Молодец! Читал на «Среде» «Зайца» Серафимовича, очень понравилось[9].

Датируется по содержанию (см. также стр. 510 настоящего тома).

[1] Александр Яковлевич *Острогорский* (1868—1908) — педагог, литератор и либеральный общественный деятель; с 1896 г. редактор журнала «Образование».

[2] *Львов* — псевдоним Василия Львовича Рогачевского (1874—1930) — критика и историка литературы. Имеется в виду его статья «Мертвое царство. (Рассказы Леонида Андреева)».— «Образование», 1904, № 11, отд. II, стр. 73—130.

[3] Статья Ник. Ашешова — «Из жизни и литературы. „Жизнь Василия Фивейского" — новое произведение г-на Леонида Андреева».— «Образование», 1904, № 5, отд. II, стр. 81—99.

[4] 30 ноября 1904 г. на заседании Московской городской думы было принято подписанное 65 гласными заявление, в котором предлагалось обратиться к «высшему правительству» с просьбой отменить действие исключительных законов, обеспечить свободу совести и вероисповедания, свободу собраний и союзов. Гласные высказались также в пользу созыва в России Учредительного собрания. Это заявление появилось только в газете «Русская правда», 1904, № 242, 1 декабря. «Русские ведомости» (№ 334, 1 декабря) дали неполный отчет о заседании Думы, сославшись на 83-ю статью Устава о цензуре и печати, в силу которой подобные постановления печатаются только с разрешения губернского начальства.

[5] Лицо не установленное.

[6] Александр Александрович *Найденов* (1839—1915) — крупный московский промышленник, выборный биржевого и купеческого общества; представлял интересы купечества в Московской казенной палате.

[7] См. прим. 2 к письму 31.

[8] Речь идет о рассказе Скитальца «Полевой суд». Рассказ «Кандалы» напечатан в пятом сборнике «Знание» (1905).

[9] См. недатированное письмо Андреева к Серафимовичу о чтении «Зайца» на «Среде» («Московский альманах», I, 1927, стр. 286—287). «Среда» состоялась на квартире С. С. Голоушева.

130. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Рига. 5 ... 6 декабря 1904 г⟩.

Рассказ — недурной, а Миролюбов — дурак и нахал[1]. В рассказе, пожалуй, слишком много «злых ног» и обычных для тебя повторений, которые повергают читателя, как рака, поставленного на хвост — в состояние каталепсии. Это, конечно, можно убрать, но, конечно, можно и оставить.

Но рассказ мне нравится, ибо в нем я вижу одного человека, на которого ополчились все и ведь и он сам... болван! Мне жаль, что он не был знаком со Стояном-Чайкиным[2], — вот человек с характером и без предрассудков!

И поэтому — мы напечатаем рассказ[3]. Хорошо бы, милый, если бы в третий сборник ты поместил «Царя». Я помещу «Записки пролетария»[4]. Я ведь — тоже сочиняю. И даже — стихи. Например:

В небесах аллюром частым
Едет на ките корнет,
На лице его усастом
Отразился пистолет.

В рот себе засунув ногу,
Он бормочет и поет.
А о чем поет — ей-богу
Ни один не разберет 〈?〉.

...Никого я этой басней
Не желаю попрекнуть —
Ерунду еще ужасней
Часто пишет «Новый путь».

Это, конечно, очень глупо, но можно написать и еще глупее. В наше время всему научишься. Могу сообщить и еще стихи, очень серьезного содержания.

Жил когда-то человек —
Только правде был он другом,
И за эту дружбу с правдой
Не любил его никто.

Говорили все о нем
С ненавистью и со страхом,
И нигде себе приюта
Человек не находил.

Одинокий, всем чужой,
Тихо умер он в темнице...
И никто не проводил
Его гроба до могилы.

Неизвестно, где зарыт
Верный друг гонимой правды...
Только сердце мое знает
Эту тайну... и — молчит![5]

Стихи тюремного надзирателя из рассказа М. Горького, написанные сим последним в момент инфлюдный,— недурные стихи, между прочим.

Возможны и лирические стихи:

Поутру, штору поднимая
Я вижу — под моим окном
Стремглав летит вагон трамвая —
Солидно мчатся немцы в нем.

О, если бы я был вагоном
Или хотя бы — немцем в оном!
Я бы умчался на тот свет
От либералов и газет![6]

Вообще — стихи можно писать на разные темы и без всякого сострадания к читателю,— это мое глубокое убеждение!

Между прочим, молодой писатель Тарарахтенберг изобразил тебя, Леониде, в сочинении своем, именуемом «Сегодня», хотя еще и за «Вчера» [7] пороть его была пора. Учись у меня остроумию, друг мой, и когда выучишься — пойдем вместе сотрудничать в один из русских юмористических журналов, которые, несомненно, издаются на кладбищах и не совсем прокисшими покойниками, как это видно.

Ты, может быть, желал бы, чтоб я писал серьезно.

Нет! Не могу. Теперь все серьезное — стало дешево и засижено либералами. Нет ни одного понятия, ни одной идеи, на которых бы не сидели либералы за последнее время, и вся мебель души смята и — стало скверно пахнуть.

До свидания, мой глубокоуважаемый друг, чёрт тебя возьми! И т. д.

Кланяюсь Александре Михайловне. Она весьма живой человек и понимает, вероятно, как весело жить на свете человеку, у которого сразу три зуба ноют, побуждая его писать стихи, и которого либералы хватают во сне — за пятки, а наяву за шиворот и все прочие места организма.

А ты — холодный злодей, свирепое существо с огнедышащими страстями и с необоримой склонностью к разврату, как обрисовал тебя сам Тарарахтенберг, о чем зри его полемику в «Руси» с Которотовым, который «Шмель», но тоже глупо себя ведет[8].

Крепко жму.

А.

Датируется по содержанию (см. прим. 8).

[1] Речь идет о рассказе Андреева «Вор», посланном в «Журнал для всех», но отклоненном Миролюбовым (ЛА, вып. 5, стр. 113). В письме (без даты) к Серафимовичу Андреев писал: «Миролюбов-то! Забраковал моего „Вора“. Очень, говорит, это мне грустно, но рассказ плох, и по совести я не могу и т. д. Ведь молодец — или, как говорит Ермишка ⟨В. Е. Ермилов⟩, хоть глупо, но не безнравственно» («Московский альманах», I, 1927, стр. 286).

[2] Варфоломей Андреевич *Стоян* (р. 1876) — мелкий торговец вином. Присвоил себе фамилию Чайкин. Похитил почитаемую «чудотворной» икону Казанской божьей матери, снял с нее драгоценности, а икону разрубил на куски и сжег. Казанский окружной суд в ноябре 1904 г. приговорил его к двенадцати годам каторги («Казанский телеграф», 1904, № 3577—3590, 26 ноября — 10 декабря; «Таганрогский вестник», 1905, № 114, 4 мая).

[3] 5—6 декабря 1904 г. Горький в письме к Пятницкому предлагал включить «Вора» во второй сборник «Знание» («Архив Горького», т. IV, стр. 171). См. прим. 1 к письму 114.

[4] Неосуществленный замысел Горького.

[5] С незначительными исправлениями стихотворение вошло в рассказ Горького «Тюрьма». См. прим. 1 к письму 114.

[6] Эти стихи Горький приводит и в письме к А. А. Дивильковскому из Риги от 11 декабря 1904 г. (XXVIII, 342).

[7] Владимир Осипович *Трахтенберг* (1861—1914) — драматург и театральный деятель. Дебютировал пьесой «Потемки души. (История болезни Пытоева)» (1900). Из задуманной драматической трилогии «Вчера — Завтра — Сегодня» Трахтенбергом были написаны две пьесы: «Вчера. Сцены в 4-х действиях» (изд. журнала «Театр и искусство», СПб., 1903) и «Сегодня. Сцены в 4-х действиях (5 картинах)» (изд. журнала «Театр и искусство», СПб., 1904). Премьера «Сегодня» состоялась на сцене суворинского Малого театра в Петербурге 1 декабря 1904 г. (см. «Наша жизнь», 1904, № 39, 9 декабря).

[8] *Шмель* — псевдоним драматурга, театрального критика и журналиста Александра Ивановича Косоротова (1868—1912). Принесшая Косоротову известность пьеса «Весенний поток» была знакома Горькому в рукописи. В 1904 г. автор читал Горькому в Риге первый вариант этой пьесы (см. письмо Горького к Пятницкому от середины октября 1904 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 168, а также стр. 130). В неопубликованном письме к Е. П. Пешковой от 13 (26) апреля 1912 г., делясь своими впечатлениями по поводу самоубийства Косоротова, Горький писал: «Я мог бы назвать себя его литературным крестным отцом; мне казалось, что он способен на многое, а вышло как-то глупо. Он сразу же захлебнулся „славой“, потом перестал работать и начал форсить. Жалко его очень» (Личный архив Е. П. Пешковой). В рецензии на постановку «Сегодня» Косоротов, указывая на сходство героя пьесы писателя Праотцева с Андреевым (это

сходство подчеркивалось гримом актера Шмитгофа), писал: «Только в патологическом припадке может решиться опытный, пожилой человек на такую литературную нетактичность, как выведение на сцене сотоварища по профессии в заведомо пасквильном виде» («Русь», 1904, № 353, 3 декабря). Трахтенберг письмом в редакцию («Русь», 1904, № 355, 5 декабря) отрицал намеренное сходство Праотцева с Андреевым. В «Ответе г. Трахтенбергу» (напечатано в том же номере газеты) Косоротов еще раз, но в более резкой форме повторил свои обвинения. Полемика Косоротова с Трахтенбергом по существу превратилась в рекламу пьесы, удовлетворяющей вкусам обывательской части театральной публики. Доказывая свою правоту, Косоротов сам допустил бестактность, коснувшись личной жизни Горького и Андреева.

131. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Рига. 10 ... 14 декабря 1904 г.〉

Мне хочется тебя обнять, мой славный друг,— так и чешется язык, даже побелевший от злого желания сказать тебе прямо в твой толстый живот:

— Интеллигент! — но я — тебя люблю,— я уважаю тебя, мне тебя жалко и в конце концов — я знаю — ты не заслужил, все-таки, этого позорного прозвища.

Я прочитал твое письмо к Марии Федоровне[1] — потому что она, прочитав его,— заплакала и велела собирать чемоданы, решившись ехать в Москву, дабы убить Сережу[2] и Трепова[3]. Я сказал ей, что, конечно, будет глупо и дико, если их не убьют, но — зачем же чемоданы трепать?— да, так вот я прочитал твое письмо и возмутился.

Что ты, милый, ноешь, о чем ты, ангел, стонешь?

Публику избили? [4] Публику вообще надо бить, до поры, пока она это позволяет, бить публику необходимо, ибо нужно выучить ее драться. Это так очевидно, это так просто, и поверь — это искреннее мое убеждение. Ты подумай спокойно и просто: каждый человек из публики — мужчина, женщина — все равно!— является самодержавцем по отношению к своей жене или мужу и еще более по отношению к собственности своей — то есть домам, юбкам, часам, постелям, брюкам, стульям, галстухам и прочим предметам первой необходимости. Если у этого человека отнимают его собственный живой инвентарь — то есть мужа или жену,— или его орудия производства — то есть стул, кровать,— он, несмотря на свой куриный темперамент,— протестует, кричит, даже подает к мировому, кратко говоря — защищается. Он всегда комично и жалко защищается, но в данном случае важно стремление защищаться, а не форма защиты.

Теперь: возьмем самодержавного человека как царя, имеющего солидное собственное хозяйство и кучу прислуги от лакеев просто до лакеев, облеченных безмерной властью. Публика выходит на улицу и кричит ему: «Отдай нам половину твоей власти, отдай нам хозяйство, отдай! убирайся к чёрту! долой все твои порядки! к свиньям на хутор тебя со всей родней!»

Леонид,— будем справедливы! Эти народные поговорки — обидны! Они — раздражают! Представь же себе, что ты Леонид Первый, и предки твои 292 года безмятежно сидели на спине России, и вдруг на улице является публика и орет тебе — пошел вон!

Мой друг, привычка к самодержавию, очень глубокая привычка и — уверяю тебя!— ты тоже немедленно выслал бы против публики, с приказанием бить ее,— всех своих дворников, кухарок, дядьев и всю прочую челядь, а сам стоял бы за косяком окна и с радостью взирал, как твои приспешники разбивают всевозможные морды обывателей, был бы чрезвычайно доволен. Отсюда — вывод: не обвиняй царя, за то, что он дерется, в его положении это так естественно — понятно! Но — отбрось в

5-го Декабря 1904 г. въ Москвѣ, въ то время, когда часть населенія пыталась заявить свое несочувствіе существующему бюрократическому строю, полиція, заранѣе собранная въ огромномъ количествѣ и скрытая во дворахъ и иныхъ помѣщеніяхъ, нападала какъ на демонстрантовъ, такъ и на случайную публику. Полицейскіе рубили народъ отточенными шашками, причиняя тяжкія раны и даже увѣчья. Стрѣляли въ упоръ и въ убѣгающихъ изъ револьверовъ, загоняли толпами во дворы, гдѣ безпрепятственно били и истязали беззащитныхъ людей до потери сознанія. Не разбирали ни пола, ни возраста. Избитыхъ отводили въ участки, и тамъ избіеніе продолжалось. Магазины и подъѣзды по распоряженію полиціи были закрыты, и спасавшіеся отъ неистовыхъ преслѣдователей не имѣли возможности укрыться. Такому же насилію подвергались жители Москвы и 6-го Декабря, когда никакой демонстраціи не было, и объектомъ полицейскихъ избіеній дѣлалась ничего не ожидавшая публика.

Группа Московскихъ писателей, выражая какъ свои чувства, такъ и чувства сознательной части общества, глубоко возмущенная этими звѣрствами Московской администраціи, высказываетъ насильникамъ свое отвращеніе и во всеуслышаніе заявляетъ, что эта, дѣйствующая по произволу, жестокая и грубая администрація, лишній разъ подтвердила, что существующій режимъ болѣе терпимъ быть не можетъ.

Евгений Чириков
К. Бальмонтъ
Леонид Андреев
Степанъ Скиталецъ (Петровъ)
Сергѣй Кречетовъ [„Грифъ" С Сокол]
Борисъ Зайцевъ
С. Маханъ-Разумовская

ПРОТЕСТ ГРУППЫ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПРОТИВ ИЗБИЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ 5 и 6 ДЕКАБРЯ 1904 г. СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Горький отнесся к протесту резко отрицательно и отказался поставить под ним свое имя, считая подобного рода выступления недейственной формой борьбы с самодержавием

Местонахождение документа неизвестно. Воспроизводится с фотокопии

Архив Горького, Москва

сторону сентиментализм и всякие человеческие чувства, совершенно при самодержавии излишние, даже вредные — отбрось все это в сторону и взгляни на публику простыми, ясными глазами — какая она идиотка!

Мой друг! Что бы ты сказал о человеке, который собирается ковать раскаленное железо просто кулаком? Или — о Куропаткине[5], если б он заставил солдат драться против японцев при помощи одних зубов и отнюдь не употребляя никакой артиллерии? Не хорошо бы ты отозвался об этих оригиналах.

Некто — любит свободу... вернее — некто воображает, что ему необходима свобода для лучшего устройства своих делишек — что рационально, или для красоты жизни — что идеологично. Чем может пожертвовать от себя лично некто для торжества свободы? Ежели всею жизнью,— он обрящет свободу, это факт, а ежели только фонарем под глазом или двумя выбитыми зубами,— он не обрящет свободы — и его выбитые зубы, ни синяки его, не поднимут в душе моей уважения к нему, это — тоже факт.

И не впадай, мой друг, в ипохондрию, не сто́ит! Двести синяков не перекрасят русскую историю в цвет более яркий, для этого требуется кровь и очень много крови, ибо кровь — единственный красящий материал, действительно прочный и окрашивающий события в веселый красный цвет.

Итак, не плачь, дитя, не плачь напрасно![6] все идет как следует и вполне прилично. Жизнь устроена на жестокости, ужасе, насилиях,— она требует для переустройства холодной, разумной жестокости — вот и всё! Убивают? Надо убивать. Иначе — что же поделаешь? Идти к графу Льву Толстому и ждать с ним вместе, когда одряхлеют звери, а рабы — их законный корм — будут съедены?[7]

Это очень длинная и скучная история и заниматься ею — как-то стыдно для человека.

До свидания!

Я философствовал, как фабричная труба, черно и дымно, но право же,— мое глубокое убеждение!— иная философия несвоевременна, а пожалуй, и не умна, мягко говоря.

Мария Федоровна кланяется тебе и Александре Михайловне. Скажи Гаврилычу, чтобы он послал свой рассказище в Питер[8]. 17-го я буду тамо.

А Трепова и Сережу надо убить. Просто — придти и застрелить их. Да? Ну, обнимаю тебя, дружище.

А.

Датируется по содержанию.

[1] Письмо Андреева к М. Ф. Андреевой неизвестно.

[2] Об убийстве в.к. Сергея Александровича 4 февраля 1905 г.— см. прим. 3 к письму 33. Это убийство, о котором эсеры широко оповещали заранее, послужило толчком к созданию Андреевым повести «Губернатор».

[3] О Трепове — см. прим. 5 к письму 94.

[4] Речь идет о студенческих демонстрациях в Москве 5—6 декабря 1904 г. «В Москве,— сообщал Горький Е. П. Пешковой из Петербурга в Ялту в середине декабря,— убито 8, умирают от ран 4, избито — много, около 200. Сим публика обязана буквам с и р, ибо эти буквы довольно неостроумно заранее бумажками предупредили: „Будем демонстрировать, а ежели вы нас за это бить будете, так мы тогда Трепова и Сергея — казним смертию". Какое розоватое болванство. А вообще Москва — ведет себя похвально и очень в ней купец зашевелился» («Архив Горького», т. V, стр. 144).

[5] О Куропаткине — см. прим. 3 к письму 108.

[6] Цитата из поэмы Лермонтова «Демон».

[7] См. прим. 2 к письму 136.

[8] Очевидно, речь идет о рассказе Скитальца «Полевой суд». Рукопись была послана Пятницкому 11 декабря 1904 г. (см. письмо Скитальца к Пятницкому от того же числа.— АГ).

132. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Рига. 14 ... 15 декабря 1904 г.⟩

Получил письмо[1]. Браво, друг. Крепко жму руку. Семнадцатого буду в Петербурге.

Алексей

Датируется по содержанию.

[1] Письмо Андреева не известно.

133. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 23 декабря 1904 г.⟩

Милостивый государь
дорогой мой друг!

Возвращая при сем исторический документ[1], с грустью должен сообщить, что даже в момент рождения своего он, очевидно, имел все признаки худосочия, сиречь — собачьей старости,— в данное же время совершенно устарел и даже издает трупный запах. Подписать его я могу, конечно, это не вексель, но показывать людям не решился, ибо — совестно. И даже боязно: ныне публика настроена столь свирепо, что за прочтение такого документа может нанести «тяжкие раны и даже увечья». В заключение скажу: прими мой кроткий совет — растопив камин, положи оный документище в огонь, и это будет вполне благородный конец благородного порыва, в противном же случае опасаюсь,— бумага сия будет злыми людьми использована для наружного употребления в некоторых, хотя и естественных, но интимных случаях.

В утешение тебе и всем купно с тобою подписавшим сию возмутительную прокламацию, скажу, что и гг. литераторы г. Питера столь же плохо написали, хотя более своевременно.

Порт-Артур свалился — «Наша жизнь» говорит по этому поводу, что она «не бросит камнем в Стесселя», а мне кажется, что такое благородное обещание не вполне остроумно[2].

Под всевозможными декларациями подписывается до 50% евреев, что тоже не весьма тактично со стороны гг. российских либералов, ибо сей факт даст людям со сметкой право говорить, якобы в России только евреи требуют конституции и прочих штук, позволяет процветать антисемитизму и увеличивать рост его.

Скажи об этом тем болванам, которые сами не могут, видимо, догадаться во что они играют, допуская такой *факт*.

Скажи еще, что пора уже превратить движение из стихийного в сознательное, что необходимо вовлекать в процесс обновления жизни все общественные группы, что, например, приказчики, мелкие служащие в разных учреждениях частных и прочих, всё еще стоят вне влияния передовой части общества и что если оная часть не сумеет сорганизовать их — их организует полиция.

Подумай также: пропагандируя мир, не устраняют ли гг. либералы вождя своего маршала Ойяму[3] из обихода и — таким образом — не рубят ли они сучок, на коем сидят?

Прими во внимание: возможно, что «Красный смех» вырежут, а потому, дабы чеховский сборник не вышел без тебя, давай немедленно «Царя».

Сборник сегодня пошел в цензуру,— нарочно держали до последнего дня, ибо на праздниках цензора — надеемся — будут пьяны, а в пьяном виде человек свободолюбивее. Это называется — тонкий расчет.

До свидания! Занят я, как Сатана, и устал, как Стессель.

А не попротестовать ли нам против Ивана Грозного? Ведь много он народу перекалечил!..

Я несколько сердит. Много очень людей вижу, поэтому.

Александре Михайловне поклон. Скажи ей, чтобы она не давала тебе чернил, когда тебе придет охота подписывать московские протесты, ибо их приличнее подписывать слюной Гольцева.

Не сердись на меня, друг мой милый, я не стою сердитьбы твоей! Читай рассказ Арцыбашева в «Журнале для всех» и — зри, каким должен быть истинный человек, положительный тип[4].

Даже голодный медведь такого человека не ест, до того он приторно-противен, свекловица, а не человек!

Жаль, не я был на месте героини, я бы изнасиловал его! А потом, сняв с него штанишки, долго бы драл его голиком по ягодицам и приговаривал: не будь положительным типом, не будь, не будь, сукин сын!

А потом, взяв его под мышку, с честью утопил бы в помойной яме.

А потом сказал бы Арцыбашеву и Миролюбову, что оба они тоже... положительные типы.

Нет, ты скажи: представляешь ты себе страну, в которой литератор мог бы предложить публике Ивана Ланде, в качестве положительного типа?

Для этого нужно много: нужно, чтобы на протяжении столетий за людьми этой страны не признавали человеческих прав и чтобы в них совершенно издохло чувство собственного достоинства.

Много я пишу тебе, точно монахиня любовнику своему накануне великого поста.

Прощай.

У меня что-то болит — нога или зуб, некогда понять, что именно.

Буду когда-то в Москве.

А.

Текст «Марсельезы» зри у Ламартина «История жирондистов»[5], книга, которую трудно найти. Проще — Дюма «Графиня Шарни», издание Суворина[6].

Датируется днем подачи в цензуру сборника, посвященного Чехову — 23 декабря 1904 г. (запись в книге Пятницкого.— АГ).

[1] Речь идет о подписанном Андреевым, Чириковым, Скитальцем, Телешовым, Белоусовым и другими членами «Среды» протесте по поводу жестокого избиения полицией 5 и 6 декабря 1904 г. демонстрации студенчества. Текст протеста — см.: Т е л е ш о в, стр. 56—57 (воспроизведено в настоящ. томе, стр. 251). Примечательно, что и позже, передавая для опубликования в «Русском слове» (1905, № 274, 19 октября) телеграмму на имя С. Ю. Витте с требованием амнистии «всем пострадавшим за политические и нравственные убеждения», Горький не присоединил свою подпись к подписям Шаляпина, Коровина и др.

[2] Подразумевается передовая статья «Нашей жизни», в которой говорилось: «Не мы, конечно, бросим камнем в доблестных защитников Порт-Артура с генералом Стесселем во главе за то, что они, исчерпав все средства защиты, не сочли нужным исполнить буквально обещание ген. Стесселя, что Порт-Артур будет его могилой, и, по постановлению военного совета, решили сдать крепость на почетных условиях» (1904, № 47, 22 декабря). Анатолий Михайлович *Стессель* (1848—1915) — генерал-лейтенант; был назначен начальником Квантунского укрепленного района. 20 декабря 1904 г., несмотря на героическое сопротивление гарнизона, способного продолжать борьбу, сдал крепость Порт-Артур японцам. Царское правительство под напором общественного мнения было вынуждено предать Стесселя Верховному военно-уголовному суду, приговорившему Стесселя 7 февраля 1908 г. к смертной казни, замененной заключением в Петропавловскую крепость на десять лет. В 1909 г. Стессель, по распоряжению Николая II, был освобожден.

[3] Ивао *Ойама* (1842—1916) — фельдмаршал, в русско-японскую войну главнокомандующий японскими армиями.

[4] Речь идет о рассказе Арцыбашева «Смерть Ланде» («Журнал для всех», 1904, № 12), героем которого был непротивленец, покончивший с собой.

[5] Русский перевод «Истории жирондистов» (первые два тома) Альфонса *Ламартина* вышел в Петербурге в 1871 г. Две первые строки «Марсельезы» на французском языке Андреев процитировал в повести «Губернатор» (ПССА, т. II, стр. 34).

[6] Имеется в виду издание: Александр Д ю м а (отец). Графиня Шарни. Роман. Из времен Французской революции. Пер. Н. Чуйко, тт. I — VI. СПб., 1901—1902.

1905

134. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 4 ... 8 января 1905 г.〉

Если хочешь получить «Жирондистов»[1]— надо спрашивать о них букинистов.

Рассказ же прислать тебе не могу, ибо его печатают по черновику. Писал ты Константину Петровичу о желании твоем получить с немцев марки за «Смех»,— но, друг ты мой,— это уже поздно! Для сего надо было раньше сообразиться, а раньше ты как раз говорил, что-де чёрт с ними, с немцами! Ежели же теперь начинать эту канитель — придется задержать сборник, по крайней мере, на месяц, а мы его уже и так достаточно задержали[2].

Сообщи,— когда концерт, о котором писала Александра Михайловна и — знай: 15-го читаю в Риге, 22 и 23-го в Петербурге[3].

А ты пишешь — не сердись!

Что Немирович провалился у монастыря — я рад[4]. Нужно, чтобы он убирался ко всем чертям из театра,— тогда у нас будет два[5].

Ты понимаешь как это хорошо? 2!

И — агромадная труппа! И — исключительно — литературный репертуар!

Крокодилы и скорпионы!

Мжу куру. Ойяма[6]. Носовато[7].

А л е к с е й

При сем — рисунок, присланный мне для одобрения одним волостным старшиной. Одобряю[8].

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

[1] См. прим. 5 к письму 133.

[2] В письме к Пятницкому от 27 декабря 1904 г. (АГ) Андреев просил закрепить его авторские права за границей на рассказ «Красный смех» (см. прим. 9 к письму 122). 19 января 1905 г. Пятницкий отправил сто оттисков рассказа из набранного сборника «Знание» переводчику А. Шольцу в Берлин, и они были там зарегистрированы как самостоятельное издание. В июле 1905 г. Шольц получил исключительное право на перевод рассказа и заключение договоров с переводчиками «Красного смеха» на другие языки (вне пределов России).

[3] Намеченные выступления Горького не состоялись: 11 января 1905 г. он был арестован в Риге, привезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в принадлежности «к комитету, руководившему противоправительственными организациями в делах свержения самодержавия» («Летопись», I, стр. 507—508).

[4] Подразумевается провал в Московском Художественном театре 21 декабря 1904 г. драмы театрального критика Петра Михайловича *Ярцева* (1871—1930) «У монастыря».

[5] О замысле Горького создать театр — см. прим. 7 к письму 121.

[6] См. прим. 3 к письму 133.

[7] В начале войны французское телеграфное агентство Гавас распространило известие о подходе русских кораблей к острову Хоккайдо и об уничтожении прицельным огнем из тяжелых орудий города Хакодате. Перепечатавшие информацию русские газеты предсказывали близкое и победоносное для России завершение русско-японской войны. Однако вскоре выяснилось, что информация агентства не соответствует действи-

тельности, и, таким образом, буржуазная пресса, охваченная «патриотизмом», осталась «с носом». Шутка Горького основана на прочтении по-русски латинского написания слова «Хакодате». «Мжу куру» вместо «жму руку».

[8] Рисунок неизвестен.

135. АНДРЕЕВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

〈Москва. 12—13 января 1905 г.〉

Дорогая и милая Мария Федоровна! Сегодня я узнал, что с другими членами депутации, ходившей к Витте, арестован и Алексей, уже в Риге[1]. Идиоты! Им следовало бы арестовать весь народ. Но жалко, что произошло это в момент вашей болезни, жалко Алексея, который пошел в тюрьму с заботами и тяжелым сердцем. Вас не утешаю — вы знаете хорошо, что арест не может быть продолжителен и тяжел, ибо времена Чернышевского прошли.

Здесь, кажется, спокойно. Много заводов и фабрик бастует, но столкновений, кажется, не было. Говорю: «кажется», ибо слухи очень противоречивы. Эти идиоты расклеили сегодня на улицах совершенно невероятную, дико глупую и наглую «телеграмму» такого приблизительно содержания:

«*Лондон.* Беспорядки, происшедшие в СПб., Севастополе и Либаве, а также стачки в Вестфалии, вызваны англо-японскими провокаторами, и все, кто примкнет к ним, суть изменники и предатели».

Вы подумайте: даже в Вестфалии! Договориться до такой чепухи можно только в состоянии полного умоисступления. Какой смех поднимается за границей!

Милая Мария Федоровна! Очень мне жалко, что вы больны. Эх!

А за себя мне совестно. У меня... у меня — болят зубы. Вы можете себе представить: зубы. Идиотская, бесстыднейшая, безвредная боль, а человек ни к чему неспособен. У меня есть рассказ про некоего еврейчика, который проморгал распятие Христа, так как в этот день у него нестерпимо болели зубы[2]— думал ли я быть таким евреем! И вырвать нельзя — ни одного зуба во рту не останется.

13 января

Получил ночью от Екатерины Федоровны телеграмму, что вам лучше[3]— и так обрадовался! Спасибо Екатерине Федоровне, что потрудилась ответить.

Где Алексей содержится? Имеете ли вы возможность сноситься с ним? Когда будете совсем здоровы, напишите. И что-то будет? Вот время! Здесь, в Москве, забастовки, кажется, растут, хотя настроение в общем не определилось. Сегодня вышли только две газеты: «Московский»[4] и «Русский листки»[5]. Вчера, 12-го, банкетов не было, не было и обычного общества. Что-то говорят об очень решительном и радикальном постановлении земского собрания, но неизвестно, врут, либо говорят правду. Вообще слухов не оберешься.

События держат мысль в таком напряжении, что ничего нельзя делать: ни работать, ни отдыхать, ни сидеть дома, ни думать о чем-нибудь другом, помимо происходящего. Так и мечешься весь день как угорелый.

Земство оказывается не московское, а саратовское и Дума — сейчас слышал — послала царю телеграмму с требованием немедленного прекращения кровопролития и немедленного созыва Учредительного собрания.

Крепко жму руку, а Шура целует. Она сама не пишет, ибо с утра до поздней ночи мечется, между прочим, с устройством концерта, где должен

был участвовать Алексей. Все равно, впрочем, участвовать ему бы не пришлось, так как попечитель уже второй раз его вычеркивает.

Выздоравливайте, голубушка!

Искренно любящий вас
Л е о н и д

Говорят, что с «англо-японскими провокаторами» они вляпались: английское посольство возмутилось, и будет чуть ли не новая комиссия. Вот несчастные юмористы! Полиция, будто, ходит и сама срывает эти объявления.

АНДРЕЕВ И ГОРЬКИЙ

Фотография К. К. Буллы. Сняты у И. Е. Репина в «Пенатах», 27 мая 1905 г. (деталь группового снимка)

Музей Горького, Москва

Датируется по дню ареста Горького.

[1] Накануне «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. на собрании в Петербурге литераторов и ученых была избрана делегация к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому. В состав делегации вошли Н. Ф. Анненский, В. И. Семевский, Н. И. Кареев, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Е. И. Кедрин, И. В. Гессен, представитель от рабочих (впоследствии разоблаченный как агент охранки) Кузин и Горький. Делегация должна была просить правительство принять необходимые меры против готовившегося расстрела мирной рабочей демонстрации, направлявшейся с «петицией» к Зимнему дворцу. Святополк-Мирский делегацию не принял. Ей удалось добиться лишь аудиенции у Витте и товарища министра внутренних дел К. Н. Рыдзевского, который в ответ на речь Анненского «холодно ответил, что правительство знает, что нужно ему делать, и не допустит вмешательства частных лиц в его распоряжения» (М. Г о р ь к и й. Савва Морозов.— Сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.», стр. 28, а также письмо Горького к Е. П. Пешковой от 9 января 1905 г.— «Архив Горького», т. V, стр. 158).

[2] Рассказ «Бен-Товит».

[3] Екатерина Федоровна Крит — сестра М. Ф. Андреевой. Телеграмма ее Андрееву неизвестна.

[4] «Московский листок» (1881—1918) — политическая и литературная газета. В 1905 г. редактор Ф. К. Иванов; издатели В. Н. и Н. И. Пастуховы.

[5] «Русский листок» (М., 1890—1906) — редактор-издатель Н. Л. Казецкий.

136. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⟨Москва. 10 ... 11 марта 1905 г.⟩

Воспоминание о тюрьме будет для меня одним из самых милых и светлых — в ней я чувствовал себя человеком. На дне души моей, где-то очень глубоко, таится здоровенная гордость; и когда обстоятельства давят на эту пружину, я выпрямляюсь, как наполеоновский гренадер, и марширую четко. Как не пожалеть тюрьмы — в ней я был молод, здоров, мечтателен, готов на всякие глупости, как студент, как влюбленный. И какое наслаждение — долго быть одному, почувствовать себя; без зеркала увидеть себя так, точно ты окружен зеркалами; быть выковырнутым, как изюминка, из мягкого теста жизни. Почувствовал ты это?

Теперь я дома — несколько дней болят зубы, два дня жестокий мигрень, как-то этак тянется, как-то этак неможется, как-то этак киснется. Э-э-э-х! Как только, брат, жена от меня не сбежит? Удивляюсь я ей.

Твои письма, и первое, и второе, получил. Скиталец сидел в качестве свидетеля; выпущен за несколько дней раньше меня — я думал, ты об этом знаешь. Недоволен тюрьмой, жалуется: шумно. Милый он малый! Против меня обвинение повернули на 127 статью; обещают судить по всей строгости беззакония, да тоже, думаю, не решатся[1].

Ты написал открытку Толстому[2]. В первую минуту мне это не понравилось, а потом подумал — и понравилось очень. Primo: в России и Европе ты единственный, могущий в вопросах общественности противупоставить свой авторитет авторитету Толстого. Secundo: старик нагородил много неподходящего. Он не ханжа и не фарисей, но он упрям, как осел, как старый осел, и мысль его потеряла молодую гибкость. Знаешь, как в молодой траве попадается иной раз сухой, прошлогодний, твердый и колючий обрезок — вздумаешь этак развалиться на травке, а он тебе в бок. И осадить его нужно было, и то, что ты это сделал, свидетельствует, что у тебя на голове отнюдь не кочан капусты, а в груди не репа, а сердце.

Милый мой друг! С каким наслаждением прочел я вчера «Тюрьму»[3]. Как это хорошо, как это приятно, как это особенно — *по-горьковски*. Я долго ломал голову, стараясь понять, определить это «по-горьковски» — и не мог, не могу. У каждого писания есть свой *вкус*, и определить его так же невозможно, как вообще определить вкус; и только идиоты-критики, описав точно внешний вид котлеты, ее размер и цену, думают, что все сделано. И у твоих писаний совсем особенный, очаровательный вкус, благородный, сильный, единственный. И прежде всего: *вкус свободы*, чего-то вольного, широкого, смелого. Что бы ты ни написал, всякий, прочтя, почувствует: «Это писал свободный человек»; иногда он не сумеет этого своего чувства определить, но не испытать его не может. И оттого все рабы и слуги — и слуги и рабы самой свободы — твои неизбежные враги. Случается иногда, что ты, как и все, городишь ерунду, но и ерунда у тебя особенная, вкусная,— свободная ерунда.

Случалось ли тебе, мальчишкой, искать в саду или в поле свергибус этакую съедобную травку, с горьковатым, острым вкусом, запахом поля — земли, травы, лета? Вообрази, что где-нибудь в Эрмитаже, за ужином со всякой чертовщиной, электричеством, лакеями и литераторами, вдруг попал тебе на зубы свергибус— это ты, твои писания.

А вот остальные:

Найденов — плохо прожаренный, сыроватый ростбиф; Скиталец—лошадиный щавель; Гусев-Оренбургский[4]— кухмистерский суп с вермишелью; Юшкевич[5]— салат из селедочных головок на дрянном прованском масле; Ванечка[6]— воздушный пирог. А я — старый, очень старый, ужасно старый сыр, соответствующе вонючий (не то трупом пахнет, не то портян-

ками), вечно плачущий, но только одним глазом, как и подобает сыру; и те, кто этот сыр могут есть, не понимают тех, кто его есть не может, и наоборот.

Завтра пойду получать твои гонорары и буду думать, что это мои. Безумие и ужас! Мне всегда не хватает денег — как и тебе. Очень буду ждать тебя в Москве — хочется повидать тебя и близко, хорошо поговорить; если не приедешь — пожалуйста, обязательно, непременно пришли «Детей солнца»[7] прочесть. Если не пришлешь, это будет очень нехорошо, это будет свинство, это будет чёрт знает что!

Российские дела мне, мой друг, надоели: я не выношу игры, результат которой известен, фатально предопределен, неизбежен, а игра в то же время длительная, тяжелая, трудная. Самодержавие — это пьяный, которому давно пора спать, который хочет спать, который ни на что другое не способен, как спать, и который желает «пива... танцевать... поговорить» и т. д. Упрямый, противный, бестолковый, надоедливый; и ведь несомненно, что через час, два он будет храпеть на весь дом — а пока изволь нянчиться с ним. И оставить-то его нельзя — либо лампу повалит, пожару наделает, либо сам к тебе придет и забормочет: «пива»... И во мне он вызывает такое чувство злости, что...

И сколько народу погублено, сколько денег, то есть опять-таки жизней! Я думать об этом не могу. Я сидел еще в Таганке, когда наша пресса, наша сволочная пресса (я говорю и о «Русских ведомостях») подняла радостный вой по поводу рескрипта[8]. «Настал день свободы»,— приносилось ко мне сквозь решетку, и было смешно, и было так обидно, так горько, так мерзко. Быть проданным — вообще неприятно, но быть проданным за фальшивый пятиалтынный, это уже совсем свинство. А я ведь еще сидел в тюрьме, как барин — там же были люди (и есть), которые сидят по-настоящему, по году, по два и больше, для которых Таганка не увеселительная поездка, как для меня, а самый настоящий «рак мозга». И они также читали это позорное, глупое, холуйское: «настал день свободы». И как раз вслед за этим «настал день свободы», через два дня после рескрипта — 100 000 жизней на Дальнем Востоке погублено безвозвратно, бессмысленно, идиотски[9].

11 марта

Милая и хорошая Мария Федоровна! Вот мы увидимся скоро — и как чудно́ будет вспомнить о том многом печальном, что произошло со времени последнего нашего свидания на Сергиевской[10]. Болезни, тюрьма и столько страданий — и все прошло, и снова мы вместе... мне кажется, что я уже вижу вас, и слышу шутки Алексея, и зрю его пирамидальный нос, отважно вонзившийся в небо. Скорее бы!

Нужно на лето устроиться вместе. Как думаете? Сейчас мне анафемски хочется в Крым — для ради солнца, моря и тепла — но не надолго, а лето приятно бы прожить на Рижском побережье. Сейчас там, конечно, отчаянная скука — ибо нет ничего скучнее, нелепее, безотраднее, как замерзшее море,— но летом хорошо, бодро, крепко, не то чтобы сурово, но без послаблений. Прекрасное место для работы, так как песку для присыпки чернил в изобилии. Боюсь только, что за это время оно вам надоест — а то хорошо бы провести там лето. Обучу Алексея — бесплатно — ездить на велосипеде, фехтованию, боксу, игре в трынку, терпению, смиренномудрию и пр. и пр. И постараюсь путем продолжительных бесед изменить ваш взгляд на литературу вообще, а на мою в частности. Но если вам нравится «Страна отцов» Гусева-Оренбургского, то... о жизни покончен вопрос, больше не нужно ни песен ни слез[11]: сегодня после обеда я кончаю жизнь самоубийством.

Крепко жму руку.
Ваш Леонид Андреев

Откуда в рассказах твоих эта дивная грусть, эта дивная задумчивость — морщинистого человека с седой бородой — и молодым горячим нестареющим сердцем. Как я люблю тебя, Максим Горький!

[1] Андреев был арестован 9 февраля 1905 г. за предоставление квартиры для нелегального заседания ЦК РСДРП и посажен в Таганскую тюрьму. Выпущен 25 февраля под залог в 10 000 рублей, внесенный С. Т. Морозовым.

В Архиве Горького хранится написанное печатными буквами из конспиративных соображений анонимное письмо с пометой Пятницкого: «На штемпеле Москва, 10 февраля 1905». Текст письма следующий: «Леонид Николаевич Андреев дал свою квартиру для какого-то собрания неизвестных ему людей, оказавшихся разыскиваемыми. Произведен обыск. Андреев и Скиталец, случайно зашедший к нему, арестованы». Более подробные сведения об аресте писателей содержатся в черновике записки А. М. Андреевой, также не имеющей ни подписи, ни обращения. Возможно, записка предназначалась для печати. Приводим из нее несколько выдержек: «9 февраля в 1 час дня в квартиру Леонида Андреева явилась полиция, где застала несколько посторонних лиц. Сам хозяин был нездоров, лежал в спальне и читал. Полиция заявила, что должна обыскать всех присутствующих. После обыска отдельных лиц полиция заявила желание произвести обыск квартиры, на что Андреев потребовал показать ему предписание об обыске. Жандармский офицер должен был ехать за этим предписанием. В начале четвертого он вернулся с разрешением, и обыск начался. Между тем, всех лиц, приходивших к Андрееву, обыскивали и задерживали, чему подвергся, между прочим, и Скиталец. В квартире Андреева оказались вещи, принадлежащие Вересаеву, который, уезжая на Дальний Восток, поручил их своему товарищу. Вещи эти были заперты, и ключей от них у хозяев не оказалось; тогда был призван слесарь, при помощи которого все вещи были осмотрены. У Андреева ничего не было найдено. Только в мягкой мебели и камине были найдены некоторые нелегальные издания и шифрованные письма. Тогда господа, находящиеся в квартире Андреева, сделали письменное заявление, что все бумаги компрометирующего свойства Андреева не касаются и принадлежат им. Всех этих лиц, за исключением Скитальца и родственников, арестовали часов в 8 вечера и увезли, но ареста с квартиры не сняли, а всех приходящих продолжали задерживать. Так прошла вся ночь и следующий день; в квартире оставались три околоточных и три городовых, а вокруг квартиры целая засада из сыщиков 〈...〉 В половине восьмого явился пристав и заявил, что Андреев должен собираться и следовать за ним. Затем та же участь постигла Скитальца, зятя Андреева и двух знакомых. После допроса в части Андреева и Скитальца повезли в московскую тюрьму 〈...〉 Обоих подвергли одиночному заключению» (АГ, ф. «Знания»; см. также: Ю. С. Пухов. Андреев и Скиталец в революции 1905 года. (По документам Департамента полиции).— В сб. «Революция 1905 года и русская литература». М.— Л., 1956, стр. 418—421; Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 389—391; «Горький об Андрееве» в настоящем томе, письмо 39).

[2] Письмо Горького к Льву Толстому было написано 5 марта 1905 г. в ответ на появившуюся в лондонской газете «Таймс» статью Толстого «Об общественном движении в России» (изложение статьи помещено в «Русских ведомостях», 1905, № 58, 2 марта). Обличая самодержавие, Толстой в то же время заявлял, что политическая борьба способна лишь задержать «истинный прогресс» и что только «внутреннее религиозно-нравственное совершенствование отдельных лиц» было и остается единственным средством уничтожения зла на земле (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., «Юбилейное», т. 36. М.— Л., 1936, стр. 157). Ответ Толстому Горький отправил Пятницкому (который, очевидно, показал его Андрееву) для опубликования в газете «Сын отечества» и пересылки копии в Ясную Поляну (письма Горького к Толстому и Пятницкому — XXVIII, 357—361). Однако вскоре Горький переменил свое решение. «Написал было ругательное письмо Льву Николаевичу и едва не напечатал, но, когда его начала лягать всякая сволочь,— отложил это в сторону»,— писал он 12 или 13 марта Е. П. Пешковой («Архив Горького», т. V, стр. 153).

[3] См. прим. 1 к письму 114.

[4] Псевдоним писателя Сергея Ивановича *Гусева* (1867—1963). С 1893 по 1898 г. служил священником в глухом мордовском селе. Первый рассказ напечатал в 1890 г. в «Оренбургском листке» под псевдонимом: М. Инсарский. В 1898 г. порвал с официальной церковью, сложил с себя священнический сан и целиком отдался литературному труду. Сотрудничал в «Жизни», «Журнале для всех», «Курьере», «Нашей жизни», «Жупеле» и др. В 1904—1912 гг. повести и рассказы Гусева, рисующие жизнь сельского духовенства и охваченную революционным брожением деревню, печатались в сборниках «Знание»: «В приходе» (сб. 1), «Суд» (сб. 21), «Сказки земли» (сб. 23), «Рыцарь Ланчелот» (сб. 33), «В глухом уезде» (сб. 38). В 1905 г., в сб. 4, опубликовано лучшее произведение Гусева — посвященная Горькому повесть «Страна отцов». В 1903—1913 гг. в «Знании» вышли четыре тома «Рассказов» Гусева. В 1907 г. он приезжал к Горькому на Капри. В период реакции Гусев испытал влияние модернистских течений, что особенно сказалось в псевдоромантической символике «Сказок земли» и повести «Грани»

(«Современный мир», 1909, № 8). Соглашаясь с помещением «Сказок земли» в сборнике «Знание», Горький около 23 марта 1908 г. писал Пятницкому: «Ничего не понимаю в этом „изменении личности“ 〈...〉 Это, видимо, поветрие. Или — детская болезнь», а в письме, посланном около 14 мая, добавлял: «Очень надеюсь на Гусева, но он впадает в модернизм» («Архив Горького», т. IV, стр. 241 и 249). В дальнейшем Гусев вернулся на дорогу реалистического искусства. С 1913 по 1918 г. в издательстве «Жизнь и знание» вышло пятнадцать томов Полного собрания сочинений Гусева-Оренбургского. После Октябрьской революции эмигрировал. В последние годы жизни жил в США.

[5] Семен Соломонович *Юшкевич* (1868—1927) — писатель, участник телешовских «Сред». Дебютировал в 1897 г. рассказом «Портной» в «Русском богатстве». Большое значение для Юшкевича имело знакомство с Горьким, который привлек его к сотрудничеству в сборниках «Знание». Здесь появились наиболее значительные произведения Юшкевича: повесть «Евреи» (1904), драма «Король» (1906) и др. В 1903—1908 гг. «Знание» издало собрание сочинений Юшкевича в пяти томах. После поражения революции 1905 г. Юшкевич разошелся со «Знанием» и печатался в альманахах «Шиповник» и «Земля». Его творчество все более мельчало, приближаясь к натуралистическому бытописательству. После Октябрьской революции уехал во Францию.

[6] Бунин.

[7] Над пьесой «Дети солнца» Горький работал в Петропавловской крепости. Она была напечатана в сборнике «Знание» за 1905 г., кн. 7 (СПб., 1905), вышла в том же году в Штутгарте (изд. И. Дитца).

В марте того же 1905 г. эта пьеса была принята к постановке театром В. Ф. Комиссаржевской. Но петербургский генерал-губернатор Трепов потребовал от градоначальника под угрозой закрытия театра запретить эту постановку (И. С. Зильберштейн. Максим Горький в 1905 году. Эпизод по новым материалам.—«Огонек», 1926, № 6).

[8] Рескрипт, подписанный 18 февраля 1905 г. Николаем II на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о назначении его председателем особого совещания для выработки проекта закона о созыве совещательной Государственной думы.

[9] Подразумевается поражение русских войск под Мукденом 6—25 февраля 1905 г.

[10] На Сергиевской жила сестра М. Ф. Андреевой — Екатерина Федоровна *Крит*.

[11] Цитата из стихотворения И. С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...»

137. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Москва. Конец октября 1905 г.?〉

Милый Леонид!

Это — Валерий Васильевич Каррик, автор тех смешных портретов писателей, которые ты у меня видел[1].

Нужно и с тебя и других москвичей тоже снять портреты[2].

Ты познакомься с ним; это интересный англичанин и славный парень.

До свидания пока.

А. Пешков

Датируется предположительно по содержанию (см. прим. 2).

[1] Валерий Васильевич (Вильямович) *Каррик* (р. 1869) — художник-карикатурист и график, был выходцем из Англии. Отец его—организатор фотоателье в России. В революцию 1905 г.—художник, сотрудничал в сатирических журналах «Жупел» и «Леший». Создатель галереи шаржированных портретов современных литераторов и общественных деятелей. Горький познакомился с Карриком в Петербурге в 1899 г. (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой от 18 октября 1899 г. —«Архив Горького», т. V, стр. 72). В Нижний Новгород Горький привез из Петербурга альбом политических карикатур Каррика на «легальных марксистов»: Туган-Барановского, П. Б. Струве, Калмыкову и М. Водовозову (сб. «М. Горький на родине». Горький, 1937, стр. 89). На одном из листов альбома, в котором гости Репина в «Пенатах» оставляли свои записи, Каррик 23 июля 1905 г. набросал шарж на Николая II, а на следующий день Горький написал под ним: «Кто сей урод?» (воспроизведение этого листа см.: И. С. Зильберштейн. Репин и Горький. М.— Л., 1944, стр. 45; ср. также стр. 59). После Октябрьской революции Каррик эмигрировал.

[2] Шарж Каррика на Андреева напечатан в журнале «Леший», 1906, № 1; в этом же номере журнала был помещен и шарж Каррика на Горького. В лицевом счете Андреева, хранящемся в ф. «Знания» (АГ), есть запись: «31 октября 〈1905〉 для Каррика — 25 р.». Аналогичная запись имеется и в лицевом счете Скитальца. По-видимому, концом октября 1905 г. нужно датировать и публикуемую записку Горького о Каррике.

138. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Берлин. 28 декабря 1905/10 января 1906 г.〉

Милый Алексеюшка!

Прочел в газетах эту гнусную вещь о Савве, его деньгах, смерти — и о тебе с Марией Федоровной[1]. Помнишь, говорил я — при самодержавии тебя сажают, а при конституции — заедят тебя блохи. В этих клеветах — о твоем антисемитизме, о этих деньгах — есть уже нечто конституционно-демократическое. Ты теперь вроде марктвеновского кандидата в губернаторы[2], и кончится тем, что на улице тебя окружит сотня еврейских ребят, нанятых «Новым временем», и закричит: папа! папа! Тут будет и символ и явное доказательство твоих семитических симпатий!

А в общем — отвратительно. Мне особенно больно за Марию Федоровну; распространяться не буду. Поцелуй ей от меня руку и скажи, что письмо ее — в СПб.— мы получили, и было оно — надолго — последним приветом от друзей[3]. Ибо наступила потом забастовка и мы около месяца не получали никаких вестей из Москвы.

Москва! Не знаю, может быть, я слишком оптимистичен, но я не верю в поражение. Оттуда, из Москвы, доносятся сейчас очень унылые голоса, но я не придаю им значения. Скажи, как ты думаешь?

Если хочешь особенно полюбить Россию, приезжай на время сюда, в Германию. Конечно, есть и здесь люди свободной мысли и чувства, но их не видно — а то, что видно, что тысячами голосов кричит в своих газетах, торчит в кофейнях, хохочет в театрах и сбегается смотреть на проходящих солдат, все это чистенькое, самодовольное, обожествляющее порядок и шуцмана, до тошноты влюбленное в своего kaiser'а — все это омерзительно. На всю Германию, с ее сотнями газет, есть четыре-пять органов, сочувствующих русской революции. Но их и читают только люди партий. А все остальное, либеральное, консервативное — ненавидит революцию. Что они пишут! «Новое время» — единственный источник их мудрости. Сволочи!

22-го января (на наше 9-е) здесь ожидают демонстрации, устраивают социал-демократы и готовят, говорят, даже пушки[4]. И я решил остаться — посмотреть. Но не скажу, чтобы был тронут. Конечно, память, чествование и все-таки — но почему в течение девяти московских дней здесь не поднялось ни одного голоса против зверства русского правительства? Не было ни одного митинга,— да ничего. Только злорадное, торжествующее шипение газет, поднятие бумаг на бирже (цена крови), да горькие слезы об участи остзейских баронов. Сегодня в утреннем «Vossische Zeitung» на двенадцать страниц — три строки о России и из них полторы (крупным шрифтом) о том, что никто из немцев не пострадал[5].

Вчера я должен был читать; явился — распорядители докладывают, что полиция собрания не разрешила. Совсем как в России, даже хуже. У нас хоть скандальчик бы устроили, а тут — разошлись тихо, благородно, как в царствии небесном.

Смотрел здешние театры. Лучший — Lessings. Дивные актеры; художественное, тонкое, осмысленное исполнение. «Ткачи»[6] — хорошо до того, что можно на сцену полезть. Kleines theater, судя по тому, как играют «На дне»,— плохо. Говорят, что при Рейнгарте[7] играли «Дно» лучше, но сейчас — отвратительно. Много выпущено в последнем акте; музыка для «Солнце всходит» своя, немецкая, омерзительная и поется разноголосо, дико-пьяными голосами; весь художественно-философский смысл пьесы — утрачен. Спекулируют на рвань, на опорки, на какой-то зоологический интерес. Хороши барон и Лука; недурен — актер; остальные — идиоты.

ГОРЬКИЙ ЧИТАЕТ СВОЮ ПЬЕСУ «ДЕТИ СОЛНЦА», НАПИСАННУЮ ВО ВРЕМЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Рисунок И. Е. Репина, Куоккала, 5 июня 1905 г.

Изображены (слева направо): В. В. Стасов, А. И. Куприн, Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский, Ф. Д. Батюшков

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Ну — крепко жму руку. Письмо нескладно — ибо до него должно было быть другое письмо: о странном характере наших с тобою отношений за последнее время — в Финляндии. Но я не знаю — хочешь ли ты сейчас об этом говорить?

Твой Леонид

⟨*Сверху текста*: Berlin, Lützow-Strasse. 46. III, Leonid Andrejew⟩.

Датируется днем выхода газеты «Vossische Zeitung» (см. прим. 5).

[1] 6 января 1906 г. Горький писал Е. П. Пешковой в Ялту: «Черносотенная пресса травит меня вовсю ⟨...⟩ „Слово" сообщило читателям, что я свел с ума и убил С⟨авву⟩ Морозова, украв у него предварительно 3 миллиона. Вторгаются в личную жизнь и вообще щупают со всех концов — где больнее» («Архив Горького», т. V, стр. 170). Предлогом для кампании буржуазной прессы против Горького послужил завещанный С. Т. Морозовым М. Ф. Андреевой страховой полис в 100 000 рублей. Полис был опротестован родными покойного Морозова. Адвокат П. Н. Малянтович вел и выиграл дело в пользу Андреевой. Полученные по полису 60 000 рублей Андреева через Л. Б. Красина передала в кассу РСДРП («Мария Федоровна Андреева. Переписка, воспоминания, статьи, документы...». Изд. 2-е. М., 1963, стр. 110, 115—116).

[2] Имеется в виду рассказ Марка Твена «Как меня выбирали в губернаторы» (1870) (см. Марк Твен. Собр. соч., т. 10. М., Гослитиздат, 1961, стр. 200—205).

[3] Письмо М. Ф. Андреевой к Андрееву — неизвестно.

[4] 24 декабря 1905 г. было опубликовано обращение Международного социалистического бюро о проведении массовых демонстраций 21 или 22 января в первую годовщину русской революции. От немецкой социал-демократии обращение подписали Август Бебель и Пауль Зингер. 17 января 1906 г. произошла всеобщая политическая стачка в Гамбурге. 21 января 1906 г. в Берлине и его окрестностях в день «Красного воскресенья» состоялось 95 митингов, на которых с речами выступили Бебель, Дитц и Ледебур (см. Л. Штерн и Р. Зауэрцапф. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на развитие революционной борьбы в Германии.— Сб. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. II. М., 1956, стр. 20, 27, 28).

[5] «Vossische Zeitung» от 10 января 1906 г. Речь идет об утреннем выпуске берлинской газеты, на первой странице которой была напечатана под рубрикой «Волнения в России» заметка, что 9 января в Ростове н/Дону во время беспорядков никто из немецких подданных не пострадал.

[6] «Ткачи» — пьеса Г. Гауптмана.

[7] Макс *Рейнгардт* (1873—1943) — режиссер и директор берлинского Kleines Theater.

Премьера «На дне» состоялась в Kleines Theater 10(23) января 1903 г. Поставленный М. Рейнгардтом спектакль имел большой успех. Пьеса шла под названием «Nachtasil» ⟨«Ночлежка»⟩. См. М. Сукенников. «На дне» Горького в Берлине.— «Новости дня», 1903, № 7042, 15 января. Горький 1 августа 1903 г. в письме к Рейнгардту выразил искреннюю благодарность за близкое к русской действительности изображение типов и сцен в пьесе. Горький выслал Рейнгардту и актерам свои портреты и альбом снимков артистов Художественного театра — исполнителей в постановке «На дне» в Художественном театре (XXVIII, 283—284).

1906

139. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Берлин. 2 ...5/15 ... 18 марта 1906 г.⟩

Что Савва похож на меня — сие не суть важно[1], но что наши отношения «по причинам совершенно непонятным для тебя изменились» — это важно. И — печально.

Расходиться нам — не следует, ибо оба мы друг для друга можем быть весьма полезны — не говоря о приятном. Почему изменились твои отношения ко мне — не ведаю, а за себя могу, по правде, сказать вот что: сумма моих отношений к тебе есть нечто очень твердое и определенное, эта сумма не изменяется ни количественно, ни качественно, она лишь перемещается внутри моего «я» — понятно?

Живя жизнью более разнообразной, чем ты, я постоянно и без устали занят поглощением «впечатлений бытия»[2] самых резко разнообразных, порою обилие этих впечатлений массой своей отодвигает прежде сложившиеся в глубь души — но не изменяет созданного по существу. Это очень просто. Вот и всё, что я могу сказать тебе об «отношениях».

Скоро я отсюда уеду и уеду я тоже в Швейцарию — встречу ли я тебя где-либо? Очень хотелось бы прочитать пьесу![3] По получении сего сообщи на Ладыжникова, где будешь[4].

Я, по обыкновению, занят, как лошадь. Выступаю здесь в публичных чтениях и на частных банкетах, но — не сто́ит овчинка выделки, а посему недели через две я еду уже прямо в Америку[5]. Хочешь вместе? Все равно, в Россию возвращаться тебе теперь невозможно, как ни верти. Жить там — негде.

Весной начнется отчаянная катавасия — это вне сомнения.

В Америке, конечно, еще хуже, чем в Пруссии. А — может и лучше? Посмотрим.

Судишь ты обо мне не очень глубокомысленно. Я социал-демократ, потому что я — революционер, а социал-демократическое учение — суть наиболее революционное. Ты скажешь — «казарма»! Мой друг — во всякой философии — важна часть критическая, часть же положительная — даже не всегда интересна, не только что важна.

Анархизм — нечто очень уж примитивное.

Отрицание ради утверждения абсолютной автономии моего «я» — это великолепно, но ради отрицания — не остроумно. В конце концов — анархизм мертвая точка, а человеческое «я» суть начало активное — даже в самом отрицании такого и иным быть не может, что доказано индусами.

А пьесу прочитать интересно.

Сижу я около Берлина, сочиняю политические письма к Европе и учусь говорить по-немецки. Язык — нравится. Точный язык. Сегодня я узнал, что такие собственные имена как принц, князь, дурак, бык — одного и того же склонения.

Читал я тут в театре — был принц и аплодировал мне[6]. И Бюлов аплодировал[7]. Сие приемлю с удовольствием и отплачу — прежестоко. Заграница дает вообще очень много, и я доволен, что уехал из России, где

меня ожидала тюрьма и процесс, который мог кончиться не особенно приятно. Когда ворочусь из Америки — сделаю турне по всей Европе — то-то приятно будет!

А ты — живи здесь. Ибо в России даже мне стало тошно, на что выносливая лошадка. Главное, неприятное и даже отвратительное — это люди либеральных убеждений. Человек либеральных убеждений — это средина туловища, включительно с той его частью, которую, живя в культурной стране, я не решусь назвать вслух.

Засим — до свидания. Брось думать об «отношениях». Если в лесу стоят два дерева выше других — как бы далеко они ни стояли друг от друга — все равно они будут кивать одно другому головами в бурю, они будут видеть друг друга и в тихую погоду. И днем, и ночью.

Пожми руку Александры Михайловны — очень милого и хорошего человека, коему кланяюсь. Маруська, мой язык и секретарь, напишет особо.

Addio!

А.

Датируется по содержанию. Ответ на недошедшее до нас письмо Андреева.

[1] Речь идет о пьесе Андреева «Савва». В ИРЛИ хранится машинописный экземпляр пьесы с пометой: «Мюнхен. 10/23 февраля 1906 г.». В письме к секретарю редакции «Золотого руна» А. А. Курсинскому из Берлина от 16 сентября 1906 г. Андреев подчеркивает: «Мне лично Савва-человек очень нравится. Он не „герой" мой — таковым я могу назвать только Тюху — но он силен, полон ненависти к существующему, непримирим, и за это я люблю его. За это же люблю я и Царя Ирода, и не знаю — кого больше люблю» («Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119, 1962, стр. 392). Анализ идейного содержания «Саввы» дан в письме Андреева к Немировичу-Данченко от 4 апреля 1906 г. (там же, стр. 385—386. См. публикацию письма в разделе «Андреев о Горьком», прим. 1 к письму 77). В июне того же года, продолжая переговоры о постановке «Саввы» Художественным театром, Андреев писал Станиславскому: «...из публики, читателей многие серьезно подумают, что это — призыв к анархии. А это — еще раз и еще раз трагическое жизни, тоска о светлом, загадка смерти. Я знаю, что многие из читавших не заметили Тюху — Тюху, истинного героя этой драмы» (там же, стр. 382). 10 ... 15/23 ... 28 марта 1906 г. Андреев читал «Савву» Горькому в Глионе. Об отношении Горького к этому произведению и образу Саввы свидетельствует письмо к Ладыжникову (от середины марта 1906 г.), в котором Горький называет «Савву» «самым крупным и интересным по задаче» из последних произведений Андреева («Архив Горького», т. VII, стр. 136—137). Позднее Горький отрицательно оценивал пьесу (см. его воспоминания об Андрееве, настоящий том, стр. 388). Считая, что Андреев в Савве исказил черты талантливого юноши Уфимцева, Горький вместе с тем выделял «изумительно написанные роли» Царя Ирода, послушника Васи, называл Савву и Царя Ирода очень большими и трагическими фигурами. Рукопись «Саввы» Горький увез с собой в Америку. В России постановка «Саввы» на сцене была запрещена 12 октября 1906 г. на основании доклада цензора Верещагина (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 26, ед. хр. 25, л. 206—206 об.). 27 февраля 1908 г. на заседании Петербургского цензурного комитета цензор Горяинов предложил вырезать из штутгартского издания «Саввы», распространявшегося в России, страницы, содержавшие резкие отзывы главного героя пьесы о религии (там же, ф. 779, оп. 4, ед. хр. 307, л. 485—485 об.). Постановка «Саввы» была осуществлена 12 апреля 1907 г. в Териоках труппой В. Р. Гардина (режиссер В. Э. Мейерхольд). Андреев, вернувшийся весной 1907 г. из Италии в Россию и поселившийся в Финляндии, был на одной из репетиций и остался недоволен трактовкой пьесы: «В „Савве" надо искать реалистического решения темы, а у вас — мистическая символика» (сообщено В. Р. Гардиным. См. также: И. Л. Цитрон. В гостях у Леонида Андреева.— «Одесские новости», 1907, № 7290, 27 июля). Успеха премьера в Териоках не имела (см. беседу Андреева с корреспондентом петербургской газеты «Сегодня», 1907, № 328, 20 сентября). Столь же холодно была принята пьеса в Харбине 22 июня 1907 г. (постановка Художественно-артистического театра). «Савва» переведен на ряд иностранных языков и ставился за рубежом (см., например, «Новости сезона», 1908, № 1818, 25—26 сентября).

О «Савве» см. также прим. 2 к письму 141 и наш комментарий в сб. «Драматургия „Знания"». М., «Искусство», 1964, стр. 567—572.

[2] Цитата из стихотворения Пушкина «Демон».

[3] Горький и М. Ф. Андреева, направляясь в США, 8/21 марта 1906 г. приехали из Берлина в Глион (Швейцария) и остановились в том же отеле «Монт-Флери», где жил Андреев. 21 марта/3 апреля Горький и М. Ф. Андреева уехали в Париж, а 23 марта/5 апреля на пароходе «Фридрих Вильгельм Великий» отплыли из Шербурга в Нью-Йорк («Летопись», I, стр. 590—591 и 593).

ГОРЬКИЙ
Шарж В. В. Каррика
«Леший», 1906, № 1

Максимъ Горькій.

[4] Переписка Андреева с Ладыжниковым утрачена.

[5] 25 февраля/10 марта 1906 г. Горький выступал на литературном вечере в Шарлотенбурге (окраина Берлина) с чтением своих произведений. Чтение состоялось в «Deutsches Theater». Горький читал «Легенду о Данко» из рассказа «Старуха Изергиль» и отрывки из третьего акта «На дне». В вечере принимали участие М. Ф. Андреева, В. И. Качалов, И. М. Москвин и немецкий актер Шильдкраут. Среди присутствовавших находился К. Либкнехт. Вырученные деньги предназначались для партии большевиков («Летопись», I, стр. 588).

[6] Вильгельм Фридрих Виктор (1882—1951) — кронпринц, старший сын императора Вильгельма II.

[7] Кн. Бернгард *Бюлов* (1849—1929) — реакционный государственный деятель кайзеровской Германии, дипломат. В 1900—1909 гг. занимал пост рейхсканцлера.

140. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нью-Йорк. 29 марта/11 апреля 1906 г.〉

Вот, Леонид, где нужно тебе побывать,— уверяю тебя. Это такая удивительная фантазия из камня, стекла, железа, фантазия, которую создали безумные великаны, уроды, тоскующие о красоте, мятежные души, полные дикой энергии[1]. Все эти Берлины, Парижи и прочие «большие» города — пустяки по сравнению с Нью-Йорком. Социализм должен впервые реализироваться здесь — вот что прежде всего думаешь, видя эти изумительные дома, машины и пр.

И — представь — вчера же в первый день приезда я уже познакомился с социалистом-миллионером. Здесь, оказывается, такие монстры не редкость[2].

А в рабочих тут стреляют, как во всяком благоустроенном государстве — ладно!

Сейчас стачка 500 тысяч углекопов. Капиталисты говорят: затратим биллион, но не уступим.

Океан — лучше, чем о нем пишет Бальмонт[3], много лучше. Океан это нечто — после чего ожидаешь необычного, невероятного — и даже Америка не удовлетворяет после океана. Хотя Нью-Йорк — чудо. Мы живем в 9-м этаже 14-этажного дома. Вид из окон — поражающий: улица Бродвей тянется верст на пять, Центральный парк, море домов, Гавань и Гудзонова река — все это у твоих ног.

И из груд темных кварталов поднимаются к небу дома в 28, в 33 этажа. Чудовищно все это.

Жму руку. Кланяюсь Александре Михайловне. Пиши.

А.

Письмо написано на бумаге со штампом нью-йоркского отеля «Бельклер». Датируется днем приезда Горького в Нью-Йорк 28 марта/10 апреля 1906 г. («Летопись», I, стр. 596).

[1] Об отношении Горького к Америке — см. далее письмо 142.

[2] Г. Вильшайр (Генри Гэйлорд; 1861—1927)—финансист, пайщик золотопромышленного предприятия; с 1900 г. издатель в Нью-Йорке журнала «Wilshire Magazine». «Здесь такой социализм процветает,— писала М. Ф. Андреева Пятницкому из Адирондакса 28 августа 1906 г., имея в виду Г. Вильшайра,— который у нас в России показался бы просто жульничеством» («Мария Федоровна Андреева», стр. 114).

[3] Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867—1942) — поэт-символист и переводчик. Горький имеет в виду стихотворение «Воззвание к океану» (К. Бальмонт. Будем как солнце. Книга символов. М., 1903). Первую оценку поэзии Бальмонта Горький дал в «Беглых заметках» («Нижегородский листок», 1896, № 250, 10 сентября). Горький писал, что нервозно-болезненные стихи Бальмонта, Мережковского, Гиппиус лишены «всякого социологического значения» и неизмеримо далеки «от истинного искусства», имеющего «своей целью воспитание духа и чувств человека» (XXIII, 182, 183). Однако, продолжая внимательно следить за творчеством Бальмонта, Горький в новой рецензии («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 июля) возражал против односторонне-отрицательного отношения к сочинениям этого «талантливого и странного поэта», хотя и отмечал, что «размеры и общественное значение его таланта трудно понять ввиду крайней туманности мышления г. Бальмонта и странного, быть может, искусственного стремления к символизации» (М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 43). В 1899—1908 гг. Бальмонт активно сотрудничал в общедоступных журналах. См. его переписку с Миролюбовым (ЛА, вып. 5, стр. 146—171). За чтение (в апреле 1901 г.) на литературном вечере стихотворения «Маленький султан», написанного под впечатлением избиения студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г., Бальмонт был подвергнут административной высылке на два года «из столиц и их губерний» без права проживать в университетских городах. Об оценке этого стихотворения В. И. Лениным см. в статье А. Дун «О двух стихотворениях, предназначавшихся для ленинской „Искры“» («Русская литература», 1963, № 3, стр. 161—163). В ноябре 1901 г., в Крыму, произошло личное знакомство Бальмонта с Горьким. «Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад, ибо — жить здесь скучно»,— писал Горький Поссе из Олеиза («Архив Горького», т. VII, стр. 30). Встречи с Горьким произвели большое впечатление на Бальмонта (см. его письмо к Горькому от 21 декабря 1901 г.— МИ, т. I, стр. 192). Надеясь сблизить Бальмонта с демократической литературой, Горький пригласил его в «Знание» в качестве переводчика трехтомного Полного собрания сочинений Шелли, вышедшего в течение 1903—1907 гг. Кроме того, Бальмонт выполнял для «Знания» работу по литературному редактированию переводов «Истории живописи в XIX веке» Р. Мутера (тт. II и III были переведены его женой, Е. А. Бальмонт). В октябре — ноябре 1905 г. четыре стихотворения Бальмонта были опубликованы в газете «Новая жизнь» («Русскому рабочему», «Поэт рабочему», «Начистоту» и «Мещане»). При непосредственном содействии Горького в марте 1906 г. тиражом в 21 000 экз. в дешевой библиотеке «Знание» вышли «Стихотворения» Бальмонта. Тоненькая книжечка включала двенадцать стихотворений. Издание было конфисковано (см. письмо Пятницкого к С. И. Мицкевичу от 20 апреля 1931 г.— АГ). Эмигрировав из России в 1906 г., Бальмонт в Париже сотрудничал в «Красном знамени» А. В. Амфитеатрова, а в 1907 г. выпустил в свет сборник стихов «Песни мстителя». Стихи Бальмонта, посвященные революционному пролетариату, были встречены язвительными насмешками в кругах символистов (см., например, рецензии на «Стихотворения»— В. Брюсова в «Весах», 1906, № 9; Л. Столицы в «Золотом руне», 1906, № 10). Отвечая критикам, иронизирующим над появлением имени Бальмонта на страницах большевистской газеты «Новая жизнь», Горький в статье «По поводу» восклицал: «Они не могут вместить в свои души эту радость живого человека, который, наконец, почувствовал, что на земле есть люди, кроме мещан, отравивших всю жизнь своей пошлостью, почувствовал силу пролетария и поклонился ему искренним поклоном поэта» («Новая жизнь», 1905, № 14, 16 ноября).

Как показало последующее творчество Бальмонта, его близость к революции была временной и непродолжительной. После Октябрьской революции он эмигрировал. Уничтожающую оценку позднего творчества Бальмонта — см. в письмах Горького к Р. Роллану от 22 и 23 марта 1928 г. (XXX, 83—87).

141. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

〈Эсбо. Конец июня 1906 г.〉

Милая моя тетя Маруся! Милый мой дядя Алексей! Милые вы мои американцы! Не пишу вам по той простой причине, что лень писать. И притом я не верю, что письма в Америку получаются. Как это ни странно, но это — факт! И жара, такая жара, что в Финляндии, как в Африке, завелись крокодилы. Сам видел, иначе бы никому не поверил. А кроме того комары — у нас целый день точно из пушки стреляют, это мои близкие и родные бьют себя по лбу и по другим звонким частям тела. Я, конечно, этого не делаю. С тех пор как Россия вошла в семью правовых государств — я уничтожаю комаров запросами. Только что сядет мне на щеку, я сейчас начинаю:

Известно ли комару, что он сел мне на щеку?
Если известно, то какие принял он против этого меры?
Если же неизвестно, то почему неизвестно?

Потом кричу:

— Вон, кровопийца! В отставку, в отставку!

Но рукам воли не даю, потому что живу в правовом государстве. И пусть рожа у меня в шишках, я горжусь ими — ибо это шишки мудрости. Почешусь — и перехожу к очередным делам:

Известно ли комару, что он сел мне на нос?
Если известно, то...

И до чего, брат, комары меня боятся! Руки и ноги у них трясутся, как меня увидят!

Вот тоже насчет клопов. Как тебе известно, мы отменили смертную казнь. Попробовал убеждением.

Прочел собранию поэму В. Иванова «Прометей»[1] — пришли в экстаз и откусили мне ногу. Тогда начал я им читать думский отчет — вообрази, меньше кусаются. Говорят, нет аппетита. Такие скучные, бледные. Куснет и выплюнет. Прямо через силу ест, жалко смотреть.

И от этого я еще не писал. Понимаешь — противно и скучно писать.

Первый план занимают кадеты, лезут в глаза, и это такая сволочь! Выдохлись с невероятной быстротой. И все остальное ушло куда-то вниз, а на поверхности вот уж месяц нечто совершенно неизменное. Ниагара на фотографии: и движется и стоит. Можно сидя у себя в комнате составить номер газеты.

Вообще же, конечно, хорошо. Чего не успело сделать правительство, то доделывают кадеты, Дума. Ежели настроишь свой ум философски, то даже весело посмотреть: с какой фатальной неизбежностью старый мир негодяев и дураков, умников и благородных, взявшись за ручки, ковыляет к яме. Любопытное положение, при котором и направо, и налево, и впереди — всюду революция. Нельзя сделать шага, который не был бы полезен революции.

Не посылал тебе вырезок — нечего вырезать. И все годится и ничего не годится. Нужно посылать целую газету. Но ты их, вероятно, получаешь в достаточном количестве? Врут про тебя: то ты заболел, то ты завтра

будешь в СПб. Я первое время верил, что ты едешь в Россию — и поэтому еще не писал.

Милые вы мои! Если и не писал, то душа моя ежедневно бывала у вас. Может заметили: этакая толстенькая, рябенькая, на один глаз кривая? Все думаю: ну как это вы там? Бостон, Чикаго — как это так! Бостон и Чикаго? Чудно́!

Был у меня Пятницкий[2] и прочел я твоего миллиардера. Понравилось. И насчет Франции — Константин Петрович рассказывал — очень понравилось[3]. И вся эта затея «интервью» великолепна. Ты целишь высоко, и момент как раз подходящий для такой цели, и тон ты взял настоящий «европейско-американский». Urbi et orbi*. Я очень рад, что «Савва» будет в одном сборнике с некоторыми из этих твоих вещей; а с другой стороны жаль, что выйдут они не разом — в серии они особенно убедительны и важны. Нечто такое, что, на мой взгляд, расчленять не следовало бы. Может и ошибаюсь.

Увы, мой друг! Литераторы не одобряют «Саввы». Но я — при особом мнении и нахожу, что хорошо написано. Хорошо! Честное слово хорошо! А вот поправлю — Пятницкий заставил меня летом работать!— еще будет лучше. Знакомство ли с Юшкевичем, то ли, что в Берлине я видел жирафа,— но стал я самомнителен и надменен. И горд. И заносчив.

Живем мы около Гельсингфорса, в шхерах, и дача у нас плохая. Верите, не нравятся мне шхеры. Точно на лугу корова многократно неприлично сделала — зелено, кругло, плоско и однообразно. И нет бурь — а я не могу без бурь. Ты вот писал: океан — боже мой, я во сне его вижу, этот проклятый океан! Когда нет под рукой Юшкевича или жирафа, то необходим хоть океан, чтобы не заглохло в душе чувство величественного. Без величественного, брат, как без огурца, не проживешь и кадетом сыт не будешь — это еще Соломон сказал.

В литературе — аграрные беспорядки и карательные отряды. Скитальцева «Огарки» вещь очень слабая, наивная[4]. Буду еще писать. Пересылаю то, что прислано мне[5]. Целую крепко. Да: хотел было я после вашего американского инцидента написать вам: «с чувством глубокого негодования»... да уж очень смешно! Милые мои друзья, среди каких идиотов мы живем![6]

Твой, ваш Леонид

Helsingfors, statia Esbo villa Holw. L. Andryëw.

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

[1] Вячеслав Иванович *Иванов* (1866—1949) — поэт-символист; один из теоретиков русского символизма. Иванову принадлежат статьи о произведениях Андреева: «Новая повесть о богоборстве. Новая повесть Леонида Андреева» (о «Жизни Василия Фивейского»).— «Весы», 1904, № 5, стр. 45—47; «О „Красном смехе“ и „правом безумии“» — там же, 1905, № 3, стр. 43—47. Рафинированная, книжная культура символистов, основанный Ивановым в 1905 и просуществовавший до 1907 г. кружок «Ивановские среды», на котором читались доклады по теории мифотворчества, трагедии и возрождался «культ» Диониса,—все это было органически чуждо Андрееву. В письме к Чулкову из Мюнхена около 28 января 1906 г. Андреев язвительно высмеивал поэзию символистов, а о стихах Вячеслава Иванова писал: «...это не стихи — это икота, подергивания, корчи, глотания еловых шишек с острого конца. Мне его страшно читать. Мне хочется пойти и бить его по горбу как человека, который подавился костью. В нем огромная искренность, но какой толк от такой искренности?» («Письма Леонида Андреева», стр. 21). С 1924 г. Иванов жил в Италии.

[2] Пятницкий посетил Андреева во Фрисансе 16 июня 1906 г. и вел с ним переговоры о передаче рукописи «Саввы» «Знанию». В дневнике Пятницкого под этим числом записано: «„Савва“ отдан в „Факелы“ по 500 р. за лист. Предлагаю с XI сборника по 1000 с листа. Леонид отдает в XI сборник. Горькому больше всего нравится „Царь Ирод“. В лице Саввы изображен Горький» (АГ). «Савва» был напечатан в сб «Знание» на 1906 г., кн. 11.

* Городу и миру (лат.).

[3] В Америке Горький написал памфлеты «Один из королей республики» и «Прекрасная Франция», включенные им в цикл «Мои интервью». В России с цензурными изъятиями впервые напечатаны в сб. «Знание» на 1906 г., кн. 13.

[4] «Огарки. (Типы русской богемы)» — повесть Скитальца, была опубликована в сб. «Знание», кн. 10, 1906.

[5] О чем идет речь — не установлено.

[6] Имеется в виду травля Горького в США, поднятая реакционной печатью. В организации этой травли принимало участие и русское посольство в США (Р. Ганелин. М. Горький и американское общество в 1906 году.— «Русская литература», 1958, № 1, стр. 200—222).

142. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Адирондакс. Июль — август 1906 г.〉

Вот ты говоришь в шхерах бурь нет — чего еще надо?

Счастливцы вы, русские, делаете революцию у себя дома, на своем родном языке, а вот я — через переводчиков. Неудобно, а все-таки действует.

Мой друг, Америка изумительно-нелепая страна, и в этом отношении она интересна до сумасшествия. Я рад, что попал сюда, ибо и в мусорной яме встречаются перлы. Например, серебряные ложки, выплеснутые кухаркой вместе с помоями.

Америка — мусорная яма Европы. Сюда теперь едут люди, оставившие душу, ад-то дома. Уже нет того эмигранта, который ловил тигров за хвосты и на скаку откусывал хобот у слонов.

АНДРЕЕВ

Шарж В. В. Каррика

«Леший», 1906, № 1

И нет слонов — их никогда не было. Тигры же — Скитальевой работы[1].

Голубчик мой — я могу написать об Америке десять томов по 500 страниц и — ни одного слова доброго! Подумай, как это несправедливо и как хорошо!

Русская революция — если посмотреть на нее даже издали — великолепная революция!

Она заварилась надолго. Мы с тобой однажды умрем, и умрут все попы и все певчие, кои будут служить литии о нас, а она все еще будет жить. Факт. Ты увидишь.

Теперь мы, русские, потащим мир вперед, а старая сводня Франция будет говорить:

— Ах, когда я была молодая, то я тоже однажды отколола у короля голову...

И, подумав, прибавит, стерва:

— Но не помню — зачем я это сделала...

И немец, за которого она выйдет замуж, скажет ей философски:

— Ты была молода — и потому делала глупости. Я никогда не был молод и потому люблю своего кайзера, хотя у него одна рука сухая и из уха что-то течет.

Я здесь все видел — М. Твена[2], Гарвардский университет, миллионеров, Гиддингса[3] и Марка Хаша[4], социалистов и полевых мышей. А Ниагару — не видал. И не увижу. Не хочу Ниагары.

Лучше всего здесь собаки, две собаки Нестор и Дёори. Затем — бабочки. Удивительные бабочки! Пауки хороши. И — индейцы[5]. Не увидав индейца,— нельзя понять цивилизацию и нельзя почувствовать к ней надлежащего по силе презрения. Негр тоже слабо переносит цивилизацию, но негр любит сладкое. Он может служить швейцаром. Индеец ничего не может. Он просто приходит в город, молча, некоторое время смотрит на цивилизацию, курит, плюет и молча исчезает. Так он живет и когда наступит час его смерти,— он тоже плюется, индеец!

Жизнь — прекрасна, мой друг, вот что внушает индеец. Ты видел Галиена[6]? Это надо посмотреть. В нем есть индеец.

Еще хороши в Америке профессора и особенно психологи. Из всех дураков, которые потому именно глупы, что считают себя умными, эти самые совершенные. Можно ездить в Америку для того только, чтоб побеседовать с профессором психологии. В грустный час ты сядешь на пароход и, проболтавшись шесть дней в океане, вылезаешь в Америке. Подходит профессор и, не предлагая понести твой чемодан,— что он, вероятно, мог бы сделать артистически,— спрашивает, заглядывая своим левым глазом в свою же правую ноздрю:

— Полагаете ли вы, сэр, что душа бессмертна?

И если ты не умрешь со смеха, спрашивает еще:

— Разумна ли она, сэр?

Иногда кожа на спине лопается со смеха[7].

Интересна здесь проституция и религия. Религия — предмет комфорта. К попу приходит один из верующих и говорит:

— Я слушал вас три года, сэр, и вы меня вполне удовлетворяли. Я люблю, чтобы мне говорили в церкви о небе, ангелах, будущей жизни на небесах, о мирном и кротком. Но, сэр, последнее время в ваших речах звучит недовольство жизнью. Это не годится для меня. В церкви я хочу найти отдых... Я — бизнесмен — человек дела, мне необходим отдых. И потому вы сделаете очень хорошо, сэр, если перестанете говорить о... трудном в жизни... или уйдете из церкви...

Поп делает так или эдак, и все идет своим порядком.

Но я больше не могу писать, хотя пишу с удовольствием. Иногда надо уснуть, однако.

До свидания, если тебя не испортят из пушки!

Кланяюсь милой Александре Михайловне. Ты не написал о ней ни слова.

Все здоровы.

Addio! А.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] См. об этом прим. 4 к воспоминаниям Горького об Андрееве.

[2] Встреча Горького с Марком Твеном произошла на банкете в честь приезда Горького, состоявшемся 29 марта (11 апреля) 1906 г., на котором находились представители интеллигенции США. Марк Твен и Горький обменялись приветствиями («Летопись», I, стр. 597).

[3] Франклин *Гиддингс* (1855—1939) — американский социолог.

[4] Эдвин *Маркхэм* (которого Горький по ошибке назвал Марк Хаш; 1852—1940) — американский поэт, автор поэмы «Человек с мотыгой» (1899). Маркхэм в числе других гостей был на завтраке у Горького в отеле «Бельклер» 31 марта (13 апреля) 1906 г. («Летопись», I, стр. 598). Два письма Э. Маркхэма к Горькому от апреля 1906 г.— см. «Архив Горького», т. VIII, стр. 302—303.

[5] Летом 1906 г. Горький и М. Ф. Андреева жили на даче супругов Мартин в горах Адирондакс (штат Нью-Йорк).

[6] Аксель *Галлен-Каллела* (1865—1931) — выдающийся финский художник (см. о нем раздел «Андреев о Горьком», № 83, стр. 519).

В статье «О Финляндии» («Herold», Берлин, 1907, 27 декабря) Горький отозвался о Галлене как о художнике, соединяющем «стихийную силу первобытного человека с титаническим стремлением к совершенству и пламенной любовью к красоте» (см. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1907, № 10273, 28 декабря).

[7] Ср. впечатления Горького от посещения философской школы недалеко от имения Престонии и Джона Мартин в письме к Пятницкому не позднее 24 августа 1906 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 202—203).

143. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

〈Берлин. 23 сентября 1906 г.〉

Милый мой Алексеюшка! И милая тетя Маруся! Пишу вам кратко, с единственной целью выразить любовь мою. Живу в гостях у Василия Федорыча [1] в Грюневальде, ибо из прекрасной Финляндии пришлось быстро удрать [2]. Много потерялось времени при злоключениях, и теперь стараюсь наверстать, пишу двумя руками. Шуркино здоровье плоховато, а на днях нужно ожидать приращения.

Таковы дела. О настроениях, мыслях и пр., до следующего раза — скоро. Много думаю о вас и очень люблю.

Ваш Леонид

Написал «Елеазара» [3], пишу «Жизнь человека» [4]. Чудно́!

23 сентября
Berlin. Grünewald. Herbertstrasse 26

[1] Ироническое наименование Вильгельма II в памфлете Горького «Русский царь» (VII, 74—75).

[2] См. письмо 144 и прим. 10 к нему. В Берлин Андреев приехал 14 августа 1906 г.

[3] Рассказ «Елеазар» с авторской датой «7 сентября 1906 г.» напечатан в «Золотом руне», 1906, № 11-12, стр. 59—67 и в сб. «Ссыльным и заключенным». СПб., 1907 (на обложке: 1908), стр. 7—30. Отзыв Горького о рассказе в письме 146.

[4] Драма «Жизнь человека», законченная в Берлине в сентябре 1906 г., была первой из задуманного Андреевым цикла философско-символических «представлений». За «Жизнью человека» должны были последовать «Царь-Голод», «Война», «Революция» и заключающая цикл пьеса — «Бог, дьявол и человек». Однако план этот не был полностью реализован. После «Жизни человека» Андреев написал лишь «Царь-Голод» (1907). «Жизнь человека» впервые опубликована в литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник», кн. 1. СПб., 1907; тогда же (без обозначения года) издана Ладыжниковым в Берлине (подробнее о «Жизни человека» — см. комментарий в кн.: Леонид Андреев. Пьесы. М., «Искусство», 1959, стр. 563—569). Отзыв Горького о «Жизни человека» в письме 145.

144. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Берлин. 13 ... 14/26 ... 27 октября 1906 г.〉

Милый мой Алексеюшка! Чрезвычайно, и даже больше того, рад твоему возвращению в Европу [1]. Ибо в Европе мы можем увидеться. Если будешь жить в Италии, около Рождества приеду к тебе в гости; позвал бы тебя сюда, но боюсь, что Василий Федорыч [2] тебя выгонит. Очень я рад, что увидимся и, если бы не инфлуэнца, изобразил бы свою радость в стихах или что-нибудь бы спел. Но сейчас петь не могу и произношение у меня по Куприну: билый бой [3].

Живем мы так. Вообрази: Грюневальд, барская квартира, в которой одних фарфоровых собачек и свиней около миллиона, да 500 тысяч портретов Вильгельма и Бисмарка; принадлежит дача бургомистру, а жил в ней целый год курляндский барон — это в связи с собачками и свиньями настраивает мысль на возвышенный лад. И живут в квартире: мы, акушерка, мать Шуры и мать моя, и все ждем, когда Шура разродится. И невидимо витает тень барона.

Но зато — близко лес, и когда у меня не бывает инфлуэнцы, чумы, антонова огня и вырождения, я езжу на велосипеде и пропагандирую беспорядки среди грюневальдовских белок; одну я уже подговорил не прятать скорлупу от каштанов в бумажку, а бросать ее наземь. Кроме Verlag'а [4] знакомств никаких; бывают случайные проезжающие — например Янсон [5]— но редко. Чувствую жестокую потребность в литературе и литературных разговорах, но вместо того говорю о политике, полевых судах, гешефте, и от этого видимо начинаю вырождаться. Уже пишу фельетоны. Деньги за них редакция платит, но печатать не решается — откладывает до высочайшего повеления о введении республики [6].

С удивительной быстротою написал «Елеазара», рассказ мрачный, как клистирная трубка, и ту самую «Жизнь человека» — произведение, достойное самого внимательного и хладнокровного изучения. На первый взгляд, это — ерунда; на второй взгляд — это возмутительная нелепость; и только на тридцатый взгляд становится очевидным, что написано это не идиотом, а просто человеком, ищущим для пьесы удобных и свободных форм. Когда с Шурой уладится, буду писать «Иуду Искариота», еще несколько рассказов и «Царь-Голод», пьесу, в той же загадочной форме [7].

«Савва» вызывает непонятное раздражение. Один унтер-офицер заявил, что вообще это проповедь разрушения; другие, видимо, статские, ругают его зазнавшимся мальчишкою, щенком, фанфароном, идиотом; серьезные и искренние кадеты, вроде Овсянико-Куликовского, просто признают его сумасшедшим, с явно выраженной манией величия, зачатками религиозного умопомешательства, дегенератом. Чтобы не погрешить против психиатрии, Овсянико-Куликовский даже почтенного Егора Ивановича, папашу, признал сумасшедшим, назвав его болезнь «психической осовелостью». Остальные — тоже сумасшедшие [8]. Общих похвал заслуживает зато Липа как светлое явление. Берлинские театры «Савву» не берут, за отсутствием Handlung'а *; пойдет в Вене.

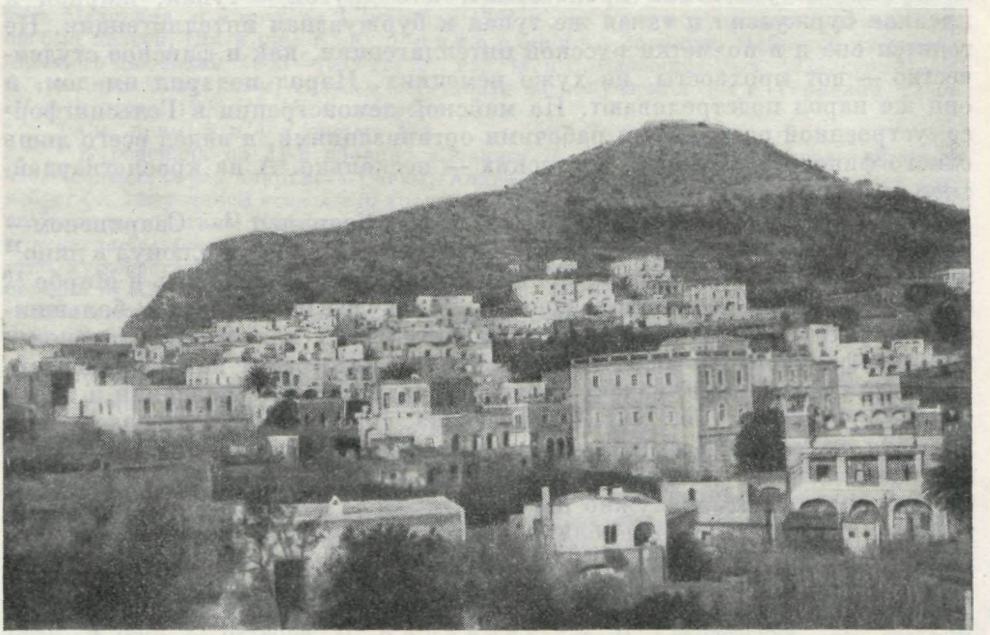
Совершенно неожиданный и своеобразно окрашенный успех имели в Вене «К звездам». Там только что образовался «Свободный народный театр», как говорят некоторые газеты, социал-демократический; и для первого дебюта они поставили «К звездам».

И удивление: все газеты без исключения хвалят, а рабочие листки говорят даже, что «впервые искусство встретилось с народом». И публика, почти сплошь рабочие, доходила «даже до энтузиазма». Вообще успех

* торговли (нем.).

необыкновенный. Одно подозрительно: хвалят все, даже буржуазные органы, хотя и с некоторыми оговорками. Так что и не знаю: радоваться мне или впасть в меланхолию. Животом радуюсь, а в голове — многоточия и знак вопросительный [9].

Сейчас ты начнешь на меня сердиться, ибо говорить хочу — о Финляндии [10]. Милый друг, это очень грустно — но не заслуживает любви твоя Финляндия, это я правду тебе говорю. До Европы и до Америки и ты и я были большими... многоточие, а повидавши, поняли, что это за штука. Не на кого надеяться русской революции; мало друзей у свободы, и нет у нее горячих любовников. Вот и Финляндия. До Свеаборга многое



КАПРИ ВИД ИЗ ОКНА ВИЛЛЫ «СЕТТАНА», ГДЕ ГОРЬКИЙ ЖИЛ в 1906—1909 годах

Фотография Ю. А. Желябужского, 1907 г.

Музей Горького, Москва

от нее ждалось, а что вышло? Я был, к несчастью, там и видел близко всю эту гнусную историю. Одинокая, покинутая Красная гвардия — и огромное, стозевное, предательское большинство. Ведь окажись Финляндия мужественной и благородной, поддержи хотя бы только забастовкой свеаборгское восстание — Петергофа не было бы! Романовых не было бы! А она не только не забастовала, но в лице своих интеллигентных черносотенцев расстреливала красногвардейцев, а в лице крайних партий — отказалась от союза с ними. И погибли бедные красногвардейцы вместе с обманутыми матросами. Я видел этих лояльных финнов, которые толпами шли на охрану железной дороги; я видел этих милых финнов, отказывавших в куске хлеба красногвардейцам, бродившим по лесам. Я слышал, как глупость и злоба и дрянненькое, трусливое, подкупленное манифестом негодяйство шипело о необходимости сидеть тихо, не вмешиваться и беречь свою «финскую свободу» и клялось в ненависти к красногвардейцам. Жить противно становится, глядя на всю эту мерзость. А потом — преследование красногвардейцев и какое торжество раздачи наград покорителям Свеаборга (на той же площади, где Красная гвардия справляла

свои праздники и демонстрации — при полном отсутствии публики; а на торжестве публика, вероятно, присутствовала), а потом безобразия Сената и полиции, избивающей демонстрантов, и, наконец,— радостная и торжественная встреча этих выборгских сопляков, кадетов.

Одним словом, культурный народ. И вся его прежняя борьба с русским правительством, на мой взгляд, лишь доказательство его консерватизма: не за новые права, а лишь за сохранение старых полуправ боролись они. Когда же коснулось дело завоевания новой и широкой свободы, они великолепно сдрейфили и оказались не лучше, а может быть и хуже других, тех же русских. И как везде, с одной стороны слабый, обворованный, малоразвитой умственно пролетариат, и с другой — тупая, жирная и крепкая буржуазия и такая же тупая и буржуазная интеллигенция. Не годится она и в подметки русской интеллигенции, как и финское студенчество — вот прохвосты, не хуже немецких. Народ подарил им дом, и они же народ подстреливают. На майской демонстрации в Гельсингфорсе, устроенной различными рабочими организациями, я видел всего лишь одного финского студента, а русских — несколько. А на красногвардейском митинге не было ни одного.

Конечно, Галлен останется Галленом, а Сааринен [11]— Саариненом— по таланту. Но ведь и в прекрасной Франции, которой ты плюнул в лицо[12] и сделал этим, на мой взгляд, прекрасное и великое дело, есть и Мирбо [13] и даже Жорес[14]. И поверь мне: появись ты сейчас в Финляндии — большинство встретит тебя как врага их спокойствия, их кадетского благополучия, их «финской» свободы. И если тебя там подстрелят как Герценштейна [15], траур, мой друг, наденут немногие, а общественные здания и Сенат разукрасятся флагами. Нет, Алексеюшка, Финляндия — иллюзия, как иллюзия — Америка и многое другое... например, немецкая социал-демократия.

О многом занятном нужно поговорить. Ибо, как ни расходимся мы с тобою, а нет на свете более близкой мне души, чем твоя арзамасско-американская ψυχή*. Когда Шура освободится [16], раскланяюсь с тенью барона и на несколько дней приеду к тебе. О литературе нужно еще посоветоваться с тобою. Иван Павлович [17] (милейший человек!) привезет тебе вместе с этим письмом «Жизнь человека»; прочти и либо письменно, либо устно через него выскажи суждение.

Горячий привет тете Марусе. Хотел бы я вас повидать, чёрт возьми,- каковы-то вы после Америки.

Целую крепко.

Твой Леонид

Датируется по содержанию (см. прим. 1). На письме помета Пятницкого: «Конец 1906 года».

[1] Горький вместе с М. Ф. Андреевой и Н. Е. Бурениным отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Принцесса Ирен» 30 сентября (13 октября) 1906 г. и 13 (26) октября прибыл в Неаполь («Летопись», I, стр. 628).

[2] См. прим. 1 к письму 143.

[3] Цитата из гл. IX «Поединка» Куприна.

[4] Андреев имеет в виду издательство Ладыжникова.

[5] О Яне Эрнестовиче Янсоне — см. стр. 425 настоящ. тома.

[6] Фельетон под заглавием «Палачи» Андреев послал в московскую газету левокадетского направления «Новый путь», выходившую с августа по ноябрь 1906 г. под редакцией Н. Н. Евреинова и Н. А. Демчинского (письмо Андреева к брату Павлу.— ИРЛИ), но он там не появился. Другой фельетон Андреев намеревался отдать «в какую-нибудь петербургскую» газету, «достаточно свободную и смелую» (письмо к нему же.— «Русский современник», 1924, № 4, стр. 129). Фельетон «Палачи» нам неизвестен. Вероятно, это первоначальное заглавие очерка Андреева «Памяти Владимира

* душа (греческ.).

Мазурина. Из частного письма». СПб., тип. «Труд и польза», 1906 (опубликован также в запрещенном и уничтоженном цензурой «Историко-революционном альманахе» изд-ва «Шиповник», под редакцией В. Л. Бурцева. СПб., 1907, стр. 266—270). 6 сентября 1906 г. А. М. Андреева писала Г. И. Чулкову из Берлина о рукописи «Памяти Владимира Мазурина»: «Леонид очень просит вас поместить эту заметку в „Товарище". Если же в „Товарище" почему-либо не удастся — поместите где найдете более удобным. Леонид предоставляет на ваше усмотрение. В крайнем случае можно в нелегальном органе» (ИМЛИ. См. также письмо Андреева к Чулкову от октября 1906 г.— «Письма Леонида Андреева», стр. 12). Владимир Владимирович *Мазурин* (1887—1906)— эсер; в 1906 г. перешел в так называемую «оппозиционную фракцию» этой партии и в качестве руководителя «летучей боевой дружины» предпринял несколько дерзких экспроприаций, из которых наиболее значительной было ограбление 7 марта 1906 г. банка Московского общества взаимного кредита. 29 августа полиции удалось выследить Мазурина, и в ночь на 1 сентября 1906 г., по приговору военно-полевого суда, он был казнен. См. в кн.: Е. Ю. Григорович. Зарницы. Наброски из революционного движения 1905—1907 гг. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1925, стр. 27—29. О суде над Мазуриным Андреев мог узнать из получаемой им в Германии газеты «Новый путь», 1906, № 15, 1 сентября.

[7] См. прим. 3 и 4 к письму 143.

[8] В рецензии на 11-й сборник «Знание» Д. Н. Овсянико-Куликовский писал, что, создавая образ анархиста Саввы, Андреев упростил свою задачу, так как «пренебрег ⟨...⟩ изучением *психологии* анархизма, и все свое внимание сосредоточил на ⟨...⟩ его психопатологии». Называя Савву маньяком «с резкими признаками *мании величия* и *психопатологической наследственности*», Овсянико-Куликовский указывал на родство художественной интуиции Андреева с интуицией Достоевского («Литературные беседы».— «Страна», 1906, № 176, 3 октября). Несколько позже Овсянико-Куликовский посвятил особую статью анализу стиля Андреева (Д. Н. Овсянико-Куликовский. Собр. соч., т. V, изд. 2-е. СПб., 1912, стр. 192—210).

[9] Пьеса «К звездам» была поставлена для рабочих театральной организацией «Freie Volksbühne», основанной в сентябре 1906 г. при социал-демократической газете «Die Arbeiter Zeitung». О необычайном успехе спектакля, вылившегося в демонстрацию интернациональной солидарности австрийских рабочих с русским революционным пролетариатом, сообщали и русские газеты. Так, П. Звездич ⟨П. И. Ротенштерн⟩ в информации из Вены 12 октября рассказывал об огромном впечатлении, произведенном на зрителей монологом Трейча: «В аплодисментах, которыми ответила на него публика, и в ее бешеных криках „браво!" чувствовались не обычные клики одобрения, а как бы чувствовалась клятва, даваемая всей этой аудиторией, исполнить призыв Трейча и подпереть своими руками самое небо, если оно готово будет обрушиться на нас и помешать нам идти вперед» («Русские ведомости», 1906, № 257, 20 октября). См. также: Як. Соснов ⟨Я. Г. Соскин⟩. Русское в Вене.— «Одесские новости», 1906, № 7061, 22 октября; Н. Караваев ⟨Л. Н. Соколовский⟩. «К звездам» Л. Андреева на венской сцене.— «Южный край», Харьков, 1906, № 8928, 1 ноября). «К звездам» прошли в Вене со все возрастающим успехом около тридцати раз (Н. Шебуев. Негативы.— «Русь», 1907, № 119, 30 апреля).

[10] В конце апреля 1906 г. Андреев переехал из Швейцарии в Финляндию. Он был на майской демонстрации в Гельсингфорсе и 8—9 июля на съезде представителей финской революционной «Красной гвардии». Выступая на многолюдном митинге, Андреев протестовал против роспуска Государственной думы и призывал к вооруженному восстанию (Ю. С. Пухов. Андреев и Скиталец в революции 1905 года.— В кн.: «Революция 1905 года и русская литература», стр. 421—424). Подавление стихийно вспыхнувшего Свеаборгского восстания 17—20 июля произвело резкий перелом в сознании Андреева, он две недели скрывался в норвежских фьордах и затем через Стокгольм уехал с семьей в Берлин (письмо Андреева к В. А. Серову из Берлина от 5 сентября 1906 г.—В. А. Серов. Переписка. 1884—1911. Л.—М., 1937, стр. 370, а также письмо к Пятницкому от того же числа в настоящ. томе, стр. 517—518).

[11] Элиэль *Сааринен* (1873—1950) — финский архитектор.

[12] Имеется в виду памфлет «Прекрасная Франция».

[13] Октав *Мирбо* (1850—1917) — французский романист и драматург, печатался в сборниках «Знание». Был близок в своем творчестве к Андрееву как разоблачитель буржуазии. В сборнике «Знание» (кн. 25, 1908) опубликована его комедия «Очаг».

[14] Жан *Жорес* (1859—1914) — историк и выдающийся оратор, крупный деятель международного социалистического движения, руководитель реформистского крыла французской социалистической партии.

[15] Михаил Яковлевич *Герценштейн* (1859—1906) — член партии кадетов, теоретик по аграрному вопросу; депутат Государственной думы, подписал «Выборгское воззвание». Убит черносотенцами 18 (31) июля 1906 г. в Териоках.

[16] Речь идет о предстоявших родах А. М. Андреевой.

[17] Ладыжников.

145. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 21 ... 22 октября /3 ... 4 ноября 1906 г.⟩

Будь я критиком, я написал бы статью о тебе, начав ее так:

«Для меня несомненно, что Л. Андреев в данное время является самым интересным писателем Европы и Америки, и я думаю, что он в то же время самый талантливый писатель двух частей света».

Я без особенных усилий доказал бы это положение путем сравнения и посредством указания на широту захвата твоей мыслью количества явлений и идей.

Затем я сказал бы:

«Каждое его новое произведение есть более или менее крупный шаг вперед в области формы и содержания, вперед, по пути к новому и свободному, но — он торопится, и шаги его неровны. Он слишком торопится, чёрт его возьми!»

И далее я стал бы доказывать тебе, как это вредно для тебя — торопиться. И доказал бы, что для тебя это вреднее, чем для кого-либо другого.

Но я еще не критик.

«Жизнь человека» — это превосходно как попытка создать новую форму драмы. Я думаю, что из всех попыток в этом роде — твоя, по совести, наиболее удачна. Ты, мне кажется, взял форму древней мистерии, но выбросил из мистерии героев, и это вышло дьявольски интересно, оригинально. Местами, как например в описании друзей и врагов человека, ты вводишь простоту и злую наивность лубка — это тоже твое и это — тоже хорошо. Язык этой вещи — лучшее, что когда-либо тебе удавалось.

Но — ты поторопился. В жизни твоего человека — почти нет человеческой жизни, а то, что есть — слишком условно, не реально. Человек поэтому вышел очень незначителен — ниже и слабее, чем он есть в действительности, менее интересен. Человек, который так великолепно говорил с Ним, не может жить такой пустой жизнью, как он живет у тебя — его существование трагичнее, количество драм в его жизни — больше. В жизни твоего человека я вижу одну драму — смерть сына. Это — ничтожно. В момент богатства своего — он совершенно непонятен — удовлетворен он богатством? Насколько? Не удовлетворен? Насколько? А богатство — тоже драма для сильного душой. Его — твоего героя — отношение к жене — буколичное, не семейственное. С женами не живут всю жизнь как с друзьями, это ты прикрасил — зачем? Вот я познакомился с одним чудаком,— это известный художник Диффенбах [1]. На одной из своих картин он изобразил самого себя так — он тащит в гору тяжелый крест, на конце креста сидит его жена, а церковь погоняет его бичом, поддерживая жену. Это, конечно, слишком грубо как символ, но это — реальность.

Ты скажешь — не хочу реальности! Пойми — говорю не о форме, а о содержании, оно не может не быть не реальным, надеюсь это не требует доказательств.

Вообще ты слишком оголил твоего человека, отдалив его от действительности, и тем лишил его трагизма, плоти, крови. Все написанное слишком значительно по форме, и нельзя уходить ⟨?⟩ от естественного желания подчеркнуть незначительность, неполноту, бедность жизни твоего человека. Замечу еще, что присутствия старух в первом акте напоминают «Втирушу» Метерлинка [2]. Старухи — мало понятны — что это? Ты говорил Ивану Павловичу [3], что это «подсудьбинки», но подсудьбинки, как это ясно у Афанасьева [4], символизируют не только силы природы, враждебные человеку,— но главным образом те явления в его жизни, которые люди считают случайными, но которые создаются сцеплением ряда причин, лежащих в отношениях людей друг к другу, и становятся логически необходимыми. Последний акт красив как картина, но старухи

мешают понять его и заслоняют трагизм конца жизни. Я также не могу понять—почему ты избрал для твоего человека местом его окончательной гибели — кабак. Почему не церковь? Не площадь, на которой он пред глазами людей вступает в борьбу с ними? Моя уверенность в силе твоего таланта говорит мне — ты мог бы написать эту очень крупную вещь лучше, чем написал. Вот. Но ты торопишься. Куда? Тебе — некуда спешить, поверь мне. Никто тебя не ценит так, как я, и я-то знаю, что ты писатель *не современный*, что и подчеркиваю. Тебя будут не только читать, но и изучать. По сей причине я убеждаю тебя — без результата — относись к себе с бóльшим уважением, чёрт немецкий!

Я рад, что здесь Средиземное море похоже на Ниагару, потому что оно тоже несравнимо выше и грандиознее всего, что о нем говорят и пишут. Народ — жулик, но милый, грязен, но красив, любит деньги, но как ребенок. Употребляет их преимущественно на игру в карты. Капри — кусок крошечный, но вкусный. Только комары ночью кусают. Вообще здесь сразу, в один день, столько видишь красивого, что пьянеешь, балдеешь и ничего не можешь делать. Все смотришь и улыбаешься. Дешево жить.

Вот бы где Дама Шура могла отдохнуть и поправиться! Об этом — подумай.

Ну, пока до свидания! Крепко обнимаю тебя, поздравляю, Шуре целую обе лапки, а маму тоже обнимаю[5]. Кланяюсь тоже всем твоим. Всего доброго, дружище! Пиши!

Когда соберешься — телеграфни: Капри, мне.

Все, около меня живущие, кланяются купно со мной.

А.

Датируется временем приезда Горького на Капри — 20 октября/2 ноября 1906 г. («Летопись», I, стр. 633) и по связи с предыдущим письмом.

[1] Карл Вильгельм *Диффенбах* (1851—1913) — немецкий художник, с 1900 г. живший на Капри. Горький интересовался живописью Диффенбаха, но религиозно-нравственное направление его творчества решительно осуждал; он посетил мастерскую художника вместе с В. А. Десницким весной 1907 г. (В. А. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества, стр. 161—162). 20 марта (2 апреля) 1910 г. Горький побывал на выставке картин Диффенбаха («Летопись», II, стр. 122).

[2] Морис *Метерлинк* (1862—1949) — бельгийский поэт-символист и драматург. «Втируша» (второе название «Непрошенная»)—пьеса Метерлинка (1890), одновременно с двумя другими — «Слепые» и «Там — внутри» — была поставлена Художественным театром. Премьера этих пьес состоялась 2 октября 1904 г. Точка зрения Горького на пьесу Андреева близка оценке «Жизни человека» Г. В. Плехановым. Сохранился план неосуществленной статьи Плеханова о «Жизни человека», в котором неоднократно отмечается влияние на Андреева Метерлинка и в частности намечена параллель между четвертой картиной «Жизни человека» и пьесой Метерлинка «Там — внутри» («Interieur») — «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI. М., 1938, стр. 276, 278. Сам Андреев считал «Жизнь человека» опытом создания новой, так называемой «неореалистической драмы». См. Э с П э ⟨С. Л. П о л я к о в⟩. У Леонида Андреева.— «Русское слово», 1907, № 228, 5 октября.

[3] Ладыжникову.

[4] Речь идет о монументальном труде А. Н. Афанасьева (1826—1871) «Поэтические воззрения славян на природу», тт. I—III, 1866—1869.

[5] Анастасия Николаевна *Андреева* (рожд. Пацковская; 1851—1920) — мать писателя, его «неизменный полувековой друг» (см. письмо к ней Андреева от 25 февраля/ 10 марта 1918 г.—в кн. Вадим А н д р е е в. Детство. Повесть. М., 1963, стр. 209—216). Андреев посвятил матери пьесу «К звездам». Некоторые черты ее характера приданы им жене Терновского Инне Александровне. Под именем Александры Петровны Мацневой выведена в автобиографической пьесе Андреева «Младость» (сб. «Слово», 6. М., 1916). В ИРЛИ хранится экземпляр первого тома Полн. собр. соч. Андреева (изд. Маркса) с надписью: «Матери моей с глубочайшим уважением и любовью, с величайшей благодарностью. Если я хорошо в этих книгах пишу о всех матерях, то это посвящается Тебе, мамочка, и если я — автор, то Ты, меня много раз родившая, снова и снова своей любовью дававшая мне жизнь, есть автор автора. И вся честь Тебе. Твой с неизменной любовью. Леонид К о т о ч к а. 27 января 1914 г.» Из находящихся в ИРЛИ (в копиях) писем Андреева к матери—семь (1904—1918 гг.) опубликованы К. И. Чуковским в «Русском современнике», 1924, № 4; письма А. Н. Андреевой к сыну (автографы)—в ЦГАЛИ.

146. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 22 ... 23 октября/4 ... 5 ноября 1906 г.⟩

«Елеазар».

И снова скажу: это, на мой взгляд, лучшее из всего, что было написано о смерти во всемирной литературе. Мне кажется даже, что ты как бы приблизился и приближаешь людей к неразрешимой загадке, не разрешая ее, но страшно, близко знакомя с нею. Ее чувствуешь — спокойную, темную, великую своим спокойствием — это удивительно и хорошо.— Превосходно выдержан стиль. Вообще — как литература, как произведение искусства — эта вещь дает мне огромное наслаждение и вызывает славную радость за тебя — молодчина ты![1] Как философия — это для меня неприемлемо. Я заражен жизнью и силами ее лет на шестьсот и — чем дольше — тем более оптимистично смотрю на жизнь — хотя у меня нестерпимо болит желудок и зуб. Но — философия твоего рассказа тонет в красоте его формы, как спрут в чудной глубине Неаполитанского залива. Этот залив — и особенно Капри — красивее и глубже любви и женщины. В любви узнаёшь все сразу — здесь едва ли возможно узнать всё. Голубой грот. Это воистину сказка, но ее часто рассказывали глупцы и пошляки, а потому она не очень увлекает. Но здесь есть зеленый грот, и это — изваянная музыка Грига, как сказал Иван Павлов [2], чуткая душа, которая тебя очень любит, за то я ее люблю еще больше. Дружище! Здесь есть рыбак Спадаро [3], красавец-старик, которого рисуют все художники,— я ездил с ним ловить рыбу, и это было гораздо, неизмеримо чудеснее и красивее загробных видений Лазаря. Ты не обижайся. Приедешь — увидишь. Нравится мне здесь всё и даже люди — это такие славные ребятишки! Говорят, они — жулики. Жульничество, которое я наблюдал, наивно и смешит, но — не раздражает. Думаю, что буду здесь зимовать— такая масса работы у меня, что пожить здесь полезно. Неаполь — сокровищница великих красот. Одна коллекция Фарнезе — стóит преклонения [4]. Вообще — хорошо!

Езжай сюда? Что — немцы? Скучно это — немцы. А на лето — в Норвегию?

Я ничего не имею против смерти — но питаю отвращение к трупам, особенно к тем из них, которых не похоронили почему-то, и они ходят по улицам, женятся, пишут книги, картины, вообще — состоят при жизни, поддерживаемые какою-то инертной силой на двух ногах.

Смерть, если это целостно, закончено и крупно, может быть даже красиво — но умирание — отвратительно всегда — так? Конечно, это трюизм.

И мне страшно хочется, чтобы ты возненавидел умирающих и со всей спокойной, огромной силой твоего таланта добивал их.

Я далек от тебя, как негр от английского лорда,— ты прав! — но я тебя люблю, как индеец ночь своих степей, заманчивую тьму простора их — пишу глупо, но в Италии это простительно, здесь хочется быть ребенком, кувыркаться, ходить колесом и целыми часами, лежа голым на камнях, смотреть на море — вот море, которое даже в бурю улыбается!

Ты подумай — болит живот, зуб, французы ругают [5], анархисты надоедают, а у меня в голове веселый чёрт танцует тарантеллу, и я пьян — без вина. Вино здесь — красиво, прежде всего. Потом — оно вкусно и очень легко. Его можно выпить много, но лучше пить мало — жалко, оно так хорошо горит в стакане!

Пишу длинную повесть, она тебе не понравится, а меня увлекает [6]. Скоро кончу ее и тогда буду писать одну веселую повесть [7]. Вчера прочитал пьесу Горького «Враги». Прочитав, заметил ему, что он напрасно трудился над этой вещью, — легкомысленно и торопливо. Последнее свойство — собственность Андреева Леонида,— сказал я,— и вы напрас-

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ

Фотография К. К. Буллы. Сняты у И. Е. Репина в «Пенатах», 27 мая 1905 г.

Архив Горького, Москва

но грабите его. Поговорив дружески и просто, советовал ему написать еще пьесу [8]. Он напишет, если не умрет от животной боли.

Ну, достаточно ерунды, я думаю.

Как Дама Шура и новый? [9] Напиши.

Кланяюсь. Хотел послать письмо с Иваном Павловичем, но он здесь очарован. — Жду Пятницкого [10].

А.

Мне жаль, что «Царя» ты хочешь перестроить в пьесу [11]— твой стиль для этих тем — рассказ, и никто не напишет лучше тебя такую вещь, даже, думаю, сам Флобер, мой культ [12]. Оставь, а?

Датируется по содержанию.

[1] «Елеазар» написан Андреевым под впечатлением от драмы Флобера «Искушение святого Антония» (перевод Б. Зайцева помещен в 1907 г. в сб. «Знание», кн. 16; в том же году вышло отдельное издание). Андреев познакомился с переводом Зайцева в рукописи. Философская драма Флобера была близка Андрееву своим пессимистическим мироощущением, доминирующими в ней идеями фатализма и безысходности.

[2] И. П. Ладыжников.

[3] Имеется в виду каприйский рыбак Джиованни *Спадаро*, знакомый Горького и русской колонии на Капри. Подробнее о нем см. в статье А. Рубинштейна «Горький и каприйские рыбаки».— Журн. «Рыбоводство и рыболовство», 1962, № 4, стр. 51—53.

[4] В Неаполе — по возвращении из США в Европу — Горький пробыл с 13 по 20 октября («Летопись», I, стр. 628—633). В местном музее он видел знаменитую коллекцию произведений античного искусства, принадлежавшую знатному итальянскому княжескому роду Фарнезе; впоследствии передана музею неаполитанским королем.

[5] Подразумеваются резкие выступления против Горького в связи с его памфлетом «Прекрасная Франция» французских буржуазных общественных деятелей и публицистов Альфонса Олара, Жана Ришара и Жюля Кларти. Горький ответил им «открытыми письмами», опубликованными в журнале «Красное знамя» (Париж), № 6; в переводе на французский язык под общим заглавием «Моим клеветникам» — в «L'Humanité», 1906, № 968, 11 декабря (XXIII, 406—409).

[6] Повесть «Мать». Отзывы о ней Андреева — см. в настоящ. томе, стр. 520, 525.

[7] Повесть «Шпион» (первоначальное название «Жизни ненужного человека»).

[8] В письме к Ладыжникову около 14 ноября 1906 г. Горький сообщил о замысле написать комедию о Павле I: «Я его хорошо вижу и мог бы, думаю, устроить семейству Романовых крупную неприятность» («Архив Горького», т. VII, стр. 147). В начале 1907 г. одновременно с пьесой о Павле I Горький обдумывал еще одну пьесу — «Безумцы»: «Герои — все рабочие, время — московское восстание. Драк — не будет, но — будет пафос» (из письма к Ладыжникову не ранее 11 февраля 1907 г.— «Архив Горького», т. VII, стр. 156).

[9] См. прим. 1 и 2 к письму 148.

[10] Пятницкий приехал на Капри только 15—16 декабря («Летопись», I, стр. 641).

[11] См. прим. 1 к письму 97.

[12] В 1928 г. в статье «О том, как я учился писать» Горький вспоминал об огромном впечатлении, произведенном на него в юности рассказом Флобера «Простое сердце». Относя Флобера наряду с Бальзаком и Стендалем к гениальным художникам и величайшим мастерам формы, он признавал, что эти писатели оказали на него «настоящее и глубокое воспитательное влияние» (XXIV, 486). «Стендаль, Бальзак и Флобер,— писал Горький 24 апреля 1928 г. А. К. Виноградову,— очень много дали мне, и я давно собираюсь рассказать о них современной молодежи, да все не могу выбрать времени» («Литературная газета», 1959, № 38, 28 марта).

147. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

〈Капри. 8/21 ноября 1906 г.〉

Очень волнуемся. Телеграфируй здоровье Шуры. Целуем.

Алексей. Мария

〈*Адрес:*〉 Ладыжникову для Андреева Уландштрасе 145 Берлин.

Дата на телеграфном бланке.

148. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

‹Берлин.› 23 н‹оября/6 декабря 1906 г.›

Милый Алексей! Положение очень плохое. После операции на 4-й день явилась было у врачей надежда, но не успели обрадоваться — как снова жестокий озноб и температура 41,2. Три дня держалась только ежечасными вспрыскиваниями кофеина, сердце отказывалось работать, а вчера доктора сказали, что надежды в сущности нет и нужно быть готовым. Вообще последние двое суток с часу на час ждали конца. А сегодня утром — неожиданно хороший пульс и так весь день, и снова надежда, а перед тем чувствовалось так, как будто она уже умерла. И уже священник у нее был, по ее желанию, приобщил. Но к вечеру сегодня температура поднялась, и начались сильные боли в боку, от которых она кричит, и гнилостный запах изо рта. Очевидно заражение проникло в легкие и там образовался гнойник. Если и выздоровеет, то весьма вероятен туберкулез. Но это-то не так страшно, только бы выздоровела [1].

Сейчас, ночью, несмотря на морфий, спит очень плохо, стонет, задыхается, разговаривает во сне или в бреду. Иногда говорит смешные вещи.

И мальчишка был очень крепкий, а теперь заброшенный, с голоду превратился в какое-то подобие скелета с очень серьезным взглядом [2].

И временами ошалеваешь ото всего этого. Третьего дня я все смутно искал какого-то угла или мешка, куда бы засунуть голову — все в ушах стоят крики и стоны. Но вообще я-то держусь и постараюсь держаться. Ведь ты знаешь, она действительно очень помогала мне в работе.

До свиданья. Поцелуй от меня Марию Федоровну.

Твой Л е о н и д

Не удивляйся ее желанию приобщиться, она и всегда была в сущности религиозной. Только поп-то настоящий уехал в Россию, а явился вместо него какой-то немецкий поп, не знающий ни слова по-русски. Служит по-славянски, то есть читает, но, видимо, ничего не понимает. И Шуре, напрягаясь, пришлось приискивать немецкие слова. 23 дня непрерывных мучений!

[1] Александра Михайловна *Велигорская-Андреева* скончалась 28 ноября (11 декабря) 1906 г. от послеродовой горячки. В декабре Андреев приехал к Горькому на Капри.

Велигорская была верной спутницей Андреева, первым критиком его произведений. Андреев посвятил ей рассказ «Ангелочек» (1899), второй том сочинений (изд. «Знание», 1906), драму «Жизнь человека» (1906) и посмертно — рассказ «Проклятие зверя» (1908). В бумагах Андреева вместе с черновыми вариантами «Жизни человека» находилась следующая запись, датированная 2 октября 1907 г.: «Эту рукопись я завещаю после моей смерти Вадиму. Это последняя, над работой в которой принимала участие его мать. В Берлине, по ночам, на Auerbachstrasse, кажется 17 (против станции), по ночам, когда ты спал, я будил, окончив работу, мать, читал ей, и вместе обсуждали. По ее настоянию и при ее непосредственной помощи я столько раз переделывал „Бал“. Когда ночью ей, сонной, я читал молитвы матери и отца, она так плакала, что мне стало больно ‹...› И я помню, навсегда, ее лицо, ее глаза, как она на меня смотрела. И почему-то была бледная. И последнюю картину, „Смерть“, я писал на Herbertstrasse, № ‹26› в доме, где она родила Даниила, мучилась десять дней началом своей смертельной болезни. И по ночам, когда я был в ужасе, светила та же лампа» (Собрание Вадима Леонидовича Андреева. Вошло в кн.: Вадим А н д р е е в. Детство. М., 1963, стр. 13—14. См. о Велигорской там же, стр. 5—16 и 155—159).

[2] Сохранилась записка Горького, адресованная в духовную консисторию (была передана в церковь Спаса Преображения на Песках в Москве, где крестили Даниила) 11 марта 1907 г.: «Сим заявляю о желании своем быть крестным отцом сына Леонида Николаевича Андреева — Даниила. Алексей Максимович П е ш к о в».

В метрической записи в графе «восприемников» указано: «Города Нижнего-Новгорода цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков» (оба документа сообщены В. П. М и т р о ф а н о в ы м. Ныне переданы в АГ).

О Даниле Андрееве — см. стр. 570 настоящ. тома.

1907

149. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Куоккала.〉 22 июля 〈4 августа 1907 г.〉

Живу я широко и весело. Куоккала, песок, терраса, через забор смотрят дачники, спрятаться некуда, Гуковский [1], Пильский [2], Лазаревский[3], Тан [4], Миролюбов, Чуковский [5], Рославлев [6], Каменский [7], Василевский [8], Чеботаревская [9], Пильский. И прочие. Дамы. Девицы. Убийцы. И подающие надежды. Сколько обиженных! А у меня сердцебиение. Спрятаться некуда. Спасаюсь на день, на два на Черную речку, но и там — пронюхали. Купил там кусочек горки и строю крепость, буду прятаться зиму и лето. Будет потайная комната, куда лазать на четвереньках. В голове кавардак, как буду осенью работать — не знаю. В Териоках на летней сцене изнасиловали «Савву» и «К звездам» [10]. Газеты брешут изумительно. Есть «рисунок с натуры», как на меня покушались [11], и я почему-то похож на Арцыбашева, гундосый. Писали, что я играю в «Жизни человека» Некто в сером [12], и гимназисты приходят ко мне за билетиком. Есть серьезная критическая статья, например, «Как прохвосты делаются знаменитыми» [13]. Все доказано. В доме у меня: три брата и одна сестра [14], с женами, мужьями и детьми. Дидишка [15] счастлив. Недавно его покусала собака, думали, что бешеная, исследовали — нет. А доктор, который лечил его, стал ходить в гости — ужасно! Послезавтра еду в Москву на две недели, а потом — работать.

Конечно, я давно написал бы тебе, но — понимаешь? Рука не подымается. А жизнь тут интересная. Нечто любопытное происходит в литературе — об этом напишу тебе подробно.

А сейчас — дело. Нужно собирать материал для сборника, вообще начать редакторствовать [16]. Нужно приглашать новых (на одних старых никуда не уедешь, жизнь уходит от них), а я и не знаю, насколько в этом случае я могу быть самостоятелен. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера [17], еще кой-кого.— Как бы не вышло у нас недоразумений? Вообще, веришь ли ты, что я не подведу? Выбор материала будет у меня параллелен моей собственной работе: «буду помещать только то, что ведет к освобождению человека». Точнее формулировать трудно, ибо все в конце концов дело такта и понимания. Так вот: как ты думаешь?

Очень мешает отсутствие Константина Петровича. Некоторые просят аванса, и дать необходимо, а как я могу? И вообще получается какая-то неопределенность. «Шиповник» же действует энергично. Когда приедет Константин Петрович? И как жаль, что ты не едешь на зиму в Финляндию.

Милый друг, не сердись за краткость. Правда — нездоровится. Доктор щупал меня и нашел расширение сердца — на $3^1/_2$ пальца. Это мешает дышать. И кроме того: всё те же призраки стоят надо мною [18].

Поцелуй Марусю.

Твой Леонид

Куоккала, дача Фиельд.

На письме помета Пятницкого: «1907».

[1] Александр Исаевич *Гуковский* (1865—1925) — публицист, сотрудник «Русского богатства», эсер. После Октябрьской революции эмигрировал.

[2] Петр Моисеевич *Пильский* (1876—1942) — писатель, фельетонист и критик. Печататься начал в 1901 г. в «Курьере». Посвятил Андрееву рассказ «Власть смерти» («Курьер», 1903, № 172, 174, 176, 19, 21 и 23 августа). Прапорщиком артиллерии участвовал в русско-японской войне. В конце 1906 г., предлагая «Знанию» опубликовать в дополненном виде свою работу «Армия и общество» («Мир божий», 1906, № 6—7), писал Пятницкому: «...издаться у вас, в „Знании",— для меня было бы

ГОРЬКИЙ

Фотография Андреева, Капри, январь 1907 г.

Собрание В. Л. Андреева, Женева

большим счастьем. Это, конечно, сразу перевернуло бы многое в моем литературном и даже чисто материальном положении» (АГ). Предложение это Горьким и Пятницким было отклонено. Пильский стал относиться к «Знанию» враждебно и распространять провокационные слухи о том, что издательство находится накануне финансового краха (см. письмо Андреева к Чирикову от 8 февраля 1907 г.— ГПБ). Автор «сенсационной» брошюры «Охранный шпионат» (СПб., 1906). В годы реакции печатал фельетоны в «понедельничной» газете «Свободные мысли» (1908), отвечавшей вкусам литературной богемы. Против его нападок на марксистский публицистический сборник «Литературный распад» выступил В. В. Воровский в статье «О буржуазности модернистов» («Одесские новости», 1908, № 7550, 7551, 10 и 11 мая; то же: В. В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 348—365). Фельетоны

Пильского той поры собраны в его книгах: «Критические статьи» (т. I. СПб., 1908) и «Проблема пола, половые авторы и половой герой» (СПб., 1909). В 1913 г. редактировал газету «Одесский понедельник»; в 1917 г.— редактор-издатель журнала «Эшафот» (Петроград). После Октябрьской революции — эмигрант.

[3] Горький и Андреев отзывались о творчестве Бориса Александровича *Лазаревского* (1871—1936) с большой сдержанностью. В конце 1901 г. Горький отклонил его предложение печататься в «Знании» (XXVIII, 213). Позже Горький охарактеризовал Лазаревского как бесталанного литератора (письмо к Миролюбову после 7 января 1912 г.— XXIX, 215). Андреев, как и Горький, относил Лазаревского к эпигонам Чехова (письмо Андреева к Лазаревскому от 4 июня 1910 г.— «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119, 1962, стр. 386). Переписка Андреева с Лазаревским относится к тому времени, когда тот пытался завязать деловые отношения с «Шиповником» (см. письмо Лазаревского к Андрееву от 3 февраля 1909 г.— ЦГАЛИ, и недатированное письмо Андреева к нему, помеченное адресатом 26 января 1909 г.— ИРЛИ).

[4] *Тан* — литературный псевдоним Владимира Германовича *Богораза* (1865—1936) — писателя, публициста, этнографа. В 1889 г. за принадлежность к партии «Народная воля» был сослан на Колыму. По возвращении в Россию печатался в журналах «Начало», «Жизнь», «Правда» и др. В 1906 г.— один из основателей мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии. В мировую войну — оборонец, сотрудник «Русской воли». После Октябрьской революции был профессором Ленинградского государственного университета, заведующим отделом Музея антропологии и этнографии и директором Музея истории религии АН СССР. Собрание сочинений Тана (тт. 1—10) вышло в 1910—1911 гг. (СПб., «Просвещение»). См. также его статью: «„Жизнь Человека“ во всероссийской постановке. (К трехлетию смерти Л. Андреева)».— «Россия», 1922, № 3, октябрь, стр. 13—19.

[5] Корней Иванович *Чуковский* (р. 1882) — писатель и литературовед, автор книг «Леонид Андреев большой и маленький». СПб., 1908; «О Леониде Андрееве». СПб., 1911. Воспоминания о встречах с Андреевым — см. в кн.: К. И. Чуковский. Люди и книги. 2-е изд., доп. М., Гослитиздат, 1960, стр. 492—513 (здесь опубликованы и письма Андреева).

[6] Александр Степанович *Рославлев* (1883—1920) — писатель, примыкавший к символистам. Широкую популярность приобрела его «Новогодняя песня» («Над полями да над чистыми...»), ставшая народной (напечатана в журн. «Пробуждение», 1908, № 1, стр. 19—20). Стихотворение Рославлева «Иуде» Горький назвал в числе произведений, посвященных прославлению Иуды (см. письмо 166). Горький вспоминал, что это стихотворение Рославлев читал в 1903 г. на квартире С. А. Скирмунта (см. письмо Горького к неустановленному лицу, без даты; предположительно 1913 г.— АГ). Впоследствии в воспоминаниях об Андрееве Горький писал, что это стихотворение навело Андреева на мысль написать рассказ «Иуда Искариот». Тематически стихотворение Рославлева действительно близко к этому рассказу, но напечатано оно было позже (в августовском номере журн. «Образование» 1907 г.; затем вошло в сборник Рославлева «В башне». СПб., 1907).

[7] Анатолий Павлович *Каменский* (1877—1941) — писатель. В годы реакции приобрел сомнительную известность произведениями, трактовавшими «проблему пола». После Октябрьской революции — эмигрант. Горький резко осудил рассказ Каменского «Четыре» («Пробуждение», 1907, № 3 и 5). «Нарисованное вами животное,— писал он автору в декабре 1906 г., познакомившись с рассказом еще в рукописи,— кажется мне утрированно грубым. Психологически трудно допустить в наши дни существование такого скота ⟨...⟩ Не вижу читателя, которого он ⟨рассказ⟩ может заинтересовать в наше время, трагическое, полное великих событий, потрясающих весь мир» (Н. Пенчковский. Горький о писателе.— «Лит.-худ. сб. „Красной панорамы“», Пг., 1923, декабрь, стр. 56; письмо Пенчковским датировано ошибочно— «Архив Горького», т. IV. стр. 192). Андреев разделял мнение Горького о Каменском и «порнографическом направлении» в буржуазной беллетристике (см. его интервью в настоящем томе, стр. 524—526).

[8] Речь идет, вероятно, о журналисте Илье Марковиче *Василевском* (псевдоним: «Не Буква»; 1882—1938), сотруднике многих либеральных периодических изданий. В 1908 г.— издатель журнала «Образование». В годы реакции — один из организаторов и ближайший сотрудник газеты «Свободные мысли». В 1916—1917 гг.— редактор еженедельника «Журнал журналов». После Октябрьской революции работал в советской печати.

[9] Анастасия Николаевна *Чеботаревская* (1875—1922) — писательница, переводчица, жена Ф. К. Сологуба. Издала книгу «О Сологубе. Критика. Статьи и заметки» (СПб., 1911), составленную из хвалебных отзывов о творчестве мужа. В период особенного сближения Андреева с Сологубом Чеботаревская с восхищением высказывалась о вызывавшей много нареканий военной публицистике Андреева, а о его сборнике статей «В сей грозный час» (Пг., 1915) писала: «...отражена большая душа и благородная мысль чисто русского ⟨...⟩ характера без малейшего уклона к шовинизму, но с твердым и ярко выраженным чувством национального осознания» («День», 1915, № 151, 1 июня).

[10] О постановке «Саввы» — см. прим. 1 к письму 139. «К звездам» были поставлены 27 мая 1907 г.

[11] Газеты писали, что 28 июня 1907 г. в Териоках на Андреева было совершено нападение неизвестными людьми, которые дважды выстрелили в него и скрылись. «Загадочная история» породила разноречивые толки (см., например, «Петербургскую газету», № 176, 30 июня и др.). Рисунок на эту тему был помещен в воскресном номере газеты «Петербургский листок», 1907, № 177, 1 июля.

[12] О намеченном на 22 июля в Териоках спектакле «Жизнь человека» с Андреевым в роли Некто в сером писала газета «Русь», 1907. № 183, 15 июля.

[13] Так называлась статья за подписью «Свой» («Вече», 1907, № 63, 3 июля). Статье предшествовала анонимная заметка по поводу покушения на Андреева: «Писатель-безбожник захотел прославиться» (№ 62, 1 июля).

«Свой» — псевдоним Владимира Владимировича Оловеникова (1872—1908) — журналиста-черносотенца. Исключенный в 1896 г. за «жизнь нетрезвую, разгульную» из Московского университета, некоторое время перебивался изданием календарей, мелких справочников; печатал театральные рецензии; безуспешно хлопотал о разрешении выпускать «Московский театральный листок» (см. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1165). С 1905 г. редактировал и в 1907—1908 гг. издавал в Москве погромную черносотенную газету «Вече». В 1906—1907 гг. участвовал в издании реакционного еженедельника «Кнут». За «компрометацию» правительственной политики «Вече» в 1910 г. было закрыто, но возобновилось в 1911 г. под заглавием «Старое вече».

[14] Подразумеваются братья Л. Андреева — Всеволод (ок. 1877—1916) — служил при Московском окружном суде, Павел (см. прим. 2 к письму 13), Андрей (см. прим. 4 к письму 71) и старшая сестра Римма (1881—1941, по второму мужу — Оль) — большая поклонница таланта Л. Андреева, автор неопубликованных воспоминаний о нем (хранятся у ее сына Л. А. Андреева) и очерка «Мать Леонида Андреева» («Россия», 1925, № 4). После Октябрьской революции передала в ИРЛИ часть архива писателя и его личные вещи.

[15] Сын Андреева — Вадим.

[16] Переговоры о передаче Андрееву редактирования литературно-художественных сборников «Знание» велись на Капри в начале 1907 г. 22 января Андреев писал Серафимовичу: «С осени я переезжаю в СПб. и становлюсь редактором знаниевских „Сборников". И Горький и Пятницкий, после продолжительных со мною разговоров, почувствовали, наконец, что дело неладно. И хочу я к работе привлечь всю компанию: тебя, Чирикова, Зайчика ⟨Б. К. Зайцева⟩ — сообща соорудить такие сборники, чтобы небу жарко стало! Будут у нас и собрания — и журфиксы,— в грязь лицом не ударим! ⟨...⟩ В сборнике будут только шедевры» («Московский альманах», 1. М.— Л., 1926, стр. 299).

[17] Сергей Абрамович *Ауслендер* (1888—1943) — писатель и драматург. В «Знании» не печатался.

[18] Андреев продолжал находиться в состоянии тяжелой душевной депрессии после смерти жены.

150. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 26 ... 30 июля/8 ... 12 августа 1907 г.⟩

О пределах твоей власти тебе напишет или скажет лично Константин Петрович, который скоро едет в Финляндию, а я скажу о литературе.

Мое отношение к Блоку — отрицательно, как ты знаешь [1]. Сей юноша, переделывающий на русский лад дурную половину Поля Верлена [2], за последнее время прямо-таки возмущает меня своей холодной манерностью, его маленький талант положительно иссякает под бременем философских потуг, обессиливающих этого самонадеянного и слишком жадного к славе мальчика с душою без штанов и без сердца. Нет, ты его оставь в покое года на три, может быть он подрастет за это время и научится говорить искренно о простых вещах — о том, что сейчас кажется ему изумительно премудрым и что уже сказано во Франции сильнее и красивее, чем это может сделать он.

Старый кокет Сологуб, влюбленный в смерть, как лакеи влюбляются в барынь своих, и заигрывающий с нею всегда с тревожным ожиданием получить от нее щелчок по черепу; склонный к садизму Сологуб — фигура лишняя в сборниках «Знания». Будь добр, не беспокой его ветхие дни и

будь уверен, что он еще раз не напишет «Мелкого беса»,— единственную вещь, написанную им как литератором — с любовью, и, по-своему, красиво.

Нельзя понять, что скажет Ауслендер далее, но я ничего не имею против (н)его, как ничего не имею против Сомова [3], например.

Я просил бы тебя подумать над тем, что «освобождение человека»,— слова сказанные тобою, в письме ко мне, имеют содержание чрезвычайно глубокое, и что этому «освобождению» названные тобою люди — служить не в силах. Все это — старые рабы, люди, которые *не могут* не смешивать свободу с педерастией, например, для них «освобождение человека» странным образом смешивается с перемещением его из одной помойной ямы в другую, а порою даже низводится к свободе члена и — только.

Сборники «Знания» — сборники литературы демократической и для демократии — только с ней и ее силою человек будет освобожден. Истинный, достойный человека индивидуализм, единственно способный освободить личность от зависимости и плена общества, государства, будет достигнут лишь через социализм, то есть через демократию. Ей-то и должны мы служить, вооружая ее нашей дерзостью думать обо всем без страха, говорить без боязни.

Указанные тобою Сологуб и Блок — боятся своего воображения, стоят на коленях пред своим страхом — куда уж им человека освобождать!

Зайцев, Башкин [4], Муйжель [5], Ценский [6], Лансьер [7], Л. Семенов [8] и еще некоторые из недавних — вот, на мой взгляд, люди, с которыми ты мог бы сделать хорошие сборники.

Некоторые из них любят литературу искренно и горячо, а не одеваются в нее для того, чтобы обратить внимание читателя на ничтожество и нищенство своего «я»,— которое они, мысленно, произносят всегда с большой буквы, этим желая увеличить его значение,— ибо чем бы другим они увеличили его?

Очень противный народ, нищие духом!

Здесь — удивительно. Купаюсь, ловлю рыбу, пишу.

Жаль, что ты затеял эту постройку — через год она будет тебе невыносимо противна. Через два — ты ее подожжешь. Не забудь застраховать, как это делают опытные люди.

Читаю много «новой» литературы — Кузмина [9], «Северные альманахи» [10], «Белые ночи» [11], «Весы» и все прочее. Уверен, что двадцать пять лет тому назад мне это доставляло бы удовольствие.

Жму руку. Пиши.

А.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Отношение Горького к Блоку было очень сложным. Несправедливо суровый отзыв Горького о поэзии Блока в комментируемом письме во многом объясняется тем, что Горький не был знаком со всем творчеством Блока. На Капри Горький не почувствовал духовной драмы поэта, искренно стремившегося порвать с ненавистным символистским окружением, его мучительные поиски путей к большой «священной русской литературе». Вместе с тем творчество поэта привлекало внимание Горького. 18 августа 1908 г., в письме к Брюсову он сообщил, что берет с собой в путешествие по Италии книгу Блока «Нечаянная радость». М., 1907 (XXIX, 75). В 1915 г. Горький привлек Блока к участию в «Летописи» и в издательстве «Парус», предложил ему заняться переводами армянских, финских и латышских поэтов. В 1918 г. Блок был приглашен в организуемое под непосредственным руководством Горького издательство «Всемирная литература». В письме к Д. Н. Семеновскому (лето 1919 г.) Горький назвал Блока поэтом и человеком «бесстрашной искренности» (Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. Изд. 2-е. Иваново, 1961, стр. 109), а в 1926 г. в письме к А. Я. Цинговатову писал: «В общем же Блок изумительно красив, как поэт и как личность. Завидно красив» (АГ). См. также воспоминания Горького о Блоке (1923) — XV, 327—334). 9 ноября 1930 г., в письме к К. А. Федину, отказы-

ваясь писать предисловие для собрания сочинений Блока, предпринятого «Издательством писателей в Ленинграде», Горький вновь подчеркнул свои расхождения с Блоком: «Мизантропия и пессимизм Блока — не сродни мне, а ведь этих его качеств — не обойдешь, равно как и его мистику 〈...〉 Вообще — у меня с Блоком „контакта" нет. Возможно, что это — *мой* недостаток» (XXX, 191, 192). О взаимоотношениях писателей — см. Н. Венгров. А. Блок и М. Горький. — «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 200—261; его же: Путь Александра Блока. М., 1963; И. В. Сергиевский. Горький и Блок.—В его кн.: Избранные работы. Статьи о русской литературе. М., 1961, стр. 108—127; Вс. Рождественский. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.— Л., 1962, стр. 178—181.

[2] Поль *Верлен* (1844—1896) — французский поэт, один из основоположников символизма. Об отношении Горького к Верлену — см. в его статье «Поль Верлен и декаденты» (XXIII, 124—137).

[3] Константин Андреевич *Сомов* (1869—1939) — художник, входил в группу «Мир искусства».

[4] Василий Васильевич *Башкин* (1880—1909) — беллетрист, сотрудничал в «Журнале для всех», «Русском богатстве» и др. Рассказы Башкина выпущены изд-вом «Общественная польза», тт. I, III (1909—1910) и «Звено», т. II (1910).

[5] Виктор Васильевич *Муйжель* (1880—1924) — беллетрист либерально-народнического направления. См. о нем раздел «Андреев о Горьком», № 94.

[6] О Сергееве-Ценском — см. прим. 3 к письму 151.

[7] Очевидно — Евгений Евгеньевич *Лансере* (1875—1945) — художник, иллюстрировал, в частности книгу Андреева «Царь-Голод» (изд-во «Шиповник». СПб., 1908). Башкин и Лансере в революцию 1905 г. сотрудничали в сатирических журналах.

[8] Леонид Дмитриевич *Семенов* (1880—1917) — поэт-символист, товарищ Блока по историко-филологическому факультету Петербургского университета. Сотрудничал в журнале «Новый путь» (статьи о театре и драма «Около тайны» — 1903, № 5). В 1905 г. в издательстве «Содружество» выпустил «Собрание стихотворений». В 1906 г. оставил литературную деятельность и «ушел в народ». За антиправительственную агитацию среди крестьян был подвергнут тюремному заключению на год. Сблизился с одним из ранних русских поэтов-декадентов, впоследствии сектантом А. М. Добролюбовым. В 1907 и 1908 гг. был в Ясной Поляне у Толстого, которому читал отрывки из своего рассказа о смертной казни (по рекомендации Толстого рассказ напечатан в «Вестнике Европы», 1908, № 8). В 1908 г. работал на шахтах. Автор сборника «У порога неизбежности. Листки» (альманах изд-ва «Шиповник», 1909, кн. 8). В 1911 г. был арестован вторично и сдан в солдаты. Убит бандитами в деревне Гремячке на Украине.

[9] Михаил Алексеевич *Кузмин* (1875—1936) — поэт, драматург и переводчик. Сотрудник журналов «Весы», «Золотое руно», «Аполлон» и др. В полемических выступлениях «Весов» противопоставлялся реалистической литературе. Говоря о возрождении пошлости в русской литературе, Горький называл обычно и имя Кузмина (см., например, XXIX, 19).

[10] «Северные цветы» — альманах, издававшийся с 1900 по 1911 г. изд-вом «Скорпион» (1899—1916), объединявшим символистов.

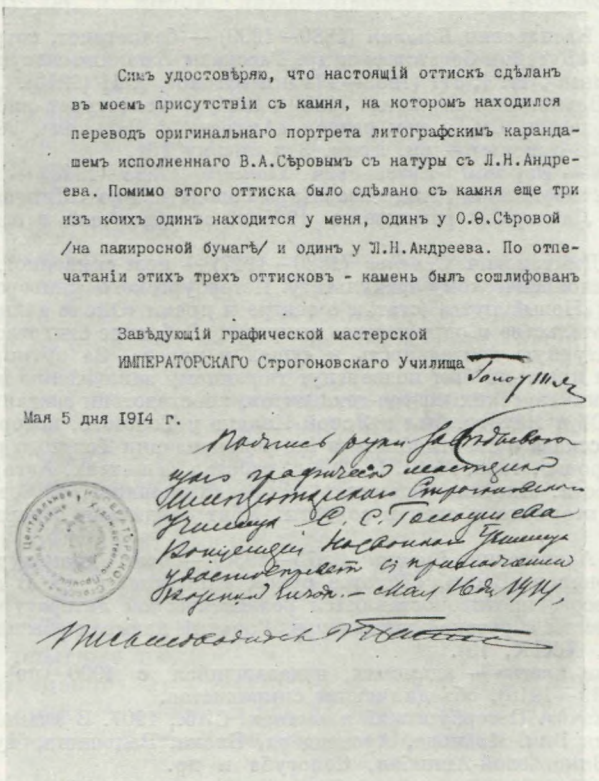
[11] «Белые ночи». Петербургский альманах. СПб., 1907. В альманахе опубликованы произведения Вяч. Иванова, Ауслендера, Блока, Волошина, Чулкова, Кузмина, Городецкого, Зиновьевой-Аннибал, Сологуба и др.

151. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Петербург.〉 13 августа 〈1907 г.〉

Милый мой Алексеюшка! Самое плохое во всей этой истории то, что ты — боюсь — рассердишься на меня. И это было бы очень тяжело. Отношусь я к тебе с великой любовью, с великой дружбой; понимаю тебя как очень немногие; и быть может, среди всей русской пишущей братии, и не пишущей братии, один только я, твой друг и верный союзник, верно оцениваю твое положение, твой теперешний status. И то, что здесь считается твоим падением («социал-демократ, увлекается политикой и оттого талант падает» [1]), один только я верно оцениваю как новый подъем на новую огромную, небывалую высоту. И это понятно: когда люди стоят вверх ногами, небо кажется им ямой и полет — падением. Еще больше скажу тебе: едва ли есть в России, а быть может и в мире, человек, чей дух

стоял бы так высоко, как твой. И если теперешние писания твои не удаются тебе и еще долго не будут удаваться, то причина — в новизне и гениальности твоего нового, теперешнего, мироощущения, мирочувствования. Бывают минуты, когда литература становится маленькой — ибо что такое литература? Слова — приемы — абзацы и главы — чернила и перо. Все это узенькое, тесное, сковывающее и беспутно лживое. Все слова, как дешевая колбаса, начинены всякой дрянью, — как трудно, как невозможно построить из них то безгранично новое, совсем новое, что является сейчас душою твоею, перед чем самое тело твое и рука твоя и *мысль* твоя являются старыми.



Симъ удостовѣряю, что настоящій оттискъ сдѣланъ въ моемъ присутствіи съ камня, на которомъ находился переводъ оригинальнаго портрета литографскимъ карандашемъ исполненнаго В.А.Сѣровымъ съ натуры съ Л.Н.Андреева. Помимо этого оттиска было сдѣлано съ камня еще три изъ коихъ одинъ находится у меня, одинъ у О.Ѳ.Сѣровой /на папиросной бумагѣ/ и одинъ у Л.Н.Андреева. По отпечатаніи этихъ трехъ оттисковъ - камень былъ сошлифованъ

Завѣдующій графической мастерской
ИМПЕРАТОРСКАГО Строгоновскаго Училища

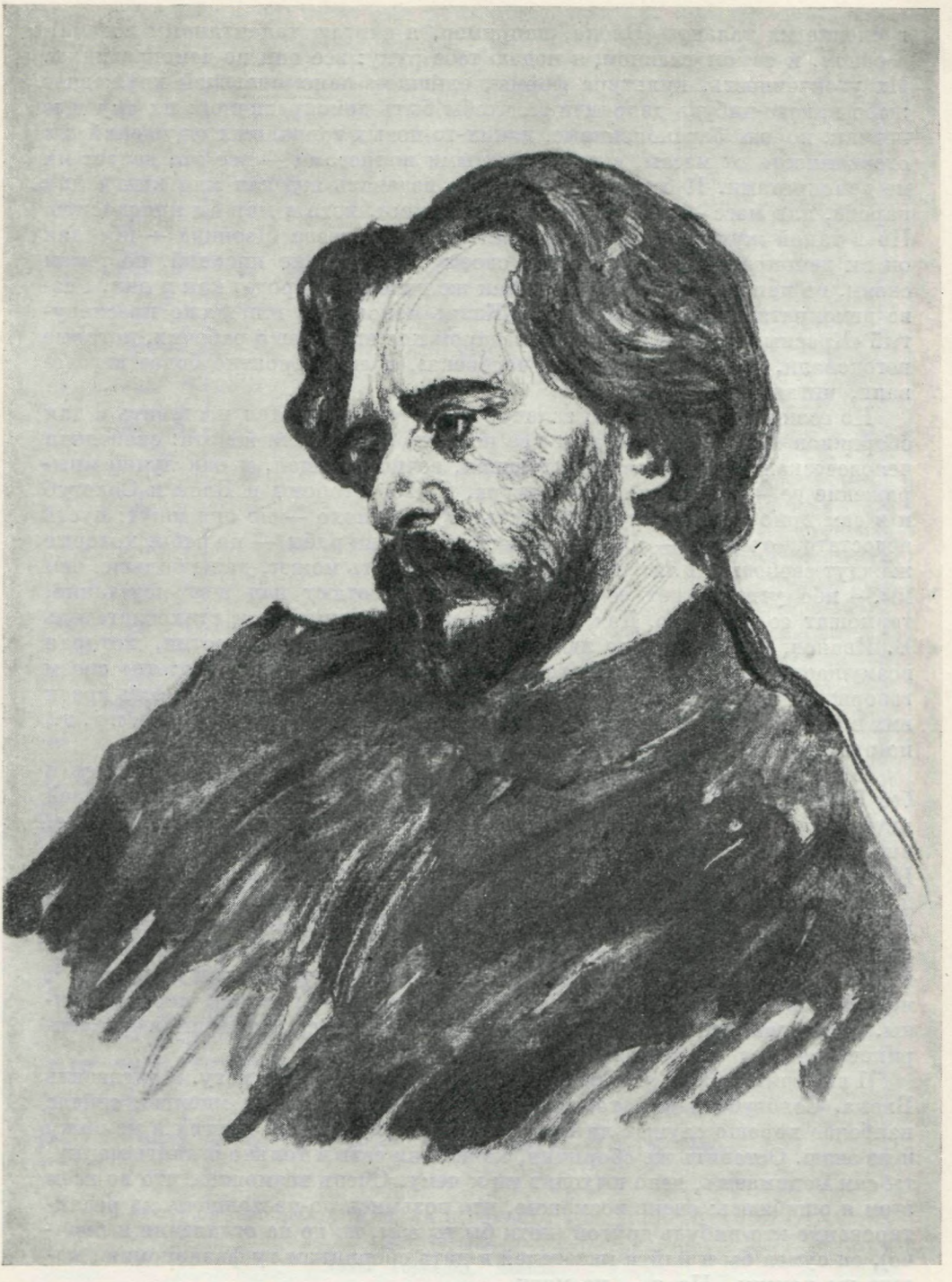
Мая 5 дня 1914 г.

ДОКУМЕНТ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ, ЧТО АВТОРОМ ЛИТОГРАФИРОВАННОГО ПОРТРЕТА АНДРЕЕВА ЯВЛЯЕТСЯ В. А. СЕРОВ
Подписан С. С. Голоушевым (С. Глаголем) 5 мая 1914 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Понимаешь теперь, как было бы мне горько, если бы ты, прочтя нижеследующее — неверно меня понял, осудил бы меня, и я стал бы для тебя, как и те, о ком ты пишешь в последнем письме.

Дело же в том, что я отказываюсь вести сборники «Знания», и причина в различном отношении нашем к писателям и более того — в различном отношении к самой задаче сборников. Боюсь, что как плохой теоретик я не в состоянии буду ни достаточно точно, ни достаточно убедительно изложить мои взгляды на это дело, но — ты постараешься по-дружески понять меня.

В оценке Блока, Сологуба и прочих «декадентов» я в значительной степени, как ты знаешь, согласен с тобой. Расходясь с тобою (частью)



АНДРЕЕВ
Литография В. А. Серова
Один из четырех существовавших оттисков портрета, 1907 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

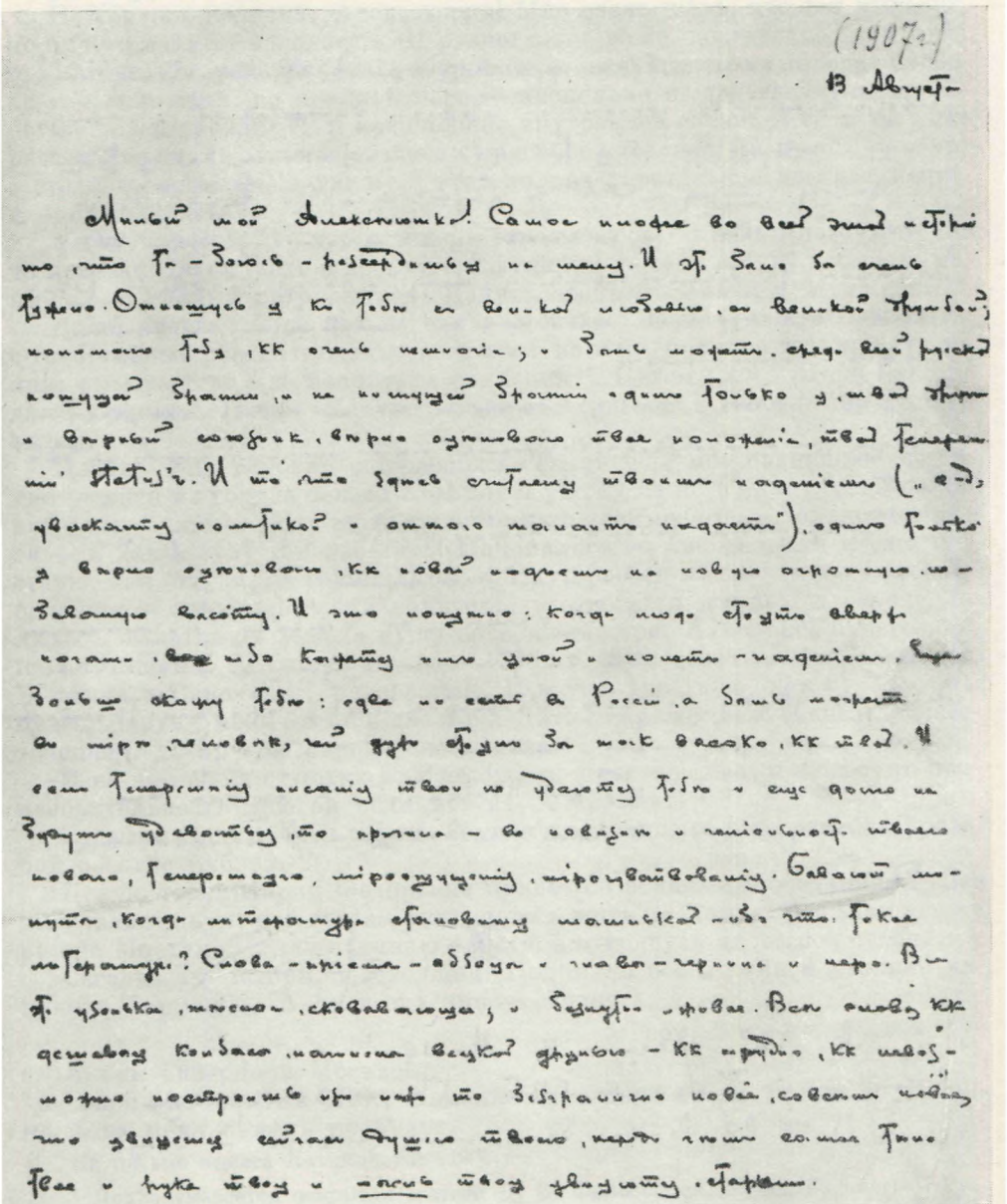
в оценке их таланта (Блока, например, я считаю талантливым весьма), в одном, и самом главном, я подаю тебе руку: все они не демократичны. Их утонченность, культура формы, слишком напоминающей кружевное жабо какого-нибудь дворянчика, чтобы быть демократичной; их смутные поиски, порою барсколенивые, каких-то новых тончайших ощущений, их оторванность от массы, с *ее* проклятыми вопросами — все это делает их не демократами. И если бы я вздумал издавать журнал или книги для народа, для масс — они были бы последними, кого я мог бы пригласить. Но в такой журнал я не пригласил бы и Андреева Леонида — ибо как он ни демократичен по существу своему,— по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они. Разве демократичен «Елеазар» или «Жизнь человека», или даже пресловутый «Красный смех»? Отнюдь. И недаром пишет Львов о рабочих, которые негодовали, читая мою «Жизнь человека», и еще вероятно более негодовали, читая «Елеазара» [2].

Но если принять другую задачу, ту, которую я хотел поставить и для сборников «Знания», то станет все по-другому. Задача же эта: свободная человеческая мысль, вечно пытующая, вечно ищущая, и как лучшее выражение ее — искусство, литература. С этой стороны и Блок и Сологуб и я сам приобретают иную ценность. Пусть плохо — но они ищут; пусть недостаточно мудро — но они мыслят; пусть они рабы — но рабы, которые жаждут свободы. И литературу они любят, быть может, даже больше, чем мы,— ибо утверждают ее самоцельность, работают над нею неустанно, тормошат ее ежечасно. Даже этот холодный выдумщик и стихослагатель В. Иванов, которого я не люблю, даже эта ихняя педерастия, которая возмущает меня и вызывает тошноту,— все это, даже в уродстве своем говорит о любви к литературе, о беспокойной мысли. Конечно, есть среди них и бездарности, и просто жулики, прохвосты, просто педерасты, и т. д., но это уже не литература, и говорить об этом не стоит.

Конечно, в сборниках «Знания» можно было бы свободно обойтись и без Блока, и без Сологуба — если бы с другой стороны были в текущей литературе писатели духа демократического и в то же время талантливые, ищущие богатое содержанием и формой. Был бы, другими словами, выбор. Но его нет. Ведь даже те, на кого ты указал, как на подходящих: Зайцев и Ценский, отнюдь не демократичны, и одною половиною своею весьма плотно прилегают к тем, потусторонним. Возьми Ценского «Мертвецкую» [3] или зайцевских «Скопцов» [4]— что это такое? Демократичное же — или бесталанно, или грубо-лениво, как почтеннейший Степан Гаврилыч [5], не желающий ни думать, ни учиться, либо, в лучшем случае, посредственны. Талантливых же и работающих, как, например, Серафимович и Чириков, раз-два и обчелся.

И выходит отсюда, что редактировать сборники я не могу. Пригласить Блока, Сологуба и др., то есть тех, которые, по моему мнению, сейчас наиболее хорошо служат литературе мысли, я не могу; других я не вижу и не знаю. Оставить же сборники, какие они есть и только ставить марку, ты сам понимаешь, дело выходит ни к чему. Очень возможно, что во всем этом я ошибаюсь; очень возможно, что возьмись по-настоящему за редактирование кто-нибудь другой (хотя бы ты сам, но не на отдалении и горячо), он сумел бы и найти писателей и дать сборникам ту физиономию, какую ты хочешь. Но я — не могу.

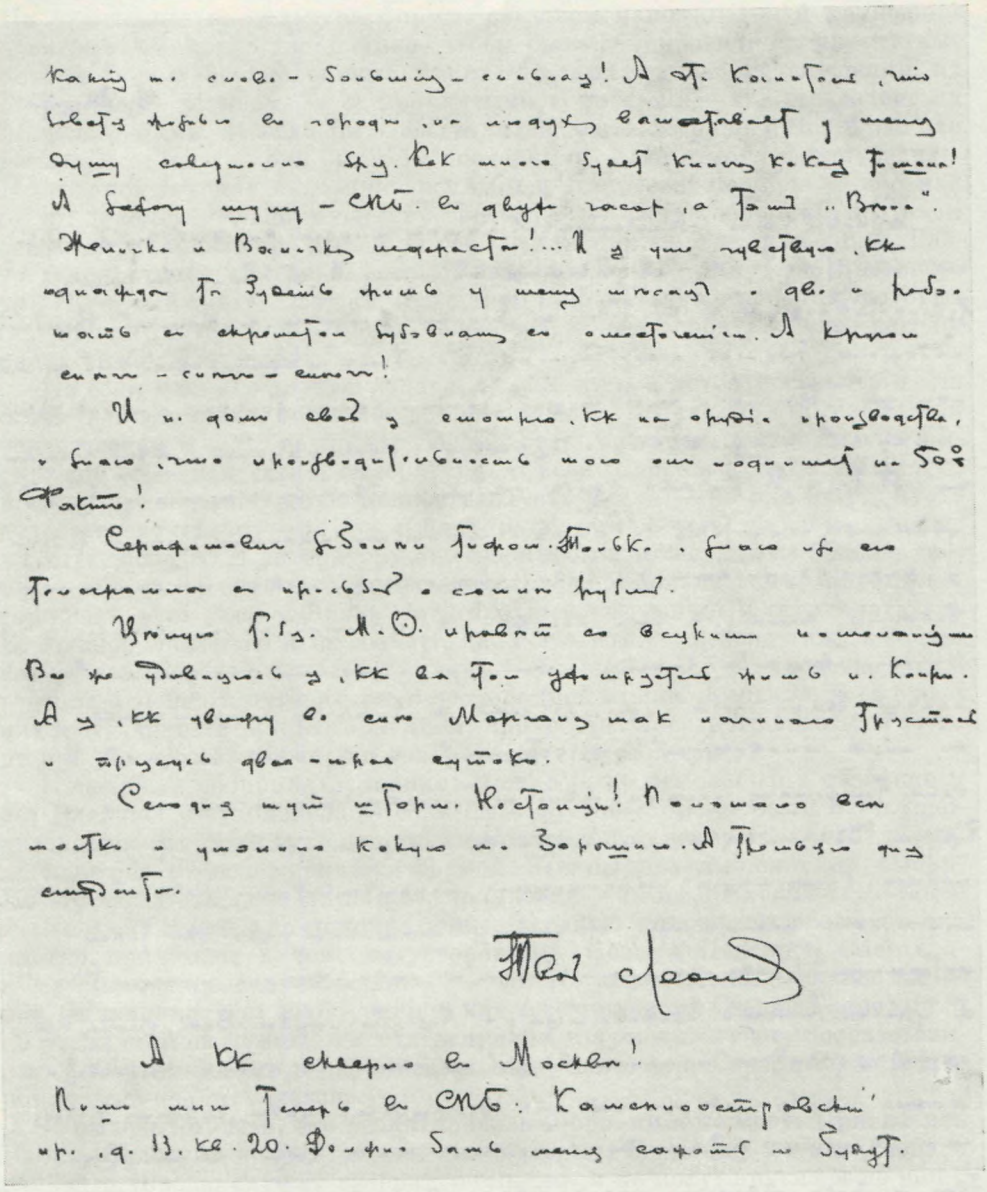
Наконец, вот еще какое соображение. Размышляя о своем редакторстве и редакторстве вообще, я пришел к выводу, что оно должно быть единоличным, а не коллективным, как думал раньше. Ибо редактировать, как и сочинять рассказы, нужно так, чтобы наиболее полно выражалась и в рассказах (своих или чужих) воплощалась твоя личность. И будь бы мы с тобою совершенно согласны, выходило бы так, что редактирую я



(1907 г.)
13 Августа

Милый мой Алексеюшка! Самое плохое во всей этой истории, что ты – золото – поверил клевете на меня. И ах, зачем ты это сделал. Отвечусь я тебе на всякое письмо, на всякое чувство, какое ты ко мне будешь иметь, но зачем молчать, сидя рядом со мной, зачем молчать этого одного только у меня ждут и вправе ожидать, вправе основательно твоя конференция, твой temperamental status'ъ. И что ли здесь считаешь своими надеждами („ведь, уважаешь комплекс? – отлично называется надеждой"), одного только я вправе основательно, как новой надежды на новую встречу, не-завалящую власть. И это нехорошо: когда плохо стоишь авансцены, всегда надо кого-нибудь иметь рядом и называть надеждой. Ведь зовешь ехать тебе: одна не хочет в России, а здесь можешь ее мирно, человек, как друг обидеть за мое высокое, как твое. И если temperamental писанину твою не уважаешь тебе и еще кому-нибудь уважительно, что причина – во взгляде и темпераменте твоего новаго, temperamental, мироощущении, мировоззрении. Бывают минуты, когда интересуешь обыкновенный человеческий – чего тебе интересно? Слова – пустяки – оболочка и плоть – терпимо и мерзко. Вот ты уехала, тяжело, скованная; и будущее – новое. Вот снова как дешевую колбасу, начинаю всякой дрянью – как трудно, как невозможно построить мир мне это безграничное новой, совсем новой, что движется сейчас душе твоей, через плоть самая тонкая тебе и тупая твоя и плоть твоя движущая, старая.

АВТОГРАФ ПИСЬМА АНДРЕЕВА К ГОРЬКОМУ ОТ 13 АВГУСТА 1907 г.
Лист первый
Архив Горького, Москва



АВТОГРАФ ПИСЬМА АНДРЕЕВА К ГОРЬКОМУ ОТ 13 АВГУСТА 1907 г.
Лист последний
Архив Горького, Москва

один, или ты один, безразлично. А раз мы расходимся — нас будет двое, и будет ерунда.

Не сердись на меня, Алексеюшка! Мне очень жаль, что так выходит, но ничего ведь не поделаешь. И разногласие наше, достаточное для того, чтобы я не мог редактировать сборниками, по существу не заходит глубоко и — для меня, по крайней мере,— нисколько не задевает и не колеблет нашей глубочайшей и крепчайшей внутренней связи. И если ты даже рассердишься на меня и скажешь пренебрежительно: «а ну его к чёрту с его педерастами!», я увижу в этом только коротенькое недоразумение, и больше ничего.

Упущений от того, что я теперь отказываюсь, никаких не будет, ибо до приезда Пятницкого я возьму его функции на себя и буду добывать материал от старых сотрудников. Дадут рассказы Зайцев и Муйжель.

Дела личные. Был две недели в Москве. Завтра сажусь работать. Отработанный рассказ, очень скользкий по теме, пришлю тебе для суждения; вызывает во мне некоторые сомнения [6]. Потом пишу «Царя-Голода» для сборника [7]. Потом «Навуходоносора» [8] (пиесой, и совершенно в новом виде!).

Насчет дома глубоко ошибаешься. Ты знаешь мое давнишнее мечтание — уйти из города совсем [9]. И вот я ухожу из него — в глушь, в одиночество, в снега. Ведь люди не помогают моей работе, а только мешают ей — и как я буду там работать! Накопилось во мне много, и я уже чувствую, как оттуда, из тишины той, я буду бросать в мир какие-то слова— большие — сильные! А эта канитель, что зовется жизнью в городе, на людях, выматывает у меня душу совершенно зря. Как много будет книг, какая тишина! А захочу шуму — СПб. в двух часах, а там «Вена» [10], Женечка и Ванечка [11], педерасты!.. И я уже чувствую, как однажды ты будешь жить у меня месяц и два и работать с скрежетом зубовным, с ожесточением. А кругом снег — снег — снег!

И на дом свой я смотрю как на орудие производства, и знаю, что производительность мою он поднимет на 50%. Факт!

Серафимович заболел тифом. Только и знаю из его телеграммы с просьбой о сотне рублей.

Целую тебя, Марии Федоровне привет со всякими пожеланиями. Все же удивляюсь я, как вы там ухитряетесь жить на Капри. А я, как увижу во сне Моргана [12], так начинаю трястись и трясусь двое-трое суток.

Сегодня тут шторм. Настоящий! Поломало все мостки и утопило какую-то барышню. А третьего дня — студента.

Твой Л е о н и д

А как скверно в Москве!

Пиши мне теперь в СПб.: Каменноостровский пр., д. 13, кв. 20. Должно быть меня сажать не будут.

На письме помета Пятницкого: «1907 г.»

[1] Подразумевается открытая статьей Д. В. Философова «Конец Горького» («Русская мысль», 1907, № 4) кампания буржуазной печати против писателя в связи с выходом его произведений, посвященных революционной борьбе — повести «Мать» и пьесы «Враги».

[2] Речь идет о статье Львова-Рогачевского «Из жизни и литературы. „Шаги смерти". (По поводу „представления" Л. Андреева „Жизнь человека" и рассказа Л. Андреева „Елеазар")». Автор приводит слова одного из рабочих, присутствовавших на чтении «Елеазара»: «Да что вы нас тащите к смерти, мы еще не жили 〈...〉 Разве не был мертв наш народ? „Мертв в законе" и в жизни, а теперь он, как Лазарь, воскрес. Чего смеетесь! Да,— мы Лазарь воскресший! Но мы не похожи на Елеазара Л. Андреева: тот, кто поглядел нам в глаза, тот прочел там жажду жизни и борьбы, и стыдно теперь „петь Лазаря", как поют на ярмарках слепцы, вымаливая подаяние. Мы хотим жить! Пусть возьмут себе и уничтожение и приговор слепого Рока те проклятые мертвецы, которые душат нас, живых... Мы же возьмем „живое" для жизни» («Образование», 1907, № 3, стр. 62).

[3] Сергей Николаевич *Сергеев-Ценский* (1876—1958) опубликовал под заглавием «Мертвецкая» в журнале «Образование», 1907, № 3, отрывок из романа «Бабаев».

[4] Рассказ Зайцева «Скопцы» был напечатан в «Новом пути», 1904, июль.

[5] Скиталец.

[6] Речь идет о рассказе «Тьма», работу над которым Андреев закончил 20 сентября 1907 г. В бумагах Андреева сохранились два черновых наброска рассказа. Первый (12 лл., без заглавия: «С каждым часом круг преследователей становился все теснее и крепче...») с датой 14 августа 1907 г. Второй, названный «Ночь» и датированный 18 августа 1907 г., не имеет конца (передано в 1961 г. в ЦГАЛИ сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым). 26 сентября рассказ был прочитан на первой «Среде» у Андреева в присутствии В. Г. Тана-Богораза, Чирикова, Юшкевича, Сергеева-Ценского, А. Л. Волынского и др. По просьбе автора рассказ читал по рукописи Блок (Александр Блок. Собрание сочинений, т. 8. М. — Л., Гослитиздат, 1963, стр. 210). Отзыв Горького о «Тьме» — см. в письме 156.

[7] Драма «Царь-Голод. Представление в пяти картинах с прологом» (издана с рис. Е. Лансере. СПб., «Шиповник»). Для закрепления авторских прав Андреева за границей, пьеса, как и другие его произведения, была выпущена издательством Ладыжникова в Германии. Отрывок из «Царя-Голода» под заглавием «Суд над голодными» был опубликован в легальной большевистской газете «Гудок» (Баку), 1908, №№ 24, 23 марта и в журн. «Былое-грядущее», 1908, кн. 4—6.

[8] См. об этом прим. 1 к письму 97.

[9] Андреев часто и охотно говорил журналистам о своем желании уйти в «деревенское уединение» от шума городской жизни, «чтобы свободнее писать о „вневременном" и „внепространственном"» (В. Базилевич ‹В. В. Брусянин›. Леонид Андреев. Очерк.— «Всеобщий журнал», 1910, декабрь, № 1, стб. 73—74).

[10] «Вена» — популярный в литературных кругах петербургский ресторан.

[11] Чириков и Бунин.

[12] Энрико *Моргано* — владелец кафе на Капри, знакомый Горького и Андреева, выполнял их мелкие хозяйственные поручения.

152. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

‹Капри. 20 ... 30 августа/2 ... 12 сентября 1907 г.›

Милый мой Леонид!

Ты напрасно подумал, что обидишь меня отказом от редактуры сборников — мне только нравится твое решение. Ведь, если ты вспомнишь, я не особенно горячо защищал необходимость для тебя занять позицию редактора и указывал, что тебя ожидает куча разных знакомств и отупляющее чтение рукописей — по пуду в неделю, не менее.

Говоря серьезно,— о редакторстве, в том виде и смысле, как ты представлял себе,— не может быть речи. При болезненном развитии самолюбия, которым ныне так жирно потеют российские литераторы,— можно ли с успехом, но без обиды на тебя — сказать кому-либо из них — «написано холодно, без любви к делу»? Теперь все пишут превосходно, каждый верует, что он по меньшей мере — мудрец, во всяком случае — создатель «нового стиля»,— и все ведут себя на полях словесности, как телята в огороде,— резво. Не думаю, чтобы возня с такой оголтелой публикой могла дать добрые результаты.

Предоставим сборники Константину Петровичу — у него есть для этого дела и любовь, и вкус, и охота. А сами — будем по мере сил делать литературу.

Я читаю все российские журналы, и мне то грустно почти до слез, то смешно — до бешенства. Как все убого и как неискренно! Обрати внимание на дружный хор литераторов, поющих панихиду российской революции, которой они уже вырыли могилу — в бесплодных пустынях своего воображения и ныне тщатся заживо похоронить эту юную особу. Посмотри в 7 № «Весов» что пишет З. Гиппиус о тебе и о культуре [1], а потом вчитайся в смысл редакционного примечания к бездарной и вычурной болтовне Зиночки — насколько смешно и как нахально все это!

Кузмин, человек видимо малограмотный, не умеющий связно писать, не знакомый с русским языком — творец новой культуры, оказывается! Это — не ирония.

Чёрт бы их побрал — они сильно злят, мещане во сто лошадиных сил. Кстати — заметь их особенность — они говорят, но — не доказывают, не могут доказать. Способ их рассуждений — истерический крик старой девы.

Ты знаешь, что я в этой публике ценю ее любовь к слову, уважаю ее живой интерес к литературе, признаю за ней серьезную культурную заслугу — она обогатила язык массой новых словосочетаний, она создала

ДРАМА АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»
НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1907 г.
«Рождение человека»
Эскиз (тушь) В. Е. Егорова
Музей Художественного театра, Москва

чудесный стих и — за все это я не могу не сказать — спасибо, от всей души — спасибо, что, со временем, скажет им история.

Но они уже вообразили себя околоточными надзирателями по литературной части и — как у всех русских полицейских — у них погибло уважение к личности, к ее свободе. Они противно-самолюбивы — вот что отталкивает меня, они холодны, они слишком зрители жизни и уж очень добиваются чести быть признанными «большой публикой», то есть идейными людьми.

Ты говоришь — Блок талантлив. У него есть недурная книга — «Стихи о Прекрасной даме» — это всё пока. «Балаганчик» и «Незнакомка» — шалости, за них даже пьяный не похвалит. Это наивно к тому же. А впрочем — об этом не сто́ит.

Я не знаю, как ты понимаешь демократизм, но, судя по тому, что пишешь, боюсь — ты сузил это понятие едва ли не до «народничества» — в мире да почиет!

Для меня демократизм — вера в потенциальную творческую силу народной массы, являющейся — как вселенная — источником всех возможностей, способной создавать Толстых и Леонардо да Винчи, Эсхилов и Шекспиров. Жизнь, по сему, процесс творческий и полный изумительных неожиданностей вроде четвертой кометы, Грига, Андреева и т. д. Определение мое — грубо и поверхностно, но развить его мне некогда, ибо — комета! Какая она великолепная! Здесь я вижу простым глазом ее хвост на протяжении сажени — представляешь как это чудовищно-красиво? Я смотрю на нее каждую ночь, и она чудесно чистит мне голову и душу.

Погода здесь — прекрасная, море — выше всех слов! Каждый день болтаюсь часа четыре в лодке, с рыбаками, выловил несколько сот рыб и написал «Шпиона» [2]. Вышло длинно и скучно, но я не огорчился — написать эту вещь нужно было, она мешала мне. Буду теперь писать рассказ «Артист» [3] или что-то на эту тему. Сквозь революцию идет свободный человек и — мимоходом — помогает ей совершиться. Вот и всё.

Но лучше всего — комета, Леонид. Со временем мы, люди, будем заглядывать за пределы нашей атмосферы — почему не допустить и этого, если допускается, что Кузмин служит культуре? — и смотреть на кометы вблизи.

Будем мы также ходить по дну моря, среди водорослей, скал и погибших кораблей,— такие легкие прогулки по праздникам. Без гида и Кука[4], разумеется. Скоро поеду во Флоренцию, — только денег нет у меня. Живу — как богатый — в долг.

А насчет сердитьбы и разных обид — брось раз навсегда. Сердиться— законно, но — не по пустякам. Я же тебя и люблю, и умею любоваться тобой, и это дает мне плюс, приятный и возбуждающий, как хорошая ночь с беспокойными тысячами ярких звезд.

Комплиментов же — не говори мне — ты наделал их столько, что можно вызолотить небольшой иконостас в сельской церкви. К чему эта роскошь?

«Навуходоносора» — мне жаль. Я думаю, ты испортишь его в пьесе. А чего не сможешь сам испортить, довершат режиссеры с актерами. Царя будет играть губошлеп с кривыми коленками, верующий в бога и полный священного трепета перед господином полицеймейстером. И когда он скажет «Я — Царь!», ты, автор, услышишь в его словах совершенно другое, уверяю тебя!

Некто, с озлоблением, рассказывал мне, как в Териоках играли «Жизнь» [5],— а я хохотал. Вот черти! Всё еще сморкаются в салфетки, хотя «Речь» утверждает, что мы — на рассвете культуры [6]. Ну, до свидания, однако. Жму руку, обнимаю всей душой, желаю — скорей работай и — работай!

А.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Речь идет о статье Антона Крайнего (З. Гиппиус) «Братская могила» («Весы», 1907, № 7, стр. 57—63), в которой автор нападает на Андреева и Горького за общественные тенденции в их творчестве.

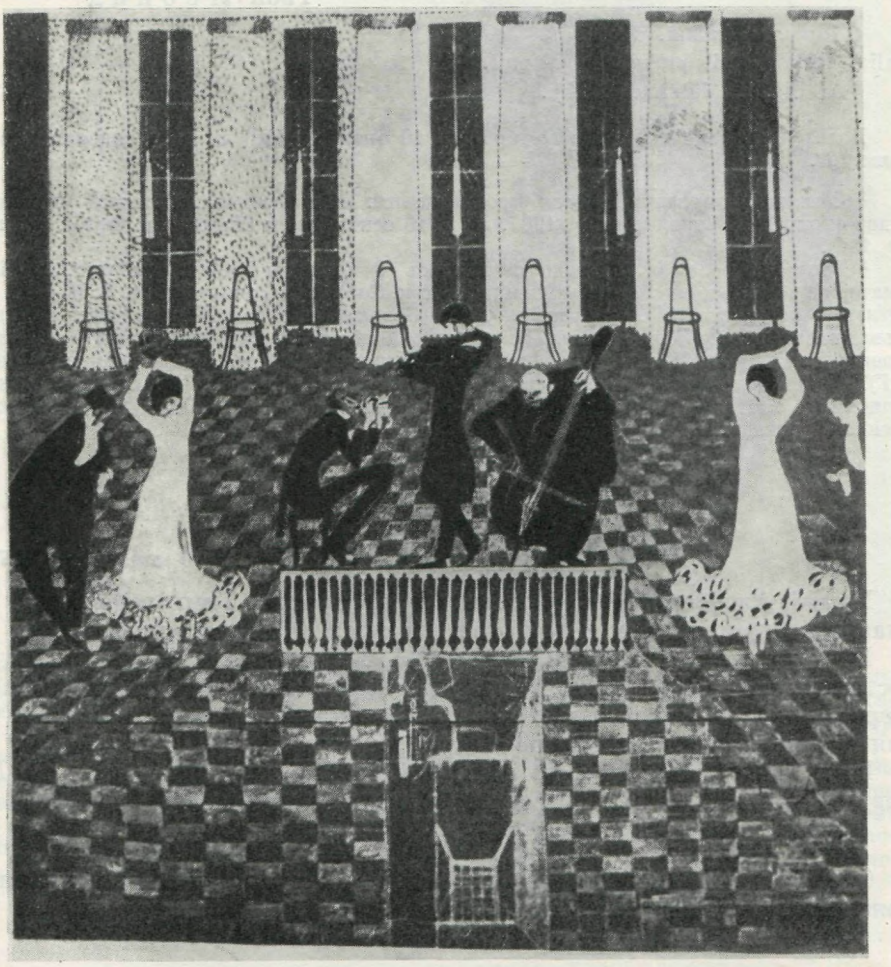
[2] Первоначальное название повести «Жизнь ненужного человека», первое упоминание о которой встречается в письме Горького к Ладыжникову, написанном не ранее 11 (24) февраля 1907 г. (XXIX, 14). Закончена повесть была летом того же года. «Тема моя,— сообщал Горький Львову-Рогачевскому после 15/28 августа,— психология шпиона, обычная психология запуганного, живущего страхом русского человека. Написана — по рассказу героя, служившего в одном охранном отделении, и автобиографической записке его товарища» (XXIX, 25—26). Полностью повесть напечатана Ладыжниковым в Берлине в 1908 г.; в России из-за цензурных затруднений

до 1917 г. была опубликована лишь часть произведения в сборнике «Знание», кн. 24, 1908.

[3] Неосуществленный замысел Горького.

[4] Известное туристское бюро, основанное английским предпринимателем Томасом *Куком* (1808—1892).

[5] Постановка «Жизни человека» состоялась в Териокском театре в 1907 г.



ДРАМА АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1907 г.

«Бал у человека»

Эскиз (гуашь, золото) В. Е. Егорова

Музей Художественного театра, Москва

[6] «Речь» (Пб., 1906—1917) — ежедневная газета, центральный орган кадетской партии. Фактически редактировалась П. Н. Милюковым и И. В. Гессеном. Горький, очевидно, имеет в виду серию статей Александра Мертваго «В тумане намечающейся культуры» (1907, № 190, 195, 201 и 208, 14, 19, 26 августа и 4 сентября).

153. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Петербург. 9 октября 1907 г.〉
Каменноостровский, 13.

Родной мой Алексеюшка! Писать тебе не пишу, а думаю постоянно. Какая у меня жизнь! Пишу, разговариваю, тоскую, смеюсь, пью, работаю—

и все это в сто лошадиных сил. Написаны два рассказа, оба мне не нравятся [1], и в шесть дней соорудил «Царя-Голода» — кажется, вещь большая и серьезная. Сегодня читал на «Среде» (я сюда перенес московские «среды»)[2]. Как обработаю, пришлю тебе. Целую тебя крепко и нежно, со всей любовью.

Твой Леонид

⟨*Адрес:*⟩ Италия. Неаполь.
Italia, isola Capri, presso del Napoli.
Al Signor Massimo Gorky.

Датируется по штемпелю: Петербург. 10 октября 1907 г. и по содержанию (см. прим. 2).

[1] Очевидно подразумеваются произведения: «Из рассказа, который никогда не будет окончен» («Утро России», 1907, № 1, 16 сентября) и «Тьма» (см. прим. 6 к письму 151).

[2] Вторая «Среда» у Андреева состоялась 9 октября 1907 г. (см. письмо Блока к матери от того же числа.—Александр Блок. Собрание сочинений, т. 8. М.—Л., Гослитиздат, 1963, стр. 214). 14 октября С. П. Боголюбов писал Пятницкому: «С Андреевым виделся. Он окончил „Царь-Голод"; на днях читал. Сам находит, что это произведение выше, чем „Жизнь человека". Решил пустить в том, а не отдельное издание» (АГ). Прием, оказанный пьесе слушателями, по-видимому, был прохладным, так как в письме к З. И. Гржебину от 16 октября Андреев сообщал: «„Голод" понравился не очень. Кудревато и не страшно» (ЦГАЛИ).

154. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 16 октября ⟨1907 г.⟩

Милый Алексеюшка! Посылаю тебе, по просьбе Тимковского, его рассказ; посмотри, друже, и дай ответ, годится ли для сборника [1].

Еду нынче в Москву недели на три [2]. Забьюсь в какую-нибудь глухую гостиницу и буду работать, отдыхать, лечиться. Здоровье совсем табак. Нервы — какая-то каша, по ночам бессонница, изнурительные поты и всякая чертовщина. Этак можно скоро уходиться.

Если напишешь скоро, то в Москву (Арбат, д. Чулкова, Ф. А. Доброву [3] для меня), а то опять в СПб. Крепко целую тебя.

Твой Леонид

Сколь противный народ многие здешние литераторы! Сплетни, зависть, ложь.

Датируется по содержанию.

[1] Андреев послал Горькому рукопись рассказа Тимковского «На озере». Пересылая это письмо Андреева Пятницкому, Горький писал 22 ... 23 октября/4 ... 5 ноября 1907 г.: «Он всегда отзывался о Тимковском как о человеке скучном и бездарном. Сопоставляя его отзывы с любезным предложением рукописи Тимковского для „Знания", я вижу в этом выходку не очень остроумную» («Архив Горького», т. IV, стр. 207). В «Знании» Тимковский не печатался. На письмо Андреева Горький не ответил (там же, стр. 209). Отклоненная Горьким рукопись рассказа «На озере» долго пролежала у Пятницкого и только 20 августа 1908 г. была возвращена им Андрееву. О Тимковском см. прим. 2 к письму 17.

[2] 17 октября 1907 г. Андреев выехал из Петербурга в Москву, чтобы присутствовать на репетициях «Жизни человека» в Художественном театре (см. письмо Боголюбова к Пятницкому от 17 октября 1907 г.— АГ). Андреев взял с собой в Москву рукопись «Царя-Голода» для завершения работы над ней (см. его письмо к Серафимовичу от 28 октября 1907 г.— «Московский альманах», I, стр. 302).

[3] Филипп Александрович *Добров* (1869—1941) — врач и общественный деятель в Москве; муж старшей сестры жены Андреева — Елизаветы Михайловны Велигорской (1871—1943). Помимо родственных отношений Андреева связывала с Добровым длительная дружба. Широкие знакомства Доброва с литературным миром, его эрудиция в области театра и музыки и несомненная собственная литературная одаренность делали его увлекательным собеседником для Андреева. На квартире Доброва состоя.

ГОРЬКИЙ
Скульптура (гипс) И. Кампаньоли, Капри, 1908 г.
Музей Горького, Москва

лись некоторые из литературных «сред», на которых бывал Шаляпин. С 1907 г. в семье Добровых воспитывался второй сын Андреева — Даниил. Большое количество писем Андреева к Доброву, содержавших ценные биографические данные и сведения о творческой истории произведений Андреева, к сожалению, утрачено.

Знал Андреев и брата Доброва—Михаила Александровича (1878—1943) — бывшего армейского офицера, участника русско-японской войны. За связь с революционным движением и создание подпольной химической лаборатории по производству бомб в 1906 г. был заключен в Иркутскую каменную тюрьму, а затем сослан на вечное поселение на Ангару. Сотрудничал в сибирских изданиях. После Октябрьской революции работал в Госплане РСФСР (сообщено В. П. Митрофановым).

1908

155. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Петербург.〉 11 февраля 〈1908 г.〉

Милый мой Алексеюшка! Сейчас я сижу тихонько в СПб., отдыхаю во всевозможных направлениях и чувствую себя так, будто год просидел где-нибудь в Порт-Артуре или, по примеру Данте, год путешествовал по аду. И когда оглядываюсь назад, на истекший 1907 год, то думаю: воистину живуч человек! Конечно, у меня сейчас форменная астма, и голова, как еврейская квартира после погрома, и ноги, как испорченные шпингалеты, — но разве это настоящая плата за все содеянное мной и надо мной? Был целый месяц, когда разум мой просто-напросто мутился. Потом тоска, удивительная тоска, когда однажды почувствовал я, что дошел *до предела скорби*, до того таинственного предела, который отделяет скорбь от чего-то нового, непостижимого, не то смерти, не то жизни. Потом пил я — по три-четыре дня, сперва рюмками, а потом коньяк, стаканами. Потом женщины — ряд мыльных пузырей, за которыми гонялся я, задрав кверху пьяно-плачущую рожу, и от которых теперь и на языке, и на сердце вкус дешевого мыла.

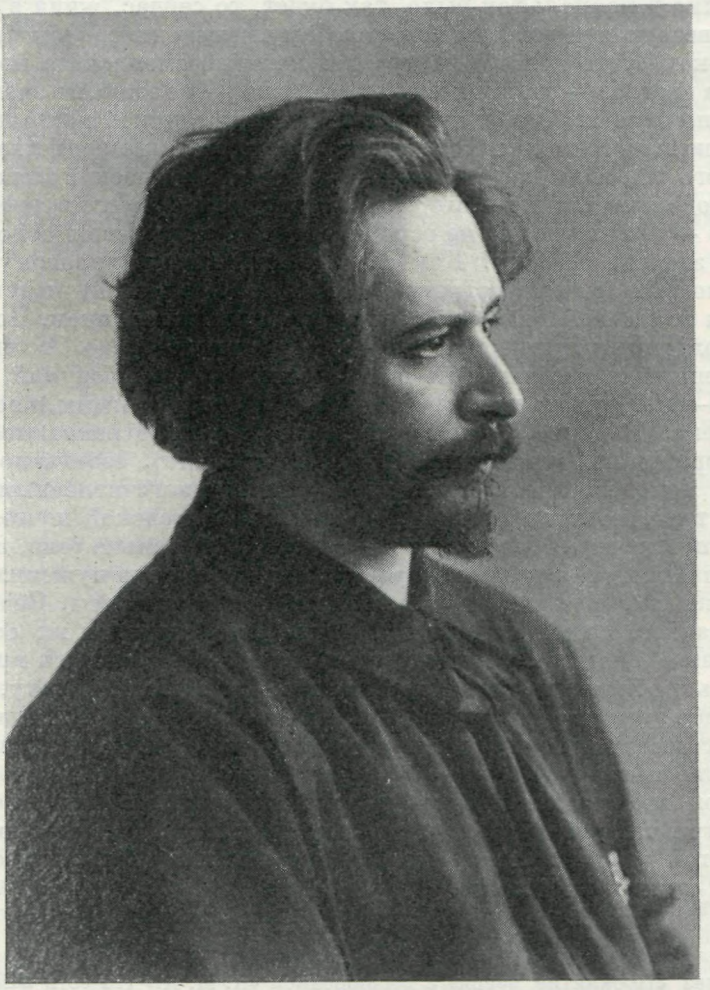
Работа? Но я не считаю, что этот год работал. «Тьма» — вещь жестоко неудачная, конфузная. «Проклятие зверя» — какая-то душевная замазка, чтобы не так дуло в щели [1]. Наконец и сам «Царь-Голод» написан втрое слабее, чем надо, и как-то отдает спрятанным в погребе покойником. Да, есть в нем что-то мертвое, холодное. Местами — хорошо, а фон какой-то серый, плохой. Вот и всё, что сделано,— в сущности, ничего или почти ничего, ибо все-таки «Царь-Голод» не окончательно плохо.

Теперь я не пью и, по-видимому, собираюсь жить. Что-нибудь изменилось? Нет. Так же одинок, так же нет женщины, которую бы любил, так же пуста и по-больничному звонка квартира. И нет ни одного друга, кроме тебя, такого далекого и такого ненадежного. Просто совершился, очевидно, какой-то перелом, и жизнь начинает брать верх и обнаруживается то мое свойство, за которое Шура называла меня Ванькой-встанькой. Что же! Если за смерть Шуры я поплатился только тем, что было, то это страшно дешево.

Хотя — кажется мне — лишь теперь, с возвратом жизни, начинаются настоящие большие страдания мои. Тут нет противоречия. Трагедия — утверждение жизни, и только драма исключает жизнь. А то, что у меня было в этот год печального, за вычетом отдельных моментов, было все же не больше как драмой, именно довольно скверной и грязноватой мещанской драмой. Это только репортеры и плохие литераторы называют самоубийство трагедией, а по-моему, среди миллионов самоубийц не найдешь и одного, который был бы воистину трагичен. Люди трагедии — живучи, и только люди драмы кончают с собою.

Трагедией была моя жизнь на Капри, еще вначале, когда я один бродил по острову и ночью слушал бурю. И трагедией она станет с весною, когда раз навсегда я уйду из ненавистного города с его жалкой суетой, раз навсегда стану лицом к лицу с природой, с морем, небом, снегом —

перед чистым лицом человеческой мысли. Как я люблю мою будущую дачу! Тебя не возмущает эта любовь? Ты понимаешь, что это не любовь собственника, а другое. Жить нужно или так, как ты живешь, или так, как я хочу жить,— или стоять в самой кипени жизни, творить ее, или отойти от нее на расстояние и пытаться осмыслить ее. К последнему тяготею я всем складом души моей. Мне кажется, что я видел и чувствовал, и даже знал достаточно, ибо пьяный или трезвый, веселый или печальный



АНДРЕЕВ
Фотография Д. С. Здобнова, Москва, 1908 г.
Литературный музей, Москва

не перестал *смотреть*, и целые груды насмотренного лежат во мне, и беру я ужасно много, а не отдаю ничего. Чтобы отдать, нужно осмыслить, а как это сделать, когда тысячи ветряных мельниц машут перед носом руками, когда от близости к предметам ломается перспектива и дряненький ⟨.....⟩ Арцыбашева покрывает луну и звезды, когда голос околоточного отдается в ушах громче голоса самого бога, и т. д. и т. д. Понять я хочу, понять, а видел я достаточно.

Вот во мне уже с полгода резко намечается какой-то кризис, намечается столь ощутительно, что я не могу писать ничего серьезного: от ста-

рого я отошел, а к новому дороги не знаю. И в чем оно заключается—тоже не знаю. Несомненно только одно, что от отрицания жизни я как-то резко поворачиваю сейчас к утверждению ее. И если прежде я думал, что существует только смерть, то теперь начинаю догадываться, что есть только жизнь. Но именно догадываться. Поразительным, например, кажется для меня то, что наряду со страданиями, о которых я писал уже достаточно, я почти непрестанно испытывал и испытываю какую-то огромную, чудовищную радость жизни. Если при успехах революции я смотрел мрачно и каркал: так было, так будет, то сейчас, живя в лесу виселиц, я чувствую и радость, и непоколебимую уверенность в победе жизни. Выходит как будто похоже на дурака, который смеялся на похоронах и плакал на свадьбе,— но это не то, не то. А что — не знаю, не знаю. И знать не буду, пока не отойду от житейской суеты и в дикой пестроте явлений не усмотрю какого-то великого и еще неведомого мне единства.

От этого так и люблю я будущий дом с его всяческой приспособленностью к одиночеству и работе[2]... Но вот тут наступает нечто изумительно глупое — все это может не осуществиться потому, что в основе своей я слишком здоров. Ей-богу! Как самому типичному здоровому пошляку мне нужно быть сытым, согретым, иметь хорошую жену и детей, чтобы *мысль* моя стала свободна, а не занималась подслуживанием. Помню, как, будучи голодным студентом, я мог думать только о еде. А теперь было так: лишенный женщины, я по целым месяцам — ты подумай, по целым месяцам! — мог думать только о женщине и притом специально, не хуже Арцыбашева. Конечно, я мог устроиться, как устраиваются другие: нанять горничную (это и доктора мне советовали), ездить по субботам в бардак, наконец, просто пользоваться теми многочисленными предложениями тела, которые поступают ко мне по городской почте. Но я не могу, это претит мне. Мне нужна жена, то есть не только тело, но и душа, та особенная женская душа, которой не заменят тысячи мужских душ, как тысяча, скажем, мундштуков не заменит одной папиросы. Сравнение не совсем удачное, но ты понимаешь, в чем дело. На этих же основаниях неприменим и онанизм. Конечно, есть другой способ: стать выше, победить плоть и обкарнать дух. Но мало того, что я этого не могу, я этого и не хочу, ибо этим умерщвлением и обкарнанием я выдерну стул, на котором сидит миросозерцание, покушусь на что-то, не менее ценное, чем сама работа мысли.

На этом неожиданно оборву письмо, ибо, если не кончу сегодня,— а сейчас три часа ночи, и устал,— то при обилии суеты не скоро кончу. Лучше потом допишу. Скажу только, что люблю тебя крепко и верно. А писать нужно еще много.

Жму руку твою.
Твой Леонид

[1] Рассказ «Проклятие зверя» с посвящением «А. М. А.» (то есть памяти покойной жены А. М. Андреевой-Велигорской) впервые опубликован в сб. «Земля», I. 〈М.〉, 1908. В ЦГАЛИ хранится письмо Андреева к Измайлову, раскрывающее замысел рассказа.

[2] В воспоминаниях современников сохранилось много рассказов о доме Андреева в финской деревушке Ваммельсуу (около Териок). Дом был построен к лету 1908 г. по проекту Андрея Андреевича Оль (1883—1958), мужа сестры Андреева Риммы Николаевны, впоследствии выдающегося советского архитектора. В. Е. Беклемишева вспоминает: «Высокий, темный, бревенчатый дом с башней, с ярко-красной на солнце черепитчатой крышей, открытый всем ветрам и вьюгам Финляндии, казался тяжелым и угрюмым 〈...〉 Самой примечательной комнатой в доме был кабинет. Огромный, такой же, как столовая внизу, он был из темно-коричневого дуба. Серый шероховатый потолок пересекали темные бревна, покатые по бокам; они делали комнату выше и скрадывали пространство пола. Большой письменный стол стоял так, что к нему можно было подойти со всех сторон. В простенках между дубовыми поперечинами вделаны в стену большие картоны — копии с картин Франциско Гойи, сделанные углем и карандашом самим Леонидом Николаевичем. На одной из них был

изображен чёрт, которому стригут ногти, на другой — старец с крыльями летучей мыши за плечами строчит что-то гусиным пером в большой книге, лежащей у него на коленях. Тут же на темном дереве висит белое католическое распятие и четки. Дубовые кресла с высокими готическими спинками, огромный диван, темно-синее сукно на полу придают этой комнате впечатление мрачной торжественности. И только квадратные окна с прекрасными зеркальными стеклами, оранжевые шелковые занавески и сверкающий снег или мягкая синь неба за окнами вносят примирение и теплоту. Библиотека непосредственно примыкает к кабинету. Их разделяет только длинный с потолка до полу темный занавес. В плоских сплошных шкафах ряды книг. Здесь и классики, и монографии по искусству, и вновь выходящая литература. В кабинете тихо: сукно на полу, тяжелые занавеси заглушают шаги и слова. Из кабинета дверь ведет на просторный, похожий на палубу корабля, открытый балкон. Здесь, заработавшись до рассвета, Леонид Николаевич встречал восход солнца» («Реквием», стр. 198—200). В наброске статьи «Пересмотр наследства» А. С. Серафимович рассказывает о своей встрече с Андреевым в Ваммельсуу: «Мы сидим в огромном кабинете. Глядишь из одного конца, другой смутно теряется вдали, и лишь блестят на камине старинные еврейские семисвечники. И пол, и потолок, и стены обтянуты серым сукном. В громадной раме зловеще слетелось черное вороньё кисти Рериха. Бронзовая статуя Медичи — глаз не оторвешь,— Микель-Анджело. Ничего крикливого, на всем рука строгого художника.— „Я хочу красиво пожить“ (ЦГАЛИ, ф. 457, ед. хр. 116). См. также кн.: Вадим А н д р е е в. Детство. М., 1963, стр. 33—44.

156. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 17 ... 29 февраля/1 ... 13 марта 1908 г.〉

Ехал бы ты, Леонид, сюда и жил здесь, до поры, пока не выстроят тебе дом,— нечего тебе делать на этом рынке нищих, кои торгуют краденым тряпьем и грязными обносками гнилых своих душ.

Ты посмотри — что делают с тобой все эти хулиганы — ныне товарищи твои по сотрудничеству: основоположник их, Мережковский, ходит грязными ногами по твоему лицу [1], Гиппиус поносит тебя в «Mercure de France»[2], а в журнале Брюсова ты назван невеждой и дураком [3] — это уже не критика, а организованная травля, гнусная травля, нечто невиданное в нашей литературе.

Тащат на твое место Куприна, только потому, что он менее талантлив, чем ты, и не так страшен для пигмеев, не задавит их. А он, бедняга, уже растерялся и после Изумруда оседлал Соломона, да и прогарцевал на нем [4], как гимназист, на позор свой. Да и все вы — растерялись пред натиском орды варваров, пред их голодным честолюбием и хитростью дегенератов.

Бросай, пока время, всю эту сологубовщину, пойми, что непристойно тебе, с твоим талантом невольно поддаваться их заразному влиянию и писать такие вещи, как «Тьма» [5]. Я чуть не заревел, прочитав эту мазницу дегтя, а потом шестнадцать лет сердился на тебя. Эх ты, дитя мое.

Имей в виду и впредь — будут тебя гнуснейше травить, доколе не получат должного отпора, который, вероятно, придется дать нам, то есть с нашей стороны. Мы организуем ряд литературно-критических сборников[6], и хотя Горнфельд [7] сказал, что «со стороны социал-демократов ничего хорошего нельзя ждать» — но Горнфельд — не из мудрых пророков. Все это пестроодетое мещанство, именующее себя «носителем истинной культуры», бьется за первый ряд в театре жизни, но — туда оно не пролезет. И бессильно, и опоздало, и хоть бы ты ему столь же усердно помогал как до сей поры — песня его спета и обнажилось оно вполне достаточно для того, чтобы все видели неизменимо изъязвленную душу его.

Приезжай сюда, в самом деле. Здесь хорошо. А в Питере — замучают тебя, замордуют.

Чудак ты! Да разве можно, например, оставаться в таком месте, где Сологуб наблевал свои «Чары»? Неужели ты не видишь, как это глупо и

грязно? Неужели? Жалко мне Куприна. Что он делает? Эта его «Суламифь» — неописуемо плоха. Но — ты увидишь — его будут хвалить и за это. Так надо.

Литературы почти уже нет — есть только вожделения.

Приезжай-ка!

И не думай, что я тебя для «Знания» завоевать хочу — хочется мне, чтобы ты отдохнул от этой склоки дрянной.

А л е к с е й

Датируется по содержанию.

[1] Имеется в виду лекция Мережковского о творчестве Андреева, прочитанная в Париже 11 января 1908 г. в «Sale des sociétés savantes» (под заглавием «В обезьяньих лапах» напечатана в «Русской мысли», 1908, № 1, стр. 75—98). Мережковский критиковал Андреева с реакционных религиозно-мистических позиций и замечал, что одной из причин нынешнего упадка таланта писателя были непомерные восторги «толпы» перед его произведениями. Привыкнув к славе, Андреев, по мнению Мережковского, постепенно утрачивал требовательность к литературному труду и все более переоценивал свои художественные возможности. Горький упоминает о выступлении Мережковского в статье «Разрушение личности» как примере недопустимой критики (впервые опубликована в кн. «Очерки философии коллективизма», сб. 1. СПб., «Знание», 1909).

[2] Речь идет о статье З. Н. Гиппиус «Notes sur la littérature russe de notre temps» ⟨«Заметки о современной русской литературе»⟩ в «Mercure de France», 1908, 1 января, стр. 74—75. Полемизируя с нею, Луначарский писал в «Заграничной газете» (Женева), 1908, № 3: «Да, это правда, Леониду Андрееву не хватает культурности, это не мешает ему быть колоссом, который очень скоро сумеет навязать себя и вниманию европейцев. Г-жа Гиппиус полагает, что он утонет в лужице мистического анархизма. Напрасные ожидания: он, правда, немного выпачкался в ней, но великаны в лужах не тонут...»

[3] Подразумевается статья Антона Крайнего ⟨З. Н. Гиппиус⟩ «Все то же», посвященная разбору рассказа Андреева «Тьма» («Весы», 1908, № 2).

[4] Рассказ Куприна «Изумруд» был опубликован в альманахе «Шиповник», 1907, кн. 3, а «Суламифь» (с посвящением Бунину) — в сб. «Земля», I. ⟨М.⟩, 1908.

Посетившая Капри писательница Нина Петровская рассказывала о беседе с Горьким о современной литературе. О Сологубе Горький заметил: «Написал хорошую книгу — „Мелкий бес“. Право, хорошая, ценная книга. И стихи его прекрасны, хотя и холодны несколько. Но „Навьи чары“ и всякие „Томления к иным бытиям“, и еще рассказ в „Весах“ „Милый паж“ — это откровенный садизм, почти психопатологические мотивы“ ⟨...⟩ Куприна отрицает совершенно.— Помилуйте, да разве там Соломон? Да это просто извозчик какой-то. Хороший бытописец Куприн, но не трогал бы он лучше „Песни песней“» (Нина П е т р о в с к а я. Максим Горький на Капри. (Литературный силуэт).— «Астраханец», 1908, № 7, 5 мая).

[5] Рассказ «Тьма» был напечатан в альманахе «Шиповник», кн. 3, 1907.

Прототипом героя «Тьмы» послужил видный член партии эсеров, инженер Петр Моисеевич *Рутенберг* (1878—1942). После убийства в 1906 г. Гапона Рутенберг (бывший организатором убийства) эмигрировал из России. В мае 1907 г. (под конспиративной кличкой «Василий Федоров») приезжал на Капри, где, по-видимому, и познакомился с Андреевым. 23 или 24 октября того же года Горький, называя «Тьму» отвратительной, грязной вещью, писал Пятницкому о Рутенберге: «Я предупреждал, я просил этого скота не говорить Леониду о революции и своем участии в ней, я прямо указывал ему, что Леонид немедленно постарается испачкать все, чего не поймет» («Архив Горького», т. IV, стр. 208). В «Тьме» пессимистические настроения Андреева получили наиболее полное выражение. Полемика вокруг «Тьмы» сразу же приобрела политическую окраску. При внешнем разнообразии отзывов от уничтожающих до восторженных буржуазно-либеральная критика приняла это произведение с удовлетворением (см., например, статью Гр. Полонского «„Тьма“ Л. Андреева светит» в газ. «Наш день», 1907, № 3, 24 декабря). Вместе с тем черносотенная печать усилила нападки на творчество Андреева в целом. Об этом — см. в кн. К. И. Чуковского «Леонид Андреев большой и маленький». СПб., 1908. Марксистская критика дала произведению Андреева резкую оценку.

[6] В письме к Пятницкому (около 14 января 1908 г.) Горький предлагал изменить характер сборников «Знания» и печатать в них, кроме беллетристики, статьи по литературе и философии, а также сообщал о предполагаемом новом составе редакции: Ленин, Луначарский и Богданов («Архив Горького», т. IV, стр. 226). План этот не осуществился, но уже в январе 1908 г. вышел в издательстве «Зерно» первый литературно-критический сборник «Литературный распад», направленный против буржуазно-декадентских течений в литературе. В этом сборнике Горький поместил статью «О цинизме», написанную для французского журнала «L'Avenir», где она появилась лишь

в марте 1908 г. (XXIV, 5—19). Борьбе с идейным и литературным распадом был посвящен и марксистский сборник «О веяниях времени». СПб., изд. «Творчество», 1908, со статьями Ленина «Нейтральность профессиональных союзов» и Воровского «В ночь после битвы». Последний рассматривал андреевскую «Тьму» и роман Сологуба «Навьи чары» как характернейшие проявления идейного мародерства отшатнувшейся от революции буржуазной интеллигенции.

Стремясь расширить круг издаваемой «Знанием» литературы, Горький одновременно с выпуском публицистических сборников обдумывал план издания специальной общеобразовательной серии книг для рабочих. Писатель и журналист М. Первухин сообщил некоторые подробности этого неосуществленного замысла. «Хочется с осени,— сказал ему Горький,— начать большое дело — ряд новых сборников „Знания" выпустить, но особых, специально для народившегося читателя — для рабочего. И чтобы эти книги были доступны самым широким массам...» (М. Первухин. У М. Горького на Капри. Капри 3 (16) августа.— «Одесские новости», 1907, № 7302, 11 августа).

[7] Аркадий Георгиевич *Горнфельд* (1867—1941) — критик, публицист, член редакции «Русского богатства»; в годы реакции сотрудничал в кадетско-меньшевистской газете «Товарищ», где регулярно помещал литературно-критические обзоры.

157. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 21 ... 23 марта 1908 г.⟩

Дорогой мой Алексеюшка! Ведь я не изменился, не меняйся и ты ко мне, голубчик. И в «Тьме» (откидываю ее слабую форму) [1], и в «Царе-Голоде» я все тот же, что был и в «Савве», и в «Иуде» [2]. И в «Шиповнике» я тот же, каким был в «Знании». Мои товарищи — нет, не товарищи они мои. И редактирование «Альманаха» — его я начинаю с того, что отказываюсь печатать продолжение «Навьих чар» [3]. И не люблю из них я никого, за исключением разве Блока [4]. Вероятно, выкину из будущих альманахов и Брюсова [5] — пусть идет своей дорогой. И если бы у нас были, действительно были, талантливые писатели прежнего знаниевского типа — не использованные и не заезженные и не состарившиеся (как тот же милый Серафимович [6]), я сбил бы компанию только из них.

Попробую. Не выйдет, брошу, но никакого разврата не допущу.

На Капри сейчас не поеду — далеко, и влечет к себе близкая петербургская весна, которую люблю. Но осенью, если доживу, приеду. Сейчас усиленно работаю. Пишу большой, листа три-четыре «Рассказ о семи повешенных» — на тему о смертных казнях. Чувствую, что сейчас голосу настоящего нет, а хочется крикнуть: не вешай, сволочь! Отдельные фигуры в рассказе недурны, а что в целом выйдет, не знаю. Тягостно писать [7].

Да, травля против меня была бы неслыханною, если бы не ты, с которого они начали [8].

Снизу доверху, во всех этажах российского литературного дома, иногда весьма смахивающего на веселый дом, меня ругают. Есть в этом и некоторая организованность — компания «Весов» и Мережковских ведет линию сознательно. И Куприна выдвигают сознательно. Но больше — от времени, искренне и тупо.

23 марта

Да, травля. Кадеты, мистики, декаденты, октябристы, черная сотня — со всех сторон. Но никак не ожидал я, что увенчают травлю с.-деки и что к именам Мережковского, Гиппиус и Брюсова [9] присоединит свое имя Луначарский в «Литературном распаде» — книге, скрепленной твоим именем,— авторитетом [10].

«Грусливый раб», «мещанин», «клеветническое изображение рабочего класса», «„Царь-Голод" — революция, отраженная в голове мещанина, пусть художника, но безнадежного мещанина».

Мне грустно не за себя. Мне грустно за дело, которому служат так, как Луначарский — по-лакейски. Говорят о себе, как о людях новой,

совершенной жизни, новой психологии, а пишут и думают, как в «Новом времени».

Там, где Луначарский только дурак, он трогает меня мало, и ведь и в своей жизни дураки останутся дураками. И когда «Бунт» он смешивает с революцией (специально для этих господ у меня есть в «Царе-Голоде» фраза: «не оскорбляйте революцию,—это бунт»,— не помогает) и на этом, единственно на этом недомыслии своем строит обвинение меня в мещанстве, — я смотрю спокойно. Недалеко время, когда я напишу «Революцию» (она является третьей в цикле пьес, и об этом уже было напечатано),— тогда даже Луначарский поймет, что в бессмертии я смыслю больше, чем он, и смерти боюсь меньше, чем он. Да и пролетариат ценю, пожалуй, больше, чем он.

Но есть место в его статье, где он пишет: «Революционный народ у Андреева сжигает национальную галерею. Этого никогда не было и не будет. Революционер-пролетарий всегда охраняет музеи. Эти мелочи дополняют картину беспомощности Андреева перед лицом революции».

У Андреева сказано:

«Инженер. Эти господа зажгли что-то там еще, кажется, Национальную галерею. Такие идиоты! Впрочем, *очень возможно, что галерея зажжена нашими же снарядами*».

Луначарский:

«Хулиганы у Андреева делают дело вместе с рабочими, сопровождая революцию (опять революцию — вот дурак!) разбоем. Это *бессознательная ложь*. Хулиганы или *расстреливали* рабочих в качестве гард-мобилей, или громили под знаменем монархии или религии, как наши черносотенцы. Там, где революция торжествовала (вот же дурак, господи!), хулиганы трепетали».

У Андреева:

«Инженер. В среде этих же голодных мы нашли за невысокую плату несколько достаточно умных и расторопных господ и снабдили их поручениями интимного свойства. И в настоящую минуту эти идиоты уже начали великолепнейшим образом *истреблять* друг друга».

Не знаю, как на твой взгляд, но, по-моему, этакая картина ничуть не уступает Буренину и Мережковскому.

Ты еще очень недавно писал:

«Имей в виду и впредь — будут тебя гнуснейше травить, доколе не получат должного отпора, который, вероятно, придется дать нам, то есть с нашей стороны. Мы организуем вид литературно-критических сборников» и т. д.

Так-то, Алексеюшка. Грустно все это.

Твой Леонид

Продолжаю о «Литературном распаде».

Самое важное в теперешнем литературном фарсе — разобрать, где враги и где друзья: мысли лгут, слова лгут, все замаскированы. И Луначарский употребляет слово «мещанин», и Каменский употребляет то же слово: не ходишь голый, членом наружу, то стало быть мещанин. «Мещанин», если не пользуешься задним проходом для «священных целей Эроса», «хам» (то есть тот же мещанин), если отвергаешь бога, чёрта и Мережковского с супругой.

И очень прискорбно, что сотрудники «Распада» не уяснили себе как следует, где враги и где друзья: с идиотской старательностью, как Луначарский, бьют по своим, еще раз кстати опошляя и обессмысливая вообще понятие мещанства: и дружественно, почти с лаской, упрекают Брюсова в буржуазности [11]. А ведь если разобрать как следует, что есть ли более характерная фигура для «их литературы» [12], как этот самый Брюсов? Сотрудник «Русского листка» времен Казецкого [13] ..... [14], патриот и чуть-

ПЬЕСА АНДРЕЕВА «ЦАРЬ-ГОЛОД». ИЗДАНИЕ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ Е. Е. ЛАНСЕРЕ (СПб., 1908)
Шмуцтитул

чуть не шовинист, он весь, со всем своим демонизмом сложенных на груди рук, со своим завитушечным стихом и воплями о культурности, со своей Козой [15], Эллисом [16]— Кузминым [17] и Феофилактовым [18]— он истинный герой мещанства. Да ты и сам это хорошо знаешь. Он очень талантлив — но лишь там, где он аппарат для писания стихов, искусный механизм, который на ночь разбирают и кладут в керосин, а утром смазывают из масленки. Там же, где он должен быть человеком, он просто скотина.

А эти мародеры — Мережковский, Гиппиус и прочие мистики и культуртрегеры? Пока революция двигалась вперед,— тащили ее назад, за хвост, а теперь явились на поле сражения и обирают убитых. Не ими разрыхленную, не ими политую кровью землю стараются засеять спермой своей мистики, своего религиозного блуда. Почему им не дали отпора?

«Страх смерти»,— говорит Луначарский. Хорошо, а может ли он указать хоть один случай, хоть одну строчку в моих писаниях, где я, страха этого ради, поклонился бы хоть одному из буржуазных истуканов? И где я вообще ради чего бы то ни было хоть на мгновение стал на сторону буржуазного уклада? Ах, господи! Вот и кадеты устами Галича [19] признают меня «мещанином» (за то, что вину взваливаю на один класс), а вот и мирнообновленцы ругаются (для образца посылаю вырезку) [20].

А в общем все-таки ваш сборник хороший и своевременный.

Некогда, братику, писать. Женился и еду в Крым [21]. Подробности письмом.

Мне начинает нравиться, что меня ругают [22].

Твой Леонид Андреев

[1] Принимая упреки в художественных погрешностях, допущенных им в «Тьме», Андреев отвергал критику идейного содержания рассказа: «Жаль, очень жаль, что испортил тему, которую считаю чрезвычайно важной и интересной... Большая, огромная тема... Мне „адски" досадно, что не справился с нею» (А. П о т е м к и н. У Леонида Андреева.— «Петербургская газета», 1908, № 235, 27 августа). Позже, в письме к А. И. Сумбатову-Южину от 25 ноября 1912 г., Андреев продолжал держаться прежнего мнения относительно рассказа: «Понять „Тьму" не возмутившись, принять к адресу ее человечность — это значит и самому зрителю подняться на большую высоту и автору дать неожиданный подарок» (ЦГАЛИ).

[2] Рассказ «Иуда Искариот» 1907 г. Опубликован в 16-м сборнике «Знание» (1907).

[3] Газета «Вечер» сообщала: «Ввиду некоторого несогласия редактора альманахов „Шиповник" Леонида Андреева с произведением Федора Сологуба „Навьи чары", продолжение их не будет напечатано в „Шиповнике", а выйдет отдельным изданием» (1908, № 62, 3 августа, в отделе «Литература и искусство»). Однако этот роман был полностью напечатан в альманахах «Шиповник» 1907—1909 гг. От редактирования альманахов «Шиповник» Андреев устранился в конце 1908 г. (см. его письмо к Б. Лазаревскому.— ИМЛИ).

[4] В альманахах «Шиповник» были опубликованы следующие произведения Блока: «В этот серый летний вечер...» — кн. 3 (1907), «Клеопатра», «Ты и я» — кн. 4 (1908), «Песня судьбы. Драматический пролог» — кн. 9 (1909), «На Куликовом поле» — кн. 10 (1909).

[5] Участие Брюсова в альманахах ограничилось стихотворением «Город» — кн. 1 (1907) и поэмой «Исполненное обещание» — кн. 4 (1908).

[6] Серафимович дал для альманахов рассказы «У обрыва» — кн. 1 (1907) и «Пески»— кн. 3 (1907). Когда направление «Шиповника» окончательно выяснилось для Серафимовича, он прекратил сотрудничество в альманахах.

[7] «Рассказ о семи повешенных» (с посвящением Л. Н. Толстому) был опубликован в альманахе «Шиповник» — кн. 5 (1909). Желая, чтобы протест против контрреволюционного террора и против смертной казни вообще получил возможно более широкое распространение, Андреев 1 января 1909 г. отказался от права собственности на это произведение и разрешил его свободную перепечатку («Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10678, 28 августа). «Рассказ о семи повешенных» многократно переиздавался и переводился на языки народов России и зарубежных стран. Впервые был прочитан на петербургской квартире Андреева 5 апреля 1908 г. (А. А. И з м а й л о в. Литературный Олимп. М., 1911). По дороге в Крым, Андреев заехал в Орел; вторичное чтение романа состоялось там на вечере в честь 10-летия его литературной деятельности, устроенном И. Н. Севастьяновым («Орловский вестник», 1908, № 102, 18 апреля). Несколько дней спустя в Ялте в номере гостиницы «Россия» у известного по политическим процессам присяжного поверенного М. Л. Мандельштама состоялось третье чтение. «Читал Леонид Николаевич,— вспоминал присутствовавший на чтении Н. С. Клестов (псевдоним: Ангарский, 1873—1943) — очень хорошо. Впечатление было сильное 〈...〉 Сам автор с трудом выдерживал тон спокойного рассказчика о страшных вещах 〈...〉 Закипела ненависть, хотелось бороться и отомстить палачам за всё: за ужас русской жизни, за гибнущих в тюрьмах, на каторге, на виселицах 〈...〉 Такова была потрясающая сила искусства» (Н. С. А н г а р с к и й (Клестов). Литературные воспоминания. (К истории Петербургского и Московского объединения писателей для издательской деятельности). Машинопись.— ЛБ, ф. 9, ед. хр. 2/1—2, л. 6а). Помимо «Рассказа о семи повешенных», Андреев выступил с протестом против смертных казней в статье «О казнях. (Из частного письма)».— «Эпоха», 1908, № 1, 15 сентября.

[8] Об этом см. прим. 1 к письму 151.

[9] Андреев имеет в виду статью Брюсова о постановке «Жизни человека» в Художественном театре («Весы», 1908, № 1).

[10] См. прим. 6 к письму 156.

Марксистская оценка экспрессионистической драмы «Царь-Голод» и других произведений Андреева, данная Луначарским в статье «Тьма», опубликованной в сборнике «Литературный распад», убедительно показывала, что «„страшная правда" Андреева с точки зрения теоретической этики не стоит выеденного яйца, а с практической точки зрения есть одетая в люмпенпролетарское тряпье консервативно-мещанская реакция на революцию» (стр. 174). В интервью с А. А. Измайловым Андреев заявил: «Партийные критики обвиняют меня за „Царь-Голод" в безверии в победу социализма. Луначарский в книге „Литературный распад", посвященной борьбе с уродствами современной литературы, с точки зрения пролетарского мировоззрения обвиняет меня в почти клеветническом изображении рабочего класса. Идею „Царя-Голода" поняли как объявление банкротства революции. Может быть, я сам до известной степени виновен в том, что я так понят. Я не дал ясно понять, что здесь идет речь только о простом бунте, а не об истинной революции. Правда, у меня один персонаж говорит: „Не оскорбляйте революцию — это бунт", но в самом деле этого, конечно, мало. Если бы знали весь план моей работы, знали, что за „Миром и войной", о которой я думаю сейчас, идет специальная часть „Революция",— этого упрека мне бы не сделали. По-

жалуй, меня упрекнут даже в чрезмерном оптимизме. Может быть, мне следовало бы прямо оговорить это в предисловии или в примечании, но я этого не сделал. Вот всегдашняя невыгода выдавать труд частями» (А. И з м а й л о в. О Леониде Андрееве.— «Русское слово», 1908, № 82, 8 апреля). В беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» Андреев говорил: «Конечно, вполне меня не удовлетворяет ни одно мое произведение, но более других, из последнего, написанного мною, удовлетворяет меня „Царь-Голод". Большинство критиков отнеслось к этой вещи совершенно отрицательно. Но, по-моему, как преувеличены были восторги по поводу „Семи повешенных", так несправедливы были отзывы о „Царе-Голоде". Во всяком случае, я думаю, что эта вещь получит свою настоящую оценку только в критике будущего» (К о д а к. У Леонида Андреева. (В скиту на Черной речке).— «Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10806, 12 ноября).

[11] Подразумевается статья Ю. Каменева (Л. Б. Розенфельда) «О ласковом старике и о Валерии Брюсове» в первом сборнике «Литературного распада».

[12] Так называлась глава в статье Луначарского.

[13] Сотрудничество в «Русском листке» (издаваемом Н. Л. Казецким в Москве) молодого Брюсова объяснялось тем обстоятельством, что «Русский листок» относился к немногим из изданий, плативших гонорар (см. Автобиографию Брюсова — в кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова. М., ⟨1915⟩, т. I, стр. 113).

[14] В первой публикации опущены два слова.

[15] Речь идет о стихотворении Брюсова «In hac lacrimarum valle» ⟨«Здесь в долине слез».—лат.⟩, в котором имеются следующие строки:

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены,
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

(«Северные цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903). Вошло в книгу Брюсова «Urbi et orbi» ⟨«Городу и миру»⟩. Стихи 1900—1903 гг. М., изд. «Скорпион», 1903.

[16] *Эллис* — псевдоним поэта и теоретика символизма Льва Львовича Кобылинского (р. 1879). Поместил статью «Наши эпигоны. О стиле, Л. Андрееве, Борисе Зайцеве и многом другом» в «Весах», 1908, № 2.

[17] М. А. Кузмин. См. о нем прим. 9 к письму 150.

[18] Николай Петрович *Феофилактов* (1878—1941) — художник-график, оформлял книги символистского изд-ва «Скорпион».

[19] *Галич* — псевдоним публициста и литературного критика Леонида Евгениевича Габриловича (1878—1953), сотрудника кадетских газет «Речь», «Реформа»; печатался в журналах «Театр и искусство», «Русская мысль». После 1917 г.— эмигрант. Рецензию Галича на «Царь-Голод» найти не удалось. Об отношении Галича к драматургии Андреева можно судить по его рецензии на пьесу «Черные маски» («Театр и искусство», 1908, № 51, 21 декабря, стр. 912—914).

[20] Вырезка не сохранилась. Вероятно, Андреев имеет в виду одну из следующих статей, печатавшихся в органе праволиберальной «Партии мирного обновления» — журнале «Московский еженедельник» 1908 г.: В. М. Х в о с т о в. Жизнь человека. (По поводу драмы Леонида Андреева).— № 5, 29 января; В. Б ы с т р е н и н. На перевале. VI ⟨частично о «Савве»⟩ — № 10, 4 марта; Д. Ф и л о с о ф о в. Без стиля.— № 12, 18 марта.

[21] 6 апреля 1908 г. Андреев и Анна Ильинична Денисевич (по первому браку Карницкая; 1885—1948) уехали в Крым, где 20 апреля обвенчались в Ялте («Крымский вестник», 1908, № 97, 30 апреля).

[22] К первой публикации этого письма Андреева к Горькому («Литературное наследство», т. 2, 1932), по просьбе редакции, А. В. Луначарский написал статью-комментарий, озаглавленную им «Борьба с мародерами» (перепеч.: А. В. Л у н а ч а р с к и й. Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., Гослитиздат, 1963, стр. 425—429).

1910

158. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

Телеграмма

〈Териоки. 11/24 ноября 1910 г.〉

Поручаю переговоры выкупе книг «Просвещению».

Андреев

〈*Адрес:*〉 Capri. Massimo Gorky.

Дата на телеграфном бланке.

Порывая со «Знанием», Андреев заключил 30 декабря 1909 г. договор с владельцем петербургского книгоиздательства «Просвещение» Н. С. Цейтлиным о продаже своих сочинений за сто тысяч рублей и праве перепечатки последующих произведений за тысячу рублей с листа («Жизнь и сцена», Вильно, 1910, № 6, 8 января). 2 января 1910 г. Андреев обратился с письмом к заведующему конторой «Знания» Боголюбову, в котором извещал, что авторский доход с его книг с 1 января 1910 г. поступает в пользу нового собственника — Цейтлина (АГ). Пятницкий и Горький в ответном письме Андрееву, полученном 10 января 1910 г. (текст письма составлен Пятницким), указали, что на складах «Знания» находится около 50 000 нераспроданных книг Андреева, что за ним числится долг издательству, и отказались признать за Цейтлиным право получать доход с этих книг. 4 февраля 1910 г. Андреев отправил Пятницкому резкое по тону письмо, в котором объяснял свой договор с Цейтлиным стремлением «обеспечить для себя свободу и возможность работать только по желанию». Андреев признавал убедительность возражений Пятницкого и Горького с юридической точки зрения, но добавлял: «наши отношения были основаны не на праве, а на справедливости». Андреев соглашался выкупить нераспроданные книги и уплатить свой долг «Знанию», образовавшийся к 1 января 1910 г. Определить условия выкупа своих книг, находящихся на складах «Знания», Андреев предоставлял Цейтлину (АГ). Пятницкий вести переговоры с Цейтлиным отказался. Книги были выкуплены Андреевым. См. также стр. 534—535 настоящ. тома.

1911

159. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 12/25 августа 1911 г.〉

Дорогой Алексей! Конечно, я волнуюсь, обращаясь к тебе с этим письмом и этим именем, и едва ли напишу что-нибудь путное — по крайней мере на первый раз. Между нами несколько лет тяжелого молчания, и много нужно говорить, пока вернешься к прежнему пониманию, прежнему знанию друг друга. И с этого я начну: скажу тебе искренне, каков я сейчас и вообще, и в отношении тебя.

Мне кажется, что и вообще и главное в отношении тебя я остался все тот же. Что я прежде думал, то и теперь думаю, что прежде любил, то и теперь люблю; и разве только с годами все стало тяжелее, устойчивее, грубей, определеннее. Сознание расползлось по всей душе и поело темные места — мало осталось наивности и, как при выходе со станции, множество путей превратилось в один прямой, железный и неизбежный путь. Конечно, прибавилось с годами и горечи, стал я печальнее, темней, точно траур надел,— но это относится больше к личной жизни, к характеру, но не ко взглядам. Думаю, однако, что и в личной жизни при некоторых более благоприятных условиях я мог бы вернуться к прежней веселости, к ненасытимой и веселой жажде жить. Последние года меня мучают и делают порою нестерпимо мрачным очень частые головные боли; и не то, конечно, скверно, что болит, а что уже мешает работать, отрывает от стола, заставляет бездействовать, во всякий большой замысел и во всякую почти работу вносит чувство тревоги и ненадежности.

Друзей у меня, как и прежде, никого нет, кроме тебя. Ты же для меня все время друг, и здесь я неизменен настолько, что не вижу даже возможности как-нибудь иначе чувствовать тебя. Я тебя люблю и реально, как можно только любить хорошего брата (больше) и отвлеченно как человека, то есть уважаю. Люблю я тебя очень сильно. И во все эти годы молчания ты занимал в моей жизни не меньше живого места, чем рядом живущий, самый близкий и живой человек. Странно сказать, а кажется нет дня, когда так или иначе я не думал бы о тебе; и многие разговоры, которые я веду с заведомо иногда скучными и досадными людьми, всею горячностью своей обращены к тебе, имеют в виду только тебя, нуждаются в одобрении и согласии только твоем. Что из того, что тебя здесь нет! — мое чувство тебя, воля к тебе, есть не меньшая реальность, чем твое присутствие или отсутствие. Но это лишь утешение, и хоть справедливо, но не всегда помогает: сказав, хочешь и услышать.

И поверь мне, Алексей: я не могу представить точки зрения, с которой ты имел бы основание отнестись ко мне враждебно или просто отрицательно. Внешних, жизненных ошибок у меня порядочно, и большинство их я знаю, но мои ошибки не есть я, а наоборот; по существу же чувств и мыслей моих и всей моей жизни я уверенно считаю себя твоим неизменным и верным союзником. Повторяю, я не изменился. Каким ты любил меня когда-то, таким я и остаюсь — ни одной новой черты, тебе враждебной, не проложила жизнь ни на душе, ни на лице моем.

Дико подумать, что мы с тобою такие друзья, такие братья — вдруг разошлись, вдруг осиротели, в жестокой пустыне жизни почти потеряли следы друг друга. Не будь болтливых газет, сплетен, да, пожалуй, таких друзей, как А. Н. Тихонов [1] (он много и хорошо рассказывает мне о твоей жизни), то мы и совсем потерялись бы из виду. Но газеты и сплетни только разъединяют; и сами произведения наши уже не являются прежней живой связью: словно туман какой скрыл ясные очертания мыслей и слов, на всё положил печать неуверенности и вопроса.

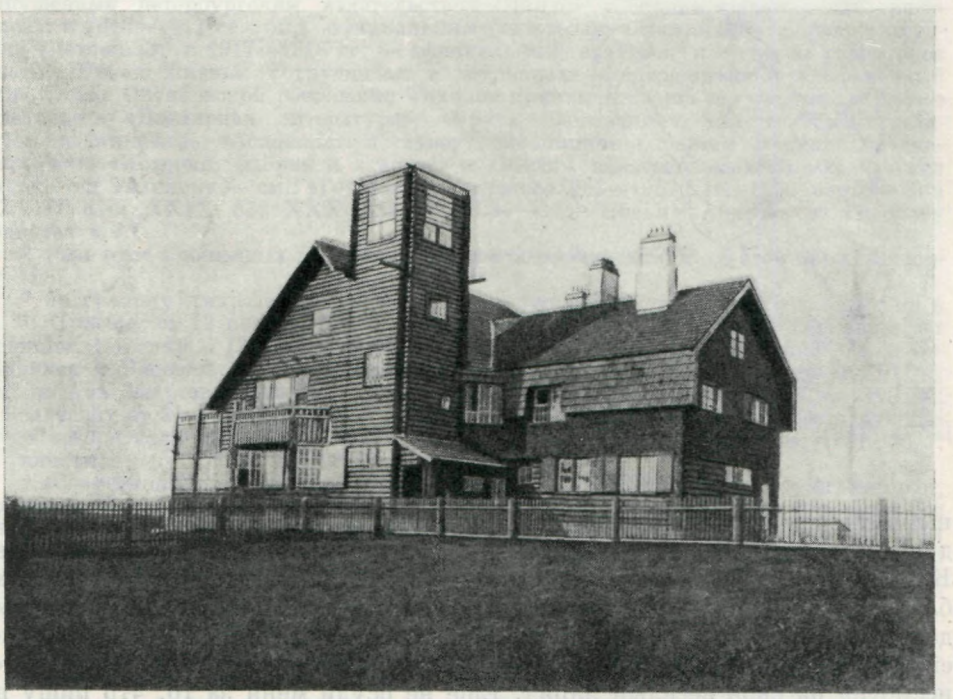
Что же разлучило нас? Когда я пытаюсь самому себе ответить на этот вопрос, я вдруг начинаю испытывать ту особую мозговую тревогу, которая является всегда при приближении мелочей: причины нет, а поводов много; и каждый повод сам по себе ничто, а в целом — смута, туман, томительное раздражение какого-то нелепого сна. Может быть, я и ошибаюсь, может быть, ты знаешь причину — но я не могу ее найти. Не причина же в самом деле та кошмарная история со «Знанием», которую с начала до конца создал Пятницкий, человек несомненно больной? [2] Не причина же то мое последнее письмо, в котором я, отнюдь не упрекая тебя, просил сказать мне: согласен ли ты с товарищем по сборнику, Луначарским, в его резком отношении ко мне, или же все это случайность? Правда, ты не ответил на мое письмо, и наступили года молчания... но причины для меня всё нет как нет.

Много раз я собирался писать тебе; в прошлом декабре, быв в Италии, я очень хотел увидеться, но побоялся [3]. Побоялся даже не чего-нибудь серьезного, ибо не вижу его, а той тяжелой неловкости, которая может явиться после этих годов молчания и помешает хорошему разговору; наконец, далеко не был уверен, что ты хочешь видеть меня. Да и это письмо я пишу чуть ли не месяц — мог бы писать и год, и все не было бы уверенности в том, что пишу как надо и то, что надо. Но ведь нельзя же так оставаться!— разуму тяжело.

Пока пошлю тебе то, что написал: если захочу все сказать, то опять пройдут месяцы. Дай мне ответ, скажи *причину*, а если хочешь и совсем ничего не говори о прошлом. Так или иначе, оно прошло, и ответа хочет только настоящее. Скажи только, что по-прежнему доверяешь мне, и больше ничего не надо. Но если даже ты и не ответишь, то ни одного слова из этого письма я не беру обратно, и буду любить тебя, как и до сих пор любил,— в молчании.

Скажу еще, что мне и самому не особенно хочется заниматься нашими личными делами, поскольку они в прошлом. И очень возможно, что еще очень долго я не решился бы написать тебе, если бы не побуждало к тому не только чувство к тебе, а и некоторые другие соображения, факты, явления, перед лицом которых оба мы являемся только Горьким и Андреевым. Мне всегда казалось, что наша вражда или дружба не есть только наше личное дело; и особенно ясно это теперь, когда литература русская в разброде, когда силы так ужасно разъединены, когда молодое и талантливое бродит без путей — и когда все требует и хочет только одного: единения. Было бы, мне кажется, непростительною ошибкой перед лицом сегодняшнего и завтрашнего дня, если бы мы и дальше продолжали обособляться, не соединили наших сил для общей цели. Подлинная реакция та, что живет в усталом сердце, уже кончилась; пред нами далеко уже маячит гребень той волны, на которую снова и снова предстоит нам взбираться. Вид России печален, дела ее ничтожны и скверны, а где-то уже родится веселый зов к новой, тяжелой, революционной работе. И по-настоящему сейчас в России грустят только ослы, а умные люди уже веселы. Время дружбы, время связей — время счастливых браков, сказала бы гадалка. Далеко не все это сознают, но даже и те, кто не сознают, тянутся друг к другу, ищут сближения, требуют новых объединительных лозунгов, ибо

над старыми уже лежит печать раздора и вражды. Кто соберет?— вот в чем только дело. Живи ты сейчас в России, ты для русской разбредшейся литературы повторил бы ту же роль, что и тогда со сборниками «Знания»,— ты опять собрал бы народ. Вероятно, ты мало следишь за этим, но я вижу по массе мелочей, даже обывательских, нелепых разговоров, как твое имя снова растет, возвращается в берега, как река после запруды. И те, кому это полагается, вероятно, начинают ненавидеть тебя еще больше — это показывает, насколько ты нужен сейчас для дела. Другого человека,

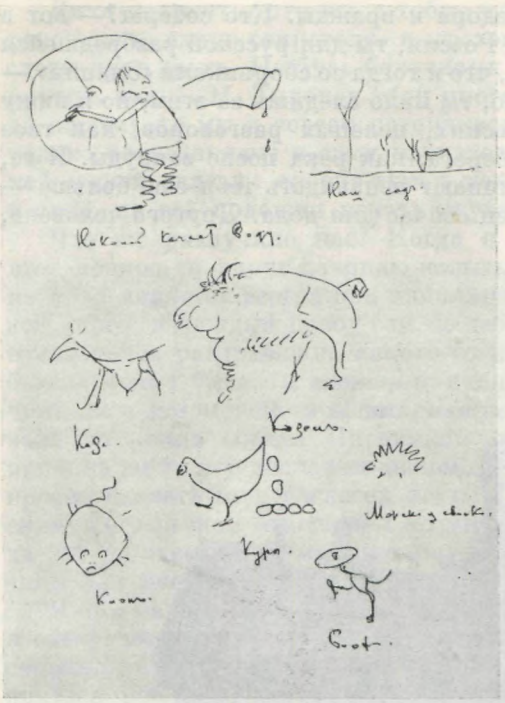


ДАЧА АНДРЕЕВА В ВАММЕЛЬСУУ В ФИНЛЯНДИИ
Фотография, 1910-е годы
Литературный музей, Москва

писателя, который мог бы привести молодую литературу к революционному единству — кроме тебя, я не вижу. И то, что ты сейчас за границей, горе прямо-таки непоправимое.

Я слыхал от Тихонова (а на днях увидел и книжку «Современника», которая подтверждает это [4]), что ты уже начал работу объединения. Конечно, и таким образом ты можешь сделать очень много, но все же одного «Современника» недостаточно: нужна еще живая, наиреальнейшая связь с молодой литературой, которой не может дать журнал, вдохновителей своих имеющий за границей. Как создать эту связь: путем ли частичных писательских съездов, или одного большого съезда, или постановкой в России какого-нибудь очень хорошего, очень деятельного и авторитетного человека (конечно только не меня, а то выходит будто я рекомендую себя в редакторы первого сорта) — пока еще совсем не знаю. Об этом нужно много думать и говорить. Но каждый проходящий день все настойчивей требует ответа.

Ах, Алексей! Я сейчас положительно не верю, что мы с тобой когда-нибудь ссорились, что мне исполнилось сорок лет с четырьмя однодне-



ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ АНДРЕЕВА В ПИСЬМЕ К МАТЕРИ, 1911 г.

Под рисунками его рукой: «Николай качает воду»; «Наш сад»; «Коза»; «Козел»; «Клоп»; «Кура»; «Морская свинка»; «Блоха»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ными хвостиками — даже тому, что голова у меня трещит, не верю. На душе молодо, как в ту далекую пору, и кажется, что адрес письма не Капри, а Нижний, и вообще хочется быть в числе драки. Моя личная благоприобретенная мрачность сидит нахохлившись в сторонке, а я ликую, даже как бы вне времени и пространства. Не осуди меня за легкомыслие: ей-богу, оно признак величайшего глубокомыслия и совершенно серьезно, несмотря на свой веселый наряд. Еще не осуди меня за то, что пишу на машине: в почерке я совсем запутался и от стремительности характера вывожу только бесконечные шшшшш с закорючками. Для четкости взялся за машину, а теперь привык, как к жене.

Если захочешь ответить, то адрес мой обычный: Финляндия, Териоки, Л. Н. Андрееву. Лучше заказным и через Стокгольм.

Еще очень много хочется писать тебе.

Целую тебя.
Твой Леонид

12 августа 1911 г.

Текст написан на машинке; со слов: «Целую тебя» — от руки.

Отрывки из этого письма («Подлинная реакция ∞ революционной работе» и далее: «Далеко не все это сознают ∞ вот в чем только дело») Горький цитировал в статье «В ширь пошло...», опубликованной в выходившем в Париже под редакцией В. Л. Бурцева еженедельном журнале «L'Avenir» («Будущее»), 1911, № 1, 22 октября. Не называя Андреева по имени, Горький характеризовал его как «одного из крупных русских литераторов, человека достаточно чуткого в определениях общественных настроений и, в то же время, считаемого — не без основания — глубоким пессимистом». Отвечая в этой статье Андрееву, Горький писал: «Дело, конечно, отнюдь не только в том, „кто соберет", но — это тоже вопрос великой важности — кто организует русскую демократию к новому бою?» (XXIV, 144). Горький подчеркивал, что «современная демократия» предъявляет новые требования к «идейным» и «политическим» руководителям, и высказывал при этом опасение, что критицизм новой, порожденной этой демократией, интеллигенции может привести к серьезным недоразумениям и «еще более

углубить трещину в отношениях рабочего и крестьянина к „партийным“» (там же, стр. 145).

Письмо Андреева было перлюстрировано жандармами, сделавшими из него выписки (ЦГАОР, ф. 102, перлюстр., 1911 г., оп. 265, д. 490, л. 12).

[1] Александр Николаевич *Тихонов* (1880—1956; псевдоним: Н. Серебров) — литератор, по образованию — горный инженер-золотоискатель. С Горьким познакомился в 1903 г. Высоко ценя организаторские способности Тихонова, Горький привлек его к работе в ежемесячном большевистском общественно-политическом и литературном журнале «Просвещение» (1911). В 1914 г. Тихонов редактировал вместе с Горьким «Первый сборник пролетарских писателей» (СПб., изд. «Прибой»), а в 1917 г.— выпущенный петербургским издательством «Парус» «Сборник пролетарских писателей»; в 1915—1917 гг. был официальным издателем основанного Горьким журнала «Летопись»; в 1917—1918 гг. — официальный издатель и один из редакторов газеты «Новая жизнь»; сотрудничал в журналах «Современник» и «Современный мир». После Октябрьской революции Тихонов принимал активное участие в работе издательств «Всемирная литература», «Круг», «Федерация», был главным редактором издательства «Academia», а также помощником Горького в таких начинаниях, как «История фабрик и заводов» и «Жизнь замечательных людей». Письма Горького к Тихонову — см.: «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 5—98 и XXVIII, 410; XXIX, 83; XXX, 231—233, 294—295. Письма Андреева к Тихонову хранятся в АГ.

[2] Речь идет о денежных расчетах Андреева со «Знанием» (см. об этом прим. к письму 158).

[3] За границу Андреев выехал во второй половине ноября 1910 г. (письмо к Н. В. Дризену от 12 ноября 1910 г.— ГПБ, ф. Дризена); он посетил Германию, юг Франции, Корсику. 7 (20) декабря 1910 г. Андреев приехал во Флоренцию, далее отправился в Венецию, откуда выехал в Россию 21 декабря 1910 г./3 января 1911 г. (см. письма Андреева к матери А. Н. Андреевой от 10/23 декабря 1910 г.— ИРЛИ; к Белоусову от 21 декабря 1910 г. / 3 января 1911 г.— ЦГАЛИ). В Ваммельсуу Андреев возвратился 24 декабря 1910 г. / 6 января 1911 г. («Утро России», 1911, № 7, 11 января).

[4] «Современник» — ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства. Издавался в Петербурге П. И. Певиным с 1911 по 1915 г. В первый год существования журнала ведущую роль в нем играл А. В. Амфитеатров. «Журнал будет ровный, твердый, социалистический, ясный, внепартийный. Словом, буду вести, поскольку смогу политически — „Красное знамя“ — без антицаризма открытого,

ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ АНДРЕЕВА В ПИСЬМЕ К МАТЕРИ, 1911 г.

Под рисунками его рукой: «Наша спальня»; «Фальковский»; «Мика, Николка и Павел»; «Погода»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

литературно — утверждение хороших русских традиций реализма в художественном и словесном творчестве»,— писал Амфитеатров Горькому в сентябре (октябре) 1910 г. (цит. по вступ. статье А. И. Перепеч к переписке Горького и Амфитеатрова.— МИ, т. I, стр. 199). Горький, увлеченный мыслью создать в России большой литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник, который помог бы объединению молодых литературных сил и дал возможность проводить в массах социалистическую идеологию, выслал Амфитеатрову для «Современника» первый рассказ из цикла «Жалобы» (начало ноября 1910 г.— «Летопись», II, стр. 158). Заручившись согласием Горького, Амфитеатров начал рекламировать новый журнал. 6 ноября 1910 г. в № 305 газеты «Речь» появилось объявление о предстоящем выходе «Современника», в котором говорилось, что журнал издается «при ближайшем и исключительном участии Александра Амфитеатрова и при постоянном сотрудничестве Максима Горького». 22 ноября 1910 г. Ленин, высмеивая «журнал без направления», писал Горькому: «Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его „Красное знамя", что во время умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны" для политики мало, что после 1905-го года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 34, стр. 81). В письме к Горькому от 3 января 1911 г. Ленин, ссылаясь на приведенное «Речью» содержание первого номера за 1911 г., замечал: «содержание обещается эсеровско-кадетское. Нехорошо» (там же, стр. 381 и 383). Горький очень серьезно отнесся к предостережению Ленина. В письмах к Амфитеатрову (не ранее 25 ноября и после 18 декабря 1910 г.) он решительно протестовал против своего «постоянного сотрудничества» в «Современнике» («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 59 и XXIX, 147). Около 15/28 ноября 1910 г. Горький писал С. П. Боголюбову: «Слух о том, что „Современник" издаю я — не весьма приятен мне, и, по возможности, надобно его опровергать» («Летопись», II, стр. 165). В противоположность единоличному руководству журналом со стороны Амфитеатрова Горький предлагал создать редакционную коллегию, куда вошли бы, кроме Амфитеатрова, Миролюбов и В. М. Чернов. Под общей редакцией вышел № 7 «Современника» 1911 г. Однако направление журнала далеко не соответствовало желаниям Горького. Поэтому в 1911 г. он вышел из состава сотрудников. Вторичная попытка Горького реорганизовать «Современник» относится к сентябрю 1912 — апрелю 1913 г., когда привлеченный к журналу Е. А. Ляцкий предложил Горькому соредакторство. В связи с нежеланием редакции ввести в свой состав ряд рекомендованных им лиц Горький вторично вышел из редакции. В «Современнике» возобладали меньшевики-ликвидаторы, народные социалисты, эсеры, либералы. Ленин определял направление журнала как помесь «народничества с марксизмом» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 153).

160. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 16 августа ... 8 октября /29 августа... 21 октября 1911 г.〉

И мое отношение к тебе, Леонид, в существе и глубине — не изменилось: всё так же, как и раньше, дорог ты мне, так же интересен и отнюдь не устал я ждать от тебя больших вещей, в талант твой — верю, цену ему знаю и люблю его. Говорю все это не из желания замазать трещину в наших отношениях, что случилось — случилось, а сотрется ли, зарастет ли? — не наше дело; врать друг другу и искусничать оба мы не станем, уверен.

А почему случилось — сейчас скажу: первое — «Тьма». Обиделся я на тебя за нее, ибо этой вещью ты украл у нищей русской публики милостыню, поданную ей судьбою. Дело происходило в действительности-то не так, как ты рассказал, а — лучше, человечнее и значительнее. Девица оказалась выше человека, который перестал быть революционером и боится сказать об этом себе и людям. Был праздник, была победа человека над скотом, а ты сыграл в анархизм и заставил скотское, темное торжествовать победу над человеческим. Затем — «Мои записки» [1]— вещь тоже обидная, во-первых, потому, что совпадает с «философией» бездарного Чулкова [2], во-вторых, потому, что является проповедью пассивного отношения к жизни — проповедью неожиданной для меня и тебе несвойственной.

Несчастие нашей страны несомненно в том, что мы отравлены густой, тяжкой кровью Востока, это она возбуждает у нас позывы к пассивному созерцанию собственной гнусности и бессилия, к болтовне о вечности, пространстве и всяких высших материях, к «самоусовершенствованию» и прочим длинным пустякам [3]. Кроме этого, мы как нация приучены нашей нелепой историей, неспособны к продолжительному и устойчивому напряжению, от того, что устали в разочарованиях, потеряли надежды, не умеем верить и мечемся от фанатизма к нигилизму. Это — в каждом из нас и во всех, с этим бы и надо прежде всего бороться как с таким увечьем, кое искажает душу, препятствует свободному росту и цвету личности, понижает дееспособность. Русь надо любить — надо будить в ней энергию, сознание ее красоты, силы, чувство собственного достоинства, надо прививать ей ощущения радости бытия — согласен? Ну, а «Мои записки» с этим не согласны. И «Тьма» тоже.

Далее: несомненно, что тебе надо было понюхать сколь скверно пахнет слава, ну, хорошо, нюхай! А понюхав — отринь, пихни ее ногой в зад, выгони из дома и — найми хорошую горничную, которая просто понимала бы то, что ты — человек, думающий о делах всех людей, всего мира, и нужен тебе покой, уют, и будет тебе горничная полезнее, приятнее славы. А ты — увлекся. Мережковский, эта дрессированная блоха, ныне возводимая в «мыслители», был прав, когда писал о тебе, что ты втискался в «обезьяньи лапы». Конечно, это подсказал ему какой-нибудь умный человек, злорадно подсказал, но — каково мне было читать его статью о тебе, статью, написанную тоном старой салопницы, которой позволили говорить откровенно и слушают со вниманием? [4]

Я — могу и ругаться с тобой, потому что люблю литературу, а любя — не обидишь, но эти Мережковские твои судьи, ⟨...⟩ твои лакеи и вся полоротая шваль, кричавшая о тебе на разные голоса, это — обижало меня, и, слушая их разноголосый вой, я знал — с великой болью знал — предадут, затолкают, замордуют.

Это почти случилось, а ты — этому помог сам, своей волей.

Русский писатель должен быть личностью священной, в России нечему удивиться, некому поклониться, кроме как писателю — русский писатель каждый раз, когда его хотят обнять корыстные или грязные руки, должен крикнуть — «прочь! я сам знаю кто я есть в моей земле!» «В моей земле», Леонид, так и говори, ибо наш брат прикрывает раны и язвы ее сердцем своим, и наше сердце, распластанное по ней, топчут копыта скотов — ты это знаешь уже. Ты сократил расстояние между тобой и «обозной сволочью» [5] и тем понизил значение литературы — я знаю, не один ты, конечно, а и Куприн, и многие-многие. Но многие, может быть, по твоему примеру: если сам Андреев, то и мы можем.

А потом ты послал телеграмму Ясинскому — ох! Я не сомневаюсь, что ты не читал ни строки его писаний, таких, как «Иринарх Плутархов», «1-ое марта» и т. д., и ты, конечно, не знал кто в русской литературе этот грязный, злой старикашка и чего он заслуживает [6]. Но Леонид Андреев, ласкающий Иеронима Ясинского,— это, брат, картина мрачная! Хоть реви.

Таким образом, как ты видишь, я с Луначарским согласен, обругал он тебя правильно, что хочешь говори: факт остается фактом — в общей пляске над могилами и ты принял некое участие, в общей «путанице» и ты запутался до признания Ясинского человеком, достойным твоего внимания. Все это, право же, не похвально, все — цепь ошибок — заторопился ты и — понизил себе цену, понизил внимание к тебе.

А по поводу «Знания» мне нечего сказать; с отзывом твоим о К. П. Пятницком согласен: да, он болен, этот кряж загнил изнутри. Ни на минуту не огорчило меня, что ты ушел из «Знания», но жалко, что попал в руки Цейтлина. Был у меня этот человек: сила его в деньгах, а ума ему бог не дал [7].

Вот каково мое отношение к тебе, вот каков рисунок тех царапин, которыми я награжден от твоей руки.

Не перестать ли говорить об этом? Будешь объясняться? Не советовал бы, слова меня не убеждают и не убеждали никогда, но — попробуем опять вместе варить новую кашу. Новую.

Я живу больше в России, чем ты, и в «подъем настроения» не очень верю, подъем этот надо создавать, а надеяться на него — не следует. Пока что подъем выражается в более напряженном, чем два-три года тому назад, ожидании — а не побьет ли нас кто-нибудь? Это желание получить толчок извне, со стороны, явно свидетельствует о том, что в самом себе, внутри, мы еще не имеем свободной энергии для драки. И вот наша очередная задача и работа: собрать рассеянную энергию, освободить ее из сети и цепей различных недоразумений, испугов, неверий и т. д., китайской чепухи.

Эта работа — только примись за нее! — снова возвратила бы литературе русской ее значение, снова поставила бы ее в позицию, с коей разные «услужающие» сдвигали и сдвинули ее.

Уже и бывшие сторонники «чистого искусства» — вроде Брюсова — начинают жаловаться на разрыв поэзии с жизнью [8] — поворотишко естественный, его надо было ожидать, конечно. Само собою разумеется что я, в данном случае, говорю не о «тенденциях» и «программах», а о духе, о настроении: люди, кажется, почувствовали — а некоторые даже и прочувствовали — свое одиночество в стране родной, в жизни, и трагизм этого одиночества кое-кем понят, значит — надо ждать, что от «вечности», «беспредельного пространства», «рокового противоречия полов» и из всех прочих темных чуланов публика начнет вылезать на свет, на свободу для спора за себя, за свое право жить хорошо, как достойно человека.

Человек — все еще пункт моего помешательства, даже и ругаясь с ним, я все-таки любуюсь — славная бестия! Если бы он не был так ленив и более понятна была бы ему красота движения.

Но — о всех этих премудростях надо говорить нос к носу.

Съезд? Что же, можно и съезд. Но предварительно хорошо бы нам соткнуться вдвоем, или хоть подробно списаться. Напиши мне, как ты представляешь себе съезд, кто, когда, где и все прочее.

Удача кажется мне возможной. Впрочем, мне всегда и все казалось возможным, отчего за последние пять лет жизнь моя сложилась в цепь отвратительных и смешных неудач. Конечно, это меня не укрощает и, как всегда, я обременен чертежами воздушных замков, которые, ей-богу, интересны и своевременны. Впрочем — воздушные замки всегда своевременны.

К «Современнику» имею весьма отдаленное касательство, в составлении «манифестов» его — участия не принимал, заметь себе это! [9]

Как видишь, и я печатаю. От писательства у меня скоро отсохнет рука.

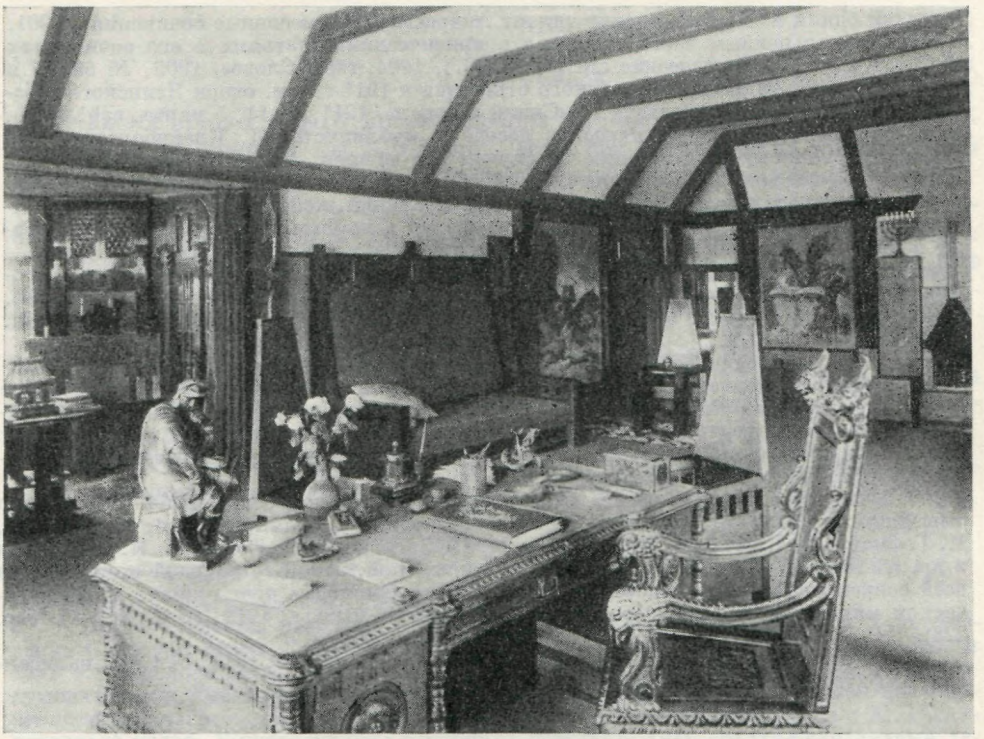
Будь здоров, будь бодр! Желаю всяких благ. Обнимаю и жду письма.

А. Пешков

Текст написан на машинке; только фраза — «Впрочем — воздушные замки всегда своевременны» и приписка со слов: «Как видишь, и я печатаю...» — от руки.

[1] Повесть Андреева «Мои записки» впервые опубликована в альманахе «Шиповник», кн. 6 (СПб., 1908) и одновременно издана Ладыжниковым в Берлине. Авторская оценка повести приведена в статье А. Измайлова «Леонид Андреев о своей повести» («Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10797, 6 ноября).

[2] Георгий Иванович *Чулков* (1879—1939) — писатель и литературный критик. В печати выступил в 1899 г. в «Курьере» (рассказ «На тот берег»). Как член студенческого исполнительного комитета Московского университета участвовал в нелегальном заседании 27 января 1902 г. у студента А. И. Колмогорова, на котором было принято решение о сходке и антиправительственной демонстрации в день 9 февраля (см. прим. 1 к письму 46). После ареста был сослан в Якутскую область. По возвращении в Россию сблизился с символистами; в 1904 г. принял предложение Мережков-



КАБИНЕТ АНДРЕЕВА НА ЕГО ДАЧЕ В ВАММЕЛЬСУУ В ФИНЛЯНДИИ
Фотография К. К. Буллы, 1912 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ского сотрудничать в «Новом пути». Печатал стихи в органах символистов — «Перевал» (с 1906 г.), «Лебедь» (1908) и др. Выступал с проповедью «мистического анархизма» (сб. «Факелы», которые он редактировал). Воспоминания его о встречах с Андреевым — см. в «Книге о Л. Андрееве», стр. 61—74; письма Андреева к Чулкову (не все) опубликованы в книге: «Письма Леонида Андреева». Л., «Колос», 1924.

[3] Впоследствии эти мысли были подробно развиты Горьким в статье «Две души» (см. стр. 49 настоящ. тома).

[4] См. прим. 1 к письму 156.

[5] Выражение «обозная сволочь», впервые употребленное Андреем Белым (Андрей Белый. Арабески. СПб., 1911, стр. 294), использовано Горьким в статье «О современности» («Русское слово», 1912, № 51, 52, 2 и 3 марта). См. также статью Ст. Ивановича «Пресса модерн»— в сб. «Литературный распад». СПб., изд. «Зерно», 1908, стр. 127, 141—145, 147—148.

[6] Иероним Иеронимович *Ясинский* (псевдонимы: Максим Белинский, Чуносов, Независимый; 1850—1930) — беллетрист и публицист, сотрудник многих изданий от «Биржевых ведомостей» до пошлых иллюстрированных журнальчиков «для семейного чтения»; издавал собственные журналы: «Ежемесячные сочинения», «Беседа», «Живописец» и др. Реакционные пасквилянтские романы Ясинского «Иринарх Плутархов» и «1-е марта 1881 года» напечатаны: первый в журнале «Наблюдатель», 1886, № 3—7; второй — в «Ежемесячных сочинениях» 1900 г. После Октябрьской революции Ясинский работал в Пролеткульте. Отношение Горького к литературно-общественной деятельности Ясинского дореволюционного периода неизменно оставалось отрицательным. Так, в сентябре 1911 г. он заявил об отказе сотрудничать в журнале «Новая жизнь», когда ему стало известно, что редакция намеревается опубликовать повесть Ясинского (см. письмо к Ясинскому от первой половины октября 1911 г.— XXIX, 197). Приветственная телеграмма Андреева была послана Ясинскому 8 января 1911 г. по случаю сорокалетия литературной деятельности последнего. Текст телеграммы появился в печати: «Красоте ваших седых волос, красоте ума и сердца вашего низко кланяюсь. Светло и радостно проведите сегодняшний день. Не люди, а сама жестокая жизнь, побежденная талантом вашим, склонившись, приветствует вас громогласно. Леонид Андреев» («Исторический вестник», 1911, № 2, стр. 704).

Ясинский одним из первых оценил талант Андреева («Ежемесячные сочинения», 1901, № 12) и в дальнейшем часто выступал с критическими статьями о его сочинениях (М. Ч у н о с о в. Критические статьи. ⟨СПб.⟩, 1904; газ. «Слово», 1905, № 63, 97 и др.). Сближение Андреева и Ясинского относится к 1911 г. (см. очерк Ясинского о посещении Андреева в Ваммельсуу.— «Синий журнал», 1911, № 11, 5 марта, стр. 2—3). «Упрекают меня,— сказал Андреев в беседе с публицистом Л. Клейнбортом,— что я послал Ясинскому поздравление по случаю его юбилея. А знаете: заметка обо мне Ясинского,— первая, какую я читал в печати,— сказала мне столько, сколько впоследствии не сказала вся литература обо мне. Ясинский, конечно, не критик, и заметка его состояла из нескольких строк. Но могу ли я не быть признательным ему? Такие вещи запоминаются невольно» (Л. К л е й н б о р т. Встречи. Леонид Андреев.— «Былое», № 24, 1924, стр. 178). В 1916 г. Андреев намеревался вместе с Ясинским совершить путешествие по Кавказу (см. письмо Андреева к М. М. Гаккебушу.— ИРЛИ). Воспоминания Ясинского об Андрееве вошли в его книгу «Роман моей жизни» (М.— Л., 1926, стр. 308—312).

[7] Натан Сергеевич *Цейтлин* (Цетлин; род. 1872) — юрист, владелец книгоиздательства «Просвещение» и книжного магазина «Культура» в Петербурге. В декабре 1910 г. приезжал на Капри для переговоров с Горьким и Пятницким. Цейтлин предлагал печатать и продавать издания «Знания» при условии отчисления в свою пользу десяти процентов от номинальной стоимости проданных книг. Соглашение не состоялось. См. также прим. к письму 158.

[8] Речь идет о статье Брюсова «Литература и искусство», содержащей в себе обзор вышедших в 1910—1911 гг. сборников стихотворений С. Алякринского, Н. Брандта, М. Гофмана, С. Клычкова, В. Нарбута, М. Цветаевой, А. Н. Толстого, И. Эренбурга и др. «Я говорю,— писал Брюсов,— о поразительной, какой-то роковой оторванности всей современной молодой поэзии от жизни. Наши молодые поэты живут в фантастическом мире, ими для себя созданном...» («Русская мысль», 1911, № 2, отд. II, стр. 228).

[9] Имеются в виду статьи «От редакции» в «Современнике», 1911, № 1 и 7, написанные Амфитеатровым. См. прим. 4 к письму 159.

161. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ваммельсуу. 12/25 октября 1911 г.⟩

Алексей! Написал я большое письмо.... и решил не посылать [1]. Действительно, не стоит. При том глубоком отчуждении и непонимании, каким дышит каждое слово твоего письма — мои справедливые упреки не дойдут до сердца и только подольют масла в огонь. Расходиться же нам из-за личного не следует.

Единственное, что заслуживает внимания в твоем письме, это твое отрицательное отношение к «Тьме» и «Моим запискам». Здесь ты действительно имеешь дело со мною (а не с воображаемым субъектом), и поскольку твое отрицание серьезно и обосновано, постольку в самом существе нашей работы могут встретиться препятствия к совместному дружескому труду.

Сейчас я заканчиваю роман «Сашка Жегулев» [2], и как только выйдет, пришлю тебе: эта вещь — я думаю — может способствовать окончательному выяснению наших писательских товарищеских отношений. Возможно, что ты примешь ее, и я буду очень рад; но возможно, что и отвергнешь — тогда и толковать не о чем.

Со своей стороны я остаюсь, как я писал, твоим другом и люблю тебя. Пусть эта любовь стала только болью, от этого она не меньше.

Твой Л е о н и д

12 октября 1911 г.
Териоки, Ваммельсуу

[1] Это письмо не дошло до нас.

[2] Роман «Сашка Жегулев» был закончен 19 октября 1911 г. и впервые опубликован в альманахе «Шиповник», кн. 16, 1911 (альманах вышел в свет в январе 1912 г.). См. публикацию предисловия Горького к «Сашке Жегулеву» и прим. к нему (стр. 400—406 настоящ. тома).

162. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 21 октября/3 ноября 1911 г.〉

«Каждое слово твоего письма дышит глубоким отчуждением и непониманием»,— пишешь ты, Леонид. Дорогой мой друг,— «отчуждение» это — то, чего я не чувствую и во что ты — не веришь, извини меня.

Будь иначе,— то есть верь ты или чувствуй я это отчуждение,— всякие мечты о «совместной дружеской работе» явятся ложью. Это ясно.

«Непонимание», пожалуй, ближе к правде, и ты напрасно не послал мне письма с «упреками», может они и дошли бы до сердца, ведь я тебя сердцем люблю, а не головой.

Очень, с большим нетерпением жду твою повесть [1].

Ах, господи, как противна эта возня мертвых душ с «Живым трупом» и как бесстыдно сказалось в ней полное отсутствие уважения к Л. Н. Толстому и в обществе и,— особенно!— в прессе [2].

Очень я устал от приступов бешенства, все чаще одолевающих меня.

Будь здоров, жму руку.

А. Пешков

Дата поставлена Горьким на черновом автографе письма (АГ) — 3/XI 911.

[1] «Сашка Жегулев». См. письмо 161.

[2] Подразумевается полемика в прессе вокруг постановки Московским Художественным театром драмы Толстого «Живой труп» (премьера состоялась 23 сентября 1911 г.). Предпринимая попытки ослабить силу обличения Толстым основ существующего строя, буржуазная критика много писала о мнимой художественной неполноценности драмы, ее незавершенности и несценичности (см., например, статью Ю. И. Айхенвальда «Идея „Живого трупа“» в журнале «Студия», 1911, № 1). Скандальный характер полемике придало письмо некоего А. С. Соколова в Выставочный комитет Толстовского музея, в котором тот обвинял Толстого в плагиате и, угрожая судом, требовал как «действительный автор» предоставить ему право распоряжаться по своему усмотрению гонораром, выплаченным Художественным театром наследникам Толстого («Театр и искусство», 1911, № 45, стр. 854). «Биржевые ведомости» поспешили опубликовать по поводу письма Соколова отклики Н. А. Котляревского, Мережковского и В. А. Маклакова (веч. вып., № 12608, 29 октября; см. также статью П. Россиева «Около „Живого трупа“».— Там же, № 12616, 8 ноября). Свое отношение к «Живому трупу» Андреев выразил в беседе с журналистом: «Я не был и не пойду смотреть эту пьесу. Это не пьеса, но черновик, остов предполагавшейся пьесы, правда, чудесный черновик, но все же его ставить на сцене не следовало бы. Толстой переделывал свои вещи по восьми раз, это первый черновик. Если бы Толстой окончил эту пьесу, то получилась бы вещь необычайной художественной силы» (С. Никитин. У Леонида Андреева.— «Петербургская газета», 1911, № 312, 13 ноября).

1912

163. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. Конец февраля 1912 г.〉

Знаешь, дорогой мой Алексеюшка, в чем горе наших отношений — ты никогда не позволял и не позволяешь быть с тобою откровенным. Ты странный; я знаю, как ты не любишь аскетизм, а в то же время ты аскет: я не встречал человека, который так упорно и жестоко умерщвлял бы личную жизнь, личный разговор, личные страдания. Почти полгода прожил я на Капри бок о бок с тобою, переживал невыносимые и опасные штурмы и дранги, искал участия и совета именно в личной, переломавшейся жизни — и говорил с тобою только о литературе и общественности. Это факт: живя с тобою рядом, я ждал приезда Вересаева, чтобы с ним посоветоваться — кончать мне с собой или нет!

Как можно отсекать душу от тела? Я не одними идеями питаюсь, моя личная жизнь такой же факт, как и литература моя — как отделить одно от другого и сказать личной жизни: не существуй, притворись, что тебя нет, спрячься. Так или иначе всё, что я пишу и думаю и чувствую, есть результат личного опыта... да, боже мой, ты сам читаешь биографии и знаешь, зачем это нужно, а от моей соседской и товарищеской биографии отгородился стеною. И себя отгородил, будто ты и не человек. Да, рядом — но как две книги в библиотечном шкафу; и как легко оказалось нас разделить — только протянуть руку и расставить!

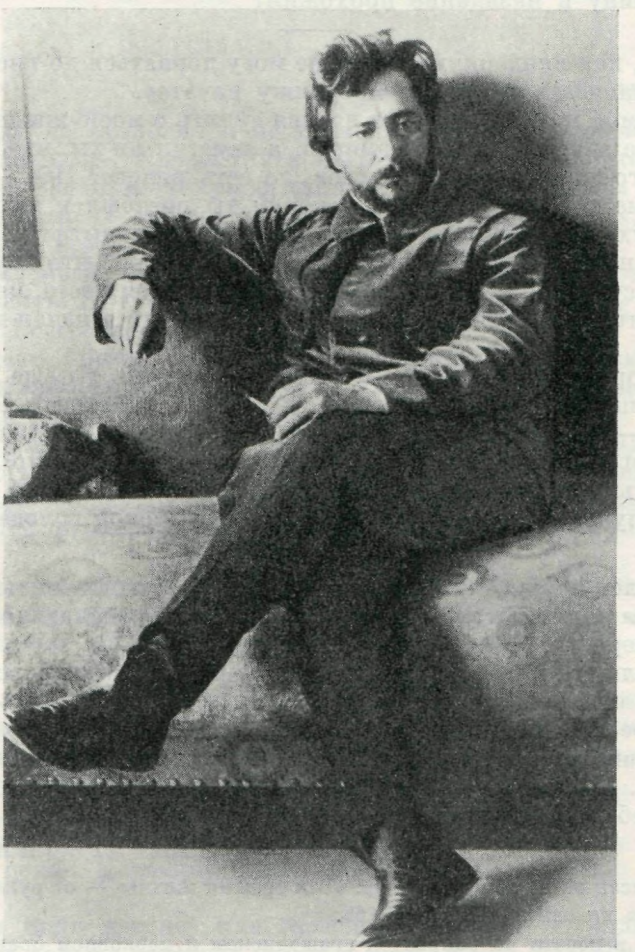
И сколько отсюда недоразумений, тяжелого непонимания, жестокой несправедливости! И какое бесцельное и ненужное одиночество, добровольное затворничество в свою келью под елью!

Если бы я тебя не любил! Но я тебя люблю по-настоящему, по-человеческому, не литературному — и не было ничего обиднее и бессмысленнее, как молчать с тобою о тебе и о себе. О себе я еще лопотал под сурдинку, между строк, что можно, а о тебе только молчал. И о твоих вещах молчал — мне пришлось бы тогда коснуться личной твоей жизни, самого тебя, а этого нельзя.

Вот я сажаю деревья, вот я построил дом, родятся дети, у меня жена, знакомые, разные отношения — и обо всем об этом молчи. И если в рассказе я употребил не то слово, какое надо, то могу посоветоваться с тобой и ты с радостью поможешь; но если в жизни встанет предо мною затруднение, от которого зависит и самое писательство мое — об этом ни говорить, ни советоваться не надо, нельзя, нехорошо. Да почему же нехорошо? Только в содружестве с людьми, в совете с ними и доверии и можно строить хорошую жизнь, исправлять ошибки, не затягивая их до тех пор, пока не станут они преступлением.

Среди людей много скотов, и это мешает правильным отправлениям. Но если не обращать внимания на скотов и не считаться с их мычанием и гнуснейшими, профанаторскими под человека подделками (а это можно). то доверие и откровенность нужно доводить до публичности, всенародности. Я индивидуалист, ладно — но, вот как раз теперь я обдумываю для сочинения (а задумал много лет назад) некоторые внецерковные обряды для

неверующих: при рождении, при вступлении в брак, при смерти и похоронах. И в этих моих обрядах главную роль выполняет народ: он есть крестный отец, и перед лицом его нарекается родившийся и его попечению отдается и пред ним обязуется; он есть также и посаженый отец, отдающий в брак, и ему обязаны отчетом. И развод у меня публичен: пусть расходятся, но пусть же и дадут отчет народу, при нежелании и невозможности открыть совсем тайное только заявят: расходимся[1].



АНДРЕЕВ

Фотография А. И. Андреевой. Финляндия, Ваммельсуу, 1910-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

И такое место народу я отвожу потому, что чувствую мое с ним коренное братство и отчество, и совесть моя есть не что иное, как вечный ответ народу. Сейчас я, пожалуй, и не пошел бы на исповедь к народу, запуган множеством скота — но ту же исповедь я даю перед лицом отдельных людей; и это не есть ни болтливость, ни выставление язв на показ, ни отсутствие самоуважения, а то чувство братства, которое меня, индивидуалиста, связывает со всем миром.

О, боже мой! — сколько щелчков я получил с этой откровенностью, сколько раз плевали мне в душу, извращали и слова и смысл — ведь

время-то такое, что пойди я на площадь каяться, и назовут саморекламой, да не только назовут, а реклама и выйдет. И сколько раз давал я себе зарок: молчать перед каждым человеком, как перед жандармом на допросе — и каждый раз просыпался.

Пойми же, как трудно, потому что совсем неестественно, было мое молчание перед тобою, наше молчание. И неужели так же будет и впредь, и вновь будут возможны такие же недоразумения, как твое недавнее письмо, и, сидя в гордых особняках за железными дверями, мы будем перекликаться через улицу в назидание прохожим?

Работаю, как вундеркинд, и все не могу дорваться до письма. Та беда, что много написать хочу. Но продолжу начатое.

Чудачок мой милый, зачем ты взялся судить о моей жизни изнутри — ведь ты ее не знаешь! Ты все заметил, а заметил ли ты, что за два года я написал всего-навсего девять листов, то есть ничего? Ибо — коротко говоря — кроме того несчастья, о котором ты позабыл и которое само по себе могло уходить человека — смерти Шуры, я испытал несчастье большее (его ты не знаешь), характера столь серьезного, что двухлетнюю болезнь мою я считаю платой дешевой: другой на моем месте, менее крепкий, попросту спятил бы. Ведь только в нынешнем году я начал поправляться и приходить в себя!

После второго письма твоего я почувствовал, что ты еще любишь меня немного, и потерял всякую охоту считаться, шебаршить, объяснять и доказывать,— но тем большее желание правдивейше и дружески, не укрывая личного, поговорить с тобою. Мне кажется, что это и мне и тебе доставит только удовольствие; и многое переоценится. Мне удовольствие во всяком случае: уже давно я испытываю «людской голод».

Так треплет жизнь, что боюсь никогда не кончить письма. Посылаю так: прости за машину и за карандаш, вдруг в доме не оказалось у писателя ни одного пера.

Получил ли «Жегулева»? Я послал его еще в гранках; завтра, на случай, пошлю еще.

В дрянное время вышел «Жегулев»: сразу заключил его в лягушечьи объятия Измайлов [2], и не видать Сашке добра: стражники не убили, критики добьют. Но я нисколько не мрачен, а даже весьма весел.

Целую тебя. На днях еще напишу.

Твой Леонид

Текст написан на машинке; со слов: «Так треплет жизнь» — от руки, карандашом.

Датируется по связи с письмом 165.

[1] Впервые в печати по вопросу о гражданском и церковном браке Андреев выступил в газете «Русь», 1907, № 248, 18 сентября. Дискуссия, в которой, кроме Андреева, приняли участие Чириков, Найденов, В. А. Тихонов, О. О. Грузенберг, В. В. Розанов и др., открылась письмом в редакцию М. Г. Огуз и А. А. Нестора, публично заявивших о своем отказе совершить бракосочетание по церковному обряду. Не отвергая церковный брак вообще, Андреев в своем ответе защищал свободу совести. «В вопросе семейного союза,— писал он,— всякий, по моему твердому убеждению, должен поступать так, как ему диктует его разум, совесть». Андреев собирался писать очерк «Похороны» и выразить в нем свое отрицательное отношение к изжившим себя обрядам (А. Кауфман. Андреев в жизни и в своих произведениях.— «Вестник литературы», 1920, № 9, стр. 3).

[2] А. Измайлов. Сашка Жегулев. Новый роман Леонида Андреева.— «Биржевые ведомости», веч. вып., 1911, № 12671, 6 декабря. Анализируя образы Жегулева и Колесникова, критик упрекал автора в психологической «однотонности» романа, построенного «на простых и легоньких контрастах ангельской чистоты Погодина и ужаса его призрачной идеи».

Андреев придавал большое значение «Сашке Жегулеву» для восстановления отношений с Горьким. Изменив обыкновению знакомить критиков со своими произ-

ведениями еще до их опубликования, Андреев хотел узнать мнение Горького о «Сашке Жегулеве» до того как вокруг романа развернется журнально-газетная полемика. 25 ноября 1911 г. в письме в редакцию «Биржевых ведомостей» (веч. вып., № 12653) Андреев в самых энергичных выражениях протестовал против «нелитературного приема» Ал. Ожигова ⟨Н. П. Ашешова⟩, который, «забегая вперед и становясь между произведением и читателем», познакомился с рукописью «Сашки Жегулева» в редакции «Шиповника» и напечатал о романе статью «Литературные мотивы. „Сашка Жегулев" Л. Андреева» («Современное слово», 1911, № 1396, 23 ноября). Особенно обеспокоило Андреева то, что рецензия Ал. Ожигова была отрицательной (см. также: Ал. О ж и г о в. Письмо в редакцию.— «Биржевые ведомости», 1911, № 12655, 26 ноября).

164. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 10 ... 16/23...29 марта 1912 г.⟩

«Ты никогда не позволял и не позволяешь быть с тобою откровенным»,— пишешь ты,— я думаю, что это неверно: лет с шестнадцати и по сей день я живу приемником чужих тайн и мыслей, словно бы некий перст незримый начертал на лбу моем: «здесь свалка мусора». Ох, сколько я знаю и как это трудно забыть!

Касаться же моей личной жизни я никогда никому не позволял и не намерен позволять. Я — это я, никому нет дела до того, что у меня болит, если болит. Показывать миру свои царапины, чесать их публично и обливаться гноем, брызгать в глаза людям желчью своей, как это делают многие,— и отвратительнее всех делал злой гений наш Федор Достоевский,— это гнусное занятие и вредное, конечно [1].

Мы все — умрем, мир — останется жить; он показывал и навязывал мне много злого и грязного, но — я не хочу и не принимаю мерзостей его; я взял и беру от мира хорошее, мне не за что мстить ему, незачем отравлять людей позорным видом моих ран и язв, оглушать их моим визгом.

«Братство» — отнюдь не в том, чтобы — как это понимают у нас — показывать брату внутреннюю скверну свою и грязь, но в том, чтобы хоть стыдливо молчать об этом, если уж не можешь уничтожить этого.

Пишущие люди современности нашей тем особенно противны стали за последнее время, что ходят при людях без штанов и задом наперед, скорбно показывая миру болящее свое место, а место это потому болит, что не знает, куда можно спокойно сесть.

«Зачем ты взялся судить о моей жизни», — пишешь ты. Я не судил о твоей жизни, я говорил о твоей литературе, говорил, а *не судил*. Я вообще не сужу, а говорю о том, что мне нравится, и о том, что не нравится.

Книга для меня вреднее или полезнее человека,— глядя потому — какая,— книга дольше человека живет в мире, и мне, человеку мирскому, книга интереснее головы, создавшей ее,— я говорю о голове потому, что от сердца ныне не умеют писать. Мир держится деяниями и — чем далее, тем более становится актуален, человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, — кто бы он ни был, — мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик. Многие, прельстясь развратной болтовней азиата и нигилиста Ивана Карамазова, трактуют, пошлейше, о «неприятии» мира, ввиду его «жестокости» и «бессилия», — будь я генерал-губернатором, я бы не революционеров вешал, а вот этих самых «неприемщиков», зане сии языкоблудцы для страны нашей вреднее чумных крыс.

«Сашку» — читал [2]. Это написано плохо — скучно и пестро. Удалась, на мой взгляд, только сестра Сашки, одну ее ты написал, не мудрствуя лукаво, и вышло славно. А сам Сашка — деревянная болванка, знакомая

издавна; это все тот же изжеванный русской литературою «агнец»,— то есть баран,— приносящий себя в жертву за «грехи мира», возлагающий на себя бремя неудобьносимое и охающий разноголосно, но — всегда одинаково и в 80-х, и 10-х годах, — под игом своим, якобы добровольно взятым на рамена.

А — совсем не добровольно и всегда — не по силам; никогда не для себя, но — обязательно во имя чье-то.

В общем, ты стал слишком литературен — в том смысле, что вдохновения твои холодны и надуманы. Ты ведь обманываешь себя, говоря «все, что я пишу, думаю и чувствую, — есть результат моего личного опыта». Оставим думы и чувства, им не место в этой фразе, но ты же не станешь утверждать, что «Сашка» — результат «личного опыта», ибо хотя эта повесть и насыщена фактами русской действительности, — освещение и толкование фактов совершенно литературное, то есть искусственное, не живое. Вот если бы ты взял у адвокатов, выступавших по делам об экспроприациях, ну, хоть уральских, обвинительные акты, а еще лучше — следственные производства, да прочитал их, ну, тогда еще можно говорить о «личном опыте». Из этих документов ты увидел бы, как неестественна у тебя вся обстановка Сашкиной жизни и как излишни Гнедые. Сейчас со мною живет лицо, знавшее Савицкого [3] гимназистом и следившее за его деятельностью, — конечно, единичные показания недорого стоят, ввиду их субъективности, но, все же, с действительностью надо бы обращаться более серьезно, чем это допускаешь ты.

Хоть бы тебя в Вятку сослали, дабы ты выплыл из «океана» холодных мудрствований твоих и, ударившись о камни действительности, взвыл бы, заорал по-человечески!

Разошлись же — и расходимся всё далее — мы с тобой не потому, что у нас не возникли личные отношения, а потому, что они не могли возникнуть. Нам казалось, что они возможны, но мы ошибались. Слишком различны мы. Я человек со стороны и живу в стороне, и я не интеллигент — избави мя боже! Да, это ужасно печально, что нет Дамы Шуры — какое чудесное существо, люблю я ее, по сей день ясно вижу глаза, улыбку и за ней — неправильные зубы — ужасно хорошо, что неправильные.

А у тебя вот — все строго-правильно, все разлиновано и оттого — скучно все.

Ты не подумай, что я считаю себя хирургом от морали и полагаю, что у человека можно отрезать то, с чем он родился, нет, конечно: уж если курнос — так и умрешь.

Каждый из нас остается с тем самым носом, коим наградила его природа, только не надо бы утверждать столь настойчиво: мой орган обоняния — самый чуткий и красивый на земле, ибо он всюду слышит запах гниения!

Будь здоров, расти большой, на меня — не сердись, — бесполезно. Да и не за что, — я к тебе отношусь очень хорошо, уж это я знаю.

До свидания.
А. Пешков

Текст написан на машинке, только конец письма со слов: «Будь здоров» — от руки.

Датируется по связи с письмом 165.

[1] Об отношении Горького к Достоевскому — см. статьи Б. А. Бялика «Борьба Горького-художника против реакционных идей Достоевского» («Горьковские чтения. 1949—1950». М., 1951); «Достоевский и достоевщина в оценках Горького» (в кн.: «Творчество Ф. М. Достоевского». М., 1959).

[2] Роман Андреева «Сашка Жегулев».

[3] О Савицком — см. в прим. к предисловию Горького к «Сашке Жегулеву», ниже, стр. 406.

165. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ваммельсуу. 28 марта/10 апреля 1912 г.⟩

Я долго не решался, отвечать ли на твое письмо или молчать и в молчании, без лишних разговоров, поставить крест на наших отношениях. Я знал, что мое письмо так или иначе будет тяжело для тебя, и мне не хотелось, да и сейчас не хочется добавлять лишнюю каплю горечи к той жизни, которую ты вынужден вести вдали от родины и близких, и которая сама по себе не сладка. Но, с другой стороны, я боялся и боюсь, что молчание мое будет истолковано неверно, и, как все другие твои неверные толкования, принесет тебе же новый вред. Наконец, оба мы не настолько слабы, как бы ни складывалась наша жизнь, чтобы не иметь достаточно силы как для высказывания, так и для выслушивания самых тяжелых вещей. Поэтому — пишу.

Начну с того, что все мои письма были мягки, корректны, и ни одним грубым словом не выходили за пределы того разговора или спора, который только и возможен для людей себя уважающих. Мне далеко не все нравится в твоей жизни (конечно, не личной), но судить о ней, не зная всех фактов, я считал себя не вправе; и ни одного слова обвинения или упрека нет в моих письмах. И то, что в последнем письме я говорил о твоей и нашей неоткровенности, я ставил на почву общую, предлагал обсуждению как вопрос.

Твои же письма (за исключением коротенького второго) были непозволительно и беспричинно грубы, временами по характеру приближаясь к уличной брани, беспричинно злы и самодовольно несправедливы. Я бы назвал их даже циническими, настолько были они грубы и так мало свидетельствовали об уважении к своему слову и к человеку вообще. Пусть ты не имеешь оснований уважать меня,— это не избавляет тебя от обязанности быть вежливым, сдержанным и не судить категорически и безапелляционно о том, чего ты не знаешь. Но о твоем неуважении к человеку поговорю потом.

Смысл твоего первого письма был тот, что в погоне за славой (это твоя любимая мысль, которую ты высказываешь и печатно) я стал писать дурные вещи; жизнь же моя такова, что я не только худ сам, а и другим подаю дурной пример, являясь чуть ли не источником и во всяком случае пособником и поощрителем всех тех мерзостей, что творятся сейчас в литературной среде. Циник Куприн, друг «Петербургской газеты» и «Синего журнала» [1], был поставлен тобою в один ряд со мной — вернее, даже несколько позади. И все это высказывалось тобою тоном не то что полной убежденности, а какой-то вещей и объективной правды: будто тебе ведомо не только все явное, но и тайное, вплоть до мотива, от всех скрытого, моей деятельности,— любви к славе. Сидя за тысячи верст от нашей жизни, даже забыв, по-видимому, мое лицо, ты на основании газетных и изустных сплетен, статей Мережковского [2] и «обозной сволочи» [3] выносил мне обвинительный приговор, своей решительностью, краткостью и нарушением всех норм справедливости напоминающий собою приговоры русских военно-полевых судов. Как трагический курьез, до которого не доходили даже военно-полевые судьи,— ты сделал в конце письма заявление, что все мои попытки оправдаться будут бесполезны. Другими словами, ты не только не выслушал обвиняемого, прежде чем поставить приговор, но и заранее отказался выслушать его. Так не поступает даже бог всеведающий: и он в свое время выслушал Макара [4].

Обвинил же ты меня не в пустяке, а в самом важном преступлении, какое существует для писателя: в продажности. Ибо что такое погоня за славой, ради которой писатель пишет дурные вещи? Не все ли равно,

за что продается человек: за деньги, женщин, за славу или за бутылку водки? Такое обвинение можно предъявлять писателю только с крайней осторожностью, имея на руках доподлинные факты, иначе это обвинение ничем не будет разниться от той повседневной и крикливой клеветы, которою занимается с самоуслаждением некультурная, завистливая и жалкая газетная шваль. Какие же факты ты имеешь? И факты настолько бесспорные и убедительные, что мое слово является ненужным? И с какого времени, с какой вещи началась эта погоня за славой и продажность?

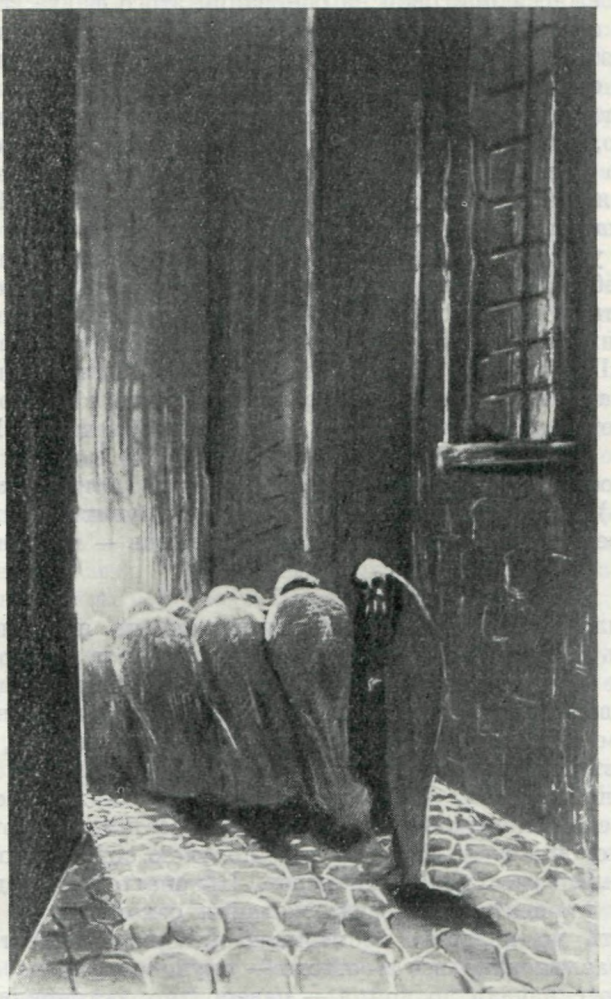
Есть один почти несомненный признак, по которому можно узнать продажного писателя: он пишет не для себя, а для хозяина, кто бы им ни был — правительство, публика, толпа. Таков характер всего «Нового времени» и нововременцев; в крайнем случае, они меняют только хозяев, но лакейский облик сохраняют всюду. Я помню, как ты разбирал первую книжку «Красного знамени» Амфитеатрова [5] и находил в нем лакейские черты нововременства.

Какие же из моих вещей и в угоду какому хозяину написаны? И какую награду за свою услужливость я получил? «Царь-Голод», о котором я рассказывал тебе еще на Капри и за который на меня обрушилась вся печать как правая, так и левая [6]. «Семь повешенных» — правда, этот рассказ имел успех, но если здесь я был лакеем, то я прислуживал за одним столом с Толстым, который в ту же пору писал свое «Не могу молчать» [7]. «Черные маски» [8]— «Мои записки» — «Тьма» — всё вещи, сплошь обруганные и справа и слева и никому не доставившие того удовольствия, за которое платят услужливому лакею. Вообще это бесплодное занятие: перечислять мои вещи — ни в одной из них, о чем бы она ни говорила, нельзя найти ни намека на услужливость, желания снять пенки с господствующих вкусов и настроений. Уж не «Океан» ли, над которым до сих пор кротко глумятся все Измайловы [9], или «Сашка Жегулев», сплотивший в единодушной хуле Зинаиду Гиппиус [10] и М. Горького, Измайлова [11] и Редьку? [12] Цензура меня режет, критика сплошь поносит, у меня нет пристанища ни в одном литературном кружке, у меня нет во всей печати ни одного друга — таковы плоды моей погони за славою!

В последнем письме ты еще более определенно выражаешься на этот счет: я, по твоим словам, принял участие в пляске над могилами. Это когда же и где же я плясал?— в «Семи повешенных» или в «Сашке Жегулеве»? И такие обвинения ты высказываешь, ничтоже сумняшеся, скрепляешь твоим почтенным подписом и считаешь столь незыблемыми, что всякий разговор с моей стороны на эту тему является «бесполезным». И только одно могу я ответить: ты, Максим Горький, не уважаешь ни человека вообще, ни писателя, как не уважают его военно-полевые судьи и все те, кто с легким сердцем бросает человеку обвинение в гнусности.

Есть один, почти несомненный признак, по которому можно узнать неуважающего людей: это та легкость, с какою клеймят, грязнят и казнят человека. Уважение в том и заключается, что всякий человек по презумпции считается хорошим, и нужно обратное доказывать. И наоборот: человек заранее считается способным на всякую мерзость, и что бы о нем ни сказали, в чем бы его ни обвинили, всему дается легкая и дешевая вера. В дальнейшем развитии своем это приводит к выискиванию у человека для всех его действий самого гнусного мотива: живет так-то для рекламы, пишет для денег или для славы, хворает, чтобы вызвать сочувствие, здоров, чтобы похвастаться и потому, что дурак. Специфически русская черта, которую когда-то и ты испытывал на себе, а теперь, издали и ничего не зная, даешь почувствовать и мне.

Но в твоем отношении к человеку есть и еще нечто, пожалуй, не менее разительное, чем неуважение: это барство. Другим словом я не могу назвать того тона — с одной стороны пренебрежения, с другой — превосходства, которым ты пользуешься при объяснениях и обвинениях. Совсем барским жестом ты раздаешь зуботычины, осуждаешь, милуешь,



КАРТИНА АНДРЕЕВА «ОДИН ОГЛЯНУЛСЯ»
Пастель, 1912 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

даже не нуждаясь в объяснениях со стороны раба; тебе даже и в голову не приходит, что в величавости позы твоей проглядывает та самая азиатчина, для справедливого заклеймения которой ты не можешь подобрать слов. Таким ты не был, Максим Горький, и в твой демократизм ныне — я плохо верю.

Я вовсе не думаю оправдываться, когда говорю о своих вещах; я только указываю на ту злую голословность, с которой ты бросаешь тягчайшие обвинения. Но помимо моих вещей тем же тоном всезнания и безапелляционности ты осудил мою жизнь — откуда же ты знаешь мою

жизнь? Слепой ты и самомнительный человек — ничего ты не знаешь, и понимаешь очень мало, и рассуждаешь упрощенно, а веришь своим суждениям безгранично. Или знание твое есть то, что пишут обо мне газеты?

Здесь я должен оговориться, что существует один факт, в котором твои обвинения имеют под собою почву. Это — моя телеграмма Ясинскому [13]. Но, вынося приговор на основании этого факта, ты должен был прежде всего спросить меня, *почему я так поступил*, а потом узнать, не является ли этот факт настолько единичным, что обобщающие суждения на основании его не могут быть справедливы. И действительно, факт этот *единичен*, и все другие факты в достаточной степени подтверждают это. Тебе известно, чтобы я принимал участие в других «торжествах» подобного свойства и вообще в каких бы то ни было торжествах? Тебе известно, почему я отказался от участия в толстовском вечере? [14] Тебе известно, что я, кажется, один из всех наших писателей послал мотивированный отказ от участия в гоголевском торжестве, а каковы были мои мотивы — я для образца посылаю копию моего письма Грузинскому [15]. Тебе известны факты моего участия в каком-нибудь грязном органе в сотрудничестве с грязными людьми? Тебе известно, что по моему требованию был выкинут из «Шиповника» «Конь бледный», и за это Философов почтил меня статьей о «Мании величия»? [16] Тебе известно, что в настоящее время я вооружил против себя всю уличную братию: Арабажиных, Измайловых и прочее?

Сам же посуди, насколько факт с Ясинским (причин какового факта ты не знаешь) является ничтожным в ряду с другими фактами, от дальнейшего перечисления которых я отказываюсь — нет ни времени, ни охоты.

Таково было первое твое письмо. Ну и, конечно, я не счел возможным даже отвечать на него: так оно было плохо. Но вот во втором коротеньком письмеце ты вскользь обронил слово о «непонимании» — допустил, что ты не совсем понимаешь меня. И этого было для меня достаточно, чтобы все прошлое письмо пустить насмарку: поговорим, думаю, и он поймет, а лезть на стену ради выражений и тона, когда предстоит так много серьезной работы — не стоит. И все с той же несчастной моей верой в человека я пишу тебе второе дружеское письмо, которое, к сожалению, даже окончить не успеваю — и получаю совсем неожиданный, до дикости грубый и исступленный ответ. Признаться, я и до сих пор не понимаю его нарочитой резкости, желания оскорбить во что бы то ни стало — вплоть до нелепого и смешного утверждения, что «все в тебе правильно, разлиновано все и оттого — скучно все».

Все письмо с начала до конца — невероятно; остановлюсь только на том, как дико и криво понял ты мои слова об откровенности. Начинаешь ты с утверждения, что всю жизнь ты был «свалкой мусора», под каковым предполагались и мои откровенности. Не знаю, насколь другие валили в тебя мусор — относительно меня это неправда, и как раз я и указывал на это в своем письме. Дальше — все тот же барский жест: «касаться же моей личной жизни я никому не позволял и не намерен позволять». Но это не только барство, это уже истерика, выкликание! Можно подумать, что я, как совершеннейший нахал, лезу в твою жизнь, а ты меня резко отстраняешь: скажи по совести — были с моей стороны хоть когда-нибудь такие попытки? Зачем же тогда это оскорбление? И дальше: как ты косо и однобоко принял самое понятие откровенности! «Показывать миру свои царапины, чесать их публично и обливаться гноем, брызгать в глаза людям желчью своею, как это делал злой гений наш Федор Достоевский,— это гнусное занятие и вредное, конечно».

Так ты, стало быть, полагал, что я хочу наделить тебя моим гноем и желчью, и что вообще и содержания другого не может быть для откровенности, как только гной, желчь и мусор? Хорошего же ты мнения об уважаемом тобою человеке! А вдруг я просто с тобой посоветоваться хотел о моей жизни и ее направлении, той самой жизни, по поводу которой сам же ты только что писал: «хоть бы тебя в Вятку сослали!» И при чем тут «Федор Достоевский», который в защите, конечно, не нуждается и которого ты единым махом свалил в одну кучу с Толстым, написавшим «Исповедь», с Руссо, да и мало ли с кем: ведь нет ни одного, кажется, писателя, который прямо или косвенно не говорил бы о своей жизни и своих страданиях и радостях. Не тем же ли и ты занимаешься? И если у одного болит только задница, по твоему выражению, то у других болит и ихняя человеческая душа, и эта боль есть украшение и оправдание жизни — почему же ты в уважаемом человеке прозреваешь только задницу и подменяешь ею душу?

Наконец, последнее важное в твоем письме, его итог: «Разошлись же и расходимся все далее — мы с тобою не потому, что у нас не возникли личные отношения, а потому, что они не могли возникнуть. Нам казалось, что они возможны, но мы ошибались. Слишком различны мы».

Нет, Алексей, это неверно: мы не были с тобою так различны. Вспомни получше и подумай. Различны мы стали лишь с того времени, как ты изменил свои взгляды и вкусы, и я стал для тебя «*анархистом*» в поносном и позорном смысле. Было время, когда ты иначе относился к анархизму; и еще совсем недавно тот самый Иуда из Кариота, в оправдании которого ты меня упрекаешь в «Русском слове» [17], разделяя взгляд Арабажина [18] и черносотенных газет,— был тобою поставлен весьма высоко, и ты сам помогал мне в работе, и печатал «Иуду» в твоем «Знании». И еще совсем недавно ты совсем иначе понял бы и «Тьму» и «Мои записки» и не протянул бы, уже *не в первый раз*, руку Мережковскому в признании этих вещей реакционными. Ты сам резко изменился, Алексей, и вот в чем причина нашего расхождения, а быть может и источник всех твоих грубых и беспочвенных обвинений. (*Примечание*) *.

Изменилось и понимание твое и твой, по-видимому, характер. Ты вот писал все с тем же отсутствием самоотчета: «Я живу в России больше, чем ты» — и это горькая ошибка (про сравнение я не говорю и неизвестно, зачем ты сделал это сопоставление). Ты живешь на Капри и ни множество писем, ни те отдельные экземпляры русских людей, которых ты видишь,— не приближают тебя к России. Когда немец едет в зоологический сад и видит там бенгальского тигра — это еще не значит, что он и в Индии побывал; и сколько бы тигров ты ни видал, от России ты далек. Нужно самый воздух понюхать, нужно толпу на улице повидать, нужно войти в курс всех этих маленьких российских дел, и рож, и людишек, чтобы почувствовать настоящее... да что говорить! И я убежден, что не будь судьба так бессмысленно жестока к тебе и дай тебе возможность жить в теперешней России — ты иначе думал бы.

Печальным на мой взгляд показанием твоей удаленности от России служит твоя статья в «Русском слове» — она носит все черты интеллигентского покаянного плача, а интеллигент в чистом виде есть удаленнейший от России человек, как тебе известно. Сам того не чувствуя, в жестоком и несправедливо-огульном осуждении «великоросса» ты сближаешься с господами из «Вех» [19], чуть ли не с Родионовым [20]. Ты проклинаешь то

---

* Кстати, ты помнишь, почему по возвращении с Капри в Россию я отказался редактировать сборники «Знания»? Я хотел пригласить Блока и Сологуба, но ты воестал против этого и дал невозможно резкие характеристики того и другого. Теперь Блок — в «Знании». Мог бы я указать и на другие непоследовательности, причина которых в перемене, — но не моей. — *Прим. Андреева.*

самое сектантство, которое в народе всегда было при самых уродливых формах только волею к творчеству и свободе, немеркнущим бунтарством; великоросса ты считаешь способным только к «уходам из жизни», наивно забывая о том — кто же тогда создал это нелепое, но огромное и страшно сильное государство Россию. Если великоросс только уходит из жизни — то кто же тогда душит финнов, поляков, малороссов, прет во все стороны, даже в минуты уныния, как теперь, привычно занимается действенным грабительством в Персии и где только можно? Говори о варварстве, о некультурности, об исторической отсталости народа, но не говори о слабости и пассивности того, кто так действенно, хоть и грубо создает огромное государство, кого можно упрекнуть разве только в жестокости, но не в мягкости вечного слюнтяйства.

Ты и литературу нашу для удобства положения признал случайностью — как будто здесь возможна *случайность*, как будто ты сам за несколько строк перед тем не говорил о непреложном «законе истории»: *Запад отравил твои глаза приемами своей борьбы, и ты перестал понимать, что наши приемы борьбы совсем другие* и что злой гений наш Достоевский есть именно бунтарь, учитель активности и тебя научивший бунту. Лощеное мещанство Запада, как и всякое мещанство, распадается в прах перед лицом Достоевского, а это и есть самая доподлинная и самая постоянная революция.

Взглянуть бы тебе вместо тигров хоть на московского ломового — и хмара спала бы с твоих глаз и, как прежде, на Волге, ты понял бы, что дела великоросса весьма недурны, и бояться за его судьбу не приходится. Может быть, теперь ты заподозришь меня в национализме? — это будет неверно.

Очень неприятно, что в статье «О современности» ты прямо не назвал мое имя, когда говорил о попытках оправдать Иуду. Литература русская не так обширна, чтобы не догадаться, о ком идет речь, и прямое обвинение было бы во всех смыслах приятнее. Между прочим, я хотел также статьею возразить тебе, но, подумав, нашел это для дела вредным: от меня не убудет, а если я стану возражать, то наша улица только обрадуется скандалу и до смысла, пожалуй, и не доберется. Тем более что в общем твое осуждение теперешних литераторов верно и ослаблять значение его не в интересах дела.

Если ты, при всем том, что пишешь обо мне, счел возможным закончить последнее письмо словами: «я к тебе отношусь очень хорошо, уж это я знаю» — то еще с бóльшим правом могу сказать это я. Слишком сильна была моя любовь к тебе, чтобы даже ты мог так легко и сразу ее разрушить. И что бы ты ни говорил, и как бы прискорбно, на мой взгляд, ни ошибался,— я знаю твое *бескорыстие*, а при наличности его нет страшных ошибок, хоть и бывают ошибки *роковые*.

Если письмом этим я причиню тебе боль, то прости — вовсе не с этим намерением писал его. Вопреки рассудку и стихиям я продолжаю чувствовать, что нас соединяет связь неразрывная, которую даже и твоей воле не удастся расторгнуть. И уверен я, что удайся нам *поговорить* (а не писать) хоть несколько часов — много недоразумений исчезло бы. Ты забыл меня, голубчик!

От всей души желаю тебе хорошего, от всего сердца.

Л. А.

28 марта 1912

Текст написан на машинке; со слов: «Если письмом этим» — от руки.

[1] «Петербургская газета» выходила с 1867 по 1917 г. Основана И. А. Арсеньевым.— «Синий журнал» — иллюстрированный еженедельник бульварного пошиба, выходивший в Петербурге с декабря 1910 по 1917 г. под редакцией М. Г. Корнфельда. В жур-

нале печатались Куприн, Скиталец, Потапенко, П. П. Гнедич, В. А. Тихонов, А. С. Грин, К. С. Баранцевич, Л. В. Саянский и др. Согласие Куприна сотрудничать в «Синем журнале» Корнфельд использовал в рекламных целях. Когда Куприну стал ясен откровенно-спекулятивный характер журнала, он письмом в редакцию (без даты) заявил о своем отказе «быть сотрудником в этом гнусном канкане» (см. В. А ф а н а с ь е в. А. И. Куприн. Критико-биографический очерк. М., 1960, стр. 127).

[2] См. прим. 1 к письму 156.

КРЕСТЬЯНИН-ФИНН

Пастель работы Андреева, 1912 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[3] См. прим. 5 к письму 160.

[4] Андреев подразумевает рассказ Короленко «Сон Макара» (1883).

[5] Первый номер политического и литературного журнала А. В. Амфитеатрова «Красное знамя» вышел в Париже в апреле 1906 г. Политическим идеалом издания провозглашалась «Всероссийская федеративная республика». Однако журнал не имел четкой политической линии, его оппозиция самодержавию носила расплывчатый мелкобуржуазный характер и была далека от подлинной революционности. Поэтому «Красное знамя» не могло сыграть сколько-нибудь значительной роли в русском освободительном движении. В «Красном знамени» сотрудничали Куприн, Волошин, А. Федоров и др. В первом номере было опубликовано тринадцать стихотворений Бальмонта и известный фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы». Горький поместил в нем воззвание «Не давайте денег русскому правительству» и «Письмо Анатолю Франсу»,

бывшему председателем «Общества друзей русского народа» и одному из первых выступившему с протестом против ареста Горького в январе 1905 г. (XXIII, 381—391). В этом же номере «Красного знамени» опубликовано подписанное Горьким, Андреевым и др. воззвание «К рабочим Европы» от имени Международного комитета для помощи русским безработным рабочим. Об отказе Андреева от сотрудничества в «Красном знамени» — см. письмо к Амфитеатрову (раздел «Андреев о Горьком», № 78).

[6] Из важнейших отзывов печати о «Царе-Голоде» см.: Н. Валентинов. Мы еще придем! О современной литературе, «Жизни человека» и «Царе-Голоде» Л. Андреева. М., 1908; Евг. Чарский. О «Царе-Голоде» и Леониде Андрееве. (Писатель и его читатель).— В сб. «На очереди». СПб., 1908, стр. 31—43; Ю. А. <Ю. Анхенвальд>. Леонид Андреев. Царь-Голод. Представление в пяти картинах...— «Русская мысль», 1908, № 3, отд. III, стр. 46; А. Измайлов. «Царь-Голод».— «Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10380, 1 марта; Ю. Александрович. «Царь-Голод» и Л. Андреев.— «Раннее утро», 1908, № 87, 2 марта; лекция К. Чуковского о «Царе-Голоде».— «Свободные мысли», 1908, № 46, 24 марта; Н. Кадмин. Литературные заметки.— «Образование», 1908, № 5, отд. III, стр. 52—56; В. Львов. Из жизни и литературы. Девушка в черном.— «Образование», 1908, № 5, отд. III, стр. 62—85; Ал. Кириллов. Без царя.— «Весы», 1908, № 6, стр. 57—61; Э. Старк. «Царь-Голод» Леонида Андреева как театральное произведение.— «Театр и искусство», 1908, № 25. Об отношении марксистской критики к «Царю-Голоду»— см. прим. 10 к письму 157.

[7] Статья Толстого «Не могу молчать» была начата 13 мая 1908 г. после выхода из печати «Рассказа о семи повешенных», но до того, как Толстой прочел это произведение — 22 мая (Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928, стр. 164). 1 июня 1908 г. Толстой отправил свою статью Черткову в Англию для опубликования. В начале июля статья появилась в иностранной прессе. По цензурным соображениям в русской печати могли быть опубликованы лишь отрывки из нее (полный текст отпечатан в нелегальной типографии в Туле в августе 1908 г.). Переписку Андреева с Толстым по поводу «Рассказа о семи повешенных» — см. «Реквием», стр. 64—65 (письмо Андреева от 18 августа 1908 г.) и Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное), т. 78. М., 1956, стр. 218—219 (письмо к Андрееву от 2 сентября 1908 г.). После отправки письма Толстой сделал к нему несколько дополнений, которые были сообщены Андрееву Н. Н. Гусевым в письме от 3 сентября 1908 г. Это письмо Толстого с сокращениями было опубликовано Андреевым в сборнике «Италии», изданном «Шиповником» в 1909 г. в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. В день восьмидесятилетия Толстого, 28 августа 1908 г., Андреев написал развернутый комментарий к идейному замыслу «Рассказа о семи повешенных». Под заглавием «Из письма» напечатан в газете «Эпоха», 1908, № 1, 15 сентября, и впоследствии не переиздавался.

Другое развернутое истолкование идейного замысла «Рассказа о семи повешенных» Андреев адресовал читателям Европы и Америки. 5 (18) октября 1908 г. он направил письмо американскому журналисту, сотруднику и европейскому корреспонденту газеты «The New York Times», Герману *Бернштейну* (1876—1935), переводчику и пропагандисту драматургии Андреева в США. Факсимиле этого письма было приложено к американскому изданию «Рассказа о семи повешенных» в переводе Бернштейна и с иллюстрациями Ирвинга Политцера 1909 г. «Моей задачей,— писал Андреев Бернштейну,— было: указать на ужас и недопустимость смертной казни — при всяких условиях».

[8] «Черные маски. Представление в 2-х действиях и 5 картинах» впервые были опубликованы в альманахе «Шиповник», кн. 7 (1908).

[9] Трагедия Андреева «Океан» была закончена в конце 1910 г. и выпущена отдельной книгой с рисунками Б. Анисфельда. СПб., изд. «Прометей», б. г. Цензурные затруднения побудили автора обратиться 12 ноября 1910 г. со специальным письмом к цензору Н. В. Дризену (ЛБ, архив Н. В. Дризена, ед. хр. 61), в котором он пытался отвести обвинение в «кощунстве» над христианством. Отрывок из трагедии под заглавием «Молитва аббата», опубликованный в газете «Утро» (Харьков), 1911, № 1284, 6 февраля, привлек внимание харьковского инспектора по делам печати Я. В. Судакова, который 8 февраля запросил мнение об этом отрывке Московского духовного цензурного комитета. Отвечая Судакову, Комитет определил, что в отрывке «заключается сплошная насмешка над учением христианской церкви о молитве». В отношении от 23 февраля 1911 г. Судаков, излагая Главному комитету по делам печати существо дела, предложил возбудить преследование редактора газеты «Утро» А. А. Жмудского за публикацию отрывка из «Океана» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 16, ед. хр. 810/769, ч. I, лл. 113—113 об., 124). К представлению на сцене пьеса Андреева была запрещена. Отзыв Измайлова об «Океане» не найден.

[10] Речь идет о статье З. Н. Гиппиус: «Литература и искусство. 1. Что пишут. Ищущие бога.— Мечты о жизни и мечта о смерти.— Мистика Л. Андреева („Сашка Жегулев“). Ремизовская „свечечка“».— «Русская мысль», 1912, № 1, отд. II, стр. 25—31.

[11] См. прим. 2 к письму 163.

[12] Александр Мефодиевич *Редько* (1866—1933) — либеральный литературный критик. Ему принадлежат статьи: «„Сашка Жегулев“ Л. Андреева и „Петушок“

А. Ремизова (Альманах изд. „Шиповник", кн. 16)».— «Русское богатство», 1912, № 1, отд. II, стр. 139—149 и «Об „Океане" Леонида Андреева».— Там же, 1911, № 5, отд. II, стр. 152—163. Редько писал об отходе Андреева от реализма в романе «Сашка Жегулев», представляющем, по его словам, «сплав реалистического, мистики, романтизма и символизма». Доказывая психологическую неубедительность центрального героя, превращение Саши Погодина в Сашку Жегулева, критик видел источник неудачи автора в ложном истолковании освободительного движения в деревне. Редько приходил к выводу, что Андреев ищет разгадки превращения Погодина в Жегулева в «„мистике народной души", но загадка так и остается загадкой».

[13] См. прим. 6 к письму 160.

[14] См. письмо Андреева, направленное в Комитет по устройству вечера памяти Толстого («Письмо в редакцию») в ИРЛИ. Опубликовано: Л. А ф о н и н. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 200—201; также «Лит. наследство», т. 69, кн. 2, 1961, стр. 355.

[15] Посланная Андреевым Горькому копия письма на имя председателя Общества любителей российской словесности А. Е. Грузинского (1858—1930) находится в АГ. Печатаем по оригиналу (ЛБ):

В Общество любителей
российской словесности.

Многоуважаемый Алексей Евгениевич!

Ежедневно совершаются казни, возвращая нас ко временам варварства и развращая народ, измученный тиранией; переполнены тюрьмы, и многие писатели изнемогают в тюрьмах от болезней, другие же едят горький хлеб изгнания и томятся тоской по родине; полицейский произвол безграничен, и еще совсем недавно с варварской грубостью и циничной прямотой правительство запретило чествование Льва Толстого. При этих условиях открытие памятника Гоголю в Москве не может иметь значения торжества народного. И высоко чтя память великого Гоголя, я отказываюсь ехать на праздник, в котором не вижу праздника. И веря крепко в силу русского народа, я буду терпеливо ждать того светлого дня, когда сам народ, освободившийся от виселиц и тюрем, вне рамок гнусной цензуры, провозгласит вечную славу своему бессмертному и великому сыну.

Уважающий вас Леонид А н д р е е в

23 апреля 1909

[16] «Конь бледный» — контрреволюционный роман Бориса Викторовича *Савинкова* (псевдоним: В. Рошшин; 1879—1925), видного деятеля партии эсеров, после Октябрьской революции активного врага Советской власти. Пасквиль Савинкова впервые был опубликован в «Русской мысли», 1907, № 1. Андреев отклонил печатание романа в альманахе «Шиповник», но изд-во «Шиповник» издало его отдельной книгой в 1909 г. Андреев назвал этот роман вещью, «от которой пахнет гнилью, как от ⟨...⟩ хорошего сыра. Вещь и нехудожественная и жестоко несправедливая, а в целом даже оскорбительная ⟨...⟩. Если бы я руководил им ⟨„Шиповником"⟩, то в нашем издании никогда не появился бы „Конь бледный" г. Рошшина» (С. С п и р о. У Леонида Андреева.— «Русское слово», 1909, № 222, 29 сентября). Статья Философова «Мания величия» по поводу отзыва Андреева о «Коне бледном» была напечатана в «Речи», 1909, № 269, 1 октября.

[17] Андреев имеет в виду следующее место из статьи Горького «О современности», напечатанной в «Русском слове» (см. о ней прим. 5 к письму 160): «Мне кажется, что основная тенденция современной литературы сводится более или менее к переоценке деятельности Иуды Искариота. Сей последний объявлен „непонятым братом", и вот какие комплименты вызывает ныне его всем памятное торговое дельце:

Пусть гнусы о предательстве кричат,
Их мысли тупы, на сердцах их плесень!
Постичь ли им твой царственный закат?

Это называется „переоценка ценностей" и, составляя основное занятие желтой прессы, постепенно просачивается в серьезную литературу.

Вы подумайте: почти две тысячи лет люди полагали, что Иуда — человек, вовсе не заслуживающий ни подражания, ни похвал. Так думали Данте, Мильтон, Камоэнс, Гете, Гюго, Толстой, дерзкий Вольтер, Кардуччи и сотни других великих людей, какими гордится мир, но родился в России храбрый нигилист, и оказалось, что величайшие мыслители мира ошиблись в оценке Иуды.

Вот как стал „послушен призыву к свободе" русский писатель, и вот до чего легко, просто освободился он от цепей старой морали.

Странное явление: еще так недавно о русском человеке говорилось весьма громко, что он-то и есть „носитель всемирной совести", а он вдруг Иуду начал славить и самоубийство предателя именует „царственным закатом"».— Горький цитирует стихотворение Рославлева «Иуде».

[18] Константин Иванович *Арабажин* (1866—1929) — либеральный критик и историк литературы. Отождествление взглядов Горького и Арабажина на повесть Андреева «Иуда Искариот», разумеется, несправедливо. В своей книге «Леонид Андреев. Итоги творчества. Литературно-критический этюд» (СПб., 1910) Арабажин обходит молчанием политическое значение реабилитации Иуды декадентской литературой эпохи столыпинской реакции. Он упрекает Андреева за отступление от евангельской истории. «Андреев,— с неодобрением заключает Арабажин,— пытается набросить тень и на одну из светлейших легенд мира — историю смерти и страдания Христа за людей» (стр. 149). В то же время он считает, что «тема была поставлена Андреевым любопытная». Андреев неоднократно выступал против Арабажина публично и зло высмеял его в неопубликованной пьеске «Арабажин в Афинах. Полная невозможность в трех отдельных невозможностях» (Андрей А н д р е е в. Из воспоминаний о Л. Андрееве.— «Красная новь», 1923, № 9, стр. 209—210. Два неполных варианта пьесы переданы летом 1961 г. Валентином Леонидовичем Андреевым в ЦГАЛИ).

[19] «Вехи» — сборник статей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, М. О. Гершензона, Б. А. Кистяковского, С. Л. Франка, А. С. Изгоева, вышедший первым изданием в Москве весной 1909 г. Нападая на революционно-демократическую интеллигенцию и революционное движение 1905 г., авторы сборника благодарили самодержавие за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Подчеркнув, что «*„Вехи" выразили несомненную суть современного кадетизма*», Ленин охарактеризовал сборник словами: «*энциклопедия либерального ренегатства*» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167 и 168).

[20] Речь идет об И. А. Родионове, авторе клеветнической книги «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни», выдержавшей в 1909—1911 гг. несколько изданий.

166. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 11/24 апреля 1912 г.

Это неправда, Леонид, что мои письма к тебе злы, циничны и т. д.— ничего подобного в них нет и не могло быть.

Все, что сказано во втором письме об «откровенности», — имеет общий характер и не против тебя направлено, а против скверной бытовой особенности нашей; — слова: «показывать миру свои царапины» и т. д.— не для тебя написаны, еще Варвара в «Дачниках» их говорила [1], и с той поры я повторял их раз десять, повторял и в заметке «О современности».

Пойми, пожалуйста, что «откровенность», которую я имею в виду, есть хвастовство своими личными муками, хвастовство, коим насыщена вся русская литература, оно имеет аскетический характер, омрачающий жизнь, исходит из нашего христианства и имеет у нас таких апологетов, как Толстой, Достоевский, Соловьев [2] и — ныне — Розанов. Оно отравляет нас.

Говоря о культе Иуды, я не мог иметь в виду тебя — очень сожалею, что не сделал соответствующего пояснения и цитировал Рославлева [3], забыв о Павле Попове [4], Голованове [5] и других, касавшихся этой темы*. Там, где я говорю об этом, — речь идет о писателях улицы, как они опошляют большие идеи. Мне еще придется говорить на эту тему, и я не премину отставить твоего Иуду в сторону, хотя, на мой взгляд, он в этом, конечно, не нуждается.

Блок в «Знании» как пример моей непоследовательности — плохой пример: Блока печатают Пятницкий и Миролюбов, а я, как и раньше, не вижу в этом нужды, но и мешать этому не хочу, ибо мое отношение к «Знанию» изменилось. Ты бы мог привести примером непоследовательности моей мою переписку с Розановым — вот это нечто! [7] Или — мое отношение к Шаляпину, за что меня ругают на многих языках [8].

---

* Иуд — оригинальных и переводных ныне в русской литературе более десятка. Скоро выйдет тетралогия Весселя [6] на эту тему,— вот конфетка будет для улицы! — *Прим. Горького.*

Вообще же твое письмо странное, бешеное какое-то и вот уж, действительно, — грубое. Когда я пишу грубо, это просто — моя манера, а тебе это вообще несвойственно. Мне кажется, что ты рассердился не на письма мои, а на статью «О современности», прочитанную тобою очень плохо и с предубеждением.

Если даже допустить, что мои письма чем-то задели тебя,— твое последнее письмо с избытком покрывает все «обиды», якобы нанесенные мною тебе,— удивительно нелепое письмо.

Очень досадно, что ты написал в таком странном тоне — это мне связывает руку и путает мое отношение к тебе. Если переписка наша не прервется — я должен буду «подыскивать выражения» в письмах к тебе, чего терпеть не могу. Мне показалось, что твое отношение ко мне искреннее, проще и такие крупные недоразумения, как данное, невозможны.

Напомню тебе сказанное тебе в одном из писем: «я не судил о твоей жизни, я говорил о твоей литературе, говорил, а не судил». О Ясинском я говорил лишь потому, что близость с ним может быть истолкована враждебно для тебя, уже возбудившего к себе слишком острое и несправедливое отношение, что я вижу не менее резко, чем и ты.

Думаю, что нам следует временно прекратить переписку, дабы улеглось то обидное недоразумение, виновником которого я не могу счесть одного себя, с чем ты, думаю, согласишься.

Будь здоров, жму руку.

А. Пешков

IV/24 912

Текст написан на машинке, только конец письма со слов: «... что я вижу не менее резко» и примечание об Иуде — от руки.

[1] Подразумевается монолог Варвары Михайловны в д. IV «Дачников» (VI, 268).
[2] Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853—1900) — поэт, философ-идеалист, публицист.
[3] См. прим. 6 к письму 149 и прим. 17 к письму 165.
[4] Павел П о п о в. Иуда Искариот. Поэма. СПб., 1890.
[5] Николай Николаевич *Голованов* (1867—1938) — драматург, переводчик и издатель. Речь идет о его драме в стихах «Искариот». М., 1905.
[6] Юлиус *Векселль* (1838—1907)— финский поэт, писавший на шведском языке. Его тетралогия «Иуда и Христос» (см. воспоминания Горького об Андрееве в настоящ. томе, стр. 390) нам неизвестна.
[7] См. прим. 2 к письму 167.
[8] Речь идет об отношении Горького к Шаляпину в связи с его участием в коленопреклонной просьбе хористов Мариинского театра о прибавке жалованья при появлении Николая II на премьере «Бориса Годунова» 6 января 1911 г. Горький советовал Шаляпину публично опровергнуть фальсифицированные материалы черносотенной прессы о его якобы верноподданнических чувствах. Однако Шаляпин этого не сделал, что не могло не отдалить его от демократической общественности (см. В. И. Л е н и н. Автору «Песни о Соколе».— Полн. собр. соч., т. 26, стр. 96, а также переписку Горького и Шаляпина: «Горьковские чтения. 1949—1952». М., 1954, письма 20—25). См. также стр. 483 настоящ. тома.

167. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 18 апреля/1 мая 1912 г.〉

Как ты справедливо заметил, Алексей, мне несвойственно быть грубым; и того менее свойственно мне впадать в беспричинное бешенство. И действительно, нужны были очень важные и серьезные причины, чтобы я написал такое *резкое* письмо (ни грубым, ни бешеным я его все-таки не считаю). Ты предполагаешь, что настоящей причиной моей обиды была твоя статья,— нет, это совсем неверно и показывает только, что ты не с достаточной внимательностью отнесся к моему письму и не дал себе и до сих пор ясного отчета в своих предыдущих письмах.

Настоящей причиной моей обиды было именно то, о чем я уже писал тебе и чего повторять не стоит; и еще до появления твоей статьи я написал резкое письмо и только медлил с его отсылкой, борясь и с недоумением и с нежеланием причинять тебе неприятность. Статья же мне просто не понравилась, и неясный намек на моего Иуду (я очень рад, что это оказалось неверным; но и все другие ошиблись и думали, что ты имеешь в виду именно меня) как-то не задел меня. И я уже писал, *что* именно мне не понравилось, и добавлял вместе с тем, что со многим в твоей статье я согласен.

Ты думаешь, что нам следует на время прекратить переписку? Не знаю, может быть да, а может — и нет. Все зависит от степени желания и степени серьезности, с какой отнесемся мы к переписке. Я не сомневаюсь, что, в *разговоре* и видя друг друга, мы сговорились бы быстро, без катастроф и недоумений. Но то же самое возможно и в письмах: ведь не даром же мы писатели, и было бы странно и непонятно, если бы мы не нашли для писем ни надлежащего тона, ни языка, ни умения выражаться последовательно и точно. Твое последнее письмо, написанное с огромным самообладанием, как раз подтверждает мою мысль; и не будь оно так кратко и в силу этого голословно, оно могло бы значительно приблизить нас к обоюдному пониманию.

Конечно, трудно нашему брату заниматься такой перепиской, когда и так много дела и работы; и здесь опять вопрос о том, насколько серьезным и важным представляется нам наше расхождение. Если это имеет значение только *личное*, тогда, пожалуй, не только на переписку, а и на мысли даже не стоит тратить труда: ну и не поняли, ну и разошлись, ну и мало ли каких неприятностей в жизни!

Но если принять в расчет (как я писал тебе вначале), что каждый из нас представляет собой известную общественную силу, что наша дружба или вражда выходит за пределы личного нашего удовольствия или огорчения — тогда, пожалуй, труд переписки не покажется таким бесплодным и ненужным.

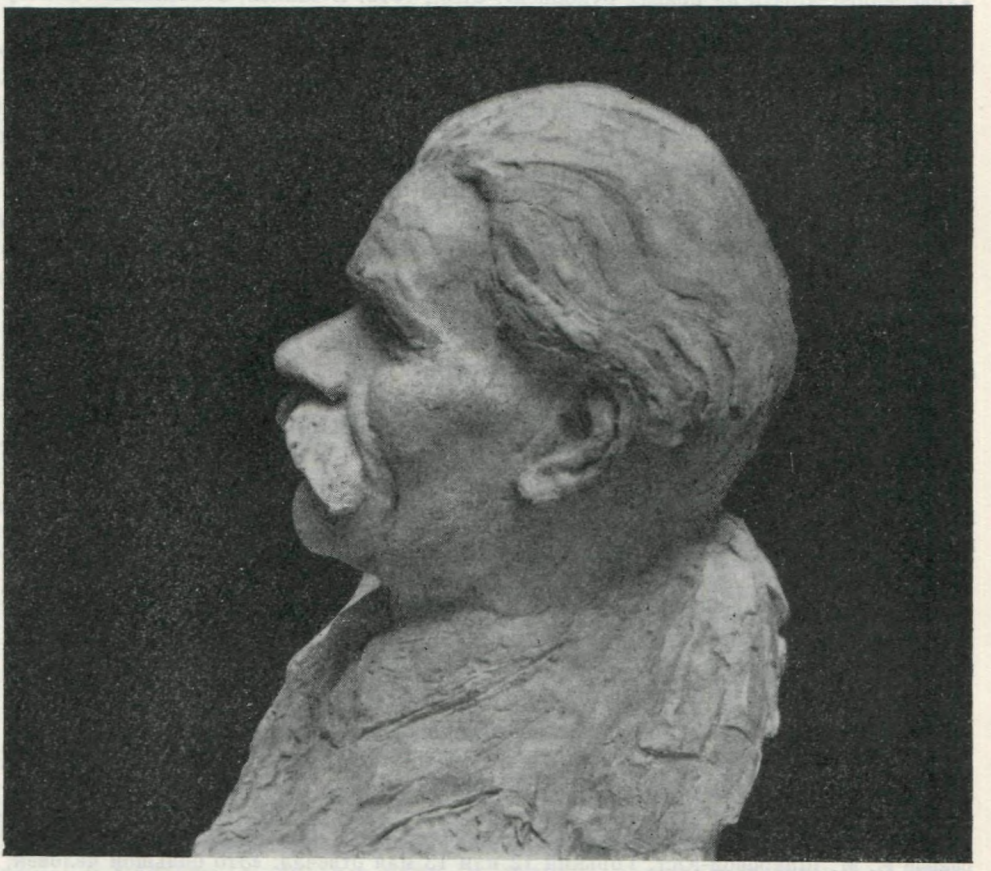
Предоставляю тебе решить этот вопрос окончательно. Я же с своей стороны думаю, что нам *должно* сговориться и если пока невозможно сделать это лично, то пока путем переписки. Но повторяю, это целиком зависит от тебя, и если тебе трудно, или неприятно писать мне, или кажется ненужным, то оставим это дело — до времени или навсегда.

А если переписываться — то вовсе нет надобности возвращаться к старому и разбирать наши отношения: тут как раз легко запутаться. Вполне достаточно, если бы мы со всей откровенностью и прямотой указали друг другу на наши *писательские* грехи и ошибки, и выяснили, в чем сейчас наше писательское разногласие. И поскольку ты будешь говорить о моих вещах, не заподозривая чистоты моих мотивов, ты можешь говорить с какой угодно резкостью, величать меня идиотом и как тебе угодно, и это никогда не обидит меня. И больше того: если в *самой* вещи (в ее тенденции, внутреннем строении) ты найдешь нечестное, дурное, аморальное или противуобщественное — то и тут ты ругайся как хочешь, и я буду осел, если хоть на йоту оскорблюсь. Пойми же, Алексей, что меня оскорбило: твое сомнение, вернее, уверенность в нечестности, нечистоте моих мотивов.

И я с удовольствием буду возражать тебе и объясняться и по поводу «Тьмы», и «Моих записок», и имею надежду, что поколеблю твой взгляд. И если ты позволишь мне с такой же прямотой писать о твоих вещах,— будет хорошо.

Если ты решишь на время или совсем прекратить переписку, то просто оставь это мое письмо без ответа, я так и пойму.

К Шаляпину, я думаю, мы относимся одинаково [1]; к тому же ты просто любишь его, и твоя доброта к нему не кажется мне непоследовательностью и дурным. Относительно Розанова — да, я удивился, когда прочел его хвастовство твоими письмами [2], хотя думаю, что хвастался этот мерзавец пощечинами. Но все-таки не понимаю, что за охота тебе тратить время и труд даже на пощечины для этого ничтожного, грязного



ГОРЬКИЙ
Скульптура (гипс) А. М. Гюрджана, Париж, 1912 г.
Картинная галерея Армении, Ереван

и отвратительного человека. Бывают такие шелудивые и безнадежно погибшие в скотстве собаки, в которых даже камнем бросить противно, жалко чистого камня.

Будущей зимою, в ноябре, я рассчитываю поехать в Италию: может быть, повидаемся, если даже не удастся переписка? Моя вера в логику и разум так велика, что не могу я смотреть безнадежно на наши отношения.

Обнимаю тебя и крепко жму руку.

Л. А.

18 апреля 1912

Текст написан на машинке, только со слов: «Будущей зимою...» — от руки. Синим карандашом, вероятно Горьким, подчеркнуты слова: «моя вера в логику и разум так велика».

[1] О Шаляпине — см. прим. 8 к письму 166.

[2] О Розанове см. прим. 5 к письму 34. Не приемля реакционные идеи Розанова, Горький в цинической прямолинейности его мысли, в яростной борьбе с христианским гуманизмом увидел незамеченное апологетами Розанова оружие, направленное против них самих. В письме к М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г. Горький выразил свое отношение к Розанову: «Интереснейший и почти гениальный человек был он. Я с ним не встречался, но переписывался одно время и очень любил читать его противопожарную литературу 〈...〉 Он, у нас, был первым предвозвестником кризиса гуманизма...» и т. д. («Лит. наследство», т. 70, 1963, стр. 346). Андреев имеет в виду книгу Розанова «Уединенное. Почти на правах рукописи». СПб., 1912. В записи, относящейся к лету 1911 г., Розанов отметил: «Несколько прекрасных писем от Горького этот год. Он прекрасный человек 〈...〉 По натуре это — боец. С кем же ему бороться, если „все повалены", не с Грингмутом же, не с Катковым? Не с кн. Мещерским, о самом *бытии* которого Горький едва ли что знал. И руки повисли. Боец умер вне боя. Я ему писал об этом, но он до странности не понял ничего в этой мысли» (указ. соч., стр. 225—226).

168. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 3 ... 4/16 ... 17 мая 1912 г.〉

Нет, Леонид, я уверен, что переписка только еще более запутает наши отношения: мы слишком различно смотрим на всё в мире; каждое твое письмо вызывает у меня целый ряд возражений, уложить их в краткие фразы — они примут характер догматов.

Отложим споры до личной встречи, это лучше.

Посылаю письмо, полученное мною, с просьбой доставить тебе.

Жалко Стриндберга, чудесный был бунтарь [1].

Будь здоров и не думай, что мой отказ продолжать переписку исходит из каких-либо недружелюбных чувств. Нет, просто я убедился, что письма не достигают цели.

Всего доброго. А. Пешкова

Не пришлешь ли ты мне журнал «Моды и джентльмен», тот №, где Батюшков и дурак Аничков обучают россиян как надобно им носить штаны? [2] Любопытно!

Но — до чего же дошло!

Текст написан на машинке, со слов «Будь здоров» — от руки.
Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Август *Стриндберг* (1849—1912) — шведский писатель, творчество которого высоко ценил Горький.

Получив в мае 1899 г. от Чехова драму Стриндберга «Графиня Юлия» (1888) в переводе Е. М. Шавровой-Юст, Горький 12 или 13 мая отвечал: «Это большой человек, сердце у него смелое, голова ясная, он не прячет своей ненависти, не скрывает любви. И скотам наших дней от него, я думаю, ночей не спится. Большой души человек» (XXVIII, 78). См. также письма Горького к М. М. Коцюбинскому от 26 августа 1910 г. и к П. Х. Максимову от 20 июня 1912 г. (XXIX, 126 и 244—245). В 1909 г. в статье «Разрушение личности» Горький, говоря об эволюции некоторых западноевропейских и американских писателей от индивидуализма и квиетизма к социализму, к проповеди активности, подчеркивал: «Даже такой идолопоклонник „я", как Август Стриндберг, не может не отметить целительной силы человечества» (XXIV, 49). На смерть Стриндберга 1(14) мая 1912 г. Горький откликнулся телеграммой в редакцию «Правды»: «Никто никогда не имел на меня такого сильного влияния, как Стриндберг» («Правда», 1912, № 10, 4 мая). В шведской газете «Dagens nyheter» (Стокгольм) был напечатан некролог Горького на смерть Стриндберга (в неточном переводе опубликован в «Русском слове», 1912, № 107, 11 мая. Оригинальный текст впервые воспроизведен: МИ, т. I, стр. 89—90, а затем в «Несобранных литературно-критических статьях» М. Горького. М., 1941, стр. 272—273). В статье «О том, как я учился писать» (1928) Горький, говоря о научном предвидении писателей, подтверждающем близость творческой работы писателей и ученых, называет имя Стриндберга (XXIV, 468).

[2] Имеется в виду рекламное издание торгового дома Г. Л. Краут и К° в Петербурге «Gentleman и моды», 1912, вып. 1, в котором редакция напечатала ответы некоторых писателей, художников и артистов на вопрос о современных мужских модах (Андрея Белого, Вяч. Иванова, С. М. Городецкого, К. С. Баранцевича, Ф. Д. Батюшкова и др.). Е. В. Аничкову принадлежит статья — «Красота и уродство».

169. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 15/28 мая 1912 г.〉

Может быть ты и прав, Алексей, и нам лучше поговорить, чем переписываться. Что ж, если ты ничего не имеешь против (ты и, конечно, Мария Федоровна), я в ноябре приеду к тебе на Капри. Но только в том случае, если это не доставит тебе ни малейшего неудовольствия и не поставит нас всех в неловкое положение. Про себя скажу, что я искренне и по-прежнему люблю тебя; как это ни странно, но вся эта наша переписка не оставила во мне ни малейшего осадка досады или раздражения. Слишком очевидно, что тут сплошное недоразумение. Нисколько не навязываясь в твои единомышленники, скажу, что и мыслим мы в сущности одинаково — более одинаково, чем когда бы то ни было раньше. Ты сейчас не видишь этого, но время покажет.

Сегодня закажу тебе «Моды и джентльмен». Конечно, Батюшков был бы великолепный портной с Невского, и в литературе только даром зарывает талант. Да и не он один. Каким очаровательным и талантливым содержателем дома свиданий был бы Каменский! [1] «Новое время» все целиком могло бы поступить к Донону, и ни в одном другом ресторане не было бы таких талантливых и расторопных лакеев. Вопрос об одежде все эти джентльмены поднимают на высоту принципиальности, это и смешно и жалко. Но куда же им девать свои таланты и гражданский беспокойный дух?

Хорошее впечатление оставляет первая книжка «Заветов» [2], не то, что «Современник» [3], крикливый и пустой с первых шагов. Мне лично как орловцу очень польстил твой рассказ [4]; ты вот не согласен, а я думаю, что именно я и есть тот «буйный орловец», который родился в степи при твоей помощи. Не понравился мне только Рошин [5]: оттого ли, что Гиппиус его не правила, он бледнее бледного коня, а скачет все туда же, только с большими изворотами, как шахматный конь. И с Изгоевым напрасно он бранится [6]. Противен мне этот кающийся бомбист с его кислыми отрыжками. Самую плохонькую романтику я предпочту его великопостной правде, в которой ни на грош нет правды, как во всяком похмелье. Очень хорош И. Вольный — кто это? [7]

Вот беда: сейчас почти все русские книги, романы и повести — скучны. Не то, чтобы бесталанны или явно задопятны, а как-то скучны. И правильно, и справедливо, и автор хороший человек, а не утешает. Должно быть и «Жегулев» у меня такой же. Мережковский невыносим, Брюсов скучен до умоисступления; возьмешь сборник молодых — и там скука: и медведи, и хромые баре, и свиньи, и всё ни к чему [8]. Точно пишет каждый и спрашивает себя: а хорошо ли, что я закат описываю?— может быть заката уже не надо описывать? И еще может быть, что заката и не бывает; на всякий случай опишу-ка я маленький полузакат.

О Стриндберге я писать не стал: и поздно, да и мало я его знаю, никогда он меня не захватывал и не думал я о нем. С таким «мнением» не стоит и соваться.

А вот, Алексей, как ты отнесешься. Затеяли мы с Разумником (главным образом я, говорю это для характера), задумали сборник в пользу ленских рабочих, дешевый, не дороже полтинника [9]. Обещал Короленко, никого предосудительных и просто равнодушных не будет, постараемся почище и поискреннее. Не захочешь ли и ты дать рассказик или статейку? Хоть и работает по материалу В. Е. Копельман [10], но фирмы «Шиповника» не будет.

Вероятно, ты получаешь все книги, но если что нужно будет,— пиши, я вышлю. Крепко и дружески жму твою руку.

Леонид Андреев

15 мая 1912 г.

Текст написан на машинке, со слов «Крепко и дружески» — от руки.

[1] Речь идет об А. П. Каменском. См. прим. 7 к письму 149. О Батюшкове — см. раздел «Андреев о Горьком», № 27.

[2] «Заветы» — ежемесячный литературно-политический журнал эсеровского направления. Издавался в Петербурге С. А. Иванчиной-Писаревой с 1912 по 1914 г. Редактировался П. П. Инфантьевым. См. также прим. 4 к письму 172.

[3] См. прим. 4 к письму 159.

[4] «Рождение человека. (Из воспоминаний „проходящего“)».

[5] В первом, вышедшем в апреле 1912 г., номере «Заветов» началось печатание контрреволюционного романа В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было (Три брата)». См. также прим. 16 к письму 165. Андреев имеет в виду сближение Ропшина с Мережковским.

[6] *Изгоев* (псевдоним Александра Соломоновича Ланде; 1872—1935) — публицист, видный деятель кадетской партии. С 1909 г. входил в состав редакции центрального органа кадетской партии газеты «Речь», один из редакторов журнала «Русская мысль», принимал участие в контрреволюционном сборнике «Вехи» (1909). В 1922 г. выслан за границу. В «Письме в редакцию» («Заветы», 1912, № 1, отд. II, стр. 222) Ропшин отвечал на статью Изгоева «На перевале. На выстрелы слева», обвинявшую лидеров эсеровской партии в том, что они «еще не отчитались перед обществом в азефовщине» и ссылался на роман Ропшина «Конь бледный» («Русская мысль», 1911, № 11, отд. II, стр. 121—129).

[7] Иван *Вольный* (Вольнов Иван Егорович; 1885—1931) — крестьянский писатель. Рассказы Вольного появились в «Современнике» 1911 г. Первые шаги писателя встретили дружескую поддержку Горького. В № 1 «Заветов» напечатано начало «Повести о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство», писавшейся Вольным в 1911 г. в Италии и известной Горькому еще в рукописи. Сообщая Д. Н. Овсянико-Куликовскому об организации «Заветов», Горький 7(20) января 1912 г. писал: «Прошу вас: обратите внимание на повесть Ивана Вольного, она начнется печатанием с первой книги журнала, автор — орловский крестьянин. Мне эта вещь кажется очень интересной и даровито сделанной» (XXIX, 214). После выхода «Повести» отдельным изданием, Горький просил Короленко высказать автору свои замечания: «Вольнов — парень упрямый, работающий, к нему можно предъявлять требования высокие, это будет полезно ему» (там же, стр. 311). О встречах на Капри Горький рассказал в своих воспоминаниях «Иван Вольнов» (1931 г.— XVII, 315—334). Переписку Горького с Вольным — см. в т. 70 «Лит. наследства».

[8] Подразумеваются произведения Сергеева-Ценского «Медвежонок», А. Н. Толстого «Хромой барин» и И. С. Шмелева «Пугливая тишина», опубликованные в «Сборнике первом» Издательского т-ва писателей (СПб., 1912).

[9] *Иванов-Разумник* (псевдоним Разумника Васильевича Иванова; 1878—1946) — литературовед и критик, левый эсер, автор «Истории русской общественной мысли» (2 тома. Изд. 3-е, доп. СПб., 1911). Проповедуемый Разумником «имманентный субъективизм» резко критиковался Горьким (см. его письмо к Иванову-Разумнику от 12 или 13 января 1912 г., написанное в связи с предложением Разумника участвовать в организуемом им журнале.— XXIX, 217—218).

Издание задуманного Андреевым сборника не осуществилось. Не увенчалась успехом и более ранняя попытка Андреева «выпустить сборник публицистических статей, осуждающих так называемое реакционное направление политики правительства и имеющих целью поднять оппозиционное настроение в обществе» (сообщение директора Департамента полиции начальнику Главного управления по делам печати А. В. Бельгарду от 17 февраля 1911 г.— ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 16, ед. хр. 278/26, л. 45). В этом сборнике намечалось опубликовать статьи Андреева, Сергеева-Ценского, Саши Черного, Чуковского и др.

[10] Вера Евгеньевна *Копельман* (Беклемишева) (1881—1944) — писательница и переводчица, жена С. Ю. Копельмана (см. прим. 11 к письму 170). Переводила с французского для издательства «Донская речь» и «Шиповник». Несколько лет была литературным секретарем и редактором изд-ва «Шиповник».

170. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 20 ... 23 мая/2 ...5 июня 1912 г.〉

Уверен, что, когда мы встретимся, «неловкого положения» не будет, а будет добрая встреча двух товарищей, которые давно не видались.

Вольный — гордись! — орловский парень, удивительно милый, умный и, мне кажется, талантливый.

Ропшин — что!— ты Винниченка [1] почитай, это еще более утешает.

Началась в литературе русской какая-то новая — странная — портретная полоса: только что вышла повесть Ш. Аша [2], где прегрубо нарисованы Волынский, Чириков, Дымов [3], Бурдес [4] и Ходотов [5] и еще куча людей. Недавно читал рукопись, посвященную Арцыбашеву, имею преотвратный рассказ о Куприне, старичок Тетерников размалевал меня [6],

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РАССКАЗУ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» АНДРЕЕВА
Рисунок И. Е. Репина, 1908 г.
Третьяковская галерея, Москва

Дымов,— как говорят,—Мережковского, у Рошшина тоже портретики. Что это значит?

Сборник в пользу ленцев, конечно, не пойдет, и затеяли вы его напрасно. Когда предполагаете издать? Сообщи, может быть я успею,— пришлю рукопись. Очень занят; налаживается некая «Интернациональная лига», — воззвание ее будет напечатано в «Запросах жизни» [7],— я в этом деле тоже верчусь.

Как тебе нравится Сургучев? [8] Вчера только что проводил его в Россию.

Превосходную вещь написал Алексей Золотарев [9],— увидишь, что не преувеличиваю.

* * *

Он живет здесь, Вольный — тоже, и вообще здесь — славно.

О Батюшкове — верно ты сказал: портной-старьевщик.

Работы у меня— на сорок лет, а ничего не успею я сделать.

Книги? Я очень хотел бы иметь Мопассана в издании «Шиповника» [10], да ведь не пришлет Копельман? [11] Ну — и дорого же стали книги издавать!

Что вы там — разбогатели что ли от голода? Пришли, коли можешь, Пирсона, Грамматика науки,— это тоже шиповничье издание [12].

Ну, будь здоров. Желаю всего доброго!

А.

Знаешь: в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура! [13]

Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Владимир Кириллович *Винниченко* (1880—1951) — украинский писатель. С 1911 г. сотрудничал в редактировавшихся Арцыбашевым литературно-художественных сборниках «Земля». Опубликованная в 14-м сборнике «Земля» (М., 1914) повесть «Заветы отцов» была охарактеризована Лениным как «архискверное подражание архискверному Достоевскому» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 35, стр. 107). В «Заветах» с 3-го (июньского) номера в 1912 г. началось печатание повести Винниченко «История Акимова здания» (окончание в № 4). Уничтожающий отзыв Горького о творчестве Винниченко и его романе «На весах жизни», предложенном автором для сборника «Знание»,— см. XXIX, 177—180. После Октябрьской революции Винниченко оказался в числе активных врагов Советской власти.

[2] Шолом *Аш* (1880—1951) — еврейский прозаик и драматург. В 1907—1909 гг. в сборниках «Знание» (19, 21 и 28) печатались его пьесы «Бог мести», «С волной» и «Зимою». В конце декабря 1907 — первых числах января 1908 г. Аш был у Горького на Капри и предложил издать свой «Городок. Поэма из еврейской жизни в Польше» в «Дешевой библиотеке „Знания“». С одобрения Горького книга вышла в свет в том же году (1908). Считая Аша самым даровитым из современных писателей-евреев, Горький особое внимание обращал на качество переводов его произведений на русский язык (см. письмо к Пятницкому, посланное около 20 мая 1908 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 253). В 1909—1910 гг. «Знание» издало собрание сочинений Шолома Аша в трех томах (редактирование переводов было осуществлено С. Г. Фругом). 17 мая 1912 г. Аш выслал Горькому из Парижа корректуру своего романа «Мэри», который должен был выйти у Ладыжникова в Берлине, и в сопроводительном письме выразил желание увидеть свой роман в России в одном из сборников «Знание» (АГ). Горький ответил отказом (АГ). Отрицательное отношение к этому роману Аша Горький высказывает также в письмах к Амфитеатрову от 20—28 мая 1912 г. и к Р. М. Бланку от мая того же года (АГ).

[3] *Дымов* — псевдоним прозаика, драматурга и журналиста Осипа Исидоровича Перельмана (1878 — 1959). В первую русскую революцию сотрудничал в «Новой жизни» и сатирических журналах «Адская почта», «Сигналы», «Зарницы», «Леший» и др. Один из основных сотрудников «Сатирикона». Рассказы и повести Дымова собраны в книгах: «Солнцеворот» (три издания: 1905—1913), «Рассказы», т. I (1910), «Веселая печаль» (1911). После Октябрьской революции — эмигрант.

[4] Борис Павлович *Бурдес* (1861—1911) — журналист и переводчик, автор передовых статей по вопросам внешней политики в «Биржевых ведомостях». Для «Знания» переводил «Городок» Ш. Аша.

[5] Николай Николаевич *Ходотов* (1878—1932) — актер Александринского театра, после Октябрьской революции — заслуженный артист РСФСР. Оставил воспоминания «Близкое-далекое» (Л.— М., «Искусство», 1962). На петербургской квартире Ходотова часто собирались писатели и актеры.

[6] Речь идет о главе из романа Федора Сологуба «Мелкий бес», под заглавием «Сергей Тургенев и Шарик», опубликованной в «Речи», 1912, № 102, 109 и 116, 15, 22 и 29 апреля, и представляющей собою злобный пасквиль на Горького и Скитальца. В основной текст романа не включалась (см. письмо Горького в издательство «Academia» от 7 января 1933 г.— XXX, 275—276).

[7] 22 мая 1912 г. Эптон Синклер направил Горькому с предложением поставить свою подпись «предварительное воззвание» «Интернациональной лиги», целью которой было бы объединение усилий для «агитации против зол современной социальной системы». Инициатива Синклера была поддержана немецким химиком и философом Вильгельмом Освальдом, немецким поэтом Рихардом Демелем и датским писателем

Фредериком ван Эден. Предполагалось основать так называемый Интернациональный мирный суд труда, который должен был координировать антивоенное движение среди рабочих разных стран. Принимая с благодарностью предложение Синклера, Горький сообщил ему 1 июня 1912 г., что программа «Интернациональной лиги», переведенная на русский язык, отправлена им для опубликования в Россию («Архив Горького», т. VIII, стр. 304). Вместе с письмом Горький направил Синклеру «Письмо учредителям „Интернациональной лиги"», частично опубликованное им в статье «Издалека» («Современник», 1912). «Теперь вот занят,— писал Горький Коцюбинскому 23 мая (5 июня) 1912 г.,— „Интернациональною лигою" — попыткой всемирной организации всех людей духа, устройством чего-то вроде планетарного парламента. Основная идея Лиги — дана Вильгельмом Освальдом в его статье „Всемирный ум", он же, Освальд, и Демель с ним составили „воззвание",— вероятно, оно будет напечатано в „Запросах жизни"» (XXIX, 240). «Запросы жизни» (СПб., 1909—1912) — еженедельник культуры и политики. Редактор Р. М. Бланк. Характеристика политического направления журнала дана Лениным в письме к Горькому: «Странный, между прочим, журнал,— ликвидаторски-трудовическо-вехистский. Впрочем, именно „бессословная и реформистская" партия...» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 35, стр. 30). В том же письме Ленин называет неудачными помещенные в «Запросах жизни» статьи Горького. Программа «Интернациональной лиги», присланная Горьким, опубликована в «Запросах жизни» с некоторыми сокращениями (1912, № 24).

[8] Илья Дмитриевич *Сургучев* (1881—1956) — прозаик и драматург. После Октябрьской революции — эмигрант. Речь идет о повести «Губернатор» (сб. «Знание», кн. 39, 1912). Отзыв Горького об этой повести — см. в письме к автору от 13 (26) января 1912 г. (XXIX, 219—222).

[9] Алексей Алексеевич *Золотарев* (1878—1950) — беллетрист. В сб. «Знание», кн. 23 (1908), была опубликована его повесть «В старой лавре», на которой сказалось влияние богостроительских идей. В письме речь идет, вероятно, о повести «На чужой стороне» (сб. «Знание», кн. 35, 1911).

[10] Гюи де Мопассан. Полн. собр. соч. Новые переводы с последнего (Юбилейного) издания А. Чеботаревской, З. Венгеровой, С. Городецкого (и др.), тт. I—XXX. СПб., изд. «Шиповник», ⟨1909—1912⟩.

[11] Соломон Юльевич *Копельман* (1881—1944) — один из основателей и главный редактор издательства «Шиповник». Будучи слушателем юридического факультета Петербургского университета, распространял среди студентов и рабочих нелегальную литературу. Выслеженный охранкой, зимой 1902 г. был арестован и до весны 1903 г. находился в заключении. Освобожденный под денежный залог, тайно перешел границу и жил сначала в Германии, а затем во Франции. За границей ближе сошелся с эмигрантами-революционерами, познакомился с Луначарским. В Россию вернулся после манифеста 17 октября 1905 г. Копельман — отец советского писателя Юрия Крымова. Андреев познакомился с Копельманом по работе в «Шиповнике». Его переписка с ним почти полностью утрачена. В ИРЛИ хранятся два письма Андреева к Копельману (от 11 января 1909 г. и без даты).

[12] Карл Пирсон. Грамматика науки. Перевод со 2-го просмотрен. и доп. английского издания В. Базарова и П. Юшкевича. СПб., изд. «Шиповник», ⟨1911⟩ (Библиотека современной философии, вып. 6).

[13] Каллистрат Фалалеевич *Жаков* (1865—1926) — писатель и этнограф, профессор Петербургского психо-неврологического института; после Октябрьской революции эмигрировал (см. его некролог в «Вестнике знания», 1926, № 7, стр. 485—486). Наиболее значительное автобиографическое произведение Жакова «Сквозь строй жизни» (чч. I—IV) издано в Петербурге в 1912—1914 гг. В начале мая 1914 г. Жаков посетил Горького в Мустамяках и подарил ему II и III томы своего сочинения (см. письмо Горького к А. Н. Тихонову от 9 мая 1914 г.— «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 48).

171. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ваммельсуу.⟩ 15 ноября 1912

Дорогой Алексей! Вот на Капри я не попал, и удастся ли нынешнюю зиму — не знаю. Держит работа, театры [1], разные собственные обстоятельства. Очень жалею об этом, так как повидаться нужно бы, поговорить нужно бы: с упрямством идиота я продолжаю верить в полную возможность самых добрых между нами отношений.

Жить сейчас в России очень трудно. Если на низах идет процесс внутреннего обогащения и роста, то совершается он за счет верхов: мразь и запустение на верхах. И хуже всего у братьев писателей. С моим прошлогодним оптимизмом я сел, видимо, в лужу. Живут хорошо и при-

вольно одни модернисты, как это ни странно; вообще забрали большую силу, засели в газетах, пробираются в журналы. Держатся сплоченно и по-родственному, как одесситы. Если хочешь — напишу подробнее, как живут и наши и ихние. О большом и сквернейшем в жизни не говорю, сам знаешь. И вообще, если пожелаешь, могу время от времени делать тебе доклады, конечно, очень субъективные.

А как дела-то обернулись у нашего Ивана Павловича? Ужасно его жаль: то пожар, то крах — не повезло! [2] Чуть не крахнул «Шиповник», кажется, вывернулся. Я с ним почти разошелся, они очень повернули в сторону хоть и чистого, но наживного издательства, и стало совсем нечего делать. Но ни с кем и не сошелся — пристанища не имею. Пока буду издаваться у Блюменберга [3]. От Цетлина освободился: старое — ему, все новое — мое.

Получил ли Мопассана?

Крепко обнимаю тебя.

Твой Л. А.

Териоки

Текст написан на машинке; дата и со слов «Крепко обнимаю» — от руки.

[1] В 1912 г. Андреев вел переговоры с Немировичем-Данченко о постановке Художественным театром «Екатерины Ивановны» (см. их переписку в Музее МХАТа), А. И. Сумбатовым-Южиным о включении «Профессора Сторицына» в репертуар московского Малого театра (ЦГАЛИ) и режиссером А. Н. Лаврентьевым (Центральный Театральный музей) о постановке «Профессора Сторицына» на сцене Александринского театра. Переговоры эти для Андреева были трудными, так как Немирович-Данченко настаивал на переделке заключительного действия «Екатерины Ивановны» (было изменено Андреевым; первую редакцию см. в альманахе «Шиповник», кн. 19. СПб., 1913), а Сумбатов-Южин и дирекция Александринского театра после скандального провала «Профессора Сторицына» в Киеве не торопились с окончательным решением. См. письмо Андреева к Осипу Дымову от 4 октября 1912 г. (ЦГАЛИ).

[2] Иван Павлович — Ладыжников. Получив письмо Андреева, Горький 25 ноября 1912 г. с тревогой запрашивал Ладыжникова: «Что такое, какой крах?» («Архив Горького», т. VII, стр. 211). Имеются в виду денежные затруднения издательства Ладыжникова, повлекшие за собой заключение 21 декабря 1912 г. нотариального договора с Б. Н. Рубинштейном, передающего последнему права по издательству в Берлине. Еще до получения письма Ладыжникова от 12 декабря 1912 г. о материальном положении издательства, Горький стремился оказать ему посильную помощь. «Необходимо принять все меры для того, чтоб дело с „Verlag'ом" не закончилось скандалом, если только скандал грозит отемнить ваше доброе имя и отодвинуть вас от работы, в коей вы можете быть особенно полезны в наше время»,— писал он Ладыжникову 3 декабря 1912 г. (там же, стр. 212). В частности Горький выражал готовность помочь Ладыжникову погасить долг «Посреднику», доверившему Ладыжникову сбор денег за изданные во Франции и Англии посмертные произведения Толстого.

[3] Густав Алексеевич *Блюменберг* — купец, владелец «Московского книгоиздательства», представитель в России бумажных фабрик Пализен. По воспоминаниям Н. С. Клестова (ЛБ, ф. 9, № 2), издательская деятельность фактически находилась в руках его сына офицера-кавалериста в отставке Г. Г. Блюменберга и сотрудника их торгового дома—Д. М. Ребрика.

172. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 20 ... 23 ноября/3 ... 6 декабря 1912 г.⟩

«Сердце сердцу жить не дает»,— я только что собирался писать тебе ругательное письмо по поводу твоей распри с киевлянами [1]. Что у тебя чешется? И так уже Украина отложиться от России намерена, а ты еще раздражаешь, ускоряя тем распад империи [2].

Мопассана я, конечно, не получил, а хорошо бы иметь «18 томов в роскошных переплетах» — люблю роскошь! А человек я — бедный, прогоревший, книг мне покупать не на что. Мне надобно дарить книги, я — человек старый, заслуженный, имею 243 медали, в том числе много редких и одну — особенно: она выбита в России в ⟨1⟩905 году и на ней сказано: «Да вознесет нас господь в свое время» [3].

В этом есть нечто мистическое и глубоко благонадежное. О модернистах — напиши. Весьма интересуюсь. Кажется, Викторьен Миротёков пригласил их в свой «Мюр Мерилиз»? И ты с ним там, видел я? Это ты, дядя, пожалуй, напрасно, а впрочем — сие дело твое [4].

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РАССКАЗУ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» АНДРЕЕВА
Рисунок И. Е. Репина, 1908 г.
Ульяновский областной музей

Я, старик плешивый, в современных играх плохо разбираюсь, и слабый ум мой не уясняет, как возможна кадриль Шестова [5]-Чернова [6]-Разумника [7]-Мстиславского [8]? И почему не объявить: «идя навстречу перепутанным вкусам и потребностям неясным обалдевшей русской публики, мы решили издавать наш почтенный журнал сразу в четырех направлениях — пожалуйте!» Хотя,— возвращаясь к тебе лично, — я понимаю: писать негде.

Это жаль, что ты не был здесь летом: хорошая собралась публика, жилось весело [9]. В морской воде жили — хорошо!

Пришли мне пьесу о «Профессоре» [10],— это, должно быть, интересно. А «Катерина» [11]— не понравилась мне. Что-то слепое в ней есть.

Бабы тебе удаются только до половины, меряя снизу. Даже материнского — груди — ты в них не видишь или — не ценишь?

Видишь, я уж начинаю говорить шепелявым языком Рогачевского.

Итак, — жду Мопассана, писем.

Но, вот что, Леонид: хорошая компания затеяла доброе и нужное дело — организовать музей по истории борьбы России за освобождение в XIX веке, начиная с А⟨лександра⟩ I-го и даже — раньше. В России такое дело — частью — выполняет Академия наук, но целиком, широко поставить его — невозможно, при наших политических общественно-партийных условиях. — Решили делать дело — пока — за границей. Кое-какие вещи есть, кое-что поступает. Средств — мало, а нужно платить за помещение и т. д. Я очень прошу тебя — помоги, дай денег! А если есть какие-либо документы, письма, книги,— давай и это. Деньги пошли по адресу Евгения Александровича Ляцкого, Каменноостровский, 65, 31, или на редакцию «Современника» ему же.

Будь здоров!

Нет ли богатых знакомых? Собирай у них деньги, сколько дадут! Дело — очень нужное [12].

Жму руку. А. Пешков

Датируется по связи с письмом Горького к Е. А. Ляцкому от 25 ноября /8 декабря 1912 г. (см. прим. 12).

[1] Речь идет об открытом письме Андреева к киевским театральным обозревателям В. А. Чаговцу, Н. И. Николаеву и Бикману («Биржевые ведомости», веч. вып., 1912, № 13240, 9 ноября). В резком тоне их рецензий на постановку в Киеве драмы «Профессор Сторицын» автор усмотрел личное оскорбление. Обостренные отношения Андреева с киевскими журналистами имели свою историю. В 1910 г. возник спор между двумя киевскими театрами о праве первой постановки пьесы «Gaudeamus»; инцидент этот получил крайне неблагоприятное для Андреева освещение в местной печати («Киевский театральный курьер», 1910, № 656, 12 августа; «Киевская мысль», № 226, 23 августа и др.). Андреев вынужден был выступить публично с разъяснениями («Театр и искусство», 1910, № 37, 12 сентября).

[2] Отголосок борьбы Горького с пропагандировавшимися Струве, Изгоевым и другими буржуазными либералами идеями великодержавного шовинизма. См. письмо Горького к Ленину от февраля —марта 1912 г. («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 74) и статью Горького «О русской интеллигенции и национальных вопросах» в журн. «Украинская жизнь», 1912, № 9, стр. 7—15 (перепеч.: МИ, т. I, стр. 64—71).

[3] На медаль, выбитую в память русско-японской войны 1904—1905 гг., по ошибке попали слова из резолюции Николая II на проекте положения о медали («Доложить в свое время»), что сделало текст надписи бессмысленным.

[4] Подразумевается Миролюбов, заведовавший в 1912—1913 гг. литературным отделом журнала «Заветы». В 1912 г. в «Заветах» печатались: Блок, Городецкий, Клюев, Ремизов, Балтрушайтис, Бальмонт. Этот перечень дополнялся в рекламном объявлении о подписке на 1913 г. именами Андреева, Брюсова и Сологуба. Андреев поместил в январской книжке 1914 г. рассказы «Три ночи» и «Воскресение всех мертвых». Горький иронически отождествляет «Заветы» с известным магазином «Мюр и Мерилиз».

[5] Редакция «Заветов» предполагала в 1913 г. напечатать в журнале статью Шестова «О предсмертных произведениях Л. Н. Толстого», впрочем, так и не появившуюся. См. также прим. 14 к письму 34.

[6] Виктор Михайлович *Чернов* (1873—1952) — лидер партии эсеров, редактор центрального партийного органа «Революционная Россия». После Октябрьской революции эмигрировал за границу. В «Заветах» (под псевдонимом: Я. Вечев) руководил отделом «Дела и дни» (см. письмо к нему и Миролюбову Горького от 12 или 13 января 1912 г. — XXIX, 219).

[7] Иванов-Разумник вел в «Заветах» постоянный отдел «Литература и общественность» и помещал отдельные статьи и заметки по литературным вопросам (см. о нем прим. 9 к письму 169).

[8] *С. Мстиславский* — псевдоним Сергея Дмитриевича Масловского (1876—1943)— писатель и публицист. В «Заветах» руководил отделом русской жизни «Свое и чужое».

[9] В июле — августе на Капри жила большая группа русских художников (Г. Н. Горелов, К. И. Горбатов, Г. М. Бобровский, Е. М. Чещов и др.— «Летопись», II, стр. 288).

[10] «Профессор Сторицын». Отрывок из пьесы (III действие) был опубликован в журнале «Маски», 1911/1912, № 1; полностью — в сб. «Земля», кн. XI (М., 1913); отдельно издано также журналом «Театр и искусство». СПб., 1912.

[11] Пьеса «Екатерина Ивановна».

[12] В 1912 г. на Капри по инициативе Горького была создана специальная комиссия по организации Музея русского освободительного движения. В конце 1912 г. Горький переслал Е. А. Ляцкому текст обращения об оказании помощи организуемому музею. В 1913 г. вопрос о музее был поставлен на съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Съезд утвердил «Проект устава Исторического музея русского освободительного движения», в основу которого лег проект Горького (опубликован в «Трудах первого съезда русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Рим, 27—30 марта 1913». Roma, 1913, прилож., стр. 6—7). «На днях,— сообщал Горький Е. А. Ляцкому 25 ноября/8 декабря 1912 г.,— отвечая Андрееву на его письмо, я предложил ему поделиться сокровищами своими с нашим музеем и указал ваш адрес. Так что, если бы вы получили от него некий взнос,— не удивляйтесь» (XXIX, 284). Ленин в письме к Горькому из Кракова от второй половины октября 1912 г. назвал его план собирания материалов по истории революции великолепным: «Приветствую всей душой и желаю успеха» («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 83).

173. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 23 ... 26 декабря 1912 г.〉

Мопассан — едет!

А ворчишь ты зря, старик. Я ли не воспел материнское и доброженственное: и в «Звездах» [1], и в «Василии» [2] и в «Красном смехе»... да почти в каждой вещи. «Анфиса» [3]? — но тут у меня просто не вышло. Ты не любишь «Семи повешенных» (и напрасно делаешь), но ты возьми намерения мои: и разве там женщины взяты снизу? А в «Анатэме» [4]?

И театр так и толкует Катерину: как чистоту сущую [5]. И как у них трогательно выходит: я ревел на репетиции, как акведук, истек. Ни разу еще этого со мной не было. Бог даст и ты увидишь — и клянусь тебе, Алексей: тоже заревешь! Кстати, мне Немирович и московские рассказывали, как у них весь прошлый сезон хорошо шло «На дне», с захватом.

И вообще ты ворчишь напрасно. Ты думаешь, что я миротекствую, а я как раз полгода с ними воюю и торгуюсь. Но правда и то, что — негде работать, и уже давно я только давалец рассказов, но не *сотрудник*. И все мечтаю, и все толкую о некоем своем журнале — осточертело жить и работать и бороться в одиночку! — но не выходит [6]. Кто я? Для благороднорожденных декадентов — презренный реалист; для наследственных реалистов — подозрительный символист. Даже окрыленный успехом Женечка Чириков учит меня: не задавайся на макароны, брось черные маски, пиши с начала «Жили-были»! И уж если в области искусства столь трудно найти себе место, то в общественности совсем беда. Смешались языци!

26 д е к а б р я. Еду на Капри, завтра. Целую, рад очень, что увижу.

Твой Л.

Текст написан на машинке; дата и приписка от 26 декабря — от руки.

[1] «К звездам».

[2] «Жизнь Василия Фивейского».

[3] «Анфиса» — драма Андреева; впервые опубликована в альманахе «Шиповник», кн. 11, 1908. Премьера пьесы состоялась в петербургском Новом драматическом театре 10 октября 1909 г.

[4] «Анатэма» — драма Андреева (1908). Поставлена впервые Художественным театром 2 октября 1909 г.; в Петербурге — Новым драматическим театром — 10 октября того же года.

[5] Речь идет о постановке «Екатерины Ивановны» Художественным театром.

[6] В конце октября — начале ноября 1912 г. Андреев вел переговоры, которые закончились неудачей, с капиталистом-сахарозаводчиком М. И. Терещенко о субсидировании последним литературно-художественного журнала «Шиповник» (запись в дневнике Блока от 7 ноября 1912 г.—Александр Б л о к. Собр. соч., т. 7. М.—Л., Гослитиздат, 1963 стр. 174).

1914

174. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 1 ... 10 января 1914 г.〉

Милый Алексей! Мы на днях уезжаем до мая за границу, и дом мой остается пуст и необитаем. Не годится ли он тебе для жилища на это время, пока ты решительно не устроился? Дом велик и поместит всех, кто с тобою, удобен для жизни и работы, главное, для работы. Есть телефон в СПб., лошади, кругом красиво и безинтеллигентно, одни финны. Одно неудобство: надо много топить в морозы, но это пустяки. Можно будет устроить и так, что и на лето дом останется в твоем распоряжении; я сам лето буду в шхерах. Я был бы очень рад, если бы этот план оказался приемлемым и для тебя удобным[1].

Ответь или поручи кому-нибудь ответить. До 14-го я буду еще здесь, и если ты согласишься, я приготовлю дом к твоему приезду. Главное, что тебе будет удобно.

Вообще наши личные недоразумения здесь не при чем, и в этом ты можешь мне поверить. Крепко жму твою руку, желаю тебе всего доброго.

Твой Леонид А.

Писать: Териоки, Ваммельсуу, мне.

Текст написан на машинке; подпись — от руки. На подлиннике помета рукою Горького: «Относится должно быть к 14 г.».

Датируется по письму А. И. Андреевой к А. А. Кипену от 20 января 1914 г. (ИМЛИ).

[1] Горький, вернувшийся в Россию 31 декабря 1913 г., не воспользовался предложением Андреева.

175. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 13 декабря 1914 г.〉

Милый Алексей! Я очень огорчен, что завтра не могу быть у Сологуба. Рассчитываю все же поправиться и в другие разы не портить музыки[1].

Позавчера, вечером, собравшись с духом, прикатил в метелицу к тебе в Нейволу — и пусто! И Иорданских не оказалось, так я и вернулся. А хотелось с тобой поговорить. Если тебе с руки, то не заехал ли бы ты в Ваммельсуу на обратном пути из СПб.? А отсюда на лошади до Нейволы не так уж далеко.

Жму твою руку.

Твой Леонид А.

13 декабря 1914 г.

Текст написан на машинке; подпись — от руки.

[1] Публикуемые письма 175—179 в основном касаются деятельности Горького и Андреева в «Русском обществе для изучения жизни евреев». См. об этом далее, стр. 547—548.

176. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мустамяки. Около 15 декабря 1914 г.〉

Дорогой Леонид,

Поехать к тебе я не решился, ошибочно предположив, что в Мустамяках меня ждут приезжие люди.

МУСТАМЯКИ. ДАЧА В. А. и Е. Ф. КРИТ. ЗДЕСЬ ГОРЬКИЙ ЖИЛ В НАЧАЛЕ 1914 ГОДА

Фотография

Музей Горького, Москва

Оказалось, что люди эти приедут лишь вечером.

Очень досадно, было бы удобнее и легче рассказать тебе о положении дела лично. Дело стоит так: анкетные вопросы составлены. Д. Н. Овсянико-Куликовский и Винавер [1] редактируют их, через два дня они будут готовы к печати.

Но — к вопросам необходимо приложить обращение, адресованное анкетерами. Написать это обращение должны мы — ты, я, Сологуб. Прилагаю мой проект. Напиши ты и затем пошли оба листка Ф. К. Сологубу. Так условлено. Почтой — не посылай, пропадет.

Я буду в Питере 20-го числа, вероятно, и ты в это время будешь там? 21-го назначили у Винавера собрание по вопросу об организации русской лиги филосемитов. Было бы хорошо, если бы я мог поговорить с тобой до 20-го,— не согласишься ли ты приехать в Мустамяки? Пожалуйста! Я схватил бронхит, окромя того — жду людей.

Будь здоров и кланяйся супруге.

Ответь с извозчиком.

А. Пешков

Датируется по связи с письмом 177.

[1] См. прим. 1 к письму 175.

Максим Моисеевич *Винавер* (1863—1925) — адвокат, защитник на многих имевших большой общественный резонанс судебных процессах, в том числе о кишиневском и гомельском еврейских погромах. Редактор журнала «Вестник права»; один из организаторов и член Центрального комитета партии кадетов, депутат Первой Государственной думы. После Октябрьской революции активно выступал против Советской власти, белоэмигрант.

177. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 15 декабря 1914 г.〉

С удовольствием приехал бы и сегодня, милый Алексей, но меня крючит и крючит, голова трещит, словно дерево рассыхаться начало. Постараюсь все же приехать в один из ближайших вечеров; вот только боюсь, что у тебя народ и не удастся вдвоем — единственный настоящий разговор — толково побеседовать.

Обращение составлю и либо тебе привезу, либо отошлю с оказией. В театр на свою пиесу не поеду [1], там будут всякие шумы, для головы неприятно: а 21-го у Винавера буду.

Привет. Жена кланяется и просит не говорить, что у нее тоже флюс. «П-п-почему?» — взывает она, как Юшкевич.

Твой Леонид А.

15 декабря 14 г.

Написано на машинке; автограф — только подпись.

[1] Подразумевается премьера пьесы Андреева «Король, закон и свобода» в Александринском театре, состоявшаяся 19 декабря 1914 г. Заглавием для пьесы Андреев избрал строки из бельгийского национального гимна. Отдельно пьеса издана журн. «Театр и искусство» и «Отечество» (Пг., 1914). Спектакль имел официальный успех (см. отзыв бельгийского консула.— «Биржевые ведомости», 1914, № 14462, 29 октября). Критика в своем большинстве отнеслась к пьесе отрицательно. Так С. Адрианов, осуждая эту пьесу за ходульность и пафос, писал, что в ней «протоколизм телеграмм с театра войны переплелся, не сливаясь органически, с фантастикой художественного вымысла» («Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 333).

178. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петроград. 27 декабря 1914 г.〉

Дорогой Леонид,

было решено, что 27-го, т. е. сегодня, — ты и я соберемся у Ф. К. Сологуба и составим текст обращения [1].

Но у меня разыгрался бронхит, дня четыре, пять я не в состоянии буду выйти на улицу.

За эти дни я напишу проект обращения, прошу и тебя сделать то же, очень прошу! Сологубу я телеграфировал, что и я приеду, — может быть и ты телеграфируешь ему, дабы он не обиделся?

Письмо это передаст тебе Гюрджан, скульптор, который хотел бы вылепить твой бюст [2]. Это — талантливый человек и славный малый. Учился в Париже, очень известен там.

Будь здоров, поклонись твоей семье.

Всего хорошего.

А. Пешков

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ. «VIA APPIA»

Пастель работы Андреева, 1910-е годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[1] У Сологуба 27 декабря 1914 г. состоялось первое заседание бюро «Русского общества для изучения жизни евреев», избранного 23 декабря на квартире Н. Я. Кетчера в составе трех писателей-инициаторов: Горького, Андреева и Сологуба. Горький, очевидно, не присутствовал.

[2] Акоп Маркарович *Гюрджан* (1881—1948) — скульптор. Известны три скульптурных изображения Горького его работы (1912—1919 гг.). Они хранятся в Государственной картинной галерее Армении (Ереван), см. воспроизведение бюста на стр. 341).

1915

179. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мустамяки. Конец января 1915 г.〉

Дорогой мой Леонид,

Мне кажется, что обращение Федора Кузьмича написано достаточно убедительно и оба мы — ты и я — можем подписать его, так что у тебя нет надобности составлять иное [1].

Достаточно ли наших трех подписей и не нужно ли присовокупить к нашим именам имена, например, К. К. Арсеньева [2], Овсянико-Куликовского, Мякотина [3] и т. д.?

Это для меня вопрос неясный.

Засим: у «обращения» нет конца, то есть нет приглашения высказаться, направленного анкетерам. Но это — в двух словах. Поговорить нам — необходимо, а я не могу быть у тебя раньше 2-го или 3-го — будешь ли ты дома?

Приехав 3-го, 4-го мы с тобой вместе отправились бы в Питер,— ладно?

Будь здоров!

Пишу воззвание, привезу тебе. Ты тоже, пожалуйста, попробуй написать воззвание, о котором толковали у Кетчера [4].

Всего доброго!

А. Пешков [5]

Датируется по связи с письмами 177—178.

[1] Текст обращения напечатан в «Биржевых ведомостях», 1915, № 14648, 3 февраля. См. ниже, стр. 547—548.

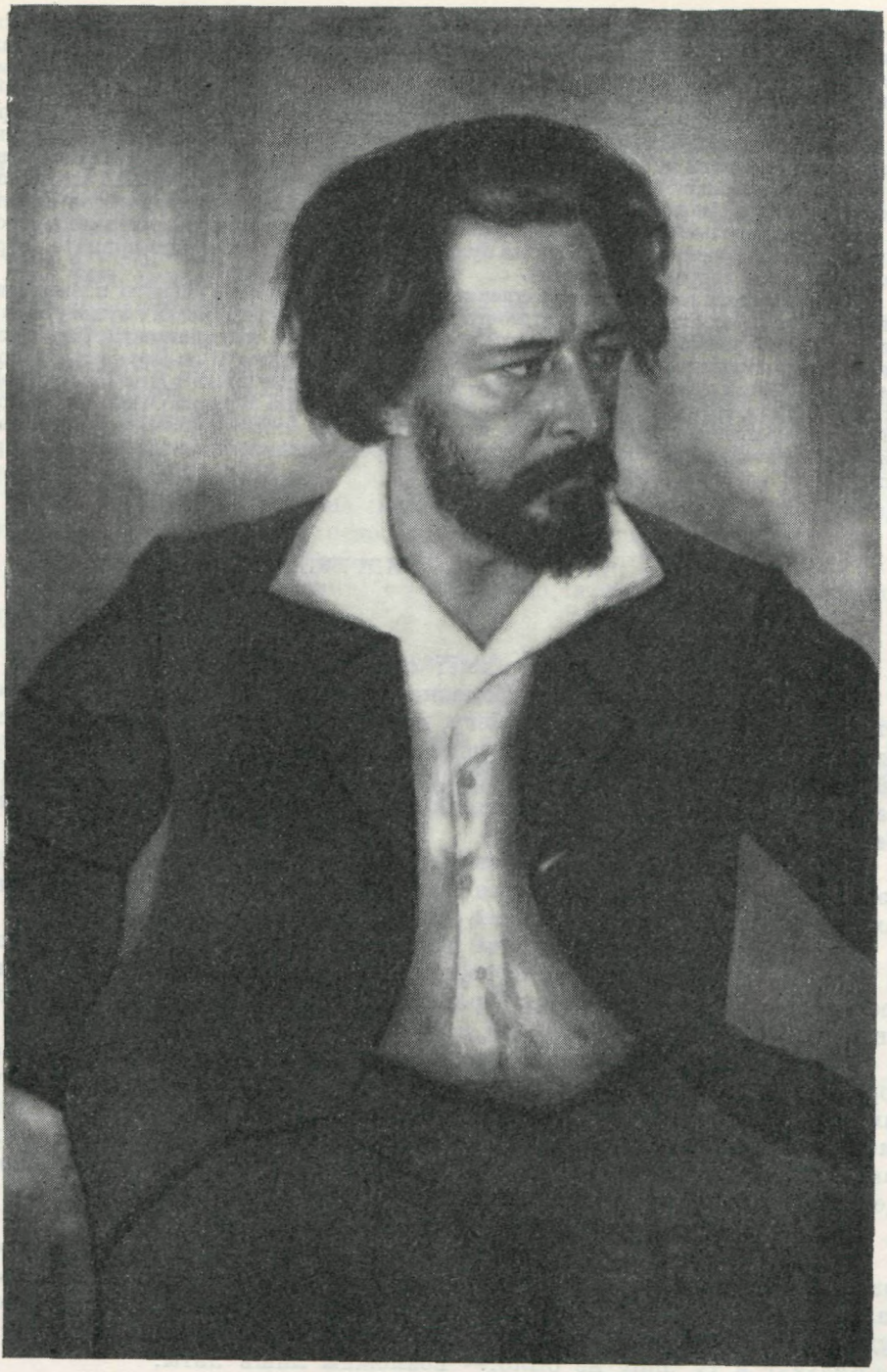
[2] Константин Константинович *Арсеньев* (1837—1919) — публицист, литературный критик, общественный и земский деятель. С 1866 г.— сотрудник «Вестника Европы», в котором с марта 1880 г. вел внутреннее обозрение, а с 1882 по 1905 г.— и общественную хронику; с 1908 по 1916 г.— ответственный редактор журнала. В 1889—1891 гг.— председатель комитета Литературного фонда. В 1900 г. избран почетным академиком по разряду изящной словесности.

[3] Венедикт Александрович *Мякотин* (1867—1937) — историк и публицист, активный сотрудник «Русского богатства»; с 1900 по 1904 г. вел в нем «Хронику внутренней жизни», а с 1911 по 1912 — печатал статьи «Наброски современности». После Октябрьской революции — эмигрант.

[4] Николай Яковлевич *Кетчер* (1859—1924) — врач-терапевт, преподаватель частного петроградского университета при Психоневрологическом институте, приват-доцент Военно-медицинской академии и Женского медицинского института. 23 декабря 1914 г. на квартире Кетчера под председательством А. И. Шингарева обсуждался вопрос об организации «Общества изучения жизни евреев». «От имени организаторов собрания выступили Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб. Соображения о практических мероприятиях были развиты в речи М. Горького. Оживленные споры вызвало сделанное им и горячо поддержанное Л. Н. Андреевым предложение об обращении к обществу с воззванием по еврейскому вопросу» (ЦГАОР, ф. 579-И, оп. 1, д. 2018).

Приводим строки из объяснительной записки секретаря Общества С. В. Познера:

«4 января 1915 г. состоялось второе общее собрание, созванное для выслушивания проектов воззваний и обсуждения вопроса об образовании Общества. Вниманию собравшихся было предложено три проекта — М. Горького, А. В. Карташева и Ф. Сологуба. Проект воззвания, представленный М. Горьким, был признан несоответствующим тогдашним цензурным условиям и потому не отвечающим заданию, ибо собрание сошлось на том, что воззвание должно быть составлено так, чтобы его можно было на-



АНДРЕЕВ
Фотография М. А. Шерлинга, 1914 г.
Музей Горького, Москва

печатать в газетах. Вместе с тем, по предложению Л. Н. Андреева, было выражено пожелание, чтобы этот текст воззвания получил распространение. Из двух проектов было отдано предпочтение проекту Ф. К. Сологуба с тем, что в его текст будут внесены изменения.

Обсуждению этого текста было посвящено следующее общее собрание 17 января. На этом собрании М. Горький в виду того, что, как выяснилось, надежды на скорый выход в свет анкетной книги не было никакой, выступил с предложением составить наскоро хотя бы небольшой сборник статей и беллетристических произведений агитационного характера по еврейскому вопросу. Срок на представление материала он предлагал дать двухнедельный и, чтобы закрепить согласие присутствующих литераторов, он предложил им расписаться на листе бумаги ⟨...⟩ Предложение было принято собранием и подписи собраны» (там же).

[5] Этим письмом завершается коллекция автографов писем Горького к Андрееву, приобретенная Архивом русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете у Валентина Леонидовича Андреева. В 1958 г. эти письма были переведены на английский язык и выпущены в Нью-Йорке и Лондоне («Letters of Gorky and Andreev 1899—1912. Edited with an Introduction by Peter Yershov. Letters, Introduction and Notes translated by Lydia Weston»). Издание это изобилует текстологическими ошибками и неточностями (листы писем разъединены и часто соединены не на своем месте, даты не установлены или поставлены неправильно).

180. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Ноябрь — декабрь 1915 г.⟩

На мой взгляд — критика может сделать тебе такие указания:

«Книга Судей» не называет Самсона пророком, он только — назарей, человек, который посвятил себя богу, дал обет не вкушать вина, не стричь волос, не касаться мертвого. Нарушив этот обет — так или иначе,— назарей обязан остричь себе волосы. «Сила в волосах» имеет значение переносное, ее можно — и следует — истолковать как силу воли в исполнении обета богу.

Далее, Библия и история — сколько помню — не говорят о пророках в эпоху Судей, относя их к эпохе Царей. Полагаю, что нельзя называть Самсона ни пророком, ни князем или царем Израиля.

Непонятна ненависть Самсона к Иудее: во времена Судей — Иудея не существовала как государство, было только колено Иудино, жившее на юге Палестины, между берегами Мертвого моря и страною филистимлян.

Колено Даново — племя Самсона — жило где-то в долине Верхнего Иордана, на линии города Сидона, далеко от колена Иудина. За что Самсону ненавидеть колено Иуды, которого он, вероятно, не знал, с которым не сносился? Он мог ненавидеть людей своего племени. К этому привяжутся, чего не следует допускать. Замени Иудею — Израилем везде где следует. Мне это кажется важным.

Менее значительно:

Борода Самсона, причесанная *по-ассирийски*,— это едва ли верно и возможно. Филистимляне — народ арийской ветви — переселились в Палестину с берегов Эгейского моря, как полагают. Едва ли они, в эпоху Судей, могли уже воспринять навыки и обычаи Ассирии.

Кольчуг в ту пору не было,— возможны лишь латы.

Сомнительно существование стекла.

Мечи у евреев — тоже едва ли возможны; пастушеское племя, они вооружались пращами и копьями. Вспомни единоборство Давида, факт позднейший.

Странно, что Самсон не упоминает о своем племени,— колене Дановом, а также о том, что у него была жена.

Первые два акта очень хорошо сделаны, на мой взгляд.

С третьего — чувствуются длинноты, особенно на стр. 5—8.

В IV — растянута сцена с матерью, а во 2-й картине — утомляют монологи Самсона. И — кстати — здесь Самсон напоминает, как мне показалось, Василия Фивейского.

За исключением I и III действия, Далиле отведено слишком мало места, о ней забываешь. И даже в III действии — она у тебя поставлена небрежно.

Ахимелек дважды спрашивает ее:

— Это правда, Далила?

— Тебе тоже, Далила?

Она не отвечает. И — никаких ремарок.

Она остается для меня неясной. Что в ней — только любовь? И это не ясно. Хочется, чтобы ей придано было еще что-то, — раскаяние? Конечно — нет. Но — страх пред Дагоном или человеком за преступление? Или честолюбивая мечта, — если пророк был моим любовником и я победила его — почему же бог пророка не может быть любовником моим?

И почему бы Далилу не поставить против слепой, против матери? Эта фигура кажется мне недостаточно драматичной.

Хорошо бы сделать более выпуклой любовь Фара к Далиле.

Галиан излишне болтлив, но не думаю, что зритель и читатель поймут его планы.

Текст написан на машинке с поправками. Датируется предположительно.

Речь идет о трагедии Андреева на библейский сюжет. Вплотную к работе над этим произведением Андреев приступил в Риме в 1914 г. («Завтра сажусь работать, пишу новую пьесу для провала — „Самсон в оковах“», — писал Андреев А. П. Алексеевскому 18 марта 1914 г. — ИРЛИ). Говоря о «провале», Андреев подразумевает премьеру «Мысли» в Московском Художественном театре). Пьеса была завершена в 1915 г. Впервые опубликована в сборнике «Эпоха» ⟨кн. 2⟩. М., ⟨1923⟩.

1916

181. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Петроград. Около 10 марта 1916 г.〉

Алексею Максимовичу Пешкову

Озабочиваясь о подарке русскому солдату к Пасхе, «Союз городов» устраивает грандиозную лотерею, один из отделов которой, литературный, всецело рассчитан на содействие этому делу русских писателей. Во имя высокой цели укрепления общения между обществом и армией позвольте убедительно просить вас не отказать в вашем, ценном для дела участии,— пожертвованием книг вашего сочинения с автографами, портретов с вашим факсимиле и всего того, что вы сочли бы удобным для общественного розыгрыша. Вы глубоко обязали бы этим тех, кто взял на себя заботу об организации подарка братьям, отстаивающим родину своей грудью, и дали бы им радость сознания непрерывающейся общности с народом.

Ввиду того, что сроки для устройства лотереи крайне близки, не откажите дать ваш отклик в возможно скором времени.

Пожертвования благоволите направлять в «Союз городов», Невский, 21, с непременным обозначением — «в литературный отдел благотворительной лотереи».

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Может быть посодействуешь, Алексей?

Дай книжек твоих, что можешь. Буду очень благодарен и я, и все другие, просившие меня написать тебе.

Привет!

Леонид Андреев

Письмо официальное, на бланке «Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам». Отпечатано на машинке. Обращение: «Алексею Максимовичу Пешкову» написано сверху рукою Андреева, так же как и строки приписки. (Сообщено А. И. Наумовой.)

Письмо послано Андреевым из больницы д-ра И. Л. Герзони, где он в то время лечился. Датируется по связи с запиской Андреева к А. А. Измайлову от 10 марта 1916 г. посвященной предстоящей лотерее: «Я написал Буниным, Шмелеву, Телешову, Белоусову, Голоушеву, Горькому, Вересаеву и еще один бланк оставил на случай, кого вспомню» (ИРЛИ).

«Союз городов» был организован в августе 1915 г. группой либеральной буржуазии для оказания помощи в санитарном обслуживании и хозяйственном снабжении армии. Эта группа надеялась, что война «до победного конца» предотвратит революцию в России. В июле 1916 г. «Союз городов» объединился с аналогичным Земским союзом в единую организацию — «Земгорсоюз».

Лотерея «Союза городов» состоялась в Петрограде в оперном зале Народного дома 26 марта 1916 г. Отсутствовавшего председателя лотерейной комиссии Андреева заменял Измайлов. Для лотереи Андреев пожертвовал свою написанную пастелью картину (морской пейзаж с лодкой). Горький в лотерее не участвовал (см. «Письмо в редакцию» «Биржевых ведомостей» Андреева и Измайлова с благодарностью участникам лотереи — № 15466, 27 марта).

ГОРЬКИЙ ОБ АНДРЕЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ГОРЬКОГО ОБ АНДРЕЕВЕ

Предисловие и примечания А. И. Наумовой

Воспоминания Горького «Леонид Андреев» написаны в ноябре—декабре 1919 г. Впервые полностью напечатаны в «Книге о Леониде Андрееве» (1922, стр. 5—38; 2-е изд.: 1922). До этого отдельные фрагменты появились в газете «Жизнь искусства», 1919, № 293-294, 15-16 ноября.

Горький выступил с воспоминаниями вскоре после получения известия о смерти Андреева, на вечере его памяти, подготовленном и организованном Горьким же. Состоялся 15 ноября 1919 г. в Петрограде, в помещении Тенишевского училища. Вечер этот предварительно анонсировался в «Жизни искусства» 4-5 ноября (№ 284-285): «„Студия Всемирной литературы" предполагает устроить в субботу, 8 ноября, вечер, посвященный памяти скончавшегося в Финляндии писателя Леонида Андреева. В вечере примут участие М. Горький, А. Амфитеатров, А. Блок, К. Чуковский, Е. Замятин и др.».

Из воспоминаний участников этого вечера (Горького, Чуковского, Блока, Чулкова, Зайцева, Телешова, Замятина) составлена книга памяти Андреева (во 2-е издание были дополнительно включены воспоминания Андрея Белого). Горький внес в свой очерк новые отрывки («Очень трудно говорить о человеке...», «У него была неприятная манера...» и «Однажды он рассказал...»), чем значительно обогатил воспоминания. Затем им было подготовлено новое издание воспоминаний для изд-ва «Книга» (Берлин, 1923), куда он дополнительно включил отрывок — «Лишь в 15-м году...» до — «в 16-м году». В таком виде воспоминания печатались в позднейших изданиях.

С теми же воспоминаниями Горький выступил и в Москве, 18 февраля 1920 г. в Большом зале Консерватории, на вечере памяти Андреева («Известия», № 35, 17 февраля).

Вот что рассказывает К. И. Чуковский об обстоятельствах, предшествовавших возникновению воспоминаний Горького:

«В сентябре 1919 года в одну из комнат „Всемирной литературы" вошел, сутулясь сильнее обычного, Горький и глухо сказал, что из Финляндии ему сейчас сообщили о смерти Леонида Андреева.

И, не справившись со слезами, умолк. Потом пошел к выходу, но повернулся и проговорил с удивлением:

— Как это ни странно, это был мой единственный друг. Единственный.

Потом подошел к Блоку.

— Вы знали его? Напишите о нем. Да и вы все напишите — что вспомните,— обратился он к нам.— И я напишу. Непременно!

Мы исполнили желание Алексея Максимовича, и месяца через два в Петрограде, в нетопленном зале Тенишевского училища, состоялся устроенный Горьким вечер „Памяти Леонида Андреева"» («Люди и книги». 2-е изд. М., 1960, стр. 512—513).

Воспоминания Горького многое раскрыли в характере отношений писателей, в их многолетней дружбе. Они были встречены с большим интересом в России и за границей. Вот, например, что писал Горькому (9 марта 1925 г.) Стефан Цвейг: «Простите, дорогой великий Горький, если мои слова покажутся вам льстивыми, но, клянусь вам, я уже долгие годы не ощущал такого сердечного жара, такой ясной и человечной

ДАЧА А. П. ГОРБИК В ДЕРЕВНЕ НЕЙВОЛА (ТЕПЕРЬ С. ГОРЬКОВСКОЕ) ЗДЕСЬ В 1914—1916 ГОДАХ ЖИЛ ГОРЬКИЙ

Фотография

Музей Горького, Москва

искренности, какие почувствовал в вашей книге воспоминаний, особенно в главах о встречах с Л. Андреевым,— эти главы глубоко взволновали меня. Я перечел их, по крайней мере, десять раз и знаю, что перечту еще и еще раз. Сознаюсь, я *завидую* вашему таланту рассказывать так просто, так восхитительно ясно: никто в Европе не обладает в такой мере этим даром, даже Толстой и тот не владел этой высшей простотой...» («Архив Горького», т. VIII, стр. 18). Прочитав воспоминания Горького об Андрееве, появившиеся в сокращенном виде во французском журнале «Clarté», Ромен Роллан писал Горькому: «Я считаю это одними из лучших страниц, написанных вами» (АГ. Письмо от 25 ноября 1922 г.).

В советской печати, вскоре после выхода «Книги о Л. Андрееве» появились различные и разноречивые отклики. Вяч. Полонский выступил с критикой всего сборника воспоминаний («Печать и революция», 1922, № 2); высокую оценку книги дал И. Н. Кубиков («Новый мир», 1922, № 1), и т. д.

Любопытно отношение самого Горького к своим воспоминаниям. Из статьи И. С. Зильберштейна «Недостатки большого труда. (Новое издание произведений А. М. Горького)» — «Литературная газета», 1956, № 71, 16 июня — стало известно, что «в 1934 г. писателю был представлен план двухтомного собрания избранных произведений, куда было намечено включить мемуарный очерк „Леонид Красин“. Горький зачеркнул в плане фамилию Красин, оставил только имя „Леонид“, а сбоку приписал: „А не лучше ли Андреев“. И действительно, воспоминания „Леонид Андреев“ были включены в двухтомник» (как сообщил нам И. С. Зильберштейн, план этого двухтомника с пометками Горького хранился у И. А. Груздева, ныне у Т. К. Груздевой).

Из этого видно, что сам Горький считал воспоминания об Андрееве — одной из наиболее значительных своих мемуарных работ.

* * *

Местонахождение автографа воспоминаний — неизвестно. При жизни Горького они печатались несколько раз, в частности, вошли в т. XXII Собр. соч. (1933). Но в тридцатитомное издание сочинений и писем Горького (1949—1956) включены не были. Мы печатаем текст по Собр. соч. 1933 г., редактировавшемуся И. А. Груздевым при жизни Горького.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

Весною 1898 г. я прочитал в московской газете «Курьер» рассказ «Бермамот и Гараська» — пасхальный рассказ обычного типа; направленный к сердцу праздничного читателя, он еще раз напоминал, что человеку доступно — иногда, при некоторых особых условиях — чувство великодушия, и что порою враги становятся друзьями, хотя и не надолго. скажем — на день.

Со времен «Шинели» Гоголя русские литераторы написали, вероятно, несколько сотен или даже тысяч таких нарочито трогательных рассказов; вокруг великолепных цветов подлинной русской литературы они являются одуванчиками, которые, якобы, должны украсить нищенскую жизнь большой и жесткой русской души*.

Но от этого рассказа на меня повеяло крепким дуновением таланта, который чем-то напоминал мне Помяловского [1], а, кроме того, в тоне рассказа чувствовалась скрытая автором умненькая улыбочка недоверия к факту,— улыбочка эта легко примиряла с неизбежным сентиментализмом «пасхальной» и «рождественской» литературы.

Я написал автору письмо по поводу рассказа и получил от Л. Андреева забавный ответ, — оригинальным почерком, полупечатными буквами он писал веселые, смешные слова, и среди них особенно подчеркнуто выделился незатейливый, но скептический афоризм:

«Сытому быть великодушным столь же приятно, как пить кофе после обеда» [2].

С этого началось мое заочное знакомство с Леонидом Николаевичем Андреевым. Летом я прочитал еще несколько маленьких рассказов его и фельетонов Джемса Линч, наблюдая, как быстро и смело развивается своеобразный талант нового писателя.

Осенью, проездом в Крым, в Москве, на Курском вокзале, кто-то познакомил меня с Л. Андреевым [3]. Одетый в старенькое пальто-тулупчик, в мохнатой бараньей шапке набекрень, он напоминал молодого актера украинской труппы. Красивое лицо его показалось мне малоподвижным, но пристальный взгляд темных глаз светился той улыбкой, которая так хорошо сияла в его рассказах и фельетонах. Не помню его слов, но они были необычны, и необычен был строй возбужденной речи. Говорил он торопливо, глуховатым, бухающим голосом, простуженно кашляя, немножко захлебываясь словами и однообразно размахивая рукой,— точно дирижировал. Мне показалось, что это здоровый, неуёмно веселый человек, способный жить, посмеиваясь над невзгодами бытия. Его возбуждение было приятно.

— Будемте друзьями!— говорил он, пожимая мою руку.

Я тоже был радостно возбужден.

Зимою, на пути из Крыма в Нижний, я остановился в Москве, и там наши отношения быстро приняли характер сердечной дружбы.

Я видел, что этот человек плохо знает действительность, мало интересуется ею, — тем более удивлял он меня силой своей интуиции, плодовитостью фантазии, цепкостью воображения. Достаточно было одной фразы, а иногда — только меткого слова, чтобы он, схватив ничтожное, данное ему, тотчас развил его в картину, анекдот, характер, рассказ.

— Что такое С.? — спрашивает он об одном литераторе, довольно популярном в ту пору.

---

* Весьма вероятно, что в ту пору я думал не так, как изображаю теперь, но старые мои мысли — неинтересно вспоминать.— *Прим. М. Горького.*

— Тигр из мехового магазина [4].

Он смеется и, понизив голос, точно сообщая тайну, торопливо говорит:

— А — знаете — надо написать человека, который убедил себя, что он — герой, эдакий разрушитель всего сущего и даже сам себе страшен,— вот как! Все ему верят, так хорошо он обманул сам себя. Но где-то в своем уголке — в настоящей жизни, он — просто жалкое ничтожество, боится жены или даже кошки.

Нанизывая слово за словом на стержень гибкой мысли, он легко и весело создавал всегда что-то неожиданное, своеобразное.

Ладонь одной руки у него была пробита пулей, пальцы скрючены,— я спросил его: как ⟨это⟩ случилось?

— Экивок юношеского романтизма,— ответил он.— Вы сами знаете, человек, который не пробовал убить себя, дешево стоит.

Он сел на диван вплоть ко мне и прекрасно рассказал о том, как однажды, будучи подростком, бросился под товарный поезд, но, к счастью, угодил вдоль рельс, и поезд промчался над ним, только оглушив его [5].

В рассказе было что-то неясное, недействительное, но он украсил его изумительно ярким описанием ощущений человека, над которым с железным грохотом двигаются тысячепудовые тяжести. Это было знакомо и мне,— мальчишкой лет десяти я ложился под балластный поезд, соперничая в смелости с товарищами,— один из них, сын стрелочника, делал это особенно хладнокровно. Забава эта почти безопасна, если топка локомотива достаточно высоко поднята и если поезд идет на подъем, а не под уклон; тогда сцепления вагонов туго натянуты и не могут ударить вас или, зацепив, потащить по шпалам. Несколько секунд переживаешь жуткое чувство, стараясь прильнуть к земле насколько возможно плотнее и едва побеждая напряжением всей воли страстное желание пошевелиться, поднять голову. Чувствуешь, что поток железа и дерева, проносясь над тобою, отрывает тебя от земли, хочет увлечь куда-то, а грохот и скрежет железа раздается как будто в костях у тебя. Потом, когда поезд пройдет, с минуту и более лежишь на земле, не в силах подняться, кажется, что ты плывешь вслед поезду, а тело твое как будто бесконечно вытягивается, растет, становится легким, воздушным,— и — вот сейчас полетишь над землей. Это очень приятно чувствовать.

— Что влекло вас к такой нелепой забаве?— спросил Леонид Николаевич.

Я сказал, что, может быть, мы испытывали силу нашей воли, противопоставляя механическому движению огромных масс — сознательную неподвижность ничтожного нашего тела.

— Нет,— возразил он,— это слишком мудрено, не по-детски.

Напомнив ему, как дети «мнут зыбку» — качаются на упругом льду только что замерзшего пруда или затона реки, я сказал, что опасные забавы вообще нравятся детям.

Он помолчал, закурил папиросу и, тотчас бросив ее, посмотрел прищуренными глазами в темный угол комнаты.

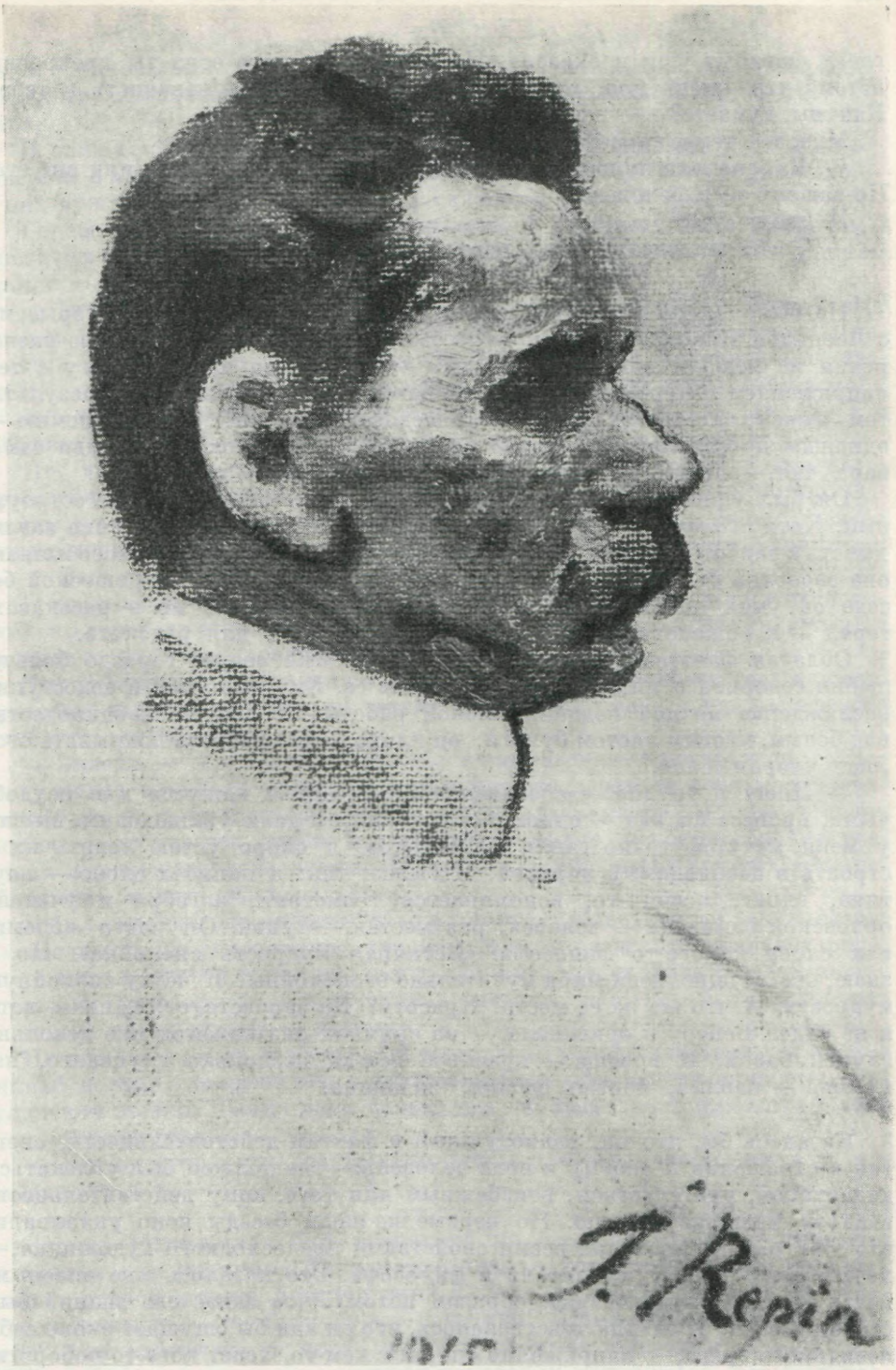
— Нет, это, должно быть, не так. Почти все дети боятся темноты... Кто-то сказал:

— Есть наслаждение в бою
И бездны мрачной на краю [6],

но — это «красное словцо», не больше. Я думаю как-то иначе, только не могу понять — как?

И вдруг встрепенулся весь, как бы обожжен внутренним огнем.

— Следует написать рассказ о человеке, который всю жизнь,— безумно страдая,— искал истину, и вот она явилась пред ним, но он закрыл



ГОРЬКИЙ

Эскиз маслом И. Е. Репина, 1916 г.

Дата «1915», проставленная художником позднее, ошибочна

Частное собрание, Стокгольм

глаза, заткнул уши и сказал: «Не хочу тебя, даже если ты прекрасна, потому что жизнь моя, муки мои — зажгли в душе ненависть к тебе». Как вы думаете?

Мне эта тема не понравилась; он вздохнул, говоря:

— Да, сначала нужно ответить, где истина — в человеке или вне его? По-вашему — в человеке?

И засмеялся:

— Тогда это очень плохо, очень ничтожно...

Не было почти ни одного факта, ни одного вопроса, на которые мы с Леонидом Николаевичем смотрели бы одинаково, но бесчисленные разноречия не мешали нам — целые годы — относиться друг к другу с тем напряжением интереса и внимания, которое не часто является результатом даже долголетней дружбы. Беседовали мы неутомимо, помню — однажды просидели непрерывно более двадцати часов, выпив два самовара чая,— Леонид поглощал его в неимоверном количестве.

Он был удивительно интересный собеседник, неистощимый, остроумный. Хотя его мысль обнаруживала всегда упрямое стремление заглядывать в наиболее темные углы души, но — легкая, капризно своеобычная, она свободно отливалась в формы юмора и гротеска. В товарищеской беседе он умел пользоваться юмором гибко и красиво, но в рассказах терял — к сожалению — эту способность, редкую для русского.

Обладая фантазией живой и чуткой, он был ленив; гораздо больше любил говорить о литературе, чем делать ее. Ему было почти недоступно наслаждение ночной подвижнической работы [7] в тишине и одиночестве над белым, чистым листом бумаги; он плохо ценил радость покрывать этот лист узором слов.

— Пишу я трудно,— сознавался он.— Перья кажутся мне неудобными, процесс письма — слишком медленным и даже унижающим. Мысли у меня мечутся точно галки на пожаре, я скоро устаю ловить их и строить в необходимый порядок. И бывает так: я написал слово — паутина, вдруг, почему-то, вспоминается геометрия, алгебра и учитель орловской гимназии — человек, разумеется,— тупой. Он часто вспоминал слова какого-то философа: «Истинная мудрость спокойна». Но я знаю, что лучшие люди мира мучительно беспокойны. К чёрту спокойную мудрость! А что же на ее место? Красоту? Да здравствует! Однако, хотя я не видел Венеру в оригинале,— на снимках она кажется мне довольно глупой бабой. И вообще — красивое всегда несколько глуповато, например — павлин, борзая собака, женщина.

Казалось бы, что он, равнодушный к фактам действительности, скептик в отношении к разуму и воле человека,— не должен был увлекаться дидактикой, учительством, неизбежным для того, кому действительность знакома излишне хорошо. Но первые же наши беседы ясно указывали, что этот человек, обладая всеми свойствами превосходного художника,— хочет встать в позу мыслителя и философа. Это казалось мне опасным, почти безнадежным, главным образом потому, что запас его знаний был странно беден. И всегда чувствовалось, что он как бы ощущает около себя невидимого врага,— напряженно спорит с кем-то, хочет кого-то побороть.

Читать Леонид Николаевич не любил и, сам являясь делателем книги — творцом чуда,— относился к старым книгам недоверчиво и небрежно.

— Для тебя книга — фетиш, как для дикаря,— говорил он мне.— Это потому, что ты не протирал своих штанов на скамьях гимназии, не соприкасался науке университетской. А для меня «Илиада», Пушкин и все прочее замусолено слюною учителей, проституировано геморроидаль-

ными чиновниками. «Горе от ума» — скучно так же, как задачник Евтушевского. «Капитанская дочка» надоела, как барышня с Тверского бульвара.

Я слишком часто слышал эти обычные слова о влиянии школы на отношение к литературе, и они давно уже звучали для меня неубедительно,— в них чувствовался предрассудок, рожденный русской ленью.

Гораздо более индивидуально рисовал Л. Андреев, как рецензии и критические очерки газет мнут и портят книги, говоря о них языком хроники уличных происшествий.

— Это — мельницы, они перемалывают Шекспира, Библию — все, что хочешь,— в пыль пошлости. Однажды я читал газетную статью о Дон-Кихоте и вдруг с ужасом вижу, что Дон-Кихот — знакомый мне старичок, управляющий казенной палатой, у него был хронический насморк и любовница, девушка из кондитерской, он называл ее — Милли, а в действительности — на бульварах — ее звали Сонька Пузырь...

Но, относясь к знанию и книге беззаботно, небрежно, а иногда — враждебно, он постоянно и живо интересовался тем, что я читаю. Однажды, увидав у меня в комнате «Московской гостиницы» книгу Алексея Остроумова о Синезии, епископе Птолемаиды [8],— спросил удивленно:

— Это зачем тебе?

Я рассказал ему о странном епископе-полуязычнике и прочитал несколько строк из его сочинения «Похвала плешивости»: «Что может быть плешивее, что божественнее сферы?»

Это патетическое восклицание потомка Геркулеса вызвало у Леонида припадок бешеного смеха, но тотчас же, стирая слезы с глаз и все еще улыбаясь, он сказал:

— Знаешь,— это превосходная тема для рассказа о неверующем, который, желая испытать глупость верующих, надевает на себя маску святости, живет подвижником, проповедует новое учение о боге — очень глупое,— добивается любви и поклонения тысяч, а потом говорит ученикам и последователям своим: «Все это — чепуха». Но для них вера необходима, и они убивают его.

Я был поражен его словами; дело в том, что у Синезия есть такая мысль:

«Если бы мне сказали, что епископ должен разделять мнение народа, то я открыл бы пред всеми, кто я есть. Ибо что может быть общего между чернью и философией? Божественная истина должна быть скрытой, народ же имеет нужду в другом».

Но эту мысль я не сообщил Андрееву и не успел сказать ему о необычайной позиции некрещенного язычника-философа в роли епископа христианской церкви. Когда же я сказал ему об этом, он, торжествуя и смеясь, воскликнул:

— Вот видишь,— не всегда надо читать для того, чтобы знать и понимать.

Леонид Николаевич был талантлив по природе своей, органически талантлив, его интуиция была изумительно чутка. Во всем, что касалось темных сторон жизни, противоречий в душе человека, брожений в области инстинктов,— он был жутко догадлив. Пример с епископом Синезием — не единичен, я могу привести десяток подобных.

Так, беседуя с ним о различных искателях незыблемой веры, я рассказал ему содержание рукописной «Исповеди» священника Аполлова,— об одном из произведений безвестных мучеников мысли, которые вызваны к жизни «Исповедью» Льва Толстого [9]. Рассказывал о моих личных наблюдениях над людьми догмата,— они часто являются добровольными пленниками слепой, жесткой веры и тем более фанатически защищают истинность ее, чем мучительнее сомневаются в ней.

Андреев задумался, медленно помешивая ложкой в стакане чая, потом сказал, усмехаясь:

— Странно мне, что ты понимаешь это,— говоришь ты, как атеист, а думаешь, как верующие. Если ты умрешь раньше меня, я напишу на камне могилы твоей: «Призывая поклоняться разуму, он тайно издевался над немощью его».

А через две-три минуты, наваливаясь на меня плечом, заглядывая в глаза мне расширенными зрачками темных глаз, говорил вполголоса:

— Я напишу о попе, увидишь! Это, брат, я хорошо напишу!

И, грозя пальцем кому-то, крепко потирая висок, улыбался.

— Завтра еду домой и — начинаю! Даже первая фраза есть: «Среди людей он был одинок, ибо соприкасался великой тайне» [10]...

На другой же день он уехал в Москву, а через неделю — не более — писал мне, что работает над попом, и работа идет легко, «как на лыжах». Так всегда он хватал налету все, что отвечало потребности его духа в соприкосновении к наиболее острым и мучительным тайнам жизни.

Шумный успех первой книги насытил его молодой радостью. Он приехал в Нижний ко мне веселый, в новеньком костюме табачного цвета, грудь туго накрахмаленной рубашки была украшена дьявольски-пестрым галстуком, а на ногах — желтые ботинки.

— Искал палевые перчатки, но какая-то леди в магазине на Кузнецком напугала меня, что палевые уже не в моде. Подозреваю, что она — соврала, наверное, дорожит свободой сердца своего и боялась убедиться, сколь я неотразим в палевых перчатках. Но по секрету скажу тебе, что все это великолепие — неудобно, и рубашка гораздо лучше.

И вдруг, обняв меня за плечи, сказал:

— Знаешь, мне хочется гимн написать, еще не вижу — кому или чему, но обязательно — гимн! Что-нибудь шиллеровское, а? Эдакое густое, звучное — бомм!

Я пошутил над ним.

— Что же!— весело воскликнул он.— Ведь у Екклезиаста правильно сказано: «Даже и плохонькая жизнь лучше хорошей смерти». Хотя там что-то не так, а — о льве и собаке: «В домашнем обиходе плохая собака полезнее хорошего льва» [11]. А — как ты думаешь: Иов мог читать книгу Екклезиаста?

Упоенный вином радости, он мечтал о поездке по Волге на хорошем пароходе, о путешествии пешком по Крыму.

— И тебя потащу, а то ты окончательно замуруешь себя в этих кирпичах,— говорил он, указывая на книги.

Его радость напоминала оживленное благополучие ребенка, который слишком долго голодал, а теперь думает, что навсегда сыт.

Сидели на широком диване в маленькой комнате, пили красное вино, Андреев взял с полки тетрадь стихов:

— Можно?

И стал читать вслух:

Медных сосен колонны,
Моря звон монотонный.

— Это Крым? А вот я не умею писать стихи, да и желания нет. Я больше всего люблю баллады, вообще:

Я люблю все то, что ново,
Романтично, бестолково,
Как поэт
Прежних лет.

РАССКАЗ АНДРЕЕВА «БАРГАМОТ И ГАРАСЬКА». ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Первая страница

«Донская речь». Ростов н/Д, 1903

Баргамотъ и Гараська.

Леонида Андреева.

Было бы несправедливо сказать, что природа обидѣла Ивана Акиндиныча Баргамотова въ своей официальной части именовавшагося «городовой бляха № 20», а въ неофиціальной, попросту «Баргамотомъ». Обитатели одной изъ окраинъ губернскаго городка О., въ свою очередь по отношенію къ мѣсту жительства называвшіеся пушкарями (отъ названія Пушкарной улицы), а съ духовной стороны характеризовавшіеся прозвищемъ «пушкари-проломленныя головы», давая Ивану Акиндиновичу это имя, безъ сомнѣнія, не имѣли въ виду свойствъ, присущихъ столь нѣжному и деликатному плоду, какъ бергамотъ. По своей внѣшности «Баргамотъ» скорѣе напоминалъ мастодонта, или вообще одно изъ тѣхъ милыхъ, но погибшихъ созданій, которыя за недостаткомъ помѣщенія, давно уже покинули землю, заполоненную мозгляками-людишками. Высокій, толстый, сильный, громогласный Баргамотъ составлялъ на полицейскомъ горизонтѣ видную фигуру, и давно, конечно, достигъ бы извѣстныхъ степеней, если бы душа его, сдавленная толстыми стѣнами, не была погружена въ богатырскій сонъ. Внѣшнія впечатлѣнія, проходя въ душу Баргамота черезъ его маленькіе заплывшіе глазки, по дорогѣ теряли всю свою остроту и силу и доходили до мѣста назначенія лишь въ видѣ слабыхъ отзвуковъ и отблесковъ. Человѣкъ съ возвышенными тре-

Это поют в оперетке — «Зеленый остров», кажется.

И вздыхают деревья,
Как без рифмы стихи.

— Это мне нравится. Но — скажи — зачем ты пишешь стихи? Это так не идет к тебе. Все-таки стихи — искусственное дело, как хочешь.

Потом сочиняли пародии на Скитальца:

— Возьму я большое полено
В могучую руку мою
И всех — до седьмого колена
Я вас перебью!
И пуще того огорошу —
Ура! Трепещите! Я — рад.
Казбеком вам в головы брошу,
Низвергну на вас Арарат!

Он хохотал, неистощимо придумывая милые смешные глупости, но вдруг, наклонясь ко мне, со стаканом вина в руке, заговорил негромко и серьезно:

— Недавно я прочитал забавный анекдот: — в каком-то английском городе стоит памятник Роберту Бёрнсу — поэту. Надписи на памятнике — кому он поставлен, нет. У подножья его — мальчик, торгует газетами. Подошел к нему какой-то писатель и говорит: «Я куплю у тебя номер газеты, если ты скажешь, чья эта статуя?»— «Роберта Бёрнса»,— ответил

мальчик.— «Прекрасно! Теперь — я куплю у тебя все твои газеты, но скажи мне: за что поставили памятник Роберту Бёрнсу?» Мальчик ответил: «За то, что он умер». Как это нравится тебе?

Мне это не очень нравилось,— меня всегда тяжко тревожили резкие и быстрые колебания настроений Леонида.

Слава не была для него только «яркой заплатой на ветхом рубище певца» [12],— он хотел ее много, жадно и не скрывал этого. Он говорил:

— Еще четырнадцати лет я сказал себе, что буду знаменит, или — не стоит жить. Я не боюсь сказать, что все сделанное до меня не кажется мне лучше того, что я сам могу сделать. Если ты сочтешь мои слова самонадеянностью,— ты ошибешься. Нет, видишь ли, это должно быть основным убеждением каждого, кто не хочет ставить себя в безличные ряды миллионов людей. Именно убеждение в своей исключительности должно — и может — служить источником творческой силы. Сначала скажем самим себе: мы не таковы, как все другие, потом уже легко будет доказать это и всем другим.

— Одним словом,— ты ребенок, который не хочет питаться грудью кормилицы...

— Именно: я хочу молока только души моей. Человеку необходимы любовь и внимание или — страх пред ним. Это понимают даже мужики, надевая на себя личины колдунов. Счастливее всех те, кого любят со страхом, как любили Наполеона.

— Ты читал его «Записки»? [13]

— Нет. Это — не нужно мне.

Он подмигнул, усмехаясь:

— Я тоже веду дневник и знаю, как это делается. Записки, исповеди и все подобное — испражнения души, отравленной плохою пищей.

Он любил такие изречения и, когда они удавались ему, искренно радовался. Несмотря на его тяготение к пессимизму, в нем жило нечто неискоренимо детское,— например, ребячливо-наивное хвастовство словесной ловкостью, которой он пользовался гораздо лучше в беседе, чем на бумаге.

Однажды я рассказывал ему о женщине, которая до такой степени гордилась своей «честной» жизнью, так была озабочена убедить всех и каждого в своей неприступности, что все окружающие ее, издыхая от тоски, или стремглав бежали прочь от сего образца добродетели, или же ненавидели ее до судорог.

Андреев слушал, смеялся и вдруг сказал:

— Я — женщина честная, мне не к чему ногти чистить — так? [14]

Этими словами он почти совершенно точно определил характер и даже привычки человека, о котором я говорил,— женщина была небрежна к себе. Я сказал ему это, он очень обрадовался и детски-искренно стал хвастаться:

— Я, брат, иногда сам удивляюсь, до чего ловко и метко умею двумя, тремя словами поймать самое существо факта или характера.

И произнес длинную речь в похвалу себе. Но — умница — понял, что это немножно смешно, и кончил свою тираду юмористическим шаржем:

— Со временем я так разовью мои гениальные способности, что буду одним словом определять смысл целой жизни человека, нации, эпохи...

Но все-таки критическое отношение к самому себе у него было развито не особенно сильно, это, порою, весьма портило и его работу и жизнь.

Леонид Николаевич странно и мучительно-резко для себя раскалывался надвое:— на одной и той же неделе он мог петь миру — «Осанна!» и провозглашать ему — «Анафема!»

Это не было внешним противоречием между основами характера и навыками или требованиями профессии, — нет, в обоих случаях он чувствовал одинаково искренно. И чем более громко он возглашал «Осанна!»— тем более сильным эхом раздавалась — «Анафема!»

Он говорил:

— Ненавижу субъектов, которые не ходят по солнечной стороне улицы из боязни, что у них загорит лицо или выцветет пиджак,— ненавижу всех, кто из побуждений догматических препятствует свободной, капризной игре своего внутреннего «я».

Однажды он написал довольно едкий фельетон о людях теневой стороны [15], а вслед за этим — по поводу смерти Золя [16] от угара — хорошо полемизировал с интеллигентски-варварским аскетизмом, довольно обычным в ту пору. Но, беседуя со мною по поводу этой полемики, неожиданно заявил:

— А все-таки, знаешь, собеседник-то мой более последователен, чем я: писатель должен жить, как бездомный бродяга. Яхта Мопассана — нелепость [17].

Он — не шутил. Мы поспорили, я утверждал: чем разнообразнее потребности человека, чем более жаден он к радостям жизни,— хотя бы и маленьким, тем быстрей развивается культура тела и духа. Он возражал: нет, прав Толстой, культура — мусор, она только искажает свободный рост души.

— Привязанность к вещам,— говорил он, — это фетишизм дикарей, идолопоклонство. Не сотвори себе кумира, иначе ты погас,— вот истина! Сегодня сделай книгу, завтра — машину, вчера ты сделал сапог и уже забыл о нем. Нам нужно учиться забывать.

А я говорил: необходимо помнить, что каждая вещь — воплощение духа человеческого, и часто внутренняя ценность вещи значительнее человека.

— Это поклонение мертвой материи,— кричал он.

— В ней воплощена бессмертная мысль.

— Что такое мысль? Она двулична и отвратительна своим бессилием...

Спорили мы все чаще, все напряженнее. Наиболее острым пунктом наших разногласий было отношение к мысли.

Я чувствую себя живущим в атмосфере мысли и, видя, как много создано ею великого и величественного,— верю, что ее бессилие — временно. Может быть, я романтизирую и преувеличиваю творческую силу мысли, но это так естественно в России, где нет духовного синтеза, в стране язычески чувственной.

Леонид воспринимал мысль, как «злую шутку дьявола над человеком»; она казалась ему лживой и враждебной. Увлекая человека к пропастям необъяснимых тайн, она обманывает его, оставляя в мучительном и бессильном одиночестве пред тайнами, а сама — гаснет.

Столь же непримиримо расходились мы во взгляде на человека, источник мысли, горнило ее. Для меня человек всегда победитель даже и смертельно раненный, умирающий. Прекрасно его стремление к самопознанию и познанию природы, и хотя жизнь его мучительна,— он все более расширяет пределы ее, создавая мыслью своей мудрую науку, чудесное искусство. Я чувствовал, что искренно и действительно люблю человека — и того, который сейчас живет и действует рядом со мною, и того, умного, доброго, сильного, который явится когда-то в будущем. Андрееву человек представлялся духовно нищим; сплетенный из непримиримых противоречий инстинкта и интеллекта, он навсегда лишен возможности достичь какой-либо внутренней гармонии. Все дела его «суета сует», тлен и самообман. А главное — он раб смерти и всю жизнь ходит на цепи ее.

Очень трудно говорить о человеке, которого хорошо чувствуешь. Это звучит, как парадокс, но — это правда: когда таинственный трепет горения чужого «я» ощущается тобою, волнует тебя,— боишься дотронуться кривым, тяжелым словом твоим до невидимых лучей дорогой тебе души, боишься сказать не то, не так: не хочешь исказить чувствуемое и почти неуловимое словом, не решаешься заключить чужое, хотя и общезначимое, человечески ценное в твою тесную речь.

Гораздо легче и проще рассказывать о том, что чувствуешь недостаточно ясно,— в этих случаях многое — и даже все, что ты хочешь — можно добавить от себя.

Я думаю, что хорошо чувствовал Андреева: точнее говоря — я видел, как он ходит по той тропинке, которая повисла над обрывом в трясину безумия, над пропастью, куда заглядывая, зрение разума угасает.

Велика была сила его фантазии, но — несмотря на непрерывно и туго напряженное внимание к оскорбительной тайне смерти, он ничего не мог представить себе по ту сторону ее, ничего величественного или утешительного,— он был, все-таки, слишком реалист для того, чтобы выдумать утешение себе, хотя и желал его.

Это его хождение по тропе над пустотой и разъединяло нас всего более. Я пережил настроение Леонида давно уже,— и, по естественной гордости человечьей, мне стало органически противно и оскорбительно мыслить о смерти.

Однажды я рассказал Леониду о том, как мне довелось пережить тяжелое время «мечтаний узника о бытии за пределами его тюрьмы», о «каменной тьме» и «неподвижности», «уравновешенной навеки»,— он вскочил с дивана и, бегая по комнате, дирижируя искалеченной ладонью, торопливо, возмущенно, задыхаясь, говорил:

— Это, брат, трусость,— закрыть книгу, не дочитав ее до конца! Ведь в книге — твой обвинительный акт, в ней ты отрицаешься — понимаешь? Тебя отрицают со всем, что в тебе есть — с гуманизмом, социализмом, эстетикой, любовью,— все это — чепуха по книге? Это смешно и жалко: тебя приговорили к смертной казни — за что? А ты, притворяясь, что не знаешь этого, не оскорблен этим,— цветочками любуешься, обманывая себя и других, глупенькие цветочки!..

Я указывал ему на некоторую бесполезность протестов против землетрясения, убеждал, что протесты никак не могут повлиять на судороги земной коры — все это только сердило его.

Мы беседовали в Петербурге, осенью, в пустой, скучной комнате пятого этажа. Город был облечен густым туманом, в серой массе тумана недвижимо висели радужные, призрачные шары фонарей, напоминая огромные мыльные пузыри. Сквозь жидкую вату тумана к нам поднимались со дна улицы нелепые звуки,— особенно надоедливо чмокали по торцам мостовой копыта лошадей.

Там, внизу, со звоном промчалась пожарная команда. Леонид подошел ко мне, свалился на диван и предложил:

— Едем смотреть пожар?

— В Петербурге пожары неинтересны.

Он согласился:

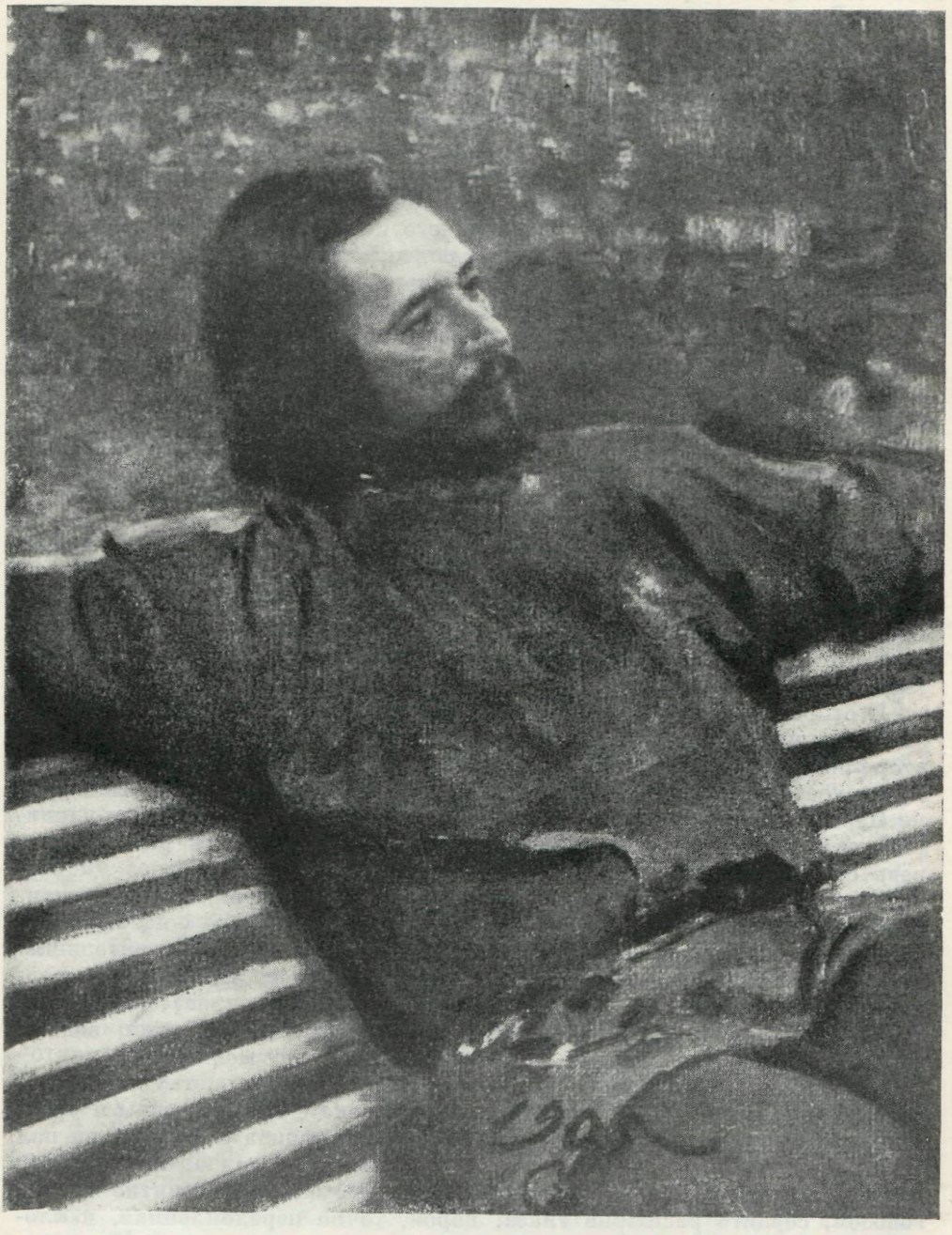
— Верно. А вот в провинции, где-нибудь в Орле, когда горят деревянные улицы и мечутся, как моль, мещане — хорошо! И голуби над тучей дыма — видел ты?

Обняв меня за плечи, он сказал, усмехаясь:

— Ты — все видел, чёрт тебя возьми! И — «каменную пустоту» — это очень хорошо — каменная тьма и пустота!

И, бодая меня головою в бок:

— Иногда я тебя за это ненавижу.



АНДРЕЕВ
Портрет маслом И. Е. Репина, 1905 г.
Художественный музей, Омск

Я сказал, что чувствую это.

— Да,— подтвердил он, укладывая голову на колени мне.— Знаешь — почему? Хочется, чтоб ты болел моей болью,— тогда мы были бы ближе друг к другу,— ты ведь знаешь, как я одинок!

Да, он был очень одинок, но, порою, мне казалось, что он ревниво оберегает одиночество свое, оно дорого ему как источник его фантастических вдохновений и плодотворная почва оригинальности его.

— Ты врешь, что тебя удовлетворяет научная мысль,— говорил он, глядя в потолок угрюмо-темным взглядом испуганных глаз.— Наука, брат, тоже мистика фактов: никто ничего не знает — вот истина. А вопросы — как я думаю и зачем я думаю, источник главнейшей муки людей,— это самая страшная истина! Едем куда-нибудь, пожалуйста...

Когда он касался вопроса о механизме мышления — это всего более волновало его. И — пугало.

Оделись, спустились в туман и часа два плавали в нем по Невскому, как сомы по дну илистой реки. Потом сидели в какой-то кофейне, к нам неотвязно пристали три девушки, одна из них, стройная эстонка, назвала себя «Эльфридой». Лицо у нее было каменное, она смотрела на Андреева большими, серыми, без блеска, глазами, с жуткой серьезностью, и кофейной чашкой пила какой-то зеленый, ядовитый ликер. От него исходил запах жженой кожи.

Леонид пил коньяк, быстро захмелел, стал буйно остроумен, смешил девиц неожиданно-забавными и замысловатыми шутками и, наконец, решил ехать на квартиру к девицам,— они очень настаивали на этом. Отпускать Леонида одного было невозможно,— когда он начинал пить, в нем просыпалось нечто жуткое, мстительная потребность разрушения, какая-то ненависть «плененного зверя».

Я отправился с ним, купили вина, фруктов, конфет и где-то на Разъезжей улице, в углу грязного двора, заваленного бочками и дровами, во втором этаже деревянного флигеля, в двух маленьких комнатах, среди стен, убого и жалобно украшенных открытками, — стали пить.

Перед тем, как напиться до потери сознания, Леонид опасно и удивительно возбуждался, его мозг буйно вскипал, фантазия разгоралась, речь становилась почти нестерпимо яркой.

Одна из девушек, круглая, мягкая и ловкая, как мышь, почти с восхищением рассказала нам, как товарищ прокурора укусил ей ногу выше колена,— она, видимо, считала поступок юриста самым значительным событием своей жизни, показывала шрам от укуса и, захлебываясь волнением, радостно блестя стеклянными глазками, говорила:

— Он так любил меня,— даже вспомнить страшно! Укусил, знаете, а — у него зуб вставлен был,— и остался в коже у меня!

Эта девушка, быстро опьянев, свалилась в углу на кушетку и заснула, всхрапывая. Пышнотелая, густоволосая шатенка с глазами овцы и уродливо длинными руками играла на гитаре, а Эльфрида составила на пол бутылки и тарелки, вскочила на стол и плясала, молча, по-змеиному изгибаясь, не сводя глаз с Леонида. Потом она запела неприятно густым голосом, сердито расширив глаза, порой, точно переломленная, наклоняясь к Андрееву; он выкрикивал подхваченные им слова чужой песни, странного языка, и толкал меня локтем, говоря:

— Она что-то понимает, смотри на нее, видишь? Понимает!— Моментами возбужденные глаза Леонида как будто слепли; становясь еще темнее, они как бы углублялись, пытаясь заглянуть внутрь мозга.

Утомясь, эстонка спрыгнула со стола на постель, вытянулась, открыв рот и гладя ладонями маленькие груди, острые, как у козы.

Леонид говорил:

— Высшее и глубочайшее ощущение в жизни, доступное нам — судорога

полового акта,— да, да! И, может быть, земля, как вот эта сука, мечется в пустыне вселенной, ожидая, чтобы я оплодотворил ее пониманием цели бытия, а сам я, со всем чудесным во мне,— только сперматозоид.

Я предложил ему идти домой.

— Иди, я останусь здесь...

Он был уже сильно пьян, и с ним было много денег. Он сел на кровать, поглаживая стройные ноги девушки, и забавно стал говорить, что любит ее, а она неотрывно смотрела в лицо ему, закинув руки за голову.

— Когда баран отведает редьки, у него вырастают крылья,— говорил Леонид.

— Нет, это неправда,— серьезно сказала девушка.

— Я тебе говорю, что она понимает что-то!— закричал Леонид в пьяной радости. Через несколько минут он вышел из комнаты, я дал девице денег и попросил ее уговорить Леонида ехать кататься. Она сразу согласилась:

— Я боюсь его. Такие стреляют из пистолетов,— бормотала она.

Девица, игравшая на гитаре, уснула, сидя на полу, около кушетки, где, всхрапывая, спала ее подруга.

Эстонка была уже одета, когда возвратился Леонид; он начал бунтовать, крича:

— Не хочу! Да будет пир плоти!

И попытался раздеть девушку; отбиваясь, она так упрямо смотрела в глаза ему, что взгляд ее укротил Леонида, он согласился.

— Едем!

Но захотел надеть дамскую шляпу à la Рембрандт и уже сорвал с нее все перья.

— Это вы заплатите за шляпу?— деловито спросила девица.

Леонид поднял брови и захохотал, крича:

— Дело — в шляпе! Ура!

На улице мы наняли извозчика и поехали сквозь туман. Было еще не поздно, едва за полночь. Невский, в огромных бусах фонарей, казался дорогой куда-то вниз, в глубину, вокруг фонарей мелькали мокрые пылинки, в серой сырости плавали черные рыбы, стоя на хвостах; полушария зонтиков, казалось, поднимают людей вверх,— все было очень призрачно, странно и грустно.

На воздухе Андреев совершенно опьянел, задремал, покачиваясь; девица шепнула мне:

— Я слезу, да?

И, спрыгнув с колен моих в жидкую грязь улицы, исчезла.

В конце Каменноостровского проспекта Леонид спросил, испуганно открыв глаза:

— Едем? Я хочу в кабак. Ты прогнал эту?

— Ушла.

— Врешь. Ты — хитрый. Я — тоже. Я ушел из комнаты, чтобы посмотреть, что ты будешь делать, стоял за дверью и слышал, как ты уговаривал ее. Ты вел себя невинно и благородно. Ты вообще нехороший человек, пьешь много, а не пьянеешь, от этого дети твои будут алкоголиками. Мой отец тоже много пил и не пьянел, а я — алкоголик.

Потом мы сидели на «Стрелке» под дурацким пузырем тумана, курили, и, когда вспыхивал огонек папирос, — видно было, как сереют наши пальто, покрываясь тусклым бисером сырости.

Леонид говорил с неограниченной откровенностью, и это не была откровенность пьяного,— его ум почти не пьянел до момента, пока яд алкоголя совершенно прекращал работу мозга.

— Если бы я остался с девками, это кончилось бы плохо для кого-то. Всё так. Но — за это я тебя и не люблю, именно за это! Ты мешаешь мне

быть самим собою. Оставь меня — я буду шире. Ты, может быть, обруч на бочке, уйдешь и — бочка рассыплется, но — пускай рассыплется,— понимаешь? Ничего не надо сдерживать, пусть все разрушается. Может быть, истинный смысл жизни именно в разрушении чего-то, чего мы не знаем — или — всего, что придумано и сделано нами.

Темные глаза его угрюмо упирались в серую массу вокруг него и над ним, иногда он их опускал к земле, мокрой, усыпанной листьями, и топал ногами, словно пробуя прочность земли.

— Я не знаю,— что ты думаешь, но — то, что ты всегда говоришь, не твоей веры, не твоей молитвы слова. Ты говоришь, что все силы жизни исходят от нарушения равновесия, а сам ищешь именно равновесия, какой-то гармонии и меня толкаешь на это, тогда как — по-твоему же — равновесие — смерть.

Я возражал: никуда я не толкаю его, не хочу толкать, но — мне дорога его жизнь, здоровье дорого, работа его.

— Тебе приятна только моя работа,— мое внешнее,— а не сам я, не то, чего я не могу воплотить в работе. Ты мешаешь мне и всем, иди в болото!

Навалился на плечо мне и, с улыбкой заглядывая в лицо, продолжал:

— Ты думаешь, я пьян и не понимаю, что говорю чепуху? Нет, я просто хочу разозлить тебя. Я, брат, декадент, выродок, больной человек. Но Достоевский был тоже больной, как все великие люди. Есть книжка,— не помню, чья,— о гении и безумии, в ней доказано, что гениальность — психическая болезнь [18]! Эта книга — испортила меня. Если бы я не читал ее, — я был бы проще. А теперь я знаю, что почти гениален, но не уверен в том, — достаточно ли безумен? Понимаешь, — я сам себе представляюсь безумным, чтоб убедить себя в своей талантливости,— понимаешь?

Я — засмеялся. Это показалось мне плохо выдуманным и потому неправдивым.

Когда я сказал ему это, он тоже захохотал и вдруг гибким движением души, акробатически ловко перескочил в тон юмориста:

— А — где кабак, место священнодействий литературных? Талантливые русские люди обязательно должны беседовать в кабаке, — такова традиция, без этого критики не признают таланта.

Сидели в ночном трактире извозчиков, в сырой, дымной духоте: по грязной комнате сердито и устало ходили сонные «человеки», «математически» ругались пьяные, визжали страшные проститутки, одна из них, обнажив левую грудь — желтую, с огромным соском коровы,— положила ее на тарелку и поднесла нам, предлагая:

— Купите фунтик?

— Люблю бесстыдство, — говорил Леонид, — в цинизме я ощущаю печаль, почти отчаяние человека, который сознает, что он не может не быть животным, хочет не быть, а не может! Понимаешь?

Он пил крепкий, почти черный чай, зная, что так нравится ему и отрезвляет его, — я нарочно велел заварить больше чая. Прихлебывая дегтеподобную, горькую жидкость, щупая глазами вспухшие лица пьяниц, Леонид непрерывно говорил:

— С бабами — я циничен. Так — правдивее, и они это любят. Лучше быть законченным грешником, чем праведником, который не может домолиться до полной святости.

Оглянулся, помолчал и говорит:

— А здесь — скучно, как в духовной консистории!

Это рассмешило его.

— Я никогда не был в духовной консистории, в ней должно быть что-то, похожее на рыбный садок...

НИЖНИЙ-НОВГОРОД
Фотография 1890-х годов
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

НИЖНИЙ-НОВГОРОД
Фотография 1890-х годов
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Чай отрезвил его. Мы ушли из трактира. Туман сгустился, опаловые шары фонарей таяли, как лед.

— Мне хочется рыбы,— сказал Леонид, облокотясь на перила моста через Неву, и оживленно продолжал:— Знаешь, как бывает со мной? Вероятно — так дети думают,— наткнется на слово — рыба и подбирают созвучные ему:— рыба, гроба, судьба, иго, Рига,— а вот стихи писать— не могу!

Подумав, он добавил:

— Так же думают составители букварей...

Снова сидели в трактире, угощаясь рыбной солянкой, Леонид рассказывал, что его приглашают «декаденты» сотрудничать в «Весах».

— Не пойду, не люблю их. У них за словами я не чувствую содержания, они «опьяняются» словами, как любит говорить Бальмонт. Тоже — талантлив и — больной.

В другой раз,— помню,— он сказал о группе «Скорпиона»:

— Они насилуют Шопенгауэра, а я люблю его и потому ненавижу их.

Но это слишком сильное слово в его устах,— ненавидеть он не умел, был слишком мягок для этого. Как-то показал мне в дневнике своем «слова ненависти», но — они оказались словами юмора, и он сам искренно смеялся над ними.

Я отвез его в гостиницу, — уложил спать, но, зайдя после полудня, узнал, что он, тотчас после того как я ушел, встал, оделся и тоже исчез куда-то. Я искал его целый день, но не нашел.

Он непрерывно пил четыре дня и потом уехал в Москву.

У него была неприятная манера испытывать искренность взаимных отношений людей; он делал это так: неожиданно, между прочим спрашивает:

— Знаешь, что Z сказал про тебя?— или сообщит:

— A S говорит о тебе...

И темным взглядом, испытуя, заглядывает в глаза.

Однажды я сказал ему:

— Смотри,— так ты можешь перессорить всех товарищей!

— Ну, что же?— ответил он.— Если ссорятся из-за пустяков, значит — отношения были неискренни.

— Чего ты хочешь?

— Прочности, такой — знаешь — монументальности, красоты отношений. Надо, чтобы каждый из нас понимал, как тонко кружево души, как нежно и бережливо следует относиться к ней. Необходим некоторый романтизм отношений, в кружке Пушкина он был, и я этому завидую. Женщины чутки только к эротике, Евангелие бабы — Декамерон.

Но через полчаса он осмеял свой отзыв о женщинах, уморительно изобразив беседу эротомана с гимназисткой.

Он не выносил Арцыбашева и порою с грубой враждебностью высмеивал его именно за одностороннее изображение женщины как начала исключительно чувственного.

Однажды он мне рассказал такую историю: когда ему было лет одиннадцать, он увидал где-то в роще или в саду, как дьякон целовался с барышней.

— Они целовались и оба плакали,— говорил он, понизив голос и съеживаясь; когда он рассказывал что-нибудь интимное, он напряженно сжимал свою несколько рыхлую мускулатуру.— Барышня была такая, знаешь, тоненькая, хрупкая, на соломенных ножках, дьякон — толстый, ряса на животе засалена и лоснится. Я уже знал, зачем целуются, но первый раз видел, что, целуясь, плачут, и мне было смешно. Борода

дьякона зацепилась за крючки расстегнутой кофты, он замотал головой, я свистнул, чтобы испугать их, испугался сам и — убежал. Но в тот же день вечером почувствовал себя влюбленным в дочь мирового судьи, девчонку лет десяти, ощупал ее, грудей у нее не оказалось, значит целовать нечего, и она не годится для любви. Тогда я влюбился в горничную соседей, коротконогую, без бровей, с большими грудями, — кофта ее на груди была так же засалена, как ряса на животе дьякона. Я очень решительно приступил к ней, а она меня решительно оттрепала за ухо. Но это не помешало мне любить ее, она казалась мне красавицей и чем далее, тем больше. Это было почти мучительно и очень сладко. Я видел много девиц действительно красивых и умом хорошо понимал, что возлюбленная моя — урод сравнительно с ними, а все-таки для меня она оставалась лучше всех. Мне было хорошо, потому что я знал: никто не мог бы любить так, как умею я, белобрысую толстую девку, никто — понимаешь,— не сумел бы видеть ее красивее всех красавиц.

Он рассказал это превосходно, насытив слова свои милым юмором, который я не умею передать; как жаль, что, всегда хорошо владея им в беседе, он пренебрегал или боялся украшать его игрой свои рассказы,— боялся, видимо, нарушить красками юмора темные тона своих картин.

Когда я сказал: жаль, что он забыл, как хорошо удалось ему сотворить из коротконогой горничной первую красавицу мира, что он не хочет больше извлекать из грязной руды действительно золотые жилы красоты,— он комически-хитро прищурился, говоря:

— Ишь ты, какой лакомый! Нет, я не намерен баловать вас, романтиков...

Невозможно было убедить его в том, что именно он — романтик.

На «Собрании сочинений», которое Леонид подарил мне в 1915 г., он написал:

«Начиная с курьерского „Баргамота“, здесь все писалось и прошло на твоих глазах, Алексей: во многом это — история наших отношений»[19].

Это, к сожалению, верно; к сожалению — потому, что я думаю: для Л. Андреева было бы лучше, если бы он не вводил в свои рассказы «историю наших отношений». А он делал это слишком охотно и, торопясь «опровергнуть» мои мнения, портил этим свои обедни. И как будто именно в мою личность он воплотил своего невидимого врага.

— Я написал рассказ, который, наверное, не понравится тебе,— сказал он однажды.— Прочитаем?

Прочитали. Рассказ очень понравился мне, за исключением некоторых деталей.

— Это пустяки, это я исправлю,— оживленно говорил он, расхаживая по комнате, шаркая туфлями. Потом сел рядом со мною и, откинув свои волосы, заглянул в глаза мне.

— Вот, я знаю, чувствую, ты искренно хвалишь рассказ. Но — я не понимаю, как может он нравиться тебе?

— Мало ли на свете вещей, которые не нравятся мне, однако это не портит их, как я вижу.

— Рассуждая так, нельзя быть революционером.

— Ты что же, смотришь на революционера глазами Нечаева —[20] «революционер — не человек»?

Об обнял меня, засмеялся:

— Ты плохо понимаешь себя. Но — слушай, — ведь когда я писал «Мысль», я думал о тебе; Алексей Савелов — это ты! Там есть одна фраза: «Алексей не был талантлив» — это, может быть, нехорошо с моей стороны, но ты своим упрямством так раздражаешь меня иногда, что кажешься мне неталантливым. Это я нехорошо написал, да?

Он волновался, даже покраснел.

Я успокоил его, сказав, что не считаю себя арабским конем, а только ломовой лошадью; я знаю, что обязан успехами моими не столько природной талантливости, сколько уменью работать, любви к труду.

— Странный ты человек,— тихо сказал он, прервав мои слова, и вдруг, отрешившись от пустяков, задумчиво начал говорить о себе, о волнениях души своей. Он не имел общерусской, неприятной склонности исповедываться и каяться, но иногда ему удавалось говорить о себе с откровенностью мужественной, даже несколько жесткой, однако — не теряя самоуважения. И это было приятно в нем.

— Понимаешь,— говорил он,— каждый раз, когда я напишу что-либо особенно волнующее меня,— с души моей точно кора спадает, я вижу себя яснее и вижу, что я талантливее написанного мной. Вот — «Мысль». Я ждал, что она поразит тебя, а теперь сам вижу, что это, в сущности, полемическое произведение, да еще не попавшее в цель.

Вскочил на ноги и полушутя заявил, встряхнув волосами:

— Я боюсь тебя, злодей! Ты — сильнее меня, я не хочу поддаваться тебе.

И снова серьезно:

— Чего-то не хватает мне, брат. Чего-то очень важного,— а? Как ты думаешь?

Я думал, что он относится к таланту своему непростительно небрежно и что ему не хватает знаний.

— Надо учиться, читать, надо ехать в Европу...

Он махнул рукой.

— Не то. Надо найти себе бога и поверить в мудрость его.

Как всегда, мы заспорили. После одного из таких споров он прислал мне корректуру рассказа «Стена». А по поводу «Призраков» он сказал мне:

— Безумный, который стучит, это — я, а деятельный Егор — ты. Тебе действительно присуще чувство уверенности в силе твоей, это и есть главный пункт твоего безумия и безумия всех подобных тебе романтиков, идеализаторов разума, оторванных мечтой своей от жизни.

Скверный шум, вызванный рассказом «Бездна», расстроил его [21]. Люди, всегда готовые услужить улице, начали писать об Андрееве различные гадости, доходя в сочинении клеветы до комизма: так, один поэт напечатал в харьковской газете, что Андреев купался со своей невестой без костюмов. Леонид обиженно спрашивал:

— Что же он думает,— во фраке, что ли, надо купаться? И ведь врет, не купался я ни с невестой, ни соло, весь год не купался — негде было. Знаешь, я решил напечатать и расклеить по заборам покорнейшую просьбу к читателям — краткую просьбу:

— Будьте любезны,—
Не читайте «Бездны»!

Он был чрезмерно, почти болезненно внимателен к отзывам о его рассказах и всегда, с грустью или с раздражением, жаловался на варварскую грубость критиков и рецензентов, а однажды даже в печати жаловался на враждебное отношение критики к нему лично как человеку.

— Не надо этого делать, — советовали ему.

— Нет, нужно, а то они, стараясь исправить меня, уши мне отрежут или кипятком ошпарят...

Его жестоко мучил наследственный алкоголизм; болезнь проявлялась сравнительно редко, но почти всегда в формах очень тяжелых. Он боролся

с нею, борьба стоила ему огромных усилий, но порой, впадая в отчаяние, он осмеивал эти усилия.

— Напишу рассказ о человеке, который с юности двадцать пять лет боялся выпить рюмку водки, потерял из-за этого множество прекрасных часов жизни, испортил себе карьеру и умер во цвете лет, неудачно срезав себе мозоль или занозив себе палец.

И действительно, приехав в Нижний ко мне, он привез с собою рукопись рассказа на эту тему [22].

В Нижнем Леонид Николаевич встретил отца Феодора Владимирского, протоиерея города Арзамаса, а впоследствии члена Второй Государственной думы,— человека замечательного [23]. Когда-нибудь я попробую написать его житие, а пока нахожу необходимым кратко очертить главный подвиг его жизни.

Город Арзамас чуть ли не со времени Ивана Грозного пил воду из прудов, где летом плавали трупы утопших крыс, кошек, кур, собак, а зимою, подо льдом, вода протухала, приобретая тошнотворный запах. И вот отец Феодор, поставив себе целью снабдить город здоровой водой, двенадцать лет самолично исследовал почвенные воды вокруг Арзамаса. Из года в год каждое лето он, на восходе солнца, бродил, точно колдун, по полям и лесам, наблюдая, где земля «преет». И после долгих трудов нашел подземные ключи, проследил их течение, перекопал, направил в лесную ложбину за три версты от города и, получив на десять тысяч жителей свыше сорока тысяч ведер превосходной ключевой воды, предложил городу устроить водопровод. У города был капитал, завещанный одним купцом условно или на водопровод, или на организацию кредитного общества. Купечество и начальство, добывая воду бочками на лошадях из дальних ключей за городом, в водопроводе не нуждалось и, всячески затрудняя работу отца Феодора, стремилось употребить капитал на основание кредитного общества, а мелкие жители хлебали тухлую воду прудов, оставаясь — по привычке, издревле усвоенной ими — безучастны и бездеятельны. Итак, найдя воду, отец Феодор принужден был вести длительную и скучную борьбу с упрямым своекорыстием богатых и подленькой глупостью бедняков.

Приехав в Арзамас под надзор полиции, я застал его в конце работы по собиранию источников. Этот человек, истощенный каторжным трудом и несчастиями, был первым арзамасцем, который решился познакомиться со мной,— мудрое арзамасское начальство, строжайше запретив земским и другим служащим людям посещать меня, учредило, на страх им, полицейский пост прямо под окнами моей квартиры.

Отец Феодор пришел ко мне вечером, под проливным дождем, весь — с головы до ног — мокрый, испачканный глиной, в тяжелых мужицких сапогах, сером подряснике и выцветшей шляпе — она до того размокла, что сделалась похожей на кусок грязи. Крепко сжав руку мою мозолистой и жесткой ладонью землекопа, он сказал угрюмым баском:

— Это вы, нераскаянный грешник, коего сунули нам исправления вашего ради? Вот мы вас исправим! Чаем угостить можете?

В седой бородке спрятано сухонькое личико аскета, из глубоких глазниц кротко сияет улыбка умных глаз.

— Прямо из леса зашел. Нет ли чего — переодеться мне?

Я уже много слышал о нем, знал, что сын его — политический эмигрант, одна дочь сидит в тюрьме «за политику», другая усиленно готовится попасть туда же [24], знал, что он затратил все свои средства на поиски воды, заложил дом, живет, как нищий, сам копает канавы в лесу, забивая их глиной, а когда сил у него не хватало,— Христа ради просил окрестных мужиков помочь ему. Они — помогали, а городской обыватель, скептически следя за работой «чудака» попа, пальцем о палец не ударил в помощь ему.

Вот с этим человеком Леонид Андреев и встретился у меня.

Октябрь, сухой, холодный день, дул ветер, по улице летели какие-то бумажки, птичьи перья, облупки лука. Пыль скреблась в стекла окон, с поля на город двигалась огромная дождевая туча. В комнату к нам неожиданно вошел отец Феодор, протирая запыленные глаза, лохматый, сердитый, ругая вора, укравшего у него саквояж и зонт, губернатора, который не хочет понять, что водопровод полезнее кредитного общества,— Леонид широко открыл глаза и шепнул мне:

— Это что?

Через час, за самоваром, он, буквально разинув рот, слушал, как протоиерей нелепого города Арзамаса, пристукивая кулаком по столу, порицал гностиков за то, что они боролись с демократизмом церкви, стремясь сделать учение о богопознании недоступным разуму народа.

— Еретики эти считали себя высшего познания искателями, аристократами духа,— а не народ ли, в лице мудрейших водителей своих, суть воплощение мудрости божией и духа его?

«Докеты», «офиты», «плерома», «Карпократ»,— гудел отец Феодор, а Леонид, толкая меня локтем, шептал:

— Вот олицетворенный ужас арзамасский!

Но вскоре он уже размахивал рукою пред лицом отца Феодора, доказывая ему бессилие мысли, а священник, встряхивая бородой, возражал.

— Не мысль бессильна, а неверие.

— Оно является сущностью мысли...

— Софизмы сочиняете, господин писатель...

По стеклам окон хлещет дождь, на столе курлыкает самовар, старый и малый ворошат древнюю мудрость, а со стены вдумчиво смотрит на них Лев Толстой с палочкой в руке, великий странник мира сего. Ниспровергнув все, что успели, мы разошлись по комнатам далеко за полночь, я уже лег в постель с книгой в руках, но в дверь постучали, и явился Леонид, встрепанный, возбужденный, с расстегнутым воротом рубахи, сел на постель ко мне и заговорил, восхищаясь:

— Вот так поп! Как он меня обнаружил, а?

И вдруг на глазах у него сверкнули слезы.

— Счастлив ты, Алексей, чёрт тебя возьми! Всегда около тебя какие-то удивительно интересные люди, а я — одинок... или же вокруг меня толкутся...

Он махнул рукою. Я стал рассказывать ему о жизни отца Феодора, о том, как он искал воду, о написанной им «Истории Ветхого завета», рукопись которой у него отобрана по постановлению Синода, о книге «Любовь — закон жизни», тоже запрещенной духовной цензурой. В этой книге отец Феодор доказывал цитатами из Пушкина, Гюго и других поэтов, что чувство любви человека к человеку является основой бытия и развития мира, что оно столь же могущественно, как закон всеобщего притяжения, и во всем подобно ему.

— Да,— задумчиво говорил Леонид,— надо мне поучиться кое-чему, а то стыдно перед попом...

Снова постучали в дверь — вошел отец Феодор, запахивая подрясник, босый, печальный.

— Не спите? А я того... пришел! Слышу, говорят, пойду, мол — извинюсь! Покричал я на вас резковато, молодые люди, так вы не обижайтесь. Лег, подумал про вас — хорошие человеки, ну, решил,— что я напрасно горячился.— Вот — пришел — простите! Иду спать...

Забрались оба на постель ко мне, и снова началась бесконечная беседа о жизни. Леонид хохотал и умилялся:

— Нет, какова наша Россия?.. «Позвольте,— мы еще не решили вопроса о бытии бога, а вы обедать зовете»[25]. Это же — не Белинский го-

ворит это — вся Русь говорит Европе, ибо Европа, в сущности, зовет нас обедать, сытно есть,— не более того!

А отец Феодор, кутая подрясником тонкие, костяные ноги, улыбаясь, возражал:

АНДРЕЕВ И М. И. МИХАЙЛИЧЕНКО — РАБОЧИЙ, ДЕПУТАТ 1-Й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (ВЫБОРЖЕЦ)

Фотография. Гельсингфорс, митинг Красной гвардии, 9 июля 1906 г. На втором плане А. Н. Андреева (мать писателя) и И. Г. Гомартели — депутат 1-й Государственной думы (выборжец)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

— Однако Европа все-ж-таки мать крестная нам,— не забудьте! Без Вольтеров ее и без ее ученых — мы бы с вами не состязались в знаниях философических, а безмолвно блины кушали бы и — только всего!

На рассвете отец Феодор простился и часа через два уже исчез хлопотать о водопроводе арзамасском, а Леонид, проспав до вечера,— вечером говорил мне:

— Ты подумай — кому, для чего нужно, чтоб в тухлом каком-то городе жил умница-поп, энергичный и интересный? И почему именно поп —

умница в этом городе, а? Какая ерунда! Знаешь — жить можно только в Москве,— уезжай отсюда. Скверно тут,— дождь, грязь...

И тотчас же стал собираться домой...

На вокзале он сказал:

— А все-таки этот поп — недоразумение. Анекдот!

Он довольно часто жаловался, что почти не видит людей значительных, оригинальных.

— Ты, вот, умеешь находить их, а за меня всегда цепляется какой-то репейник, и таскаю я его на хвосте моем — зачем?

Я рассказал о людях, знакомство с которыми было бы полезно ему — о людях высокой культуры или оригинальной мысли, говорил о В. В. Розанове и других. Мне казалось, что знакомство с Розановым было бы особенно полезно для Андреева. Он удивлялся:

— Не понимаю тебя!

И говорил о консерватизме Розанова, чего мог бы и не делать, ибо в существе духа своего был глубоко равнодушен к политике, лишь изредка обнаруживая приступы внешнего любопытства к ней. Его основное отношение к политическим событиям он выразил наиболее искренно в рассказе: «Так было — так будет» [26].

Я пытался доказать ему, что учиться можно у чёрта и вора так же, как у святого отшельника, и что изучение не значит — подчинение.

— Это не совсем верно,— возражал он,— вся наука представляет собою подчинение факту. А Розанова я не люблю.

Иногда казалось, что он избегает личных знакомств с крупными людьми потому, что боится влияния их; встретится раз, два с одним из таких людей, иногда горячо расхвалит человека, но вскоре теряет интерес к нему и уже не ищет новых встреч.

Так было с Саввой Морозовым,— после первой длительной беседы с ним Леонид Андреев, восхищаясь тонким умом, широкими знаниями и энергией этого человека, называл его Ермак Тимофеевич, говорил, что Морозов будет играть огромную политическую роль:

— У него лицо татарина, но это, брат, английский лорд!

Но знакомства с ним не продолжил. И так же было с А. А. Блоком.

Я пишу, как подсказывает память, не заботясь о последовательности, о «хронологии».

В «Художественном театре», когда он помещался еще в Каретном ряду, Леонид Николаевич познакомил меня со своей невестой — худенькой, хрупкой барышней, с милыми, ясными глазами. Скромная, молчаливая, она показалась мне безличной, но вскоре я убедился, что это человек умного сердца.

Она прекрасно поняла необходимость материнского, бережного отношения к Андрееву, сразу и глубоко почувствовала значение его таланта и мучительные колебания его настроений. Она — из тех редких женщин, которые, умея быть страстными любовницами, не теряют способности любить любовью матери; эта двойная любовь вооружила ее тонким чутьем, и она прекрасно разбиралась в подлинных жалобах его души и звонких словах капризного настроения минуты.

Как известно, русский человек «ради красного словца не жалеет ни матери, ни отца». Леонид Николаевич тоже весьма увлекался красным словом и порою сочинял изречения весьма сомнительного тона.

«Через год после брака жена точно хорошо разношенный башмак,— его не чувствуешь»,— сказал он однажды при Александре Михайловне. Она умела не обращать внимание на подобное словотворчество, а порою даже находила эти шалости языка остроумными и ласково смеялась. Но, обладая в высокой степени чувством уважения к себе самой, она могла —

если это было нужно ей — показать себя очень настойчивой, даже непоколебимой. У нее был тонко развит вкус к музыке слова, к форме речи. Маленькая, гибкая, она была изящна, а иногда как-то забавно, по-детски важна,— я прозвал ее «Дама Шура», это очень нравилось ей.

Леонид Николаевич ценил ее, а она жила в постоянной тревоге за него, в непрерывном напряжении всех сил своих, совершенно жертвуя личностью своей интересам мужа.

В Москве у Андреева часто собирались литераторы, было очень тесно, уютно, милые глаза «Дамы Шуры», ласково улыбаясь, несколько сдерживали «широту» русских натур. Часто бывал Ф. И. Шаляпин, восхищая всех своими рассказами.

Когда расцветал «модернизм», пытались понять его, но больше — осуждали, что гораздо проще делать. Серьезно думать о литературе было некогда, на первом плане стояла политика. Блок, Белый, Брюсов казались какими-то «уединенными пошехонцами», в лучшем мнении — чудаками, в худшем — чем-то вроде изменников «великим традициям русской общественности». Я тоже так думал и чувствовал. Время ли для «симфонии» [27], когда вся Русь мрачно готовится плясать трепака? События развивались в направлении катастрофы, признаки ее близости становились все более грозными, эсеры бросали бомбы, и каждый взрыв сотрясал всю страну, вызывая напряженное ожидание коренного переворота социальной жизни. В квартире Андреева происходили заседания ЦК социал-демократов большевиков, и однажды весь комитет вместе с хозяином квартиры был арестован и отвезен в тюрьму [28].

Просидев в тюрьме с месяц, Леонид Николаевич вышел оттуда точно из купели Силоамской [29] — бодрый, веселый.

— Это хорошо, когда тебя сожмут,— хочешь всесторонне расшириться!— говорил он.

И смеялся надо мной:

— Ну, что, пессимист? А ведь Россия-то оживает? А ты рифмовал: самодержавие — ржавея.

Он печатал рассказы «Марсельеза», «Набат», «Рассказ, который никогда не будет кончен» [30], но уже в октябре 1905 г. прочитал мне в рукописи «Так было».

— Не преждевременно ли?— спросил я.

Он ответил:

— Хорошее всегда преждевременно...

Вскоре он уехал в Финляндию и хорошо сделал — бессмысленная жестокость декабрьских событий раздавила бы его. В Финляндии он вел себя политически активно [31]: выступал на митинге, печатал в газетах Гельсингфорса резкие отзывы о политике монархистов, но настроение у него было подавленное, взгляд на будущее — безнадежен. В Петербурге я получил письмо от него; он писал между прочим:

«У каждой лошади есть свои врожденные особенности, у наций — тоже. Есть лошади, которые со всех дорог сворачивают в кабак,— наша родина свернула к точке наиболее любезной ей и снова долго будет жить распивочно и на вынос» [32].

Через несколько месяцев мы встретились в Швейцарии, в Монтрэ. Леонид издевался над жизнью швейцарцев.

— Нам, людям широких плоскостей, не место в этих тараканьих щелях,— говорил он.

Мне показалось, что он несколько поблек, потускнел, в глазах его остеклело выражение усталости и тревожной печали. О Швейцарии он говорил так же плоско, поверхностно и то же самое, что издавна привыкли говорить об этой стране свободолюбивые люди из Чухломы,

Конотопа и Тетюш. Один из них определил русское понятие свободы глубоко и метко такими словами:

«Мы в вашем городе живем, как в бане — без поправок, без стеснения». О России Леонид Николаевич говорил скучно и нехотя и однажды, сидя у камина, вспомнил несколько строк горестного стихотворения Якубовича «Родине»:

За что любить тебя, какая ты нам мать?

— Написал я пьесу,— прочитаем?

И вечером он прочитал «Савву».

Еще в России, слушая рассказы о юноше Уфимцеве [33] и товарищах его, которые пытались взорвать икону Курской богоматери,— Андреев решил обработать это событие в повесть и тогда же, сразу, очень интересно создал план повести, выпукло очертил характеры. Его особенно увлекал Уфимцев, поэт в области научной техники, юноша, обладавший несомненным талантом изобретателя. Сосланный в Семиреченскую область, кажется, в Каркаралы, живя там под строгим надзором людей невежественных и суеверных, не имея необходимых инструментов и материалов, он изобрел оригинальный двигатель внутреннего сгорания, усовершенствовал циклостиль, работал над новой системой драги, придумал какой-то «вечный патрон» для охотничьих ружей. Чертежи его двигателей я показывал инженерам в Москве, и они говорили мне, что изобретение Уфимцева очень практично, остроумно и талантливо. Не знаю, какова судьба всех этих изобретений,— уехав за границу, я потерял Уфимцева из виду.

Но я знал, что этот юноша из ряда тех прекрасных мечтателей, которые,— очарованные своей верой и любовью,— идут разными путями к одной и той же цели — к возбуждению в народе своей разумной энергии, творящей добро и красоту.

Мне было грустно и досадно видеть, что Андреев исказил этот характер, еще не тронутый русской литературой, мне казалось, что в повести, как она была задумана, характер этот найдет и оценку и краски, достойные его. Мы поспорили, и, может быть, я несколько резко говорил о необходимости точного изображения некоторых — наиболее редких и положительных — явлений действительности.

Как все люди определенно очерченного «я», острого ощущения своей «самости», Леонид Николаевич не любил противоречия, он обиделся на меня, и мы расстались холодно.

Кажется, в 907 или 8-м году [34] Андреев приехал на Капри, похоронив «Даму Шуру» в Берлине,— она умерла от послеродовой горячки. Смерть умного и доброго друга очень тяжело отразилась на психике Леонида. Все его мысли и речи сосредоточенно вращались вокруг воспоминаний о бессмысленной гибели «Дамы Шуры».

— Понимаешь,— говорил он, странно расширяя зрачки,— лежит она еще живая, а дышит уже трупным запахом. Это очень иронический запах.

Одетый в какую-то черную бархатную куртку, он даже и внешне казался измятым, раздавленным. Его мысли и речи были жутко сосредоточены на вопросе о смерти. Случилось так, что он поселился на вилле Карачиолло, принадлежавшей вдове художника, потомка маркиза Карачиолло, сторонника французской партии, казненного Фердинандом Бомбой. В темных комнатах этой виллы было сыро и мрачно, на стенах висели незаконченные грязноватые картины, напоминая о пятнах плесени. В одной из комнат был большой законченный камин, а перед

окнами ее, затеняя их, густо разросся кустарник; в стекла со стен дома заглядывал плющ. В этой комнате Леонид устроил столовую.

Как-то под вечер, придя к нему, я застал его в кресле пред камином. Одетый в черное, весь в багровых отсветах тлеющего угля, он держал на коленях сына своего, Вадима, и вполголоса, всхлипывая, говорил ему что-то. Я вошел тихо; мне показалось, что ребенок засыпает, я сел в кресло у двери и слышу: Леонид рассказывает ребенку о том, как смерть ходит по земле и душит маленьких детей.

ГОРЬКИЙ С СЫНОМ АНДРЕЕВА ВАДИМОМ
Фотография Андреева, Капри, 1907 г.
Собрание В. Л. Андреева, Женева

— Я боюсь,— сказал Вадим.

— Не хочешь слушать?

— Я боюсь,— повторил мальчик.

— Ну, иди спать...

Но ребенок прижался к ногам отца и заплакал. Долго не удавалось нам успокоить его. Леонид был настроен истерически, его слова раздражали мальчика, он топал ногами и кричал:

— Не хочу спать! Не хочу умирать!

Когда бабушка увела его, я заметил, что едва ли следует пугать ребенка такими сказками, какова сказка о смерти, непобедимом великане.

— А если я не могу говорить о другом? — резко сказал он.— Теперь я понимаю, насколько равнодушна «прекрасная природа», и мне одного хочется — вырвать мой портрет из этой пошло-красивенькой рамки.

Говорить с ним было трудно, почти невозможно, он нервничал, сердился, и, казалось, нарочито растравлял свою боль.

— Меня преследует мысль о самоубийстве, мне кажется, что тень моя ползая за мной, шепчет мне: уйди, умри!

Это очень возбуждало тревогу друзей его, но иногда он давал понять, что вызывает опасения за себя сознательно и нарочито, как бы желая слышать еще раз, что скажут ему в оправдание и защиту жизни.

Но веселая природа острова, ласковая красота моря и милое отношение каприйцев к русским довольно быстро рассеяли мрачное настроение Леонида [35]. Месяца через два его точно вихрем охватило страстное желание работать.

Помню — лунной ночью, сидя на камнях у моря, он встряхнул головой и сказал:

— Баста! Завтра с утра начинаю писать.

— Лучше этого тебе ничего не сделать.

— Вот именно.

И весело,— как он давно уже не говорил,— он начал рассказывать о планах своих работ.

— Прежде всего, брат, я напишу рассказ на тему о деспотизме дружбы,— уж расплачусь же я с тобой, злодей!

И тотчас, легко и быстро, сплел юмористический рассказ о двух друзьях, мечтателе и математике,— один из них всю жизнь рвется в небеса, а другой заботливо подсчитывает издержки воображаемых путешествий и этим решительно убивает мечты друга.

Но вслед за этим он сказал:

— Я хочу писать об Иуде,— еще в России я прочитал стихотворение о нем — не помню чье*,— очень умное [36]. Что ты думаешь об Иуде?

У меня в то время лежал чей-то перевод тетралогии Юлиуса Векселя «Иуда и Христос», перевод рассказа Тора Гедберга [37] и поэма Голованова [38],— я предложил ему прочитать эти вещи.

— Не хочу, у меня есть своя идея, а это меня может запутать. Расскажи мне лучше — что они писали? Нет, не надо, не рассказывай.

Как всегда в моменты творческого возбуждения, он вскочил на ноги,— ему необходимо было двигаться.

— Идем!

Дорогой он рассказал содержание «Иуды», а через три дня принес рукопись. Этим рассказом он начал один из наиболее плодотворных периодов своего творчества. На Капри он затеял пьесу «Черные маски», написал злую юмореску «Любовь к ближнему», рассказ «Тьма», создал план «Сашки Жегулева» [39], сделал наброски пьесы «Океан» и написал несколько глав — две или три — повести «Мои записки»; все это в течение полугода. Эти серьезные работы и начинания не мешали Леониду Николаевичу принимать живое участие в сочинении пьесы «Увы», пьесы в классически-народническом духе, в стихах и прозе, с пением, плясками и всевозможным угнетением несчастных русских землепашцев. Содержание пьесы достаточно ясно характеризует перечень действовавших в ней лиц:

Угнетон — безжалостный помещик.

Свирепея — таковая же супруга его.

Филистерий — угнетонов брат, литераторишко прозаический.

Декадентий — неудачное чадо Угнетонова.

Терпимов — землепашец, весьма несчастен, но не всегда пьян.

Скорбела — любимая супруга Терпимова; преисполнена кротости и здравого смысла, хоша беременная постоянно.

Страдала — прекрасная дочь Терпимова.

---

* А. Рославлева.— *Прим. Горького.*

Л у п о м о р д а — ужаснейший становой пристав. Купается в мундире и при орденах.

Р а с к а т а й — несомненный урядник, а на самом деле — благородный граф Эдмон де Птие.

М о т р я К о л о к о л ь ч и к — тайная супруга графова, а в действительности испанская маркиза донна Кармен Нестерпима и Несносна, притворившаяся гитаной.

Т е н ь русского критика Скабичевского.

Т е н ь Каблица-Юзова [40].

А ф а н а с и й Щ а п о в [41], в совершенно трезвом виде.

«М ы г о в о р и л и» — группа личностей без речей и действий.

Место происшествия — «Голубые грязи», поместье Угнетонова, дважды заложенное в Дворянском банке и однажды еще где-то.

Был написан целый акт этой пьесы, густо насыщенный веселыми нелепостями. Прозаический диалог уморительно писал Андреев и сам хохотал, как дитя, над выдумками своими.

Никогда, ни ранее, ни после, я не видел его настроенным до такой высокой степени активно, таким необычно трудоспособным. Он как будто отрешился от своей неприязни к процессу писания и мог сидеть за столом день и ночь, полуодетый, растрепанный, веселый.

Его фантазия разгорелась удивительно ярко и плодотворно,— почти каждый день он сообщал план новой повести или рассказа.

— Вот когда, наконец, я взял себя в руки!— говорил он, торжествуя.

И расспрашивал о знаменитом пирате Барбароссе, о Томазо Аниелло, о контрабандистах, карбонариях, о жизни калабрийских пастухов.

— Какая масса сюжетов, какое разнообразие жизни,— восхищался он.— Да, эти люди накопили кое-что для потомства. А у нас: взял я как-то «Жизнь русских царей», читаю — едят! Стал читать «Историю русского народа»— страдают [42]! Бросил, обидно и скучно.

Но, рассказывая о затеях своих выпукло и красочно, писал он небрежно. В первой редакции рассказа «Иуда» у него оказалось несколько ошибок, которые указывали, что он не позаботился прочитать даже Евангелие. Когда ему говорили, что «герцог Спадаро» для итальянца звучит так же нелепо, как для русского звучало бы «князь Башмачников», а сен-бернардских собак в XII веке еще не было,— он сердился:

— Это пустяки.

— Нельзя сказать: «они пьют вино, как верблюды», не прибавив — воду!

— Ерунда!

Он относился к своему таланту, как плохой ездок к прекрасному коню,— безжалостно скакал на нем, но не любил, не холил. Рука его не успевала рисовать сложные узоры буйной фантазии, он не заботился о том, чтобы развить силу и ловкость руки. Иногда он и сам понимал, что это является великою помехой нормальному росту его таланта.

— Язык у меня костенеет, я чувствую, что мне все трудней находить нужные слова...

Он старался гипнотизировать читателя однотонностью фразы, но фраза его теряла убедительность красоты. Окутывая мысль ватой однообразно темных слов, он добивался того, что слишком обнажал ее, и казалось, что он пишет популярные диалоги на темы философии.

Изредка, чувствуя это, он огорчался:

— Паутина,— липко, но непрочно! Да, нужно читать Флобера; ты, кажется, прав: он, действительно, потомок одного из тех гениальных каменщиков, которые строили неразрушимые храмы средневековья!

На Капри Леониду сообщили эпизод, которым он воспользовался для рассказа «Тьма». Героем эпизода этого был мой знакомый, эсер [43]. В действительности эпизод был очень прост: девица «дома терпимости», чутьем угадав в своем «госте» затравленного сыщиками, насильно загнанного к ней революционера, отнеслась к нему с нежной заботливостью матери и тактом женщины, которой вполне доступно чувство уважения к герою. А герой, человек, душевно неуклюжий, книжный, ответил на движение сердца женщины проповедью морали, напомнив ей о том, что она хотела забыть в этот час. Оскорбленная этим, она ударила его по щеке,— пощечина вполне заслуженная, на мой взгляд. Тогда, поняв всю грубость своей ошибки, он извинился перед нею и поцеловал руку ее,— мне кажется, последнего он мог бы и не делать. Вот и всё.

Иногда,— к сожалению, очень редко,— действительность бывает правдивее и краше даже очень талантливого рассказа о ней.

Так было и в этом случае, но Леонид неузнаваемо исказил и смысл и форму события. В действительном публичном доме не было ни мучительного и грязного издевательства над человеком и ни одной из тех жутких деталей, которыми Андреев обильно уснастил свой рассказ.

На меня это искажение подействовало очень тяжело: Леонид как будто отменил, уничтожил праздник, которого я долго и жадно ожидал. Я слишком хорошо знаю людей для того, чтобы не ценить — очень высоко — малейшее проявление доброго, честного чувства. Конечно, я не мог не указать Андрееву на смысл его поступка, который для меня был равносилен убийству из каприза,— злого каприза. Он напоминал мне о свободе художника, но это не изменило моего отношения,— я и до сего дня еще не убежден в том, что столь редкие проявления идеально-человеческих чувств могут произвольно искажаться художником в угоду догмы, излюбленной им.

Мы долго беседовали на эту тему, и хотя беседа носила вполне миролюбивый, дружеский характер, но все же с этого момента между мною и Андреевым что-то порвалось.

Конец этой беседы очень памятен мне.

— Чего ты хочешь?— спросил я Леонида.

— Не знаю,— ответил он, пожав плечами, и закрыл глаза.

— Но ведь есть же у тебя какое-то желание,— оно или всегда впереди других, или возникает более часто, чем все другие?

— Не знаю,— повторил он.— Кажется,— нет ничего подобного. Впрочем, иногда я чувствую, что для меня необходима слава,— много славы, столько, сколько может дать весь мир. Тогда я концентрирую ее в себе, сжимаю до возможных пределов, и, когда она получит силу взрывчатого вещества,— я взрываюсь, освещая мир каким-то новым светом. И после того люди начнут жить новым разумом. Видишь ли,— необходим новый разум, не этот лживый мошенник! Он берет у меня все лучшее плоти моей, все мои чувства и, обещая отдать с процентами, не отдает ничего, говоря: завтра! Эволюция,— говорит он.

А когда терпение мое истощается, жажда жизни душит меня,— революция,— говорит он. И обманывает грязно. И я умираю, ничего не получив.

— Тебе нужна вера, а не разум.

— Может быть. Но если так, то прежде всего — вера в себя.

Он возбужденно бегал по комнате, потом, присев на стол, размахивая рукою перед лицом моим, продолжал:

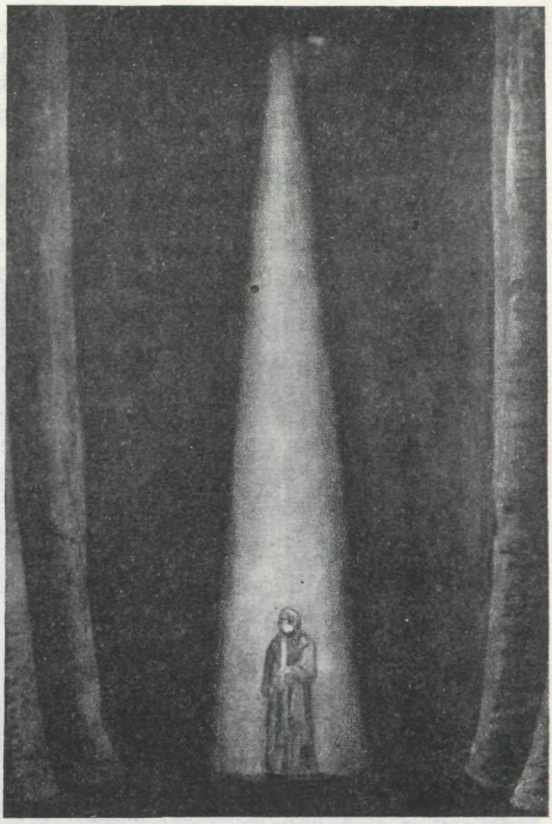
— Я знаю, что бог и дьявол только символы, но мне кажется, что вся жизнь людей, весь ее смысл в том, чтобы бесконечно, беспредельно расширять эти символы, питая их плотью и кровью мира. А вложив все

ДРАМА АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ, ПЕТЕРБУРГ, 1907 г.

Постановка В. Э. Мейерхольда

«Пролог». Эскиз (акварель) В. К. Коленда

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва



до конца силы свои в эти две противоположности, человечество исчезнет, они же станут плотскими реальностями и останутся жить в пустоте вселенной глаз на глаз друг с другом, непобедимые, бессмертные. В этом нет смысла? Но его нигде, ни в чем нет.

Он побледнел, у него дрожали губы, в глазах сухо блестел ужас.

Потом он добавил вполголоса, бессильно:

— Представим себе дьявола — женщиной, бога — мужчиной, и они родят новое существо,— такое же, конечно, двойственное, как мы с тобой. Такое же...

Уехал он с Капри неожиданно; еще за день перед отъездом говорил о том, что скоро сядет за стол и месяца три будет писать, но в тот же день вечером сказал мне:

— А знаешь, я решил уехать отсюда. Надо все-таки жить в России, а то здесь одолевает какое-то оперное легкомыслие. Водевили писать хочется, водевили с пением. В сущности — здесь не настоящая жизнь, а— опера, здесь гораздо больше поют, чем думают. Ромео, Отелло и прочих в этом роде изобрел Шекспир,— итальянцы неспособны к трагедии. Здесь не мог бы родиться ни Байрон, ни Поэ.

— А Леопарди? [44]

— Ну, Леопарди... кто знает его? Это из тех, о ком говорят, но кого не читают.

Уезжая, он говорил мне:

— Это, Алексеюшка, тоже Арзамас,— веселенький Арзамас, не более того.

— А помнишь, как ты восхищался?

— До брака мы все восхищаемся. Ты скоро уедешь отсюда? Уезжай, пора. Ты становишься похожим на монаха...

Живя в Италии, я настроился очень тревожно по отношению к России. Начиная с 11-го года, вокруг меня уверенно говорили о неизбежности общеевропейской войны и о том, что эта война, наверное, будет роковой для русских. Тревожное настроение мое особенно усугублялось фактами, которые определенно указывали, что в духовном мире великого русского народа есть что-то болезненно-темное. Читая изданную Вольно-Экономическим Обществом книгу об аграрных беспорядках великорусских губерний, я видел, что эти беспорядки носили особенно жестокий и бессмысленный характер. Изучая по отчетам Московской судебной палаты характер преступлений населения Московского судебного округа, я был поражен направлением преступной воли, выразившимся в обилии преступлений против личности, а также в насилии над женщинами и растлении малолетних. А раньше этого меня неприятно поразил тот факт, что во Второй Государственной думе было очень значительное количество священников — людей наиболее чистой русской крови, но эти люди не дали ни одного таланта, ни одного крупного государственного деятеля. И было еще много такого, что утверждало мое тревожно-скептическое отношение к судьбе великорусского племени.

По приезде в Финляндию я встретился с Андреевым и, беседуя с ним рассказал ему мои невеселые думы. Он горячо и даже как будто с обидою возражал мне, но возражения его показались мне неубедительными — фактов у него не было.

Но вдруг он, понизив голос, прищурив глаза, как бы напряженно всматриваясь в будущее, заговорил о русском народе словами, необычными для него,— отрывисто, бессвязно и с великой, несомненно искренней убежденностью.

Я не могу,— да если б и мог, не хотел бы воспроизвести его речь; сила его заключалась не в логике, не в красоте, а в чувстве мучительного сострадания к народу, в чувстве, на которое — в такой силе, в таких формах его — я не считал Леонида Николаевича способным.

Он весь дрожал в нервном напряжении и, всхлипывая, как женщина, почти рыдая, кричал мне:

— Ты называешь русскую литературу — областной, потому что большинство крупных русских писателей — люди Московской области? Хорошо, пусть будет так, но все-таки это — мировая литература, это — самое серьезное и могучее творчество Европы. Достаточно гения одного Достоевского, чтобы оправдать даже и бессмысленную, даже насквозь преступную жизнь миллионов людей. И пусть народ духовно болен,— будем лечить его и вспомним, что — как сказано кем-то: «лишь в больной раковине растет жемчужина».

— А красота зверя?— спросил я.

— А красота терпения человеческого, кротости и любви? — возразил он. И продолжал говорить о народе, о литературе все более пламенно и страстно.

Впервые говорил он так страстно, так лирически, раньше я слышал столь сильные выражения его любви только к талантам, родственным ему по духу,— к Эдгару Поэ чаще других.

Вскоре после нашей беседы разразилась эта гнусная война,— отношение к ней еще более разъединило меня с Андреевым.

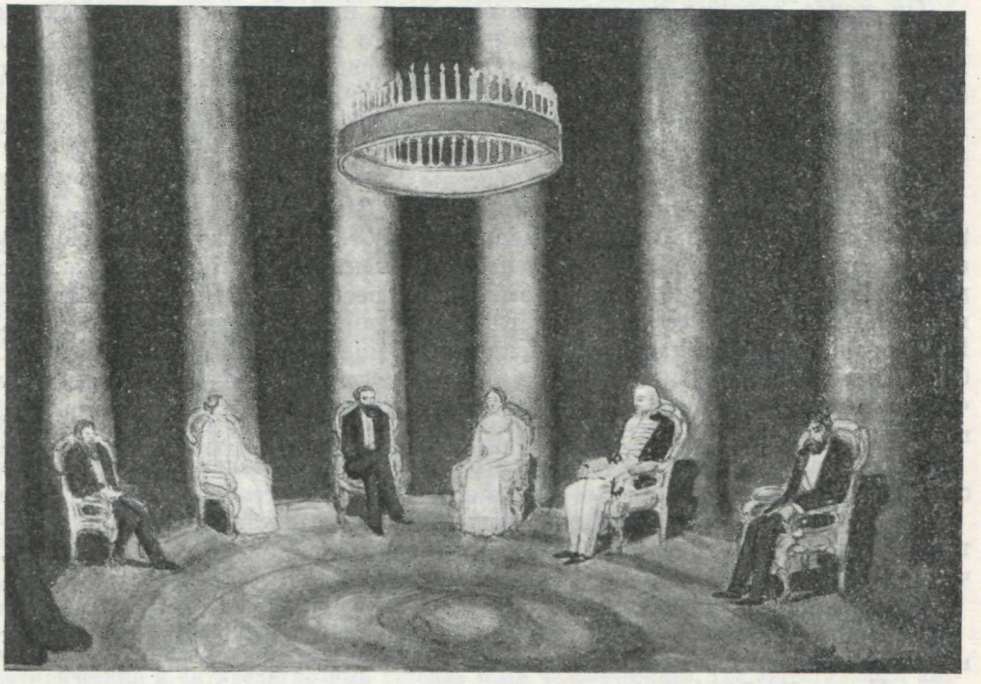
Лишь в 15-м году, когда из армии хлынула гнуснейшая волна антисемитизма, и Леонид, вместе с другими писателями, стал бороться против

распространения этой заразы, мы однажды поговорили. Усталый, настроенный дурно, он ходил по комнате, засунув одну руку за пояс брюк, другою размахивал в воздухе. Темные его глаза были угрюмы. Он спросил:

— Можешь ты сказать откровенно,— что заставляет тебя тратить время на бесплодную борьбу с юдофобами?

Я ответил, что еврей, вообще, симпатичен мне, а симпатия — явление «биохимическое» и объяснению не поддается.

— А все-таки?



№ 5 ДРАМА АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ, ПЕТЕРБУРГ, 1907 г.
Постановка В. Э. Мейерхольда
«Рождение человека». Эскиз (акварель) В. К. Коленда
Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

— Еврей — суть человек верующий, вера его — по преимуществу — качество, я люблю верующих, люблю фанатиков всюду — в науке, искусстве, политике. Хотя знаю: фанатизм нечто наркотическое, но наркотики — не действуют на меня. Прибавь к этому стыд русского за то, что в его доме — на родине его — непрерывно творится позорное и гнусное по отношению к еврею.

Леонид тяжело привалился на диван, говоря:

— Ты человек крайностей, и они тоже,— вот в чем дело! Кто-то сказал: — «Хороший еврей — Христос, плохой — Иуда». Но я не люблю Христа,— Достоевский прав: Христос был великий путаник...

— Достоевский не утверждал этого, это — Ницше...

— Ну, Ницше. Хотя должен был утверждать именно Достоевский Мне кто-то доказывал, что Достоевский тайно ненавидел Христа. Я тоже не люблю Христа и христианство, оптимизм — противная, насквозь фальшивая выдумка...

— Разве христианство кажется тебе оптимистичным?

— Конечно,— царствие небесное и прочая чепуха. Я думаю, что Иуда был не еврей,— грек, эллин. Он, брат, дерзкий и умный человек, Иуда. Ты когда-нибудь думал о разнообразии мотивов предательства? Они — бесконечно разнообразны. У Азефа [45] была своя философия,— глупо думать, что он предавал только ради заработка. Знаешь — если б Иуда был убежден, что в лице Христа пред ним сам Иегова,— он все-таки предал бы его. Убить бога, унизить его позорной смертью,— это, брат, не пустячок!

Он долго говорил на герострatову тему и,— как всегда, когда он сталкивался с такими мыслями,— говорил интересно, возбужденно, подхлестывая фантазию свою острейшими парадоксами. В такие минуты его грубовато-красивое, но холодное лицо становится тоньше, одухотворенней, и темные глаза, в которых у него нескрываемо блестит страх пред чем-то,— в такие минуты горят дерзко, красиво и гордо.

Потом он вернулся к началу беседы.

— Но все-таки о евреях ты что-то выдумываешь, тут у тебя — литература! Я — не люблю их, они меня стесняют. Я чувствую себя обязанным говорить им комплименты, относиться к ним с осторожностью. Это возбуждает у меня охоту рассказывать им веселые еврейские анекдоты, в которых всегда лестно и хвастливо подчеркнуто остроумие евреев. Но — я не умею рассказывать анекдоты, и мне всегда трудно с евреями. Они считают и меня виновным в несчастиях их жизни,— как же я могу чувствовать себя равным еврею, если я для него — преступник, гонитель, погромщик?

— Тогда ты напрасно вступил в это общество [46],— зачем же насиловать себя?

— А — стыд? Ты же сам говоришь — стыд. И наконец, русский писатель обязан быть либералом, социалистом, революционером — чёрт знает, чем еще! И — всего меньше — самим собою.

Усмехаясь, он добавил:

— По этому пути шел мой хороший приятель Горький, и — от него осталось почтенное, но — пустое место. Не сердись.

— Продолжай.

Он налил себе крепкого чая и — с явной целью задеть меня — стал грубо отрицать превосходный, суровый талант Ивана Бунина,— не любит он его. Но вдруг скучным голосом сказал:

— А женился я на еврейке!

В 16-м году, когда Леонид привез мне книги свои, оба мы снова и глубоко почувствовали, как много было пережито нами, и какие мы старые товарищи. Но мы могли, не споря, говорить только о прошлом, настоящее же воздвигало между нами высокую стену непримиримых разноречий.

Я не нарушу правды, если скажу, что для меня стена эта прозрачна и проницаема,— я видел за нею человека крупного, своеобразного, очень близкого мне в течение десяти лет, единственного друга в среде литераторов.

Разногласия умозрений не должны бы влиять на симпатии: я никогда не давал теориям и мнениям решающей роли в моих отношениях к людям.

Л. Н. Андреев чувствовал иначе. Но не я поставлю это в вину ему, ибо он был таков, каким хотел и умел быть — человеком редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественным в своих поисках истины.

ПРИМЕЧАНИЯ

К творчеству Николая Герасимовича *Помяловского* (1833—1863) Горький относился с неизменным уважением, считая его одним из своих литературных учителей. Он часто рекомендовал молодежи читать произведения Помяловского: «Мещанское счастье», «Молотов», «Очерки бурсы» и др. В 1932 г. под общей редакцией Горького была выпущена серия литературных произведений, объединенных названием «История молодого человека XIX столетия», куда по его предложению было включено «Мещанское счастье».

[2] Это письмо Андреева до нас не дошло; оно относится к весне 1898 г.

[3] Здесь неточность: встреча его с Андреевым состоялась 12 марта 1900 г.

[4] Горький любил употреблять это андреевское выражение, когда хотел подчеркнуть несоответствие между внешним обликом человека и его внутренней сущностью; «С.» — Скиталец.

[5] Эпизод этот описан Андреевым в раннем рассказе «Весной» («Курьер», 1902, № 103, 14 апреля). О том же эпизоде вспоминает друг юности Андреева — С. Д. Панова (Ф а т о в, стр. 200—201).

[6] Неточная цитата из «Пира во время чумы» Пушкина.

[7] Горький здесь имел в виду самый начальный период творчества Андреева. В зрелые годы, по свидетельству современников и близких писателя, Андреев работал больше всего по ночам и лишь на рассвете ложился спать.

[8] Речь идет о книге Алексея Остроумова «Синезий, епископ Птолемаидский». М., 1879.

[9] Александр Иванович *Аполлов* (1864—1893) — был священником и имел приход в Ставропольском (Кавказском) крае; занимался научными изысканиями, вопросами плодородия почвы. Под влиянием отчасти толстовских идей пришел к отрицанию вероучения и обрядов православной церкви и отказался от сана.

«Исповедь» Аполлова, отпечатанная на гектографе, при содействии семьи Толстых получила широкое распространение. «Как я полюбил этого Аполлова. Какое ясное и чистое миросозерцание! Я во всем согласен с его книгой. Она может показаться пресной многим, но зато нет ни одной фальшивой ноты»,— писал Толстой Черткову 1 июня 1889 г. (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч. Юбилейное, т. 86. М., 1937, стр. 238). Записка, поданная ставропольскому архиерею под названием «Исповедь. (Как жить нужно?)», была послана в 1892 г. Аполловым Толстому, на которого произвела большое впечатление (там же, т. 87, 1937, стр. 174). В настоящее время рукопись Аполлова хранится в Архиве Черткова (Гос. музей Толстого, Москва). С 1890-х годов Аполлов был лично связан с Толстым и Чертковым, которому помогал в работе по издательству «Посредник». «Он всем нам близкий и дорогой человек»,— писал Толстой об Аполлове и неизменно посылал ему «приветы» и «любовь» (там же, стр. 164, 175, 179, 197).

Видимо, под влиянием рассказов Горького об Аполлове Андреев написал (кроме «Жизни Василия Фивейского») в 1909 г. несколько гротескный, в значительной мере сатирический и антирелигиозный рассказ «Сын человеческий», где затрагивается аналогичная тема: отказ священника именоваться Богоявленским потому, что он ничего божественного не являет миру (опубликован в альманахе «Шиповник», кн. 9).

[10] Эта фраза с небольшими изменениями вошла в первый абзац «Жизни Василия Фивейского» (1903).

[11] Строки, приводимые Горьким по памяти, в «Екклезиасте» выражены так: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (гл. IX).

[12] Цитата из «Разговора книгопродавца с поэтом» Пушкина.

[13] Имеется в виду издание: «История плена Наполеонова. На острове св. Елены. Сочинение графа Тристана Монтолона, бывшего генерал-адъютанта императора Наполеона и спутника его на острове св. Елены. Перевод Николая Полевого». СПб., 1846 (выходила отдельными выпусками под кратким наименованием: «Записки Монтолона»).

[14] Эта фраза вошла в раннюю пьесу Андреева «Брат и сестра» (ЦГАЛИ).

[15] «Люди теневой стороны».— «Курьер», 1901, № 360, 30 декабря.

[16] «О писателе».— «Курьер», 1902, № 269, 29 сентября.

[17] Мопассан в 1885—1886 гг. купил яхту, назвав ее «Милый друг».

[18] Андреев, по-видимому, имел в виду книгу Цезаря Ломброзо «Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными» (неоднократно издавалась в СПб. Ф. Павленковым и товариществом «Общественная польза»).

[19] Собрание сочинений Андреева, о котором идет речь, выпускалось издательством А. Ф. Маркса в 1913 г. Экземпляр с надписью хранится в личной библиотеке Горького. Надпись полностью приводится на стр. 51 настоящего тома.

[20] Сергей Геннадиевич *Нечаев* (1847—1882) — революционер, террорист и заговорщик. Его анархо-индивидуалистические методы борьбы были в свое время осуждены К. Марксом и Ф. Энгельсом.

[21] Андреев предположил, что Толстой принимал участие в статье С. А. Толстой о «Бездне»: «Читали, конечно, как обругал меня Толстой за „Бездну“? — спрашивал он А. А. Измайлова.— Напрасно это он,— „Бездна“ — родная дочь его „Крейцеровой сонаты“,

хоть и побочная. Вообще, попадет мне за „Бездну", а мне она нравится. Вот поди тут-то В ней есть одно драгоценное свойство: прямота. Оттого я некоторое время и боялся ее печатать, а теперь жалею, что не могу напечатать сто раз подряд» (ЦГАЛИ; письмо датировано 30—31 августа 1902 г.).

[22] Имеется в виду рассказ «Тенор».

[23] Феодор Иванович *Владимирский* (1843—1937) — арзамасский священник и крупный общественный деятель; за выступления в Государственной думе против еврейских погромов был отстранен Синодом от церковной службы. Своим неустанным трудом создал для населения Арзамаса водопровод. Горький познакомился с ним там, когда был сослан под надзор полиции после своего ареста 17 апреля 1901 г.

Горький мечтал создать книгу об этом замечательном человеке, но осуществить свой замысел ему не удалось. Он писал Владимирскому из Сорренто 3 сентября 1927 г.: «Искренно уважаемый отец Феодор, примите мою сердечнейшую благодарность за вашу добрую память обо мне. Очерк, присланный вами, напомнил мне историю самоотверженного труда вашего на благо людей, напомнил жизнь мою в Арзамасе и все то, поистине прекрасное, чем наградило меня знакомство с вами 〈...〉 В моих воспоминаниях о Леониде Андрееве я разрешил себе упомянуть и о вас,— не сетуйте на меня за это! Весьма жалею, что все еще не нахожу времени достойно описать подвижническое житие ваше, дорогой человек» (АГ).

В Арзамасе существует Краеведческий музей, в большой мере посвященный деятельности Ф. И. Владимирского (находится он на ул. имени Владимирского).

[24] Михаил Федорович *Владимирский* (1874—1951) — крупный деятель Коммунистической партии; один из организаторов первых марксистских кружков, активно работавший после ссылки в Нижегородской социал-демократической организации в России; в 1930—1934 гг.— нарком здравоохранения РСФСР; сестры его — Елизавета и Елена Федоровны были с юности причастны к революционному движению, участвовали в подпольной работе, были членами КПСС.

[25] Андреев цитирует здесь Тургенева. В «Воспоминаниях о Белинском» Тургенев писал: «Искренность его действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала; но, поговорив часа два, три, я ослабевал, легкомыслие молодости брало свое, мне хотелось отдохнуть, я думал о прогулке, об обеде 〈...〉 „Мы не решили еще вопроса о существовании бога,— сказал он мне однажды с горьким упреком,— а вы хотите есть!.." Сознаюсь,— добавлял здесь Тургенев,— что, написав эти слова, я чуть не вычеркнул их при мысли, что они могут возбудить улыбку на лицах иных из моих читателей... Но не пришло бы в голову смеяться тому, кто сам бы слышал, как Белинский произнес эти слова; и если при воспоминании об *этой* правдивости, об *этой* небоязни смешного, улыбка может прийти на уста, то разве улыбка умиления и удивления...» (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. X. М., Гослитиздат, 1956, стр. 279—280).

[26] Рассказ «Так было» (альманах «Факелы», 1905, № 1).

[27] Горький имел в виду, вероятно, выпускавшиеся в течение ряда лет издательством «Скорпион» произведения Андрея Белого, написанные в своеобразной форме лирической прозы. Всего с 1902 по 1908 г. вышло четыре «Симфонии» под разными названиями: «Симфония вторая драматическая» (М., 1902); «Северная симфония. Первая героическая» (М., 1903); «Возврат» (М., 1905); «Кубок метелей» (М., 1908).

[28] На квартире Андреева 9 февраля 1905 г. состоялось заседание ЦК РСДРП, за что он был арестован и посажен в Таганскую тюрьму (об этом см. стр. 419—420 настоящ. тома). В этот день произошел арест девяти членов ЦК партии; избежали ареста Л. Б. Красин и А. И. Любимов, случайно не пришедшие на заседание.

[29] Купель Силоамская — по одной из евангельских легенд, в озере Силоам Христос исцелил страждущих.

[30] Здесь Горький объединил рассказы Андреева различных периодов: один из наиболее ранних — «Набат» напечатан в «Курьере», 1901, № 325, 24 ноября; «Марсельеза» — в «Нижегородском сборнике» (изд. «Знание», 1905); «Из рассказа, который никогда не будет окончен» — в «Утре России», 1907, № 11, 16 сентября.

[31] Политическая активность Андреева в Финляндии подтверждается секретными документами Особого отдела Финляндского жандармского управления. Так, об этом идет речь в донесении от 10 июля 1906 г. о предреволюционном положении в Гельсингфорсе (см. этот документ на стр. 520 настоящ. тома).

В другом секретном донесении заведующего розыскной агентурой в Финляндии от 17 июля 1906 г. сообщалось: «Леонид Андреев заявил, что действия правительства вынуждают на восстание и последнее будет вскоре всеобщим, ибо так дальше жить нельзя, а массы уже достаточно сплочены и даже часть войска примет, будто бы, сторону народа 〈...〉 Вечером 9 числа упоминаемый выше Андреев и Михайличенко 〈...〉 выехали в Выборг на происходившие там совещания членов Гос. думы; провожала их большая толпа 〈...〉 из революционных песен была исполнена одна новая 〈...〉, начинающаяся словами: „Россия, Россия, Россия моя! Бедная, горькая участь твоя!" Поезд тронулся под звуки Марсельезы, сыгранной оркестром Красной гвардии» («О беспорядках и массовках в окрестностях Гельсингфорса — Дюргорне и о речах депу-

татов, приехавших вместе с Леонидом Андреевым из России».— ЦГАОР, ф. 102-И, оп. 6, ед. хр. 2/12, л. 121).

[32] Цитируемое Горьким письмо Андреева не дошло до нас; относится оно, по-видимому, к 1906 г.

[33] Горький имеет в виду Анатолия Георгиевича *Уфимцева* (1880—1936) — впоследствии известного советского изобретателя и авиаконструктора.

7 марта 1898 г. Уфимцев вместе с товарищами Л. Кишкиным, В. Каменевым и А. Лагутиным в целях борьбы с религиозным суеверием подложили «адскую машину» под «чудотворный» образ в курском Знаменском монастыре. Духовенству удалось подменить погибшую при взрыве в ночь на 8 марта икону ее точной копией. Спекулируя на «чуде», духовенство значительно повысило доходы монастыря за счет потока паломников со всех концов России. Власти не решились привлечь арестованных в 1901 г. и заключенных в Петропавловскую крепость организаторов взрыва к открытому суду, так как в этом случае обман духовенства неминуемо был бы разоблачен (И. Баскевич. Горький в Курске. Курск, 1959, стр. 12—16). 6 января 1902 г. в «Правительственном вестнике» (№ 5) было помещено официальное сообщение, в котором говорилось, что Уфимцев, легкомысленно полагавший «поколебать веру в чтимую святыню и обратить всеобщее внимание на выходящий из ряда факт», а также его товарищи повелением царя приговорены к административной высылке на разные сроки в Восточную Сибирь.

Дело Уфимцева, сосланного под надзор полиции в Акмолинск, очень заинтересовало Горького. 21 июня 1891 г., будучи в Курске, он видел праздник выноса «чудотворной» иконы и запомнил «ужасное зрелище» крестного хода, огромное скопление жаждавших чудесного исцеления калек, нищих, кликуш. Горький выслал Уфимцеву в Акмолинск 500 рублей, на которые тот оборудовал небольшую механическую мастерскую. Ранняя переписка Горького с Уфимцевым не сохранилась (В. Уфимцева. Горький и Уфимцев.— «Молодая гвардия», Курск, 1928, 18 июля). В 1928 г., совершая поездку по Союзу, Горький 7 июля посетил Курск и встретился с Уфимцевым, пославшим ему приглашение (И. Баскевич. Горький в Курске, 1959; Леонид Ган. Человек, покоривший ветер.— «Огонек», 1940, № 3, стр. 3—5).

Горький рассказал об Уфимцеве и в очерке «По Союзу Советов». Там прямо говорится: «Леонид Андреев сделал из него героя своей пьесы „Савва“» (XVII, 152).

[34] Андреев приехал к Горькому на Капри в декабре 1906 г. и прожил там до весны 1907 г.

[35] Горький не все знал о настроениях Андреева того времени.

[36] Речь идет о стихотворении Александра Рославлева «Иуде». О нем — см. Переписка, № 165.

[37] Гедберг *Тор* (1862—1931) — шведский писатель. Повесть «Иуда» вышла в свет в 1886 г. с подзаголовком «История одного страдания». В 1895 г. повесть была переделана автором для сцены. В России вышла в 1908 г. в издательстве «Польза» (предисл. и перевод В. Спасской); 2-е изд.— 1918 г. в «Универсальной библиотеке».

[38] О книге Н. Н. Голованова «Искариот» — см. Переписка, № 166, прим. 5.

[39] В «Петербургской газете» (1908, № 235, 27 августа) было напечатано интервью, которое взял у Андреева журналист А. Потемкин, записавший с его слов: «К зиме будет написан первый роман» (имеется в виду «Сашка Жегулев»).

[40] Иосиф Иванович *Каблиц* (псевдоним Юзов; 1848—1893) — писатель либерально-народнического направления (ранее бакунист), сотрудник журналов «Слово», «Неделя» и др. В последний период жизни стал идеологом реакционного славянофильского народничества; автор книги «Основы народничества» (СПб., 1882; доп. изд.: СПб., 1888—1893).

[41] Афанасий Прокопьевич *Щапов* (1830—1876) — один из деятелей революционно-демократического движения 1860-х годов, историк народнического направления.

[42] Андреев, вероятно, имел в виду труд И. Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» (т. I, М., 1862; т. II, М., 1869).

[43] Петр Моисеевич *Рутенберг* — см. о нем Переписка, № 156, прим. 5.

[44] Джакомо *Леопарди* (1798 — 1837) — итальянский поэт, любимый Горьким.

[45] Евно Фишелевич *Азеф* (1869—1918) — один из организаторов партии социалистов-революционеров; в 1908 г. был разоблачен как провокатор, служивший в царской охранке; бежал от партийного суда в Германию; в годы империалистической войны был там арестован.

[46] Горький имеет в виду «Русское общество для изучения жизни евреев». См. о нем стр. 547—548 настоящ. тома.

‹О ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА. «САШКА ЖЕГУЛЕВ»›

ПРЕДИСЛОВИЕ ГОРЬКОГО К РОМАНУ

Публикация А. И. Наумовой

Предисловие Горького к роману Андреева с заголовком «О творчестве Леонида Андреева. „Сашка Жегулев“» было написано в 1925 г. специально для американского издания произведений русских писателей (L. Andreyew. Sachka Gigouleff. Translated from the russian by Lila Hicks. Edited with an introduction by M. Gorky. New York, Robert M. Mc Bride and Company, 1925, стр. V—VI). Книги эти выпускались в Нью-Йорке с предисловиями Горького (Чехов, Лесков, Сергеев-Ценский).

До сих пор был известен только английский текст этого предисловия (перевод с английского на русский напечатан Е. И. Бобровой в «Звезде», 1938, № 3, стр. 168—171, с послесловием К. Д. Муратовой; перепечатан в кн.: М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941). Подлинный текст Горького публикуется нами впервые по автографу, хранящемуся ныне в Архиве Горького.

О романе «Сашка Жегулев» Горький высказывался и раньше в письмах к автору под свежим впечатлением от прочитанного произведения (Переписка, № 161—164).

В беседе с корреспондентом «Московской газеты» М. Дубровским Андреев сказал о своем романе: «В „Сашке Жегулеве“, как в фокусе, сосредоточиваются все наиболее характерные черты времени, но он — не главный герой романа. Главным героем остается народ...— Россия, как синтез... поля... луга... Соответственно с этим роман разбит на две части. В первой части — гимназист Саша Погодин, город, семья. Во второй части — уже Саша Погодин становится Сашкой Жегулевым, лес, весь народ, Россия...» (1911, № 124, 5 октября).

Русская литература богата разнообразием характеров ее творцов, но и среди них Леонид Андреев резко выделяется темою и смыслом своего творчества.

За исключением двух, трех наиболее крупных художников, основною темой, которую литераторы России талантливо и всесторонне разрабатывали, являлась русская действительность: социальная жизнь и бесчисленные противоречия между ею и человеком. Герой русского романа упорно борется за свободу личности, но никогда не одерживает побед. На всех произведениях русских авторов XIX века лежит густая тень социального пессимизма, глубокой печали о судьбе человека, во всех книгах громко звучит «гражданский гнев» против общественной косности, против бездарности внутренней политики царизма и сострадание к безграмотному, несчастному «мужику» — к народу; народ — любимый герой всех авторов.

С этого социального пессимизма, источником которого служит гуманизм, начинает свою удивительную деятельность Федор Достоевский, гуманизм и приведет его сначала в тюрьму и на эшафот, затем — на

Русская литература богата разнообразием характеров ее творцов, но и среди них Леонид Андреев резко выделяется темой и стилем своего творчества.

За исключением двух, трех наиболее крупных художников, основною темой, которую литераторы России настойчиво и беспрерывно разрабатывали, и вполне русская действительность: социальная ужизнь и безысходная противоборствия между ею и человеком. Герой русского романа упорно борется за свободу личности но никогда не одерживает побед. На всех произведениях русских авторов XIX века лежит печать печальных тонов социального пессимизма, глубокой жалости о судьбе человека, во всех книгах громко звучит „гражданский гнев" против общественной косности, против безнравственности внутренней политики царизма и сострадание к безграмотному, несчастному „мужику" — к народу; народ — любимый герой всех авторов.

С этого социального пессимизма, истоником которого является гуманизм, начинает свою художественную деятельность Федор Достоевский, и гуманизм и приведет его впоследствии (в творчестве) на эшафот, затем — на каторгу; путь, знакомый многим русским литераторам. Утверждая приоритет личности, Достоевский, в Записках из подполья, произведении, в котором дана им схема всех своих произведений, Достоевский восходит — или нисходит — до анархизма, которому, как известно, не чужд и Лев Толстой, в его отрицании цивилизации, ради свободы духовного человека. Затем Достоевского весь ужас будет интригующе волновать вопрос об истоках зла, о человеке против Бога, о том,

РУКОПИСЬ ПРЕДИСЛОВИЯ ГОРЬКОГО К РОМАНУ АНДРЕЕВА «САШКА ЖЕГУЛЕВ», 1925 г.
Автограф. Лист первый
Архив Горького, Москва

каторгу; путь, знакомый многим русским литераторам. Утверждая приоритет личности, Достоевский, в «Записках из подполья», произведении, в котором дана им схема всех идей, руководивших его творчеством, Достоевский восходит — или нисходит — до анархизма, которому, как известно, не чужд и Лев Толстой в его отрицании культуры, ради свободы духа человеческого. Затем Достоевского всю жизнь будет мучительно волновать вопрос об истоках зла, о человеке против бога, о том, чего ради человек предан мукам бытия? Он закончит этот бунт проповедью покорности, смирения, терпения,— обычный конец большинства русских мятежей.

Леонида Андреева, ни по широте и глубине таланта, ни по его влиянию на русскую литературу, невозможно, разумеется, поставить рядом с Достоевским, в таланте которого было что-то пророческое, ни со Львом Толстым, величайшим, после Александра Пушкина, мастером. Но Леонид Андреев человек этой же линии идей, его подчинение анархизму двух гениальных* прозаиков России — несомненно, и также несомненно, что он подошел бы ближе к ним, если б** недостаточное развитие его личной духовной культуры не мешало ему развить и углубить его оригинальный талант.

Талант Л. Андреева был, на мой взгляд, велик, но искажен и сдавлен идеями, которые не сам Андреев создал, а — заимствовал. Еще в юности он прочитал Шопенгауэра «Мир как воля и представление» [1] и Гартмана «Философию бессознательного» в изложении профессора Козлова [2]. Эти книги подавили его. Подруга юности*** Андреева говорит в своих воспоминаниях о нем:

«Он замучил нас. Ты, говорит, думаешь, что вселенная существует, а ведь это только твое представление, да и сама-то ты, может, не существуешь, потому что ты — тоже только мое представление» [3].

Поспешность, с которой юноша уверовал в учение двух пессимистов, отразилось на всем его творчестве, и оно, в существе своем, является серией картин, иллюстрирующих философию отчаяния и безнадежности.

В стране философов философия, как мы видим, не влияет на жизнь, по русской пословице — «сапожник ходит без сапог». Ни Гартман, ни Шопенгауэр при всей силе их логики не помешали Германии организовать мощное хозяйство и милитаристическое государство, но когда верует русский — вера опьяняет его. Л. Андреев был опьянен индо-германской философией.

Затем он взял за образец себе язык русского перевода Библии и, опираясь на этот плавный, несколько тяжелый язык, создал свою, ритмическую фразу, сильно гипнотизирующую читателя и очень удобную для того, чтоб рисовать картины темными красками.

Русская действительность — не то лекарство, которое могло бы излечить человека от пессимизма, или, хотя бы, смягчить ту боль, которую вызывает у человека мыслящего и чувствующего зрелище русского быта. К этому следует добавить, однако, что действительность почти не интересовала Андреева, он мало знал ее и видел «сквозь темные очки», как принято говорить. А это как раз те очки, которые бесполезно надевать на нос ночью и в которых ни Россия, ни вообще жизнь совершенно не нуждается. Человечество нуждается в оптимистическом инструменте, который, несколько увеличивая красивое и доброе, притемнял бы уродливое и злое.

Затем: русская жизнь не дает замысловатого сюжета для романа и рассказа; в ней все ужасно просто. Слово «ужасно» следует подчеркнуть.

---

* *Первоначально:* величайших

** *Далее зачеркнуто:* ему не мешало

*** *Первоначально:* детства

Необходим злой и зоркий глаз Достоевского или мизантропический взгляд Толстого для того, чтоб за кажущейся простотою будничных фактов разглядеть и почувствовать их ужас, их действительно безумную фантастику. В России так же часто убивают людей из мести и «в состоянии запальчивости и раздражения», как из побуждений глубоко идейных,— убивают одних для того, чтоб облегчить жизнь другим. Раскольников Достоевского — чрезвычайно типичный русский человек.

Л. Андреев начал свою деятельность «бытовыми» рассказами, но быстро обратился к замысловатым изображениям мятежей внутри человека. К этому его влекла не только* усвоенная им философия, но толкало и желание найти необычный сюжет для рассказа,— влечение к необычному объясняется еще и тем, что в юности он много читал Фенимора Купера, Майн-Рида, Густава Эмара, любил Эдгара Поэ. Но, как сказано, в русской действительности** он не прозревал той затейливой игры чувств и мыслей, которая так изумительно вскрыта величайшими художниками России.

Он стал внедрять в души русских людей философию немецких пессимистов. Лично мне кажется, что изображенные им русские люди от этой прививки значительно проиграли в своей жизненности, иногда автор*** даже совершенно лишал их облика живых людей, и они у него принимали вид манекенов, одетых в черные мантии космического пессимизма. До Л. Андреева русская литература, являясь чрезвычайно точным зеркалом действительности, не отмечала среди своих героев людей, которые страдали бы этой философской болезнью.

Именно вот этот космический пессимизм является тем**** новым, что Л. Андреев внес от себя в обиход русской литературы и чем, на время, даже отодвинул в сторону пессимизм социальный.

Различие между этими двумя формами жизнеощущения очень ясно и весьма значительно: если вам кажется бессмысленной земная, социальная жизнь,— у вас есть право попытаться внести в нее тот или иной любезный вам смысл. К сожалению, все ваши попытки***** осмыслить, исправить****** бессмысленное «величие» вселенной будут не только безуспешны, но даже лишены смысла. Необходимо признать, что у нас нет сил для того, чтоб изменить движение созвездий, зажечь в нашем небе еще одно солнце или делать хорошую погоду, когда нам этого хочется.

Поэтому лично мне космический пессимизм кажется такой же излишней роскошью, как чугунная шляпа весом в шестнадцать килограммов. Я — сторонник ношения шляп более легкого веса,— необходимо только, чтоб формы их менялись возможно чаще. Об этом изменении весьма усердно заботится история, которую мы, — худо ли, хорошо ли,— но неустанно творим. Я склонен думать, что в конечном счете мы творим историю все-таки хорошо, и, в общем, это, все-таки, не очень скверная история, несмотря на наши бесчисленные проклятые преступления друг против друга.

Наш мир, наше хозяйство, наш дом — Земля; все другие планеты и системы миров пока еще вне нашего влияния. Но на Земле мы могли бы устроиться очень удобно, весело и празднично, если б научились более внимательно относиться друг ко другу и поняли, что самое удивительное, самое величественное в мире — Человек.

---

* *Далее зачеркнуто:* искание интереса
** *Далее зачеркнуто:* той затейливой
*** *Первоначально:* он
**** *Далее зачеркнуто:* что
***** *Далее зачеркнуто:* не только
****** *Далее зачеркнуто:* по даже уразуметь

Между прочим, сказанное выше излагает линию моего личного спора с Л. Андреевым, спора, который разрушил нашу десятилетнюю дружбу. Меня всегда раздражал пессимизм Андреева, его — то, что он считал моим оптимизмом и что сам я называю историзмом. Кроме того, я не очень высоко ценю разум Провидения и даже сомневаюсь — существует ли оно? А если существует — не безумно ли более... чем я?

Отношение Л. Андреева к Провидению было неприемлемо для меня. Еще в юности он произвел такой опыт проверки разума Провидения:

«Однажды,— рассказывает он,—я был в компании молодежи. Было весело, шумно, интересно. Спорили, пели. Я шел сзади всех и спрашивал себя: с какой целью те — спорят, с какой целью эти — поют? Для чего мои товарищи веселятся и живут? И вдруг, на виду у поезда во мне обострилась мысль о самоубийстве, и я лег между рельс, задавшись вопросом: если я останусь жив — значит есть смысл в моей жизни, если же поезд раздавит меня — стало быть в этом воля Провидения» [4].

Мне кажется, что опыт такого рода* не может ответить на вопрос: «зачем люди живут?». Он говорит лишь о том, что поддувало топки паровоза было достаточно высоко. Сам Л. Андреев впоследствии изображал жизнь людей как процесс, страшный отсутствием в нем смысла, и видел человека существом, которое занято главным образом раздумьями о своем ничтожестве пред лицом Космоса.

Разумеется, все это отнюдь не умаляет литературного значения произведений Л. Андреева, и в истории русской литературы за ним навсегда останется место одного из оригинальнейших художников. К его теме — ничтожеству человека во вселенной и его борьбе с «бессознательным»— русская литература** еще вернется, и, мне кажется, ждать этого недолго.

Предлагаемая книга — единственный роман, написанный Андреевым. В основе романа — действительные приключения одного из полубандитов, полуреволюционеров, вызванных к жизни бурею ⟨1⟩905—7-го годов [5]. Революция тех лет настроила*** романтически и героически сотни юношей, но революция была уже подавлена, а возбужденное ею в юных сердцах стремление к борьбе, к героическому подвигу осталось у многих неудовлетворенным, и случаи, когда искренний героизм вырождался в авантюризм и бандитизм, были очень часты. Один из таких бандитов Сашка Семинарист, человек, видимо, большой силы воли и обладавший несомненным талантом организатора, создав небольшую группу крестьян, держал на протяжении нескольких месяцев одну из губерний России в страхе и трепете.

Действуя по примеру Ринальдо Ринальдини [6] и других легендарных разбойников, защищая слабых и обиженных, карая обидчиков, он, действительно, восстановил в памяти сказочный тип «злодея ради торжества справедливости», создал себе среди крестьян славу защитника их и, после долгой борьбы с отрядом солдат, был убит именно при тех обстоятельствах, как это описано Леонидом Андреевым.

Роман написан с пафосом, быть может, несколько излишним, он перегружен «психологией», но совершенно точно воспроизводит фигуру одного из тех русских мечтателей, которые веруют, что зло жизни возможно победить тою же силой зла.

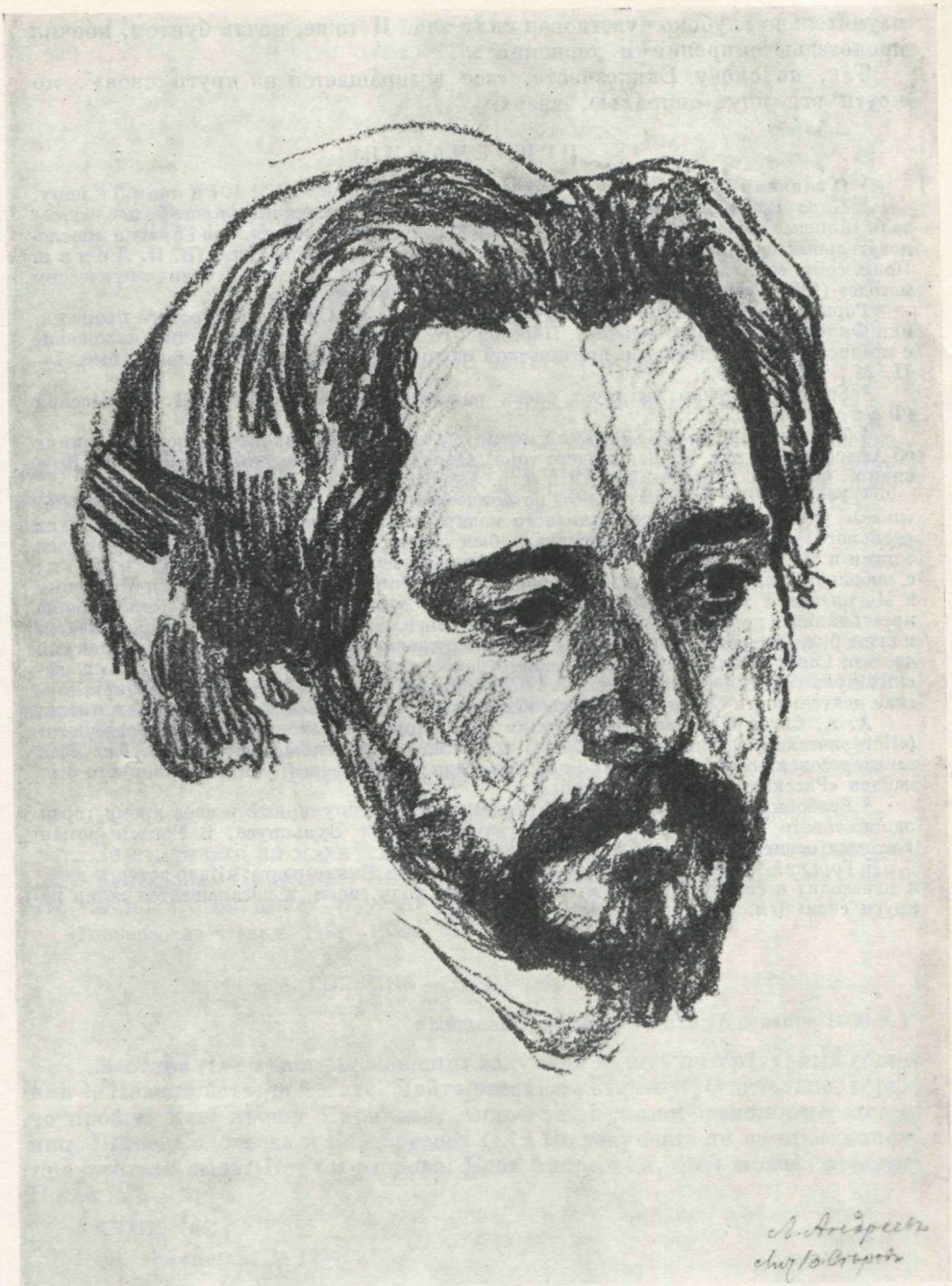
В известной степени обилием таких людей, искренно верующих, искренно стремящихся по пути зла к добру, вызвана проповедь Льва Толстого о «непротивлении злу насилием». Федор Достоевский тоже посвятил людям этого типа много своих дум, дум человека, который

---

* *Первоначально:* можно делать только от избытка ребяческой дерзости. Не могут

** *Далее зачеркнуто:* наверно

*** *Первоначально:* создала



АНДРЕЕВ

Литография В. А. Серова, 1907 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

изумительно глубоко чувствовал силу зла. И тоже, начав бунтом, кончил проповедью смирения и терпения*.

Так, по слову Екклезиаста, «все возвращается на круги своя»[7], но круги эти идут спиралью, вверх.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О влиянии Шопенгауэра на Андреева — см. Переписка, № 107 и прим.5 к нему.

[2] Карл Роберт Эдуард *Гартман* (1842—1906) — немецкий философ, последователь Шопенгауэра, противник диалектики Гегеля. Ленин писал, что Гартман «последовательный идеалист и последовательный реакционер в философии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 61). Основные произведения Гартмана: «О диалектическом методе» (1868), «Мировоззрение новейшей физики» (1902) и др.

Горький имеет в виду книгу: Эдуард Гартман. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. Перевод 2-го немецкого издания, полное изложение с предисловием, введением и критической оценкой системы А. А. Козлова, вып. I—II. М., 1873—1875.

[3] Горький неточно цитирует слова родственницы Андреева З. Н. Пацковской (Фатов, стр. 65).

[4] Там же, стр. 66—67. Горький цитирует частично эти слова и в воспоминаниях об Андрееве (см. стр. 366 настоящего тома). Они целиком приведены в книге В. В. Брусянина «Леонид Андреев». М., 1912, стр. 53—54.

[5] Речь идет о действительном историческом лице — Александре Ивановиче *Савицком* (1886—1909) — сыне акцизного контролера в Новозыбкове. Исключенный из реального училища (1905), он сначала был связан с эсерами, но вскоре разошелся с ними и стал действовать самостоятельно; наибольшую активность проявил в 1908 г.: с небольшой группой крестьян совершал нападения на лесные экономии и имения в Могилевской губ. В начале мая 1909 г. местопребывание Савицкого было выдано крестьянином деревни Прудок. В приказе могилевского вице-губернатора имеется полное описание того, как «шайка» была «окружена» призванной на помощь воинской частью; Савицкий боролся до последнего патрона и, обезоруженный, погиб от вражеских пуль («Могилевские губернские ведомости», 1909, № 39, 9 мая). Экспроприаторская деятельность Савицкого ничего общего с подлинной революционностью не имела.

А. А. Сигов в статье «Похождения революционного экспроприатора Савицкого» («Исторический вестник», 1911, № 11) подробно описал гибель последнего. Андреева заинтересовали сообщения газет о том, что среди личных вещей убитого Савицкого был найден «Рассказ о семи повешенных».

[6] Разбойничий атаман Ринальдо Ринальдини — популярный в свое время герой одноименного романа XVIII в. Христиана Августа Вульпиуса. В России роман выходил серией выпусков в Москве в 1802 г.

[7] Горький по памяти цитирует строки из книги Екклезиаста: «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» (гл. I).

---

* *Первоначально:* кончил проповедь свою призывом к смирению и терпению.

ИЗ ПИСЕМ И СТАТЕЙ ГОРЬКОГО

Публикация А. И. Наумовой

1. ГОРЬКИЙ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

〈Нижний-Новгород. 5 апреля 1898 г.〉

... В пасхальном № московской газеты «Курьер» помещен рассказ «Бергамот и Гараська» Леонида Андреева,— вот бы вы поимели в виду этого Леонида! Хорошая у него душа, у чёрта! Я его, к сожалению, не знаю, а то бы тоже к вам направил...

XXVIII, 22.

2. ГОРЬКИЙ — Н. Д. ТЕЛЕШОВУ

〈Нижний-Новгород. 19 ... 20 ноября 1900 г.〉

...Видите ли Андреева? Хочется мне, чтоб вы поближе к себе привлекли его — славный он, по-моему, и — талантливый...

XXVIII, 141.

3. ГОРЬКИЙ — И. А. БУНИНУ

〈Нижний-Новгород. Декабрь 1900 г.〉

...Не вздумаете ли махнуть сюда на праздники? Это было бы красиво! Зову Телешова. Приезжает Андреев, собирается Поссе. Здесь Скиталец. Что вы на это скажете? «Пукет» душистый, а?...

«Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 17.

4. ГОРЬКИЙ — Н. Д. ТЕЛЕШОВУ

〈Нижний-Новгород. 14 или 15 декабря 1900 г.〉

...Местное «О-во защиты женщин» задумало издать литературный сборник [1]. Пожалуйста, помогите! Дайте рассказик, прошу убедительно, горячо прошу. Еще прошу Чирикова, Андреева, Бунина, женщин-писательниц, Поссе, Соловьева и Безобразова 〈...〉 Не вздумаете ли на праздниках прокатиться сюда? Вот бы здорово! Едет Андреев, и, быть может, приедет Поссе...

XXVIII, 144.

[1] См. Переписка, № 12—14.

5. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. Январь 1901 г.〉

...Подумываю о выходе из «Знания» [1].

Почему? А потому, что мне хочется затеять свое издательское дело. Я хотел бы издавать книги Андреева, Чирикова, Скитальца и других

ценных, с моей точки зрения, писателей, совершенно самостоятельно, а теперь в «Знании» это неудобно и стесняет меня...

«Архив Горького», т. IV, стр. 18—19.

[1] Причиной этого намерения Горького было глубокое расхождение между ним и другими членами товарищества «Знание» — бр. Протопоповыми, О. Н. Поповой, Г. А. Фальборком. В 1902 г. эта группа стала активно противодействовать стремлению Горького демократизировать издательство и вскоре вышла из числа пайщиков «Знания» (см. подробно об этом: В. Голубев. М. Горький и «Знание».— «Звезда», 1938, № 10, стр. 216—230).

С конца 1904 г. Горький и Пятницкий остались единственными членами товарищества; только тогда им удалось привлечь в «Знание» молодых беллетристов. Помимо публикации сочинений этих авторов «Знание» предприняло издание «Сборников товарищества „Знание"». Эти сборники имел в виду Ленин в письме к Горькому, указав, что они в свое время стремились «концентрировать лучшие силы художественной литературы» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 34, стр. 380).

6. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. 1 ... 2 февраля 1901 г.〉

...Дело в том, видите ли, что существует очень талантливый парень Леонид Андреев, который написал много маленьких рассказов, пожелал их издать, обратился к Сытину [1], а сей ему и предложил за 3000 экземпляров — 300 рублей! Это — грабеж! Я телеграфировал Андрееву, что он — дубина, и обещал ему сейчас же 500 рублей и всю прибыль по распродаже. Он согласился. Он — болен и лежит в клинике. Деньги ему до чёртиков нужны,— большая семья и прочее такое.

Так что, когда я телеграфирую вам, куда перевести 500 рублей — будьте великодушны,— переведите!

Прошу прощения в том, что затрудняю вас пустяками, но, право, это возмутительно, когда жирный клоп пьет кровь хорошего человека. Не так ли?...

«Архив Горького», т. IV, стр. 19.

[1] См. Переписка № 15—17 и комментарии к ним.

7. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. 10 ... 13 апреля 1901 г.〉

...Известите, как двигаются дела с книжкой Андреева?...

«Архив Горького», т. IV, стр. 21.

Речь идет о первом издании рассказов Андреева, выпущенном товариществом «Знание» 17 сентября 1901 г.

8. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

〈Нижегородская тюрьма. 3 мая 1901 г.〉

...По поводу предложения «Жизни» издать рассказы Андреева — будь добра, напиши Михаилу Евграфовичу Ермолаеву [1] — СПб., Знаменская, 20,— что я лично ничего не имею, пусть обратятся к самому Андрееву...

«Архив Горького», т. V, стр. 82.

[1] Михаил Сергеевич *Ермолаев* (1847—1911) — издатель и официальный редактор журнала «Жизнь». Горький ошибочно назвал его «Евграфовичем».

Когда журнал «Жизнь» был закрыт, Ермолаев вместе с Поссе был подвергнут административным репрессиям. Горький рекомендовал Пятницкому принять Ермолаева пайщиком «Знания» (письмо от 9—10 августа 1901 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 27). Однако Ермолаев пайщиком «Знания» не стал.

9. ГОРЬКИЙ — А. Н. АЛЕКСИНУ

〈Нижний-Новгород. 22 мая 1901 г.〉

...Леонид от Андреев как записал, а? Осенью выходит книжица его рассказов, кою издам я...

Автограф. АГ. Датируется по почтовому штемпелю.

Имеется в виду сборник рассказов Андреева (см. о нем Переписка, № 24 и 25). 26—27 сентября 1901 г. Горький писал из Нижнего-Новгорода Пятницкому: «Андреева книжки получил. Вкусная вещь, а?» («Архив Горького», т. IV, стр. 37).

Через Алексина Горький в некоторых случаях поддерживал связь с Андреевым, в частности, в период пребывания последнего в Ялте. Так, Горький писал Алексину в 1901 г.: «...если увидишь Андреева — скажи ему, что его рассказы я вышлю в Ялту, но для этого нужно мне знать точный Леонидов адрес» (АГ).

10. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. 1 ... 2 октября 1901 г.〉

...Слежу за успехом Андреева и — ликую! Кому ни дашь книжку, все хвалят и хвалят хорошо, толково. Вообще — прекрасная штука — жизнь! Я все больше проникаюсь этим убеждением...

«Архив Горького», т. IV, стр. 38—39.

11. ГОРЬКИЙ — И. А. БУНИНУ

〈Нижний-Новгород. 6 октября 1901 г.〉

...На днях ко мне должен ехать Л. Андреев. Не соберетесь ли с ним?...

«Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 21.

12. ГОРЬКИЙ — В. А. ПОССЕ

〈Нижний-Новгород. 13 ... 14 октября 1901 г.〉

...Книжка Андреева — имеет солидный успех 〈...〉

Из «Курьера», кажется, выкурили Гольцева и Ермилова, за юбилей Сытина. Если не выкурили еще — выкурят. Леонид — хороший воин [1]...

«Архив Горького», т. VII, стр. 24—25.

[1] О юбилее Сытина — см. далее письмо 14.

13. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. 13 ... 17 октября 1901 г.〉

...Дело в том, что с 1 октября я состою пайщиком газеты «Нижегородский листок» [1]. Мы купили вчетвером — всё хорошие люди [2] — 60 паев в этой газете, и я должен уплатить за это 2000 рублей 〈...〉. Но это значит, что газета — наша. Рекомендую ее. Очень хорошая газета! В ней участвуют лучшие русские беллетристы: Вересаев, Чириков, Бунин, Андреев, Горький и многие другие 〈...〉

Я ужасно рад! Леонид — прекрасная рожа. Какой он накачал рассказ![3] Ого-го-о! Чехов [4] говорит ему, что через год ему дадут по 500 рублей за лист. Я — ничего не говорю. Но — я знаю, что Андреев — это есть настоящий литератор, обладающий не только талантом — как я — но и умом,— качеством, коего я от природы лишен. Л. Андреев — это очень много! Вы увидите...

«Архив Горького», т. IV, стр. 41—42.

[1] «Нижегородский листок» — газета, выходившая ежедневно в Нижнем-Новгороде с 1895 г. Издателем ее был Г. Н. Казачков, а редактором А. А. Дробыш-Дробышевский. Газета привлекла к себе прогрессивные силы (в ней сотрудничал также Короленко) и стала одной из наиболее радикальных и содержательных газет провинции. С 1896 по 1904 г. издавалась при ближайшем сотрудничестве Горького.

[2] Кроме Горького, паи приобрел С. И. Гриневицкий, ставший вместе с Горьким соредактором «Нижегородского листка».

[3] О рассказе «Стена» — см. Переписка, № 24.

[4] Об отношении Чехова к Андрееву — см. «Андреев о Горьком», № 41.

14. ГОРЬКИЙ — Е. Н. ЧИРИКОВУ

〈Нижний-Новгород. 24 ... 31 октября 1901 г.〉

...Было время, я был против издания беллетристов «Знанием», ибо думал — нельзя ли затеять нечто другое. Но теперь — сердечно радуюсь, что и ты и Андреев изданы именно «Знанием». Быть может, нам вновь удастся объединиться... очень может быть! [1] В «Русской мысли» — тебе, по совести говоря, не место,— какие там, к чёрту, литераторы, если Гольцев на юбилее Сытина провозглашает тост «за Гоголя наших дней Власа Дорошевича!», а сей последний — талантливейший из прохвостов — «за действительного министра народного просвещения И. Д. Сытина!» [2] Мне это говорили москвичи Андреев и Алексеевский из «Курьера».

Дружище! Пиши для московского альманаха [3], о котором тебе, наверно, говорил Андреев, и для «Маяка» [4], из которого нам вкупе удастся, может быть, сделать что-нибудь порядочное...

«Архив Горького», т. VII, стр. 26—27.

[1] Мечта о «новом объединении» литераторов связана с закрытием «Жизни». Горький пытался создать другой печатный орган прогрессивных писателей, продолжающий традиции «Жизни».

[2] Речь идет о 35-летнем юбилее издательской деятельности Сытина, отмечавшемся 1 октября 1901 г.

Андреев посвятил юбилею хлесткий фельетон «Всероссийское вранье», понравившийся Горькому («Курьер», 1901, № 277, 7 октября; ср.: ПССА, т. VI, стр. 225—229).

Горький писал о юбилее Пятницкому (между 17 и 21 октября 1901 г.): «Хорошо изобразил Джемс Линч — Л. Андреев юбилей Сытина и беседу Гольцева — Катона Катоныча — с Дорошевичем-Цицерошкой. „Талантливый ты прохвост, Цицерошка, но — все-таки — прохвост, и надо тебе исправиться!" — „Я исправляюсь, Катон Катоныч!" — Как хорошо, что в жизни есть нечто лучшее, чем литература!» («Архив Горького», т. IV, стр. 45).

[3] Имеется в виду альманах, о котором Горький писал Чехову (между 27 июня и 10 июля 1901 г. из Нижнего-Новгорода): «Давайте издадим альманах. У вас, говорит Средин, есть готовый рассказ, да я напишу, да Бунин, Андреев, Вересаев, Телешов, Чириков и еще кто-нибудь» (XXVIII, 166—167).— Издание сборника не состоялось.

[4] «Маяк» — еженедельный журнал, который предполагал издавать В. М. Саблин. О нем — см. Переписка, № 24, прим. 6.

15. ГОРЬКИЙ — Н. Д. ТЕЛЕШОВУ

〈Олеиз. 1 или 2 декабря 1901 г.〉

...Засим: проси у Е. Н. Чирикова рассказ «Свинья» и еще что-нибудь, например, «Недород кормов», или «Хлеб везут». У Андреева — «В Сабурове» или, иначе, «Курносый» [1]. Можно «Бегемота» [2], при условии, если Леонид согласится сделать этот рассказ менее сладким...

XXVIII, 203—204.

Ответ на письмо Телешова от 25 ноября 1901 г., в котором тот делился своим планом издания дешевого сборника рассказов для народа и просил разрешения Горького включить в сборник его рассказ «Злодеи». Горький писал: «С искренним удовольствием отдаю рассказ, и — по совести должен сказать тебе — великолепное ты дело задумал! Честь твоему сердцу, честь уму!» (XXVIII, 203). Горький не только рекомендовал

Телешову других писателей, но сам обратился к некоторым из них с просьбой откликнуться на этот благородный замысел. Издание сборника не состоялось.

[1] Рассказ «В Сабурове» напечатан в «Курьере», 1899, № 107, 18 апреля; «Курносый» — видимо, его предполагавшееся название.
[2] «Бегемотом» Горький шутя называл рассказ Андреева «Баргамот и Гараська». Об изменении автором концовки рассказа — см. Переписка, № 3, прим. 5.

16. ГОРЬКИЙ — Е. Н. ЧИРИКОВУ

Олеиз. 4 декабря 1901 г.

...Засим вот что: московская молодежь — Телешов, Андреев и К° — задумала издать сборник рассказов для народа страниц в 250—300 толщиной, а ценою в 15—20 копеек [1]. Это — возможно, ибо есть деньги на сей предмет ⟨...⟩

Участвуют: Мамин [2], Телешов, Андреев, Бунин, Елпатьевский и т. д.

Прислал тебе Леонид Андреев книгу? Не прислал — ругни его по адресу «Курьера»,— пришлет. Вот, брат, талант! Большущий талант,— увидишь! Даже теперь, когда его начинка — одно голое настроение, он уже звучит колоколом, а как его прихватит огоньком общественности — он покажет публике коку с соком!

Ты, Андреев, я и Поссе — мы вчетвером могли бы здоровенный журналище создать — как ты думаешь? Володя [3] — за кучера, в корню — изящный вороной беллетрист Леонидище, ты — правая пристяжная — на два фланга, и по беллетристике и по публицистике, а я бы — левая. Меня, брат, отводит от романа и повести в сторону сатиры или чего-то в этом духе...

«Архив Горького», т. VII, стр. 34.

[1] См. об этом — Переписка № 33 и 34.
[2] Дмитрий Наркисович *Мамин-Сибиряк* (1852—1912).
[3] В. А. Поссе.

17. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Олеиз. 23 декабря 1901 г.⟩

...Написал Андрееву о втором издании в том смысле, как вы писали мне: добавить 5—6 листов, цена 1 рубль, поставить — том первый. Из рассказов, вам известных, в книжку ничего не пойдет,— Леонид слишком талантлив для того, чтобы мы его баловали. Войдут новые рассказы: «Набат» [1], «Бунт на корабле» [2], «Мысль» [3], «Бездна» [4], «Старый студент» [5]. Все это я скоро получу, просмотрю и пришлю вам ⟨...⟩

Сегодня у меня был Толстой; он снова ходит пешком, пришел из Гаспры версты за две. Очень нахваливал Леонида [6]...

XXVIII, 209—210.

[1] Рассказ «Набат» впервые напечатан в «Курьере», 1901, № 325, 24 ноября.
[2] «Бунт на корабле» не был завершен Андреевым (см. о нем — Переписка, № 35, прим. 7).
[3] «Мысль» напечатана в сборнике «Рассказов» Андреева, изданном «Знанием» в 1902 г. (подробнее о ней — см. Переписка, № 51 и 55).
[4] О «Бездне» — см. Переписка, № 44 и 45, а также ниже, переписку Горького с Н. Н. Фатовым.
[5] Рассказ, задуманный под названием «Старый студент», не был окончен (рукопись под таким заглавием хранится в ЦГАЛИ). Но сюжет его писатель позже использовал в пьесе «Gaudeamus» (1912).
[6] Об отношении Толстого к Андрееву — см. стр. 122 и 132.

18. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Олеиз. 14—15 января 1902 г.〉

Андрееву о необходимости прислать еще рассказов — написал. Вчера послал вам его «Бездну» и «Стену». Он в феврале будет здесь 〈...〉 План Андреевой книги — оставлю без возражений...

«Архив Горького», т. IV, стр. 70—71.

Незадолго до этого, 6—7 января, Горький писал Пятницкому из Олеиза: «Что Андреев? Списались вы с ним по вопросу о втором издании? Мне он не пишет, очевидно, все еще женится. Аванс под второе издание просил?» (там же, стр. 64).

План второго издания книги рассказов Андреева обсуждался Горьким и Пятницким с конца 1901 г.— См. о нем Переписка, № 41—45. Второе издание сопровождалось тем же посвящением, что и первое.

19. ГОРЬКИЙ — К. П ПЯТНИЦКОМУ

〈Арзамас. 30—31 мая 1902 г.〉

...Вы, коли найдете нужным, посоветуйте ему 〈г. С.〉[1] обратиться в Москве к издателю Курнину [2], сей муж уже издал книгу о Художественном театре, сочиненную гг. С. Глаголь и Джемсом Линч [3], за что последнего мне очень жалко, говоря по совести...

«Архив Горького», т. IV, стр. 86.

[1] *г. С.*— фамилия автора статей о театре, скрывавшегося под этой буквой, не установлена.

[2] Сергей Васильевич *Курнин* (род. 1866) — московский издатель и книготорговец.

[3] Книга «Под впечатлением Художественного театра» (М., 1902) Джемса Линча и Сергея Глаголя (С. Сергеевича), т. е. Андреева и С. С. Голоушева представляла собой сборник в основном ранее напечатанных в журнале «Жизнь» и газете «Курьер» очерков о Художественном театре. См. об этом письмо Голоушева к Телешову от 1902 г. (ИМЛИ).

20. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Арзамас. 2—3 июля 1902 г.〉

...Я готов взять на себя издание стихов 〈Бунина〉 〈...〉

В данном случае «Знание» представляет Бунина как новеллиста, поэта и переводчика. Публика его читает, и есть такие болваны, которые говорят, что он — выше Андреева и Скитальца...

«Архив Горького», т. IV, стр. 92.

Изд-во «Знание» к этому времени выпустило «Рассказы» Бунина (1901) и готовило издание его перевода поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (1903). В настоящем письме речь шла об издании стихотворений Бунина. С таким предложением автор обратился к Горькому 27 июня 1902 г. («Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 22).

Горький высоко ценил поэтическое творчество Бунина и в 1901 г. называл его даже «первым поэтом нашего времени» (письмо к Брюсову — XXVIII, 152. См. также «Горьковские чтения. 1958—1959», стр. 18—19).

Горький передал присланные Буниным стихи на рецензию сотруднику «Русского богатства» А. А. Дробыш-Дробышевскому (Уманьскому), который сделал ряд существенных критических замечаний (см. письмо Горького к Пятницкому от 5 июля 1902 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 93). Не возражая против издания этих стихотворений Бунина, Горький говорит о них с иронией («стихи хорошие, вроде конфект от Флея или Абрикосова»), имея, очевидно, в виду аполитичность поэзии Бунина, на что он указывал и самому автору (нет «приятного мне возмущения жизнью, нет сегодняшнего дня, чем я, по преимуществу, живу».— «Горьковские чтения. 1958—1959», стр. 19).

Об идейно-творческих взаимоотношениях Бунина и Горького см. в статье С. В. Касторского «Горький и Бунин».— «Звезда», 1956, № 3, стр. 144—153.

21. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Арзамас. 24—25 июля 1902 г.〉

...«Мысль» я советую Леониду не издавать отдельно, не следует торопиться ему [1]. У него почти готов новый, преинтересный рассказ «Бунт на корабле» [2] и еще «Сила воли» [3]. Хороший он малый, очень любопытный анархист, но — напрасно женился...

XXVIII, 267.

ГОРЬКИЙ И К. П. ПЯТНИЦКИЙ
Фотография, Ялта, февраль 1902 г.
Музей Горького, Москва

[1] Андреев согласился с мнением Горького, и рассказ «Мысль» тогда не был издан отдельно. Об этом — см. Переписка, № 62.

Андреев писал Измайлову: «...противна „Мысль“, которую вы так расхвалили. Ей богу зря. Холодная это вещь, риторика. Кстати: я ни аза не смыслю в психиатрии и ничего не читал для „Мысли“» (ЦГАЛИ).

[2] О рассказе «Бунт на корабле» — см. выше, № 17.

[3] Рассказ «Сила воли» не был закончен Андреевым.

22. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Нижний-Новгород. 20—21 сентября 1902 г.⟩

...А Леонид — киснет и зовет меня лечить его душу...

«Архив Горького», т. IV, стр. 98.

По поводу настроения Андреева в этот период — см. Переписка, № 67—68.

23. ГОРЬКИЙ — С. П. БОГОЛЮБОВУ

⟨Нижний-Новгород. 26 ... 28 сентября 1902 г.⟩

...Леонид написал рассказ, позволяющий думать, что сей Леонид желает идти по новой тропе. Рассказ послан вам и «Русскому богатству».

Автограф. АГ. Сверху в правом углу письма помета Боголюбова: «Москва. 29 сент. 1902».

Рассказ «Иностранец», посвященный теме любви к родине. Горького очень порадовал возросший интерес Андреева к социальной тематике.

24. ГОРЬКИЙ — К. П ПЯТНИЦКОМУ

⟨Нижний-Новгород. 7 ... 15 января 1903 г.⟩

...Леонид — сглупил, и очень худо. В 1 № «Журнала для всех» помещена его заметка «Из моей жизни». Правильнее — «Из моей закружившейся от дыма славы башки». Зададут ему дёру газетчики! — И — за дело...

«Архив Горького», т. IV, стр. 116. См. раздел «Андреев о Горьком», № 40.

Выступление Андреева вызвало отповедь не только Горького. Вересаев критически оценил его в письме к Миролюбову. Сам Вересаев также дал Миролюбову биографические сведения о себе, но просил опубликовать их в изложении от третьего лица (напечатаны в «Журнале для всех», 1903, № 4).

25. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Нижний-Новгород. Конец мая 1903 г.⟩

...Мы помогаем жить Чирикову, Андрееву; почему же не помочь и Юшкевичу? Он, на мой взгляд, конечно, неизмеримо талантливее Евгения Николаевича и *нужнее* Леонида...

«Архив Горького», т. IV, стр. 128.

Горький имел в виду социальную проблематику произведений Юшкевича того времени. Позже, когда Юшкевич стал отходить от реализма, Горький пересмотрел свое отношение к его творчеству.

26. ГОРЬКИЙ — И. А. БУНИНУ

⟨Нижний-Новгород. 17 августа 1903 г.⟩

Сборник будет [1], теперь это несомненно. Есть рассказы Андреева, Юшкевича, Гусева, пишет Чириков [2], Вересаев, напишу я. Если имеете что — посылайте Константину Петровичу[3]...

«Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 25.

[1] Имеется в виду первый сборник, выпущенный «Знанием» 16 марта 1904 г.

[2] Рассказ Чирикова «На поруках» был напечатан лишь во втором сборнике «Знание».

[3] Пятницкому.

27. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. 21—22 августа 1903 г.〉

...Андреев читал Шаляпину свой рассказ для сборника — «Жизнь о. Василия» [1]. Шаляпин говорит: «Удивительно сильная вещь, я ревел, как баба». Это — вероятно, я знаю тему...

«Архив Горького», т. IV, стр. 130.

[1] «Жизнь о. Василия» — одно из предварительных названий рассказа «Жизнь Василия Фивейского»; были и иные варианты заглавия: «Отец Василий», «Три жизни» и др.

Сам Андреев был неудовлетворен рассказом. 29 августа 1903 г. он писал Пятницкому: «Впечатление Шаляпина от рассказа особенно остро вследствие теперешних его переживаний. Сам же по себе рассказ ординарный, на 3+. Пыжусь поднять гору, а слов не хватает» (АГ). В одном из писем к Неведомскому, относящемся к 1904—1905 гг., Андреев высказал ряд мыслей по поводу художественных особенностей «Жизни Василия Фивейского» (см. вступительную статью К. Д. Муратовой в настоящ. томе, стр. 16).

28. ГОРЬКИЙ — К. П ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. 3 сентября 1903 г.〉

...Тот факт, что благодаря его 〈Скитальца〉 бестактности Андреев попал под суд [1] — нисколько его не интересует. Он знает, однако, что полиция искала его повсюду, желая вручить ему повестку о вызове в суд. Мне странно, что он не понимает, как должен вести себя по отношению к товарищу...

«Архив Горького», т. IV, стр. 133.

[1] Андреев был отдан под суд как ответственный распорядитель вечера, устроенного в Москве, на котором Скиталец прочел свое стихотворение «Гусляр» (см. об этом Переписка, № 77—78).

29 ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

〈Нижний-Новгород. 27 сентября 1903 г.〉

...Л. Андреев прислал длинное письмо, очень хорошо написано [1]. Нужно что-то делать для него, это очевидно. Я — рад. Он — талантлив, как сатана. Но — должен будет извиниться перед Ал〈ексиным〉 и Мал〈ининым〉 [2].

XXVIII, 287.

[1] Письмо Андреева — Переписка, № 82.

[2] О поведении Андреева в Нижнем-Новгороде, вызвавшем разрыв с Горьким — см. Переписка, № 81, 83. 1—2 октября 1903 г. Горький из Нижнего-Новгорода писал Пятницкому: «При сем — письмо Андреева. На днях я его увижу. Потом — недурные стишки, посвященные мне. Это — сохраните, как и андреевское письмо...» («Архив Горького», т. IV, стр. 136).

30. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Нижний-Новгород. 7—8 октября 1903 г.〉

...Ура! Был у Леонида. Мирились [1]. Чуть-чуть не заревели, дураки. Его «Отец Василий Фивейский» — огромная вещь будет. Но не скоро! — Лучше этого — глубже, яснее и серьезнее — он еще не писал. Очень, очень крупная вещь! Вы увидите!

«Архив Горького», т. IV, стр. 138.

[1] Встреча Горького с Андреевым состоялась после длительной размолвки между ними. См. об этом — выше, № 29. 8 октября 1903 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Был у Л. Андреева — чуть не разревелся. Он страшно похудел, похорошел, серьезно лечится, все время не пил. Рассказ его — великолепен. Большая и глубокая вещь...» («Архив Горького», т. V, стр. 87).

31. ГОРЬКИЙ — А. И. КУПРИНУ

‹Нижний-Новгород. Декабрь 1903 г.›

...Общество, на бланке которого пишу вам, предполагает строить общежитие для учащихся женщин [1]. В пользу фонда, потребного на это дело, о-во задумало — издать литературный сборник [2].

К участию в сборнике приглашены и дали уже свое согласие В. Г. Короленко, Л. Андреев, Бунин, я...

«Архив Горького», т. VII, стр. 47.

[1] «Общество воспомоществования учащимся женщинам в Москве». Об этом же Горький писал в декабре Н. Г. Гарину-Михайловскому и другим.

[2] Сборник не был осуществлен. См. Переписка, № 84.

32. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

‹Петербург. 11 — 12 июля 1904 г.›

...Мы думаем издать книгу памяти Антона Павловича [1], пока это еще секрет. В этой книге напишут только я, Куприн, Бунин и Андреев...

XXVIII, 311.

[1] В сборнике памяти Чехова Андреев поместил рассказ «Красный смех».

20 октября 1904 г. Горький из Москвы писал Е. П. Пешковой: «Попытаюсь пустить на детский дом весь доход с чеховского сборника и устроить грандиозный вечер в пользу этого дома, с Шаляпиным, Андреевым и проч.» («Архив Горького», т. V, стр. 129).

Об этом же сборнике Горький писал несколько раз Бунину, торопя его подготовить стихи: «Нам кажется, что будет вполне достаточно и очень хорошо, если в этой книге примут участие только четверо — Куприн, вы, Андреев и я» («Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 29).

33. ГОРЬКИЙ — А. Н. АЛЕКСИНУ

‹Старая Русса. Июль — август 1904 г.›

...Поговорим о Леониде — твое мнение о нем — резко, хотя — в существе — ты прав — алкоголь играет сильную роль в его психике. А талант — остается талантом — не ври [1]...

Автограф. АГ.

[1] Письмо Алексина к Горькому неизвестно.

34. ГОРЬКИЙ — Е. А. СОЛОВЬЕВУ (АНДРЕЕВИЧУ)

‹Ялта. Около 10 сентября 1904 г.›

...*Об Андрееве*: неясно его *родство* с идеей освобождения человека от гнета разной кабалы, чем, на мой взгляд, он наиболее *интересен*. Нет ли в его творчестве страха жизни и атавизма литературного в этом страхе? Вспомните, что вы говорили о психологии барского творчества. Не видите ли вы в его пристрастии «к случаю» — некоего испуга мысли, недостатка мужества в ней? Не кажется ли вам, что передовые борцы демократии, вступающей в бой с буржуазной философией, моралью,— со всем духовным хозяйством буржуазии,— порою, заскакивая вперед, попадают в плен мещанского страха жизни, тоже одного из предметов духовного хозяйства мещан? Нет ли сего и у Горького?...

Автограф. АГ.

О Евгении Андреевиче Соловьеве — см. Переписка, № 5, прим. 2.

Речь идет о книге Е. Андреевича «Опыт философии русской литературы» (1905, изд. «Знание»). Рукопись книги была на просмотре у Горького; свои критические замечания он посылал Соловьеву через Пятницкого. Горький поощрял труд Соловьева (см. «Архив Горького», т. IV, письма 174, 229, 230, 231), и в целом одобрил книгу: «Это

положительно хорошая вещь, истинно-демократическая, это первая попытка дерзкой мысли пролетария осветить рост идеи свободы в России 〈...〉 Он — молодчина, Соловьев-то» (XXVIII, 320).

В книге Соловьева имеются две главы: «Леонид Андреев» и «Максим Горький», в которых даются сравнительные характеристики обоих писателей. Соловьев противопоставляет Андрееву Горького, который своей пьесой «На дне» вынес «беспощадный приговор» обществу.

Впоследствии Горький изменил свою оценку труда Соловьева. 18(31) января 1911 г. он писал П. Х. Максимову: «Пришлю вам Андреевича-Соловьева — эта книжка несколько легкомысленная, но интересная» (XXIX, 156).

Справа налево: ГОРЬКИЙ, Л. В. СРЕДИН, АНДРЕЕВ, Л. А. СУЛЕРЖИЦКИЙ
Фотография, Крым, март 1902 г.
Музей Горького, Москва

35. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Ялта. 21—22 сентября 1904 г.〉

...Андреев — чудак! Он не согласился подписать мое и Вересаева заявление о выходе из журнала, а написал Миролюбову письмо, смысл которого такой:

«Дорогой друг В. С.!

Для вас гораздо *выгоднее* бросить приближение к „Новому пути“ и возвратиться на старый.

Ваш Л. А н д р е е в»

〈...〉 Письмо прислано мне на просмотр. Буду убеждать Леонида порвать его...

XXVIII, 325.

Об инциденте с издателем «Журнала для всех» Миролюбовым и письме Андреева — см. Переписка, № 110.

36. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Рига. Середина октября 1904 г.〉

...Посылаю письмо Леонида[1], из коего явствует, что он меня не понял, хотя я писал ему толково, как мог. Но — все-таки — дело в шляпе, рассказ о сумасшедших[2] я отберу у него для одного сборника, а «Войну»[3] для другого.

В Москву я поеду прямо отсюда 19-го, 20-го буду там. Андрееву и Скитальцу телеграфировал[4]...

«Архив Горького», т. IV, стр. 167—168.

[1] См.— Переписка, № 115.

[2] Рассказ о сумасшедших — «Призраки». 3 или 4 ноября Горький писал о нем Е. П. Пешковой: «В литературе — новый рассказ Андреева в „Правде“» («Архив Горького», т. V, стр. 135. См. о нем также — Переписка, № 117, прим. 6).

Критика встретила этот рассказ противоречиво. Больше всего Андреева упрекали в натурализме описаний. Высказывания Андреева, раскрывающие творческую лабораторию писателя, приведены в кн.: В. В. Брусянин. Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М., 1912, стр. 74—75.

[3] Рассказ «Красный смех». См. о нем—Переписка, № 125—127. Рассказ этот причинил автору много волнений и беспокойств как во время работы над ним, так и после. Андреев писал М. П. Неведомскому из Москвы в декабре 1904 г.: «Ожидаю, как цензура поступит с моим „Красным смехом“. Вырежут, мерзавцы! Он уже здорово окорочен. Даже „любители российской словесности“, люди либеральные, почтенные, умные, чуть-чуть не анархисты — и те читать рассказ отказались: слишком де сильное впечатление (!?) производит, так что, избави бог, студенты произведут демонстрацию, и общество закроют. Что же может сказать цензура? Как ни странно, а особенного огорчения, если зарежут, я не испытаю — и мотивы к тому странные. Несколько раз я читал „Красный смех“ публично — и с каждым разом это занятие становилось мне все противнее и противнее. И чувство, с которым я возвращался домой, было такое: будто я кому-то протянул руку, чтобы поздороваться, а он, толстый, плоскорожий, самодовольный, поглядел на меня и отвернулся — не то просто не заметил, не то не счел нужным. Так рука моя и осталась в воздухе 〈...〉 К этому рассказу я не могу простить даже равнодушного отношения — быть может, потому, что тут слишком мало „рассказа“ и много боли...» («Искусство», 1925, № 2, стр. 268—270).

[4] Эта телеграмма Горького к Андрееву не дошла до нас.

37. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Петербург. 14 ноября 1904 г.

...Сегодня получен новый рассказ Андреева о войне — «Красный смех». Еще не успел прочитать, но, кажется, великолепно...

XXVIII, 337.

38. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Майоренгоф. 20 февраля 1905 г.

...Узнай через жену Гарина, что творится в Москве с Леонидом[1] и пр. ...

XXVIII, 353.

[1] Жена Гарина-Михайловского — Вера Александровна *Садовская* — см. о ней Переписка № 117, прим. 3.

Беспокойство Горького было вызвано известием об аресте Андреева 9 февраля (см. следующее письмо).

Аресты Горького, а затем Андреева вызвали возмущение среди прогрессивной интеллигенции. Так, Общество любителей российской словесности, собравшееся 12 февраля 1905 г., постановило «выразить глубокое негодование 〈...〉 по поводу участившихся за последнее время случаев ареста и заключения без всякого суда и следствия русских писателей, в том числе и больных его сочленов А. М. Пешкова (М. Горький) и Л. Н. Андреева» («Летопись», I, стр. 516).

39. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Бильдерлингсгоф, близ Риги. 20 февраля/5 марта 1905 г.〉

...Если вы имеете какие-либо вести об Леониде [1], отце [2] и вообще москвичах,— передайте на словах или письмом, а то — очень беспокойно 〈...〉 — В то же время — боюсь за Леонида — тюрьма — это, пожалуй, ему не по недугу...

XXVIII, 351—352.

[1] Андреев был арестован за предоставление своей квартиры для заседаний ЦК РСДРП 9 февраля 1905 г.

5 марта 1905 г. Московское губернское жандармское управление доносило в Департамент полиции о том, что 9 февраля на квартире Андреева состоялось собрание «главных деятелей Российской Социал-демократической партии 〈...〉 для выработки программы по вопросу о революционировании народных масс».

«По установленному наблюдению,— сообщалось в указанном донесении,— в квартире помощника присяжного поверенного и литератора Леонида Андреева собрались, после 11 часов дня, неизвестные лица, в числе коих был проживавший по нелегальному паспорту Виктор Крохмаль *, почему немедленно был произведен обыск, во время коего задержано было, кроме Андреева, также арестованного, девять лиц, пытавшихся при появлении полиции уничтожить разные рукописи и др. документы, бывшие с ними» (ЦГАОР, ф. ДП, VII, оп. 1, № 872, 1905, лл. 1, 5).

Далее в материалах жандармского управления от 5 марта говорится: «Андреев при допросе, давая показания, на все вопросы заявил, что у него постоянно бывают гости, просители, часто незнакомые ему, и действительно, кто-то из знакомых, кто именно не помнит, просил его позволить на имя какого-то Дубровинского ** собраться в его квартире, но для чего, он не помнит, так как этим не интересовался; он предполагал, что по литературному делу и что его после пригласят или ему скажут по какому делу они собрались».

В секретном донесении начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка Москвы от 12 февраля 1905 г. отмечается, что собрание происходило у Андреева «дабы не привлечь внимания полиции, в квартире лица, занимавшего известное общественное положение, но, конечно, принадлежащего к оппозиционному лагерю». Там же сообщается, что охранка раскрыла происходившее в квартире Андреева заседание ЦК РСДРП, напав на след приехавшего для участия в этом заседании «известного Департаменту полиции» Карпова ***, поселившегося по нелегальному документу «на имя Иосафата Феофилова Ден». «Утром 9 февраля названный Ден (Карпов) был проведен наблюдением в дом Шустова, в квартиру литератора Леонида Николаевича Андреева, куда вслед за Деном стали прибывать и другие лица, обратившие внимание наблюдения своими конспиративными приемами (прохаживались у дома), как бы проверяя себя, приезжавшие на извозчике останавливались не у подъезда и т. д.

Командированный в квартиру Андреева отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистр Фуллон с полицейскими надзирателями Охранного отделения застал там собрание из 9 человек, которые при виде полиции пытались порвать имеющиеся при них бумаги, записи, в чем скоро были остановлены...»

При обыске были найдены прокламации и номера газеты «Искра».

За Андреевым после освобождения из-под ареста было установлено постоянное наблюдение. Слежка эта несомненно ускорила отъезд писателя за границу. Из секретного донесения от 13 декабря 1905 г. видно, что «производство дела пом. прис. пов. Л. Андреева 〈...〉 окончено производством 1 сентября с. г. и препровождено для дальнейшего направления прокурорскому надзору 3 того же сентября за № 18916».

В упоминавшемся выше деле Департамента полиции (VII, оп. 1, № 872, 1905, л. 3) находится «Список лиц, привлеченных при Московском губернском жандармском управлении в качестве обвиняемых по 126 ст. Уголовного уложения:

---

* Виктор Николаевич *Крохмаль* (р. 1873) — социал-демократ; в конце 1904 г. был кооптирован в члены ЦК РСДРП от меньшинства.

** Иосиф Федорович *Дубровинский* (1877—1913) — профессиональный революционер, большевик-подпольщик; псевдоним и подпольные клички: Иннокентий, Инок, Практик и др., активнейший агент «Искры», неоднократно подвергавшийся тюремному заключению и ссылкам. Будучи членом ЦК партии, руководил работой местных организаций в Москве в период подготовки революции 1905 г. Был арестован в квартире Андреева. На допросе в полиции Дубровинский подтвердил, что он действительно просил Андреева разрешить собраться у него на квартире нескольким лицам для обсуждения некоторых вопросов, но каких именно якобы Андрееву не сказал.

*** Лев Яковлевич *Карпов* (1879—1921) — большевик-подпольщик, одно время работал в России в качестве агента ЦК партии; после Октябрьской революции — руководил химической промышленностью.

1) Андреев Леонид Николаевич, помощник присяжного поверенного.

Мера пресечения и место нахождения обвиняемого — денежное поручительство в 10 000 руб. На даче Лыжина на Черной речке Выборгской губернии.

1905 г. февраль 25.

Личные документы препровождены 25 февраля с. г. № 2357.

Н-к Моск. охр. отд.»

Далее, на л. 4 следует опись «вещественных доказательств, приложенная к настоящему дознанию». Взятые в квартире Андреева:

«Извещение о конференции.

Рукопись „Извещение о соглашении с либеральной и демократической партией".

Рукопись „По поводу Нижегородской революции".

1/2 листа с прокламацией.

№ 85 революционной газеты „Искра" за 1905 г.

1 экз. прокламации „Петиция петербургских рабочих к царю".

Прокламация „Граждане", прокламация „Пора кончать", прокламация „К рабочим", прокламация „К товарищам", прокламация „Рос. соц. Д. Р. П.", прокламация „Требование петербургских товарищей", прокламация „Либералы и пролетариат", прокламация „Товарищи", прокламация „Рос. Соц. Дем. Раб. партии"» и т. д. Там же — следующая запись: «У него лично ничего предосудительного, кроме револьвера системы браунинг с коробкой патрон».

Судя по записям дела № 91, 1905 г., в квартире Андреева было обнаружено: «№ 85 1905 г. „Искра"; 10 воззваний, из коих 9 Воронежского комитета соц.-демокр. партии; разорванное, расшифрованное письмо преступного содержания; черновик прокламации, писанный на листе почтовой бумаги „памяти почивших"; черновик прокламации, начинающейся словами: „предвидя возможность ликвидации самодержавия", два письма на двух листах почтовой бумаги с корреспонденцией в редакцию „Искра" за подписью Карамышева; рукопись на трех листах, писанная чернилами под заголовком „О хороших обедах и скверных обещаниях"; клочок бумаги с карандашными записями следующего содержания: 1) оценка действий правительства; 2) движение классов; 3) формы проявления: а) всеобщая забастовка, б) восстание, в) вооружение и техническая подготовка; 4) мимеографированный протокол группы общественных деятелей. Все перечисленные предметы, как усматривается из показаний вышеозначенных девяти лиц, принадлежат им».

В протоколе указано: «При обыске в разных помещениях найдены были предметы согласно прилагаемой при сем описи, между прочим, оказались в сиденьях (между сиденьем и спинкой) мягкой мебели предметы, не принадлежащие Андрееву, по его объяснению, а кому-то из девяти лиц, находившихся в квартире 〈...〉 пожелали сделать заявление, которое при сем прилагается 〈...〉

В одной из комнат и кухне оказалось два запертых сундука, а в сарае 11 ящиков, одна корзинка и один сундук (небольшой), которые по объяснению Андреева принадлежат врачу В. В. Смидовичу (литературный псевдоним — Вересаев), в которых был произведен обыск...»

22 февраля 1905 г. Московское губернское жандармское управление сообщало начальнику Московского охранного отделения о том, что в переписке, отобранной у Л. Андреева, обнаружены зашифрованные адреса некоторых лиц.

[2] Имеется в виду С. Т. Морозов, которого в дружеском кругу называли «отцом».

40. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

〈Майоренгоф. 27 или 28 февраля/12 или 13 марта 1905 г.〉

...Получил телеграмму от Леонида Андреева, очень рад, что его выпустили, а то боялся за его здоровье 〈...〉

Зайди к Фанни Татариновой и дай ей адрес Леонида Андреева — Москва, Грузины, Средне-Тишинский, дом Шустова. Скажи, что книги я прошу отправить все по этому адресу, а счет — за работу — на мое имя в «Знание» [1]...

XXVIII, 356—357.

27 февраля 1905 г. Горький из Майоренгофа писал Пятницкому: «Выпущен Леонид. Я рад. За Скитальца хлопочут» («Архив Горького», т. IV, стр. 178).

Случайно пришедший 9 февраля 1905 г. к Андрееву в гости Скиталец был также арестован. Сестра жены Скитальца, Е. Н. Григорьева, рассказывает подробности этого ареста в письме к отцу Н. К. Ананьеву (сб. «Революция 1905 года и русская литература», стр. 421).

[1] Речь идет о переплетении книг для подарка Пятницкому (см. об этом Переписка, № 117).

41. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Ялта. 8—9 апреля 1905 г.〉

...Мы с Леонидом составили 2-й том [1], книжка будет важная, если он, как обещал, переделает «Иностранца» [2] и «Призраки» [3]...

«Архив Горького», т. IV, стр. 182.

[1] Второй том «Рассказов» Андреева, вышедший в 1905 г. в изд-ве «Знание».

[2] Рассказ «Иностранец» был напечатан в «Русском богатстве», 1902, № 12. Андреев был сам не вполне удовлетворен им и собирался переделывать. Он писал Н. К. Михайловскому: «Очень, очень рад, что вам понравился „Иностранец“ — на этот раз наши вкусы совпали: мне рассказ не то, чтобы нравился, а вызывает он во мне чувство какой-то весьма приятной теплоты. Отсюда не следует, однако, чтобы конец рассказа я так и оставил — в его несколько искусственном и излишне тенденциозном виде. Постараюсь исправить и исправленное пришлю вам в конце октября» (ЛА, вып. 5, стр. 59).

Такие же обещания Андреев, видимо, давал и Горькому. Однако рассказ не подвергся переработке (там же, стр. 61). См. также выше № 23.

[3] О «Призраках» — см. Переписка, № 117. В письме к Пятницкому от 13 августа 1905 г. Андреев сообщает о высылке ему «проверенных, исправленных и дополненных „Призраков“» (АГ).

42. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 20—21 сентября 1905 г.

...Андреев написал своего «Губернатора» — озаглавив его «Бог отмщения». Вышло длинно, не очень сильно и вообще — не удалось, что он, к великому удовольствию моему, и сам понял. Печатать эту вещь не надо, как по первой — указанной — причине, так и по нецензурности, коя не искупается содержанием — то есть рассказ плох, пока, и рисковать — не стоит [1]. Но все же — какой это талант, Леонид! — есть места большой силы, дьявольски глубокие по настроению. Написал он еще рассказ «Христиане» и отдал его Миролюбову. У Миролюбова — не пройдет, в этом я уверен [2]. Во-первых, не понравится самому Виктору, во-вторых,— цензуре. Суть рассказа: проститутка отказывается принять на суде присягу, потому что она — «проститутка, значит, не христианка». Судьи, защитник, адвокат Волжский из «Вопросов жизни» [3], и всякие другие «христиане» убеждают ее в противном, а она — стоит на своем. Вот и всё. Написано — в форме репортерского отчета, не по-андреевски. По-моему — это усиливает впечатление...

XXVIII, 386.

[1] Рассказ «Губернатор» был напечатан в журнале «Правда», 1906, кн. 3. Относительно «нецензурности» рассказа Горький был прав: номер журнала, где печатался «Губернатор», был конфискован и запрещен.

17 октября 1905 г. Андреев писал Пятницкому: «„Губернатор“ мой вышел плох, оставил его на время или совсем» (АГ).

[2] «Христиане» были, вопреки опасениям Горького, пропущены цензурой и напечатаны в «Журнале для всех», 1906, № 1.

Тема рассказа была подсказана Андрееву С. Я. Елпатьевским (см. «Из воспоминаний» С. Я. Елпатьевского.— «Былое», № 27-28, 1924, стр. 281).

Как сообщает писатель С. Т. Семенов, «Христиане» очень понравились Толстому: «Когда я рассказывал об одном судебном деле, Лев Николаевич вспомнил прекрасно описанный суд у Леонида Андреева в его рассказе „Христиане“.

— Превосходно,— воскликнул Лев Николаевич,— вообще у этого писателя в его первых вещах много очень хорошего. Я недавно перечитывал его и нашел вещи чуть не первоклассные: „Жили-были“, „Валя“, „На реке“, за исключением конца, очень хорош. Вот, говорят, еще „Губернатор“ хорош, я его еще не читал. Но непременно прочитаю» (С. Т. Семенов. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. СПб., 1912, стр. 131—132; Семенов относит эти слова Толстого к сентябрю 1909 г.).

О положительной оценке «Христиан» и определении его как сатиры на quasi-христианство — см. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное), т. 57. М., 1952, стр. 372.

[3] Горький иронически называет адвоката (без фамилии) из рассказа Андреева «Волжским», уподобляя его таким образом Глинке-Волжскому (см. о нем Переписка, № 110).

43. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 7 ... 8 ноября 1905 г.〉

... Андреев написал пьесу «К звездам» [1]. Очень плохо...

XXVIII, 395.

[1] В. П. Тройнов присутствовал при обсуждении пьесы «К звездам» после ее чтения Андреевым. Горький дал суровую оценку пьесы и сделал автору много ценных предложений. Недовольство своим произведением высказал и Андреев в письме к Пятницкому (помета о получении 3 ноября 1903 г.— АГ). В первые дни ноября Андреев начал работу над новым, резко отличающимся от первого, вариантом пьесы (см. воспоминания В. П. Тройнова об этом в настоящ. томе).

Вот что рассказывает Телешов о замысле пьесы: «В этом же роде был еще случай с Леонидом Андреевым. Однажды вечером он долго бродил у нас на даче по саду, любуясь звездным небом, а жена моя, интересовавшаяся в то время астрономией, рассказывала ему что-то о созвездиях.

— Вот и прекрасно!— воскликнул вдруг Леонид Николаевич,— хорошая тема для пьесы: высоко на горе живет ученый, астроном, немолодой, которому до земли нет никакого дела. А внизу под горой происходит революция, которой нет никакого дела до неба. Из этого я что-то сделаю, не знаю — что, но напишу непременно! И написал „К звездам“» (Т е л е ш о в, т. III, стр. 49).

В статье «Руки прочь», посвященной критике оппортунистической книги «Москва в декабре 1905 г.» (в ней дана бичующая характеристика меньшевиков), Ленин писал: «Да поймите вы, жалкие люди, что быть 24(11)-го декабря в Москве в революционной организации и не говорить о восставшем народе могли бы только черносотенцы или педанты с совершенно выхолощенной душой вроде Поллака в „К звездам“ Леонида Андреева!..» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 164).

Андреев никогда не был удовлетворен своей пьесой. Новым опытом в области драматургии он считал «Жизнь человека». Андреев писал Чулкову в 1906 г.: «„К звездам“ — жидкая пиеска, нет в ней силы, нет удара. Этак сам с собою рассуждал. И слова тоже мелкие — петит. Каждое слово должно быть, как жернов, и между ними в порошок должна стираться душа читающего — вот как нужно писать» («Письма Леонида Андреева», стр. 22).

Печать горячо откликнулась на появление пьесы Андреева «К звездам». Многие критики сопоставляли ее с драмами Горького, например, В. Л. Львов-Рогачевский в статье «К жизни. (По поводу драмы Л. Андреева „К звездам“)» («Образование», 1906, № 7, стр. 47—64); А. А. Измайлов в статье «Поправки Андреева к „Детям солнца“» («Биржевые ведомости», 1906, № 9332, 9 июня) и др.

Весьма показательно, что царская цензура усматривала в пьесе «К звездам» явный призыв к свержению самодержавия. «Драма заканчивается настоящим гимном в честь погибшего сына-революционера 〈...〉 Вся эта символическая драма, талантливо и с большим подъемом написанная, служит идеализацией революции и ее деятелей, вследствие чего не может быть дозволена к представлению»,— писал 2 января 1906 г. цензор Ламкерт («Первая русская революция и театр. Статьи и материалы». М., «Искусство», 1956, стр. 338—339).

Осенью 1906 г. пьеса «К звездам» шла в Вене и имела большой успех. См. Переписка, № 144.

44. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Глион. Середина марта 1906 г.〉

...На днях Леонид пришлет вам свою новую пьесу.

Из его последних произведений это — самое крупное и интересное по задаче. Основная мысль должна вызвать горячие споры. Как пьеса — это гораздо выше предыдущей. Есть изумительно написанные роли — например, странник «Царь Ирод», послушник Вася. Очень хороши все монахи, и сильно сделан герой пьесы Савва. Вероятно, в России пьесу цензура не разрешит, пред Европой она может открыть много нового и глубоко интересного. Такая фигура, как Царь Ирод, это — нечто специфически русская и в то же время — общечеловеческая. Человек, живущий страда-

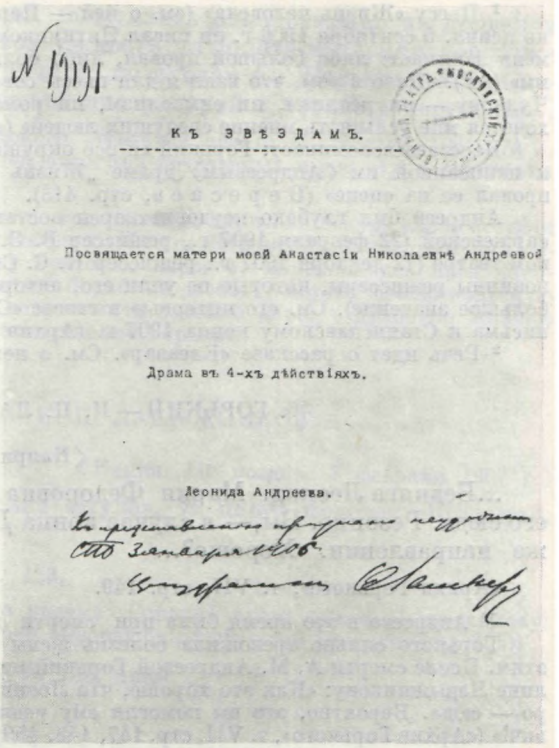
ЦЕНЗУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ДРАМЫ АНДРЕЕВА «К ЗВЕЗДАМ»

Был направлен Московским Художественным театром в цензуру для разрешения драмы к постановке

Заглавный лист

Внизу помета: «К представлению признано неудобным. СПб., 3 января 1906 г. Цензор драм. соч. О. Ламкерт»

Театральная библиотека им. А. В. Луначарского, Ленинград


№ 19191

КЪ ЗВѢЗДАМЪ.

Посвящается матери моей Анастасіи Николаевнѣ Андреевой

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Леонида Андреева.

нием, влюбленный в него и во Христа. Атеист Савва, герой пьесы, и этот странник — две очень большие и трагические фигуры. Думаю, что пьеса должна производить оглушающее впечатление. Везу ее с собой в Америку, где попытаюсь продать...

«Архив Горького», т. VII, стр. 136—137.

Сразу после окончания пьесы, 10 февраля 1906 г. Андреев писал Пятницкому из Мюнхена: «Вчера я окончил драму „Савва“ — вещь, которую опять-таки можно было написать только при двух противоположных влияниях: заграницы и российских зверств. К себе я отношусь вообще довольно строго, вы это знаете, но „Савву“ считаю вещью хорошей — серьезной и сильной. С „К звездам“ и сравнивать, конечно, нельзя. Понравится пьеса или нет,— это еще большой вопрос,— слишком она остра и радикальна. И мрачна она, как чёрт. Но самое в ней плохое — это ее нецензурность». Около 14 марта 1906 г. Андреев писал Пятницкому уже из Глиона, после встречи с Горьким: «Вот пьеса „Савва“ — Горький говорит, что Саввы не было еще не только в русской литературе, но и в мировой — а что из того? Только и есть, что за этого Савву — по словам того же Алексея — меня посадят ⟨...⟩ Алексей взял экземпляр с собой в Америку, хочет продать его там, да не удастся» (АГ).

Позже Горький изменил свое мнение о «Савве» и осудил ее за искажение «наиболее редких и положительных явлений действительности» (см. выше воспоминания Горького об Андрееве). Андреев сам понимал сложность и противоречивость пьесы. Он сообщал Чулкову 4 февраля 1906 г.: «Написал драму „Савва“ — жестоко анархическую. Кажется, есть в ней некоторая сила, а что ругать меня будут за нее до смерти, это верно. Только ей-богу не за что, ибо и здесь я стараюсь остаться прежде всего художником» («Письма Леонида Андреева», стр. 23).

45. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Капри. Не позднее 14/27 октября 1906 г.⟩

...Как вам нравится «Жизнь человека» [1]? Мне — нет, что я и написал Андрееву. А Лазарь — хорошо! [2]...

XXVIII, 439.

[1] Пьесу «Жизнь человека» (см. о ней — Переписка, № 145 и др.) Андреев высоко ценил. 5 сентября 1906 г. он писал Пятницкому: «Вот пьеса, которая очень и очень меня занимает: либо большой провал, либо большой успех и новая форма для драмы» (АГ). «Дело в том, что взял я для пьесы совершенно новую форму,— сообщал он Чулкову,— ни реализм, ни символизм, ни романтика — а что, не знаю — и очень хочется мне услышать мнение сведущих людей» («Письма Леонида Андреева», стр. 12).

Вересаев вспоминает: Горький «и все окружающие отнеслись очень отрицательно к написанной им ⟨Андреевым⟩ драме „Жизнь человека" и предсказывали полный провал ее на сцене» (В е р е с а е в, стр. 413).

Андреев был глубоко неудовлетворен постановками драмы как в театре Комиссаржевской (22 февраля 1907 г., режиссер В. Э. Мейерхольд), так и в Художественном театре (12 декабря 1907 г., режиссер К. С. Станиславский). Он считал, что в этом повинны режиссеры, которые не учли его, авторские, ремарки (Андреев придавал им большое значение). См. его интервью в газете «Сегодня» (1907, 20 сентября), а также письма к Станиславскому конца 1907 г. (Архив Музея МХАТа).

[2] Речь идет о рассказе «Елеазар». См. о нем — Переписка, № 146.

46. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

⟨Капри. Вторая половина ноября 1906 г.⟩

...Бедняга Леонид. Мария Федоровна хочет ехать в Берлин и привезти его сюда. Резонно. Вы,— в случае конца Дамы Шуры,— действуйте в этом же направлении. Хорошо?...

«Архив Горького», т. VII, стр. 149.

У Андреева в это время была при смерти жена. См. Переписка, № 148.

Горького сильно тревожила болезнь жены Андреева и его состояние в связи с этим. После смерти А. М. Андреевой Горький писал находившемуся в то время в Берлине Ладыжникову: «Как это хорошо, что Леонид не едет в Москву! И что он так скоро — сюда. Вероятно, это вы помогли ему решить так — спасибо вам, Иван Павлович!» («Архив Горького», т. VII, стр. 147, 148, 150). Эти слова были откликом на письмо Андреева, в котором тот сообщал о своем намерении приехать на Капри.

В конце 1906 г. Горький написал Гржебину: «У Андреева умерла жена. Но через десять дней он будет здесь, и я его попробую заставить работать...» (АГ).

47. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

⟨Капри. Середина/конец декабря 1906 г.⟩

...Нас здесь целая колония — Леонид с Димкой [1], Иван Павлов [2], Пятницкий. Место — хорошее. Позднее все вместе поехали бы по Италии...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

[1] *Димка* — Вадим Андреев, старший сын писателя.

[2] Ладыжников.

48. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

⟨Капри. 30 января/12 февраля 1907 г.⟩

...Леонид написал рассказ «Иуда Искариот и другие» [1] — два дня мы с ним говорили по этому поводу, чуть не до сумасшествия, теперь он переписывает снова. Вещь, которая будет понята немногими и сделает сильный шум...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

[1] Об «Иуде Искариоте» — см. Переписка, № 157.

49. ГОРЬКИЙ — ВИЛЬГЕЛЬМУ ФЕЛЬДМАНУ

⟨Капри. Январь ... февраль 1907 г.⟩

...Нам,— мне, Л. Андрееву и другим товарищам по книгоиздательству «Знание»,— нам хотелось бы устроить так, чтоб лучшие произведения

современных польских писателей печатались одновременно на польском и русском языке. Это дало бы возможность улучшить материальное положение польского писателя — трудное, по словам С. Жеромского — и наградило бы русский народ хорошей литературой в хороших переводах...

«Еженедельное обозрение» Польского агентства печати (Варшава), 1961, № 3, стр. 19—20. На стр. 20 воспроизведен автограф печатаемых выше строк из письма Горького.

Письмо без даты, но, как следует из содержания, написано вскоре после встречи Горького на Капри с польским писателем Стефаном Жеромским, с которым они обсуждали взаимоотношения литератур братских народов. «Преклоняясь пред народом польским, неутомимым в его великой борьбе за свободу, горячо люблю польскую литературу и был бы безмерно рад познакомить русский народ с духовной жизнью его братьев по крови»,— заявлял в этом письме Горький.

50. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. Не позднее 7 февраля 1907 г.〉

...Андреев заканчивает рассказ «Иуда». Я пишу повесть «Шпион» [1]. Литература!

«Архив Горького», т. VII, стр. 155.

На следующий день после этого письма Горький снова писал Ладыжникову: «Андреев кончил „Иуду". Вещь, которая вызовет большой шум» (там же, стр. 155).

[1] О «Шпионе» — см. Переписка, № 152, прим. 2.

51. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. Не позднее 8 февраля 1907 г.〉

...Янсон [1] обратился к Андрееву с просьбой дать 300 марок. Андреев предлагает мне дать эти деньги. Если вы можете, то есть, если у вас имеются еще какие-нибудь мои деньги — дайте Янсону, нет у вас — сообщите,— вышлю отсюда. А потом поставьте эти деньги в счет Андреева...

«Архив Горького», т. VII, стр. 155.

[1] Ян Эрнестович *Янсон-Браун* (1872—1917) — один из основателей социал-демократического движения в Латвии, большевик, редактор латышской газеты «Dinas lapa» («Ежедневный листок»), критик и публицист, работавший над книгой о революционном движении в Прибалтийском крае. Горький, относившийся к Янсону очень дружески, собирался писать к ней предисловие.

С Андреевым Янсон был тоже в дружеских отношениях. В архиве Янсона (в Риге) сохранились два письма Андреева 1906 и 1909 гг.

Янсон был первым переводчиком пьес «Анатэма», «Анфиса» и «Gaudeamus» на латышский язык; он же написал несколько статей о творчестве Андреева: «„Анатэма" Л. Андреева» (журнал «Isglitiba», 1909, № 5—6); «Новые работы Андреева» (газ. «Laynas dinas lapa», 1910, № 185); «Литературные заметки. Новая трагедия Л. Андреева („Океан")» (газ. «Laika balee», 1911, № 33—34). Янсоном сделан доклад «Из новейшей русской литературы», в котором большое место занимает анализ творчества Андреева (частично опубликован В. А. Штейнбергом в статье «К вопросу о связях М. Горького с Латвией».—«Известия АН Латвийской ССР», 1956, № 1). По свидетельству вдовы Брауна — А. Янсон, доклад этот был прочитан Янсоном-Брауном, проживавшим в 1907—1910 гг. в Финляндии, финским социал-демократическим студентам в Хельсинки.

52. ГОРЬКИЙ — Д. Я. АЙЗМАНУ

〈Капри. 12/25 февраля 1907 г.〉

...Вы не замечаете, что у вас в этом рассказе [1] слишком обильно посеян союз «и»? Читая вслух — получается некий некрасивый визг — и-и-и-и.

Злоупотребление этим звуком даже Андрееву не всегда благополучно сходит с рук ⟨...⟩

Печатается моя «Мать», новый рассказ Андреева [2], очень интересный ⟨...⟩ и еще много славных вещей...

XXIX, 15—16.

[1] Речь идет о рассказе Айзмана «Сердце бытия»; опубликован в 16-м сб. «Знание», 1907.

[2] Рассказ «Иуда Искариот».

53. ГОРЬКИЙ—Е. К. МАЛИНОВСКОЙ

⟨Капри. Февраль? 1907 г.⟩

...Андреев здесь у меня [1], я с ним говорил, но — безуспешно, пока. Вы сделайте вот что: просите Вересаева взять на себя редактуру сборника или — просите об этом Андреева [2]. Лучше сначала второго — больше шансов, что он согласится. Я помогу вам уговорить его. Больше шансов — я говорю так потому, что знаю желание Андреева выпустить сборник под своей редакцией, а настроения Вересаева не знаю...

Автограф. АГ.

Елена Константиновна *Малиновская* (1870—1942) — член большевистской партии, товарищ Горького по совместной общественно-политической работе в Нижнем-Новгороде; в период, к которому относится письмо, она была членом Московской организации большевиков. После Октябрьской революции — видный деятель советской культуры.

[1] Андреев приехал на Капри в декабре 1906 г. и пробыл там до весны 1907 г.

[2] Вопрос о создании сборника обсуждался много месяцев; первые упоминания о нем относятся к январю—марту 1907 г. Переговоры велись Горьким с переменным успехом, что крайне его беспокоило. В письме к Пятницкому от 13 декабря («Архив Горького», т. IV, стр. 221) Горький не раскрывает полностью назначение сборника. Он завуалированно называет его «благотворительным». Но, конечно, сборник этот, как и все другие, которые Горький мечтал направить против растущей реакции, должен был служить революционным задачам. «Вообще нам, „Знанию", необходимо занять боевую позицию, необходимо определенно встать против всей этой сволочи, которая с таким шумом ныне поднимается на первые позиции»,— писал Горький Пятницкому. В этом же письме он сообщал, что в сборнике должен принять участие Ленин: «Сборник литературно-публицистический. Редактор по литературе — Вересаев, по публицистике — И. И. Степанов-Скворцов. Сотрудники — Ленин, Богданов, Луначарский, Рожков, Покровский, Вересаев, я».

Организация этого сборника была, видимо, поручена Малиновской. Горький принял в нем деятельное участие: он обратился к Вересаеву, Андрееву и другим (см. подробнее там же, стр. 367).

И Вересаев и Андреев отказались от сотрудничества в сборнике, что очень огорчило Горького. В письме к Малиновской он жаловался: «Я чувствую себя человеком, который в ревности своей стукнулся лбом об стену, что и довожу до сведения вашего. За сим прошу написать мне, в какой степени серьезно предпринятое вами и на какой стадии развития стоит оно». Тут же Горький добавлял: «Ваше письмо Андрееву передал, но от участия в сборнике он отказался. Его письменный ответ я отдал Катерине ⟨Е. П. Пешковой⟩ для отсылки вам, ибо в ту пору хворал» (АГ).

Малиновская ответила Горькому в первой половине марта 1907 г.: «Письмо Леонида Николаевича тоже получила и за то, что ответил, очень признательна. Доводы его мне не показались убедительными вообще, а тем более в данном случае, так как предполагалось обязательно оплатить труд большинства авторов. Во всяком случае ясно, что сейчас сборник издать не придется, отложим до более благоприятного времени. Вам сердечное спасибо за отзывчивость. Мы даже и не помышляли, что вы возьмете на себя редактирование — это было бы слишком. После вашего письма о том, что вы заняты большой работой, и пояснений В. А. ⟨Поссе⟩ я не просила вас и писать что-либо кроме предисловия. Последнее, мне казалось, не отвлекло бы вас слишком, а дало бы тон всему сборнику, гарантировало бы его успех. Вы предлагаете сойтись на том, что вы откупитесь. Деньги так нужны всегда, что об отрицательном ответе не может быть и речи, но не связывайте себя обещанием. Удобно вам будет — пришлете,— нет — что делать, не последний раз обратились к вам с просьбой. За ваше желание помочь — примите нашу искреннюю благодарность...» (АГ).

АНДРЕЕВ

Фотография К. К. Буллы. Снят у И. Е. Репина в «Пенатах», 27 мая 1905 г.

Архив Горького, Москва

Как видно из упомянутого выше письма Горького к Пятницкому, он предполагал дать в сборник свое произведение.

Приблизительно 13 декабря (датируется по записной книжке Горького) он написал Вересаеву: «Елена 〈Малиновская〉 известила меня, что вы согласились редактировать литературную часть сборника,— искренно рад!— спешу сообщить вам о полной моей готовности помочь делу всем, чем могу. Мой рассказ вы получите к сроку, который будет указан вами». Далее Горький предлагал поручить издание сборника товариществу «Знание», считая, что такой сборник послужит интересам демократической мысли и литературы. Однако, несмотря на все усилия Горького, издание осуществить не удалось.

54. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

〈Капри. Середина/конец марта 1907 г.〉

...Читала «Тьму» Андреева? «Царь-Голод»? Нет? Выпиши от Ладыжникова эти книжки и его же «Заклятие зверя»[1]...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

[1] Рассказ вышел под названием «Проклятие зверя».

55. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. Март ... апрель 1907 г.〉

...Здесь много русских писателей — Вересаев, Айзман, Леонид — это мрачные люди, они сидят, нахмурив лбы, и молча думают о тщете всего земного и ничтожестве человека, говорят же они о покойниках, кладбищах, о зубной боли, насморке, о бестактности социалистов и прочих вещах, понижающих температуру воздуха, тела, души. Вянут цветы, мухи дохнут, рыбы мрут, камни гримасничают так, будто их сейчас вырвет. Увы мне!...

XXIX, 18.

В апрельские же дни 1907 г. Горький писал Е. П. Пешковой, что высылает ей вместе со своим романом «Мать» андреевского «Иуду» (АГ. Личный архив Е. П. Пешковой).

56. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. 21 или 22 мая/3 или 4 июня 1907 г.〉

...Андреев напился и наскандалил здесь на всю Италию, чёрт его дери! Оттого он и сбежал столь скоропалительно. Кого-то столкнул в воду, и вообще — поддержал честь культурного человека и русского писателя. Ах, дьяволы...

XXIX, 19.

Беспокойство Горького о состоянии здоровья Андреева нарастало по мере получения им вестей из России о приехавшем туда Андрееве. В августе—сентябре 1907 г. он писал Ладыжникову: «Что Леонид? Страшно боюсь, как бы он не начал снова пить, — это было бы ужасно для него». В 20-х числах сентября Горький снова обращается к Ладыжникову: «А Леонид страшно пьет, как мне сообщают, процивает массу денег, исчезая из дома на целые недели. Сильно боюсь, как бы его не избили где-нибудь пьяного! Не знаю, как подействовать в том смысле, чтобы ускорить его приезд сюда?» («Архив Горького», т. VII, стр. 166). 25 сентября он спрашивает Боголюбова: «Мне пишут, что Андреев страшно пьет — неужели это правда? Вот бедняга — это может убить его» (АГ).

57. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. 2—3/15—16 сентября 1907 г.〉

...Леонид написал Моргано[1], что он на зиму едет сюда. От редактуры сборников — он отказался[2]...

XXIX, 26.

[1] Об Энрико Моргано — см. Переписка, № 151, прим. 12.

[2] Речь идет о сборниках «Знания», которые Андреев согласился редактировать во время пребывания Пятницкого за границей. См. Переписка, № 150 и 151.

Боголюбов писал из Финляндии по этому поводу Пятницкому 22 августа 1907 г.: «Был у Андреева по возвращении его из Москвы. По обыкновению, непременным завсегдатаем был и Гржебин. Слова Андреева: „А сборники-то „Знания“ я не буду редактировать, откажусь“. При Гржебине я не считал возможным расспросить и промолчал, будучи уверен, что тому все поведано. Затем Андреев зашел ко мне на дачу; передал о письме к нему Алексея Максимовича. После этого, говорит, я не считал для себя возможным принять редакторство, привлечь новых авторов и т. д. Но заявил, что все-таки решение откладывает до личных переговоров с вами в видах скорого вашего возвращения (между 15—20 августа). После же хотел пустить в газете, что он отказывается от редактирования сборников по болезни. Такая заметка в некоторых газетах уже появилась, но не от его лица, а как слух: „нам передают...“» (АГ).

О несомненном интересе Андреева к направлению сборников «Знания» свидетельствуют и следующие строки из письма Боголюбова к Пятницкому от 22 августа 1907 г.: «Эрастов хлопочет об отдельном издании „Отступления“. Он прислал мне для передачи Андрееву для прочтения новой его вещи „Тихий фиорд“. Андреев признал ее слабой. Между прочим поязвил: „Какие сборники с Эрастовыми, Кипенами, Скитальцами... они тихо почиют“...».

58. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. 1 ... 6/14 ... 19 октября 1907 г.〉

...Видите вы москвитянскую газетину, «Утром России» именуемую?[1]— Вот гнусная окрошка! Сотрудники: Озеров-зубатовец, Чириков, Тан, Н. Иорданский, мек * и б〈ывший〉 член ЦК! Сологуб-садист, А. Белый, Блок и в этом вредном винегрете Леонид Андреев, редактор литературного отдела 〈...〉 Шучу и ругаюсь, но — если бы вы знали, как мне обидно за Леонида — до болл! Вот уж дернул его чёрт!...

XXIX, 27.

[1] Газета «Утро России» — орган либеральной буржуазии; субсидировалась капиталистами Рябушинскими; выходила в 1907 и 1909—1916 гг. Имела большой литературный отдел. Одно время редактором ее был А. П. Алексеевский — родственник и друг Андреева. В 1909 г. газета привлекла к себе особое внимание публикацией неверного слуха об исключении Горького из рядов социал-демократической партии (№ 34, 15 ноября. См. статью Ленина «Басня буржуазной печати об исключении Горького».— Полн. собр. соч., т. 19, стр. 153).

Горький был глубоко опечален участием Андреева в этой газете. Еще около 20 сентября 1907 г. он писал Боголюбову с Капри: «И подпишитесь на газету „Утро России“, в коей будет действовать Андреев и всех цветов писатели...» (АГ).

Андреев продолжал сотрудничать в «Утре России» вплоть до 1917 г.

Кроме Горького и другие товарищи Андреева по литературной работе давали весьма нелестную оценку этой газеты. Так, например, Чириков, сообщая о полученном от Серафимовича письме, делился с Андреевым: «Он вопит относительно „Утра России“, называя его балалайкой на бульваре и румяной б〈.....〉. Правильно. Последний, рождественский №, с колокольным звоном и „Рождением Христа“ — есть отрыжка святого распинающего Христа мещанства!.. Противно!.. Мы с Серафимовичем думаем отказаться от сотрудничества 〈...〉 Ты мне говорил, что тоже чувствуешь тошноту от этого „органа серьезной деловой мысли“. Если желаешь — откажемся втроем. Напиши. Можно без объяснения причин, прямо: „От сотрудничества в „Утре России“ отказываемся“» (ЦГАЛИ; письмо от 21 января 1910 г. из Церковки).

59. ГОРЬКИЙ — С. П. БОГОЛЮБОВУ

〈Флоренция. 17 октября 1907 г.〉

...Леонид уходит в «Шиповник»? Ну, что ж, это понятно,— он настолько вырос, что пора ему играть самостоятельную роль. Пускай попробует. Боюсь только, что его околпачат...

Автограф. АГ.

* Так сокращенно называли меньшевиков.— *Л. Н.*

Прогноз Горького оправдался скоро: уже в 1910 г. Андреев порвал с «Шиповником» и заключил показавшийся ему более выгодным договор с издательством «Просвещение» (см. об этом Переписка, № 158).

Уход Андреева из «Шиповника» наносил этому издательству большой урон. В сентябре 1910 г. Горький написал Амфитеатрову: «Андреев продал все написанное за 100 тысяч рублей и все, что впредь напишет, по 1000 рублей за лист „Просвещению". Немцев можно поздравить с победой,— это выгодно им. Но — что же будет делать „Шиповник"? Сколь все шатко и валко на земле сей!» (АГ).

60. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Флоренция. 23 ... 24 октября/5 ... 6 ноября 1907 г.〉

Вы прочитали новые рассказы Леонида? Что чувствуете?

На меня они оба произвели отвратительное впечатление, и я рад, что эти грязные вещи появятся не у нас.

Резко говорю? Нет! «Тьма» — отвратительная и грязная вещь[1]. Ее истинным автором является ее герой — известный вам Василий Федорович [2], болван, которому я дал бы пощечину, будь он около меня. Я предупреждал, я просил этого скота не говорить Леониду о революции и своем участии в ней, я прямо указывал ему, что Леонид немедленно постарается испачкать все, чего не поймет.

Этот жалкий, больной малый носит в себе животное, он весь — во власти животного и вот почему тоскует о звере. Зверь не по силам ему, а животного он боится, когда трезв. Животное в нем всегда, и всегда оно понуждает его отрицать, бороться с человеческим — чистую, поэтически настроенную девушку велит изнасиловать [3], революционера — свалить в грязь, человека вообще — нарисовать пошлым, мелким, бессильным. И все это гнусно, все это — пакость.

Очень талантлив Леонид вообще — не в данных рассказах,— очень велик он, как нарыв во всю спину, но он нам — чужой.

Поймите это, он — чужой. Его дорога — круто направо. Его задача — показать во всяком человеке прежде всего скота,— социальная ценность такого намерения и вредна и погана.

Идиот Василий Федорович получил должное за свой рассказ, изумительно гадок он в изображении Леонида!

«Заклятие зверя» [4] — вещь избитая, написана плохо, о ней не стоит говорить.

Мне хотелось бы, чтоб вы подумали о Леониде и его тяготении прежде, чем встретитесь с ним 〈...〉

Огорчил меня Леонид — ужасно! Точно палкой ударил.

XXIX, 28—29.

[1] Об отношении Горького к рассказу «Тьма» — см. Переписка, № 156.

Андреев тяжело переживал отрицательное отношение Горького к рассказу «Тьма». Под его влиянием он пересмотрел свое отношение к этому произведению и в интервью, данном журналисту А. Потемкину («Петербургская газета», 1908, № 235, 27 августа), сказал о «Тьме»: «Вот эта вещь, несмотря на все усилия сделать из нее что-нибудь порядочное, мне совсем не удалась. А стараний было много, я никогда так не бился над вещью, как в этот раз... Жаль, очень жаль, что испортил тему, которую считаю чрезвычайно важной и интересной... Большая, огромная тема... Мне „адски" досадно, что не справился с нею...».

В беседе с Клейнбортом Андреев спросил: «Слышали вы про эпизод, с которым связывают мою „Тьму"?». И далее Клейнборт записал со слов Андреева: «...Чего Горький от него хочет? Чтобы он, Андреев, был верен характеру? Но ведь характер для него как для художника не существовал. Он не знал революционера. Он художественно обобщил то, что случайно дало толчок его творческому воображению. Разве художник чем-либо связан? Разве он исказил подлинный характер?» («Былое», № 24, 1924, стр. 174—175).

[2] Рутенберг. См. о нем — Переписка, № 156, прим. 5.

[3] Горький имеет в виду нашумевший рассказ Андреева «Бездна».

[4] «Проклятие зверя».

61. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Флоренция. Около 24 октября/6 ноября 1907 г.〉

...А рассказы Леонида — оба плохи [1]. «Тьма» же — отвратительна, хотя Василий Федоров — ее герой — заслуживает такого изображения...

XXIX, 30.

[1] Имеются в виду рассказы «Проклятие зверя» и «Тьма».

62. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Флоренция. 25 ... 27 октября /7 ... 9 ноября 1907 г.〉

Посылаю вам, дорогой друг мой, письмо Леонида [1].

Он всегда отзывался о Тимковском как о человеке скучном и бездарном [2]. Сопоставляя его отзывы с любезным предложением рукописи Тимковского для «Знания», я вижу в этом выходку не очень остроумную [3]...

«Архив Горького», т. IV, стр. 207.

[1] См. Переписка, № 154.

[2] В письме к невесте Андреев писал 7 июля 1901 г.: «Тимковского очень огорчает и даже возмущает то, что после обеда они все читают, а я — сплю; что я очень люблю чай, что я увлекаюсь велосипедом, интересуюсь фотографией, не играю в городки (он сам играет — для моциона), купаюсь два раза, спорю, а не соглашаюсь; что для мыла у меня так-таки и нет мыльницы, что по ночам я курю, что белье у меня записано, но неверно, что я езжу в Майоренгоф, что я люблю Горького. Теперь я вполне понял, почему так не любит Горький Тимковского! С внешней стороны Тимковский вполне корректен; удобно с ним иметь дело и относительно денег, так как смотрит он на это очень просто, то есть как на простой долг, а не дружескую услугу: записывает каждую копейку и, заняв у меня облатку хинина, торопится оную возвратить. Будь иначе, я давно уехал бы отсюда» (Автограф. Собрание Вадима Леонидовича Андреева. Женева. Копии писем находятся в Музее в Орле).

[3] Через несколько дней после приведенного выше письма к Пятницкому Горький послал ему рукопись Тимковского «На озере» с припиской: «Будьте добры возвратите ее Л. Андрееву. Я думаю,— Леониду понятны мотивы возврата этой рукописи, если же он попросит сообщить их,— следует напомнить ему, что он сам всегда отзывался о Н. И. Тимковском как о писателе однообразном и скучном. Писать ему, то есть Леониду, мне не хочется, да и не о чем» («Архив Горького», т. IV, стр. 209). Об отношениях Горького и Андреева к Тимковскому — см. также Переписка, № 17, прим. 2.

63. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Рим. 6—7/19—20 декабря 1907 г.〉

...А Леонид издал «Жизнь человека» в «Шиповнике»? [1] Так. А что, у вас еще не атрофировалась способность возмущаться людьми?

Иван Павлович сообщил мне, что Леонид все время пьет,— неужели? Видите вы его? Не посоветуете ли специальную лечебницу для алкоголиков? Право же, это ужасно; меня не так пугает сама болезнь его, как возможность какой-либо ужасной истории на этой почве. Я читал, что его однажды били, и не могу не думать, что это может быть трижды и десять раз и что когда-нибудь его изувечат. Неужели в минуты трезвые его нельзя заразить этим страхом 〈...〉

Вы получили «Голод» Леонида? [2] Иван Павлович уже получил, и на днях я буду читать эту вещь. Ладыжников пишет: «Хуже „Жизни человека“ и нецензурно»...

XXIX, 38—39.

[1] «Жизнь человека» была напечатана в альманахе «Шиповник», кн. 1 (1907). Участие в нем Андреева означало отход писателя от «Знания».

[2] О «Царе-Голоде» — см. Переписка, № 151 и др.

Приблизительно 6 декабря 1907 г. Горький просил Ладыжникова: «Вы не могли бы прислать мне „Голод" на день, для прочтения? Возвращу немедля. Будьте добры» («Архив Горького», т. VII, стр. 171).

Лишь немногие произведения Андреева вызывали у автора их чувство удовлетворения. Одним из таких была пьеса «Царь-Голод». Беседа о ней с журналистом Кодаком («Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10806, 12 ноября) дала повод Андрееву высказаться о литературе вообще и об этом произведении в частности.

На вопрос интервьюера: «Какое из его произведений более всего удовлетворяет Андреева», писатель ответил: «Конечно, вполне меня не удовлетворяет ни одно мое произведение, но более других, из последнего, написанного мною, удовлетворяет меня „Царь-Голод". Большинство критиков отнеслось к этой вещи совершенно отрицательно. Но, по-моему, как преувеличены были восторги по поводу „Семи повешенных", так несправедливы были отзывы о „Царе-Голоде". Во всяком случае, я думаю, что эта вещь получит свою настоящую оценку только в критике будущего...».

Около 14 января 1908 г. Горький писал Пятницкому о переходе Андреева в «Шиповник»: «Андреев ушел совсем? Если так, я был бы рад. Его „Тьма" и „Царь-Голод"— вещи, которые возмущают меня. Многописание ему вредно, не менее, чем слава, видимо, отравившая слабый желудок молодого человека» (XXIX, 49). И на ту же тему Ладыжникову в конце января 1908 г.: «„Царь-Голод"— плохо! Леониду не надо много писать!» («Архив Горького», т. VII, стр. 173).

64. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Рим. 13/26 декабря 1907 г.〉

...Отвратительное впечатление произвел на меня роман Сологуба в 3-м «Шиповнике» [1]. И — рядом с ним Андреев [2],— странно и позорно совпадающий в своем парадоксе с блевотиной гнусного старичишки 〈...〉 Очень прошу Семена Павловича [3] выслать мне сборник «Земля» с новой пьесой Леонида «Любовь студента» [4]...

XXIX, 43.

[1] Речь идет о романе Сологуба — «Навьи чары» (1-я часть трилогии «Творимая легенда»).

[2] Рассказ Андреева «Тьма».

[3] Боголюбова.

[4] «Любовь студента» — первоначальное название пьесы «Дни нашей жизни». Впервые была напечатана не в альманахе «Земля», а в 26-м сборнике «Знание» (1908), ставилась в Москве в театре Корша и во многих других театрах страны. Пользовалась большим успехом у широкой публики. 6 февраля 1909 г. спектакль, поставленный в Париже, посетил Ленин, о чем он писал А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Сейчас собираемся с Маняшей 〈М. И. Ульяновой. — *А. Н.*〉 в театр — на русский спектакль. Дают „Дни нашей жизни" Андреева» (Собр. соч., т. 37, стр. 327).

65. ГОРЬКИЙ — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Рим. 19...25 декабря 1907 г.〉

...Посылаю «Царь-Голод» [1]. Мне не очень понравилось это. Чего-то нет и что-то дано в излишке. Быть может, я не прав,— читал один раз и наспех, хотелось послать вам поскорее.

Автограф. АГ. Датируется по содержанию.

[1] Около 18 декабря 1907 г. Горький из Рима запрашивал Ладыжникова: «Что же вы не прислали мне „Голод"? И получили ли новую пьесу Леонида —„Любовь студента"? 〈...〉 Вот начал валять парень! Нездорово это для его таланта...» («Архив Горького», т. VII, стр. 172).

66. ГОРЬКИЙ — Е. К. МАЛИНОВСКОЙ

〈Рим. 26 декабря 1907 г.〉

...Андреева — жаль! Как хорош он был на Капри! [1] Боюсь я за него — захворает или — что хуже — влопается в какую-нибудь историю.

Автограф. АГ.

Среда, 12-го Декабря.

ДЛЯ 1-ГО АБОНЕМЕНТА.

ВЪ 1-Й РАЗЪ:

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА,

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ 5-ТИ КАРТИНАХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ, Л. Н. АНДРЕЕВА.

ПРОЛОГЪ. 1-Я КАРТИНА—РОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА. 2-Я КАРТИНА—ЛЮБОВЬ И БѢДНОСТЬ. 3-Я КАРТИНА—БАЛЪ У ЧЕЛОВѢКА. 4-Я КАРТИНА—НЕСЧАСТІЕ ЧЕЛОВѢКА. 5-Я КАРТИНА—СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

НѢКТО ВЪ СѢРОМЪ, ИМЕНУЕМЫЙ ОНЪ . . . И. М. УРАЛОВЪ,
ЧЕЛОВѢКЪ . . . Л. М. ЛЕОНИДОВЪ,
ЕГО ЖЕНА . . . В. В. БАРАНОВСКАЯ,
ОТЕЦЪ . . . Н. І. МАССАЛИТИНОВЪ,

РОДСТВЕННИКИ:
. . . М. А. САМАРОВА,
. . . А. М. ЛАВРЕНТЬЕВЪ,
. . . В. Н. ПАВЛОВА,
. . . Л. М. КОРЕНЕВА,
. . . А. Ф. ГОРЕВЪ,
. . . Ю. Л. РАКИТИНЪ,

ДОКТОРА:
. . . Г. С. БУРДЖАЛОВЪ,
. . . А. А. МГЕБРОВЪ,

СТАРУХИ:
. . . Н. С. БУТОВА,
. . . Е. П. МУРАТОВА,
. . . А. И. ПОМЯЛОВА,
. . . Н. И. РУМЯНЦЕВА,
. . . С. В. ХАЛЮТИНА,

СОСѢДИ:
. . . А. И. АДАШЕВЪ,
. . . А. Р. АРТЕМЪ,
. . . Л. И. ДМИТРЕВСКАЯ,
. . . М. А. ЗНАМЕНСКІЙ,
. . . Н. И. РУМЯНЦЕВА,
. . . І. А. СОЙФЕРЪ,

ГОСТИ ЧЕЛОВѢКА:
. . . М. Ф. БАЛІЕВЪ,
. . . Н. Н. ГОРИЧЪ,
. . . Н. М. ЗВАНЦЕВЪ,
. . . Л. А. КОСМИНСКАЯ,
. . . М. П. ЛИЛИНА,
. . . Е. П. МУРАТОВА,
. . . А. И. ПОМЯЛОВА,
. . . Е. М. РАЕВСКАЯ,
. . . Е. Д. ТИХОМИРОВА,

ТАНЦУЮЩІЯ:
УЧЕН. . . . В. С. ВРАСКАЯ,
УЧЕН. . . . М. А. ГУРСКАЯ,
УЧЕН. . . . А. Г. КООМЕНЪ,
СОТРУДН. . . . Т. А. САВИНСКАЯ,

СТАРАЯ ПРИСЛУГА . . . М. Г. САВИЦКАЯ,
ЛАКЕЙ . . . А. А. ГОЛИКОВЪ,

ПЬЯНИЦЫ:
. . . Г. С. БУРДЖАЛОВЪ,
. . . Н. Н. ГОРИЧЪ,
. . . М. А. ЗНАМЕНСКІЙ,
. . . А. В. КАРЦЕВЪ,
. . . М. Л. КОНОВАЛОВЪ,
. . . А. М. ЛАВРЕНТЬЕВЪ,
. . . М. І. МАССАЛИТИНОВЪ,
. . . Ю. Л. РАКИТИНЪ,
. . . В. В. ТЕЗАВРОВСКІЙ.

МУЗЫКАНТЫ НА БАЛУ: УЧЕНИКИ—М. Л. КОНОВАЛОВЪ, А. А. МГЕБРОВЪ, А. В. НОВОСЕЛЬСКІЙ.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ЧЕЛОВѢКА: СОТРУДНИКИ—В. А. БОГДАНОВЪ, Б. А. ДОБКИНЪ, В. М. ДОБРОВОЛЬСКІЙ, А. В. ЗАВАДСКІЙ, В. И. ИВАНОВЪ, Н. И. МАРКОВЪ, С. А. МОЗАЛЕВСКІЙ, А. В. ПОТОЦКІЙ, П. А. РОЖИНЪ, Б. М. ЦАПЕНКО, М. П. ШЕШУНОВЪ.

РЕЖИССЕРЫ: К. С. СТАНИСЛАВСКІЙ И Л. А. СУЛЕРЖИЦКІЙ.

ОБСТАНОВКА И КОСТЮМЫ ПО РИСУНКАМЪ ХУДОЖНИКА В. Е. ЕГОРОВА.

МУЗЫКА И. А. САЦА. ТАНЦЫ ПОСТАВЛЕНЫ Э. И. КНИППЕРЪ.

ПАРИКИ И ПРИЧЕСКИ ГРИМЕРА Я. И. ГРЕМИСЛАВСКАГО.

МУЖСКІЕ КОСТЮМЫ ИСПОЛНЕНЫ К. И. ДЕЛЛОСОМЪ.

Начало въ 8 час. веч., окончаніе въ 12 час.

По открытіи занавѣса публика въ залъ не допускается.

ПРОГРАММА ПРЕМЬЕРЫ СПЕКТАКЛЯ «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 12 ДЕКАБРЯ 1907 г.

Музей Художественного театра, Москва

[1] Во время пребывания Андреева на Капри он много работал. Здесь был написан «Иуда Искариот», начат и задуман ряд новых произведений (см. об этом выше воспоминания Горького «Леонид Андреев»).

67. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри. Конец декабря 1907/начало января 1908 г.〉

...Видя, что Андреевы, Бунины и прочие осетры уплыли из вкусных вод «Знания», Тимковские, Брусянины, Измайловы и другие пескари осыпают меня своим творчеством...

«Архив Горького», т. IV, стр. 223.

В связи с материальными затруднениями, возникшими в «Знании», и эволюцией общественно-литературной позиции ряда писателей, бывшие соратники Горького стали покидать издательство. Этому способствовала и позиция Пятницкого, который уклонялся от выяснения взаимоотношений писателей со «Знанием». Андреев, как показывают его письма к Пятницкому, долгое время не хотел порывать с издательством. Уйдя в «Шиповник» и став редактором его альманахов, Андреев стал противопоставлять эти альманахи сборникам «Знания».

12 октября 1907 г. Боголюбов писал Горькому: «Сегодня был у меня в конторе Андреев. Между прочим заявил, что последнюю вещь Серафимовича он еще не передал „Шиповнику“» (АГ). А на следующий день, 13 октября, Боголюбов сообщал Пятницкому: «Теперь об Андрееве. Не мало, конечно, он посодействовал „Шиповнику“ и переходу авторов туда. Он говорит, что „Тьму“ (раньше было другое заглавие) заведомо готовил „Шиповнику“. „Царь-Голод“ окончил; читал на днях. Это он готовит для „Знания“. Напомнил ему обещание дать в печать „Жизнь человека“. Говорит, что передумал выпускать отдельно, а решил прибавить и сделать том. Я слышал, что для „Шиповника“ он еще готовит несколько рассказов. Говорить, напоминать об авансе считал рисковым: он из самолюбия мог бы немедленно же вернуть его. Я ведь прислушиваюсь к разговорам и знаю, что „Шиповник“ не щадит денег для Андреева, много уже задал ему и всячески старается прибрать его к своим рукам» (АГ). Через день, 14 октября, Боголюбов вновь информировал Пятницкого: «Сегодня только что вернулся с лечения Серафимович. Этот не учинил еще постыдного бегства: последний его рассказ не передан Андреевым в „Шиповник“, а сам он не даст туда» (там же).

В письмах к Боголюбову и Пятницкому Горький настойчиво и неоднократно просил сообщить ему о финансовом положении издательства «Знание», которое как раз в эти годы испытывало кризис, впоследствии еще более обострившийся. Так, в 1909 г. руководители «Знания» вынуждены были обратиться к Шаляпину с просьбой субсидировать издательство (письмо М. Ф. Андреевой к Шаляпину от 12 ноября 1909 г.— АГ).

Горького интересовали денежные отношения с наиболее близкими ему писателями: «Вы не можете себе представить, как мне необходимо знать ваши отношения с Чириковым, Леонидом и другими „товарищами“!»—писал он Пятницкому еще 16 марта 1908 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 238—239). О том же говорит Горький 9(22) апреля 1908 г.: «Андреев пишет мне жалобные письма. Не сообщите ли вы, какие у него отношения к „Знанию“? Скажите это И. П. Ладыжникову, он мне напишет» (там же, стр. 245).

О взаимоотношениях Андреева с издательствами «Знание» и «Шиповник», а затем «Просвещение» Боголюбов подробно и часто информировал также находившегося в то время за границей Пятницкого. Будучи в курсе всех переговоров Андреева с издателями на всех стадиях и понимая, что в других издательствах Андреев займет ведущее место, а тогда за ним потянутся и другие, Боголюбов писал 3 января 1910 г.: «Все-таки авторов отпугивать нельзя. Лакомый кусочек андреевской истории с Цейтлиным их соблазняет. Слышно, что Цейтлин хочет перетянуть к себе беллетристов. С остальными, конечно, не будет так покладлив, как с Андреевым, но все-таки надо считаться с этим. Андрееву он дал за наши 〈...〉 4 тома и за 3 тома „Шиповника“ 105 тысяч, обусловив, что все будущие томы печатаются у него по 1000 рублей с листа, после того как Андреев пропустит их, при гонораре в свою пользу, в журналах и альманахах. По-видимому, „Шиповник“ он зарезал» (АГ). О переговорах Андреева с Цейтлиным — см. Переписку, № 158.

Соглашение с «Просвещением», предусматривающее передачу ему издания новых произведений Андреева, весьма тяготило писателя. 16 ноября 1911 г. Андреев сообщил Белоусову: «Как-то совсем почти случайно, в два дня удалось сделать то, что последние месяцы составляло мое тайное и даже мучительное желание — уничтожить договор с Цейтлиным, в той его части, которая касается настоящего и будущего моих произведений. Другими словами, прошлое продано и деньги за него как нельзя более вовремя получены, а настоящее и будущее—мое. Прямо сызнова начинаю жизнь...» (ЦГАЛИ).

68. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри. Около 17 января 1908 г.〉

...«Великан» Андреева — грациозная вещь [1], а поэтическая оглобля милого Скитальца [2] несколько проигрывает рядом с Леонидом. Сколь верный рыцарь смерти он!

«Архив Горького», т. IV, стр. 228.

[1] Рассказ «Великан» напечатан в «Современном мире», 1908, № 1. По свидетельству современников — это автобиографическая вещь, написанная под впечатлением переживаний Андреева, связанных с болезнью старшего сына — Вадима.

[2] Стихотворение в прозе Скитальца — «Красота» («Современный мир», 1908, № 1).

69. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри. 17 или 18 февраля/1 или 2 марта 1908 г.〉

...Леонид прислал мне длинное и печальное письмо [1], оно наполнено разными ламентациями о его страданиях; о его действиях — ни слова [2]. Ответил ему — зову сюда, чтобы окончательно выяснить себе некоторые туманности в нем.

На два его письма я не отвечал, он пишет, несмотря на это. Значит, туго ему теперь, когда его тащат с пьедестала и ставят на его место Куприна 〈...〉

В «Mercure de France» Гиппиус излаяла Леонида [3], в № 1 «Весов» он назван — невеждой и дураком [4].

Что у вас делается? Отсюда все это имеет вид битвы сумасшедших из-за розовой бумажки...

XXIX, 54—55.

[1] «Печальное письмо» Андреева — Переписка, № 155.

[2] Речь идет о готовившемся переходе Андреева в изд-во «Шиповник».

[3] См. об этом — Переписка, № 156, прим. 2.

[4] В статье В. Я. Брюсова о «Жизни человека» в Художественном театре (за подписью «Аврелий»; «Весы», 1908, № 1, стр. 143).

70. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри. 4 или 5/17 или 18 марта 1908 г.〉

...Каждый день приносит какой-либо сюрприз — «Суламифь» Куприна [1], стихи «модернистов», интервью Леонида, в котором он путает и врет на меня, как на мертвого 〈...〉 [2] каждый день кто-нибудь встает пред тобой голый и весь в гнилых язвах. Нет терпения! Хочется орать, драться с этой сволочью, хочется топтать ногами эти «неустойчивые психики».

XXIX, 57.

[1] О рассказе «Суламифь» — см. Переписка, № 156.

[2] Интервью Андреева было напечатано в газ. «Русь», 1908, № 57, 27 февраля (текст его на стр. 526—527 настоящ. тома).

71. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри.〉 6 марта 1908 г.

...Неужели «Царь-Голод» может кому-нибудь нравиться? 〈...〉 Как «произведение пера» «Царь-Голод» — реакционная вещь, и если Леонид с этой тропы не сползет, быть ему в мракобесах!...

«Архив Горького», т. IV, стр. 236—237.

72. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри. 17/30 апреля 1908 г.〉

...Я решительно против литературного шарлатанства и цинизма, против торговли чувством и мыслью, против литературы, «услужающей» обывателю-мещанину, который желает и требует, чтобы Куприны, Андреевы и прочие талантливые люди закидали и засыпали вчерашний день всяким хламом, чтобы они избавили обывателя от страха пред завтрашним днем 〈...〉

Мне очень тяжело теперь, когда я должен из своих средств поддерживать предприятие, культурная ценность которого стоит выше всей современной литературы с Андреевым во главе...

XXIX, 64—65.

Письмо вызвано помещением в 21-м сборнике «Знание», без ведома Горького, рассказа Куприна «Ученик».

Горький не ограничился настоящим письмом: к нему было приложено заявление в редакцию «Современного слова» и просьба к Пятницкому «поместить его в газетах». Вот текст этого, неопубликованного в то время заявления:

Милостивый государь
г. редактор!

Покорно прошу напечатать в газете вашей мое заявление: оставаясь постоянным сотрудником сборников «Знания», в подборе литературного материала для них я не принимаю участия.

Провинциальные газеты, перепечатав это заявление, весьма обяжут меня.

30/IV 1908. Капри Горький

(«Архив Горького», т. IV, стр. 377)

73. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри. 14 или 15/27 или 28 мая 1908 г.〉

...А Л. Андреев ведет себя свинья свиньей. От имени его Копельман написал Ладыжникову грубое письмо с отказом присылать Ладыжникову рукописи [1]. Леониду не следовало бы забывать, как относился к нему Иван Павлович, когда он жил в Берлине. Такие скоты все эти литераторы! 〈...〉

В издании Суворина вышла книга «Русский двор 100 лет назад» [2] — пришлите, и 5-й альманах «Шиповника» с рассказом Андреева [3] 〈...〉

Андреев прислал сердитое письмо по поводу статьи о нем Луначарского в «Литературном распаде» [4]...

XXIX, 69.

[1] Рукописи большинства писателей-знаньевцев, по договоренности с ними, посылались Ладыжникову для его издательства в Берлине.

[2] Имеется в виду книга «Русский двор сто лет тому назад (La cour de la Russie il y cent ans, 1725—1783). По донесениям английских и французских посланников». Первый русский перевод с берлинского издания: СПб., 1907. В предисловии к изданию сказано, что эта книга имеет громадный успех за границей и что она «представляет большой интерес для ознакомления с настоящей, а не официальной историей России». В книге приводится множество интимных бытовых подробностей о жизни царей и царедворцев. Начинается она с царствования Екатерины I.

[3] В 5-й книге альманаха «Шиповник» напечатан «Рассказ о семи повешенных». В конце мая 1908 г. Горький ответил на запрос Амфитеатрова: «А „Семи повешенных" еще не имею. Получив — пришлю...» (Автограф. АГ). Видимо, в эти же дни Горький писал Ладыжникову: «Жду андреевского рассказа» (письмо без даты. —«Архив Горького», т. VII, стр. 182).

В конце июня Горький просил Боголюбова: «Вырезку из „Слова" пришлите о семи повешенных, если не потеряна...» (Горький постоянно собирал вырезки с рецензиями на произведения свои и Андреева).

[4] См. Переписка, № 157.

74. ИЗ БЕСЕДЫ с А. А. ИЗМАЙЛОВЫМ

〈Капри. 1 ... 2 июля 1908 г.〉

...Назовите во всей европейской литературе имя, которое было бы интереснее Леонида Андреева. Я говорю это вовсе не закрывая глаза на его слабые стороны. Я, например, не считаю «Рассказ о семи повешенных» очень ему удавшимся. Но это так: по-моему — Андреев — самый сейчас интересный по выбору тем, по своим писательским настроениям беллетрист...

Отрывок воспроизводится по статье А. А. Измайлова «У М. Горького на о. Капри» («Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10590, 6 июля). В № 10593, 8 июля (веч. вып.), Измайлов продолжал свой рассказ о встрече и беседе с Горьким:

«Об Андрееве Горький говорит с какой-то исключительной нежностью, напоминающей то чувство, с каким Андреев всегда говорит о Горьком. Как известно, автор „Бывших людей" нравственно сделал очень многое для Андреева, и обоих писателей связывает крепкая и уже довольно давняя дружба. Эта дружба, заставляющая Горького с большим осуждением говорить о „травле" Андреева, не препятствует свободе его критических суждений о работах собрата. Так, тона „Жизни человека" ему не кажутся удачно найденными тонами новой драмы.

— Вот у него есть чудесная вещь „Царь", из которой он хочет сделать драму („Навуходоносор"). Я бы ее так и оставил рассказом. В „Жизни человека" нет единства тона. То такая манера, то иная...» (эти строки Измайлов позже включил в книгу «Литературный Олимп». М., 1911, стр. 228).

75. ГОРЬКИЙ — С. П. БОГОЛЮБОВУ

〈Капри. После 9 сентября 1908 г.〉

...Скандалят наши литераторы! Гадость какая эта «Весна» [1]. И прикрыта именами Андреева, Куприна. Грустно и тяжко...

А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения. Пенза, 1950, стр. 298.

[1] О журнале «Весна» — см. Переписка, № 77, прим. 5.

76. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Капри. 28 или 29 сентября/11 или 12 октября 1908 г.〉

...В чем дело? Дело в том, что я люблю русскую литературу, люблю страну и верю в ее духовные силы. Это — большая любовь.

И вот я вижу что-то безумное, непонятное, дикое, отчего мне делается больно и меня охватывает облако горячей, мучительной злобы. Вижу то, что не казалось мне возможным в России. Народ наш воистину проснулся, но пророки — ушли по кабакам, по бардакам. Вижу, что Куприн, Андреев — талантливые люди — идут рядом с хулиганами 〈...〉 Все это сплошь — искаженное, растерянное, больное. И — все лжет. И бороться с этой жидкой, липкой грязью — нельзя, нечем 〈...〉 Мои бывшие товарищи: Андреевы, Куприны, Чириковы — это люди, за которых до отчаяния стыдно мне. «Семь повешенных»! «Суламифь»! 〈...〉 И отвратительная, унижающая жадность к деньгам у всех 〈...〉 Мне очень жалко Андреева. Но я не могу более продолжать с ним какие-либо отношения и на его письма не ответил. Теперь он перестал мне писать...

XXIX, 76—79.

77. ГОРЬКИЙ — Е. К. МАЛИНОВСКОЙ

〈Капри. Начало/середина октября 1908 г.〉

...«Синяя птица» [1] в чтении — это роскошь, это — изумительно милая, живая, красивая вещь, написанная превосходным человеком, который славно, любовно улыбается всему миру. Он, это он начал с гимнов смерти! [2] Можно ли поверить, а?

И рядом с этим «Мои записки» [3], или «Записки мертвеца», или «Записки не очень мудрого, но совершенно слепого крота», или чёрт знает что, извлеченное из гнилого, сумбурного нутра мистического анархизма и комического бесталанника Георгия Чулкова [4] — ух!

Жалко Андреева — до слез!

Автограф. АГ.

[1] «Синяя птица» — пьеса М. Метерлинка; была переведена в России в начале 1900-х годов; в 1908 г. напечатана в альманахе «Шиповник», кн. 6. С 1908 г. не сходит со сцены Художественного театра (первое представление состоялось 30 сентября).

[2] Речь идет о ранних пьесах Метерлинка, где господствует идея рока («Слепые», «Непрошенная» и др.).

[3] О «Моих записках» Андреева — см. Переписка, № 160, прим. 1.

[4] См. кн. Г. Чулкова «Мистический анархизм». СПб., кн-во «Факелы», 1906.

78. ГОРЬКИЙ — С. П. БОГОЛЮБОВУ

⟨Капри. 26 октября 1908 г.⟩

...Все статьи цензурны, все касаются современного положения литературы. Издать этот сборник необходимо как можно скорее [1].

Кстати: может быть, для решения вопроса о предложении Андреевым пьесы его [2] нужно знать, что я в моей статье отношусь к последним его произведениям — «Тьма», «О повешенных», «Мои записки» [3] — отрицательно и что Андреев несомненно будет взбешен моим отзывом...

Автограф. АГ.

[1] Горький имеет в виду сборник «Очерки философии коллективизма», куда вошла его статья «Разрушение личности» (выпущен «Знанием» в 1909 г.).

[2] Подразумевается пьеса Андреева «Дни нашей жизни». 8 октября 1908 г. Пятницкий телеграфировал Горькому, что Андреев предложил «Знанию» печатать пьесу «Любовь студента» (первоначальное название). Горький, возмущенный «Тьмой», «Моими записками» и другими произведениями Андреева, считал, что он не должен больше печататься в «Знании», и ответил Пятницкому 9 октября телеграммой же: «Андрееву следует отказать». Однако Пятницкий, исходя из того, что издательство и без того переживает кризис и что материальная база его ухудшается в связи с уходом лучших писателей,— все же принял пьесу (напечатана в 26-м сборнике «Знание», 1908).

[3] Отзывы Горького о рассказах Андреева «Тьма», «Мои записки», «Рассказ о семи повешенных» — см. также в его письмах к Андрееву, № 156, 160 и др.

79. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Капри. Около 7 ноября 1908 г.⟩

...Как решили с Андреевым? [1] И. П. Ладыжников говорит о его пьесах, что они плохи и злы.

Кончит Леонид, если не церковью, то признанием бога, вы увидите!

«Архив Горького», т. IV, стр. 267.

[1] Речь идет, видимо, о печатании пьесы Андреева «Дни нашей жизни». См. предыдущее письмо.

80. ГОРЬКИЙ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри.⟩ Ноябрь 1908 г.⟩

...Андреева «Мои записки» читали? Ныне он воспринял мистический анархизм Георгия Чулкова и с этой точки машет руками на позитивизм, материализм и иные виды теории, внушающие активное отношение к жизни. Хочет попасть в зубки всем этим философиям, но попадает мимо.

В лето от Р. Х. 1908-е одолеша Русь мещанинище и пожра руськую письменность и превратиша пророки во скоморохи и соверша сие паскудство прыгая и лайя, аки пес, радостью своею до скотства опьянен.

Жалко мне Андреева. Так жалко, что хоть плачь со зла.

Автограф. АГ.

81. ГОРЬКИЙ — Е. К. МАЛИНОВСКОЙ

〈Капри. Конец ноября/начало декабря 1908 г.〉

...Великодушно простите, 〈...〉 — писать Андрееву не буду, ибо после «Тьмы» решил прекратить с ним личные отношения, а «Семь повешенных» и «Записки» — утвердили меня в решении этом. Очень грустная история и не легкая для меня — я его любил и считаю талантливейшим писателем современности. Но человек, который употребляет дар свой и силы свои для того, чтобы спекулировать на глупости и пошлости публики для ради завоевания вящей популярности — чужд мне и жалок и — более.

Да останется это между нами, прошу вас. Не переписываюсь с ним давно уже, и появление «Любви студента» в сб. «Знания» меня не касается, я высказался против этой пьесы. Вот какие грустные дела, и вы, конечно, из всего этого поймете, что писать Леониду я не могу.

Автограф. АГ.

82. ИЗ СТАТЬИ «РАЗРУШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

〈1908 г.〉

...По свидетельству всех этих писателей 〈XIX в.〉, революционер — человек неглупый, сильной воли и большой веры в себя; это враг опасный, враг хорошо вооруженный.

Современные авторы единогласно рисуют иной тип. Герой «Тьмы», несомненно, слабоумен; это человек больной воли, которого можно сбить с ног одним парадоксом. Революционеры «Рассказа о семи повешенных» совершенно не интересовались делами, за которые они идут на виселицу, никто из них на протяжении рассказа ни словом не вспомнил об этих делах. Они производят впечатление людей, которые прожили жизнь неимоверно скучно, не имеют ни одной живой связи за стенами тюрьмы и принимают смерть как безнадежно больной ложку лекарства [1]...

XXIV, 63.

Статья Горького «Разрушение личности» напечатана впервые в кн.: «Очерки философии коллективизма», сб. 1. СПб., изд. «Знание», 1909.

[1] См. письмо Горького к И. Ф. Жиге (№ 130), в котором дана позднейшая оценка таких произведений Андреева, как «Рассказ о семи повешенных» и др., и отведено им заслуженное место в истории русской литературы.

83. ИЗ КАПРИЙСКИХ ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

〈1908—1909 гг.〉

...«Мир — это пустыня, в которой я встречаю только самого себя. Не живу ли я подобно лунатику? Всё, что я вижу— только призрак моего внутреннего я. Всё существующее существует только потому, что я его мыслю, всё подчинено моему капризу, я могу назвать каждое явление, каждый поступок, как мне хочется. Я — высший закон природы» *[1]. Все наши русские модернисты во главе с Ф. Сологубом** радостно подпишутся под этими словами; признает их истиною и Л. Андреев — современный нам представитель романтизма активного, воинствующего [2]...

Из книги: М. Горький. История русской литературы. М., ГИХЛ, 1939 («Архив Горького», т. I, стр. 44—45).

* *Далее зачеркнуто:* Вы слышите слова знакомые вам, ибо их теперь ежедневно говорят у нас в России

** *Далее зачеркнуто:* и с Бальмонтом

[1] Эти слова произносит Вильям Ловель, герой одноименного романа немецкого писателя Людвига Тика (1773—1853), одного из главных представителей романтической школы, по определению Горького «индивидуалист, сладострастник», «прототип» арцыбашевского Санина.

[2] В другом месте той же главы Горький, рассматривая романтизм как историческое явление, говорит: «Можно очень удобно разделить романтизм на два течения: первое исполнено болезненно повышенной чувствительностью, непомерно развитой фантазией, это направление — пассивно, оно не имеет иных задач, кроме желания выразить смутную тревогу, а иногда — ужас пред чем-то непонятным, что обнимает человека со всех сторон и душит его. Выразителями этого направления были〈...〉 у нас — Гоголь в своих сказках, в рассказе „Нос“ и других рассказах этого типа». После слов «Гоголь в своих сказках» Горьким было написано и зачеркнуто: «а ныне Андреев» (там же, стр. 43—44). Таким образом, Горький, как видим, по-разному определял характер романтизма Андреева.

15 февраля 1914 г. в «Утре России» (№ 38) было помещено интервью с Горьким, в котором писатель высказался о репертуаре Художественного театра, в частности, о постановках пьес Достоевского, а также о состоянии современной русской литературы. М. Ю. Ниротморцев со слов Горького записал следующее: «Каково ближайшее будущее русского театра и русской литературы? Я думаю, что современный период ее роста аналогичен литературному развитию Запада. Ближайшее будущее европейского искусства это романтизм 〈...〉 Уже намечаются ростки этого романтизма. На Западе, во Франции, в Италии, они достаточно окрепли. У нас, в России, это еще только зачатки. Возьмите нашу литературу: разве Андреев не романтик? 〈...〉 В сущности, я думаю, что одной из традиций русской литературы было то, что реализм в ней всегда сочетался с романтизмом...»

84. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. 1 ... 14/14 ... 27 января 1909 г.〉

...Я очень прошу вас прислать корректуры драм Андреева [1],— было бы весьма важно прочитать их теперь же, пока здесь Богданов [2].

«Архив Горького», т. VII, стр. 188.

[1] Речь идет о драмах Андреева, издаваемых Ладыжниковым в Берлине: «Дни нашей жизни», «Любовь к ближнему», «Черные маски». Книги эти вышли в январе 1909 г.

[2] Об А. А. Богданове — см. Переписка, № 116, прим. 1.

85. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. Начало января 1909 г.〉

...Получив «Анатэму» Леонида, пожалуйста, пошлите мне корректуру, я знаю тему этой вещи, любопытно, что он с нею сделал...

«Архив Горького», т. VII, стр. 186.

Об «Анатэме» — см. следующее письмо.

86. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

〈Капри. После 4 мая 1909 г.〉

...Сердечное спасибо за «Анатэму», рукопись я отправил вам вчера. Читали коллективно, не понравилась нам эта вещь.

Когда вы ее напечатаете — пожалуйста, пришлите экземпляр мне, а также пошлите и Екатерине Павловне.

«Архив Горького», т. VII, стр. 193.

«Анатэма» — одно из тех произведений Андреева, которые, вызвав большую полемику в печати, усилили ощущение одиночества писателя.

Художественный театр стремился в своей постановке «Анатэмы» подчеркнуть протестующее начало. В беседе с актерами театра Немирович-Данченко следующим образом раскрыл свое отношение к произведению Андреева: «„Анатэма“ увлекает меня прежде всего большим революционным взмахом. Это есть вопль мировой нищеты 〈...〉 Вся пьеса есть вопль к небу всех голодных, несчастных, именно голодных.

Жаждут чуда, спасения, а все чудо в одном слове „справедливость“ ⟨...⟩ В ней есть стремление подняться выше и посмотреть оттуда оком проницательного философа...» (Влад. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие, т. I. М., «Искусство», 1952, стр. 106, 118 и 120). Это стало ведущей идеей спектакля.

Главную роль в пьесе играл В. И. Качалов. Постановка Художественного театра показала автору новые стороны его произведения. Он признавал: «Качалов поставил своего Анатэму над моим. В моих словах он раскрыл новое содержание». В надписи на подаренной Качалову книге выражена высокая оценка Андреевым творческого

ГОРЬКИЙ

Фотография Андреева, Капри, январь 1907 г.

Собрание В. Л. Андреева, Женева

дара артиста: «Посылаю вам, Василий Иванович, эту книгу как дань бесконечного восторга моего. В ярком образе, творя, как великий художник, вы дали жизнь и краски тому, что в мечтах носилось передо мною — и встал перед удивленным миром великий и мудрый Анатэма, ползающий на брюхе, как собака, тоскующий об истине, как богочеловек. Живите долго для людей. 16 окт. 1909. Л. А.» (цит. по кн.: Л. Афонин. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 188—189). Качалов ответил на это 3 ноября 1909 г.: «Вчера сыграли в 16-й раз „Анатэму“— это в один месяц. Несмотря на сильное физическое утомление, играю с большим удовольствием и энергией, и продолжаю чувствовать к вам живейшую благодарность за эту роль. Хотя вы и заставляете меня ползать на брюхе,— а это занятие очень утомительное, и прав Анатэма, который очень на это обижается,— но в то же время вы даете мне радость загораться огнем вашей души. И за это вам спасибо!» (Л. Андреев. Пьесы. М., «Искусство», 1959, стр. 576).

Трактовку «Анатэмы» в Новом драматическом театре в Петербурге (режиссер А. А. Санин) Андреев считал более соответствующей его замыслу (премьера состоялась 27 ноября 1909 г.).

Запрещение пьесы 9 января 1910 г. вызвало негодование прогрессивной интеллигенции. Так, известный режиссер А. Я. Таиров, готовивший постановку пьесы, писал из Риги Андрееву: «Вы счастливее меня: „Анатэма" в тысячах книг все же будет расходиться по Руси и по миру, и волновать сердца, и будоражить сонных, довольных людей. А та любовь, те мои переживания, волнения и чувства, которые я вылил в конкретную живую форму, умерли безвозвратно, умерли навсегда!.. Ибо нет сейчас ни искры надежды на лучшие времена, на более светлые дни. И кто знает, доживу ли я до того времени, когда снова можно будет ставить „Анатэму". Она воскресие?! ⟨...⟩ Ведь сел я писать с тем, чтобы мысленно пожать вашу руку, чтобы сказать вам, что не одиноки вы в этом новом горе, что много сердец задернулось трауром над этим новым победным ударом пошлости, что настанет все-таки день, и оживет „Анатэма", ибо это трагедия не злобы дня, а вечности, переживающей и пошлости и „тявканье" и непонимание...» (ЦГАЛИ).

17 сентября 1909 г. «Новости сезона» (№ 181) поместили заметку «Вечер волшебства у Л. Андреева». В ней рассказывалось о том, что Андреев записал на пленку свой голос, и как он читал отрывок из «Анатэмы», «излив в этой импровизации всю горечь, накопившуюся с начала его литературной деятельности»: «Если бы я сделал сотни преступлений,— грабил, убивал, я никогда не услышал бы столько оскорбляющих и злобных слов, столько клеветы ⟨...⟩ Моя „Анатэма" еще не вышла в свет, а ее уже бранят и меня „ликвидируют". Амфитеатров обвиняет меня в плагиате одинаково и у Шекспира и у... Семена Юшкевича. Но помилуйте, ведь пьесы еще нет, ее никто не читал, она не поступила в продажу... разве критика имеет право становиться между писателем и читателем? Писатель имеет же право непосредственного обращения к нему! Если бы я писал статью о писателе моего положения, я озаглавил бы эту статью: „На лобном месте"...».

87. ГОРЬКИЙ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Август 1909 г.⟩

...Новость: «Шиповник» и «Общественная польза» [1] объединились и с ноября будут издавать новый журнал, иллюстрированный, беспартийный. Кулаков [2] приглашает меня сотрудничать — тысяча рублей за лист, знай наших! Какая приятная компания: гнусный старичок Тетерников [3], старый, почтенный, милый С. Я. Елпатьевский [4], нигилист Андреев, чижик Морозов — «дадим ли нефть и мы?» [5], храбрый наездник Бенуа[6], Куприн, Зайцев — хорошо!...

Автограф. АГ.

Амфитеатров ответил Горькому тогда же в августе 1909 г.: «Удивили вы меня слиянием „Шиповника" с „Общественной пользой". Я написал Кулакову, что если так, то меня из клиентуры своей „Общественной пользы" может вычеркнуть» (АГ). Слияние этих издательств не произошло.

[1] «Общественная польза» — товарищеское издательство либерального направления, организованное в 1860 г. (существовало по 1916 г.); выпускало классическую и современную художественную литературу.

[2] Петр Ефимович *Кулаков* (р. 1867) — зять С. Я. Елпатьевского, был директором-распорядителем изд-ва «Общественная польза». 31 июля 1909 г. он просил Горького принять участие во вновь организуемом совместно с издательством «Шиповник» журнале, обещав, что журнал не будет заниматься политикой. Это предложение вызвало гнев Горького, и он выразил его в ряде писем (XXIX, 92, 94). Издание журнала не состоялось.

[3] *Тетерников* — Федор Сологуб.

[4] Горький, по-видимому, надеялся через Елпатьевского подействовать на Кулакова, заставить последнего отказаться от создания такого рода журнала: «Нет, не могу написать вам ⟨...⟩ насколько вредным кажется мне затея выводить в люди дрянного старичка Тетерникова и других чижиков, нигилистов, циников, кокетов и т. д. Раза четыре принимался изображать вам чувства, вызванные у меня письмом Петра Ефимовича,— не удается мне высказаться спокойно. Тяжело очень. И грустно» (август 1909 г.— XXIX, 92).

[5] Николай Александрович *Морозов* (1854—1946) — революционер-народоволец, астроном и поэт; провел около 25 лет (1882—1906) в заточении в Шлиссельбургской

крепости. Горький называл его «маниаком» (XXVII, 528) и не очень высоко ценил его поэзию и научную деятельность. В данном случае имеется в виду стихотворение Морозова «При свете лампы» (вошло в его сборник «Звездные песни», 1910, стр. 23—24). Стихам этим предпослан эпиграф: «Нефть — метаморфизированные остатки первобытных животных и растений». Там имелись следующие строки:

Дадим ли нефть и мы?— Пусть лучше будет так!
Пусть в нефть нас превратит подземных сил искусство!
Чтоб осветили мы далекой ночи мрак,
В потомках пробудив признательное чувство!

[6] О Бенуа — см. Переписка, № 78, прим. 4.

88. ГОРЬКИЙ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. Конец сентября 1909 г.〉

...Статью об «Анатэме» не читал — пришлите!...

Автограф. АГ.

В следующем письме к Амфитеатрову Горький извещал его: «Да не получил же я вашего ответа на жалобы Леонида...» (там же).

Статьи Амфитеатрова об «Анатэме» помещены в «Одесских новостях», 1909, 20 и 26 сентября и др. В статье, напечатанной 24 октября в той же газете, Амфитеатров подвел итог своим выступлениям о творчестве Андреева.

89. ГОРЬКИЙ — С. П. БОГОЛЮБОВУ

〈Капри. 8 ... 12/21 ... 25 февраля 1910 г.〉

...Косятся на нас гг. авторы, говорите вы. Ну, что ж? Их дело. Я не весьма огорчен этим. А что касается Леонида Андреева — это хорошо,— пусть его возьмет свои книги и уходит. Вы знаете, как я был близок с ним, я хорошо изучил его характер и нисколько не удивлюсь — если он перепродастся еще и Марксу [1]. Но — глубоко убежден, что в конце концов он от этих дел — прегорько взвоет, увидите.

Жадность — не сила, это рабство.

Автограф. АГ. Сверху рукою Боголюбова помета: «пол. 16/II 10 г.».

[1] А. Ф. *Маркс* — издатель журнала «Нива» и приложений к нему. Андреев действительно вскоре продал Марксу свои сочинения (Полное собрание сочинений, тт. I—VIII. СПб., 1913). Об издательских делах Андреева — см. Переписка, № 158 и прим. к письму 67 в данном разделе.

90. ГОРЬКИЙ — И. С. ШМЕЛЕВУ

〈Капри. 22 февраля/7 марта 1910 г.〉

...Искреннейше советую: избегайте сологубовской слащавости и андреевских устрашений! В этом рассказе у вас и то и другое пущено, к невыгоде вашей...

XXIX, 109.

Речь идет о рассказе И. С. Шмелева «Под горами», напечатанном в 31-м сборнике «Знание» (1910).

91. ГОРЬКИЙ — Н. С. КАРЖАНСКОМУ

〈Капри. Сентябрь 1910 г.〉

...Ваша книга — честная книга [1], и я бы назвал ее «Гибель героев» — это громко, но очень близко к действительности. У вас я не чувствую того противного нигилизма, которым пропитан «Конь бледный» Савинкова,

«Тьма» Андреева, не вижу и печального стремления попасть в тон победителю, мещанину, кое столь ясно в «Мертвой зыби» Миртова [2]. Ваша книга не менее антиреволюционна, чем выше названные писания, но она искреннее их...

Автограф. АГ.

[1] О Н. С. Каржанском — см. Переписка № 79, прим. 2. В 34-м сборнике «Знание» (1911) напечатаны его очерки «Париж. (Из записной книжки неизвестного)». Возможно, что о них говорит Горький, предварительно познакомившийся с рукописью. Позднее он признал ошибочным напечатание данного произведения в «Знании». Это и имел в виду Горький в письме к Миролюбову от 8(21) сентября 1911 г., подчеркнув, что «Знание» не должно печатать аполитичных произведений (XXIX, 184).

[2] *О. Миртов* — псевдоним писательницы Ольги Эммануиловны Котылевой (1875 — 1939), внучки виднейшего теоретика революционного народничества П. Л. Лаврова, также печатавшегося под псевдонимом «Миртов»; автор пьесы «Хищница», о которой Андреев писал А. Н. Чеботаревской и Ф. Сологубу (4 ноября 1914 г.): «Прочел „Хищницу" Миртова, и на душе пустые полосы, как в газетном листе» (ЦГАЛИ, ф. 482, оп. 2, ед. хр. 25).

«Мертвая зыбь» — роман, изданный в 1910 г. (СПб., изд-во «Прогресс»).

92. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

〈Капри. Конец октября/начало ноября 1910 г.〉

...Из России доходят всё печальные вести, поскольку речь идет о литераторах и литературе. Куприн напился до галлюцинации, Леонид страдает манией величия в злейшей форме. Его — нестерпимо жалко. Временами он и сам понимает драматизм своего положения. Относятся к нему — насмешливо и грубо: недавно одна дама назвала его в лицо «хамом». Вообще, как видно, литератор совершенно утратил старое обаяние и свой престиж в обществе...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

Письма Горького в период реакции отражают его глубокую тревогу за состояние современной литературы. Он был очень обеспокоен падением писательских нравов в эти годы и широким освещением в газетах частной жизни литераторов. Эти же вопросы нашли отражение в статьях Горького — «Разрушение личности» (XXIV, 26—79), «Издалека» (Изд. 2-е. Пг., 1918), «О современности» (М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, стр. 121—138).

93. ГОРЬКИЙ — В. Г. КОРОЛЕНКО

〈Капри. 3 или 4 ноября 1910 г.〉

...Читали вы «У последней черты» [1]? Я не люблю Арцыбашева, он — галантлив, конечно, но мне кажется не умным и болезненно злым 〈...〉 Нахватал у Толстого, у Достоевского — знает где взять! — Но берет рукою грубой, тяжелой, все искажает, мнет и, кажется, делает это только для того, чтобы перелеонидить Андреева в пессимизме. Тигр из мехового магазина [2].

«М. Горький и В. Короленко». Сборник материалов. М., 1957, стр. 64.

[1] «У последней черты» — роман Арцыбашева; печатался в сб. «Земля», в 1910—1911 гг. Об Арцыбашеве — см. Переписка, № 122, прим. 10.

[2] *Тигр из мехового магазина* — Горький пользуется остротой Андреева, сказанной им по поводу Скитальца (см. об этом выше в воспоминаниях Горького «Леонид Андреев», стр. 365—366).

94. ГОРЬКИЙ — М. К. ИОРДАНСКОЙ

〈Капри. Середина/конец ноября 1910 г.〉

...Рассказ Андреева [1] прочитал, красиво написано и не без намерения поднять репутацию, но — избави нас боже от свободы по Андрееву. Мы ее

имеем издревле, она-то, главнейше, и мешает нам жить по-человечески, ибо имя ее — нигилизм в мысли, а в действии — анархизм. Перестать бы ему танцевать этот легкий танец, не требующий никакого искусства и труда...

Машинопись. АГ. Датируется на основании письма Иорданского (см. прим. 1).

[1] Речь идет о рассказе «День гнева», напечатанном в журнале «Современный мир» (1910, № 12), издававшемся Н. И. Иорданским и М. К. Куприной-Иорданской.

Настоящему письму предшествовало письмо Иорданского к Горькому от 11 ноября 1910 г. со следующими строками: «Посылаю для вашего личного ознакомления новый рассказ Андреева, который появится в декабре у нас. За два года это единственная вещь его, которая меня взволновала» (АГ).

Вопреки ожиданию Иорданского «День гнева» не понравился Горькому. По поводу этого рассказа он писал 2 декабря Амфитеатрову: «Посылаю вам новый рассказ Андреева: игра на цимбалах нутряного, исконно-русского анархизма, пропади он пропадом! Жидко, старо, скучно. И — вредно для нас, сыты мы этим» (XXIX, 146).

95. ГОРЬКИЙ — И. А. БУНИНУ

〈Капри. Начало/середина декабря 1910 г.〉

...Предложение «Просвещения» первое — обидно, второе — ловушка вам 〈...〉

Иван Алексеевич,— не ходите к ним 〈...〉 Имейте в виду: вы — товар более выгодный в ближайшем будущем, чем Андреев теперь, да, да!

Извиняюсь за «товар», но ведь речь идет о купце. Купец этот жаден, но — не очень умен, как вы скоро убедитесь. Между прочим, ему извест-

АНДРЕЕВ

Шарж Ре-ми (Н. В. Ремизова). Акварель. Эскиз рисунка, помещенного в «Сатириконе», 1908, № 1

Под рисунком подпись: «Л. Андреев. Какая честь, какая слава!»— перефразированная цитата из драмы Андреева «Жизнь человека»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

но, что ваши и Леонидовы книги идут почти равно, с очень небольшим перевесом в сторону Леонида. У меня с ним разговора не будет.

Убедительно советую вам — подержитесь, не продавайте...

«Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 54.

Речь идет о намерении Бунина уйти из хиреющего «Знания» в издательство «Просвещение». Об этом свидетельствуют письма Боголюбова к Пятницкому: «Совсем взбаламутились наши авторы. Андреев разжег их аппетиты ⟨...⟩ Слышно, что и Бунин приехал продать свои сочинения ⟨...⟩ Брал сведения о сроках выхода его томов» (письмо от 30 октября 1910 г.— АГ). Три дня спустя — 2 ноября — Боголюбов писал ему же: «Бунин ведет переговоры с Цейтлиным о продаже своих книг. Все хотят ущипнуть „Знание“. Бунин сообщил мне такой абсурд: „везде говорят, что Горький продает всю фирму „Знания“ Цейтлину, сговаривает к тому упорного Константина Петровича“» (там же). Слухи эти были ложными.

Пять томов сочинений Бунина издало «Знание», шестой — «Общественная польза», седьмой — девятый — «Книгоиздательство писателей в Москве». Том десятый издан снова Горьким в 1908 г., но уже в новом издательстве «Парус». В 1915 г. Полное собрание сочинений Бунина в шести томах выпустил А. Ф. Маркс.

96. ГОРЬКИЙ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 18 ... 20 января 1911 г.⟩

...Капище Леонидово получаю, но статью его просмотрел [1]. Искать — не стану и некогда, да и охоты нет. Читали о нападении на него, Леонида [2]? Думаю, что дело пьяное...

Автограф. АГ. Датируется на основании цитируемого письма Амфитеатрова.

Данному письму предшествовал вопрос Горького Амфитеатрову: «Что написал Андреев? Не вем. И плохо верю. Леонид — он хитрый, как Юшкевич» (письмо с Капри от 8 января 1911 г.— АГ).

[1] 12 января 1911 г. Амфитеатров из Фецдано (Италия) обратился к Горькому с вопросом: «Разве вы не получаете андреевского капища, именуемого „Утро России“? Там была огромная выписка из новой автобиографии Леонида, где он замечательно тепло и искренно пишет о вашей роли в его литературном развитии» (АГ). «Автобиографическая выписка» повторяла статью Андреева, напечатанную в сб. «Первые литературные шаги» (1911). См. стр. 535 настоящ. тома.

[2] Горький имел в виду получивший широкую огласку эпизод с бывшим ссыльным М. Х. Румянцевым (по нелегальному паспорту — А. Г. Ковбасенко), который скрывался на даче Андреева (работал у него садовым сторожем). Обидевшись на Андреева, Румянцев стрелял в писателя. См. об этом в воспоминаниях В. Е. Беклемишевой («Реквием», стр. 226) и в книге Вадима Андреева «Детство». М., 1963, стр. 65—66.

Реакционная пресса охотно подхватывала всякие «сенсации», касающиеся известных писателей; по отношению к Андрееву она была особенно ретива. Так, в № 12546 «Нового времени» 15 января 1911 г. появилась сенсационная заметка «К покушению на Леонида Андреева», которая особенно взволновала Горького. Он писал А. Н. Тихонову: «Ой, что у вас там творится! Я даже захворал, прочтя заметку „Нового времени“ о Леониде, и харкаю кровью» («Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 19).

97. ИЗ СТАТЬИ «О ПИСАТЕЛЯХ-САМОУЧКАХ»

⟨Январь ... февраль 1911 г.⟩

...В материале, который теперь я имею в руках,— почти совершенно отсутствует подражание. Единственный писатель, техника которого, видимо, влияет на самоучек,— это Андреев, но и подражания ему, будучи очень обильны у студентов и вообще у лиц интеллигентных профессий,— не часты у рабочих и крестьян. В моем материале их — семь, все они являются попытками неудачными и чисто-внешними: авторы берут манеру Андреева начинать фразу союзом «и» и безуспешно пытаются придать языку однотонный, гипнотизирующий ритм, свойственный стилю Андреева ⟨...⟩

В списках требований на книги, получаемых от разных групп и лиц, имена старых писателей встречаются все чаще, из современных же спра-

шивают почти одного Андреева, причем заметно, что наиболее читаются и нравятся первые три его тома [1] 〈...〉

Укажу на то, что большинство пьес пишется под явным влиянием «Жизни Человека», «Царя-Голода» — но и это влияние — внешнее: берут форму, а не настроение автора, не его отношение к жизни...

Статья Горького «О писателях-самоучках» напечатана в «Современном мире», 1911, № 2 (XXIV, 111, 112 и 114).

[1] Имеются в виду изданные «Знанием» тома, в которые входили наиболее реалистические и демократические произведения Андреева.

98. ГОРЬКИЙ — И. А. БУНИНУ

〈Капри. Не ранее 23 февраля/8 марта 1911 г.〉

...Погибает Куприн, и Леонид, видимо, сходит с ума, попадая из одной гнусной истории в гнуснейшую [1] 〈...〉

Леонид написал «Рассказ змеи о том, как у нее выросли ядовитые зубы» [2], и забыл наградить змею присущей ей мудростью. Вышла не змея, а кологривская мещанка. Написано плохо...

«Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 58—59.

[1] Горький имел в виду богемный образ жизни Куприна в тот период, а также некоторые инциденты в жизни Андреева.

[2] «Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы» напечатан в альманахе «Шиповник», кн. 14, 1911.

99. ГОРЬКИЙ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. 6 ... 13 марта 1911 г.〉

...Андреева о Толстом не читал и не интересуюсь. Наврал чего-нибудь; он, Леонид, не любил Толстого.

Автограф. АГ.

Сохранилось несколько документов, характеризующих подлинное отношение Андреева к Толстому. Так, в интервью, данном журналисту А. Потемкину («Петербургская газета», 1908, № 235, 27 августа), Андреев сказал: «Учителем своим признаю Толстого. Толстой прошел надо мной и остался во мне. Выше Толстого я никого не знаю, каждое его произведение считаю образцом искусства и мерилом художественности». Андреев был знаком с оценками его рассказов Толстым. По этому поводу в том же интервью он сказал: «Я знаю, что Толстой не признаёт во мне писателя. Он благословил Куприна и установил преемственность между ним и собою.

Можно подумать, что по человечеству мне было обидно узнать такой отзыв о себе великого учителя, которого я так почитаю. Могли бы заподозрить, что я завидую Куприну... Нисколько!..

Кто знает Толстого, кто изучил все его произведения, не только чисто-литературные, но и критические, например, предисловия к сочинениям разных авторов (Мопассан и др.), кто следит за отзывами Толстого о пишущей братии в разговорах и в письмах,— тот должен признать, что Толстой крайне нетерпим: хорошо у него только то, что похоже на толстовское, все другое — никуда не годится.

Между Толстым и Куприным, при всем различии в глубине и объеме дарований, много общего. Наблюдательность Куприна направлена на те же стороны жизни, что у Толстого, он ищет правду там же, где и Толстой. Искренность и точность языка у Куприна походят на слог Толстого. Читая Куприна, Толстой доволен, что писатель идет с ним по одной дороге. Он хвалит Куприна, как хвалит и все другое — толстовское. У меня и у Куприна учитель один, но дороги наши расходятся. Толстой никак не может мои произведения одобрить, они — не толстовские, они — слишком самостоятельны 〈...〉

Одиннадцатый год пошел с тех пор как напечатана была моя первая вещь. Десять лет я писал так, как чувствовалось,— стилизация или реализм, не я им служу, а они мне, смотря по тому, что писать приходилось.

И впредь так же буду писать,— как умею...»

В 1910 г. в «Утре России» (№ 134) было опубликовано интервью журналиста С. С. Раецкого (за подписью: Мистер Рэй): «Леонид Андреев в гостях у Л. Н. Толстого», в котором говорилось: «И частые повторения слов „светозарность", „святость", „сияние" производят такое впечатление, точно поездка в Ясную Поляну была для него паломничеством».

В 1911 г., уже после смерти Толстого, в журнале «Солнце России» (№ 53) появилась статья Андреева «За полгода до смерти», в которой писатель высказывал свои непосредственные впечатления и чувства, пережитые в Ясной Поляне, вблизи Толстого: «Важен день, когда впервые увидишь человека, да когда этот первый раз по воле судьбы останется и единственным: налагает свою печать природа ⟨...⟩ И ничего другого в этот час я не видел, а, пожалуй, и не слыхал, кроме этой огромной и загадочной великой человеческой головы ⟨...⟩ Возвращаясь в Тулу все под тем же весенним солнцем, я думал, что жизнь есть счастье» (ПССА, т. VI, стр. 302—304).

В ИРЛИ хранится черновик речи Андреева, которую он предполагал произнести на вечере, посвященном памяти Толстого (позже отказался от этой мысли из политических соображений; см. также его письмо об отказе участвовать в толстовском юбилее — Переписка, прим. 15 к письму 165). Запись этой речи свидетельствует о глубине чувств Андреева к Толстому (впервые опубликована В. И. Беззубовым в приложении к его статье «Лев Толстой и Леонид Андреев».—«Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 104, 1961, стр. 170—172).

Белоусов в своих воспоминаниях приводит высказывания Андреева о своеобразии таланта Толстого («Литературная „Среда". Воспоминания. 1880—1928». М., 1928, стр. 163—164). См. высказывания Андреева о Толстом, приведенные в данном томе.

Об отношении к Толстому свидетельствует и ответ Андреева 17 октября 1912 г. на запрос А. Е. Грузинского — можно ли обнародовать замечания Толстого, сделанные на полях отдельных произведений Андреева. Зная, что эти замечания в основном отрицательные, Андреев все же ответил: «Мои ли это книги, или другие чьи-либо, но раз они дали повод высказаться Л. Толстому — все соображения должны отпасть перед значительностью и важностью слов Льва Николаевича.

Мне жаль только — опять-таки не в моих интересах, а в интересах более полного освещения личности Л. Толстого,— что я не могу привести того, что лично при свидании говорил он о моих вещах и обо мне ⟨...⟩ Разве только, когда умру сам, пусть другие расскажут. Приведенные вами отзывы Толстого говорят как бы о некоторой его нетерпимости, равно как и другие его обо мне замечания, попавшие в печать,— в этом смысле некоторые мои читатели выражали мне свое соболезнование, а некоторые даже обижались за меня — в действительности же Лев Николаевич смотрел на жизнь и литературу гораздо шире. Но это уже „про домо суа"*» (ЦГАЛИ).

100. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Капри. 30 августа ⟨12 сентября⟩ 1911 г.

...Недавно получил большущее письмо от Леонида—молчок об этом!— шутит Леонид, а сквозь шутки—слышен этот надрывающий душу вой затравленного волка [1]. Скоро, вероятно, увижусь с ним, многими —Куприным, Ценским и т. д. Сказать им у меня есть что, на велик толк не надеюсь, а кое-чего добьюсь, уверен...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

[1] См. Переписка, № 159.

Почти через месяц Горький снова сообщал Е. П. Пешковой: «Писал я тебе, что Леонид вступил со мной в переписку и что может быть скоро увидимся? Не с ним одним, а и — еще кое с кем» (письмо с Капри от 22 сентября 1911 г.— АГ). Речь шла о новом объединении литературных сил, для которого Андреев считал Горького единственным вожаком.

101. ГОРЬКИЙ — А. Н. ТИХОНОВУ

⟨Капри. Вторая половина сентября 1911 г.⟩

...От Леонида получено письмо: сообщаю выдержку, находя, что вам нужно знать игру его ума, сообщаю также мой ответ, для сведения...

«Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 21.

Горький имеет в виду письмо Андреева от 12 августа 1911 г. и свой ответ.— Переписка, № 159—160.

Тихонов ответил Горькому 2 октября: «Письмо Леонида Николаевича читал как знакомое. „Игру его ума" — слышал от него раньше, а про остальное могу сказать, что разговоры мои с ним все же даром не пропали. Уверен, что он к вам приедет и что это будет неплохо» (АГ).

---

* Андреевым эти слова написаны по-русски; pro domo sua (лат.) —по поводу себя.

102. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

〈Капри. Около 10 ноября 1911 г.〉

...Вообще — дела не радуют. А тут этот скандал Куприна — Андреева и возмутительное вмешательство злого дурака Арцыбашева [1]...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

Имеется в виду грубая ссора Куприна и Андреева, получившая широкую огласку в печати.

[1] Вмешательство Арцыбашева в этот инцидент выразилось в следующем: он был вызван группой товарищей по перу, в частности — Скитальцем, из Ростова-на-Дону экстренной телеграммой в Петербург. Ему предложили быть председателем суда чести по этому делу. Узнав по пути, еще в Москве, о ссоре на квартире Ходотова, Арцыбашев сказал корреспонденту «Московской газеты» (№ 151, 5 ноября): «...писательская среда должна на подобный возмутительный факт реагировать хотя бы в форме привлечения к третейскому суду чести. Я лично возьмусь за это дело, пора литературу очистить от этой грязи...». Горькому не понравился, вероятно, менторский тон выступления Арцыбашева. Накануне, 4 ноября, в той же газете (№ 150) была помещена статья (без подписи), в которой подробно описывался этот инцидент. О том же писал Горькому 15 ноября 1911 г. возмущенный Шаляпин («Федор Иванович Шаляпин...», т. I. М, «Искусство», 1957, стр. 387).

103. ГОРЬКИЙ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

〈Капри. 23 или 24 ноября/6 или 7 декабря 1911 г.〉

...Вчера Андреев телеграфировал: умер Серов, что меня прямо опрокинуло...

XXIX, 208.

Выдающийся русский художник Валентин Александрович Серов умер 22 ноября 1911 г. В журнале «Новая студия», 1912, № 7, 19 октября (стр. 16—18) была напечатана заметка «Леонид Андреев о В. А. Серове», приуроченная к годовщине смерти художника. В. Базилевич (В. В. Брусянин) вспоминает в этой заметке о беседе с Андреевым в день смерти художника. Андреев с нежностью «упоминал имя того, кого уже не было в живых...»

«Леонида Андреева связывала с Серовым личная дружба. Оба они любили Москву, были москвичами, творили в Москве, встречались. Серов написал андреевский портрет, когда в чертах писателя была еще молодость, вера в жизнь и человека, как выразился один критик. Один любил литературу и служил ей, другой любил эту литературу. Один был предан живописи и любил ее, другой любил эту живопись. И обоих их влекла друг к другу связь с искусством.

— Боже мой, что же теперь делается там, в семье Серова? — задавался печальным вопросом писатель и ходил по кабинету и не получал ответа от его темных строгих стен... —Трудно поверить в эту смерть! —говорил Андреев, а сам все ходил по темному кабинету и точно прислушивался к таинственному голосу, разъясняющему смысл жизни, бессмыслицу смерти.

— Если бы мне как беллетристу предложили описать Серова, я этого не сумел бы сделать. Я часто думал об этом, в мыслях представляя себе лицо Серова, его глаза, его манеру говорить, его улыбку, грусть, воодушевление. Если бы мне предложили описать Горького, Шаляпина, любого писателя, я взялся бы за эту работу... Серов — невыполним для беллетристического задания. Весь он был для меня неразрешимой загадкой, неразъяснимой и влекущей к себе. Я чувствовал в нем тайну и не находил слов, чтобы разгадать эту тайну. Я только любил его как человека и художника».

Серов написал один из лучших портретов Андреева (Гос. Литературный музей в Москве), а также исполнил два литографированных портрета Андреева.

Дочь художника О. В. Серова вспоминает, что Серов «находил у Леонида Николаевича большие способности к рисованию» (О. В. С е р о в а. Воспоминания. М.—Л., 1947, стр. 78). В память Серова Андреев назвал Валентином своего сына, родившегося в годовщину смерти художника.

Горький также не только высоко ценил талант Серова, но относился с большой душевной теплотой к нему как к человеку. «Очень я его люблю,— крепкий он человечище и художник божий»,— писал Горький в декабре 1910 г. И. И. Бродскому (XXIX, 150). В 1905 г. Серов создал портрет Горького (см. статью Г. С. Арбузова «Горький и Серов»— в сб. «Горький и художники. Воспоминания. Переписка. Статьи». М., 1964, стр. 220—231).

104. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Капри. 14/27 декабря 1911 г.

...Читала «Сашку Жегулева»? Очень плохо, я глубоко огорчен. Леонид становится каким-то уличным писателем. Жалко его—до смерти, а помочь нельзя, они там все забронированы непроницаемым самолюбием и ничему не внемлят...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

Появление «Сашки Жегулева» вызвало резко отрицательные отзывы в печати. Например, А. А. Измайлов утверждал: «Как писатель тонкой чуткости Андреев увидел, что нельзя пройти мимо такой темы. Но иное дело задумать, иное—выполнить ⟨...⟩ Автор сам точно уверяет вас, что льющаяся сегодня кровь есть искупление каких-то былых грехов иных поколений и подвиг Погодина есть именно подвиг,—но вам трудно поверить этому ⟨...⟩ С идейной стороны роман Андреева интересная, но не доказанная проблема ⟨...⟩ Некоторые страницы его вы читаете с полным недоверием...» («Биржевые ведомости», веч. вып. 1911, № 12671, 6 декабря). В таком же духе писал Ожигов в «Современном слове» (1911, № 1396, 23 ноября), Войтоловский в «Киевской мысли» и др. Эти отзывы вызвали у Андреева тяжелое душевное состояние. В. Е. Беклемишева вспоминает: «Андреев, радостно волнуясь, писал этот роман. Ему казалось, что он нашел в себе что-то новое, для него самого неожиданное. Мерещились какие-то новые литературные пути и возможности. И вдруг холод, непризнание, равнодушие. Критика находила ⟨...⟩ самую концепцию романа неудачной. Получалось впечатление полного провала. Вся радость творчества была убита» («Реквием», стр. 231—232).

105. ГОРЬКИЙ — В. Л. ЛЬВОВУ-РОГАЧЕВСКОМУ

⟨Капри. Декабрь 1911 г.⟩

Дорогой Василий Львович!

Статью вашу прочитал и, согласно вашему желанию, отвечаю на вопрос — как она мне понравилась? [1] Думаю, что для вас мой ответ будет ясней, если я изложу мой взгляд на повесть Леонида.

Прежде всего — какова основная тенденция всей его деятельности? * Тенденция эта — разобществление человека. Андреев совершенно лишен общественного инстинкта, он глубоко, зоологически эгоистичен, но — несколько смущен этим, все еще стыдится органического недостатка своего и, чтоб прикрыть, убить свой стыд, оправдать себя, упорно доказывает себе самому и читателю всегда одни и те же два — или вернее — одно положение: бытие бессмысленно, а стало быть и всякое деяние бесцельно **. Человек — жертва жизни, а не строитель ее и не хозяин ***.

Жегулев затеян широко, в его лице, как мне кажется, предполагалось дать некоторое историческое лицо — человека нам знакомого, русского интеллигента, который приносил себя в жертву на алтарь служения интересам народа. Мать этого стремления — Византия, христианство, а Саша Погодин — воплощение его — и вот он попадает в среду безличную ****, в среду гнедых, которые и есть русский народ. Эта среда, принимая его, убивает в нем Погодина, человека, вызывая к жизни Жегулева-зверя. В конце концов — доказана бесплодность жертвы,— бессмысленность единоличных усилий ввести в жизнь творческое, облагораживающее начало.

---

* *Далее зачеркнуто:* Здесь нужно говорить не об идее, а именно о тенденции, ибо своей, лично им выработанной идеи у Андреева нет, он вращается в кругу идей крупных, да, но — чужих.

** *Далее зачеркнуто:* Лучше всего это выражено им в «Моих записках» — это верный ключ, коим отпираются все «тайны» его творчества — всюду холодного и надуманного.

*** *Далее зачеркнуто:* «Добра» не имеет

**** *Далее зачеркнуто:* неподвижную духовно

Я писал Леониду, что в «Сашке» * только сестра его написана «не мудрствуя лукаво», и вышло хорошо, а сам Сашка— деревянная болванка, издавна знакомая; это все тот же изжеванный русской литературой «агнец» **, приносящий себя в жертву мира за грехи его, возлагающий

А. И. КУПРИН
Фотография, 1913 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

на себя бремя неудобоносимое и охающий разноголосно, но всегда одинаково — и в 80-х и 90-х годах — под игом своим, якобы добровольно взятым на себя [2].

Основная мысль вашей статьи неясна *** мне. Показания Сигова о Савицком я считаю неверными,— люди****, которые лично знали Савиц-

* *Первоначально:* «Сашка» написан скучно и пестро

** *Далее зачеркнуто:* то есть баран

*** *Далее зачеркнуто:* если вы хотели сказать, что Погодины не должны смешиваться с Жегулевыми, а должны сохранять в целости свой этический и культурный аристократизм

**** *Первоначально*: М. М. Коцюбинский

кого, и его товарищи разногласят с Сиговым [3]: по их показаниям Савицкий был парень жестокий, развращенный пинкертоновщиной и вообще — весьма дюжинный.

В повести Андреева очень возмущает меня его холодный сентиментализм, все эти «овражки», «бережочки», «перелесочки» и «балалаечки»,— удивляюсь, как может нравиться вам эта слащавость * и как можно смешивать с чеховской грустью андреевскую сентиментальность **.

Кстати,—слово «зимно» старое русское слово; вы ошибаетесь, думая, что его сочинил современный русский стихотворец.

МИ, т. I, стр. 179—180. Исправлено по автографу чернового варианта письма Горького.—АГ.

Письмо Горького явилось ответом на письмо Львова-Рогачевского: «В январской книжке пойдет моя статья о „Сашке Жегулеве", моя первая статья об Андрееве в „Современном мире". Очень хотелось бы, чтобы вы прочли ее, Алексей Максимович. Я отнесся, думается мне, вполне объективно».

О *В. Л. Львове-Рогачевском* — см. Переписка, № 129, прим. 2.

Об отношении Горького к роману — см. также выше в предисловии его к американскому изданию «Сашки Жегулева» 1925 г.

[1] Имеется в виду статья «Погодин и Жегулев. (По поводу романа Л. Андреева „Сашка Жегулев")» — «Современный мир», 1912, № 1, стр. 269—281.

В книге «Леонид Андреев. Критический очерк с приложением хронологической канвы и библиографического указателя» (М., 1923) Львов-Рогачевский сообщает некоторые подробности о создании Андреевым своего романа: «И когда, уже известный художник, Л. Андреев увидел портрет расстрелянного экспроприатора Савицкого, этого разбойника, отверженного людьми, у которого нашли при аресте книгу Л. Андреева „Рассказ о семи повешенных", художник заглянул в открытые глаза умершего Савицкого и сказал себе: „Кто закроет глаза убийцам?" Его книга „Сашка Жегулев" явилась ответом на этот вопрос. Леонид Андреев пропел мрачный похоронный марш над жертвами мещанского уклада, над одинокими, над погибающими, над могилами отверженных и обреченных на гибель, брошенных, как Иуда, в овраг истории, не нашедших исхода, но не захотевших приспособиться и примириться 〈...〉 Вместо революционера-экспроприатора, настоящего Савицкого, сына уездного чиновника, художник создает Савицкого „своих мечтаний", генеральского сына, мать которого гречанка, в ее жилах течет кровь христианских мучеников.

Открытые глаза трупа на фотографии расстрелянного, уже мертвого Савицкого дают толчок мечтаниям художника.

„И с ужасом, легко сообщающимся его уму", творит он жизнь Саши Погодина — Сашки Жегулева» (стр. 50 и 62).

[2] См. Переписка, № 164.

[3] Горький имеет в виду статью-очерк А. А. Сигова в «Историческом вестнике», 1911, № 12 (стр. 1002—1034) «Похождения революционера-экспроприатора Савицкого, послужившего прототипом для Саши Погодина — Сашки Жегулева в одноименном романе».

106. ГОРЬКИЙ — А. Н. ТИХОНОВУ

〈Капри. Около 8 мая 1912 г.〉

...Что Леонид рассердился на меня — знаю: он прислал мне очень бешеное письмо и не весьма умное, после чего я предложил ему прекратить переписку [1].

Мне кажется, что он не вылезет из той ямы, куда затискал себя по уши, не вылезет, потому что не хочет. В сущности — ему нравится в яме-то...

---

* *Первоначально:* дурная манера

** *Первоначально:* ложь. *И далее зачеркнуто:* а) и слащавость спокойного, сытого человека, весьма довольного собою; б) вообще же Андреев, на мой взгляд, становится все более реакционным писателем, что отнюдь не мешает мне и любить его и относиться ко всему, что он пишет со всем интересом и вниманием, на какие способен я. Он имеет одно превосходное качество: прекрасно чувствуя старого русского человека, старую нашу психологию, он резко формулирует ее и тем самым показывает всю гниль, всю пагубность ее для нас.

В конце письма зачеркнута фраза: Мне кажется, что вы в ваших статьях слишком много говорите об авторах и недостаточно ясно о тенденциях авторов.

«Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 24—25.

Письмо Горького является ответом на письмо Тихонова от 30 апреля 1912 г., в котором тот пишет: «...видел я как-то Андреева. Обижен он на вас до слез за ваши к нему письма. Жалуется. Написал он пьесу „Катерина Ивановна", которая начинается с конца — пальбою по неверной жене, а кончается... впрочем, конца он мне не показывал. Еще работает он над „Вечным жидом", где хочет будто бы восславить коллектив, но боюсь, не будет ли это такая же сомнительная „осанна"— как и в „Жегулеве"...» (АГ).

Узнав от Тихонова о работе Андреева над произведением «Вечный жид», Горький писал 20—27 мая 1912 г. Амфитеатрову: «Андреев сочиняет „вечного жида" — эх, зря!» (АГ).

[1] См. Переписка, № 167—168.

107. ГОРЬКИЙ — А. С. ЧЕРЕМНОВУ

⟨Капри. Август ... сентябрь 1912 г.⟩

...В новой пьесе Леонида Андреева главным героем является тоже плохой пистолет; близорукий муж, член Думы, стреляет из него в жену, но — попал в тарелку, а потому жена стала неутомимо изменять мужу; изменяет ежечасно и открыто поет:

Я вам, супруг, сказать осмелюсь:
Нехорошо стрелять, не целясь,
И бить посу-у-уду (2 раза).
Вы мне стреляли трижды в спину,
А я за это вас покину,
Но любить бу-у-уду (2 раза) [1].

Это — факт, я ничего от себя не присочинил: действительно, она его покинула, но — до того любила, что принуждена была выпрыгнуть из окошка. Конечно,— вам, не посвященному в тайну сию, трудно понять все это. Терпите...

«Архив Горького», т. VII, стр. 111.

Александр Сергеевич *Черемнов* (1881—1919) — поэт и переводчик, печатавшийся с 1907 г. в «Знании». Горький принимал большое участие в его литературной судьбе (см. сб.: «М. Горький и поэты „Знания"». Л., «Советский писатель», 1958).

[1] Пьеса «Екатерина Ивановна». Была напечатана в кн. 19 альманаха «Шиповник», 1913; шла на сцене Московского Художественного театра в 1912 г. Пьеса вызвала шумные споры.

Шутливые стихи принадлежат Горькому.

108. ГОРЬКИЙ — А. Н. ТИХОНОВУ

Капри. 1 января 1913 г.

...Боже мой, как зло и грубо лают на Леонида в Киеве, Таганроге, Саратове! А Харьков — послал после первого представления приветственную телеграмму автору! [1]

Нравы у вас там — зверские!...

«Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 28.

[1] Горький имеет в виду грубые выпады прессы, в частности, против драмы Андреева «Профессор Сторицын», появившиеся в газетах «Киевская мысль», «Киевлянин» и др. Сам Андреев был настолько возмущен резким тоном газетных репортеров, что ответил открытым письмом на имя рецензентов «гг. В. Чаговцу, Н. Николаеву и Бикману» («Новая студия», 1912, № 11, 17 ноября). Редакция журнала солидаризировалась с Андреевым (о полемике этой — см. Переписка, № 172, прим. 1).

О получении телеграммы из Харькова от директора театра Н. Н. Спнельникова, извещающей об успехе «Профессора Сторицына», Андреев писал артисту и режиссеру А. Н. Лаврентьеву 21 ноября 1912 г. (Центр. Театральный музей им. А. А. Бахрушина).

109. ГОРЬКИЙ — Н. А. РУМЯНЦЕВУ

Капри. 9 января 1913 г.

...Не пришлете ли вы мне «Профессора Сторицына»? Очень буду благодарен! А то — все ругают Леонида, а мне не верится, чтоб он был виновен во всю меру этой разнузданной ругани. «Катерина» провалилась? [1] Я читал в «Киевской мысли», что будто артисты протестуют против права Немировича-Данченко единолично выбирать пьесы,— это правда? ⟨...⟩ Жду милостей ваших: пришлите «Сторицына».

Автограф. АГ.

Письмо адресовано Николаю Александровичу *Румянцеву* (1874—1948), артисту и администратору Художественного театра, и его жене — Татьяне Васильевне *Красковской* — артистке того же театра. Горький был связан с ними товарищескими отношениями; Румянцев гостил у Горького на Капри.

[1] Имеется в виду постановка пьесы «Екатерина Ивановна» в Московском Художественном театре, осуществленная В. И. Немировичем-Данченко. О «Профессоре Сторицыне» — см. выше, № 108.

110. ГОРЬКИЙ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Петербург. 5 декабря 1914 г.

...Был у меня Леонид Андреев. Долго говорили, часов шесть кряду...

Автограф. АГ. Личный архив Е. П. Пешковой.

Об этой беседе — см. Воспоминания Е. П. Пешковой в настоящ. томе.

111 ИЗ СТАТЬИ «НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ»

⟨1914 г.⟩

...Леонид Андреев, не отставая от своих товарищей в деле выражения свирепых эмоций, тоже усердно обливает немецкий народ уксусом и желчью.

«Мы протестуем и выражаем наше презрение немецкому народу» [1],— пишет он, очевидно, веря всему, что говорит о немецком народе уличная пресса, так успешно торгующая ненавистью.

В другой своей статье он взывает к людям:

«Множьте любовь. Множьте любовь» [2].

Странный способ множить любовь в мире, выражая презрение целой нации и тем как бы вычеркивая ее из мира.

Не особенно давно Л. Андреева интересовали идеи высшей справедливости, и он посильно служил этим идеям своим талантом, своей фантазией. Справедливость требует, чтобы раньше, чем судить виноватого, были расследованы мотивы его вины. Этого требует не высшая, а примитивная справедливость, знакомая даже русскому мужику. Тем более она должна быть знакома писателю. Но Л. Андреев, потеряв себя в путанице событий, повторяет с улицей те слова, которые умножают ненависть...

Статья «Несвоевременное» написана в 1914 г. и 4 декабря была набрана для газеты «День» (№ 331), но запрещена цензурой. Впервые напечатана в «Красном архиве», 1931, т. 2 (XXIV, 160—161).

[1] Эти слова взяты Горьким из статьи Андреева «Освобождение. (Письма о войне)» в журнале «Отечество», 1914, № 1, 2 ноября (напечатана с большими цензурными купюрами). Андреев писал: «Мы протестуем и выражаем наше презрение германскому народу, который совершает бесчеловечные поступки и, совершая, оправдывает их: и будем презирать его до тех пор, пока он не станет другим, и сам, своей державной рукой не покарает истинных виновников, заливших землю кровью, растерзавших Бель-

гию, отнявших у матери детей и явивших миру неслыханные примеры гнусной жестокости» (стр. 15).

В той же статье Андреев утверждает: «Что же касается интеллигенции нашей, то мне кажется смешною самая мысль о том, чтобы когда-нибудь мы отреклись от даров немецкого гения, разлюбили Шиллера, перестали читать Канта и Шопенгауэра, забыли Лассаля и Маркса и в печку выбросили Гете».

Говоря далее о Гауптмане и Вагнере, Андреев так определяет свою позицию: «Ибо наша настоящая русская гордость заключается в том, что мы, по счастью, умеем ценить, любить и почитать все великое и прекрасное, под какими бы широтами и в каком бы народе оно ни родилось...»

Показывая там же свое отношение к национальным проблемам, Андреев подчеркивает: «К числу наиболее отвратительных явлений такого порядка относятся погромы германских магазинов, имевшие место в Англии и, на днях, у нас в Москве; но и здесь дело не в „германском гении", а в том, что доселе ни один еще народ не избавлен от позора — иметь свою умственную и моральную чернь» (там же).

[2] Цитата из статьи Андреева «Слово о Сербии», напечатанной в «Биржевых ведомостях», утр. вып., 1914, № 14488, 11 ноября; вошла в публицистический сборник писателя «В сей грозный час» (Пг., 1915, стр. 32—39).

112. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Петроград. 10 октября 1915 г.

...Я сочиняю пьесу из древнескандинавской жизни под названием «Рак» [1]. Символическая, как у Андреева, и так же умная. Когда у человека нет денег, он на все способен...

Автограф. АГ. Ср. «Архив Горького», т. VI, стр. 241.

[1] Название пьесы шуточное. Но известно, что Горький собирал материалы о скандинавском эпосе; сохранились также черновые наброски и варианты пьесы «Норманны», над которой он работал и в 1917—1919 гг. Еще в 1908 г. Горький просил Пятницкого прислать ему скандинавские саги, перевод «Эдды», книги по истории походов викингов. Об интересе Горького к этому литературно-историческому материалу говорит и его ранний рассказ «Возвращение норманнов из Англии» (напечатан в «Самарской газете», 1895, № 185, 27 августа). См. об этом также в письме М. Е. Левберг к Горькому от 15 сентября 1926 г. («Лит. наследство», т. 70, 1963, стр. 239).

113. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Петроград. 24 марта 1916 г.

...д-ра Манухин [1] и Троицкий [2] нашли, что вследствие курения сигар я страдаю хронической бубонной чумой, брюшным тифом, проказой и манией величия.

В последнем убеждены также и уважаемые друзья мои Андреев Леонид, Кузьма Сологубчик [3] и Настасья Чеберяковская [4] ⟨...⟩

Вчера, 23-го числа вечером, все сии медицинские и литературные светила колотили меня молотками по всем частям тела и во сне и наяву [5]...

Автограф. АГ.

[1] Иван Иванович *Манухин* (р. 1882) — доктор медицины, лечивший Горького в 1913—1916 гг. от туберкулеза.

[2] А. Ф. *Троицкий* — по характеристике Горького, «ярославский семинарист,— впоследствии врач во Франции, в Орлеане,— человек красноречивый, страстный спорщик» (очерк «Время Короленко» — в кн.: «М. Горький и В. Короленко». М., 1957, стр. 153).

[3] Ф. К. Сологуб.

[4] Горький искажает фамилию жены Сологуба А. Н. Чеботаревской, намекая на известную лжесвидетельницу Веру Чеберяк в процессе Бейлиса (Горький не прощал Сологубам их сотрудничества в «Новом времени»).

[5] 23 марта состоялось одно из собраний «Русского общества для изучения жизни евреев». См. о нем стр. 547—548 настоящ. тома.

114. ГОРЬКИЙ — В. Г. КОРОЛЕНКО

Петроград. 28 сентября 1916 г.

...А протопоповская газета [1], оставив в покое вас, после великолепной вашей отповеди [2], ныне, устами Гаккебуша [3] и Л. Андреева, распространяет слух о том, что у них «сам Г. В. Плеханов». Убежден, что это неверно, хотя видел телеграмму Амфитеатрова Сытину, в которой Амфитеатров ссылается на участие Плеханова в министерской газете как на факт, который и его, Амфитеатрова, побудил подписать условие с новой газетой [4]...

«М. Горький и В. Короленко». М., 1957, стр. 75.

[1] Речь идет о газете «Русская воля» (декабрь 1916—октябрь 1917), организованной при содействии царского правительства группой крупных капиталистов-акционеров общества «Печать» (устав его был утвержден 17 ноября 1916 г.).

Возникновению газеты предшествовало следующее: в «Русских ведомостях» 4 ноября 1916 г. (№ 255) появилась заметка «А. Д. Протопопов и печать», в которой сообщалось, что «...всеми директорами департаментов и начальниками отдельных частей министерства внутренних дел получен следующий циркуляр о централизации всей информации по стране при министерстве внутренних дел». «Как передают,— сообщалось в заметке,— в правительственных кругах поднят вопрос о необходимости учреждения такого органа печати, который мог бы проводить взгляды правительства и выступать с критикой общественной печати. Предполагается учредить новые издания в столицах и других крупных центрах России и Сибири. Составление проекта организации новой прессы, а также изыскание специальных средств для этого взял на себя министр внутренних дел» (т. е. лично Протопопов.— *А. Н.*).

Речь шла — по словам «Русских ведомостей»,— о необходимости создать «большой правительственный официоз, который мог бы конкурировать с влиятельными оппозиционными изданиями» (там же, 1916, № 257, 7 ноября).

Газета вначале возглавлялась А. Д. Протопоповым, помещиком и фабрикантом, депутатом IV Государственной думы, членом партии октябристов. Активную подготовку к созданию нового органа он начал еще в июне 1916 г.

Получив в конце 1916 г. при содействии Распутина пост министра внутренних дел и став таким образом непосредственным организатором реакции, Протопопов официально вышел из акционерного общества, а следовательно, и из газеты, но продолжал оставаться ее вдохновителем.

Характеризуя деятельность Протопопова как погромную, Ленин имел в виду также и «Русскую волю», которая вела злостную агитацию против большевиков; он называл ее газетой, «служащей худшим из капиталистов» (Полн. собр. соч., т. 24, стр. 331), а впоследствии «одной из наиболее гнусных буржуазных газет» (там же, т. 25, стр. 276).

Помощниками Протопопова по «Русской воле» были ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм и проф. Н. А. Гредескул. Литературно-критический отдел в газете вел Андреев.

Желая создать соответствующий ореол вокруг будущей газеты, Протопопов и его помощники стали распространять слухи о том, что на участие в «Русской воле» дали согласие Плеханов, Короленко и Горький. Все они вскоре, ознакомившись с направлением газеты, выступили открыто и отмежевались от какого-либо участия в этом органе.

Причины, побудившие Андреева так горячо отнестись к предложению работать в «Русской воле» и связать свою судьбу с этой газетой, особенно четко и ясно выражены в его письме к брату, Андрею Николаевичу, от 24 июня 1916 г.: «Специальное мое дело: я заведую тремя отделами: беллетристики, *критики* и театра, имею сколько угодно помощников и приглашаю *кого угодно*, независимо от редакции. Иными словами, влияя на общее положение дел, я имею в газете как бы свой собственный журнал по вопросам наиболее мне близким и важным ⟨...⟩ Договор на пять лет, жалованье за заведывание и статьи 36 000 в год (36 тысяч), за беллетристику 1500 р. с листа, причем обязаны печатать всё, что даю: стотысячные неустойки. Одним словом, без усилия я могу вырабатывать в газете до 45—50 тысяч. Такое финансовое великолепие мне и не снилось! ⟨...⟩

Далее: я избавляюсь от самой подлой зависимости от публики и критики, именно зависимости рыночной. Я знаю себе цену и могу презирать, как презираю хамо-критику и хамо-читателя, модника и перебежчика — ну а если книга *не идет*, и издатель не печатает и театр не берет? Ныне, будучи обеспечен от колебаний нашего рынка и критического ажиотажа, я с глубоким спокойствием взираю и на мое чисто литературное положение. Могу писать и не печатать; могу спокойно ждать *своего* театра; могу,

наконец, свободно мыслить без той невольной и бессознательной подчиненности вкусам дня, какую налагает зависимость от рынка на самую свободную и самостоятельную мысль.

Почему сие важно, во-вторых? А просто потому, что есть возможность широко выразить свое литературное кредо, наложить печать своего на творчество и т. д.— ты сам понимаешь...» («Русский современник», 1924, № 4, стр. 148—149).

Характерны в этом отношении также письма Андреева к театральному деятелю В. Г. Сахновскому, которого он привлек к работе в «Русской воле» (Архив Музея МХАТа).

В первые месяцы подготовительной работы в газете Андреев верил в предоставлявшиеся ему «могучие» возможности. Но в это же время прогрессивные писатели и, в первую очередь, Короленко и Горький, разобравшись в целях и направлении протопоповского предприятия, один за другим поспешили отказаться от участия в этом органе.

Связавшись с «Русской волей», Андреев и после выступлений Горького и Короленко продолжал защищать газету, подписав вместе с группой руководящих сотрудников открытое письмо в редакцию газеты «Вечернее время» (перепечатанное «Русскими ведомостями» 25 ноября 1916 г., № 272), в котором они оправдывали свое участие в «Русской воле».

15 декабря 1916 г. Андреев напечатал в «Русской воле» личное «Открытое письмо гг. членам Государственной думы», в котором заявлял: «Когда г. Пуришкевич с трибуны Государственной думы бросил обвинение, что „Русская воля" издается на немецкие деньги и группа русских писателей,— я в том числе,— подкупленные немцами, будут отстаивать их интересы, что есть измена перед отечеством,— вся Дума молча, без единого возражения, приняла эти слова 〈...〉 Ведь если допустить, что г. Пуришкевич был прав, и я, Амфитеатров и другие продались немцам, то ведь это нечто ужасное, способное мертвых поднять из гробов: мы, русские писатели с определенным прошлым, продались немцам и сделали это в момент величайших страданий России 〈...〉 Или это не ужас, а курьезный анекдот или мелочь, для которой не стоит открывать рта? Или вы, гг. депутаты, думаете, что мы, русские писатели, с тем именем, которое мы имеем честь носить, менее народные представители, нежели вы? Правда, нас никто не избирал и не бросал в урну бюллетеней с нашими фамилиями. Но разве вы так глубоко верите в святость *выборов*, давших вам в товарищи гг. Маркова, Пуришкевича, Замысловского, Крупенского и других, имена коих нам известны?»

Участие Андреева и Амфитеатрова в протопоповской газете вызвало большое недоумение Короленко. 30 ноября 1916 г. он писал Горькому: «Но Л. Андреева я все-таки не понимаю. Не понимаю и Амфитеатрова, то есть не представляю себе вот чего: неужели они считают, что у газеты этой даже после таких моральных ударов (самые сильные из них нанесены Протопоповым) есть шансы прочного существования?» («М. Горький и В. Короленко», стр. 84).

Андреев слишком поздно осознал, что газета такого рода не может служить, как ему казалось вначале, «честно-демократическим целям», что иллюзией является его мечта о «независимости» и «самостоятельности», которыми он сможет пользоваться в газете. Влияние «Русской воли» на творчество Андреева было крайне отрицательным. Уже 30 сентября 1917 г. он писал брату Андрею Николаевичу: «Таскаюсь ежедневно в редакцию, хорошего и там мало, трения с издателями, медлительность одних, бесталанность других, старая картина: стена и лоб. Лбом об стену. Ежели не улучшится, и издатели новые или старые, ибо газету покупают, не пойдут на приглашение вторым редактором Раецкого*, брошу и я редакторство. Главное, Друшечка, бесталанность. Бесталанность и глупость. Глупости очень много. Везде, вокруг. И мерзавцев много. Очень много. Негодяй на негодяе. И все мысли о негодяях, и все сны, и писать больше не о ком и не о чем. Огромное, темное — российское стадо — и несколько мерзавцев, честолюбцев, делателей карьеры. И еще несколько, то есть много болванов, даже честных, что с этим поделаешь?

Сейчас газетная работа — совершеннейшее толчение воды в ступе. Нельзя же писать поэмы о том, что дважды два четыре. И нельзя каждый день произносить одну и ту же нагорную проповедь...» («Русский современник», 1924, № 4, стр. 153).

Из письма же Андреева к Измайлову от 25 марта 1918 г. явствует, что работа в газете вызвала у него чувство глубокого разочарования и горечи, хотя он ошибочно готов был видеть причину этого совсем в другом: «Газета и политика убивают искусство, и я особенно почувствовал это по „Русской воле", когда за целый год я не написал ни одной беллетристической вещи; больше того — и сейчас ничего писать не хочу и не могу — настолько опустошена голова...» (ЦГАЛИ).

В этом же письме Андреев утверждает, что фактически редактировал литературный отдел «Русской воли» только два месяца.

---

* Савелий Семенович *Раецкий* (ум. 1925) — журналист, сотрудник «Русского слова» и «Биржевых ведомостей». В 1916—1917 гг. возглавлял бюро печати при Московском военно-промышленном комитете; при Керенском был журналистом Петроградского телеграфного агентства.— *А. Н.*

[2] Горький имеет в виду напечатанные Короленко опровержения в газетах «Речь» (1916, № 209, 1 августа) и «День» (1916, № 213, 5 августа) о том, что он не давал своего согласия на участие в «Русской воле». 6 августа выступил с открытым письмом и Горький, напечатав в «Дне» такое же опровержение (№ 214).

[3] М. М. Гаккебуш одно время сотрудничал в «Русской воле». Горький назвал его «закулисным товарищем министра Протопопова» (см. письмо Горького к Короленко от 21—22 октября 1916 г.— сб. «М. Горький и В. Короленко», стр. 80).

[4] Видимо, не зная состава редакции и сотрудников «Русской воли» и поддавшись влиянию литераторов, которым он доверял, а также социал-демократа Иорданского, вначале участвовавшего в организации редакции,— Плеханов дал свое предварительное согласие на участие в «Русской воле», но вскоре, поняв характер и направление будущей газеты, отказался от сотрудничества в ней.

Горького очень огорчили сообщения о сотрудничестве Плеханова в «Русской воле». Вот почему он с радостью поделился с Короленко: «От Плеханова получена телеграмма, опровергающая слухи о его участии в протопоповской газете. Это — очень приятно...»;

«Очень меня мучает Л. Андреев. Я его люблю, считаю крупным талантом, но наши отношения вдребезги испорчены, и я не могу указать ему, что он не должен валандаться с протопоповской газетой. Написать ему? Он самолюбив, как пудель, и, по его словам, „боится моего влияния". Это — чепуха, никогда я не пытался влиять на него и, знаю, не мог бы влиять. Он слишком резко очерченная индивидуальность. Вытащить его из этой лужи мне страшно хочется, а как — не знаю, не умею. Съест его газета...» (письмо от 21—22 октября 1916 г.— там же, стр. 80—82).

Но, став активным ее сотрудником, Андреев даже пытался удержать в числе участников газеты и Плеханова. Об этом свидетельствует телеграмма, посланная им совместно с Амфитеатровым и Адриановым (Архив Музея МХАТа).

115. ГОРЬКИЙ — Р. РОЛЛАНУ

Саарово. 7 декабря 1922 г.

...Разумеется, дорогой друг, я принимаю ваше лестное предложение [1] с огромным удовольствием. Я думаю, что могу дать вам для г. Ронигера [2] книгу моих воспоминаний о Чехове, Толстом, Андрееве и Короленко 〈...〉

В ближайшие дни обещаю выслать вам исправленные и дополненные свои воспоминания...

«Архив Горького», т. VIII, стр. 430.

[1] Ответ на письмо Ромена Роллана от 25 ноября 1922 г., в котором тот писал: «Я очень восхищаюсь переведенными на французский язык статьями вашими о Толстом, Чехове и Андрееве. Объединены ли они в один том? Не пожелаете ли вы издать их?» («Архив Горького», т. VIII, стр. 430).

[2] Эмиль *Ронигер* (р. 1883) — швейцарский писатель, драматург и издатель, при помощи которого Р. Роллан предполагал издать воспоминания Горького. Переписка Горького с Ронигером опубликована в «Архиве Горького», т. VIII, стр. 428—439.

116. ГОРЬКИЙ — В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

Сорренто. 2 мая 1924 г.

...Н. Фатов прислал мне составленную им книгу: «Л. Андреев в молодости» [1]; в книге много леонидовых писем, они — остроумны, а я — завистлив. Но, в то же время, я страшно рад, что у меня нет родственников, а у Леонида они есть и живы, и пишут о нем воспоминания. Например,— по поводу «Бездны» одна родственница сообщает: «Возможно, что что-нибудь подобное и было, но финал мог сочинить». Другая: «В „Бездне" Зиночка—это З. Н. Сиб—ва. Возможно, что всё так и было. Когда „Бездна" вызвала нападки, будто изображено невероятное событие, она поместила в какой-то газете письмо, где утверждала, что всё это правда, так с ней и было». В дальнейшем фамилия героини «Бездны» приведена полностью — Сибилева. Каково?

Оказывается: «Леонид любил музыку. Любил слушать граммофоны». Книга сделана плохо и так, что, прочитав ее, я рассердился, не спал ночь.

В. Г. КОРОЛЕНКО

Шарж В. В. Каррика. Акварель, 1905—1906 годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Автор угрожает выпустить еще три под общим титулом: «Поэты ужаса жизни. Андреев, Куприн (?), Арцыбашев».

«Новый журнал» (Нью-Йорк), кн. 30, 1952, стр. 201.

Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939)— поэт и критик. Горький одно время высоко ценил его поэтическое мастерство. После Октябрьской революции Ходасевич уехал за границу.

[1] Н. Н. Ф|а т о в. Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924 (см. об этой книге ниже, № 118).

117. ГОРЬКИЙ — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

〈Сорренто. 3 июня 1925 г.〉

...И уж разрешите сказать, что моя тропа так же одинока, как ваша, и хотя шума я возбуждал нередко больше, чем вы, но ведь вам известно, что шум-то этот дешево стоит и, право, никогда не оглушал меня. И не путал моих симпатий. К Андрееву, к Бунину я был ближе, чем к вам, часто видел их, жил с ними, но, проверяя мои симпатии, чувствовал вас яснее, чем их...

«Архив Горького», т. VII, стр. 123.

На протяжении многих лет отношения Горького и Вересаева претерпевали изменения. 22 ноября 1925 г. Горький в письме из Неаполя вновь подтвердил ему свое уважение: «Недавно я писал вам, что всегда ощущал вас человеком более близким мне, чем другие писатели нашего поколения. Это — правда. Это — хорошая правда; думаю, что я могу гордиться ею» (XXIX, 448).

118. ГОРЬКИЙ — Н. Н. ФАТОВУ

〈Сорренто. 1 ... 10 июля 1925 г.〉

Вашу книгу о Л. Андрееве я своевременно получил и писал вам о ней, раньше, чем ознакомился с рецензией Гизетти [1]. Мне кажется, что рецензию эту вы недооцениваете; на мой взгляд — она очень хороша и, в главном, вполне справедлива. Рецензия проф. Пиксанова [2] мне неизвестна, но, судя по цитате из нее в письме вашем, я думаю, что проф. Пиксанов иронизирует над вами.

Хотя, по вашим словам, «все ученые единогласно отметили несомненную научную ценность» вашей книги,— это не колеблет моего отношения к ней: книга очень плохо написана и по существу плоха.

Вот вы пишете мне, что «в научном исследовании литературы нужно отбросить всякую сложную щепетильность, так как для нас важны факты, помогающие объяснить творчество». В книге вашей, опираясь на сплетни малограмотных баб, вы (предположим) установили тот факт, что талантливейший русский литератор, автор «Красного смеха», «Василия Фивейского», «Семи повешенных» и т. д. является одним из *активных* героев рассказа «Бездна», иначе говоря: он тоже насиловал изнасилованную девушку. Как вы полагаете: являются ли бабьи сплетни достаточным научным основанием для того, чтоб считать этот «факт» вполне прочно установленным и публиковать его во всеобщее сведенье? Понимаете ли вы вашу моральную ответственность пред писателем?

Я тоже кое-что знаю об этом «факте» и у меня — со слов самого Андреева — есть солидные основания решительно отрицать физическое участие Андреева в том «факте», который является темой «Бездны».

Нет, «история литературы», которую вы пишете — очень плохая история [3]...

«Радянське літературознавство», 1959, № 2, стр. 136.

Николай Николаевич *Фатов* (1887—1961)— историк литературы, профессор; опубликовал ряд биографических работ о творчестве Серафимовича, Неверова, Андреева и др. писателей, широко привлекая их эпистолярное наследие.

21 марта 1924 г. Фатов, предполагая начать новую книгу об Андрееве, обратился к Горькому с просьбой дать ему на время для ознакомления письма Андреева.

30 марта 1924 г. Горький ответил: «Когда по ходу работы вам будут нужны письма Леонида Николаевича,— сообщите мне об этом. Я их соберу. Часть писем в России, часть — в Берлине. Обращаю ваше внимание на то, что очень много интересных писем Леонида находится у бывшего владельца „Знания" Константина Петровича Пятницкого, Петербург, Знаменская, 20...» (АГ).

Как Горький реагировал на книгу Фатова, видно из приведенного выше письма к Ходасевичу (№ 116). Горький долго не отвечал Фатову, чем вызвал у того большое беспокойство. Высказывая предположение, что у Горького сложилось отрицательное представление о книге на основе рецензии Гизетти, Фатов писал 21 июня 1924 г.: «Мне очень бы хотелось, чтобы вы сами прочли мою книгу и отметили ее действительные недостатки, ошибки etc., без чего, конечно, никакая книга не обходится» (АГ).

В письме к Горькому от 18 июля 1925 г. Фатов не согласился с оценкой его книги, данной писателем. Он утверждал, что Горький неправильно истолковал его трактовку «Бездны».

[1] Алексей Александрович *Гизетти* (1888—1930)— журналист и критик. В рецензии на книгу Фатова он писал: «Вся работа проделана очень небрежно, тон книжки развязный, самостоятельной постановки проблемы о личности и духовном росте писателя в ней совсем нет, большинство материалов состоит из критических непроверенных рассказов орловских обывателей 〈...〉, причем автор не брезгует и прямой сплетней 〈...〉 Люди, с любовью собирающие духовное наследство Андреева, пожалеют о выходе ее в свет» («Русский современник», 1924, № 2, стр. 299—300).

[2] Николай Кирьякович *Пиксанов* (р. 1878) — историк русской литературы, член-корреспондент Академии наук СССР.

[3] 23 марта 1927 г. Горький вновь подтвердил свою оценку книги Фатова. Он писал И. А. Груздеву: «Это кошмарный человек, Фатов. Не сдержавшись, я его несколько обругал за книгу об Андрееве, в которой он доказывал, что Леонид был тоже активным героем рассказа „Бездна"» («Звезда», 1961, № 1, стр. 153).

119. ГОРЬКИЙ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Сорренто. 19 октября н. с. 1925 г.

...У вас должны быть некоторые мои бумаги, письма литераторов — например, Л. Н. Андреева — и т. д. Помнится, я передал вам несколько пакетов переписки моей. Однако — не уверен в этом.

Но если я прав, не будете ли вы добры передать имеющиеся у вас мои бумаги подателю сего...

«Архив Горького», т. IV, стр. 278.

Вопрос о судьбе отданных им в разное время на хранение Пятницкому писем Андреева давно беспокоил Горького. Так, еще 20 июня 1925 г. он запрашивал А. Н. Тихонова: «Жив ли Пятницкий? Встретив его, спросите: нет ли у него моих бумаг, писем Л. Андреева и прочих? Пожалуйста!» («Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 51).

Письма эти, печатающиеся в настоящем томе, были переданы Пятницким в Архив Горького и ныне хранятся там.

120. ГОРЬКИЙ — Н. Н. ФАТОВУ

Неаполь. 3 апреля 1926 г.

Сердечно благодарю вас, Николай Николаевич, за «Письма Л. Андреева»; прочитал с великой грустью. Я с ним жестоко ссорился, но очень любил, люблю его и часто вспоминаю.

Разрешите мне сделать несколько добавлений и пояснений к «Примечаниям»: я думаю, что эти добавления пригодятся вам для издания всей переписки Леонида [1] <...>

Вот и всё. Еще раз — спасибо за то, что любезно снабжаете меня вашими книгами. Очень нетерпеливо жду «Очерк жизни и творчества» [2]. Всего доброго.

А. Пешков

«Радянське літературознавство», 1959, № 2, стр. 137.

[1] Речь идет о письмах Андреева, опубликованных Н. Н. Фатовым в «Московском альманахе», кн. 1, 1926.

Дополнения и поправки Горького к примечаниям Фатова даны тут же в письме. Приводим их целиком:

«36. Помялова — жена С. С. Голоушева (Сергея Глаголь), артистка Московского Художественного театра.

39. Бунин — „опозорил себя“ и т. д.,—пишете вы. Может быть, о „позоре“ следовало бы умолчать, как умолчали вы об этом, говоря о Куприне, ныне монархисте, об Арцыбашеве и др.

65. „Факельщики“ именовали себя не „символисты“, а „мистическими анархистами“, так они именуют себя и в предисловии, кое вы цитируете. Организовал „Факелы“, кажется, Г. Чулков.

77. Ладыжников И. П., большевик с 903 года, комиссионером „Знания“ не был — Берлинское издательство организовано было им и Л. Б. Красиным, при моей помощи, для усиления материальных средств фракции большевиков.

78. Абрамов, Роман Петрович, большевик, сотрудник Ладыжникова по издательству. Ладыжников в данное время коммунист, партиец, работает в Москве, „Международная книга“. Абрамов — в Берлине, замещает пост умершего В. В. Старкова.

105. Гольдштейн — юрист, приват-доцент Московского университета, одно время был близок с Леонидом. Кажется, это именно он убит черной сотней в Архангельске...»

[2] Леонид Андреев. Избранные рассказы с вводным этюдом («Социальная характеристика») А. В. Луначарского, комментариями Н. Н. Фатова, а также его «Очерком жизни и творчества Л. Андреева». Сборник был издан в 1926 г., в серии «Русские и мировые классики», под общ. ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова (ГИЗ).

121. ГОРЬКИЙ — М. Д. БЕЛЯЕВУ

Сорренто. 21 ноября 1926 г.

...Получены ли английские переводы Лескова, Ценского, Андреева с моим предисловием?...

Автограф. АГ.

Михаил Дмитриевич *Беляев* (1884—1955) — литературовед и искусствовед; в то время сотрудник Пушкинского дома.

Переводы произведений Лескова и Андреева на английский язык с предисловием и под редакцией Горького вышли в Нью-Йорке в 1925 г. (предисловие к «Сашке Жегулеву» печатается в настоящем томе впервые по автографу Горького); сочинения Сергеева-Ценского — в 1926 г.

Вслед за приведенным письмом, Горький, обеспокоенный неполучением посланных книг, писал 15 декабря Беляеву: «Очень огорчен я тем, что переводы Лескова, Андреева не получены, послал я их давно, задолго до С.-Ценского. Боюсь, что эти книги потерялись» (АГ).

122. ИЗ ОЧЕРКА «ЛЕОНИД КРАСИН»

〈1926 г.〉

...Однажды я сидел с доктором 〈Алексиным〉 у Леонида Андреева, в Грузинах, а Красин приехал туда за мною по какому-то делу. Андреев был плохо настроен и, как-то неловко, неуместно заговорил, что он не может верить в благодетельное воздействие революции на людей. Красин тоже был не в духе, озабочен; послушав пессимистические изъяснения хозяина, он спросил:

— Если вы утверждаете, что мыться не стóит,— зачем же мыло варить? А ведь вы написали «Василия Фивейского», «Красный смех» и еще немало вещей, революционное значение которых вне спора...

Мемуарный очерк Горького «Леонид Красин» впервые напечатан в «Известиях ВЦИКа», 1926, № 249, 19 декабря (XVII, 56).

Леонид Борисович *Красин* (1870—1926) — один из старейших членов Коммунистической партии, выдающийся деятель Советского государства; работал в подполье под псевдонимами «Винтер», «Зимин», «Иогансен», «Никитич» и др. Умер будучи полпредом в Лондоне. Горький в течение многих лет был непосредственно связан с Красиным по делам партии.

123. ИЗ ОЧЕРКА «О ГАРИНЕ-МИХАЙЛОВСКОМ»

〈Март 1927 г.〉

...А Леонид Андреев, на вопрос: как понравился ему Гарин? — ответил:

— Очень милый, умный, интересный, очень! Но — инженер. Это — плохо, Алексеюшка, когда человек — инженер. Я боюсь инженера, опасный человек! И не заметишь, как он приладит тебе какое-нибудь лишнее колесико, а ты вдруг покатишься по чужим рельсам. Гарин этот очень склонен ставить людей на свои рельсы, да, да! Напористый, толкается...

Мемуарный очерк «О Гарине-Михайловском» написан по просьбе Телешова для вечера памяти покойного писателя, состоявшегося в Москве 5 апреля 1927 г. Воспоминания Горького были прочитаны на этом вечере (впервые опубликованы под заглавием «Н. Г. Гарин-Михайловский» в «Красной нови», 1927, № 4; XVII, 170).

124. ГОРЬКИЙ — А. И. АНДРЕЕВОЙ

Сорренто. 18 ноября 1927 г.

...Известно ли вам, что Госиздат — в Москве — издал том «Избранных сочинений» Леонида? [1] Вы можете потребовать с Госиздата гонорар, для чего нужно написать заведующему этим делом Артемию Баградовичу Халатову, Москва, Госиздат.

Почему бы вам не издать «Дневники» Леонида, хотя бы часть их, до 〈19〉14-го года? Это было бы крайне интересное издание, и вы бы хорошо получили за него.

Если хотите,— я мог бы написать вводную статейку к этой книге. Для меня это было бы удовольствием [2]...

Автограф. Собрание В. Л. Андреева (Женева).

Анна Ильинична — вторая жена Андреева. См. о ней стр. 311 настоящ. тома. Горький отвечает на ее письмо от 14 ноября 1927 г., в котором она, жалуясь на денежные затруднения, просит о личном свидании в Италии для переговоров об издании за рубежом сочинений Андреева (АГ).

[1] См. выше, прим. 2 к № 120.

[2] Горький весьма ценил издания дневников и писем писателей, считая, что они имеют «глубокое историческое и историко-литературное значение» («М. Горький и В. Короленко». М., 1957, стр. 122).

В ответном письме Горькому от 19 декабря того же года А. И. Андреева писала: «Дневники Леонида — их очень мало,— несколько ученических тетрадей и, правду сказать, особого интереса не представляют — несколько страниц, да Леонид велел их сжечь, но до сих пор я не сделала этого. Это гимназические и студенческие годы ⟨...⟩ Он ведь вообще дневника-то настоящего не любил. Только, и то по моему настоянию, и вел его последние два года жизни — в нем есть очень ценные вещи, но главного, как он сам выразился, и там он не записывал» (АГ).

А. И. Андреева, очевидно, не знала, что на родине писатель оставил некоторую часть своих дневников. Так, юношеский дневник Андреева 1892 г., содержащий записи с 26 марта по 20 сентября, хранится ныне в ИРЛИ. Этот дневник цитировал брат писателя П. Н. Андреев в своих воспоминаниях о Л. Андрееве («Литературная мысль», III, 1925, стр. 153—154).

Дневник Андреева 1890 — начала 1900-х годов, подаренный писателем З. Н. Сибилевой, ныне находится в собрании И. С. Зильберштейна (Москва; цит. П. Андреевым — там же, стр. 157—162, 164—165, 170—171, 173—174, 182—184, 186—188, 190—194, 205, за 1894, 1897, 1899, 1900 гг.). Отдельные страницы из позднего дневника Андреева публиковались в различных зарубежных изданиях: «Жар-птица», Париж — Берлин, 1921, № 2, стр. 24—26; литературный альманах «Грани», кн. 1. Берлин, 1922, стр. 5—7, и др. См. также «Реквием», стр. 37—50, и кн.: Вадим Андреев. Детство. Повесть. М., «Советский писатель», 1963, стр. 223—228, 233—237, где опубликованы некоторые места из дневника писателя от 1918 и сентября 1919 г.

125. ГОРЬКИЙ — И. А. ГРУЗДЕВУ

Сорренто. 23 декабря 1927 г.

...Такая книга дала бы читателю весьма широкую «картину мнений», отразила бы сумматоху эпохи, да и, вероятно, помогла бы ему в оценке Горького как «художника» и как типичного — я смею думать это — русского литератора XX века.

Поясняю, именуя себя самого «типичным», я титул этот отношу и к бывшим товарищам моим: Андрееву, Арцыбашеву, Бунину, Куприну и еще многим другим. Пора отметить, что во всех нас было и есть нечто общее, не идеологически, разумеется, а — эмоционально. Догадаться о том, что́ именно было, это я предоставляю критикам. Писатели, названные выше, по достоинству еще не оценены, а пора сделать это на пользу и поучение современным молодым литераторам.

Вот — план и, право,— неплохой. Как вы думаете?

Автограф. АГ. Цит. Груздевым в «Звезде», 1961, № 1, стр. 160—161, в воспоминаниях о Горьком.

Письмо Горького является ответом на сообщение Груздева о его работе над большой книгой по истории литературы. Горький одобрил эту мысль.

Илья Александрович *Груздев* (1892—1960) — советский литературовед, исследователь творчества Горького, его биограф и редактор собраний сочинений; организатор ряда литературных начинаний Горького («Библиотека поэта» и др.).

16 января 1933 г. Горький вновь обратился к Груздеву: «О том, что вы работаете над большой книгой по истории литературы ⟨18⟩80—90—900 годов,— слышал и горячо желаю вам успеха. Хорошо бы достать дневники Л. Андреева и порыться в архиве Гарина Михайловского. Впрочем, вы сами знаете, где что искать» (XXX, 278).

Замысел «Истории русской литературы» не был осуществлен Груздевым.

126. ГОРЬКИЙ — И. А. ГРУЗДЕВУ

〈Сорренто. 31 декабря 1927 г.〉

...Проект изданий «Дешевой библиотеки»[1] одобряю, но — почему не включен Леонид Андреев? Следовало бы его и Каронина[2], очень несхожи.

«Звезда», 1961, № 1, стр. 160.

[1] Серия «Дешевая библиотека» стала выходить в Госиздате с 1928 г. В нее включались произведения русской современной и классической литературы. Издание этой серии прекратилось в 1946 г.

[2] *С. Каронин* — псевдоним Николая Елпидифоровича Петропавловского (1853—1892) — писатель-народник, любимый Горьким (см. его очерк-воспоминания 1911 г. «Н. Е. Каронин-Петропавловский» — X, 289—308).

127. «ИЗ СТАРЫХ ЗАПИСЕЙ»

〈1928—1936 гг.〉

...Присутствуют: депутаты Думы, Гредескул, Гримм — кажется, Давид[1], Пешехонов[2], Ник. Иорданский, А. А. Яблоновский[3], Муйжель, Л. Андреев, человек восемь рабочих во главе с Кузьмой Гвоздевым[4]〈...〉

Гвоздев спрашивает Андреева:

— Почему вы, Леонид Николаевич, так мрачно пишете?

Леонид добродушно:

— Попробуйте, напишите веселее.

— Это не ответ!

— Ну, а что же я вам отвечу? Вон — Горького спросите, он вам афоризмик сочинит, скажет что-нибудь вроде петух — поет, волк — воет. Довольно с вас?

— Петух полезнее.

Леонид, судя по тону, начинает сердиться:

— Если польза это — истина, стало быть вы нашли ответ на вопрос: что есть истина? Польза, дяденька, дело вкуса. Охотник предпочитает убить волка, а на петухов, кроме куриц, никто не охотится 〈...〉

Гвоздев угрюмо:

— Наше время — насквозь политическое, на войне — бьют нас, внутри все разваливается.

— Не допускайте, чтоб развалилось.

— Нужно широкое объединение...

— Пожалуйста, я — не мешаю. И не боюсь, что развалится, а если и так — вы снова почините.

— И — только?

— Нет, я бы чаю выпил. Дом — богатый, а хозяин — скаред, чаю не дает.

— А вот Горький делает что может.

— Ну, положим, он делает не то, что может. Он писать может, а честолюбие толкает его в политику.

— Разве он честолюбив?

— Ну, а кто же тогда честолюбив, если не он?

— Леонид, я всё слышу.

Леонид смеется.

— А я — нарочно, чтоб ты слышал. Если б тебе не было приятно, как тебя чешут, ты бы не слушал, а скромненько отошел бы прочь.

— Ты серьезно, о честолюбии-то?

— Мое дело — серьезно или несерьезно. Представь, что я хочу насолить тебе, подмарать репутацию социалиста, демократиста, хочу видеть тебя неистовым. Вот — каламбурчик! А?

В «ПЕНАТАХ» У И. Е. РЕПИНА

Фотография, 1910-е годы

Стоят: И. Е. Репин (в центре, налево) Андреев, И. И. Бродский, Н. Д. Ермаков, О. Я. Блотерманц, Т. А. Свирская, А. И. Свирский. Сидят за столом: П. В. Самойлов, А. И. Андреева, далее: Н. Б. Нордман-Северова, Е. Н. Чириков, И. Н. Потапенко (?). В верхнем ряду стоят (слева направо) Вл. Азов, Ф. Н. Фальковский

Возможно, что П. В. Самойлов читал собравшимся произведение Андреева

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Гвоздев:

— Шутите вы, Леонид Николаевич, весело, а пишете — мрачно. Как это объяснить? Почему это? И почему вы не хотите ответить?

Леонид:

— Может и хочу, да — не умею. Вот пускай Горький объяснит вам, он — психолог, он любит объяснять.

Зовут к продолжению словоистечений.

Леонид:

— А я — трубочист...

«Записная книжка» Горького № 1.—«Архив Горького», т. VI, стр. 124—125.

Записи датированы 1928—1936 гг. Речь в них идет о частном собрании, состоявшемся в конце сентября или начале октября 1915 г. на квартире «прогрессиста» Шубина-Поздеева. Собравшиеся там представители различных политических группировок обсуждали вопрос о возможных мероприятиях для осуществления лозунга «Война до победного конца». Позже материалы этих записей были использованы Горьким в «Жизни Клима Самгина» (XXII, 311 -318).

[1] Гримма звали: Эрвин Давидович.

[2] Алексей Васильевич *Пешехонов* (псевдоним П. Новобранцев; 1867—1934) — публицист, статистик по профессии; в 1903 г. вошел в состав «Союза освобождения»; руководил его левым крылом; был одним из организаторов партии народных социалистов (1906). В 1917 г.— министр продовольствия Временного правительства; после Октября — эмигрант; вместе с другими возглавлял за границей группу так называемых «возвращенцев».

[3] Александр Александрович *Яблоновский* (1870—1934)— критик и фельетонист, сотрудник «Русского слова», член редакции газеты «Киевская мысль» и др. После Октябрьской революции — эмигрант.

[4] Кузьма Антонович *Гвоздев* (р. 1883)— крестьянин по происхождению; по профессии — рабочий-металлист; меньшевик-ликвидатор; играл некоторую роль в Военно-промышленном комитете в годы первой мировой войны; будучи оборонцем, пропагандировал мир между буржуазией и пролетариатом. Его примиренческую позицию прозвали «гвоздевщиной». В 1917 г. Гвоздев вошел в состав коалиционного правительства в качестве министра труда; в 1918 г.— ушел с политической арены; с 1920 г. работал в ВСНХ.

128. ИЗ «ЗАМЕТОК О ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКЕ»

〈1928—1936 гг.〉

...В одном из рассказов Леонида Андреева дано описание кузницы [1]. Старый, опытный литератор сказал мне:

— Удивительно талантлив Андреев! Как ловко и верно, несколькими словами он дал картину кузницы!

Когда я передал Леониду эту похвалу, он, улыбаясь, сказал:

— А я, знаешь, никогда и не был в кузнице-то! Проходил мимо, видел— угли горят, черный человек стучит молотком по железу, вот и всё...

«Заметки о литературе и языке» (1928—1936) Горького впервые опубликованы в «Архиве Горького», т. VI, стр. 209—221 (приводимая цитата — стр. 215).

[1] Рассказ Андреева, где героем является кузнец,—«Весенние обещания» (1902).

129. ИЗ СТАТЬИ «О МЕЩАНСТВЕ»

〈Начало 1929 г.〉

...Для Леонида Андреева мысль была врагом человека, причем он понимал ее как «начало чувственное», как особый вид эмоций. Один из талантливейших современных писателей влагает в уста героя такие слова: «Мысль — вот источник страдания. Того, кто истребит мысль, человечество вознесет в памяти своей».

Разумеется, автор не отвечает за чувства, мысли и действия своих героев, если автор не подсказывает, не навязывает героям свои чувства и

мысли,— как это делал, например, Л. Андреев,— а объективно изображает логическую неизбежность развития этих чувств и мыслей, как это умели делать Стендаль, Бальзак, Флобер...

Статья Горького «О мещанстве» впервые напечатана в журн. «На литературном посту», 1929, № 4-5, февраль-март (XXV, 23).

Почти о том же Горький писал в предисловии к роману «Сашка Жегулев», изданному в Америке (см. стр. 400—406 настоящ. тома).

130. ГОРЬКИЙ — И. Ф. ЖИГЕ

⟨Москва. 15 августа 1929 г.⟩

...«Литература отстает от жизни» — тоже спорно. Существует мнение, что она всегда «отставала», но рядом с ним есть факты, которые опровергают это мнение. 70-е годы дали ряд произведений, которые в достаточной мере точно отражали волнения эпохи; например: «Трудное время» Слепцова, «Мещанское счастье» и «Молотов» Помяловского, «Отцы и дети», «Дым» Тургенева, далее «Обрыв» Гончарова, «Устои» Златовратского, реакционные романы Писемского, Лескова, Клюшникова, Крестовского, еще ближе к нам — «Красный смех», «Рассказ о семи повешенных» Андреева; наше время дало и дает весьма много своевременных и талантливых отражений текущей действительности...

XXX, 145.

Иван *Жига* (псевдоним Ивана Федоровича Смирнова; 1895—1949) — писатель-очеркист из рабкоров. В письме Жиги речь идет о сборнике начинающих писателей-очеркистов, посланном в 1929 г. на рецензию Горькому. Предисловие к сборнику — обращение «К читателю» писал Жига. Об его предисловии и говорит Горький, оспаривая некоторые утверждения автора.

Сборник увидел свет в 1931 г. под названием «Наша жизнь» (в 4-х отдельных выпусках, изд. «Федерация»). В № 1 сборника (стр. 108—112) Жига напечатал послесловие под названием «Об очерках и очеркистах», а в № 2 (стр. 3—4)—«Об очерке» вместо предисловия. Здесь учтены основные замечания Горького.

131. ГОРЬКИЙ — А. З. БЕЗВЕСТНОМУ

⟨Москва.⟩ 9 июня 1931 г.

...О политической годности или непригодности вашей пьесы я не могу судить ⟨...⟩ не понимаю ее смысла, не нахожу ее символику ясной, ее образы четкими. Я — реалист, и эта ваша форма — мало сказать чужда, она враждебна мне. Если я, в юности, прибегал к аллегориям, это вызывалось условиями цензуры, вообще же я совершенно уверен, что все, что хочешь сказать, что хорошо продумано, можно сказать просто, ясно, не прибегая к символам ⟨...⟩ На почве отношения к символике я и разошелся с Андреевым...

Автограф. АГ.

Александр Захарович *Безвестный* (Эттинген)— советский писатель. Автор книги «Победа жизни» (выходила дважды). На тему этой книги им была создана одноименная пьеса, которую он посылал Горькому. В АГ хранятся письма Безвестного к Горькому.

132. ИЗ СТАТЬИ «БЕСЕДА С МОЛОДЫМИ»

⟨Начало 1934 г.⟩

...ему ⟨молодому читателю.— *А. Н.*⟩ грозит опасность подпасть под влияние Леонида Андреева, человека, который отрицал силу знания только потому, что не пытался увеличить небогатый запас своих знаний. Он был романтик «эмоциональный», верил, что «подсознательное» и «воображе-

ние» — это всё, что нужно литератору. Ему казалось, что в отношении людей к миру интуиция преобладает над разумом...

Полностью статья «Беседа с молодыми» впервые опубликована в журн. «Литературная учеба», 1934, № 4 (XXVII, 229).

133. ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

1 сентября 1934 г.

...Однажды в припадке похмельного пессимизма Леонид Андреев сказал: «Кондитер — счастливее писателя, он знает, что пирожное любят дети и барышни. А писатель — плохой человек, который делает хорошее дело, не зная, для кого, и сомневаясь, что это дело вообще нужно. Именно поэтому у большинства писателей нет желания обрадовать кого-то, и хочется всех обидеть...» Литераторы Союза Советских Социалистических Республик видят, для кого они работают. Читатель сам приходит к ним...

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934, стр. 675—676; XXVII, 339—340.

134. ⟨ИЗ БЕСЕДЫ с В. А. ДЕСНИЦКИМ⟩

⟨1934—1935? гг.⟩

...Какой талант! И что он с ним сделал?.. Может быть, и я виноват? — недоуменно спрашивал себя Горький.— Да, вот любили друг друга, и разошлись. И никто из писателей не был мне так близок. И не будет... Может быть, потому, что и он меня любил, любил до ненависти, до обидных подозрений, до оскорблений?...

В. Десницкий. Максим Горький в борьбе за идейность и партийность литературы в годы реакции. — «Звезда», 1946, № 9, стр. 186.

Десницкий писал там же:

«...Наиболее яркий пример непримиримости М. Горького в борьбе за последовательную революционную идейность литературы представляет история его отношений с Л. Н. Андреевым. Из всех писателей своего поколения никого М. Горький так не любил, как „Леонида", ни с кем не был так интимно дружен. Об этом многократно говорил мне Алексей Максимович⟨...⟩

Но и эта дружба, эта любовь не остановили Горького, не удержали от разрыва,— по существу,— даже и многолетних личных близких отношений, когда М. Горький убедился, что идут они разными путями, что деятельность Л. Андреева вредна тому делу, за которое пролетарский художник отдал свою жизнь ⟨...⟩

Совсем иную позицию, даже по отношению к наиболее талантливым представителям символизма, занял М. Горький в годы реакции. Я помню неоднократные горячие споры на эту тему между М. Горьким и Леонидом Андреевым во время их встреч на Капри. Л. Андреев отходил от Горького, указывая на упадок интереса публики к сборникам „Знания", настаивая на привлечении новых сотрудников, прежде всего символистов (А. Блок и др.)⟨...⟩

Л. Андреев даже с некоторым, обычно чуждым ему, ехидным торжеством указывал М. Горькому, что лучшие писатели уходят из сборников „Знания", а те, которые остались, и новые — малоталантливы, скучны, жуют, говорил он, надоедливую жвачку непереваренного быта. „Ты непоследователен, Алексей,— упрекал Л. Андреев Горького,— говоришь о культуре, о необходимости таланта для писателя, а терпишь вокруг себя каких-то пошехонцев"... И не без остроумия высмеивал „знаньевцев", вызывая нередко улыбку и у Алексея Максимовича. „Посмотри, сколько талантливых людей среди символистов... А культура, с которой ты носишься всегда? У них же, а не у твоих союзников. И пишут твои реалисты не пером, а поленом, дубиной нестроганной". И особенно упорно настаивал на приглашении Блока. Но М. Горький был непреклонен...».

АНДРЕЕВ О ГОРЬКОМ

ИЗ СТАТЕЙ АНДРЕЕВА

Публикация В. Н. Чувакова

Статьи Андреева о Горьком тематически распадаются на две хронологические группы: 1900—1902 гг. и 1916—1917 гг.

Ранние фельетоны Андреева в «Курьере» относятся ко времени наибольшей близости писателей и свидетельствуют о глубоком влиянии Горького на миросозерцание Андреева. Это влияние, в частности, ощутимо в подходе Андреева к основным задачам современной литературы и искусства. Отголоски бесед с Горьким и воздействие его произведений проявляются, прежде всего, в трактовке Андреевым проблем современности и места писателя в общественной жизни. Первое упоминание произведения Горького в публицистике Андреева встречается в статье 1900 г. Комментируя меланхолические рассуждения газет о вялой подписке на памятник поэту И. С. Никитину, Андреев пишет о «серенькой жизни» провинции, где «во тьме копошатся раздавленные ложью жизни Фомы Гордеевы, загнанные в футляр страхом жизни человечки...» («Курьер», 1900, № 35, 4 февраля). Близки Горькому взгляды Андреева той поры на литературу, отразившиеся в фельетонах из того же цикла «Впечатления» — о Глебе Успенском (1900, № 27, 27 января и № 46, 15 февраля), о творчестве Щепкиной-Куперник (1900, № 354, 22 декабря), о «Журнале для всех» (1901, № 5, 5 января), и в фельетоне из цикла «Москва. Мелочи жизни» — о постановке пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак» (1900, № 258, 17 сентября). Солидарен Андреев с Горьким и по частным проблемам — например, о необходимости борьбы с ремесленными переделками литературных произведений для сцены («Курьер», 1900, № 124, 5 мая; 1901, № 119, 1 мая и др.).

Андреев видел в Горьком не только старшего товарища по литературному труду и доброго советчика. Для него Горький был знаменем новой демократической литературы, «рь царем духа», который поднялся из низов жизни и открыл собой новый «оптимистический» период в истории русской литературы.

Фельетоны молодого Андреева рано обратили на себя внимание цензуры. Некоторым из них посвящались специальные заседания Московского цензурного комитета. В докладе Главному управлению по делам печати Комитет в подтверждение политической неблагонадежности «Курьера» ссылался на фельетоны Джемса Линча, который «постоянно задумывается о том, как-де на Руси серо и душно, главным образом от чрезмерной правительственной опеки» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 22, ед. хр. 1, л. 115). Впоследствии Андреев вспоминал, что терял в цензуре «пятьдесят процентов написанного» («Цензура» — «Русская воля», 1917, № 16, 15 марта). Так, не увидел света фельетон Андреева о проезде Горького мимо Москвы в ноябре 1901 г. Рукописи фельетонов Андреева, к сожалению, не известны, что делает невозможным восстановление изъятых цензурой мест. Исключением является только статья о генеральной репетиции «Мещан» в Художественном театре перед петербургскими гастролями, которая впервые публикуется нами полностью (по обнаруженным в фонде Главного управления по делам печати цензурным гранкам).

Статьи второго периода являются развернутыми выступлениями уже идейного противника Горького. Весь пафос статьи «„Летопись“ и мемуары Шаляпина» заключается в попытке «развенчания» Горького как учителя, которого покидают разочарованные ученики.

Печатаемые ниже фельетоны и статьи Леонида Андреева о Горьком дают представление о том, как их обмен мнениями и споры по актуальным проблемам современной жизни и литературы получали отражение в практической деятельности Андреева-публициста.

<1>

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Повсеместно предается анафеме Максим Горький. Пожалованный публикой в свои любимцы, он не сумел оценить этой высокой чести, и когда в один прекрасный вечер его пришпилили, как бабочку, для надлежащего рассмотрения, — он заворочался на проволоке и жестоко оскорбил этим неприличным движением снисходительных зрителей.

Пришпилен он был на одну проволоку с Ант. П. Чеховым, и произошло это в стенах «Художественного» театра, где оба писателя присутствовали в течение нескольких вечеров подряд. Есть основание думать, что пришли они в театр за тем, за чем ходят туда и другие,— смотреть, но в действительности они сами подверглись операции рассматривания, и притом операции в достаточно жестокой и грубой форме. Толпа любопытствующих «почитателей» плотным кольцом окружила их и старательно следовала за ними: направо — направо, налево — налево, в буфет — в буфет. В буфете они садятся пить чай — и почитатели с жадным любопытством смотрят в рот, вдумываясь в смысл каждого движения руки и челюстей любимого писателя:

— Смотрите, Чехов сухарь взял!

— А Горький-то, Горький-то лимон давит!

Зловещим шёпотом, пораженные ужасом и изумлением:

— Глотают!..

— Не может быть!

— Ей-богу!

С восторгом:

— Подавился!

— И Чехов подавился!

— Оба подавились!

— Какие у них у обоих большие глаза!

— Но какое странное выражение!

— Господа, нельзя же так: вы мне на мозоль наступили.

— Виноват!.. Скажите пожалуйста, что здесь показывают?

Давно уже прозвучал третий звонок и занавес поднят, но почитатели предпочитают смотреть, что пьет А. Чехов, нежели то, что он написал: «Дядю Ваню». Особый, весьма культурный род почитания, довольно распространенный. Вот тут-то М. Горький и совершил инкриминируемый поступок. Менее, по-видимому, кроткий характером, нежели А. П. Чехов, он произнес краткую, но энергичную речь, в таком виде передаваемую газетами:

«Что вы глазеете на меня? Что я — Венера Медицейская, балерина или утопленник? Я пишу рассказы; они вам, очевидно, нравятся,— очень рад этому обстоятельству. Но зачем же вы ходите за мной по следам, смотрите мне в рот, хлопаете мне?.. Напишу пьесу, понравится вам,— ну и шлепайте себе на здоровье... Вот и сейчас в театре давно уже подняли занавес, идет такая чудная, высокохудожественная пьеса, а вы предпочитаете стоять в фойе и смотреть, как я с Антоном Павловичем чай пью!.. Стыдно, господа, стыдно...»

В самые сердца проникло слово любимого писателя, и почитатели — захлопали:

— Браво! Браво! Бис!

Не знаю, в газетах не сказано, каковы в этот момент были лица Горького и Чехова. Но мне думается, что они должны были рассмеяться: уж очень это мило, ей-богу.

АНДРЕЕВ
Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г.
Литературный музей, Москва

Конечно, на следующий же день «инцидент» был предан гласности, если не ошибаюсь, мистером Пэком из «Новостей дня», и затем совершил круговой рейс по всем газетам с добавлением различных комментариев. Последние, как это водится, гораздо интереснее самого «инцидента».

Характернее всего было письмо «из публики» (то есть одного из тех, кому М. Горький сказал: «стыдно»), помещенное в «Новом времени»[1]. Отнесясь с полным неодобрением к тону и слогу горьковской речи, почитатель заявляет:

«Избалованный критикой и читателями, г. Горький принял только на свой счет все внимание публики» etc.

Далее почитатель возмущается, что Горький сказал: «Я пью чай с Антоном Павловичем», а не так хотя бы: «Антон Павлович пьет чай со мной», и на этом основании сравнивает М. Горького с опереточным Сам-Пью-Чай. Наконец, говорит почитатель: «Ни место, ни время, ни *вежливость* не позволяли нам ответить Горькому, как следовало...»

И после этих грозных намеков неожиданно добавляет: «тогда мы в замешательстве могли только аплодировать *чудаку*».

Вот это письмо действительно интересно. Еще раз оно подтверждает, что не умерло великое русское правило: или в ручку — а не то в зубы. Не дал Горький ручку поцеловать — так в зубы его! Дает это письмо представление и о том, что за «почитатели» ходили толпой за писателем.

Любопытные отзывы появились и в прессе. Особенно хорош один из них, на основании именно этого инцидента обвиняющий М. Горького в том, что он — *намеренно рекламирует* себя! Именно: зачем г. Горький каждый антракт ходил через фойе в кабинет г. Немировича-Данченко? Зачем г. Горький публично пил чай с Антоном Павловичем? Зачем г. Горький подчеркивает «свою персону» синей блузой?

Зачем, наконец, добавлю я от себя,—М. Горький не сидит на крыше, куда никто из почитателей к нему не полез бы? Зачем М. Горький написал эти свои рассказы? Да и за каким наконец чёртом он родился — как не для саморекламы!

Нет, гг. «почитатели», несите ваши восторги тенорам, борцам, призовым лошадям, балеринам,— но оставьте писателей: стыдно!

Л. — е в. Впечатления.—«Курьер», 1900, № 317, 15 ноября.

В ПССА фелетон с незначительными авторскими исправлениями вошел в т. VI, стр. 231—233, под заглавием «Русский человек и знаменитость» (см. о нем Переписка, № 10).

[1] Подразумевается анонимная заметка «Из публики» («Новое время», 1900, № 8877, 12 ноября).

При цитировании Андреев допускает некоторые неточности. Курсив везде принадлежит Андрееву.

‹2›

МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

...Вспомните, сколько огненных слов было выброшено по поводу блузы Толстого, блузы Горького, с каких оригинальных точек зрения блузы эти печатью ни рассматривались — и с точки зрения их покроя (здесь было высказано особенно много дельных мыслей), и с точки зрения соответствия блузы с их произведениями, и с точки зрения философской, исторической, экономической. Целая литература о двух блузах,— литература, в которой русские журналисты затратили так много огня, что для освещения темных житейских уголков ничего не осталось. Но даже Толстым или Горьким не нужно быть для того, чтобы привлечь на себя внимание отзывчивой прессы; Артемьев Павел, будучи только парикмахером, занесен печатью на скрижали истории, ибо носил и носит русский костюм.

‹...› Какое действительно дело какому-нибудь Дзету, что М. Горький ходит в блузе?[1] — Ходит, ну и пусть ходит, его это дело, а не наше. То, что есть в М. Горьком нашего, общечеловеческого,— он отдает нам в своих творениях, о них и суд, о них и разговор. Но нет. Дзета слишком много стригли, для того, чтобы чужим волосам он предоставил расти на свободе.

С детства упорно крахмалили его душу, пока она потеряла способность сгибаться в сторону всего живого и незаурядного...

James Lynch. Москва. Мелочи жизни. — «Курьер», 1901, № 76, 18 марта.

В ПССА, т. VI (стр. 314—316) часть фельетона объединена с другими под общим заглавием «Актер».

[1] По-видимому, «Осколки петербургской жизни» И. Грэка («Осколки», 1901, № 12, 17 марта).

И. Грэк, Игрек — псевдонимы писателя-юмориста Виктора Викторовича *Билибина* (1859—1908).

‹3›

МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

[Крупный и серьезный] * успех, который выпал в Петербурге на долю «Мещан» М. Горького, не явился неожиданностью для меня, да и для всех тех, кто присутствовал на генеральной репетиции пьесы в Москве. Хотя гг. Станиславский и Немирович-Данченко предупреждали, что пьеса не совсем еще готова, особенно третий акт (четвертый совсем не ставился), да и так видна была некоторая незаконченность в отделке ролей — при всем этом репетиция давала вполне достаточно материала для суждения как о самой пьесе, так и об ее исполнении. Отзывы петербургских газет об игре артистов в общем подтверждают те выводы, которые сделал я на репетиции. Все это дает мне право поговорить о «Мещанах» не только как о пьесе читанной, но как и о виденной, с известной и необходимой дозой осторожности в оценке ее исполнения. Можно было бы, конечно, отложить разбор до того времени, когда «Мещане» пойдут в Москве, но здесь есть маленькая заковыка. Петербург город хороший, достойный всякого уважения, но на всё у него есть свои вкусы: на литературу и театр, и эти вкусы частенько расходятся с нашими. Поэтому, как ни полны будут отзывы петербургской прессы, в них для московского читателя останется нечто... не то чтобы самостоятельное, а нуждающееся в легкой проверке.

Особенности первой пьесы М. Горького — в ней нет того, что называется драматическим действием, и нет второстепенных лиц. Взят кусок жизни такой, какова она есть, с ее медленным движением и потаптыванием на одном месте, когда люди успевают состариться, наплодить детей, умереть, а «действий», как будто, никаких не совершить. Постушков много, а действий нет. Пьют, едят, разговаривают, ссорятся, сходятся и расходятся, [являются участниками «происшествий»] и сплошной копошащейся массой движутся куда-то [вперед]. И только тогда, когда увидишь, как [все они ушли далеко вперед и как] конец не похож на начало,— только тогда почувствуешь, поймешь, что за этим видимым отсутствием действия кроются могучие силы жизни, [разрушающей, карающей, судящей и созидающей]. Эта художественная *историчность* жизни, впервые введенная в русскую драму А. П. Чеховым, доведена до полного [и блестящего] развития в «Мещанах», названных автором, по-моему, совсем неосновательно, драматическим эскизом. Этим наименованием М. Горький только ввел в заблуждение рецензентов [и без того наклонных заблудиться и не найти новой дороги, на которую давно уже приглашает их русское искусство]: приходя от «Мещан» в восторг, или с грустью говорят об отсутствии действия как о техническом несовершенстве и ищут силу оправдания в названии «эскиз». [Рецензенты — они ведь в известных случаях народ

---

* *В прямые скобки заключены слова, зачеркнутые цензором.— Ред.*

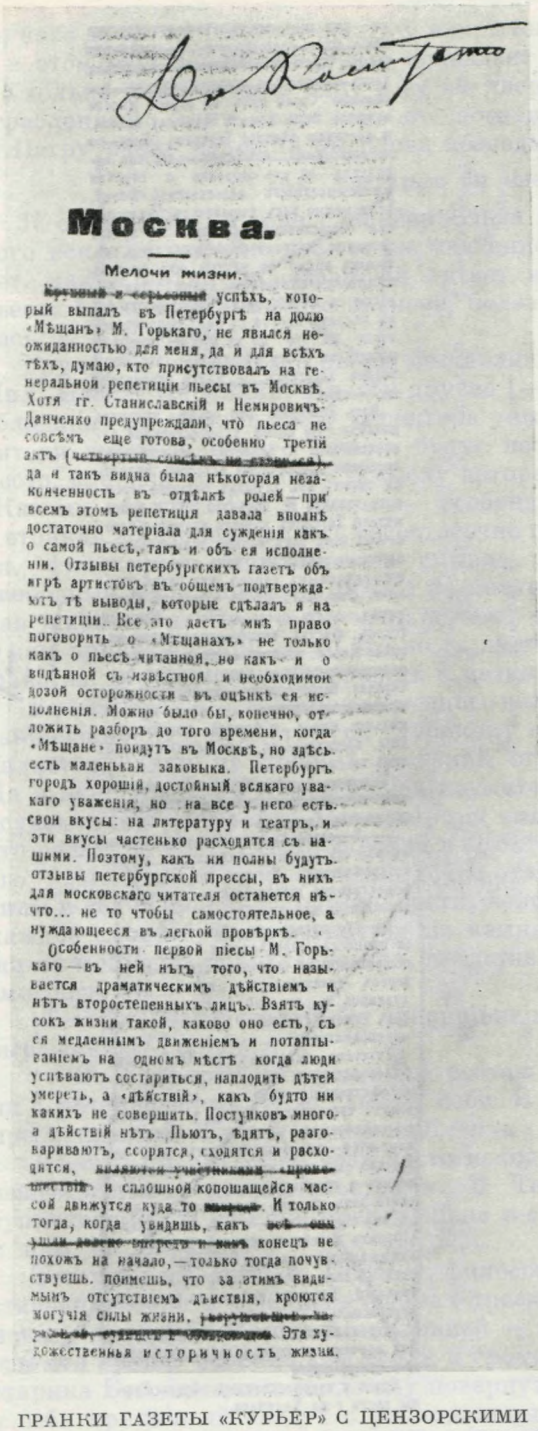
доверчивый — добавь М. Горький: «плохой эскиз», они с готовностью освистали бы его.]

На сцене Художественного театра [, этого великого уловителя жизни,] «Мещане» с первого момента поражают зрителя своей жизненностью: то ли это актеры играют, то ли ты в щёлочку подсматриваешь, как живут и страдают люди. Но как сам Горький не сфотографировал жизни, а провел ее сквозь горнило художественного творчества [, осмыслил ее и в запутанном клубке человеческих отношений черным отметил те ниточки, за которые нужно взяться, чтобы клубок распутать],— так и театр с присущей ему силой передал самый дух горьковской пьесы. Можно было не без основания опасаться, что артисты, играющие два-три раза в неделю пьесы А. П. Чехова, проникнутые его настроением, не сумеют отрешиться от него и здесь и, обманутые тождеством художественных приемов, вольют в «Мещан» совсем неподходящее содержание — но этого [, к счастью,] не случилось. Энергичная физиономия [смелого] борца с мещанством осталась незатемненной [и неискаженной: не содрогание ужаса вызывает мещанство, а спасительную злость и презрительное сожаление. Оно еще сильно, корни его глубоки, и далеко вперед, в лице Петра, протягивает оно свои цепкие руки — но жизнь еще сильнее. Пусть носители иного, свободного начала жизни еще не в силах победить мещанство, они во всяком случае добились уже многого: они сумели отравить ему существование].

В пьесе Горького «мещанство» свило себе комфортабельное гнездо в шкуре всех членов Бессеменовской семьи. [Глубоко] ошибаются те из рецензентов, которые мишенью авторских ударов считают старика Бессеменова, а не его детей. Студента Петра и Татьяну считают чуть ли не жертвами на том основании, что они с родителями всё ссорятся и на жизнь свою жалуются. Дело в том, что мещанство просто меняет кожу, и если у змеи эта операция происходит безболезненно, то у людей она сопряжена с некоторыми страданиями. И если говорить о мещанстве, то то, которое воплотилось в старике Бессеменове — это мещанство вчерашнего дня, только на кончике захватившее нынешнее, мещанство глупое, растерянное и наполовину уже ограбленное мещанином сегодняшнего и завтрашнего дня— Петром. [Вот кто истинный мещанин и мещанин опасный, ибо он только что вылупился, голоден и способен внушать сочувствие. В том, что М. Горький в пестроте текущей жизни сумел найти и в полном смысле слова схватить за шиворот этого невинно-пакостного оборотня, сказывается его громадное художественное и общественное чутье.]

Про старика Бессеменова можно сказать: «Люблю тебя, сосед Пахом; ты просто глуп и слава богу» [1]. Это мещанин прямолинейный, наивный, по приемам грубый и играющий с открытыми картами. Пока сила была за ним, он бесхитростно, по-медвежьи, душил; считал деньги, карал детей, законопачивал все щёлочки, откуда проглядывала [живая] жизнь, и задыхался в созданной духоте. Петр — иное дело. Детей карать он не будет, ибо по части гуманности и педагогики достаточно натаскан; [окон и дверей он настежь не откроет, но] вентиляторов наделает, [на основании чего все жалобы на духоту будет считать недоказанными]. И воздух в его квартире будет приличный, и заведовать им будет он сам: там [слегка] форточку приоткроет, здесь бумажкой заклеит. По сравнению с стариком Бессеменовым оно как будто и прогресс, но по существу — та же жизнебоязнь, [то же душительство], но [душительство хитрое], сдобренное рациональностью, обмазанное медом хороших слов. [Старик попросту не знал, что на свете есть какие бы то ни было мнения, кроме его, а Петр знает, что существуют чужие мнения и даже уважает их — поскольку это уважение дает возможность пожимать руки и мерзавцам.]

В тот период своей жизни, когда его захватил Горький, Петр не чувствует за собой силы и потому канючит. Отчасти он пессимист, [как все



Москва.

Мелочи жизни.

Крупный и серьезный успѣхъ, который выпалъ въ Петербургѣ на долю «Мѣщанъ» М. Горькаго, не явился неожиданностью для меня, да и для всѣхъ тѣхъ, думаю, кто присутствовалъ на генеральной репетиціи пьесы въ Москвѣ. Хотя гг. Станиславскій и Немировичъ-Данченко предупреждали, что пьеса не совсѣмъ еще готова, особенно третій актъ (четвертый совсѣмъ не сложился), да и такъ видна была нѣкоторая незаконченность въ отдѣлкѣ ролей—при всемъ этомъ репетиція давала вполнѣ достаточно матеріала для сужденія какъ о самой пьесѣ, такъ и объ ея исполненіи. Отзывы петербургскихъ газетъ объ игрѣ артистовъ въ общемъ подтверждаютъ тѣ выводы, которые сдѣлалъ я на репетиціи. Все это дастъ мнѣ право поговорить о «Мѣщанахъ» не только какъ о пьесѣ читанной, но какъ и о видѣнной съ извѣстной и необходимой дозой осторожности въ оцѣнкѣ ея исполненія. Можно было бы, конечно, отложить разборъ до того времени, когда «Мѣщане» пойдутъ въ Москвѣ, но здѣсь есть маленькая заковыка. Петербургъ городъ хорошій, достойный всякаго уваженія, но на все у него есть свои вкусы: на литературу и театръ, и эти вкусы частенько расходятся съ нашими. Поэтому, какъ ни полны будутъ отзывы петербургской прессы, въ нихъ для московскаго читателя останется нѣчто... не то чтобы самостоятельное, а нуждающееся въ легкой провѣркѣ.

Особенности первой пьесы М. Горькаго—въ ней нѣтъ того, что называется драматическимъ дѣйствіемъ и нѣтъ второстепенныхъ лицъ. Взятъ кусокъ жизни такой, каково оно есть, съ ея медленнымъ движеніемъ и потапываніемъ на одномъ мѣстѣ когда люди успѣваютъ состариться, наплодить дѣтей умереть, а «дѣйствій», какъ будто ни какихъ не совершить. Поступковъ много а дѣйствій нѣтъ. Пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ, ссорятся, сходятся и расходятся, являются участниками «происшествія» и сплошной копошащейся массой движутся куда то [illegible]. И только тогда, когда увидишь, какъ всѣ они ушли далеко впередъ и имъ конецъ не похожъ на начало,—только тогда почувствуешь, поймешь, что за этимъ видимымъ отсутствіемъ дѣйствія, кроются могучія силы жизни, [illegible]. Эта художественная историчность жизни, впервые введенная въ русскую драму А. П. Чеховымъ доведена до полнаго [illegible] развитія въ «Мѣщанахъ» названныхъ авторомъ, по моему, совсѣмъ неосновательно, драматическимъ эскизомъ. Этимъ наименованіемъ М. Горькій только ввелъ въ заблужденіе рецензентовъ, [illegible] и не найти новой дороги, на которую давно уже приглашаетъ [illegible] приходя отъ «Мѣщанъ» въ восторгъ, или съ грустью говорятъ объ отсутствіи дѣйствія, какъ о техническомъ несовершенствѣ и ищутъ силу оправданія въ названіи «эскизъ». Рецензенты—они вѣдь въ извѣстныхъ [illegible] народъ довѣрчивый—повѣрили М. Горькому [illegible] и [illegible].

На сценѣ Художественнаго театра, этого великаго художника [illegible], Мѣщане съ перваго момента поражаютъ зрителя своей жизненностью: то ли это актеры играютъ, то ли ты въ щелочку подсматриваешь, какъ живутъ и страдаютъ и люди. Но какъ самъ Горькій не сфотографировалъ жизни, а провелъ ее сквозь горнило художественнаго творчества [illegible] и въ запутанномъ клубкѣ человѣческихъ отношеній первымъ [illegible] и послѣднимъ, за которые [illegible] [illegible] [illegible]—такъ и театръ съ присущей ему силой передалъ самый духъ горьковской пьесы. Можно было не безъ основанія опасаться, что артисты играющіе двадцать раза въ недѣлю пьесы А. П. Чехова, проникнутые его настроеніемъ не сумѣютъ отрѣшиться отъ него и здѣсь, и, обманутые тождествомъ художественныхъ пріемовъ, вольютъ въ «Мѣщанъ» совсѣмъ неподходящее содержаніе—но этого [illegible] не случилось. Энергичная физіономія [illegible] борца съ мѣщанствомъ осталась незатемненной [illegible] [illegible] [illegible]

ствъ, то [illegible] которое воплотилось въ старикѣ Бѣсѣхеловѣ. Это мѣщанство вчерашняго дня, только на комикъ захватившій нынѣшній, мѣщанство глупое, растерянное и на половину уже ограбленное мѣщаниномъ сегодняшняго и завтрашняго дня—Петромъ. Богъ [illegible] мѣщанинъ, конечно, ибо онъ только что выкупился, головенъ и способенъ вызвать сочувствіе. Тѣмъ, что М. Горькій изъ текущей жизни сумѣлъ найти и въ полномъ смыслѣ слова схватить и вынести этого невинно-какостнаго сооруженія, сказывается его громадное художественное и общественное чутье.

Про старика Бѣсѣмеенова можно сказать: «Любилъ тебя сосѣдь Пахомъ, ты просто глупъ и слава Богу». Это мѣщанинъ прямодинейный, наивный, по пріемамъ грубый и играющій съ открытыми картами. Пока сила была за нимъ, они безхитростно, по медвѣжьи душили: считали деньги, наряжали дѣтей, законопачивали всѣ щелочки, откуда проглядывала жалкая жизнь, и задыхались въ созданной духотѣ. Петръ—иное дѣло. Дѣтей карать онъ не будетъ, ибо по части гуманности и педагогики достаточно натаскалъ; [illegible] но вентиляторовъ надѣлаетъ, [illegible] И воздухъ въ его квартирѣ будетъ приличный и завѣдывать имъ будетъ онъ самъ: тамъ [illegible] форточку пріотворитъ, здѣсь бумажки заклеитъ. По сравненію съ стариками Бѣсѣмееновымъ оно какъ будто и прогрессъ, но по существу—та же жизнобоязнь, то же душительство, но [illegible] сдобренное рациональностью, обмазанное медомъ хорошихъ словъ. Старикъ по простотѣ не знаетъ, что на свѣтѣ есть какія бы то ни [illegible] мнѣнія, кромѣ его, Петръ знаетъ, что существуютъ [illegible] мнѣнія и даже уважаетъ ихъ, но скользкую тужинку [illegible] возможности [illegible]

Въ тотъ періодъ своей жизни, когда его захватилъ Горькій, Петръ еще не чувствуетъ за собой силы и потому клеймитъ. Отчасти онъ неосмысленъ [illegible] этого долго составляющаго идеалъ у [illegible] отчасти и протестантъ, и въ этомъ отношеніи какъ будто совпадаетъ съ другими персонажами пьесы. Но только какъ будто. Въ одну и ту же дверь часто стучатся и грабитель и ограбленный: одинъ, спасаясь отъ погони, другой—чтобы пограбить. Къ Петру очень подошли бы слова воеводы изъ «Князя Игоря»:

«Ахъ дождаться бы мнѣ чести»...

Къ сожалѣнію, въ лицѣ г. Мейерхольда Петръ нашелъ недостаточно сильнаго исполнителя. Это все тотъ же мающійся интеллигентъ безъ особыхъ примѣтъ какимъ является незванный артистъ и въ «Одинокихъ», и въ чеховскихъ пьесахъ. Роль старика Бѣсѣмеенова, болѣе богатая красками, вполнѣ удалась г. Лужскому.

Группу стучащихся въ двери составляютъ и пѣвчій тетеревъ, машинистъ Нилъ, Елена, Перчихинъ, Пепа и другіе—[illegible] Среди нихъ на первое мѣсто вопреки быть можетъ замыслу автора, я поставлю пѣвчаго Тетерева. [illegible] Нила и Елену—особенно первыхъ—но ихъ здоровая и стойкая жизнерадостность недостаточно полна, если можно такъ выразиться, философско-общественнаго смысла. Эти просто здоровые, духовно свободные люди, которымъ прямо по натурѣ ихъ претитъ мѣщанская связанная жизнь. Они борятся съ мѣщанствомъ, разрушаютъ его въ мѣстахъ своего съ нимъ соприкосновенія—но это не та пушка, которая разрѣшитъ стѣну мѣщанства: это только хорошихъ, и мѣтко направленныхъ [illegible]

Вотъ Тетеревъ—это орудіе крупнаго калибра. По своей художественной законченности и яркости, по глубокой внутренней [illegible] Тетеревъ является однимъ изъ лучшихъ созданій огромнаго таланта М. Горькаго. Да и исполнителя Тетеревъ нашелъ изумительнаго: г. Барановъ такъ полной осуществляетъ авторскіе замыслы, такъ сливается съ изображаемымъ лицомъ, что развѣ только г. Станиславскій въ «Докторѣ Штокманѣ» можетъ превзойти его. Мощный [illegible] фигура, [illegible] жесты, [illegible] фразировка, [illegible]—это нѣчто до того цѣльное живое и чуждое понятію театра, представленія, что даже странно какъ-то смотрѣть.

[illegible] Я говорятъ Тетеревъ, не состоитъ въ родствѣ ни съ обвиняемымъ... ни съ потерпѣвшими. Я—самъ по себѣ. Я—вещественное доказательство преступленія. Жизнь испорчена!»

Да, это правда—но вѣдь часто исходъ процесса опредѣляется какъ разъ вещественными доказательствами. И Тетеревъ—доказательство весьма существенное, и разъ оно представлено въ судъ самому господину адвокату съ нимъ не справиться.

Тетеревъ безпѣйственъ. Онъ пьетъ, философствуетъ тѣмъ, что отъ его философствованія обои въ мѣщанскихъ домахъ трескаются, злитъ и дразнитъ Бѣсѣмееновыхъ, дружитъ съ Ниломъ и компаніей—онъ безпѣйствуетъ ибо не прошло еще его время. Онъ слишкомъ великъ и громоздокъ для стѣнъ мѣщанскаго дома старикъ Бѣсѣмеенова и нетъ ему повернуться—и вотъ когда Петръ устроитъ у себя приличный воздухъ съ національнымъ распредѣленіемъ кислорода на долю свою и водорода на долю присяжи, Тетеревъ совершитъ запутную перестановку.

Коровѣй малый: ему ничего не стоитъ плечомъ не только двери высадить, но и всю стѣну.

Яркій и художественный образъ Елены дастъ г-жа Книппер.

ГРАНКИ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР» С ЦЕНЗОРСКИМИ КУПЮРАМИ РЕЦЕНЗИИ АНДРЕЕВА НА ПОСТАНОВКУ «МЕЩАН» ГОРЬКОГО В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Пьеса была показана впервые 26 марта 1902 г. во время гастролей театра в Петербурге

Третья и четвертая гранки

Государственный исторический архив, Ленинград

те, кого долго заставляют ждать у накрытого стола], отчасти и протестант, и в этом отношении как будто совпадает с другими персонажами пьесы. Но только как будто. В одну и ту же дверь часто стучатся и грабитель и ограбленный: один, спасаясь от погони, другой — чтобы пограбить. К Петру очень подошли бы слова воеводы из «Князя Игоря»:

«Ах, дождаться бы мне чести...»

К сожалению, в лице г. Мейерхольда Петр нашел недостаточно сильного исполнителя. Это все тот же мающийся интеллигент без особых примет, каким является названный артист и в «Одиноких», и в чеховских пьесах [2]. Роль старика Бессеменова, более богатая красками, вполне удалась г. Лужскому.

Группу стучащихся в двери составляют и певчий Тетерев, машинист Нил, Елена, Перчихин, Поля и другие [— уже одно количественное преобладание их лишает пьесу характера уныния. Да и качественно представители антимещанского начала будут посильнее]. Среди них на первое место, вопреки быть может замыслу автора, я поставлю певчего Тетерева. [Как ни хороши Нил и Елена — особенно последняя — но их здоровая и стойкая жизнерадостность недостаточно полна, если можно так выразиться, философско-общественного смысла. Это просто здоровые, духовно свободные люди, которым прямо по натуре их претит мещанская связанная жизнь. Они борются с мещанством, разрушают его в местах своего с ним прикосновения — но это не та пушка, которая разрушит стену мещанства: это только два хороших и метко направленных ядра.]

Вот Тетерев — это орудие крупного калибра. По своей художественной законченности и яркости, [по глубокому внутреннему значению,] Тетерев является одним из лучших созданий огромного таланта М. Горького. Да и исполнителя Тетерев нашел изумительного: г. Баранов [3] так полно осуществляет авторские замыслы, так сливается с изображаемым лицом, что разве только г. Станиславский в «Докторе Штокмане» может превзойти его [4]. [Мощный] голос, фигура, [точно отлитая из чугуна,] жесты, [полные силы и величавой снисходительности, неподражаемая] фразировка, [когда каждое слово будто высекается из камня] * это нечто до того цельное, живое и чуждое понятию театра, представления, что даже странно как-то смотреть.

[Тетерев бездействует. Он словно вне жизни. По чрезвычайно меткому выражению Горького:

— Я,— говорит Тетерев,— не состою в родстве ни с обвиняемым... ни с потерпевшими. Я — сам по себе. Я — вещественное доказательство преступления. Жизнь испорчена!

Да, это правда — но ведь часто исход процесса определяется как раз вещественными доказательствами. И Тетерев — доказательство весьма существенное, и раз оно представлено в суд, самому господину адвокату с ним не справиться.

Тетерев бездействует. Он пьет, философствует так, что от его философствования обои в мещанских домах трескаются, злит и дразнит Бессеменовых, дружит с Нилом и компанией — он бездействует, ибо не пришло еще его время. Он слишком велик и громоздок для старомещанского дома старика Бессеменова и негде ему повернуться — а вот когда Петр устроит у себя приличный воздух с рациональным распределением кислорода на долю свою и водорода на долю прислуги, Тетерев совершит заметную перетасовку.

Здоровый малый: ему ничего не стоит плечом не только дверь высадить, а и целую стену.]

Яркий и художественный образ Елены дает г-жа Книппер.

* *Здесь на полях цензором поставлено:* МВ.— *Ред.*

Со значительными цензурными изъятиями рецензия напечатана в «Курьере», 1902, № 89, 31 марта.

2 апреля 1902 г. издатели «Курьера» Я. А. Фейгин и А. Г. Алексеев направили в Главное управление по делам печати докладную записку, в которой, жалуясь на притеснения цензуры, писали: «Постоянные противоречия между программой газеты и цензурой создают такое положение, при котором редактор и сотрудники совершенно теряют необходимое для каждого работника в общественном деле сознание объема своих прав и предела своих обязанностей; работа принимает невольно болезненно-нервный характер, результатом работы являются всё бóльшие и бóльшие недоразумения редакции с цензурой.

Одним из многочисленных доказательств таких отношений может служить прилагаемый при сем в гранках фельетон Джемса Линча „Москва" с приведенными в гранках красным карандашом вымарками цензора.

Подобная цензура, при которой оказывается недозволительным выразить свое мнение, что у данного артиста голос — „точно отлит из чугуна", что люди двигаются „вперед" и т. п., совершенно выбивает из колеи спокойной работы как сотрудников, так и самого редактора. Что можно и чего нельзя писать — становится загадкой, над мучительным разрешением которой бьешься, как рыба об лед...» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, 1893 г., д. 772, лл. 215 об.— 216).

Впервые публикуемый полный текст фельетона Андреева о постановке «Мещан» в Художественном театре печатается по сохранившимся в цензурном деле «Курьера» гранкам (там же, лл. 218—222). См. также Переписка, № 47.

[1] Цитата из эпиграммы Пушкина «Ты прав, несносен Фирс ученый...»

[2] В. Э. Мейерхольд в труппе Художественного театра пробыл до 1902 г. В драме Г. Гауптмана «Одинокие» (премьера 16 декабря 1899 г.) играл молодого ученого Иоганна Фокерата.

[3] Николай Александрович *Баранов* — актер Художественного театра с 1899 по 1903 г. В прошлом — певчий церковного хора. По воспоминаниям Станиславского, он «был, несомненно, талантлив, неплохой, добродушный человек, но запойный и совершенно некультурный 〈...〉 Однако в данной роли, как выяснилось потом, его первобытность оказала ему услугу. Баранов принимал за чистую монету все, что говорит и делает в пьесе Тетерев. Он стал для него положительным лицом, героем, идеалом 〈...〉 Его Тетерев вышел не театральным, а подлинно певчим, и именно это сразу почувствовал зритель и оценил в должной мере» («Моя жизнь в искусстве».— К. С. Станиславский. Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., «Искусство», 1954, стр. 252).

[4] Драма Г. Ибсена «Доктор Штокман» была поставлена в Художественном театре Станиславским и В. В. Лужским (премьера 24 октября 1900 г.). Станиславский играл главную роль — врача Штокмана. Созданный им образ произвел огромное впечатление на Андреева (см. ПССА, т. VI, стр. 329—333 — «Диссонанс»).

〈4〉

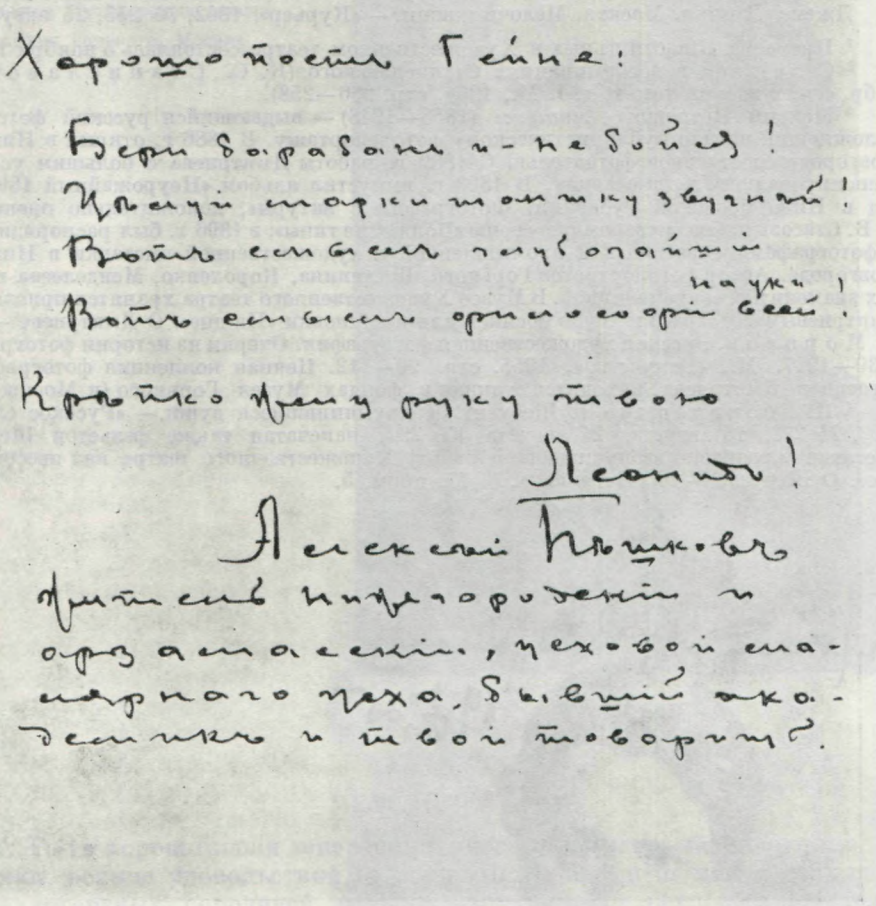
МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

...Главная форма отношения московской печати к истинному искусству и представителям его — это глумливое и тупое издевательство. Художественный театр, фанатически преданный своему высокому делу, сразу двинувший русское театральное искусство на десяток лет вперед, ставший недосягаемым образцом для самых образцовых театров,— чуть ли не ежедневно окачивается жидкой грязцой. То, что должно было бы вызывать особое уважение: преданность делу, изумительная старательность подготовки, встречаются бессмысленным и тупым смехом газетной черни. Опошлившаяся в погоне за сенсацией, ничего в сущности не любящая и не уважающая даже самих себя, стихийно нелепая в своей бессознательной солидарности с подонками интеллигенции,— она с гиком и свистом потрясает своими бубенцами всякий раз, как Художественный театр делает шаг вперед на своем трудном пути.

Он ставит «Власть тьмы» [1], провалившуюся в Малом театре, и хочет на месте собрать бытовой материал, дабы не впасть в обычную сценическую ложь,— со всех сторон свист, улюлюканье, рыночное остроумие на тему о том, что на сцене будут настоящие лошади из Тульской губернии и настоящий навоз.

Он ставит «На дне» Горького; во избежание той же лжи, идет на Хитровку, чтобы непосредственно ознакомиться с ее героями — тот же свист, улюлюканье и бессмысленные насмешки [2].



Хорошо поет Гейне:

Бери барабан и — не бойся!
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайшей науки,
Вот смысл философии всей!

Крепко жму руку твою, Леонид!

Алексей Пешков

житель нижегородский и арзамасский, цеховой малярного цеха, бывший академик и твой товарищ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО АНДРЕЕВУ НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ ПЬЕСЫ «МЕЩАНЕ» (СПб., 1902):

«Хорошо поет Гейне:

Бери барабан и — не бойся!
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайшей науки,
Вот смысл философии всей!

Крепко жму руку твою, Леонид!

Алексей Пешков

житель нижегородский и арзамасский, цеховой малярного цеха, бывший академик и твой товарищ»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Вместе с тем, тот же Горький, автор пьесы, придает такое существенное значение правдивости бытовой стороны ее, что поручает нижегородскому фотографу-художнику М. П. Дмитриеву [3] собрать целый ряд соответствующих фотографий, и М. П. Дмитриев с риском для себя собирает их на нижегородской Миллионке, в ночлежных домах и всюду, где ютятся забытые богом и людьми герои Горького. Я видел у Горького эти художественные

снимки и понял, какое важное и необходимое подспорье составляют они для театра, имеющего дело с совершенно новой и неисследованной областью жизни. Тем более важно непосредственное с ней знакомство.

Кстати: господин Шебуев из «Русского слова», слышавший от кого-то содержание пьесы «На дне», перепутал несколько ее конец: Василиса и не думает выходить замуж за Медведева [4].

Джемс Л и н ч. Москва. Мелочи жизни. — «Курьер», 1902, № 255, 25 августа.

[1] Премьера «Власти тьмы» в Художественном театре состоялась 5 ноября 1902 г.

[2] См. об этом в воспоминаниях Станиславского (К. С. С т а н и с л а в с к и й. Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., 1954, стр. 256—258).

[3] Максим Петрович *Дмитриев* (1858—1948) — выдающийся русский фотограф, положивший начало публицистическому фоторепортажу. В 1886 г. открыл в Нижнем-Новгороде собственное фотоателье. С 1889 г. работы Дмитриева с большим успехом экспонировались на выставках. В 1893 г. выпустил альбом «Неурожайный 1891—92 год в Нижегородской губернии. Фотографии с натуры», положительно оцененный В. В. Стасовым. Создал огромную серию «Волжские типы»; в 1896 г. был распорядителем и фотографом Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем-Новгороде. Автор фотопортретов Горького, Шаляпина, Короленко, Менделеева и других знаменитых современников. В Музее Художественного театра хранятся присланные Дмитриевым фотографии типов босяков для постановки «На дне». О Дмитриеве — см.: С. М о р о з о в. Русская художественная фотография. Очерки из истории фотографии. 1839—1917. М., «Искусство», 1955, стр. 90—112. Ценная коллекция фотографий и негативов Дмитриева находится также в фондах Музея Горького (в Москве).

[4] Н. Г е о р г и е в и ч ‹Н. Шебуев›. Подрумянившиеся души.— «Русское слово», 1902, № 223, 15 августа. 24 августа (№ 232) напечатан также фельетон Шебуева «Негативы»,развязно вышучивающий работу Художественного театра над пьесой «На дне». О Шебуеве — см. Переписка, № 77, прим. 5.

АНДРЕЕВ

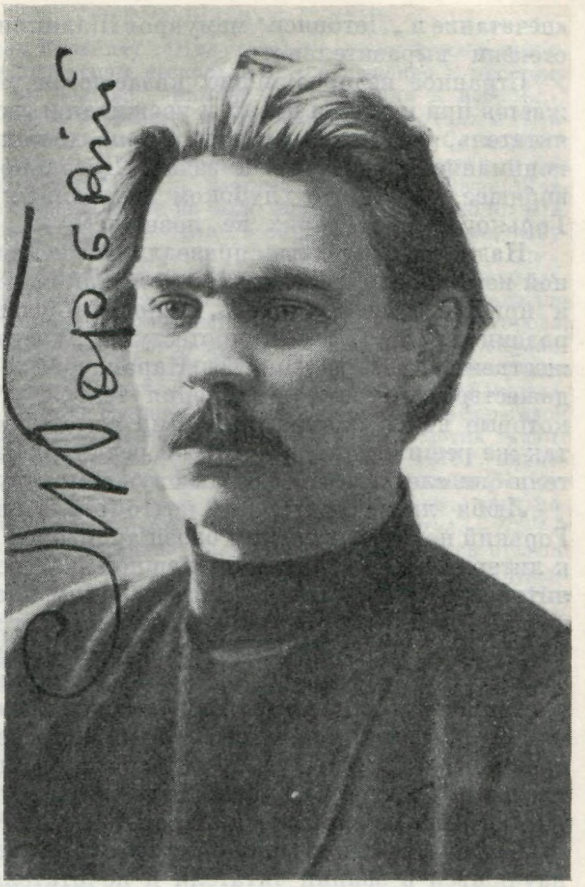
Почтовая открытка с фотографией Андреева 1902 г. и его автографической подписью. Распространялась вместе с фотографией Горького (см. на след. стр.)

Архив Горького, Москва

ГОРЬКИЙ

Почтовая открытка с фотографией Горького 1902 г. и его автографической подписью. Распространялась на литературно-музыкальном вечере, организованном М. Ф. Андреевой в Териоках 30 июля 1905 г., с участием Горького, Андреева и А. И. Куприна. Сбор от вечера поступил в пользу Петербургского комитета РСДРП и семей бастующих рабочих Путиловского завода

Архив Горького, Москва



‹5›

МОСКВА

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

...То-то хороши наши теперешние писатели. Сидят, как сверчки по запечкам, всякие удовольствия от жизни получают и от имени всех своих интеллигентных сородичей горько жалуются на неудовлетворенность. И тут же сбоку, за стеной от них течет настоящая страдальческая жизнь народа, а что мы знаем о ней? Разве только от избытка талантливости обрядит писатель своего героя в лохмотья,— так ведь это декорация, бутафория, чёрт в ступе. Спасибо Максиму Горькому: пришел он со дна жизни и хоть кое-какие свежие вести принес оттуда на своей спине крючника, в своих мозолистых руках молотобойца, в своей широкой груди вольнолюбивого босяка — а то совсем задохнуться бы можно от изображения все одной и той же интеллигентной души в лохмотьях...

Джемс Л и н ч. Москва. Мелочи жизни.—«Курьер», 1902, № 269, 29 сентября. Под заглавием «О писателе» фельетон вошел в ПССА, т. VI, стр. 280—285.

Приводимые строки Андреев вложил в уста вымышленного собеседника.

‹6›

«ЛЕТОПИСЬ» И МЕМУАРЫ ШАЛЯПИНА

После рабочих [1] — писатели. Письмом в редакцию писатель Никандров заявляет о своем выходе из сотрудников «Летописи» [2]. Причина —

«печатание в „Летописи" мемуаров Шаляпина». Коротко и ясно и в высокой степени выразительно.

Странное недоразумение, казавшееся уже ликвидированным, продолжается при наличии новых и неожиданных сил: протестует уже не рядовой читатель, а писатель, которому не должно быть чуждо более широкое понимание литературных задач. Довольно-таки печальное зрелище, говорящее о каком-то глубоком внутреннем распаде. Никандров— против Горького: «своя своих не познаша».

Надо, однако, быть справедливым и признать, что во всей этой грустной истории повинен не кто иной, как сам М. Горький. Каков поп, таков и приход. Каков учитель, таковы и ученики. Ибо какая, в сущности, разница между Горьким, протестующим печатно против постановки в Художественном театре «Братьев Карамазовых» [3] и связывающим свободу художественного самоопределения театра, и теперешними протестантами, которые восстают уже и против самого непоследовательного учителя и так же решительно вяжут руки редакции «Летописи»? Не заветам ли учителя они следуют? Не его ли оружием дерутся?

Любя литературу, как нечто отвлеченно-прекрасное и безгрешное, Горький не сумел внушить своей аудитории и своим последователям любви к литераторам,— к живой, грешной, как всё живое, и всё же прекрасной литературе. Всю жизнь, смотря одним глазом (хотя бы и попеременно, но никогда двумя сразу), Горький кончил тем, что установил одноглазие как догмат. Достаточно вспомнить его давнишние статьи о *мещанах* — Толстом и Достоевском [4]. Чему тут научишься? Еще недавно в той же «Летописи» проф. Тимирязев в своих воспоминаниях о пушкинском празднике в Москве и знаменитой речи Достоевского писал не смущаемый редакцией, о том, что у Достоевского были тогда «маленькие и злобные глазки», а когда надели на взволнованного после речи писателя венок, то это была «смешная и жалкая фигура» [5].

Какая ненависть, какое *презрение* к великому писателю! Чему тут научишься в звании читателя и почитателя «Летописи»? И разве только тому можно подивиться, что свой протест г. Никандров не заявил еще в прошлом году, когда журнал стал печатать дневники Л. Толстого. Там дело было не в одном только имени, а и самом тексте, своей толстовской религиозностью противоречившем самым основам журнала. Или тогда г. Никандров, как и М. Горький, смотрел не тем глазом?

Коей мерою мерите, тою же воздастся и вам. И когда я вижу, как читатель «Летописи» вмешивается в ответственное дело редакции и грозно наставляет своих наставников, я жалею испорченных учеников, но не их талантливого учителя.

«Русская воля», 1917, № 15, 16 января (под рубрикой «Литературный дневник»).

[1] Извещение о предстоящей публикации воспоминаний Шаляпина в «Летописи» встретило энергичные протесты демократической общественности. Так, например, 10 декабря 1916 г. группа сотрудников «Правды» и ряда рабочих изданий (Ив. Логинов, А. Ефимов и др., всего 32 подписи) обратилась с письмом в редакцию «Летописи» и большевистского журнала «Вопросы страхования» с протестом против опубликования в «Летописи» автобиографии Шаляпина («Летопись», II, стр. 585—586). Андреев в статье «Перед задачами времени» тоже выступил против печатания автобиографии Шаляпина в «Летописи». Однако мотивы Андреева были иными. Ссылаясь на условия войны, он призывал писателей к перестройке: «Кстати сказать: никогда еще столько не появлялось „воспоминаний" и „мемуаров", как за эти годы войны, никогда еще квелое прошлое так не боролось за себя, как теперь, перед лицом бурного настоящего и более вихревого будущего. Характерно, что М. Горький, только что успев закончить свои воспоминания, принимается за воспоминания Ф. Шаляпина и весь наступающий год — это 1917-год-то!— мы будем из месяца в месяц погружаться в прошлое» («Русская воля», 1917, № 1, 1 января). Первая половина автобиографии Шаляпина опубликована в «Летописи» в 1917 г. (№ 1—12) с цензурными искажениями. Горький предполагал опубликовать специально предпосланное воспоминаниям от имени Шаляпина разъясне-

ние (текст этого предисловия написал Горький). «Мне хочется,—говорилось в предисловии,— чтоб книга моя внушила читателям несколько иное отношение к простому человеку низов жизни, возбудила бы больше внимания и уважения к нему ⟨...⟩ Забудьте, что этого человека зовут Федор Шаляпин, и подумайте о тех сотнях и тысячах, которые по природе своей даровиты не менее Шаляпина, Горького, Сурикова и множества других, но у которых не хватило сил победить препятствия жизни, и они погибают, задавленные ею, погибают, может быть, каждый день» (см. «Федор Иванович Шаляпин», т. I, стр. 665). Это предисловие не было напечатано. Редакция «Летописи» поместила специальное обращение к читателям с объяснением причин, побудивших опубликовать воспоминания Шаляпина.

[2] Николай Никандрович *Никандров* (псевдоним Шевцова; 1878—1964)—писатель, участник революционного движения. В литературе выступил в 1903 г. в «Журнале для всех». В 1903—1904 гг., находясь в административной ссылке в Нижнем-Новгороде, встречался с Горьким. Первое значительное произведение — рассказ «Бунт» опубликовал в январском номере «Мира божьего» 1906 г. В 1910—1914 гг. жил в эмиграции в Швейцарии, Италии и Франции. Сотрудничал в «Современном мире», «Заветах», «Современнике» и других журналах. Первый сборник рассказов Никандрова «Береговой ветер» выпущен «Книгоиздательством писателей в Москве» в 1915 г. Заметив талант Никандрова, Горький пригласил его сотрудничать в «Летописи», где в 1916 г. появились рассказы: «Лес» (№ 2), «У истоков сердца» (№ 3) и «На Часовенной улице» (№ 12). 24 декабря 1916 г. Никандров в письме к Горькому спрашивал: «Напишите мне, пожалуйста, решено ли у вас окончательно ее ⟨«Автобиографию» Шаляпина.— *В. Ч.*⟩ печатать? Некоторые меня успокаивают, что, может быть, вы еще откажетесь от этой мысли. Поэтому я, невзирая на ваши проспекты относительно 17-го года, все-таки, для верности, еще запрашиваю и вас» (АГ). Ответ Горького (не сохранился), видимо, Никандрова не удовлетворил, и 13 января 1917 г. в кадетской «Речи» (№ 11) появилось «Письмо в редакцию», в котором Никандров заявлял о своем выходе из «Летописи».

[3] См. об этом стр. 542—544 настоящ. тома.

[4] Имеются в виду «Заметки о мещанстве», опубликованные в газете «Новая жизнь», 1905, № 1, 4, 12, 18 от 27, 30 октября и 13, 20 ноября.

[5] К. Тимирязев. Памяти друга. (Из воспоминаний о М. М. Ковалевском).— «Летопись», 1916, № 8, стр. 218, 219.

ИЗ ПИСЕМ, АВТОБИОГРАФИЙ И ИНТЕРВЬЮ АНДРЕЕВА

Публикация А. И. Наумовой

1. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 30 июля 1899 г.

Простите, что я так нескоро отозвался на любезное предложение работать в вашем журнале, переданное мне Алексеем Максимовичем...

ЛА, вып. 5, стр. 72.

2. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 23 марта 1900 г.

Посылаю вам рассказ «На реке» [1] ⟨...⟩ Еще раз благодарю вас, Виктор Сергеевич, за доброе отношение ко мне и к моим литературным начинаниям. Вообще судьба не гладила меня по головке, но на этот раз она удивляет меня: с самого начала я встретил такую поддержку как в вас и Алексее Максимовиче. Если я теперь собьюсь с панталыку, то уже не люди будут виноваты.

ЛА, вып. 5, стр. 74—75.

[1] Рассказ «На реке» напечатан в «Журнале для всех», 1900, № 5.

3. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

⟨Москва. Апрель 1900 г.⟩

...Рассказ о ницшеанце [1] я посылаю с этой же почтой к Алексею Максимовичу, которому я его обещал, и мне почему-то кажется, что и живете вы вместе с ним и вообще я не разобщаю вас.

ЛА, вып. 5, стр. 76.

[1] «Рассказ о Сергее Петровиче».

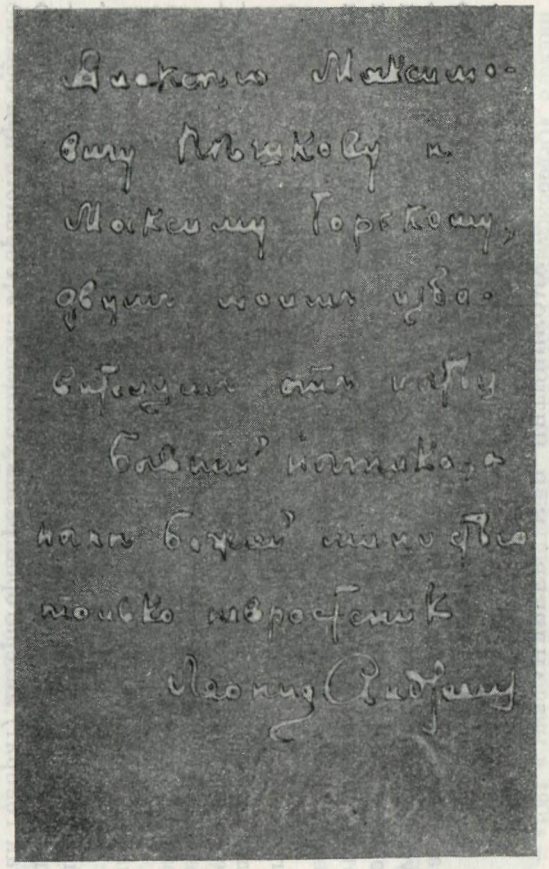
4. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 17 августа 1900 г.

...Заезжал я между прочим в Ялту, но Алексея Максимовича не видал, он был на Кавказе [1]. Недавно получил от него письмецо, говорит, что мой ницшеанец [2] — читали вы его? — будет, вероятно, напечатан в «Жизни»...

ЛА, вып. 5, стр. 76.

[1] Горький уехал из Ялты на Кавказ 28 мая; вернулся 11 июня 1900 г.
[2] «Рассказ о Сергее Петровиче» (см. о нем Переписка, № 5).



АНДРЕЕВ

Фотография, Москва, клиника профессора М. П. Черинова, конец января — февраль 1901 г., с дарственной надписью Горькому (на обороте): «Алексею Максимовичу Пешкову и Максиму Горькому, двум моим избавителям от нытья. Бывший нытик, а ныне божией милостью только неврастеник.— Леонид Андреев. 24. II MCMI»

Музей Горького, Москва

5. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 30 августа 1900 г.

...Ваше письмо [1] удивило меня и заставило искать разъяснений у себя в редакции [2], где мне и сообщили подробности о Ясинском и *его* конкурсе. Два дня тому назад я получил письмо от Алексея Максимовича, в котором он почти дословно повторяет то, что сказали мне вы, и мне было очень приятно, что это письмо застало меня уже с вполне сложившимся решением не посылать рассказа [3]...

ЛА, вып. 5, стр. 77—78.

[1] Письмо Миролюбова к Андрееву неизвестно; письмо Горького к Андрееву по этому же поводу — см. Переписка, № 7.

[2] В редакции московской газеты «Курьер», где тогда работал Андреев.

[3] Имеется в виду рассказ «Молчание», который Андреев предполагал послать на объявленный «Биржевыми ведомостями» 15 июня 1900 г. конкурс. См. подробнее Переписка, № 7 и 160.

6. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 21 октября 1900 г.

...Чувствую себя в настоящее время хорошо (не пью) и обязан этим почти целиком вам и Алексею Максимовичу,— мне всё еще, при моем застарелом пессимизме, не верится, что оба вы — действительность, а не фикция...

ЛА, вып. 5, стр. 82.

7. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 6 апреля 1901 г.

...А. М. Пешков, у которого я справлялся по поводу издания моего сборника «Знанием», указал мне на вас как на человека, могущего дать по этому делу более точные и определенные сведенья. Толком с Алексеем Максимовичем мне поговорить не пришлось, да и очень он занят был тогда петербургскими событиями [1], и я беру на себя смелость обратиться к вам...

Автограф. АГ.

[1] Андреев имеет в виду февральско-мартовские демонстрации в Петербурге студентов, протестовавших против жестоких «Временных правил» об исключении из университетов и отдаче студентов в солдаты. См. Переписка, № 41.

8. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

Москва. 23 апреля 1901 г.

...Вы знаете, что в Нижнем 17 апреля арестованы М. Горький, Скиталец и еще 16 человек, а в Петербурге почти вся редакция «Жизни» и около сотни (так говорят) литераторов разных степеней? У Горького при обыске ничего не найдено и, судя по отношению к нему обыскивающих, ни в чем серьезном он не замешан.

«Утро», кн. 1. М.— Л., 1927, стр. 242.

Ефим Львович *Бернштейн* (псевдоним Янтарев; 1880—1942?)—литератор, познакомившись с произведениями Андреева, напечатанными в «Курьере», написал автору восторженное письмо, после чего между ними завязалась переписка. Бернштейн и Андреев несколько раз встречались. См. статью Бернштейна «О Леониде Андрееве»—«Утро», кн. 1, стр. 240—252. Оригиналы писем Андреева к Бернштейну находятся ныне в ИРЛИ.

Андреев еще 19 апреля сообщал А. А. Измайлову об аресте Горького: «Новость, которая наверное будет интересна для вас, как и для всего литературного мира: 17-го ночью арестованы в Нижнем М. Горький, Петров (Скиталец) и еще 16 человек» (журн. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 196).

9. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

⟨Москва. Вторая половина апреля 1901 г.⟩

...Первый рассказ мой появился в «Курьере» в апреле 1898 г.; по поводу этого рассказа вступил со мной в переписку М. Горький, с которым теперь у нас очень хорошие отношения.

Считаю нужным упомянуть об этом потому, что ⟨во⟩ 1-х) Горький оказал на меня очень сильное влияние в смысле серьезного и строгого отношения к себе и работе и ⟨во⟩2-х) он же сократил для меня срок обычного «испытания», введя меня сперва в «Журнал для всех», а затем в «Жизнь». Вообще это такой удивительно хороший человек — этот М. Горький,— каких я не встречал. Бесконечная доброта, благородная идеализация человека и свободная, смелая душа...

Журн. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 196.

10. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Царицыно. 8 ... 12 июня 1901 г.⟩

...Живу я сейчас на даче в Царицыне и ничего не делаю. От Алексея Максимовича не имею никаких известий, и это страшно меня беспокоит. А тут еще закрытие «Жизни» [1] — вот-те и праздник, вот-те и отдых! Сидишь и долбишь, как дятел: мерзавцы...

Автограф. АГ.

[1] О закрытии журнала «Жизнь» — см. Переписка, № 3, а также воспоминания Пятницкого «Освобождение Горького из Нижегородской тюрьмы в 1901» — «Красная газета», веч. вып., 1928, № 26, 27 января.

11. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 28 августа 1901 г.

...Наш курьерский критик Шулятиков [1] каждый день требует от меня «рассказов». Сейчас он пишет о Горьком (прескверно), потом напишет обо мне и, считая свой труд завершенным, все написанное намеревается издать отдельной книгой...

Автограф. АГ.

[1] В. М. *Шулятиков* (см. о нем — Переписка,№ 31) в своих «Критических этюдах» часто писал о современных писателях-реалистах. См., например, статью с подзаголовком «О новейшем реализме», в которой характеризовалось творчество Горького и Андреева («Курьер», 1901, № 145, 28 мая). В специальной статье «О Максиме Горьком» Шулятиков, причисляя Фому Гордеева и Мальву к ницшеанским натурам, так заканчивал свою характеристику творчества Горького и его героев: «Они дают нам право применить к таланту г. Горького то определение, которое некогда Н. Михайловский дал таланту Достоевского: талант г. Горького, прежде всего,— „жестокий талант"» («Курьер», 1901, № 222, 13 августа). Видимо, эта характеристика и возмутила Андреева, когда он утверждал, что критик «прескверно» пишет о Горьком.

Несколько недель спустя в тех же «Критических этюдах» появилась статья Шулятикова с подзаголовком «Одинокие и таинственные люди», в которой об Андрееве было сказано: «К числу беллетристов, ставящих себе задачей изображение душевных драм „обыкновенных" одиноких людей, наряду с А. Чеховым и М. Альбовым, принадлежит и Леонид Андреев» («Курьер», 1901, № 278, 8 октября). На том этапе Шулятиков считал Андреева «свежим, ярким, сильным, многообещающим в будущем, судя по первым шагам...» талантом. Позднее Шулятиков стал относиться к творчеству Андреева отрицательно.

12. АНДРЕЕВ — Л. В. СРЕДИНУ

Москва. 3 ноября 1901 г.

...Скоро у вас в Ялте станет веселее. Чехов уже у вас, а через неделю появится и Горький. Я был не особенно давно у него в Нижнем, застал

его бодрым, веселым и по обыкновению терпеливо выносящим многолюдие — а на днях, в письме [1], он жалуется на здоровье: головные боли и нервное сердцебиение. У вас, в тишине, он вероятно скоро поправится: натура здоровая и дух могучий...

«Дон», 1962, № 3, стр. 188.

У Андреева в дате — описка (октября), что подтверждается почтовыми штемпелями на конверте: «Москва 6 XI 01» и «Ялта 9 XI 01» (Автограф. ЦГАЛИ).

[1] См. Переписка, № 30.

13. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

Москва. 11 декабря 1901 г.

...Давно ли вы в Нижнем? Я там бываю довольно часто (у Горького) и, вероятно, опять буду наезжать...

«Утро», кн. 1. М.— Л., 1927, стр. 243.

14. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 19 декабря 1901 г.

...Очень рад своему успеху [1] и не перестаю благодарить за него вас и Максимыча ⟨...⟩

Издайся я у Сытина [2] и так, как намеревался: 20 рассказов — пропал бы. Кстати: теперь разные Клюкины [3] делают «предложения» ⟨...⟩ а я отвечаю руганью...

Автограф. АГ.

[1] Речь идет об изданной «Знанием» первой книге рассказов Андреева.
[2] О предложении Сытина — см. Переписка, № 15—16.
[3] Максим Васильевич *Клюкин* — московский издатель и книготорговец.

15. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

⟨Конец 1901 — начало 1902 г.⟩

...Большую помощь оказал мне и большое влияние имел на меня мой учитель Максим Горький. Это его заслуга, что во мне проснулся дух безжалостной самокритики, что я был предохранен от убогого тщеславия...

Отрывок из автобиографии воспроизводится в переводе по кн.: D-r Bořivoy P r u s i k. Epigon Maxima Gorkèho (Б. П р у с и к. Эпигон Максима Горького).—«Česká revue», k. V, 1902, str. 541—544.

См. далее № 25.

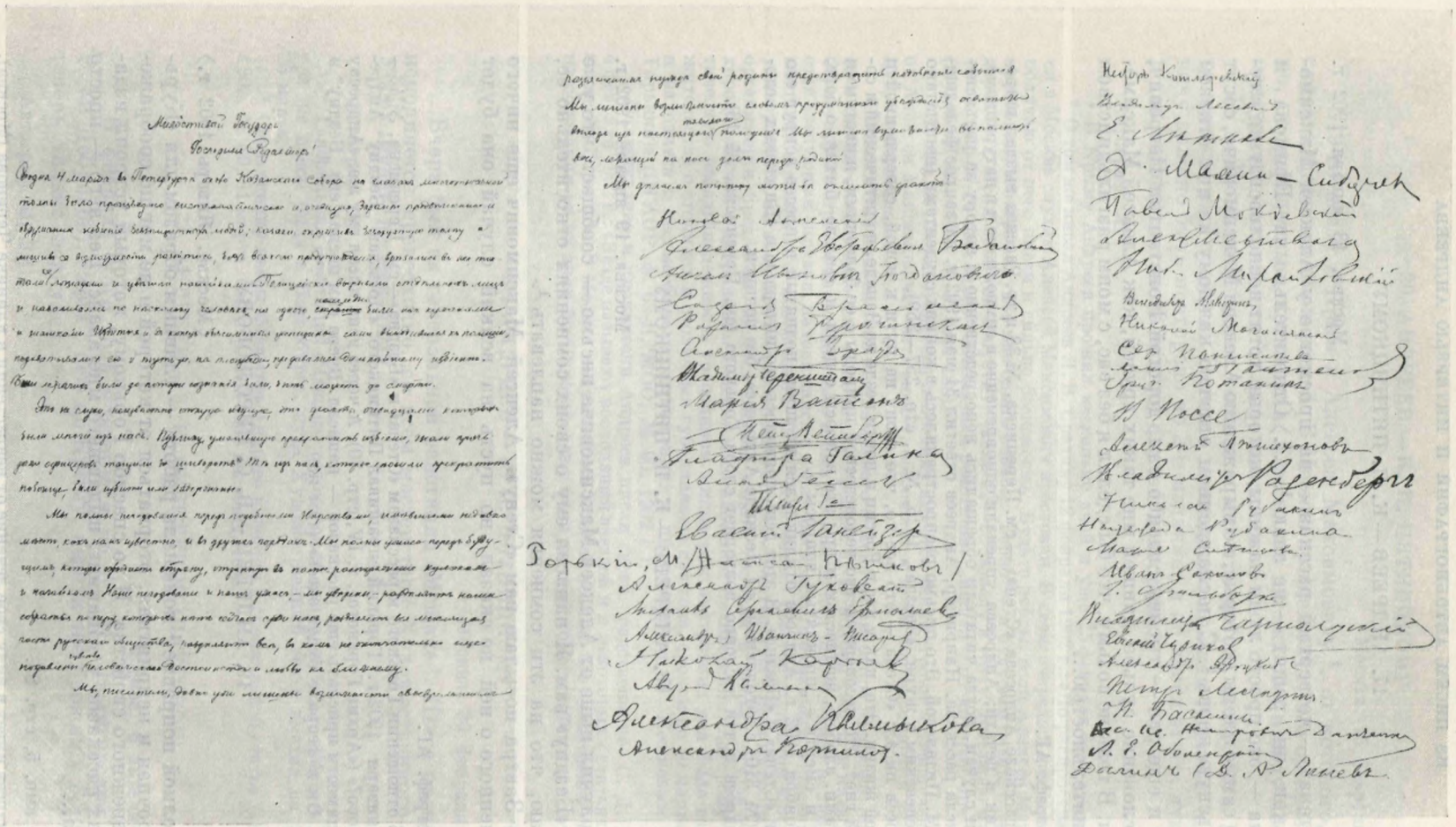
16. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 13 января 1902 г.

...Написал Алексею Максимовичу о моем плане издания ⟨...⟩ Алексей Максимович писал мне [1] еще давно, что чистою я получу приблизительно 1200 рублей...

Автограф. АГ.

[1] См. Переписка, № 41. Андреев имеет в виду план второго издания книги его рассказов, обсуждавшийся с Горьким еще в декабре 1901 г.



ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГРУППЫ ЛИТЕРАТОРОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ С ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ РАЗГОНА СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ У КАЗАНСКОГО СОБОРА В ПЕТЕРБУРГЕ 4 МАРТА 1901 г.

Подлинник. Среди подписавших письмо — Горький

Копию письма Горький послал Андрееву для опубликования в «Курьере», однако в печати письмо не появилось

Архив Горького, Москва

17. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 18 января 1902 г.

...«Стена» — четвертый рассказ — на просмотре у Алексея Максимовича и как он решит — не знаю [1]. ⟨...⟩ Относительно гг. Ефимова и Клюкина — это просто люди наживы, которые хотят воспользоваться случаем, те самые клопы, которые, по выражению Алексея Максимовича, сосут писательскую кровь [2]. С наслаждением отвечаю каждому из них отказом ⟨...⟩

Еще и еще раз — тысячу спасибо вам, дорогой Константин Петрович, и благословение судьбе, давшей мне таких друзей, как Алексей Максимович и вы. В толк не возьму, что бы сделал я без вас, с моим разгильдяйством и нерешительностью...

Автограф. АГ.

[1] О рассказе Андреева «Стена» — см. Переписка, № 38 и др. Рассказ вызвал широкий отклик в печати; Андреева упрекали одновременно в символизме и в натурализме.

Были случаи, когда читатели обращались непосредственно к автору за разъяснением смысла рассказа. Например, Андреев ответил 31 мая 1902 г. на запрос фельдшерицы А. М. Питалевой. Это письмо распространялось в копиях студентами (напечатано А. Ф. Женевским в журн. «Звезда», 1925, № 2, стр. 257—259).

Андреев писал: «Стена — это все то, что стоит на пути к новой, совершенной и счастливой жизни. Это, как у нас в России и почти везде на Западе, политический и социальный гнет; это несовершенство человеческой природы с ее болезнями, животными инстинктами, злобою, жадностью и пр.; это вопросы о цели и смысле бытия, о боге, о жизни и смерти —„проклятые вопросы“».

13 ноября 1902 г. Андреев откликнулся на шум, поднятый в прессе вокруг его рассказов «Стена» и «Бездна». В этот день появилось его интервью в «Биржевых ведомостях» (№ 310) с заголовком: «О Леониде Андрееве», без подписи.

[2] Андреев почти дословно повторяет слова Горького (см. Переписка, № 16).

18. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 19 января 1902 г.

...Получил ныне от Алексея Максимовича письмо — сообщает, что уже послал «Бездну» вам. Я написал ему о своих сомнениях относительно ее, но думаю, что на эти сомнения можно наплевать [1].

⟨...⟩ Завтра посылаю вам «Стену». Алексей Максимович еще ничего определенного о ней не сказал, но пусть на всякий случай она будет у вас.

Автограф. АГ.

[1] Об отношении Горького к рассказам «Стена» и «Бездна»—см. Переписка, №№ 43—45. 13 января 1902 г. Горький спрашивал Пятницкого: «Посылаю „Бездну“ Андреева. Каково?» («Архив Горького», т. IV, стр. 70). А через день писал ему же: «Андрееву о необходимости прислать еще рассказов — написал. Вчера вам послал его „Бездну“ и „Стену“. Он в феврале будет здесь» (там же).

19. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

⟨Москва. Январь 1902 г.⟩

...Полной поправке [1] помешала работа — главным образом для «Курьера», срочная и неприятная, оторваться от которой я не мог по соображениям денежного свойства. И то спасибо Горькому, который устроил издание моих рассказов у «Знания», выдавшего мне аванс. Без него — просто бы беда...

ЛА, вып. 5, стр. 85.

[1] Андреев имеет в виду свое лечение от неврастении в клинике Черинова (Москва).

20. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 15 февраля 1902 г.

...19-го поеду в Крым к Алексею Максимовичу [1], от которого, кстати сказать, давно не имею вестей. В Москве прошел слух, что он арестован [2], но, по всем данным, это чепуха. Боюсь, что письма его, в виду моего подцензурного положения [3], задерживаются.

P. S. Если потребуется сообщить мне что-нибудь между 20 и 5 марта, то пишите на Горького. Кстати: посвящение книжки Алексею Максимовичу должно быть повторено во 2-м издании; я не писал этого, думая, что и так сделается, но на всякий случай повторяю...

Автограф. АГ.

[1] В Крыму Андреев прожил несколько дней и уже 25 февраля был в Одессе.

[2] О том же писал Андреев Л. В. Средину 12 февраля 1902 г.: «По распространившимся в Москве слухам Алексей Максимович арестован. В свою очередь я давным-давно не получаю от него писем и сильно беспокоюсь. Будьте добры, если Алексей Максимович арестован, телеграфируйте мне одним словом: „верно“— я буду вам очень, очень благодарен ⟨...⟩ Если полиция отпустит, числа 22—23 приеду в Ялту. Выезжаю из Москвы 18-го, ибо 17-го состоится генеральная репетиция „Мещан“, на которой хочу побыть» (журн. «Дон», 1962, № 3, стр. 188).

[3] В том же письме Андреева к Средину имеются такие строки: «Неполучение писем от Алексея Максимовича, быть может, объясняется моим поднадзорным в данную минуту положением».

Начиная с 31 января 1902 г., дня первого обыска на квартире Андреева, он числился в «неблагонадежных» (см. телеграмму Трепова от 17 ноября 1902 г. к киевскому губернатору на стр. 203 настоящ. тома) и был постоянно под наблюдением полиции. Имеется следующая справка, находящаяся в делах Московского охранного отделения «О помощнике присяжного поверенного Л. Н. Андрееве»: «Состоя студентом Московского университета, он входил в состав Орловского землячества и на одном из собраний этой организации предлагал общими силами издать сборник в пользу студенчества; он хорошо знаком с дворянином Павлом Михайловичем Велигорским, которому за политическую неблагонадежность господином министром внутренних дел было запрещено жительство в столицах и столичных губерниях на два года, сроком по 10 марта 1899 г., и находится в весьма близких отношениях с писателем Ал. М. Пешковым (Максим Горький)» (ЦГАОР, ф. 63-И, МОО, № 90, 1902 г.).

Полушутливо и иронически Андреев писал своей родственнице С. Д. Пановой 4 февраля 1902 г.: «Везде называют восходящей звездой и в некоторых ⟨статьях⟩ ставят на место Горького. В Москве популярность моя так велика, что единственно, кажется, на основании ее на днях был произведен у меня ночной обыск» (Ф а т о в, стр. 179).

21. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 20 февраля 1902 г.

...Вчера был на генеральной репетиции «Мещан» [1]. Пьеса прекрасная, исполняется превосходно, со всем мастерством Художественного театра. Успех будет несомненный [2]...

Автограф. АГ.

[1] Генеральная репетиция «Мещан» состоялась 19 февраля 1902 г. в Москве. Премьера же пьесы была в Петербурге, куда Художественный театр выехал на гастроли, 26 марта.

[2] Свою оценку пьесы «Мещане» Андреев изложил в специальной статье («Курьер», 1902, № 89, 31 марта. См. стр. 475—480 настоящ. тома).

22. АНДРЕЕВ — З. Н. СИБИЛЕВОЙ (ПАУТОВОЙ)

Москва. 6 апреля 1902 г.

...В феврале этого года я женился на А. М. Велигорской (сестре Е. М. Добровой), ездил с нею по Крыму, недели две прожил у Горького и теперь только вернулся...

Автограф. ИРЛИ.

Зинаида Николаевна *Сибилева* — юношеская любовь Андреева, которой он посвятил много страниц своего «Дневника» (не издан. Собрание И. С. Зильберштейна). В ИРЛИ хранятся автографы 68 писем Андреева к Сибилевой 1890—1892 и 1902 гг. В книге «Молодые годы Л. Андреева» Фатов приводит цитаты из писем Андреева к ней.

23. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 26 апреля 1902 г.〉

...Вчера проехал через Москву Горький, и я его не видал: телеграммы о своем приезде он не прислал, и я с утра на целый день уехал на поиски дачи [1] 〈...〉

Здесь ходят слухи, что Шаляпин арестован [2]...

Автограф. АГ.

[1] В Москву Горький приехал 25 апреля («Летопись», I, стр. 382).
[2] Слухи об аресте Шаляпина были неверными.

24. АНДРЕЕВ — И. А. БУНИНУ

〈Царицыно.〉 12 мая 〈1902 г.〉

...О Максимыче ни слуху, ни духу [1]. Шулятиков и Скирмунт [2] арестованы — вот соединение!

Автограф. ЦГАЛИ.

[1] В связи с переездом Горького из Олеиза к месту ссылки — в Арзамас (Горький побывал в эти дни и в Нижнем-Новгороде) временно прервалась его переписка с Андреевым.
[2] О Шулятикове и Скирмунте — см. Переписка, № 23 и 31.

25. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Царицыно. 12 мая 1902 г.

В чешском «Revue» [1] вышла статья обо мне с коротенькой автобиографией, где, между прочим, я указываю на благотворное воздействие Горького на направление моей литературной деятельности [2]. Пробудил во мне дух самокритики, заставил строже относиться к себе и т. д. Воистину! — тысяча раз спасибо Алексею, люблю его до чёртиков. И пусть Шольц[3] упомянет о влиянии Горького — не литературном, а влиянии *рыцаря духа* на колеблющегося и нерешительного любителя этого самого духа. Как я люблю жизнь и людей!...

Автограф. АГ. Опубликовано частично в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 79—80.

[1] См. выше № 15.
[2] Андреев повторил это утверждение в автобиографической справке «Первые литературные шаги», напечатанной в 1911 г. в одноименном сборнике, составленном Ф. Ф. Фидлером (СПб.). Отрывок из нее см. на стр. 539 настоящ. тома.
[3] О переводчике А. Шольце см. стр. 159 настоящ. тома.

26. АНДРЕЕВ — Л. В. СРЕДИНУ

〈Царицыно. 26 мая 1902 г.〉

Встретил в Москве Ефима [1], и Ефим сказал, что вы с Софьей Петровной [2] хотите проехаться к Горькому. Другими словами — вы будете в Москве. А раз вы будете в Москве — неужели не заглянете вы к нам, в Царицыно?

Ждем вас всенепременнейше. В половине июня мы уедем на Волгу (будем, вероятно, и у Максимыча) [3] проездом числа до 10 июля, а все остальное время, до и после, безвыездно в Царицыне...

Автограф. ЦГАЛИ. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Ефим Зиновьевич *Коновицер* (1863—1916) — помощник присяжного поверенного, юрисконсульт частной оперы Зимина; одно время работал в редакции «Курьера» (1902—1903); переписывался с Чеховым и бывал у него в Ялте; был знаком и со Срединым.
[2] Софья Петровна — жена Средина.
[3] Свою поездку к Горькому Андреев осуществил лишь в июле.

27. АНДРЕЕВ — Ф. Д. БАТЮШКОВУ

〈Царицыно. 19 июля 1902 г.〉

...Пересылаю вам поклон А. М. Пешкова, от которого я только что вернулся...

Автограф. ГПБ, архив Ф. Д. Батюшкова. Датируется по почтовому штемпелю.

С Федором Дмитриевичем *Батюшковым* (1857—1920), историком литературы и критиком, Горький был знаком с конца 1890-х годов. В 1902—1906 гг. Батюшков был редактором «Мира божьего». О взаимоотношениях Горького и Батюшкова см. в статье Т. Ухмыловой и В. Голубева «Переписка М. Горького с Ф. Батюшковым» (МИ, т. II, стр. 249—262).

28. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 25 ... 26 июля 1902 г.〉

...Драма Максимыча — восторг [1]. Он как оглоблей хватит ею по лбу всех тех, кто толковал об упадке его таланта.

Если будете у него в Арзамасе, поговорите с ним о вводе меня в «Знание» в качестве компаньона [2]. Я говорил...

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого о получении «28 июля 1902 г.». Частично опубликовано в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 80.

[1] «На дне». Об этой пьесе идет речь и в письмах Андреева, № 29—31.
[2] О желании Андреева вступить в члены т-ва «Знание» Горький писал Пятницкому около 14—15 июля 1902 г. из Арзамаса: «Леонид выразил твердое намеренье вступить товарищем в „Знание"— помогите ему в этом, поскорее. Он говорит, чтоб я внес за него пай,— разумеется, я согласен» («Архив Горького», т. IV, стр. 94). В пайщики «Знания» Андреев не вступил.

29. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

〈Царицыно. Конец июля — начало августа 1902 г.〉

...Видел в Арзамасе Горького — отдыхает душою и работает. Ка-а-кую он драму закатил! Красота, сила, мудрость и нечто новое, зрелое, еще не встречавшееся у Горького. В постановке Художественного театра будет нечто невиданное...

ЛА, вып. 5, стр. 95.

30. АНДРЕЕВ — Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

〈Москва. Начало августа 1902 г.〉

...Был я в Арзамасе у Горького и слышал его новую драму: «В ночлежном доме» или «На дне» (он еще не остановился на том или другом заглавии). Сам Горький сильно изменился в сторону бодрости и подъема духа, а его новая драма — нечто неожиданное по силе, смелости и красоте.

Такою, по крайней мере, показалась она мне (здесь, в Москве, я слыхал, что Чехову драма не понравилась [1] — это не меняет моего взгляда). Берет Горький все тех же своих босяков и бывших людей, но есть нечто совершенно новое в сильно изменившемся и, я сказал бы, просветленном взгляде автора. Из романтика со всею бессознательною, хоть и красивою ложью романтизма он словно превратился в философа, настойчиво и мучительно ищущего смысла бытия. Он нагромоздил гору жесточайших страданий, бросил в одну кучу десятки разнохарактерных лиц — и все объединил жгучим стремлением к правде и справедливости. И я не знаю, хотел ли он того, или уж это случилось так, но драма его лежит на широчайших социальных основах. А написана она хорошо, так хорошо, что я послушал, послушал — да и запустил к чёрту свою начатую драмищу[2]. Почувствовал, как я еще молодо-зелено. И — «Мещане» его — в подметки не годятся!

ЛА, вып. 5, стр. 55—56.

Об отношении Андреева к пьесе «На дне» — см. также письма № 28, 29 и 31.

[1] Слухи эти оказались неверными. «Она нова и несомненно хороша,— писал Чехов о пьесе Горькому 29 июля 1902 г.— Второй акт очень хорош, это самый лучший, самый сильный, и я, когда читал его, особенно конец, чуть не подпрыгивал от удовольствия...» (А. П. Чехов. Собр. соч., т. XIX. М., 1950, стр. 314). 6 ноября того же года Чехов писал Ф. Д. Батюшкову: «„На дне"— пьеса хорошая; она, как говорят, измарана цензурой, но все-таки пойдет, и скоро начнутся правильные репетиции, к тому же есть надежда, что цензор сменит гнев на милость и кое-что возвратит пьесе...» (там же, стр. 372). Сохранились и другие одобрительные высказывания Чехова о пьесе.

[2] Имеется в виду задуманная Андреевым драма «Брат и сестра» (см. Переписка. № 79, а также далее письмо № 33).

31. АНДРЕЕВ — Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

〈Москва. Около 16 ... 18 августа 1902 г.〉

...Вероятно в пересказе «Русскими ведомостями» драмы «На дне» есть неправильности [1]. Пьеса написана с величайшим и даже удивительным тактом, и ненужных ужасов и дергающего нервы кровопролития и крика в ней нет. В первом акте умирает больная жена рабочего Клеща, и смерть ее так тиха, незаметна, так подготовлена предыдущим, что в общей картине жизни ночлежки является лишь правдивой подробностью. Такова же и смерть актера в четвертом акте. Он давится *за кулисами*, на сцене смерть его отмечают только таким незатейливым и кратким диалогом:

— Братцы, актер удавился.

— Эко дурак, всю музыку испортил!..

Компания пила водку и пела песни.

Центральное место: убийство Костылева в драке — написано прекрасно, с изумительным соблюдением меры. Драка большею своею частью происходит за сценой: самое убийство совершается в закоулке, опять-таки не на глазах зрителя. Правда, и при этих условиях впечатление ужасное, но оно, так сказать, обоснованно и необходимо.

Других смертей и ужасов нет. В четвертом акте много смешного — да и во всей пьесе юмору достаточно...

ЛА, вып. 5, стр. 57.

[1] Имеется в виду хроникальная заметка «Новая пьеса Максима Горького» («Русские ведомости», 1902, № 223, 14 августа).

25 августа Андреев выступил в «Курьере» с упреками по адресу печати, которая грубо обрушилась на Художественный театр, ставивший пьесу, и на ее автора (текст статьи Андреева — см. в настоящ. томе, стр. 480—482).

32. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Царицыно. 18 августа 1902 г.

...Завтра, послезавтра я кончу рассказ «В тумане» 〈...〉 Вопрос вот в чем: значителен ли этот рассказ? Стоит ли он всего этого шума и беспокойства? Этот вопрос я предоставляю решить вам и Максимычу, которому пошлю копию рассказа, ибо сам о рассказе *невысокого мнения* 〈...〉 Пожа-

ГОРЬКИЙ, К. П. ПЯТНИЦКИЙ И С. Г. СКИТАЛЕЦ
Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г.
Архив Горького, Москва

луйста, пришлите 〈карточку〉: мне хочется, чтобы мой стол был не хуже стола Максимыча, на котором уже есть ваш портрет...

Автограф. АГ.

К рассказу «В тумане» Горький относился положительно. Об этом свидетельствует то, что даже в 1933 г. он напомнил о нем члену редколлегии журнала «Литературная учеба» Е. С. Добину, рекомендуя включить рассказ в число тех произведений, которые будут подвергнуты аналитическому разбору на страницах журнала (XXX, 293).

О рассказе «В тумане» — см. Переписка, № 67, 79.

33. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

〈Москва. 30 ... 31 августа 1902 г.〉

...В бытность в Арзамасе у Горького слышал в его своеобразнейшем чтении своеобразнейшую пьесу «На дне». Дивная вещь — «Мещане» перед нею мальчишки и щенки! До того хороша, что думал я было сам драму писать, а послушал — и плюнул на свою драму, молодо-зелено! [1]...

«Русская литература», 1962, № 3, стр. 198.

[1] О том же — выше в письме к Н. К. Михайловскому (№ 30).

34. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 23 сентября 1902 г.

...Максимыч писал мне о сборнике «Знания» № 1. Дам рассказ, если не заболею [1]...

Автограф. АГ.

[1] В первый сборник «Знание» Андреев дал рассказ «Жизнь Василия Фивейского».

35. АНДРЕЕВ — И. А. БУНИНУ

〈Москва. 29 сентября 1902 г.〉

...Приехал Максимыч и сегодня вечером читает у меня свою драму [1]. Приходи обязательнейше и скажи о том же Юлию [2]. Будет Шаляпин!

Автограф. ЦГАЛИ. В конце письма рукою Бунина карандашная помета: «29 сент. 1902, Москва столица».

[1] Об этом чтении на «Среде» пьесы «На дне» рассказал в бакинской газете «Каспий» журналист Б. Борский: «В начале прошлого октября 〈здесь ошибка: чтение состоялось 29 сентября.— *А. Н.*〉 М. Горький читал свою драму „На дне“ в этом кружке, в небольшой уютной квартире Л. Н. Андреева. Я несколько запоздал, и, когда пришел, все уже были в сборе 〈...〉 Читал Горький превосходно,— на голоса, выдерживая интонацию голоса каждого действующего лица 〈...〉 С каждой новой страницей впечатление росло и усиливалось. И жгучей тоской жгло сердце. И когда Горький проронил заключительные слова Сатина:

— Эх... испортил песню... дуррак! —

мы почувствовали, как что-то темное и тяжелое, как мрак, перестало давить наши души... и все облегченно вздохнули 〈...〉

Затем запел Шаляпин и все остальные 〈...〉

Они, такие могучие и властные, заставляли верить в себя и в то, что народ, выделивший из себя таких людей,— могуч, силен и живуч.

Они — провозвестники правды на земле, и там, где они появились, там скоро будет лучше...» (1903, № 37, 13 февраля).

В ИМЛИ сохранилась телеграмма Андреева к Телешову с приглашением на то же чтение:

«Телешову Николаю Дмитриевичу

Москва. 29 сентября 1902 г.

Приехал Максимыч и сегодня вечером читает у меня свою драму. Приезжай с женой.

Л е о н и д»

Под текстом помета рукой Телешова о месте чтения пьесы: «Сред. Пресня, д. Гвоздевой. „На дне“»; на обороте его же рукой список присутствовавших на чтении пьесы: 1) Горький; 2) Шаляпин; 3) Андреев; 4) Скиталец; 5) Найденов; 6) Бунин; 7) Бунин; 8) Белоусов; 9) Голоушев; 10) Махалов (Разумовский); 11) Тимковский; 12) Телешов; 13) Хитрово» (ИМЛИ.— Судя по заметке Борского, на чтении присутствовали и другие приглашенные).

[2] Брат И. А. Бунина — Юлий Алексеевич (1857—1921) — литератор, один из активнейших деятелей «Среды»; сменил Телешова на посту председателя этого литературного объединения.

36. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

〈Москва. 14 октября 1902 г.〉

...На Буренина я, ей-богу, плюю [1]. Мне даже приятно. По существу он мой враг, а когда враг бранится, это радует сердце. Горькому, если хотите, я скажу [2],— но не целесообразнее ли в смысле успеха было бы поговорить с ним лично. Он будет в СПб. недели через полторы. Но ничего должно быть не выйдет: он совсем бросил писать рассказы и для своего «Курьера» я ничего не могу от него достать. Приезжайте на «На дне» — очень, очень приятно будет повидаться.

Автограф. ИРЛИ. Дата рукой Измайлова.

[1] Речь идет о статье Буренина «Критические очерки», напечатанной в «Новом времени» (1902, № 9549, 4 октября). В ней автор снова обрушивался на «аморальное» творчество Андреева. Спустя четыре месяца, 31 января 1903 г., Буренин выступил со статьей под тем же названием, в которой резко отрицательно отозвался о рассказе «В тумане», заявив: «Андреев снова наблудил» (№ 9666).

[2] Измайлов, видимо, просил Андреева воздействовать на Горького, чтобы тот дал рассказ для «Биржевых ведомостей», постоянным сотрудником которых был Измайлов.

37. АНДРЕЕВ — Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

〈Москва. Октябрь 1902 г.〉

...Ничего, кроме хорошего, от Пятницкого ожидать я не могу. Ведь он меня совокупно с Горьким вырвал из когтей Сытина[1], купившего у меня книжку за 350 рублей! (а в «Знании» я получил за год 6000 рублей). Без них я сейчас погибал бы за каторжной газетной работой...

ЛА, вып. 5, стр. 50.

[1] См. об этом Переписку, № 15—16.

38. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва.〉 2 ноября 1902 г.

...Относительно продажи книг Алексей (он вчера был у меня, только что приехал и порядочно развинчен), говорит, что это чепуха 〈...〉 Горький советует ехать в Крым, но это не подходит...

Автограф. АГ.

Речь идет о втором издании книги рассказов Андреева.

39. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

〈Москва. Декабрь 1902 г.〉

...Сведения дам с удовольствием[1]. Родился я в 1871 г. в Орле — там же учился в гимназии 〈...〉

Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изредка пишу статейки на общественные темы. Сильно помог мне в литературном отношении своими всегда дельными советами и указаниями Максим Горький...

ЛА, вып. 5, стр. 99—100.

[1] Сведения, изложенные Андреевым в письме, были опубликованы Миролюбовым в «Журнале для всех». См. ниже, № 40.

40. ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

〈Декабрь 1902 г.〉

...В 1898 г. я написал, по предложению секретаря «Курьера» И. Д. Новикова 〈Новика.— *А. Н.*〉, первый свой рассказ, пасхальный, и затем уже целиком отдался литературной деятельности, довольно разнообразной: одно время составлял судебные отчеты, писал фельетоны под различными псевдонимами и рассказы. Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изредка пишу статейки на общественные темы. Сильно помог мне в литературном отношении своими всегда дельными советами и указаниями Максим Горький...

«Журнал для всех», 1903, № 1, стр. 3—4.

По поводу этой заметки Андреев сказал Измайлову: «Я отнесся к этому требованию журнала недостаточно серьезно и не вполне взвешивая значение этой страницы» (А. А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 243). См. также в разделе «Горький об Андрееве», № 24.

41. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

〈Москва. Январь 1903 г.〉

...Ваше последнее письмо о «Тумане» пришло необычайно кстати 〈...〉 Только небольшой кружок лиц,— в числе коих, к моему удовольствию, находятся Горький и Чехов, хорошего мнения о рассказе...

«Утро», кн. 1. М.— Л., 1927, стр. 244.

Чехов писал 1 февраля 1903 г. О. Л. Книппер: «„В тумане" — очень хорошая вещь, автор сделал громадный шаг вперед; только конец, где распарывают живот, сделан холодно, без искренности» (А. П. Чехов. Собр. соч., т. XX. М., 1950, стр. 33).

Об этом же писал Чехов и самому Андрееву 2 января 1903 г.: «И „Иностранец" и „В тумане"— это два серьезные шага вперед. В них уже много спокойствия, авторской уверенности в своей силе, в них мало авторской нервности. Беседа отца с сыном „В тумане" сделана спокойно и за нее меньше не поставить, как 5» («Лит. наследство», т. 68, 1960, стр. 249).

Рассказ «В тумане» встретил неодобрительные отзывы в печати (см. Переписка, № 79). До нас дошло также свидетельство журналиста Скрибы (Е. Соловьева-Андреевича), опубликовавшего в «Одесских новостях» (1903, № 6030, 17 июля) статью-фельетон под названием «В Ясной Поляне». На вопрос Толстого, о чем он, Скриба, пишет— последний ответил: «Больше о текущем. Написал восторженную статью о „На дне".— Это, пожалуй, и напрасно,—ответил Толстой.—Эти босяки в плащах, в шляпах со страусовыми перьями и при шпагах могли бы уже набить оскомину. А еще о чем?— О „В тумане" Андреева. Пришлось в сущности ответить на массу писем в редакцию, которые вызвал рассказ.— Какие письма?— Почти такие же, какое поместила Софья Андреевна в „Новом времени". Я возразил, как мог...

— Это вот следовало сделать. Андрееву ли, или кому другому, во всяком случае следовало указать на факт этой ранней похотливости и того отвратительного выхода, который она себе находит. У Андреева это сделано грубовато, но в общем хорошо».

Андрееву, несомненно, была известна эта оценка Толстого.

Рассказ имел успех и в марксистской прессе. В. В. Воровский, говоря о развитии революционных настроений среди учащейся молодежи, писал: «Гимназист 〈из рассказа «В тумане».—А. Н.〉 идет еще дальше: он прямо принимает участие в революционной борьбе, вступает в революционные организации, участвует в политических демонстрациях, говорит пламенные речи толпе, с ним приходится серьезно считаться правительству, с ним приходится бороться...» (Сочинения, т. III. М.— Л., 1933, стр. 11).

42. АНДРЕЕВ — И. А. БУНИНУ

〈Москва. Январь 1903 г.〉

...Вчера, по возвращении со «Среды», нашел дома телеграмму от Максимыча: просит справиться о твоем рассказе [1] и поторопить тебя. Так вот. Торопись, чёртов кум!

〈...〉 Ей-богу! Не отставай от компании, не огорчай Максимыча!

Автограф. ЦГАЛИ.

[1] Речь идет, вероятно, о рассказе «Чернозем», который Бунин обещал дать для первого сборника «Знание» (он и был там напечатан).

Телеграмма Горького не сохранилась.

43. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Москва. 5 февраля 1903 г.

...О «В тумане» не хочется говорить — надоел он мне хуже горькой редьки. Вместо спора посылаю вам две вырезочки, с которыми я в значительной мере согласен (за исключением оценки художественной, ибо мне «Туман» с этой стороны не нравится).

Будьте другом, пришлите их обратно, присовокупив еще один экземпляр вашей статьи — Горький собирает их и просит присылать ему [1]...

Автограф. ЦГАЛИ. Опубликовано частично в журн. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 200.

[1] Горький неоднократно просил Пятницкого подбирать для него газетные и журнальные рецензии на произведения свои и Андреева.

ПРОГРАММА ПРЕМЬЕРЫ ПЬЕСЫ ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ, 18 ДЕКАБРЯ 1902 г.

Музей Художественного театра, Москва

1902

Среда, 18-го Декабря.

ВЪ 1-й РАЗЪ:

НА ДНѢ,

сцены въ 4-хъ дѣйств., соч. М. Горькаго.

Дѣйствующіе:

Михаилъ Ивановъ Костылевъ, содержатель ночлежки . . . . . Г. С. Бурджаловъ.
Василиса Карповна, его жена . . . . . Е. П. Муравьева.
Наташа, ея сестра . . . . . М. Ѳ. Андреева.
Медвѣдевъ, ихъ дядя . . . . . В. Ѳ. Грибунинъ.
Васька Пепелъ . . . . . А. П. Карлагинъ.
Клещъ, Андрей Митричъ, слесарь . . . . А. Л. Загаровъ.
Анна, его жена . . . . . М. Г. Савицкая.
Насѣя . . . . . О. Л. Книппер.
Квашня, торговка пельменями . . . . . Н. А. Самарова.
Бубновъ, каретникъ . . . . . В. В. Лужскій.
Сатинъ . . . . . К. С. Станиславскій.
Баронъ . . . . . В. И. Качаловъ.
Актеръ . . . . . М. А. Громовъ.
Лука, странникъ . . . . . И. М. Москвинъ.
Алёшка, сапожникъ . . . . . А. И. Адашевъ.
Кривой Зобъ, } крючники . . . . . Н. А. Барановъ.
Татаринъ, } . . . . . А. Л. Вишневскій.

Обитатели ночлежки, босяки и др.

Декораціи художника В. А. Симова.

Парики, грим- и прически гримера Я. И. Иванова-Гремиславскаго.

Начало въ 8 час. веч., оконч. въ 12 час. ночи.

РЕПЕРТУАРЪ:

Четвергъ, 19-го Декабря. Во 2-й разъ: „НА ДНѢ". (Билеты всѣ проданы).
Пятница, 20-го Декабря. Въ 16-й разъ: „ВЛАСТЬ ТЬМЫ".
Суббота, 21-го Декабря. Въ 3-й разъ: „НА ДНѢ".
Воскресенье, 22-го Декабря. Въ 4-й разъ: „НА ДНѢ".

Репертуаръ спектаклей съ 26-го Декабря 1902 г. по 6-е Января 1903 г. выпущенъ отдѣльными афишами.

Касса (средній подъѣздъ) открыта отъ 10 час. утра до 10 час. веч

Въ виду настойчивыхъ заявленій со стороны публики, Дирекція театра покорнѣйше проситъ занимать мѣста до открытія занавѣса и во время дѣйствія въ залъ не входить.

По положенію ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 6 мая 1863 года мнѣнію Государственнаго Совѣта и утверж. 20 августа 1892 г. правилъ таксовый сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній, платежъ Гербоваго таксоваго сбора, надлежащей формы, съ input билетовъ не удостоенъ.

Печ. разр. 14 декабря 1902 г. Моск. Обер.-Цензор. Генераль-Майоръ Грессеръ.

44. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. Конец февраля — март 1903 г.〉

...Думаю написать Алексею, но в то же время не решаюсь [1]. Если и это письмо он оставит без ответа, уничтожится последняя возможность примирения...

Автограф. АГ.

[1] Андреев имеет в виду гневную реакцию Горького на его поведение в Нижнем-Новгороде (см. об этом подробно — Переписка, № 81—83). 15 февраля Горький писал Пятницкому: «Видел Леонида пьяным — это отвратительно и ужасно, но помогает многое понять в его литературе. Возился я с ним целую ночь, едва не избил его, но все же — это полезно, хотя и страшно. Драму свою 〈«Брат и сестра».— *А. Н.*〉 он написал не только неумело, но и — бездарно, что, впрочем, сам понимает. Мы ее забраковали — я и Алексин—он согласился с нами и уничтожил. Это хорошо». Через два дня Горький

пишет ему новое письмо: «Нервы у меня взвинчены — до чёртиков, настроение — отвратительное. Причина — Андреев. Сей муж натворил здесь за три дня такую уйму всякого неподобного, что я прямо обалдел ⟨...⟩ Я имел объяснение с Леонидом, он довольно скверновато увертывался, а в заключение — напился. Не до той степени скотства, как первый раз, но все-таки — довольно основательно. Пьяный начал безобразить. Предложил я ему лечь спать — не пожелал, говорит — „Уйду". А уже 4 часа утра было. Ну, я снял с него сапоги и спрятал их. Он — обозлился. Кинулся на Алексина с ножом, но попал не в доктора, а в дверь.

Затем — мы его решили отпустить на все четыре стороны, он ушел, в сопровождении Малинина, в номера и вечером этого дня, не заходя уже ко мне, уехал в Москву, куда я дал телеграмму знакомым, чтобы его встретили и вытрезвили. Вот — внешняя сторона события. А внутренняя — такова: мне противно видеть Леонида Андреева, так омерзительно, так гадко, что по всей вероятности — мои к нему отношения уже не возобновятся в той форме, в какой были возможны до сей поры. Видеть литератора во образе скота — достаточно один раз, для того, чтоб потерять к нему уважение» (письмо написано между 17 и 19 февраля 1903 г.—«Архив Горького», т. IV, стр. 120—121).

Андреев глубоко страдал от разлада с Горьким и считал своим долгом сообщить о нем Пятницкому. «Вам, вероятно, известно, что отношения мои с Горьким изменились? Если нет, то мне кажется, я не должен скрывать это от вас»,— писал он 22 марта 1903 г. (АГ). См. также следующие письма.

45. АНДРЕЕВ — В. Ф. БОЦЯНОВСКОМУ

Москва. 17 марта 1903 г.

...Огромное влияние на мою судьбу оказал Горький. Он научил меня строгому отношению к работе и помог отыскать самого себя. Его благородная, почти нечеловеческая личность дала мне больше, чем все книги, которые я прочел, все люди, которых я знал. Я в жизнь поверил, узнавши Горького...

Полностью письмо напечатано в «Неделе», 1963, № 9, 24 февраля — 2 марта, стр. 10—11; вошло в сб. «Забытым быть не может». М., изд. «Известия», 1963, стр. 198—200.

Владимир Феофилович *Боцяновский* (1869 — 1943) — писатель и литературный критик. 22 марта 1903 г. выступил с докладом о творческом пути Андреева на заседании Русского библиографического общества в Петербурге. Письмо Андреева является ответом на просьбу Боцяновского прислать свою автобиографию. Боцяновский — автор первой книги об Андрееве («Леонид Андреев». СПб., 1903).

46. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. Конец мая 1903 г.⟩

Разрыв с Алексеем остается до сих пор тем, что болит, о чем нельзя позабыть никак. Думаю ежедневно очень помногу, ни к чему. Поступил он дурно: 1) усумнился во мне; 2) с обывательской недальновидностью смешал меня с пьяным человеком и дурной мой желудок, не позволяющий мне безнаказанно пить, поставил выше моего ума, сердца, всего, что знает во мне хорошего; 3) не ответил на письмо мое. Последнее особенно дурно, ибо свидетельствует о слишком многом. Нельзя у кого бы то ни было, даже у последнего мерзавца отнимать право объясниться — разве сейчас Алексей не расстреливает меня — не выслушавши моего последнего слова? Бесчеловечно, недостойно Алексея.

И как прежде люблю его, ценю и понимаю,— даже в том дурном, что он делает со мною. Люблю хорошею любовью.

Хотелось бы очень поговорить, писать трудно. Здоровье еще неважно, работать не могу. Эта история глубоко ранила меня ⟨...⟩ Напишите как живет Горький.

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого об ответе 29 мая 1903 г.

47. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва〉. 24 июня 1903 г.

...Да, вот еще что. Алексей Максимович рассчитывал, если не ошибаюсь, что для сборника я дам «Бунт на корабле» [1]. Но штука в том, что «Бунт» все как-то не дается мне, точно заколдованный, да и наконец — по значительности и своевременности темы «Жизнь 〈Василия Фивейского〉» не уступает ему. Это не значит, конечно, что она хороша, и моя настоятельнейшая просьба, чтобы вы послали рассказ Алексею Максимовичу для прочтения. Непоколебимо уверен, что наши изменившиеся отношения не составят к тому препятствия; и как был Горький для меня единственным человеком, мнением которого я безусловно дорожу, так и остался, что бы он обо мне ни думал. Здесь, впрочем, ставлю точку; трудно и тяжело говорить на эту тему...

Автограф. АГ.

[1] «Бунт на корабле» не был закончен Андреевым (см. о нем Переписка, № 35).

48. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. Конец августа 1903 г.〉

...При сем прилагаю письмо к Горькому [1]. Оно не запечатано, и мне очень хотелось бы, чтобы вы прочли его, так как горячее мое желание: иметь во всей этой истории, очень прискорбной, третье, беспристрастное

Годъ VIII. 1903. №. 1. Январь.

Журналъ для всѣхъ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный

литературный и научно-популярный.

Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 88, кв. 7.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ.

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ.

ОБЛОЖКА «ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСЕХ» С ПОРТРЕТОМ АНДРЕЕВА
1903, январь, № 1

Милостивый Государь

Въ настоящій моментъ, когда вся Россія приготовляется праздновать четвертьвѣковой юбилей А.П.Чехова, съ особенной силой выдвигается вопросъ, которымъ въ послѣднее время болѣзненно интересуется русское общество и товарищи Антона Павловича. Дѣло заключается въ поразительномъ и недопустимомъ несоотвѣтствіи между дѣятельностью и заслугами Антона Павловича передъ родной страною съ одной стороны и необезпеченностью его матеріальнаго положенія - съ другой.

Двадцать пять лѣтъ работаетъ А.П.Чеховъ, двадцать пять лѣтъ неустанно будитъ онъ совѣсть и мысль читателя своими прекрасными произведеніями, облитыми живою кровью его любящаго сердца, и онъ долженъ пользоваться всѣмъ, что дается въ удѣлъ честнымъ работникамъ - долженъ, иначе всѣмъ намъ будетъ стыдно. Создавъ рядъ крупныхъ цѣнностей, которыя на Западѣ дали бы творцу ихъ богатство и полную независимость, Антонъ Павловичъ не только не богатъ - объ этомъ не смѣетъ думать и не думаетъ русскій писатель - онъ просто не имѣетъ того средняго достатка, при которомъ много поработавшій и утомленный человѣкъ можетъ спокойно отдохнуть безъ думы о завтрашнемъ днѣ. Иными словами, онъ долженъ жить тѣмъ, что заработаетъ сейчасъ - печальная и незаслуженная участь для человѣка, на котораго обращены восторженные взоры всей мыслящей Россіи, за которымъ, какъ грозный укоръ, стоятъ двадцать пять лѣтъ исключительныхъ трудовъ, ставящихъ его въ первые ряды міровой литературы. Совсѣмъ недавно, на нашихъ глазахъ, маленькая страна, Польша, сумѣла проявить духъ великой человѣчности, щедро одаривъ Генриха Сенкевича, въ его юбилейный годъ - неужели въ огромной Россіи Антонъ Чеховъ будетъ предоставленъ капризу судьбы, лишившей его законнѣйшихъ его правъ.

Намъ извѣстенъ Вашъ договоръ съ А.П.Чеховымъ, по которому всѣ произведенія его поступаютъ въ полную Вашу собственность за 75.000 рублей, причемъ и будущія его произведенія не свободны: по мѣрѣ появленія своего, - они поступаютъ въ Вашу собственность за небольшую полистную плату, не превышающую обычнаго его гонорара въ журналахъ - съ тою огромною разницей, что въ журналѣ они печатаются разъ, а къ Вамъ поступаютъ навсегда. Мы знаемъ, что за года, протекшіе съ момента договора, Вы въ нѣсколько разъ успѣли покрыть сумму, уплаченную Вами А.П.Чехову за его произведенія; помимо отдѣльныхъ изданій разсказы Чехова, какъ приложеніе къ журналу „Нивѣ" должны были разойтись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и съ избыткомъ вознаградить Васъ за всѣ понесенныя издержки. Далѣе, принимая въ разсчетъ, что въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ Вамъ предстоитъ пользоваться доходами съ сочиненій Чехова, мы приходимъ къ несомнѣнному и печальному выводу, что А.П.Чеховъ получилъ крайне ничтожную часть дѣйствительно заработаннаго имъ. Безспорно нарушая имущественныя права Вашего контрагента, указанный договоръ имѣетъ и другую отрицательную сторону, не менѣе важную для общей характеристики печальнаго положенія Антона Павловича: обязанность отдавать всѣ свои новыя вещи Вамъ, хотя бы другія издательства предлагали неизмѣримо большую плату, должно тяжелымъ

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО К А. Ф. МАРКСУ — ИЗДАТЕЛЮ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА, С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ОСВОБОДИТЬ ПИСАТЕЛЯ ОТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ДОГОВОРУ, СТАВЯЩЕМУ ЕГО В ТЯЖЕЛОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, КОНЕЦ 1903 г.

Написано совместно Горьким и Андреевым. По настоянию Чехова письмо не было отправлено

Архив Горького, Москва

чувствомъ зависимости ложиться на А.П.Чехова и несомнѣнно отражаться на продуктивности его творчества.По одному изъ пунктовъ договора Чеховъ платитъ неустойку въ 5000 руб.за каждый печатный листъ,отданный имъ другому издательству - такимъ образомъ онъ лишенъ возможности давать свои произведенія даже дешевымъ народнымъ книгоиздательствамъ.И среди копѣечныхъ книжекъ,идущихъ въ народъ и на обложкѣ своей несущихъ имена почти всѣхъ современныхъ писателей,нѣтъ книжки съ однимъ только дорогимъ именемъ - именемъ А.П.Чехова.

И мы просимъ Васъ,въ этотъ юбилейный годъ,исправить невольную, какъ мы увѣрены,несправедливость,до сихъ поръ тяготѣющую надъ А.П. Чеховымъ.Допуская,что въ моментъ заключенія договора Вы,какъ и Антонъ Павловичъ,могли не предвидѣть всѣхъ послѣдствій сдѣлки,мы обращаемся къ Вашему чувству справедливости и вѣримъ,что формальныя основанія не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія.Случаи расторженія договоровъ при анологичныхъ обстоятельствахъ уже бывали - достаточно вспомнить Золя и его издателя Фаскеля.Заключивъ договоръ съ Золя въ то время,когда послѣдній не вполнѣ еще опредѣлился,какъ крупный писатель,могущій разсчитывать на огромную аудиторію,Фаскель самъ расторгъ этотъ договоръ и заключилъ новый,когда Золя занялъ во французской литературѣ подобающее ему мѣсто.И новый договоръ далъ покойному писателю свободу и обезпеченность.

Для фактическаго разрѣшенія вопроса мы просимъ принять нашихъ уполномоченныхъ: Н.Г.Гарина-Михайловскаго и Н.П. Ашешова.

Федор Шаляпин
Леонид Андреев
Л. Доронтий
Ю. Бунин

Горький
В. І. Дмитріева
Н. Телешов
А. Серафимович.
Е. Тагаевский

Сергѣй Елпатьевскій
Петръ Кошелькова
В. Вересаевъ
А. Купринъ
Н. Тимковъ
Иванъ Бунинъ
Викторъ Гольцевъ
С. Найденовъ
Евгений Чириковъ

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО К А. Ф. МАРКСУ — ИЗДАТЕЛЮ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА, КОНЕЦ 1903 г.
Архив Горького, Москва

лицо. Но если, по вашему соображению, Алексею неприятно будет чьелибо вмешательство, тогда прямо запечатайте и пошлите ему вместе с рассказом. Это будет последняя моя попытка не дать восторжествовать над людьми бессмыслице, и, надеюсь, Алексей поймет ее надлежаще.

Вы очень обрадовали меня, передав в письме его слова обо мне [2]. Без этого я не стал бы ему писать, хотя — вернее... написал бы. Не могу вместить, чтобы хороший человек так относился ко мне, и никогда не вмещу. И если суждено мне будет потерять Алексея — это будет для меня несчастьем непоправимым — как счастьем была встреча с ним. Не вижу необходимости скрывать это ⟨...⟩

В сущности, вы раньше Алексея должны были порвать со мной — помните, спектакль, который я устроил для вас? Боже мой! Всю жизнь боролся я с этим врагом, водкою, отнял он у меня здоровье, силы, много души и наконец друга — как раз в то время, когда постепенно начал побеждать я и уже стоял на перепутье к трезвости. Сам того не ведая, Алексей оказал мне услугу, быть может последнюю, но зато и самую крупную, ибо, когда начинает водка отнимать уважение честных людей, то это уже не болезнь, хотя бы серьезная, а вопрос жизни. Vae victis! *

Автограф. АГ.

[1] См. Переписка, № 83.— Отношения между писателями на этот раз скоро наладились (см. следующее письмо № 49).

[2] Это письмо Пятницкого к Андрееву неизвестно.

49. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

⟨Москва. 4 ... 6 октября 1903 г.⟩

...«Василий Фивейский» только еще на половине, и когда я его кончу, чёрту известно лучше, чем мне. Отдан он мною в сборник Горькому, и я уже в отрывках читал его этому самому Горькому [1] (с которым к великой моей радости я совершенно примирился).

ЛА, вып. 5, стр. 105. Датируется по времени окончания рассказа «Жизнь Василия Фивейского», а также примирения Горького с Андреевым.

[1] Отзыв Горького о рассказе — см. в разделе «Горький об Андрееве», № 27.

50. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. 6 ... 7 октября 1903 г.⟩

...Тороплюсь сообщить вам новость, которая вас порадует: мы с Алексеем помирились или, как бы это сказать — вернулись к старому. Во-вторых, я написал ему всё по чистой совести, в среду получил от него телеграмму [1] — милый человек! — а вчера он был у меня и будет сегодня.

Как я счастлив, вы, особенно вы, можете легко понять...

Автограф. АГ.

Датируется на основании аналогичного письма Горького к Е. П. Пешковой из Нижнего-Новгорода от 8 октября 1903 г. («Архив Горького», т. V, стр. 87).

[1] Эта телеграмма Горького Андрееву неизвестна.

51. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 9 октября 1903 г.

...Как выяснили мы в разговоре с Алексеем, в нынешнюю зиму выпустить второй том не придется, нет материала [1] ⟨...⟩

Так вот: могу я прожить ⟨...⟩ до второго тома или до драмы, которую решили мы (твердо) писать с Горьким? [2]

* Горе побежденным! (лат.).

Ближайшие три недели буду работать над «Фивейским»; а потом приеду ‹...› Читал я отрывками Алексею: замыслом он очень доволен, говорит, самое большое из всего, что написал [3]...

Автограф. АГ.

[1] О втором томе своих «Рассказов» Андреев писал Пятницкому 1—2 ноября 1903 г.: «В конце ноября приеду в СПб., мне хочется пожить у вас с Алексеем и тогда потолкуем о втором томе» (АГ).

[2] Драма «Астроном». Осуществить эту коллективную работу Горькому и Андрееву не удалось (см. о ней — Переписка, № 102).

[3] В письме к Пятницкому (без даты) Андреев сообщал: «Бешено заканчиваю рассказ. Пришлю через неделю с Горьким, или сам приеду с женой и привезу» (Автограф. АГ).

52. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

‹Москва. Не позднее 4 января 1904 г.›

...Только что вернулся из СПб. Читал твой рассказ [1]. Горькому понравился, и в одном месте сей нелепый человек прослезился.

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 286.

[1] Имеется в виду рассказ Серафимовича «Заяц», напечатанный в 5-м сборнике «Знание». Андреев читал его на «Среде».

53. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

‹Москва. Начало февраля 1904 г.›

...Пожалуйста, передайте прилагаемое письмо Алексею, когда увидитесь с ним. На почту я не особенно рассчитываю [1].

‹...› Беспокоит меня Алексеев ревматизм, ничего он, должно быть, с ногой не делает, и это может кончиться скверно...

Автограф. АГ.

Датируется началом февраля 1904 г., так как в этом письме Андреев говорит о появлении первого сборника «Знание», вышедшего в январе 1904 г.

[1] Вероятно, имеется в виду письмо от 6...7 февраля 1904 г. (Переписка, № 90). Андреев намекает на массовую перлюстрацию писем, практиковавшуюся в то время.

54. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

‹Москва. 7 ... 8 марта 1904 г.›

...Давно не получаю вестей от Максимыча. Где он?

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого: «Получ. 9 марта 1904 г.».

В течение января—июня 1904 г. Горький, уехав из Нижнего-Новгорода, побывал в Москве, Петербурге и Сестрорецке. Из письма Андреева к Пятницкому от 10—12 апреля 1904 г. видно, что он еще длительное время не получал вестей от Горького: «Если найдется минутка свободная, черкните,— просил Андреев.— А то ни о вас, ни о Максимыче ни слуху, ни духу» (Автограф. АГ).

55. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

‹Москва. 21 ... 25 марта 1904 г.›

...Двадцатое минуло, и финансы мои настолько мизерабельны, что даже «Весов» Максимычу выслать не могу [1]. Поклонитесь ему от меня и скажите, что над карманом моим тяготеет жестокий и загадочный Рок [2].

Автограф. АГ.

[1] В ряде писем Горький просил Пятницкого и Андреева высылать ему журнал «Весы» (см. Переписка, № 92).

[2] Шутливая реминисценция начала «Жизни Василия Фивейского» (ПССА, т. III, стр. 20).

56. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Ялта. 10 ... 12 мая 1904 г.〉

...Действительно, творится какая-то всероссийская чепуха. Можно осатанеть от злости, живя в этой проклятой России, стране героев, на которых ездят верхом болваны и мерзавцы. Если война не закончится революцией, то наступит такая черная, глухая, беспросветная реакция, от которой на стену полезешь. Сижу я здесь, спиной к России, и чувствую, как она там стонет, рычит, дичает, воет с голоду, с тоски, с бессмыслицы. Самодержавная бессмыслица — кошмар, а не жизнь 〈...〉 Жду Максимыча [1]...

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого о получении «15 мая 1904 г.»

Настроение Андреева в период подготовки революции 1905 г. характеризуется следующими строками из того же письма к Пятницкому: «Серьезно, очень хотелось бы знать, как отразилась война на „знаньевских" делах. Не думаю, однако, чтобы застой был продолжительным. Отпадет случайный читатель, тот, что еще привыкает только к книжке и колеблется на границе бульварного романа и серьезной беллетристики, и серединный интеллигент настолько уже обескультурен, что долго оставаться дикарем и глазеть хотя бы и патриотическими очами на резню и убийство—не может. Одно верно: мне, Скитальцу, Вересаеву и многим другим придется делать свою литературную карьеру почти сызнова — глубоко уйдет в прошлое то, что было до войны. И читатель будет новый, и требования у него будут новые, и песни ему нужно петь новые, и благо тому, у кого есть слух и голос. Очень для многих из нас, еще во цвете лет сущих,— начинается уже история. Конечно, какая будет война — ежели простая драка, так и говорить о ней нечего, но если нас будут долго и серьезно колотить, слово мое сбудется. И тем, кто от жизни,— будет сладко, а тем, кто от смерти и разрушения, как я,— придется солоно. Когда теперь я читаю о падении российских выигрышных билетов, мне кажется порою, что это не билет упал на целковый, а я — мы — чёртовы сыны».

[1] Горький приехал в Ялту лишь 7 сентября 1904 г., Андреев же уехал оттуда в июне.

57. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

〈Ялта. Июнь 1904 г.〉

...С рассказом о царе, видимо, вышло недоразумение. Горькому рассказ этот не понравился: замысел он одобряет, но исполнение ругает, и я в значительной мере с ним согласен [1].

Как иногда случается, я хотел написать простенький, маленький и дешевенький рассказ,— чтобы отдохнуть,— но залез в трясину и получилось: взрослый человек в курточке ребенка 〈...〉

Напишите, если удосужитесь, как понравились вам «Евреи» Юшкевича. Я сильно расхожусь в оценке Юшкевича с Горьким [2] и некоторыми другими приятелями, и мне очень хотелось бы услыхать беспристрастный голос со стороны...

«Утро», кн. 1, 1927, стр. 248.

[1] Имеется в виду незаконченный рассказ Андреева о царе Навуходоносоре — см. о нем Переписка, № 97. В своих воспоминаниях «О Леониде Андрееве» («Утро», кн. 1, 1927, стр. 240—252) Бернштейн приводит цитаты из этого рассказа, с которым он познакомился, будучи в гостях у Андреева.

[2] «Евреи» Юшкевича напечатаны во 2-м сборнике «Знание».

58. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

〈Москва. Июнь ... август 1904 г.〉

...Горький просит твой рассказ о мужике [1] для сборника чеховского или знаниевского по обычной сборниковской расценке 〈...〉 Последние дни пришлось хохотать до сведения челюстей и разговаривать (особенно с Горьким) до новых трещин в языке.

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 286.

[1] Рассказ Серафимовича «Заяц». См. о нем выше письмо № 52.

59. АНДРЕЕВ — В. В. КАЛЛАШУ

〈Москва. Конец июля 1904 г.〉

...Это очень неприятное недоразумение выросло из того, что Горький сказал мне: «Напиши воспоминания о Чехове», а я ему ответил: «Не стану писать, так как ничего не знаю».

И теперь я получаю письма и телеграммы с просьбой поторопиться представить «рукопись» в цензуру, и некоторые меня ругают, думают, что я уклоняюсь 〈...〉

Но я ничего не писал о Чехове [1]. И не буду писать, так как действительно не могу сказать ничего такого, что уже не было бы известно 〈...〉

Конечно, если бы у меня было что написать, я счел бы долгом и удовольствием прочесть в ОЛРС. Но уверяю вас: ничего нет...

Автограф. ИРЛИ.

Владимир Владимирович *Каллаш* (1866—1918)— историк литературы, секретарь Общества любителей российской словесности (ОЛРС).

[1] О переписке Андреева с Горьким по поводу сборника, посвященного памяти Чехова,— см. Переписка, № 114.

60. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. Сентябрь ... октябрь 1904 г.〉

...Алексея со среды не видал. Какой-то он смутный, далекий, и очень я его люблю. Дело!...

Автограф. АГ.

61. АНДРЕЕВ — М. П. НЕВЕДОМСКОМУ

〈Москва. Около 20 октября 1904 г.〉

...С Миролюбовым было собеседование (Чириков, Серафимович, Скиталец, Бунин и я) и кончилось — миром [1]. Религиозный вопрос насмарку и всё по-прежнему и мы у него работаем. На днях для начала посылаю ему маленький рассказ [2]. Как Горький, не знаю. Но если вы и Франк (читал его о Ницше и очень мне понравилось [3]) войдете в редакцию, то журнал можно будет спасти.

〈...〉 Относительно газеты [4] скажу то же, что и Горький, ибо та комбинация, о которой он говорил, касается также меня. Речь идет об основании в Москве новой газеты [5]. Если устроится, то, конечно, придется целиком отдаться ей, а если нет — ваш слуга. Вопрос выяснится на днях (Горький 20-го приезжает в Москву, и на днях я напишу вам о результате), ибо тогда в свою очередь будем просить вас о том же, о чем сейчас говорите вы мне.

«Искусство», 1925, № 2, стр. 266—267.

[1] О конфликте писателей-знаньевцев с Миролюбовым — см. Переписка, № 110.

[2] Рассказ «Вор» был отклонен Миролюбовым (ЛА, вып. 5, стр. 113).

[3] Статья Франка, о которой упоминает Андреев, «Ницше и этика любви к дальнему» — в сб. «Проблемы идеализма». М., 1903.

Семен Людвигович *Франк* (1877—1950)— философ-идеалист, которого Ленин причислял к «контрреволюционным либералам России» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 361). В 1900 г. выступил с книгой «Теория ценности Маркса», где критиковал марксизм. В 1909 г. опубликовал в «Вехах» статью «Этика нигилизма». В 1922 г. был выслан из Советского Союза.

[4] Андреев подразумевает газету «Наша жизнь», куда его приглашал Неведомский.

[5] Андреев имеет в виду попытки Горького создать социал-демократическую газету (см. Переписка, № 118, прим. 1). В декабре 1904 г. Горький писал Е. П. Пешковой из Петербурга: «Приехал сюда устраивать седую 〈социал-демократическую.— *А. Н.*〉 газету, а то „Наша жизнь“ очень уж либеральна» («Архив Горького», т. V, стр. 145). Осуществить это намерение тогда не удалось. Первая легальная большевистская газета «Новая жизнь» была создана только в конце 1905 г. (выходила с 27 октября по 3 декабря 1905 г., последний номер вышел уже нелегально).

62. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. Конец октября ... начало ноября 1904 г.〉

...Очень много и очень хорошо виделся с Алексеем. Он произвел на меня прекрасное впечатление — так он помолодел и так много в нем какой-то особенной свежести. «Дачники» [1] его, по-моему, вещь неудачная, но это хорошо в том смысле, что следующую вещь он напишет *очень хорошую*.

Автограф. АГ.

[1] О «Дачниках» — см. Переписка, № 98.

63. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 9 ноября 1904 г.〉

...Алексей сегодня, 9-го, по его словам должен быть в Москве [1]: если он оказался случайно в СПб.— передайте ему мое величайшее изумление: во 1) по поводу того, что он в СПб., а не в Москве, 2) по поводу его крайне превратного толкования слова «либерал» [2]. А относительно пьесы скажите, что своей писать я не стану, а зато я придумал для Гамлета великолепный третий акт: Гамлет поступает в русские министры и спрашивает:

— Бить или не бить? Если бить, то самого, пожалуй, побьют — по высочайше утвержденному образцу; а если не бить, то меня опять-таки побьют 〈...〉 Скажите также Алексею, что если бы я знал твердо, что он в СПб.— я бы ему написал; если бы я знал твердо, что он в Москве, я бы к нему пошел. Но я ничего не знаю твердо.

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого о получении «13 ноября 1904 г.».

[1] Горький был в Москве с 20 до 23 октября 1904 г.; в ноябре он в Москву не приезжал.

[2] Вероятно, Андреев имеет в виду письмо Горького от 23 октября — см. Переписка, № 116.

64. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 4 декабря 1904 г.〉

...Очень обеспокоился сегодня газетным известием о болезни Алексея и подумал: уходят-таки они малого. Но получил от Алексея ответ [1], что пустяки — инфлуэнца. Хорошо, если так, у меня, у самого, кстати, инфлуэнца — дрянная, московская...

Автограф. АГ. Дата поставлена Пятницким.

[1] См. Переписка, № 130.

65. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 14 января 1905 г.〉

...О нашем большом горе — аресте Алексея [1] и болезни Марии Федоровны [2] писать не стану: тут ничего не скажешь. Сегодня получил телеграмму, что Марии Федоровне лучше — хоть бы она поправилась! Вот уж прийдет беда 〈...〉

В Москве забастовка, кажется, разгорается, хотя настроение еще не определилось 〈...〉 «Среда» задумала к концу марта издать сборник с благотворительной целью; литературный материал весь соберу я, а издать она просится у «Знания»...

Автограф. АГ. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Об аресте Горького — см. Переписка, № 134.

[2] О болезни М. Ф. Андреевой Горький писал Е. П. Пешковой 9 января 1905 г. (XXVIII, 349).

ПЬЕСА ГОРЬКОГО «ДЕТИ СОЛНЦА» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ. ПЕТЕРБУРГ, 1905 г.
Сцена из второго действия
Фотография
Музей Горького, Москва

66. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. 1 февраля 1905 г.〉

...Большое спасибо за весть об Алексее [1]. Думаю, что ничего серьезного быть не может. Единственная в своем роде агитация, поднятая в «защиту Горького» на Западе и в Америке, также несомненно сослужит свою службу. Трогательно и романтически-красиво поступили немцы [2]. Толстой и Алексей скоро создадут в России закон о «неприкосновенности» литератора 〈...〉

Если еще в тюрьме увидите Алексея, поцелуйте его от меня...

Автограф. АГ. Частично опубликовано в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 87—88.

[1] Имеется в виду арест Горького 11 января 1905 г. Пятницкий поддерживал с Горьким живую связь и многим содействовал его освобождению из Петропавловской крепости.

[2] Газета «Berliner Tageblatt» выступила 15 (28) января 1905 г. (№ 52) с воззванием «Спасите Горького!». Воззвание подписали писатели Эрнст фон Вильденбрух, Фриц Маутнер, Пауль Линдау и др., многие редакции берлинских газет, общественные деятели и ученые. 16 января перепечатано в центральном органе немецких социал-демократов «Vorwärts». На призыв «Berliner Tageblatt» откликнулись также все организации, учрежденные в память Гете в Берлине. Под петицией подписались Г. Гауптман, Г. Зудерман и мн. др.

Под протестом против ареста Горького собрала много подписей французская социалистическая газета «L'Humanité»; среди них были имена А. Франса, О. Мирбо, скульптора О. Родена. Большая кампания в этом направлении развернулась и в Англии: в Лондоне «Воззвание» среди многих других подписали Суинберн, Дж. Мередит, Томас Гарди (см. «Новости и Биржевая газета», 1905, № 12 и 13, 14 и 16 января). Этот протест передового общества в связи с арестом Горького был отмечен Лениным в статье «Трепов хозяйничает»: «За границей началась энергичная кампания среди образован-

ного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 112). Вскоре после освобождения из крепости Горький обратился с благодарственным письмом в редакцию немецкой газеты «Berliner Tageblatt» («Архив Горького», т. VIII, стр. 176—177).

67. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва.〉 5 февраля 1905 г.

...Самое главное, о чем я убедительно вас прошу — не оставляйте меня в неизвестности относительно Алексея. Почему держат его и Пешехонова [1], когда все уже выпущены? Пожалуйста, Константин Петрович, поймите, как тяжела неизвестность — да еще при наличности всяких пугающих слухов 〈...〉 Получил от Марии Федоровны довольно обширное и веселое — шутливое — письмо [2]. К счастью, здоровье ее лучше, и эта самая огромная тяжесть снята теперь с души...

Выпустят скоро Алексея, и все наладится. Хотя — самое страшное, по-видимому, впереди, нынешняя весна много даст красных цветов. Люди уже потеряли власть над событиями, начали действовать стихии, и что даст революция, умноженная на войну, на холеру, на голод,— невозможно решить. А в итоге будет хорошо — это несомненно...

Автограф. АГ.

[1] А. В. Пешехонов в 1905 г. был арестован вместе с Горьким и заключен в Петропавловскую крепость за участие в депутации писателей и ученых к министру Витте с требованием предотвратить кровопролитие.

Горького задержали в одиночной камере Трубецкого бастиона дольше других, так как его обвинили в посягательстве на ниспровержение государственной власти. 12 февраля 1905 г. Горький был переведен из крепости в дом предварительного заключения, а 14 февраля освобожден до суда под залог в 10 000 рублей (их внес Пятницкий из средств т-ва «Знание») и выслан в Ригу.

[2] Письмо М. Ф. Андреевой неизвестно.

68. АНДРЕЕВ — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

〈Москва.〉 6 февраля 1905 г.

...События идут так быстро, что нет возможности ориентироваться и подвести итоги. Они в будущем, эти итоги, а сейчас ясно одно: Россия вступила на революционный путь. Не знаю, в каком виде доходят до вас события, вероятно, значительно смягченные, и знаете ли вы, что в России действительно революция. Несколько баррикад, бывших в СПб. 9 января, к весне или лету превратятся в тысячу баррикад. В России будет республика — это голос многих, отдающих себе отчет в положении дела 〈...〉

Горький и Пешехонов еще сидят в Петропавловке [1]; за границей и в России ведется сильная агитация в пользу Горького, но результатов еще никаких [2]. Когда Горького арестовали, Мария Федоровна была опасно больна, почти при смерти, но теперь поправляется. Навещает Горького Екатерина Павловна (жена).

Вы поверите: ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции. Вся жизнь сводится к ней,— даже бабы, кажется, рожать перестали, вот до чего. Литература в загоне — на «Среде» вместо рассказов читают «протесты», заявления и т. п.

«Дачники» Горького оказались неудачной, слабой вещью, мелко обличительного характера. Она помещена в III сборнике «Знания», который посылаю вам без надежды, однако, что дойдет. Там же вы найдете мой «Красный смех» — дерзостную попытку, сидя в Грузинах [3], дать психологию настоящей войны [4]. Как его пропустила цензура,— тайна Пятницкого; в подцензурных газетах даже о рассказе писать не позволяют.

Миролюбов со всеми нами, кроме Горького, помирился и Волжского бога убрал [5]. Горький, между прочим, совершенно порвал с Художественным театром и перешел к Комиссаржевской[6]...

В е р е с а е в, стр. 405—406.— В то время Вересаев находился в Манчжурии на театре военных действий.

[1] В Отделе рукописей Ленинской библиотеки сохранился набросок воспоминаний жены Пешехонова — Антонины Федоровны, являвшейся живой свидетельницей тех событий:«В четыре часа ночи〈...〉пришел Алексей Васильевич,—пишет она.—Он вместе с Горьким, Анненским, Мякотиным, Семевским, Кареевым, Гессеном и Виттенбергом в эту ночь был делегатом от писателей и ученых у Витте. Они явились после настойчивых переговоров о допуске, к министру ночью с просьбой, скорее требованием отменить подготовляемое военное нападение на ожидаемую в воскресенье демонстрацию безоружных рабочих 〈...〉 По городу распространился слух, что делегацию, направленную к Витте, принимают за избранное Временное правительство и что арестованных ожидает жестокое наказание, вплоть до лишения жизни.

Слухи оказались неверными. Довольно скоро освободили пять человек, а затем и других. Упорно задерживали А. М. Горького и А. В. Пешехонова 〈...〉 Сырость в камерах начала сказываться на здоровье Алексея Максимовича и Алексея Васильевича. Они были переведены в больницу Крестов 〈...〉 В Крестах им разрешили сесть в карету и вместе с П〈ешковой〉 и — в жандармское управление. Здесь А. В. и А. М. вызвал к себе ротмистр и сообщил им, что „они должны выехать в какой пожелают город, без права въезда в Петербург". Алексей Максимович назвал Ригу, а Алексей Васильевич — Псков 〈...〉

Даже на короткий срок Алексею Максимовичу не позволили отлучиться. Поэтому ему нужно было спешно уведомить Пятницкого о месте своего пребывания. Один из жандармов охотно согласился это сделать и получил золотой на чай 〈...〉

Вскоре пришел Пятницкий. В течение дня он несколько раз приходил и уходил, исполняя поручения Алексея Максимовича. Несмотря на то, что у Горького в связи с внезапным отъездом в Ригу было много забот, связанных с литературной работой, а отчасти и бытового характера,оживленный разговор у нас продолжался все время 〈...〉

Алексея Максимовича провожало много друзей. Приехал вместе с Пятницким и маленький Максим...» (ЛБ).

[2] См. прим. к письму № 66.

[3] Грузины — старое московское название района Грузинских улиц и переулков (Андреев жил на Б. Грузинской, в доме Шустова).

[4] О «Красном смехе» Андреев писал Вересаеву также в ноябре 1906 г. (В е р е с а е в, стр. 409).

[5] Об этом — см. Переписка, № 110.

[6] Об отношениях Горького с Художественным театром в связи с пьесой «Дачники» — см. Переписка, № 122. Горький передал ее театру Комиссаржевской, где она и была поставлена. В 1905 г. в театре Комиссаржевской и одновременно в Художественном театре шли «Дети солнца».

69. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

Териоки. 8 августа 1905 г.

...Живем мы в Финляндии — дивная страна 〈...〉 Горький уже уехал в Москву 〈...〉 Максимыч очень хвалит твой последний рассказ [1], недоволен только фигурой столяра, либо кого-то другого. К суждениям Максимыча относись с осторожностью: он стал очень прямолинеен и в некотором отношении фанатичен...

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 291.

[1] Возможно, что речь идет о рассказе Серафимовича «Среди ночи» (9-й сборник «Знание», 1906).

70. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

〈Москва. Сентябрь 1905 г.〉

...Вы правы: я жестокий обыватель. Мне нужен и хороший обед, и сон после обеда, и многое другое, без чего прекрасно обходится тот же Горький, отрицающий обывательщину не только мыслью, но и жизнью своею; но и к свинству я не способен, не способен и ко лжи...

«Утро», кн. 1, 1927, стр. 249.

Письмо Андреева является ответом на упрек Бернштейна в том, что Андреев не принял его в условленное время.

71. АНДРЕЕВ — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Москва. Середина ноября 1905 г.〉

Дорогой Георгий Иванович!

Давно хотел написать вам, но вот с полмесяца сильно хвораю и даже разучился, кажется, говорить по-человечески. Зайцев сказал, что вы увидели дурной смысл в моем отказе видеться с вами в тот вечер, как вы зашли ко мне. Не знаю, что сказала вам моя прислуга, но дело было так: у меня был Горький, один, и мы вели с ним, точнее, предстоял разговор, очень важный, конфиденциального характера разговор (о делах личных). На следующий день Горький предполагал уехать в СПб., так что перенести разговор на другое время не представлялось возможности. И я просил передать вам мое извинение и просьбу прийти на другой день утром — и все утро в среду я ждал вас, так как, помимо прочего, имел в виду пригласить вас на «Среду».

Очень извиняюсь, если невольно обидел вас. Я не люблю говорить на ветер и политично расшаркиваться, и вы должны верить, что к вам я отношусь с искренней, ничем не нарушаемой сердечностью. Пусть я буду не совсем согласен с тем, что вы пишете,— это не может иметь значения для наших личных отношений, как и то — как к вам относится Горький или кто бы то ни было другой. Я очень люблю Горького, но это не мешает мне иметь приятелей среди людей, к которым он относится совершенно отрицательно. А к вам, между прочим, я такого отношения с его стороны не заметил.

Очень жаль, очень неприятно, что так вышло. Я очень дорожу нашими отношениями, и если это недоразумение, в котором вина во всяком случае на моей стороне, повредит им,— будет очень тяжело.

Пишу мало, так как трудно ворочать мыслями. Но не хотелось дольше откладывать письмо.

Ваш Леонид Андреев

Автограф. ЛБ. Письмо без даты; написано, видимо, незадолго до отъезда Андреева за границу.

Это письмо Чулков не включил в сборник «Письма Леонида Андреева». Л., 1924 (там опубликовано 17 писем к Чулкову). Экземпляр книги с пометами Горького сохранился в его личной библиотеке.

72. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Берлин.〉 28 ноября 1905 г.

...Как вам известно, «Дети солнца» [1] отданы в «Kleines Theater», где и «На дне», но от того Малого театра, где «На дне» имело такой колоссальный успех [2], остались одни стены: Рейнхард продает его вместе с пьесами, сам со своей прежней труппой действует в «Deutsches Theater»...[3]

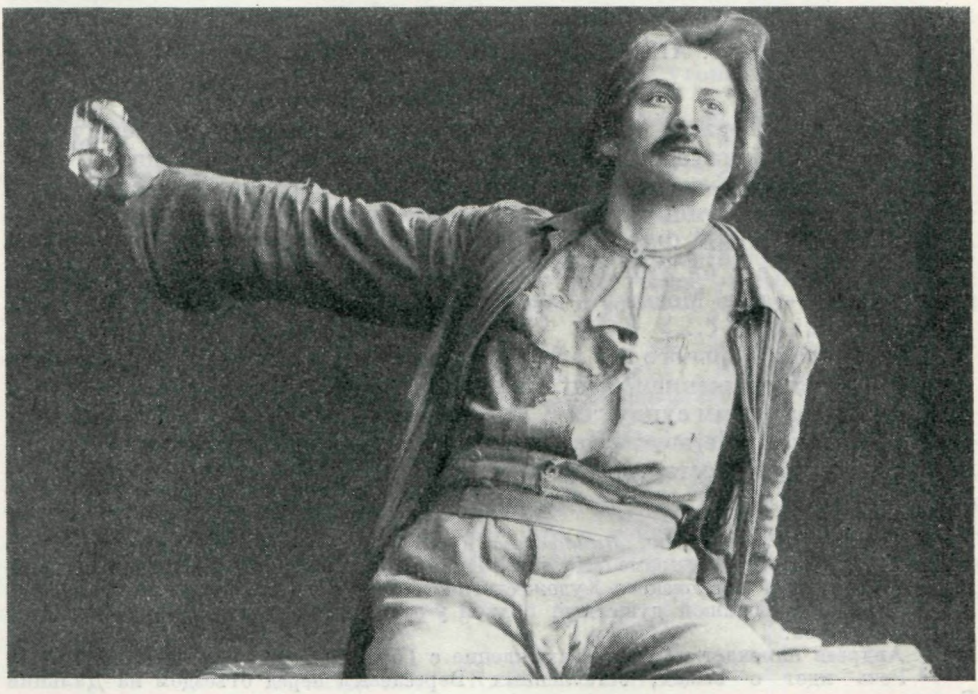
Автограф. АГ.

Это первое письмо Андреева из-за границы. Уезжая, Андреев предполагал, что едет не больше, чем на три месяца. Около 22...23 октября 1905 г. он пытался объяснить свой отъезд Пятницкому: «Жизнь в Москве становится для меня невозможною. И через участок 〈постоянная слежка за Андреевым полиции.— *А. Н.*〉 и другими путями (толпа, собирающаяся ночью у двери и выражающая желание „убить сволочь" и т. п.) я получаю предостережения и уже два раза должен был перекочевывать с семьей на разные квартиры. В связи со всякими личными делами, это делает положение скверным, утомительным: мешает работать и просто жить 〈...〉 Конечно, меня будут ругать, что я „удрал" за границу в такой момент, но все это вздор: я моменту ни на кой чёрт не нужен» (АГ).

В Берлине Андреев был охвачен мрачными настроениями в связи с ходом революции 1905 г. 16(29) декабря он писал Пятницкому: «Трудно думать и говорить о чем-нибудь другом, кроме героической и несчастной Москвы.

Неужели она так и будет предоставлена самой себе и пушкам? Чем-то очень тяжелым, похожим на измену, представляется спокойствие СПб.

Немцы — радуются. Как глубоко ошибался Алексей и другие, думая, что заграница — сочувствует, что заграница — сама накануне такой же революции. Социал-демократы — да, но их так мало, они так незаметны; как капля соленой воды, как слеза, они растворяются в море пресного мещанства. Почти вся немецкая печать — за двумя-тремя исключениями — радуется каждой неудаче революционеров, инспирирует, шипит. О русских делах сообщают очень мало, столько же, сколько о передвижении ихнего кайзера по Берлину, и называют их: „Беспорядки. Хаос в России". Впечатление такое, точно сидишь в редакции „Нового времени". Не чаю, как убраться



АКТЕР РИХАРД ВАЛЛЕНТИН В РОЛИ САТИНА ИЗ ПЬЕСЫ ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»
Постановка в Берлинском «Kleines Theater», 1903
Фотография
Музей Горького, Москва

отсюда. Сведения почерпаю из русских газет (почти единственная здесь — „Новое время"); читать страшно. Я думал, что буря эта разразится только весной; знал бы — сил бы не хватило уехать 〈...〉 Как Горький? Как другие?» (АГ).

[1] О пьесе Горького «Дети солнца» — см. Переписка, № 136.

[2] В 1903 г. пьеса «На дне» имела особенный успех в Германии, в частности в Берлинском Малом театре. «Стены едва могли вместить ту массу интеллигентной, избранной публики,— которая собралась 23 января смотреть новое представление новой пьесы М. Горького „На дне", названной немецким переводчиком „Nachtasyl" („Ночлежка"),— сообщала Э. К. Пименова.— Это первое представление русской пьесы увенчалось еще небывалым доселе успехом, какой не выпадал в Германии на долю ни одного из современных драматических писателей, германских или иностранных 〈...〉 Вся немецкая печать без различия направлений единогласно признала пьесу Горького самым выдающимся событием нынешнего театрального сезона 〈...〉 „Франкфуртская газета" писала: „Редко можно найти писателя, который бы так смело решился перешагнуть через все традиции театральной практики и законы драматического действия, как это сделал Горький в своей новой пьесе". Газета „Der Tag" восторженно делилась с читателями: „Максим Горький — наименее искусный из драматургов, одержал полнейшую победу; он оставил за собой Метерлинка и Гауптмана. Он доказал самым неоспоримым образом, как мало значит техника в искусстве, и подтвердил, что поэзия, корни которой гнездятся в человеческом сердце, может снести одним дуновением,

словно карточные домики, все изощрения драматургов. Это было великою победою искусства, которое является прежде всего религиею" ⟨...⟩ Особенно хвалят актера Рейнгардта, игравшего философа-старца Луку...» («Мир божий», 1903, № 4, стр. 80—82). В 1904 г. Горький писал Рейнгардту: «Мои знакомые, видевшие „На дне" в вашем театре,— восторженно отзываются об игре артистов и тонком понимании, проявленном вами в постановке этой пьесы» (XXVIII, 345).

В 1906 г. Макс Рейнгардт организовал большой вечер, посвященный творчеству Горького, на котором сам выступил с монологом Луки (на немецком языке). Горький же с огромным успехом прочитал «Песню о соколе» (см. воспоминания В. И. Качалова — «М. Горький в воспоминаниях современников». М., 1955, стр. 214—215).

[3] Имеется в виду Немецкий театр в Берлине.

73. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Берлин.⟩ 11/24 декабря 1905 г.

...Сегодня в Берлин приехал Вишневский [1] и сообщил мне между прочим, что Алексей находится сейчас в СПб. и вероятно будет жить в Финляндии. Стало быть, вы его видели и видите, напишите парочку строк, если найдется свободная минутка, как он себя чувствует, как его здоровье — и как живет Мария Федоровна. И во всяком случае — поцелуйте его от меня; через вас он этот поцелуй примет [2]. Если узнаю, что он в СПб., напишу ему — а в Москву — писать не хочется: сколько ни пишешь, а ответа никакого ⟨...⟩

Читал, что у Горького и у вас в «Знании» был обыск; вероятно, вы знаете, что перед сражением был обыск у меня в Москве, искали оружия: не везет вересаевским сундукам [3], второй раз их вскрывают и перерывают.

⟨...⟩ Видел в Kleines [4] «На дне» — отвратительно поставлено, лживо по форме и по существу.

Автограф. АГ.

[1] Александр Леонидович *Вишневский* (1861—1943) — артист Художественного театра; играл татарина в драме «На дне». Приезд Вишневского был вызван предстоящими гастролями Московского Художественного театра в Берлине.

Это вызвало большой душевный подъем у оторванного от России и тоскующего по ней Андреева.

[2] Андреев намекает на свое расхождение с Горьким (см. Переписка, № 139).

[3] Речь идет о вещах, оставленных Вересаевым перед отъездом на Дальний Восток.

[4] Малый театр в Берлине. См. прим. к письму № 72.

Когда Андреев смотрел «На дне» в Берлине, в спектакле участвовали другие актерские силы.

74. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Мюнхен.⟩ 17 января 1906 г.

...«Дети солнца» в Берлине имели, по-видимому, полный неуспех [1]. Не знаю, какова была постановка — газеты пишут — хорошая, но я не верю; несомненно, что в провале пьесы имело значение положение Горького в России как радикала, социал-демократа: буржуазная печать ищет лужи, в которой утопить бы его. Во всяком случае нападки не соответствуют недостаткам пьесы.

⟨...⟩ Вот место, куда мог бы поехать Алексей [2].

Автограф. АГ.

[1] См. письмо Горького о постановке «Детей солнца» в «Kleines Theater» (Малом театре) («Архив Горького», т. IV, стр. 197), а также письмо М. Ф. Андреевой к Пятницкому от 3 марта (н. с.) 1906 г. из Берлина («М. Ф. Андреева». М., изд. «Искусство», 1963, стр. 107).

[2] Андреев имеет в виду Мюнхен как подходящее место для отдыха Горького. В этом же письме он положительно отзывается об этом городе, где пробыл около месяца. Оттуда Андреев направился сперва в Лозанну, затем в Глион (Швейцария), где встретился с Горьким.

75. АНДРЕЕВ — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Мюнхен. Конец января 1906 г.〉

...Какими иногда рабами самих себя, рабами слов и названий кажутся мне и Брюсов с В. Ивановым, с одной стороны, и Горький — с другой.

И какие это прилежные и старательные рабы!

От последних «Северных цветов» (ассирийских), которые я увидел только теперь, пахнет потом невыносимо [1].

И как они не поймут, что раз все они так похожи друг на друга, то стало быть один из них только прав, а остальные — лгут 〈...〉

Вы знаете, наверно: «Дети солнца» в Берлине провалились; ругают их анафемски. По-видимому, имело значение то, что Горький — крайний, и вся буржуазная печать ищет лужи, в которой утопить бы его...

«Письма Леонида Андреева», стр. 20 и 22. Датируется по связи с предыдущим письмом к Пятницкому.

[1] В «Северных цветах, ассирийских», альманахе книгоиздательства «Скорпион» (М., 1905), помимо стихов символистов, в том числе В. Брюсова и Вяч. Иванова, были опубликованы трагедии Брюсова «Земля» и Вяч. Иванова «Тантал». Тематика альманаха была далека от современности.

Письмо написано в период начавшегося расхождения Андреева и Горького. Андреев считал (это нашло отражение в его дальнейшей переписке с Горьким), что Горький стал слишком догматичным в своих суждениях, сам же он относился к модернистам всегда отрицательно.

76. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Мюнхен.〉 10 февраля 1906 г.

...Очень огорчает меня, что я не имею никаких сведений, кроме газетных, о здоровье Алексея. На письма ответа нет, ни от него, ни от Марии Федоровны, и если принять в расчет, что я действительно люблю Алексея и — с своей стороны — считаю его другом своим, получается очень грустно...

Автограф. АГ.

77. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Глион〉. 14 (27) марта 1906 г.

...Вот пьеса «Савва» — Горький говорит, что «Саввы» еще не было не только в русской литературе, но и в мировой — а что из того? Только и есть, что за этого «Савву»,— по словам того же Алексея,— меня посадят. Ни один год не писал я так много, как нынешний, а утешений никаких. Глупо! Если бы хоть этого «Савву» удалось устроить в Берлине— да и там цензура не пропустит [1].

Алексей взял экземпляр с собой в Америку, хочет продать его там — да не удастся 〈...〉

Лето, по совету Алексея, буду жить под Гельсингфорсом. Он советовал и совсем остаться в Европе, но на это не хватает у нас с Шурой ни мужества — ни опять-таки — проклятых денег...

Автограф. АГ.

Письмо написано Андреевым за несколько дней до отъезда Горького из Глиона.

[1] О «Савве» — см. Переписка, № 139. Андреев отдавал себе полный отчет в нецензурности своей пьесы. 4 апреля 1906 г. он писал Вл. Немировичу-Данченко: «В России она безусловно пройти не может, даже при парламенте, но на Западе, где сцена не боится религиозных сюжетов, она не вызовет такого соблазна. Вместе с тем пьеса в высшей степени нуждается в художественном исполнении. При поверхностном, тенденциозном толковании она превратится в крикливую чепуху, в „нецензурную" пьесу — нужно беспристрастие, нужен такт, нужно тонкое художественное чутье, нужна, наконец, вражда к злободневщине, чтобы сделать ее по-настоящему.

Задача пьесы, как по крайности старался я сделать,— отнюдь не агитационная. Это попытка дать синтез российского мятежного духа в различных крайних его проявлениях. С этой точки зрения центральная фигура Саввы равноценна трем другим: Царю Ироду, Сперанскому, Тюхе. По цельности характера, по силе Царь Ирод, религиозный мистик, христианин, быть может, даже выше Саввы, атеиста, мистика разрушения. Как всегда, я только ставлю вопросы, но ответа на них не даю — и это должно быть ярко оттенено в исполнении.

В противоположность „К звездам", где по существу задачи я должен был бы избегать специфически русского, „Савва" носит характер сугубо российский — и это, пожалуй, для заграницы недурно. Вообще, в успехе вещи я уверен — хотя, по совести, почти не надеюсь видеть ее где-нибудь на сцене. Пессимист я...» («Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119, 1962, стр. 385—386).

Судьба пьесы глубоко волновала Андреева. В ноябре 1906 г. он писал из Берлина Серафимовичу: «...Серафимыч! Неужели и ты не похвалишь „Савву"?〈...〉 Обидно, что ни одна душа — кроме, кажется, души Горького — не понимает даже замысла!» («Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 296).

78. АНДРЕЕВ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

〈Глион〉. 22 марта 1906 г.

...Все, что я в этом году написал, уже разобрано, а писать больше не могу — устал 〈...〉 Это можно бы — но стоит ли, особенно после Горького? Горький сам — Красное знамя[1], а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности — я революционер — но это не то революционерство, которое требуется моментом 〈...〉 Горький вчера уехал в Америку...

Нужна программа, нужна определенность, нужна наглость, а ничего этого у меня нет. Я даже ни к какой партии не принадлежу.

Автограф. ЦГАОР, РЗИА, ф. Амфитеатрова, № 5798, оп. 1, ед. хр. 88, л. 1. Небольшой отрывок опубликован в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 91.

[1] О журнале Амфитеатрова «Красное знамя» — см. Переписка, № 165, прим. 5.

79. АНДРЕЕВ — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

〈Глион. 23 марта /5 апреля 1906 г.〉

...Моя литература? В общем вы ее знаете. Из нового — недавно закончил драму «Савва» — печальную повесть о некоем юноше, который вздумал лечить землю огнем, а его ударили палкой по голове, и от этого он умер. Не знаю, что за вещь. Читал ее одному только Горькому — ему нравится. Верно одно: нецензурна свыше всякой меры.

Горький, кстати, третьего дня уехал с Марией Федоровной в Америку. Пробыл здесь, в нашем пансионе, две недели и был мил — как только может быть мил, когда захочет[1].

Господи, как хочется не писать, а говорить, говорить! И как хочется в Россию — а не советуют, говорят, что меня обязательно посадят. Как глупо!..

Вересаев, стр. 407. Датируется по упоминанию об отъезде Горького из Глиона (21 марта 1906 г.).

[1] Жена Андреева — Александра Михайловна — писала Пятницкому о встрече с Горьким: «Неделю тому назад приехали в наш Hôtel Алексей Максимович и Мария Федоровна. Обрадовались мы им, конечно, свыше всякой меры. Алексей Максимович очарователен, каким бывает в лучшие минуты своей жизни. Вздумал было он слегка прихворнуть. Мы все очень испугались, но, к счастью, обошлось все довольно благополучно — ограничилось сухим плевритом. Сегодня он уже ходил гулять. Леонид читал им своего „Савву", которого Алексей Максимович одобрил. Предлагает везти пьесу с собой в Америку. Отношения у них очень хорошие. Все недоразумения как-то рассеялись, сделалось все так просто и ясно, точно никогда ничего не было...» (Автограф. АГ; письмо от 15 марта 1906 г.)

80. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Глион.〉 14 апреля 〈1906 г.〉

...Алексей Максимович советовал мне жить и лето за границей, но во всех смыслах, и в денежном, это невозможно. А в России идиотские газеты распространяют слухи, что я — эмигрант, занят собиранием денег на революцию и даже подыскивают статью, по какой судить меня. Конечно, это не мешает возвращению моему в Россию, но довольно скверно действует на близких 〈...〉 Как бы то ни было, в конце апреля — начале мая приезжаю в Гельсингфорс...

Машинописная копия. АГ.

Андреев вернулся в Россию в апреле 1907 г.

81. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

〈Глион. 14 апреля 1906 г.〉

...Горький перед отъездом в Америку пробыл тут, с нами, две недели и мы вместе гадали: а что такое эта Америка? А она вон какая оказалась — приятная...

ЛА, вып. 5, стр. 115.

О поездке Горького в Америку и о травле, устроенной там ему и М. Ф. Андреевой — см. Переписка, № 140—142.

В нескольких письмах к брату, Серафимовичу и другим адресатам Андреев с едкой иронией говорил о «свободной Америке» и ее буржуазных нравах.

82. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

〈Берлин. Май 1906 г.〉

...Мне заграница осточертела [1]. Такая все сволочь! Читал, что проделали с Горьким в Нью-Йорке? [2] Как это ни дико, но самая свободная сейчас страна — Россия даже при наличности военного положения, черной сотни, погромов и виселиц. И виселица — это и есть прямое доказательство свободы, ибо там, где все холопы, вешать некого...

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 293.

[1] В письме Андреева к В. П. Тройнову из Берлина от конца 1906 г. имеются такие строки: «Так надоела мне вся эта немеччина, и язык, и еда, и всё кругом. Тут, все, брат, инородцы, и на это следовало бы обратить внимание „Новому времени“. Русских много, но к украшению отечества они не служат — преимущественно черносотенцы. Так, вместе с нами живет одна глупая скотина, уверяющая, что жиды переодеваются казаками и производят безобразия» (ЦГАЛИ).

[2] Об этом см. письмо Горького к Л. Б. Красину от середины апреля 1906 г. из Нью-Йорка — XXVIII, 416.

Травля Горького в Америке еще долго продолжала волновать Андреева. В письмах к брату Павлу Николаевичу он возмущается американскими «порядками»: «...с Горьким-то, а? Вот тебе и статуя Свободы!» («Русский современник», 1924, № 4, стр. 126).

В конце июля 1906 г. Андреев спрашивал Пятницкого: «Где сейчас Алексей? Хочу написать ему и положительно не представляю куда...» (письмо из Дронтхейма.— АГ).

83. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Берлин. 5 сентября 1906 г.

...Этот красногвардейский митинг, на котором я, действительно, закатил сногсшибательную речь, сделал меня для местного населения притчею во языцех, и несомненно, что хозяева, например, нашей дачи — сгорали от желания предать меня в руки правосудия [1]. И если я стал у финнов бельмом на глазу, то и во мне «прекрасная Финляндия» [2] вызывала настоящую и энергичную тошноту — ибо в истории всяческих предательств

Свеаборг займет не последнее место [3]. Это не была случайная измена, ошибка — это было массовое, неудержимое и в значительной части своей сознательное движение по стопам Иуды. Несчастная Красная гвардия, малочисленная и одинокая, сама стала жертвой предательства, и если кровью своей она закрепила союз с революцией, то этою же кровью она открыла пропасть между финским пролетариатом и всей остальной Финляндией — пропасть, которую до сих пор не замечали сторонние наблюдатели. Я говорю «всей остальной Финляндии» потому, что не только буржуа по классу, но и бесштанные финские интеллигенты были на стороне «невмешательства» в «русские дела» и палили в красногвардейцев из ружей.

Все это было до того отвратительно, до того непереносимо, что, оставаясь в Гельсингфорсе, я рисковал ошалеть от тоски и бессильной злости. Лучше уж Германия, относительно которой я никаких иллюзий не питаю, а стало быть и горько ошибиться не могу. Да и чужая она, Германия,— а с Финляндией что-то соединяло... быть может рассказы Алексея Максимыча о Галлене [4]. И, конечно, работать в Финляндии я бы не мог — а работа, большая, настойчивая, хорошая работа составляет единственную мечту мою ⟨...⟩

Прочел здесь все вещи Максимыча. От американских очерков в восторге: сильно, красиво, жестоко. Хорошо! Интервью же — в общем слабы. Хороша «Франция», недурно «Король республики» («Вильгельма» не читал) и совсем плохо «Хозяева жизни», «Жрец морали» и «Русский царь». Не знаю еще, каковы «Враги», а, кажется, не особенно...

Автограф. АГ.

[1] Речь идет о митинге в Гельсингфорсе, организованном социал-демократами в июле 1906 г. после роспуска I Государственной думы. На нем активно выступили думские депутаты и Андреев. Об этом митинге были специальные секретные донесения полиции.

Так, 10 июля 1906 г. Департамент полиции телеграфно (шифрованно) сообщал министру внутренних дел Столыпину: «Сегодня утром прибыли ⟨в⟩ Гельсингфорс депутаты Седельников, Гомартели и Михайличенко и литератор Леонид Андреев, приглашенные рабочими и красной гвардией, и явились днем ⟨на⟩ народное гуляние в саду „Эсперин". Присутствовали несколько тысяч человек, в том числе свыше двухсот русских рабочих и не менее ста солдат и матросов. Депутаты и Андреев произносили речи, в которых протестовали против распущения Думы, находя это незаконным и нарушающим права народа и заявляя, что Дума добровольно не разойдется. Михайличенко обратился к солдатам, приглашая их стоять за народ. Большая часть присутствующих не понимала речей, но Андрееву была устроена овация, его носили в саду на руках. Присутствовала полиция. Народ разошелся спокойно; на улице демонстрации не было» (сб. «Революция 1905 г. и русская литература», стр. 422).

В донесении финляндского жандармского управления министру внутренних дел от 10 июля 1906 г. сообщалось: «На гулянии говорили речи писатель Леонид Андреев, депутаты Государственной думы Михайличенко и Седельников — речи их были крайне возмутительного содержания и прямо призывали народ к вооруженному мятежу, воодушевляя народ тем, что якобы на их стороне до 30 000 солдат, тоже готовых восстать против царя» (там же, стр. 423).

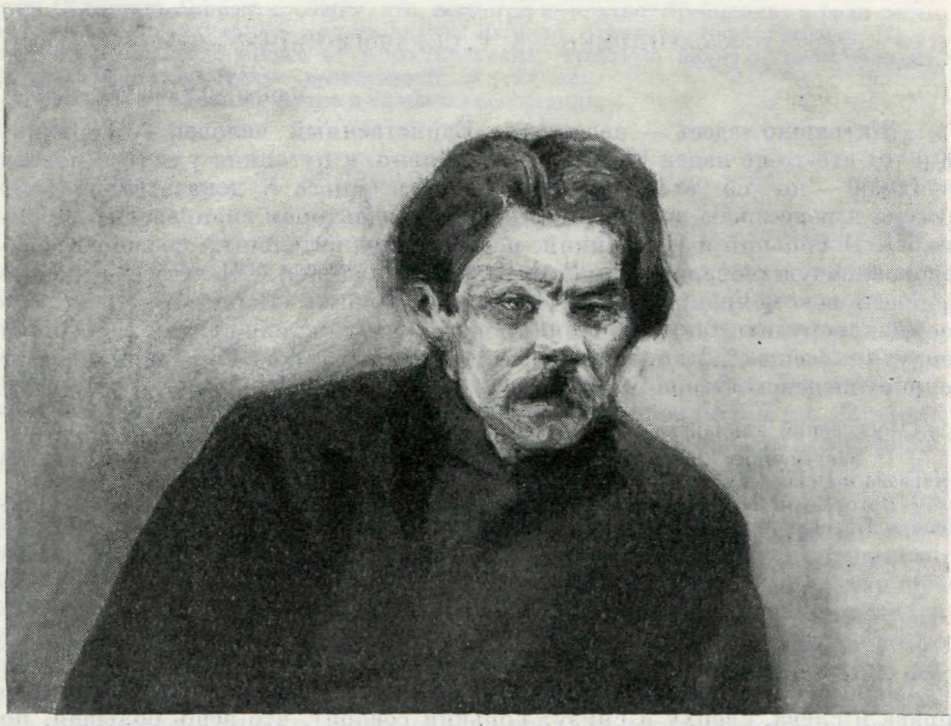
Вслед за этим донесением, в тот же день, была отправлена еще одна, тоже шифрованная телеграмма: «Вчера вечером, при отъезде из Гельсингфорса литератора Андреева и трех депутатов, их приветствовала тысячная толпа с венками и пением Марсельезы. Речей произнесено не было» (там же, стр. 423).

О митинге и о выступлении Андреева рассказывает в своих воспоминаниях Е. И. Замятин, который приводит такую фразу из речи Андреева: «Падают, как капли, секунды. И с каждой секундой — голова в короне всё ближе к плахе. Через день, через три дня, через неделю — капнет последняя,— и, громыхая, покатится по ступеням корона, и за ней — голова...» («Книга о Л. Андрееве», стр. 109).

[2] По аналогии с сатирическим очерком Горького «Прекрасная Франция» (VII, 64—71).

[3] Восстание матросов в Свеаборге в 1906 г., поддержанное финскими рабочими, потерпело поражение из-за предательства финских социал-демократов (см. статьи Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата» и «Перед бурей» — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 89—109 и 113—116). О финских событиях Андреев писал и Горькому. См. Переписка, № 144.

[4] Знакомство Горького с Акселем *Галленом-Каллела* (1865—1931) — выдающимся финским художником демократического направления относится к 1890-м годам. Тогда Горький не оценил своеобразное творчество художника. Лишь позже, познакомившись с его творчеством ближе и с ним лично, Горький отнесся к нему восторженно. В письме к Е. П. Пешковой от конца января 1906 г. Горький называет Галлена «великим художником» (XXVIII, 408). Во время пребывания Горького в феврале 1906 г. в Финляндии, Галлен писал его портрет. Горький очень подружился с Галленом (см. их совместную фотографию в «Летописи», I, стр. 583); ему особенно импонировала правдивость мужественного искусства художника (*см. письмо Горького к Л. А. Никифоровой*, где он характеризует Галлена, как одного из «изумительно талантливых



ГОРЬКИЙ
Портрет маслом Акселя Галлена-Каллела, 1906 г.
Музей «Атенеум», Хельсинки

людей» — XXIX, 102). Всегда сдержанный в обращении с людьми, Горький писал Галлену в 1907 г.: «Дорогой мой, мой любимый Галлен» (впервые: «Новый мир», 1928, № 4; письмо воспроизведено по фотоснимку, сделанному финляндским жандармским управлением). Подробнее об этом см. в статье: А. А. Амбус. М. Горький и А. Галлен-Каллела. — «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», № 65, 1958, стр. 93—119, а также статью того же автора «Горький и финские художники» — в сб. «Горький и художники». М., «Искусство», 1964, стр. 261—279.

84. АНДРЕЕВ — Е. Н. ЧИРИКОВУ

〈Капри.〉 10 января 1907 г.

...Горький очень милый, и любит меня, и я очень люблю — но от жизни, простой жизни с ее болями он так же далек, как картинная галерея какая-нибудь. Во всяком случае, с ним мне приятно — хоть часть души находит удовлетворение 〈...〉 Остальное же, что вокруг Горького, только раздражает 〈...〉

Написал Алексей большую вещь: «Мать». Первая часть великолепна, единственное в своем роде; вторая — слабо. А в общем — значительно. Точно сам народ заговорил о революции большими, тяжелыми, жестоко выстраданными словами.

«Враги», конечно, плохо...

Автограф. ГПБ. Частично опубликовано в журн. «Вопросы литературы», 1960, № 6, стр. 163—164.

Андреев приехал на Капри после смерти жены по настоятельной просьбе Горького.

85. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

Капри. 22 января 1907 г.

...Житьишко здесь — неважное. Единственный человек — Горький, да и тот что-то не ладен [1]. Сузился он сильно, и путаница у него в мозгах изрядная — но об этом нужно говорить много и доказательно ⟨...⟩ С осени я переезжаю в СПб. и становлюсь редактором знаниевских «Сборников». И Горький и Пятницкий, после продолжительных со мною разговоров, почувствовали, наконец, что дело неладно⟨...⟩ И хочу я к работе привлечь всю компанию: тебя, Чирикова, Зайчика ⟨Зайцева.— *А. Н.*⟩ — сообща соорудить такие сборники, чтобы небу жарко стало ⟨...⟩ А пока сооруди к осени ⟨...⟩ хороший, самый лучший рассказ. В сборнике будут только шедевры — понимаешь? [2]

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 299.

[1] О настроениях Андреева и отношениях с Горьким на Капри — см. письма Андреева к Вересаеву 1906—1907 гг. (Вересаев, стр. 410—411 и далее, № 88).

[2] История несостоявшегося редактирования Андреевым сборников «Знание» освещена в Переписке, № 151.

86. АНДРЕЕВ — Е. Н. ЧИРИКОВУ

⟨Капри.⟩ 8 февраля ⟨1907 г.⟩

...Я кончил вчерне «Иуду Искариота», вещь, за которую будут ругать справа и слева, сверху и снизу. Горький говорит, что вещь большая, но я этого не думаю, так как просто знаю, что нет. Алексей же просто увлекается. Господи! до чего искренне и горячо любит он литературу, до чего мало он себялюбив в этих случаях...

Автограф. ГПБ.

Почти в тех же словах Андреев писал тогда же брату Павлу Николаевичу: «Окончил с трудом „Иуду Искариота". Горький и другие находят рассказ очень значительным, даже больше того. Не знаю, по-моему,— слабовато...» (ИРЛИ).

87. АНДРЕЕВ — В. В. МУЙЖЕЛЮ

⟨Капри.⟩ 28 февраля ⟨1907 г.⟩

...В редактирование сборниками я вступаю только с осени; теперешние же сборники составляются целиком Горьким и Пятницким, и кажется материал набран вплоть до осени. Если вы не особенно торопитесь печатать вашу большую вещь и согласны подождать до сентября — октября, то, конечно, очень буду рад. Присылайте тогда ее ко мне, и я немедленно прочту, поговорю с товарищами и дам ответ. Не задержу. Некоторое, хотя и несущественное, препятствие может представить размер. У нас на каждый сборник в распоряжении листов 20—22, и было бы желательно дать место большему количеству авторов...

Автограф. Частное собрание (Москва).

Приняв предложение Пятницкого редактировать сборники «Знания», Андреев 17 января 1907 г. обратился с письмом к Муйжелю. «С осени текущего года,— писал он,— я вступаю в заведывание редакцией сборников „Знания“. С большим интересом следя в журналах за вашими произведениями, я очень просил бы вас дать нам какую-нибудь из ваших вещей для первого осеннего сборника. Единственное обязательное условие — вещь должна быть художественна. Делаю это напоминание — для вас, впрочем, совершенно лишнее — потому что некоторые из товарищей писателей считают сборники „Знания“ тенденциозными...»

В связи с различным пониманием задач сборников Горьким и Андреевым (см. Переписка, № 150—152) последний отказался от редактирования их. В письме к Муйжелю 18 августа Андреев сообщил, что, несмотря на краткое пребывание в роли редактора, он все же «ухитрился выдать авансы Зайцеву, Чулкову, Серафимовичу. Но теперь, особенно после отказа от редактирования, чувствую полную невозможность продолжать узурпаторскую деятельность...» (там же).

Муйжель принимал участие в сборниках «Знания».

88. АНДРЕЕВ — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

〈Капри. Начало марта 1907 г.〉

...Вам бы я рад был бесконечно, и тут вы увидели бы, что по-прежнему, крепко и хорошо люблю я вас. Моей мрачности не бойтесь. Я хороню ее в душе глубоко, а в жизни — все такой же, пожалуй, как и был. Разве немного, немного хуже. И с вами мы предприняли бы ряд всевозможных экскурсий — по морю и по суше. 〈...〉 Конечно, присутствие здесь Горького для вас особенной цены не имеет, но изредка хорошо повидаться и с Горьким. Я вижу его часто и с большим удовольствием. Видел бы еще чаще, если бы... но об этом можно говорить, а не писать.

О себе говорить не стану много. Для меня и до сих пор вопрос — переживу я смерть Шуры или нет,— конечно, не в смысле самоубийства, а глубже. Есть связи, которых нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души. И для меня отнюдь не праздный вопрос, не пустячное сомнение — не похоронен ли вместе с ней Леонид Андреев. Работал я тут. Трудно было вначале невыносимо,— как для маньяка, одержимого определенной идеей, видениями, снами,— писать о чем-то совершенно постороннем. Но преодолел — частью из упрямства, частью, чтобы оправдать собственное существование; однако добился кстати и жестокой бессонницы, головных болей и пр. Сейчас, кажется, проходит, по крайней мере, вот уже две ночи сплю.

И рассказ кончил. «Иуда Искариот и другие» — нечто по психологии, этике и практике предательства. Горький одобряет, но я сам недоволен 〈...〉

Пятницкому я сказал, что вы не получаете ответов, и он был очень обеспокоен. Вот,— как ни странно вам это,— единственный человек на Капри, с которым можно говорить по душам. Горький — тот, как хорошая книга с заранее определенным содержанием или картинная галерея. За сверх- или поверх-человеческим просто человеческое от него ускользает, он его не видит, не чувствует, не знает. От этого при всем своем уме, благородстве, чистоте душевной он иногда бывает ниже человека — и как раз в те минуты, когда думает, что выше...[1]

Вересаев, стр. 410—411. Вересаев прожил на Капри у Андреева около месяца (см. его воспоминания об этом периоде — там же, стр. 395—421).

[1] В этом же письме к Вересаеву имеются строки, свидетельствующие о тяжелом состоянии Андреева после смерти жены. За два месяца до отправки письма Вересаеву Андреев писал В. П. Тройнову: «И одиноко очень,— среди этих пальм, итальянских песен, лазурных волн. И море не радует. И забвенье не приходит. Да, тяжело обрушилась на нас с тобою судьба 〈...〉 А душа у меня еще старее, выжженная, опустошенная, ограбленная жизнью. Было одно, да и то отнято — спокойно и просто. Забвенья нет, и все сильнее болит душа — так болит, что хочется уйти в темный подвал и еще глубже и еще глубже...» (31 декабря 1906 г.— ЦГАЛИ).

89. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва.〉 13 декабря 〈1907 г.〉

...Долго не отвечал, так как занят был болезнью сердца и репетициями «Жизни человека». Вчера наконец спектакль прошел, и сегодня первый вечер имею возможность посидеть дома.

Дело обстоит так. После вашего отказа взять «Царь-Голод» я отдал его «Шиповнику», на условиях, о которых я говорил раньше. Пять тысяч (почему именно пять, а не десять, я скажу ниже) я уполномочил его внести в кассу «Знания». «Проклятие зверя» я отобрал у «Шиповника» и передал в сборник «Земля», Бунину, взамен «Любви студента», которую вследствие нездоровья написать к назначенному мною сроку не мог. Не будь этого обязательства, я отдал бы его в «Знание». Теперь, когда дело сделано, я выражу свое искреннее изумление, почему вы (а равным образом Алексей и Мария Федоровна, ибо только ожиданием от них ответа я объясняю ваше длительное молчание) отказались от «Царя-Голода». Условия были очень удобны (я всячески шел навстречу «Знанию»): пять тысяч сейчас, а пять в феврале. Если вы не хотели уступить «Шиповнику» в выгодности для меня условий, то остальные пять тысяч вы могли обратить на погашение аванса. Как я, так и товарищи, с которыми я советовался, бессильны понять мотивы вашего отказа. Не 25, а всего 5 тысяч вам нужно было немедленно вынуть из кассы.

Теперь перейду к авансу, к вопросу важному, от решения которого зависит тот или иной характер наших отношений.

В декабре я оставался должен «Знанию» — около 2-х тысяч. Потом в мае взял 400—2400. В июне и июле я взял у Боголюбова в долг 4000 рублей плюс 2000 (кажется так) — 6000 рублей. Еще раз настойчиво повторяю, что это был не аванс под ближайшие вещи, а именно долг. Аванса я уже потому не стал бы брать, что деньги за написанные вещи я имел в виду получать наличностью, чтобы обратить их на стройку дачи. Что Боголюбов не имел права давать деньги в долг, это касается только ваших с ним отношений — я же брал только в долг. Тот же «Шиповник» предлагал мне в это же время нужную сумму, и именно в долг, а не как аванс. Неужели же я мог быть столь наивен, чтобы отказаться от долга, срочного долга и предпочесть ему удавку, какой является всякий аванс, где бы он ни был взят, под ближайшую вещь. Таким образом, в какую бы графу «Знание» ни заносило этих денег, я считаю их только долгом и только долгом.

Конечно, как долг вы можете потребовать от меня эти деньги немедленно (срока уплаты у нас никакого назначено не было). И пять тысяч я вношу. Остальные же пять тысяч я прошу оставить за мной как обычный долг писателя издательству. В «Знании» издается моих четыре тома, а это, полагаю, в достаточной степени гарантирует издательство. Если же это невозможно, то я принужден буду, уплатив «Знанию» немедленно остальной долг, передать книги в другое издательство, которое согласится одолжить меня необходимой для уплаты «Знанию» суммой. Этим, конечно, определяются наши отношения 〈...〉

В окончательном результате мои предложения складываются так: или — я останусь должным «Знанию» 5 тысяч, получаю ежемесячно по-прежнему 600 рублей и остаюсь его сотрудником, или же — уплачиваю весь долг и беру книги. Предложения мои я нахожу совершенно естественными. Ни одно издательство, имеющее у себя четыре тома Андреева, не потребует от него уплаты 5 тысяч аванса, сумму относительно настолько небольшую, что ее можно считать только известной гарантией в пользу писателя. Если же издательство (и «Знание» особенно) потребует уплаты, то это может свидетельствовать только о его нежелании продолжать отношения.

Теперь мне хочется расценить еще одно обстоятельство. Мой весь аванс — 10 000 рублей с небольшим. 6000 долга плюс 2400 прежнего аванса — 8400. Откуда же взялись остальные 2000? Очевидно они создались от получения мною жалованья в 600 рублей. С тех пор, как мы считались, прошло 10 месяцев, следовательно, жалованье — 6000 рублей. Если вычесть 2000 долга, окажется, что за все это время мой доход равен четырем тысячам. За это же время я дал «Иуду» (около или больше 2000 рублей) — таким образом, выходит, что четыре моих тома за десять месяцев всего 2000 рублей.

Не находите ли вы, Константин Петрович, что это чрезвычайно мало и лучше всех моих доказательств показывает, что книги в «Знании» распространяются действительно слабо и ненормально. Как я уже говорил вам, я не могу допустить мысли, чтобы при той всероссийской критической рекламе, которая раздувает меня, при шумном шествии «Жизни человека» по всем весям и градам, вплоть до Коканды и Бухары — подобное слабое распространение книг было нормальным.

Уверяю вас, что и до сих пор о выходе моего четвертого тома почти никто не знает, даже журналисты — почему-то он долго не был разослан редакциям «для отзыва». И когда говоришь «четвертый том» — все удивляются и спрашивают: а разве он вышел?

Проверьте сами, Константин Петрович, цифру распространения моих книг и вы увидите, что она, правда, несоразмерно мала — вопреки законам божеским и человеческим.

Если получу от вас добрый ответ, то, конечно, останусь вашим сотрудником и не только на словах.

В феврале, если буду здоров, постараюсь дать вам вещь (или вещицу) на обычных, конечно, сборниковских условиях. Отдельно, кроме «Царя-Голода» и других пьес этой серии, я ничего пускать не буду и от всякого повышения гонорара (как мне уже предлагали) отказываюсь. Очень противно то, что сейчас творится на почве гонорарной конкуренции.

Но не заподозрите ли вы и меня в корыстолюбии, как заподозрили чистоту моих отношений к Горькому? Это будет напрасно. Отдавая «Знанию» «Царь-Голод» за сумму на 5 тысяч меньшую, чем «Шиповнику», я ясно показал, что отнюдь не корыстолюбие является моим двигателем.

Вообще, пожалуйста, ни в чем не подозревайте меня. По-прежнему люблю я вас, а этого Алексея, пожалуй, еще больше, чем прежде,— и если уж говорить про обиду, то обиженным чувствую себя я, с ног до головы.

Где Алексей? Куда ему писать?

Дружески жму вашу руку.

Ваш Леонид Андреев

Если я остаюсь в «Знании», то, пожалуйста, переведите сюда 600 рублей за декабрь: я их еще не брал, не зная, что готовит грядущий день.

Адрес: Лоскутная гостиница на Тверской. Если вздумаете ехать в Москву, уведомьте, а то можем разъехаться.

Автограф. АГ.

Письмо по существу своему целиком обращено к Горькому. Речь в нем шла о возможном переходе Андреева в издательство «Шиповник». Поводом для этого послужило и то, что Горький резко отрицательно отнесся к последним произведениям Андреева — «Тьма» и «Царь-Голод» и не выражал желания печатать его новые произведения в «Знании», и то, что он одобрил статью Луначарского под названием «Тьма», глубоко задевшую Андреева (см. Переписка, № 157).

Судя по письмам Андреева к Пятницкому и переписке последнего с Боголюбовым, «Знание» угрожало взыскать с Андреева по неоплаченному векселю, как только стало известно его намерение отдать в «Шиповник» свои новые произведения. В письме от 14 сентября Андреев доказывал Пятницкому, что договор с «Шиповником» — кабален и что он вынужден был вступить в переговоры с ними только потому, что «Знание» отвергло его произведения (АГ).

Желая возместить долг (2000 р.), Андреев предложил «Знанию» свою новую драму «Любовь студента» (позже названную «Дни нашей жизни» и поставленную во многих театрах России). Пятницкий сообщил об этом Горькому в лояльных тонах, видимо, стремясь ликвидировать конфликт. Горький сначала категорически отказался принять пьесу и ответил 9 октября 1908 г. на телеграмму Пятницкого, отправленную накануне: «Андрееву следует отказать». Но пьеса все же была напечатана в 12-м сборнике «Знания».

Конфликт Андреева с «Знанием» затянулся надолго. Так, еще 28 июля 1909 г. Андреев в письме к Пятницкому снова выражал свое недоумение по поводу угрозы руководителей «Знания» взыскать с него долг по векселю; на складе «Знания» находилось 4000 экз. книг Андреева—достаточная, по его мнению, гарантия кредитоспособности автора.

Вскоре после заключения сделки с «Шиповником», Андреев вынужден был вновь продать свои сочинения издательству «Просвещение», Н. С. Цейтлину; ему же он передал право выкупить свои книги, залежавшиеся на складах «Знания» (см. Переписка, № 158).

В обращении к Пятницкому от 7 января 1910 г. Андреев, упоминая уже о 6000 экз. книг, задержавшихся на складах «Знания», которые надо было выкупить, заканчивал свое письмо следующими словами: «...я приношу „Знанию" мою искреннюю благодарность за бескорыстную и дружескую поддержку, которую оно оказало мне в первые, наиболее трудные годы моей литературной деятельности» (АГ).

90. ИЗ ИНТЕРВЬЮ

〈Середина февраля 1908 г.〉

...Леонид Андреев считает молодежь настолько идеалистичной, что не думает, чтобы она восприняла в этих произведениях [1] только грязное, он думает напротив, что она возьмет только чистое, но современные условия русской жизни могут, конечно, сделать многое, почему ручаться нельзя.

Действительность так исковеркала жизнь, так изломала все хорошее и так много создала и создает скверного, что приходится только удивляться.

Прокатилась с треском и шумом революционная волна и затихла, не сокрушив на своем пути ни одной капитальной стены, сделала только надломы и трещины во всех областях человеческой жизни. Явление одиноких — есть одна из трещин в области наших предрассудков и условностей, молодежь же пытается пробить брешь дальше в этой области;— попытку эту можно только приветствовать и не пугаться будущих последствий 〈...〉

Уродливая действительность отражается не только на взрослых, но и на психике детей. У меня есть на глазах два примера, грустных для родительских сердец: мой сын частенько играет в солдатики, а иногда в городового, гордо исполняя его обязанность, а у Алексея Максимовича Горького так еще оригинальнее был случай: его сын со своими сверстниками отразил точнее действительность: вообразил себя жандармским ротмистром, а своих товарищей взял в качестве городовых и понятых и произвел обыск в кабинете Алексея Максимовича, все перешвыряв и перерыв в нем...

Тяжелое мы переживаем время 〈...〉 Но все это пройдет, будет вновь что-нибудь потрясающее вроде 17 октября и всколыхнет жизнь. Когда это будет — трудно сказать, но это будет, и мы больше подвинемся вперед.

* * *

За молодыми писателями Леонид Николаевич предвидит будущее, а негодные наслоения, по его мнению, отпадут.

«Я убежден, — говорил Андреев, — что Анатолий Каменский впоследствии откажется от своего рассказа „Четыре", ну и гадость, я вам скажу, этот рассказ; мы впервые его прочитали с М. Горьким в Италии на о. Капри и, прочитавши, опустили свои головы, думая, неужели русская литература вступила на этот путь; будучи вдали от родины, не зная настоя-

щего положения вещей в литературе,— нам казалось, что русская литература гибнет, но когда я снова увидел Россию и всю нашу молодую литературу, то воспрянул духом и сказал себе: „Нет, русская литература не погибнет!“ Что касается героя „Санина“, то, по моему мнению, он очень

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ АНДРЕЕВА «КУСАКА»
Рисунок (тушь) А. Гольмстрема, 1908 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

не умен, а самое произведение Арцыбашева плохо написано. В „Санине“ я не вижу порнографического произведения, как многие называют, а напротив автора считаю моралистом и даже очень узким».

Коснувшись Максима Горького и его последнего произведения «Мать», Леонид Андреев находит, что этот роман очень ценный и высокохудожественно написанный; критика не сумела его оценить, но, по его мнению, к нему еще вернутся в будущем.

Интервью под названием «Л. Н. Андреев о современных вопросах» (без подписи).— «Русь», 1908, № 57, 27 февраля.

[1] Отрицательная оценка литературы, посвященной «вопросам пола» и в частности произведений Арцыбашева, Каменского и Кузмина, была высказана Андреевым также в беседе с корреспондентом «Русского слова» С. Л. Поляковым (1907, № 228, 5 октября; статья «В мире искусств. У Леонида Андреева»; за подписью «Эс Пэ»): «Заговорили об эротическом потоке в новой литературе. Л. Н. относится к нему с глубочайшим отрицанием.— На Капри, где мы жили с Горьким, бывало, в последние два года с нетерпением ждем литературных новинок из России. Получали, читали эти новые эротические произведения, и становилось как-то глубоко досадно, неловко, порою стыдно. Ходим и как-то неловко молчим, словно друг на друга дуемся за эти произведения. Ведь это что! Вопрос пола, один из самых важных вопросов жизни,— быть, может, важнейший,— трактуется чисто порнографически. И главное, что топчутся-то все на одном месте, ничего не сказав интересного и важного, ни к чему не подошедши близко, ни на иоту ничего не разъяснив. Я понимаю, прежде были слишком,может быть, односторонни: Тургенев, например, никогда не описывал ничего, кроме лица женщины. Старательно выпишет лицо, а фигуры точно нет. Ну, а Арцыбашев делает наоборот. Начнет с бедер, опишет все подробно и остановится на шее. Все его герои в „Санине“ без головы. Или „Четыре“ Каменского. Что это? Я не говорю уже о Кузмине и других. Разве это любовь? В той области, которая занимает наших молодых писателей, все ясно, слишком ясно. Художнику тут нечего делать. „Заинтересованные стороны“ сойдутся отлично сами... Но я убежден, что это течение скоро отхлынет в сторону. Дело в том, что в этом направлении некуда идти далее, не впадая в убийственное однообразие, смягченное разве арифметическими вариантами в возрастающей геометрической прогрессии. „Четыре“, потом 6, 16, ну, 32. А дальше?

Вопросы пола и любви на очереди. Но к ним подойдут иначе. Явятся, я убежден, молодые таланты, которые найдут и новые, и правдивые слова...»

91. ИЗ БЕСЕДЫ с П. М. ПИЛЬСКИМ

〈Середина августа 1908 г.〉

...Это удивительный, единственный человек,— с жаром рассказывает мне Андреев о М. Горьком.

— Сколько мягкости, благородной чуткости, слуха к страданьям, как бывает слух и чуткость к музыке. Я никогда не видел ни такой любви к людям, ни такой любви к литературе. Несколько месяцев тому назад к нему пришел какой-то совсем опустившийся субъект. Молодой еще сравнительно, но развратник такой марки, что, если б опубликовать его записки или издать его автобиографию, так ахнули бы все, а герои современной литературы рядом с ним показались святыми. Пришел и стал каяться Горькому: — «все это уже в прошлом» — и рассказал всю свою жизнь. Горький возился с ним, как с сыном, и в конце концов посоветовал все-таки записать это.

— Хорошо вышло?

— Литературно недурно. Но, должно быть из желания расказнить себя, автор вдался в такие интимные и специфические подробности, что его покаянная повесть местами превратилась в восторженные воспоминания. Дело, однако, не в этом, а в том, что Горький не может пройти мимо человека, чтобы не испытать его в литературе. Только этим объясняется его неутомимость в чтении рукописей начинающих авторов, случайных, неизвестных, первых попавшихся. Никто не ищет с такой верой и страстью новых талантов, как он. Ведь это неблагодарнейший из всех трудов! Никого так не радовало, я думаю, появление новой хорошей литературной вещи или нового талантливого писателя. При этом он совершенно равнодушен к тому — свой, или чужой это, — «декадент», или бытовик, «конкурент», или нет. Помню, как в одном литературном кружке он читал кряду своего «Человека» и мою «Жизнь Василия Фивейского». «Человека» своего он прочитал запинаясь, кашляя, смущаясь. Испортил, как только мог. Начал «Жизнь» и расплакался.

Да! Горький! Это громадная душа, необыкновенное сердце! Ведь мы с ним разных, в сущности, и литературных манер и эстетических миросозерцаний. Некоторое влияние на меня он имел и мог иметь. Естественно

было бы желание перевоспитать меня, или переделать, или, по крайней мере, чуть-чуть изменить мое направление. Ведь это же происходит на каждом шагу в литературном мире, — и это подчинение, и это отсоветывание, и эти указания. Ничего подобного у Горького. Все время он умел меня только окрылять и бодрить. «Василия Фивейского» я писал долго; много работал над ним; наконец, он мне надоел и стал казаться просто скучным. Как раз приехал Горький, и я ему прочитал «Фивейского». Читаю, устал, не хочется языком ворочать, все знакомо. Наконец кое-как дошел до конца. Думаю: никуда не годится. Поднимаю голову — смотрю у Горького на глазах слезы, — вдруг он встает, обнимает меня и начинает хвалить моего «Фивейского», — и так хвалит, что у меня снова — и вера в себя, и любовь к этому надоевшему мне «Фивейскому», и так Горький со многими. Этот человек всегда считал за лучшее ошибиться в надеждах будущего, чем отвернуться от начинающего, забраковать, или осудить. Вот, кто живет настоящей верой...

Петр Пильский. Критические статьи, т. I. СПб., изд. «Прогресс», 1910, стр. 20—22 (первоначально под псевдонимом П. Петр—в — «Новая Русь», 1908, № 1 и 2, 16 и 17 августа, в статье «Портреты тушью»).

Пильский подчеркивает в своей статье искренность Андреева и говорит: «Я не верю, чтоб вообще мог быть такой задачник, который только задает, а решать не может, знаю, что у Андреева на большинство вопросов,— встающих в его книгах окутанными пленительной неясностью и дразнящей сугубой сложностью,— найдутся и есть ответы, и что эти ответы ясны и точны, и что ясными и точными образами и словами, положениями и характерами он мог бы их передать и читателю» (там же, стр. 31).

92. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Куоккала.〉 14 сентября 1908 г.

К сожалению, вы действительно меня не знаете, дорогой Константин Петрович.

Вы совершенно правы в том, что отказали мне в отсрочке: вы предупредили, что отсрочки быть не может. Вы совершенно правы и в том, что я поставил вас в затруднительное положение. Но одного вы не поняли: что только крайность могла заставить меня взять на себя не особенно лестную роль — обременительного и злостно-наивного просителя.

К сожалению, смешали вы в одно литературу и отношения издательские с отношениями просто человеческими. Когда жена — хотя и без моего ведома, но это никакого значения не имеет, — просила вас о деньгах, то это не литератор обращался к издателю за авансом, а человек просил об услуге человека. Каковы при этом мои отношения с «Шиповником» и даже с самим «Знанием» — не должно было иметь для вас никакого значения. И когда через брата моей жены я просил об отсрочке платежа, то и здесь всякие издательские расчеты, соображения и вопросы не должны были иметь место. Вы могли — на это у вас есть величайшее право — ответить отказом, и ни одной минуты я не подумал бы упрекать вас, так или иначе выражать свое неудовольствие.

Но вы снова говорили о «Шиповнике», рекомендуя мне обратиться туда, где я работаю; вы говорили, что я ничего не даю «Знанию» и даже «враг» его; вы, наконец, ссылались на мой ненаписанный роман, о котором наболтали газеты, и спрашивали, почему я не реализую того, чего, как вам известно, не существует.

И это последнее показалось мне особенно удивительным. Правда, ко мне постоянно приезжают издатели за этим несуществующим романом, даже предлагают авансы и *удивляются*, что я отказываюсь от денег. Они не понимают, что взять аванс, это значит взять на себя обязательство во что бы то ни стало написать роман, другими словами — на свою шею художника надеть мертвую затяжную петлю. А что если роман у меня не выйдет?

А что если я совсем не стану его писать, чувствуя себя недостаточно готовым для такой большой и ответственной работы? Но то, чего не понимают они, должны были понять вы.

Конечно, вы могли с некоторым хоть и небольшим основанием ссылаться на то, что за свою услугу вы можете рассчитывать на услугу и с моей стороны — но разве я когда-нибудь отказывал в такой услуге? Даже откинув просто человеческие отношения, которых вы, очевидно, совершенно не имеете в виду — разве в отношениях издательских я объявлял себя когда-нибудь вашим врагом? Если «Царь-Голод», например, оказался в «Шиповнике», а не у вас, то не вы ли сами из боязни конфискации отказались от него, хотя я уступал его вам за 10 тысяч в то время, когда «Шиповник» предлагал мне 15. И если теперь я заключил связывающий меня договор с «Шиповником», то ведь делал я это на глазах «Знания», которое пальцем о палец не ударило, чтобы не только выручить меня из денежного затруднения, но и просто сохранить со мною хотя бы литературную связь. Я уже говорил вам, какое значение имело в этом смысле молчание Алексея, давшее мне полное основание сомневаться даже в том, что я гожусь в сотрудники «Знания». Ведь клеймо «раба и безнадежного мещанина», наложенное на меня «Распадом», органом социал-демократов, к которым принадлежит и Алексей, — так и осталось с меня не снятым. Разве я нуждался в каких-нибудь публичных объяснениях? — двух слов Алексея было достаточно, чтобы все поставить на свое место и оставить за Луначарским исключительное право плевать на колокольню.

Насколько при всех этих условиях я не враг «Знанию», ясно из того, что при последнем с вами свидании я сам предложил вам дать весною рассказ — помните, что говорил я вам на извозчике? — И так как обещания свои я стараюсь исполнять, то весенний рассказ и сейчас остается за «Знанием», если только появление второй книги «Распада» не закроет окончательно дверей этого издательства.

Почему-то мне всегда казалось, что вы относитесь ко мне несколько лучше и теплее, чем просто издатель к просто сотруднику; по-видимому, я ошибся в этом.

Что же касается протеста векселя, то повторяю, здесь вы совершенно правы и что бы ни было дальше, никогда не услышите от меня упрека. Скорее я готов просить извинения за то, действительно, нелепое положение, в какое я вас поставил.

〈...〉 Так как при протесте векселя и связанной с ним огласке Алексей несомненно пожелает разобраться во всей этой истории, то я буду очень благодарен вам, если вы разрешите мне послать копию этого письма на Капри.

Леонид Андреев

Жду вашего ответа.

P. S. Конечно, я постарался бы достать денег для «Знания», но сделать это сейчас совершенно бессилен: у «Шиповника» я выбрал все, что можно и даже чего нельзя, а брать «авансы» в другом месте считаю неудобным, заклад же дома может состояться не раньше как через два месяца.

Автограф. АГ. Помета рукою Пятницкого: «16 сент. 1908». См. также на эту тему письма № 89, 98.

93. ИЗ ИНТЕРВЬЮ

〈Конец сентября 1908 г.〉

После смерти 〈...〉 вдруг окажется у тебя такой приятель, о существовании которого ты даже не подозревал. Как после смерти Чехова один журналист, никогда, может быть, не видавший его, начал свою статью;

«А я ему говорю, — ты что же это, Антоша». Поэтому мы с Максимычем (Горьким) условились написать биографии друг друга для напечатания после смерти...

Статья-интервью за подписью Ив. Максимов, под названием: «У Андреева в Финляндии (от нашего корреспондента)».— «Одесские новости», 1908, № 7632, 1 октября.

94. АНДРЕЕВ — В. В. МУЙЖЕЛЮ

〈Куоккала. 25 ... 27 октября 1908 г.〉

... Ответ Горького мне не нравится, но и на это не обращайте внимания. Причину нерасположения к вам Горького я лично вижу в том, что вы близкий к Арцыбашеву человек и участник «Жизни»...

Автограф. Частное собрание (Москва).

Настоящее письмо, по-видимому, является ответом на письмо Муйжеля из Пскова от 19 октября 1908 г., в котором тот писал: «Летом я думал рассчитаться с „Знанием" путем продажи ему книжки рассказов моих, но Горький ответил, что „по причинам для меня безразличным издать книгу мою „Знание" не может". Это, конечно, оскорбление было, нечто вроде отставки без объяснения причин, но не думайте — и верьте, верьте этому — чтоб это обидело меня: не мне обижаться на Горького, человека, которого я совершенно не знаю лично, но которого слишком уважаю за то, что он сделал...» (ЦГАЛИ).

Муйжель в этом же письме сообщал Андрееву, что не хотел давать в сборник «Знание» рассказ «Грех» (Андреев раскритиковал его, читая в Ялте). Однако он неправильно информировал Андреева: «Грех» Муйжель послал Горькому, который дал рассказу отрицательную оценку. По этому поводу Горький писал Пятницкому 15—16 мая 1908 г.:«„Грех" Муйжеля — вещь плохо выдуманная и к тому же еще испорчена „философией" Мережковского. „Нищий" — антидемократичен, как и „Дача" — как всё.

Пусть мещанский романтизм, возникающий для ради того, чтобы ликвидировать страхи вчерашнего дня,— пусть он развивается, если это суждено,— вне „Знания". По сим соображениям я ответил Муйжелю отказом» (XXIX, 70).

В начале ноября Андреев ответил Муйжелю теплым письмом, на которое тот откликнулся восторженной благодарностью (письмо Муйжеля от 7 ноября 1908 г.— ЦГАЛИ).

95. ИЗ БЕСЕДЫ с А. Л. ЦИТРОНОМ

〈Середина ноября 1908 г.〉

...Заговорили о Горьком.

Леонид Николаевич сразу оживился. Его темные глаза, красиво блиставшие из-под густых бровей, загорелись, усталое лицо засветилось бодростью.

— Вы помните, я говорил вам в последний раз 〈летом 1907 г. — *А. Н.*〉 по поводу похоронной песни некоего критика «Конец Горького», что последнего отпевать еще слишком рано[1]. И — да будет стыдно господам доморощенным критикам! — Горький себя показал и отстоял. Его «Исповедь» на меня произвела прекрасное, чарующее впечатление. Опять эта стальная, граненая, отчеканенная речь, яркие, красивые образы...

— Правда, это искание бога Матвеем изображено несколько грубо и для русского человека, потерявшего своего бога, необычно... Но этот недостаток с избытком искупается красотою в изображении всего духовного мира «незаконного человека», искренностью, неподдельной искренностью всех его переживаний.

— Нет, рано отпеваете, господа! — хочется крикнуть господам критикам: — да и вообще, бросьте вы, господа, роль могильщиков: она вам совершенно не к лицу!..

Заговорили вообще о современной критике.

Леонид Николаевич развел руками и быстрою порывистою походкою зашагал по комнате.

— Зачем идти далеко? Возьмем того же Горького. Критики-могильщики после появления «Исповеди» заговорили о поворотном пункте. — И хочется им сказать: да помилосердствуйте, господа!.. Сегодня поворотный пункт, завтра поворотный пункт...

Поворотным пунктом моего творчества была сначала «Жизнь человека», а теперь говорят о «Днях нашей жизни» как о повороте моем в сторону реальной драмы. Завтра я выпущу свои «Черные маски», и будет опять поворотный пункт, возврат к старому...

— Нет, это не критика, не та, по крайней мере, какую я мыслю: ту, что разбирает, истязает, мучит, но заставляет думать и работать над собой, исправляет, учит...

Статья-интервью за подписью И. Цитрон, под названием: «В гостях у Леонида Андреева (от нашего специального корреспондента)».— «Одесские новости», 1908, № 7680, 28 ноября. За два дня до этого в газете «Южный край» (Харьков), 26 ноября (№ 9547) был напечатан почти идентичный текст под названием «У Леонида Андреева» за подписью А. Львович (псевдоним Александра Львовича Цитрона).

Печатается нами по тексту второй статьи, более сдержанной, менее развязной по тону.

[1] О статье Д. В. Философова «Конец Горького» — см. Переписка, № 151, прим. 1.

96. ИЗ БЕСЕДЫ с А. А. ИЗМАЙЛОВЫМ

〈1908 г.〉

... Имел ли кто-либо из больших наших писателей сильное влияние на меня как писателя? Единственным в этом смысле был Горький. Случилось так, что из-за закрытия «Нижегородского листка» подписчикам его рассылался, по соглашению редакций, «Курьер». Таким образом, первый же мой рассказ попал в руки Горького.

Однажды, когда я пришел в редакцию, мне сказали, что Горький прислал на имя одного из своих старых знакомых, кажется, Н. П. Ашешова, письмо, спрашивая, кто такой пишет под псевдонимом «Леонид Андреев». На это письмо я ответил ему лично.

Так началась переписка между нами, а несколько позднее произошло и личное знакомство. Алексей Максимович проезжал через Москву экстренно и назначил мне встречу на вокзале. Он был тогда в зените своей славы. Я помню, с каким волнением торопился на вокзал, боясь, что опоздаю, и ту первую минуту, когда увидел так знакомое по портретам его лицо, барашковую шапку и узкое пальто на высокой фигуре.

Ему я обязан бесконечно в смысле прояснения моего писательского мировоззрения. Никогда до бесед с ним я не смотрел так серьезно на свой труд и свой дар. Он первый заговорил о такой для меня сомнительной вещи, как мой талант, о моей ответственности перед этим талантом и т. д. Он первый научил меня уважать высоту писательства.

Горький посоветовал мне направить рассказ Миролюбову в «Журнал для всех». Затем появились в «Жизни» «Рассказ о Сергее Петровиче» и «Жили-были»...

А. А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 248—249.

97. ИЗ БЕСЕДЫ с АЛЕКСАНДРОМ ДМИТРИЕВЫМ

〈Апрель 1909 г.〉

... В дальнейшем разговоре с Леонидом Андреевым я поинтересовался его мнением о современной русской литературе.

— На каждом шагу слышатся теперь жалобы на упадок русской литературы. Согласны ли вы с этим, Леонид Николаевич?

— Далеко не согласен!.. Надо быть наивным, чтобы утверждать что-либо подобное. Вот позвольте по этому поводу показать одну книжечку.

Леонид Николаевич достал брошюру Мережковского: «О причинах упадка в русской литературе».

— Книжка эта, как видите, появилась в 93 году... Стало быть, и тогда уже считали литературу в упадке... Это, когда жил Чехов и появился Горький, которые, конечно, не свидетельствовали о том... ⟨...⟩ И при этом вечная ссылка на предшествующий период, когда будто бы литература процветала...

АНДРЕЕВ
Наброски карандашом И. Е. Репина, 1908 г.
Наверху справа рукою Репина: «1908. 28 сентября „Маски"»
Собрание Вал. Л. Андреева, Париж

Можно ли, следовательно, придавать значение крикам о падении литературы? И тем более в наши дни, когда уж безусловно не к месту слезы... И общий характер ее — та живая, энергичная работа, которая совершается теперь: создание новых форм, работа над языком и отдельные представители, наоборот, свидетельствуют о полном благополучии русской литературы ⟨...⟩ Мое мнение: русская литература находится в вожделенном здравии, беспокоиться за нее нечего, постоять за себя она сумеет!..

В этом случае Европа является лучшим судьей, чем мы сами, которые из-за деревьев проглядели лес.

Горький для нас теперь нуль, а для Европы?.. ⟨...⟩

Спросите немца, француза, в упадке ли русская литература? И вы, наверное, получите ответ: «Помилуйте, какая же литература привлекает сейчас большее внимание, чем русская?..»

Статья-интервью за подписью Аде ⟨Александр Дмитриев⟩, под названием: «У Леонида Андреева (от нашего корреспондента)».— «Раннее утро», 1909, № 93, 24 апреля. Беседа с писателем происходила в Куоккале. На вопрос корреспондента — «Довольны ли вы своей прошлой работой»—Андреев ответил: «Для меня прошлых моих произведений не существует. Я думаю только о будущих».

98. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Ваммельсуу. 4 февраля 1910 г.

Я получил ваше и М. Горького письмо от 10 января сего года [1]〈...〉

Как видно из моего предыдущего письма, три недели тому назад направленного на ваше имя по адресу товарищества, я не забыл предупредить «Просвещение» о том, что на складах «Знания» существуют мои книги в количестве 50 000 〈здесь очевидная ошиска; следует: 5000.— *А. Н.*〉 экземпляров. В том же письме я просил вас согласиться на выкуп оставшихся книг по их действительной стоимости.

Не получив до сих пор ответа, я еще раз решаюсь побеспокоить вас и представить вашему вниманию некоторые соображения в пользу выкупа — хотя, быть может, и не новые, но во всяком случае не лишние.

Так как наши отношения были основаны не на праве, а на справедливости, то я откидываю в сторону все формальное и говорю просто, как просто оно само. Не преследуя корыстных целей, товарищество «Знание», во главе которого стоят М. Горький и вы, издавало мои книги и печатало мои произведения, основываясь исключительно на том, что я как писатель по духу и направлению близок к направлению «Знания»; теми же соображениями идейной близости и доверия руководился и я, издаваясь и печатаясь в «Знании».

Наш «брак» был браком по любви и как таковой существовал лишь до тех пор, пока существовала любовь. Я никогда не мог допустить мысли, чтобы «Знание», то есть Горький и вы, пожелали насильно, основываясь на формальном праве, удержать мои книги, как не могу допустить мысли, чтобы в нашей среде нашлись люди, могущие насильственно, путем хотя бы невыдачи отдельно паспорта, удержать при себе жену, которая хочет уйти.

Более того: я всегда считал себя совершенно свободным, и в отношении материальном, думал, что если материальные мои выгоды заставят перейти меня в другое издательство, то «Знание» не окажет никаких к этому препятствий. Я помню как однажды все мы: М. Горький, вы и я предприняли целую кампанию для того, чтобы выкупить у Маркса произведения Антона Павловича [2]. Тогда мы даже и не преследовали каких-либо идейных целей: мы только видели товарища, оказавшегося материально в невыгодном положении, и желали помочь ему. И было бы нелепостью допустить, чтобы «Знание», когда-то так горячо вступившееся за интересы Чехова и готовое принять все меры для выкупа и освобождения его произведений (хотя на стороне Маркса были все права), — ныне пожелало удержать у себя произведения Андреева вопреки его выгоде, желанию и воле.

Мое положение таково. С одной стороны, мои выгоды (желание обеспечить для себя свободу и возможность работать только по желанию) принудили меня продать свои произведения Н. С. Цейтлину. С другой стороны, идейная связь со «Знанием» у меня давно уже нарушена. Виновником разрыва я считаю исключительно М. Горького: в то время, когда я, плохой или хороший, оставался все тем же в духе работ своих, каким был и в дни близости, М. Горький публично выступил против меня с обвинениями чуть ли не в ренегатстве. Возражать по существу обвинения считаю излишним — всю справедливость его оценит будущее. Но во всяком случае уже одного того, что глава «Знания» М. Горький столь резко и прямо выступил против меня [3], вполне достаточно для того, чтобы мне — не медля уйти из «Знания», а ему — немедля избавить склад «Знания» от моих книг. Будь я человек богатый, я тогда же, по выступлении М. Горького, немедленно потребовал бы свои книги. К сожалению, как ни торопился я с продажею своих произведений,

только теперь имею я материальную возможность освободить свои книги, выплатив товариществу «Знание» все, что им затрачено.

Все изложенное мною, надеюсь, раз и навсегда кончит вопрос о выкупе моих книг; и дальнейшая практическая разработка условий выкупа целиком представляется мною нынешнему собственнику моих произведений Н. С. Цейтлину. Весь свой долг «Знанию» к 1 января 1910 года я уплачиваю С. П. Боголюбову и этим совершенно кончаю материальную сторону моих расчетов со «Знанием».

Ввиду моего отъезда на неопределенное время за границу благоволите ваш ответ, Константин Петрович, направить по адресу: СПб., Знаменская 7, Натану Сергеевичу Цейтлину.

Леонид Андреев

Машинопись с поправками и подписью от руки. АГ.

[1] Речь идет о совместном официальном письме Горького и Пятницкого от имени товарищества «Знание», в котором был решительно поставлен вопрос о финансовых и издательских отношениях с Андреевым (см. Переписка, № 158).

[2] Андреев имеет в виду открытое письмо, подписанное им и Горьким по поводу материальной кабалы, в которую попал Чехов, заключив договор с А. Ф. Марксом — см. стр. 199 настоящ. тома.

[3] Речь идет о статье Горького «Разрушение личности».

99. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

⟨Не позже конца 1910 г.⟩

... Как первым моментом моего сознательного отношения к книге я считаю чтение Писарева, так пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он *первый* обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно, на первый напечатанный мой рассказ «Баргамот и Гараська»), написал мне и затем в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем; и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького, исключительно верного друга литературы и литератора. Только известная сдержанность по отношению к нему заставляет меня удержаться от более горячего выражения чувства признательности и чувства глубокого, единственного уважения...

Автобиографический отрывок с высказыванием Андреева о Горьком — из сб. «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., изд. И. Д. Сытина, 1911 (книга выпущена с объявлением: «Чистый доход с этой книги поступает в пользу Литературного фонда»).

Об исключительном влиянии Горького на свое творчество Андреев писал еще в конце 1901 — начале 1902 г. чешскому писателю и переводчику Б. Прусику — см. выше, № 15.

100. ИЗ ИНТЕРВЬЮ

⟨Октябрь 1911 г.⟩

⟨I⟩

... «Бестемье», разумеется, есть. Объясняется это тем, что беллетристы отошли от основной темы русских писателей: «совесть». «Совесть» — вот тема всех произведений Глеба Успенского и других. Это коренная тема всей русской литературы... Француз, итальянец, немец — он напишет на любой занимательный сюжет, и у него всё — тема. А у нас это не подходит... Пока писали о «совести» — была тема. Но пришла революция, смела всех и всё...

Однако на завтрашний день русской литературы я смотрю весело. В России много талантливых людей и много нетронутых сил ⟨...⟩

Поднимается популярность Горького...

— Гонение на Горького было явлением безусловно реакционного характера. Правда, он и сам отчасти виноват. Вмешавшись в партийную борьбу, он отдал право первородства за чечевичную похлебку. Писатель не должен быть стороной в деле: он — судья! К счастью, Горький и сам выходит из этого состояния... Он — крайний индивидуалист, и было странно видеть его в такой обстановке. Вообразите короля Лира — республиканцем! Так и Горький! Он должен быть сам по себе, и тогда он на своем месте... Теперь он снова выходит на верную дорогу...

⟨II⟩

... Что касается вашего вопроса о «бестемье», которое переживает русская литература, то отчасти вы правы. Но причина не столько в современных русских писателях, сколько в свойстве русской литературы. Свойство это заключается в том, что русская литература искони разрабатывает лишь одну коренную тему. Эта тема — проблема совести. Но за последние годы литература несколько уклонилась от этой темы. Появилась экзотика, проблема пола... Литература перестала отражать действительность и ничем не отозвалась на такую бурю новых чувств и мыслей, какой явилась революция. Русское искусство вообще прошло как-то мимо этой полосы русской жизни. Максим Горький? Но он и всегда стоял в стороне от тех, кого мы называем сейчас «русской литературой».

Кстати, о Горьком. Характерно, что теперь снова пробуждается интерес к нему. Это лучшее доказательство тому, что апатия общества, его реакционное настроение проходит. И нет сомнения, что Максим Горький снова займет подобающее ему место в русской литературе, ибо гонение на Максима Горького, как и увлечение экзотикой, проблемами пола, «Саниным», — всё это явления, безусловно, *реакционные*, которые *пропадут* вслед за пробуждением в обществе интереса к коренной теме русской литературы — к проблеме совести!

А интерес этот *заметно* пробуждается. И потому я бодро смотрю на завтрашний *день* русской литературы...

Первое интервью дано Андреевым журналисту М. Дубровскому, корреспонденту «Московской газеты», в 1911 г. (№ 124, 5 октября); помещено под заглавием: «У Леонида Андреева. (Новый роман Андреева. Андреев о порнографии. Андреев о Горьком)». Поводом для интервью послужил роман «Сашка Жегулев».

Второе интервью за подписью М. Г. —«Солнце России», 1911, № 49, октябрь, стр. 11; под заглавием: «„Сашка Жегулев". Роман Леонида Андреева. (Из беседы с Л. Андреевым)».

101. АНДРЕЕВ — И. А. БЕЛОУСОВУ

⟨Ваммельсуу.⟩ 18 марта 1912 г.

... Кстати: читал статью Максимыча? [1] ⟨...⟩ Скапрился Горький окончательно, надел на свой российский нос, волжскую сопатку, европейские очки, и все у него в голове перевернулось...

Автограф. ЦГАЛИ.

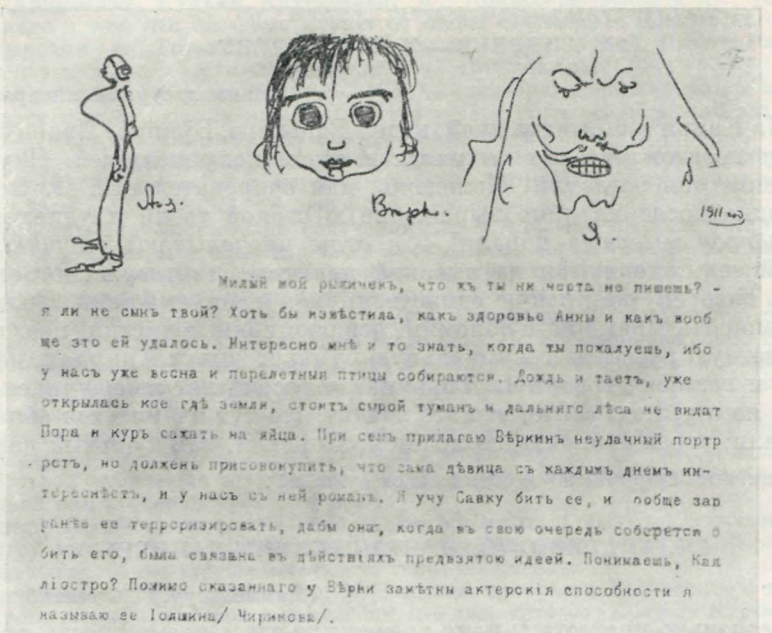
[1] Андреев, вероятно, имел в виду напечатанную 2—3 марта 1912 г. статью Горького «О современности» («Русское слово», № 51 и 52), в которой, как показалось Андрееву, Горький задевал ранее им же одобренный рассказ «Иуда Искариот» (см. об этом — Переписка, № 165, прим. 17).

Это время было для Андреева периодом большого внутреннего разлада, неудовлетворенности, напряженной борьбы с критиками и недоброжелателями.

102. АНДРЕЕВ — А. А. СМИРНОВУ

Ваммельсуу. 27 января 1913 г.

... Хочется о многом поговорить, о литературе и людях. Чувствуется мне, что мы близки по-прежнему; пожалуй, более близких людей я и не знаю, хоть и не видимся мы, и года проходят от встречи до встречи. Ах, дорогой Александр Александрович, какое скверное чувство унес я с Капри от свидания с Горьким. Этому свиданию предшествовала длительная и явно



РИСУНКИ-ШАРЖИ АНДРЕЕВА, 1911 г.
Изображены: сам Андреев, его дочь Вера и жена А. И. Андреева
Рисунки сделаны пером в письме к матери
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

безнадежная переписка, но все думалось: авось это только на бумаге так плохо выходит, а заговорит живой — и польются, как встарь, глаголы живой жизни! Но нет: заматорел Максимыч в экзотике дней своих, учительствует сухо и беспрерывно и, учительствуя, имеет вид даже страшный: человека как бы спящего или погруженного в транс. Коллекционерствует, полон шкаф монет, понимает, что какая мумия обозначает, и безвольно и беспорядочно, как календарь или Брокгауз и Эфрон в сокращенном издании, источает сведения на букву Д и букву С. Строго осуждает любовь, ревность, детей, Россию, пессимизм, за восемь лет не научился итальянскому и живет среди народа, как глухонемой, живет через переводчика 〈...〉

И все на высшей политике, и все поза и игра; и тут же десяток молодых полуписателей, эмигрантов, и внимающих — среди них печальный и милый И. Вольный, на лице коего застыла тоска и вопрос: но почему пальма? И тут же гордый, надменный, остроумный и язвительный И. Бунин, который, по-видимому, теперь никак не может решить: был ли его юбилей [1] всерьез или только для смеха.

Печальная жизнь! Но не жалость вызывает Горький, а возмущение глубокое. Но об этом еще расскажу. И уже трудно вспомнить того Горького, которого мы оба так любили...

Автограф. АГ.

Об А. А. Смирнове — см. Переписка, № 23, прим. 5.

Андреев был на Капри с 6 по 11 января 1913 г.

[1] 25-летний юбилей литературной деятельности Бунина отмечался в октябре 1912 г. На этот юбилей в литературной среде реагировали по-разному; некоторые литераторы не считали Бунина крупным писателем.

103. АНДРЕЕВ — И. С. ШМЕЛЕВУ

Ваммельсуу. 31 января 1913 г.

... На Капри я был пять дней, видел Горького, Бунина, Ивана Вольнова и еще десяток русских полуизгнанников, полуписателей. И ужасное впечатление они оставили! Молодежь, как очаровательный И. Вольный, еще наивно носят на лице выражение жестокой тоски и удивления: за каким чёртом мы сюда попали! — а отцы проделывают высшую школу верховой езды, держатся на высокой политике и утверждают свою невольную экзотику как некую единственную истинную жизнь. Коллекционируют монеты, мраморные обломки, революционные листки, поедают стопами газетную русскую и журнальную бумагу, живут в виллах, не имеют детей — и говорят, говорят!.. Горький за восемь лет не научился итальянскому языку: подумайте, что это значит! Но тут начинается область такой печали, что и говорить не хочется. Впрочем, сам Горький доволен...

Машинопись с припиской и подписью от руки. АГ.

104. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Ваммельсуу.〉 24 сентября 1913 г.

...Касательно протеста [1]: меня тревожила здесь возможность того массового психоза, при котором правых не разбирают, бьют гуртом и походя. И только в этом я видел опасность для театра. Другая же опасность, более серьезная, в том, что «политическая» сторона «Бесов» уж очень тщательно будет обойдена при постановке; и это может исказить вещь. Отнять от Ставрогина «Иван-царевича» есть не только ампутация — пусть бы ковылял на одной ноге! — а очень серьезная и опасная для жизни операция. Мне уже сейчас не нравится заглавие — «Н. Ставрогин» — *такой* вещи у Достоевского я не знаю.

И вот последнего я теперь боюсь, ибо протест, сочиненный Горьким, оказался не так страшен, как его малевали. Больше скажу: нельзя было написать более самоубийственной вещи, чем сделал это Горький, — и смех и слезы! Трудно представить, чтобы нашлись желающие следовать за таким наивным и беспомощным — в данном случае — человеком 〈...〉

Ваш ответ Горькому хорош [2]. Мне жаль Горького, жаль и литературу, которую он в своем лице поставил в столь горькое положение. Противно, когда приходится рукоплескать Арцыбашеву [3], ставящему в угол М. Горького. Хотел я и сам писать, да теперь уж и не знаю.

Машинопись. Архив Музея МХАТа. Приписка: «Ваш ответ Горькому хорош...» написана Андреевым от руки, очевидно, после 26 сентября, то есть после прочтения в печати ответа Художественного театра.

[1] Речь идет об открытом письме Горького в редакцию «Русского слова» — «О карамазовщине» (напечатанном в № 219, 22 сентября 1913 г.). Оно было снабжено примечанием: «В письме, сопровождающем настоящее письмо в редакцию, сам автор так определяет свою задачу: „Я глубоко убежден, что проповедь со сцены болезненных идей Достоевского способна еще более расстроить и без того уже нездоровые нервы

общества"». В открытом письме Горький называл Достоевского «злым гением» русской литературы и протестовал против готовившейся инсценировки «Бесов».

Для деятелей Художественного театра это не было неожиданностью. Будучи еще в Италии, в Римини, Горький в июле 1913 г. говорил артисту этого театра Л. М. Леонидову о нежелательности постановки «Бесов» («Летопись», II, стр. 368). Леонидов ознакомил с этим мнением Немировича-Данченко (сб. «Л. М. Леонидов». М., 1960, стр. 282). В конце августа Горький отказался отдать Художественному театру пьесу «Зыковы», уведомив Немировича-Данченко о своем желании выступить против готовящегося спектакля («Летопись», II, стр. 372).

Андреев совершенно разошелся с Горьким в этом вопросе, хотя и не выступил публично против его статей о Достоевском. По поводу выступления Горького дали интервью Арцыбашев, Куприн, Айхенвальд, Ф. Комиссаржевский и др., упрекнувшие Горького в том, что он «замахнулся» на «нашу святыню»— Достоевского. С резкими нападками на Горького выступили также Мережковский, Иванов-Разумник. Почти все центральные газеты откликнулись на это событие.

В газете «Новости сезона» (1913, № 2705, 24 сентября) появилась такая информация: «С аналогичным предложением о протесте друзья Горького обратились и к другу Горького — Леониду Андрееву, который, однако ж, не подошел к этому вопросу с узко партийной точки зрения, заевшей и талант Горького, и категорически отказался участвовать в протесте». О позиции Андреева — см. также редакционную заметку в «Утре России», 1913, № 221, 26 сентября.

[2] Немирович-Данченко еще до получения писем Андреева пытался убедить Горького во вреде его открытого выступления против постановки «Бесов». Он писал ему 8 сентября 1913 г.: «Однако я перебрал все, что могу предположить, и остаюсь при убеждении, что если бы вы знали, видели сами, что и как инсценируется из Достоевского, то ваше чувство протеста было бы крайне ослаблено. Я, разумеется, не прошу вас воздержаться от протеста,— это было бы нелепо. Но искренно сожалею, что такой большой вопрос (как я считаю, между мною и вами) придется решать заглазно. Сожалею потому, что не могу не прислушиваться с большим вниманием к вашим взглядам» (Архив Музея МХАТа).

В ответ на выступления Горького и высказывания в печати по этому поводу появилось следующее открытое письмо Художественного театра: «В разгар нашей трудной и радостной работы над постановкой второго романа Достоевского ваше выступление в печати нам особенно чувствительно.

Нас не то смущает, что ваше письмо может возбудить в обществе отношение к нашему театру как к учреждению, усыпляющему общественную совесть,— репертуар театра в целом за 15 лет вполне ответит на такое обвинение.

Но нам тяжело было узнать, что М. Горький в образах Достоевского не видит ничего, кроме садизма, истерии и эпилепсии, что весь интерес „Братьев Карамазовых" исчерпывается в ваших глазах Федором Павловичем, а „Бесы" — для вас не что иное, как пасквиль временно-политического характера и что великому богоискателю и величайшему художнику Достоевскому вы предъявляете обвинение в растлении общества. Наша обязанность, как корпорации художников, напомнить, что те самые „высшие запросы духа", в которых вы видите лишь праздное „красноречие, отвлекающее от живого дела", мы считаем основным назначением театра. Если бы вам удалось убедить нас в правоте вашего взгляда, то мы должны были бы отречься от искусства, как утратившего свою цель. В то же время мы должны были бы отречься от всего лучшего в русской литературе, отданного служению именно тем самым „вопросам духа"» («Русское слово», 1913, № 221, 26 сентября; подписано коллективом Московского Художественного театра 24 сентября).

Немногие тогда оценили политическую остроту выступления Горького.

На его защиту встала большевистская газета «Правда». В ней печатались отклики рабочих, публиковались статьи, показывающие, что на этом вопросе о Достоевском и достоевщине столкнулись два полярных мира — пролетарский и буржуазный. Так, 4 октября 1913 г. в газете «За правду» (одно из названий «Правды») старейший деятель партии М. С. Ольминский напечатал статью «Поход против М. Горького». С гневом и горечью большевистский журналист писал: «Интеллигенция готова удовлетвориться подачками и объединиться (если ее поманить пальцем) с реакцией против пролетариата — в этом основная причина как прощения Достоевского, его реакционности, так и озлобления против Горького».

В № 23 «За правду» 30 октября 1913 г. было помещено «Открытое письмо М. Горькому»: «Уважаемый товарищ! Мы, рабочие-учащиеся Л. В. К., обсудив ваше выступление против постановки „Бесов" на сцене Художественного театра, искренно присоединяемся к вашему протесту. Под видом служения искусству позорно проповедовать мракобесие, позорно служить религии.

Пусть на вас льют помоями все, кто утратил настоящую идейную почву, все испуганные приближением пробуждающейся демократии. Грязь, брызжущая от писаний литераторов из „Биржевки", не запятнает пролетарского певца-поэта низов перед лицом пробуждающегося рабочего класса ⟨...⟩ Вместе со всеми истинными демократами мы протестуем против ничем не прикрытого цинизма всех этих лицемер-

ных крикунов, которые осмелились перед лицом всего русского общества из-за угла напасть на вас. Грязь, брошенная в вас, осталась не только на руках, бросивших ее, но и на их продажных душах и именах...» Подпись: Группа учащихся-рабочих.

То, что в споре о Достоевском столкнулись два лагеря, Андреев не понял, заняв в дискуссии антигорьковскую позицию.

[3] Андреев имеет в виду «отповедь» Арцыбашева Горькому в «Вечерних известиях», 1913, № 286, 24 сентября под названием: «М. П. Арцыбашев о выступлении Горького против Художественного театра. Беседа».

105. АНДРЕЕВ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

⟨Ваммельсуу.⟩ 14 октября 1913 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Вам передали правду: ваши статьи по поводу «Анатэмы» [1] не могли не вызвать во мне протеста крайней резкостью суждений. Но говорить сейчас об этом не стоит: вот бог даст увидимся в России или Италии, куда я зимой собираюсь, и тогда в устной беседе посчитаемся. Но одного я не могу оставить без немедленного опровержения, ибо касается это будущих наших отношений и при неверном толковании может повести к большой путанице.

Правда, «Не убий» [2]—вещь характера реалистического, по крайней мере, внешней формой своей. Но ни поворота в сторону истинного реализма, ни отказа моего от прежних мистико-символических исканий она не знаменует. Просто для данного настроения моего (не личного) и данной мысли такая форма была единственно соответствующей; но в то же время есть у меня в замысле и даже пишутся вещи того же враждебного вам характера, как «Черные маски» или «Анатэма». Так оно, положим, и прежде бывало: я никогда не останавливался на одной форме, не делал ее для себя обязательной — и вообще никогда не связывал свободы своей формой или направлением. Вспомните, что в один год с «Анатэмой» я напечатал «Сына Человеческого» [3], рассказ, к моему удовольствию, понравившийся вам. В противоположность тому теперешнему категорическому утверждению *формы*, по которому она является первоначалом и источником содержания,— для меня *форма* была и есть только граница содержания, им определяется, из него естественно вытекает. Выражаясь грубо: сперва человек, а потом его брюки.

Может быть, это просто недостаток силы — но я никогда не мог вполне выразить свое отношение к миру в плане реалистического письма. А вернее: это показатель того, что я внутренне, по существу моему писательски-человеческому — я не реалист. Кто же я? Мистик? — Не знаю. А в конце концов я просто не понимаю и — простите — не принимаю этого деления, оно мне кажется смешным. Ибо таким же мистиком является на мой взгляд и Алексей Максимович, ныне считающий меня своим врагом, и таким же «мистиком» был реалистичнейший Л. Бёрне [4] в ту минуту, когда, закрыв глаза, он воспевал радость — мистическую! — смерти на баррикаде. Знаю наших «христиан», теософов, эстетов, плоских акмеистов, философских негодяев, как Розанов, вульгарных пессимистов. Знаю:Брюсов и Ф. Сологуб — и все они глубоко враждебны мне, но не тем, что они «мистики» и «символисты» или «реалисты». Враждебны они тем, что не любят в жизни «любимое мною», любят то, чего я не выношу или не люблю. А мистик?.. что такое «мистик»?

Для всех серьезно мыслящих и живущих жизнь — мистерия, и весь вопрос — для меня, оговариваюсь! — в том, на чьей стороне человек, а не в том, предпочитает ли он «символы» для выражения своих чувств или форму тургеневско-купринского романа. Пусть даже кубом выражается или излучением—только выражал бы он человека, а не свинью в ермолке!

И вот в этом отношении — позволю себе утверждать это — я никогда не был враждебен ни вам, ни Горькому, ни даже Луначарскому [5], который налепил мне на лоб клеймо раба. Тот же мистический Давид Лейзер [6] есть только утверждение подвига, самоотвержения, протест против личного во имя общего, людского — так неужели одна *форма*, в которой я это говорю, может сделать нас врагами? Ведь даже и на войне дерутся не только потому, что *форма* не нравится у солдата: наша лучше!

Но бывает, что *форма* может вызвать ненависть и жажду борьбы с собой: это тот, к сожалению, нередкий случай, когда форма становится догматом, единственной дорожкой в рай. И когда символизм потребует

Л. Н. ТОЛСТОЙ. ПОРТРЕТ РАБОТЫ АНДРЕЕВА, 1912 г.

Местонахождение оригинала неизвестно.
Воспроизводится (по сохранившемуся негативу) с цветной фотографии, снятой Андреевым
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

от меня, чтобы я даже сморкался символически, я пошлю его к чёрту; и когда реализм будет требовать от меня, чтобы даже *сны мои* строились по рецепту купринских рассказов — я откажусь от реализма. И вот скажу вам откровенно, из уважения к вам, желая быть правдивым до конца: ваш догматический реализм, обязательный для всех времен, племен и народов, я считаю началом враждебным не только себе, но и самой вечно развивающейся, творящей форме, как и суть свободной жизни.

И может быть, в этом ошибка ваша, Горького и других, что в момент *перевооружения* всех художественных и умственных сил вы во что бы то ни стало стремитесь сохранить старые ружья и добрый, старый, дымный порох, который когда-то был так хорош! И для экспедиции на дикарей, какими, к сожалению, являются еще многие из читателей, он действительно вполне пригоден, но сильные вооруженные верхи уже на каждом шагу

побивают вас! — И мне это горько, ибо воля у нас к свободе и революции одна! Вот я не могу без тоски думать о Горьком. Величайший романтик, огромнейший (и совсем не использованный) талант, первый, быть может, во всей литературе *рыцарь пролетариата* — он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещий сон о пролетариате мучительно распяливает на четырех правилах арифметики. Ведь в конце концов реально только то, чего я не люблю: Кассо [7], например, и другие рожи русской и иной действительности, а то, что я люблю и чего хочу — всегда нереально. Его нет — и только поэтому я его хочу. И вот «безумец, который мог бы навеять человечеству сон золотой» (по его же любимым словам), насилует жизнь своим романтическим псевдореализмом, насилует себя, — Дон-Жуан, собственной рукой охолостивший себя, но не могший вытравить любви к женщине-романтике! И все это — для вящего торжества доброго, старого, дымного пороха!

Однако я забрался дальше, чем думал — об этом надо говорить, а не писать. Тороплюсь сделать выводы. Как видите, по существу, — ни я вам не враг, ни вы мне: и отсюда мое сотрудничество вполне возможно и естественно [8]. Но как относительно формы? — Конечно, из двоякого рода вещей я могу давать вам то, что... ну, скажем просто: приятно вам по форме реалистической. Но ведь не может же правая моя рука не ведать, что творит левая, да и ваши руки также — как же нам быть с остатком и каково будет ваше отношение к Андрееву второму? — Враждебное? — но это, вы сами понимаете, нелепость; дружеское? — но тогда вы должны признать, что реализм не обязателен. Но моей готовности работать для общего дела — верьте; и уж, конечно, не в гонораре дело. Буду очень рад, если вы ответите мне и рассеете мои сомнения... теоретик я плохой...

Автограф. ЦГАОР, РЗИА, ф. Амфитеатрова, № 5798, оп. 1, ед. хр. 88; «Реквием», стр. 259—263 (по копии, не полностью и неточно).

16 ноября 1913 г. Амфитеатров поделился с Горьким впечатлением от полученного письма Андреева: «В числе многого получил прелюбопытное письмо от Леонида Андреева, которым я очень доволен и очень озабочен. Доволен потому, что я не ожидал, чтобы он был такой искренний, экспансный, широкой души и прямо-таки хороший насквозь малый, каким это письмо его рисует, а озадачило потому что — матиньки! Написал он мне целую теоретическую исповедь свою, а я не знаю, как ему отвечать: не что, а *как*,— потому что является он в ней первобыт-первобытом, и придется, значит, говорить с ним о таких азах и Америках, с которыми подступать к столь знаменитому писателю просто-таки неловко... Из мест, в которых он пишет о вас, видно, что он вас очень любит и с большим „надрывом“. Вообще, в письме у него в тысячу раз более страстная душа, чем в сочинениях. Очень интересуюсь однажды лично с ним познакомиться» (АГ).

Горький ответил Амфитеатрову: «Что касается до письма Леонидова, кое вас обрадовало, тут я скажу, что Андреев—человек прежде всего чрезвычайно талантливый и потому очень легко может написать „искреннее“ и „экспансивное“ письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонида,— да не запутается в противоречиях непримиримых оный биограф. Я и знаю Леонида, и очень люблю его талант, и весьма всегда дрожу за него при всяком его шаге, как за брата родного дрожу, уж поверьте! Но нет, не могу я сказать, что он „насквозь хороший малый“, ибо знаю, что он презирает людей, болезненно самолюбив, зол и хитер. И никого, никогда не любил,— не умел. Весьма заинтригован я его „теоретической исповедью“, интересно — куда его теперь влечет, по чью капусту? Большая это болячка души моей, Леонид. Хорошие у нас отношения были. Я знаю, что сейчас он живет трудно и одиноко» (письмо без даты.— АГ).

Амфитеатрова поколебали, но не до конца убедили слова Горького. Он ответил ему 25 ноября 1913 г.: «Очень было любопытно то, что вы мне писали о Леониде Андрееве: то-то вот и есть, что в письме его, действительно, звучит двойственность и неопределенность... Так что не знаешь, чему в нем, в конце концов, верить, чему — нет... А покуда „Просвещение“ умоляет меня не включать в новый выходящий том сочинений статей, которые я писал об „Анатэме“ Леонида Андреева, потому что „он может очень обидеться, что отзовется на их отношениях“. Я поэтому решил снять все статьи, которые когда-либо писал о нем и отложить их до будущего времени... Заметьте, что это

уже второй раз я встречаюсь с такого рода цензурою. В первый раз было в „Прометее", когда мы затевали сборники, и дело разошлось именно из-за того, что я решительно отказался от условия не писать ничего против Леонида Андреева. Все это ужасно двойственно и странно, как видите. И вот потому-то смущает. А письмо его, повторяю, прямо-таки прелестно» (АГ).

В статье «О цинизме» (1931) Горький цитирует отрывок из этого письма Андреева: «Мне кажется,— говорит там Горький,— что из этих слов можно сделать только один вывод: сегодня я говорю то же самое, что говорил всегда. Мой друг, а затем мой „враг" Леонид Андреев в 1913 году в письме к А. В. Амфитеатрову назвал меня „рыцарем пролетариата" — слова, конечно, слишком громкие и лестные, но они ведь сказаны только затем, чтобы сказать: „...он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещий сон о пролетариате, распяливая на четырех правилах арифметики. Ведь в конце концов реально только то, чего я не люблю, а то, что люблю и чего хочу — всегда нереально". Это напечатано в книге „Реквием", изданной „Федерацией", и это — очень грустная ошибка Андреева: ему, как и всем, не следовало пренебрегать четырьмя правилами арифметики, правила эти — основа науки. А „чудесный сон" о свободе пролетариата, о силе творческой воли его,— „сон" этот стал в Союзе Советов героической действительностью» (XXV, 376).

Сборник «Реквием», вышедший в 1930 г., о котором пишет Горький в этой статье, сохранился с его пометками в личной библиотеке писателя.

[1] Амфитеатров написал об «Анатэме» ряд статей («Одесские новости», 1909, № 7920, 7927, 20 и 29 сентября. См. также «Новости сезона» за этот же период и др.).

Вокруг «Анатэмы» был поднят большой шум. По одному только «Обозрению театров» можно проследить за основными оценками этой пьесы Андреева (см. № 921, 931, 944, 1, 11 и 25 декабря 1909 г.).

Своими впечатлениями от произведений Андреева Амфитеатров постоянно делился с Горьким. Так, в августе 1909 г., вскоре после появления пьесы Андреева, Амфитеатров писал Горькому: «Жую „Анатэму", прочитанную нам недавно Павлом Самойловым ⟨...⟩ Наглая вещь. Холодная и без малейшего уважения к публике, которую высокоталантливый плагиатор почитает безграмотною и беспамятною дурою. Очень может быть, что он и прав, но — сам-то автор, как всегда, невежествен, и зрелище получается довольно противное...» (АГ). В следующем письме от сентября 1909 г. Амфитеатров информирует Горького: «Андреев разобиделся на меня смертно и жалуется интервьюерам в тоне грустно-минорном, вроде — и ты, Врут! Пришлось написать фельетон, который ему, вероятно, весьма не понравится, хотя писал я его с самыми добрыми намерениями и чувствами. Я вам пришлю все эти писания как только получу из Одессы» (там же). В письме от 25 октября 1909 г. он снова возвращается к той же теме: «С Андреевым опять приходится возиться из-за Читателя*, о коем вы писали мне. Очень неприятно. Леонид Николаевич в самом деле вообразил, что я против него что-нибудь лично имею, тогда как кроме искреннейшего уважения к его таланту иных чувств по его адресу никогда не питал. А если на месте, где может расти пшеница, вдруг поднимается чертополох, как не придти в горе?» (там же).

[2] Пьесу «Не убий» Андреев, по его словам, создал в две недели, «некоторые акты написав по два и даже по три раза» (из письма к Немировичу-Данченко от 9 сентября 1913 г.— Архив Музея МХАТа). Художественный театр заинтересовался пьесой, читал ее, но к постановке она не была им принята. В Александринском театре пьеса была снята из-за подозрения, что героем ее выведен Распутин; шла в театре Незлобина в декабре 1913 г. Была также принята Рейнгардтом для «Немецкого театра» в Берлине.

[3] «Сын Человеческий» напечатан в альманахе «Шиповник», кн. 9, 1909 (по существу своему антирелигиозный рассказ).

[4] Людвиг Бёрне (1786—1837) — немецкий писатель, публицист и редактор, против мистических заблуждений которого неоднократно полемически выступал Генрих Гейне.

[5] См. Переписка, № 157.

[6] Давид Лейзер — главный герой пьесы Андреева «Анатэма».

[7] Лев Аристидович *Кассо* (1865—1914) — в 1910—1914 гг. министр народного просвещения; проводил крайне реакционную политику, уничтожая в высших учебных заведениях остатки «свобод», жестоко расправляясь со студентами.

[8] После реорганизации «Современника» (см. Переписка, № 159, прим. 4) Амфитеатров стал мечтать о создании другого органа; туда, видимо, и приглашал он заранее Андреева.

---

* Статья «Так нельзя», за подписью «Читатель» («Одесские новости», 1909, № 7928, 30 сентября), была целиком посвящена защите творчества Андреева от критики Амфитеатрова. Автор ее писал: «Нельзя, ссылаясь на некоторые неудачи писателя ⟨...⟩ игнорировать его цельную роль в русской литературе, роль художника-пробудителя, художника-миссионера...».

106. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

‹Ваммельсуу.› 22 октября 1913 г.

... Собачий вальс [1] кончил, но... Странная это вещь, и стою я перед ней, разинув рот — а еще автор! Может быть, и очень хорошо, и есть это *новая* драма, как и «Катерина Ивановна» [2], та самая новая драма, о которой сейчас пишу статью; а может меня драть надо батогами. Горький-то уж наверное выдерет, да и публика, пожалуй, опять обидится, но, конечно, вопрос не в этом ‹...› Кончил «Письмо о театре» и почти все оно о Художественном и о вас [3]. Вероятно, меня будут клясть, в частности огорчится Станиславский и обидится Бенуа, а я стал сердит и пусть на меня сердятся. *Ваши постановки Достоевского я считаю столь же важным для театра делом, как и постановку Чехова* — это новая вершина. Казбек после Ай-Петри.

Автограф. Архив Музея МХАТа.

[1] «Собачий вальс» — пьеса; напечатана в «Современных записках» (Париж), 1922, № 10, стр. 1—66 (в том же году вышла в США). Была поставлена Государственным показательным театром в Петрограде в 1920 г. с участием известного артиста И. Н. Певцова. Андреев начал работать над этой пьесой в 1913 г., создал несколько вариантов, закончил в конце 1916 г. Тема пьесы волновала автора, но долго не давалась ему.

Различные варианты пьесы Андреев посылал для чтения Немировичу-Данченко (Архив Музея МХАТа). В письме, сопровождавшем один из вариантов, Андреев признавался: «Ведь это моя *молитва*, это я сам, это я навсегда такой и не другой».

[2] Пьесу «Екатерина Ивановна» Андреев очень ценил. Он писал 12 апреля 1912 г. Немировичу-Данченко, готовившему ее постановку: «А пока — несколько слов о милейшей Катерине Ивановне. Она — наименее выдумана мною. Как раз такую женщину я видел и знал довольно близко: с этими взмахами рук, с этой прической (которую вы угадали), с внешностью модернистской и несколько несуразной...» (Архив Музея МХАТа). См. также Вера Юренева. Записки актрисы. М.— Л., «Искусство», 1946, стр. 149—150.

[3] Первое письмо о театре Андреев поместил в журнале «Маски» (1912, № 3); датировано автором: «10 ноября 1912 г.». Второе письмо вместе с первым «с любезного разрешения автора» было опубликовано в альманахе «Шиповник» (1914, кн. 22, стр. 229—290; датировано автором 21 октября 1913 г.). Во втором письме Андреев писал: «Для меня, как я понимаю, новый театр будет исключительно театром *панпсихизма*. Что под этим подразумевается—я постараюсь вскрыть на примере Художественного театра, проследив под известным углом зрения его историю — его прошлое и его настоящее. Кстати же, благодаря письму Горького о постановках Достоевского и последующих объяснениях со стороны труппы и В. И. Немировича-Данченко, на этот театр снова обращено усиленное внимание ‹...› не лишенное, впрочем, ехидства» (стр. 247).

107. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

Ваммельсуу. 31 октября 1913 г.

... Статью вам посылаю [1]: только прочтя ее, увидите и то, как *важен* для меня был последний ваш спектакль и как интересно свыше всякой меры то, что вы пишете о работе над Достоевским [2]. Каждое слово ваше глотаю с наслаждением. Думаю, что рассеются при чтении и ваши опасения относительно имен: тут я очень мягок и не хочу «разделять», хотя вовсе и не хочу за постановку Мольера венчать Станиславского и Бенуа [3]. Если же есть резкости в характеристике некоторых постановок, то падают они, резкости эти, на театр вообще... и даже не на театр, а на драму. Вас отдельно я упоминаю, и не могу не делать этого, особенно теперь, когда письмо Горького именно вас поставило под обстрел[4]...

Автограф. Архив Музея МХАТа.

[1] Речь идет о статье Андреева, посвященной Художественному театру (см. о ней прим. 3 к письму № 106).

[2] Письмо Немировича-Данченко не найдено; возможно, что имеется в виду открытое выступление Художественного театра в печати в ответ Горькому (см. письмо № 104); инициатором его был Немирович-Данченко.

[3] В 1913 г. Художественный театр поставил две пьесы Мольера: «Брак поневоле» и «Мнимый больной»; оба спектакля были поставлены и оформлены А. Н. Бенуа с помощью К. С. Станиславского. Говоря о своем нежелании «разделять», Андреев имел в виду не совсем однородные позиции Станиславского и Немировича в вопросе инсценировок произведений Достоевского, а также их различное отношение к драматургии Андреева. Немирович поощрительно относился к творчеству Андреева, тогда как Станиславский — более сдержанно, особенно после не понравившейся Андрееву постановки Станиславским пьесы «Жизнь человека» (см. об этом выше).

[4] Постановку «Братьев Карамазовых» Достоевского осуществлял в театре Немирович-Данченко. Андреев намекает здесь на слова из второго письма Горького («Еще раз о „карамазовщине"».— «Русское слово», 1913, № 248): «Однако, когда в 1907 г. театр Суворина поставил на сцене „Бесов", общество, в виде прогрессивной печати, протестовало против этой инсценировки, справедливо определив ее как прием политической борьбы. Почему же то, что во грех Суворину,— Немировичу-Данченко во спасение?..»

108. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Ваммельсуу.〉 17 ноября 1913 г.

... Но даже и при наличности этого курьезного требования внешней бодрости я не думаю, чтобы упреки и возражения против «Мысли» могли быть сильны, хоть мало-мальски значительны. Во-первых, — это трагедия: то есть протекает она в тех нагорьях жизни и мысли, где вопросы уже не рассматриваются под углом обывательского настроения, где мерки иные, где иные и слезы. Признать «Мысль» мрачной — это признать мрачным и негодным для сегодняшней сцены всего Ибсена, Гауптмана, Чехова — почти всю литературу — признать мрачной *всякую* драму или трагедию〈...〉 Что же останется?

Во-вторых, по самому существу своему «Мысль» отнюдь не есть тенденциозно-пессимистическая вещь: трагически погибающему Керженцеву, одинокому носителю голой индивидуальной мысли, весьма резко противо-

«ПРЕКРАСНЫЕ САБИНЯНКИ». САТИРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА АНДРЕЕВА, ИЗДАНИЕ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ РЕ-МИ (Н. В. РЕМИЗОВА) (СПб., 1913)
Обложка

поставляется *Маша*, выразительница твердых и бесспорных начал коллективной, почти мировой жизни — развенчанной мысли противополагается жизнестойкая, царственная интуиция...

До постановки «Мысли» появится моя статья о театре [1]. Готов поручиться, что она вызовет *переоценку* моих пьес не только у критиков, но и у зрителей ваших. И, пожалуй, вызовет не только переоценку одних моих пьес, но и всего репертуара: во всяком случае поставит его под угол зрения психологичности, а не *оптимизма* горьковско-вересаевского. Очень возможно, что и вам и мне при этом здорово влетит (особенно мне, конечно), но язвить будут не за «мрачность» — о ней к тому времени позабудется — а за психизм, за претензии, за неудачный выбор пьесы [2], за то, что я нахвастал, а сделать ничего не сумел. Ведь и критик и зритель давно блуждают в пустыне бездорожья: и какой столб с нарисованной рукой и пальцем им сейчас ни поставь, они всякому будут рады. Поставил Горький указующий перст: «держи к бодрости!!!!» — туда и держат; появится перст с «держи к психизму!» — туда и повернут...

Автограф. Архив Музея МХАТа.

[1] См. письма № 106 и 107.

[2] Речь идет о пьесе «Мысль», предназначенной Андреевым для Художественного театра (премьера состоялась 14 марта 1914 г.)

109. АНДРЕЕВ — А. А. КИПЕНУ

Рим. 6 марта 1914 г.

...Что знаете о Горьком? Из Москвы мне писали, что ни с кем не видался [1].

ИРЛИ.

[1] Горький выехал из Италии через Берлин в Россию 27 декабря 1913 г. 31 декабря он приехал в Мустамяки. В январе 1914 г. Горький получил от Андреева письмо с приглашением поселиться на время его отъезда за границу в его доме, в Териоках. «Вообще наши личные недоразумения здесь не при чем...»,— писал Андреев (см. Переписка, № 174).

10 апреля Горький присутствовал в Петербурге на представлении «Мысли» Андреева (гастроли Художественного театра) и о своем впечатлении писал Е. П. Пешковой 15 апреля: «Скучно и не умно...» (АГ. Личный архив Е. П. Пешковой).

Встреча обоих писателей произошла лишь в конце мая — начале июня 1914 г. Они много спорили о России, русской культуре, судьбах русского народа (см. воспоминания Горького «Леонид Андреев» в настоящ. томе). Горький жил чрезвычайно насыщенной жизнью все месяцы после возвращения на родину, много работал и был очень доволен, что ему «не мешают». «Как приятно не видеть <...> всех этих Танов, Андреевых, Сологубов»,— говорил он Ю. А. Желябужскому (из письма последнего к матери — М. Ф. Андреевой.— «Летопись», II, стр. 455).

110. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

<Петербург. 16 октября 1914 г.>

... С литераторами на ножах, возмущает их вялость, нерешительность. отсутствие широкого государственного ума. Многие ничего не понимают, смешивают эту войну с японской. Максимыч крайне возмутителен [1]...

Машинопись. ИРЛИ. Датируется по почтовому штемпелю.

Андрей Николаевич Андреев находился тогда на фронте.

[1] Так расценивал Андреев пораженческую позицию, занятую Горьким во время Первой мировой войны.

В сентябре 1914 г., находясь на излечении от невралгии в клинике, Андреев в письме к Шмелеву попытался осмыслить и найти определение своей позиции. Как мы увидим ниже, она разительно отличалась от позиции, занятой Горьким. Приглашая Шмелева участвовать в новом журнале «Отечество. Иллюстрированная летопись» З. И. Гржебина (первый номер которого под редакцией Андреева вышел 2 ноября 1914 г.), Андреев писал Шмелеву: «Стало быть дело в программе и в вашем

отношении к ней. А программа такая: *до времени* оставив в стороне наши внутренние дела и борьбу с правительством, — сейчас всеми силами содействовать успеху на войне, содействовать осознанию происходящего и уяснять его истинный смысл. Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен свыше всякой меры. Это борьба демократии всего мира с цезаризмом и деспотией, представителем каковой является Германия. Если бы у нас наверху были умнее, они дрались бы с Вильгельмом против Франции и Англии; и наша реакционная пресса, обычно настроенная шовинистически и по всякому поводу готовая к войне,— и в этом разе уже начинает бить отбой, намекать о мире и прославлять Вильгельма. Они животом чувствуют, что разгром Германии будет разгромом всей европейской реакции и началом целого цикла европейских революций. Отсюда и то необыкновенное и многих смущающее явление, что антимилитаристы и пацифисты, Эрве и Кропоткин, стоят *за войну* до самого конца. Отсюда и я, автор „Красного смеха" (как никак!) также стою за войну.

Конечно, ни для кого не тайна, что правительство под шумок уже загибает салазки, арестует и сажает — готовится на всякий случай. И цензура жестоко режет, и вообще писать нелегко,— но мы, русские писатели, уже научились, слава богу, проскальзывать между пальцами; постараемся и теперь. Повторяю: прямо говорить о внутренних делах сейчас нет и надобности.

Есть у нас, писателей, и особой важности задачи: противупоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя и нет у нас внешней материальной культуры и богатства. Надо всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии; немецкий же стремится к вечному порабощению, к созданию на земле образцовой тюрьмы и военных поселений.

Конечно, это всего только мое мнение; но не думаю, чтобы в оценке русского, которое вы так любите, мы особенно разошлись. И уж, конечно, вовсе не следует искать здесь „национализма", который так же привезен к нам из Германии, как и военные поселения, враждебен свободному духу нашему. Свобода для всех, а тюремщиков к чёрту!» (ЛБ).

111. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 6 ноября 1914 г.〉

... Днем либо валяюсь на постели, либо сижу в кресле, как Вольтер. Скучища ужасная 〈...〉 Горький и другие умные люди все молчат, гадают на старой гуще. За пьесу критики считают меня жуликом [1].

Машинопись. ИРЛИ. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Андреев имеет в виду свою пьесу «Король, закон и свобода», изданную журналом «Отечество» в 1914 г.

Еще только задумав пьесу, Андреев раскрывал перед Немировичем-Данченко свой замысел: «Конечно, отнюдь не патриотический моветон, а нечто вроде „драматической летописи войны", немного в форме „Царя-Голода", а главное в настроениях. Долго колебался, прежде чем решиться, но факт тот, что быть *иносказательным* как-то стыдно, а нет ни спокойствия, ни отвлечения для чисто художественной работы 〈...〉 Мне кажется, что, взяв Бельгию, я дам то необходимое расстояние, которое должно отделять сцену от зрителя...» (письмо от 27 августа 1914 г.—Архив Музея МХАТа).

2 сентября 1914 г. Андреев сообщал на фронт, брату Андрею Николаевичу: «Пишу пьесу из войны, место — Бельгия, герои — Метерлинк, король и Вандервельде; все только слегка замаскированно...». «Первый сбор с пьесы отдаю бельгийцам»,— писал Андреев ему же 11 октября 1914 г. (ИРЛИ). Бельгию Андреев выбрал, вероятно, потому, что она первая приняла вероломный удар от нарушивших договор и границы немецких войск.

Писатель работал над этой драмой с глубочайшим волнением. В письме к Белоусову от 28 октября 1914 г. он сознается, что плакал, когда писал ее: «Интеллигенту и писателю ныне надо добровольно наложить на себя трезвость и воздержание, иначе будет стыдно перед мужиком» (ЦГАЛИ). «Поскольку моя пьеса лирична,— заявил Андреев в одном из интервью,— постольку для нее не было нужды ни в исторической перспективе, ни в долгом периоде вынашивания, как это, например, было безусловно необходимо для новой моей трагедии „Самсон в оковах", с мыслью которой я жил целых три года» (Н. Кручинин. Леонид Андреев о своей пьесе. — «Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, № 14632, 25 января). Несколько позже Андреевым был написан по пьесе киносценарий, опубликованный в журнале «Экран и рампа», 1915, № 7, 8—12 февраля, стр. 15—16.

Пьеса не имела успеха ни у зрителей, ни у критиков. «Не те слова»,— так озаглавил свою статью о пьесе В. Л. Львов-Рогачевский («Северный голос», 1915, № 4, 21 февраля, стр. 2).

112. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

〈Ваммельсуу.〉 31 декабря 1914 г.

... Видаюсь с Горьким, отношения наладились мирные и с его стороны даже с намеком на чувство; не знаю, искренен он или играет, но для мира принимаю всё за чистую монету. На днях приедет ко мне ночевать, потом вместе в Петроград, есть кое-какие совместные дела [1]. С виду он здоров и спокоен...

«Русский современник», 1924, № 4, стр. 142.

[1] «Совместные дела» касались деятельности Горького и Андреева по борьбе с антисемитизмом. См. комментарий к следующему письму.

113. АНДРЕЕВ — А. А. КИПЕНУ

〈Ваммельсуу.〉 16 января 1915 г.

...Завтра еду в Петроград по делам, связанным с моей «Первой ступенью» [1]: как ее развитие, возник у нас некоторый писательский кружок (Горький и Сологуб и я — во главе) с целью противодействия антисемитизму; составляем книгу, проводим устав Общества «для изучения еврейства», ибо хотим легализоваться, устраиваем коллоквиумы с именитыми писателями и общественными деятелями и пр. и проч. Дела много. Подробнее в письме не стоит, но любопытного много. С Максимычем я видаюсь, отношения приличные и по виду напоминают старые...

Машинопись. ИРЛИ.

[1] Речь идет об образованном в 1914 г. Горьким, Андреевым и Сологубом «Русском обществе для изучения жизни евреев» (см. о нем также — Переписка, № 175—179). Целью этого Общества была борьба с антисемитизмом, который особенно расцвел в первые годы войны. 15 декабря 1914 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Сегодня вернулся из Питера, где пробыл почти неделю. Кое-что затеял, но — увы! Из моих затей последнее время ничего не выходит. Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей очень чуждых мне: Андреева и Сологуба. Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, а? не веришь? Может быть даже и более того затеем...» (АГ).

Многие письма и анкеты сопровождались приглашением: «Леонид Андреев, Максим Горький, Федор Сологуб просят вас пожаловать завтра 23 с. м. 〈т. е. 23 февраля 1915 г. — *А. Н.*〉 в 8.30 вечера на доклад П. Н. Малянтовича „Русский вопрос о евреях", который состоится у Ф. К. Сологуба (Разъезжая, д. 31)». Упоминаемая анкета вместе с письмом-обращением к русскому обществу была напечатана в «Биржевых ведомостях», 1915, № 14648, 3 февраля. А 1 марта многие крупные газеты опубликовали «Воззвание к русскому народу», подписанное крупнейшими писателями, общественными деятелями, учеными, художниками, артистами (около трехсот подписей).

12 декабря 1915 г. Горький выступил в «Русском обществе для изучения жизни евреев» с докладом о результатах проведения анкеты. Содержание доклада он опубликовал за своей подписью в «Летописи» («По поводу одной анкеты» — 1916, № 1, стр. 189—219). В 1915 г. Обществом был издан под редакцией Андреева, Горького и Сологуба литературный сборник «Щит». Андреев напечатал в нем «Первую ступень» и рассказ «Раненый», а Горький — статью без названия (начинавшуюся словами: «Время от времени — и все чаще!— обстоятельства понуждают русских писателей напоминать соотечественникам своим некоторые неоспоримые, избитые истины...» и рассказ «Мальчик».

В ЦГАОР, в фонде П. Н. Милюкова, сохранилась объяснительная записка секретаря Общества С. В. Познера, излагающая историю создания Общества (ф. 579, оп. 1, д. 2018).

Деятельность Горького и Андреева по борьбе с антисемитизмом не могла не привлечь внимания царской охранки.

В материалах 1-го отделения канцелярии финляндского генерал-губернатора от 28 марта 1915 г. имеется следующее донесение:

«Спешно. Секретно.

Г. выборгскому губернатору

По имеющимся в канцелярии сведениям группа писателей во главе с Леонидом Андреевым, Федором Тетерниковым (Сологуб) и Алексеем Пешковым (Максим Горький) ведет в настоящее время при посредстве печати борьбу с антисемитизмом, причем

названными лицами устраиваются собрания, на коих присутствуют от 50 до 60 лиц. Из числа вышеупомянутых лиц писатель Леонид Андреев проживает в Выборгской губернии, а Алексей Пешков недавно выбыл из Финляндии в Петроград...»

В конце донесения следует просьба к выборгскому губернатору организовать негласное наблюдение и начать расследование этих действий (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1).

Там же хранится также спешное секретное ответное сообщение выборгского губернатора на имя финляндского генерал-губернатора от 1(14) мая 1915 г.:

«Вследствие отношения от 28 марта — 10 апреля с. г. за № 1357, уведомляю канцелярию, что писатель Леонид Андреев проживает в Новокиркском приходе дер. Ваммельсуу и бывали у него писатели Федор Тетерников (Сологуб), Алексей Пешков (М. Горький) и много других гостей. В один из вечеров в январе месяце у Леонида Андреева было в гостях семь человек. Что говорилось и что делалось в доме, а также и то, состоялись ли у Андреева собрания по вопросу борьбы с антисемитизмом, выяснить не представилось возможным...» (там же, л. 2).

В донесениях Департамента полиции секретно сообщалось: «Начальник Петроградского охранного отделения запиской от 7 марта сего года за № 719 уведомил меня, что группой писателей, во главе коей: помощник присяжного поверенного Леонид Николаевич Андреев, 43 лет, „Федор Сологуб“ — отставной надворный советник Федор Кузьмич Тетерников, 52 лет, и М. Горький — нижегородский цеховой Алексей Максимович Пешков, 46 лет — ведется в настоящее время, при посредстве печати, работа по борьбе с антисемитизмом, причем лица эти устраивают собрания, на которых бывает до 50—60 человек. Ввиду того, что упоминаемые Андреев и Пешков (ныне живет в Петрограде) проживают в Финляндии, куда также наезжает и Тетерников,— означенный начальник охранного отделения просил проверить и уведомить его — не устраиваются ли у этих лиц в Финляндии многолюдные собрания, кто на таковые приезжает, не известна ли цель таковых и где останавливается Тетерников».

Далее следовало: «В результате этой проверки выяснилось, что писатель Леонид Андреев проживает на собственной даче в дер. Ваммельсуу в 8 верстах от станции Райвола. В течение февраля и марта месяцев его посетило разновременно 6—7 неизвестных приезжих из Петрограда молодых людей в студенческой форме, возвращающихся обратно в тот же день в Петроград. Многолюдных собраний у Андреева за это время замечено не было.— Алексей Пешков („Максим Горький“) тоже проживает в настоящее время на своей даче в дер. Нейвола, Новокиркского прихода, Выборгской губернии и довольно часто и на короткое время отлучается в Петроград; иногда посещает дачу писателя Леонида Андреева.— Многолюдных собраний на даче Горького за последние два месяца тоже замечено не было, но его посещают многие приезжие из Петрограда — по наружности и одежде студенты и курсистки. Горького посещает довольно редко писатель Федор Тетерников (Федор Сологуб) и в тот же день выезжает обратно в Петроград; в последнее время Тетерников не посещал Андреева» (От начальника Финляндского жандармского управления, 1 апреля 1915 г., № 2092, Гельсингфорс.— ЦГАОР, ф. 102, оп. 16, д. 245, т. II, 1915, л. 88).

114. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Петроград.〉 17 января 〈1915 г.〉

... Со мной был такой казус: я решил издать сборник, художественный, с предисловием, что так-то де и так-то: будем, как весталки, поддерживать неугасимо... и проч. Но когда оказалось, что суют обычную рядовую беллетристику, будничную селедку с луком и щи с котлетами, — я отказался от затеи. Ибо где тогда мое оправдание? Я могу отказаться от душевного участия в войне во имя храма, но не накрытого стола на десять персон с прошлогодним меню.

Не сердитесь: я друг, а не критик. И Карамазовых мне жалко. Я сейчас в довольно хороших отношениях с Горьким, а все-таки скажу, что горьковщине уступать не надо. Если искусство, так уж искусство. А если считаться с настроениями — то какая разница будет с теми, кои для настроения ставят «Реймский собор»? Только, что те погнулись в одну сторону, а вы в другую... [1]

Автограф. Архив Музея МХАТа.

[1] Пьеса Григория Ге «Реймский собор» была поставлена в 1914 г. в Петербурге, в театре «Луна-парк». В ноябре 1915 г. труппа играла пьесу в Москве, в Никитинском театре. Пьеса представляла собою попытку героизировать националистические настроения буржуазии — в результате у автора получилась обывательская и пошлая апология квасного патриотизма.

115. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Ваммельсуу.〉 6 апреля 1915 г.

... Я снова расхожусь с Горьким, внутренне уже разошелся, не замедлит, вероятно, и внешнее. Началось дурное с возвращения Марии Федоровны из Харькова [1]: какое ужасное влияние она оказывает! И каких нелепостей полна голова Горького, и как в то же время мало осталось искренности, прямоты и правды во всех его поступках и жизни. Когда-то я очень любил и уважал этого человека и думал эти чувства сохранить до конца — но невозможно!..[2]

ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ ВЕРЫ, ИСПОЛНЕННЫЙ АНДРЕЕВЫМ
Пастель, 1915 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Автограф. Архив Музея МХАТа.

[1] М. Ф. Андреева завершила в Харькове начатые переговоры о работе в киевском театре Соловцова.

[2] Андреев тогда же писал Белоусову: «С Горьким решительно расхожусь. Писать о причинах не стоит, длинно, при случае расскажу» (14 апреля 1915 г.Машинопись.— ИРЛИ). Разрыв с Горьким усилил чувство одиночества Андреева, о чем свидетельствует его письмо к Немировичу-Данченко от 1 июня 1915 г.: «Но воздух? — в нем носятся частицы отрицания Андреева: вдыхая, вы каждый раз вдыхаете „не“. Самые большие друзья мои, самые близкие люди не могут от этого уйти; я сам отравлен. Вы знаете мои тайные мысли? Выиграть двести тысяч и бросить литературу и театр, писать только для себя, держать в столе — или печататься под псевдонимом.

Временами я с большой серьезностью думаю, что я просто — не нужен. Моя воля к работе надает, на письменный стол я смотрю, как опытный пескарь на червяка: вкусно, но потом самого съедят. Не хочется воображать, думать, искать, творить. Живу я одиноко, как осина на бугре, и все ветры меня треплют ⟨...⟩ Так вот я и существую...» (Архив Музея МХАТа).

116. ЛЕОНИД АНДРЕЕВ О ФУТУРИСТАХ

(Футуристы и война. Горький и футуристы. Оценка Горького. Приятие мира. У футуристов)

⟨Май 1915 г.⟩

... Я в начале относился к футуристам гораздо лучше и питал какие-то неясные надежды. Как и некоторые другие, я думал, что они подрастут и явят собой нечто серьезное. В этом смысле мои слова даже однажды были переданы в печать, что создало мне на время славу друга футуристов. Но время прошло, они все те же, и я с огорчением вижу, как оправдывается на них грубоватая русская поговорка: «маленькая собачка до веку щенок».

Моментом испытания для них, как и для очень многих, явилась как раз война. В этом всенародном деле должны были сказаться или их внутренние богатства, или бедность. Они же оказались не только бедными, но просто нищими. Если в мирное время их наивные скандальчики могли казаться забавными и несколько разряжали спертый воздух лицемерного мещанства, то теперь, когда от границ Петрограда уходит к горизонту страшное море крови, их выходки производят впечатление омерзительное. Как мусор, поднятый ветром итальянского футуризма, они способны только засорять глаза, но ничто творческое и действенное не доступно их мещанским самонадеянным душам.

Их девиз: эпатировать мещанина — есть ложь. Они живут и дышат только мещанином, служат только ему, и их мечты — это любовь мещанина, всегда щедрого для тех, кто умело его развлекает.

И мне странным кажется заявление Горького, что футуристы совершают важное дело (цитирую на память): «несут искусство к народу»[1]. Это где же народ? на их выставках? или народ читает их сборник «Стрелец»[2]? или народ присутствует на поэзовечерах Игоря Северянина?

Другою их заслугой Горький признал то, что они — молоды. Но тут же, противореча себе, выразил желание, чтобы как можно скорее эта счастливая и прекрасная молодость прошла, и третьею заслугою признал он то, что футуристы «приемлют мир». Но для меня молодость — сама по себе, если же это — факт биологический, то это—тоже само по себе. Никаких моральных и общественных ценностей эти явления не заключают в себе. Как и скверные старики, которых не может украсить даже седина, есть и плохие молодые люди, которых не украшает ни их румянец, ни резвость их неосмысленных движений.

Важно, то, чем живет юноша, чему служит его молодая душа и чего ищет его жадный ум.

И известно, что как раз юноши и девицы создали славу арцыбашевскому «Санину», и в цвет мрачной реакции окрасили целое пятилетие, та же молодежь увлекалась пошлостью Вербицкой и, боюсь, что та же молодежь ныне присутствует на вечерах Игоря Северянина.

Что же касается «приятий мира», то, насколько мне известно, все великие творцы ценностей отвергали мир и в борьбе за мир идеальный медленно, но твердо совершенствовали человеческую жизнь. Неприемлющие мир, это — вечные герои человечества, на свои рамена поднимающие бремена неудобоносимые, гибнущие во имя жизни и блага других. И можно сказать с некоторой резкостью, что человек начинается там, где начинается неприятие мира.

Отсюда и «приятие мира» футуристов отнюдь не служит и не может служить им в похвалу, а скорее низводит их на очень низкую ступень жизни, где едва ли они и сами захотят поместиться. Впрочем, сами они, стуча в медные тазы, уверяют, что и они «мира не приемлют», но это такая же ложь, как и то, что они борются с мещанином. Ибо есть и навсегда останется разница между дебошем и бунтом, которому служил неистовый и также жестоко Горьким осужденный Федор Достоевский.

И было бы настоятельною задачею всех, кто действительно любит литературу и чтит ее, резко отграничиться от этих, так называемых «футуристов».

«Биржевые ведомости», веч. вып., 1915, № 14824, 4 мая; интервью за подписью С. Ф. То же самое интервью под тем же заглавием было напечатано в следующем, утреннем выпуске газеты (№ 14825, 5 мая).

[1] Пытаясь сформулировать свою позицию по отношению к футуристам, Андреев одновременно противопоставляет ее горьковской. Имеется в виду статья Горького «О футуризме», напечатанная в «Журнале журналов», 1915, № 1, апрель, стр. 4. Горький писал: «Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский 〈...〉 Достоинство еще в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают, правда, очень уродливо, но это — простить можно. Они молоды 〈...〉 Их породила сама жизнь, наши современные условия. Они не выкидыши, они вовремя рожденные ребята.

Я только недавно увидел их впервые живыми, настоящими, и, знаете, футуристы не так уж страшны, какими выдают себя и как разрисовывает их критика 〈...〉 Как бы смешны и крикливы ни были наши футуристы, но им нужно широко раскрывать двери, широко, ибо это молодые голоса, зовущие к молодой новой жизни 〈...〉 И вот теперь молодежь, я думаю, я хочу верить,— призвана в мир, чтобы освежить сгустившуюся полубольную атмосферу жизни. Ей надо сбросить много хлама, много лишнего и оздоровить свои не совсем здоровые души, и тогда, набравши сил, они выплывут над поверхностью суеты и суматохи...»

[2] Три сборника «Стрелец» вышли в Петрограде в 1915, 1916 и 1922 гг. В них участвовали футуристы и символисты: В. Каменский, Д. Бурлюк, В. Маяковский, А. Блок, Ф. Сологуб и др.

117. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

〈Ваммельсуу.〉 7 декабря 1915 г.

... Провел у меня вечер и ночевал Максимыч. Как тебе сказать — по виду он совсем любит меня, как встарь, держится прекрасно, очаровал даже Анну [1]. Трудно это понять, и я чистосердечно не понимаю. Но и самому хочется относиться хорошо, что я и выполняю с изумленным выражением лица. Конечно, он большая фигура...

«Русский современник», 1924, № 4, стр. 145.

[1] Анна Ильинична Андреева — вторая жена Андреева.

118. АНДРЕЕВ — Н. И. ИОРДАНСКОМУ

〈Ваммельсуу.〉 29 декабря 1915 г.

... А каково может быть мое влияние в «Современном мире» [1], где и сейчас Ашешов [2] пишет против меня? Где литературным отделом ведает Т. [3], мой идейный и общественный и литературный противник? Кто мои союзники у вас? Ведь дальше остаются К. с его горьковщиной, В. и социал-демократы, для которых я навсегда остаюсь и останусь инородным телом, соринкой в глазу [4].

〈...〉 Не сердитесь на меня, голубчик. Рассудив, вы согласитесь со мной, что ни М. Горький и никто иной из писателей не пошел бы работать в журнале на таких условиях, какие фактически предлагаются мне. Будем

работать каждый на своем месте, в тех условиях, какие для нас привычны, и таким образом мы вернее послужим нашему общему делу, нежели невольно мешая друг другу...

«Реквием», стр. 137—141.

[1] «Современный мир» — литературно-художественный, научный и политический журнал либерального направления; выходил с 1906 г. вместо закрытого «Мира божьего»; редактором его был социал-демократ Н.И. Иорданский, издательницей—М.К. Куприна-Иорданская.

[2] Речь идет о статье Ашешова «Литература, молчание и барабаны» («Современный мир», 1915, № 12; за подписью: Ал. Ожигов), являвшейся ответом на призыв Андреева воспеть войну — «Пусть не молчат поэты» («Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, № 15155, 18 октября).

[3] Т.— очевидно, Д. Л. Тальников, неоднократно выступавший в журнале с литературными обзорами, задевавшими Андреева.

[4] К.— возможно, Куприн, которого в эти годы противопоставляли Андрееву; В.— вероятно, Вересаев, печатавшийся в «Современном мире».

Свое нежелание участвовать в работе «Современного мира» Андреев предал гласности, опубликовав 12 февраля 1917 г. в «Русской воле» (№ 42) заметку под названием: «К моему отказу от сотрудничества в „Современном мире“». Из этой заметки ясно, что разногласия носили политический характер, поводом же для них послужила «Русская воля», которую Андреев и Иорданский оценивали диаметрально противоположно. После категорического требования Андреева снять его имя из списка ближайших участников журнала, Иорданский опубликовал заметку,в которой сообщал, что Андреев «ушел из рядов демократической литературы», тем самым тенденциозно осветив вопрос о положении Андреева в журнале (Н. Иорданский. Политические заметки.— «Современный мир», 1917, №1).

119. АНДРЕЕВ — Ф. К. СОЛОГУБУ

〈Петроград.〉 12 января 1916 г.

На меня это заседание произвело крайне тяжелое и скверное впечатление 〈...〉 В большую вину ставилось вам участие в «Лукоморье» [1], находили, что несовместно быть членом Комитета в Обществе, защищающем евреев [2], и в то же время работать в «суворинском» органе 〈...〉

Мое предложение каким-нибудь путем привлечь вас в члены Комитета (расширением устава и дополнительными выборами, либо как-нибудь иначе) было отвергнуто большинством четырех против одного моего голоса (Горький, Семевский [3], Калмыкова [4] и Коробка [5]). Вместо этого, как вы уже знаете, было решено сделать попытку привлечь вас в члены Общества и комиссий 〈...〉

А в частности по поводу «Лукоморья» не мешало бы Анастасии Николаевне [6] поставить вопрос о Горьком, который ставится в «суворинском» театре — или для него это совместимо? [7]

Машинопись за подписью. ИРЛИ.

[1] «Лукоморье» — еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал шовинистического характера, издававшийся наследниками А. С. Суворина в 1914—1916 гг.

[2] Комитет «Русского общества для изучения жизни евреев». О конфликте, связанном с выходом Сологуба и его жены — А. Н. Чеботаревской из Комитета,— см. письмо Сологуба в редакцию «Биржевых ведомостей», 1916, № 15505, 18 апреля.

[3] Василий Иванович *Семевский* (1848—1916) — историк, представитель народнического направления. В 1906 г. входил в народно-социалистическую партию. В № 1 «Летописи» 1917 г. Горький напечатал статью «Памяти В. И. Семевского».

[4] Александра Михайловна *Калмыкова* (1849—1926) — владелица книжного магазина в Петербурге, служившего долгие годы явочной квартирой для социал-демократов. Калмыкова оказывала партии большие услуги. В частности организовала финансирование большевистской «Искры». В партийных кругах известна была под кличкой «Тетка». Вела переписку с Лениным. В 1902 г. за политическую деятельность была отдана под надзор полиции. После Октябрьской революции работала в органах народного просвещения.

[5] Николай Иванович *Коробка* (1872—1920) — историк литературы, автор многих статей об Андрееве.

[6] А. Н. Чеботаревская.

[7] В Суворинском театре пьесы Горького не ставились. Возможно, что в газетах в те дни промелькнула заметка о подготовке пьесы Горького, но это не соответствовало действительности. Лишь в 1917 г. отколовшаяся от театра часть труппы поставила в Петрограде пьесу «На дне».

120. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

⟨Петроград.⟩ 7 марта 1916 г.

... Вчерашний день почти весь провел на квартире проф. Кареева [1] в качестве свидетеля по делу Сологуба и Познера [2] (за каковым стоит Горький). Боже мой, что это было, чуть до мордобоя дело не дошло! Сологубы и Горький обменялись оскорбительными резкостями. Настя [3] истерически кричала, кричали судьи и говорили разом, Кареев вел себя старым важным ослом и не давал говорить, я протестовал, он протестовал, все протестовали. Струве [4] хотел уйти, русско-богатенские были откровенно несправедливы к Сологубу. Мне было очень жаль Сологуба. Со мной лично, к моему особому удивлению, Горький был чуть ли не нежен — ⟨...⟩, а я дурак и каждый раз верю...

Автограф. ИРЛИ.

[1] Николай Иванович *Кареев* (1850—1931) — профессор, историк и публицист; в 1905 г. был членом ЦК кадетской партии и членом I Государственной думы от Петербурга; активно содействовал работе Комитета борьбы с антисемитизмом.

[2] Речь шла о сб. «Щит», в который Сологуб привлек как автора Бердяева. Прочитав статью Бердяева и признав ее антисемитской, Горький потребовал от секретаря редакции сборника, С. В. Познера,— снять статью, что тот и сделал. На этой почве между Сологубом и Познером разыгрался конфликт. 5 марта 1916 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Завтра свидетельствую на третейском суде по делу Сологуба с Познером, — дело, в котором скрытым обвиняемым являюсь я, а обвинителями Андреев и Сологубчик» (АГ).

[3] А. Н. Чеботаревская.

[4] Петр Бернгардович *Струве* (1870—1944) — в 1890-е гг. видный представитель «легального марксизма». В 1902—1905 гг. окончательно порвал с марксизмом и перешел в партию кадетов, где возглавлял самое правое ее крыло. Редактировал журнал «Русская мысль». После Октябрьской революции — эмигрант (издавал в Париже православно-монархическую газету «Возрождение» и др.).

121. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

⟨Ваммельсуу.⟩ 19 июля 1916 г.

... Разве мало глупого делается в России. От этого-то я и страдаю, что слишком много глупого, несправедливого и дурного. Ах, если бы каждый был на своем месте и получал по справедливости. Одна история с Горьким и «Летописью» [1] может довести до бешенства, до исступления. Кстати, посылаю тебе последнюю книжку «Современного мира», там хорошие статьи Плеханова [2] и других, здорово достается пораженцам. Но подумай: сами германские социал-демократы в своей радикальной части утверждают на основании точнейших данных, что нападающей стороной является именно Германия, а наши ⟨...⟩ Максимычи и Чхе-Чхе [3] до сих пор это отрицают...

Автограф. ИРЛИ.

[1] О Горьком и «Летописи» — см. выше в разделе «Из статей Андреева».

[2] В «Современном мире», 1916, № 5-6 была напечатана статья Плеханова: «Интернационализм и защита отечества. (I. Долг социалиста и II Интернационал. Где же противоречия? К годовщине смерти Ж. Жореса)», перевод с французского непроизнесенной речи Плеханова, опубликованной во французской печати. В этой статье автор доказывал необходимость голосовать за военные кредиты в интересах якобы «международного пролетариата». «Если верно,— говорилось там,— что победа Германии страшно затруднит освободительную борьбу русского пролетариата, то само собой разуме-

ется, что мы должны отвергнуть как неразумную,— скажу больше: как *безумную*,— всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивления России неприятельскому нашествию...» (стр. 65).

Коммунистическая партия дала верную оценку подобным выступлениям Плеханова. В. И. Ленин писал в статье «По стопам „Русской воли“»: «Г-н Плеханов опустился,—совершенно так же, как и немецкие Плехановы, Шейдеманы и К°,— до уровня самого вульгарного, самого дюжинного буржуазного шовиниста, не желающего знать (или никогда не знавшего) о том, что война есть продолжение политики, что война и политика связаны с интересами определенных классов, что надо разобрать, какие классы и из-за чего воюют...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 216; датировано 13 апреля 1917 г.).

[3] Имеются в виду Николай Семенович *Чхеидзе* (1864—1926) — депутат III и IV Государственных дум от Тифлисской губ., лидер думских меньшевиков, и Ананий Иванович *Чхенкели* (р. 1874) — адвокат, член IV Государственной думы, в годы войны — соратник Чхеидзе по думской «семерке», сотрудник «Современного мира».

122. АНДРЕЕВ—В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Ваммельсуу.〉 25 августа 1916 г.

...Нужно, правда, сказать, что и критика ее (пьесу «Младость» [1]) весьма одобрила, что с моими вещами бывает редко; даже противная горьковская «Летопись» прогнусавила похвалу ее бодрости... [2]

Автограф. Архив Музея МХАТа.

[1] Пьеса «Младость», напечатанная в сб. «Клич» (1914—1915), написана по мотивам раннего рассказа Андреева «Весной»; о нем говорит Горький в своих воспоминаниях об Андрееве. Как рассказ, так и пьеса — автобиографичны

Предполагаемое название пьесы было «На заре туманной юности». Андреев писал Немировичу-Данченко, что в ней «есть и драма и смерть, но общий смысл радостно-печальный: вечно бегущий поток жизни, старость и младость, любовь и любовь» (письмо из Рима от 1 апреля 1914 г.). В письме к нему же от 11 апреля Андреев подчеркивал, что название пьесы не «Молодость», а именно «Младость» с эпиграфом: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть» (Архив Музея МХАТа).

[2] Заметка Мих. Левидова о «Младости» была помещена в «Летописи» (1916, № 4, стр. 334). «Идея пьесы,— писал Левидов,— утверждение, радостное приятие жизни, исходящее от „Младости“, соприкоснувшейся со смертью. Идея эта неожиданная для Андреева последнего периода; будем надеяться, что она не оставит писателя и впредь и найдет в дальнейшем более художественные формы выявления, нежели во „Младости“».

123. АНДРЕЕВ — А. А. БЛОКУ

〈Петроград.〉 6 октября 1916 г.

...Что я вас люблю и что я нелицемерен — вы знаете, и скорее меньше знаете, чем сколько можно было бы знать. Девять лет назад, ставши редактором сборников «Знание», я написал вам пригласительное, в сотрудники, письмо, но оно не было послано: Горький восстал против участия вашего и Сологуба, и кончилось тем, что я сложил с себя звание редактора сборников [1]. Теперь я самостоятельный редактор литературного отдела в газете «Народная воля» [2] (ее зовут банковской, германофильской, министерской — и все это ложь), и вот, через десять лет, повторяю мое непосланное письмо и прошу вас о сотрудничестве [3]. Жаль, что нет возможности поговорить с вами и рассказать все мои планы. Вероятно, в них много наивности, и журнальная практика в скором времени обкарнает меня; но пока хочу я многого и многого ищу. Вас, писателя мне дорогого, я прошу давать все, что вы захотите, если не захотите,— то ничего: ведь дело не в официальном сотрудничестве и не в этой поганой выставке имен, а в постоянной со-работе, нужно душевное желание быть и идти вместе. Мои отделы, куда вход только через меня,— беллетристика, критика и театр. И проснется у вас желание что-нибудь сказать свое, о чем только думается, дать статью (как это называется) — хорошо; а нет — стихи, и во всяком случае стихи.

Я горько чувствую, что крикливый газетный лист не место для поэзии, но есть у меня надежда побороть установившийся обычай и сделать так, чтобы не особенно плохо было ни поэту, ни строгому художнику ‹...› Не знаю, как вам, но мне ненавистна эта манера воскресных газетных «стишков», — как сладкое на третье; и, конечно, это мелочь и не в этом мои планы, но и тут хочется проявить больше уважения к литературе. Кстати, и вся моя программа в этом: уважение к литературе...

«Реквием», стр. 87—88.

[1] Об отказе Андреева редактировать сборники «Знания» — см. Переписка, № 151.

[2] «Народная воля», так же как «Заря»,— первоначально предполагавшиеся названия «Русской воли» (см. раздел «Горький об Андрееве», прим. к письму № 114).

[3] С болью и горечью воспринял Андреев отказ Блока сотрудничать в «Русской воле». Причины отказа известны, о них рассказал сам Блок в воспоминаниях об Андрееве: «Мне все уши прожужжали о том, что это — газета протопоповская, и я отказался. Леонид Николаевич очень обиделся, прислал обиженное письмо...» (Александр Блок. Собр. соч., т. VI. М.— Л., Гослитиздат, 1962, стр. 165). В ответном письме Блок подчеркнул: «... пройдя назначенный путь разочарований, боли и гнева, вы уйдете из газеты...» (А. Блок. Собр. соч., т. VIII. М.— Л., 1963, стр. 475).

Предсказание Блока скоро оправдалось: с первых же месяцев работы в газете, у Андреева начались нелады с ее «руководителями», он увидел «изнанку» газетной жизни и ужаснулся.

Андреев всегда восхищался Блоком-поэтом. «Он только для Блока делал исключение и знал его некоторые стихи наизусть»,— вспоминал Чулков («Книга о Л. Андрееве», стр. 71). Это подтверждает в своих воспоминаниях и Чуковский: «Леонид Андреев был почитателем Блока и любил его поэзию до слез. Как-то в Ваммельсуу я пошел с Андреевым на лыжах, и он неподалеку от станции Райвола рухнул в снег и не встал, а когда я попробовал помочь ему встать, оттолкнул мою руку и произнес со слезами:

И матрос, на борт не принятый,
Идет шатаясь сквозь буран.
Все потеряно, все выпито!
Довольно — больше не могу... *

И назвал эти строки гениальнейшими. Блок знал о пылкой любви Леонида Андреева» (К. И. Чуковский. Александр Блок.— В его кн.: Люди и книги. 2-е изд. М., 1960, стр. 535—536.— См. также статью В. И. Беззубова «Александр Блок и Леонид Андреев».— «Блоковский сборник» (Тартуский гос. ун-т). Тарту, 1964, стр. 226—320).

---

* Из стихотворения А. Блока «Поздней осенью из гавани...».— *А. Н.*

ВОСПОМИНАНИЯ
О ГОРЬКОМ И АНДРЕЕВЕ

1. А. П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ

Публикация и комментарии Л. Н. Афонина

... Подвальные фельетоны Джемса Линча и «Впечатления» Л. —ева [1] очень нравились читателю, редакция строила на них успех газеты, но сам автор был далек от восхищения своей работой, мирился с нею только по нужде, как с источником заработка и со свойственной ему иронией нередко говорил:

— Из всех талантов, которыми меня наградил Новик [2], скоро у меня останется один — либо молчать, либо мычать и еще аванс.

Но молчать он не хотел, не любил и мычать. И, попробовав посылать зачеркнутые цензурой фельетоны в «Журнал для всех», в конце концов, по миновании надобности в авансах, отошел от фельетона. Рекомендовал бросить фельетонное писание и М. Горький, к советам которого Леонид Николаевич чутко прислушивался не только как к голосу читателя, но и писателя, на собственной спине познавшего тернии газетной публицистики [3] ⟨...⟩

Несомненно, что те же советы были повторены и лично Горьким в Нижнем-Новгороде, куда по приглашению последнего ездил Л. Н. Андреев вскоре после первых своих успехов.

Я никак не мог установить даты этой поездки [4], но мне она памятна почти до мелочей, так как я сопровождал в ней Леонида Николаевича.

У меня для поездки к Горькому были свои основания: при поощрительном участии Андреева я задумал издать литературно-публицистический альманах и хотел пригласить к участию в нем всех тогдашних корифеев литературы и в первую голову, разумеется, М. Горького [5].

Помню, что мы ехали в купе второго класса, и вместе с нами оказался в том же купе И. А. Бунин, который ехал тоже в Нижний-Новгород и дальше по Волге.

И Андреев и Бунин оба были уроженцы Орловской губернии, земляки Тургенева, Лескова, Фета, Тютчева, Д. И. Писарева и др., и оба, по игре случая, начали свою литературную деятельность в «Орловском вестнике» и одновременно даже печатались в нем: в тех же 1895—1896 гг., когда были помещены андреевский «Чудак», «Загадка», «Он, она и водка» [6], печатались переводы Бунина лонгфелловского «Гайаваты» [7] и небольшие оригинальные этюды под заглавием «Маленькие сказки», подписанные «И. Бунин». Кажется, в те годы И. А. Бунин состоял секретарем редакции «Орловского вестника», то есть, иначе говоря, фактическим редактором, по понятиям того времени, когда официальными редакторами утверждались люди исключительно по их политической благонадежности, нередко очень далекие от интересов литературы. Таким образом, И. А. Бунин был духовным восприемником музы Л. Н. Андреева и первопечатником его произведений [8]. Восприемник был строгий и ворчливый, по словам доктора Севастьянова, в то время студента, жившего в Орле и носившего рукописи Леонида Николаевича в редакцию «Орловского вестника»; там ему сказали после первого напечатанного рассказа, чтобы больше

не присылал, печатать не будут, но впоследствии все-таки напечатали еще два рассказа, быть может, благодаря перемене в составе редакции «Орловского вестника» [9].

С тех пор до поездки в Нижний прошло пять лет, оба орловца пошли в гору. Будущий почетный академик, пушкинский лауреат [10], Бунин уже прославился как первоклассный поэт. Он значительно опередил Андреева известностью и лет на пять раньше его начал печатать свои рассказы в толстых журналах (если не изменяет память, с 1894 г.) [11]. Будучи сверстником Андреева по годам, Бунин вправе был считать себя старшим в отношении литературы. Претендент на мифическое «железное кольцо» Тургенева [12], всегда высокомерный и ревнивый к славе своих товарищей, — к молодому Андрееву, уже получившему патент от Н. К. Михайловского [13], он относился сухо-покровительственно, лишь снисходительно допуская его «богоборческие» настроения.

Узнавши о цели нашей поездки в Нижний — к Горькому, — Бунин с обычной своей подчеркивающе-ехидной полуулыбкой процедил:

— На поклон, значит...

Меня очень больно резанула эта фраза, относившаяся всецело к Андрееву, но совершенно пассивно принял ее сам Леонид Николаевич. Он откурнул папиросу и, искоса улыбаясь и как бы оправдываясь, заметил:

— Знаю, что опоздал, другие уже съездили...

К кому относился этот намек, я не знаю. Бунин в то время печатался в «Скорпионах», в товариществе «Знание», то есть «на поклон к Горькому» он поехал, вероятно, позднее [14]. Но вообще говоря — едва ли тактично было затевать речь о «поклонах», и меня эта пикировка двух молодых писателей покоробила [15].

В Нижнем мы с Леонидом Николаевичем остановились в плохеньких номерах и затем отправились к Горькому.

Помнится, что Горький жил в то время в районе Звездинки, недалеко от острога, во втором этаже деревянного дома. Так как мы предварительно уведомили о своем прибытии, то встретил нас сам Горький. Горького я помнил еще с Казани, когда мы встречались с ним в кружке у Деренковых. Он состоял тогда при булочной Деренкова продавцом и разносчиком булок; раза два он и мне приносил горячие булки на мой чердак. Но в кружке при булочной Алексей, как у нас звали Горького, уже был известен как писатель из народа. Его высокая фигура, скуластое широкое лицо довольно четко оставались в памяти. В своих напечатанных воспоминаниях об этой эпохе своей жизни Горький, перечисляя разных лиц, не упоминает меня, следовательно, не помнил меня как по моей незначительности в кружке, так и по краткости встреч [16]. Таким образом, в Нижнем мы встречались с ним как бы вновь, как незнакомые, и я не решился напомнить о прошлом. Принял он нас необычайно ласково, тотчас же познакомил нас со своей женой Екатериной Павловной, сиявшей гордостью счастливой женщины; загудел самовар, появились какие-то гимназисты, вскоре был подан обед, и завязался не особенно шумный, несколько натянутый разговор. Вся обстановка жизни Горького оставляла впечатление задушевности и благодушия, тесно сплетенных с некоторой настороженностью при каждом звонке: словно ждали незваных гостей; мягкий букет мещанского провинциального уюта не ослаблял, а усиливал это впечатление.

Леониду Николаевичу однако не понравилась эта обстановка: не нравилась мебель, в особенности кушетка в гостиной с цветочками,на которой нельзя было «ни лечь, ни сесть», не нравились гимназисты, словно вызванные для демонстрации величия хозяина, не нравилась даже Екатерина Павловна, слишком сияющая, не нравилась, наконец, и подчеркнутая строгость нравов — к столу, например, не было подано водки, болталась из рук в руки бутылка какого-то вина, а к винам Леонид Николаевич отно-

сился презрительно, считая их «выдумкой бездельников, которым некуда девать время».

Он не представлял, конечно, босяцкого поэта золоторотцем или Диогеном, живущим в бочке, но мещанская оправа с привкусом пуританизма Андрееву казалась несоответственной общественной и писательской физиономии Горького. Я думаю, что во всем недовольстве этом отразилась больше всего невзрачность собственной жизни Леонида Николаевича [17];

АНДРЕЕВ и И. А. БУНИН
Фотография В. Чеховского, Москва, 1902 г.
Музей Горького, Москва

несомненно, что впоследствии он изменил свои взгляды и на мебель, и на уют, и на гимназистов, и прежде всего на сиявшую счастьем хозяйку дома.

Несомненно, с другой стороны, что и Горький проявлял свой пуританизм вполне сознательно и только применительно к данному случаю, зная несчастную страсть своего начинающего собрата по перу к вышивке.

Как бы то ни было, мы должны были закончить наш обед надлежащим образом. Условившись с Горьким относительно следующего дня — в этот вечер Леониду Николаевичу не удалось дружески, глаз на глаз, побеседовать с Горьким, — мы отправились в наши номера и здесь дали волю неудовлетворенному Бахусу ⟨...⟩

Не знаю, был ли на другой день Андреев у Горького, но рассказывали, что он в ту же ночь пытался проникнуть к нему и кричал что-то несуразное. Затем все куда-то провалилось, исчез и мой спутник, и я решил возвратиться в Москву один...

Отрывок из воспоминаний А. П. Алексеевского. Машинопись с авторской правкой. Государственный музей И. С. Тургенева в Орле (ф. Л. Н. Андреева).

Аркадий Павлович *Алексеевский* (1871—1944) — журналист, сотрудник «Волжского вестника», «Курьера», «Утра России». Сын священника, отказавшийся от духовной карьеры, он еще в 1885—1886 гг. в Казани посещал собрания революционно настроенной молодежи, проходившие на квартире А. С. Деренкова, где бывал и молодой Горький. Работая с 1899 г. в редакции газеты «Курьер», он познакомился там с Андреевым и близко с ним сошелся. Вместе они сотрудничали в «Курьере» до 1904 г. С 1901 г. Алексеевский — муж сестры Андреева, Риммы Николаевны. Андреев посвятил Алексеевскому рассказ «Город» («Курьер», 1902, № 109, 21 апреля). Позже Алексеевский был фактическим редактором газеты «Утро России». В 1920-е годы Алексеевский — государственный контролер в системе Рабкрина, затем — заместитель председателя Госплана Татарской АССР. В ИРЛИ хранятся десять писем Андреева к Алексеевскому 1910—1916 гг.

Воспоминания Алексеевского посвящены годам его наибольшей близости с Андреевым (1900—1904). Не следует забывать, что Алексеевский писал воспоминания «по памяти» в конце 1930-х — начале 1940-х годов, много лет спустя после событий, участником и свидетелем которых он был. Свою работу он не завершил. «Естественно,— писал Алексеевский,— что многое важное исчезло из памяти, запечатлелся лишь общий фон работы да единичные, наиболее острые эпизоды иногда чисто анекдотического свойства. Обычно такими именно анекдотами и грешат воспоминания о крупных деятелях искусства, в том числе и о Л. Н. Андрееве, чего я старательно буду избегать, останавливаясь лишь на наиболее характерных моментах, так или иначе уясняющих загадочную, на мой взгляд, личность Леонида Андреева». Однако Алексеевскому не удалось последовательно выполнить свое стремление. Некоторые страницы его воспоминаний запечатлели именно «общий фон» и «единичные, наиболее острые эпизоды иногда чисто анекдотического свойства». Таков отчасти и впервые публикуемый отрывок из «Воспоминаний» Алексеевского о его поездке вместе с Андреевым осенью 1901 г. к Горькому в Нижний-Новгород. Трудно, например, согласиться с автором воспоминаний, представляющим эту поездку безрезультатной. Правильнее предположить, что у Андреева с Горьким в Нижнем-Новгороде все же состоялись беседы «с глазу на глаз» и что молодой писатель познакомил Горького со своими новыми рассказами. Об этом свидетельствует письмо Горького к Пятницкому (между 13 и 17 октября 1901 г., см. прим. 4).

[1] В газете «Курьер» Андреев подписывал свои фельетоны из цикла «Москва. Мелочи жизни» — «James Lynch» — «Джемс Линч»; а из цикла «Впечатления» — «Л. — ев».

[2] Исаак Данилович *Новик* (1861—1924) — секретарь редакции «Курьера». Алексеевский пишет в своих воспоминаниях: «Можно без преувеличения сказать, что Новик был ломовой лошадью газеты, самоотверженно вывозя на себе всю черновую работу〈...〉 И. Д. Новик очень гордился тем, что именно он первый учуял талант Андреева, предложив ему написать рассказ 〈«Баргамот и Гараська».— *Л. А.*〉. Андреев комически поддерживал эту иллюзию». Вместе с Андреевым работал в «Русской воле». После Октябрьской революции — эмигрировал. Новик — автор статьи «К 10-летию литературной деятельности Леонида Андреева» («Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10453, 16 апреля). Вместе с его воспоминаниями «Л. Н. Андреев. Первые шаги его литературной деятельности» («Вестник литературы», 1919, № 12) опубликовано одно письмо Андреева к Новику от 29 января 1901 г. (год указан ошибочно: 1899).

[3] Далее приводится цитата из письма Горького от 2 ... 4 апреля 1900 г. (Переписка, № 4).

[4] Поездка Андреева и Алексеевского к Горькому в Нижний-Новгород состоялась в октябре 1901 г. Горький писал Пятницкому между 13 и 17 октября 1901 г.: «...был Бунин Иван, был Андреев Леонид, Алексеевский Аркадий, и я два дня не видел себя» (XXVIII, 186).

[5] О задуманном Алексеевским альманахе — см. Переписка, № 13.

[6] Об участии Андреева в «Орловском вестнике» — см. Переписка, № 3, прим. 4.

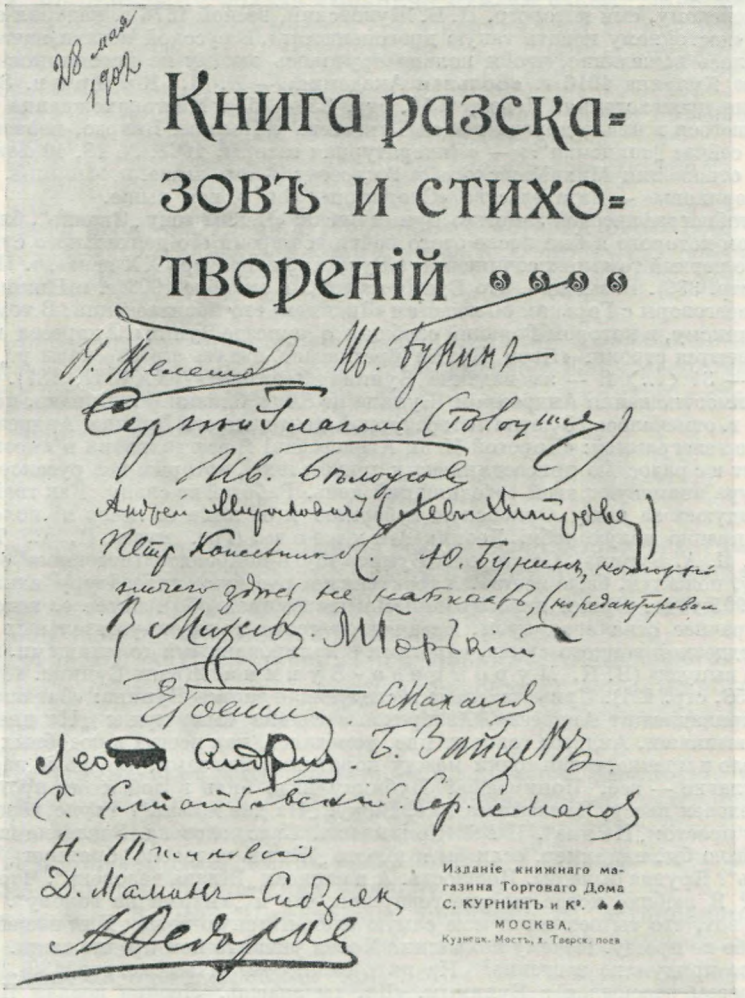
[7] «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе Бунина впервые была напечатана в «Орловском вестнике», 1896, № 114—252, 2 мая — 24 сентября; в конце 1896 г. вышла в Орле отдельным изданием.

[8] Бунин работал в редакции «Орловского вестника» с сентября 1889 до июля 1892 г. и поэтому не мог, конечно, быть «восприемником музы» Андреева, печатавшегося там в 1895—1896 гг.

[9] Иван Николаевич *Севастьянов* (1871—1941) — орловский врач, товарищ Андреева по гимназии. Жил вместе с ним в студенческие годы и неоднократно встре-

чался позже. Автор воспоминаний об Андрееве, написанных в 1921 г. и опубликованных в книге Н. Н. Фатова «Молодые годы Леонида Андреева» (М., 1924, стр. 220—233).

Севастьянов вспоминает: «Первым печатным произведением Андреева был фельетон под заглавием — „Он, она и водка“; напечатан в „Орловском вестнике“ 〈...〉 Рассказ слабый, лишь недурен язык. Редактор Сентянин, хотя и напечатал, но, когда я зашел спрашивать, стоит ли Андрееву присылать еще, сказал, что нет, не стоит, так как



«КНИГА РАССКАЗОВ И СТИХОТВОРЕНИЙ» (М., 1902). ЭКЗЕМПЛЯР С АВТОГРАФИЧЕСКИМИ ПОДПИСЯМИ ГОРЬКОГО, АНДРЕЕВА И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ СБОРНИКА

Сборник подготовлен кружком «Среда»; вырученные от продажи его деньги были переданы в 1905 г. забастовочному комитету работников почты и телеграфа

Титульный лист. В верхнем углу помета неустановленного лица: «28 мая 1902»

Архив Горького, Москва

рассказ слаб» (стр. 231). «Неизвестно,— пишет Фатов,— сообщил ли об этом И. Н. Севастьянов автору, но последний, во всяком случае, совета — не присылать — не послушался, и не даром: „Орловский вестник“ переложил гнев на милость и напечатал в течение 1895 г. еще две вещи Л. Андреева» (там же, стр. 97—98). С 9 сентября по 25 ноября 1895 г., когда «Орловский вестник» помещал первые опыты Андреева, в составе редакции никаких перемен не произошло. Фактически газету редактировал В. Е. Сентянин, формально редактором-издательницей «Орловского вестника» была его жена Н. А. Сентянина (рожд. Семенова).

[10] Бунину была присуждена в 1903 г. пушкинская премия за книгу стихотворений «Листопад» и перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате»; почетным академиком он избран в 1909 г.

[11] Первое прозаическое произведение Бунина, появившееся в «толстом» журнале — рассказ «Деревенский эскиз» («Русское богатство», 1893, № 4; под названием «Танька» вошел в первую книгу рассказов Бунина «На край света». СПб., 1897).

[12] «Железное кольцо» — перстень, подаренный Е. К. Воронцовой Пушкину и воспетый им в стихотворении «Талисман». Умирающий Пушкин завещал кольцо В. А. Жуковскому, сын которого, П. В. Жуковский, весной 1876 г. подарил его Тургеневу, как «достойному носить такую драгоценность». В русской печати начала XX в. высказывалось пожелание, чтобы кольцо вручалось одному из преемников Пушкина (см. статью Куприна 1916 г. «Вольная Академия».— А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения. Пенза, 1950, стр. 250—253). Местонахождение «талисмана», оставшегося в числе других вещей Тургенева у Полины Виардо, неизвестно (см. А. Г. «Где сейчас „талисман"?» — «Литературная газета», 1962, № 18, 10 февраля).

[13] Об отношении Михайловского к Андрееву — см. выше.

[14] «Скорпионы» — издательство «Скорпион». См. о нем выше.

В «Автобиографической заметке» Бунин писал: «В 1902 году „Знание", ближайшим сотрудником которого я был после этого почти все время его деятельного существования, издало первый том моих сочинений» («Русская литература XX века», т. II, кн. VII. М., 1915, стр. 339). Возможно, что Бунин как раз в октябре 1901 г. в Нижнем-Новгороде вел переговоры с Горьким об издании «Знанием» его произведений. В том же письме к Пятницкому, в котором Горький сообщал о приезде Бунина, Андреева и Алексеевского, имеются строки: «Иван Бунин предлагает издать его рассказы у „Знания". Рассказов — 31 ⟨...⟩ Я — за издание Бунина „Знанием"» (XXVIII, 187).

[15] Взаимоотношения Андреева и Бунина не были близкими. Однако, когда в октябре 1912 г. отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина, Андреев приветствовал его телеграммой: «Дорогой Иван Алексеевич! Я всегда любил и высоко ценил твой талант и с радостью присоединяюсь к приветствию, которым все русское общество и литература знаменуют твой сегодняшний день. Работай во славу. Как твой земляк-орловец радуюсь за нашу Орловскую губернию и от лица ее лесов и полей, тобою любимых, крепко целую тебя. Леонид Андреев» (Гос. музей И. С. Тургенева в Орле, ф. И. А. Бунина). Со стороны Бунина «сухо-покровительственное» отношение к Андрееву, пожалуй, было всегда. Характеризуя русскую литературу накануне революции 1905 года, Бунин явно иронически вспоминал об Андрееве, который «все крепче и мрачнее стискивал зубы, бледнел от своих головокружительных успехов; щеголял поддевкой тонкого сукна, сапогами с лакированными голенищами, шелковой рубахой на выпуск» (В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 121). Примечательна и следующая запись Бунина: «Заглавие пьесы „На дне" принадлежит Андрееву. Авторское заглавие было хуже: „На дне жизни". Однажды, выпивши, Андреев говорил мне, усмехаясь, как всегда в подобных случаях, гордо, весело и мрачно, ставя точки между короткими фразами, твердо и настойчиво:

— Заглавие — всё. Понимаешь? Публику надо бить в лоб и без промаха. Вот написал человек пьесу. Показывает мне. Вижу: „На дне жизни". Глупо, говорю. Плоско. Пиши просто: „На дне". И всё. Понимаешь? Спас человека. Заглавие штука тонкая. Что было бы, например, если бы я вместо „Жизнь человека" брякнул „Человеческая жизнь"? Ерунда была бы. Пошлость. А я написал „Жизнь человека". Что, не правду говорю? Я люблю, когда ты мне говоришь, что я „хитрый на голову". Конечно, хитрый. А вот, что ты похвалил мою самую элементарную вещь „Дни нашей жизни", никогда тебе не прощу. Почему похвалил? Хотел унизить мои прочие вещи. Но и тут: плохо разве придумано заглавие? На пять с плюсом» (там же, стр. 139). В 1914 г. Андреев совсем разошелся с Буниным. «Да, ты знаешь, Леонид послал И. Бунину несколько строк, что не желает с ним быть знакомым?» — писала жена Андреева А. Н. Андрееву 9 декабря 1914 г. (Гос. музей И. С. Тургенева в Орле). В ЦГАЛИ хранится двадцать семь писем Андреева к Бунину.

[16] Здесь в словах Алексеевского об известности Горького явное преувеличение: Горький начал печататься в 1892 г.; конечно, в кружке Деренкова в 1887 г. могли знать о его первых литературных опытах, но не в такой мере, как пишет Алексеевский.

Под воспоминаниями Горького автор подразумевает «Мои университеты».

[17] Со слов близких Андреева, Алексеевский рассказывает, что «материальная нужда начинавшего писателя, несмотря на печатавшиеся рассказы и судебные отчеты в двух газетах,— была подавляющей, близкой к нищете ⟨...⟩ Пришлось ему жить и в подвалах и на чердаках, без всякой мебели, без постельных принадлежностей, носить рваные брюки и ходить в чужом пальто с отказом от элементарных требований гигиены и при условиях постоянной морально угнетающей мысли, что в той же обстановке тянут с ним жизненную лямку нежно любимая мать, три брата и две сестры. Вечный холод, вечная сырость, вечный голод, постоянная забота о куске хлеба для семи человек — безнадежная борьба за минимум жизни — вот те прозаические хариты, которые баюкали и ласкали вырастающий талант в жестокой, далеко не романтической колыбели нищеты и страха за каждый новый день» («Воспоминания», стр. 16).

2. Е. П. ПЕШКОВА

Свыше сорока лет прошло с тех пор, как Леонида Николаевича не стало.

Много событий потрясло жизнь за это время, но когда вспоминаешь Андреева, по-прежнему нельзя спокойно думать о нем. Чаще всего вспоминается он таким, каким я видела его в начале 1907 г., когда приехала с сыном Максимом к Алексею Максимовичу, который, вернувшись из Америки, осел на Капри, в Италии.

Говорили о жизни в Америке, о нашей жизни. Среди разговора Алексей Максимович сказал мне:

— А знаешь, здесь Леонид, он в очень тяжких настроениях. Побывай у него.

Незадолго до этого Леонид Николаевич потерял свою первую жену, близкого друга — Александру Михайловну — чудесную, обаятельную, милую женщину. «Дама Шура» — как ее прозвал Алексей Максимович.

Она умерла от послеродовой болезни в Берлине. Еле живого ребенка — Даниила ее мать увезла в Москву, где вместе с Елизаветой Михайловной Добровой, сестрой Александры Михайловны, с трудом выходили его. Даниил Андреев много болел, но выжил[1].

Вскоре после смерти жены Леонид Николаевич решил уехать на Капри, зная, что там живет Горький. Когда они встретились, он просил Алексея Максимовича быть крестным отцом несчастного ребенка, на что Алексей Максимович дал письменное согласие [2].

На другой же день я отправилась к Леониду Николаевичу. Он жил в большой мрачной вилле, густо заросшей деревьями, которые подступали к окнам. Жил он с матерью, Анастасией Николаевной, и маленьким сыном Вадимом.

Леонид Николаевич мне обрадовался, повел в столовую, усадил за стол, на котором стоял горячий самовар, привезенный Анастасией Николаевной из Москвы, — налил мне и себе чаю и тут же стал подробно рассказывать о болезни Александры Михайловны. Говорил, что ее лечили неправильно, обвинял берлинских врачей.

Рассказывал Леонид Николаевич медленно, с остановками, глядя куда-то вдаль, точно оживляя для себя то, о чем рассказывал. Стакан за стаканом пил он очень крепкий чай, потом опять ходил по комнате, порою подходил к буфету, доставал фиаско [3] местного вина, наливал в бокал и залпом выпивал. И снова молча ходил по комнате.

Я старалась перевести разговор на другое. Рассказывала о жизни в Москве. Он слушал рассеянно, видимо, думая о другом.

В одно из моих посещений, когда мы были одни, Леонид Николаевич сказал:

— Знаете, я очень часто вижу Шуру во сне. Вижу так реально, так ясно, что, когда просыпаюсь, ощущаю ее присутствие; боюсь пошевелиться. Мне кажется, что она только что вышла и вот-вот вернется. Да и вообще я ее часто вижу. Это не бред. Вот и сейчас, перед вашим приходом, я видел в окно, как она в чем-то белом медленно прошла между деревьями и... точно растаяла...

Мы долго сидели молча.

Когда я уехала с Капри, он собирался мне писать, но получила я только одно его письмо:

14 февраля 1907

Милая Екатерина Павловна!

Не пишу, потому что в ужасно мерзком состоянии. И душа и тело развалились.

Бессонница, мигрень и пр. Кроме того, пишу рассказ [4] и десятки, сотни деловых писем.

И писать мне вам — скучно. Хочется поговорить, а не писать. Вероятно, приеду — к вам. Вы верите, что я вас люблю? Даже — когда молчу и ничего не пишу. И Максимку люблю. Алексей — крестный отец у моего несчастного Данилки, а я — разве я не чувствую себя крестным отцом Максимки? Вы не смеетесь? Вы не сердитесь?

И вы мне всего не сказали, и я вам всего не сказал. Но это — впереди. Крепко, так, чтобы почувствовалось, жму вашу милую руку. И Софье Федоровне хороший поклон. Мне до сих пор жалко, что я не отдал ей калош!*

Ваш Леонид

Вскоре после моего отъезда, к Андрееву приехал Вересаев, чему я очень обрадовалась, зная, что Леонид Николаевич с ним в дружбе и Викентий Викентьевич хорошо влиял на его настроение.

Побывать у меня в Ницце и Аляссио Андреев не собрался.

Это мое свидание с Леонидом Николаевичем на Капри — было последним, но от общих друзей мне приходилось слышать о его жизни, его метаниях, да и Алексей Максимович неоднократно писал и говорил мне о нем[6].

Вернусь к началу нашего знакомства.

В 1898 г. мы жили в Нижнем-Новгороде и Алексей Максимович каждый день заходил в редакцию «Нижегородского листка» просматривать столичные газеты. С февраля по начало мая «Листок» был цензурой приостановлен, и вместо него подписчикам выдавался московский «Курьер».

5 апреля в этой газете был напечатан рассказ Андреева «Баргамот и Гараська». Помню, как Алексей Максимович, необычайно оживленный, вернулся в этот день из редакции домой с номером «Курьера», прочел мне этот чудесный рассказ и с восторгом говорил, что написал его, видимо, очень талантливый человек.

Алексей Максимович стал внимательно следить за каждым новым рассказом Андреева; позднее он запросил сотрудника «Курьера» — Н. П. Ашешова — об авторе. Тот передал письмо Алексея Максимовича Андрееву, который очень обрадовался и сам ответил ему.

Просматривая «Курьер», Алексей Максимович отметил необычную судебную хронику, в которой обращалось, главным образом, внимание не на самый факт преступления, а на мотивы его, на причины, толкнувшие обвиняемого на преступление. Он узнал, что отчеты из зала суда пишет тот же Леонид Андреев.

Лишь 12 марта 1900 г. они познакомились лично, когда Алексей Максимович с Владимиром Александровичем Поссе и Виктором Сергеевичем Миролюбовым уезжали вместе в Ялту. Узнав об этом, Леонид Николаевич пришел на Курский вокзал в Москве. Андреев передал Алексею Максимовичу переплетенную толстую тетрадь вырезок своих рассказов из «Курьера» с просьбой их просмотреть. При этом он сказал ему, что пишет

* С. Ф. Витютнева, наша приятельница, приехавшая со мной в Италию. Как-то Леонид Николаевич пошел меня проводить, и мы попали под сильный дождь. Софья Федоровна заставила его снять мокрые каприйские полотняные сандалии и дала ему надеть свои калоши [5]. — *Прим. Е. П. Пешковой.*

ГОРЬКИЙ И Е. П. ПЕШКОВА

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902—1903 годы

Музей Горького, Москва

большой «Рассказ о Сергее Петровиче», и просил разрешения прислать рукопись в Ялту.

Во второй половине 1900 г. они познакомились несколько ближе. А с 1901 г., как говорил сам Алексей Максимович, их уже связывала сердечная дружба и они перешли на «ты», что случалось с Алексеем Максимовичем крайне редко.

Мне всегда казалось, что по отношению к Андрееву у Алексея Максимовича было нежное чувство старшего брата к младшему и даже, когда они через несколько лет идейно разошлись, это чувство не угасло. Леонид Николаевич тяжело переживал перемену в их отношениях.

Расцвет их дружбы я отношу к началу девятисотых годов.

В начале 1902 г. Леонид Николаевич после свадьбы приезжал с Александрой Михайловной к нам в Крым, на дачу «Нюра» в Олеиз. Мы много гуляли. Пробыли они недолго, но за эти дни Андреев подружился с Леопольдом Антоновичем Сулержицким, который тогда жил у нас. Впоследствии Сулержицкий стал ближайшим помощником Константина Сергеевича Станиславского в Художественном театре, где потом шли пьесы Андреева.

Приезжал Леонид Николаевич к нам и в Арзамас, куда после Крыма был выслан Алексей Максимович.

Леонид Николаевич с интересом и удовольствием разглядывал дома города, говорил, что они напоминают ему детские годы в Орле. В то время Арзамас был довольно унылый уездный городок, скрашивала его Ступинская художественная школа, которая очень заинтересовала Леонида Николаевича. Он увлекался живописью и сам хорошо рисовал. Я даже думала, что он, как и его брат Павел Николаевич, учился в Строгановском училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. И только теперь я узнала, что писал он картины самоучкой.

Интересная встреча произошла у Андреева со священником Федором Владимирским, посвятившим свою жизнь поискам воды для Арзамаса. Об этом Алексей Максимович замечательно написал в своих воспоминаниях об Андрееве, только он отнес эту первую встречу — Андреева с отцом Федором к Нижнему, забыв, что это случилось в Арзамасе.

В Арзамасе Леонид Николаевич вновь встретился с Сулержицким.

Начиная с 1902 г., Андреев неоднократно бывал в Нижнем. В один из приездов он уговорил меня позировать ему и начал писать портрет углем, но не окончил его и вместе с моими фотографиями увез в Москву, думая писать красками. Незаконченный портрет остался у него.

Алексей Максимович не раз говорил: «Леонид талантливее меня, у него богатая и яркая фантазия. Он разносторонне талантлив».

У меня сохранилось два письма Леонида Николаевича от 1903 г. Первое письмо я получила в начале января:

Дорогая Екатерина Павловна!

Читать стоит только на одном вечере; два дня подряд — неудобно. Приеду я, когда назначите, с 12-го января я свободен. Читать буду две вещи: «Кусака» (в «Книге рассказов и стихотворений», издание Курнина) и «Смех», а то «Набат», как хотите.

Рассказал Зиночке[7], как у вас весело и как вы возились с елкой. Жалко, что для меня эта елка, как заколдованная — никак не приходится попасть на нее.

Шура постепенно, хоть и не быстро, поправляется; так называемый Вадим орет от живота, а мы оба жалеем его. Вообще — хорошо.

Получите множество поклонов от лиц разного звания и степеней родства с автором сего.

Ваш Леонид Андреев

Из Нижнего не уеду, пока не получу вашей карточки.

ГОРЬКИЙ И АНДРЕЕВ СРЕДИ УЧАСТНИКОВ КОНЦЕРТА В ПОЛЬЗУ НУЖДАЮЩИХСЯ НИЖЕГОРОДСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Фотография, Моховые горы близ Нижнего-Новгорода, февраль 1903 г.

Слева направо в верхнем ряду: М. Д. Малинин, П. П. Малиновский, Е. П. Пешкова, Горький, З. А. Пешков, Р. А. Штюрмер; в среднем ряду: Ю. Р. Штюрмер, З. Ф. Штюрмер, В. Н. Кольберг, Е. К. Малиновская; в нижнем ряду: Д. А. Павлов, А. Н. Алексин, Андреев, Н. Р. Штюрмер

Музей Горького, Москва

И второе — в начале февраля:

Дорогая Екатерина Павловна!

Нельзя ли, голубушка, вечер назначить число на 12-е — а то десятого у меня годовщина свадьбы, и мне не хотелось бы уезжать из Москвы.

Чем больше думаю о совместном нашем житье на Фофановых горах*, тем больше его жажду. Если вечер и не состоится, все равно приеду числа 12-го.

Ваш Леонид Андреев

Вечер этот состоялся 14 февраля в зале Коммерческого собрания с участием Андреева, Янины Берсон — скрипка, А. Н. Алексина — бас, М. Д. Малинина — баритон. Аккомпанировал М. М. Фивейский. Андреев прочел рассказы «Набат» и «Смех».

---

* Фофановы, или Моховые, горы на берегу Волги против] Нижнего.— *Прим. Е. П. Пешковой.*

В это время у нас гостил А. Н. Алексин — врач Алексея Максимовича и большой наш друг; с осени 1902 г. жила Янина Берсон, дочь петербургского банкира, порвавшая с семьей. Она прекрасно играла на скрипке.

Вечерами устраивались импровизированные концерты. Алексин пел, Янина играла на скрипке, аккомпанировал Михаил Михайлович Фивейский — студент Московской консерватории.

— Ведь прекрасный концерт с полезной, хорошей целью можно дать. Привлечем и Малинина,— сказал Алексей Максимович. (М. Д. Малинин — артист частной оперы Зимина в Москве, был как раз в это время в Нижнем и заходил к нам.) Привлекли Андреева. Получился интересный состав участвующих.

Концерт имел большой успех, собрали рублей шестьсот, что по тогдашнему времени был большой сбор, который, за вычетом расходов, пошел в фонд постройки дома для школьников.

Несколько позднее, когда Леонид Николаевич оставался еще у нас, произошла ссора Алексея Максимовича с ним. Леонид Николаевич, выпив лишнего, поскандалил с Алексиным и Малининым. Помню, как рассердился на него Алексей Максимович и, вызвав извозчика, чуть ли не насильно отвез его на вокзал и отправил в Москву.

В конце февраля 1903 г. Леонид Николаевич написал Алексею Максимовичу, объясняя свое поведение опьянением. Алексей Максимович на письмо не ответил.

Помирились они лишь в начале октября 1903 г.

В 1904 г. я собиралась ехать за границу лечиться. Узнав об этом, Леонид Николаевич очень уговаривал меня ехать вместе с ними в Крым.

Вот что писал он мне 17 марта 1904 г. (датируется по почтовому штемпелю):

Дорогая Екатерина Павловна!

Спешно собираемся в Крым, укладываем молоко, упаковываем ванну, теряем, соображаем, забываем, находим, снова теряем, прощаемся, бегаем, ошалеваем, ругаемся и ничего не понимаем. В четверг, 18-го, выезжаем. Поселимся где-нибудь около Олеиза. Вересаев тоже думает ехать. Если бы вы? Голубушка, как бы это было хорошо. Если бы вы, именно вы, только вы и никого больше. Вы знаете, что я вас очень люблю — как раз до той самой границы, до какой позволяет супружеская верность. И Шура вас так же любит. Какого чёрта? Приезжайте.

У меня болит шея, нос и затылок, Шура худеет. Димка кашляет. Мама скверно спит, камины дымят, извозчики грохочут, прислуга требует жалованья. Перо скверное, чернила на исходе. И это жизнь? В Крым, скорее в Крым!

Якубову денег не дал: ⟨во⟩ 1-х) потому что нет денег, ⟨во⟩ 2-х) потому, что нет желания. Он, кажется, рассердился. Это будет 1001-й человек, который на меня сердится. Когда дойдет до 100 000, я сам начну сердиться. Потому что я очень сердитый, хотя и стараюсь этого не показывать.

Видел мельком Скитальца. В его лице есть что-то девичье и ангельское. В профиль он похож на преподобного Серафима. Сзади — на кривой фонарный столб. На нем, мне думается, удобно сушить белье. Если б я был чайка, я на его шляпе свил бы гнездо, высидел бы детей и отдал бы ему на воспитание.

Крепко жму руку.

Ваш Леонид Андреев

Адрес в Крыму: Елпатьевскому.

В 1905 году, 9 февраля арестовали Андреева, предоставившего свою квартиру для заседания ЦК РСДРП. В 20-х числах февраля он был освобожден под залог в десять тысяч рублей, внесенных С. Т. Морозовым.

Алексей Максимович очень беспокоился за Андреева.

В 1911 г. я получила в Париже письмо Алексея Максимовича, в котором он упоминает о Леониде Николаевиче.

Привожу выдержку из него:

«Быть большим человеком в России — мрачная и мучительная позиция, дорогой ты мой друг, — и как поглядишь на всех более или менее крупных ребят, на все, что их окружает, — господи помилуй! страшно за них и готов все им простить.

Недавно получил большущее письмо от Леонида — молчок об этом! — шутит Леонид, а сквозь шутки — слышен этот надрывающий душу вой затравленного волка. Скоро, вероятно, увижусь с ним и еще многими — не Куприным, Ценским и т. д. Сказать им у меня есть что, на велик толк надеюсь, а кое-чего — добьюсь, уверен».

Я уже говорила, что после 1907 г. лично не встречалась с Андреевым. Ряд лет была в эмиграции, за границей. В 1914 г., вернувшись в Москву, встретилась как-то с Викентием Викентьевичем Вересаевым, и мы заговорили о Леониде Николаевиче. В это время Андреев был уже вторично женат, имел дачу в Финляндии. Кроме сыновей Вадима и Даниила, у него были дети от второй жены. Мы вспомнили с Викентием Викентьевичем 907-й год, когда и он был свидетелем тех же тяжелых переживаний Андреева.

Писатель Александр Абрамович Кипен, будучи проездом в Москве, на вопрос — как живет Леонид Николаевич? — ответил: — Да по-прежнему увлекается то тем, то другим.

Между прочим он рассказал:

— Приехал я как-то к нему. Мирно сидим, беседуем. Вдруг он куда-то исчез и допоздна не появился. На другое утро, за завтраком, я его спросил:

— Куда это вы пропали?

— Никуда не пропал, — ответил Леонид Николаевич, — вздумал поехать к Горькому.

— Как к Горькому? — удивился я. — Ведь вы же разошлись, не встречаетесь...

— Не все же быть в ссоре, — весело сказал Леонид Николаевич, точно это была самая обыкновенная вещь. — Поехал и помирились. Чудесный провели вечер![8]

Отношения между Алексеем Максимовичем и Андреевым так и не восстановились, хотя они иногда встречались и, как и раньше, были на «ты», но прежняя близость не возобновилась.

«Мы могли говорить только о прошлом. Настоящее нас разделяло...»,— говорил Алексей Максимович.

То же сказал Горький и в своих воспоминаниях о Леониде Андрееве: «... мы могли не споря говорить только о прошлом, настоящее же воздвигало между нами высокую стену непримиримых разноречий.

Я не нарушу правды, если скажу, что для меня стена эта была прозрачна и проницаема — я видел за нею человека крупного, своеобразного, очень близкого мне в течение десятка лет, единственного друга в среде литераторов...»

7 марта 1962 г.

Написано Е. П. Пешковой для настоящего тома «Лит. наследства» по просьбе редакции. Подготовлено к печати В. Н. Чуваковым.

[1] Даниил Леонидович *Андреев* (1906—1959) — второй сын Андреева, художник-оформитель, литератор, редактировал сборник «Реквием» (1930); участник Великой Отечественной войны; автор (совместно с С. Н. Матвеевым) книги «Замечательные исследователи Средней Азии» (Географгиз, 1946); в последние годы редактировал переводы с японского рассказов Фумико Хаяси (изд. «Иностранная литература», 1960).

[2] См. об этом — Переписка, № 148.

[3] Fiasco — бутыль для вина (итал.).

[4] Рассказ «Иуда Искариот».

[5] С. Ф. *Витютнева* (рожд. Цвиленева; 1850— ок. 1910) — фельдшерица-акушерка Ялтинской земской больницы. Участвовала в революционном движении. Находилась под негласным надзором полиции.

[6] В Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится книга: Леонид Андреев. Жизнь человека. Представление в пяти картинах, с прологом. Berlin, Buhnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, 1907, с дарственной надписью: «Милой и хорошей Екатерине Павловне Пешковой искренне любящий Леонид Андреев. Капри. 21 января 07». Как сообщила Е. П. Пешкова, книга эта получена ею не была.

[7] Зинаида Николаевна *Андреева*, сестра Андреева.

[8] Встреча эта Андреева с Горьким произошла, по-видимому, 5/18 декабря 1914 г. (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой: «Был у меня Леонид Андреев. Долго говорили, часов шесть кряду».— АГ. Личный архив Е. П. Пешковой).

З. И. А. БЕЛОУСОВ *

...Вскоре Горький привез на «Среду» еще одного молодого писателя с красивым энергичным лицом, с густыми, темными, зачесанными назад волосами, одетого в коричневый пиджак.

— Леонид Андреев,— рекомендую, талантливый,— коротко рекомендует Горький Андреева.

И Андреев сделался членом «Среды» и постоянным посетителем его собраний. Все свои произведения, написанные в первый период его деятельности, он прочитал на «Средах». Из судебного репортера газеты «Курьер» Андреев начал быстро вырастать в большого писателя. Первая книжка его рассказов не только обратила на себя внимание критиков, но произвела большой шум среди читателей <...>

Если Горький умел иногда бросить крылатую фразу, сделать краткую характеристику, то Андреев превосходил его в остроумии,— автор мрачных и «страшных» рассказов — в дружеской компании писателей был необыкновенно весел, находчив и острословен: — он давал характеристики в целых рассказах. Больше всего от него доставалось Скитальцу.

Вот как Андреев рассказывал про пребывание Скитальца в Крыму:

«... Приехал я в Ялту, узнал, что там Скиталец, пошел навестить его; прихожу на дачу и вижу: в передней висит его енотовая шуба,— у Скитальца давно была мечта купить такую шубу, потому что все дьякона ходят в таких шубах;— зачем Скиталец привез на лето в Ялту шубу, одному ему было известно, только шуба как была повешена при приезде, так все лето на нее никто и не посмотрел, и ее всю съела моль. Я заметил и сказал об этом Скитальцу, посмотрел он и очень огорчился.

— Что же теперь делать? Вся шерсть вылезла, одна мездра осталась, пропала шуба!

А я его утешил и говорю:— Сходи в аптеку, купи мази для ращения волос, смажь мездру погуще,— вот и всё!» — И Андреев уверял, что Скиталец принял его совет за чистую правду.

И про многих других писателей Андреев рассказывал в этом же духе и подбадривал слушателей на веселое настроение; даже сам Горький поддавался этому и не прочь был иногда «промыть писателям косточки».

---

* Воспоминания № 3—12, 14—16 подготовлены к печати А. И. Наумовой.

Вспоминаю, как он проездом в Крым из Петербурга, откуда был административно выслан, заехал к Андрееву; собралась «Среда». Горького перед этим я не видал давно и нашел его немного похудевшим, но бодрым и веселым. За ужином он сидел рядом с Андреевым, который был в ударе — и шуткам, остротам не было конца. Разговор коснулся женщин-писательниц.

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ
Фотография, Бутово, 1902 г.
Собрание В. Л. Андреева, Женева

— Мало среди них хороших,— серьезно и деловито говорил Горький, скрывая улыбку под светловато-рыжими усами,— они, видите ли, устроены так: внутри каждой из них есть такое зеркало, которое отражает только их самих; вот они смотрят в это зеркало и думают, что видят всю жизнь кругом, а видят-то они только самих себя,— это и описывают,— хорошего мало... Знаешь что, брат,— обратился он к Андрееву,— вот когда будет всемирная революция, давай устроим с тобой «Общество добрых друзей», наберем компанию хороших молодцов, научим их прикалывать этих самых писательниц и будем платить по целковому за штуку,— как какую приколол,— получай рубль!..

— Ну, уж это ты слишком, теперь все говорят об эмансипации женщин,— возразил ему Андреев.

— Что ж, я про женщин ничего не говорю и против них ничего не имею,— ты меня не понял,— я говорю о писательницах! — глухо ответил Горький и уткнулся в свою тарелку.

Подзадоренный Андреев сейчас же начал о другом.

— А мне Бальмонт прислал письмо из Мексики, пишет об океане и называет его «нагло-нахальным»...

— Что ж, это мне нравится,— сказал Горький,— глупость это, мальчишество, а хорошо! Это, я думаю, так было: всю дорогу Бальмонта мучила морская болезнь, то есть вот как его перевернула за мое почтение; вышел он на берег, ноги расставил, глаза мутные, ничего не понимает. Увидал на берегу океана трактирчик,— на всех пристанях имеются трактирчики,— пошел, спросил себе полбутылочки коньяку, выпил, посмотрел в окна на океан и назвал его нагло-нахальным.

Помолчав, Горький добавил:

— А вообще Бальмонт — талантливый человек, и если бы из того, что им написано, выбрать небольшую книжечку,— это была бы штука!.. Хорошие у него есть стихи, полезные;— я вот недавно прочитал одно его стихотворение об Амстердаме и все узнал — и людей тамошних, и природу, словно сам побывал в Амстердаме. Полезный поэт! — не то серьезно, не то иронически закончил Горький [1].

— Бальмонт искусственно подбадривает себя,— заметил кто-то из сидящих за столом.

— Что же, человеку искусства без этого нельзя — вон Шаляпин рассказывал мне про солиста его императорского величества Фигнера [2] (Горький последнее слово произнес с тонкой иронией). Одна его поклонница подарила ему серебряную фляжку; знаменитый тенор думал-думал — что ему делать с этой фляжкой, и додумался: приделал к ней какую-то трубочку, наполнил фляжку кокаином, привесил ее к поясу и перед выходом на сцену пускал по трубочке в нос кокаин, выходил и здорово пел: «Куда, куда вы удалились...» Это, выходит, кокаинистый тенор — солист его императорского величества! — опять с иронией закончил Горький.

Но таким Горький бывал не часто,— в общем он всегда казался серьезным, деловитым,— это сказывалось и в его письмах — они всегда строги, обдуманны, а иногда даже впадают в поучительный тон. Зато письма Андреева — резкая противоположность письмам Горького — у Андреева в каждой строке сквозит юмор, ирония. Вот для примера письмо Андреева из Рима ко мне, касающееся Горького [3]:

«...Передай всем этим вольноотпущенникам и варварам, что я горд нынче, как Тарпейская скала, прекрасен, как развалины бань Каракаллы, непогрешим, как папа и Горький, умен, как поп Семен... По-итальянски я говорю, как Аванцо и Доциаро*, а по стройности — только кипарис может сравниться со мной, да и то не всякий...

Заходил ко мне вчера здешний папа, ничего себе старик,— непогрешимый. Спрашиваю я его:— а кто из вас непогрешимее — вы или Горький? Он заплакал и сознался: прежде я был, а теперь Горький.— Да как же это вы, папенька, сдрейфили? — Да так, говорит,— до „Русского-то слова“ и я мог за себя постоять, а как теперь к непогрешимости Горького прибавилась непогрешимость Дорошевича,— так теперь против них разве устоишь? Хочу уж в „Русское слово“ корреспонденции из Рима давать, а то совсем обеспрестижусь...

— У кого же теперь,— спрашиваю,— ключи-то от царства небесного?

— Да всё у Горького же...

Совсем расстроился старик...»

Письмо шуточное, но в нем за шутками скрывается нечто иное, то, что знакомо каждому писателю, вступившему на верхние ступени славы, успеха...

* * *

...Автор мрачных и страшных рассказов и пьес — «Бездна», «Красный смех», «Черные маски», «Анатэма», «Царь голод» и др. ⟨...⟩ Л. Н. Андреев

* Аванцо и Доциаро — магазины художественных произведений в Москве.— *Прим. Белоусова.*

в дружеских беседах был необыкновенно жизнерадостен, весел и острословен. То же можно сказать и об его письмах, которые полны юмора, тонкого сарказма и метких характеристик.

Любил Андреев иногда своим приятелям посылать «фальшивки». Так, однажды я получил письмо, подписанное М. Горьким, по поводу моей книги «Дорогие места» [4]. В письме говорилось:

«Вы легко, надеюсь, поймете чувство глубокого негодования, которое вызвали во мне и в Луначарском [5] ваши „Дорогие места". Что такое? Под видом „дорогих мест" вы даете одни только могилки: на обложке — могилка Шевченко, в тексте опять могилка — то того же Шевченко, то Толстого, то Антона Чехова... Вы занимаетесь гробокопательством, занятием весьма не почтенным и всего менее подобающим демократическому писателю... Позвольте мне искренне пожалеть о том чувстве извращенности, которое влечет вас и других русских современных писателей к могилкам...»

Все письмо написано на машинке, а подпись и P. S. сделаны от руки почерком М. Горького:

«Жму вашу руку. М. Горький. Капри».

«P. S. Настоящее письмо без моего ведома и желания сочинил Леонид Андреев,— даже подписал моим именем, что есть уж форменный подлог. Подлец! М. Горький» [6].

Первый отрывок — из воспоминаний И. А. Белоусова «М. Горький, Леонид Андреев и Скиталец». Печатается по варианту.— АГ.

Второй отрывок — из статьи И. А. Белоусова «Шутки Л. Н. Андреева».— «Эхо», 1922, № 3, стр. 6—7.

[1] О стихотворении Бальмонта «Воспоминание о вечере в Амстердаме» Горький писал, приведя его полностью, в рецензии на сборник «Горящие здания»: «Хорошо это — как молитва ребенка, мудрый лепет чистой души, недоступный пониманию литературных будочников, кои, якобы охраняя заветы истинной поэзии, традиции Пушкина и прочие хорошие вещи, опошленные их прикосновением,— плюют во все стороны пахучей желчью своей бездарности...» («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября; М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 43—47). Об отношении Горького к поэзии Бальмонта — см. также Переписка, прим. 2 к письму 140.

[2] Николай Николаевич *Фигнер* (1857—1919) — выдающийся оперный артист, тенор. С 1887 г.— солист Мариинского имп. театра в Петербурге.

[3] Письмо это опубликовано Белоусовым во «Всемирной литературе», 1923, № 10; датировано 1911 г.

[4] Дорогие места. Под редакцией И. А. Белоусова. М., 1913 (Бесплатное приложение к журн. «Путь» за 1913 г.).

[5] Здесь Андреев в шуточной форме намекает на то, что Горький полностью солидаризировался с Луначарским в критике Андреева (см. Переписка, № 157).

[6] Постскриптум — автограф Горького.

4. А. С. СЕРАФИМОВИЧ

... В 1902 году разрешили переехать в Москву. Здесь, по приглашению Л. Андреева, стал работать в газете «Курьер». Познакомился с группой писателей (Горький, Бунин, Скиталец, Зайцев, Куприн и др.), которые тогда представляли лучшую часть русской литературы. По «Средам» эта литературная братия собиралась, читала свои вещи, обсуждала, критиковала. Эта товарищеская критика и указания имели огромное значение для роста каждого ⟨...⟩

Я подошел к парадному квартиры писателя Андреева. Снег медленно садился на деревья, на белую улицу, на горевшие по-ночному фонари.

Никак не подыму руку, чтобы нажать кнопку звонка. Запушенные снегом окна длинного одноэтажного дома по-зимнему и загадочно светились. Тут жил Леонид Андреев, писательская звезда которого и слава неожи-

данно вспыхнула, загорелась ярко и ослепительно. Я был с маленьким именем — журналист, писатель,— жил в глухих местах донской земли. Андреев — мы с ним не были знакомы — письмом пригласил меня переехать в Москву работать в газете «Курьер», в которой он принимал ближайшее участие.

Никак не подыму руку к звонку. Я знаю, за этими светящимися окнами в больших, уютных, тепло натопленных комнатах сегодня всё, что было лучшего и знаменитого в России. Но главное — Горький.

Не подыму руку — страшно после провинции. И вдруг неожиданно для самого себя позвонил, и в ту же секунду остро прохватила мысль: «А не удрать ли?.. Метнуться за угол, только и видали,— и никто не узнает». Но было поздно: дверь отворилась. Вошел, разделся.

В длинной столовой, за громадным столом сидело человек восемьдесят, все знаменитости, и никому из них не было дела до меня, никто не повернул головы. А я уж никого не различал, как в тумане. Андреев ласково меня усадил. Застольный гул и говор колыхался из конца в конец. В отдаленном конце стола поднялся широкоплечий, высокий, с длинными откинутыми назад волосами, с открытым, смело глядящим лицом. Раздвигая стулья и людей, он подошел ко мне, взял за руку, сжал так, что у меня пальцы склеились, с славной улыбкой тряхнул и коротко:

— Горький...

Потом пошел назад, все так же раздвигая стулья. Гул, смех, говор сразу смолкли. Все головы ласково повернулись ко мне, заулыбались, закивали. Соседи задвигались, давая мне попросторнее сесть. Внимательно спрашивают, какого мне налить вина, как мне понравилась Москва, как поживают мои детки, супруга. Одни накладывают мне на тарелку икры, лососины, семги, устриц, к которым я не знал, как подступиться. А с другой стороны льют мне в бокал вина, шампанское... Ух ты?! Вспотел... Сердце ласково билось, и я думал: «Так вот он, Горький».

Это первое впечатление от Горького потянулось через жизнь. Уже оба мы стариками стали, уже фигуры погнулись, а перед глазами немеркнуще: широкоплечий, в серой перехваченной блузе, и лицо гордо и смело закинуто, он чувствовал в себе рвавшуюся силу и хотел ее понести трудящемуся человечеству на счастье, на радость...

Отрывок из воспоминаний А. С. Серафимовича взят из автобиографической заметки. — ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, ед. хр. 412, лл. 14—15.

В той же заметке Серафимович пишет: «Многим я обязан Л. Андрееву. Он оказал на меня большое влияние в смысле сжатости, экономности. Даже и в стиле я иногда был к нему близок, но натуры-то у нас разные, поэтому у меня выходило совсем не то, что у него. Я уже говорил, что был с ним в дружбе и переписке; мы часто встречались, разговаривали, шутили...»

5. В. Н. КОЛЬБЕРГ

...Много рассказывал Алексей Максимович, и говорил хорошо, увлекаясь. Андреев, не отрываясь, смотрел на него, и глаза его блестели любовью. Андреев тогда только что написал «Стену» и читал ее Алексею Максимовичу в рукописи. «Хорошо, чёрт возьми, жестоко, но хорошо. Андреев, он вам покажет, у него талантище — во!»

〈...〉 Когда мы жили в Олеизе[1], Андреев прислал свой рассказ «Бездна». После ужина собрались слушать его. Приехавший из Ялты доктор Средин, больной туберкулезом, тоже остался слушать. Алексей Максимович читал сам, впечатление от рассказа было очень сильное и страшно тяжелое[2].

Вскоре приехал погостить и сам Андреев со своей молодой женой Александрой Михайловной. Характер у Андреева был тяжелый, часто он

чем-нибудь был недоволен или что-нибудь его раздражало. Но в тот приезд он был счастлив. Он необыкновенный юморист, остроумием полны его рассказы даже тогда, когда он не в духе.

Н. Д. ТЕЛЕШОВ
Фотография, 1900-е годы
Архив Горького, Москва

На Алексея Максимовича он по-прежнему смотрел с любовью и больше слушал его, чем говорил сам. Алексей Максимович пророчил Андрееву большую будущность. «Куда мне до него, у него талант огромный. Он покажет всем»...

Отрывок из воспоминаний В. Н. Кольберг. Машинопись.— АГ.

Вера Николаевна *Кольберг* (1875—1954) — близкий друг семьи Горького, его товарищ по революционной работе в Нижнем-Новгороде; жила в семье как воспитательница детей Горького. После его освобождения из-под ареста Кольберг поехала с семьей Горького в Олеиз, где они жили с ноября 1901 по апрель 1902 г.

[1] В воспоминаниях речь идет о 1902 г.

[2] В своих воспоминаниях А. Ф. Войткевич упоминает о письме Горького к нему, в котором тот писал по поводу шума, поднятого вокруг рассказа «Бездна». «Мещанину в морду дали, потому он и ругается»,— писал Горький (сб. «Максим Горький на родине». Горький, 1937, стр. 209).

6. З. В. ВАСИЛЬЕВА

...Ждал он ⟨Горький⟩ очень и мечтал об Андрееве. Нам всем говорил шутя: «Женщины, берегитесь! Приедет Леонид, повлюбляетесь все в него, красавец, брюнет с лиловыми глазами! А как говорит, как рассказывает!»

И когда приезд состоялся — он сиял и радовался, как ребенок, получивший давно желанную игрушку. Они сидели друг против друга — и Андреев рассказывал страшный сюжет «Идиота» [1] и Алексей Максимович читал нам вслух страницы из «Василия Фивейского», где верующий поп делает попытку воскресить мертвеца. Алексей Максимович тоже рассказывал о своих замыслах ⟨...⟩

Вспоминали любимых авторов и русских и иностранных. Вкусы их не вполне сходились. Андреев и тогда уже любил все чрезвычайное, а Алексей Максимович — реалистическое ⟨...⟩ Андреев пробыл дольше, чем другие, около недели. Держался он просто со всеми, но было ясно, что ему нужен исключительно Алексей Максимович. Как только Алексей Максимович уходил из комнаты, Андреев как-то съеживался, серел, потухал. Они уходили гулять вдвоем в далекие прогулки, несмотря на сильные морозы...

Отрывок из воспоминаний З. В. Васильевой «Пешковы в Нижнем-Новгороде (1899—1900)». Машинопись с правкой автора.— АГ.

Зинаида Владимировна *Васильева* (р. 1874) — жена друга Горького, Н. З. Васильева.

Васильева датирует свои воспоминания 1899—1900 гг. Фактически же события, описанные в данном отрывке, относятся к октябрю — декабрю 1903 г., когда Андреев заканчивал рассказ «Жизнь Василия Фивейского». Это подтверждается упоминанием Васильевой о прогулках писателей в морозные дни.

[1] Речь идет о персонаже «Жизни Василия Фивейского», мальчике-дегенерате Васе, сыне главного героя рассказа.

7. А. А. КИПЕН

...Был у Андреева на даче ⟨...⟩ Разговор зашел об его участии в «Знании». Тогда предполагалось выпускать параллельные «сборники». Одни, старые, под редакцией Пятницкого и Горького, другие, новые, под редакцией Андреева. Я уже знал об этом от Семена Павловича Боголюбова, но для Андреева это была новость, о которой он узнал только в день моего посещения из письма поверенного от Горького или Пятницкого. Он очень взволнованно говорил об этом, называл всю затею нелепостью и говорил, что от редактирования сборников откажется.

— Я соглашался редактировать старые сборники и не знал, что затеваются еще какие-то новые.

На мое замечание, что теперь фактическим редактором, очевидно, будет Пятницкий, он ответил:

— Ну, конечно, Горький не может редактировать, сидя за границей. К тому же он мало знаком с новыми течениями в литературе. Он говорит, что следит за всем, но, сидя за границей, это невозможно...

Автограф. Отрывок из записной книжки Кипена (1906—1907).— ИМЛИ. Датирован 16 августа 1907 г.

Александр Абрамович *Кипен* (1870—1938) — писатель демократического направления, примыкавший к «Знанию»; состоял в переписке с Андреевым. Имеется ряд писем, в которых Кипен рассказывает о Горьком. Частично эти письма и отрывки из воспоминаний Кипена об Андрееве напечатаны в сб. «Реквием», стр. 183—184. О встрече Горького и Андреева на Капри — см. выше в воспоминаниях Е. П. Пешковой.

О сборниках «Знания» и отказе Андреева редактировать их, см. стр. 289—296 настоящ. тома.

8. С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

... Другой раз, как-то в Озерках, под Петербургом, у меня обедали Горький и Леонид Андреев. Не помню, по какому случаю за обедом зашел разговор о литературном творчестве, о писательских темах. Я сказал, что жизнь часто создает свои повести и романы интереснее писательских, а в подтверждение вынул из кармана вырезку из «Русских ведомостей», где репортер сообщал, что во время какого-то судебного дела одна из свидетельниц отказалась принять присягу, заявив, что она проститутка, не чистая, и потому недостойна целовать крест и Евангелие.

После обеда мы играли в крокет. В перерыве Леонид Николаевич отозвал меня в сторону и убедительно, с его особливой настойчивостью стал просить меня уступить ему эту тему.

Я чувствовал, что тема захватила его, знал, что здесь он будет в своей стихии, и отдал ему газетную вырезку. Так появилась его «Христианка»[1]...

Отрывок «Из воспоминаний» С. Я. Елпатьевского.— «Былое», № 27-28, 1924, стр. 281.

Об отношениях Горького и Андреева с Елпатьевским — см. Переписка, № 84, прим. 4.

[1] Речь идет о рассказе «Христиане».

9. М. К. ИОРДАНСКАЯ

... Я была дружна с Леонидом Андреевым, и Алексей Максимович много говорил со мной о нем. Тогда впервые я услышала историю написания «Тьмы». Алексей Максимович не мог простить Андрееву не только искажения образа, но и то, что он обманул доверие Мартина ⟨Рутенберга⟩[1] и не сдержал данного ему и Алексею Максимовичу слова, — никогда не пользоваться как материалом для литературного произведения рассказом Рутенберга.

Тем не менее, все, что касалось Леонида Николаевича, Горький очень близко принимал к сердцу.

Я рассказала Алексею Максимовичу, что, несмотря на то, что Андреев женился вторично и у него были дети от второй жены, он не переставал тосковать по Александре Михайловне. Он часто жаловался на свое одиночество, на то, что никто не переживает с ним его произведений, не спорит до слез, не предостерегает от ошибок. Однажды, указывая мне из окна кабинета на видневшуюся под горой зеленую крышу маленького дома, Леонид Николаевич сказал: «Там было хорошо — там я был счастлив, тогда жива была Шура».

Алексей Максимович встал и подошел к окну; когда он снова сел на свое место, глаза его были влажны...

Неожиданно Горький улыбнулся.

— А знаете, что больше всего задело Рутенберга. Не то, что Леонид сделал из него какого-то неврастеника и идиота, а то, что он так отвратительно описал его ноги.

— Откуда взял Андреев, что у меня такие безобразные, волосатые ноги с кривыми и грязными ногтями, — жаловался Рутенберг,— ей-богу, я каждый день мою ноги...

И Алексей Максимович рассмеялся — «чудак-человек».

* * *

⟨Со слов Андреева:⟩

«... Хотели арестовать меня и в 1905 году. Вечером предупредили, пришлось в ту же ночь собраться и нелегально, через Финляндию, выехать

за границу. Может быть, надолго. Но тогда это не огорчало, не пугало. Я знал тогда, для кого пишу. Кто читает меня. Знал также и то, кому нужен был мой арест. Кто угрожал расправой. Получал и тогда много писем. Были тоже от солдат, от матросов... Да, писали тогда, пишут мне и теперь... Но какие письма!.. Кто из тех, что называют меня „гнусным наемником", грозят самосудом, убийством, читал меня? Читал „Красный смех", „Царь-голод", „Савву"? Знают мое обращение „К солдату"? [2] Это знают, но и то из третьих рук, обрывки в передаче ораторов. Скажите, — для кого же писал я всю жизнь? Для кого писал? ⟨...⟩

А все-таки интеллигенция и писатели, как бы тяжело им ни было, должны идти работать к Горькому. Это тяжелая жертва, но они должны ее принести. Да, должны. Они не имеют права умирать от голода, не имеют права гасить тот свет, который они обязаны сохранить для народа. Они должны жить ⟨...⟩ В кровавой борьбе погибли уже лучшие силы. Народ почти обезглавлен. Его мозг обескровлен, потому что тысячами уничтожены интеллигентные, передовые, талантливые люди. Немногие уцелевшие должны жить!

В издательстве Горького — деньги народа, и писатели могут их брать. Народу же вернут они их, отдав ему свои творческие силы, когда свободная родина потребует этого от них. Но они должны дожить до этого!..»

Первый отрывок взят из воспоминаний М. К. Иорданской «На Капри», напечатанных в «Литературной газете», 1945, № 26, 16 июня.

Второй отрывок взят из воспоминаний М. К. Иорданской «Эмиграция и смерть Леонида Андреева».— Сб. «Родная земля», I. Нью-Йорк, кн-во «Народоправство», 1920, стр. 44—63.

Воспоминания в целом относятся к осени 1910 г., когда Иорданские путешествовали по Италии и встречались с Горьким.

[1] О Рутенберге — см. Переписка, № 156, прим. 5.— Мартин—одно из его прозвищ.

[2] Андреев написал несколько обращений к солдатам, некоторые в форме листовок; опубликованы в январе — феврале 1917 г. Одно из них посвящено борьбе за свободу в России; другое — обличению прошлого царской России. В нем Андреев призывал солдат слиться с народом и внять его истинным устремлениям. Обе листовки хранятся в ЦГАЛИ (ф. Андреева). В свое время были опубликованы в газете «Русская воля».

Иорданская рассказывает здесь о встречах с Андреевым в феврале 1910 и в августе 1919 г. в Финляндии, то есть за месяц с небольшим до смерти писателя. Иорданская сообщает также со слов Андреева, что к нему приезжали «от имени Горького» Гржебин и Тихонов покупать его сочинения для издательства. «Конечно, ни в какие переговоры с ними не вступил»,— сказал Андреев (имеется в виду издательство «Всемирная литература», созданное Горьким во второй половине 1918 г.).

10. В. П. ТРОЙНОВ

...В одну из встреч в 1905 году Л. Андреев сообщил Горькому о задуманной им пьесе. Это была драма «К звездам» [1], которая явилась первым откликом писателя на революционные события.

«Вверху, на горах, обсерватория, и там живут русский ученый — директор обсерватории, его сотрудники и семья, а внизу происходит революция...». Вся драма была построена на противопоставлении отвлеченного стремления к научным знаниям и борьбы народа за хлеб и свободу.

«Прочь, суетные заботы. Попирается здесь низменная земля, отсюда идут к звездам», — говорит главное действующее лицо, ученый Терновский. Его сын Николай рвется вниз, на баррикады, но его удерживают любовь к матери и боязнь навлечь на отца гнев правительства. «Отец занят большой научной работой. Чем больше будут изучены солнечные пятна, тем меньше останется пятен в социальной жизни», — говорит он. Ни-

колай пытается руководить революцией сверху. Ему помогает невеста и ряд других лиц. В последнем акте приверженцы правительства врываются в обсерваторию, чтобы арестовать Николая. Отец же, в ответ на угрозу правительственного комиссара разгромить обсерваторию, становится перед рефлектором и гордо заявляет комиссару: «Не смейте трогать моих приборов!»

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ И МАТЕРЬЮ А. Н. АНДРЕЕВОЙ

Фотография, Москва, 1902 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Горький выслушал Андреева до конца, ни разу не прервав его каким-либо вопросом. Временами он морщился, ерошил волосы растянутой пятерней, нервно откашливался, точно у него что-то застряло в горле, а иногда, поднеся спичку к папиросе, забывал закурить и подолгу смотрел на Андреева, подставив под подбородок руку.

— Хорошая пьеса, братец, выйдет, — говорил Горький. — Станиславский обеими руками ухватился бы за нее. Характеры сделаны замеча-

тельно. Даже в схеме это чувствуется. Но вот, чёрт возьми, ты еще руку не набил в драматургическом ремесле. Понимаешь, люди у тебя словно в бальных перчатках ходят. Боятся руку в кулак сжать, чтобы швы не лопнули. А какая же, милый мой, революция может быть без зуботычины! И потом, что же это, — одни разговоры. Точно часы в закрытом футляре: — слышно — тикают, а гирь-то, маятника-то и не видно. А в этом — вся движущая сила механизма. Как же так...

И Горький стал по-своему перекраивать сюжет. Он выбросил немую старушку с трясущейся головой — к чёрту гамсуновские символы! — послал Николая на баррикады, рассорил семью и сотрудников Терновского, наметил двух рабочих, простых, но житейски мудрых людей, преданных делу пролетариата. Он придумывал целые сцены столкновений между враждебными людьми, вставлял колкие горьковские словечки, описывал внешность действующих лиц. Горький не оставил без внимания даже декоративной части пьесы.

Горький говорил с увлечением. Низкий голос его становился гибким. В страстности жестов терялось обычное однообразие и угловатость движений, дуги бровей поднимались выше, и улыбка была проще, теплее.

— Слушаю тебя и думаю: кто же из нас автор пьесы — ты или я? — засмеялся Андреев.

— Ты, Леонид, — отвечал Горький, дружески беря его за руку. — Честное слово, — ты. Понимаешь, я тоже пишу пьесу. В тюрьме еще начал. И тоже такой один чудачок, ученый есть... — и вдруг торопливым броском добавил: — А что я думаю: не приняться ли нам за работу вместе? Ты набросай начерно, а я тоже подумаю. Ей-богу, Леонид, хорошо будет.

Андреев с радостью ухватился за это предложение.

— Это было бы замечательно, — воскликнул Андреев. — Но постой, что же получится? Ты моего Терновского подмастерьем сделаешь, а небесную богиню астрономию, в лучшем случае — замоскворецкой гадалкой. Потом, ты сам пишешь пьесу.

Горький махнул рукой.

— Это не в счет. Я ее тихоходцем вывезу. А ты, боюсь, не справишься один. Твоих людей надо стравить. Тут грубость нужна. У меня это лучше выйдет. А Терновского с присными себе возьмешь. Профессора по твоей части. Они у меня как-то непричесанными получаются... Только ты не очень лезь в лапы этого самого Космоса. Обманчив он, и ни к чему это.

— А Фауст? — возразил Андреев.

— Ну, куда хватил, — сказал Горький, разводя руками. — Теперь век материи. Наш дом, братец, — земля, и на ней нам надо устроиться хорошо, радостно[2].

Андреев принялся за пьесу.

Горький убедил его, и он во многом отступил от прежнего плана. В числе революционеров появился рабочий Трейч. Николай погиб на баррикадах. Терновский остался по-прежнему центральной фигурой. Из женщин резко выделены как положительные типы — невеста Николая, Маруся, и жена Терновского — образ матери Андреева. Немая старуха была выброшена.

Закончив работу, Андреев повез пьесу Горькому. Вернулся он мрачный, раздраженный. Пьеса Горькому не понравилась. По словам Андреева, он слушал ее без оживления и очень мало говорил о ней. Расхождение взглядов оказалось глубже и непримиримее, чем предполагал Андреев.

Вопрос о совместной работе больше не поднимался.

Леонид Андреев снова взялся за переделку пьесы. Это был уже третий вариант. Андреев опять ввел немую старуху и, словно в отместку Горькому, еще более усилил в пьесе мистический элемент. Он деятельно вел переговоры с театрами, но поставить пьесу на сцене не удалось.

Наступала революция 1905 года. Андреев уехал за границу. Вскоре после декабрьского поражения Горький принужден был эмигрировать в Америку, а затем на остров Капри. Писатели изредка встречались, но они были уже чужды друг другу.

Творческие их пути совершенно разошлись. Имя Горького сделалось движущей силой революции.

Общественное воздействие творчества Андреева, наоборот, начало падать. Он все более переходил на сторону реакции и буржуазного читателя, жадного до новшеств и острого ощущения...

Отрывок из статьи В. П. Тройнова «М. Горький и Л. Андреев. (Из воспоминаний современника)».— «Литературная газета», 1937, № 42, 5 августа.

Виктор Петрович *Тройнов* (1876—1949) — инженер-экономист, работал у Саввы Морозова; литератор, родственник Андреева, был с ним в дружеских отношениях и состоял в переписке. В ЦГАЛИ хранится шесть писем Андреева к Тройнову 1904—1915 гг.

[1] Воспоминания Тройнова часто используются в литературе об Андрееве. Однако необходимо учитывать, что мемуарист не совсем точно рассказывает о встречах и обсуждении пьесы Андреева. Так, известно, что Андреев читал Горькому первый вариант «К звездам», когда «Дети солнца» были уже закончены; сохранившийся первый вариант пьесы (ИРЛИ) близок к сюжету, сообщенному Горьким; неточно говорит Тройнов и об «эмиграции» Горького в Америку.

7—8 ноября 1905 г. Горький неодобрительно отозвался об этой пьесе Андреева в письме к Пятницкому («Архив Горького», т. IV, стр. 189). Театральная цензура запретила постановку «К звездам» в Художественном театре («Русское слово», 1906, 8 января; в хроникальной заметке сообщалось о кризисе в деятельности Художественного театра в связи с ломкой репертуарного плана).

[2] Здесь явно чувствуются отголоски спора Горького и Андреева по поводу рассказа «Красный смех» (см. Переписка, № 125—127). 28 января 1905 г. Андреев писал из Москвы О. Дымову о «Красном смехе», явно намекая на Горького: «Некоторые — немногие впрочем — упрекают меня в том, что я взялся изображать то, чего не видел; такой упрек представляется мне положительным недоразумением. При существовании „Божественной комедии“, „Каина“, „Фауста“ и пр. и пр. это просто бестолково. Хуже того — искусственно ограничивать кругозор художника пределами реально-видимого и осязаемого это значит посягать на самый дух творчества. И особенно странно такое недоразумение теперь, когда над вкусами публики царят Беклин, Врубель и т. п.» (ЛБ).

11. А. К. ШОЛЬЦ

... Дело Горького [1], которое построено на клочке бумаги, напоминает невольно дело Джона Гампдена [2] <...> Также и против Леонида Андреева, автора «Красного смеха», друга и соратника Горького, возбуждено необоснованное дело. Андреев будто бы принадлежал к тайному обществу и устраивал у себя на квартире собрания этого общества. Это тайное общество живет только в воображении русских административных властей, которым очень неприятно сознавать, что такие выдающиеся представители русской интеллигенции, как Горький и Андреев, находятся во враждебном лагере. Защита Горьким и Андреевым политических прогрессивных идей является для освободительного движения большой моральной помощью: за этими людьми, вы чувствуете, стоят силы цивилизованного мира и их головы даже для жандармов и казаков «tabu». Каждый, кто посмеет наложить на них руку, накладывает на свой лоб печать Герострата.

Волна событий подняла Максима Горького и его литературных соратников, в особенности талантливого Леонида Андреева, на большую высоту. Некоторые из его последних произведений могут вызывать разногласия, но отнять у них широту, мужественную смелость, четкую целеустремленность никто не может. То, что в России есть такие «настоящие люди», вызывает искреннюю радость у большинства образованных людей. Все

молодое, талантливое и смелое инстинктивно собирается вокруг «босяка-писателя». Все они видят в Горьком своего литературного вождя...

Портрет Горького пишет сейчас один из талантливейших учеников Репина [3], сам же Репин работает над портретом Леонида Андреева [4], который приезжает на сеансы с «Черной речки», живописной дачной местности, лежащей к северу близ Райволы. Андреев очень дружен с Горьким и часто бывает у него в гостях.

О «Детях солнца» он говорит с восторгом и находит, что это — одно из лучших произведений Горького...

Отрывок из воспоминаний А. К. Шольца «В гостях у Максима Горького» («Ein Besuch bei Maxime Gorki»). Машинопись автоперевода.— АГ.

Об А. К. Шольце — см. Переписка, № 67 и 134. Он состоял в переписке с Горьким с конца 1890-х годов. В 1901 г. Шольц встретился с писателем лично при обстоятельствах, о которых рассказывает Пятницкий в письме к В. А. Поссе от 17 ноября 1901 г.: «Возвращаюсь в Петербург после неожиданной поездки в Крым. Выехал из Петербурга 7 ноября, чтобы повидаться в Москве с Горьким. Он должен был прибыть туда 8 ноября утром. Он ехал в Крым. Но все надеялись, что ему позволят остаться в Москве дня на два — на три. Со мной отправился из Петербурга Шольц, переводчик „Троих", нарочно приехавший из Берлина, чтобы хоть десять минут поговорить с Горьким 〈...〉 Захвативши немца, я немедленно отправился в Подольск. Там съехались с нами Андреев, Бунин, Телешов и Шаляпин. Горького нашли на вокзале 〈...〉 Началась беседа довольно шумная. Шольц прислушивался с изумлением. Добросовестный немец

РИСУНОК АНДРЕЕВА, 1897 г.

Автошарж. Писатель изображает себя в будущем: «Если он не разбогатеет»

Под рисунком рукой Андреева: «помощн. прис. пов. Леонид Николаевич Андреев у семейного очага готовится к защите, или „Он метит в Цицероны"»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

РИСУНОК АНДРЕЕВА, 1897 г.

Автошарж. Писатель изображает себя в будущем: «Если он разбогатеет»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

прошелся даже по всем комнатам „чтобы познакомиться с архитектурой трактира". Шаляпин пел. Через несколько времени в дверь высунулась усатая физиономия жандарма. Номера закрыли... Тогда принесли книгу и попросили вписать наши имена. Шольц стал опасаться, как бы не пришлось познакомиться с архитектурой русской тюрьмы. Однако все обошлось благополучно» (АГ). См. также воспоминания Телешова — «Книга о Л. Андрееве», стр. 96—97.

7 июля 1902 г. Шольц писал Пятницкому из Силезии, что ведет переговоры с издателем по поводу перевода и издания рассказов Андреева: «Молчание», «Набат», «Петька на даче» и др. Издателю Кассиреру не очень понравились некоторые рассказы, и переговоры затянулись. В связи с этим Шольц писал Пятницкому: «Чтобы я не напрасно трудился и г. Андреев уже теперь получил что-то, я хочу пробовать печатать рассказы его в немецких газетах,— не буду писать „autorisiert", но буду вам присылать для него 1/3 того, что я получу. Но я не переводчик по ремеслу, я учитель и литератор, а если занимаюсь русской литературой, то это делаю как любитель, из пристрастия» (АГ).

28 января 1905 г. благодаря Шольцу, в связи с новым арестом Горького, было опубликовано в немецкой либеральной газете «Berliner Tageblatt» (веч. вып.) воззвание к общественности: «Спасите Горького!» («Reitet Gorki!»). Под этим обращением было собрано 269 подписей крупнейших деятелей науки и искусства (об этом обращении — см. выше, стр. 515—516).

Редакция «Berliner Tageblatt», вероятно, по инициативе Шольца, обратилась с письмом к министру внутренних дел Булыгину с требованием освободить Горького («Исторический архив», 1955, № 1, стр. 107—108).

[1] Речь идет о процессе, связанном с арестом Горького 11 января 1905 г. за участие в событиях 9 января.

[2] Шольц имеет в виду процесс против Джона *Хампдена* (Гемпдена) (1594—1643), лидера парламентской оппозиции в эпоху английской буржуазной революции XVII в. (см. об этом: А. Н. Савин. Лекции по истории английской революции. Под ред. Е. Косминского. М., 1924, стр. 123).

[3] Очевидно, Илья Абрамович Гринман, писавший в сентябре 1905 г. портрет Горького (ныне хранится в музее ИРЛИ).

[4] Портрет Андреева в красной рубахе, написанный Репиным, был экспонирован на Передвижной выставке 1906 г. Речь идет, по всей вероятности, о портрете, находящемся в настоящее время в омском Художественном музее (см. воспроизведение его на стр. 375 настоящего тома); до этого, в 1904 г., Репин написал портрет Андреева, хранящийся ныне в Государственной Третьяковской галерее (Москва).

12. К. П. ЗЛИНЧЕНКО

КОМИТЕТ ПОМОЩИ БЕЗРАБОТНЫМ

Это было в тот момент, когда Россия представляла ужасную картину... Расстрелы, казни, карательные экспедиции и сотни тысяч рабочих, выбрасываемых на улицу.

Это был 1906 год!

Страшная, кровавая контрреволюция все выше поднимала свою голову.

Чем можно было тогда помочь все возраставшим массам безработных стачечников, выброшенных на улицу контрреволюционной волной?..

Не помню в каком месяце товарищ Сергей Малышев, теперь «красный купец» [1], образовал в Питере известный в истории революции 1905 года «Совет безработных»... Мне же пришлось принять участие в образовании «Комитета помощи безработным» за границей.

Вместе с несколькими товарищами мы образовали такой Комитет в Лозанне. В него вошел также и писатель Леонид Андреев, отозвавшийся из Глиона на посланное ему воззвание Комитета.

«Учредительное собрание» этого Комитета решило опубликовать в заграничных социалистических газетах воззвание, обращенное «К рабочим Швейцарии».

С проектом этого воззвания мне и было поручено отправиться к Леониду Андрееву для получения его подписи.

Приехав поездом в Монтре, я пересел на фуникулер и среди весенней растительности, огромных кустов разноцветных душистых роз, тянувшихся вдоль горной линии, подымался все выше над озером и прибрежными городками в Глион, где жил Андреев.

Фуникулер медленно полз вверх по зубчатым рельсам.

Участие или даже только имя Леонида Андреева казалось мне тогда главной основой строящегося здания стачечного комитета, и я возлагал на этого известного в Европе писателя — друга Горького — большие надежды.

Долго я искал отель «Монт-Флери», где жил писатель.

Наконец встретившийся швейцар в позументах сказал мне, что Андреев гуляет, и предложил подождать в салоне.

Прошло минут десять. Я переживал закравшееся в меня волнение от предстоящей встречи. Вдруг в салон быстрой и стройной походкой вошел Андреев в синей русской рубашке, подвязанной шнурком, с белой соломенной шляпой в руках.

Я сразу узнал Андреева, зная его только по портретам.

Красивый, с большой шевелюрой черных волнистых волос, со сверкающими умными глазами, писатель произвел на меня такое впечатление, что сердце забилось свободнее, и в груди стало легко и спокойно.

— Вы ко мне?.. Рад с вами познакомиться, — ласково произнес Андреев, пожимая руку. — Пойдемте ко мне... Мы гуляли в саду...

И Андреев увлек меня по коридорам отеля, расспрашивая о Комитете.

Вдруг в одном из поворотов я увидел перед собой человека, так похожего на Горького, что сразу узнал и его.

Горький в обычной темной блузе стоял в задумчивой позе, видимо, поджидая Андреева, и своими, как мне казалось, грустными глазами с оттенком где-то в глубине души затаенного страдания смотрел мне прямо в лицо.

Я остановился в нерешительности от такой неожиданной встречи, невольно вглядываясь в это особенное выражение его лица и глаз. Чувство несказанной спокойной радости, почти не проявлявшейся наружу, охватило меня.

«Горький!.. Это тот самый Горький!» — подумал я.

И имя это и выражение его задумчивых глаз слились в моем сознании с идеей мирового стачечного союза, внушая полную уверенность в возможность реализации такого учреждения при помощи этого пролетарского писателя мировой известности и огромного влияния в социалистических кругах.

Андреев, на секунду зачем-то уклонившийся в сторону, познакомил меня со своим другом.

— Вот это и есть основатель комитета безработных, — произнес он все с тем же жизнерадостным оживлением весеннего солнечного дня.

С большим чувством пожал я руку Горького, по странной ассоциации сравнивая его с Львом Толстым.

— Ко мне или в столовую? — обратился Андреев к Горькому.

— Будете обедать с нами? — спросил Горький, видимо, желая этого. Вероятно Андреев успел уже заинтересовать его только что образовавшимся Комитетом.

Я согласился, но заметил, что хочу познакомить Андреева как члена Комитета с протоколами собрания и с новым воззванием «К рабочим Швейцарии».

— Там и познакомите... Кстати, и Горький послушает! — сказал Андреев, пробуждая во мне всё бóльшую надежду, что и Алексей Максимович подпишет воззвание.

Андреев приоткрыл дверь в свое помещение и пригласил еще кого-то обедать.

В небольшой красивой столовой с несколькими изящно сервированными столами мы заняли угловой стол. Было до или после общего обеда, и потому в столовой никого, кроме нас, не было. Вошел еще какой-то молодой человек, с которым Андреев познакомил меня.

В новом костюме по случаю своего визита я чувствовал себя несколько смущенным среди этих двух «блузников» и, чтобы подавить смущение, поторопился спросить, желают ли они выслушать мой доклад.

Горький и Андреев изъявили согласие.

Краснея и все еще волнуясь, я развернул целую кучу документов и, читая их в последовательном порядке, стал развивать план образования швейцарского комитета.

Горячась и увлекаясь рисовавшейся мне идеей, я ясно развил свою мысль о важности «материальной и моральной солидарности разнородных рабочих друг к другу и об особенной важности в настоящий трагический момент русской революции проявления такой солидарности по отношению к пролетариату России».

Писатели внимательно слушали, изучая, по-видимому, как план образования Комитета, так и самого докладчика.

Принесли первое блюдо, и доклад был прерван.

За обедом завязалась общая беседа. Горький, заинтересовавшись Лозаннской колонией, расспрашивал о ее жизни.

Когда подали кофе, я вновь взялся за свой пакет с бумагами. Освоившись, я был гораздо смелее.

Окончив доклад, я прочел воззвание «К рабочим Швейцарии» в двух

редакциях — своей и в редакции «Комиссии учредителей», урезавшей его в наиболее сильных местах.

— Мне больше нравится в моей редакции, — прямо заявил я, — комиссия выбросила самые сильные места. У нас пока еще, для начала, слишком разнообразный состав членов... Есть и социалисты, и кадеты, и филантропы... Необходимо привлечь побольше средств...

— Мне также нравится ваше воззвание, — сказал Горький, не возражая против состава Комитета, и протянул за ним руку.

От радостного предчувствия у меня горячо забилось сердце, но пригласить Горького в Комитет я не решался, не желая навязываться и боясь отказа. С затаенным дыханием смотрел я на Алексея Максимовича, внимательно читавшего воззвание и в задумчивости вынувшего из кармана блузы карандаш.

— Запишите и меня в члены вашего Комитета, — вдруг предложил Максим Горький, взглянув на меня серьезными, сочувствующими глазами.

Я не находил слов для выражения охватившей меня радости, понимая, что со вступлением Горького дело Комитета пойдет быстрыми и решительными шагами. Андреев, видимо, также был обрадован.

— Вы позволите мне исправить некоторые места? — спросил новый член Комитета.

Вооружившись своим карандашом, Алексей Максимович приступил к редактированию воззвания, читая его вслух:

— «... Комитет... обращается к вам с живейшей просьбой...». Лучше с горячей, — предложил он, зачеркивая «живейшей» и надписывая новое слово.

— Конечно... теперь все горячее!.. — подчеркнул и Андреев, весело смеясь.

Черкнув еще что-то в воззвании, Горький вдруг встал и, сказав, что «в уединении он это сделает лучше», перешел из столовой в смежный с нею небольшой салон отеля.

Весь сияющий, бросился я чуть ли не на шею Андрееву.

— Вот видите, какого я дал вам члена!.. Горький — это побольше Андреева... — искренно радовался печальной теперь памяти писатель, так далеко ушедший от идеалов пролетариата в Октябрьские дни.

В ожидании Горького Андреев весело стал рассказывать, как он, будучи еще студентом, наряжался в мундир с иголочки и разъезжал по богатым домам собирать пожертвования и как он устраивал «благотворительные» концерты в пользу революции, надувая буржуазию и полицию.

Дверь открылась, и вошел Горький, протягивая мне два листочка бумаги — мое воззвание и другое, новое.

— Прочтите. Как вы найдете? — спросил он.

Я быстро пробежал глазами новый текст. Это было уже воззвание к рабочим Европы.

Текст моего воззвания оказался переделанным и расширенным, но сущность и даже основные формулировки остались. Заканчивалось воззвание новой боевой фразой, особенно понравившейся мне.

— Прекрасно!.. Прекрасно!.. — восклицал я, горячо сжимая руку Алексею Максимовичу.

Вот это воззвание:

«Лозаннский комитет для помощи русским безработным рабочим — вашим братьям по труду и единству цели — обращается к вам, рабочие Европы, с горячей просьбой: помогите русскому народу вашим посильным моральным и материальным содействием.

Рабочие всего мира должны помогать друг другу в общем для всех деле освобождения труда от гнета капитала и насилия власти. Эта взаимная

помощь сольет их во единую, неодолимую силу и ускорит победу справедливости над произволом, правды над ложью, человека над животным.

Русский рабочий народ решил бороться до полной победы над своим врагом. Помогите ему ускорить битву».

Горький еще раз прочел воззвание вслух и спросил Андреева:

— Ты согласен?..

— Согласен! — восторженно ответил сияющий Андреев.

АНДРЕЕВ

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г.

Музей Горького, Москва

— Ну, а теперь на прощанье давайте споем что-нибудь, — вдруг предложил развеселившийся Алексей Максимович, вышивая рюмку вина. Слабым горловым баском он затянул известную украинскую песню:

Ой, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким,
Там орала дивчиненька
Волыком черненьким...
Орала, орала,
Не вмила гукаты...

— Будет с вас!.. — весело засмеялся задохнувшийся на последнем куплете певец, не допев до конца песню, тем более что никто из нас не поддержал его. Мы как-то не в такт только подмурлыкивали ему.

Всем было весело, все смеялись, но мне уже не терпелось: тянуло в Лозанну поделиться с Комитетом слишком важной новостью... Да и не хотелось задерживать писателей.

Я встал, еще раз горячо поблагодарил Горького и Андреева и стал прощаться 〈...〉

Воззвание, подписанное Горьким, Андреевым и другими членами, было напечатано в «Бюллетенях» Бюро и в социалистических газетах почти всех стран в июле—августе 1906 года от имени «Международного комитета»[2]. «Внепартийный» же «кадетский» комитет скончался, едва успев родиться вновь. Подпись Андреева стояла, однако, под обоими воззваниями. Раскол Лозаннского комитета, очевидно, подействовал на Андреева, все еще проживавшего в Глионе.

Вследствие отъезда Алексея Максимовича в Америку нам пришлось бороться и строить Международный комитет без него, в ожидании истечения тех «двух месяцев», когда он должен был вернуться и «работать вместе с нами».

Но, вернувшись, он уехал в Италию и поселился на острове Капри, где основал «Каприйскую школу».

В 1907 году Международный комитет решил издавать литературно-художественные сборники, для чего и было основано издательство «Труд и свобода».

Когда было собрано достаточно литературного материала от крупных, в большинстве социалистических, писателей Европы и Америки, Комитет обратился к Горькому с просьбой принять участие в этих сборниках и взять на себя редакцию русского сборника.

Горький ответил:

«К. Злинченко.

Укажите краткий срок выхода сборника — я пришлю рассказ.

Взять на себя редакцию — не могу, не имею времени и — главное — опыта.

Что касается приглашения моих друзей к участию в сборнике — я думаю, лучше мне не делать этого, — они откажутся, если приглашение изыдет от меня.

Уж вы сами сделайте это.

Желаю успеха.

А. Пешков[3]

18—8—07»

Отрывок «Из воспоминаний о Максиме Горьком (1906—1911 гг.)» К. П. Злинченко — «Красная новь», 1928, № 6, стр. 163, 165—169 и 171.

Кирилл Павлович *Злинченко* (1870—1947) — один из организаторов «Международного комитета помощи безработным рабочим России» (создан 10 марта 1906 г. в Лозанне). В 1908 г. Злинченко был секретарем этого Комитета; старый большевик; печатался в журн. «На литературном посту», работал в РОСТА, Музее революции, в Истпарте.

Деятельность Комитета и, в частности, Злинченко вызывала недовольство и нападки. Так, 23 июня (6 июля) 1906 г. в газете «Двадцатый век» (№ 85) была опубликована следующая заметка «От Международного комитета помощи русским безработным рабочим»:

«Ввиду того, что безосновательные инсинуации, распространяемые по адресу члена Международного комитета, казначея К. Злинченко, могут вредно отразиться на делах Комитета, последний считает нужным опубликовать нижеприводимое заявление:

Женева, 26 VI 〈19〉06

Я считаю себя нравственно обязанным заявить здесь, что поведение бывшего политического ссыльного, писателя Кирилла Павловича Злинченко не дает решительно никаких оснований, чтобы заподозрить его политическую честность.

Г. Плеханов»

Комитет выразил уверенность, что заявление «парализует инсинуации, всегда сопровождающие всякое новое живое общественное дело». Заявление подписали члены Комитета: Горький, Леонид Андреев, проф. Николай Герцен, Р. А. Герцен и др.

Встреча Злинченко с Горьким и Андреевым состоялась 20 марта 1906 г. в отеле Монт-Флери (Глион). Вскоре, 26 апреля 1906 г., Андреев писал Злинченко: «Наше положение с Горьким в Комитете безработных чисто пассивное, уже по одной той причине, что Горький в Америке, а я завтра буду в России. Поэтому желательно: 1) чтобы наши имена не выпирали вперед как имена учредителей, организаторов; 2) чтобы ни в каком случае программа деятельности не выходила за пределы намеченных рамок, то есть помощи рабочим, оставшимся без работы. Густое смазывание политикой нежелательно и вредно, так как расходится с основной задачей; для политики же и политики большой существуют другие организации. К пожертвованиям, кроме рабочих, желательно привлечь и умеренных, а этого не будет, если деятельности Комитета вы придадите вызывающе боевой характер. Деятельность Комитета — это деятельность санитаров на поле сражения, и воинственность ему не к лицу.

С этой точки зрения я считаю излишним обращение Комитета к редакции и особенно в такой прокламационной форме; и вообще все, что выходит за пределы собирания пожертвований для безработных,— излишне.

Так как на этих днях я уезжаю в Россию и больше мне не придется говорить по этому поводу, то я просил бы вас отнестись к этому письму как к выражению моих желаний и моих планов касательно деятельности Комитета. В том случае, если программа в каком-либо отношении изменится, я попрошу вас вычеркнуть меня из членов Комитета. К таким изменениям я отношу, между прочим, выступление Комитета как лица, по каким-либо иным вопросам, кроме помощи безработным.

Думаю, что Горький будет вполне согласен со мною.

В частности, относительно вашего протеста против американцев, я, конечно, ничего не могу иметь, но если вы спрашиваете меня о форме,— такая форма не годится, ибо сама по себе представляет некоторый, хотя и благосклонный суд над Горьким и его отношениями с Марией Федоровной. Да и вообще протест, по моему мнению, должен опираться на факты, а сообщения газет о Горьком, раздутые и в значительной части лживые, не могут считаться таким фактом *.

Еще раз заявляю: я решительно против каких бы то ни было прокламационных воззваний и против того, чтобы наши имена выдвигались вперед как имена организаторов. Кстати, я считаю совершенно ошибочным газетную заметку о том, что теперешний Комитет безработных разнится от прежнего и преследует какие-то свои определенные задачи...» (письмо написано рукою А. М. Андреевой. Подпись: «Уважающий вас Леонид Андреев» — автограф.— Фотокопия. ЦГАЛИ).

[1] Сергей Васильевич *Малышев* (1874—1938) — один из старейших деятелей революционного движения, большевик; переписывался с Горьким, был с ним в хороших отношениях. Сотрудничал в «Правде»; автор воспоминаний о Ленине. В 1920-е годы перешел на хозяйственную работу; был председателем и организатором первой советской нижегородской ярмарки; отсюда и название «красный купец».

[2] Воззвание к рабочим Европы, не только отредактированное Горьким, а фактически заново написанное им, было напечатано в Бюллетене «Международного социалистического бюро» а также в «Красном знамени» (Париж), 1906, № 1, апрель, стр. 157. Фотокопия его хранится в Гос. Историческом музее (Москва), ф. 429, ед. хр. 79, л. 11. Приводим его текст:

«К рабочим Европы

„Лозаннско-международный комитет для помощи русским безработным рабочим",— вашим братьям по труду и единству цели—обращается к вам, рабочие Европы, с горячей просьбой: помогите русскому народу вашим посильным моральным и материальным содействием!

Рабочие всего мира должны помогать друг другу в общем для всех деле — освобождения труда от гнета капитала и насилия власти! Эта взаимная помощь сольет их во единую неодолимую силу и ускорит победу справедливости над произволом, правды над ложью, человека над животным. Русский рабочий народ решил бороться до полной победы над своим врагом. Помогите ему ускорить битву!

Максим Горький, Леонид Андреев, Алекс. Амфитеатров,
Кирилл Злинченко, Николай Бак

Лозанна, 2-го апреля н. с. 1906 г.».

[3] Горький принял участие в работе издательства Международного комитета, предоставив для его литературно-художественных сборников два рассказа: «Солдаты» и «Федор Дядин» (написанный специально для сборников).

* Письмо Злинченко к Андрееву не сохранилось, но ясно, что речь идет о намерении Комитета выступить с протестом против преследования Горького в Америке.— *А. Н.*

13. ИЗ ДНЕВНИКА Н. А. ПУШЕШНИКОВА

⟨Капри.⟩ 16 января ⟨1913 г.⟩

...Андреев приехал с вечерним пароходом из Неаполя и прямо же с пристани поехал к Горькому. Судорожный [1] был приглашен к Горькому. Мы с Верой Николаевной [2] проводили его до тропинки, ведущей к даче Горького ⟨...⟩ Судорожный пришел в 12, когда мы уже лежали в кроватях. Стоя в растворенной двери, соединявшей наши комнаты, он стал нам обоим рассказывать о впечатлениях вечера, проведенного у Красноперого [3] ⟨...⟩ По словам Судорожного, Андреев сильно постарел, растолстел, обрюзг и опустился. Судорожный провел с ним необычайно мучительный вечер.

— Прихожу. Екатерина Павловна говорит, что они наверху в кабинете Максимыча. Поднялся по лестнице, вхожу. Красноперый сидит в своем кресле, спиной к письменному столу, положа нога на ногу, а Андреев ходит по комнате. Оба молчат. Вижу, что попал некстати. Между ними был, видимо, какой-то интимный разговор, которому я помешал. Андреев сейчас в немилости, наверное в чем-нибудь каялся. Поздоровались, поцеловались... И снова молчание. Красноперый тоже молчит и нелюдимо посматривает и на меня и на Андреева. Молчу и я. Андреев прохаживается по комнате на своих мягких лапах, подходит к балконной двери, барабанит пальцами по стеклу, что-то мычит с закрытым ртом — гу-гу-гу,— напевает, насвистывает. Так продолжалось минут двадцать. Дурацкая напряженная сцена! ⟨...⟩ Изредка, впрочем, они перебрасываются короткими фразами.

— Так вот, Леонид.

— Да, Алексей.

И снова молчание. Андреев опять прохаживается от двери к окну, мычит гу-гу-гу, напевает.

— Да, так вот, Леонид... Это...

— Ты понимаешь, ты понимаешь, Алексей.

— Да это ты... Да... Так вот...

Положение в высшей степени глупое. Стараюсь заговорить, спрашиваю: «Ну, как живешь, Андрюша? Что сейчас пишешь?» Не отвечает. Стараюсь шутить, чтобы хоть как-нибудь преодолеть это тягостное настроение, пробую и так и этак — не тут-то было! Опять Горький басом: «Так вот, Леонид. Да».— «Да, Алексей». Клянусь вам богом, это продолжалось не менее часа. Я стал уже приходить в ярость. Но тут, к счастью, нас позвали пить чай. За чаем стало немного легче, хотя фальшиво-натянутая атмосфера продолжалась...

Дневник Н. А. *Пушешникова* (1882—1939), племянника Бунина, переводчика Киплинга, Тагора, Голсуорси, Джека Лондона, сохранился у его вдовы К. П. Пушешниковой. Сообщено А. К. Бабореко.

[1] Шутливое домашнее прозвище Бунина.
[2] В. Н. Муромцева — жена Бунина (ум. в 1961 г.).
[3] Прозвище Горького.

14. В. Е. БЕКЛЕМИШЕВА

...За годы реакции и войны мне не раз приходилось встречаться с Алексеем Максимовичем по поводу самых разнообразных дел общественного характера. В 1915 г. царское правительство начало распространять слухи о почти поголовном шпионаже евреев в прифронтовой полосе.

Начались массовые военные суды и расстрелы. Несколько петербургских адвокатов отправились на фронт в Польшу и Лифляндию, чтобы на месте получить опровергающие обвинения материалы и с думской трибуны заявить о лживости распространяемых в войсках и народе слухов.

В это же время по инициативе М. Горького, А. М. Калмыковой [1], Н. Д. Соколова [2], Ф. Сологуба, Л. Н. Андреева, А. Н. Чеботаревской и ряда общественных деятелей возникла мысль организовать Общество борьбы с антисемитизмом.

Одно из первых собраний состоялось на квартире Ф. Сологуба. На нем были все указанные мною лица.

Л. Андреев в течение вечера несколько раз беседовал с А. Горьким, но это не разрядило напряженности тех отношений, которые уже много лет назад установились между ними.

На заседании решено было устроить в адвокатском клубе собрание, на котором должны были выступить Горький, Сологуб, Андреев и ряд видных адвокатов.

Собрание это состоялось. Оно было очень многолюдным.

Из доклада о собранном на фронте фактическом материале стало ясным, что в шпионаже обвинялись люди совершенно невинные и что положение неимущего населения, живущего в прифронтовой полосе, необычайно тяжелое.

Алексей Максимович призывал бороться с проявлениями антисемитизма и с правительственной политикой натравливания одной части населения на другую...

Отрывок из воспоминаний В. Е. Беклемишевой «Литературные встречи с А. М. Горьким». Машинопись.— АГ.

О В. Е. Беклемишевой — см. Переписка, № 169, прим. 10. Во время войны 1914—1917 гг. она участвовала в эвакуации населения из прифронтовой полосы и активно работала в «Русском обществе для изучения жизни евреев». См. также ее воспоминания об Андрееве в сб. «Реквием», стр. 195—276.

О борьбе Горького и Андреева с антисемитизмом—см. стр. 548—549 настоящ. тома.

[1] Об Александре Михайловне *Калмыковой* — см. выше, стр. 556.

[2] Николай Дмитриевич *Соколов* (1870—1928) — адвокат, социал-демократ, член III Государственной думы. Расследовав обстоятельства кишиневского погрома (1903), Соколов подготовил материал, изобличающий министра внутренних дел Плеве как организатора и вдохновителя погрома. После окончания процесса Соколов был арестован. В 1906 г. выступал защитником по политическим и аграрным делам в военных судах Риги и Митавы. Принимал активное участие в работе Общества по борьбе с антисемитизмом. После Октября отошел от активной политической работы.

15. В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

... О Леониде Андрееве он ⟨Горький⟩ говорил так:

— Леонид промотал свой огромный талант, как пьяница в ресторане, который расплачивается, не глядя, скомканными кредитками. Не понимаю, откуда у человека неглупого эта безудержная страсть ко всему чудовищному, грандиозному, раскрашенному в страшные тона! Его в детстве ушибли Виктором Гюго, и он вообразил себя гением преувеличений и контрастов. Только у Гюго все это было от молодости и романтического озорства, а Леонид — прирожденный истерик и неврастеник. Вот спутался с Метерлинком — «Жизнь человека», «Анатэма»... Что тут хорошего? Он воображает, что его обезличенные, схематичные персонажи будут вечны именно потому, что лишены быта и представляют собой общечеловеческие страсти. Жестокая ошибка! Они завянут, как растение, вырванное из почвы. А какой художник погиб в этом человеке! И еще одна у него беда: он вечно любуется в зеркало. В сущности он пишет только самого себя. А это гибель. Все эти «бездны» и «стены» — плохо переваренный Достоевский с его склон-

ностью блуждать по тупикам и лабиринтам. А русская литература не прощает оторванности от быта. Не принимаются на нашем черноземе столь экзотические цветы. Всему есть историческое возмездие. Вот увидите: не мудрый, но честный писатель Куприн переживет громкую славу Андреева, и мало кто об этом пожалеет...

Отрывок из воспоминаний В. А. Рождественского «В Петрограде, у А. М. Горького». Впервые опубликовано: «Звезда», 1944, № 4; вторично: там же, 1959, № 3 (часть, касающаяся Андреева, дана в несколько измененной редакции). С сокращениями вошло в кн.: Всеволод Рождественский. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.— Л., «Советский писатель», 1962, стр. 177—178.

Воспоминания в целом относятся к январю 1914 г., времени приезда Горького с Капри в Россию.

Всеволод Александрович *Рождественский* (р. 1895) — советский поэт и переводчик произведений Т. Готье, Беранже, Соути, Леконта де Лиля; автор стихотворных сборников «Золотое веретено», «Окно в сад», «Земное сердце» и др.

16. Ф. Н. ФАЛЬКОВСКИЙ

...Клочок земли на финской скале стал миром Леонида Андреева, его родиной, его очагом; сюда он собрал свою многочисленную семью, свои любимые вещи, свою библиотеку и из этой добровольной тюрьмы он очень неохотно, только по необходимости, выбирался на несколько дней по делам своих пьес в Петербург или Москву и один только раз за все время, что я знал его, за границу — в Италию. Где бы он ни находился, он рвался обратно в *свой* дом, роскошно, уютно обставленный, с сотнями любимых мелочей, из которых каждая невидимой нитью тянулась к его мозгу и сердцу, крепко и властно держа и этот мозг, и это сердце в этой причудливой паутине.

Вырваться из этой паутины, взмахнуть широкими крыльями, щедро отпущенными ему природой, орлиным взором окинуть жизнь у Андреева не было и физических сил. У него было больное отцовское сердце (он умер точь-в-точь как его отец), расшатанная запоем (особенно в молодые годы) воля и столь развинченная нервная система, что врачи при страховании его жизни дали безотрадный отзыв о состоянии его организма <...>

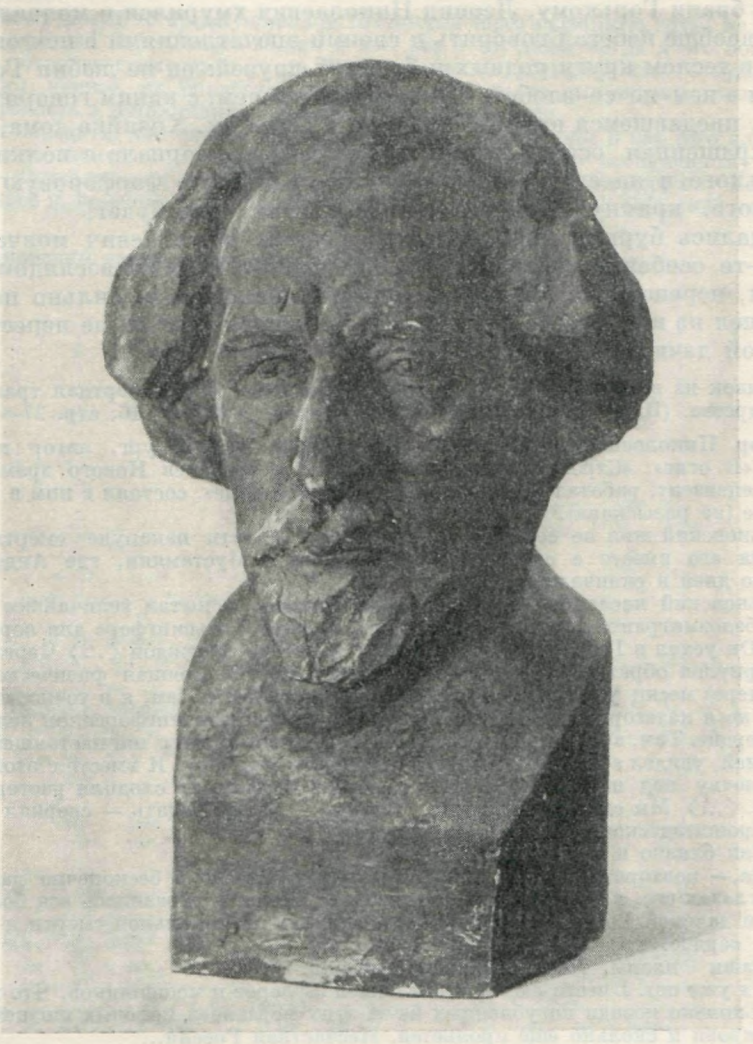
Приглашение Андреева главным редактором «Русской воли» и огромный оклад в 60 тысяч рублей заставили его снять в Петербурге временную квартиру. Здесь застала его революция, которую он принял так же, как и вся передовая русская интеллигенция, то есть восторженно.

Эта интеллигенция, как известно, крепко держалась<...>тротуаров[1]<...>

Леонид Николаевич и на тротуар не вышел. Он остался в своем кабинете на Марсовом поле и здесь целыми днями, не отрываясь от телефона, жадно выслушивал подробности всего того, что происходило на улицах, на митингах, на собраниях. Целыми днями, ночами, в мягком кресле, не отрывался он от телефона, выслушивая донесения друзей и сотрудников своей газеты. Но события с улицы стали переноситься в дома́, пули стали залетать в окна, и Леонид Николаевич перешел в свой райволовский дом, чтобы оттуда продолжать свои наблюдения. Революция отрезала Финляндию от России и вместе с нею отрезала от России и Леонида Андреева. Леонид Андреев не покинул тотчас Финляндии, ставшей «заграницей», не потому, что не принял новой революционной России, а только потому, что еще задолго до революции его дача стала его родиной. Будь эта дача, скажем, в Малаховке, — он эмигрировал бы в Малаховку. Такова повесть об эмиграции Леонида Андреева, раздутая заграничной печатью. Андреев не эмигрант; он жил в Финляндии за пятнадцать лет до революции и остался в ней <...>

К моменту бегства Андреева из Райволо, в Тюресеве уже образовалась колония беженцев из России. Андреев был принят в семью эмигрантов,

как эмигрант и враг советской власти, то есть необычайно радушно. Леонид Андреев, всегда презираемый банкирами и графами, как автор «Бездны» и «Царя-Голода», был принят в семью этих графов и банкиров как равный. Несчастие сближает. Но графы и банкиры ухватились за Леонида



АНДРЕЕВ
Скульптура (гипс) Н. А. Андреева, 1904—1905 годы
Третьяковская галерея, Москва

Андреева и по другой причине: имя популярного писателя, непризнающего советского строя, можно было бросить в Европу как доказательство того, что масса не с большевиками; имя «революционера» Андреева могло сказать этой Европе и, пожалуй, как «там» надеялись, самой России, что большевики ничего общего не имеют с истинной революцией ⟨...⟩

Это была первая смерть Леонида Андреева.

Смерть большого писателя моральная, смерть слабого, но замечательного человека, предвидевшего революцию, звавшего ее с необычайной

силой и кричавшего о «язвах» жизни истерично и конвульсивно голосом юродивого, оцепеневшего от ужаса перед тем, что открывалось взору ⟨...⟩

От этой смерти Андреев стал медленно просыпаться.

⟨...⟩Был вечер у одного из соседей. Карты, речи, ужин, опять карты и опять речи. Не помню, почему в этот вечер было уделено много злобы, угроз и брани Горькому. Леонид Николаевич хмурился и молчал. О Горьком он вообще избегал говорить и своими впечатлениями о нем он делился только в тесном кругу родных и близких друзей: он не любил Горького и говорил о нем не со злобой, а с разочарованием, с каким говорят о друге, о брате, предавшемся врагу. Говорили о Горьком. Хозяйка дома, крикливая накрашенная особа, шумно встала с места, сорвала с полки статуэтку Горького и на его место поставила уродливую фарфоровую фигурку городового, крикнув при этом: — Так было, так будет!

Раздались бурные аплодисменты. Леонид Николаевич молча поднялся, как-то особенно задержался своим черным острым взглядом на лице хозяйки, перенес этот взгляд на присутствовавших и, сильно побледневши, вышел из комнаты и ушел к себе. Больше месяца он не переступал порога этой дачи...

Отрывок из воспоминаний Ф. Н. Фальковского — «Предсмертная трагедия Леонида Андреева. (Из воспоминаний)».— «Прожектор», 1923, № 16, стр. 27—30.

Федор Николаевич *Фальковский* (1874—1942) — драматург, автор пьес: «Сын жизни», «В огне», «Строители жизни», один из владельцев Нового драматического театра, рецензент; работал с Андреевым в «Русской воле», состоял с ним в дружеской переписке (не разыскана).

Фальковский жил по соседству с Андреевым и почти накануне смерти писателя пригласил его вместе с семьей к себе на дачу, в Мустамяки, где Андреев через несколько дней и скончался.

Фальковский касается тех дней, когда Андреев испытал величайшее разочарование в белоэмигрантах, пригласивших его к себе в Гельсингфорс для переговоров о работе: «Он уехал в Гельсингфорс бодрый, с какой-то надеждой ⟨...⟩ Через две недели он вернулся обратно. На его лице была смерть... Настоящая физическая смерть, которая через месяц унесла его в могилу. Что произошло там, я в точности и доныне не знаю, но я категорически подтверждаю, что там, в Гельсингфорсе, он получил удар в самое сердце. Там, в Гельсингфорсе, он впервые столкнулся с той настоящей зарубежной Россией, увидел ее лицом к лицу и потерял в нее веру. И вместе с этой верой он потерял почву под ногами. С лица его с этого момента не сходили растерянность и отчаяние ⟨...⟩ Мы сидели на берегу. Близко — рукой подать — сверкал на солнце купол Кронштадтского собора.

— Как близко и как далеко...

— Да,— повторил он, как эхо,— бесконечно близко и бесконечно далеко.

И в глазах его, в этой черной андреевской „Бездне", отразилась вся боль по этой близкой и далекой России. Боль, разбудившая его от моральной смерти и разорвавшая его сердце.

— Ваши планы, Леонид Николаевич?

— Их уже нет. Вместо людей я там нашел шулеров и мошенников. Что ни шаг, то панама. Сколько позади погубленных из-за этих мерзавцев молодых жизней, сколько пролито крови и сколько еще прольется. Несчастная Россия...

— Что же вы намерены делать дальше?

— Не знаю. Уеду в Европу, в Америку. Оттуда виднее будет. Буду говорить о России, буду читать лекции.

— О большевизме?

— Да. Там, может быть, я его пойму».

Автор воспоминаний — один из немногих литераторов, кто видел и наблюдал Андреева в последние дни его жизни. Поэтому так ценно его свидетельство. Фальковский рассказывает:

«Я рылся в книгах, когда вдруг увидел перед собой Леонида Николаевича в пальто, с биноклем в руках. Он дрожал.

— Что с вами?

— Был на башне. Туманно. Искал Кронштадт и не нашел. Не нашел...

На другой день он умер.

На руках своей семьи, без графов и банкиров, в глубокой нищете.

За все время его пребывания в Финляндии — мне это доподлинно известно — рука его не коснулась ни одной копейки из того обагренного братской кровью золота, которое сыпалось в карманы всех тех, кто примазывался к белому движению.

После его смерти во всем доме нашлось восемь финских марок».

С воспоминаниями Фальковского очень схож рассказ поэта и журналиста Льва Марковича Василевского (1874—1936) о встрече с Андреевым в 1918 г.: «Вообще это было у Леонида Николаевича полосой необычайно острого ощущения себя русским: национальное чувство, сознание унижения русского имени мучили и терзали Андреева невыносимо.

〈...〉 Целые дни он то прислушивался, то смотрел через подзорную трубу на противоположный, русский берег, через залив, и как раз в тот день, когда я его посетил, он был прямо потрясен грохотом с форта Ино: русские матросы, выбитые оттуда белыми финнами или, вернее, их поработителями, немцами, были вынуждены покинуть последнюю крепость в Финляндии. Уходя, они взорвали форт.

Нельзя передать, как тяжело это подействовало на мрачное и без того настроение Леонида Николаевича. В грохоте взрываемых стен форта его воспаленному чувству чудилась — символически — гибель всей устойчивой России и впереди ему мерещился сплошной хаос и, конечно, разрушение...» (сб. «Утренники», кн. 2. Пб., 1922, стр. 105—107).

[1] Фальковский имеет в виду разобщение интеллигенции с народом*.

* От редакции. Кроме напечатанных выше воспоминаний о Горьком и Андрееве, сведения об их взаимоотношениях содержат и воспоминания: П. Н. Андреева, М. Ф. Андреевой, Н. Н. Асеева, А. Е. Богдановича, Л. М. Василевского, В. В. Вересаева, А.М. Деборина, В.А. Десницкого, А. А. Золотарева, Н. И. Ивановича-Новикова, Е. П. Карпова, Л. Н. Клейнборта, С. Я. Маршака, В. А. Поссе, Д. Н. Семеновского, С. Н. Сергеева-Ценского, Н. Сереброва (А. Н. Тихонова), С. Г. Скитальца, Н. Д. Телешова, А. А. Треплева (Смирнова), М. Л. Тривуса, В. С. Цыцарина и К. И. Чуковского.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки на тексты Горького даются по изданию: М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. М., Гослитиздат, 1949—1956 (Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького), с указанием только тома (римскими цифрами) и страниц (арабскими).

Ссылки на переписку Андреева и Горького в настоящем томе указываются: Переписка, №... .

«Архив Горького» — «Архив А. М. Горького». М., ГИХЛ — Гослитиздат — Изд-во АН СССР, 1939—1960 (Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького). Т. I—1939; т. II—1941; т. III—1951; т. IV—1954; т. V—1955; т. VI—1957; т. VII—1959; т. VIII—1960.

Вересаев — В. В. Вересаев. Полное собрание сочинений в пяти томах, т. V. М., изд. «Правда», 1961.

«Книга о Л. Андрееве»— Книга о Леониде Андрееве. Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Георгия Чулкова, Бор. Зайцева, Н. Телешова, Евг. Замятина. ⟨1-е изд.⟩. Пб.—Берлин, изд. З. И. Гржебина, 1922.

ЛА, вып. 5.— Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Под ред. К. Д. Муратовой, т. V. Л., 1960.

«Летопись» — Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. I. 1868—1907. М., Изд-во АН СССР, 1958 (Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького); вып. II. 1908—1916. М., 1958.

«М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.»—М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. Материалы, воспоминания, исследования. М., Изд-во АН СССР, 1957.

МИ —«М. Горький. Материалы и исследования». Под ред. В. А. Десницкого, т. I. Л., Изд-во АН СССР, 1934; т. II. М.— Л., 1936; т. III. М.— Л., 1941; т. IV. М.— Л., 1951.

ПССА — Полное собрание сочинений Леонида Андреева. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1913, тт. I—VIII.

«Письма Леонида Андреева» — Письма Леонида Андреева ⟨к Г. И. Чулкову⟩. Предисловие и послесловие Георгия Чулкова. Л., «Колос», 1924.

«Реквием» — Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева. Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой. С пред. В. И. Невского. М., «Федерация», 1930.

Телешов — Н. Д. Телешов. Избранные сочинения в трех томах, т. III. М., Гослитиздат, 1956.

Фатов — Н. Н. Фатов. Молодые годы Леонида Андреева. По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М., «ЗИФ», 1924.

АГ — Архив А. М. Горького (Москва).
ГИАЛО— Государственный исторический архив Ленинградской области (Ленинград).
ГИАМО — Государственный исторический архив Московской области (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека РСФСР имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Составила Н. Д. Эфрос

I. СОВМЕСТНЫЕ ПОРТРЕТЫ ГОРЬКОГО И АНДРЕЕВА

ФОТОГРАФИИ

Горький и Андреев. Фото М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г. МГМ—фронтиспис

Горький (с сыном Максимом) и Андреев. Любительское фото, Нижний-Новгород, 1902—1903 годы. МГМ — стр. 175

Горький и Андреев. Фото К. К. Буллы. Сняты у И. Е. Репина в «Пенатах», 27 мая 1905 г. (деталь группового снимка). МГМ — стр. 257

ГРУППЫ

Горький, Андреев и Л. А. Сулержицкий. Фото, Олеиз, март 1902 г. МГМ — стр. 131

Горький, Андреев, Л. В. Средин и Л. А. Сулержицкий. Фото, Крым, март 1902 г. МГМ — стр. 417

Горький и Андреев в литературном кружке «Среда». Фото К. Фишера, Москва, декабрь 1902 г. На снимке также: И. А. Бунин, С. Г. Скиталец, Н. Д. Телешов, Е. Н. Чириков и Ф. И. Шаляпин. МГМ — стр. 33

Горький и Андреев среди участников концерта в пользу нуждающихся нижегородских школьников. Любительское фото. Моховые горы близ Нижнего-Новгорода, февраль 1903 г. На снимке также: А. Н. Алексин, В. Н. Кольберг, М. Д. Малинин, Е. К. Малиновская, П. П. Малиновский, Д. А. Павлов, З. А. Пешков, Е. П. Пешкова, З. Ф. Штюрмер, Н. Р. Штюрмер, Р. А. Штюрмер, Ю. Р. Штюрмер. МГМ — стр. 569

II. ПОРТРЕТЫ ГОРЬКОГО

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, СКУЛЬПТУРА

Горький. Портрет маслом С. А. Сорина, Арзамас, 1902 г. Местонахождение ориг. неизвестно (по всей вероятности в США). Воспр. с фото. МГМ — стр. 157

Горький читает свою пьесу «Дети солнца», написанную во время заключения в Петропавловской крепости. Рис. И. Е. Репина (уголь, сангина), Куоккала, 5 июня 1905 г. Слушают чтение: Ф. Д. Батюшков, Н. Г. Гарин-Михайловский, А. И. Куприн, В. В. Стасов. Собр. И. С. Зильберштейна, М.— стр. 263

Горький. Портрет маслом Акселя Галлена-Каллела, Гельсингфорс, 1906 г. Музей «Атенеум», Хельсинки — стр. 521

Горький. Скульптура (гипс) И. Кампаньоли, Капри, 1908 г. МГМ — стр. 301

Горький. Скульптура (гипс) А. М. Гюрджана, Париж, 1912 г. Гос. картинная галерея Армении, Ереван — стр. 341

Горький. Эскиз маслом И. Е. Репина, 1916 г., с ошибочной датой 1915 г., проставленной Репиным позднее. Частное собр., Стокгольм — стр. 367

---

* Список условных сокращений:
АГ — Архив А. М. Горького, Москва.
ВЛА — Собрание Вадима Леонидовича Андреева, Женева.
ГЛМ — Государственный литературный музей, Москва.
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Ленинград.
ЛБГ — Личная библиотека Горького, Москва.
МГМ — Музей А. М. Горького, Москва.
МХТ — Музей Московского государственного Художественного академического театра им. А. М. Горького.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва.

ФОТОГРАФИИ

Горький. Фото А. Карелина, Нижний-Новгород, 1901 г., с автографич. подписью Горького и оборотная сторона того же фото с дарств. надписью Горького А. В. Яровицкому от 7 ноября 1901 г. МГМ — стр. 107
Горький. Фото С. Я. Когана, Ялта, 1901—1902 годы. АГ — стр. 65
Горький. Фото М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1901—1902 годы с дарств. надписью Андрееву от 5 декабря 1902 г. МГМ — стр. 11
Горький. Почтовая открытка с фото Горького 1902 г. и его автографич. надписью. Распространялась на литературно-музыкальном вечере, организованном М. Ф. Андреевой в Териоках 30 июля 1905 г. для сбора средств в пользу Петербургского комитета РСДРП и семей бастующих рабочих Путиловского завода. АГ — стр. 483
Горький. Фото Андреева, Капри, январь 1907 г. ВЛА — стр. 285, 441
Горький с сыном Андреева Вадимом. Фото Андреева, Капри, 1907 г. ВЛА — стр. 389

ГРУППЫ

Горький среди студентов и курсисток, высланных в Нижний-Новгород. Фото, 8 апреля 1901 г. На снимке также: С. Г. Скиталец и А. В. Яровицкий. МГМ — стр. 91
Горький и К. П. Пятницкий. Фото. Ялта, февраль 1902 г. МГМ — стр. 413
Горький, Ф. И. Шаляпин и С. Г. Скиталец. Фото, Крым, апрель, 1902 г. ГЛМ — стр. 163
Горький, К. П. Пятницкий и С. Г. Скиталец. Фото М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г. АГ — стр. 497
Горький и Е. П. Пешкова. Фото М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902—1903 годы. МГМ — стр. 567

III. ПОРТРЕТЫ АНДРЕЕВА

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, ЛИТОГРАФИЯ, СКУЛЬПТУРА

Андреев. Скульптура (гипс) Н. А. Андреева, 1904—1905 годы. ГТГ — стр. 595
Андреев. Портрет маслом И. Е. Репина, 1905 г. Художественный музей, Омск — стр. 375
Андреев. Литогр. с рис. В. А. Серова, 1907 г. и документ от 5 мая 1914 г., подтверждающий, что автором портрета является В. А. Серов. Собр. И. С. Зильберштейна, М.— стр. 291, 290
Андреев. Литогр. В. А. Серова, 1907 г. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, М.— стр. 405
Андреев. Наброски карандашом И. Е. Репина, 1908 г. Собр. Валентина Леонидовича Андреева, Париж — стр. 533
Андреев. Портрет маслом Л. О. Пастернака, 1900-е годы. МГМ — стр. 193

ФОТОГРАФИИ

Андреев. Фото Бродовского, Москва, 1898—1899 годы. ГЛМ — стр. 75
Андреев. Фото. Москва, клиника профессора М. П. Черинова, конец января — февраль 1901 г. и оборотная сторона того же фото с дарств. надписью Горькому от 24 февраля 1901 г. МГМ — стр. 487
Андреев. Фото М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1901 г. ВЛА — стр. 99
Андреев. Фото М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г. ГЛМ — стр. 473; МГМ — стр. 589
Андреев. Почтовая открытка с фото Андреева 1902 г. и его автографич. подписью. Распространялась вместе с фото Горького на литературно-музыкальном вечере в Териоках 30 июля 1905 г. (см. в разделе портретов Горького). АГ — стр. 482
Андреев. Фото В. Г. Чеховского, Москва, 1902—1904 годы с дарств. надписью Горькому. МГМ — стр. 27
Андреев. Фото К. К. Буллы. Снят у И. Е. Репина в «Пенатах», 27 мая 1905 г. АГ — стр. 427
Андреев. Фото Д. С. Здобнова, Москва, 1908 г. ГЛМ — стр. 303
Андреев. Фото М. А. Шерлинга, Петроград, октябрь — ноябрь 1914 г. МГМ — стр. 357
Андреев. Фото А. И. Андреевой, Финляндия, Ваммельсуу, 1910-е годы. ИРЛИ — стр. 325

ГРУППЫ

Андреев и И. А. Бунин. Фото В. Г. Чеховского, Москва, 1902 г. МГМ — стр. 561
Андреев с женой А. М. Андреевой (Велигорской) и матерью А. Н. Андреевой. Фото, Москва, 1902 г. ИРЛИ — стр. 581

Андреев с женой А. М. Андреевой (Велигорской). Фото, Одесса, февраль, 1902 г. МГМ — стр. 145; фото, Бутово, 1902 г. ВЛА — стр. 573; фото К. К. Буллы, в «Пенатах» у И. Е. Репина, 27 мая 1905 г. АГ — стр. 281
Андреев и В. В. Вересаев. Фото Шерера и Набгольца, Москва, 1903 г. МГМ — стр. 237
Андреев и М. И. Михайличенко — рабочий, депутат 1-й Гос. думы (выборжец). Фото, Гельсингфорс, митинг Красной гвардии 9 июля 1906 г. На снимке также: А. Н. Андреева (мать писателя) и И. Г. Гомартели—депутат 1-й Гос. думы (выборжец). ИРЛИ — стр. 385
Андреев в «Пенатах» у И. Е. Репина. Фото, 1910-е годы. На снимке также: Вл. Азов, А. И. Андреева, О. Я. Блотерманц, И. И. Бродский, Н. Д. Ермаков, Н. Б. Нордман-Северова, И. Н. Потапенко (?), И. Е. Репин, П. В. Самойлов, Т. А. Свирская, А. И. Свирский, Ф. Н. Фальковский, Е. Н. Чириков и др. ИРЛИ — стр. 465

IV. АВТОГРАФЫ

СОВМЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ ГОРЬКОГО И АНДРЕЕВА

Записка Андреева от 7 сентября 1902 г. и ответ Горького на том же листе. ВЛА — стр. 161

АВТОГРАФЫ ГОРЬКОГО

Письмо к Андрееву от 23 декабря 1901 г. Лл. первый и последний. ВЛА — стр. 119, 120
Письмо к Андрееву от декабря 1903 г. Лл. первый и последний. ВЛА — стр. 186, 187
Письмо к Андрееву от 11—12 июля 1904 г. Лл. первый и последний. Колумбийский университет, США — стр. 215, 216
Рукопись предисловия к роману Андреева «Сашка Жегулев», 1925 г. Л. первый. АГ — стр. 401

АВТОГРАФЫ АНДРЕЕВА

Запись в дневнике 23 апреля 1899 г. о полученном приглашении от Горького участвовать в «Нижегородском листке». Собр. И. С. Зильберштейна, М.— стр. 18, 19, 20
Письмо к Горькому от 24 ноября 1901 г. Лл. первый и последний. АГ — стр. 109
Письмо к Горькому от 10 февраля 1902 г. АГ — стр. 141
Письмо к Горькому от 13 августа 1907 г. Лл. первый и последний. АГ — стр. 293, 294

V. ДОКУМЕНТЫ

Открытое письмо группы литераторов и общественных деятелей в редакции газет и журналов с протестом против разгона студенческой демонстрации у Казанского собора в Петербурге 4 марта 1901 г. Среди подписавших письмо — Горький. АГ — стр. 497
Справка Московского охранного отделения от 17 ноября 1902 г. об Андрееве. ЦГАОР — стр. 207
Расшифровка секретной телеграммы московского обер-полицеймейстера Д. Ф. Трепова, посланной 17 ноября 1902 г. киевскому генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову о «неблагонадежности» Андреева. ЦГАОР — стр. 205
Адрес Ф. И. Шаляпину, поднесенный группой писателей и друзей в день его бенефиса 3 декабря 1902 г. Среди подписавших адрес — Горький и Андреев. Театр. музей им. А. А. Бахрушина, М.— стр. 167
«Дело Департамента полиции» об Андрееве, 1903 г. Обложка. ЦГАОР — стр. 183
Коллективное письмо к А. Ф. Марксу — издателю сочинений А. П. Чехова, с предложением освободить писателя от обязательств по договору, ставящему его в тяжелое материальное положение, конец 1903 г. Текст письма принадлежит Горькому и Андрееву. АГ — стр. 504, 505
Протест группы московских писателей против избиения полицией 5 и 6 декабря 1904 г. студенческой демонстрации. Среди подписавших документ — Андреев. Местонахожд. оригинала неизвестно. Воспр. с фото. АГ — стр. 251

VI. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ И ПОМЕТАМИ ГОРЬКОГО И АНДРЕЕВА

Горький. Мещане (сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах). Изд. «Знание». СПб., 1902, с дарств. надписью Андрееву, май 1902 г. ИРЛИ — стр. 481

Леонид Андреев. Анатэма, трагедия. Изд. «Шиповник». СПб., 1909, с надписью Горького, перефразирующей иронический экспромт А. Н. Плещеева <?>, сказанный об игре актера В. В. Чарского. ЛБГ — стр. 45
Леонид Андреев. Рассказы. Изд. «Знание». СПб., 1901, с дарств. надписью Горькому от 20 декабря 1901 г. Книга посвящена Горькому. АГ — стр. 125
Леонид Андреев. Мысль. Рассказ. Оттиск из журнала «Мир божий», 1902, № 7, с дарств. надписью Горькому. АГ — стр. 149
Полное собрание сочинений Леонида Андреева. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1913, том первый, с дарств. надписью Горькому от 1915 г. ЛБГ — стр. 51
М. Горький. Рассказы. Изд. «Знание». СПб., 1901, том второй, с памятными надписями Андреева, И. А. Бунина, К. П. Пятницкого, Н. Д. Телешова, Ф. И. Шаляпина, А. К. Шольца. Книга была подарена Горькому 8 ноября 1901 г., при проводах его в Крым. АГ — стр. 102, 103
«Книга рассказов и стихотворений». Изд. С. Курнина. М., 1902, с автограф. подписями Горького, Андреева и др. участников сборника. АГ — стр. 563

VII. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОРЬКОГО И АНДРЕЕВА; ИЗДАНИЯ, ВЫШЕДШИЕ ПРИ ИХ УЧАСТИИ И ПОД ИХ РЕДАКЦИЕЙ

Гранки газеты «Курьер» с рассказом Горького «Весенние мелодии», запрещенным цензурой 11 апреля 1901 г. Московский обл. архив — стр. 95
Рассказ Андреева «Баргамот и Гараська», привлекший внимание Горького. — «Курьер» от 5 апреля 1898 г. Заголовок газеты, начало и конец рассказа — стр. 71
Гранки газеты «Курьер» с рецензией Андреева на первую постановку «Мещан» Горького в МХТ, 26 марта 1902 г. На гранках цензорские купюры. Гос. исторический архив, Лгр. — стр. 477, 478
Леонид Андреев. Баргамот и Гараська. Отд. изд. рассказа («Донская речь»). Р н/Д, 1903, первая страница — стр. 371
Обложка «Журнала для всех», 1903, № 1, январь, с портретом Андреева — стр. 503
Леонид Андреев. Царь-голод. Представление в пяти картинах с прологом. Рис. Е. Е. Лансере. Изд. «Шиповник». СПб., 1908. Шмуцтитул (деталь) — стр. 309
Л. Андреев. Прекрасные сабинянки. Иллюстр. художника Ре-ми <Н. В. Ремизова>. Изд. «Шиповник». СПб., 1913. Обложка — стр. 545
Сборник товарищества «Знание» за 1904 год. Книга третья. СПб., 1905. В сб. напечатана пьеса Горького «Дачники» и рассказ Андреева «Красный смех». Титульный лист — стр. 39
«Нижегородский сборник», вышедший под ред. Горького и при участии Андреева. Изд. т-ва «Знание». СПб., 1905. Титульный лист — стр. 231

VIII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Дом в Арзамасе, где в 1902 г., находясь под надзором полиции, жил Горький. Фото МГМ — стр. 153
Виды Нижнего-Новгорода. Фото, 1890-е годы. ЦГАОР — стр. 379
Дом на Канатной улице в Нижнем-Новгороде, где в 1900—1901 годах жил Горький. Фото М. П. Дмитриева, 1900-е годы. МГМ — стр. 87
Дача «Нюра» в Олеизе, где в 1901—1902 годах жил Горький. Фото, 1900-е годы. МГМ — стр. 115

ФИНЛЯНДИЯ

Дача Андреева в Ваммельсуу. Фото, 1910-е годы. ГЛМ — стр. 315
Кабинет Андреева на его даче в Ваммельсуу. Фото К. К. Буллы, 1912 г. ИРЛИ — стр. 321
Дача В. А. и Е. Ф. Крит в Мустамяках, где Горький жил в начале 1914 г. Фото. МГМ — стр. 353
Дача А. П. Горбик в деревне Нейвола (теперь с. Горьковское), где в 1914—1916 годах жил Горький. Фото. МГМ — стр. 364

КАПРИ

Вид из окна виллы «Сеттана», где Горький жил в 1906—1909 годах. Фото Ю. А. Желябужского, 1907 г. МГМ — стр. 275

IX. ГОРЬКИЙ И АНДРЕЕВ НА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ СЦЕНЕ

ГОРЬКИЙ

«На дне»

Программа премьеры спектакля в Московском художественном театре, 18 декабря 1902 г. МХТ — стр. 501

Актер Рихард Валлентин в роли Сатина в постановке пьесы на сцене берлинского «Kleines Theater», 1903 г. Фото. МГМ — стр. 515

«Дети солнца»

Сцена из второго действия пьесы, в постановке драматического театра В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге, октябрь 1905 г. Фото. МГМ — стр. 511

АНДРЕЕВ

Программа литературно-музыкального вечера, состоявшегося 12 декабря 1902 г. в Москве с участием Андреева, С. Г. Скитальца, Н. Д. Телешова и др. ЦГАОР — стр. 171

«Жизнь человека»

Программа премьеры спектакля в Московском Художественном театре, 12 декабря 1907 г. МХТ — стр. 433

«Рождение человека», «Бал у человека». Эскизы (тушь, гуашь, золото) В. Е. Егорова к постановке в МХАТе, 1907 г. МХТ — стр. 297, 299

«Пролог», «Рождение человека». Эскизы В. К. Коленда к постановке В. Э. Мейерхольда в драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской, Петербург, 1907 г. Театр. музей им. А. А. Бахрушина, М.— стр. 393, 395

«К звездам»

Заглавный лист цензурного экземпляра пьесы с резолюцией цензора от 3 января 1906 г., запрещающей постановку ее в МХАТе. Театральная б-ка им. А. В. Луначарского, Лгр.— стр. 423

X. РИСУНКИ АНДРЕЕВА

Автошаржи. Перо и тушь, 1897 г. ИРЛИ — стр. 78, 79, 80, 81, 584, 585

Шуточные рис. пером в письме к матери, 1911 г. ИРЛИ — стр. 316, 317

Шуточные рис. пером в письме к матери, 1911 г. Изображены: сам Андреев, дочь Вера и А. И. Андреева. ИРЛИ — стр. 537

Портрет Л. Н. Толстого. Пастель, 1912 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с цветного фото, снятого Андреевым. ИРЛИ — стр. 541

Крестьянин-финн. Пастель, 1912 г. ИРЛИ — стр. 335

«Один оглянулся». Пастель, 1912 г. ИРЛИ — стр. 331

Портрет дочери Веры. Пастель, 1915 г. ИРЛИ — стр. 550

Итальянский пейзаж. Via Appia. Пастель, 1910-е годы. ИРЛИ — стр. 355

XI. КАРИКАТУРЫ

«Леонид Андреев в положении неустойчивого равновесия». Рис. неизвестн. художника. Отклик на дискуссию в печати по поводу рассказа Андреева «Бездна», 1902—1903 годы. Почт. открытка. МГМ — стр. 135

«Подмаксимовики». Рис. Кока (Н. И. Фидели). Изображены: Горький, Андреев, И. А. Бунин, С. Г. Скиталец.— «Искры», 1903, 2 февраля, № 5 — стр. 199

«Типы наших беллетристов». Рис. А. А. Лабуца («Овода») для «Стрекозы», 1903, 4 мая, № 18. Изображены, вверху над надписью «Прежде»: П. Д. Боборыкин, Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Потехин; внизу, над надписью «Теперь»: Андреев, Горький, Скиталец. МГМ — стр. 179

«Бюрократическое решение вопроса об университетской автономии». Рис. М. М. Чемоданова («Червя»), 1904. Сатирический отклик на назначение министром народного просвещения генерала В. Г. Глазова. Фото-открытка. АГ — стр. 225

«Горький и его тень». Рис. Ре-ми (Н. В. Ремизова). Тенью Горького изображен Андреев.— «Стрекоза», 1905, 9 октября, № 41 — стр. 211
В. Г. Короленко. Шарж, акв. В. В. Каррика, 1905—1906 годы. ИРЛИ — стр. 459
Е. Н. Чириков. Шарж, акв. В. В. Каррика, 1905—1906 годы. ИРЛИ — стр. 245
Горький. Шарж. В. В. Каррика.— «Леший», 1906, № 1 — стр. 267
Андреев. Шарж В. В. Каррика.— «Леший», 1906, № 1 — стр. 271
С. Г. Скиталец. Шарж В. В. Каррика.— «Леший», 1906, № 1 — стр. 244
Андреев. Шарж Ре-ми (Н. В. Ремизова), акв. Эскиз. рис., помещенного в «Сатириконе», 1908, № 1. ИРЛИ — стр. 445

XII. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ АНДРЕЕВА

«Кусака». Рис. (тушь) А. Гольмстрема, 1908 г. ИРЛИ — стр. 527
«Рассказ о семи повешенных». Рис. И. Е. Репина, 1908 г. Ульяновский областной музей — стр. 349
Тоже. Рис. И. Е. Репина. Обложка, 1908 г. ГТГ — стр. 345

XIII. ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ — СОВРЕМЕННИКОВ ГОРЬКОГО И АНДРЕЕВА

Куприн А. И. Фото, 1913 г. ИРЛИ — стр. 451
Телешов Н. Д. Фото, 1900-е годы. АГ — стр. 577

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Е. М. Львова

А., сотрудник газ. «Русь» — 240
А. Б. — см. Богданович А. И.
А. Г.—565
Абрамов Роман Петрович — 461
Абрикосов Алексей Алексеевич — 413
Аванцо, владелец магазина — 574
Аввакум (Петрович), протопоп — 183
Аврелий — см. Брюсов В. Я.
Аде — см. Дмитриев Александр
Андрианов Сергей Александрович — 354, 458
Азеф Евно Фишелевич — 344, 396, 399
Айзман Давид Яковлевич — 425—426, 428
Айхенвальд (псевдоним Ю. А.) Юлий Исаевич — 323, 336, 539
Александр I — 350
Александр II — 110, 139, 140
Александр III — 81
Александрович Ю. (настоящая фамилия Потеряхин Александр Николаевич) — 336
Алексеев Александр Гаврилович — 480
Алексеев Константин Сергеевич — см. Станиславский К. С.
Алексеевская Римма Николаевна — см. Андреева Р. Н.
Алексеевский Аркадий Павлович — 8, 60, 78—80, 86, 100, 102, 170, 172, 196, 197, 234, 235, 247, 359, 410, 429, 559—564
Алексеевский Леонид Аркадьевич — см. Андреев Л. А.
Алексин Александр Николаевич — 8, 70, 142, 143, 164, 176, 181, 182, 209, 211, 409, 415, 416, 462, 501, 502, 569, 570
Альберт, король Бельгии — 547
Альбов Михаил Нилович — 489
Алякринский Сергей Александрович — 322
Амбус Ада Альфредовна — 521
Амичис Эдмондо де — 67
Амфитеатров Александр Валентинович — 7, 8, 29, 47, 48, 57, 59, 64, 79, 268, 317, 318, 322, 330, 335, 336, 346, 363, 430, 436, 438, 442, 443, 445—447, 453, 456—458, 518, 540—543, 591
Ананьев Николай К.— 420
Ангарский Николай Семенович — см. Клестов Н. С.
Андреев Андрей Николаевич — 8, 44, 48, 52, 111, 163, 164, 166, 200 (?), 213(?), 284, 287, 338, 456, 457, 519, 546—548, 552, 554, 564
Андреев Вадим Леонидович — 6, 7, 99, 119—121, 142, 161, 166, 168, 170, 184, 186, 187, 205, 206, 218, 279, 283—285, 287, 305, 389, 424, 431, 435, 441, 446, 463, 526, 565, 569—571, 573
Андреев Валентин Леонидович — 6—8, 105, 155, 176, 296, 338, 358, 449, 533, 571
Андреев Всеволод Николаевич — 166, 200(?), 213(?), 284, 287, 564
Андреев Даниил Леонидович — 166, 170, 282, 283, 300, 565, 566, 571, 572, 598
Андреев (Алексеевский) Леонид Аркадьевич — 287
Андреев Николай Андреевич — 595
Андреев Николай Иванович — 76, 594
Андреев (псевдоним Н. Рогожин) Павел Николаевич — 77—78, 140, 141, 163, 166, 200(?), 213(?), 276, 284, 287, 317, 463, 519, 522, 564, 568, 597
Андреев Савва Леонидович — 6, 324, 571, 579
Андреева (рожд. Велигорская) Александра Михайловна — 28, 34, 74, 75, 77—81, 85, 86, 99(?), 100, 110, 114, 118, 122, 130, 133, 142, 143, 145, 147, 149—152, 154, 158, 159, 163, 166, 168, 170, 173, 176—179, 181—184, 189, 191, 194, 196—198, 200, 202, 203, 206, 208, 210, 211, 217, 229, 234, 235, 241, 243, 249, 252, 254—256, 258, 260, 266, 268, 273, 274, 276, 277, 279, 281—283, 287, 300, 302, 304, 324, 326, 328, 386—388, 424, 431, 493—495, 507, 517, 518, 522, 523, 565, 568—570, 573, 577, 579, 581, 591
Андреева (рожд. Пацковская) Анастасия Николаевна — 76, 140, 163, 165, 166, 177, 182, 274, 279, 287, 316, 317, 385, 389, 537, 564, 565, 570, 581
Андреева (рожд. Денисевич; в 1-м браке Карницкая) Анна Ильинична—6, 8, 311, 324, 325, 352, 354, 462, 463, 465, 529, 552, 564, 571, 579
Андреева (по мужу Рыжкова) Вера Леонидовна — 324, 537, 550, 571, 579
Андреева (по мужу Тройнова) Зинаида Николаевна — 90, 93, 564, 568, 572
Андреева (рожд. Юрковская; в 1-м браке Желябужская) Мария Федоровна — 8, 220, 221, 228, 232, 233, 240, 247, 250, 252, 256, 257, 259, 261, 262, 264, 266—270, 273, 276, 282—284, 295, 343, 424, 434, 455, 483, 510, 512, 516, 519, 524, 546, 550, 591, 597

Андреева (в 1-м браке Алексеевская; во 2-м — Оль; в 3-м — Верещагина) Римма Николаевна — 8, 284, 287, 304, 562, 564
Андреевич Е.— см. Соловьев Е. А.
Андреевы, семья Л. Н. Андреева — 163, 166, 234, 260, 277, 279, 514, 569, 594, 596
Аниелло Томазо — 391
Анисфельд Борис Израилевич — 336
Аничков Евгений Васильевич — 342
Анненский Николай Федорович — 44, 160, 183, 257, 513
Анучин Василий Иванович — 64, 83
Аполлов Александр Иванович — 369, 397
Арабажин Константин Иванович — 332, 333, 338
Арбузов Григорий Сергеевич — 449
Аргунин — см. Смирнов А. А.
Арсеньев Илья Александрович — 334
Арсеньев Константин Константинович — 356
Артемьев Павел — 474
Арцыбашев Михаил Петрович — 24, 44, 58, 236, 239, 254, 284, 303, 304, 339, 345, 346, 380, 440, 444, 445, 449, 459, 461, 463, 527, 528, 531, 536, 538—540, 551
Асеев Николай Николаевич — 597
Ауслендер Сергей Абрамович — 284, 287—289
Афанасьев Александр Николаевич — 278, 279
Афанасьев Всеволод Николаевич — 535
Афонин Леонид Николаевич — 56, 58, 59, 70, 337, 441, 559
Аш Шолом — 345, 346
Ашешов (псевдоним Ал. Ожигов) Николай Петрович — 63, 69, 70, 154, 155, 170, 172, 221, 226, 231, 247, 327, 450, 532, 552, 553, 566
Ашкинази (псевдоним Пэк; В. Азов) Владимир Александрович — 74, 168, 465, 473

Бабореко Александр Кузьмич — 592
Базаров (настоящая фамилия Руднев) Владимир Александрович — 347
Базилевич В. — см. Брусянин В. В.
Байрон Джордж Ноэль Гордон — 393, 583
Бакунин Михаил Александрович — 399
Балика Дмитрий Андреевич — 156
Балмашев Степан Валерьянович — 144
Балтрушайтис Юргиис Казимирович—25, 350
Бальзак Оноре — 282, 467
Бальмонт Екатерина Алексеевна — 268
Бальмонт Константин Дмитриевич — 24, 66, 87, 112, 116, 194, 199, 268—269, 335, 350, 380, 439, 574, 575
Баранов Николай Александрович — 479, 480
Баранов Николай Михайлович — 384
Баранцевич Казимир Станиславович — 67, 335, 342
Барбаросса Горук (Арук, Урудж) — 391
Баскевич Исаак Зельманович — 399
Батюшков Федор Дмитриевич — 8, 67, 146, 263, 342—344, 346, 495, 496
Бауман Николай Эрнестович — 230
Башкин Василий Васильевич — 288, 289
Бебель Август — 264
Бедный Демьян (настоящая фамилия Придворов Ефим Алексеевич) — 59
Безвестный (настоящая фамилия Эттинген) Александр Захарович — 8, 56, 467
Беззубов Валерий Иванович — 98, 210, 242, 448, 556
Безобразов Павел Владимирович — 97, 110, 112, 113, 407
Безобразова Мария Владимировна — 195, 197
Безродная (настоящая фамилия Яковлева) Юлия Ивановна — 123, 124
Бейлис Мендель Тевьевич — 455
Беклемишева (по мужу Копельман) Вера Евгеньевна — 40, 304, 343, 344, 446, 450, 592—593, 598
Бёклин Арнольд — 583
Белинский Виссарион Григорьевич —117, 168, 384—385, 398
Белоконский Иван Петрович — 232, 234
Белоусов Андрей Андреевич — 89
Белоусов Иван Алексеевич — 8, 66, 106, 111, 112, 153, 184, 222, 230, 239, 254, 317, 360, 448, 498, 536, 547, 550, 572—575
Белый Андрей (настоящая фамилия Бугаев Борис Николаевич) — 30, 32, 58, 199, 321, 342, 363, 387, 398, 429
Бельгард Алексей Валерьянович — 169, 344
Беляев Михаил Дмитриевич — 8, 461, 462
Беляев Юрий Дмитриевич — 238
Бенуа Александр Николаевич — 170, 172, 442, 443, 544, 545
Беранже Пьер Жан — 594
Бердяев Николай Александрович — 115, 208, 224, 231, 338, 554
Бёрне Людвиг — 540, 543
Бёрнс Роберт — 371, 372
Бернштейн Герман — 336
Бернштейн (псевдоним Янтарев) Ефим Львович — 38, 68, 206, 488, 490, 500, 508, 513
Берсон Янина Осиповна — 170, 172, 569, 570
Берсон, семья — 172, 570
Бетховен Людвиг ван — 243
Бикман, киевский журналист — 350, 453
Билибин (псевдонимы И. Грэк; Игрек) Виктор Викторович — 474 (?), 475
Битнер Вильгельм Вильгельмович — 126, 127
Благов Федор Иванович — 84
Благовещенская Мария Павловна — 201
Бланк Рувим Маркович — 346, 347
Блинов Иосиф Федорович — 189
Блок Александр Александрович — 30, 52, 284, 287—290, 292, 296, 297, 300, 307, 310, 333, 338, 350, 351, 363, 386, 387, 429, 552, 555—556, 598
Блотерманц Яков Осипович — 465
Блюменберг Густав Алексеевич — 348
Блюменберг Густав Густавович — 348
Боборыкин Петр Дмитриевич — 10, 111, 179, 183, 184, 235, 238

Бобров Александр Александрович — 198, 199
Боброва Елизавета Ивановна — 400
Бобровский Георгий Михайлович — 350
Богаевская Ксения Петровна — 8
Богданов (настоящая фамилия Малиновский) Александр Александрович — 222, 229, 230, 232, 306, 426, 440
Богданович Адам Егорович — 597
Богданович (псевдоним А. Б.) Ангел Иванович — 64, 67, 143, 146, 176, 231
Боголепов Николай Павлович — 108, 110—111
Боголюбов Семен Павлович — 8, 35, 40, 92, 300, 312, 318, 414, 428, 429, 432, 434, 436—438, 443, 446, 524, 525, 535, 578
Богучарский (настоящая фамилия Яковлев) Василий Яковлевич — 96, 114, 117, 231
Бойто Арриго — 164
Бойцов, домовладелец — 230
Боккаччо Джованни — 380
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич — 159
Бородин Александр Порфирьевич — 479
Борский (настоящая фамилия Княжинский Борис Петрович) — 498
Боцяновский Владимир Феофилович — 89, 502
Брандес Георг — 117
Брандт Николай Г.— 322
Бриллиантов Алексей Георгиевич — 158
Бродовский, фотограф — 75
Бродский Исаак Израилевич — 449, 465
Брокгауз, издательская фирма — 537
Брусянин (псевдоним В. Базилевич) Василий Васильевич — 94, 96, 102, 112, 296, 406, 418, 434, 449
Брюсов (псевдоним Аврелий) Валерий Яковлевич — 30, 32, 58, 84, 87, 112, 164, 170, 172, 199, 268, 288, 305, 307—311, 320, 322, 343, 350, 387, 412, 435, 517, 540
Бугров Николай Александрович — 221
Буланже Павел Александрович — 132
Булатов Иван Федорович — 203
Булгаков Сергей Николаевич — 32, 96, 222, 224, 231, 338
Булла Карл Карлович — 257, 281, 321, 427
Булыгин Александр Григорьевич — 261, 585
Бунин Иван Алексеевич — 8, 13, 30, 33, 49, 66, 67, 73, 97, 100, 103, 108, 111, 112, 142, 143, 152, 162, 166, 168, 169, 173, 180, 184, 199, 202, 217, 227—230, 233, 235, 236, 238, 239, 241, 258, 261, 295, 296, 306, 360, 396, 407, 409—412, 414, 416, 434, 445—447, 459, 461, 463, 494, 498, 500, 509, 524, 537, 538, 559—562, 564, 575, 584, 592
Бунин Юлий Алексеевич — 153, 360, 498
Буонаротти Микеланджело — 305
Бурдес Борис Павлович — 345, 346
Буренин Виктор Петрович — 59, 238, 498, 499
Буренин Николай Евгеньевич — 176, 276, 308
Бурлаков Николай Степанович — 59
Бурлюк Давид Давидович — 552
Бурцов Владимир Львович — 117, 277, 316
Бушканец Ефим Григорьевич — 100
Быстренин Владимир Порфирьевич — 311
Бьёрнсон Бьёрнстьерне Мартиниус — 70
Бюлов Бернгард — 265, 267
Бялик Борис Аронович — 328

Вагнер Рихард Вильгельм — 455
Валентинов Н.— см. Плеханов Г. В.
Валлентин Рихард — 515
Вандервельде Эмиль — 547
Ванновский Петр Семенович — 88
Василевский (псевдоним Не Буква) Илья Маркович — 284, 286
Василевский Лев Маркович — 597
Васильев Николай Захарович — 114, 117, 598
Васильев (псевдоним Смарагд Горностаев) Николай Иванович — 104, 105
Васильева Зинаида Владимировна — 578
Васина Эмилия Леонидовна — 110
Васнецов Виктор Михайлович — 70, 138
Вейсман Александр Давыдович (?) — 156
Вексель Юлиус — 338, 339, 390
Велигорская Александра Михайловна — см. Андреева А. М.
Велигорская Елизавета Михайловна — см. Доброва Е. М.
Велигорская (рожд. Шевченко) Ефросинья Варфоломеевна — 168, 274, 565
Велигорский Павел Михайлович — 493
Венгеров Семен Афанасьевич — 76, 311
Венгерова Зинаида Афанасьевна — 238, 347
Венгров Натан (настоящее имя Моисей Павлович) — 289
Венкстерн Алексей Алексеевич — 104
Вербицкая (рожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна — 551
Вербов А. М., поэт — 96
Вересаев (настоящая фамилия Смидович) Викентий Викентьевич — 13, 21, 22, 24, 28, 30—32, 34, 36, 43, 47, 48, 57, 59, 66, 67, 96, 111, 112, 184, 190, 191, 194, 200, 219, 222, 230, 260, 324, 360, 409, 410, 414, 420, 423, 426, 428, 459, 508, 512—513, 516, 518, 522, 527, 546, 552(?), 553, 566, 570, 571, 597, 598
Верещагин Василий Васильевич — 172
Верещагин Сергей Андреевич — 266
Вержбицкий Мирослав Степанович — 176
Верлен Поль — 289
Веталис — см. Гольцев В. А.
Ветринский Ч. (настоящая фамилия Чешихин Василий Евграфович) — 156, 176
Вешнев (настоящая фамилия Пржецлавский) Владимир Георгиевич — 132
Виардо (рожд. Гарсиа) Мишель Фернанда Полина — 564
Виктор Петрович, лицо неустановленное — 89
Вильгельм II — 262, 267, 272—274, 515, 547
Вильгельм Фридрих Виктор — 265, 267
Вильденбрух фон Эрнст — 511
Вильшайр (Гэйлорд) Генри — 268

Винавер Максим Моисеевич — 353, 354
Винниченко Владимир Кириллович — 344, 346
Виноградов Анатолий Корнелиевич — 282
Винчи Леонардо де — 298
Витте Сергей Юльевич — 143, 144, 254, 256, 257, 512, 513
Виттенберг — 513
Витютнева (рожд. Цвиленева) Софья Федоровна — 566, 572
Вишневский Александр Леонидович — 139, 140, 516
Владимирская Елена Федоровна — 383, 398
Владимирская Елизавета Федоровна — 383, 398
Владимирский Михаил Федорович — 383, 398
Владимирский Федор Иванович — 383—386, 398, 568
Владыкин Иван Иванович — 111
Водовозова (рожд. Токмакова) Мария Ивановна — 108, 261
Войтинский Владимир Савельевич — 60
Войткевич Антон Феликсович — 232, 577
Войтоловский Лев Наумович — 450
Волжский Александр Сергеевич — см. Глинка А. С.
Волконский Михаил Сергеевич — 117
Волконский Сергей Григорьевич — 114, 117, 118
Волошин Максимилиан Александрович — 289, 335
Волынский (настоящая фамилия Флексер) Аким Львович — 116, 294, 345
Вольный (настоящая фамилия Вольнов) Иван Егорович — 343, 344, 346, 537, 538
Вольтер Франсуа Мари — 337, 385, 547
Воровский Вацлав Вацлавович — 37, 38, 42, 43, 54, 59, 60, 285, 307, 500
Воронцова (рожд. Браницкая) Елизавета Ксаверьевна — 564
Врубель Михаил Александрович — 172, 583
Вульпиус Христиан Август — 46, 404, 406
Выходцев Петр Сазонтович — 191

Габрилович (псевдоним Галич) Леонид Евгеньевич — 309, 311
Гайдебуров Павел Павлович — 77
Гайм Рудольф — 173
Гаккебуш (Горелов) Михаил Михайлович — 196, 197, 322, 456
Галилей Галилео — 236—237
Галич — см. Габрилович Л. Е.
Галлен-Калела Аксель — 272, 273, 276, 520, 521
Гамалий Н. В.— 22, 138
Гамсун Кнут — 200, 201, 582
Ган Леонид — 399
Ганейзер (псевдоним Е. Гирин) Евгений Адольфович — 123, 124
Ганелин Рафаил Шоломович — 271
Гапон Георгий Аполлонович — 306
Гарди Томас — 511
Гардин Владимир Ростиславович — 266
Гарин-Михайловский Николай Георгиевич — 25, 57, 67, 86, 169, 172, 184, 188, 202, 203, 229, 230, 263, 416, 418, 462, 463
Гармодий, сотрудник газ. «Прибалтийский край» — 132
Гартман Карл Роберт Эдуард — 402, 406
Гаршин Всеволод Михайлович — 33, 156
Гауптман Гергарт — 94, 202, 203, 262, 264, 455, 479, 480, 511, 515, 545
Гвоздев Кузьма Антонович — 464, 466
Гвоздева Мария Филипповна — 159, 160, 498
Ге Григорий Григорьевич — 549
Гегель Георг Вильгельм Фридрих — 173, 406
Гедберг Тор — 390, 399
Гейне Генрих — 69, 146, 147, 479, 543
Гемпден Джон — см. Хампден Джон
Геника Дмитрий Адамович — 66
Генц Александр Иванович — 88, 169
Герзони Иосиф Леонтьевич — 360
Геростратт — 396, 583
Герцен Николай Александрович — 591
Герцен Р. А.— 591
Герценштейн Михаил Яковлевич — 276, 277
Гершензон Михаил Осипович — 338
Герье Владимир Иванович — 104—105, 128, 247
Гессен Иосиф Владимирович — 257, 299, 513
Гёте Иоганн Вольфганг — 126, 337, 455, 511, 582, 583
Гётчинсон Генри Невилль — 197, 199
Гиддингс Франклин — 272, 273
Гизетти Алексей Александрович — 460
Гиляровский Владимир Алексеевич — 226
Гинцбург Илья Яковлевич — 123
Гиппиус-Мережковская (псевдоним Антон Крайний) Зинаида Николаевна — 24, 25, 31—33, 38, 58, 60, 116, 199, 222, 224, 268, 296, 298, 305—309, 330, 336, 343, 435
Глаголь Сергей — см. Голоушев С. С.
Глазов Владимир Гаврилович — 201, 219, 225
Глинка (псевдоним Волжский) Александр Сергеевич — 31, 33, 200, 201, 222, 223, 421, 422, 513
Гнедич Петр Петрович — 335
Гоголь Николай Васильевич — 49, 74, 156, 337, 365, 410, 440
Гойя Франциско Хосе де — 238, 304—305
Голованов Николай Николаевич — 55, 338, 339, 390, 399
«Голос из публики» — 153
Голоушев (псевдонимы Сергей Глаголь; С. Сергеевич) Сергей Сергеевич — 104, 106, 110, 111, 185, 247, 290, 360, 412, 461, 598
Голсуорси Джон — 592
Голубев Василий Захарович — 408, 495
Гольденвейзер Александр Борисович — 123
Гольдштейн Михаил Яковлевич — 461
Гольмстрем А., художник — 527

Гольцев (псевдоним Веталис) Виктор Александрович — 69, 70, 74, 83, 86—89, 152, 153, 162, 168, 196, 197, 229, 231, 241, 254, 409
Гомартели Иван Гедеванович — 520
Гомер — 368
Гончаров Иван Александрович — 467
Горбатов Константин Иванович — 350
Горбик-Ланг Александра Павловна — 364
Горбунов-Посадов Иван Иванович —56
Горелов Гавриил Никитич — 350
Горелов Михаил Михайлович — см. Гаккебуш М. М.
Горностаев Смарагд — см. Васильев Н. И.
Горнфельд Аркадий Георгиевич — 64, 305, 307
Городецкий Сергей Митрофанович — 289, 342, 347, 350
Горяинов Алексей Алексеевич — 266
Гославский Евгений Петрович — 86
Готье Теофиль — 594
Гофман Модест Людвигович — 322
Гофштетер Ипполит Андреевич — 176
Гредескул Николай Андреевич — 456, 464
Гречанинов Александр Тихонович — 192, 195
Гржебин Зиновий Исаевич — 300, 424, 429, 546, 580, 598
Грибоедов Александр Сергеевич — 369
Григ Эдвард — 280, 298
Григорович Елена Юрьевна — 277
Григорьева Александра Петровна — 203
Григорьева Е. Н.— 420
Грим Эрвин-Александр Давидович — 456, 464, 466
Грин (настоящая фамилия Гриневский) Александр Степанович — 335
Грингмут Владимир Андреевич — 113, 114, 342
Гриневицкая Александра Дмитриевна — 69—70
Гриневицкий Станислав Иванович — 101, 102, 410
Гринман Илья Абрамович — 584, 586
Груздев Илья Александрович — 6, 100, 364, 460, 463, 464
Груздева Татьяна Кирилловна — 7, 364
Грузенберг Оскар Осипович — 326
Грузинский Алексей Евгеньевич — 332, 337, 448
Грузинский С.— 133
Грушевский Михаил Сергевич (?) — см. Observateur
Грэк И.— см. Билибин В. В.
Гуковский Александр Исаевич — 284, 285
Гурвич И.— 67
Гусев Николай Николаевич — 336
Гусев Сергей Иванович — см. Гусев-Оренбургский С. И.
Гусев-Оренбургский (псевдоним М. Инсарский) Сергей Иванович — 66, 67, 111, 184, 221, 227, 228, 231, 232, 258—261, 414
Гюго Виктор — 143, 144, 337, 384, 593
Гюрджан Акоп Маркарович — 355

Д—ов — см. Егоров Д.
Давыдов Николай Васильевич — 112
Давыдова Александра Аркадьевна — 67
Даманская (псевдоним Арсений Мерич) Августа Филипповна — 238
Данилов, пристав — 151
Данте Алигьери — 302, 337, 583
Деборин Абрам Моисеевич — 597
Декарт Рене — 105
Демель Рихард — 346, 347
Демчинский Николай Александрович — 276
Ден Иосафат Феофилович — см. Карпов Л. Я.
Денисевич Анна Ильинична — см. Андреева А. И.
Денисевич Владимир Ильич — 529
Денисюк Н. Ф.— 176
Деренков Андрей Степанович — 560, 562, 564
Деренковы — 560
Дерман Абрам Борисович — 146
Десницкий Василий Алексеевич — 7, 54, 60, 81, 89, 124, 232, 279, 468, 597, 598
Джанин К.— см. Каржанский Н. С.
Дзет — см. Билибин В. В. (?)
Дивильковский Анатолий Авдеевич — 249
Диоген — 561
Дитц Иоганн Генрих Вильгельм — 261, 264
Диффенбах Карл Вильгельм — 278, 279
Дмитриев (псевдоним Аде) Александр — 532—533
Дмитриев Максим Петрович — 11, 87, 99, 473, 481, 482, 497, 567, 589
Дмитриева Валентина Иововна — 222
Добин Ефим Семенович — 497
Добров Михаил Александрович — 301
Добров Филипп Александрович — 300, 301
Доброва (рожд. Велигорская) Елизавета Михайловна — 300, 301, 493, 565
Добролюбов Александр Михайлович — 289
Добролюбов Николай Александрович — 108, 110, 117, 127, 183
Доброхотов Анатолий Павлович — 160
Доброхотов Дмитрий Николаевич — 84
Доде Альфонс — 67
Донон, владелец ресторана — 343
Дорошевич Влас Михайлович — 78, 79, 116, 170, 172, 410, 574
Достоевский Федор Михайлович — 16, 33, 44, 46, 50, 79, 98, 117, 126, 176, 179, 201, 277, 327, 328, 332—334, 338, 346, 378, 394, 395, 400, 403, 404, 406, 440, 444, 484, 489, 538—540, 544, 545, 549, 552, 593
Доциаро Иосиф Александрович — 574
Дрейфус Альфред — 191
Дризен Николай Васильевич — 317, 336
Дробыш-Дробышевский (псевдоним А. Уманьский) Алексей Алексеевич — 410, 413
Дрожжин Спиридон Дмитриевич — 66
Дрягин Константин Владимирович — 60
Дубровинский Иосиф Федорович — 419
Дубровский М., сотрудник «Московской газеты» — 400, 535—536
Дун Александр Зиновьевич — 67, 268

Дымов (настоящяа фамилия Перельман) Осип Исидорович — 345, 346, 348, 583
Дюма Александр (отец) — 254
Дягилев Сергей Павлович — 238, 239

Евгеньев-Максимов Вячеслав Евгеньевич — 224, 239
Евреинов Николай Николаевич — 276
Евтушевский Василий Адрианович — 369
Егоров Владимир Евгеньевич — 297, 299
Егоров Ефим Александрович — 224
Егоров (псевдоним Д—ов) — 104, 105
Екатерина I — 436
Елеонский (настоящая фамилия Миловский) Сергей Николаевич — 184
Елисеев, домовладелец — 162
Елпатьевский Сергей Яковлевич — 111, 183, 184, 205, 206, 213, 219, 228—230, 411, 421, 442, 570, 579
Емельянов-Кохановский Александр Николаевич — 160, 162
Ермаков Николай Дмитриевич— 465
Ермилов Владимир Евграфович — 77, 79, 249, 409
Ермолаев Михаил Сергеевич — 408
Ефимов А.— 484
Ефимов Дмитрий Панфилович — 492
Ефрон (Эфрон), издательская фирма — 537

Жаботинский Владимир Евгеньевич — 136
Жак Любовь Петровна — 60
Жаков Каллистрат Фалалеевич — 346, 347
Жегалов Николай Николаевич — 56, 60
Желябужский Юрий Андреевич — 275, 546
Женевский (настоящая фамилия Ильин) Александр Федорович — 492
Жеромский Стефан — 67, 425
Жига (настоящая фамилия Смирнов) Иван Федорович — 59, 439, 467
Жмудский Анатолий Андреевич — 336
Жорес Жан — 276, 277, 554
Жуковский Василий Андреевич — 564
Жуковский Павел Васильевич — 564

Забелин Иван Егорович — 399
Зайцев Борис Константинович — 58, 225, 226, 282, 287, 288, 292, 295, 296, 311, 363, 442, 514, 522, 575, 598
Замысловский Георгий Георгиевич — 457
Замятин Евгений Иванович — 363, 520, 598
Зауэрцапф Р.— 264
Захаров П. С.— 124
Звездич (настоящая фамилия Ротенштерн) Петр Исаевич — 277
Зволянский Сергей Эрастович — 88
Здобнов Д. С., фотограф — 303
Зезюлинский Николай Семенович — см. Каржанский Н. С.
Зенгер Григорий Эдуардович — 201
Зигфрид — см. Старк Э. А.
Зильберштейн Илья Самойлович — 6—8 18—20, 63, 79, 158, 172, 261, 263, 290, 291, 364, 463, 494
Зимин Сергей Иванович — 495, 570
Зингер Пауль — 264
Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна — 289
Златовратский Николай Николаевич — 111, 467
Злинченко Кирилл Павлович — 586—591
Золотарев Алексей Алексеевич — 346, 347, 597
Золя Эмиль — 217, 373, 397
Зорина Г.— 98
Зубатов Сергей Васильевич — 201, 203
Зудерман Герман — 511

И.— см. Иванов М. М.
Ибсен Генрик — 70, 110, 112, 163, 221, 479, 480, 545
Иван IV (Грозный) — 253, 383
Иванов Вячеслав Иванович — 30, 32, 58, 199, 269, 270, 289, 292, 342, 517
Иванов (псевдоним И.) Михаил Михайлович — 201
Иванов Николай, техник, служивший у Андреева — 316, 317
Иванов Федор Константинович — 257
Иванов-Разумник Разумник Васильевич — 343, 344, 349, 350, 539
Иванович (настоящая фамилия Португейс) Степан Иванович — 321
Иванович-Новиков Николай Иванович — 597
Иванчина-Писарева (рожд. Брагинская) Софья Абрамовна — 344
Игнатов Илья Николаевич — 134, 136
Игрек — см. Билибин В. В.
Иезуитова Людмила Александровна — 67
Изгоев (настоящая фамилия Ланде) Александр Соломонович — 115, 338, 343, 344, 350
Измайлов Александр Алексеевич — 8, 56, 60, 70, 73, 106, 156, 176, 304, 310, 311, 320, 326, 330, 332, 336, 360, 397, 413, 422, 434, 437, 450, 457, 488, 489, 497—500, 532
Икс, сотрудник газ. «Гражданин» — 104
Инфантьев Порфирий Павлович — 344
Иорданская Мария Карловна — см. Куприна-Иорданская М. К.
Иорданский Николай Иванович — 352, 429, 445, 458, 464, 552—553
Иорданский Николай Николаевич — 206
Ихоров З.— см. Озеров И. Х.

Каблиц (псевдоним Юзов) Иосиф Иванович — 391, 399
Кавалерова (рожд. Яровицкая) Вера Васильевна — 124
Кадмин (настоящая фамилия Абрамович) Николай Яковлевич — 59, 336
Казачков Григорий Николаевич — 410
Казецкий Николай Львович — 257, 308, 311
Калаш Владимир Владимирович — 8, 509
Калмыкова Александра Михайловна — 261, 553, 593
Каляев Иван Платонович — 111
Каменев В.— 399
Каменев Ю.— 308—309, 311

Каменский Анатолий Павлович — 25, 284, 286, 308, 343, 344, 526, 528
Каменский Василий Васильевич — 206, 552
Камоэнс Луис — 337
Кампаньоли Итало — 301, 316
Канин В.— 157, 158
Кант Иммануил — 455
Караваев Н. (настоящая фамилия Соколовский Лев Наумович) — 277
Карамышев — 420
Карасик Зинаида Моисеевна — 172
Карачиолло Доменико — 388
Карачиолло, потомки Доменико — 388
Кардуччи Джозуэ — 337
Кареев Николай Иванович — 231, 257, 513, 554
Карелин А., фотограф — 107
Каржанский (настоящая фамилия Зезюлинский; псевдоним К. Джанин) Николай Семенович — 8, 175, 443—444
Каронин С. (настоящая фамилия Петропавловский Николай Елпидифорович) — 464
Карпов Евтихий Павлович — 597
Карпов Лев Яковлевич — 419
Карпович Петр Владимирович — 111
Каррик Валерий (Вильям) Васильевич (Вильямович) — 244, 245, 261, 267, 271, 459
Каррик Василий (Вильям) Андреевич— 261
Карташев Антон Владимирович — 356
Кассирер Бруно — 585
Кассо Лев Аристидович — 542, 543
Касторский Сергей Васильевич — 413
Катков Михаил Никифорович — 342
Кауфман Абрам Евгеньевич — 326
Кауфман (псевдонимы М. К.; М. Остожин) Михаил Семенович — 78—80, 104, 106
Качалов (настоящая фамилия Шверубович) Василий Иванович — 267, 440, 516
Кедрин Евгений Иванович — 257
Керенский Александр Федорович — 457
Кетчер Николай Яковлевич — 355, 356
Кидд Бенжамен — 156
Кипен Александр Абрамович — 8, 133, 352, 429, 546, 548, 571, 578
Киплинг Редьярд — 592
Кириллов А., сотрудник «Весов» — 336
Киров Сергей Миронович — 54, 58, 60
Кирова (рожд. Маркус) Мария Львовна — 60
Кистяковский Богдан Александрович — 338
Кишкин Л.— 399
Кларти (Клареси) Жюль — 282
Клейн Герман — 148, 211
Клейнборт Лев Наумович — 322, 430, 597
Клеопатра — 310
Клестов (псевдоним Ангарский) Николай Семенович — 310, 348
Клычков (настоящая фамилия Лешенков) Сергей Антонович — 322
Клюев Николай Алексеевич — 350
Клюкин Максим Васильевич — 490, 492
Клюшников Виктор Петрович — 467
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна — 210, 479, 500
Кобылинский Лев Львович — см. Эллис
Ковалевский Максим Максимович — 485
Ковбасенко А. Г.— см. Румянцев М. Х.
Кодак, сотрудник газ. «Биржевые ведомости» — 311, 432
Кожевников Валентин Алексеевич — 93, 208, 209, 212, 230
Козлов Алексей Александрович — 402, 406
Кока — см. Фидели Н. И.
Коленд Виктор Константинович — 393, 395
Колмогоров Александр Иванович — 138, 320
Кольберг Вера Николаевна — 8, 569, 576—577
Кольберг Юлия Николаевна — 180, 181
Комиссаржевская Вера Федоровна — 208, 235, 238, 261, 393, 395, 423, 511, 513
Комиссаржевский Федор Федорович — 539
Коновицер Ефим Зиновьевич — 494, 495
Конопницкая Мария — 67
Константинова М.— 89
Конт Огюст — 168
Копельман Вера Евгеньевна — см. Беклемишева В. Е.
Копельман Соломон Юльевич — 343, 344, 346, 347, 436
Коринфский Аполлон Аполлонович — 73
Корнфельд Михаил Германович — 334
Коробка Николай Иванович — 553
Коровин Константин Алексеевич — 111, 254
Короленко Владимир Галактионович — 15, 22, 42, 44, 48, 56, 57, 59, 60, 64, 66, 79, 84, 93, 111, 145, 146, 183, 184, 329, 335, 343, 344, 410, 416, 444, 456—459, 463, 482
Корпачев И. П., студент — 108
Корш Федор Адамович — 432
Косоротов (псевдоним Шмель) Александр Иванович — 249, 250
Костенко Владимир Полиевктович — 189
Косьминский Е.— 585
Котляревский Нестор Александрович — 323
Коцюбинский Михаил Михайлович — 342, 347, 452
Кошлаков (псевдоним Полех) Петр Егорович — 153
Крайний Антон — см. Гиппиус-Мережковская З. Н.
Крандиевская (рожд. Тархова) Анастасия Романовна — 202, 203, 213, 238
Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна — 194, 195
Крандиевский Василий Афанасьевич — 92
Красин Леонид Борисович — 28, 264, 398, 461, 462, 519
Красковская Татьяна Васильевна — 454
Краснов Петр Николаевич — 219
Краут Г. Л.— 342

Крестовский Всеволод Владимирович — 467
Крит Владимир Александрович — 353
Крит (рожд. Юрковская) Екатерина Федоровна — 256, 257, 261, 353
Кропоткин Петр Алексеевич — 547
Крохмаль Виктор Николаевич — 419
Крупенский Павел Николаевич — 457
Кручинин Н.— 547
Крымов Юрий — 347
Кубиков (настоящая фамилия Дементьев) Иван Николаевич — 364
Кугель (псевдоним Homo Novus) Александр Рафаилович — 101, 103
Кузин, агент — 257
Кузмин Михаил Алексеевич — 33, 288, 289, 298, 309, 311, 528
Кук Томас — 298, 299
Кукольник Нестор Васильевич — 99
Кукореткина Ольга — 217
Кулаков Петр Ефимович — 442
Кулибин Иван Петрович — 183
Купер Фенимор — 403
Куприн Александр Иванович — 13, 24, 26, 30, 31, 35, 40, 42, 48, 57, 66, 67, 92, 96, 159, 172, 184, 188, 217, 218, 227, 228, 230, 239, 263, 274, 276, 305—307, 319, 329, 335, 345, 416, 435—437, 442, 444, 447, 449, 451, 459, 461, 463, 483, 539, 540, 552 (?), 553, 564, 571, 575, 594
Куприна-Иорданская (рожд. Давыдова) Мария Карловна — 8, 352, 429, 444—445, 448, 553, 579—580
Курнин Сергей Васильевич — 67, 412, 568
Куропаткин Алексей Николаевич — 221, 252
Курочкин Василий Степанович — 156
Курсинский Александр Антонович — 266
Кускова (рожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна — 117

Лабуц (псевдоним Овод) Александр Александрович — 179
Лаврентьев Андрей Николаевич — 348, 453
Лавров Вукол Михайлович — 88
Лавров Петр Лаврович — 444
Лагутин А.— 399
Ладыжников Иван Павлович — 28, 34, 113, 159, 206, 229, 238, 265—267, 273, 276—280, 282, 296, 298, 320, 346, 348, 422, 424, 425, 428, 429, 431, 432, 434, 436, 438, 440, 461, 572
Лазаревский Борис Александрович — 284, 286, 310
Ламартин Альфонс Мари Луи — 254, 255
Ламкерт Оскар Иосифович — 29, 422, 423
Лансере Евгений Евгеньевич — 288, 289, 296, 309
Лассаль Фердинанд — 455
Левберг Мария Евгеньевна — 455
Левенсон Александр Александрович — 226
Левидов Михаил Юльевич — 555
Ледебур Георг — 264
Лекарева-Хорошко Марианна Васильевна — 108
Леконт де Лиль Шарль Мари Рене — 593
Ленин Владимир Ильич — 24, 25, 41, 48, 54, 57, 59, 60, 105, 108, 111, 114—117, 129, 136, 175, 203, 234, 268, 306, 307, 318, 338, 339, 346, 347, 350, 351, 406, 407, 422, 426, 429, 432, 456, 509, 511, 512, 520, 553, 555, 591
Лентовская Лидия Дмитриевна — 78
Леонидов Леонид Миронович — 539
Леопарди Джакомо — 393, 399
Лермонтов Михаил Юрьевич — 203, 252
Лесков Николай Семенович — 212, 213, 400, 461, 462, 467, 559
Лессинг Готгольд Эфраим — 262
Леткова (в замужестве Султанова) Екатерина Павловна — 90, 92
Либкнехт Карл — 267
Ливен Герман Эмильевич — 89
Линдау Пауль — 511
Линин Анатолий Михайлович — 84
Лихтенберже Анри — 88, 89, 114, 117
Логинов Иван — 484
Логсдон Ричард Д.— 8
Ломброзо Чезаре (Цезарь) — 378, 397
Лонгфелло Генри Уодсворт — 166, 199, 412, 559, 562, 564
Лондон Джек — 592
Лоренцо — 6, 82
Лосский Николай Онуфриевич — 224
Лужский (настоящая фамилия Калужский) Василий Васильевич — 480, 481
Лукьянов Александр Александрович — 96, 102
Луначарский Анатолий Васильевич — 6, 8, 12, 25, 29, 34, 37, 38, 43, 53—54, 57—60, 77, 306—311, 314, 319, 347, 426, 432, 436, 461, 525, 530, 541, 575
Лыжин, дачевладелец — 420
Лысак Владимир Сергеевич — 112
Львов-Рогачевский Василий Львович — 43, 82, 219, 247, 292, 295, 298, 336, 350, 422, 450—452, 547
Львович А.— см. Цитрон А. Л.
Любимов А. И.— 398
Любович Нина Артемьевна — 164
Людовик XVI — 272
Лядов (настоящая фамилия Мандельштам) Мартын Николаевич — 57
Ляцкий Евгений Александрович — 113, 318, 350, 351

М. Г., сотрудник журнала «Солнце России» — 59, 536
М. К.— см. Кауфман М. С.
М — с — см. Мускаблит Ф. Г.
Мазурин Владимир Владимирович — 39, 276—277
Майн-Рид Томас — 403
Маклаков Василий Алексеевич — 323
Максимов Дмитрий Евгеньевич — 224, 239
Максимов Иван — 531
Максимов Павел Хрисанфович — 342, 417
Малинин (сценич. псевдоним Буренин) Михаил Дмитриевич — 181, 182, 415, 502, 569, 570
Малиновская Елена Константиновна — 8, 124, 426, 428, 432, 437—439, 569
Малиновский Александр Александрович — см. Богданов А. А.

Малиновский Павел Петрович — 569
Малышев Сергей Васильевич — 586, 591
Малянтович Павел Николаевич — 180, 181, 264, 548
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович — 10, 66, 67, 86, 111, 169, 411
Мамонтов Савва Иванович — 172
Мандельштам Михаил Львович — 310
Манухин Иван Иванович — 455
Марков (2-й) Николай Евгеньевич — 457
Маркс Адольф Федорович — 165, 199, 279, 397, 443, 446, 504, 505, 534, 535, 598
Маркс Карл — 57, 397, 455, 509
Маркус Мария Львовна — см. Кирова М. Л.
Маркхэм Эдвин — 272, 273
Мартин Джон — 273
Мартин Престония — 273
Мархлевский Юлиан — 159, 160, 185
Маршак Самуил Яковлевич — 597
Масловский Сергей Дмитриевич — см. Мстиславский С. Д.
Матвеев Сергей Николаевич — 572
Маутнер Фриц — 511
Мах Эрнст — 105
Махалов-Разумовский Сергей Дмитриевич — 112, 498
Маяковский Владимир Владимирович — 552
Медведева Капитолина Поликарповна (Кузьмина Надежда Константиновна) — 230
Медичи — 305
Мейерхольд Всеволод Эмильевич — 266, 393, 395, 423, 479, 480
Мейлах Борис Соломонович — 57
Мельницкий-Николаевич Н. Н.— 151
Менделеев Дмитрий Иванович — 482
Менжинский Вячеслав Рудольфович — 100
Меньшиков Михаил Осипович — 113—115, 201
Мередит Джон — 511
Мережковский Дмитрий Сергеевич — 31, 38, 58, 113, 115, 116, 143, 199, 222, 224, 225, 227, 238—240, 268, 305—309, 319—321, 323, 329, 343, 345, 531, 533, 539
Мерич Арсений — см. Даманская А. Ф.
Мертваго Александр Петрович — 227, 299
Метерлинк Морис — 235, 278, 279, 437, 438, 515, 547, 593
Мещерский Владимир Петрович — 104, 113, 114, 342
Мика, слуга Андреева — 317
Микеланджело — см. Буонаротти
Миклашевский Михаил Петрович — см. Неведомский М. П.
Мильтон Джон — 337
Милюков Павел Николаевич — 84, 299, 548
Минин (Захаров-Сухорук) Кузьма Минич — 183
Минский (настоящая фамилия Виленкин) Николай Максимович — 24, 31, 58, 199
Мирбо Октав — 70, 276, 277, 511
Миролюбов (псевдоним Миров) Виктор Сергеевич — 32, 56, 58, 60, 63, 64, 66, 67, 70, 73, 86, 91, 104, 106, 121, 129, 144, 145, 159, 175, 198, 200—203, 209, 222—226, 236, 247, 249, 254, 268, 284, 286, 318, 338, 349, 350, 351, 407, 414, 417, 421, 444, 449, 486, 488, 492,495, 499, 506, 509, 513, 519, 532, 566
Миролюбов (настоящая фамилия Ювачев) Иван Павлович — 129, 130, 134
Миртов О. (настоящая фамилия Котылева Ольга Эммануиловна)— 444
Мистер Рэй — см. Раецкий С. С.
Митрофанов Владимир Павлович — 283, 301
Михайличенко Митрофан Иванович — 398, 520
Михайловский Николай Константинович — 10, 14, 15, 86, 93, 104—106, 114, 116—117, 145—148, 152, 153, 156, 160, 176, 184, 421, 489, 495—496, 499, 560, 564
Мицкевич Сергей Иванович — 268
Мозли Филипп Е.— 8
Молдаванов Н.—157—158
Мольер (Поклен) Жан Батист — 544, 545
Монтолон Тристан — 397
Мопассан Гюи де — 136, 346—348, 350, 351, 373, 397, 447
Морачевский Николай Яковлевич — 88
Моргано Энрико — 295, 296, 428, 429
Мордовцев Даниил Лукич — 73
Морозов Николай Александрович — 442—443
Морозов Савва Тимофеевич — 152, 153, 221, 225, 226, 228, 232, 235, 246, 247, 257, 260, 262, 264, 386, 419, 420, 571, 583
Морозов Сергей Александрович — 482
Морозовы, семья С. Т. Морозова — 264
Москвин Иван Михайлович — 267
Мстиславский (настоящая фамилия Масловский) Сергей Дмитриевич — 349, 350
Муйжель Виктор Васильевич — 8, 288, 289, 295, 464, 522—523, 531
Муравьев Николай Константинович — 110, 112—114
Муратов, товарищ прокурора — 172
Муратова Ксения Дмитриевна — 9—60, 400, 415, 598
Муромцева-Бунина Вера Николаевна — 142, 564, 592
Мускаблит (псевдонимы М—с; Musca) Федор Генрихович — 162
Мусоргский Модест Петрович — 339
Мутер Рихард — 172, 268
Мюр и Мерилиз — 348, 350
Мякотин Венедикт Александрович — 257, 356, 513

Набгольц, фотограф — 237
Надсон Семен Яковлевич — 150, 151, 172
Назаревский Владимир Владимирович — 168, 169
Назарьева (псевдоним Н. Левин) Капитолина Васильевна — 78, 79
Найденов Александр Александрович — 247
Найденов (настоящая фамилия Алексеев) Сергей Александрович — 111, 162, 227, 228, 234, 235, 258, 326, 498

Найденова (рожд. Мальская) Инна Ивановна — 235
Нансен Фритиоф — 76
Наполеон I Бонапарт — 156, 168, 191, 258, 372, 397
Нарбут Владимир Иванович — 322
Наумова Анна Иосифовна — 8, 360, 363, 400, 407, 572
Неведомский (настоящая фамилия Миклашевский) Михаил Петрович — 15, 16, 22, 41, 86, 89, 114, 117, 230, 232, 235, 240, 415, 418, 509
Неверов Александр Сергеевич — 460
Невский Владимир Иванович (настоящая фамилия Кривобоков Феодосий Иванович) — 598
Незлобин (настоящая фамилия Алябьев) Константин Николаевич — 111, 235, 543
Немирович-Данченко Василий Иванович — 10, 73, 97, 98, 179, 220
Немирович-Данченко Владимир Иванович — 8, 33, 35—36, 46, 48, 50, 152, 153, 162, 194, 218, 234, 235, 255, 266, 348, 351, 440, 441, 451, 454, 474, 475, 517, 538, 539, 543—547, 549, 550, 555
Нестор Александр Александрович — 326
Нечаев Сергей Геннадиевич — 381, 397
Никандров (настоящая фамилия Шевцов) Николай Никандрович — 483—485
Никитин А. А. — 549
Никитин Иван Саввич — 259, 261, 471
Никитин Семен Иванович (?) — 323
Никифоров Лев Павлович — 192, 195
Никифорова Людмила Алексеевна — 521
Николаев Николай Ильич 350, 453
Николаевская Мария Александровна — 91
Николай II — 142, 234, 246, 250, 254, 261, 339, 350, 399, 420, 512, 520
Никольский Александр Михайлович — 199
Никон, патриарх — 183
Нинов Александр Александрович — 166
Ниротморцев Михаил Юрьевич — 440
Ницше Фридрих — 88, 89, 114, 116, 117, 136, 195, 197, 395, 486, 489, 509
Новгородцев Павел Иванович — 170, 172, 173
Новик Исаак Данилович — 63, 499, 559, 562
Новиков, домовладелец — 217
Нордман-Северова Наталья Борисовна — 465

Овод — см. Лабуц А. А.
Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич — 67, 274, 277, 344, 353, 356
Овчаренко Александр Иванович — 7, 60, 100
Огуз Мария Григорьевна — 326
Ожешко Элиза — 67
Ожигов Ал.— см. Ашешов Н. П.
Озеров (псевдоним З. Ихоров) Иван Христофорович — 200, 201, 429
Ойама Ивао — 253—255
Оксман Юлиан Григорьевич — 60
Олар Альфонс — 282
Олигер Мария Александровна — 128
Оловеников (псевдоним Свой) Владимир Владимирович — 287
Оль Андрей Андреевич — 304
Оль Римма Николаевна — см. Андреева Р. Н.
Ольденбургский принц Петр Александрович — 90
Ольминский (настоящая фамилия Александров) Михаил Степанович — 539
Омега (настоящая фамилия Розанов Николай Иванович?) — 136
Оранский, принц — 202
Орленев (Орлов) Павел Николаевич — 221
Освальд Вильгельм — 346, 347
Осокин Николай Алексеевич — 86, 89
Острогорский Александр Яковлевич — 247
Острогорский Виктор Петрович — 64, 67
Остроумов Алексей — 369, 397

Павел I — 282
Павленков Флорентий Федорович — 156, 397
Павлов Дмитрий Андреевич — 569
Пализен, владелец бумажных фабрик — 348
Панова Софья Дмитриевна — 397, 493
Пастернак Леонид Осипович — 193
Пастухов Виктор Николаевич — 257
Пастухов Николай Иванович — 257
Пацковская Зинаида Николаевна — 402, 406
Певин Петр Иванович — 113, 317
Певцов Илларион Николаевич — 544
Пелисов Георгий Александрович — 59
Пенчковский Николай Николаевич — 6, 286
Первухин Михаил Константинович — 307
Перельман Михаил Львович — 146
Перепеч Анна Ивановна — 318
Перцов Петр Петрович — 164, 224
Петр—в П.— см. Пильский П. М.
Петров (псевдоним Русский) Григорий Спиридонович — 113, 116
Петров Степан Гаврилович — см. Скиталец С. Г.
Петрова (рожд. Ананьева) Александра Николаевна — 144, 213, 214
Петровская Нина Ивановна — 306
Пешехонов (псевдоним П. Новобранцев) Алексей Васильевич — 257, 464, 466, 512, 513
Пешехонова Антонина Федоровна — 513
Пешков Зиновий Алексеевич (Свердлов Зиновий Михайлович) — 569
Пешков Максим Алексеевич — 175, 222, 513, 526, 565, 566, 577
Пешкова Екатерина Алексеевна — 569
Пешкова (рожд. Волжина) Екатерина Павловна — 7, 8, 56, 60, 75—77, 84, 86, 90, 93, 94, 104, 108, 114, 124, 147, 150, 152, 156, 158, 159, 168, 170, 172, 173, 177, 181—183, 185, 189, 191, 199, 201, 203, 205, 206, 211, 214, 217, 227, 229, 230, 232, 235, 238, 240, 242, 249, 252, 257, 260, 261, 264, 408, 415, 416, 418, 420, 424, 426, 428, 440, 444, 448—450, 451, 454, 506, 509, 510, 512, 513, 521,

546, 548, 554, 560, 561, 565—572, 577, 578, 592
Пешковы, семья А. М. Горького — 94, 577, 578
Пиксанов Николай Кирьякович — 460, 461
Пильский (псевдоним П. Петр—в) Петр Моисеевич — 284—286, 528, 529
Пименова Эмилия Кирилловна — 515
Пирсон Карл — 346, 347
Писарев Дмитрий Иванович — 535, 559
Писемский Алексей Феофилактович — 467
Питалева А. М. — 492
Плеве Вячеслав Константинович — 169, 174, 176, 238, 593
Плеханов (псевдоним Н. Валентинов) Георгий Валентинович—279, 336, 456—458, 554—555, 590
Плещеев Алексей Николаевич — 45 (?), 147
Плотников Владимир Александрович — 72
По Эдгар Аллен — 178, 181, 393, 394, 403
Подарский В. Г. — см. Русанов Николай Сергеевич
Подсосов, домовладелец — 151
Пожарский Дмитрий Михайлович — 183
Познер Соломон Владимирович — 356, 548
Покровский Михаил Николаевич — 92, 426
Полевой Николай Алексеевич — 397
Полех — см. Кошлаков П. Е.
Политцер Ирвинг — 336
Полнер Тихон Иванович — 76, 77
Полонский (настоящая фамилия Гусин) Вячеслав Павлович — 364
Полонский Григорий Яковлевич — 306
Поль Ольга Ивановна — 138, 150
Поляков Сергей Александрович — 199
Поляков (псевдоним Эс Пэ) Соломон Львович — 279, 528
Помялова Александра Ивановна — 461
Помяловский Николай Герасимович — 178, 365, 397, 467
Попов Евгений Иванович — 138
Попов Павел — 338, 339
Попова Ольга Николаевна — 88, 89, 156, 408
Поссе (псевдоним В. П. Вильде) Владимир Александрович — 67, 70, 72, 73, 83, 84, 86, 92—94, 96, 97, 100, 102, 108, 110, 112, 114, 116, 126, 268, 407—409, 411, 426, 566, 584, 597
Потапенко (псевдоним Фингал) Игнатий Николаевич — 240, 335, 465 (?)
Потемкин Александр Борисович (?) — 310, 399, 430, 447
Потемкин Владимир Петрович — 154, 155
Потехин Алексей Антипович — 179
Пришвин Михаил Михайлович — 342
Прокопович Сергей Николаевич — 117
Прокофьев В., сотрудник газ. «Новое время» — 201
Проппер Станислав Максимилианович—73
Протопопов Александр Дмитриевич — 456—458
Протопопов Всеволод Дмитриевич — 408
Протопопов Дмитрий Дмитриевич — 408
Прудон Жозеф — 168
Прусик Боривой — 490, 535
Пуришкевич Владимир Митрофанович — 457
Пухов Юрий Сергеевич — 57, 260, 277
Пушешников Николай Алексеевич — 592
Пушешникова Клавдия Петровна — 7, 592
Пушкин Александр Сергеевич — 76, 142, 172, 183, 224, 226, 265, 266, 339, 366, 368, 369, 372, 380, 384, 397, 402, 476, 480, 484, 556, 560, 564, 574, 575
Пущаровский Михаил Степанович — 67
Пэк — см. Ашкинази В. А.
Пятницкий Константин Петрович — 8, 12, 21, 27, 28, 30, 35, 56, 58, 77, 83—86, 89—92, 94, 96—98, 100, 102, 103, 106, 108, 110, 113, 114, 116—118, 121, 122, 124, 127, 129, 132—137, 140, 141, 143, 147, 148, 150, 151, 153—155, 157—160, 162, 164—166, 168, 169, 176, 177, 181, 185, 189, 198, 199, 203—206, 208, 209, 211, 217, 220, 222, 224, 227, 229, 236, 238—242, 246, 249, 252, 254, 255, 260, 261, 268, 270, 273, 276, 277, 282, 284, 287, 295, 296, 300, 306, 312, 314, 319, 320, 322, 338, 346, 407—424, 426, 428—432, 434—438, 446, 455, 460, 461, 488—490, 492—495, 497—503, 506—514, 516—519, 522—526, 529—531, 534—535, 562, 564, 583, 584

Равашоль Леон Леже (Франц Август Кенигштейн) — 151
Раецкий (псевдоним Мистер Рэй) Савелий Семенович — 447, 457
Распутин Григорий Ефимович — 456, 543
Ратаев (Рихтер) Леонид Александрович — 88
Рахманинов Сергей Васильевич — 111
Ребрик Д. М.— 348
Редько Александр Мефодиевич — 59, 330, 336, 337
Рейнгардт Макс — 262, 264, 514, 516, 543
Рембрандт ван Рейн — 377
Ре-ми — см. Ремизов Н. В.
Ремизов Алексей Михайлович — 96, 336, 337, 350
Ремизов (псевдоним Ре-ми) Николай Васильевич — 211, 445, 545
Репин Илья Ефимович — 7, 79, 158, 257, 261, 263, 281, 345, 349, 367, 375, 427, 465, 533, 584, 586
Рерих Николай Константинович — 305
Рёскин Джон — 195
Решетников Федор Михайлович — 178
Ришар Жан — 282
Рогачевский Василий Львович —см. Львов-Рогачевский В. Л.
Рогожин Н.— см. Андреев П. Н.
Роден Огюст — 511
Родионов И. А.—333, 338
Рождественский Всеволод Александрович — 289, 593—594
Рожков Николай Александрович — 426

Розанов (псевдонимы Орион и В. Варварин) Василий Васильевич — 113, 115, 116, 143, 176, 199, 225, 326, 338, 341, 342, 386, 540
Розинер Александр Евсеевич — 76
Роллан Ромен — 269, 364, 458
Романовы, династия — 275, 282, 335
Ромм Д. М. — 226
Ронигер Эмиль — 458
Ропшин В.— см. Савинков Б. В.
Рославлев Александр Степанович — 55, 284, 286, 337, 338, 390, 399
Россиев (псевдоним Термит) Павел Амплиевич — 323
Ростан Эдмон — 471
Ротенштерн Петр Исаевич — см. Звездич П. И.
Рубинштейн Антон Григорьевич — 189
Рубинштейн Артур Моисеевич — 282
Рубинштейн Борис Николаевич — 348
Рубцов Алексей Борисович — 57, 133
Руднев Владимир Александрович — см. Базаров В. А.
Румянцев М. Х.— 446
Румянцев Николай Александрович — 8, 454
Румянцев Петр Петрович — 57
Русанов (псевдоним В. Г. Подарский) Николай Сергеевич — 156.
Русский — см. Петров Г. С.
Руссо Жан Жак — 333
Рутенберг Петр Моисеевич — 306, 392, 399, 430, 579, 580
Рыдзевский Константин Николаевич — 257
Рэде Иоганн — 88, 136
Рябушинский Николай Павлович — 429
Рябушинский Павел Петрович — 429

С., лицо неустановленное — 412, 413
С. Ф., сотрудник газ. «Биржевые ведомости» — 552
Сааринен Элиэль — 276, 277
Саблин Владимир Михайлович — 93—94, 96—98, 101, 110, 226, 410
Савин Александр Николаевич — 585
Савинков (псевдоним В. Ропшин) Борис Викторович — 332, 337, 343—345, 443
Савицкий Александр Иванович — 46, 328, 404, 451—452
Садовская (рожд. Дубровина) Вера Александровна — 229, 230, 418
Сазонов Егор Сергеевич — 238
Салиас де Турнемир Евгений Андреевич — 73
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — 64, 196, 387
Самойлов Павел Васильевич — 465, 543
Санин Александр Акимович — 442
Сахновский Василий Григорьевич — 50—52, 457
Саянский Леонид Викторович — 335
Светлов (настоящая фамилия Ивченко) Валерьян Яковлевич — 25
Свирская Татьяна Алексеевна — 465
Свирский Алексей Иванович — 465
Святополк-Мирский Петр Дмитриевич — 90, 227, 231, 246, 257, 493
Севастьянов Иван Николаевич — 310, 559, 562—563
Северянин (настоящая фамилия Лотарев) Игорь Васильевич — 551, 552
Седельников Тимофей Иванович — 520
Семевский Василий Иванович — 257, 513, 553
Семенов Леонид Дмитриевич — 288, 289,
Семенов Сергей Терентьевич — 421
Семеновский Дмитрий Николаевич — 288, 597
Сентянин Владимир Егорович — 563
Сентянина (рожд. Семенова) Надежда Алексеевна — 563
Серафимович (настоящая фамилия Попов) Александр Серафимович — 8, 22, 24, 26, 28, 67, 111, 114, 132, 133, 166, 169, 184, 188, 196, 222, 228—230, 233, 236, 238, 239, 241, 247, 249, 287, 292, 295, 300, 305, 307, 310, 429, 434, 460, 507, 509, 513, 518, 519, 522, 523, 575—576
Сервантес де Сааведра Мигель — 69, 122, 369
Сергеев-Ценский Сергей Николаевич — 288, 289, 292, 296, 343, 344, 400, 448, 461, 462, 571, 597
Сергеевич С.— см. Голоушев С. С.
Сергей Александрович в. к.— 108, 111, 142, 195, 250, 252
Сергиевский Иван Васильевич — 289
Серов Валентин Александрович — 277, 290, 291, 404, 449
Серова Ольга Валентиновна — 449
Серовы, семья В. А. Серова — 449
Сибилева (по мужу Паутова) Зинаида Николаевна — 8, 458, 463, 493—494
Сигов А. А.— 406, 451, 452
Сигорский Александр Васильевич — 94
Синезий, епископ Птолемаидский — 369, 397
Синельников Николай Николаевич — 453
Синклер Эптон — 346, 347
Сипягин Дмитрий Сергеевич — 94, 96, 142, 143
Скабичевский Александр Михайлович — 105, 156, 391
Скворцов Василий Михайлович — 239
Скворцов-Степанов Иван Иванович — 92, 426
Скирмунт Сергей Аполлонович — 90, 92, 150, 162, 164—166, 181, 182, 286, 494
Скиталец (настоящая фамилия Петров) Степан Гаврилович — 21, 33, 57, 66, 67, 70, 76—78, 80, 82, 84, 89—92, 96, 111, 121, 122, 127, 131, 132, 137—138, 143, 144, 146, 147, 154, 155, 157, 158, 163—165, 168—172, 176, 179, 183, 184, 199, 209, 211, 213, 214, 220, 221, 227—234, 236, 239, 244, 247, 252, 254, 258, 260, 261, 270—272, 277, 292, 296, 335, 346, 365, 366, 371, 397, 407, 412, 415, 418, 420, 429, 435, 444, 449, 488, 497, 498, 508, 509, 570, 572, 575, 597
Скиф Н.— 156
Скобелев Владислав Петрович — 116
Скриба — см. Соловьев Е. А.
Скуратов Малюта — 151
Слепцов Василий Алексеевич — 467
Случевский Константин Константинович — 73
Слюсарев А. И.— 112

Смирнов (псевдонимы А. Треплев; Аргунин) Александр Александрович — 8, 90, 91, 116, 143, 537, 538, 597
Смирнов Владимир Васильевич — 205
Смирнов И., сотрудник «Весов» — 57
Смирнов Сергей Васильевич — 67
Снегирев Леонтий Федорович — 93, 110, 112, 113
Соболев Юрий Васильевич — 59
Соколов А. С.— 323
Соколов Николай Дмитриевич — 593
Соколов Сергей Иванович — 169
Соколовский Лев Наумович — см. Караваев Н.
Соловцов (Федоров) Николай Николаевич — 550
Соловьев Владимир Сергеевич — 338, 339
Соловьев (псевдонимы Андреевич; Скриба) Евгений Андреевич — 8, 21, 56, 67, 70, 72, 73, 97, 176, 182, 407, 416—417, 500
Сологуб (настоящая фамилия Тетерников) Федор Кузьмич — 8, 30, 36, 43, 48, 58, 112, 116, 284, 286—290, 292, 305, 307, 310, 333, 345, 346, 350, 352, 354—356, 358, 429, 432, 442—444, 455, 540, 546, 548, 549, 552—555, 593
Соломин (настоящая фамилия Стечькин) Сергей Яковлевич — 162
Сомов Константин Андреевич — 288, 289
Сорин Савелий Абрамович — 157, 158, 170, 172
Соснов (настоящая фамилия Соскин) Яков Григорьевич — 277
Соути Роберт — 594
Спадаро Джиованни — 282
Спасская Вера Михайловна — 399
Сперанский Михаил Михайлович — 183
Спиро Сергей Петрович — 217, 337
Средин Леонид Валентинович — 8, 56, 70, 81, 84, 85, 131, 141, 410, 417, 489, 490, 493—495, 576
Средина Софья Петровна — 494, 495
Стааль Алексей Федорович — 192, 195, 200
Станиславский (настоящая фамилия Алексеев) Константин Сергеевич — 46, 138, 140, 162, 235, 266, 424, 475, 479, 480, 482, 544, 545, 568, 581
Станюкович Константин Михайлович — 66
Старк (псевдоним Зигфрид) Эдуард Александрович — 240, 336
Старков В. В.— 461
Стасов Владимир Васильевич — 172, 263, 482
Стендаль (Анри Мари Бейль)— 282, 467
Степанов Николай Александрович — 156
Стессель Анатолий Михайлович — 253, 254
Столица (рожд. Ершова) Любовь Никитична — 268
Столыпин Петр Аркадьевич — 338, 520
Столяров-Суханов С.— 30, 38, 58
Стоян (Чайкин) Варфоломей Андреевич — 248, 249
Стринберг Август — 342, 343
Струве Петр Бернгардович — 115, 117, 261, 338, 350, 554
Суворин (псевдоним Незнакомец) Алексей Сергеевич — 129, 191, 196, 249, 436, 545, 553, 554
Судаков Яков Владимирович — 336
Суинберн Чарлз Алджернон — 511
Сукенников Михаил Александрович — 264
Сулержицкий Леопольд Антонович — 131, 137, 138, 150, 191, 417, 568
Сумбатов Александр Иванович — см. Южин-Сумбатов А. И.
Сургучев Илья Дмитриевич — 345, 347
Суриков Василий Иванович — 485
Сухотин Михаил Сергеевич — 219
Сухотина-Толстая Татьяна Львовна — 138
Сытин Иван Дмитриевич — 79, 82—84, 137, 408—410, 456, 490, 499, 535

Т. А., сотрудник газ. «Новое время»—74
Тагор Рабиндранат — 592
Таиров Александр Яковлевич — 442
Тальников (настоящая фамилия Шпитальников) Давид Лазаревич — 552 (?), 553
Тан-Богораз Владимир Германович — 96, 184, 231, 284, 286, 296, 429, 546
Тарле Евгений Викторович — 96
Татаринова Фанни Карловна — 230, 420
Твен Марк — 262, 264, 272, 273
Телешов Николай Дмитриевич — 33, 66, 67, 73, 76, 82, 83, 97, 103, 105, 108, 110—112, 114, 116, 134, 138, 142, 143, 153, 155, 164, 169, 171, 173, 184, 188, 191, 197, 200, 202, 228—230, 233, 239, 254, 261, 360, 363, 407, 410, 411, 413, 422, 462, 498, 577, 581, 585, 597, 598
Телешова Елена Андреевна — 422, 498
Теляковский Владимир Аркадьевич — 111
Терещенко М. И.— 351
Термит — см. Россиев П. А.
Тесленко Николай Васильевич — 229, 236
Тетерников Федор Кузьмич — см. Сологуб Ф. К.
Тик Людвиг — 439, 440
Тимирязев Клементий Аркадьевич — 484, 485
Тимковский Николай Иванович — 64, 67, 84, 85, 90, 111, 174, 175, 180, 300, 431, 434, 498
Титов Андрей Александрович — 110
Тихонов (псевдоним Н. Серебров) Александр Николаевич — 147, 314, 315, 317, 347, 446, 448, 452, 453, 461, 580, 597
Тихонов Владимир Алексеевич — 326, 335
Токарский Ардалион Ардалионович — 178, 181
Токмаков Иван Федорович — 106, 108
Токмакова (рожд. Теплова) Варвара Ивановна — 108, 143
Толстая (рожд. Берс) Софья Андреевна — 176, 204, 397, 500
Толстая Татьяна Львовна — см. Сухотина-Толстая Т. Л.
Толстой Алексей Николаевич — 50, 195, 322, 343, 344
Толстой Лев Николаевич — 10, 14, 16,

23, 33, 68, 76, 78, 88—90, 106, 108, 110, 114, 117, 123, 127, 129, 131, 132, 136, 138, 160, 162, 176, 195, 196, 218, 219, 242, 252, 258, 260, 289, 298, 310, 323, 330, 332, 333, 336—338, 348, 350, 364, 369, 373, 384, 397, 402—404, 411, 421, 444, 447, 448, 458, 474, 480, 484, 500, 511, 541, 575
Толстые, семья Л. Н. Толстого — 397
Трахтенберг Владимир Осипович — 249, 251
Трачевский Александр Семенович — 156
Треплев А.— см. Смирнов А. А.
Трепов Дмитрий Федорович — 90, 169, 172, 202, 203, 205, 250, 252, 493, 511
Трепов Федор Федорович — 203, 205, 493
Третьяков Григорий Петрович — 72
Тривус Моисей Львович — 597
Троицкий А. Ф., врач — 455
Тройнов Виктор Петрович — 57, 422, 519, 523, 580—583
Тройнова Зинаида Николаевна — см. Андреева З. Н.
Трубников, ген.— 137
Туган-Барановский Михаил Иванович — 117, 261
Тургенев Иван Сергеевич — 66, 116, 127, 398, 467, 528, 540, 559, 560, 564
Тютчев Федор Иванович — 559

Украинка Леся (настоящая фамилия Косач Лариса Петровна) — 67
Ульянова Мария Ильинична — 432
Ульянова-Елизарова Анна Ильинична — 232, 432
Уманьский А.— см. Дробыш-Дробышевский А. А.
Урусов Александр Иванович — 162
Успенский Глеб Иванович — 67—68, 471, 535
Успенский Николай Васильевич — 178
Уфимцев Анатолий Георгиевич — 46, 132, 266, 388, 399
Уфимцева В.— 399
Уханов Иван Петрович — 59
Ухмылова Татьяна Константиновна — 495

Фальборк Генрих Адольфович — 408
Фальковский Федор Николаевич — 321, 465, 594—597
Фарбер Леонид Моисеевич — 101, 151
Фарнезе (итальянский княжеский род) — 280, 282
Фатов Николай Николаевич — 132—133, 406, 411, 458—461, 493, 563, 598
Федин Константин Александрович — 288
Федоров Александр Митрофанович — 335
Федотов — 242
Фейгин (псевдоним Ф — ин) Яков Александрович — 69, 70, 82, 85, 88, 101, 102, 114, 121, 123, 129, 154, 480
Фельдман Вильгельм — 8, 424
Феофилактов Николай Петрович — 309, 311
Фердинанд Бомба — 388
Фет Афанасий Афанасьевич — 559
Фивейский Василий Михайлович — 148
Фивейский Михаил Михайлович — 569, 570
Фигнер Николай Николаевич — 574, 575
Фидели (псевдоним Кока) Николай Игнатьевич — 199
Фидлер Федор Федорович — 494, 535
Фиельд, дачевладелец — 284
Филиппов Алексей Фролович — 86, 87
Философов Дмитрий Владимирович — 23—25, 31, 32, 57, 58, 224, 238, 239, 295, 311, 332, 337, 531, 532
Ф — ин Я. А.— см. Фейгин Я. А.
Фишер К., фотограф — 33
Флей, владелец кондитерской фабрики — 413
Флексер Аким Львович — см. Волынский А. Л.
Флеров Николай Михайлович — 189
Флобер Гюстав — 21, 282, 391, 467
Фофанов Константин Михайлович — 66, 178
Франк Семен Людвигович — 231, 338, 509
Франко Иван Яковлевич — 67
Франс Анатоль — 511
Фруг Семен Григорьевич — 346
Фуллон, штабс-ротмистр — 419
Фумико Хаяси — 572

Халатов Артемий Баградович — 462
Хампден (Гемпден) Джон — 583, 585
Харламов Андрей Петрович — 128
Хаш Марк — см. Маркхэм Эдвин
Хвостов Вениамин Михайлович — 311
Хитрово Лев Аркадьевич — 498
Ходасевич Владислав Фелицианович — 8, 458—460
Ходотов Николай Николаевич — 345, 346, 449
Ходский Леонид Владимирович — 231, 232
Храбровицкий Александр Вениаминович — 189

Цвейг Стефан — 363
Цветаева Марина Ивановна — 322
Цейтлин Натан Сергеевич — 312, 319, 322, 348, 434, 446, 526, 534, 535
Цинговатов Алексей Яковлевич — 288
Цитрон (псевдоним А. Львович) Александр Львович — 162, 266, 531—532
Цыцарин Василий Сергеевич — 597

Чаговец Всеволод Андреевич — 350, 453
Чапыгин Алексей Павлович — 67
Чарский Владимир Васильевич — 45
Чарский (настоящая фамилия Ананьин) Евгений А.— 336
Чеберяк Вера — 455
Чеботаревская Анастасия Николаевна — 48, 284, 286, 347, 444, 455, 553, 554, 593
Чегодаев И.— 52
Челлини Бенвенутто — 114
Чемоданов (псевдоним Червь) Михаил Михайлович — 225
Чепцов Ефим Михайлович — 350
Червь — см. Чемоданов М. М.
Черемнов Александр Сергеевич — 453
Черинов Михаил Петрович — 85, 487, 492
Чернов (псевдоним Я. Вечев) Виктор Михайлович — 64, 318, 349, 350

Черный Саша (настоящая фамилия Гликберг Александр Михайлович) — 344
Чернышевский Николай Гаврилович — 256, 489
Чертков Владимир Григорьевич — 336, 397
Чехов Антон Павлович — 10, 13, 14, 21, 33, 39, 56, 63, 66, 67, 70, 74, 79, 84, 96—98, 100, 105, 111, 112, 124, 127, 132, 138, 146, 152, 153, 156, 172, 183, 188, 198, 199, 201, 209, 210, 214, 217, 218, 221, 227, 228, 243, 253, 254, 286, 400, 409, 410, 452, 458, 472—476, 479, 489, 495, 496, 500, 504, 505, 508, 509, 530, 531, 533—535, 544, 545, 575
Чеховский Василий Григорьевич — 27, 561
Чешихин Василий Евграфович — см. Ветринский Ч.
Чириков Евгений Николаевич — 8, 14, 24, 33, 50, 58, 59, 66, 67, 80—81, 83, 93, 96, 97, 111, 113, 114, 116, 118, 162, 164, 169, 183, 184, 201—203, 205, 206, 221, 227—229, 231, 232, 235, 245, 254, 285, 287, 292, 295, 296, 326, 345, 351, 407, 409—411, 414, 429, 434, 437, 465, 509, 521—522
Чириков Модест Николаевич — 203
Чирикова, мать Е. Н. Чирикова — 203
Читатель, сотрудник газ. «Одесские новости» — 543
Чуваков Вадим Никитич — 8, 206, 471, 571
Чуйко Н., переводчик — 254
Чуковский Корней Иванович — 24, 35, 36, 58, 164, 172, 279, 284, 286, 306, 336, 344, 363, 556, 597, 598
Чулков Георгий Иванович — 8, 26, 199, 224, 270, 277, 289, 318, 320—321, 363, 422, 423, 438, 461, 514, 517, 523, 556, 598
Чулков, домовладелец — 300
Чхеидзе Николай Семенович — 554, 555
Чхенкели Ананий Иванович — 554, 555

Шаврова-Юст Елена Михайловна — 342
Шаляпин Федор Иванович — 33, 47, 93, 94, 103, 108, 110—112, 128, 143, 144, 159, 162—167, 175, 176, 179, 181, 189, 194, 195, 220, 254, 301, 338, 339, 341, 387, 415, 416, 434, 449, 472, 483—485, 494, 498, 574, 584
Шанцлер Виргилий Леонович — 92
Шаумян Степан Григорьевич — 48, 160
Шаховской Николай Владимирович — 139, 140
Шебуев Николай Георгиевич — 168, 206, 277, 482
Шевченко Тарас Григорьевич — 168, 230, 575
Шейдеман Филипп — 555
Шекспир Вильям — 66, 69, 99, 117, 126, 191, 192, 194, 298, 369, 393, 442, 510, 546
Шелдон — 116
Шелли Перси Биши — 268
Шемелова М. И. — 111
Шерер, фотограф — 237
Шерлинг Мирон Абрамович — 357
Шестов (настоящая фамилия Шварцман) Лев Исакович — 114, 117, 349, 350
Шехтель Франц Осипович — 162, 238, 239
Шиллер Фридрих Иоганн Кристофор — 126, 370, 455
Шильдкраут, немецкий актер — 267
Шингарев Андрей Иванович — 356
Ширванзаде (настоящая фамилия Мовсесян) Александр Минасович — 52
Шишков Вячеслав Яковлевич — 49
Шкляр Николай Григорьевич — 134
Шмелев Иван Сергеевич — 8, 52, 60, 343, 344, 360, 443, 538, 546—547
Шмель — см. Косоротов А. И.
Шмитгоф Николай Максимилианович — 250
Шницлер Артур — 70
Шольц Август (Шефер Томас) — 12, 103, 108, 159, 255, 494, 583—586
Шопенгауэр Артур — 17, 123, 218, 219, 380, 402, 406, 455
Штейнберг Валентин Августович — 425
Штейниц Гуго — 88, 144
Штерн Л. — 264
Штюрмер Зинаида Федоровна — 569
Штюрмер Наталья Ричардовна — 569
Штюрмер Ричард Андреевич — 569
Штюрмер Юрий Ричардович — 569
Шубин-Поздеев Николай Дмитриевич — 466 (?)
Шулятиков (псевдоним В. Ш.) Владимир Михайлович — 104, 105, 489, 494
Шустов Николай Иванович — 181, 190, 419, 420, 513

Щапов Афанасий Прокопьевич — 391, 399
Щеголев Павел Елисеевич — 117
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна — 184, 471
Щигров Василий (настоящая фамилия Щиглев Владимир Романович) — 176
Ширина Слава Владимировна — 203

Эден ван Фредерик — 346—347
Эллис (настоящая фамилия Кобылинский Лев Львович) — 58, 309, 311
Эмар Густав — 403
Энгельгардт Николай Александрович — 190, 191
Энгельс Фридрих — 397
Эрастов Георгий Павлович — 191, 429
Эрве Густав — 547
Эренбург Илья Григорьевич — 322
Эрнст Сергей Ростиславович — 172
Эс Пэ — см. Поляков С. Л.
Эсхил — 298
Эфрос Наталья Давыдовна — 8
Эфрос Николай Ефимович — 195

Ю. А. — см. Айхенвальд Ю. И.
Южин-Сумбатов Александр Иванович — 162, 310, 348
Юренева Вера Леонидовна — 544
Юрицын Сергей Петрович — 232
Юшкевич П., переводчик — 347
Юшкевич Семен Соломонович — 15, 56, 66, 111, 205, 206, 231, 236, 238, 258, 261, 270, 296, 354, 414, 442, 446, 508

Яблоновский Александр Александрович — 464, 466

Яблоновский (настоящая фамилия Потресов) Сергей Викторович — 238
Яковлев К. А.— 230
Якубов (сценич. псевдоним Нароков) Михаил Семенович — 166, 168, 570
Якубович Петр Филиппович — 388
Янсон Анна Яковлевна — 425
Янсон-Браун Ян Эрнестович — 54, 274, 276, 425
Ярков (настоящая фамилия Поярков) Николай Ефимович — 222
Яровицкий (псевдонимы А. Корнев; А. Я — ий) Алексей Васильевич — 91, 101, 107, 123, 124
Ярославский Емельян (настоящая фамилия Губельман Миней Израилевич)— 100
Ярцев Григорий Федорович — 108
Ярцев Петр Михайлович — 235, 255
Ясинский (псевдонимы Максим Белинский; Чуносов; Независимый) Иероним Иеронимович — 73, 319—322, 332, 339, 488
Яхненко, дачевладелец — 64
Bride Robert — 400
Hicks Lila — 400
Musca — см. Мускаблит Ф. Г.
Observator (настоящая фамилия Грушевский Михаил Сергеевич) — 156
Prusik Bořivoy — см. Прусик Боривой
S., сотрудник газ. «Руль» — 91
Weston Lydia — 358
Yerschov Peter — 358

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЬКОГО

Составила Е. М. Львова

〈А. Н. Алексин〉 — 143
〈А. П. Чехов〉 — 240
«Артист». Неосуществленный замысел рассказа — 298, 299

«Беглые заметки» — 116, 172, 268
«Безумцы». Неосуществленный замысел пьесы — 282
«Беседа с молодыми» — 467—468
«Библиографическая заметка» — 66
«Бывшие люди» — 117, 158, 437

«В Америке» — 57
«В ширь пошло» — 316, 317
«Весенние мелодии» — 88, 89, 95. См. также «Песня о Буревестнике»
«Вильгельм» — 520
«Возвращение норманнов из Англии»— 455
〈Воспоминания о Блоке〉 — 221
〈Воспоминания о Леониде Андрееве〉 — см. «Леонид Андреев»
〈Воспоминания о Сулержицком〉 — 138
〈Воспоминания о Чехове〉 — см. 〈А. П. Чехов〉
〈Воспоминания об Алексине〉 — см. 〈А. Н. Алексин〉
〈Воспоминания об Анненском〉 — см. 〈Н. Ф. Анненский〉
«Враги» — 23, 25, 280, 295, 520, 529
«Время Короленко» — 455
«Время от времени — и все чаще!..» Статья — 548

«Голубая жизнь» — 143

«Дачники» — 39, 190, 191, 206, 208, 210, 211, 227, 232, 235, 238—240, 338, 339, 510, 512, 513
«Два купца» — 221
«Две души» — 49
«Дети солнца» — 28, 35, 53, 259, 261, 263, 422, 511, 513—517, 582, 583
«Детство» — 52
«Дружки» — 158

«Еще о чёрте» — 240
«Еще поэт. Федор Сологуб. Книга первая». 〈Рецензия〉 — 116
«Еще раз о „карамазовщине“» — 46, 545

«Жалобы» — 191, 318
«Жид» — 100
«Жизнь Клима Самгина. (Сорок лет)»— 54, 60, 140, 466
«Жизнь ненужного человека» (первоначальное название «Шпион»)— 43, 53, 280, 282, 298—299, 425
«Жрец морали» — 520

«Заключительная речь» 〈на I всесоюзном съезде советских писателей〉 — 468
«Заметки о литературе и языке» — 466
«Заметки о мещанстве» — 23, 484, 485
«Записки пролетария». Неосуществленный замысел — 248, 249
«Записная книжка № 1» — 464
«Злодеи» (другие названия: «История одного преступления»; «Преступники»)— 102, 110, 116, 410
«Зыковы» — 539

«Иван Вольнов» — 344
«Из дневника» — 221
«Из старых записей» — 464, 466
«Издалека» — 43—44, 347, 444
«Исповедь» — 53, 531
«История одного преступления» — см. «Злодеи»
«История русской литературы» — 439

〈Комедия о Павле I. Неосуществленный замысел〉 — 282
«Коновалов» — 116
«Король республики» — 520

«Лекции по истории русской литературы» — см. «История русской литературы»
«Леонид Андреев» 〈Воспоминания〉 —7—9, 26, 28, 45, 46, 52, 55—58, 63, 363—399, 458, 555, 568, 571
«Леонид Красин» — 143, 364, 462
«Лето» — 23, 42

«Макар Чудра» — 67
«Мальва» — 117, 489
«Мальчик» — 548
«Мать» — 23, 29—31, 44, 280, 282, 295, 426, 428, 526, 531
«Мещане» — 8, 10, 12, 97, 98, 102, 128, 137, 139, 140, 147, 151, 152, 160, 162, 164, 202, 206, 218, 471, 475—478, 480, 481, 493, 496, 497
«Мои интервью» — 57
«Мои университеты» — 560, 564
«Моим клеветникам» — 282

«Мой спутник» — 100

«Н. Г. Гарин-Михайловский» — 462
«Н. Е. Каронин-Петропавловский»— 464
«Н. Ф. Анненский» — 184
«На дне» — 10, 128, 138, 140, 148, 153, 160, 162, 166, 168, 176, 179, 181, 206, 218, 226, 262, 264, 267, 351, 417, 481, 482, 495—498, 500, 501, 514—516, 554, 564
«Не давайте денег русскому правительству». Воззвание — 335
Некролог на смерть Стринберга — 342
«Несвоевременное» — 48, 49, 60, 454
«Норманны». Незавершенная драма — 455

«О вреде философии» — 117
«О Гарине-Михайловском»— см. «Н. Г. Гарин-Михайловский»
«О карамазовщине» — 46, 538—539
«О мещанстве» — 466—467
«О Михайловском» — 117
«О писателе, который зазнался» — 144
«О писателях-самоучках» — 446—447
«О пользе грамотности» — 64
«О русской интеллигенции и национальных вопросах» — 350
«О современности» — 43, 59, 321, 333, 334, 337—340, 444, 536
«О творчестве Леонида Андреева. „Сашка Жегулев“»— см. Предисловие к роману Андреева «Сашка Жегулев»
«О том, как я учился писать» — 282, 342
«О Финляндии» — 273
«О футуризме» — 273, 552
«О цинизме» — 306—307, 543
«Один из королей республики» — 270, 271
«Открытое письмо в редакцию газеты „День“» — 458
«Открытое письмо в редакцию „С.-Петербургских ведомостей“» — 106

«П. В. Безобразов. О современном разврате». ⟨Рецензия⟩ — 97
«Памяти В. И. Семевского» — 553
«Песня о Буревестнике» — 10, 23, 26, 67, 87—89, 169
«Песня о Соколе» — 89, 100, 339, 516
«Письма к читателю» — 49—50
«Письмо Анатолю Франсу» — 335
«Письмо в редакцию газеты „Наша жизнь“» ⟨о постановке «Дачников» МХАТ'ом⟩—232
«Письмо в редакцию газеты „Северный курьер“» — 74
«Письмо в редакцию газеты „Berliner Tageblatt“» — 512
«Письмо в редакцию „Журнала для всех“»— 222
«Письмо учредителям „Интернациональной лиги“» — 347

«По поводу»—268
«По поводу московских событий» — 54
«По поводу одной анкеты»—548
«По Руси» — 48
«По Союзу Советов» — 399
«Погром» — 155
«Поль Верлен и декаденты» — 289
Предисловие к воспоминаниям Шаляпина — 484—485
Предисловие к роману Андреева «Сашка Жегулев» ⟨О творчестве Леонида Андреева. „Сашка Жегулев“⟩ — 8, 45, 54, 56, 400—406, 452, 461, 466
«Прекрасная Франция» — 270, 271, 276, 277, 282, 520
«Преступники» — см. «Злодеи»
«Программа Интернациональной лиги»— 347
«Проходимец» — 158

«Разрушение личности» — 38, 42—43, 342, 438, 439, 444, 534, 535
«Рак». Неосуществленный замысел пьесы. Шуточное название — 455
«Рассказ Филиппа Васильевича» — 228
«Рождение человека. (Из воспоминаний „проходящего“)» — 343, 344
«Русский царь» — 273, 520

«Савва Морозов» — 221
«Сказка» — 36, 43
«Сказки об Италии» — 23, 48
«Скуки ради» — 116
«Солдаты» — 591
«Старик» — 53
«Старуха Изергиль» — 100, 158, 267
«Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова». ⟨Рецензия⟩ — 87, 575
«Сын». Неосуществленный замысел романа — 47

«Тоска» — 116
«Трое» — 13, 17, 81, 87, 101, 102, 118, 121, 122, 126, 129, 132, 584
«Тюрьма» — 29, 57, 228, 248, 249, 258

«Фальшивая монета» — 53
«Федор Дядин» — 591
«Фома Гордеев» — 10, 126, 127, 471, 489

«Хозяева жизни» — 520

«Челкаш» — 93, 117
«Человек» — 12, 15, 35, 72, 111, 208, 209, 221, 528
«Читатель» — 10, 78, 79
«Чудовище» — 217
«Чужие люди» — 17

«Шпион» — см. «Жизнь ненужного человека»

«Ярмарка в Голтве» — 117

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. АНДРЕЕВА

Составила Е. М. Львова

Автобиографическая справка «Первые литературные шаги» — 446, 494
«Автобиография» — 76. См. также «Из автобиографии» и «Из моей жизни»
«Агасфер» («Вечный жид»). Неосуществленный замысел пьесы — 218 (?), 219, 453
«Актер» — 475
«Алеша-дурачок» — 64
«Анатэма» — 34, 45, 47, 54, 58, 98, 140, 351, 425, 440—443, 540—543, 574, 593
«Ангелочек» — 69, 70, 94, 283
«Анфиса» — 48, 351, 425
«Арабажин в Афинах. Полная невозможность в трех отдельных невозможностях»— 338
«Астроном» — 210, 211, 213, 214, 218, 507

«Баргамот и Гараська» — 10, 12, 49, 51, 63, 66, 67, 69, 71—73, 365, 371, 381, 407, 410, 411, 447, 495, 536, 539, 562, 566
«Бездна» — 113, 121—123, 126, 129, 130, 132—137, 158, 160, 162, 176, 185, 204, 382, 397, 398, 411, 412, 430, 458, 460, 492, 574, 576, 577, 593, 595, 596
«Бен-Товит» — 212 (?), 213, 228, 256, 257
«Бог, дьявол и человек». Неосуществленный замысел драмы — 273
«Бог отмщения» — см. «Губернатор»
«Большой шлем» — 15, 69, 94, 122, 155, 212
«Брат и сестра» (другое название: «Закон и люди») — 104, 105, 175, 176, 218, 372, 397, 496, 497, 501
«Бунт на корабле» — 15, 56, 118, 121, 129, 130, 133, 134, 170, 173, 183, 206, 217, 218, 411, 413, 503
«Буяниха» — 106, 154, 155

«В подвале» — 123, 126, 130, 132—134, 140
«В Сабурове» — 63, 72, 73, 410, 411
«В сей грозный час»— 286
«В темную даль» — 13, 14, 36, 82—84, 87, 94, 97, 104, 113, 126, 127, 185
«В тумане» — 66, 67, 156, 159, 162, 174—176, 184, 197, 497, 499, 500
«В холоде и золоте» — 67
«Валя» — 66, 94, 421
«Великан» — 435
«Весенние обещания» — 466
«Весной» — 144, 397, 555
«Вечный жид» — см. «Агасфер»
«Война» — см. «Красный смех»
«Война». Неосуществленный замысел драмы — 273
«Волга и Кама» — 155
«Вор» — 228, 247—249, 509
«Воскресение всех мертвых» — 350
«Впечатления» — 8, 66—67, 74, 100, 102, 104, 110, 112, 160, 471—474, 562
«Всероссийское вранье» — 410

«Горе побежденным» — 52
«Город» — 562
«Губернатор» (первое название «Бог отмщения») — 41, 230, 252, 254, 421

«День гнева» — 42, 444—445
«Диссонанс» — 480
Дневники — 18—20, 63, 69, 462—463, 494
«Дни нашей жизни» (первоначальное название «Любовь студента») — 78, 92, 128, 133, 432, 438—440, 524, 526, 532, 564

«Еврей» — см. «Агасфер»
«Екатерина Ивановна» — 48, 98, 111, 163, 348, 350, 351, 452—454, 544
«Елеазар» — 31, 46, 219, 273, 274, 280, 282, 292, 295, 423, 424

«Жизнь Василия Фивейского» — 15—17, 22, 28, 32, 40, 41, 111, 143—148, 156, 177, 178, 181, 184, 185, 194, 205, 206, 209, 210, 212, 247, 270, 351, 359, 397, 415, 460, 462, 498, 503, 506, 507, 528, 529, 578
«Жизнь человека» — 31, 32, 34—36, 46, 58, 111, 133, 138, 140, 184, 273, 274, 276, 278, 279, 283, 284, 286, 287, 292, 295, 297, 299, 300, 310, 311, 336, 393, 395, 422, 423, 431, 433—435, 437, 445, 447, 524, 525, 532, 545, 564, 572, 593
«Жили-были» — 14, 56, 84, 85, 94, 104, 105, 112, 122, 155, 212, 351, 421, 532

«За полгода до смерти» — 448
«Загадка» — 67, 559
«Закон и люди» — см. «Брат и сестра»
«Заметка» (против недопустимых приемов газетной полемики) — 105
«Защита. История одного дня» — 64
«Знаменательный юбилей» — 84

«Иван Иванович» — 67
«Из автобиографии» — 490, 535

«Из глубины веков» (другие названия: «Царь», «Навуходоносор») — 17, 21, 22, 48, 56, 204—206, 208—210, 214, 217, 248, 253, 295, 298, 437, 508
«Из зала суда» — 63
«Из жизни штабс-капитана Каблукова» — 63, 64, 70, 72, 73
«Из моей жизни» — 414, 499
«Из письма» — 336
«Из рассказа, который никогда не будет окончен» — 39, 300, 387, 398
«Иностранец» — 14, 93, 170, 203, 414, 421, 500
«Ипатов» — 84
«Иуда Искариот» — 43, 53, 55, 274, 307, 310, 333, 334, 338, 340, 390, 391, 424—426, 428, 434, 522, 523, 525, 536, 566, 572

«К звездам» — 28, 29, 31, 35, 36, 43, 53, 58, 59, 213, 244, 274, 277, 279, 284, 287, 351, 422, 423, 518, 580—583
«К моему отказу от сотрудничества в „Современном мире“» — 553
«К солдату» — 580
«Книга» — 121, 172
«Король, закон и свобода» — 354, 547
«Красный смех. Отрывки из найденной рукописи» — 21—23, 28, 39, 57, 59, 78, 219, 220, 227, 228, 233, 235—236, 238, 239, 241—247, 253, 255, 270, 292, 351, 416, 418, 460, 462, 467, 512, 513, 518, 547, 574, 580, 583
«Курносый» — см. «В Сабурове»
«Кусака» — 66, 123, 134, 527, 568

«„Летопись“ и мемуары Шаляпина» — 8, 47, 472, 483—485
«Ложь» — 15, 94, 106, 121
«Любовь к ближнему» — 54, 103, 390, 440
«Любовь студента» — см. «Дни нашей жизни»
«Люди теневой стороны» — 373, 397

«Марсельеза» — 227, 228, 387, 398
«Мать» — см. «Валя»
«Мелочи жизни» — см. «Москва. Мелочи жизни»
«Мельком» — 228
«Мир и война». Неосуществленный замысел драмы — 310
«Младость» — 112, 279, 555
«Мои записки» — 42, 53, 112, 318—320, 322, 330, 333, 340, 390, 438, 439, 450
«Молодежь» — 64
«Молчание» — 66, 73, 94, 111, 488, 585
«Монумент» — 103
«Москва. Мелочи жизни» — 8, 92—93, 111, 136, 140, 143, 154, 155, 232, 471, 474—483, 562
«Москва. Мелочи жизни» ⟨о постановке „Мещан“ Горького⟩ — 8, 140, 232, 475—480
«Мысль» — 15, 98, 101, 106, 110, 118, 121, 130, 133, 134, 143, 145—147, 149—151, 154, 156, 158, 381, 382, 411, 413
«Мысль». Драма — 359, 545—546

«На реке» — 66, 94, 96, 97, 421, 486
«На станции» — 172, 227, 228
«На юге» — 144
«Набат» — 13, 15, 113, 114, 116, 118, 121, 126, 129, 130, 132—134, 156, 387, 398, 411, 568, 569, 585
«Навуходоносор» — см. «Из глубины веков»
«Надсон и наше время. (К 30-летию со дня кончины)» — 151
«Не убий» — 540, 543
Некролог Л. А. Сулержицкого — 138
Некролог Я. А. Фейгина — 70
«Нет прощения» — 169
«Ночь» — см. «Тьма»

«О „Двух душах“ Горького» — 49, 321
«О казнях. (Из частного письма)» — 310
«О писателе» — 68, 217, 373, 397, 483
«Океан» — 34, 39, 330, 336, 337, 390, 425
«Он, она и водка» — 67, 559, 563
«Оригинальный человек» — 163, 190, 191, 227, 228
«Освобождение. (Письма о войне)» — 49, 454—455
«Отец Василий» — см. «Жизнь Василия Фивейского»
«Открытое письмо гг. членам Государственной думы» — 457

«Палачи» — 276, 277 (?)
«Памяти Владимира Мазурина. Из частного письма» — 39, 276—277
«Памятник» — 63, 76
«Первая ступень» — 548
«Петька на даче» — 64, 66, 126, 132—135, 140, 585
«Письма о войне» — см. «Освобождение. (Письма о войне)»
«Письмо в редакцию» ⟨по поводу устройства вечера памяти Толстого⟩ — 337
«Письмо в редакцию „Биржевых ведомостей“» — 360
«Письмо в редакцию газеты „Курьер“» — 136
«Письмо в редакцию газеты „Речь“» — 155
«Письмо в редакцию „Журнала для всех“» — 222
«Письмо о театре» (первое) — 544
«Письмо о театре» (второе) — 544, 545
«Покой» — 84
«Похороны» — 326
«Правила добра» — 84
«Праздник и будни в суде» — 63
«Предстояла кража» — 175
«Прекрасные сабинянки» — 84, 103, 545
«Призраки» — 228, 230, 232, 234, 382, 418, 421
«Проклятие зверя» — 29, 214, 283, 302, 304, 428, 430, 431, 524
«Профессор Сторицын» — 348, 350, 351, 454
«Пусть не молчат поэты» — 48, 49, 553
«Путевые впечатления.— Рига.— Балтийское море» — 93

«Раненый» — 548
«Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы» — 447
«Рассказ о нитшеньянце» — см. «Рассказ о Сергее Петровиче»
«Рассказ о семи повешенных» — 34, 39,

42, 59, 76, 112, 307, 310, 311, 330, 336, 345, 349, 351, 406, 432, 437—439, 452, 460, 467
«Рассказ о Сергее Петровиче» — 69, 70, 72, 73, 94, 96, 122, 486, 532, 568
«Революция». Неосуществленный замысел драмы — 273, 308, 310
Речь о Толстом — 448
«Русский человек и знаменитость» — 474

«Савва» — 13, 26, 28, 35, 40, 46, 55, 128, 132, 265, 266, 270, 274, 277, 284, 287, 307, 311, 388, 399, 422—423, 517, 518, 580
«Самсон в оковах» — 358—359, 547
«Сашка Жегулев» — 7, 34, 40—47, 54, 56, 59, 322, 323, 326—328, 330, 336, 337, 343, 390, 399, 450—453, 461, 467, 536
«Сила воли» — 413
«Слово о Сербии» — 455
«Случай» — 64, 66, 123
«Смех» — 126, 130, 132—134, 568, 569
«Собачий вальс» — 544
«Старый студент». Незаконченный рассказ — 121, 129, 130, 133, 134, 411
«Стена» — 15, 93, 98, 106, 114, 121, 126, 130, 132, 134, 135, 382, 410, 412, 492, 576, 593
«Сын Человеческий» — 111, 397, 540, 543

«Так было» — 29, 41, 386, 387, 398
«Тенор» — 16, 38, 59, 143, 144, 154—159, 383, 398
«Тот, кто получает пощечины» — 106
«Три ночи» — 350
«Тьма» — 37, 38, 46, 295, 296, 300, 302, 305—307, 310, 318, 319, 322, 330, 333, 340, 390, 392, 428, 430—432, 434, 438, 439, 444, 525

«У окна» — 94, 122
«Увы». Незаконченная комедия — 390—391

Фельетон о проезде Горького мимо Москвы (не сохранился) — 471

«Христиане» — 32, 66, 421, 579

«Царь» — см. «Из глубины веков»
«Царь-Голод» — 34, 37, 39, 244, 273, 274, 289, 295, 296, 300, 302, 307—311, 330, 336, 428, 431, 432, 434, 435, 447, 524, 525, 530, 547, 574, 580, 595
«Цензура» — 471

«Гг. Чаговцу, Н. Николаеву и Бикману». Открытое письмо — 350, 453
«Человек и смех» — 112
«Черные маски» — 34, 311, 330, 336, 351, 390, 391, 440, 532, 533 (?), 540, 574
«Чудак» — 67, 559
«Чудо». Замысел рассказа — 130—131, 218

«Gaudeamus» — 34, 144, 350, 411, 425

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ
Статья К. Д. Муратовой 9

ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО И АНДРЕЕВА
(1899—1916)

Комментарии В. Н. Чувакова

1899

1. ГОРЬКИЙ — Н. П. АШЕШОВУ ‹НАЧАЛО АПРЕЛЯ› 63
2. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹14 АПРЕЛЯ› 64
3. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...25 АПРЕЛЯ› 64

1900

4. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹2...4 АПРЕЛЯ› 69
5. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹12...15 АВГУСТА› 70
6. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹16...18 АВГУСТА› 72
7. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹21...25 АВГУСТА› 72
8. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹4 СЕНТЯБРЯ› 73
9. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹4 СЕНТЯБРЯ› 73
10. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹16...18 НОЯБРЯ› 73
11. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹1...5 ДЕКАБРЯ› 74
12. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹14...16 ДЕКАБРЯ› 76
13. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 18 ДЕКАБРЯ 77
14. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...22 ДЕКАБРЯ› 80

1901

15. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹26...31 ЯНВАРЯ› 82
16. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹26...31 ЯНВАРЯ› 82
17. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹1...3 ФЕВРАЛЯ› 84
18. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹5...10 ФЕВРАЛЯ› 85
19. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹1 МАРТА› 85
20. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹5...7 МАРТА› 85
21. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹25 МАРТА› 86
22. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹НАЧАЛО АПРЕЛЯ› 87
23. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹21 МАЯ› 89
24. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹5...10 СЕНТЯБРЯ› 93
25. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...24 СЕНТЯБРЯ› 94
26. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹25...27 СЕНТЯБРЯ› 96
27. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹1...2 ОКТЯБРЯ› 97
28. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹5...10 ОКТЯБРЯ› 99
29. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹25 ОКТЯБРЯ› 100
30. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹27...29 ОКТЯБРЯ› 101
31. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 31 ОКТЯБРЯ 103
32. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...21 НОЯБРЯ› 106
33. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 24 НОЯБРЯ 108

34. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹2...4 ДЕКАБРЯ› 113
35. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 10 И 17 ДЕКАБРЯ 117
36. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹23 ДЕКАБРЯ› 121
37. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹26...28 ДЕКАБРЯ› 123
38. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 30 ДЕКАБРЯ 124

1902

39. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 4 ЯНВАРЯ 128
40. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹7...9 ЯНВАРЯ› 128
41. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 7 И 12 ЯНВАРЯ 129
42. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹13...15 ЯНВАРЯ› 133
43. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹16...18 ЯНВАРЯ› 134
44. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 19 ЯНВАРЯ 134
45. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹23...27 ЯНВАРЯ› 136
46. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹1 ФЕВРАЛЯ› 138
47. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 8 ФЕВРАЛЯ 139
48. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 10 ФЕВРАЛЯ 140
49. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 16 ФЕВРАЛЯ 142
50. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...21 ФЕВРАЛЯ› 142
51. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 10 АПРЕЛЯ 143
52. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹10...15 АПРЕЛЯ› 144
53. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 14 АПРЕЛЯ 145
54. ГОРЬКИЙ И СКИТАЛЕЦ — АНДРЕЕВУ ‹17 АПРЕЛЯ› 146
55. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹18...20 АПРЕЛЯ› 146
56. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹26...30 АПРЕЛЯ› 147
57. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹9...10 МАЯ› 148
58. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹12...18 МАЯ› 148
59. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 20 МАЯ 148
60. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹27...28 МАЯ› 150
61. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹1...7 ИЮНЯ› 151
62. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹24...26 ИЮЛЯ› 154
63. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹27...29 ИЮЛЯ› 154
64. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹1...2 АВГУСТА› 155
65. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹3...4 АВГУСТА› 157
66. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹10...15 АВГУСТА› 158
67. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹29—31 АВГУСТА› 158
68. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 2 СЕНТЯБРЯ 160
69. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹6 СЕНТЯБРЯ› 162
70. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹7 СЕНТЯБРЯ› 162
71. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹25...27 ОКТЯБРЯ› 163
72. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹1 или 4 НОЯБРЯ› 164
73. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹15...18 НОЯБРЯ› 164
74. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 28 НОЯБРЯ 165
75. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹3 ДЕКАБРЯ› 165
76. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹26...27 ДЕКАБРЯ› 166
77. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹26...28 ДЕКАБРЯ› 166

1903

78. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹1...3 ЯНВАРЯ› 170
79. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹6...8 ЯНВАРЯ› 173
80. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹9...13 ЯНВАРЯ› 177
81. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 25 ФЕВРАЛЯ 177
82. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹24...25 СЕНТЯБРЯ› 177
83. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹26...28 СЕНТЯБРЯ› 181
84. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹29 СЕНТЯБРЯ...1 ОКТЯБРЯ› 182
85. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹20...28 НОЯБРЯ› 184
86. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹ДЕКАБРЬ› 185

1904

87. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹4...6 ЯНВАРЯ› 189
88. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹7 ЯНВАРЯ› 190
89. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹4 ФЕВРАЛЯ› 190
90. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹6...7 ФЕВРАЛЯ› 191

91. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹11...14 ФЕВРАЛЯ› . . . 195
92. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹12...14 ФЕВРАЛЯ› . . . 197
93. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹16 ФЕВРАЛЯ› . . . 200
94. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹4 МАРТА› . . . 201
95. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹10...12 МАРТА› . . . 204
96. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹11...14 МАРТА› . . . 204
97. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹20...21 МАРТА› . . . 205
98. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹30 МАРТА ... 4 АПРЕЛЯ› . . . 206
99. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹11 АПРЕЛЯ› . . . 208
100. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹12 АПРЕЛЯ› . . . 208
101. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹12...13 и 22 АПРЕЛЯ› . . . 208
102. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...24 АПРЕЛЯ› . . . 210
103. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹25...28 АПРЕЛЯ› . . . 211
104. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹1...10 МАЯ› . . . 212
105. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20 МАЯ› . . . 213
106. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹11...12 ИЮЛЯ› . . . 214
107. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 6 АВГУСТА . . . 218
108. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹12...15 СЕНТЯБРЯ› . . . 219
109. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹16...18 СЕНТЯБРЯ› . . . 221
110. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹16...18 СЕНТЯБРЯ› . . . 222
111. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹21...22 СЕНТЯБРЯ› . . . 223
112. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹27—28 СЕНТЯБРЯ› . . . 224
113. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹1...2 ОКТЯБРЯ› . . . 227
114. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹4 ОКТЯБРЯ› . . . 227
115. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹8...12 ОКТЯБРЯ› . . . 228
116. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹23 ОКТЯБРЯ› . . . 229
117. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹24...25 ОКТЯБРЯ› . . . 229
118. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹26...27 ОКТЯБРЯ› . . . 230
119. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹30 ОКТЯБРЯ... 2 НОЯБРЯ› . . . 232
120. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹5...6 НОЯБРЯ› . . . 233
121. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹6 НОЯБРЯ› . . . 233
122. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹12...14 НОЯБРЯ› . . . 235
123. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹13...15 НОЯБРЯ› . . . 239
124. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹14...16 НОЯБРЯ› . . . 241
125. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹14...16 НОЯБРЯ› . . . 241
126. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹16...18 НОЯБРЯ› . . . 243
127. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹17...18 НОЯБРЯ› . . . 244
128. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹28...29 НОЯБРЯ› . . . 246
129. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹4 ДЕКАБРЯ› . . . 246
130. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹5...6 ДЕКАБРЯ› . . . 247
131. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹10...14; ДЕКАБРЯ› . . . 250
132. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹14...15 ДЕКАБРЯ› . . . 253
133. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹23 ДЕКАБРЯ› . . . 253

1905

134. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹4...8 ЯНВАРЯ› . . . 255
135. АНДРЕЕВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ ‹12—13 ЯНВАРЯ› . . . 256
136. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ ‹11 МАРТА› . . . 258
137. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹КОНЕЦ ОКТЯБРЯ?› . . . 260
138. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹28 ДЕКАБРЯ 1905/10 ЯНВАРЯ 1906› . . . 262

1906

139. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹2...5/15...18 МАРТА› . . . 265
140. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹29 МАРТА/11 АПРЕЛЯ› . . . 267
141. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ ‹КОНЕЦ ИЮНЯ› . . . 269
142. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹ИЮЛЬ — АВГУСТ› . . . 271
143. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ 23 СЕНТЯБРЯ . . . 273
144. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹13...14/26...27 ОКТЯБРЯ› . . . 274
145. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹21...22, ОКТЯБРЯ/3...4 НОЯБРЯ› . . . 278
146. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹22...23 ОКТЯБРЯ/4...5 НОЯБРЯ› . . . 280
147. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — АНДРЕЕВУ ‹8/21 НОЯБРЯ› . . . 282
148. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 23 НОЯБРЯ ‹6 ДЕКАБРЯ› . . . 283

1907

149. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 22 ИЮЛЯ; ‹4 АВГУСТА› 284
150. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹26...30 ИЮЛЯ/8...12 АВГУСТА› 287
151. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 13 АВГУСТА 290
152. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...30 АВГУСТА/2...12 СЕНТЯБРЯ› 296
153. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 9 ОКТЯБРЯ 300
154. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 16 ОКТЯБРЯ 300

1908

155. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹11 ФЕВРАЛЯ› 302
156. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹17...29 ФЕВРАЛЯ/1...13 МАРТА› 305
157. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 21...23 МАРТА 307

1910

158. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹11/24 НОЯБРЯ› 312

1911

159. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹12/25 АВГУСТА› 313
160. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹16 АВГУСТА...8 ОКТЯБРЯ/29 АВГУСТА...21 ОКТЯБРЯ› 318
161. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹12/25 ОКТЯБРЯ› 322
162. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹21 ОКТЯБРЯ/3 НОЯБРЯ› 323

1912

163. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ› 324
164. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹10...16/23... 29 МАРТА› 327
165. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 28 МАРТА ‹10 АПРЕЛЯ› 329
166. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹11/24 АПРЕЛЯ› 338
167. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 18 АПРЕЛЯ ‹1 МАЯ› 339
168. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹3...4/16...17 МАЯ› 342
169. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹15/28 МАЯ› 343
170. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...23 МАЯ/2...5 ИЮНЯ› 344
171. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 15 НОЯБРЯ 347
172. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹20...23 НОЯБРЯ/3...6 ДЕКАБРЯ› 348
173. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹23...26 ДЕКАБРЯ› 350

1914

174. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹1...10 ЯНВАРЯ› 352
175. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ 13 ДЕКАБРЯ 352
176. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹ОКОЛО 15 ДЕКАБРЯ› 353
177. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹15 ДЕКАБРЯ› 354
178. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹27 ДЕКАБРЯ› 354

1915

179. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹КОНЕЦ ЯНВАРЯ› 356
180. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ ‹НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ› 357

1916

181. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ ‹ОКОЛО 10 МАРТА› 360

ГОРЬКИЙ ОБ АНДРЕЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ГОРЬКОГО ОБ АНДРЕЕВЕ
Предисловие и примечания А. И. Наумовой 363

‹О ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА. «САШКА ЖЕГУЛЕВ»›. ПРЕДИСЛОВИЕ ГОРЬКОГО К РОМАНУ
Публикация А. И. Наумовой 400

ИЗ ПИСЕМ И СТАТЕЙ ГОРЬКОГО
Публикация А. И. Наумовой 407

АНДРЕЕВ О ГОРЬКОМ

ИЗ СТАТЕЙ АНДРЕЕВА
Публикация В. Н. Чувакова 471

1. ВПЕЧАТЛЕНИЯ 472
2. МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ 474
3. МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ ‹О ПОСТАНОВКЕ «МЕЩАН»› 475
4. МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ 480
5. МОСКВА. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ 482
6. «ЛЕТОПИСЬ» И МЕМУАРЫ ШАЛЯПИНА 483

ИЗ ПИСЕМ, АВТОБИОГРАФИЙ И ИНТЕРВЬЮ АНДРЕЕВА
Публикация А. И. Наумовой 486

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОРЬКОМ И АНДРЕЕВЕ

1. А. П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ
Публикация и комментарии Л. Н. Афонина 559
2. Е. П. ПЕШКОВА 565
3. И. А. БЕЛОУСОВ 572
4. А. С. СЕРАФИМОВИЧ 575
5. В. Н. КОЛЬБЕРГ 576
6. З. В. ВАСИЛЬЕВА 578
7. А. А. КИПЕН 578
8. С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ 579
9. М. К. ИОРДАНСКАЯ 579
10. В. П. ТРОЙНОВ 580
11. А. К. ШОЛЬЦ 583
12. К. П. ЗЛИНЧЕНКО 586
13. Н. А. ПУШЕШНИКОВ 591
14. В. Е. БЕКЛЕМИШЕВА 592
15. В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ 593
16. Ф. Н. ФАЛЬКОВСКИЙ 593
Публикация (№ 3—12, 14—16) А. И. Наумовой

Список условных сокращений 598

Указатель иллюстраций
Составила Н. Д. Эфрос 599

Именной указатель
Составила Е. М. Львова 605

Указатель упоминаемых произведений М. Горького
Составила Е. М. Львова 621

Указатель упоминаемых произведений Л. Андреева
Составила Е. М. Львова 623

В книге 150 иллюстраций и одна вклейка

«Литературное наследство»
том 72

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технические редакторы *Т. В. Полякова и Г. А. Астафьева*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 11/V 1964 г. Подписано к печати 20/IV 1965 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 39,5=54,11 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 56,6(56,5+0,1 вкл.) Тираж 10 000 экз. А—03833.
Изд. № 4805/64. Тип. зак. № 706

Цена 3 р.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

«ИЗ ПАРИЖСКОГО АРХИВА И. С. ТУРГЕНЕВА» —

так называется вышедший в свет 73-й том «Литературного наследства».

Основное содержание тома (в двух книгах) составляют неизданные произведения Тургенева и материалы его переписки, сохранившиеся в разных частях некогда единого парижского архива писателя (некоторые из публикуемых материалов ныне являются собственностью потомков Полины Виардо и также хранятся во Франции). В том включены и неизвестные до сих пор рукописи Тургенева, отысканные в различных архивах Москвы и Ленинграда, Лондона, Веймара, Баден-Бадена и др.

Этот первый за все время существования «Литературного наследства» тургеневский том создавался при участии не только советских ученых, изучающих жизнь и творческое наследие великого русского писателя, но и ряда зарубежных исследователей — французских, немецких, английских.

«Литературное наследство» предлагает вниманию читателей и специалистов неизвестные произведения Тургенева, рукописи которых сохранились в его архиве. Среди впервые публикуемых художественных произведений:

рассказ «Русский немец и реформатор», предназначавшийся автором для «Записок охотника», но не завершенный им по цензурным причинам;

начало рассказа «Степан Семенович Дубков и мои с ним разговоры», над которым писатель работал в молодые годы;

материалы к повести «Наталья Карповна» — последний творческий замысел Тургенева, записанный под его диктовку Полиной Виардо во время предсмертной болезни писателя.

Большое место в томе занимают драматические произведения Тургенева, созданные им в 1860-х годах и до сих пор известные только по кратким упоминаниям в переписке писателя и в воспоминаниях о нем. «Литературное наследство» публикует сохранившиеся в законченном виде либретто трех комических оперетт — «Слишком много жен», «Последний колдун» и «Зеркало». В сопровождающих публикацию статьях дана сводка материалов о постановках оперетт Тургенева — Виардо (ею написана музыка ко всем названным операттам).

Драматургия Тургенева этого времени представлена в томе еще одним новонайденным произведением — комедией-фарсом «Ночь в гостинице Большого Кабана».

Кроме художественных произведений, в томе печатаются:

Неизвестные статьи Тургенева — о Пушкине, Лермонтове и Гоголе, о художнике Верещагине, а также считавшееся утраченным авторское предисловие к роману «Отцы и дети»;

Последний дневник Тургенева (конец 1882— начало 1883 г.). Этот дневник является единственным, что уцелело от тургеневских дневников, которые он вел на протяжении последних трех десятилетий жизни;

Письма Тургенева — в том числе 79 писем к виднейшему деятелю народничества П. Л. Лаврову и переписка с крупным государственным деятелем А. В. Головниным. В круг корреспондентов Тургенева впервые вводятся Н. В. Чайковский (участник народнического движения 1870—1880-х годов) и Чарлз Дилк (прогрессивный английский публицист и общественный деятель);

Письма к Тургеневу И. И. Панаева, А. Ф. Писемского, М. А. Маркович (Марка Вовчка), Я. П. Полонского — всего 130 писем, представляющих большой историко-литературный интерес.

Особый раздел тома отведен материалам «Игры в портреты», которая занимала Тургенева и его друзей в течение более двадцати лет (1856—1877). Это творческая игра, изобретенная Тургеневым, представлена в публикации «Литературного наследства» двумя сотнями его рисунков и сопровождающими их словесными очерками-характеристиками, принадлежащими перу Тургенева и Полины Виардо. Двести тургеневских записей к «Игре в портреты» — это по существу двести впервые публикуемых небольших новелл, замечательных по остроумию и изяществу стиля,— они обогащают наше представление о великолепном мастерстве писателя.

Том богато иллюстрирован — в нем свыше 400 иллюстраций, в большинстве своем редких или совершенно неизвестных.

Обе книги 73-го тома «Литературного наследства» являются ценным дополнением к выпускаемому академическому собранию сочинений Тургенева.

Цена 73-го тома «Литературного наследства» (в двух книгах) 5 руб. 50 коп.

Книгу можно приобрести в магазинах «Академкнига»:
Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5.
Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

«ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ. НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА» — так называется том «Литературного наследства», недавно вышедший в издательстве «Наука».

В томе впервые напечатано более 260 писем Горького: Афиногенову, Бабелю, Вишневскому, Григорьеву, Зощенко, Каверину, Леонову, Пастернаку, Пришвину, Алексею Толстому, Треневу, Тынянову, Федину, Форш и другим.

Особенно важно, что, в отличие от большинства предшествующих публикаций, в издание «Литературного наследства» включено *около* 300 писем шестидесяти трех корреспондентов Горького. До сих пор письма советских писателей к Горькому очень редко появлялись в печати. В новой книге помещена обширная *двусторонняя* переписка, которая в высокой степени обогащает представление о Горьком как о непосредственном участнике и руководителе советского литературного движения, как о друге, воспитателе, а подчас и суровом критике писателей разных направлений. Очень интересна эта замечательная переписка для изучения творчества многих известных советских писателей: она раскрывает их литературные замыслы, идейные поиски, своеобразие их художественных позиций. В целом переписка дает необычайно живую и многостороннюю картину литературной жизни 20-х и 30-х годов.

Новый том «Литературного наследства» уже получил единодушную высокую оценку нашей печати.

«Перед нами одна из самых замечательных книг эпистолярного жанра двадцатого столетия, дающая так много для познания нашей литературы и эпохи,— пишет рецензент «Литературной газеты».— Необходимо отметить, что письма не только любовно подобраны, но и отлично прокомментированы... Горячо советую тем, кто еще не познакомился с книгой „Горький и советские писатели", прочесть ее».

В новом томе «Литературного наследства» 736 страниц, более 170 иллюстраций; большая часть из них публикуется впервые.

Книгу можно приобрести в магазинах:

Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5.

Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Цена книги 1 руб. 50 коп.